

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

DMITRY POZHARSKY UNIVERSITY

THE EARLIEST STATES OF EASTERN EUROPE

2013

The Beginnings of Historical Writing
in Ancient and Medieval Societies

The volume edited by
DMITRI D. BELIAEV and TIMOFEY V. GUIMON

Dmitry Pozharsky University
Moscow
2016

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

2013 год

Зарождение историописания
в обществах Древности и Средневековья

Ответственные редакторы тома
Д.Д. БЕЛЯЕВ и Т.В. ГИМОН

Университет Дмитрия Пожарского
Москва
2016

УДК 94(4) “04/14”
ББК 63.3(5)
Д73

*Печатается по решению Ученого совета ИВИ РАН,
Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского*

Рецензенты:

Доктор исторических наук *М.С. Бобкова*
Доктор исторических наук *В.Я. Петрухин*

Редакционная коллегия:

Доктор исторических наук *Е.А. Мельникова* (ответственный редактор)
Доктор исторических наук *Т.В. Гимон*
Кандидат исторических наук *Г.В. Глазырина*
Доктор исторических наук *Т.Н. Джаксон*
Доктор исторических наук *И.Г. Коновалова*
Кандидат филологических наук *В.И. Матузова*
Доктор исторических наук *А.В. Назаренко*
Доктор исторических наук *А.В. Подосинов*
Доктор исторических наук *Л.В. Столярова*
Кандидат исторических наук *А.С. Щавелев*

Д73 Древнейшие государства Восточной Европы. 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья / Отв. ред. тома Д.Д. Беляев и Т.В. Гимон. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — 864 с.

ISBN 978-5-91244-146-2
ISSN 1560-1382

Очередной том ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы» посвящен проблеме того, как, когда и в каких формах в обществах Древности и Средневековья возникает историописание. Собранные в томе статьи раскрывают эту проблематику на материале древней и средневековой Евразии, а также доколониальной Африки и доколумбовой Америки. Рассматривается состав древнейших форм историописания (царские надписи, погодные летописи, списки правителей, пространные нарративы и др.), последовательность их возникновения, исторический и культурный контекст и другие вопросы. Особое внимание уделено обществам раннесредневековой Северной и Восточной Европы, включая Древнюю Русь. Дискуссионным проблемам начала древнерусского историописания посвящено сразу несколько статей тома.

Книга будет интересна историкам и филологам, специалистам по Древности и Средневековью, а также источниковедению и историографии, а кроме того — надемся — более широкому кругу читателей.

**УДК 94(4) “04/14”
ББК 63.3(5)**

ISBN 978-5-91244-146-2
ISSN 1560-1382

© Коллектив авторов, текст, 2016
© Институт всеобщей истории РАН, 2016
© Русский фонд содействия образованию и науке, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историописание — письменная фиксация исторических событий в виде кратких известий или перечней, или же развернутых нарративов — во многих культурах оказывается одним из наиболее ранних видов письменных текстов (хотя, зачастую, не самым ранним). Историописание очень многообразно. В разных странах древнейшими его формами могут оказаться и надписи об отдельных событиях, и разного рода перечни или анналы, и развернутые повествования. В дальнейшем, как правило, в одной стране сосуществуют различные жанры и формы историописания. В одних обществах историописание, едва возникнув, достигает замечательных литературных высот (так было, например, в Древней Греции и многих странах христианской Европы), в других — на протяжении столетий и даже тысячелетий сохраняется в весьма лапидарных формах (например, в Древнем Египте).

Предлагаемый том задуман как материалы к сравнительному исследованию ранних форм историописания в древних и средневековых обществах Европы, Азии, Африки и Америки. Нас интересуют, в основном, наиболее ранние этапы историописания. Вот те вопросы, которые были разосланы авторам и на которые в той или иной степени даются ответы в статьях настоящего тома:

1. Когда, на каком этапе развития институтов власти и управления возникает историописание?

2. Как выглядят его наиболее ранние формы? Какие тексты возникают раньше других: краткие перечни и суммы, развернутые нарративы, что-то еще? Как формируется многообразие жанров историописания?

3. Кто выступает инициатором составления первых такого рода текстов? Какова роль верховной власти (государства, знати, церкви и т.д.) в этом процессе?

4. Как соотносятся при этом внутренние потребности и внешние влияния? В какой мере создатели первых памятников историописания действуют «по образцам»? Насколько такие образцы необходимы для возникновения историописания?

5. Как соотносятся на начальных этапах становления историописания письменное и устное?

6. Как соотносится возникновение историописания и появление других видов текстов (для христианских стран, например, агиографии)?

7. Может ли появление такого феномена, как историописание, рассматриваться как знак определенного уровня развития политического образования? Насколько обязательно возникновение историописания в обществе определенного уровня сложности?

Далеко не на каждый из этих вопросов можно ответить на материале любой страны, это лишь некий ориентир, обозначающий общую проблематику тома. Каждый автор по-своему строил свою статью. Некоторые старались, насколько возможно, придерживаться нашего вопроса; другие сосредоточились на какой-то одной проблеме или даже на каком-то одном тексте (или жанре), проецируя на них общие вопросы изучения раннего историописания. Так, в двух статьях настоящего тома (Н.Ю. Живловой об Ирландии и Е.А. Мельниковой о Скандинавии) в фокусе внимания оказалась генеалогия — центральный сюжет и основа многих ранних памятников историописания.

Как и у любого сравнительно-исторического исследования, цель нашего тома двоякая. С одной стороны, мы хотели бы увидеть общие тенденции (или, наоборот, отсутствие таковых) в том, как, при каких обстоятельствах и в каких формах возникает историописание в разных культурах — на Древнем Востоке, в античной Греции, в раннесредневековой христианской Европе или в доколумбовой Америке.

С другой стороны, компаративистика всегда отвечает на вопрос: «Как бывает?». И ответ на этот вопрос помогает исследовать такие случаи, для которых в нашем распоряжении имеется недостаточно источников. Не в последнюю очередь мы имеем в виду Древнюю Русь. Ранние формы древнерусского историописания известны: это летописи (включая «Повесть временных лет»), хронографы, исторические записи на стенах соборов и др. Однако вопрос о том, как конкретно эти тексты зародились, как выглядел и когда был создан древнейший из них, остаются дискуссионными. На наш взгляд, сравнительно-исторический взгляд, хотя и не способен твердо разрешить эти проблемы, может существенно помочь в их разрешении. В наш том включено пять статей о древнерусском историописании (не считая статьи А.С. Щавелева, где также высказывается

ряд сравнительно-исторических соображений о раннем русском историописании). А.В. Назаренко анализирует древнейшие из дат «Повести временных лет», которые выдерживают проверку независимыми источниками и, следовательно, позволяют поставить вопрос о ведении летописных записей в первой половине XI в. Т.Л. Вилкул обращается к проблеме датировки древнейших хронографов — компиляций по всемирной истории — и их соотношения с летописанием; исследовательница настаивает на том, что в XI–XII вв. хронографы еще не составлялись, а летописцы пользовались полными переводами греческих хроник, что имеет важные приложения для ранней истории летописания. М.М. Дробышева характеризует такую специфическую форму исторических записей, как «летописные» граффити киевского Софийского собора, а Л.В. Столярова — «исторические» записи в древнерусских книгах. Наконец, Т.В. Гимон дает обзор гипотез о наиболее ранних формах историописания на Руси и пытается взглянуть на эту проблему сквозь призму представленных в настоящем томе сравнительно-исторических данных.

Здесь, поэтому, вернемся к первой из двух названных целей — выявлению общего и особенного в раннем развитии историописания у разных народов. Предлагаемые статьи дают довольно широкий материал для подобных размышлений.

* * *

С типологической точки зрения наиболее ранняя форма историописания, обозначаемая авторами как «историописание без письменности», отмечена в доколониальном Бенине (статья Д.М. Бондаренко и П. Рёзе). Многие предметы, связанные с культом правителя (резные слоновые бивни с изображением исторических сцен, ритуальные предметы на алтарях правителей, рельефы из дворца и др.) были нацелены на фиксацию деяний правителя и использовались придворными историками для припоминания событий прошлого. История в сознании бини была связана прежде всего с правящей династией.

В нашем томе нет специальной статьи, посвященной Шумеру — наиболее изученной из древнейших письменных культур мира (хотя краткая характеристика шумерского историописания дана в статье А.А. Красовой). Позволим себе, поэтому, сослаться на обзорную работу П. Михаловски о шумерском и старовавилонском историописании, включенную в качестве первой главы

в «Оксфордскую историю историописания» (2011)¹. Развитых исторических нарративов в Шумере не обнаруживается, однако можно проследить историю ряда «малых форм» историописания.

Тексты, которые хоть как-то можно было бы отнести к историописанию, впервые обнаруживаются в Шумере в раннединастический период (между примерно 2700 и 2350 гг. до н.э.), т.е. на несколько сот лет позже зарождения письма (ок. 3200 г. до н.э.). Однако (прото)шумерское письмо более раннего времени еще не передавало грамматических аффиксов, а значит не было пригодно для записи текстов, отличных от административных и хозяйственных документов, а также лексических списков².

В раннединастический период появляются царские надписи, как правило, фиксирующие факт строительства храма или посвящения тому или иному божеству какого-либо предмета (сосуда, статуи и т.п.). С середины III тыс. до н.э. в надписях правителей I династии Лагаша их достижения (строительство храмов, рытье каналов, военные победы и др.) начинают перечисляться, а иногда излагаться подробно. Появляются развернутые рассказы о конфликтах с соседними правителями, а также отсылки с событиями предшествующих царствований. Аналогичные тексты, хотя и с некоторыми новациями, помещались на стелах и статуях царей Аккадской династии и III династии Ура (XXIV–XXI вв. до н.э.), при которых в Двуречье был достигнут принципиально новый уровень политической централизации³.

Другой формой историописания стал Шумерский царский список, сохранившийся в целом ряде редакций и впервые созданный, вероятно, в эпоху III династии Ура. Он представляет собой перечень мифических и реальных династий (названных по городам), якобы последовательно, одна за другой правивших в Месопотамии, с указанием имен всех царей и числа лет правления каждого. Это первый шумерский текст, дававший цельное видение истории «от начала» и помещавший настоящее в исторический контекст⁴.

¹ *Michalowski P.* Early Mesopotamia // *The Oxford History of Historical Writing*. Oxford, 2011. Vol. 1. P. 5–28.

² *Cooper J.S.* Babylonian beginnings: the origin of the cuneiform writing system in comparative perspective // *The First Writing: Script Invention as History and Process*. Cambridge, 2004. P. 80–83.

³ *Michalowski P.* Early Mesopotamia. P. 6–14; *Cooper J.S.* Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions. New Haven (Co.), 1986. Vol. 1: Presargonic inscriptions.

⁴ *Michalowski P.* Early Mesopotamia. P. 15–16. Издания и английские переводы см.: *Glassner J.-J.* Mesopotamian Chronicles. Leiden; Boston, 2005. P. 117–127; *The Sumerian king list* // <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.2.1*#>.

Кроме того, со времен Аккадской династии возникла практика называть годы по важным событиям (военным достижениям царя, строительным предприятиям и пр.), которая отразилась в административных документах. Позднее стали составляться перечни годов/событий, которые можно рассматривать как род летописи. Дошедшие до нас примеры таких перечней относятся уже ко II тыс. до н.э., однако охватывают годы III тыс. и, возможно, опирались на более ранние протографы⁵.

Наконец, П. Михаловски указывает на целый ряд памятников месопотамской поэзии (конца III тыс. до н.э. и более позднего времени), в которых в той или иной степени отразилась память об исторических событиях и/или общее видение истории (рассказывающих о падении Аккадской династии, о смерти Ур-Намму — основателя III династии Ура, о конце этой династии, и др.)⁶. Историческая память, по Михаловски, отразилась также в коллекциях писем правителей III династии Ура (вероятно, отредактированных, если вообще подлинных), дошедших в рукописях времен Старовавилонской династии (XXI–XVI вв. до н.э.)⁷. Для этого периода, вообще, характерен уже ученый, «антикварный» интерес к шумерскому прошлому, выразившийся, например, в копировании древних надписей и уже не связанный непосредственно с интересами правителей⁸.

Итак, в Шумере первоначально историописание представлено лишь надписями о достижениях правителей, иногда перерастающими в пространные обзоры царских деяний. Впоследствии, скорее всего в сверхцентрализованной империи III династии Ура, появляется Шумерский царский список, а также перечни годов (?) и поэтические сочинения, посвященные отдельным историческим событиям. В следующую, Старовавилонскую эпоху прошлое уже начинает становиться предметом ученого интереса и частных штудий образованных людей. Насколько такая картина универсальна, находит ли она себе параллель в других ранних письменных культурах?

Так же как в Шумере, краткие формы фиксации событий стоят у истоков историописания в Древнем Египте. Как показано в ста-

⁵ *Michalowski P. Early Mesopotamia. P. 11–12, 21–22.*

⁶ *Ibid. P. 14–26.*

⁷ *Ibid. P. 18–20.*

⁸ *Ibid. P. 22, 25 et al.*

тье А.А. Банщиковой, кроме довольно рано появившихся царских списков, египетское историописание на протяжении двух с половиной тысячелетий было представлено исключительно надписями и литературными композициями об отдельных исторических событиях. Так называемые «анналы» эпохи Древнего царства (Палермский камень), которые часто считаются примером развития жанра погодного изложения, в действительности представляли собой обширную царскую надпись (вероятно, ее вводная часть была утеряна)⁹. При этом, если в Месопотамии в более позднее время возникли более развитые формы историописания — царские анналы, хроники и др. (см. в статье А.А. Красовой об историописании Ассирии), то Египет — вплоть до эллинистического времени — ничего подобного не знал.

Подобно Шумеру и Египту, у истоков историописания в Китае стояли краткие тексты (списки правителей, записи или перечисление деяний правителя или подданных, характеристики сразу нескольких правителей и др.). В последующий период, как показывает в своей статье М.Ю. Ульянов, можно проследить эволюцию от «анналов» на отдельных планках — текущей записи событий, делавшейся в ритуальных целях, через «хроники» — составлявшиеся на основе «анналов» ретроспективные обзоры событий, к более связным «историям», создававшимся уже в условиях централизованной империи. Благодаря специфике китайских источников ученые имеют уникальную возможность судить о функциях исторических записей, процедуре их составления, статусе лиц, в обязанность которых вменялось ведение таких записей, и т.п. — всё это показано в статье М.Ю. Ульянова в настоящем томе.

Аналогично Древнему Востоку формировалась традиция историописания в доколумбовой Мезоамерике (см. статью Д.Д. Беляева) во второй половине I тыс. до н.э. — начале н.э. Самой ранней формой историописания являются монументальные памятники, сочетающие изображение и краткие надписи (даты или подписи к участникам, описание событий). Записываемые даты имеют циклический характер, что, по мнению автора, связано с общемезоамериканскими представлениями о времени, в соответствии с которыми повторение дат вызывает повторение событий. В этом контексте запись исторических событий является гарантией будущего.

⁹ См. также: *Wilkinson T.A.H. Royal Annals of Ancient Egypt: The Palermo Stone and its associated fragments. L.; N.Y., 2000.*

И хотя текст довольно быстро отрывается от изображения, формат надписи продолжает оставаться основным способом фиксации исторических событий. Более пространные нарративы создаются изначально как серии отдельных монументов, объединенных в «иконографические программы». Развитие кратких надписей в пространственные исторические тексты отмечается лишь в Юго-Восточной Мезоамерике, где появляются сложные хронологические системы («долгий счет» и «интервальные числа»). Такие надписи представляли собой не просто последовательность датированных записей, а связные тексты исторического содержания, в которых хронологическое разворачивание повествования представляло собой важнейший элемент структуры.

В то же время в раннем мезоамериканском историописании нет свидетельств развития таких форм, как царские списки или погодные записи/летописи. Элементы царских списков в виде перечней имен правителей первоначально встречаются также в составе царских надписей. Свидетельства выделения царских списков в отдельный жанр относятся уже к классическому периоду (I тыс. н.э.).

Так возникло и эволюционировало историописание в тех обществах Древности, где письменность и письменная культура развивались спонтанно, а не были заимствованы извне. Иную картину дает рассмотрение европейских обществ — Древней Греции (статья И.Е. Сурикова) и христианского Средневековья. Для них более характерно сосуществование уже на самых ранних этапах «малых форм историописания» (кратких анналов, перечней и пр.) и развернутых нарративов, излагающих и осмысляющих историю страны/династии/церкви. При этом уже в начальный период развития историописания (Греция VI–V вв. до н.э., Армения V в. н.э., Англия начала VIII в., Русь XI – начала XII в., Скандинавия XII–XIII вв. и т.д.) появляются наиболее яркие памятники и закладывается многообразие жанров.

Чтобы немного упорядочить многообразие освещенного в статьях настоящего тома материала, попробуем классифицировать сами тексты, представлявшие собой ранние опыты историописания

* * *

В целом, в представленных материалах можно выделить очень широкое разнообразие ранних форм историописания. Следует подчеркнуть, что во многих случаях они не исключают друг друга, а развиваются параллельно.

1. Фиксация деяний правителя — от надписей об отдельных достижениях к развернутым текстам. Как уже указывалось выше, первыми текстами исторического содержания в Шумере были краткие надписи раннединастической эпохи. Позднейшие ассирийские «царские надписи» и «анналы», «составленные от имени царя в форме отчета небесным покровителям и содержащие рассказы исключительно о его свершениях (главным образом об успешных военных кампаниях, а кроме того — о невероятных подвигах на охоте), оканчивающиеся описанием строительства и поновления дворцовых ансамблей и храмов» (определение из статьи А.А. Красовой), не восходят к ним непосредственно, а развились под влиянием хеттской традиции.

Показательно, что, по мнению А.А. Банщиковой, в Древнем Египте царские надписи, несмотря на всю их важность, являлись вторичными по отношению к царским спискам.

В древней Мезоамерике царские надписи, возникшие в I тыс. до н.э., продолжают существовать практически до испанского завоевания (последние астецкие монументальные памятники, такие как «Камень Тисока» или «Панель Главного Храма», датируются концом XV в.).

Первые памятники древнетюркского историописания (см. статью С.Г. Кляшторного), датирующиеся концом VI в., представляли собой стелы, установленные в погребальных комплексах тюркских правителей и носившие эпитафийный характер. Традиция воздвижения стел с руническими надписями достигла своего расцвета в первой трети — середине VIII в., в эпоху существования Второго Тюркского каганата (689–744). Их основное содержание — описание военных деяний (сражений, восстаний, походов), смен правителей, которые точно датированы по годам и месяцам жизни их героев или, иногда, по годам 12-летнего «животного цикла». Помимо надписей, посвященных правителям, появляются надписи других представителей элиты, прежде всего выдающихся военачальников. Впоследствии эта традиция продолжалась в Уйгурском (745–840) и Кыргызском каганатах (840–918).

Схожие надписи о деяниях правителей и других лиц можно обнаружить в Китае (см. в статье М.Ю. Ульянова), Скандинавии (некоторые из рунических надписей дохристианского времени¹⁰) и у

¹⁰ См.: Мельникова Е.А. Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // Историческая память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 182–208.

многих других народов. Родственным явлением здесь, как кажется, могут быть и два древнерусских текста — перечень событий времен Владимира Святого в «Памяти и похвале» Иакова Мниха и «автобиография» Владимира Мономаха (см. в статье Т.В. Гимона).

2. Перечни правителей можно рассматривать в качестве начальной формы фиксации истории в Древнем Египте. Как указывает А.А. Банщикова, составление царских списков восходило к чрезвычайно важному для древнеегипетского общества культу мертвых и культу предков. В то же время следует отметить, что не всегда наличие культа предков приводит к преобладанию перечней правителей. В доколумбовой Мезоамерике и в доколониальном Бенине культ предков являлся одной из основ картины мира, а культ предков правителя фактически выполнял роль государственной идеологии, однако историческое прошлое в этих культурах представлялось скорее в виде деяний отдельных владык.

В Месопотамии царские списки появляются позже царских надписей, но приобретают особое значение с развитием больших централизованных государств. Они связывают мифические времена с позднейшими эпохами и охватывают очень большие промежутки времени.

В англо-саксонской Англии (статья Т.В. Гимона) очень ранний перечень королей Нортумбрии известен по упоминаниям у Беда Достопочтенного, причем Беда описывает процедуру *исключения* плохих королей из этого списка, тем самым как будто указывая на его официальное значение. Не исключено, что такие перечни были древнейшей формой англо-саксонского историописания.

В древнерусских источниках, связанных с новгородским летописанием, содержатся перечни князей, церковных иерархов, а также должностных лиц (посадников, тысяцких), которые были созданы в XV в. Однако, по мнению Т.В. Гимона, некоторые из таких перечней восходят к концу XI в. и могли быть одной из ранних форм новгородского историописания.

Перечни правителей существовали также в Китае, Древней Греции (перечень афинских архонтов), ряде стран средневековой Европы и др.

3. Генеалогии правителей являлись одним из древнейших пластов в ирландском историописании (статья Н.Ю. Живловой). Они были записаны в начале VII в., но вероятно, восходили к концу V в. Ирландские генеалогии являются неотъемлемой частью общей традиции внимания к генеалогиям в кельтских культурах,

сохранявшей свое значение вплоть до начала Нового времени. Эту важность отмечали еще античные авторы, а после включения кельтских обществ в античную цивилизацию генеалогическая традиция была переработана с целью включения кельтов в культурную модель античного мира (цикл о Геракле, троянский цикл и т.д.). Исторических нарративов, посвященных истории страны после христианизации, в Ирландии не существовало вплоть до XI–XII вв. Генеалогии постоянно изменяли и переделывали, приспособлявая к менявшимся реалиям, что создавало противоречия между различными изводами. Были известны также «жанровые» генеалогии, составленные по гендерному (генеалогии по женской линии) или профессиональному (клирики, ученые) принципу.

Скандинавские генеалогии (см. статью Е.А. Мельниковой) также были одной из ранних форм историописания, а также во многом структурировали исторические представления скандинавов и задавали структуру многих пространных памятников историописания. Другим германским народом, у которого известны ранние записи генеалогий, были англо-саксы: известны как коллекции королевских родословий (в рукописях с начала IX в.), так и генеалогические экскурсы в более пространных сочинениях.

В Китае (статья М.Ю. Ульянова) генеалогии в виде списков предков являются одной из гипотетических форм историописания, которая реконструируется для эпохи 1600–1250 гг. до н.э., хотя реальные памятники такого рода не сохранились. Для 1250–1150 гг. до н.э. предполагается переход от генеалогических списков к записи деяний правителей в рамках гадательной практики. Генеалогии аристократов нецарского происхождения распространяются в эпоху Чуньцю. А «Генеалогии» Гекатея были в числе наиболее ранних памятников греческого историописания.

В других рассматриваемых обществах генеалогии не стали значимой формой раннего историописания, хотя, как показывают примеры из истории Мезоамерики, в более поздний период в условиях социальных и политических трансформаций они могли выйти на первый план и превратиться практически в единственную форму историописания, как это произошло у сапотеков и миштеков в Оахаке¹¹ (ср. ситуацию в Древней Руси: здесь генеалогии как отдельные тексты не известны до XV в., но в период Московского

¹¹ См.: *Беляев Д.Д.* Царские генеалогии в древней Мезоамерике // ДГ, 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 38–51.

царства, наоборот, они чрезвычайно распространены и даже задают структуру одного из наиболее важных памятников историописания XVI в. — Степенной книги).

4. Погодные летописи или анналы являются одной их наиболее распространенных форм раннего историописания. Они доминируют по всей средневековой Европе (Англия, Ирландия, Польша, Русь и др.), а также представляли собой одну из самых ранних форм исторических произведений в Древнем Китае (см. статью М.Ю. Ульянова) и, видимо, в Древнем Риме.

Первой формой официального китайского историописания были краткие годовые записи всех происходивших сакрально значимых деяний правителей и событий («анналы»), которые существовали с начала эпохи Западное Чжоу (1027–770 гг. до н.э.). Записи велись в соответствии со строгими нормам в храме предков правителей. Они наносились на планки, которые прикреплялись одна к другой по мере их заполнения. На основе «анналов» с конца периода Западное Чжоу складываются тексты, которые М.Ю. Ульянов называет «хрониками»; записи в них также были краткими, но тематический охват был шире, а написание в меньшей степени было обусловлено ритуальными нормами. В более позднюю эпоху, начиная с VIII в. до н.э., различаются записи, ведшиеся при царствовании одного правителя («анналы») и исторические произведения, которые возникали при последующих правлениях на основе «анналов» в результате сокращений и добавлений сведений из других источников («хроники»). Римские понтификальные анналы (хотя о них известно существенно меньше), как кажется, представляли собой схожее явление¹².

Анналистика была одной из самых ранних и важных форм историописания в средневековой Европе. Так, появление анналистических записей в Ирландии можно отнести ко второй половине VI в. Им свойственна крайняя сжатость, отсутствие побочной информации (мотиваций персонажей, обстоятельств действий), отсутствие ретроспективности.

В Англии о появлении кратких анналов предположительно можно говорить применительно к концу VII в., уверенно — к началу VIII в. (древнейший сохранившийся памятник — анналистический перечень событий, приложенный Бедой Достопочтенным к его «Церковной истории» и получавший продолжения в разных рукописях).

¹² См. анализ данных о них: *Сидорович О.В.* Анналисты и антиквары: Римская историография конца III — I в. до н.э. М., 2005. С. 23–76.

Появление развернутых анналов связано с расцветом Уэссекса и началом складывания единого английского королевства при Альфреде Великом (871–899): тогда были составлены Начальные анналы, ставшие основой разветвленной летописной традиции — Англо-Саксонской хроники (см. статью Т.В. Гимона).

Анналистика (как краткая, так и «большая») характерна и для европейского Континента (см. статью А.И. Сидорова), а также для западославянских земель — Польши и Чехии (см. в статьях А.С. Щавелева и А.В. Назаренко). Древнерусское летописание, возникшее в XI в., отличается от западославянской анналистики большей пространностью, наличием, наряду с краткими известиями, развернутых и литературных повествований (в этом смысле оно ближе к Англо-Саксонской хронике или «большим» франкским анналам). Однако у истоков русского летописания, скорее всего, стояли (наряду с пространным Древнейшим сказанием) краткие анналы — наподобие тех, что известны в Польше и Чехии (см. в статье А.В. Назаренко, а также Т.В. Гимона).

5. Перечни лет и случившихся в эти годы событий также распространены в раннем историописании Европы. Отличие этого жанра от собственно анналов/летописей заключается в том, что в перечнях лет первичной является последовательность годов (впрочем, для некоторых пространных летописных традиций — например, англо-саксонской и древнерусской — характерны так называемые «пустые годы», т.е. перечисление всех годов вне зависимости от того, рассказывается ли *под* ними о каких-либо событиях или нет). Однако в чистом виде в христианской Европе такой формой историописания были анналы на пасхалиях (таблицах и росписях, подсказывавших даты Пасхи и других церковных праздников в каждом году). Пасхалия изначально задавала последовательность годов, рядом с которыми можно было делать краткие записи о памятных событиях (на полях, реже непосредственно в клетках таблицы). Ранние анналы на пасхалиях известны в Англии, Ирландии, континентальной Европе. Для XIV–XV вв. подобные памятники известны и на Руси. Довольно распространена теория, согласно которой в Европе анналы на пасхалиях были древнейшей формой анналистики, однако, строго говоря, эта теория не имеет прямых подтверждений (см. в статьях Т.В. Гимона и А.И. Сидорова). Не исключено, что на пасхалиях могли делаться наиболее древние, не дошедшие до нас анналистические записи в Англии (VII в.) и на Руси (первая половина XI в.) — впрочем, уверенности здесь быть

не может: записи могли вестись и, например, на свободных листах какой-либо богослужебной книги (см. в статьях А.В. Назаренко и Т.В. Гимона).

Схожие формы исторических записей можно найти и за пределами Европы. Ассирийские списки эпонимов (*лимму*), возникшие как перечисление должностных лиц, позднее были расширены. Они состояли из имени эпонима, вслед за которым указывалась его должность, а затем кратко упоминалось о главных событиях года (вступление царя на престол, военные походы, восстания, строительство храмов и их освящение, природные знамения — см. в статье А.А. Красовой). Основной канон эпонимных списков охватывает 911–648 гг. до н.э. В чем-то родственное явление составляли пиктографические летописи степных индейцев Северной Америки, представлявшие собой серии пиктограмм, отмечавших каждый год каким-то одним–двумя наиболее значимыми событиями¹³.

6. В отличие от предыдущих форм, **развернутые исторические нарративы**, излагающие возникновение и становление данной общности, на начальном этапе свойственны прежде всего европейским обществам. В первую очередь это Древняя Греция (см. статью И.Е. Сурикова), которая считается родиной исторического нарратива как такового. Однако Суриков обращает внимание на парадоксальность ситуации — греки были народом с «аисторическим сознанием», без обостренного чувства времени, но именно они сделали историю предметом сознательной рефлексии.

Уже в первое столетие после изобретения армянской письменности (и во второе — после христианизации) в Армении возникает целый ряд пространственных исторических нарративов, вобравших в себя местную устную традицию (статья В.А. Арутюновой-Фиданян).

Как указывает Т.В. Гимон, центральный памятник раннего англосаксонского историописания — «Церковная история народа англов» Беда Достопочтенного — представляет собой пример истории англо-саксов как единой общности. Хотя главной темой этого труда было распространение и утверждение в Англии христианской религии, а также становление англо-саксонской церкви, он содержит общий взгляд на историю страны, народа и королевств. Аналогами «Церковной истории» Беда в кельтских обществах Британских островов служили сводные «национальные» истории — валлийская

¹³ См.: Борисов Г.Б. Пиктографические летописи степных племен Северной Америки: Историко-культурные аспекты: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

«Историю бриттов» (830 г.) и «Книга захватов Ирландии» (конец XI в.). Они также основывались на большом количестве источников, в том числе включая отдельные подборки генеалогий.

У славянских народов примеры такого рода исторических сочинений известны в Польше (хроника Галла Анонима — см. статью А.С. Щавелева), в Чехии (хроника Козьмы Пражского) и на Руси — гипотетически восстанавливаемое раннее ядро «Повести временных лет» (также известное в научной литературе как Древнейший свод или Древнейшее сказание). В настоящее время большинство исследователей согласны в том, что истоком древнерусской традиции историописания был связный нарратив, не имевший погодной структуры, основанный на устных эпических преданиях, бытовавших в дружинной среде. Датировка и конкретный состав этого нарратива, однако, по-прежнему составляют научную проблему (предлагались датировки с конца X по 60-е годы XI в.).

Целый ряд пространных сочинений, излагающих раннюю историю Дании, Норвегии и Исландии, появился в этих странах начиная с XII в. (см. статьи Е.А. Мельниковой и Г.В. Глазыриной, а также рецензию Т.Н. Джаксон). Другой аналогичный, хотя и более поздний, относящийся уже к XIV в. памятник историописания, происходящий из Восточной Европы, — Хроника Петра из Дусбурга, представляющая собой официальное изложение истории Тевтонского ордена и его государства в Пруссии наряду с историей пруссов (см. статью В.И. Матузовой).

Широкое распространение исторических нарративов подобного типа в одном тесно связанном регионе и их отсутствие на ранних этапах в неевропейских обществах (см., однако, в статье Т.М. Калининой об арабском историописании, а в статье М.Ю. Ульянова — о более позднем развитии китайской историографии) ставит вопрос о том, выросли ли они независимо друг от друга, таким образом, отражая некую специфику европейского историописания, или их сходство связано с древнегреческой традицией, опосредованно (через позднеантичное, раннехристианское и византийское историописание) оказавшей влияние на культуры Северной, Центральной и Восточной Европы? Представляется, что сравнительные материалы данного тома свидетельствуют скорее в пользу второго варианта, хотя считать этот вопрос окончательно решенным пока рано.

7. Рассказы, прославляющие отдельные события прошлого, известные в Месопотамии и Египте, представляют собой доволь-

но редкое явление, очевидно, связанное с развитой литературной традицией в этих культурах. Впрочем, если относить к средневековому историописанию агиографию, а также похвалы правителям, круг подобных текстов расширится очень существенно.

* * *

Наряду с выводами, сделанными авторами в ходе размышления над вопросами, предложенными им при написании статей, важным результатом работы над данным томом стал ряд вопросов, изначально не встававших перед авторским коллективом.

Первый из них может быть сформулирован так: как соотносятся момент (и характер) зарождения историописания с моментом (и характером) зарождения письменности в том или ином обществе? Поясним на примерах.

В Шумере, как это хорошо известно, письменность первоначально использовалась исключительно в административно-хозяйственной сфере. В ранний период (прото)шумеры записывали лишь то, что не получалось передавать или сохранять изустно, и лишь со временем, когда клинопись достигла определенного уровня совершенства, письмо стало выполнять функции, ранее находившиеся в сфере изустных практик: стали записываться гимны богам, составляться послания и др.¹⁴ И только в этот период, в середине III тыс. до н.э., появляются тексты, которые можно отнести к историописанию — да и то к наиболее простым, если не сказать примитивным, его формам: царские надписи, позднее — царский список, и т.д. Спустя много веков в Месопотамии появляются более развитые формы историописания, такие как ассирийские царские анналы или «Синхронистическая история» (см. в статье А.А. Красовой); развернутых же исторических нарративов, подобных античным, китайским или европейским средневековым, древняя Месопотамия так и не создала.

Противоположный полюс представляют собой Бенин и Мезоамерика. В доколониальном Бенине (см. статью Д.М. Бондаренко и П.М. Рёзе) письменность отсутствовала, однако сложилась собственная система хранения и передачи информации при помощи условных знаков и рисунков, которые авторы вслед за Н.Б. Кочаковой называют «фразограммами». Их появление никак не было связано с хозяйством и администрированием, и все известные нам «тексты», «записанные» этими фразограммами, вполне можно отнести к историописанию.

¹⁴ *Cooper J.S. Babylonian beginnings. P. 83.*

В Мезоамерике в I тыс. до н.э. сложилось несколько независимых письменных традиций, которые, тем не менее, имели общую черту — тесную связь с календарем и идеологией верховной власти. В отличие от древневосточных обществ, нет оснований полагать, что древнейшей функцией письменности была хозяйственно-административная.

В промежутке между этими двумя полюсами находятся многие другие общества Древности и Средневековья, рассматриваемые в настоящем томе, — в том числе и общества христианской Европы.

Большинство письменных культур Северо-Западной, Северной и Восточной Европы сформировались одновременно с принятием христианства. Если какие-то опыты использования письма в дохристианское время и имели место (например, рунические надписи у германских народов), основным толчком к развитию письменной культуры послужило крещение, сопровождавшееся ввозом богослужебных книг, появлением прослойки грамотных клириков, монастырских книгописных центров и попаданием в страну иностранных литературных текстов. Именно так обстояло дело, например, в Англии и на Руси, где историописание возникло достаточно рано¹⁵ и было, несомненно, в той или иной степени связано с влиянием привезенной извне исторической литературы.

Второй важный вопрос заключается в следующем: кто были историописатели и насколько институционализированным было их занятие?

В Древнем Китае исторические записи осуществлялись специальными историографами *даши*, которые произошли из жреческой среды и еще долго сохраняли тесную связь с жречеством. Они хранили значительные знания о прошлом в своей памяти, при необходимости приводили сведения из реальной истории, которые относились как к сравнительно недавнему, так и к далекому прошлому. Кроме того, они были знатоками «священной истории». Другой важной функцией *даши* было знание религиозных церемоний, которые проводились в течение года и были приурочены к календарным датам либо к регулярным астрономическим явлениям.

Похожая группа профессиональных историографов (*ихогбе*) сложилась в Бенине. Они появились достаточно рано и, вероятно, пришли в Бенин из города Ифе вместе с основателем династии (конец XII — первая половина XIII в.). *Ихогбе* являлись не только хронистами, но

¹⁵ От крещения Нортумбрии до появления исторических трудов Беды прошло около 100 лет. На Руси этот промежуток, вероятно, был еще меньшим, хотя вопрос о дате древнейшего памятника историописания остается спорным.

и жрецами культа головы здравствующего правителя и культа его предков, играя важную роль при отправлении обрядов похорон верховных правителей. Среди них существовала и внутренняя иерархия, включавшая наследственные и ненаследственные статусы.

В древнеирландском обществе имелся особый класс профессионалов, занятых сохранением и передачей традиции, включая генеалогии, — филиды; какую-то часть этих функций могли выполнять друиды. Филиды сохранили свою роль и после христианизации, хотя часть функций перешла в руки клириков.

Универсальной чертой средневекового европейского историописания было то, что им занимались в основном представители церкви. По-видимому, это было связано прежде всего с фактором грамотности, а также с важной ролью раннесредневековой церковной историографии в формировании новой традиции историописания в условиях христианизации.

В то же время для других обществ, рассмотренных в настоящем томе, мы не можем говорить о существовании какой-то особой группы, обладавшей монополией на историописание. Это могли быть как чиновники, связанные с центральной властью, так и представители других социальных групп.

* * *

Еще несколько слов хотелось бы сказать о проблеме терминологии. Такие слова, как «летописи», «хроники», «анналы» и даже «историописание», употребляются разными авторами в настоящем томе по-разному. Мы не пытались унифицировать это словупотребление — задача почти бессмысленная! Однако отметить эту разность необходимо.

Так, М.Ю. Ульянов называет, применительно к древнекитайской традиции, «анналами» краткие, сухие, информационные погодные записи, «хрониками» — их ретроспективные своды, противопоставляя те и другие «летописям» как более развернутой форме исторического повествования. Исследователи Месопотамии (см. статью А.А. Красовой) «анналами» называют развернутые обзоры событий, составленные от имени царя, а «хрониками» — сводное изложение событий за более длительный период. В историографии западноевропейского Средневековья грань между «анналами» и «хрониками» проводится не всегда, но если проводится, то «анналами» называют более сухие и безличные тексты, а «хрониками» — более цельные и авторские (но и те, и другие, в отличие

от «историй», имеют погодную сетку)¹⁶. В литературе по истории средневековой Польши «хрониками» называются развернутые нарративы, вообще не имеющие погодной сетки, которые противопоставляются «анналам» (рочникам) как кратким погодным записям (ср. в статьях А.С. Щавелева [примеч. 55] и А.В. Назаренко). Применительно к Древней Руси «хрониками» обычно называют переводные с греческого исторические сочинения (в отличие от собственно древнерусских «летописей» и компиляций по всемирной истории — «хронографов»); если же используется термин «анналы» — то обычно для обозначения каких-то кратких записей (см. в статьях А.В. Назаренко, Т.Л. Вилкул и Т.В. Гимона). Во всех этих случаях авторы исходят из специфики «своего» материала и из уже существующей в историографии традиции. Пытаться навязать всем какую-то одну терминологическую шкалу было бы не только бессмысленно, но и вредно. Мы стремились лишь к тому, чтобы в статьях ясно давалось понять, какие именно тексты скрываются под каждым из используемых авторами терминов.

Более серьезная проблема — с границами понятия «историописание». Авторы тоже понимают их не всегда одинаково. Статьи можно разделить между тремя основными подходами к исследованию историописания.

Задумывая данный том, редакторы опирались на следующее определение историописания, предложенное Дж. Бейнзом: «использование прошлого на письме и создание письменных текстов, ориентированных на использование в будущем в качестве [отражения] прошлого [того или иного] общества»¹⁷. Свои статьи они написали в духе этого определения. Однако не все авторы оказались согласны с таким подходом.

Так, А.А. Банщикова рассматривает историописание через призму античной традиции (произведения «логографов», Геродота и Фукидида), определяя его цель как ««сквозное», последовательное изложение всей истории какого-то коллектива или региона или какого-либо из ее этапов». С этой точки зрения в Египте нельзя говорить о сложившемся историописании. А.А. Красова отмечает,

¹⁶ См. об этом словоупотреблении: *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. С. 69–92.

¹⁷ «History-writing is the use of the past through written means and the creation of written materials that look to the future so that they can be used as a society's past» (The Oxford History of Historical Writing. Oxford, 2011. Vol. 1. P. 5).

что «тексты, из которых сегодня мы черпаем сведения об истории Месопотамии, возникали из сугубо практических нужд и никогда не претендовали, да и не могли претендовать на то, чтобы считаться собственно историческими сочинениями, на манер тех, что знает античная традиция». Однако с позиции Бейнза «использование прошлого» — это вполне практическое занятие.

М.Ю. Ульянов, в свою очередь, поставил вопрос еще шире, говоря о «процессе “сохранения исторической памяти”», что, по его мнению, было тесно связано с религиозными представлениями и сакральной стороной функционирования власти. С позиции исторической памяти смотрит на проблему и С.Г. Кляшторный¹⁸.

Все три подхода имеют право на существование и по-своему продуктивны. Несмотря на их различие, мы надеемся, что этому тому удастся выполнить его главную задачу — собрать широкий компаративный материал о том, как зарождается и как выглядит раннее историописание у разных народов. Мы надеемся на то, что обсуждение затронутых здесь проблем продолжится, а статьи этого тома придадут этим будущим дискуссиям большую основательность.

* * *

Основу настоящего тома составили материалы круглого стола «Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья», прошедшего в ИВИ РАН 31 октября — 1 декабря 2011 г. К сожалению, не все участники круглого стола смогли подготовить материалы для этого тома — поэтому считаем небесполезным сослаться на те работы, где отразились их наблюдения над ранним историописанием изучаемых ими народов¹⁹. Наоборот, в двух случаях авторы согласились поместить в настоящем томе переработанные версии статей, ранее уже публиковавшихся (статья А.А. Красовой: ИИ. 2008. Вып. 4. С. 7–36; статья Д.М. Бондаренко и П. Рёзе: Восток. 2007. № 4. С. 5–15), но ключевых для проблематики этого тома, за что мы им чрезвычайно признательны.

¹⁸ Ср. подход в: *Мереминский С.Г.* Понятие «историописание», его содержание и границы // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 14–27.

¹⁹ См.: *Борисов Г.Б.* Пиктографические летописи; *Кузнецов В.А.* Структура и развитие арабо-мусульманского исторического знания в VIII–XV вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; *Иванов С.А.* Болгарская общественная мысль эпохи раннего Средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 2009. С. 9–30.

Ответственные редакторы тома благодарны остальным членам редколлегии ежегодника, а в особенности — Е.А. Мельниковой и А.С. Щавелеву за помощь и поддержку на всех стадиях работы.

Д.Д. Беляев, Т.В. Гимон

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Д.Д.* Царские генеалогии в древней Мезоамерике // ДГ, 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 38–51.
- Борисов Г.Б.* Пиктографические летописи степных племен Северной Америки: Историко-культурные аспекты: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Иванов С.А.* Болгарская общественная мысль эпохи раннего Средневековья // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 2009.
- Кузнецов В.А.* Структура и развитие арабо-мусульманского исторического знания в VIII–XV вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.
- Мельникова Е.А.* Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // Историческая память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 180–222.
- Мереминский С.Г.* Понятие «историописание», его содержание и границы // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 14–27.
- Сидорович О.В.* Анналисты и антиквары: Римская историография конца III – I в. до н.э. М., 2005.
- Cooper J.S.* Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions. New Haven (Co.), 1986. Vol. 1: Presargonic inscriptions.
- Cooper J.S.* Babylonian beginnings: the origin of the cuneiform writing system in comparative perspective // The First Writing: Script Invention as History and Process. Cambridge, 2004. P. 71–99.
- Glassner J.-J.* Mesopotamian Chronicles. Leiden; Boston, 2005. P. 117–127.
- Michalowski P.* Early Mesopotamia // The Oxford History of Historical Writing. Oxford, 2011. Vol. 1. P. 5–28.
- The Oxford History of Historical Writing / Gen. ed. D. Woolf. Oxford, 2011. Vol. 1.
- The Sumerian king list // <http://etcs1.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcs1.cgi?text=c.2.1*#>.
- Wilkinson T.A.H.* Royal Annals of Ancient Egypt: The Palermo Stone and its associated fragments. L.; N.Y., 2000.

А.А. Банищикова

ИСТОРИОПИСАНИЕ БЕЗ ИСТОРИИ: ЕГИПЕТСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРОШЛОГО И ЕГО ФИКСАЦИЯ

В работе характеризуется специфика древнеегипетского восприятия исторического прошлого и создания соответствующих текстов. С одной стороны, для египетской культуры характерен исключительный интерес к прошлому, в том числе к созданию общих его концепций (периодизация, выделение циклов и т.д.), с другой — в ее рамках так и не было до эпохи эллинизма создано собственно истории, т.е. последовательного описания событий какой-то эпохи или даже одного царского правления. Египтяне располагали, с одной стороны, царскими списками, задававшими общую последовательность и имена царей и династий, с другой — отдельными надписями, рельефами, преданиями, посвященными отдельным событиям. В египетской литературе при этом существовал жанр повестей на исторические темы или с историческими фигурами, но с сюжетами, широко включающими фольклорный и беллетристический вымысел; потомки были склонны воспринимать такие сюжеты уже как достоверные в любой степени рассказы о прошлом. В результате египетская картина прошлого представляла собой варьируемую цепь не связанных друг с другом эпизодов, привязанных к фигурам разных царей в рамках общей династической последовательности (причем последняя также могла подпадать под перестановки и модификации в некоторых египетских версиях исторического прошлого страны), и эти эпизоды представляли собой синтез элементов реальной истории, фольклорных и беллетристических мотивов, других вторичных элементов и самых широких контаминаций (порождавшихся тем, что деяния многих царей часто были похожи друг на друга, а сами эти цари нередко были тезками или имели схожие имена).

Ключевые слова: Древний Египет, историописание, царские списки, литература, фольклор

Древний Египет — это цивилизация с очень специфическим восприятием собственной истории и отношением к своему прошлому: при большом внимании государства и образованных людей к исто-

рическому прошлому, обследованию и реставрации памятников и надписей многосотлетней давности, сочинению литературных композиций на темы далекого прошлого и даже разработке концепций периодизации и единообразных циклов собственной истории — египтяне так и не создали жанр истории как нарратива¹.

Исходным источником древнеегипетского интереса к прошлому был прежде всего культ мертвых и культ предков, особенно их поминовения (к нему восходит традиция составления царских списков). Кроме того, надо вспомнить концепты «длинных» временных циклов (1450-летний цикл Сотиса, специальные понятия, обозначающие временную бесконечность²), концептуализирование и периодизацию истории, выросшие из космогонически-этиологических мифов и взглядов на отношения человека с богами (сотворение богами земли, правление богов в Египте, правление полубогов в Египте, продолженное правлениями династий и групп династий, с циклическим повторением благополучных эпох, определявшихся хорошими отношениями с богами и отграниченных друг от друга переломными периодами, когда боги отворачивались от Египта и страна впадала в бедствия, но неизменно налаживала потом отношения с богами и выходила из бед; отсюда и выделение периодов, воспринимавшихся как «золотой век»³). Наконец, интерес к прошлому обострялся свойственной египетской культуре соревновательностью и компаративностью: египтяне стремились постоянно соотноситься с событиями своего прошлого, хранить в памяти общую череду подъемов и крушений Египта, ярких свершений и эпизодов былых времен. Это было присуще не только образованным людям, но и простому народу — поэтому в Египте

¹ См.: *Korostovtsev M.A.* A propos du genre “historique” dans la littérature de l’ancienne Égypte // *Fragen an die altägyptische Literatur*. Wiesbaden, 1977. S. 321; *Redford D.B.* Pharaonic King-lists, Annals and Daybooks: Contribution of the Study of the Egyptian Sense of History. Toronto, 1986. P. XVI–XVII; *Hornung E.* Idea into Image: Essays on Ancient Egyptian Thought. N.Y., 1992. P. 154; *Assmann J.* Ägypten. Eine Sinngeschichte. München, 1996. S. 15–38; *Loprieno A.* Views of the Past in Egypt During the First Millennium BC // “Never Had the Like Occured”: Egypt’s View of the Past. L., 2003. P. 139–141; *Morenz L.D.* Literature as a Construction of the Past in the Middle Kingdom // *Ibid.* P. 101.

² См. обзор: *Hornung E.* Idea into Image. P. 64–70.

³ Правление Снофру для Среднего царства и расцвет самого Среднего царства — для последующих исторических периодов, ср. также: *Kákosy L.* Ideas about the Fallen State of the World in Egyptian Religion: Decline of the Golden Age // *AOH*. 1964. Vol. 17. P. 205–216; *Otto E.* Das “Goldene Zeitalter” in einem ägyptischen Text // *RÉHR*. 1969. P. 93–108.

существовал, помимо письменных литературно-исторических композиций на отдельные сюжеты, богатый фольклор на исторические темы, сохранившийся вплоть до арабского завоевания⁴. Однако по неясным для нас причинам в Египте после III тыс. до н.э. не вели хроник (да и хроника III тыс. — Палермский камень — является прежде всего хроникой ритуальных событий, а не исторических событий вообще), и это радикально повлияло на египетское восприятие прошлого.

Образованный египтянин жил в мире, где он сталкивался с несколькими типами фиксации и отражения прошлого в собственной культуре (главные из них — это царские списки и нарративные беллетристические композиции о каких-то событиях или героях прошлого).

1) Существовали (а) полные списки царских правлений, сгруппированных по династиям (включая параллельно правившие династии), со сроками правлений в годах, месяцах и днях, с указаниями, из какого центра какая династия происходила или где правила, иногда с краткими пометами, подытоживающими целые группы династий (такой царский список от объединения страны до времени своего составления приведен на папирусе времени XIX династии, так называемом Туринском каноне, последние части которого не сохранились). Полным списком, содержащим, однако, только имена царей, является, вероятно, и самый древний из дошедших царских списков Египта вообще: это перечень краснокоронных правителей одного из древнейших египетских протогосударств с центром в Нагаде, правивших в конце IV тыс. до н.э., еще до первого объединения Египта. Этот перечень был внесен первой строкой на так называемый Палермский камень — древнеегипетскую летопись, охватывающую несколько веков до середины V династии [ок. 2400 г. до н.э.], нанесенную на каменную стелу и также содержа-

⁴ Das Pyramidenkapitel in al-Makrizi's "Khitat" / Ed. E. Graefe // LSS. 1911. Vol. 5. S. V–XII; *Maspero G. L'abrégé des merveilles* // *Maspero G. Études de mythologie et d'archéologie égyptienne*. P., 1912. Vol. 6. P. 443–491; *Fodor A. The Origins of the Arabic Legends of the Pyramids* // АОН. 1970. Vol. 23. P. 335–363; *Певзнер С.Б.* Рассказ Ибн Абд ал-Хакама о древней истории Египта // ППВ. 1971 (1974). С. 62–85; *Cook M. Pharaonic History in Medieval Egypt* // SI. 1983. N 57. P. 67–103; *Haarmann U. Medieval Muslim Perception of Ancient Egypt* // *Ancient Egyptian Literature. History and Forms*. Leiden; N.Y.; Cologne, 1996. P. 605–626; *El-Daly O. Egyptology: The Missing Millennium. Ancient Egypt in Medieval Arabic Writings*. L., 2005; *Банщикова А.А.* Мотивы древнеегипетского фольклора в рассказе Ибн Абд ал-Хакама о царице Далуке // Восток. 2007. № 1. С. 33–43.

щую имена царей охваченного ей периода⁵. Подобные списки давали некие представления о временах единства, раздробленности, сменах центров государственности. Кроме полных списков, существовали (б) краткие выборочные перечни подлежавших особому почитанию в рамках заупокойного культа царей, подобные Карнакскому списку эпохи Тутмоса III (таких списков дошло менее полудесятка)⁶. Включение какого-либо царя или целой династии в этот список означало признание его значимости, и наоборот — отсутствие упоминаний предшествующих царей или династий означало, что их не считали законными или достойными правителями. Например, Карнакский царский список включает в себя всех представителей фиванской XI династии (даже ее основоположников, еще не имевших царского сана: они добросовестно упоминаются лишь под своими титулами номархов, без царской титулатуры); но цари конкурирующего гераклепольского царского дома и тем более чужеземные гиксосские цари в данный список не включены. Кроме имен царей и их последовательности, другой исторической информации в таких выборочных списках нет.

2) Египтянина окружало огромное количество начертанных у него на виду, на специальных стелах, в храмах и т.д. надписей, а также других памятников (статуй, рельефов) прежних царей, где увековечивались и описывались какие-то отдельные события и комплексы событий далекого и близкого прошлого, иногда с преамбулой, дававшей обзор ближайшей предыстории этих событий. Чиновники, занимавшиеся реставрацией и осмотром старых памятников и гробниц, работали с такими источниками и по должности. По отношению к этим памятникам египтянин находился в том же положении, что и современный историк: он узнавал из них об отдельных громких эпизодах прошлого, но чтобы понять, к какому времени и царю эти эпизоды относятся, имя царя надо было сравнивать с царским списком. Естественно, что при этом легко могло возникать огромное количество ошибок, циклизаций и контаминаций: деяния одного царя могли оказаться приписаны

⁵ Древнеегипетская летопись («Палермский камень») / Пер. Н.С. Петровского // Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963. С. 14–26; *Черезов Е.В.* Древнейшая летопись «Палермский камень» и документы Древнего царства Египта // Древний Египет. М., 1960. С. 261–272.

⁶ *Redford D.B.* Pharaonic King-lists; *Baines J.* Review of Pharaonic King-lists, Annals and Daybooks: Contribution of the Study of the Egyptian Sense of History by Donald B. Redford // *BASOR.* 1991. N 284. P. 92–93.

другому, одноименному или с похожим именем; свершения или бедствия сходного типа, происходившие в разные века, могли контаминироваться. Наконец, поскольку памятники рисовали не всю историю данного царя или периода, а лишь отдельные яркие эпизоды, недостающее «достраивалось» в воображении египтян по наведению от имеющегося, часто с преувеличениями и применением фольклорно-беллетристических моделей.

Так, устройство государства Сенусертом I и завоевания Сенусерта III в начале II тыс. до н.э. привели к тому, что за следующую тысячу лет в представлениях египтян появился устроитель-мирозавоеватель Сенусерт (греч. Сесострис), соединивший в своем лице образы обоих названных фараонов, а потом и поглотивший реминисценции завоевательных деяний более поздних царей — в частности, когда ливиец — фараон Шешонк — также оказался после периода слабости переустроителем и завоевателем, воспоминания об этом слились с образом Сенусерта-Сесостриса, так что последний в итоге получил в традиции вариативное имя «Шешонк» (греч. Сесонхосис); в конце концов этому персонажу, как мудрому устроителю всего, приписывали уже и открытие езды на лошадях.

Общего же представления об истории какого-либо царя или периода из таких памятников почерпнуть было нельзя: для этого потребовалась бы исследовательская работа, подобная современной.

3) Аналогичным образом существовало большое количество литературных композиций, где фигурировали отдельные герои и события прошлого (часто в них не было от прошлого ничего, кроме имен действующих лиц, а сюжет был сугубо фольклорно-беллетристическим, вневременным). К ним примыкали аналогичные произведения устного фольклора. Часто за такими композициями стояли в конечном счете те самые монументальные надписи, откуда черпались имена, некоторые коллизии и реалии, используемые далее в сюжетах указанных композиций. Как показывают рассказы Геродота о египетской истории и сочинение Манефона, грань между беллетристическим и историческим в таких композициях в восприятии египтян стиралась: если первый автор беллетризованной композиции на исторические темы знал, что он взял из прежних сочинений, а что придумал сам, то спустя десятилетия и века вся композиция уже воспринималась как достоверный рассказ о прошлом.

4) Существовали отдельные трактаты так называемой «литературы мудрости» (жанр, включающий сочинения о правильном поведении человека или правителя или о судьбах страны, беспорядках

в ней и необходимости их преодоления, например, поучение для Мерикара, пророчество Неферти, речи Ипувера во II тыс. до н.э.; демотический сюжет о «пророчестве ягненка» в I тыс. до н.э.), упоминавшие исторические потрясения, в том числе распады страны на переломах эпох, а также благих правителей, выведивших из этих потрясений (Неферти), или плохих правителей, усугублявших их (Ипувер). Эти трактаты проводили общие концепции длинных циклов египетской истории и их граней. Такие трактаты давали читателю модели, под которые можно было подстраивать и другие реминисценции прошлого, — так что любые бедствия могли ассоциироваться с нечестивостью правителя, при котором они происходили (как, например, в сюжете о прокаженных у Манефона и Херемона), а любой правитель поры бедствий накануне их смены стабильностью мог рассматриваться задним числом как спаситель-переустроитель, зачинатель нового цикла стабильности (как, например, царица Таусерт, воспоминания о которой отразились в средневековом арабском повествовании о царице Далуке⁷).

В итоге получалось, что в распоряжении египтян был «скелет» их собственной истории в виде царского списка и множество упоминаний отдельных эпизодов прошлого: как первичных упоминаний — на монументальных памятниках, — так и вторичных, в составе литературно-исторических композиций, причем эти эпизоды могли перемещаться «вдоль» царского списка, контаминироваться, циклизываться и, наконец, «достраиваться», дополняться фольклорными и беллетристическими деталями, впоследствии воспринимавшимися как исторические, или преобразоваться в духе общих египетских концепций циклов собственной истории. Образованные египтяне из поколения в поколение множили число подобных литературно-исторических композиций, но это не меняло главного: история представляла для них как сочетание жесткого (и исторически весьма достоверного) списка царей с возроставшим массивом разрозненных беллетризованных и фольклоризованных сюжетов, привязывавшихся к этому списку, но зачастую нежестко, с достаточной свободой смещений и сращиваний, а сами эти сюжеты были вариативны и исключительно пластичны в смысле перекомпоновки, дополнения и насыщения их чисто фольклорными элементами. Поэтому иной раз в таких композициях вообще появляются вымышленные фараоны. Подобная ситуация крайне затрудняла пере-

⁷ Банщикова А.А. Мотивы древнеегипетского фольклора.

ход к настоящему историописанию, и он так и не состоялся в независимом фараоновском Египте — что парадоксальным образом сочеталось с исключительным интересом к прошлому, реализовавшимся, однако, лишь в рамках изложенной модели⁸.

Редкое произведение из числа древнеегипетских нарративов обходится без упоминания каких-либо исторических или квазиисторических фигур. Иногда всё действие произведения проходит перед глазами или при участии вполне историчных правителей (таковы, например, «Сказки папируса Весткар»). В некоторых случаях сам главный герой является персонажем, известным нам из египетской истории, например, принц Сатни-Хемуас, четвертый сын Рамсеса II, — герой одноименных циклов сказаний (сюжеты их, однако, сугубо фольклорны). Иногда просто указывается, при каком реальном царе происходит действие, и это может иметь большое значение для сюжета («Рассказ Синухета»). Наконец, имя царя может быть вымышленным («Мери-Ра и фараон») либо использоваться «произвольно», в сюжете, лежащем вне какой-либо связи с реальными деяниями этого царя («Царь Рампсинит [Рамсес III. — А.Б.] и неуловимый вор»).

Для примера кратко скажем о трех произведениях, рисующих разные эпохи египетской истории: «Сказки папируса Весткар», сложенные в конце Древнего или начале Среднего царства, рисуют прошлое примерно полутысячелетней давности — время правления IV династии, Снофру и Хуфу; «Сказка о гиксосском царе Апопи и фиванском царе Секененра» появилась в XIII в. до н.э., а рассказывает о временах гиксосского владычества за 300 лет до того; сюжет о мирозавоевателе-устроителе царства Сенусерте-Шешонке сложился к середине I тыс. до н.э. и известен в греческой передаче (где греческими транскрипциями этих двух имен являются, соответственно, «Сесострис» и «Сесонхосис», см. выше), а восходит прежде всего к деяниям двух Сенусертов XII династии, правившей

⁸ Интересно сравнить такой способ воспроизведения исторической памяти с подлинной историографией, все-таки оформившейся уже в поликультурном Египте второй половины I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э. (и представленной, в частности, знаменитым Манефоном, см.: *Baines J. Ancient Egyptian Concepts and Uses of the Past: 3rd to 2nd Millennium B.C. Evidence // Who Needs the Past? Indigenous Values and Archaeology. L., 1989. P. 131; Loprieno A. Le Pharaon reconstruit. La figure du rois dans la littérature égyptienne au Ier millénaire avant J.C. // BSFE. 1998. N 142. P. 13–14; Loprieno A. Views of the Past in Egypt. P. 139–141).*

за полторы тысячи лет до формирования самого сюжета. И вот, несмотря на разницу во времени записи этих трех сюжетов, равно как и во временном расстоянии между их формированием и теми событиями прошлого, которые в них отражены, — эти произведения не обнаруживают каких-либо различий в характере фиксации и преобразования исторических сведений.

В «Сказках папируса Весткар» сюжет заключается в том, что царя Хуфу-Хеопса развлекают рассказами о волшебстве и демонстрациями волшебства⁹. Тут есть и жрец-маг, уничтожающий любовника своей жены при помощи воскового крокодила, превращающегося в настоящего, и добыча утонувшей подвески для наложницы фараона Снофру путем магического подъема вод, и воскрешение мертвых чародем. Вместе с тем действующими лицами являются реальные цари и царевичи IV и V династий, причем правильно определены их родственные связи; основатель IV династии Снофру противопоставлен как совершенно благой царь довольно зловещему Хуфу, чьи недостатки, по имплицитной концепции сказок, и предопределили, несмотря на все его ухищрения, переход власти от его династии к следующей, V-й, о магическом рождении первых представителей которой тоже говорится в сказке. Аналогичный подход к IV династии в заостренном виде застал у египтян пятнадцать веков спустя Геродот.

В рассказе о гиксосе Апопи и фиванце Секененра (сохранилось только начало) общий сюжет чисто фольклорный: гиксосский царь Апопи, чтобы поставить в тупик и унижить зависимого от него фиванского царя Секененра, присылает ему подчеркнуто унижительное своей абсурдностью требование (избавить Апопи от рева фиванских гиппопотамов, которые не дают ему спать, — при сотнях километров расстояния от Авариса до Фив), а Секененра не знает, как из этой ситуации выпутаться¹⁰. Это классический, имеющий многочисленные параллели сюжет о царском обмене

⁹ Публ.: *Erman A.* Die Märchen des Papyrus Westcar. B., 1890; см.: *Jenni H.* Der Papyrus Westcar // SAK. 1998. N 25. S. 113–141; *Hays H.M.* The Historicity of Papyrus Westcar // SAK. 2002. N 129. S. 20–30.

¹⁰ Публ.: *Gardiner A.H.* Late-Egyptian Stories. Bruxelles, 1932. P. 85–89, 85a–89a; см. *Redford D.B.* The Hyksos in History and Tradition // *Orientalia*. 1970. N 39. P. 35–39; *Störk L.* Was störte den Hyksos am Gebrüll der thebanischen Nilperde? // *GM*. 1981. Bd. 43. S. 67–68; *Goedicke H.* The Quarrel of Apophis and Sekenenra. San Antonio, 1986; *Немировский А.А., Банщикова А.А., Сафронов, А.В. и др.* Гиксосы и гиксосское правление в исторической традиции египтян. М., 2016. Ч. 1 (в печати).

загадками: могучий царь стремится озадачить и припугнуть или унижить более слабого царя загадочным посланием, но тому удастся различными хитроумными способами выйти из положения; этим и кончается дело. Однако и сами цари — реальные гиксосский и фиванский цари XVI в. до н.э., — и ситуация в Египте их времени передана автором сказки подробно и совершенно правильно: он в деталях сообщает, что единого царя в Египте нет, на севере сидят гиксосские сюзерены, на юге — их фиванские вассалы, и те, и другие — с царским титулом и пороговой легитимностью, однако неполноценные по статусу в сравнении с нормативным для Египта единым общеегипетским владыкой (это специально оговаривается). В сказке благочестивый Секененра поклоняется Ра, а нечестивый Апопи — только Сету; хотя дословно это и неверно (исторический Апопи также поклонялся Ра), на некотором уровне и это сообщение все же коррелирует с истиной: богом-покровителем гиксосской столицы Авариса и гиксосской династии действительно был Сет, а богом-покровителем Фив — Амон, отождествленный с Ра.

Оба произведения демонстрируют типичный для фиксации прошлого в египетской традиции сплав исторических реминисценций с фольклорными и литературными составляющими¹¹.

¹¹ При этом двумя главными направлениями модификации исторических основ сюжетов являлись фольклоризация и беллетризация реальности. **Фольклоризация реальности** — это преломление ее в духе адаптации к набору фольклорных представлений. Например, ситуацию взаимодействия сильного правителя-сюзерена и слабого правителя-вассала хорошо отражает топос о царском обмене загадками, когда более сильный правитель пытается испугать или унижить слабого, загадав ему не имеющую логического решения загадку. Именно этот топос наложился на отношения гиксосских правителей Авариса и их фиванских вассалов: такую загадку мы видим в «Сказке об Апопи и Секененра». Еще пример: если в реальности мы имеем дело с ситуацией военного бессилия страны и невозможности защититься с помощью реальной армии, то в нарративах о таком страшном периоде в ее истории будут фигурировать нереальные средства защиты — магические изображения и фигурки (рассказ о царице Далуке, рассказ Псевдо-Каллисфена о царе Нектанебе и другие истории). **Беллетризация реальности** — это внесение новых, при этом не специфически фольклорных моментов фабулы с целью создать как можно более интересное и драматичное повествование. Нарративам о прошлом страны не чужда художественная составляющая: особенно сильно она выражена в текстах с изначальной «сказочной» природой и в текстах, наиболее далеко отстоящих от описываемых событий хронологически. В первом случае, как, например, в «Сказке об Апопи и Секененра» или в «Сказках папируса Весткар», она является центральной, т.е. цель произведения — рассказать интересную историю, используя исторических персонажей, а не донести

Сюжет о Сесострисе (изложенный у Геродота, Диодора и Дикеарха, а сформировавшийся окончательно в египетской учено-жреческой традиции около 500 г. до н.э. после нескольких веков развития) являет собой противоположный полюс: здесь нет беллетристических и фольклорных мотивов, но есть невероятная контаминация, циклизация, временная транспозиция и насыщение текста этиологическими и эсхатологическими концептами¹². Сесострис (т.е. Сенусерт), он же Сесонхосис (т.е. Шешонк) — фараон, правивший в Египте не то в середине его истории, не то вообще в начале времен; он дал Египту все его законы и завоевал почти весь мир вплоть до скифов на его северном пределе включительно, поставив на границах своих завоеваний стелы с изображениями, укоряющими трусов и прославляющими храбрцов, и построив стену, защищавшую Египет от Азии. Не то он, не то бог Хор впервые догадался, что на лошадях можно ездить.

За этим синтетическим рассказом стоят: деяния Сенусерта I и его отца Аменемхета I, переустроивших в XX в. до н.э. Египет после трехсотлетнего периода нестабильности и реформировавших социальную систему и многие другие сферы жизни; деяния единственного крупномасштабного завоевателя за 700 лет (с конца III по середину II тыс. до н.э.) Сенусерта III, который действительно ставил на рубеже своих завоеваний в Нубии стелы с громкими надписями, поносящими трусость и прославляющими доблесть (XIX в. до н.э.); объединение и переустройство страны, а также возобновление азиатской экспансии ливийским фараоном Шешонком (X в. до н.э.); строительство стен, защищавших от азиатов, за полтора века до Сенусерта I; чисто этиологические неисторические элементы (одомашнивание лошади); победы Тутмоса III и Рамсеса II над странами, по тогдашним понятиям египтян составлявшими северную

до читателя сведения исторического характера, поданные как занимательный рассказ. Во втором случае исторические сведения настолько сублимируются и теряют актуальность, что остаются только фольклорные и полufольклорные элементы, нанизанные на общее представление о характере периода, которое тоже, впрочем, выражается фольклорными моделями. В таких текстах появляются диалоги исторических персонажей, цитируются их письма друг другу, гораздо большее внимание уделяется их личностям, и тон повествования очень эмоциональный.

¹² *Malaise M. Sésostris, pharaon de légende et d'histoire // CdÉ. 1966. Vol. 41. P. 244–272; Lloyd A. Nationalist Propaganda in Ptolemaic Egypt // Historia. 1982. Vol. 31, N 1. P. 33–55; Иванчик А.И. Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами // ВДИ. 1999. № 4. С. 4–36.*

окраину мира; наконец, чистая пропагандистско-тщеславная выдумка, приведшая в этот сюжет скифов после неудачного похода Дария против них: Дарий-де не смог их покорить, а египетский царь — смог. В этом рассказе характерно именно сочетание крайней синкретичности и неисторичности итогового образа с полной историчностью создающих его деталей (никаких беллетристических и фольклорно-развлекательных моментов здесь нет).

Таким образом, в фараоновском, независимом Египте, в общем, не сложилось историописания в его классическом виде, подобного произведениям логографов, Геродота и Фукидида. Мы наблюдаем парадоксальную картину «историописания без истории», т.е. передачи исторических сведений, практически не прибегающей к последовательной записи событий вне пределов изолированных эпизодов. Формирование египетского историописания шло прежде всего за счет комбинирования достаточно скудных данных собственно исторического характера (прежде всего царских списков) с уже существовавшими литературно-историческими композициями на отдельные сюжеты и разрозненными данными заинтересовавших кого-то памятников; в таких композициях с самого начала была велика доля сознательного беллетристического вымысла, исторического и даже неисторического фольклора, вплоть до волшебной сказки, которая только использует исторических по происхождению персонажей, вообще не интересуясь их действительными деяниями. Это та форма существования традиции о прошлом страны, которая сложилась в Египте и так и не переросла за тысячи лет в более привычную нам систему, подобную античному историописанию, ставящему своей целью «сквозное», последовательное изложение всей истории какого-то коллектива или региона или какого-либо из ее этапов. Первым сочинением такого рода, составленным египтянином, стала лишь знаменитая история Египта Манефона (ок. 300 г. до н.э.), написанная по-гречески, для грекоязычных читателей и с намеренной ориентацией на греческие образцы исторических трудов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Баницикова А.А.* Мотивы древнеегипетского фольклора в рассказе Ибн Абд ал-Хакама о царице Далуке // Восток. 2007. № 1.
- Древнеегипетская летопись («Палермский камень») / Пер. Н.С. Петровского // Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963.

- Иванчик А.И.* Античная традиция о фараоне Сесострисе и его войне со скифами // ВДИ. 1999. № 4.
- Немировский А.А., Баницикова А.А., Сафронов, А.В. и др.* Гиксосы и гиксосское правление в исторической традиции египтян. М., 2016. Ч. 1 (в печати).
- Певзнер С.Б.* Рассказ Ибн Абд ал-Хакама о древней истории Египта // ППВ. 1971 (1974).
- Черезов Е.В.* Древнейшая летопись «Палермский камень» и документы Древнего царства Египта // Древний Египет. М., 1960.
- Assmann J.* Ägypten. Eine Sinngeschichte. München, 1996.
- Baines J.* Ancient Egyptian Concepts and Uses of the Past: 3rd to 2nd Millennium B.C. Evidence // Who Needs the Past? Indigenous Values and Archaeology. L., 1989.
- Baines J.* Review of Pharaonic King-lists, Annals and Daybooks: Contribution of the Study of the Egyptian Sense of History by Donald B. Redford // BASOR. 1991. N 284.
- Cook M.* Pharaonic History in Medieval Egypt // SI. 1983. N 57.
- El-Daly O.* Egyptology: The Missing Millennium. Ancient Egypt in Medieval Arabic Writings. L., 2005
- Erman A.* Die Märchen des Papyrus Westcar. B., 1890.
- Fodor A.* The Origins of the Arabic Legends of the Pyramids // АОН. 1970. Vol. 23.
- Gardiner A.H.* Late-Egyptian Stories. Bruxelles, 1932.
- Goedicke H.* The Quarrel of Apophis and Sekenenra. San Antonio, 1986.
- Haarmann U.* Medieval Muslim Perception of Ancient Egypt // Ancient Egyptian Literature. History and Forms. Leiden; N.Y.; Cologne, 1996.
- Hays H.M.* The Historicity of Papyrus Westcar // SAK. 2002. N 129.
- Hornung E.* Idea into Image: Essays on Ancient Egyptian Thought. N.Y., 1992.
- Jenni H.* Der Papyrus Westcar // SAK. 1998. N 25.
- Kákósy L.* Ideas about the Fallen State of the World in Egyptian Religion: Decline of the Golden Age // АОН. 1964. Vol. 17.
- Korostovtsev M.A.* A propos du genre “historique” dans la littérature de l’ancienne Égypte // Fragen an die altägyptische Literatur. Wiesbaden, 1977.
- Lloyd A.* Nationalist Propaganda in Ptolemaic Egypt // Historia. 1982. Vol. 31, N 1.
- Loprieno A.* Le Pharaon reconstruit. La figure du roi dans la littérature égyptienne au Ier millénaire avant J.C. // BSFE. 1998. N 142.
- Loprieno A.* Views of the Past in Egypt During the First Millennium BC // “Never Had the Like Occured”: Egypt’s View of the Past. L., 2003.
- Malaise M.* Sésostris, pharaon de légende et d’histoire // CdÉ. 1966. Vol. 41.
- Maspero G.* L’abrégé des merveilles // Maspero G. Études de mythologie et d’archéologie égyptienne. P., 1912. Vol. 6.
- Morenz L.D.* Literature as a Construction of the Past in the Middle Kingdom // “Never Had the Like Occured”: Egypt’s View of the Past. L., 2003.

Otto E. Das "Goldene Zeitalter" in einem ägyptischen Text // RÉHR. 1969.
Das Pyramidenkapitel in al-Makrizi's "Khitat" / Ed. E. Graefe // LSS. 1911. Vol. 5.
Redford D.B. The Hyksos in History and Tradition // Orientalia. 1970. N 39.
Redford D.B. Pharaonic King-lists, Annals and Daybooks: Contribution of the
Study of the Egyptian Sense of History. Toronto, 1986.
Störk L. Was störte den Hyksos am Gebrüll der thebanischen Nilpferde? // GM.
1981. Bd. 43.

Anastasiya A. Bانشchikova

HISTORICAL WRITING WITHOUT HISTORY:
THE PERCEPTION AND THE RECORDING
OF THE PAST IN ANCIENT EGYPT

The paper treats the general character of ancient Egyptian apprehension and representation of the country's history. Egyptians were greatly interested in their historical past: they created numerous literary compositions on historical topics; included historical figures into stories with fully invented novelistic plots; preserved and knew well general schemes of Egyptian history (in the form of king-lists which formed a kind of periodization and provided their readers with knowledge of names and succession of the kings) including theoretical concepts of large historical cycles. Nevertheless they have never created a real history (narratives tracing large periods of time or at least a single reign throughout all its course) because of the specific character of their sources: on the one hand, monuments and literary compositions dedicated to various events but irrelevant to the proper place of these events on the timescale, and, on the other hand, Pharaonic king-lists which gave the dynastic timeline on the whole but almost did not include events. Their combination was out of their possibilities or inclinations till the Hellenistic epoch. As a result Egyptian picture of the past was a chain of episodes within rather firm frames of general dynastic scheme (but the latter was also liable to modifications, transpositions and resulting variability), while these episodes themselves synthesized some elements of real history together with folklore models, belletristic inventions and vast contaminations (stimulated even more by the fact that deeds of many kings were similar to each other and their names were often similar or identical).

Key words: Ancient Egypt, historical writing, king-lists, literature, folklore

А.А. Красова

АССИРИЙСКОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ XIV–VII вв. до н.э.:
МНОГООБРАЗИЕ ЖАНРОВ*

Цель статьи — рассмотреть многообразие форм историописания в Средне- и Новоассирийском царствах. Наиболее известными жанрами являются царские надписи и анналы. Рассматриваются цель их создания, аудитория и сфера бытования, форма, структура, формуляр, датировочные формулы, принципы отбора и размещения событий. Автор также анализирует другие формы фиксации исторических сведений, такие как военные реляции богам, хроники, царские списки и списки эпонимов.

Ключевые слова: Ассирия, Месопотамия, историописание, анналы, царские надписи, хроники, списки эпонимов, реляции, царские списки, титулатура

Изучение истории Древней Греции и Древнего Рима связано с обращением к античной исторической прозе, которая впечатляет панорамой политических и военных событий, этнографическими зарисовками, интригующими сюжетными переходами, авторскими отступлениями и прочими приемами. Все это призвано пробудить интерес читателя, а также ненавязчиво, но в то же время старательно подтолкнуть его к соответствующим выводам и принять точку зрения сочинителя.

Ничего похожего письменная традиция Месопотамии не знала. За всю долгую историю этого региона здесь не появилось памятников историописания, даже отдаленно напоминавших греческие «истории»¹. Все тексты, из которых сегодня мы черпаем сведения

* Автор выражает признательность А.А. Немировскому, Т.Л. Вилкул, И.Н. Данилевскому и А.С. Щавелеву, без комментариев и замечаний которых данная публикация оказалась бы невозможной.

¹ В историографии часто противопоставляется историческое сознание, соответствующий ему тип мышления, и восприятие исторического процесса на Ближнем Востоке I тыс. до н.э. (подробнее об этом с историографическим обзором см.: *Вейнберг И.П.* Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем востоке середины I тыс. до н.э. М., 1993. С. 6–19, 297–315). О греческой традиции исто

об истории Двуречья, возникали из сугубо практических нужд и никогда не претендовали, да и не могли претендовать на то, чтобы считаться собственно историческими сочинениями на манер тех, что знает античная традиция. Единственным исключением, пожалуй, можно считать «Вавилонскую историю» (или «Халдейскую историю») Бероса², младшего современника Александра Македонского, написанную на греческом языке и посвященную Антиоху I Сотеру. Не имевшая серьезного успеха у греко-римской аудитории, она дошла до нас лишь несколькими отрывками в сочинениях более поздних авторов (Иосифа Флавия, Юстина, Тациана, Климента Александрийского, Евсевия Кесарийского), судя по которым, представляла собой причудливую смесь античной и месопотамской традиций.

Исторические события в Месопотамии фиксировались в царских надписях и анналах, хрониках, списках эпонимов, царских списках³,

риписания, к которой восходят в конечном счете все европейские исторические традиции, см.: *Wilamowitz-Moellendorf U. von. Greek Historical Writing and Apollo. Oxford, 1908. P. 5–6; Finley M.I. Myth, Memory and History // Harvard Theological Review. Cambridge, 1965. Vol. 4. P. 281–284, pt. 3; Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 59–60, 83; Müller R. Herausbildung und Formen des Geschichtsdenkens in Griechenland // Klio. 1984. Bd. 66, N 2. S. 336 ff.; Немировский А.И. Рождение Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 3–4.*

² Фрагменты «Вавилонской истории» опубликованы: *Schnabel P. Beross und die babylonisch-hellenistische Literatur. Leipzig; B., 1923. S. 249–275; Burstain S.M. The Babyloniaca of Berossos. Malibu, 1978; ИДВТД. С. 297–308. О времени составления «Истории» Бероса, а также влиянии на нее греческой и вавилонской исторической традиции см.: *Verbrugghe G.P., Wickersham J.M. Berossos and Manetho Introduced and Translated: Native Traditions in Ancient Mesopotamia and Egypt. Ann Arbor (Mich.), 2000; Бухарин М.Д. Раннеэллинистические хорографы: Мегасфен, Гекатей Абдерский и Берос // ВДИ. 2000. № 2. С. 98–99.**

³ **Царские списки** обзревают всех правителей Месопотамии начиная с мифического времени, когда «царская власть спустилась с небес на землю», содержат имена многих царей, названия их столиц и сроки правления. История Вавилонии и Ассирии сравнительно полно и последовательно отражена в нескольких таких списках, доходящих до времени персидских Аршакидов (250 г. до н.э. – 227 г. н.э.), сохраняя неизменными традиционные формулировки. Царские списки содержат указания на сроки правления и деления на династии, помимо этого — упоминания (иногда зашифрованные) о важных событиях (особенно древнейшего периода), а также имена некоторых высших должностных лиц. Списки соотносят между собой правителей Ассирии и Вавилонии (однако сохранился только конец текста, где речь идет о последних веках существования Новоассирийского царства). Подробнее о царских списках см.: *Sacks A., Wiseman D.J. A Babylonian King List of the Hellenistic Period // Iraq. 1954. Vol. 16. P. 202–211; Malamat A. King Lists of the Old Babylonian Period and Biblical Genealogies // Journal of American Oriental Society. 1968. Vol. 88. P. 163–173; Röllig W. Zur Typologie und Entstehung*

а также реляциях, запросах и гимнах богам⁴. Цель этой статьи — показать многообразие жанров, которые выработала ассирийская историографическая традиция во второй половине II — первой половине I тыс. до н.э. Будут проанализированы разные группы текстов с точки зрения их внешней и внутренней формы, дан обзор основных проблем, связанных с исследованием этих текстов⁵.

der babylonischen und assyrischen Königslisten // Festschrift Wolfram Freiherr von Soden = Alter Orient und Altes Testament. 1969. Bd. 1. S. 265–277; Grayson A.K. Königslisten und Chroniken B. Akkadisch // Reallexikon der Assyriologie. 1980. Bd. 6/1–2. S. 86–135. Обзорную статью об ассирийских царских списках см.: Azize J. Who was Responsible for the Assyrian King List? // Abr-Nahrain. 1998. Vol. 35. P. 1–27.

⁴ Большая часть ассирийских текстов (в том числе надписи и анналы) писалась ритмизованной прозой. К сожалению, в русском переложении не удается сохранить ритмический рисунок оригинала.

⁵ Собственно анналам и надписям уделено немало внимания в литературе (эти источники были опубликованы уже не раз, они постоянно привлекаются для изучения разных аспектов политической и социальной истории Ассирии), но типологизация жанров ассирийского историописания как самостоятельная проблема в историографии затрагивалась поверхностно. Сведения античных авторов и библейского нарратива в первую очередь использовались при датировке событий и реконструкции политической истории Ближнего Востока второй половины I тыс. до н.э. Данные же клинописных источников стали привлекать внимание немногим более полутора столетий назад (подробнее о деятельности Г. Раулинсона, Э. Хинкса, Ж. Опперта, Дж. Смита и пр. см.: Гордон С.Г. Забытые письмена: Открытие и дешифровка. СПб., 2002. С. 81–117). К 1930-м годам надписи и анналы были частично собраны и опубликованы, но использовались в исследованиях весьма ограниченно, с 1930-х до 1970-х годов публикация памятников сопровождалась подробным исследованием и развернутым комментарием, а с конца 1980-х годов под руководством Симо Парполы началось издание «State Archives of Assyria», где представлены разнородные документы — от царских надписей и анналов до корреспонденции ассирийских царей: Budge E.A.W., King L.W. Annals of the Kings of Assyria. L., 1902; Luckenbill D.D. Ancient Records of Assyria and Babylonia. Chicago, 1926. Vol. 1; 1927. Vol. 2; Lie A.G. The Inscriptions of Sargon II, king of Assyria. P., 1929. Part 1: The Annals; Piepkorn A.C. Historical Prism Inscriptions of Ashurbanipal. Chicago, 1933. Vol. 1; Wiseman D.J. Chronicles of Chaldaean Kings (626–556 BC) in the British Museum. L., 1956; Borger R. Die Inschriften Asarhaddons Königs von Assyrien. Osnabrück, 1967; Grayson A.K. Assyrian Royal Inscriptions. Wiesbaden, 1972. Vol. 1; 1976. Vol. 2; Idem. Assyrian and Babylonian Chronicles. N.Y., 1975; Glassner J.-J. Chroniques Mésopotamiennes. P., 1993; Millard A. The Eponyms of the Assyrian Empire 910–612 BC // State Archives of Assyria Studies. Helsinki, 1994. Vol. 2; The Inscriptions of Tiglath-pileser III King of Assyria / Ed., transl. and comment. by H. Tadmor. Jerusalem, 1994; Иванчик А.И. Киммерийцы: Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М., 1996. С. 12–14, 61–63, 73, 78, 100–110, 167–289; Borger R., Fuchs A. Beiträge zum Inschriftenwerk Assurbanipals: Die Prismenklassen A, B, C = K, D, E, F, G, H, J und T sowie andere Inschriften. Wiesbaden, 1996; State Archives of Assyria / Ed. by S. Parpola. Helsinki, 1987–2008. Vol. 1–11. См. также:

Под именем «царских надписей»⁶ и «анналов» в литературе известны тексты, составленные от имени царя в форме отчета небесным покровителям и содержащие рассказы исключительно о его свершениях (главным образом об успешных военных кампаниях, а кроме того — о невероятных подвигах на охоте), оканчивающиеся

<<http://www.livius.org/cg-cm/chronicles/chron00.html>>; <<http://www.livius.org/babylonia.html>>; *Leichty E.* The royal Inscriptions of Esarhaddon, King of Assyria (680–669 BC). Eisenbrauns, 2011; *Tadmor H., Yamada S.* The Royal Inscriptions of Tiglath-Pileser III (744–727 BC) and Shalmaneser V (726–722 BC), Kings of Assyria. Eisenbrauns, 2011; *Grayson A.K., Novotny J.* Royal Inscriptions of Sennacherib: 1: King of Assyria 704–681 BC. Eisenbrauns, 2012.

Пионером в области изучения ассирийского историописания стал Ал. Олмстед, опубликовавший в 1916 г. монографию «Ассирийская историография», где и поставил основные проблемы — типологизация жанров, их функции и предназначение, адресат и сфера бытования (*Olmstead A.T.E.* Assyrian Historiography. Columbia, 1916, или: <http://www.pdfbooks.co.za/library/ALBERT_TEN_EYCK_OLMSTEAD/ALBERT_TEN_EYCK_OLMSTEAD-ASSYRIAN_HISTORIOGRAPHY.pdf>). В отечественной историографии первым обратил внимание на анналы новоассирийских царей (Салманасара III, Тиглатпаласара III, Саргона II и Ашшурбанапала) Н.А. Астафьев. Он исследовал тематику повествования, не обошел вниманием способ подачи материала и очевидные умолчания в источниках, проследил эволюцию датировочных формул от Салманасара III до Ашшурбанапала: *Астафьев Н.А.* Летописи ассирийских царей // ЖМНП. 1879. № 6. С. 165–201; 1880. № 1. С. 73–135; *Он же.* Древности вавилоно-ассирийские по новейшим открытиям: 3 публичных лекции // Вестник Европы. 1916. № 3. С. 47–74). О новоассирийском историописании и степени его самобытности идет речь в работах Дж. Томпсона и А. Оппенгейма (*Thompson J.W.* History of Historical Writing. N.Y., 1942. Vol. 1. P. 11–12; *Оппенгейм А.Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980. С. 234–235). Грейсон выделил следующие жанры в историописании новоассирийского периода: царские надписи, хронографические тексты, историко-литературные тексты, а также эпос. Кроме того исследователь определил функции историописания в Ассирии: пропагандистскую, дидактическую, юридически-дипломатическую и календарно-хронологическую (*Grayson A.K.* Histories and Historians of the Ancient Near East: Assyria and Babylonia // *Orientalia*. 1980. Vol. 49, N 2. P. 140–194, особенно p. 140–141, 189–191). Согласно предположению Клауса Вилке, надписи на статуях и стелах содержали в том числе и учебные тексты. Тем самым ученый заострил внимание на дидактической стороне анналистики, чему нашел параллели в ветхозаветной традиции (*Wilcke Cl.* Zum Geschichtsbewußtsein im Alten Mesopotamien // *Archäologie und Geschichtsbewußtsein. Kolloquien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie*. München, 1982. Bd. 3. S. 31–52, особенно S. 39–42).

⁶ К царским надписям в широком смысле относят самые разные тексты, как обращенные к современникам (указы, договоры, своды законов), так и к богам или потомкам. Ко второй группе относятся победные, строительные и посвятельные (вотивные) надписи, а также закладные и памятные надписи на стелах. Сюда же примыкают ассирийские анналы.

описанием строительства и поновления дворцовых ансамблей и храмов. У царских надписей и анналов много общего — совпадает структура, принципы отбора и во многом размещения событий. Собственно, граница между этими жанрами довольно зыбкая, и сущность различий сводится к степени пространности (краткие тексты называют царскими надписями, расширенные — анналами) и выраженности хронологического принципа (анналы более последовательно, чем надписи, выдерживают хронологию изложения событий).

Традиция царских надписей в Месопотамии началась с надписей старошумерских правителей⁷. Самые ранние из них были чрезвычайно краткими и состояли лишь из имени царя, его титула и названия города, в котором тот правил⁸. Однако непосредственного предшественника ассирийских царских анналов XIV–VII вв. до н.э. среди шумерских источников не обнаруживается.

Царские надписи и анналы в Ассирии известны со среднеассирийского периода (XIV–XI вв. до н.э.), с Ададнерари I (ок. 1300 г. до н.э.)⁹. Оба этих жанра развились из закладных надписей — таким образом царь посвящал возведенное по его приказу сооружение богам. Первоначально они были кратки и лаконичны, сообщая лишь, что царь N такого-то города богам посвятил то-то. Впоследствии титулатура стала наращиваться: к хвалебным эпи-

⁷ См.: *Емельянов В.В.* Древний Шумер. Очерки культуры. СПб., 2003. С. 171–180. О формировании писцового дела Месопотамии и способах фиксации речи см.: *Яковская Н.Б.* Смена лидирующих жанров клинописи // *Ассириология и египтология.* СПб., 2004. С. 199–203.

⁸ Подробнее о старошумерских царских надписях (жанровые особенности текстов, разработка приемов формулярного анализа, наблюдения над функциями надписей в обществе) см.: *Гаврилова Ю.Б.* О методике изучения старошумерских царских надписей // *Россия и арабский мир.* СПб., 2000. Вып. 6. С. 20–25; *Она же.* Сакральные формулы царских надписей Урукагины // *Петербургское востоковедение.* 2002. № 10. С. 230–245 (с подробным обзором подходов и методик изучения этих текстов, применяемых отечественными и зарубежными исследователями).

⁹ Анналы ИТ Ашшурбанапала (3 известняковые плиты в основании храма Иштар в Ниневии, 120 фрагментов плит) — это последние дошедшие до нас ассирийские анналы (датируются 640 г. до н.э., доведены до разгрома Элама и присяги Кира Персидского); следующая редакция Н (639 г. до н.э.) представлена фрагментами призм. После 630-х годов до н.э., по мнению Э.А. Грантовского, анналы и вовсе перестали составляться. Однако вполне возможно, что фрагменты искомым источникам до сих пор не найдены. Публикацию текстов царских анналов и надписей см.: *Luckenbill D.D.* Ancient Records. Vol. 1–2; *Grayson A.K.* Assyrian Royal Inscriptions. Vol. 1–2; ИДВТД. С. 225–227, 248–259; АВИИУ. № 2–3; *Иванчик А.И.* Киммерийцы: Древневосточные цивилизации. С. 107, 121, 185–189, 261–279.

тетам прибавлялись конкретно-исторические характеристики («покоритель такого-то», «поправший тех, побивший этих» и т.д.), в дальнейшем переросшие в развернутые описания походов и иных свершений царя (по объему они заняли первое место и отодвинули лаконичное описание строительства в самый конец надписи)¹⁰. В новоассирийскую эпоху они стали более многословными за счет хвалебных эпитетов в адрес царя, подробностей походов и красочных описаний многочисленных батальных и/или охотничьих сцен, призванных продемонстрировать, каким суровым испытаниям подвергался правитель, сколько опасностей ему угрожало, как он их преодолевал, сколько разрушений принес врагам, как преследовал их и расправился с противниками.

Новоассирийские царские надписи составлены в форме отчета об успехах правителя за тот или иной отрезок времени. Они невероятно тенденциозны и чувствительны к представлению любых военных операций с сомнительным исходом (систему умолчания о поражениях рассмотрим ниже). Анналы и надписи ассирийских царей можно разделить на три условные части — официальную титулатуру и генеалогию, собственно изложение событий (военных кампаний) и завершающую часть, обыкновенно включающую описание текущих реставрационных и строительных работ, формулы благословения, проклятия, а также датировочные формулы¹¹.

Палитру возможностей для анализа царских надписей и анналов целесообразно представить, опираясь на обширный корпус параллельных

¹⁰ Развитие этого жанра, вероятно, связано с влиянием хеттской традиции, надписи и анналы которой являли собой своеобразный отчет о реальной деятельности правителя или, скорее, список его достижений, таких как военные победы, гражданское и храмовое строительство, а также законодательная деятельность. См.: Иванов В.В. Хеттский язык. М., 1963. С. 35–37; Меликивили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960. С. 113.

¹¹ Как мы видим, ядром новоассирийских царских надписей стали отчеты о походах и завоеваниях, что, очевидно, связано с агрессивной внешней политикой, присущей правителям этого периода. Походы шли с нарастанием, достигнув кульминации при Тиглатпаласаре III и Саргонидях. Структура надписи существенно изменилась, и, хотя строительная часть была оставлена, на фоне разросшихся «военных реляций» она представлялась малозначимым элементом. Более того, в эпоху Новоассирийского царства, в отличие от предшествующих периодов, не известна практика обозначения годов по крупнейшим строительным проектам (царским и культовым). Об этом см.: *Winter I. Sennacherib's Expert Knowledge: Skill and Mastery as Components of Royal Display // Proceedings of the 51st Rencontre Assyriologique Internationale held at the Oriental Institute of the University of Chicago, July 18–22, 2005. Chicago, 2008. P. 337–338* (с литературой).

письменных источников. Среди них: запросы к оракулам, письма и гимны богам, компилятивные хроники, а также царские списки и списки эпонимов (лимму). Материалы этих источников позволяют существенно дополнить и конкретизировать наши знания об уже известных по надписям фактах и событиях. К примеру, запросы к оракулу могут содержать сведения об успешных восстаниях против ассирийской власти, которые бесполезно искать в официальных текстах — царских надписях, анналах и общем своде завоеваний царя (представлявшем собой краткое повествование об основных свершениях и достижениях за отчетный период правления). Гимны в честь богов, дарующих победы царю, фиксируют особо значимые события как внутри страны, так и за ее пределами, благодаря чему могут подтвердиться данные, известные по другим источникам. Списки эпонимов (лимму) позволяют выявить те походы и военные экспедиции, которые снаряжались правителем, но по разным причинам оказывались неудачными и потому не находили отражения в царских надписях.

Изучая любой источник, невозможно обойти стороной вопрос о материале, на котором зафиксирован текст. Общеизвестно, что обделенные такими природными материалами, как камень или папирус, но располагавшие в избытке глиной, жители Двуречья стали применять ее в качестве писчего материала¹². Для этого использовались мягкие сорта глины, предварительно очищенные в воде от солей, листьев и иных примесей. На мягкой еще глине с помощью горизонтальных, вертикальных и угловых клиньев можно было писать любую информацию (ровно до того момента, пока глина не начинала твердеть). Обжигу за отсутствием в регионе лесов подвергались лишь таблички, имевшие первостепенную важность, — например, царские надписи или экземпляры, предназначенные для хранения в архивах/библиотеках. Все прочие просто высушивались на солнце. Вотивные надписи наносили не только на глиняные таблички, но и на печати и металлические пластинки¹³.

Тексты царских надписей и анналов могли быть выбиты на статуях шеду (крылатых быков) в царских дворцах и на каменных пли-

¹² Подробнее о материалах для письма см.: *Grayson A.K. Papyrus and Tablet*. Englewood Cliffs, 1973; *Дандамаев М.А. Вавилонские писцы*. М., 1983. С. 16–18, 32–40.

¹³ В I тыс. до н.э. стали активно применять кожу, привозной папирус и вытянутой формы дощечки из дерева, реже из слоновой кости, с краями-бортиками и выемкой, покрытой воском. Навощенные дощечки были несравнимо удобнее глины: можно было остановить работу, а затем продолжить ее в любой момент. Кроме того, по прошествии времени или по мере надобности текст можно было стереть

тах стен дворцовых зал (например, анналы Ашшурнацирапала II из дворца в Кальху и анналы Саргона II из дворца в Дур-Шаррукине). Анналы на глиняных цилиндрах и призмах¹⁴, строительные и почитательные надписи также закладывались в недоступных частях, чаще всего в основание строящихся зданий. Найдены они могли быть лишь при перестройке или обновлении сооружения, либо же в ходе археологических раскопок. Известно, что царские анналы составлялись более чем в одной копии: так, текст анналов Синахериба (на шестигранной призме Тэйлора, обнаруженной в фундаменте его дворца) с незначительными сокращениями представлен также на статуях шеду из дворца в Ниневии¹⁵; о редакции НТ (ок. 660 г. до н.э.) анналов Ашшурбанапала (ни одной призмы до нас не дошло) можно судить по двум глиняным табличкам из царского архива в Куянджике¹⁶. Парадные (или торжественные) варианты царских или храмовых надписей высекались на скалах, каменных стелах или обелисках.

Тексты царских надписей предназначались далеко не только богам (сомнительно, чтобы развернутая литературная и «историографическая» традиция существовала в Месопотамии лишь для информационного обеспечения высших существ, которым, по определению, и так известно всё в деталях). Божества, увидев и прочитав эти реляции, должны были счесть царствующую особу в высшей степени достойной править и заслуживающей их покровительства. Кроме того, их читателями были также проходившие по коридорам и залам придворные, купцы, чиновники и послы иноземных стран. И тем, и другим также адресовались наскальные надписи. Если же надписи закладывались в фундамент, без сомнения, они предназначались исключительно для глаз богов¹⁷.

Для Ассирии характерна практика неоднократного составления анналов за время правления одного царя. Например, анналы Ашшурба-

и использовать дощечки для новых записей. Такими дощечками пользовались в храмах и царской канцелярии, с их помощью вели хозяйственную документацию на арамейском языке (хотя есть примеры клинописных текстов). Для монументальных надписей или договоров, составлявшихся клинописью по-аккадски, такие дощечки не использовались.

¹⁴ Зачастую одна царская надпись могла занимать несколько глиняных призм. Разумеется, это справедливо и для анналов, несколько более пространных по сравнению с надписями.

¹⁵ АВИИУ. № 3. С. 211.

¹⁶ *Иванчик А.И.* Киммерийцы: Древневосточные цивилизации. С. 103, 266.

¹⁷ Ср.: *Отпенхейм А.Л.* Древняя Месопотамия. С. 80.

напала сохранились в нескольких разновременных редакциях. Каждая последующая редакция, очевидно, составлялась на основе предыдущих (копий, хранившихся в архиве). Практически полностью переписывались фрагменты, не утратившие к моменту составления новой редакции свою значимость¹⁸. Известия прежних редакций, становившиеся теперь по тем или иным причинам неуместными, изымались, а те, что успели потерять свою актуальность, хотя и подчеркивали военные достижения царя, тем не менее сокращались¹⁹. Дополнительно в новую редакцию включались сообщения об успешных кампаниях, осуществленных с момента составления прежней редакции, а в строительной части расписывались дальнейшие работы.

События одного царствования излагались не в строгой временной последовательности: они были сгруппированы и распределены более по тематико-географическому принципу, нежели по хронологическому²⁰. Необходимость логически увязать события, связь между которыми могла сделаться размытой и неясной или, хуже того, вовсе прерваться, если бы писец четко придерживался хронологии изложения, побуждала его организовывать текст так, чтобы акцентировать логические, а не временные связи, что неизбежно вызывало «сбои» в хронологии. Если логика изложения требовала напомнить о взаимоотношениях Ассирии и завоеванных земель, следовал краткий обзор этих отношений, сообщающий только самые важные и политически значимые на момент составления текста обстоятельства. Так, Ашшурбанапал, говоря об одной своей крупной победе над Лидией, считает безусловно необходимым сделать отступление и обозреть отношения с ней до и после этой победы (до момента составления текста). В данном отрывке указываются все мало-мальски значимые военные операции, упоминается о расторгнутых договорах, плен-

¹⁸ *Novotny J.* Classifying Assurbanipal's Inscriptions: Prisms C, KH (= CND), and G // Proceedings of the 51st Rencontre Assyriologique Internationale held at the Oriental Institute of the University of Chicago, July 18–22, 2005. Chicago, 2008. P. 129. Нередко скопированные фрагменты писец вписывал в ограниченное пространство таблички или призмы, располагая клинописные значки плотнее и ближе друг к другу, а также уменьшая расстояние между строчками. Особенно это характерно для конца таблички (любой ее стороны) или призмы (любой ее грани).

¹⁹ Подробнее о редакциях анналов см.: *Иванчик А.И.* Киммерийцы в Передней Азии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 8–11; *Он же* Киммерийцы: Древневосточные цивилизации. С. 100–103, 107–110, 261–279; *Piepkorn A.C.* Historical Prism Inscriptions. Vol. 1. P. 4–6.

²⁰ Ср.: *Источниковедение истории Древнего Востока* / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1984. С. 125.

никах и пр., и тем самым разрывается хронологически выдержанное изложение побед царя²¹. Данный случай — не единичный. Хотя тематико-географический принцип изложения событий господствует на протяжении всего текста, он не вытесняет хронологического, а дополняется им. Имеются также и анналы, в которых годичный принцип формирует структуру текста (см. анналы Салманасара III, Тиглатпаласара III, Саргона II), однако это редчайшие случаи²².

И хотя в ассирийской анналистике хронологический принцип ослаблен и, как правило, не определяет последовательности известий, из всех видов царских надписей анналы более всего склонны следовать такому порядку изложения, разграничивая текст по годам правления царей и/или по эпонимам. Максимально вольно обращаются с хронологией торжественные надписи и официальные сводки завоеваний. К примеру, торжественные надписи конца царствования Тукульти-Нинурты I (1233–1197 гг. до н.э.) демонстрируют хронологические нарушения, относя победу над хеттами к «началу его правления»²³. Однако ни надписи более раннего времени, ни дипломатическая переписка с хеттским царем того периода ни о чем подобном не говорят. Из надписи Тп. 16: «В начале моего царствования, в первое время моего правления, я согнал 28 000 мужей страны Хатти из-за реки

²¹ См.: *Иванчик А.И.* Киммерийцы: Древневосточные цивилизации. С. 101–102.

²² АВИИУ. № 2. С. 311, 316–319.

²³ Подробнее о типах вступительных датировочных формул (*ina šurru kussē šarrūti-ia ina mahri palē-ia* = «когда я воссел на царственный трон в первый год моего правления»; *ina šurrāt šarrūti-ia ina mahri palē-ia* = «в начале моего царствования в первый год моего правления» и *ina šurrāt šarrūti-ia* [позднее — *rēš šarrūti-ia*] *ina mahri palē-ia ša ina kussē šarrūti rabiš ūšibu* = «в начале моего царствования в первый год моего правления, когда я воссел на царственный престол») и их эволюции см.: *Weidner E.F.* Die Königsliste aus Chorsābād // *Archiv für Orientforschung.* 1941–1944. Bd. 14. S. 40–53; *Tadmor H.* The Campaigns of Sargon II of Assur: A Chronological-Historical Study // *Journal of Cuneiform Studies.* 1958. Vol. 12, N 1. P. 22, 24–33 (с литературой). В частности, в последней статье подробно исследуется вопрос о внутреннем делении текстов призм и анналов Саргона II по годам правления = военным кампаниям царя (*palū*). Детально разобрана и сама система отсчета, при которой счет лет по походам (*palū*) поначалу не соответствовал счету по календарным годам правления (*šatti*). Счет лет по походам запаздывал, т.к. отсчет шел от первого (полного) года правления и далеко не сразу он был увязан с годом воцарения. *Palū* использовали еще в среднеассирийских хрониках, а в царских надписях эта датировка впервые встречается у Салманасара I (1263–1234 гг. до н.э.). Также о датировочных формулах см.: *Negri Scafa P.* The Scribes of Nuzi: Date formulae and their use in the Nuzi corpus // *Proceedings of the 51st Rencontre Assyriologique Internationale held at the Oriental Institute of the University of Chicago, July 18–22, 2005.* Chicago, 2008. P. 119–125.

Пурагту и привел их в мою страну»²⁴. Предшествующие ей по времени надписи не подтверждают этого: «В начале моего царствования, в первое время моего правления я завоевал страну Кути, страну Укумани, страны Элхуниа и Шарнида, страну Мехри» и «В начале моего царствования я двинулся на страну Укумени... Стал я господином над обширной страной Кути... страну Элхуниа... я наложил на них подать и дань... 5 крепостей страны Кадмухи... я завоевал», — ни словом не упоминая о походе против хеттов²⁵. Вероятнее всего, как предположил А.А. Немировский, столь «вольно» обойтись с хронологией позволили особенности жанра торжественных надписей, не нацеленных на изображение событий во временной последовательности, и туманность выражения «в начале царствования»²⁶.

Рассмотрим структуру текста царских надписей/анналов более детально.

1. **«Преамбула»**. Надписи и анналы открываются титулатурой с обязательными эпитетами, как лишенными исторического содержания, так и прославляющими конкретные достижения царя, и его официальной генеалогией.

Невозможно обойти вниманием такой неперенный элемент царских надписей, как титулатура²⁷. Составляют ее два больших блока: общие эпитеты хвалебного толка и конкретно-историческая часть (прославления военно-политических побед и иных достижений, свершенных царем по милости и при поддержке богов). Первые помогают приблизиться к тогдашнему пониманию сути царской власти, благодаря второй успешно реконструируются политические события царствования, производится относительная датировка надписей одного и того же царя.

²⁴ ИДВТД. С. 250.

²⁵ Там же. С. 248–250.

²⁶ Там же. С. 250–252. Такие размытые обороты встречаются и во вступительной части торжественных надписей Синахериба на горах Бавиан и Джуди-даг, охватывая значительный временной интервал, однако они указывают не на отдельный этап в его царствовании, а на весь период правления: «В это время», «в то время» (АВИИУ. № 3. С. 212, 214). Если подобные формулы разграничивают фрагменты повествования, то в этом случае они указывают не на одновременность событий, а на их известную близость по времени.

²⁷ О рельефах и изображениях на них как об отражении и продолжении царской титулатуры см.: *Watanabe C.E. The Classification of Methods of pictorial Narrative in Assurbanipal's Reliefs // Proceedings of the 51st Rencontre Assyriologique Internationale held at the Oriental Institute of the University of Chicago, July 18–22, 2005. Chicago, 2008. P. 321–331.*

Общие эпитеты — это обязательный атрибут любой титулатуры, своего рода устойчивые клише, развернутые формулы со стержневым словом или без него, но четко передающие смысл и значение, которыми наделялась царская власть. Нередко лишенные исторического содержания, они прославляли те качества правителя, без которых невозможны не только военные удачи и иные его достижения, но и успешное функционирование государства в целом, а также процветание страны, над которой тот поставлен по воле божеств²⁸. Помещенный ниже отрывок из анналов Ашшурбанапала (668 – ок. 630/27 гг. до н.э.) дает четкое представление о сущности царской власти и ее значении для жителей страны.

По повелению богов великих, коих имена я назвал,
Коим хвалу я произнес — тем, что устроение царствования моего
пovelели,
И попечение о святилищах своих мне поручили,
За меня супостатам моим отплатили, врагов моих истребили,
Муж могучий, любимец Ашшура и Иштар,
Потомок царственности — я!
После того как Ашшур, Син, Шамаш, Адад, Бел, Набу...
Милостиво на престол отца-родителя моего меня посадили,
Адад дожди свои излил, Эйа источники свои открыл,
До пяти локтей поднялось зерно в росте своем,
До пяти шестых локтя был колос длиною,
Был урожай ровен — расцвет Нисабы,
Неуклонно луга наливались,
Плодовые деревья плодоносили, скот удавался при рождении.
Под властью моей изливалось плодородие, в годы мои копилось
изобилие²⁹.

Сравним титулатуры одной из надписей Тукульти-Нинурты (1233–1197 гг. до н.э.), анналов Синаххериба (704–681 гг. до н.э.)³⁰ и надписи Асархаддона (680–669 гг. до н.э.)³¹.

²⁸ Ср.: «От личных качеств царя, его добродетелей или пороков, заслуг или преступлений зависит не только успех или неудача в политических делах, но и урожай, климат — вся жизнь страны» (*Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: Человек, судьба, время. Очерки. М., 1983. С. 20*).

²⁹ Когда Ану сотворил небо: Литература древней Месопотамии / Пер. и сост. В.К. Афанасьевой и И.М. Дьяконова. М., 2000. С. 328–329.

³⁰ ИДВТД. С. 249–250, 253–254.

³¹ Хрестоматия по истории Древнего Востока / Сост. и коммент. А.А. Вигасина. М., 1997. С. 175.

Тукульти-Нинурта, царь вселенной, царь страны Ашшур, царь четырех сторон (света), божественное солнце всех людей, царь могучий... царь, кому боги помогли добиться его желанных побед и кто пасет четыре стороны (света) своим страшным могуществом — (вот) я! — сын Шульмануашарета, царя вселенной, царя страны Ашшур, сына Ададнерари, также царя вселенной, царя страны Ашшур.

[Я] — Синахериб, великий царь, могучий царь, царь обитаемого мира, царь Ассирии, царь четырех стран света, премудрый пастырь, послушный великим богам, хранитель истины, любящий справедливость, творящий добро, приходящий на помощь убогому, обращающийся ко благу, совершенный герой, могучий самец, первый из правителей, узда, смиряющая строптивых, испепеляющий молнией супостатов.

Асархаддон, царь великий, царь могучий, царь вселенной, царь Ассирии, правитель Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь Кардуниаша, ...воз[вышенный] сам[одерж]ец Ашшура, [Шамаша], Набу [и Мардука], царь царей, бесстрашный в бою, соверш[енный] герой, беспощадный в сражении, всемогущий вельможа, держащий [на] веревке князей, расสวิрепевший пес, мстящий за [своего] отца, породившего его, царь, который справедливо правит с помощью Ашшура, Шамаша, Набу и Мардука, богов, его помощников, и достиг своих желаний, [тот, который] сломал, как камыш, и растоптал своими ногами всех непослушных ему, непокорных ему князей, обеспечивший жертвоприношениями великих богов, мысли которого направлены (?) на почитание богов и богинь.

Царь в надписях предстает не как личность со своими привычками и характером, страхами, опасениями и стереотипами, но именно как правитель – как известный набор социальных и политических функций, успешное выполнение которых напрямую зависит от божественного покровительства и строго определенного набора навыков и умений. Потому и оцениваются его деяния в заданных рамках. Царь, демонстрирующий свою мощь воина, правителя и мужчины, выступает как успешный военачальник, закрепляющий славу и величие своей страны победоносными войнами, оборотивший всего себя на поддержание справедливости внутри страны — на защиту угнетаемых и притесняемых, — устанавливающий новые (более мудрые и честные) порядки (если речь идет о законах) и пр. Мы в полном праве считать все царские надписи, в том числе и анналы, своеобразными списками достижений правителя, за которые он удостоивается доброй памяти потомков и благосклонности богов³².

³² Первым на эту особенность обратил внимание, работая с анналами Тиглатпаласара, Н.А. Астафьев (*Астафьев Н.А. Летописи. 1879. № 6. С. 176, 199*).

Титулатуры царских надписей также включают важные, с точки зрения правителя, выдержки из титулатур его ближайших предшественников на престоле (отца и деда), либо тех, к кому себя возводит царь, от имени которого составляется текст. Прокламируются их военные и политические победы, подчеркивающие величие и славу предков, равно как и подтверждающие его собственное могущество в качестве их преемника. Сама по себе генеалогия правителя должна свидетельствовать о непрерывности политической традиции и продолжении царствующей династии, а значит — и о легитимности правления данного царя. Сравним помещенный выше отрывок из надписи Тукульти-Нинурты с титулатурой его деда Ададнерари I (1295–1264 гг. до н.э.).

Ададнерари, светлый государь, наместник богов, основатель городов, истребитель мощных племен касситов, кутиев, лулумеев и шубарейцев... расширивший границы и пределы, царь, к ногам коего Ану, Ашшур, Шамаш, Адад и Иштар склонили всех правителей и государей, славный первосвященник Эллиля, сын Арикденилу, наместника Эллиля, ишшакку бога Ашшура, покорившего страну Турукки и Нигимхи до пределов ее, всех правителей гор и холмов обширных пределов кутиев, покорившего страну Кудмухи и всех ее союзников, полчища ахламеев, сутиев, яуриев и их страны, расширившего границы и пределы, внук Эллильнерари, ишшакку Ашшура же, который побил войско касситов и рука которого победила всех ненавистников его, расширившего границы и пределы, потомок Ашшурубаллита, царя сильного, чье первосвященство славно в грозном Экуре и чье благополучие царствования было утверждено до дальних мест, подобных горе, покорившего страну Муцру, рассеявшего всех многочисленных шубарейцев, расширившего границы и пределы³³.

³³ Когда Ану сотворил небо. С. 299. Небезынтересно отметить, что изменение этих официальных эпитетов свидетельствует о возрастании статуса и роли правителя: от «ишшакку Ашшура» при Арикдениле и Эллильнерари (исполнявшего лишь функции жреца и военного вождя, хотя и обладавшего наследственной властью) до «царя вселенной» (при Ададнерари I). Справедливости ради заметим, что еще Ашшурубаллит I стал именовать себя «царем Ассирии», но только в дипломатической переписке с египетским фараоном (EA 15, EA 16: *Knudtzon J. Die El-Amarna-Tafeln. Leipzig, 1907. Bd. 1. S. 125–131*), избегая называть себя так внутри страны. О притязаниях Ададнерари I на титул «великого царя» и особой роли Ассирии на международной арене см.: *Александров Б.Е. Кто мог быть Великим царем Ханигальбаата в XIII в. до н.э.? К Интерпретации КВо XXVIII 66 // Древний Восток и античный мир. М., 2000. Вып. 3. С. 6–8, 16.*

Титулатура включает в себя и эпитеты военно-политического характера, славящие конкретные подвиги, победы и свершения правителя. Сопоставление титулатур дает возможность выявить успешно проведенные военные кампании, проследить за территориальными приращениями и их последовательностью в период одного царствования. Расширение этой части титулатуры облегчает датировку надписей относительно друг друга. Ниже помещены выдержки из титулатур Тукульти-Нинурты I, явственно это демонстрирующие.

Тп. 10: покоритель страны Кути;

Тп. 3, Тп. 20: сокрушитель стран Укумани и Папхи — труднопроходимых горных стран — [победитель князей] Кути вплоть до страны Мехри, рассеявший [все] войска страны Шубари вкупе с отдаленными [странами На]ири [вплоть] до границы Магана;

Тп. 9, Тп. 12: победитель князей (страны) Кути вплоть до страны Мехри, рассеявший войска страны Шубари и отдаленных стран Наири до границы Магана;

Тп. 6, Тп. 14: победитель непокорных мятежников стран Укумани и Папхи, сокрушитель страны Кадмухи, армии страны Кути — труднодоступных горных (стран), рассеявший войска всей страны Шубари, разгромивший всех непокорных стран Алзи (и) Пурулумзи... Тот, кто захватил власть над всеми странами Наири и покорил сорок царей — правителей их себе под ноги, кто превратил страны Азалзи (и) Шепарди в пределы своей страны, кто нанес поражение стране Шумер-и-Аккад, и (тем) явил навеки свое могущество, кто захватил Каштилиаша, царя касситов;

Тп. 17: царь страны Ашшур и царь страны Кардуниаш, царь страны Шумер-и-Аккад, царь города Сиппар и города Вавилон, царь страны Тильмун и страны Мелухха, ...царь страны Шубари, страны Кути и царь всех стран Наири;

Тп. 5: царь страны Ашшур, царь четырех сторон (света)... царь страны Кардуниаш, царь страны Шумера-и-Аккада, ...царь страны Шубари, (страны) Кути и царь всех стран Наири³⁴.

Датирующие признаки обнаруживаются не только при сопоставлении титулатур. Сам перечень военных кампаний царя, степень детализированности их описания, а также последовательность их перечисления вкупе со строительными отсчетами позволяют уточнить датировку вплоть до нескольких месяцев (если известно, в чей эпонимат эта редакция создавалась)³⁵.

³⁴ ИДВТД. С. 249, 251–252.

³⁵ *Novotny J. Classifying Assurbanipal's Inscriptions.* P. 127, 128–129.

Повествовательная часть. Предмет повествования в надписях и анналах – события правления того царя, от имени которого они составлялись. Прежде всего это его успехи на военном поприще: расширение территории — захват новых и возвращение утраченных ранее земель, — экспедиции против бунтовщиков, отказавшихся платить дань, подавление мятежей; картины расправ над восставшими жителями, разрушений их городов и преследований беглецов; зарисовки испытаний, преодоленных в походах; подробное перечисление предметов собранной дани; решение участи военнопленных и гражданского населения присоединенных районов (наложение и сбор дани, переселение жителей покоренных стран). Разумеется, каждый пункт такого отчета сопровождается неизменным указанием на заступничество, помощь и покровительство божеств.

Стиль, свойственный надписям правителей, обусловлен изображаемыми объектами, событиями и явлениями. Шаблонным и клишированным изложение получалось за счет устоявшихся, не менявшихся порой на протяжении многих веков, но изящных оборотов и выражений, устойчивых формул и отрывистых стереотипных описаний, развернутых повествований и традиционных образов, в совокупности составлявших устойчивые обороты месопотамской официальной лексики.

Царь, от имени которого ведется повествование, не забудет обрисовать затруднения, препоны и тяготы пути, упомянув, что недруги чуть было не сорвали его замыслы, отчего вдвойне достойней и почетней было преодолеть все означенные препятствия. Также поражают воображение своей суровостью и неприступностью картины местностей, через которые ему доводилось пройти:

Высокие горы, трудные плоскогорья я проехал верхом, а колесницу, подножие мое, велел нести на плечах. Теснины я преодолел пешком, подобно туру... Дороги не проторенные, тропы крутые, что на горах неприступных, до меня не проходил никто из прежних царей. У подножий горы Анары и горы Уппа, гор могучих, я разбил лагерь и сам я на носилках вместе с воинами моими превосходными в узкие их проходы с трудом вошел, вскарабкался на неприступные горные скалы³⁶.

Люди уклонились и заняли крутую гору. Гора была очень крута, вслед за ними я не пошел. Гора была расположена, как лезвие на-

³⁶ Из анналов Синаххериба (ИДВТД. С. 254, 256).

точенного железного кинжала, и даже летающие птицы небесные не достигают дотуда; а их убежище было устроено как гнездо коршуна посреди гор, внутрь которых не заходил никто из царей, моих предков. В течение трех дней витязь лез по горам, его смелое сердце задумало сражение. Он поднялся пеший, гору одолел, разбил их гнездо, рассеял их полчище, двести воинов сразил оружием, тяжкий полон их полонил, словно стадо овец; кровью их окрасил гору, как алую шерсть. Остаток их пожрали ущелья и обрывы гор. Их села я разрушил, снес, сжег в огне³⁷.

И даже о погодных явлениях упоминается в таком же контексте:

В месяце тамхири настал великий холод, многочисленные тучи проливали дожди. Я устрасился дождя и снега, крутизны гор, повернул перед моего ярма и отправился в Ниневию.

Текст продолжается довольно забавно:

В те же дни, по велению Ашшура, моего владыки, царь Элама — не прошло и трех месяцев — в день, для него несчастный, внезапно умер. После него Умманмену, не имеющий ни ума, ни благоразумия, воссел на трон его³⁸.

Даже если царь по каким-либо причинам не смог поучаствовать в операции, боги за него все сделают, ибо они его еще с рождения определили царствовать и наделили всеми качествами, которые должны быть присущи правителю.

В рамках этого стиля также оформились и выражения, освещающие течение и исход военных кампаний: «На страну идти я повелел N... нанес поражение N... повернул и отправился в путь на страну P... нанес поражение и рассеял силы его... осадил, взял, захватил добро и... повернул и города его взял, разрушил, обратил в руины... всю эту страну обширную я ниспроверг... города их малые, коим счета нет, я разрушил, снес, обратил в руины. Шатры и палатки, обиталища их, я спалил огнем, предал пламени... нанес поражение, развеял его силу, разбил его войско»³⁹. В той же манере выдержано описание захвата военной добычи, наложения и сбора дани:

³⁷ Из annalov Ашшурнацирапала II (АВИИУ. № 2. С. 285–286).

³⁸ Из annalov Синахериба (ИДВТД. С. 257).

³⁹ См., например: Там же. С. 254–258.

Людей, коней, ослов, крупный и мелкий скот из них я вывел и присоединил к добыче... людей от мала до велика, мужчин и женщин, коней, мулов, ослов, верблюдов, крупный и мелкий рогатый скот без счета я захватил... 208 тысяч человек от мала до велика, мужчин и женщин, коней, мулов, ослов, верблюдов, крупный и мелкий рогатый скот без числа — знатную добычу — я увел в Ассирию⁴⁰.

Краткие версии надписей фиксируют лишь перечень наиболее значимых предметов добычи и дани, тогда как развернутые надписи и анналы дотошно перечисляют собранную дань и награбленную добычу⁴¹.

Участь военнопленных и гражданского населения захваченных земель также облачается в трафаретные формулы:

Людей страны Бит-Якин, вместе с богами их, и людей царя Элама я полонил, не оставил ни одного беглеца. Я посадил их на корабли, переправил на этот берег и отправил в Ассирию. Города, что в этой местности, я разрушил, уничтожил, предал огню, обратил в холмы и руины⁴².

Зачастую описание очередных грандиозных свершений царя сопровождается воззваниями к богам, упоминаниями о благосклонности последних, их помощи и содействии правителю, такими как:

Силою бога Ашшура, моего владыки... оружием Ашшура, владыки моего... бог Ашшур, мой владыка, воодушевил меня... по велению Ашшура, владыки великого, моего владыки... я же взмолился к богам, помощникам моим, об одолении врагов могучих, и молитву мою тотчас они услышали и пришли ко мне на помощь⁴³.

Однако не стоит думать, будто обилие клишированных фраз загромождает собой, подавляет и вытесняет авторские решения, индивидуальные для надписей каждого правителя:

Сам же он — ужас моего сражения обрушился на него, содрогнулось его сердце, как у болотной рыси, одиноко он убежал, и не было найдено его местопребывание. Перед ярма моего я повернул и отправился в путь на страну Бит-Якин. Он же... которому, идя в третий поход, я нанес поражение и рассеял силы его, испугался грома моего могуче-

⁴⁰ Из анналов Синаххериба (Там же. С. 254–255).

⁴¹ История Востока. М., 1999. Ч. 1: Восток в древности. С. 266.

⁴² Из анналов Синаххериба (ИДВТД. С. 257).

⁴³ Там же. С. 254–258.

го оружия и наступления моей ужасной битвы. Он собрал всех богов своей страны из их жилищ, погрузил их на корабли и, словно птица, улетел в город Нагите-ракки, что посреди моря... Я разбил боевой лагерь у подножия горы Нипур и с отборными воинами моей гвардии и беспощадными воинами моими я, словно тур могучий, во главе их встал. Ущелья, водопады, крутые обрывы гор на носилках я преодолел, места, трудные для носилок, я прошел пешком, подобно горному козлу, по высоким вершинам и хребтам их. Там, где уставали колени мои, я садился на горные камни и пил воду из бурдюка ради утоления жажды. Я преследовал их на вершинах гор и нанес им поражение... Как лев я взъярился, облачился в доспехи, шлем, украшение битвы, возложил я на главу свою, на мою боевую колесницу высокую, ниспровергающую супостата, в ярости сердца своего я взшел поспешно. Могучий лук, врученный мне Ашшуром, в руки мои я схватил, дротик, пересекающий жизни, во длани мои я взял, над всем войском злобного недруга, словно ураган грозно я закричал, словно Адад, я взревел. По велению Ашшура, владыки великого, владыки моего, на фланг и фронт, словно порыв стремительного южного урагана, на врага я обрушился, оружием Ашшура, владыки моего, и яростным натиском я повернул их вспять и обратил в бегство. Вражеское войско стрелами и дротиками я преуменьшил и все тела их пронзал, словно решето⁴⁴.

Текст, описывая отношения Ассирии с новоприобретенными территориями, не ограничивается сообщениями о захватах и грабежах, отселении части жителей с покоренных земель, наложении дани и пр., добавляя сведения о реорганизации местного аппарата управления и широкомасштабном строительстве на завоеванных областях (возведении военных укреплений, оборонительных крепостей, а также гражданских объектов, установлении памятных стел и торжественных надписей). Ярким примером здесь могут послужить анналы Синаххериба:

Город Бит-Киламзах, город Хардишпи, город Бит-Кубатти... я осадил и взял... Затем я вернулся и этот город Бит-Киламзах превратил в крепость. Больше, чем прежде, я укрепил его стены. Людей разных стран, добычу рук моих, в нем я поселил. Людей страны касситов и страны ясубигалайцев, что перед оружием моим убежали, из гор я велел вывести и в городе Хардишпи и городе Бит-Кубатти, поселил их. Я счел их, о стеле я позаботился. Победу, добытую моими руками, которую над ними я одержал, на ней я велел начертать и посреди города ее поставить⁴⁵.

⁴⁴ Из анналов Синаххериба (Там же. С. 256, 258).

⁴⁵ Там же. С. 254.

3. **Заключительная часть.** Текст обыкновенно завершается описанием строительных работ: традиционно сообщается о построении или обновлении дворцов и храмов, возведении городов и крепостей, укреплении оборонительных сооружений. В самый конец писец помещал рассказы об охотничьих подвигах правителя (анналы Тиглатпаласара I, Ашшурбанапала), а также заклятие посмевающим повредить надпись и благословение тем, кто трепетно заботится о ее сохранности. Вот как, к примеру, заканчиваются анналы Синаххериба («Призма Тэйлора»):

В те дни дворец, что внутри Ниневии, я сделал своей резиденцией, наполнил его роскошью всем людям на удивленье. Задний дворец, который для размещения гарнизона, содержания лошадей и хранения всякой всячины велели построить цари прежние, предки мои, террасы у него не было, жилые помещения малы, некрасив вид, фундамент его обветшал от времени, ослабла его основа, обрушились его башни — дворец этот целиком я разрушил, большой пустырь из лугов и полей города я присоединил в качестве добавления. Место прежнего дворца я оставил и на лугах, которые до самого берега реки, землю взял... дворец этот от фундамента до крыши его я отстроил, завершил. Стелы — начертание имени моего — в нем я установил для будущих времен. Из царей, потомков моих, тот, кого Ашшур и Иштар изберут для управления страной и людьми, когда дворец этот обветшает и обвалится, будущий правитель разрушенное да восстановит, стелу — начертание имени моего — да увидит, и елей да приготовит, возлияние да совершит, на место ее да возвратит он. Ашшур и Иштар окажут ему милость, услышат его молитву. На того же, кто изменит надпись мою и имя мое, Ашшур, великий владыка, отец богов, да выступит враждебно, да лишит он его жезла и престола, да ниспровергнет он его правление.

Далее помещается датировочная формула:

В месяце аддару, в день 20-й, эпонимат Бел-эмуранни, областеначальника Каркемиша⁴⁶.

Описание строительных работ — перестройки ветхих частей дворца, восстановление разрушенных участков, возведение новых комплексов, завершение строительства и проведение отделочных работ — важный датирующий признак, наряду с сопоставлением титулатур и изложением военных кампаний. Это хорошо просматривается на примере надписей Тукульти-Нинурты, первым из ассирийских царей

⁴⁶ Там же. С. 258–259.

решившего оставить Ашшур с его старой знатью и отстроить себе новую столицу. В своих надписях он последовательно объявляет о ниспослании смелой идеи, закладке дворца и проведении строительных работ. Описаниями строительных работ еще в Ашшуре оканчиваются надписи Тп. 1, Тп. 5, Тп. 10, Тп. 3, Тп. 20, Тп. 9, Тп. 12, Тп. 6, Тп. 14, зато в надписях Тп. 16, Тп. 17, Тп. 60, Тп. 61⁴⁷ запечатлены обстоятельства сооружения Кар-Тукульти-Нинурта: изложен замысел строительства, представлено описание закладки города и его возведения, что дает основание датировать последние надписи более поздним временем по сравнению с первой группой.

* * *

Обратимся теперь к системе умолчания ассирийских текстов. Надписи и анналы ассирийского царя никогда не упомянут о его неудачных походах, неподавленных восстаниях, отложившихся в его царствование территориях и прочих поражениях. Месопотамская традиция выработала общие принципы умолчания, дабы искусно скрывать компрометирующие правителя обстоятельства.

Титулатура надписей Ададнерари I (1295–1264 гг. до н.э.) настойчиво твердит о завоевании им Среднего Евфрата и Аррапхи, которые он отобрал у Вавилонии. Однако «Синхронистическая история» 785 г. до н.э. ни единым словом об этом не упоминает, потому что вскоре эти земли были утрачены Ассирией и вновь оказались под ее властью лишь в правление Тукульти-Нинурты I (1233–1197 гг. до н.э.). Тенденциозность ассирийских царских текстов не позволила включить эти завоевания в «Синхронистическую историю», ибо упоминание о них автоматически потребовало бы и рассказа о событиях, связанных с потерей этих территорий, обесценивающей это достижение правителя, чего никогда не допускают подобного рода источники. Приведем параграф «Синхронистической истории», повествующий о времени царствования Ададнерари I:

Ададнерари (I), царь страны Ашшур, (и) Назимарутташ, царь страны Кардуниаш (Вавилонии), бились между собой в городе Кар-Иштар, (что) в Угарсаллу. Ададнерари нанес поражение Назимарутташу, учинил ему разгром. Его лагерь и его штандарты он у него отобрал. Что до этой пограничной линии, они установили свои границы

⁴⁷ АВИИУ. № 2. С. 268–269.

и разделили (землю) от протяжения страны Пиласке, что на другой стороне реки Идиглат (Тигр), (и) города Армана, (что в) Угарсалли, до Луллуме⁴⁸.

Если экспедиции Ассирии приносят ей лишь временные победы и вскоре оборачиваются неудачами, то все сообщения об этих походах исчезают из официальных сводок завоеваний. В перечне, приуроченном к концу правления Асархаддона, опущены победы в Западной Мидии начала его царствования, так и не закрепившие ассирийского присутствия в регионе, ибо в результате восстания двух последующих лет (673–672 г. до н.э.) трем княжествам Мидии удалось отвоевать независимость от державы Асархаддона⁴⁹. Появись в документах, рапортующих богам о военных успехах их царственного избранника, упоминания былых побед на тех фронтах, где на момент составления надписи ассирийцев преследуют поражения, они грозили бы дискредитировать не только самого царя, но и его небесных заступников, допустивших столь бесславный конец громких начинаний ассирийцев (возникновение нового царства на формально подвластной Ассирии территории). Поэтому завоевания первых лет правления Асархаддона впоследствии сознательно им замалчивались⁵⁰.

Посмотрим теперь на системы датировки, встречающиеся в наших источниках. В Ассирии уже со староассирийского периода применялась датировка по эпонимам (лимму)⁵¹. При этом счете лет датировочные формулы обыкновенно имели следующий вид: «месяц танмарту, 20-й день, эпоним Ша-Адад-нину», реже «в эпонимат N». Привычно их видеть в завершении надписи, но зачастую ими открывается описание конкретного события. В одной из надписей Синаххериба обороты наподобие «в эпонимат Шулмубела, наместника города Римусу» или «в эпонимат Ашшурбелусура, наместника...» предваряют дальнейшее описание события. Так

⁴⁸ Там же. С. 226–227.

⁴⁹ Об утрате Западной Мидии из-за восстания Каштарити см.: *Иванчик А.И.* Киммерийцы: Древневосточные цивилизации. С. 91–92. Кстати, именно по этой причине в списке ассирийских провинций и подконтрольных территорий, составленном при Ашшурбанапале (до 652 г. до н.э.), Мидия упоминается в качестве ассирийского вассала, тогда как при Саргоне II ее территория была распределена между несколькими ассирийскими наместниками (АВИИУ. № 3. С. 233–235).

⁵⁰ См.: *Медведская И.Н.* Взлет и падение Мидии // История и языки Древнего Востока: Памяти И.М. Дьяконова. СПб., 2002. С. 212–225.

⁵¹ Подробнее об эпонимах см. ниже.

же выдержаны анналы Тукульти-Нинурты II: «В месяц суману, в первый день, в эпонимат Илимилку я выступил из Ниневии...»⁵².

С конца II тыс. до н.э. систему эпонимов дополнил счет времени по годам правления царей, известный еще в касситской Вавилонии (практика использования таких датировочных формул с успехом возводится к досаргоновским временам)⁵³. В царских надписях и иных официальных документах можно встретить оба варианта, но господствует, однако, внутренняя датировка по эпонимам. Включение оборота «в первый год моего правления» во вводную формулу надписи вовсе не означает, что весь последующий текст будет сформирован по годам правления царя. Дальнейшее повествование разграничено датировочными формулами с именем эпонимов. Вот, например, датировка из надписи Салманасара III на монолите из Тушхана:

В это время, в начале моего царствования, в первый год моего правления, я воссел величественно на престол царственности... В эпонимат Ашшур-белкаина, в месяц ду'узу, в 13 день я вышел из Ниневии⁵⁴.

То же, например, находим в анналах Ашшурнацирапала II:

В начале моего царствования, в первый год моего правления, когда Шамаш, судия, простер свою добрую сень надо мной и я величественно воссел на престол... В месяц симану, в первый день, в эпонимат Шаилимадамку я собрал мои колесницы и войска⁵⁵.

Датировочные формулы можно рассмотреть на примере анналов Синахериба и Ашшурбанапала (особенно призмы Kh и G). Все повествование — последовательное изложение восьми походов царя. А сам текст изобилует такими вводными оборотами, как: «В п-ом моем походе», «во время моего похода», «в течение моего похода», «идя в п-ый поход», «при возвращении моем», «во время моего возвращения», «посреди этого сражения», «во время мятежа в стране», «в месяце тамхири», «в те же дни», «не прошло и трех месяцев — в день, для него несчастный», «пока прошли два двойных часа ночи» и пр. Как видим, «счет дней» идет внутри опреде-

⁵² АВИИУ. № 3. С. 213; № 2. С. 284.

⁵³ Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии. С. 17–18.

⁵⁴ АВИИУ. № 2. С. 295.

⁵⁵ Там же. С. 285, 287.

ленного временного отрезка либо же привязан непосредственно к обсуждаемому во фрагменте сюжета, соотнося между собой логически объединенные с ним события.

* * *

Царскими надписями и анналами отнюдь не исчерпывается все способы фиксации исторических событий, которые практиковали ассирийцы. Им был близок жанр **военных реляций**⁵⁶, также составлявшихся от имени правителя и адресованных непосредственно богам. В них любопытным образом стиль царской надписи сочетался с устойчивыми эпистолярными формулами (например, формулами приветствия). Памятники такого рода изготавливались на глиняных табличках и плитах. Приведем вступление письма Саргона II (721–705 гг. до н.э.) к богу Ашшуру:

Ашшуру, отцу богов, владыке великому, моему владыке, живущему в Эхурсагалькуркурре, своем великом храме, — большой, большой привет!

Богам судеб и богиням, живущим в Эхурсагалькуркурре, их великом храме, — большой, большой привет!

Богам судеб и богиням, живущим в городе Ашшуре, их великом храм, — большой, большой привет!

Граду и людям его — привет! Дворцу и живущим в нем — привет!

Шаррукин, светлый первосвященник, раб, чтущий твою великую божественность, и войско его — весьма, весьма благополучны⁵⁷.

Круг тем, освещаемых в реляциях, типичен для ассирийской традиции и, в общем, такой же, как в царских надписях и анналах. Источник этот представляется неким отчетом о деяниях и заслугах царя, предназначенным его небесному покровителю, с той лишь разницей, что здесь, в отличие от надписей и анналов, черты достойного правителя, всеми делами подтверждающего свою силу и величие, еще более утрированы. Описания, и прежде (в жанре царских надписей и анналов) немалые, неимоверно разрастаются, наращивая за собой все остальные значимые элементы уже знакомого нам формуляра, прославляющего доблести истинного правителя. Царь благополучно справляется со всеми трудностями

⁵⁶ Русский перевод этих текстов см.: АВИИУ. № 2. С. 321–334; № 3. С. 218–223; Когда Ану сотворил небо. С. 304–314, 321–324, 423–427.

⁵⁷ АВИИУ. № 3. С. 321.

благодаря заступничеству богов, проявляя при этом все мыслимые воинские доблести. Не удивительно, что встречаются эпизоды о нарушении на самом деле никогда не приносившихся клятв и присяг⁵⁸, а в завершение стереотипной фразой лаконично сообщается о ничтожно малых потерях ассирийской стороны, традиционно заключающихся в «одном колесничем, двух конниках, трех саперах» убитыми⁵⁹. Сам же текст подытоживается фразами «Я послал доставить донесение к Ашшуру, моему владыке, NN» (имя и должность «посыльного» могут и не указываться) и/или «Таблица MM» (имя и должность) и датой составления «в эпонимат S». Помимо деклараций о могуществе царя, в подобных реляциях богам можно встретить фрагменты дипломатической переписки (или же искусную стилизацию под нее), если того требует логика раскрытия обстоятельств, излагаемых божеству (как в письме Асархаддона Ашшуру о его походе на Шубрию в 673 г. до н.э.: историю ее разгрома предваряют отрывки нескольких писем ассирийского правителя к царю Шубрии и фрагменты ответного послания).

Еще одна форма исторического повествования в Ассирии, **хроники**⁶⁰, — как жанр получила меньше, чем царские надписи и анналы, распространение (более характерна для Вавилонии⁶¹), но, как и они, неизменно следовала сложившейся в ассирийской литературе традиции изображения царственных особ. Старательно изымая из повествования все военные неудачи и поражения ассирийской стороны и преподнося в качестве ее побед все мало-мальски согласующиеся с концепцией источника события, хроники в этом отношении являются «продолжателями» царских надписей. Проявляются, однако, и первые жанровые отличия: хроники предваряют пространные вступления, проясняющие основное назначение источника, кроме того более не встречаются формы повествования от первого лица. «Синхронистическая история», появившаяся в 785 г. до н.э. и изла-

⁵⁸ Там же. № 2. С. 325.

⁵⁹ Там же. С. 333; № 3. С. 221.

⁶⁰ Ассирийские хроники опубликованы: *Grayson A.K. Assyrian and Babylonian Chronicles*; *Glassner J.-J. Chroniques Mésopotamiennes*. Частично их тексты доступны в Интернете: <<http://www.livius.org/cg-cm/chronicles/chron00.html>>; <<http://www.livius.org/babylonia.html>>.

⁶¹ О взаимном влиянии новоассирийской и нововавилонской традиций историописания и ассирионизмах вавилонских хроник см.: *Weisert E. Interrelated chronological patterns in the Assyrian Eponym Chronicle and the 'Babylonian Chronicle': A comparative view // La Circumlation des biens, des personnes et des idées dans le proche-orient ancient. P., 1992. P. 276–278, 281–282.*

гающая историю ассиро-вавилонских отношений, организована по схожей с анналами схеме повествования. Текст состоит из главок, посвященных каждой правлению одного царя. Внутри них повествование строится по годам правления и представляет собой сжатый перечень военных и дипломатических побед каждого ассирийского правителя над вавилонским, умалчивая не только о поражениях первых, но и тех приобретениях, что оказались недолговечными и вскоре были утрачены. Приведем характерный фрагмент:

При Ашшурбаллите [I], царе страны Ашшур, — Каракиндаш, царь страны Кардуниаш (Вавилонии), сын Мубаллитат-Шеруа, дочери Ашшурбаллита, — войска касситов взбунтовались и убили его. Назибугаша-кассита, безродного, они взяли царствовать над собой. Ашшурбаллит пошел на страну Кардуниаш, чтобы отомстить за Каракиндаша, сына [дочери своей]. Он убил Назибугаша, царя страны Кардуниаш. Он поставил Куригальзу Младшего, сына Бурнабуриаша [II], на царство, [возвел] его на престол его отца⁶².

Игравшие для ассирийцев роль своеобразного календаря, **списки эпонимов (лимму)**⁶³ фиксировали важные исторические события, хотя так и не переросли собственно в историописание. Возникнув в качестве хронологической таблицы, удобной для счета лет, таковыми они и оставались вплоть до VII в. до н.э., краха Новоассирийской державы. Эпонимами (лимму) ровно на год становились ассирийские чиновники из числа высших сановников (как придворных вельмож и военачальников, так и наместников провинций, а также самого царя). Годы обозначались именами эпонимов; таким образом и велось летосчисление⁶⁴. Эпониматами лим-

⁶² ИДВТД. С. 226.

⁶³ Списки эпонимов опубликованы: *Smith G.* The Assyrian Eponym Canon. L., 1875; *Ungnad A.* Datenlisten // *Reallexikon der Assyriologie.* 1938. Bd. 2. S. 412–457 (с обзором основных типов эпонимных списков); АВИИУ. № 2. С. 304–310; *Falkner M.* Die Eponymen der spätassyrischen Zeit // *Archiv für Orientforschung.* 1954. Bd. 17. S. 100–120; *Millard A.* The Eponyms. См. также: <http://www.livius.org/li-ln/limmu/limmu_2.html>; <http://www.geocities.com/farfarer2001/chronicles/eponym_list_cc.htm>; <<http://www.angelfire.com/bc2/Bereans/Myfiles/Chronology/chrono.html>>.

⁶⁴ Подобным же способом годы считали и в Древнем Риме, однако эпонимами там становились исключительно высшие должностные лица — ежегодно сменявшие друг друга консулы. И в Ассирии поначалу должность лимму была выборной, высших государственных деятелей действительно избирали на должность эпонимов, но в новоассирийский период от выборности отказались и стали назначать лимму из круга высших сановников. Со времен Ададнерари I, принявшего должность

му датировались документы дворцовой канцелярии (в том числе и письма), и в то же время они служили датировочными формулами для царских надписей и анналов (например, анналов Аданерари II, Тукульти-Нинурты II, Салманасара III)⁶⁵.

Записи в списках эпонимов состояли из имен лимму, вслед за которыми указывалась их должность: царь, туртан, глашатай страны (дворца), главный кравчий, наместник, советник и пр. Затем кратко упоминалось о главных событиях года (таких как вступление царя на престол, военные походы, восстания и мятежи против Ассирии, захваты новых или отложившихся земель, строительство храмов и их освящение, бедствия, эпидемии, катастрофы и знамения). Основной канон эпонимных списков охватывал временной отрезок с 911 по 648 г. до н.э. Известно несколько списков лимму (между ними есть некоторые разночтения), составленных без оглядки на периоды правления ассирийских царей. По всей видимости, это была параллельная система счета лет.

Списки лимму, как пишет И.М. Дьяконов, способны открыть исследователям старательно замалчиваемые царскими надписями и анналами неудачные для ассирийцев военные операции, не вошедшие в сводки походов (такие записи могут фигурировать в этих списках рядом с указанием имени эпонима). В то же время есть и фрагменты списков, совершенно лишенные исторических сведений⁶⁶.

Ниже помещен отрывок из перечня лимму, соответствующий одиннадцати годам правления Ашшурдана III (772–755 гг. до н.э.) и пяти последним годам царствования Саргона II (721–705 гг. до н.э.). Деление на столбцы, а также разграничительные горизонтальные линии принадлежат оригиналу.

лимму в первый год своего правления, цари неизменно становились эпонимами на первом (либо втором) году, далее на эту должность назначались туртан (главнокомандующий), главный кравчий, государственный глашатай, наместники провинций и т.д. (указанная очередность назначений не была абсолютным правилом). Очевидно, к IX–VIII вв. до н.э. порядок назначения лимму перестал быть строгим и жестким, оставаясь лишь желательным. Бывало и так, что царю дважды за царствование (но никогда два года подряд) «выпадал жребий» становиться эпонимом; так случилось с Салманасаром III, побывавшим в этой должности в 858 г. до н.э. (1-й год правления) и в 827 г. до н.э. (32-й год). Салманасар V, взойшедший на престол в 727 г. до н.э., принял должность эпонима лишь в 723 г. до н.э. (АВИИУ. № 2. С. 298, 304–309), Саргон II — на третьем году правления (в 719 г. до н.э.), Асархаддон и Ашшурбанапал, вероятно, и вовсе не становились эпонимами (*Weissert E. Interrelated chronographic patterns. P. 275*).

⁶⁵ *Tadmor H. The Campaigns. P. 27, 28, 29–30.*

⁶⁶ АВИИУ. № 2. С. 259, 309.

[773 г.]	в эпонимат	Маннуки-Адада	наместника Нацибины	против Дамаска ⁶⁷
[772 г.]	в эпонимат	Ашшурбелусура	наместника г. SAL + KUR наместника Кальху	против Хатарики
[771 г.]	в эпонимат	Ашшурдана	царя Ассирии	против Гананату
[770 г.]	в эпонимат	Шамшиилу	туртана	против Марата
[769 г.]	в эпонимат	Белилайи	наместника Аррапки	против Иту'а
[768 г.]	в эпонимат	Аплайи	наместника Мазамуа	в стране ⁶⁸
[767 г.]	в эпонимат	Кудри-Ашшура	наместника Ахизухины	против Гананату
[766 г.]	в эпонимат	Мушаллим-Нинурты	наместника Тилле	против мидян
[765 г.]	в эпонимат	Нинуртамукиннише	наместника Киррури	против Хатарики. Мор
[764 г.]	в эпонимат	Сидкиилу	наместника Тушхана	в стране
[763 г.]	в эпонимат	Бур-Сагале	наместника Гузаны	Мятеж в г. Ашшуре. В месяце симану ⁶⁹ произошло затмение солнца
<...>				
[709 г.]	в эпонимат	Мануки-Ашшурле	наместника Тилле	Шаррукин взял руки Бела ⁷⁰
[708 г.]	в эпонимат	Шамашупаххира	наместника Киррури	Кумуха захвачена
[707 г.]	в эпонимат	Ша-Ашшур-дубу	наместника Тушхана	Царь вернулся из Вавилона. В 22 день месяца ташриту ⁷¹ боги Дур-Шаррукина вступили в свои храмы
[706 г.]	в эпонимат	Мутаккиль-Ашшура	наместника Гузаны	Царь [...] Вельможи в Караллу [...] в 6 день месяца айару Дур-Шаррукин приняли (?)
[705 г.]	в эпонимат	Насхур-Бела	наместника Амеду	Из-за Эшпан, кулуммийца, [...] царь был убит. В 12 день месяца абу Синаххериб [воссел на трон]

⁶⁷ Оборот «против N» означает, что в эпонимат такого-то был осуществлен поход против N.

⁶⁸ Оборот «в стране» обозначает эпонимат, во время которого царь оставался в стране и не возглавлял никакого похода. Это не значит, что в тот год Ассирия не воевала вовсе — с войском мог выступить по царскому поручению один из военачальников. Подробнее об оборотах эпонимных списков см.: *Weissert E. Interrelated chronographic patterns.* P. 278.

⁶⁹ Месяц симану вавилонского лунно-солнечного календаря соответствует нашим маю–июню.

⁷⁰ «Взятие рук Бела (Мардука)» — ежегодно совершаемый вавилонский обряд коронации, закрепляющий законность и легитимность власти правителя. Возможно, что Александр Македонский был последним, кто, исполнив этот обряд, стал вавилонским царем. Об этом см.: *Якобсон В.А. Становление империи и имперской идеологии в древней Месопотамии // Государство на Древнем Востоке.* М., 2004. С. 130.

⁷¹ Месяц ташриту вавилонского лунно-солнечного календаря соответствует нашему сентябрю–октябрю.

Завершая обзор известных форм историописания в Ассирии XIV–VII вв. до н.э., еще раз отметим: исключительно соображения практического порядка приводили к появлению каждого из представленных жанров. Надписи и анналы были своеобразной формой отчета (как перед божествами, так и перед современниками и, по всей видимости, потомками), реляциями о царских успехах и свершениях. Это были списки достижений правителя, за которые он удостоивался благосклонности богов и доброй памяти потомков. Даже хроники следуют этой традиции, правда уже без пышных эпитетов и цветистых характеристик царей. Списки эпонимов и царские списки как возникли для ведения хронологических записей, в таком виде и сохранились до конца Новоассирийского царства, и собственно пространством историописания так и не сумели стать.

И хотя на возникновение царских анналов в Ассирии оказала влияние хеттская традиция (возможно, напрямую, а также через хурритское посредничество⁷²), применявшиеся здесь клише и формулы выработали сами ассирийцы. Для этих текстов в целом характерна нестрогая последовательность событий во времени: они не тяготеют к хронологически выверенному построению. Система размещения событий внутри текста подчинена единственной цели — в наивыгоднейшем свете представить царственную особу перед адресатами, преподнося каждое свершение правителя как подвиг, как успех, равного которому не было никогда прежде (для чего и требуется «исторический экскурс»). Жесткий тематико-региональный принцип подачи сведений выстраивает повествование по походам и военным кампаниям, проводимым царем, во многом ослабляя хронологические связи, однако не игнорируя и не вытесняя их. Наименее склонны четко следовать хронологии торжественные надписи, реляции и общие сводки завоеваний. Наиболее последовательно выдерживают хронологию анналы (пространные царские надписи); в хрониках и списках эпонимов хронология является основой архитектоники текста.

Ассирийское историописание выработало несколько жанров с устойчивой структурой и набором формул, динамику которых и

⁷² См.: *Герни О.Р.* Хетты. М., 1987; *Якобсон В.А.* Культура и общество Ассирии // История Востока. Т. 1. С. 110–111; <<http://historik.ru/books/item/f00/s00/z0000001/st09.shtml>>; <http://www.distedu.ru/mirror/_hist/clarino2.narod.ru/arm3.htm>. О влиянии традиции ассирийской анналистики на урартское историописание см.: *Меликивили Г.А.* Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Тбилиси, 1954. Ч. 1: Наири-Урарту; *Он же.* Урартские клинообразные надписи.

целесообразно было бы сопоставлять в дальнейшем с аналогичными традициями других народов Древнего мира — например, с системами историописания, бытовавшими у хеттов, хурритов, древних китайцев, майя, ацтеков и т.д.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Александров Б.Е.* Кто мог быть Великим царем Ханигальбаата в XIII в. до н.э.? К Интерпретации КВо XXVIII 66 // Древний Восток и античный мир. М., 2000. Вып. 3.
- Астафьев Н.А.* Летописи ассирийских царей // ЖМНП. 1879. № 6; 1880. № 1.
- Астафьев Н.А.* Древности вавилоно-ассирийские по новейшим открытиям: 3 публичных лекции // Вестник Европы. 1916. № 3.
- Бухарин М.Д.* Раннеэллинистические хорографы: Мегасфен, Гекатей Абдерский и Берос // ВДИ. 2000. № 2.
- Вейнберг И.П.* Рождение истории: Историческая мысль на Ближнем востоке середины I тыс. до н.э. М., 1993.
- Гаврилова Ю.Б.* О методике изучения старошумерских царских надписей // Россия и арабский мир. СПб., 2000. Вып. 6.
- Гаврилова Ю.Б.* Сакральные формулы царских надписей Урукагины // Петербургское востоковедение. 2002. № 10.
- Герни О.Р.* Хетты. М., 1987.
- Гордон С.Г.* Забытые письмена: Открытие и дешифровка. СПб., 2002.
- Дандамаев М.А.* Вавилонские писцы. М., 1983.
- Емельянов В.В.* Древний Шумер. Очерки культуры. СПб., 2003.
- Иванов В.В.* Хеттский язык. М., 1963.
- Иванчик А.И.* Киммерийцы в Передней Азии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.
- Иванчик А.И.* Киммерийцы: Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н.э. М., 1996.
- История Востока. М., 1999. Ч. 1: Восток в древности.
- История Древнего Востока: Тексты и документы / Под ред. И.В. Кузищина. М., 2002.
- Источниковедение истории Древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1984.
- Клочков И.С.* Духовная культура Вавилонии: Человек, судьба, время. Очерки. М., 1983.
- Когда Ану сотворил небо: Литература древней Месопотамии / Пер. и сост. В.К. Афанасьевой и И.М. Дьяконова. М., 2000.

- Медведская И.Н.* Взлет и падение Мидии // История и языки Древнего Востока: Памяти И.М. Дьяконова. СПб., 2002.
- Меликивили Г.А.* Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Тбилиси, 1954. Ч. 1: Наири-Урарту
- Меликивили Г.А.* Урартские клинообразные надписи. М., 1960.
- Немировский А.И.* Рождение Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж, 1986.
- Оппенгейм А.Л.* Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980.
- Фролов Э.Д.* Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981.
- Хрестоматия по истории Древнего Востока / Сост. и коммент. А.А. Вигасина. М., 1997.
- Якобсон В.А.* Культура и общество Ассирии // История Востока. М., 1999. Т. 1: Восток в древности.
- Якобсон В.А.* Становление империи и имперской идеологии в древней Месопотамии // Государство на Древнем Востоке. М., 2004.
- Янковская Н.Б.* Смена лидирующих жанров клинописи // Ассириология и египтология. СПб., 2004.
- Azize J.* Who was Responsible for the Assyrian King List? // *Abr-Nahrain*. 1998. Vol. 35.
- Borger R.* Die Inschriften Asarhaddons Königs von Assyrien. Osnabrück, 1967.
- Borger R., Fuchs A.* Beiträge zum Inschriftenwerk Assurbanipals: Die Prismenklassen A, B, C = K, D, E, F, G, H, J und T sowie andere Inschriften. Wiesbaden, 1996.
- Budge E.A.W., King L.W.* Annals of the Kings of Assyria. L., 1902.
- Burstain S.M.* The Babyloniaca of Berossos. Malibu, 1978.
- Falkner M.* Die Eponymen der spätassyrischen Zeit // *Archiv für Orientforschung*. 1954. Bd. 17.
- Finley M.I.* Myth, Memory and History // *Harvard Theological Review*. Cambridge, 1965. Vol. 4.
- Glassner J.-J.* Chroniques Mésopotamiennes. P., 1993.
- Grayson A.K.* Assyrian Royal Inscriptions. Wiesbaden, 1972. Vol. 1; 1976. Vol. 2.
- Grayson A.K.* Papyrus and Tablet. Englewood Cliffs, 1973.
- Grayson A.K.* Assyrian and Babylonian Chronicles. N.Y., 1975.
- Grayson A.K.* Histories and Historians of the Ancient Near East: Assyria and Babylonia // *Orientalia*. 1980. Vol. 49, N 2.
- Grayson A.K.* Königslisten und Chroniken B. Akkadisch // *Reallexikon der Assyriologie*. 1980. Bd. 6/1–2.
- Grayson A.K., Novotny J.* Royal Inscriptions of Sennacherib: 1: King of Assyria 704–681 BC. Eisenbrauns, 2012.
- The Inscriptions of Tiglath-pileser III King of Assyria / Ed., transl. and comment. by H. Tadmor. Jerusalem, 1994.

- Knudtzton J.* Die El-Amarna-Tafeln. Leipzig, 1907. Bd. 1.
- Leichty E.* The royal Inscriptions of Esarhaddon, King of Assyria (680–669 BC). Eisenbrauns, 2011.
- Lie A.G.* The Inscriptions of Sargon II, king of Assyria. P., 1929. Part 1: The Annals.
- Luckenbill D.D.* Ancient Records of Assyria and Babylonia. Chicago, 1926. Vol. 1; 1927. Vol. 2.
- Malamat A.* King Lists of the Old Babylonian Period and Biblical Genealogies // Journal of American Oriental Society. 1968. Vol. 88.
- Millard A.* The Eponyms of the Assyrian Empire 910–612 BC // State Archives of Assyria Studies. Helsinki, 1994. Vol. 2.
- Müller R.* Herausbildung und Formen des Geschichtsdenkens in Griechenland // Klio. 1984. Bd. 66, N 2.
- Negri Scafa P.* The Scribes of Nuzi: Date formulae and their use in the Nuzi corpus // Proceedings of the 51st Rencontre Assyriologique Internationale held at the Oriental Institute of the University of Chicago, July 18–22, 2005. Chicago, 2008.
- Novotny J.* Classifying Assurbanipal's Inscriptions: Prisms C, KH (= CND), and G // Proceedings of the 51st Rencontre Assyriologique Internationale held at the Oriental Institute of the University of Chicago, July 18–22, 2005. Chicago, 2008.
- Olmstead A.T.E.* Assyrian Historiography. Columbia, 1916.
- Piepkorn A.C.* Historical Prism Inscriptions of Ashurbanipal. Chicago, 1933. Vol. 1.
- Röllig W.* Zur Typologie und Entstehung der babylonischen und assyrischen Königslisten // Festschrift Wolfram Freiherr von Soden = Alter Orient und Altes Testament. 1969. Bd. 1.
- Sacks A., Wiseman D.J.* A Babylonian King List of the Hellenistic Period // Iraq. 1954. Vol. 16.
- Schnabel P.* Beross und die babylonisch-hellenistische Literatur. Leipzig; B., 1923.
- Smith G.* The Assyrian Eponym Canon. L., 1875.
- State Archives of Assyria / Ed. by S. Parpola. Helsinki, 1987–2008. Vol. 1–11.
- Tadmor H.* The Campaigns of Sargon II of Assur: A Chronological-Historical Study // Journal of Cuneiform Studies. 1958. Vol. 12, N 1.
- Tadmor H., Yamada S.* The Royal Inscriptions of Tiglath-Pileser III (744–727 BC) and Shalmaneser V (726–722 BC), Kings of Assyria. Eisenbrauns, 2011.
- Thompson J.W.* History of Historical Writing. N.Y., 1942. Vol. 1.
- Ungnad A.* Datenlisten // Reallexikon der Assyriologie. 1938. Bd. 2.
- Verbrugge G.P., Wickersham J.M.* Berossos and Manetho Introduced and Translated: Native Traditions in Ancient Mesopotamia and Egypt. Ann Arbor (Mich.), 2000.

- Watanabe C.E.* The Classification of Methods of pictorial Narrative in Assurbanipal's Reliefs // Proceedings of the 51st Rencontre Assyriologique Internationale held at the Oriental Institute of the University of Chicago, July 18–22, 2005. Chicago, 2008.
- Weidner E.F.* Die Königsliste aus Chorsābād // Archiv für Orientforschung. 1941–1944. Bd. 14.
- Weissert E.* Interrelated chronographic patterns in the Assyrian Eponym Chronicle and the 'Babylonian Chronicle': A comparative view // La Circumlation des biens, des personnes et des idées dans le proche-orient ancien. P., 1992.
- Wilamowitz-Moellendorf U. von.* Greek Historical Writing and Apollo. Oxford, 1908.
- Wilcke Cl.* Zum Geschichtsbewußtsein im Alten Mesopotamien // Archäologie und Geschichtsbewußtsein. Kolloquien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. München, 1982. Bd. 3.
- Winter I.* Sennacherib's Expert Knowledge: Skill and Mastery as Components of Royal Display // Proceedings of the 51st Rencontre Assyriologique Internationale held at the Oriental Institute of the University of Chicago, July 18–22, 2005. Chicago, 2008.
- Wiseman D.J.* Chronicles of Chaldaean Kings (626–556 BC) in the British Museum. L., 1956.

Anna A. Krasova

HISTORICAL WRITING OF ASSYRIA
IN THE FOURTEENTH–SEVENTH CENTURIES B.C.:
THE DIVERSITY OF GENRES

The purpose of the article is to follow the diversity of forms of historical writing in Middle and Neo-Assyrian kingdoms. The most well-known historical genres here are royal inscriptions and annals. Their purpose and destination, basic structure, formulaic language, pattern of dating formulas, guidelines for events' selection, and biased nature are treated in the article. The author also analyzes such forms of historical writing as military reports to gods, chronicles, and lists of eponyms with historical notes.

Key words: Assyria, Mesopotamia, historical writing, annals, royal inscriptions, chronicles, eponym lists, king lists, military reports

М.Ю. Ульянов

Памяти К.В. Васильева (1932–1987)¹

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРОЦЕССА СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ
ПЕРИОДА ЧУНЬЦЮ (771–453 гг. до н.э.)

Не хочу никого вводить в заблуждение.
Мои фразы, даже самые уверенные по форме,
на самом деле чаще всего представляют собой
лишь предположения.

Бернар Гене²

В данной статье на основе анализа сообщений письменных источников мы попытались сформулировать модель протекания процесса «сохранения исторической памяти» в историческом регионе Восточная Азия от зарождения государственности в середине III тыс. до н.э. до начала империи Восточная Хань в I в. н.э. Основное внимание было уделено систематизации представлений о формах сохранения памяти о прошлом в период Чуньцю (771–453 гг. до н.э.), прежде всего об официальном историописании. Были охарактеризованы функции историографов и некоторых представителей жречества, которые были вовлечены в этот процесс.

¹ К.В. Васильев (1932–1987) — выдающийся историк-китаевед, ученик Б.И. Панкратова (1892–1979), создавший ряд работ по истории Древнего Китая, основанных на анализе текстов исторических источников. Смог избежать некритического восприятия стереотипов китайской исторической традиции с характерным для нее ассоциативно-мифологическим и коррелятивным мышлением и остаться в рамках мышления, присущего европейской исторической науке. К.В. Васильеву принадлежит выдающаяся роль в изучении китайского историописания. Для его работ характерно сочетание приемов «критики текста» источников с систематизацией и исторической интерпретацией их данных. Им были систематизированы сообщения источников и намечены пути исследования данной темы, в частности он начал описание того этапа, который приходится на период Западное Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) и на начало периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.).

² *Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 9.

Мы исходили из того, что условия для порождения и развития определенных культурных явлений, в том числе и сохранения памяти о прошлом, существовали в конкретных *культурных средах*. В рассматриваемое время память о прошлом могла сохраняться в устной и письменной форме. Устные произведения порождались всеми слоями общества, и большую часть из них составляли поэтические тексты, принадлежавшие к различным жанрам фольклорной литературы. А создание письменных произведений осуществлялось в двух тесно связанных культурных средах: храмовой и дворцовой. Там же осуществлялись их *сохранение и репрезентация*.

Представления о прошлом существовали в виде «священной» и «реальной» истории. Задача передачи «священной истории» была возложена на жречество, а для фиксации «реальной истории» потребовались особые должностные лица. Они появились в храмовой среде, но в описываемое время выполняли определенные обязанности при дворе.

Официальный характер историописания был обусловлен историей складывания института историографов (*даши*), которые в предыдущую историческую эпоху, период Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.), принадлежав к высшему слою столичного жречества, отвечали за организацию проведения религиозных ритуалов в рамках культа предков правящей династии, и всех других культов.

В царствах периода Чуньцю церемонии в рамках династического культа отправлялись самими царями, задача организации остальных церемоний перешла старшим жрецам *чжу*, а *даши* — в рамках культа предков сосредоточились на ведении «анналов», в которых регулярно фиксировались основные деяния носителей высшей власти и другие значимые события. При этом, сохраняя высокий статус в жреческой среде, они обрели значимое положение при дворе. Таким образом, ведение «анналов», которые стали основной формой сохранения исторической памяти, было тесно связано с религиозными представлениями, а именно с культом предков правителей, который являлся основным общегосударственным культом.

Ключевые слова: Древний Китай, период Чуньцю, формы сохранения исторической памяти историописание, анналы, хроники, культурные среды

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье мы сформулируем модель протекания процесса «сохранения исторической памяти» в историческом регионе Восточная Азия на протяжении большей части Древности: от зарождения государственности в середине III тыс. до н.э. до начала второй долго-

временной империи Восточная Хань в I в. н.э.³ Затем сосредоточимся на систематизации существующих представлений о формах сохранения памяти о прошлом в период Чуньцю (771–453 гг. до н.э.), прежде всего об официальном историописании. Кроме того охарактеризуем функции историографов и некоторых представителей жречества, которые были вовлечены в этот процесс. Официальный характер историописания в рассматриваемый период был обусловлен тем, что сохранение исторической памяти было тесно связано с религиозными представлениями, а именно с культом предков правителей, который являлся основным общегосударственным культом.

В российской синологии вопросами древнекитайского историописания наиболее глубоко и последовательно занимался К.В. Васильев⁴. Общие источниковедческие обозрения принадлежат Г.Я. Смолину и М.В. Крюкову⁵. Важные материалы и наблюдения содержатся в работах Б.Г. Доронина⁶, А.М. Карапетьянца⁷,

³ Историческим регионом Восточная Азия будем называть области в восточной части Старого Света — древние центры цивилизации в бассейнах рек Хуанхэ и Янцзы.

⁴ См.: *Васильев К.В.* «Планы Сражающихся царств». Исследование и переводы. М., 1968; *Он же.* Из истории древнекитайских письменных памятников // *Страны и народы Востока.* М., 1971. Вып. 11: Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии; *Он же.* Некоторые вопросы изучения памятников древнекитайской историографии (Критический обзор исследовательской части книги: *Imber A. Guo yu. An Early Chinese Text and its Relationship with the Tso Chuan.* Vol. 1, 2. Stockholm, 1975) // ППВ, 1975. М., 1982; *Он же.* Ранняя история древнекитайских письменных памятников // *Рукописная книга в культуре народов Востока.* М., 1988. Кн. 2.

⁵ *Смолин Г.Я.* Источниковедение древней истории Китая. Л., 1987; *Крюков М.В.* Китай и Юго-Восточная Азия // *Источниковедение истории Древнего Востока.* М., 1984.

⁶ *Доронин Б.Г.* Китай XVII–XVIII веков. Проблемы историографии и источниковедения. Л., 1988; *Он же.* Об истоках одной особенности китайской феодальной историографии // *Вестн. Ленингр. ун-та.* № 8. История. Язык. Литература. 1979. Вып. 2; *Он же.* Институт «историографов» (*шигуаней*) и его место в цивилизационных процессах в Древнем Китае (к характеристике явления) // *Философии Восточно-азиатского региона и современная цивилизация: XIII–XIV Всероссийские конференции* (Москва, 21–22 мая 2007 г., 22–23 мая 2008 г.). М., 2008. Ч. 1.

⁷ А.М. Карапетьянцем были высказаны важные идеи о природе фиксации исторической памяти в разные периоды древнекитайской истории в статье 1988 г. См.: *Карапетьянц А.М.* «Чуньцю» и древнекитайский «историографический» ритуал // *Этика и ритуал в традиционном Китае.* М., 1988. В 2010 г. эта статья была опубликована в несколько переработанном виде, см.: *Карапетьянц А.М.* У истоков китайской словесности: Собр. тр. М., 2010.

Ю.Л. Кроля⁸, В.А. Рубина⁹. Существенные особенности древнекитайского историописания были выявлены в новаторских статьях Д.В. Деопика, посвященных изучению *Чуньцю* («Вёсны и осени») как хроники царства Лу периода Чуньцю¹⁰. Исторический процесс и культурная ситуация периода Чуньцю подробно описаны в специальном труде Л.С. Васильева¹¹. Ранее нами было опубликовано несколько статей по различным аспектам исследования древнекитайских источников и истории историописания¹²; ценный опыт

⁸ *Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь — историк. М., 1970.

⁹ *Рубин В.А.* О датировке и аутентичности «Цзочжуань» // Проблемы востоковедения. 1951. № 1; *Он же.* «Цзочжуань» как источник по социальной истории периода Чуньцю: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1960; *Он же.* Дневники. Письма. Тель-Авив, 1988. Кн. 1–2; *Он же.* Рабовладение в древнем Китае в VII–V вв. до н.э. (по «Цзочжуань») // *Он же.* Личность и власть в Древнем Китае. Собр. тр. М., 1999; *Он же.* Был ли в истории китайской литературы «этап ораторского искусства?» // Там же; *Он же.* Как Сыма Цянь изображал период Чуньцю // Там же; *Он же.* Народное собрание в древнем Китае в VII–V вв. до н.э. // Там же; *Он же.* О народном собрании в древних государствах Восточной Азии // Там же.

¹⁰ *Деопик Д.В.* Опыт систематизации конкретно-исторического материала, содержащегося в «Чуньцю» // ОГК-IV. 1973. Вып. 1; *Он же.* Гегемония и гегемоны по данным «Чуньцю» // ОГК-V. 1974. Вып. 1; *Он же.* Государство Ци в VIII — начале V в. до н.э. (по данным «Чуньцю») // ОГК-VI. 1975. Вып. 1; *Он же.* Исторический контекст-анализ // Комплексные методы в исторических исследованиях: Тез. докл. и сообщ. науч. совещ. М., 1987; *Он же.* Некоторые тенденции социальной и политической истории Восточной Азии в VIII–V вв. до н.э. (на основе систематизации данных «Чуньцю») // Конфуциева летопись «Чуньцю» («Вёсны и осени») / Пер. и примеч. Н.И. Монастырева. М., 1999; *Он же.* Опыт количественного анализа древней восточной летописи «Чуньцю» // Там же; *Он же.* Количественные методы в изучении исторической информации (проверяемая история). М., 2011.

¹¹ См.: *Васильев Л.С.* Древний Китай. Период Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.). М., 2000. Т. 2.

¹² *Ульянов М.Ю.* К вопросу о первых упоминаниях стран Юго-Восточной Азии в китайских источниках: сведения о «стране Хуанчжи» в контексте политической и идеологической борьбы начала I в. н.э. // Губеровские чтения. М., 2009. Вып. 1: Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность; *Он же.* Первые упоминания Юго-Восточной Азии в китайских источниках: проблема Хуанчжи (текстологический аспект) // Губеровские чтения. М., 2011. Вып. 2: Межэтнические и межконфессиональные отношения в Юго-Восточной Азии: история и современность; *Он же.* Текстологические аспекты изучения Чуньцю Цзочжуань: к проблеме выделения и характеристики структурно-жанровых групп // ОГК-XLI. 2011; *Он же.* Кем создавались хроники в период Чуньцю (771–453 гг. до н.э.)? // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тез. докл. науч. конф. (Москва, 16 апреля 2012 г.). М., 2012. С. 14–17; *Он же.* Об этапах историописания в Древнем Китае: периоды Чуньцю и Чжаньго (VIII–III вв. до н.э.) // Institutionis Conditore Илье Сергеевичу Смирнову. М., 2013. (Orientalia et Classica: Тр. Ин-та восточных культур и античности; Вып. 50).

в изучении древнекитайского историописания был получен нами при реконструкции и переводе *Гу бэнь Чжу шу цзи нянь* («Бамбуковые анналы. Древний текст») — как хроники царства Цзинь периода Чуньцю и анналов наследовавшего ему царства Вэй 魏¹³, а также при переводе *Чуньцю Цзочжуань* (««Вёсны и осени» с комментарием Цзо») ¹⁴ и особенно во время участия в проекте по завершению перевода труда Сыма Цяня *Шицзи* («Исторические записки»), которым руководил А.Р. Вяткин¹⁵.

В китайской историографии теме историописания «доциньского» периода (до 221 г. до н.э.) посвящено сравнительно много работ. В них затрагиваются разные темы: особенного внимания требуют работы, где описана группа должностей, которые китайскими авторами объединяются в группу *шигуаней* (букв. историков-чиновников). Из них выделим монографии Сюй Чжаочана¹⁶, статьи Шэнь Цзыцзе¹⁷. Из западной историографии упомянем работы С. Аллан, К. Кук, К. Вогельзанга, в которых рассматриваются различные аспекты сохранения памяти о прошлом в доимперском

С. 317–336; *Он же*. «Историографы» *даши* при дворах государей ряда царств периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) по данным *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”») // Восток–Запад. Историко-литературный альманах, 2011–2012. М., 2013. С. 16–36; *Он же*. Данные *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”») о ведении «анналов» в царствах Древнего Китая периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) // В пути за китайскую стену: К 60-летию А.И. Кобзева: Собр. тр. М., 2014. С. 437–454.

¹³ Бамбуковые анналы (Гу бэнь Чжу шу цзи нянь) / Изд. текста, пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прилож. М.Ю. Ульянова при участии Д.В. Деопика и А.И. Таркиной. М., 2005.

¹⁴ Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо к “Вёснам и осеням” / Исслед., пер. с кит. гл. 1–5, коммент. и указ. М.Ю. Ульянова. М., 2011. Важные замечания о специфике древнекитайского историописания содержатся во Введении, написанном Д.В. Деопиком: *Деопик Д.В.* Вступительная статья // Там же.

¹⁵ *Сыма Цянь*. Исторические записки (*Шицзи*). М., 2010. Т. 9 / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина, А.Р. Вяткина, А.М. Карапетьянца, М.Ю. Ульянова, при участии С.И. Кучеры, В.В. Башкеева, С.В. Дмитриева, М.С. Королькова, М.С. Целуйко.

¹⁶ *Сюй Чжаочан*. Чжоудай шигуань вэньхуа: Цянь чжоусинь ци хэсинь вэньхуа синтай яньцзю (Культура историографов Чжоуской эпохи: исследование морфологии сердцевины культуры в предьосеовое время). Чанчунь, 2001; *Сюй Чжаочан*. Сянь Цинь шигуань дэ чжиду юй вэньхуа (Состав историографов доциньского времени и культура). Харбин, 2006.

¹⁷ *Шэнь Цзыцзе*. Шигуань цзай Цзочжуань чжун дэ чжэнчжи юй вэньхуа цзяосэ (Историографы в *Цзочжуань* — их роль в политике и культуре) // Фу да чжун янь со сюэкань. 2005. № 15.

Китае¹⁸, а также труды Б. Блэйкли, Ю. Пинеса и Д. Шаберга, посвященные исследованию *Цзочжуань*, в которых затронуты вопросы историописания¹⁹. Стоит упомянуть изданную на английском языке работу китайской исследовательницы Ли Хуй-и (Wai-yee Li, 李惠儀), которая в значительной степени принадлежит к китайской историографии и сохраняет многие ее особенности²⁰.

¹⁸ Allan S. What is a *shu* 書? // European Association for the Study of Chinese Manuscripts Newsletter. 2011. N 4; Vogelsang K. Inscriptions and proclamations: on the authenticity of the “gao” chapters in the *Book of Documents* // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. 2002. Vol. 74.

¹⁹ Blakeley B.B. «On the authenticity and nature of the *Zuo zhuan*» revisited // Early China. 2004. Vol. 29; Pines Yu. Foundations of Confucian Thought: Intellectual Life in the Chunqiu Period, 722–453 B.C.E. Honolulu, 2002; Schaberg D. A Patterned Past: Form and Thought in Early Chinese Historiography. Cambridge (Mass.); L., 2001.

²⁰ Wai-yee Li. The Readability of the Past in Early Chinese Historiography. Cambridge (Mass.); L., 2007. Нам уже приходилось писать об особенностях китайской историографии, здесь уместно напомнить: «Что же надо учитывать при знакомстве с китайской историографией? Первое — для носителя китайской культуры древность “жива”, поэтому современные китайские историки и филологи — носители этой древней традиции и, более того, ее ревностные хранители. Второе, китайская традиционная наука представляет собой иной — во многом альтернативный европейскому путь развития научной мысли. Здесь все это время господствовали натурофилософские и нумерологические подходы к познанию мира. В силу этого и китайская гуманитарная наука сохранила ряд черт, которые также пришли из глубины тысячелетий. Китайскому гуманитарно в научном познании прошлого бывает непросто вырваться из культурно обусловленных рамок. Современная китайская историография несет на себе черты всей двухтысячелетней традиции и в этом отношении порой **больше принадлежит ей, чем современной науке**. Ее основная черта — сохранение элементов мифического мышления» (см.: Ульянов М.Ю. Послесловие к статье «Находки бронзового века» // Восточная коллекция. Лето. М., 2014. С. 90).

Кроме уже упомянутого неполного разделения мифического и реального и в восприятии, и в познании исторического прошлого Китая, следует также назвать и отсутствие в гуманитарной научной традиции строгих принципов классификации и типологизации, позволяющих выявлять и фиксировать связи между элементами познаваемых объектов с целью определения места самого объекта в более общей системе. Иными словами, китайский гуманитарий — носитель традиции может описывать очевидное и пересказывать написанное, но у него почти нет возможности получать новые знания посредством анализа источников с помощью специальных методов. Эти обусловленные традиционной культурой особенности научного мышления, бесспорно, оказали значительное влияние на современную синологическую историографию, прежде всего собственно китайскую, но также имеют свои проявления в западной и российской востоковедной науке.

Рассматривая прошлое, историки различают два важнейших типа процессов: исторические и этнические. Если считать, что исторический процесс состоит из четырех видов процессов: политического, социального, экономического и культурного, то процесс сохранения исторической памяти относится к числу культурных, но при этом в нем находят отражение и все остальные процессы. При изучении этого процесса важны теоретические представления о трех взаимосвязанных социокультурных феноменах: о возникновении и развитии **письменности, государственности**, а также о формах **сохранения памяти о прошлом** (включая историописание).

При изучении древней истории все письменные произведения, независимо от жанра и формы их сохранения (переданные культурной традицией и эпиграфические), рассматриваются в качестве источников. Основную ценность представляют специализированные исторические сочинения («анналы» и «хроники», «летописи» и «истории»), содержащие основной список датированных событий, который позволяет реконструировать протекание политического процесса. Но для исследования прошлого существенны и все остальные произведения, освещающие всевозможные стороны жизни общества.

Историческая память — естественное проявление человеческой культуры, неперенный спутник развития общества. Традиция ее сохранения проходит длительный путь развития от устных форм к письменным. Представляя собой сложный культурный феномен, она существует в догосударственный и государственный периоды, изменяется вместе с трансформацией общества²¹. Ниже, рассматривая традицию сохранения исторической памяти в Древнем Китае, мы будем обращать внимание на особенности ее письменной фиксации. Говоря о *формировании* традиции, будем исходить из того, что в период возникновения государственности первое время письменные способы фиксации памяти о прошлом в определенной степени связаны с моделями, которые существовали в устной культуре. Однако когда возникла потреб-

²¹ Широкий круг статей на эту тему содержится в сборниках: История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006; Образы времени и исторические представления: Россия–Восток–Запад / Под. ред. Л.П. Репиной. М., 2010.

ность в историописании как таковом, появились новые формы специализированных сочинений, которые не имели прямых аналогов в устной культуре.

Выделим основные этапы процесса «сохранения исторической памяти» в древней Восточной Азии и кратко охарактеризуем их содержание.

1. В **догосударственный период** знания о прошлом сохраняются в памяти людей, и все формы их передачи носят устный характер. В родовом обществе занятие главенствующих социальных позиций подчинено законам традиционного родового права и не предполагает политической борьбы за власть. Основное значение придавалось старшинству в роде, положению в клане и т.п., поэтому важнейшей формой сохранения исторической памяти являлась фиксация последовательности предков, степеней родства и, возможно, сроков жизни. Поскольку в догосударственный период происхождение рода связывалось с тотемом, а в предгосударственный — с тем или иным божеством, к спискам предков исторических неизбежно прикреплялись предки мифические.

Для того чтобы сохранить и передать память о прошлом, в культуре вырабатывались свои специфические формы и навыки. Сведения о событиях прошлого перерабатывались по определенным законам, которые изучаются литературоведами: фольклористами и мифологами. На этом этапе знания о прошлом существенно преломлялись, принимая форму мифа, затем — легенды, позже — исторического предания. В позднеродовом обществе существовала такая форма передачи знаний о прошлом, как архаические (мифические) эпические сказания, содержавшие развернутые поэтические повествования о деяниях божеств, происхождении человека, добывании элементов культуры, защите от чудовищ и др.²²

2. С **возникновением государственности** (в Восточной Азии — около середины III тыс. до н.э.) вместе с различными элементами культуры родового общества эпические формы сохранения памяти о прошлом продолжали бытовать — при этом развивались героические эпические сказания о деяниях предков рода как идеальных героев, о

²² Е.М. Мелетинский писал: «Архаический эпос обобщает историческое прошлое посредством языка и концепции первобытных мифов... Прошлое племени рисуется как история “настоящих людей”» (*Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2006. С. 269*).

героических царях древности и «богатырях»²³. В этих сказаниях также содержалось большое число сообщений о чудесах и сверхъестественных событиях; их исполняли сказители, эпические певцы, часто слепые, окутанные ореолом таинственности и святости²⁴.

Формирование письменности и государственности — процессы хотя и синхронные, но развивающиеся с разной временной амплитудой. В древней Восточной Азии письменность зарождается ранее, чем государственность, и проходит длительный путь развития²⁵. Археологические данные показывают, что когда на Нижней Янцзы возникли первые в регионе государства, уже существовало несколько видов письменности²⁶. Однако в целях сохранения исторической памяти письменность начали использовать далеко не сразу. Государство создает запрос на развитие систем письма, но требуется время для того, чтобы возникли такие из них, какие были бы удобны для записи исторических сообщений определенного типа. Но и форма этих записей сначала была далека от того, что мы бы сейчас назвали историописанием. Самые ранние из них, по-видимому, так или иначе относились к религиозно-ритуальной сфере, включая и мантику.

²³ Вопрос о сохранности эпоса *хуася*, в частности народов, населявших государства Шан и Западное Чжоу, и историзации исторического предания был поставлен Л.С. Васильевым (*Васильев Л.С.* Проблема мифов и исторических преданий в Шан-Чжоу // ОГК-XXIX. 1999. С. 36–50). На наш взгляд, заявление об исторической амнезии шанцев представляется слишком радикальным. Известно, что если государственность развивалась, а эпос не был записан, то он в своем полном виде утрачивался (как у *хуася*). Но если часть этноса была вынуждена отселиться в предгорья и горы (как у *хмонгов* и *миенов*) или один этнос имел свою «внутреннюю периферию» (как у *юэсцев-вьетов* — *мыонги*), то эпические произведения имели шанс сохраниться. В шанское и западночжоуское время еще не было технических возможностей и культурной потребности для записи текстов большого объема. Такие возможности появились сравнительно поздно, в период развитых государств периода Чжаньго, когда эпос у равнинных *хуася* уже перестал бытовать, а своей «внутренней периферии» у них не оказалось — *хуася* успешно осваивали Великую равнину. Тем не менее следы эпоса сохранились в кратком виде в составе некоторых од из раздела «Великие оды» *Шицзиня* («Канона поэтических произведений»).

²⁴ *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. М., 2004. С. 423.

²⁵ Только в последние годы появилось достаточно археологического материала, чтобы судить о зарождении письма в Восточной Азии и ранних этапах его развития. См.: *Деотик Д.В.* О древнейших письменностях в Восточной и прото-Юго-Восточной Азии (современные представления) // Ломоносовские чтения. Апрель 2008. Востоковедение. Тез. докл. М., 2008; *Деотик Д.В., Ульянов М.Ю.* Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты // ВЭ. 2011. Вып. 5. С. 7–118; 2012. Вып. 6. С. 205–249; 2013. Вып. 7, ч. 1. С. 15–103.

²⁶ Подробнее см.: *Деотик Д.В.* Царство Мо — первое государство Региона Восточной Азии (прото-ЮВА) // Губеровские чтения. М., 2009. Сб. 1.

На этом этапе развития государственности упорядочивались астрономические и астрологические представления, а также выработывались системы календарного счета, связанные с аграрными циклами, сменой сезонов и т.п. В австрийских государствах Восточной Азии еще в до-шанский период (до 1300 г. до н.э.) сформировалась система фиксации порядка предков (ставших почитаемыми духами) и указания родства между ними с помощью «циклических знаков» (две группы по 12 и 10 иероглифов), в рамках которой каждый предок наделялся своим индивидуальным номером²⁷. Сочетания этих же «циклических знаков» использовались для нумерации дней. Так формировался столь важный элемент историописания, как датирование событий.

Развитие государственности предполагало развитие идеологии, в основе которой лежали представления о санкционированном божествами или Небом праве династии на власть. В условиях усложнения институтов государственности, всё большей сакрализации высшей власти и усложнения системы обрядово-ритуальных действий миф и героический эпос сохранялись в более кратком («концептуализированном») виде — они включались в состав различных литургических песнопений (общее название *ши* 詩; например, *сун* 頌 «гимны») и «писаний» (общее название *шу* 書; например, *сюнь* 訓 «наставления»), которые исполнялись во время проведения религиозных церемоний и дворцовых ритуалов.

3. В **раннегосударственный** период письменная фиксация исторических сведений начинается не сразу с «историописания» как такового. В целом, стремление записать то, что можно запомнить, — это сравнительно позднее явление. Каждому этапу развития государственности соответствовали свои письменные формы фиксации исторической памяти. О наиболее ранних из них судить всегда сложно в силу ряда обстоятельств²⁸. Во-первых, в Восточной Азии второй половины III — первой половины II тыс. до н.э. мы имеем дело с

²⁷ Norman J. A Note on the Origin of the Chinese Duodenary Cycle // Linguistics of the Sino-Tibetan Area. Canberra, 1985. С. 85–87; Крюков М.В. К проблеме циклических знаков в Древнем Китае // Древние системы письма: этническая семиотика. М., 1986. С. 108–109.

²⁸ Важно учитывать и то, что при записи устных форм происходит их неизбежная трансформация — своего рода «перекодировка» устной традиции (см.: Мельникова Е.А. Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 141).

первичными государствами. Соответственно, порождение всех форм социального опыта здесь, в отличие от более поздних вторичных государств, происходило постепенно, проходя все типологические этапы, и носило не прямолинейный, а возвратно-поступательный характер. Во-вторых, в ранних государствах древней Восточной Азии, в отличие от государств классического Востока, не было принято оставлять надписи на «вечных» материалах — на каменных стенах и писать на табличках из глины²⁹.

Возникновению историописания, по-видимому, предшествовали некоторые записи, которые осуществлялись в храмовой среде в религиозных и обрядово-церемониальных целях. Прежде всего, это списки правителей, ведение которых было обусловлено требованием культа предков. Одновременно в ритуальных и мантических целях записывались отдельные сакрально значимые деяния правителей и их ближайших подданных. Такого рода упоминания регулярно встречаются в гадательных надписях времен Шан (ок. 1300–1027 гг. до н.э.) и в надписях на бронзовых сосудах конца этого периода. Для первых характерно перечисление датированных событий, связанных с деяниями носителя высшей власти (отправление религиозных церемоний и др.), а для вторых — упоминание о деяниях подданных, принесших им заслуги перед государем, за которые им были пожалованы дары. Кроме того, отдельные события упоминаются также в литургических произведениях западно-жоуского времени: песенных («гимнах») и прозаических («писаниях»), а также в исполнявшихся во время торжественных церемоний «одах».

Зримый для историка вид историописание обретает в западно-жоуский период, когда в древней Восточной Азии как «двудеином регионе» распространяется «чжоуская политическая культура»: в царствах бассейна Хуанхэ — по содержанию, в царствах бассейна

²⁹ Основным носителем текста в Восточной Азии в первой половине III — первой половине II тыс. до н.э. являлась поверхность керамических сосудов (подготовленная в виде остраков или непосредственно сосуды). Так, для ритуальных целей использовалась скрытая от глаз поверхность доньев парадных чаш, для хозяйственных — открытые поверхности тулова, плечиков, горла и ободка венчика. В период Шан с середины XIII до XI в. до н.э. создаются гадательные (и не только) надписи на панцирях черепах и костях животных, в XI в. до н.э. появляются и надписи на бронзовых ритуальных изделиях, которые сохраняются всё последующее время до создания первой империи в III в. до н.э. Первые надписи на камне и нефрите датируются началом V в. до н.э. (клятвы из Хоума), первые известные тексты на бамбуковых планках и деревянных дощечках — концом V в. до н.э.

Янцзы — по форме³⁰. При этом в государствах и бассейна Хуанхэ, и бассейна Янцзы оно складывалось как часть культа предков правящей династии. В надписях на бронзовых сосудах времен Западной Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) встречаются примеры сравнительно сложных форм сохранения памяти о прошлом, например в виде хвалебной характеристики нескольких последовательно правивших государей³¹.

Многие из этих записей датированы, а порой содержат и указание места действия. Однако упомянутые деяния и события, составляя их смысловое ядро, были обрамлены привычным ритуально обусловленным контекстом. Таким образом, всё это еще не предполагало регулярного записывания событий и деяний, поэтому не может быть названо историописанием, а может считаться формами сохранения исторической памяти, на основе которых и вызревала идея историописания. Когда и при каких обстоятельствах возникает потребность **регулярной записи** событий — большая теоретическая проблема. Очевидно, что актуальным это становится тогда, когда институты государственности и политическая культура достигают достаточно зрелого уровня.

4. По мере **развития государственности** и усложнения религиозно-церемониальной стороны функционирования высшей вла-

³⁰ См.: *Ульянов М.Ю.* «Бамбуковые анналы» (древний текст) и сведения о политической культуре Китая (VIII–III вв. до н.э.) // Ломоносовские чтения: Науч. конф. М., 2007. Кн. 1.

³¹ В надписи на сосуде времен правления Гун-вана 恭王 (927–907 гг. до н.э.) *Ши Цян пань* (284 иероглифа), который был обнаружен в 1976 г. на западе долины р. Вэй (уезд Фуфэн), содержится придворно-панегирическая характеристика правлений первых семи *ванов* Западного Чжоу. Перевод этой надписи на русский язык был выполнен В.М. Крюковым. Приведем начало надписи: «Сказано: в древности Вэнь-ван впервые внес гармонию в управление. Верховный владыка ниспослал [ему] великую опору совершенного *дэ* (благодати), и Вэнь-ван объят прокровительством верхи и низы, сплотил воедино десять тысяч стран. Могуч и грозен был У-ван, он покорил четыре стороны света, низверг Инь и возглавил народ. Навеки лишенный страха перед враждебными племенами. О, многих и поработил он в своих походах. Прозорлив и совершенномудр был Чэн-ван, окружив себя решительными и непреклонными, он начал обулаивать державу Чжоу. Глубок и проникновенен был Кан-ван, он упорядочил управление и установил мир на границах. Величав и дарообилен был Чжао-ван, он подчинил своей воле Чу и Цзин, далеко проложив путь на юг. Благочестив и зримо явлен был Му-ван. Подражая [древним образцам], он осуществил возвышенные замыслы, позволив [наследнику] — [нынешнему] Сыну Неба (Гун-вану) — воцариться в покое...» (*Крюков В.М.* Текст и ритуал: опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М., 2000. С. 255–258).

сти, ведение списков правителей и их родственников, а также записи отдельных событий, которые не составляли единой системы, уже не могли удовлетворять растущим потребностям. Шел поиск форм письменной фиксации не только отдельных, но и всех важнейших деяний правителей, каждое из которых воспринималось как сакрально значимое³². В результате возникла такая ранняя форма официального историописания, как «**анналы**» — краткие годовые записи основных деяний правителей и произошедших событий. Они велись в соответствии со строгими нормами в храме предков правителей историографами *даши* 大史, которые происходили из жреческой среды и долгое время сохраняли тесную связь с ней. «Анналы» еще не имели вида «книги» — планки прикреплялись одна к другой по мере их заполнения; они хранились в храме и воспринимались первоначально как атрибут храма, а не дворца.

В процессе переписывания «анналов» нескольких правлений, в результате сокращений или добавлений сведений из других источников возникали и более развернутые и менее сакрализованные произведения — «**хроники**». Их записи также были краткими, но тематический репертуар был шире. Их написание было обусловлено не столько ритуальными нормами, сколько политическими обстоятельствами. Поэтому они имели очевидное идеологическое наполнение, но оно было еще не ярко выражено, о нем нельзя узнать просто из прочтения текста, необходим специальный анализ содержания.

С наибольшей степенью достоверности об «анналах» можно говорить с начала периода Западное Чжоу, а о «хрониках» — с конца периода Западное Чжоу и начала периода Чуньцю. В дальнейшем ведение «анналов» сохранялось в качестве основной формы историописания, но за пределами храма предков и в других царствах они становились известными именно в виде «хроник». Если текст «анналов» был неприкосновенен, то «хроники», напротив, могли и в определенной степени должны были перерабатываться в зависимости от задач, которые ставились в той или иной культурной среде. Таким образом, «анналы» и «хроники» — это не столько два этапа, сколько две формы существования официально-

³² Следы ранних форм историописания, на наш взгляд, сохранились в начале глав раздела *Шицзя* («Наследственные дома») в труде Сыма Цяня «Исторические записки», описывающих время до начала Чуньцю [*Сыма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). М., 1987. Т. 5].

го историописания в Древнем Китае периодов Западное Чжоу — Чжаньго (1027–221 гг. до н.э.)³³.

5. «Анналы» и «хроники» не содержали развернутых текстов повествовательного характера. Диалоги и речи, произнесенные при дворе во время обсуждения государственных дел, которые в той или иной форме записывались в период Чуньцю, хранились и использовались отдельно. Если в период Западное Чжоу речи, на основе которых будут составлены «писания» (*шу*), записывались и оглашались в храме, то в этот период их записывали и использовали в иной культурной среде — при дворе.

Со временем неизбежно возникала потребность в более детализированных текстах. Во многих странах таковыми стали «**летописи**» — развернутые исторические произведения, создававшиеся на основе источников разных жанров. «Летописи» возникают в новых исторических и культурных условиях из потребности упорядочить и развить сообщения «анналов» и «хроник». Если те только называли события, то «летописи» их раскрывали. Они составлялись и переписывались по политическому заказу, поэтому имеют ярко выраженное идеологическое наполнение — для «летописей» характерно стремление авторов, осмысляя события прошлого, решать актуальные для своего времени политические задачи: обосновывать право той или иной династии на власть, того или иного народа на занимаемые им земли и т.п. Всё это позволяет изучать их как памятники исторической мысли.

Создание «летописей» носило долговременный и поэтапный характер. По нашим представлениям, им предшествовал происходивший в различных культурных средах процесс создания исторических произведений различных жанров, которые в своей совокупности образовывали «**летописные материалы**»³⁴. Возможности для их появления в Китае сложились где-то к рубежу V–IV вв. до н.э., в период Чжаньго, когда возникли условия для создания «книги» —

³³ *Сыма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). М., 2001. Т. 1 / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. С. 592. Ср. сводку мнений о соотношении понятий «анналы» и «хроники» в применении к средневековому европейскому историописанию: *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. С. 69–85.

³⁴ Подробнее об этом историографическом явлении см.: *Ульянов М.Ю.* Структура «комментирующего комплекса» *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к Чуньцю»): соотношение «исторического» и «канонического» // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы. СПб., 2014.

удобного носителя информации в виде связки достаточно большого числа бамбуковых планок³⁵.

Но «летописи» как таковые, на наш взгляд, в Восточной Азии так и не возникли. В 221 г. до н.э. социально-экономическому развитию в условиях политического и культурного полицентризма, способствовавшего невиданному ранее расцвету культуры, был положен конец. Циньское завоевание, десятилетие всеобъемлющих преобразований, направленных на унификацию культуры Поднебесной, а затем семилетняя гражданская война за циньское наследие (209–202 гг. до н.э.) были сопряжены со значительными утратами культурных ценностей и сужением культурной среды. Судя по текстам историй отдельных царств, которые сохранены в разделе *Шицзя* («Наследственные дома») сочинения *Шицзи* («Исторические записки») Сыма Цяня, в западноханьское время (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.) были известны не «летописи» царств предыдущей эпохи, а именно «летописные материалы», т.е. подобранные по правлениям упоминания отдельных событий периодов Чуньцю и Чжаньго и более или менее детализированные описания некоторых из них.

Исчезновение отдельных царств и рождение империи уже в начале Западной Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.) поставило перед историографами новой эпохи совершенно новые задачи — создание имперской истории, единицей которой было бы правление одного носителя высшей власти и описывался бы политический процесс, протекавший в одном общеимперском центре. В этих условиях лучшее, что могли сделать придворные историографы, — опираясь на «летописные материалы», написать «истории» царств, но никак не «летописи». Благодаря этому сохранившиеся в главах раздела *Шицзя* «истории» явно неполны. Так, значимые для истории царства события часто только называются, но не описываются; между отдельными событиями зачастую имеются значительные временные лакуны. Более того, многие правления, особенно кратковременные, никак не детализированы. И напротив, заметно, что составлявшие эти тексты историографы решали важные для их эпохи задачи: в основном — синхронизировали события, произошедшие в разных

³⁵ Хотя они были громоздки, но, тем не менее, предоставляли возможность для записи текстов больших объемов. Их значительное преимущество заключалось и в том, что они позволяли разнообразить формы размещения развернутых текстов и даже иллюстраций в пространстве (см.: *Целуйко М.С.* Особенности нелинейной структуры древнекитайских эпиграфических текстов из могилы в Шуйхуди // ВЭ. М., 2013. Вып. 7, ч. 1. С. 175–176, 201–205).

царствах, а также обосновывали некоторые идеи, например об исторической целесообразности ограничения власти государя.

К началу I в. до н.э. уцелевший после многих лет забвения и свеженный в столицу книжный фонд (точнее, то, что от него осталось) царств Чжаньго начал истлевать. Задача сохранения и передачи хотя бы его части была поставлена на рубеже нашей эры, когда шла борьба родственников династии по женской линии из рода Ван за высшую власть. Тогда буквально одним рывком в рамках государственного проекта этот корпус текстов был переработан, переписан и получил известный сейчас вид. Вскоре после этого была изобретена бумага и начался постепенный переход к записям на новом носителе³⁶. А всё, что не было переписано, оказалось утеряно. К счастью, многочисленные эпиграфические находки XX в. позволили составить представление о книжном репертуаре эпохи Чжаньго и получить тексты многих утраченных ранее произведений и документов.

Такова общая модель протекания процесса сохранения исторической памяти в древней Восточной Азии. Далее более подробно рассмотрим ситуацию периода Чуньцю.

ПОНЯТИЕ «КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА» И ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПЕРИОД ЧУНЬЦЮ (771–453 ГГ. ДО Н.Э.)

...ту же историю можно изучать
с ее «невидимой», внутренней стороны, т.е. как процесс,
обусловленный системными связями историографии
с данным типом культуры,
в частности с ее мировоззренческой сутью.

*М.А. Барг*³⁷

Изучение состава письменных произведений периода Чуньцю имеет особое значение, поскольку это своего рода переходный этап между периодом Западное Чжоу, когда основные типы письменных текстов исторического характера представлены только эпиграфи-

³⁶ *Васильев К.В.* Ранняя история. С. 100; *Меньшиков Л.Н.* Рукописная книга в Китае I тысячелетия н.э. // *Рукописная книга в культуре народов Востока.* М., 1988. Кн. 2. С. 103–108.

³⁷ *Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 6.

кой (надписями на бронзовых изделиях ритуального назначения) и периодом Чжаньго, для которого характерен значительный массив письменных произведений различных жанров, постоянно расширяющийся за счет новообнаруженных эпиграфических памятников. Соответственно, в период Чуньцю происходит переход традиции письменной фиксации на новый качественный уровень.

В это время память о прошлом сохранялась в устной и письменной формах. Репертуар письменных произведений, кроме специализированных исторических сочинений, во многом воспроизводил набор хранившихся в памяти и передававшихся устно. Число записываемых произведений было несоизмеримо меньше³⁸. Они создавались в отдельных *культурных средах*. Под *культурной средой* будем понимать **характерную для определенной эпохи устойчивую совокупность социально-значимых институтов, объединенных общими идеями и ценностями**. Разнообразные «культурные среды» формируют общее «культурное пространство». Именно в них возникали условия для порождения, воспроизводства, сохранения и передачи важнейших достижений культуры, в том числе устных и письменных произведений. В рассматриваемое время письменные произведения создавались в *храмовой* и *дворцовой*, а устные — еще и в *общинной* культурной среде³⁹. Характеризуя их, будем учитывать место их расположения, социальный охват, жанровое разнообразие и социальное положение их создателей.

В период Чуньцю обе культурные среды были связаны с центральной властью и располагались в столичном центре. Носитель высшей власти и его двор размещались на территории дворцового комплекса, в состав которого входили и дворцовые, и культовые сооружения. Дворцовый комплекс включал сооружения, в которых проходили придворные церемонии (аудиенции, пиры и пр.),

³⁸ Рассмотрению соотношения письменных произведений и текстов, передаваемых устно, посвящена статья Л.Д. Позднеевой: *Позднеева Л.Д.* К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских трактатов // *Позднеева Л.Д.* История китайской литературы: Собр. тр. М., 2011. С. 19–22.

³⁹ Ниже не будем рассматривать «общину» — культурную среду за пределами столичного центра, поскольку в тот период в ней не возникали письменные произведения и память о прошлом в ней сохранялась исключительно в устной форме.

В настоящее время понятие «культурная среда» широко используется специалистами по маркетингу, дизайну и т.п. В культурологическом контексте понятие «культурная среда» было рассмотрено А.Я. Флиером: *Флиер А.Я.* Избранные работы по теории культуры. М., 2014. Мы попытались наполнить его историческим содержанием и адаптировать его к изучению Древности.

размещались канцелярские и хозяйственные службы, а также и те, в которых располагались покои членов царской семьи, обслуживающего персонала. В некоторых царствах к ним очень близко примыкали дворцы представителей наиболее влиятельных родов (царство Цзинь). Культовые сооружения располагались по соседству с ними. Основным был храм почитания духа родоначальника династической ветви — первого правителя владения, на основе которого возникло царство. Были и отдельные, специализированные храмы и алтари⁴⁰.

Рассматривая порождаемые в этих средах произведения, будем учитывать, что *перенос устных и письменных произведений из одной культурной среды в другую приводил к их трансформации*. В частности, при записи устных произведений, а также при копировании письменных сочинений неизбежно видоизменялись их содержание, структура и лексика. При этом устные сочинения, обретая определенные признаки времени записи, всё же сохраняли основные черты времени создания.

В этих средах составлялся и сохранялся основной массив письменных текстов, поэтому здесь возникли и специализированные хранилища: храмовые «депозитарии», придворные «книгохранилища» и «архивы» придворной канцелярии, а также «библиотеки». Благодаря им тексты сохранялись и передавались из поколения в поколение. Частные собрания, вероятнее всего, начали возникать только в период Чжаньго.

Уже в начале периода Чуньцю основные задачи представителей двух названных культурных сред различались довольно четко. В *Цзочжуань* ([020601], 706 г. до н.э.) указывается, что правитель действовал (*дун* 動) в первую очередь в сфере «управления» (*чжэн* 政), а жрецы — в сфере «веры» (*синь* 信)⁴¹. Тем не менее, поскольку

⁴⁰ Основной храм имел общее типовое название *таймяо* 太廟, например, в царстве Лу так назывался храм предка правителя царства Чжоу-гуна. Он мог иметь свое индивидуальное название, например главный храм почитания духа основателя династии правителей царства Чжэн (*таймяо*) назывался Дагун 大宮 (букв. Великий дворец). Кроме того были храмы поминания духов отдельных правителей (одного или нескольких), которые имели общее типовое название *цзунмяо* 宗廟. Они тоже могли иметь свое название. Например, в столице царства Цзинь располагался храм Угун 武宮 — поминальный храм У-гуна (715–677 гг. до н.э.), в котором проходила часть церемонии возведения на престол правителей Цзинь.

⁴¹ Здесь и далее в квадратных скобках указан номер фразы *Чуньцю*: первые две цифры — номер главы; вторые две — номер года правления *гуна* царства Лу; третьи две — номер сообщения *Чуньцю*, с которым сопряжен текст данного

ку правитель в рамках основного государственного культа поклонения духам предков династии исполнял жреческие обязанности, дворец не был отделен или значительно противопоставлен храму. Эти две среды настолько плотно соприкасались, что можно говорить о специфической «храмово-дворцовой» субсреде. В ней-то, на наш взгляд, и функционировали историографы *даши* (отчасти и жрецы *ши* — интерпретаторы гаданий), одна из задач которых заключалась в ведении важнейших письменных сочинений официального историописания — «анналов»; соответственно, именно в ней они составлялись и сохранялись.

ХРАМОВО-ДВОРЦОВАЯ СУБСРЕДА

1. Официальное историописание: «анналы»

«Анналы» — произведения *официального* историописания, которые велись в течение правления одного государя. Они содержали первичные записи, выполненные сразу после завершения того или иного события, которые имели форму простого предложения с указанием времени и места. «Анналы» не несли в себе идей, связанных с осмыслением результатов правления, поскольку на момент записей оно еще не завершилось. Однако в них была заложена возможность их осмысления в будущем, поскольку одновременно фиксировались аномальные явления природы и стихийные бедствия, которые могли рассматриваться как знамения.

«Анналы» представлены как в виде отдельных текстов, так и в виде упоминаний в составе различных произведений. Фрагменты «анналов» сохранились в составе «комментирующего комплекса» *Чуньцю Цзочжуань*, в различных главах «Исторических записок» Сыма Цяня, особенно разделов *бэньцзи* («Основные записи»): главы 4–6, посвященные Западному Чжоу и Цинь, а также *шицзя* («Наследственные дома») — глав по истории различных царств⁴². В форме, наиболее близкой к изначальной, на наш взгляд, они сохранились в реконструированном памятнике эпохи Чжаньго

сообщения *Цзочжуань*: Чуньцю Цзочжуань чжу («Вёсны и осени» и «Комментарий Цзо» со сводными комментариями) / Коммент. Ян Бо-цзюня. Пекин, 2000. Т. 1. С. 11–12; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 107–108.

⁴² *Ульянов М.Ю.* Текстологические аспекты. С. 48–50. Первая из известных нам попыток выявить в «комментирующем комплексе» *Цзочжуань* «анналы» была предпринята Б. Блэйкли: *Blakeley B.B.* «On the authenticity». P. 221–222.

Лу бэнь Чжу шу цзи нянь («Бамбуковые анналы. Древний текст») в разделе 6 (история царства Вэй 魏 периода Чжаньго)⁴³. Кроме того к «анналам» может быть отнесена бóльшая часть текста эпитафического памятника *Бянь нянь цзи* («Погодовые записи»), содержащая выписки из «анналов» царства Цинь, сделанных чиновником по фамилии Си (завершается 217 г. до н.э.)⁴⁴.

«Анналы» возникли в рамках культа предков и являлись одной из важнейших его составляющих. Они появились тогда, когда возникла необходимость регулярно фиксировать наиболее значимые деяния правителя и реакцию Неба на них⁴⁵. По-видимому, традиция ведения «анналов» оформилась в течение периода Западное Чжоу. Благодаря им стала возможна фиксация всех важнейших *деяний* носителей высшей власти и представителей высшей знати, а также *событий* — сведений о произошедшем в политической, реже — в социальной и экономической сферах жизни, а также о

⁴³ Первая реконструкция «Древнего текста», которая может быть названа научной, была предпринята еще Чжу Ю-цэном в первой половине XIX в., затем в XX в. Ван Го-вэем (1917 г.), Фань Сян-юном (1956 г.), Фан Ши-мином и Ван Сю-лином (1981 г.). Эти подходы были учтены и развиты в нашей работе 2005 г., в ней же рассказано об истории памятника (нахождении, утрате, реконструкции). См.: Бамбуковые анналы. С. 8–17, 117–138. Отметим, что фрагменты памятника далеко не всегда сохранялись именно в виде точных цитат, исследование показало, что это могли быть и «извлечения» пяти видов: компиляция, неточное цитирование, пересказ, перечисление, упоминание. См.: Ульянов М.Ю. Текстологические аспекты. С. 74–75.

О царстве Вэй, крупнейшем царстве периода Чжаньго на Великой равнине, см.: Халтурина П.В. Борьба за Великую Равнину в период Чжаньго: войны между царствами Вэй и Цинь // ОГК-ХLI. 2011; *Она же*. Основные этапы формирования земель царств Вэй, Хань, Чжао и их завоевания Цинь в период Чжаньго: опыт картографического исследования // ОГК-ХLII. 2012. (Уч. зап. Отдела Китая; Вып. 6, т. 1).

⁴⁴ В этом сочинении всего 87 сообщений, из них 69 восходят к «анналам» Цинь, а 18 имеют отношение к роду автора, который отмечает рождение своих детей (?), смерть отца и матери и др. Очевидно, это не полный текст «анналов» Цинь, а выписки из них с упором на военные победы царства. См.: Целуйко М.С. Циньские эпитафические памятники из Шуйхуди: Частная (служебно-личная) хроника господина Си «Бянь нянь цзи» (конец III в. до н.э.) // ВЭ. 2011. Вып. 5.

⁴⁵ А.М. Карапетьянц поставил важный вопрос, кому предназначались годовые записи. Он полагал, что это была «передача информации в потусторонний мир» и что фиксировались события, «заслуживающие сообщения духам». Отсюда его вывод о том, что историографы «преследовали цели жизнеобеспечения культурного организма, а не подobaющей летописцу точности фиксации информации» (Карапетьянц А.М. У истоков. С. 438–439). Соглашаясь с первой частью его заключения, мы не можем согласиться со второй. На наш взгляд, одно не исключает другого, их нельзя противопоставлять друг другу.

различных природных явлениях, имевших место накануне и после этих деяний и воспринимавшихся в качестве знамений — беспристрастной реакции на эти деяния высших сил. Всё записанное в «анналах» и рассматривались как проявление взаимодействия носителя высшей власти с высшими силами. Поэтому «анналы», обладая повышенной сакральной значимостью, составлялись и сохранялись в храмовой среде. Но поскольку их основным действующим лицом был правитель, они принадлежали и к дворцовой культурной среде.

В течение периода Западное Чжоу такие записи стали неизменным атрибутом высшей власти и в домене, и в отдельных владениях бассейна Хуанхэ, в которых правили члены династии Цзи⁴⁶. Известно, что в IX в. до н.э. домен мог передать право вести «анналы» и государям неродственных владений в качестве подтверждения легитимности их власти. Так, согласно сообщению *Гу бэнь Чжу шу цзи нянь* («Бамбуковые анналы. Древний текст») в период Западное Чжоу право ведения «анналов», точнее «погодовых записей поколений [правителей]» (*няньши чжи цзи 年世之紀*), вместе с чжоуской системой календарного счета в качестве атрибута высшей власти было передано правителю расположенного к западу от чжоуского домена «буферного» владения Цинь — Цинь-чжуну (?–882 г. до н.э.)⁴⁷. В период Чуньцю «анналы» являлись одним из основных атрибутов суверенитета царства.

После смерти правителя «анналы», как предписывали нормы культа предков, сохранялись и, видимо, переписывались. Пока сложно сказать, образовывали ли «анналы» нескольких правлений единый труд или хранились отдельно. «Анналы» начинались с того правления, с которого начали вести записи. Однако по прошествии времени, после смены нескольких правлений, особенно если имела место политическая борьба за высшую власть, на их основе в результате определенных коррекций могли возникнуть более содержательные и менее сакрализованные сочинения, которые будем называть «хрониками».

⁴⁶ Лю Гуаньюй. Шан Чжоу цзянь цэ као ши (Исследование *цзянь* и *цэ* в периоды Шан и Чжоу) // Цзинань дасюэ сюэбао (шэхуй кэсюэбао). 2010. № 5. С. 41–42, 51–54. О самой династии Цзи см.: Pulleyblank E. Ji 姬 and Jiang 姜: the role of exogamic clans in the organization of the Zhou polity // Early China. 2000. Vol. 25.

⁴⁷ Бамбуковые анналы. С. 114–116.

2. Основные участники процесса сохранения исторической памяти: историографы *даши*⁴⁸

Ведение официальных «анналов» царства являлось основной обязанностью историографа *даши*. Эта должность существовала и в чжоуском домене, и при дворах правителей царств. Согласно одному из сообщений *Цзочжуань* ([092502], 548 г. до н.э.) в ряде царств (например, Ци) историографы *даши* не просто принадлежали к одному роду, а были братьями, и в случае гибели старшего брата запись в «анналах» оставлял младший. Если же были убиты все *даши*, то правом выполнить запись наделялся *наньши* 南史⁴⁹. К началу периода Чуньцю историографы не были окончательно отделены от жречества, но и не являлись чиновниками, а относились к специфической храмово-дворцовой культурной субсреде⁵⁰.

Обязанности, связанные с сохранением исторической памяти

1) Именно на *даши* возлагалась задача ведения погодных записей текущего правления — они осуществляли письменную фиксацию деяний правителей и важнейших событий.

2) Согласно сообщению *Цзочжуань* ([100201], 540 г. до н.э.), *даши* являлись хранителями особо важных письменных произведений. Например, исторических: *Чуньцю* 春秋 («Вёсны и осени»), и мантических: *И* 易 («Перемены»), *Сян* 象 («Образы»)⁵¹.

3) На историографов была возложена задача сохранения в своей памяти знаний о прошлом. При случае они могли привести сведения из «реальной истории», которые относились как к сравнительно недавнему прошлому, так и к отстоящему на сотни лет. Кроме того, они были знатоками «священной истории». Ярким примером тому является содержание речи луского историографа по фамилии Кэ 克, произнесенной им в присутствии правителя царства Лу (*Цзочжуань* [061809], 609 г. до н.э.). В ней он сначала припомнил деяния недавно умершего высокопоставленного вельможи Цзан

⁴⁸ Подробнее о функциях историографов *даши* говорится в нашей отдельной работе: *Ульянов М.Ю.* «Историографы» *даши*.

⁴⁹ Чуньцю *Цзочжуань* чжу. С. 1099.

⁵⁰ Поэтому понятие *шигуань* 史官 (букв. историки-чиновники), которое часто используется в китайской научной литературе, не является строгим научным термином и может ввести в заблуждение. Речь всякий раз идет не о чиновниках как таковых, а о разных категориях служащих — или храмовых, или дворцовых, чьи функции еще далеко не всегда были специализированы.

⁵¹ Чуньцю *Цзочжуань* чжу. С. 1226.

Вэнь-чжуна 藏文仲 (?–614 г. до н.э.)⁵². Затем упомянул слова Чжоу-гуна — регента при втором западножоуском правителе (конец XI в. до н.э.)⁵³. После этого привел многочисленные сведения мифологического характера с генеалогическим уклоном — перечислил мифических персонажей разных поколений и их потомков. В частности, он упомянул божества первого поколения: Хуан-ди (Желтого императора, он назван *ди* Хуном 帝鴻), Шао-хао 少皞 (сына Хуан-ди), Гао Яна 高陽 (внука Хуан-ди, он же — Чжуань-сюй 顓頊), Гао Синя 高辛 (правнука Хуан-ди, он же — Ди Ку 帝嚳), и перечислил их сыновей (всего 19), а также назвал двух божеств следующего поколения: Яо 堯 и Шуня 舜⁵⁴. Из этой речи видно, что историографы *даши* не только воспроизводили исторические факты, но и формулировали исторический урок.

Обязанности, связанные с организацией религиозных церемоний⁵⁵

Даши оказывали консультации в проведении церемоний, но сами их не проводили.

1) Историографы *даши* являлись знатоками правил и порядка осуществления религиозных церемоний, которые проводились в течение года и были либо приурочены к определенным календарным датам, либо связаны с регулярными астрономическими явлениями (солнцестояние, новолуние), о которых узнают в результате наблюдений. В *Цзочжуань* ([101702], 525 г. до н.э., царство Лу) есть одно очень важное сообщение, из которого ясно, что, когда главный жрец *чжуши* должен был уточнить характер жертвоприношений, тогда вопрос сначала был обращен правителю царства, но тот переадресовал его историографу *даши*. Последний, обладая необходимыми познаниями, перечислил церемонии, которые соответствуют особенностям положения солнца на небосводе, и определил, какой из трех видов жертвоприношений подходит к данной

⁵² Там же. С. 633.

⁵³ Там же. С. 633–635.

⁵⁴ Там же. С. 636–639. Содержащиеся в этой речи мифические представления отражают взгляды именно VII в. до н.э. и отличаются от сформировавшейся позднее конфуцианской традиции. Например, образ Яо, как и в «хронике» царства Цзинь *Гу бэнь Чжу шу цзи нянь* («Бамбуковые анналы». Древний текст), в этой речи обладал отрицательными коннотациями. См.: Бамбуковые анналы. С. 103.

⁵⁵ О них подробнее см.: Ульянов М.Ю. О религиозных церемониях в период Чуньцю (771–453 г. до н.э.): по данным *Чуньцю Цзочжуань* // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тез. докл. науч. конф. (Москва, 14 апреля 2014 г.). М., 2014.

ситуации: именно ценными предметами, а не животными или пищей. В завершение *даши* привел высказывание из произведения особой сакральной значимости: *Сяшу* («Писания [времен] Ся») — сейчас так называется раздел *Шуцзина* («Канона [исторических] писаний»)⁵⁶.

Здесь уместно заметить, что в научной литературе устоялось мнение, согласно которому историографы *даши* якобы были еще и астрологами. Действительно, как мы увидели выше, проведение религиозных церемоний, которые обсуждались при участии *даши*, предполагало знания о положении небесных светил и знакомство с астрологией, но как *даши* узнавали об их положении, путем личного наблюдения или по уже выполненным расчетам, в источниках не конкретизируется. Однако в *Цзочжуань* ([021708], 695 г. до н.э.) читаем: «„Зима. Десятый месяц. Новолуние. Солнечное затмение“ — в [день *Чуньцю*] не записан. Пропущено *жигуанем* 日官». Крайне важна следующая часть этого сообщения, в которой говорится о том, кто это мог быть, и упоминаются две *придворные* должности специалистов-астрологов:

У Сына Неба есть *жигуань*, у правителей царств (*чжухоу*) есть *жиюй* 日御. *Жигуань* занимает положение вельможи *цин*, определяет нахождение солнца — таково требование норм ритуала. *Жиюй* не пропускает дни, на аудиенции предоставляет [календарные расчеты] всем чиновникам⁵⁷.

Соответственно, это и были те люди, чья деятельность связана с наблюдениями за движением Солнца, Луны и других светил. Никаких оснований для отождествления *жигуаня* при дворе чжоуского *вана* и *жиюя* при дворах правителей царств с историографами *даши* нет. Здесь специально оговаривается высокое положение *жигуаня* — такая должность была только при чжоуском дворе и по своему статусу он относился к числу обладателей высшего придворного ранга *цин*. Следовательно, здесь указывается еще и на то, что астролог — это не храмовая, а дворцовая должность — иными словами, историограф и астрологи к тому же принадлежали к различным культурным средам.

Если это так, то именно астрологи *жигуань* и *жиюй* занимались календарными расчетами и присваивали порядковый номер дням

⁵⁶ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1386–1387.

⁵⁷ Там же. С. 149–150; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 127.

по системе сочетания 10 и 12 циклических знаков, в соответствии с которыми в чжоуском домене, в царствах и во владениях внутри них проводились различные церемонии⁵⁸. *Даши* же, являясь носителями и хранителями разнообразных знаний и навыков, могли проинтерпретировать конкретную астрологическую ситуацию и указать должные для нее церемонии, воспользовавшись уже готовыми результатами астрологических наблюдений.

2) К историографам *даши* обращались за консультацией в случае знамений, чтобы узнать об их причине и значении, а также о том, какие религиозные церемонии в сложившейся ситуации следует проводить. В *Цзочжуань* и в *Шицзи* (гл. 40 «Наследственный дом царства Чу») сохранился рассказ о том, что правитель царства Чу, расположенного на Средней Янцзы, Чжао-ван (515–488 гг. до н.э.), увидевший насторожившее его знамение, обратился к историографу *даши* чжоуского домена с просьбой объяснить причины знамения и дать рекомендации о том, что делать. В *Цзочжуань* ([120606], 489 г. до н.э.) читаем:

В тот год облака приняли форму стайки красных птиц и кружили вокруг солнца в течение трех дней. *Цзы* [царства] Чу направил расспросить об этом к историографу *даши* в Чжоу. Чжоуский историограф *даши* сказал: «Дело должно быть в самом *ване*! Но если совершить молебен об отвращении зла, то его (зло) можно будет переложить на первого министра (*линъиня*) и главнокомандующего (*сыма*)...»⁵⁹

Чжоуский историограф не просто проинтерпретировал знамение как несущее зло правителю царства Чу, но дал рекомендацию, связанную с характером жертвоприношений и содержанием обращения к духам. Он, в частности, посоветовал принести жертвы духу реки Хуанхэ. Но чуский правитель, ознакомившись с его рекомендациями, приносить эти жертвы отказался, напомнив о том, что

⁵⁸ В царствах периода Чуньцю использовались различные календари. В одних, в том числе в Лу, использовался календарь, который велся в чжоуском домене при дворе *вана*, в других в ходу были местные календари. Например, в надписях на бронзовых изделиях встречаются такие фразы: *Дэн ба юэ* 鄧八月 («Восьмой месяц [по календарю царства] Дэн»). Основное расхождение заключалось в том, с какого месяца начинался новый год. См.: Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 5–6.

⁵⁹ Там же. С. 1635–1636. Этот же нарратив в *Шицзи* (глава 40 «Наследственный дом царства Чу») приведен в несколько ином виде. В нем рекомендация звучит так: «Это сулит беду Вам, чуский *ван*, но ее можно переложить на главнокомандующего или первого министра» [*Сыма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). Т. 5. С. 199–200].

чусцы приносят жертвы духам своих рек (Янцзы, Хуайхэ, Чжанцзян и др.).

3) Зная порядок проведения религиозных церемоний, историограф мог оценить правильность их выполнения. В частности, в *Цзочжуань* ([122401], 471 г. до н.э.) историограф царства Цзинь поблагодарил вельможу за то, что тот во время отсутствия правителя в царстве принес в жертву быка в точном соответствии со всеми правилами⁶⁰.

Обязанности, связанные со службой при дворе

1) *Даши* поручались ответственные миссии протокольного характера. Они могли по заданию государя направляться в качестве послов в различные владения своего царства или в соседние царства. Согласно сообщению *Цзочжуань*, в 543 г. до н.э. *даши* царства Чжэн был направлен правителем, чтобы передать указ о присуждении представителю одного из знатных родов высшего ранга *цин*. А в 484 г. до н.э. историограф из царства Лу был направлен в соседнее царство Ци с посланием своего государя. Визит *даши*, очевидно, был призван подчеркнуть значимость и торжественность послания, поскольку в первом случае надо было сообщить о пожаловании ранга, который вводил представителя знати в круг высших управленцев царства, а во втором — доставить голову убитого представителя знатного рода и личное письмо.

2) В ряде царств *даши* имели доверительные отношения с государями и входили в их ближайшее окружение. Они могли помочь правителю избежать необдуманного поступка. В *Цзочжуань* ([121404], 481 г. до н.э.) о событиях в царстве Ци читаем:

Гун вместе с супругой пили вино на террасе Таньтай. Чэн-цзы пожелал перевести их во внутренние покои. Гун [царства Ци], взяв клевец, готов был нанести ему удар. Историограф *даши* Цзы-юй сказал: «Он же не желает Вам плохого, а намеревается искоренить зло»⁶¹.

Тем самым находясь рядом *даши* смог предостеречь государя от нежелательных для него последствий этого спонтанного поступка.

Итак, положение историографов *даши* при дворе было очень высоким. Некоторые из них принадлежали к знатым и влиятельным

⁶⁰ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1722.

⁶¹ Там же. С. 1685; *Сьма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). Т. 5. С. 62.

родам, некоторые занимали эти должности наследственно⁶². Впрочем, судя по всему, статус *даши* определялся не столько занимаемой должностью, которая в придворной иерархии не относилась к числу наивысших, сколько посредническим положением между двумя культурными средами — храмовой и дворцовой. А обязанности *даши* далеко не ограничивались ведением «анналов».

3. Порядок и нормы ведения «анналов»⁶³

В период Чуньцю порядок выполнения записи в «анналах», место и время ее совершения, материал, на который она наносилась, ее расположение, а также язык и стиль, — всё это строго регламентировалось. В тексте комментирующего комплекса *Цзочжуань* упомянуты некоторые из этих норм.

Сообщения «анналов» наносились (*шу* 書) на специально подготовленные бамбуковые (или деревянные?) планки (*цзянь* 簡), которые после этого называли *це* 策. Их соединяли шнурами в связки *цэ* 冊 или *дянь* 典; в совокупности они образовывали «комплекты планок» или то, что может быть названо «книгой» (*пянь* 篇)⁶⁴. Процедура записи на дощечке произошедшего деяния и события осуществлялась историографом *даши* в храме почитания духов предков правителей правящей династии (*цзунмяо*). Насколько можно судить, эти планки с записями хранились в «хранилище хроник» (*цэфу* 策府)⁶⁵.

В «анналы» записывались сведения о деяниях правителя и представителей высшей знати своего и других царств, о важных событиях в своем царстве и в других. Судя по «Древнему тексту “Бамбуковых анналов”» записи касались прежде всего следующих тем: «история династии» (смерть или убийство правителя или чле-

⁶² Например, представители рода Дун 董 в царстве Цзинь (сообщение за 527 г. до н.э.) передавали должность *даши* по наследству. Их предок по имени Синью 辛有 еще в начале периода Чуньцю являлся *даши* при чжоуском Пин-ване. Именно как *даши* в сообщении 607 г. до н.э. упомянут Дун Ху — представитель этого рода в царстве Цзинь (см.: Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1373).

⁶³ Составлению «анналов» была посвящена наша отдельная статья: Ульянов М.Ю. Данные Чуньцю Цзочжуань. Здесь же приведены основные сведения, а также некоторые новые данные, полученные после выхода этой статьи в свет.

⁶⁴ Васильев К.В. Ранняя история. С. 101; Карпентьянц А.М. У истоков. С. 435–437.

⁶⁵ Об этом известно по цитате из *Му тянь цзы чжуань* («Жизнеописания Сына Неба Му», глава 2), обнаруженного в погребении правителя царства Вэй периода Чжаньго (453–221 гг. до н.э.).

на правящего рода, возведение на престол), «военная история» (битвы между другими царствами, победы и поражения, нападения, захваты населенных пунктов), «внутренняя политика» (пожалование земли члену династии), «внешняя политика» (заключение политических союзов), «знамения» (необычные природные явления), «строительство» (возведение сооружений, стен вокруг поселений)⁶⁶. Характер фиксируемой в «анналах» информации, повидимому, существенно не расширился.

Выполнение записей могло носить рутинный, окказиональный и экстраординарный характер. Записи первого типа были связаны с фиксацией регулярных ритуально обусловленных деяний правителей и представителей знатных родов, приуроченных к фиксированным (заранее высчитываемым) датам; второго — с нерегулярными, но также ритуально обусловленными событиями, которые происходили в не установленное заранее время (отправление войска на войну, прибытие посольства и пр.); третьего — с чрезвычайными событиями (например, убийством правителя), а также аномальными природными явлениями (например, выпадением града летом) и стихийными бедствиями (засухами, наводнениями).

В *Цзочжуань* сохранились сообщения о том, как историографы *даши* осуществляли запись в «анналах», в некоторых из них приведены и сами записи.

Записи событий, связанных с правителем и их первыми супругами

Все деяния правителя были подчинены особым нормам (*фа* 法). В *Цзочжуань* ([032303], 671 г. до н.э.) сказано:

Государь не действует не по правилам! Деяния государя непременно записываются (*цзюнь цзюй би шу* 君舉必書); если запись сделана, а деяние не соответствует нормам (*фа* 法), то в будущем преемники как посмотрят на это?⁶⁷

Здесь говорится о том, что историографом *даши* независимо от воли государя должно было запечатлеваться каждое его деяние, совершенное и в соответствии с нормами, и вопреки им. В *Цзочжуань* ([020209], 710 г. до н.э.) содержится сообщение о том, как проходила одна из церемоний, завершившаяся осуществлением записи

⁶⁶ Бамбуковые анналы. С. 127–138.

⁶⁷ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 226; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 157.

о деянии государя. Из него можно узнать, что возвращение правителя в свое царство (*фаньсин* 反行) со съезда, из военного похода и т.п. сопровождалось торжественным обрядом, который назывался «уведомлять [предков] в поминальном храме» (*гао юй мяо* 告于廟). Оно проводилось в храме предков правящей династии (*цзунмяо* 宗廟). Сначала правитель возносил молитву-обращение к духам предков; затем вместе с окружением выполнял обряд «испития вина» (*иньчжи* 飲至); после этого «устанавливал кубок» (*шэцзюэ* 舍爵). И наконец, в завершение всей этой церемонии на планках «анналов» историографом *даши* торжественно производилась «запись о заслугах» (*цэсюнь* 策勳), т.е. о самом деянии (съезде, военном походе и др.) и его результатах (заключении союза, победе, поражении и др.)⁶⁸.

Из источников можно узнать о том, какие нормы словоупотребления существовали для записей различной тематики. Ниже приведем сведения об этом.

Название носителей высшей власти. Особое внимание в языке «анналов» уделялось называнию правителей.

1. Правитель своего царства независимо от титула назывался *гуном* 公. Во всех других случаях для того, чтобы подчеркнуть, что объектом или субъектом является свое царство, употреблялось слово *во* 我 (наш). Например, в *Чуньцю Цзочжуань* ([052602]) записано: «Человек из [царства] Ци напал на наши западные окраины»⁶⁹. Упомянув жен правителей, использовали слово «супруга» (*фужэнь* 夫人) и указывали фамилию, например, «госпожа Цзянь» (*Цзянь ши* 姜氏), реже указывали одну фамилию без слова «госпожа». Если правитель являлся не объектом, а субъектом действия, то его называли «своим государем» (*ци цзюнь* 其君), в отдельных случаях могли также назвать и супругу правителя «госпожой-государыней» (*цзюньши* 君氏).

2. При перечислении правителей нескольких царств, например в качестве участников съезда или совместного похода, упоминался титул и название царства: «*цзы* [царства] Чу».

3. Если в «анналах» надо было упомянуть чжоуского *вана* или кого-либо из правителей царств, а они в то время носили траур, то их называли иначе, чем в обычной ситуации. В *Цзочжуань* ([050901], 651 г. до н.э.) читаем: «Всегда в дни траура [в анналах]

⁶⁸ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 91; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 99.

⁶⁹ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 437; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 253.

ван называется *сяотун* 小童 (букв. малое дитя), а *гун* и *хоу* — [титолом] *цзы* 子»⁷⁰.

4. Из *Цзочжуань* ([010702], 716 г. до н.э.; [052304], 637 г. до н.э.) можно узнать, что в сообщении о смерти правителя какого-либо царства упоминался его титул (например, «*хоу* [царства] Тэн»). В том случае, если он состоял в том же политическом союзе (*тун-мэн* 同盟), что и правитель царства, где велись «анналы», указывалось и личное имя⁷¹. Этого, видимо, требовали последующие обряды, которые проводились в царстве-союзнике и предполагали обращение во время жертвоприношений к его духу.

5. По-видимому, уже в «анналах» в отдельных случаях при упоминании деяний правителей других царств не упоминались ни титул, ни имя, а запись осуществлялась в форме: «человек [царства]...». Таково проявление специфического языка историописания, который станет типичным для «хроник». В *Чуньцю* ([040102], 661 г. до н.э.), например, читаем: «Человек [царства] Ци пришел на помощь [царству] Син»⁷².

О съездах правителей царств. В «анналах» фиксировалось участие правителя или сановника в съездах с правителями других царств, которые считались важнейшими из внешнеполитических событий, происходивших в течение года.

В *Цзочжуань* ([020209], 710 г. до н.э.) так поясняется требование к форме записи в «анналах» сообщения о месте проведения съезда:

Если на съезд отбывал [сам государь] или прибывал [правитель другого царства], то [в анналах] указывалось место [проведения съезда] – такова [запись] «деяния-уступки»⁷³. Когда на съезде были [представители] трех [царств] и более, тогда, если [государь] покидал [свое царство], то [в анналах] указывалось место [проведения съезда]; а если прибывали [государи других царств], то [в анналах] указывался [только факт проведения] съезда – такова [запись] «свершившегося деяния»⁷⁴.

⁷⁰ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 325; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 200–201.

⁷¹ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 53–52, 404; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 82.

⁷² Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 170.

⁷³ *Жанши* 讓事 (уступать; деяние) – когда встречались правители двух царств, то обычно главенство кого-либо не подчеркивалось. Они как бы уступали его друг другу.

⁷⁴ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 91; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 99–100. *Чэньши* 成事 (должное, завершившееся успехом; деяние). Если на съезде встречались три и более правителя, то тот из них, кто признавался всеми в качестве старшего, указывался первым.

Таким образом, краткая запись «анналов» давала возможность передать целый ряд нюансов, о которых не могло быть сказано напрямую. В рассмотренном случае это касалось числа участников и места проведения съезда — в царстве, в котором велись данные «анналы», или за его пределами.

Съезды и принесение клятв могли проводиться в разных населенных пунктах. В *Цзочжуань* объясняется, в каких случаях в «анналах» могло отсутствовать сообщение о месте проведения съезда. Если правитель царства опоздал к его открытию, указывалось только место принесения клятвы, которое не совпадало с местом проведения съезда (видимо, в том случае, если требовалась специальная жертвенная площадка). В *Цзочжуань* ([060708], 620 г. до н.э.) читаем:

Гун [царства Лу] прибыл позже, поэтому [в анналах] не указано, где проходил съезд. Всегда, когда [упоминался] съезд правителей царств (*чжухоу*) и [в анналах] не указано место, где проходил съезд, то это связано с поздним [приездом]. Если [какой-либо государь] прибыл позже, то [в анналах] не указывалось и [название] его царства — для того, чтобы избежать неточности⁷⁵.

О перемещении жен правителя. Супруги государей в «анналах» упоминались редко, в основном в контексте их перемещений из одного царства в другое. Поскольку браки между династиями, правившими в различных царствах, заключались из политических соображений, жены царей порой становились заложницами политической ситуации. И любое их перемещение также имело политическую подоплеку. Все нюансы и должен был отразить язык историописания.

В *Цзочжуань* ([032704], 667 г. до н.э.) говорится о нормах словоупотребления в сообщениях «анналов» о перемещении жен правителя между своим новым (супруга) и родным (отца) царством:

Вернулась в отчий дом (*зуй нин* 歸寧): всегда, когда дочь правителя царства (*чжухоу*) возвращается в отчий дом, [в анналах родного царства] говорится «прибыла» (*лай* 來), а если была изгнана из [дома свекра], то говорится — «прибыв, вернулась» (*лай зуй* 來歸). Когда супруга возвращается в отчий дом, то [в анналах царства супруга] говорится: «отправилась туда-то» (*жу мо* 如某), а если изгнали, то говорится «вернулась туда-то» (*зуй юй мо* 歸于某)⁷⁶.

⁷⁵ Чуньцзо Цзочжуань чжу. С. 562.

⁷⁶ Там же. С. 236; Чуньцзо Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 161.

Здесь хорошо видно, насколько детальной была регламентация записей такого рода. Из них можно было узнать о том, о чем напрямую в тексте «анналов» сказать было нельзя — о характере прибытия женщины в родное царство: плановое посещение родственников или изгнание из царства мужа.

В то же время в «анналах» сведения о перемещениях супругов правителей других царств не записывали. Исключение могло быть сделано для жен чжоуского вана. В *Цзочжуань* ([020901], 703 г. до н.э.) читаем: «Из всех передвижений дочерей правителей царств [в анналах] производится запись только о [передвижениях] жен *вана*»⁷⁷.

О кончине. В сообщении о смерти правителя царства и его первой жены использовалось слово «почить» (*хун* 薨). Только о смерти чжоуских *ванов* говорилось «усоп» (*бэн* 崩). Применительно к представителям знати использовалось слово «скончаться» (*цзу* 卒); оно же упоминалось и в записях о кончине правителей других царств.

Записи деяний представителей высшей знати

«Анналы» предполагали фиксацию деяний не только носителей высшей власти, но и представителей знати. Это происходило, как правило (но не всегда!), в том случае, если на совершение этих деяний имелось официальное повеление (*мин* 命). Далеко не все деяния, которые совершались по повелению, записывались в «анналы», но и не все деяния, которые записывались в «анналы», совершались по повелению. В «анналах» обязательно фиксировались случаи применения по отношению к носителям высшей власти каких-либо форм насилия (высылка из царства, пленение и пр.), в том числе в «анналах» сохранялись сведения о самом тяжелом преступлении знати — убийстве государя. В *Цзочжуань* (а также в *Шицзи*, гл. 39) есть запись о таком чрезвычайном событии в царстве Цзинь. В 607 г. до н.э. Чжао Чуань, младший брат первого министра царства (и фактического соправителя) Чжао Дуня (Сюаньцзы), убил правителя царства Лин-гуна (620–607 гг. до н.э.). Но в «анналах» царства Цзинь в соответствии с нормами убийцей назван сам Чжао Дунь:

Цзиньский историограф *даши* [Дун Ху 董狐] записал (*шу* 書): «Чжао Дунь убил своего государя» (趙盾弑其君) – и показал эту

⁷⁷ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 124; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 113.

запись при дворе. Сюань-цзы (Чжао Дунь) сказал: «Не было этого». Ответ звучал: «Вы являетесь первым министром (*чжэнцином*) и, бежав, не пересекли границ [своего царства], а вернувшись, не покарал злоумышленников. Если не Вы, то кто же [виновен]»... Конфуций сказал: «Дун Ху прекрасный историограф древности, он делал записи по правилам (*шу фа* 書法), не скрывая [фактов]. Сюань-цзы – прекрасный сановник, который из-за правил [историописания] получил дурную славу. Как жаль! Если бы он пересек границы, то избежал бы [такой участи]»⁷⁸.

Здесь приведен образец записи и сказано о нормативной стороне определения вины первого министра. Когда историограф *даши* показал первому министру запись, тот мог только воскликнуть, что не виновен, но вмешаться и исправить не мог. Вина была возложена не на конкретного преступника, а на первого министра, который одновременно являлся главой рода, к которому принадлежал убийца. Любопытна и фраза, вложенная в уста историографа, о строгих нормах историописания: если бы сановник покинул пределы царства или, вернувшись в столицу, сразу покарал преступника (а им являлся его младший брат), то запись была бы иной — он не нес бы ответственности за события внутри царства ни как первый министр, ни как глава рода, к которому принадлежал убийца. Всё это показывает, что историограф *даши* должен был строго придерживаться существовавших норм историописания, и никто не мог диктовать ему содержание записи или запретить записывать.

Сразу после событий историограф царства занес сведения о нем в «анналы». И представитель знатного рода об этом знал⁷⁹. Увековечивание в «анналах» имен представителей знатных родов воспринималось ими как выражение особой «чести». И наоборот, если ими было совершено преступление против своего государя, то — «бесчестия», поскольку печальная память о преступлении ложилась бременем на потомков, которые в рамках культа предков должны были приносить им же жертвы. Например, представитель знатного рода не просто вынужден был сам помнить о том, что в

⁷⁸ Приведенное здесь высказывание Конфуция в современной версии *Лунь юя* («Беседы и суждения») отсутствует.

⁷⁹ В сочинении Сыма Цяня об участии Нин Хуй-цзы в перевороте не сообщается. Нин Си старался сдерживать данное отцу слово, но начался конфликт и он оказался побежденным; через 12 лет Сянь-гун смог вернуться в царство Вэй, вернуть себе власть и казнить Нин Си [*Сыма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). Т. 5. С. 117].

результате записи в «анналах» на нем лежала вина предка, но еще он должен был напоминать об этом другим, включая правителей чужих царств. В *Цзочжуань* ([092009], 553 г. до н.э., царство Вэй 衛) читаем:

Вэйский Нин Хуй-цзы 甯惠子 заболел⁸⁰. Призвав к себе [своего сына] Дао-цзы (Нин Си 甯喜), сказал: «Я виновен перед государем. Но раскаяние высказать не успел. [Мое] имя уже записано на планках [анналов] (*цэ* 策) наследственного правителя. Там сказано: „Сунь Линьфу, Нин Чжи изгнали своего государя“ (孫林父、甯殖出其君). Когда государь прибудет, то следует скрыть ее (запись. – М.У.). Если сможешь ее скрыть, то ты – мой сын, если не сможешь, то когда стану духом, я буду только голодать, не явлюсь [принять жертвенную] еду». Дао-цзы выразил свое согласие. После этого Хуй-цзы скончался⁸¹.

Не каждый представитель высшей знати был готов мириться с тем, что его злодеяние будет упомянуто в «анналах» царства. Дабы не допустить сохранения записи такого рода, он мог пойти на убийство историографов. В *Цзочжуань* ([092502], 548 г. до н.э.) в рассказе о событиях в царстве Ци есть такое сообщение:

Историограф *даши* записал (*шу* 書): «Цуй Чжу убил своего государя» (崔杼弑其君). Цуй-цзы убил его (*даши*. – М.У.). Его младший брат как его преемник сделал [такую] же запись, но убитых стало два человека. Тогда [другой] младший брат повторно сделал [такую] же запись, но и от него отделались. [Чиновник] *наньши* («южный историограф»), узнав о том, что [род] историографов *даши* полностью изведен, взял планки (*цзянь* 簡), устремился [во дворец]. Только узнав, что такая запись все-таки уже была сделана, вернулся⁸².

Из этого сообщения можно узнать о том, что все указанные здесь историографы стремились сделать запись о произошедшем событии во что бы то ни стало, даже ценой своей жизни⁸³.

⁸⁰ О предыстории мы узнаем в «Исторических записках» (гл. 37 «Наследственный дом вэйского Кан-шу»). В 554 г. до н.э. аристократ Сунь Вэнь-цзы (Сунь Линьфу) из царства Вэй за обиду, нанесенную его сыну, изгнал вэйского Сянь-гуна, который был вынужден бежать в царство Ци. Суня поддержал Нин Хуй-цзы; сообща они возвели на престол дядю бежавшего правителя (Там же. С. 117).

⁸¹ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1055.

⁸² Там же. С. 1099; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 87.

⁸³ Впрочем, упоминание злодеяния в «анналах» не остановило аристократа — через некоторое время он добился своего и возвел на престол нового правителя [*Сыма Цянь*. Исторические записки (Шици). Т. 5. С. 56–57].

В *Цзочжуань* раскрывается культурный механизм такого поведения представителей знати. Запись в «анналах» была тесно связана с культом предков, и вина за проступок перед государем передавалась потомкам. В сообщении за 612 г. до н.э. ([061502]) в царстве Лу говорится:

«Третий месяц. Сунский Хуа Оу прибыл [в Лу] для участия в заключении союза». Все чиновники сопровождали его. В [*Чуньцю*] записано: «Сунский *сыма* Хуа Сунь» – это проявление уважения по отношению к нему. Гун задал в честь него пир. Отклоняя [приглашение], сказал: «[Мой] предок, подданный государя, [Хуа] Ду был виновен перед сунским Шан-гуном⁸⁴. [Его] имя записано на планках [анналов] (*цэ* 策) правителя царства [Сун]. Я, Ваш подданный, руковожу жертвоприношениями ему, поэтому как могу удостоиться такой чести перед Вами, государь? Прошу ниспослать повеление [об участии на пиру] *ялюя*»⁸⁵.

Записи событий в своем царстве

О возведении стен. Сооружение стен относились к числу важнейших сакрально значимых и политических акций. Поэтому в «анналах» сведения об этом должны были быть упомянуты обязательно, даже если руководивший этим представитель знати и не имел на то повеления своего государя. В *Цзочжуань* ([010102], 722 г. до н.э.) читаем сообщение, в котором воспроизведена фраза из «анналов»:

«Лето. Четвертый месяц. [Луский] Ми Бо командовал армией, которая обнесла стеной [поселение] Лан» — в [*Чуньцю*] это не записано, [поскольку] не было [на то] повеления *гуна*⁸⁶.

К языку такой записи в «анналах» существовали строгие требования. В *Чуньцю* ([032805], 666 г. до н.э.) есть такая запись: «Зима. Огородили Мэй» (*Дун. Чжу Мэй* 冬, 筑郟). В «собственно комментарии» *Цзочжуань* содержится такое пояснение:

[Мэй] не являлся стольным городом (*ду* 都). Все городские поселения (*и* 邑), в которых в качестве основных есть поминальные храмы духов предков государей (*цзун мяо* 宗廟), [в анналах] называются «стольными городами» (*ду* 都), не называются *и* 邑. Применительно к городским поселениям (*и*) используют слово «огородили» (*чжу* 筑),

⁸⁴ Хуа Ду – предок Хуа Оу, убил сунского Шан-гуна.

⁸⁵ *Ялюй* 亞旅 — четвертый в иерархии высших чинов государства сановник после *сыту*, *сыма*, *сыкуна* (см: *Чуньцю Цзочжуань чжу*. С. 609).

⁸⁶ Там же. С. 10; *Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо*. С. 60.

применительно к стольным городам (*ду*) используют слово «обнести стенами» (*чэн 城*)⁸⁷.

Мы видим, что выбор слова, обозначавшего такое строительство, строго зависел от типа поселения. Это позволяло читателю узнать, какой вид населенного пункта был упомянут в тексте «анналов».

О военных действиях. Известны требования к записям в «анналах» ряда событий, связанных с военной тематикой. Именно о регламентации языка «анналов» в военной сфере больше всего сообщений в *Цзочжуань*.

В *Цзочжуань* ([070702], 602 г. до н.э.) сообщается:

[В анналах] всякий раз, когда план военной кампании [нескольких царств] разрабатывался сообща (*юй мо 與謀*), пишется «вместе с ...» (*цзи 及*), а когда не сообща, то «совместно с ...» (*хуй 會*)⁸⁸.

Существовали требования к записям о характере военных действий, которые вело царство. Так, в *Цзочжуань* ([032902], 665 г. до н.э.) читаем:

Всегда, если армия движется с ударами в колокола и барабаны, то [в анналах] говорится: «напасть» (*фа 伐*), если нет — «вторгнуться» (*цин 侵*), если продвигается налегке, то говорится «внезапно напали» (*си 襲*)⁸⁹.

Царства могли вести совместные военные действия против общего врага. При этом войско одного из царств могло находиться под началом военачальника другого царства. Это отражалось в тексте «анналов». В *Чуньцю* ([052608], 634 г. до н.э.) читаем:

Гун [царства Лу], используя войско [царства] Чу, напал на [царство] Ци. Захватил Гу.

В *Цзочжуань* не очень ясная фраза Чуньцю «используя войско» объясняется таким образом:

Всякий раз, когда армия [одного царства] пребывает под командованием [другого царства], то [в анналах] об этом сказано «используя» (*и 以*)⁹⁰.

⁸⁷ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 242; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 164.

⁸⁸ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 691.

⁸⁹ Там же. С. 244; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 165.

⁹⁰ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 442; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 255.

Порой в «анналах» также сообщалось об остановках войска в походе. В *Цзочжуань* ([030305], 691 г. до н.э.) говорится:

Всегда, когда войско [останавливается] на одну ночь, то [в анналах] это называют «ночевкой» (*шэ* 舍), повторную остановку называют «биваком» (*синь* 信), а о более продолжительной, чем «бивак», говорят — «стать лагерем» (*цы* 次)⁹¹.

Еще в одном сообщении *Цзочжуань* ([061507], 612 г. до н.э.) есть данные о том, как в «анналах» должны были фиксироваться результаты военной кампании:

...[в анналах] всегда о подчинении царства говорится: «уничтожить» (*ме* 滅), а о взятии большого города — «войти» (*жу* 入)⁹².

В *Цзочжуань* ([031102], 683 г. до н.э.) есть такое развернутое пояснение о способах записи в «анналах» достигнутых в битвах побед:

Всегда о действиях армии, если враг не сохранил построения [в анналах] записывается «нанесено поражение некой армии» (*бай мо ши* 敗某師); если сохранил построение, то — «произошло сражение» (*чжань* 戰); если был учинен значительный разгром — «нанесено сокрушительное поражение» (*байци* 敗績); если захвачены пленные — «разгром» (*кэ* 克); если была устроена засада и нанесено поражение — «захвачена некая армия» (*цюй мо ши* 取某師); если войско [чжоуской] резиденции нанесло поражение — «войско вана нанесло сокрушительное поражение в таком-то месте» (*ваниши байци юй мо* 王師敗績于某)⁹³.

Особое словоупотребление было характерно и для передачи понятия «взять в плен» применительно к представителю какого-либо знатного рода. Для этого использовалось слово *на* 納. Например, ([071106], 588 г. до н.э.):

День *дин-хай*. *Цзы* [царства] Чу вошел [в земли царства] Чэнь. Взял в плен (*на* 納) Гунсунь Нина и И Синфу в [царстве] Чэнь⁹⁴.

В отношении ко всем остальным использовались другие слова (например, *хо* 獲 и др.).

⁹¹ Чуныцю Цзочжуань чжу. С. 161; Чуныцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 131.

⁹² Чуныцю Цзочжуань чжу. С. 613.

⁹³ Там же. С. 186–187; Чуныцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 142.

⁹⁴ Чуныцю Цзочжуань чжу. С. 710, 715.

О социальных противоречиях. В источнике есть пояснение и к записям, которые сообщают о социальных противоречиях. В *Цзочжуань* ([060301], 624 г. до н.э.) сказано:

[Народ царства] Шэнь «растекся» — всякий раз, когда народ разбегается от своих верхов, об этом говорится «растечься» (*куй* 潰); а применительно к верхам — «разбежаться» (*тао* 逃)⁹⁵.

О религиозных церемониях. Как правило, в «анналах» регулярные религиозные церемонии, т.е. те, которые проводились в установленном время и в установленной форме, почти никогда не упоминались, поскольку современникам они представлялись само собой разумеющимися (прежде всего, это церемонии приуроченные к конкретному дню *цзи* 祭, месяцу — *сы* 祀, сезону — *сян* 享).

Записывать же требовалось те из них, которые проводились с отклонением от должного времени ([020507], 707 г. до н.э.)⁹⁶.

В *Цзочжуань* содержится известие об одной проведенной не в должное время церемонии. Так, в *Чуньцю* ([021402], 698 г. до н.э.) есть такое упоминание, восходящее к «анналам» царства Лу: «Не было льда» (*у бин* 無冰). Согласно *Цзочжуань* (538 г. до н.э.), это сообщение связано с тем, что во второй месяц каждого года совершалась церемония *цанбин* 藏冰 (букв.: «сохранение льда»). Упоминание об отсутствии льда означало то, что этот обряд не мог быть проведен в должное время. В *Чуньцю* фраза «не было льда» встречается три раза, а вот сообщения «провели церемонию сохранения льда» нет вообще.

Упоминание в «анналах» подобных событий могло быть обусловлено тем, что они воспринимались как знамения — предостережения Неба. Действительно, четыре года спустя после упомянутого «отсутствия льда», в 694 г. до н.э., луский Хуань-гун был убит. Таким образом, в «анналах» фиксировались не все нарушения порядка проведения наиболее значимых церемоний, а те, которые были вызваны событиями, входившими в категорию знамений (предвестников). Они важны и для современного историка, поскольку указывают на усиление внутривластной борьбы (чаще всего между правителем и представителями родовой знати), которая вышла за некие границы и в конце концов привела к тяжелым последствиям.

⁹⁵ Там же. С. 528.

⁹⁶ Там же. С. 106–107; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 106.

Также записывались те церемонии, которые были проведены с отклонением от нормы. Некоторые из них имели отношение к обряду погребения ([070804], 601 г. до н.э.).

О погодных явлениях и стихийных бедствиях. Применительно к записям о погодных явлениях также существовали свои нормы. В *Цзочжуань* ([010902], 714 г. до н.э.) читаем:

Все дожди, которые длятся более трех дней, [в анналах] называют «затяжными» (*линь* 霖). Если поверхность земли [покрывается снегом] на [один] *чи*, то называют это «сильным снегопадом» (*дасюэ* 大雪)⁹⁷.

Есть сведения о записях, касающихся некоторых стихийных бедствий. Так, в *Чуньцю* ([020104], 711 г. до н.э.) читаем: «Осень. Наводнение». В *Цзочжуань* далее объясняется:

Всегда, когда воды реки выходят на равнину, [в анналах] это называют «наводнением» (*дашуй* 大水)⁹⁸.

Особое внимание в «анналах» уделялось таким явлениям как «облака-предвестники» (*юнь у* 云物); в *Цзочжуань* ([050501], 655 г. до н.э.) сказано:

[В анналах] непременно делали запись об «облаках-предвестниках», потому что считали их предупреждением [о грядущих бедствиях]⁹⁹.

Пример того, как могли выглядеть эти предвестники и какова была на них реакция правителя царства, чуского *вана*, описанный в *Цзочжуань* ([120606], 489 г. до н.э.), был приведен выше¹⁰⁰. Видим, насколько серьезное внимание придавалось «предвестникам», и неслучайно правитель царства Чу предпочел узнать мнение о них у историографа *даши* домена в Чжоу, т.е. у того, кто вел записи в «анналах» самого *вана*.

* * *

Рассмотренные примеры позволяют увидеть, что одна из задач регламентации языка записей заключалась в том, чтобы вложить в них дополнительные сведения об упомянутом событии, кото-

⁹⁷ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 64; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 87.

⁹⁸ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 82; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 96.

⁹⁹ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 303; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 190.

¹⁰⁰ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1635–1636.

рые позволяли при прочтении получить дополнительные данные и, одновременно, могли быть поняты читателем однозначно, без разночтений.

Записи событий в других царствах

В период Чуньцю между царствами чжоуской политической культуры в условиях сохранения их ритуально-политического единства происходил интенсивный обмен политической информацией. Важнейшая особенность «анналов» заключалась в том, что в них записывались поступавшие по официальным каналам сведения из других царств. Часть из них должна была сразу заноситься в «анналы», часть, по-видимому, хранилась и со временем, в случае очевидной важности событий для характеристики прошлого, заносилась в «хронику».

Обязательным условием занесения в «анналы» данных о событиях в других царствах являлось получение таких официальных уведомлений двух видов: 1) «извещения о смерти» (*фу* 赴); 2) «уведомления» (*гао* 告) о наиболее значимых событиях. В *Цзочжуань* ([061401], 613 г. до н.э.) читаем:

Четырнадцатый год. Весна. Цин-ван усоп. Чжоу-гун Юэ и Вансунь Су боролись за власть, поэтому не выслали «извещение о смерти» (*фу*). Всякий раз, если кто-то усоп или почил, но не было «извещения о смерти», то [в анналах] не записывалось. Если произошли несчастливые или счастливые [события], но не было «уведомления» (*гао*), то также [в анналы] не записывалось. Таково последствие проявленного неуважения¹⁰¹.

«Уведомления» (*гао*) носили официальный и неофициальный (доверительный) характер. Первые из них предназначались для записи в «анналах». Их подготовка, отправка, способы доставки были обусловлены нормами ритуального взаимодействия между царствами, а вторые содержали в себе обращения (предложения или даже просьбы) политического характера. Являясь одной из форм неофициального общения между государями, они носили конфиденциальный характер и в «анналах» не фиксировались (*Цзочжуань*, [010404], 719 г. до н.э.)¹⁰². Но поскольку они хранились в архивах, их сведения могли быть использованы уже при составлении «хроник».

¹⁰¹ Там же. С. 602.

¹⁰² Там же. С 36; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 73.

«Уведомления» могли содержать самые разнообразные сведения, назовем наиболее характерные из них: о ведении военных действий (712 г. до н.э.), и в частности о том, что царство подверглось нападению (722 г. до н.э.). При этом «уведомления» о военных действиях должны были присылать как царства, совершившие нападение (оно считалось законным, если на то было повеление чжоуского *вана*), так и царства, подвергшиеся нападению (*Цзочжуань* ([011103], 712 г. до н.э.)¹⁰³. В «уведомлениях» могли быть сведения о мятеже (719, 649 гг. до н.э.), о голоде (717 г. до н.э.) и просьбе закупить или предоставить зерно (666 г. до н.э.), о заключении мира между царствами (715 г. до н.э.), о происшествиях или счастливых событиях (613 г. до н.э.), о бегстве представителей знати в другие царства (599 г. до н.э.), о вступлении на престол нового правителя (534 г. до н.э.), о преемнике умершего правителя (716 г. до н.э.), о котором старались уведомлять еще до вступления на престол в сообщении, направляемом вместе с «извещением» о смерти.

Запись могла быть внесена в «анналы» только в том случае, если деяние, о котором говорилось в «уведомлении» (*гао*), было осуществлено в соответствии с **повелением** правителя царства, приславшего его. Так, в *Цзочжуань* ([011103], 712 г. до н.э.) сообщается:

Всегда, если правители царств издавали повеление (*мин* 命) и [затем] сообщали [об этом в Лу], то это [событие] записывалось [в анналы]. В противном случае — не записывалось¹⁰⁴.

Иными словами, в соответствии с нормами политической культуры того времени, сразу после завершения событий необходимо было разослать официальные «уведомления» в соседние царства. При этом придворный аппарат царства до их отправки должен был издать повеления о каждом упомянутом в «уведомлении» деянии. Только тогда деяние принимало официальный характер и могло быть записано в «анналы».

Право на власть нового правителя какого-либо царства должно было быть подтверждено повелением об официальном признании его прав на престол чжоуским ваном ([030106], 693 г. до н.э.). Из *Цзочжуань* известно, что если приходило сообщение о воцарении нового государя, но повеления чжоуского *вана* на то не было, то в

¹⁰³ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 78; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 94.

¹⁰⁴ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 78; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 94.

«анналы» соседних царств записывалось личное имя правителя, а не его титул ([010102], 722 г. до н.э.). В *Цзочжуань* приведены примеры того, что из-за отсутствия «извещений о смерти» в «анналы» царства Лу не было включено указание о смерти даже чжоуского вана (545 г. до н.э.); из-за отсутствия официального «уведомления» из царства Цзинь в «анналы» Лу не были внесены важные события, связанные с судьбой наследника ([052401], 636 г. до н.э.)¹⁰⁵.

Существовали требования к языку официальных «уведомлений» (*гао*) из других царств и о ведении военных действий. Если эти нормы были соблюдены, то полученное сообщение позволялось включить в «анналы» царства. В *Цзочжуань* ([011103], 712 г. до н.э.) читаем:

Хотя бы царство уже и было уничтожено, но если после «уничтожения» (*ме* 滅) не уведомили о [своем] «поражении» (*бай* 敗), а «одержав победу» (*шэн* 勝), не уведомили о «разгроме» (*кэ* 克) [противника], то это не записывалось на планки (*цэ* 策)¹⁰⁶.

Если требования к словоупотреблению не были соблюдены, то соответствующие сведения не попадали в «анналы».

Бывало, что в царство могли поступить два извещения о смерти, в которых были указаны разные дни. В таком случае в «анналах» указывались обе даты. Например, в *Цзочжуань* ([020501], 707 г. до н.э.) рассказано о том, что после того, как в царстве Чэнь брат царя убил его наследника — старшего сына, извещения о смерти государя были разосланы обеими боровавшимися за власть группировкам высшей знати — и той, которая поддерживала дядю, и той, которая выступала против него¹⁰⁷.

4. Другие письменные произведения

«Анналы» не были единственным видом письменных сочинений, которые порождала «храмово-дворцовая» субсреда. Судя по контекстам, к ним также можно отнести сочинения мантического характера и мифографии.

Мантические сочинения. Из уже упоминавшегося сообщения *Цзочжуань* ([100201], 540 г. до н.э.) узнаем, что посол из царства Цзинь по имени Вэй Сюань-цзы, находясь в царстве Лу, с трепетом

¹⁰⁵ Бамбуковые анналы. С. 241.

¹⁰⁶ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 78; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 94.

¹⁰⁷ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 104.

и восхищением «осмотрел книги господина историографа (*даши ши* 大史氏)» и обратил внимание не только на «хронику» *Чуньцю*, но и еще на два сочинения:

– *Сян* 象 («Образы») для интерпретаций результатов гаданий с помощью панциря черепахи (*бу* 卜);

– *И* 易 («Перемены») — с помощью тысячелистника (*ши* 筮).

В *Цзочжуань* ([051514], 645 г. до н.э.) разъяснены различия между ними:

Гадание с помощью панциря черепахи — использование образа (*сян* 象), гадание с помощью тысячелистника — использование чисел (*шу* 數). Сначала вещь появляется и затем получает образ, получает образ и затем получает множественность, получает множественность и затем получает число¹⁰⁸.

Мифография. В *Цзочжуань* и других памятниках упомянуты древние, основополагающие с точки зрения сакральной мифической истории, сочинения, в которых содержались записи мифов и легенд. По своей форме они явно отличались от литургических произведений прозаического содержания — «писаний» (*шу*).

1. В *Цзочжуань* [101209], 530 г. до н.э.) есть такое сообщение:

...*Цзоши* [царства Чу] И *Сян*, быстро [выражая свое почтение], вышел. [Чуский Лин-]ван [540–528 гг. до н.э.] сказал: «Это хороший историограф. Я благосклонно отношусь к нему! Он может прочесть: *Сань фэнь* 三墳 (“Три усыпальницы”), *У дянь* 五典 (“Пять установлений»), *Ба со* 八索 (“Восемь мер”), *Цзю цю* 九丘 (“Девять холмов”))¹⁰⁹.

Здесь упомянуты четыре произведения, в которых описывались мифические времена. Об их возможном содержании узнаем только из более поздних сочинений. Например, в *Сань фэнь*, согласно комментарию к *Чуньцю Цзочжуань*, составленному Ду Юем

¹⁰⁸ Там же. С. 365; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 219. О первом типе сочинений можно составить представление на основе текста главы 128 «Повествование о гаданиях по панцирям черепах» в «Исторических записках», а о втором — из «Канона перемен», а также из цитируемых в источниках подписей к гексаграммам. Так, в основных из них, в *Цзочжуань* и *Гоюй*, упомянуты 30 различных гексаграмм из 64. См.: *Кобзев А.И.* «Канон перемен» как мировая константа // В пути за китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева. Собр. тр. М., 2014. С. 641–642.

¹⁰⁹ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1340.

(222–285 гг. н.э.), говорилось о трех божествах, которые назывались *ди* 帝 или *хуан* 皇¹¹⁰.

2. В *Гоюй* («Речи царства Чжэн» [209], правление чжэнского Хуань-гуна, 806–774 гг. до н.э.) упомянуто сочинение «*Наставляющие речи*» (*Сюнь юй* 訓語). В нем приведена легенда об обретенных слюны двух драконов, события которой якобы происходили во времена «династии Ся»¹¹¹.

ХРАМОВАЯ СРЕДА

О ней судить сложнее всего. Храм представлял собой консервативную, самодостаточную и сравнительно закрытую культурную среду. В описываемый период она, располагаясь на территории дворцового комплекса, не была автономной по отношению к дворцу. Более того, поскольку основным государственным культом был культ почитания духов предков правящей династии, сам царь выполнял целый ряд жреческих функций. Число участников процесса сохранения исторической памяти здесь ограничивалось жрецами отдельных категорий. Мышление жречества носило ярко выраженный мифический (мифо-поэтический и мифо-ритуальный) характер¹¹². Основные задачи этой среды лежали в религиозной сфере — отправление священнодействий, обеспечение сакральной коммуникации правителя с предками и Небом во имя поддержания всеобщего благополучия. *Репрезентация* устных и письменных произведений в этой среде была рассчитана прежде всего на устное восприятие. Порождавшиеся этой культурной средой произведения декламировались во время храмовых и дворцовых церемоний, сопровождалось исполнением музыки, порой — ритуальных танцев¹¹³.

В *Цзочжуань* ([110405], 506 г. до н.э.) названо четыре категории столичных священнослужителей: старшие жрецы *чжу* 祝 (также

¹¹⁰ Есть несколько версий их состава, которые явно относятся к более позднему времени, к концу Древности, но как они раскрывались в период Чуньцю, пока не ясно. Так, в западноханское время встречается не менее трех вариантов: Фу Си 伏羲, Шэнь-нун 神農, Суйжэнь 燧人; Фу Си 伏羲, Шэнь-нун 神農, Чжужун 祝融; Фу Си 伏羲, Шэнь Нун 神農, Хуан-ди 黃帝.

¹¹¹ Гоюй (Речи царств) / Пер. с кит., вступ. и примеч. В.С. Таскина. М., 1987. С. 242.

¹¹² Подробнее см.: *Топоров В.Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 9–15.

¹¹³ *Ульянов М.Ю.* О религиозных церемониях. С. 28–31.

чжуши 祝史), которые отвечали за организацию и проведение религиозных церемоний; цзун 宗 (также чжуцзун 祝宗, цзунбо 宗伯, цзунжэнь 宗人) — их помощники, они же выполняли функции священнослужителей в поминальных храмах; бу 卜 (главный гадатель бучжэн 卜正, обычные гадатели буши 卜士 или бужэнь 卜人) — гадатели с помощью панцирей черепах; ши 史 — интерпретаторы гаданий с помощью стеблей тысячелистника, в результате которых выстраивались гексаграммы, описанные в «Книге перемен»¹¹⁴.

Кроме них, отдельную группу жречества составляли слепые жрецы-музыканты категории гу 瞽. По сообщению Гоюй («Речи Чжоу», часть 1), в западночжоуское время и в начале периода Чуньцю внутри гу выделялись: исполнители государственных мелодий ши 師, а также слепые жрецы без зрачков соу 瞍 и слепые со зрачками (но с бельмом) мэнь 瞶. Во время религиозных церемоний именно жрецы гу исполняли литургические произведения поэтического характера¹¹⁵. В контексте церемоний также упомянуты «исполнители музыки» (юэ 樂). По своим задачам они принадлежали к столичному жречеству, но, по сравнению с вышеназванными жрецами, были меньше интегрированы в жизнь двора.

В период Чуньцю столичное жречество отличалось от служителей локальных анимистических культов у 巫. Первые, обслуживая интересы государства, развивались вместе с ним. Вторые, наоборот, «консервировались» в простонародной среде¹¹⁶.

В храме сохранялась и передавалась память о предках правителей царства, которые являлись объектом религиозного поклонения, а также представления о «священной истории», которая была важной частью идеологии высшей власти. Скажем о ней. «Священная история» этнических хуася, частью которых являлись чжоусцы

¹¹⁴ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1536. О категориях столичного жречества периода Чуньцю см.: Ульянов М.Ю. Старшие жрецы чжу при дворах правителей царств периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.): по данным Чуньцю Цзочжуань («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”») // Кнорозовские чтения. М., 2015 (в печати).

¹¹⁵ Теоретически, именно они могли быть и исполнителями эпоса.

¹¹⁶ В начале периода Западное Чжоу, по-видимому, все жрецы обобщенно назывались словом у 巫. Свидетельством этого являются археологические находки на месте раннего чжоуского культового центра (уезд Фуфэн, XI в. до н.э.). Там были найдены две изготовленные из раковины человеческие головы. На головном уборе одной из них и был нанесен этот иероглиф. См.: Инь Чэньпин. Си Чжоу бэндяо жэньтоусян чжунцзу таньсю (Предварительное рассмотрение этнической принадлежности вырезанной из раковины мужской головы времен Западного Чжоу) // Вэньу. 1986. № 1. С. 47.

и члены правившей династии Цзи 姬, включала представления о связи с миром богов: всего чжоуского народа — с их первопродком Хоу-цзи (Царем-просо); и шире, всех этнических *хуася* — с их перво-божеством Хуан-ди (Желтым императором) и его потомками. «Священная история» и идеология высшей власти в других царствах, где правили члены других династий (не Цзи), среди которых были и не-*хуася*, а представители других этносов «двуединого региона», говоривших на австрических (реже — тибетских и алтайских) языках, строилась на происхождении династий от региональных божеств Яо, Шуня, Юя и их соратников, которые, впрочем, относились к младшим поколениям богов¹¹⁷.

Важной частью «священной истории» *хуася* была (и остается сейчас) история возникновения и становления чжоуского государства. Специфика идеологии правившей в Чжоу династии Цзи была обусловлена тем, что она пришла к власти несправедливым путем: сначала захватив политический центр государства Шан при У-ване (в 1027 г. до н.э.), а затем с помощью очевидной провокации ликвидировав последнего шанского правителя уже в первый год регентства Чжоу-гуна (в 1025 г. до н.э.). Это обстоятельство предопределило особое внимание чжоуских властей к обоснованию легитимности их власти, по сути — к оправданию перед Небом и социумом совершенного их предками насилия. Поэтому важнейшими составляющими предыстории и истории династии Цзи являлись полная дискредитация шанского государя Ди-синя и тщательно подобранные «исторические факты», подтверждавшие

¹¹⁷ О феномене культурного «двуединства» региона Восточная Азия см.: *Деолик Д.В., Ульянов М.Ю.* Завершение формирования «двуединого» исторического региона Восточная Азия после возникновения государственности у *хуася* во II тыс. до н.э. // ОГК-ХЛШ. 2013. (Уч. зап. Отдела Китая; Т. 43; вып. 8); *Они же.* От «двуединой археологической культуры» к «двуединой империи»: периодизация исторического процесса в центре Восточной Азии с 2500 г. до н.э. по 220 г. н.э. // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тез. докл. науч. конф. (Москва, 14 апреля 2014 г.). М., 2014. С. 17–22.

Только в отношении этнических *хмонгов*, жителей земель Средней Янцзы, объединенных в период Чуньцю государями царства Чу, подчеркивалось, что их первобожество Шэнь-нун (или Янь-ди) было разгромлено Хуан-ди на поле боя. При этом интегрированная в чжоуское культурное и политическое пространство династия Ми, к которой принадлежали государи Чу, возводила свои истоки к внуку Хуан-ди Чжуань-сюю. См.: *Ульянов М.Ю.* Мифическая часть генеалогии правителей царства Чу (конец II — конец I тыс. до н.э.) // Ломоносовские чтения: Науч. конф., апрель 2002 г. Востоковедение. Тез. докл. М., 2002.

справедливость прихода к власти У-вана в 1027 г. до н.э., а также подчеркивавшие особую праведность и угодные Небу добродетели его прдшественника Вэнь-вана (ок. 1095–1037 гг. до н.э.).

1. Основные участники процесса сохранения исторической памяти: жрецы *ши*

Среди всех перечисленных выше категорий жрецов наиболее значимой с точки зрения сохранения исторической памяти была роль **жрецов *ши*** 史. Их обязанности распространялись как на храмовую среду, так и на храмово-дворцовую субсреду, что сближало их с историографами *даши*, но при этом никак не уподобляло им¹¹⁸. В описываемое время, оставаясь жрецами, *ши* при выполнении ряда задач соприкасались с дворцовой средой. Заметим, что в литературе слово *ши* 史 зачастую воспринимается в его современном значении: «историк». Это не отвечает реалиям периода Чуньцю.

Обязанности, связанные с двором. Основная функция жрецов *ши* заключалась в интерпретации результатов гаданий (*чжань* 占) с помощью стеблей тысячелистника, реже — панцирей черепах, сновидений и т.п. При этом сами они гаданий не совершали, а только толковали полученные результаты, интерпретируя волю Неба, явленную правителю царства.

В *Цзочжуань* содержится восемь описаний интерпретации жрецами *ши* гаданий (672 г. — царство Чэнь, 645 г., 632 г., 575 г., 486 г. — царство Цзинь, 614 г. — царство Чжу; 564 г. — Лу, 548 г. — Ци)¹¹⁹. В них упоминается название выпавшей гексаграммы и тех гексаграмм, в которые она переходит в результате изменений черт. Жрец *ши*, получив их, «разбирал числа (*шу*) и их перемены (*и*)». А затем с помощью мантических формул к гексаграммам, собранных в *Чжоу и* («Книгу перемен»), давал интерпретацию его ре-

¹¹⁸ Соответственно, неверно считать, что *даши* 大史, исходя из значения иероглифа *да* (старший, главный), могли быть начальниками над *ши* 史, — их деятельность относилась к разным сферам. Однако вопрос их различия усложняется еще и тем, что в ряде других источников, прежде всего в *Гоюй*, упомянута такая должность как *тайши* 太史. Их часто, еще в поздней Древности, путали с *даши*, хотя это были разные должности. Судя по контекстам упомянутого источника, это могли быть старшие жрецы-распорядители ряда религиозных церемоний, которые проводились с участием царя и были связаны с годовым аграрным циклом.

¹¹⁹ Подробнее о всех случаях гаданий в *Цзочжуань* говорится в работах С.В. Зинина: *Зинин С.В.* Отражение «И цзина» в «Цзо чжуани» и концепция перемен // ОГК-XV. 1984. Ч. 1; *Он же.* Мантические ритуалы *бу* и *ши* в эпоху Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.) // *Этика и ритуал в традиционном Китае.* М., 1988.

зультатов. Точнее, он истолковывал общий смысл (*чжань* 占) полученных гексаграмм. Затем аргументировал это, зачитывая подписи к отдельным чертам гексаграммы (*чжоу* 繇).

В истолковании одного гадания могли участвовать сразу трое *ши* (9-й год правления Ай-гуна, 486 г. до н.э., в царстве Цзинь). А в царстве Цинь интерпретация результатов гаданий, полученных с помощью стеблей тысячелистника, могла быть поручена жрецу *бу* (*Цзочжуань* [051514], 645 г. до н.э.). Жрецы не были единственными, кто мог интерпретировать гадания. За этим могли обратиться к влиятельным женщинам, например, к матери правителя царства Вэй (563 г. до н.э.) или жене *дафу* из царства Чэнь (672 г. до н.э.). Кроме того в качестве интерпретаторов могли выступать военачальники (597 г. до н.э.). Таким образом, знание секретов мантического искусства не являлось исключительной прерогативой *ши* или, шире, жречества. Соответственно, жрецы не являлись единственными хранителями этих знаний как сокровенных и таинственных. Скорее они обладали некими профессиональными знаниями и кругозором, чтобы более точно, чем кто-либо иной, объяснить сложившийся расклад, в том числе и опираясь на прецеденты.

Жрецы *ши* были способны дать заключение о соответствии тех или иных действий правителя ритуальным нормам и в подкрепление своих слов привести аналогии из прошлого. В этом отношении жрецы *ши*, как и историографы *даши*, являлись носителями знаний об истории — они сохраняли в своей памяти события прошлых времен. Так, из сообщения *Цзочжуань* ([052821], 632 г. до н.э.) узнаем, что жрец *ши* царства Цзинь через придворного служащего, адресуясь к своему государю, цзиньскому Вэнь-гуну, сказал:

Циский Хуань-гун [685–643 гг. до н.э.], собирая съезды, наделял владениями [представителей] разных фамилий. Сейчас же Вы, государь, собираете съезд, чтобы уничтожить [представителя] одной [с Вами] фамилии. Предок цаоского Шу Чжэньдо [предок рода правителей Цао], чья таблица стоит на алтаре слева (*чжао*), — это Вэнь-ван [ок. 1095–1037 гг. до н.э.]. [Ваш], государь, предок Тан Шу, чья таблица стоит на алтаре справа (*му*), — это У-ван [1035–1027 гг. до н.э.]. Объединять правителей царств для уничтожения братьев — это не соответствует нормам ритуального поведения...¹²⁰

Можно заметить, что жрец *ши* дал оценку поступкам правителя, апеллируя к историческому прошлому — примеру первого геге-

¹²⁰ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 474; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 272.

мона в истории Древнего Китая. При этом, в отличие от *даши*, он вступает в диалог с правителем не напрямую, а через слугу. *Ши* также дал оценку соответствию замыслов государя ритуальным нормам, рассматривая порядок расстановки дощечек с именами. Здесь он, не выходя за пределы храмовой тематики, рассмотрел родство между предками правителей царств Цзинь и Цао. Из его слов видно, что он знал на память порядок расположения табличек с именами на алтаре в поминальном храме. Не удивительно, что жрецам *ши*, которые вместе со жрецами *гу* участвовали в священнодействиях, связанных с отправлением культа предков, приписывалось ведение генеалогий знатных родов и влиятельных кланов.

Обязанности, связанные с храмовой средой. В задачи жрецов *ши*, наряду с жрецами *чжу* и *цзун*, входило принесение жертв духам во время основных религиозных церемоний в качестве чтецов молитвословий *цы* 辭. Из сообщения *Цзочжуань* ([033202], 662 г. до н.э.) и *Гоюй* («Речи царства Цзинь» 2, 92; 656 или 655 г. до н.э.) узнаем, что когда некий дух явился в одной из местностей царства Восточное (?) Го, то именно жрец *ши*, который принимал участие в церемонии жертвоприношений совместно с *чжу* и *цзун*, должен был по описанию внешнего облика распознать, о каком духе идет речь. Кроме того, *ши* должен был знать имена духов, чтобы обращаться к ним при выполнении церемоний¹²¹.

А в *Цзочжуань* ([080504], 586 г. до н.э.) сказано и о том, что во время стихийных бедствий «главный жрец *чжу* пусть совершит жертвоприношение ценными вещами, а жрец *ши* прочитает *молитвословия* в соответствии с нормами ритуалов»¹²². Это же подтверждается в еще одном сообщении *Цзочжуань* ([101702] 525 г. до н.э., царство Лу):

Когда минует время [затмения], тогда музыканты *юэ* бьют в барабаны, главные жрецы *чжу* совершают жертвоприношения ценными вещами, жрецы *ши* читают *молитвословия*¹²³.

Во время религиозных церемоний жрецы *ши* вместе со жрецами *гу* декламировали «литургические тексты». Первые — прозаические «писания» *шу* 書, вторые — поэтические *ши* 詩. Из сообще-

¹²¹ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 251–253; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 168–169.

¹²² Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 823

¹²³ Там же. С. 1386–1387.

ний *Цзочжуань* складывается впечатление, что и составляли эти «писания», видимо, всё те же жрецы *ши*. В *Цзочжуань* (559 г. до н.э., царство Цзинь) приведены такие слова жреца-музыканта *ши* Куана 師曠, который в правление цзиньского Пин-гуна (557–532 гг. до н.э.) был назначен на должность первого министра:

Жрецы *ши* создают *шу*, жрецы *гу* создают *ши*. Искусно декламируя их, произносят предостережения и увещевания [для государей] (史為書，瞽為詩，工誦箴諫)¹²⁴.

Все названные выше задачи жрецов *ши* были тесно связаны друг с другом. Точная интерпретация гадания и верное прогнозирование событий имели государственное значение и составляли важную часть исторического опыта царства. Всё вместе это, по мнению современников, позволяло им понимать и толковать (букв. «знать» *чжи* 知) «волю Неба» (*тянь дао* 天道). Так в *Гоюй* («Речи Чжоу», 3. 1) один из аристократов говорит: «Я не слепой музыкант *гу* и не жрец *ши* — откуда же мне знать волю Неба»¹²⁵.

2. Письменные произведения

Создававшиеся в храмовой среде произведения непременно несли на себе ее отпечаток. Назовем и кратко охарактеризуем основные из них.

Родословия, которые велись при храме. В *Гоюй* есть два упоминания, вероятнее всего, одного и того же письменного сочинения: «Записей [жрецов] *гу* и *ши*». Оба раза — в контексте истории царства Цзинь. В первом случае:

В Шан престол занимали 31 *ван*¹²⁶. В «*Гу ши чжи цзи*» 瞽史之紀 [«Записи жрецов *гу* и *ши*»] сказано: «[Число] поколений потомков Тан Шу будет равно числу шанских [правителей]». Сейчас еще нет и половины¹²⁷.

Во втором указывается несколько видоизмененное название того же сочинения:

¹²⁴ Там же. С. 1017.

¹²⁵ Гоюй (Речи царств). С. 57.

¹²⁶ Это совпадает со списком Сыма Цяня: 18 правителей от Чэн-тана до Ян-цзы и 13 правителей от Пань-гэна до У-гэна (1027–1025 гг. до н.э.), сына Ди-синя.

¹²⁷ Тан Шу — сын западночжоуского У-вана, родоначальник династии правителей царства Цзинь. См.: *Сыма Цянь. Исторические записки* (Шицзи). Т. 5. С. 139.

В «*Гу Шицзи*» 警史記 говорится: «Наследуйте своим предкам, как зерно, прорастая, тогда будете обладать царством Цзинь»¹²⁸.

Здесь заметен элемент пророчества.

Сочинения литургического характера. Литургические прозаические («писания» *шу*) и поэтические (*ши*) сочинения являлись важнейшими произведениями, порождавшимися храмовой средой. Они создавались здесь для проведения религиозных церемоний — священнодействий всех типов. Эти произведения и использовались в основном в храмовой среде, но могли исполняться и в дворцовой среде, и за пределами столицы, но с участием столичного жречества или правителя. Многие из них появились еще в период Западное Чжоу¹²⁹. В этих произведениях память о прошлом передавалась в виде глубоко сакрализованной и идеологизированной «священной истории». Она имела форму восхваления деяний мифических божеств, легендарных царей, культурных героев и правивших в Чжоуском домене *ванов*, а начиная с периода Чуньцю — и правивших в царствах бассейна Хуанхэ.

1. **Литургические поэтические «песнопения»** (*ши* 詩). Судя по названию разделов, в каноническом памятнике *Шицзин* («Канон поэтических произведений») содержались «гимны» (*сун* 頌, букв. «словословие»). Их отличительной чертой является первая строка, которая содержит обращение-призывание (*инвокацию*), например: «Царь Просвященный, Вэнь-ван, пребывая теперь в вышине...»¹³⁰.

Существовали «песнопения», посвященные мифическим богам, в которых сохранились элементы эпических сказаний *хуася*¹³¹; посвященные подвигам исторических «царей», как правило,

¹²⁸ Гоюй (Речи царств). С. 342, 365; Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. С. 88–89.

¹²⁹ Традиция их сочинения и исполнения, видимо, зародилась в еще более раннее время. Произведения шанского времени или о государстве Шан в период Чуньцю сохранялись прежде всего в царстве Сун, в котором правили потомки династии, правившей в Шан. Эти произведения, кстати, должен был неплохо знать Конфуций, поскольку его предки принадлежали именно к этой династии и были выходцами из этого царства.

¹³⁰ Цитата из первой строки «великой оды» *Вэнь-ван* 文王 («Ода Вэнь-вану»). См.: Книга песен / Пер. А.А. Штукина. М. 1987. С. 218. На то, что гимны *Шицзина* «создавались в среде жрецов», в российском востоковедении обратил внимание И.С. Лисевич. Он также заметил, что само слово *сун* (гимн) «первоначально служило обозначением разновидности колокола» (Лисевич И.С. Литературная мысль Китая. М., 1979. С. 133, 131, 142).

¹³¹ Это прежде всего ода *Шэнминь* 生民 («Рождение народа», 3.2.1), посвященная первоначально чжоусцев — Хоу-узи (Царю-просо). См.: Книга песен. С. 234–236.

основоположников династий: *шанцев* — Чэн-тана (вторая половина XVII в. до н.э.?) и *чжоусцев* — Гу-гун Даньфу (? — ок. 1124), а также легендарным личностям, окружавшим царей (мудрым советникам, таким как И Инь при Чэн-тане и др.).

2. **Литургические прозаические «писания»** (*шу* 書). Судя по названиям главок, сохранившихся в каноническом памятнике *Шуцзин* («Канон [исторических] писаний»), в их число входили сочинения следующих видов: *дянь* 典 — «установления», *сюнь* 訓 — «наставления», *мин* 命 — «повеления», *мо* 謨 — «преднамерения», *ши* 誓 — «клятвы (в основном перед битвой)»¹³², *гао* 誥 — «объявления». По названию некоторые из них соответствуют документам канцелярии (см. ниже), но таковыми ни в коем случае не являются, поскольку, как явствует из сохранившихся в *Шуцзине* образцов «писаний», многие из них содержали «речи», приписываемые мифическим божествам, легендарным и историческим царям, которые отражали общие, идеологически выверенные взгляды по вопросам власти и управления. Важно отметить, что среди этих речей были и такие, которые начиная со времен первых западночжоуских *ванов* записывались, например те «писания» (*шу*), которые были составлены от лица чжоуских *ванов* (содержат фразу *ван жо юэ* 王若曰: «ван так сказал») и оглашались жрецами *ши* 史 во время храмовых церемоний¹³³. Соответственно, данные речи в момент оглашения были обращены не столько к двору, сколько к Небу и предкам, и в силу этого обладали особой сакральной значимостью. Этим они отличаются от «профанных» речей *юй* 誥, произнесенных при дворе во время светских церемоний или обсуждений государственных дел.

Судя по составу современного *Шуцзина* («Канона [исторических] писаний») и *И Чжоушу*, а также по более полному списку глав, которые упомянуты в *Сюй* 序 («Предисловиях») к этим двум памятникам, существовали «писания», связанные с божествами Яо

¹³² Благодарю Г.С. Попову за данное уточнение.

¹³³ На это обстоятельство в результате рассмотрения эпиграфических надписей обратил внимание Чэнь Мэнцзя (1911–1966): *Чэнь Мэнцзя*. Шаншу тунлунь (Общее исследование *Шанцзу*). Пекин, 1985. С. 146–170. Развитие этой темы см.: *Allan S. What is a shu*. P. 3–4.

После этой церемонии, некоторые из них могли быть воспроизведены на бронзовых ритуальных сосудах. О связи *шу* с западночжоуской эпиграфикой см.: *Попова Г.С.* Некоторые результаты сравнения текстов *Шуцзина* с эпиграфикой Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) // *ОГК-ХЛН*. 2012. Ч. 3. С. 40–52. Подробное исследование см.: *Vogelsang K. Inscriptions*. P. 138–209.

и Шунем, мифическими правителями «легендарной Ся», а также историческими правителями государств Шан и Западное Чжоу или их предками¹³⁴. Очевидно, что в составе *Шуцзина* сохранились далеко не все «писания», которые бытовали в храмовой и дворцовой культурных средах Западного Чжоу и Чуньцю, а только те, что прошли многоступенчатый культурный отбор и в этом отношении являются типичными¹³⁵.

а) *Мифические императоры и «легендарная Ся»*. Известны пять *шу*, посвященных Яо и Шуню, и четыре — представителям трех поколений божеств, объединенных традиций в так называемую «династию Ся»: Юю, Ци, Тай-кану, а также походу военачальника времен правителя Ся четвертого поколения¹³⁶. По преданию, «династия Ся» насчитывала 17 правителей, поэтому можно предполагать, что существовали и *шу*, связанные с остальными.

Кроме этого в *Цзочжуань* названы сочинения, которые не вошли в состав современного «Канона [исторических] писаний», но явно имели отношение к этой же категории текстов. Упомянуто два сочинения, содержащих сведения о правителях Ся: В *Цзочжуань* ([090407], 569 г. до н.э.) читаем: «В *Сясюнь* 夏訓 (“Поучения [времен] Ся”) есть такое [высказывание]: “Ююцунский государь И”»¹³⁷. Ниже там же ([090407], 569 г. до н.э.) приведена пространная цитата из другого сочинения, содержание которого относится к той же легендарной эпохе: «В *Юйчжэнь чжичжэнь* 虞人之箴 (“Уве-

¹³⁴ Есть переводы «Предисловия» к Шуцзину, выполненные В.М. Майоровым и Г.С. Поповой, см.: Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй») / Подгот. древнекит. текстов и илл., пер., примеч. и предисл. В.М. Майорова; Послел. В.М. Майорова и Л.В. Стеженской. М., 2014; *Попова Г.С.* Проблема происхождения «Предисловий к записям» (*Шу-сюй*) (в печати).

¹³⁵ О его законах и особенностях применительно к античной литературе писал М.Л. Гаспаров: *Гаспаров М.Л.* Литература европейской античности. Введение // История всемирной литературы. М., 1983. Т. 1. С. 310–312.

¹³⁶ Об этих *шу* см.: *Попова Г.С.* Процесс формирования и особенности датировки мифологического слоя *Шуцзина* // ОГК-ХЛШ. 2013. Ч. 1. С. 382–392.

¹³⁷ Ю-цун — название племени, которое в мифической традиции относилось ко временам «легендарной Ся». Современные китайские комментаторы считают, что оно было расселено в районе современного города Лоян (см.: Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 938).

Государь И — вождь этого племени. Согласно легенде, И жил во времена сясского правителя Сяна 相, потомка Великого Юя в пятом поколении, став при нем регентом после смерти отца Сяна, правителя Чжун-кана 仲康. Известен как искусный стрелок из лука. В более ранних пластах мифологии выступает как «Стрелок И», сбивший стрелами лишние 8 солнц.

шеваниях зрителя парков и заповедников”), в которых упомянуты Великий Юй и сясский правитель *И-и* 帝夷羿».

б) *Шан*. В *Шуцзине* сохранились 17 «писаний», из них большинство посвящено временам шанских правителей до-государственного периода и 9 — государственного (примерно с 1300 г. до н.э.): о сильнейшем правителе начала истории Шан — У-дине (1253–1195 гг. до н.э.) и о последнем — Ди-сине (1059–1027 гг. до н.э.). Шан было поверженным государством, поэтому важно было показать добродетельность первых его правителей и дискредитировать последних. Поэтому если говорить о У-дине и Ди-сине, то содержание посвященных им «писаний» связано с сугубо сакральной сферой, в первом случае — с описанием знамения, призванного привести к ограничению власти царя, а во втором — знамения, показывающего полное моральное разложение, каковое и привело к утрате монархом «Небесного повеления» на власть. Это показывает, что данные *шу* отражают чжоускую версию «священной истории», но никак не шанскую.

в) *Западное Чжоу*. В *Шуцзине* — 29 «писаний», посвященных западночжоуским ванам, прежде всего — первым, которые еще не были вовлечены столь сильно в борьбу с региональной знатью (У-ван, Чэн-ван, Кан-ван и Му-ван). А одно *шу* посвящено не *вану*, а *хоу* Бо-циню — преемнику Чжоу-гуна в качестве правителя владения Лу, жившему в первые десятилетия Западного Чжоу при Чэн-ване (1024–1005 гг. до н.э.). Таким образом, подавляющее число *шу* относится к чжоускому домену, а одно к владению Лу.

г) *Период Чуньцю*. Судя по составу *Шуцзина*, «писания» продолжали создаваться в период Чуньцю и осуществлялось это в отдельных царствах. Так, в *Шуцзине* сохранились два *шу*, относящихся к этому времени. Первое посвящено Вэнь-хоу из царства Цзинь, правившему при первом чжоуском вана периода Чуньцю — Пин-ване (770–720 гг. до н.э.), а второе — правителю царства Цинь Му-гуну (659–621 гг. до н.э.). Таким образом, традиция сохранила образцы текстов *шу* царств Цзинь и Цинь, а в *Цзочжунь* дважды (543, 514 гг. до н.э.) упомянуты «писания» царства Чжэн — *Чжэн-шу* 鄭書 и приведены короткие цитаты.

Все эти произведения, порожденные храмовой средой периода Западного Чжоу, в период Чуньцю использовались при отправлении различных церемоний. Они были хорошо знакомы не только жрецам, но и придворным, поскольку изучались в «придворной школе» и исполнялись во время церемоний. Об их бытовании в

придворной культурной среде можно судить по сообщениям *Цзочжуань*¹³⁸.

Первоначально «литургические произведения», особенно «поэтические», передавались в устной форме и сохранялись в памяти, поскольку записывать, а тем более переписывать для всеобщего употребления то, что звучало во время религиозных священнодействий, видимо, запрещалось, ибо вело к десакрализации этих текстов. Однако постепенно часть наиболее значимых и часто исполнявшихся произведений все-таки стала записываться и расходиться в нескольких копиях, например для обучения наследника при дворце и членов знатных родов в «придворной школе».

Сочинения, в которых отражена идеология дома Чжоу. Это произведения, которые были порождены в храмовой среде еще периода Западное Чжоу, но в период Чуньцю бытовали, вероятнее всего, в основном в дворцовой среде.

1. Сочинение, которое приписывалось жрецу, выполнявшему функции историографа при западночжоуских правителях У-ване и Чэн-ване (X в. до н.э.), по имени Инь И 尹佚 (*ши* И 史佚): *Ши Инь чжи чжи* 史佚之志 («Записи *ши* И») ¹³⁹. Он являлся одним из столпов западночжоуской идеологии и был прямым предшественником историографов *даши*. В *Шицзи* и *И Чжоу шу* сообщается о том, что именно он во время церемоний, проведенных У-ваном после захвата Шан в 1027 г. до н.э., прочитал по записи на дощечке

¹³⁸ В *Цзочжуань* 39 цитат из различных *шу*. Из них мы видим, что в культуре периода Чуньцю наиболее востребованными были *шу*, относившиеся к западночжоуским правителям и мифическим божествам. Об этом см.: *Попова Г.С. Шуцзин* во второй половине I тыс. до н.э.: передача текста и проблема разделения глав на версии *гувэнь* и *цзиньвэнь* // ОГК-XLIV. 2014. Ч. 1; *Иванов А.Е.* «Цзочжуань» и «Ши цзин»: от цитаты к первоисточнику // ППВ. 2006. Вып. 1 (4).

¹³⁹ В *Шицзи* (раздел «Трактаты», глава «О Небесных узорах») он вместе с Чан Хуном 菴弘 назван астрологом-гадателем (*чжуань тянь шу чжэ* 傳天數者) чжоуского дома. Средневековые комментаторы приписывали ему авторство трех книг: «Тигриной книги» (*Ху шу* 虎書) о белом тигре *цзоулюй* 駝虞, не питающемся ничем живущим, символе доброты и гуманности; «Птичьей книги» (*Ци шу* 禽書) об утке-мандаринке, которая закричала, когда загорелись покои У-вана; в *Ши цзи* утка была заменена вороном; «Рыбьей книги» (*Юй шу* 魚書) о белой рыбе, которая вынырнула из реки в лодку У-вана, когда он переправлялся через Хуанхэ перед нападением на Шан. Это предание описано в *Ши цзи* (глава 4). В *Хань шу* (глава *И вэнь чжи* 藝文志) упомянут труд школы монахов *Инь ши* 尹佚 в двух главах. Он был утерян и восстановлен в цинскую эпоху Ма Го-ханем 馬國翰 (1794–1857) в *Юйханьшань фан цзи* 玉函山房輯佚書 («Собранные [из цитат] утраченные книги, [хранящиеся] в павильоне Юйханьшань», см.: Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 359–360).

обращение к божествам о полной моральной деградации последнего шанского правителя¹⁴⁰. Его труд сохранился в виде цитат в ряде источников: в *Шуцзине*, *И Чжоу шу*, *Хуай-нань цзы* и др., в том числе в *Цзочжуань* — таких цитат шесть. Всем им присуще сильное идеологическое и этическое наполнение.

2. В *Цзочжуань* ([060201], 625 г. до н.э.) упоминается письменный памятник *Чжоу чжи* 周志 («Записи [дома] Чжоу»):

Шэнь сказал: «В “Записях [дома] Чжоу” есть такое [высказывание]: “Если герой причинит вред тому, кто выше его, то не сможет вступить в [зал] Минтан”»...

Исключительно важно, что эта фраза содержится в сохранившемся до настоящего времени письменном памятнике *И Чжоушу* 逸周書 («Неканонизированные писания [дома] Чжоу»), глава *Дакуан* 大匡 («Великое исправление»). В ней говорится о деяниях У-вана в последний год его жизни в 1025 г. до н.э.¹⁴¹

3. Сюда же могут входить и многие другие тексты, включенные в *И Чжоушу*. Они тесно примыкают к «писаниям» (*шу*), но носят не столь ярко выраженный религиозный характер, а связаны с какой-либо сравнительно частной темой. Многие из них привязаны к конкретным имеющим датировку событиям (например, времени правления У-вана).

Клятвы. При храмах старшими жрецами *чжоуши* составлялись документы особого рода — «клятвы» (*цзай шу* 載書), которые приносили представители вассальных родов своим государям. Их текст содержал упоминание ряда исторических фактов и событий и мог в случае необходимости использоваться при составлении

¹⁴⁰ Приведем этот текст в переводе Р.В. Вяткина: «Инь-и прочел [записанное] на дощечке обращение к духам, гласившее: “Последний потомок [династии, правившей в государстве] Инь, младший сын в семье [по имени] Чжоу, пренебрег славными добродетелями прежних *ванов* и отбросил их. [Он] оскорбляя, поносил духов Неба и Земли и не приносил им жертв, утратив разум, жестоко обращался с народом шанской столицы. Это стало ясным [для всех] и было услышано Верховным правителем — Владыкой небес”» [*Сьма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). Т. 1. С. 187].

¹⁴¹ В современном варианте текста *И Чжоушу* эта строка записывается несколько иначе (勇如害上, 則不登于明堂). См.: *Хуан Хуайсинь*. *И Чжоушу* цзяобучжу и («Не включенные в канон писания [дома] Чжоу») с комментарием, дополнительными пояснениями и переводом». Сиань, 1996. С. 187. Минтан (букв. Пресветлый зал) — храм предков правившей в царстве династии, главное место отправления ритуальных действий в рамках основной религии периода Чунью — почитания духов предков династии.

«хроник». В частности, в «клятвах» говорилось о том, кто и кому их приносил, указывался повод к этому, упоминались названия храмов предков государей, в которых проходила церемония¹⁴².

Можно предположить, что и упомянутые выше тексты клятв, которые правители царств произносили во время съездов, заключая межгосударственные договоры, также составлялись жрецами этой же категории (*чжужу*).

* * *

Как видим, в храмовой среде существовали свои формы передачи памяти о прошлом. В силу абсолютного приоритета в ней религиозных задач, эта память относилась в основном к «священной истории». Но поскольку храм не был оторван от дворца, в содержании устных и письменных сочинений, порожденных этой средой, большое место было отведено вопросам идеологии высшей власти и задачам подтверждения легитимности династии.

ДВОРЦОВАЯ СРЕДА

Дворец — это сложная культурная среда, в которой сочетались явленный обществу консерватизм и тщательно скрываемое стремление к развитию. В культурном пространстве всего царства эта среда занимала срединное положение, располагаясь между «храмом» и «общиной»; при этом она вбирала в себе отдельные черты и той и другой, и перерабатывала их по своим законам¹⁴³. В ней память о прошлом была связана не только и не столько со «священной историей», сколько с «реальной историей», а именно

¹⁴² Чуньцо Цзочжуань чжу. С. 1731. Образцы текстов нескольких разновидностей клятв V в. до н.э. (ок. 475–458 гг. до н.э.) такого рода известны благодаря эпиграфическим находкам на памятнике Хоума, расположенном недалеко от столицы царства Цзинь. Это в основном клятвы, которые были принесены представителями родовой знати своему патрону — главе одного из господствовавших в царстве Цзинь родов. См.: *Ульянов М.Ю., Халтурина П.В.* Эпиграфический массив царства Цзинь из Хоума (V в. до н.э.): общее описание в историко-археологическом контексте // ВЭ. 2014. Вып. 7.

¹⁴³ Можно заметить, что на пересечении «дворца» и «общины» также возникала своя субсреда, в которой в период Чуньцо бытовали только устные произведения. По-видимому, сфера наложения «дворца» и «общины» в царствах субтропиков бассейна Янцзы (Чу, У, Юэ) была несколько больше, чем в царствах умеренного климата бассейна Хуанхэ.

с накоплением исторического опыта в прагматических целях (для качественного управления и ведения хозяйственной деятельности, эффективного участия в политической борьбе, результативного ведения войн и пр.).

Число людей, активно использовавших данные об историческом прошлом, здесь было несоизмеримо больше, чем в иных культурных средах. К ним относились и сам правитель, и его наследники, а также вовлеченные в политический процесс ближайшие родственники по женской линии, представители младших ветвей правящей династии и некоторых знатных родов, занимавшие высшие гражданские и военные должности. Их культурный багаж формировался во многом на основе постулатов «священной истории», а социальный опыт — из знания «реальной истории» о деяниях и поступках политических деятелей прошлого, понимания причин принятия тех или иных решений и их последствий. Но сами они письменных произведений не создавали.

Устные и письменные произведения порождались в разных сегментах дворца. При дворе создавались некоторые устные произведения песенного характера: «оды», исполнявшиеся во время торжественных церемоний; различные песни (в том числе исторические и героические), исполнявшиеся во время придворных мероприятий. При дворе возникали произведения, предназначенные не только для декламации, но и для прочтения. Здесь и в «придворной школе» могла осуществляться запись храмовых текстов («гимнов», «писаний» и др.), в ходе которой бывшие литургические сочинения получали форму литературных произведений¹⁴⁴. Весьма вероятно, что в конце периода Чуньцю они попадали в «философскую школу» именно из дворцовой среды и именно в этом, измененном, виде.

¹⁴⁴ Это был процесс аналогичный тому, который в то же время шел в Древней Греции. О нем А.А. Тахо-Годи писала так: «Однако всё, что мы знаем о гимне, его исторически сложившихся типах, связано главным образом уже не с ритуальным, а с литературно оформленным гимном, то есть с одним из жанров греческой поэзии. Нам известны некоторые разновидности гимнов, обращенных к тем или иным богам и предназначавшихся для религиозных или вообще торжественных церемоний. Исконная сакральная форма их неизвестна, за исключением нескольких редчайших фрагментов, и они, эти древние гимны, претерпели уже поэтическую обработку и предстают совсем в ином, модифицированном, виде. Но именно это вхождение гимна в сферу литературного творчества сохранило, с одной стороны, его устойчивую форму, а с другой — способствовало и созданию новых форм в связи с развитием литературного процесса» (Тахо-Годи А.А. Античная гимнография. Жанр и стиль // Античные гимны. М., 1988. С. 6).

Дворцовая канцелярия производила различную документацию, которую составляли служащие среднего звена. Диапазон их возможностей с точки зрения сохранения исторической памяти был сравнительно невелик, а составлявшиеся ими тексты, даже если это были записи произнесенных речей, приказы с перечислением заслуг и т.п., не могли удовлетворить всех потребностей двора в знании о прошлом. По этой причине длительное время сохранялось влияние храмовой среды. Однако с самого начала периода Чуньцю, когда в условиях полицентризма политическая ситуация значительно усложнилась, заметно возросла потребность в знаниях именно «реальной истории», что стимулировало процесс порождения специальных исторических сочинений.

1. Двор

Официальное историописание: «хроники»

Основным видом исторических произведений, которые порождала дворцовая культурная среда, являлась «хроника». Под «хрониками» мы понимаем те произведения, которые возникали при последующих правлениях на основе «анналов», если при перепиывании «анналов» в них были внесены какие-либо изменения¹⁴⁵. «Хроники», как и «анналы», представлены отдельными сочинениями. Прежде всего это *Чуньцю* («Весны и осени») — несколько переработанная в рамках основанной Конфуцием «философской школы» «хроника» царства Лу¹⁴⁶. К числу «хроник», на наш взгляд, также можно отнести записи об истории царства Цзинь периода Чуньцю из *Гу бэнь Чжу шу цзи нянь* («Бамбуковые анналы. Древний текст», раздел 5). Фрагменты «хроник» обнаруживаются в «комментирующем комплексе» *Чуньцю Цзочжуань*, а также в главах труда Сыма Цяня, посвященных истории различных царств, из

¹⁴⁵ Заметим, что «анналы» давно минувших правлений, по-видимому, надежнее могли сохраняться именно во дворце, а не в храме, поскольку в последнем после выхода за сроком давности из религиозного оборота они могли подвергнуться ритуальному уничтожению или погребению, а их сведения могли сохраниться там, только став частью «священной истории» (например, войдя в состав «литургических произведений»).

¹⁴⁶ Исследования Д.В. Деопика и А.М. Карапетянца подтвердили, что в основе *Чуньцю* лежал текст «хроники» царства Лу, и искажения при редактировании не были столь значительными, чтобы говорить о создании принципиально нового памятника (Деопик Д.В. Опыт количественного анализа; Карапетянц А.М. «“Чуньцю” и древнекитайский „историографический“ ритуал»).

раздела *шицзя* («Наследственные дома»)¹⁴⁷. Кроме того, в «Исторических записках» Сыма Цяня содержится упоминание «хроник» царства Цинь — *Цинь цзи* 秦記 («Записи о Цинь»), которая, по мнению специалистов, легла в основу текста соответствующей главы¹⁴⁸.

О перерастании «анналов» в «хронику»: политический аспект. Появление «хроник» — важнейшая тенденция историописания эпохи полицентризма (Чуньцю-Чжаньго), для которой был характерен отход от установленных норм и правил во имя политической целесообразности. Однако реализовалась эта тенденция, по-видимому, не во всех царствах. В некоторых из них, например в консервативном домене чжоуского вана, строго велись «анналы», а вот в царствах, где велась ожесточенная политическая борьба за высшую власть, возникновение «хроник» было неизбежно¹⁴⁹. В период Чуньцю в каждом царстве политический процесс имел свою специфику. В одних старые династии утрачивали власть и к власти приходили младшие ветви тех же родов (царство Цзинь) или новые рода (царство Ци), в других — несколько групп региональных элит вели борьбу за контроль над высшей властью (царство Лу). Независимо от этого, важнейшим приемом политической борьбы оставалась дискредитация противников, поэтому, когда к власти приходила иная линия правящего рода, государи проигравшей линии должны были подвернуться явной или скрытой дискредитации. Да и в обычных условиях возникала необходимость доказать право на престол каждого нового государя и подтвердить преемственность. Если ее нельзя было поставить под сомнение, то следовало показать, что ход предшествующего правления был безупречным. И напротив, если преемственности не было (например, в результате переворота к власти пришла другая ветвь правящего рода), то нужно было документально подтвердить, что предыдущий правитель не воспринял предостережений Неба и вполне закономерно в результате собственных ошибок утратил власть. Таким образом, по-

¹⁴⁷ Ульянов М.Ю. Текстологические аспекты. С. 48–50.

¹⁴⁸ Сведения о ней подробно рассмотрены: Кроль Ю.Л. Сыма Цянь — историк. С. 205–215.

¹⁴⁹ О понимании термина «политическая борьба» применительно к истории Древнего Китая см.: Башкеев В.В., Ульянов М.Ю. Периодизация как инструмент и как результат исследования политического процесса: на примере истории Китая поздней древности (221 г. до н.э. — 25 г. н.э.) // ОГК-ХLIV. М., 2014. (Уч. зап. Отдела Китая; Т. 44, вып. 15).

явление «хроник» было вызвано логикой развития политического процесса.

Диапазон сведений «хроники» был шире, чем «анналов». Для них характерна большая детализация информации, и в них больше сообщений о событиях в других царствах¹⁵⁰. Говоря о структуре «хроник», можно предположить, что, в отличие от «анналов», «хроники» начинались с предыстории — изложения некоторых событий, основными действующими лицами которых были божества, легендарные или исторические родоначальники правившей династии. Судя по *Гу бэнь Чжу шу цзи нянь* («Бамбуковым анналам. Древний текст»), «хроника» царства Цзинь начиналась с мифических времен. А *Чуньцю*, «хроника» царства Лу, судя по сообщению *Цзочжуань* ([100201], 540 г. до н.э.), начиналась с основоположника правившей в Лу династии — жившего в конце XI в. до н.э. Чжоугуна, брата первого правителя Западного Чжоу У-вана (1037–1025 гг. до н.э.), регента при втором правителе Чэн-ване (1024–1005 гг. до н.э.)¹⁵¹. Этим луская «хроника» того времени отличалась от известного сейчас канонического памятника с таким же названием, сообщения которого начинаются с 722 г. до н.э.

О перерастании «анналов» в «хронику»: текстологический аспект. По мере смены правителей «анналы» отдельных правлений накапливались, наиболее старые планки ветшали, становились трудночитаемы и могли быть утрачены, поэтому возникала потребность в *сохранении* самого текста, прежде всего сообщений о наиболее значимых в истории царства событиях. Для того, чтобы

¹⁵⁰ Проведенное Д.В. Деопиком исследование текста *Чуньцю* позволило составить представление о содержании «хроники» периода Чуньцю, см.: *Деопик Д.В.* Опыт систематизации; *Он же.* Гегемония и гегемоны; *Он же.* Государство Ци; *Он же.* Исторический контент-анализ; *Он же.* Некоторые тенденции; *Он же.* Опыт количественного анализа.

Все виды событий перечислены в: *Деопик Д.В.* Некоторые тенденции. Здесь же рассмотрены события, вошедшие в группу «внешняя политика», в частности имеющие отношение к «съездам» и «клятвам» правителей царств. Отдельно Д.В. Деопиком были рассмотрены сообщения, связанные с «военными действиями», которые предполагали упоминания событий тринадцати видов: войн, осад, постройки крепостей, походов и т.п., см.: *Деопик Д.В.* Опыт количественного анализа.

¹⁵¹ См.: Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1226. Чжоугун являлся одной из центральных фигур в истории становления западночжоуской государственности. Ему приписывалось создание устоев чжоуского общества и формирование основ политической культуры (см. главу 33 «Наследственный дом луского Чжоугуна» труда Сыма Цяня).

определить их состав, следовало произвести *отбор*. Это было неизбежно еще и потому, что «хроники», в отличие от «анналов», предполагали интегральную оценку каждого правления с учетом результатов политической борьбы. Поэтому после смерти каждого правителя, независимо от того, была преемственность власти или нет, в рамках процесса сохранения исторической памяти возникала потребность в *осмыслении* минувшего правления и его результатов. Решение этой задачи предполагало соотнесение деяний правителя и реакций на них Неба (знамений, стихийных бедствий и т.п.). Это могло быть сделано путем указания «знамений» — особым образом переосмысленных необычных природных явлений и стихийных бедствий, случившихся перед или после наиболее значимых событий.

Представим возможную **текстологическую модель** перерастания «анналов» в «хроники» в периоды Чуньцю и Чжаньго. Указанные задачи (*сохранение, осмысление, отбор*) предполагали *переписывание* текста. При переписывании текст либо воспроизводился буквально, либо подвергался некоторым трансформациям: *добавлениям, коррекциям, сокращениям*.

Добавления были вызваны необходимостью отразить наиболее судьбоносные события прошедших правлений, увязав их с основными постулатами идеологии текущего правления. В качестве дополнительных источников использовались различные документы, например «указы» о пожаловании наград представителям знати, официальные «уведомления» (*гао*) из других царств и др. Так, в *Цзочжуань* ([010104], 722 г. до н.э.) есть сообщение о том, что в «анналы» царства Лу не было записано о нападении на одно из царств, поскольку оно не прислало соответствующего «уведомления», однако позже этот факт все-таки был включен в «хронику».

При переходе от «анналов» к «хронике» следовало делать некоторые *коррективы*. Например, слово *гун*, которое в «анналах» использовалось для обозначения правящего государя, должно было быть заменено на его посмертный храмовый титул (Сян-гун, Вэнь-гун и т.п.), то же и с обозначением правителей других царств¹⁵².

Опусkaliсь те сообщения, которые не соответствовали идеологической концепции текущего правления. Поскольку обстоятельства

¹⁵² Об этом см.: *Гребнев Г.А.* Формирование системы посмертных имен в древнем Китае по данным письменных источников // *Синологи мира* к юбилею Ст. Кучеры: Собр. тр. М., 2013.

внутриполитической борьбы неизбежно влияли на отбор материалов для «хроники» из «анналов» и других источников, с каждым новым правлением происходила концептуализация представлений о прошлых правлениях. И наибольшим сокращениям подвергались те сведения, которые воспринимались как избыточные, особенно при переписывании сообщений о наиболее ранних правлениях.

В результате постоянной переработки «хроники» наполнялись идеями и смыслами разных периодов истории царства, которые могли быть распознаны подготовленным читателем. По-видимому, именно наличием таких скрытых идей *Чуньцю* могло привлечь внимание Конфуция и других учителей «философских школ», которые в свою очередь вкладывали (или «вчитывали») в текст и свои идеи. Благодаря этому и в более поздние времена «хроники» оставались излюбленным чтением интеллектуалов¹⁵³.

О понятии «чуньцю». Поскольку слово *чуньцю* встречается в названиях исторических произведений, то возникает вопрос: как связаны понятия «хроника» и *чуньцю*? По мнению К.В. Васильева, постепенно «сочетание *чунь-цю* превращается в *terminus technicus* для многочисленных местных хроник»¹⁵⁴. Конкретизировав и сузив понимание значения слова «хроника» как термина, мы можем уточнить этот вывод. *Чуньцю* — многозначное понятие, использовавшееся в периоды Чуньцю — Восточная Хань для обозначения различных произведений, в которых преобладали данные о прошлом.

а) В период Чуньцю так называлась «хроника» царства Лу. Из уже упоминавшегося сообщения *Цзочжуань* ([100201], 540 г. до н.э.) узнаем, что посол правителя царства Цзинь по имени Вэй Сюань-цзы, находясь в царстве Лу, «осмотрел книги господина историографа (*даши ши* 大史氏)» и, увидев среди них *Чуньцю*,

¹⁵³ Эта специфика бытования *Чуньцю* в традиционной культуре сохранялась на протяжении всей китайской истории. Интересное свидетельство оставил учившийся в традиционной китайской школе российский синолог В.С. Колоколов (1896–1979) о связи организации текста *Чуньцю* с гексаграммами «Книги перемен». Он также писал: «Лаконичный текст самой книги „Чунь цю“, без комментариев, предназначался к тому, чтобы с самого начала будить мысль к нахождению причинно-следственной связи в исторических фактах, а затем, поднимаясь выше в гносеологии, научиться прогнозировать разворачивание тех или иных событий, опираясь на синтезируемые этапы развития исторического процесса...» [*Колоколов В.С.* Триграммы и гексаграммы канонической книги «И цзин» и их применение в книге «Чунь цю» // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 200-летию со дня рождения). М., 1979. Т. 1. С. 100].

¹⁵⁴ *Васильев К.В.* Ранняя история. С. 90–91.

сказал: «Чжоуские ритуалы полностью выполняются только в Лу! Я только сегодня постиг добродетель (дэ) Чжоу-гуна и то, благодаря чему смогли состояться *ваны* [Западного] Чжоу»¹⁵⁵.

б) В периоды Чуньцю и Чжаньго так называли *категорию* исторических произведений. Так, сочинение с таким названием в период Чуньцю содержалось в книгохранилище царства Чу. В *Гоюй* сообщается, что, знакомя наследника царства с этим произведением, его наставнику следовало «восхвалять добро и порицать зло, чтобы этим вселить в его сердце осторожность и усердие»¹⁵⁶. А в сочинении периода Чжаньго *Мэн-цзы* (гл. 8), которое приписывается мыслителю Мэн Кэ (ок. 372–389 гг. до н.э.), есть такое сообщение:

Мэн-цзы сказал: «Когда следы [деяний] *ванов* исчезли, тогда и песенные произведения (*ши* 詩) были преданы забвению. После забвения песенных произведений стали составляться *чуньцю* (хроники. — М.У.). *Шэн* 乘 — [царства] Цзинь, *Тао-у* 樛杻 — [царства] Чу, *Чуньцю* — [царства] Лу едины. [По содержанию] — в них [упомянуты] деяния [гегемонов] Хуань-[гуна царства] Ци, Вэнь-[гуна царства] Цзинь, по стилю — это повременные записи (*ши* 史)»¹⁵⁷.

В начале западноханьского времени еще сохранялись *чуньцю* некоторых царств. Например, в *Шицзи* в послесловиях к разным главам Сыма Цянь не раз приводит цитаты из *Чуньцю*, которой он пользовался, или сообщает о содержании отдельных фрагментов. Например, в послесловии к главе 1 читаем:

Я просматривал *Чуньцю* и *Гоюй*, в них ярко раскрыты добродетели Пяти Императоров. А родословия Владык распределены по фамилиям! И пусть я еще не глубоко изучил их, но всё, что в них выражено и показано, отнюдь не пустая выдумка¹⁵⁸.

¹⁵⁵ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1226.

¹⁵⁶ Гоюй (Речи царств). С. 245–246.

¹⁵⁷ Мэн-цзы цзичжу (Мэн-цзы с собранием комментариев) / Сышу цзин. Пекин, 1996. Т. 1. С. 63; Мэн-цзы / Пер. с кит., указат. В.С. Колоколова. СПб., 1999. С. 120–121. Заметим, что природа названий произведений разная. *Чуньцю* — состоит из названий двух сезонов: весны и осени; *шэн* — многозначно, это букв. «колесница», «одерживать военную победу» и др., а *Тао-у* — в древнекитайской мифологии божество, считавшееся внуком Хуан-ди (Желтого император) — верховного бога *хуася*, сын Чжуань-сюя. Обратим внимание и на то, что слово *ши* 史 в сочинении периода Чжаньго используется в новом для себя значении, нехарактерном для периода Чуньцю.

¹⁵⁸ *Сыма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). Т. 1. С. 149.

Или в послесловии к главе 31 записано:

Я читал старые *чуньцю* и из них узнал о том, что владение Юй, [расположенное среди] срединных царств, и владение Гоу, [расположенное среди] цзинских *маней*, были связаны братскими [узлами]¹⁵⁹.

Из приведенных цитат видно, что содержание этих *чуньцю* выходило за рамки «хроник» как таковых, они включали в себя, например, еще и некоторые обобщения идеологического характера.

в) В конце Чжаньго и на протяжении Хань это понятие имело более широкое значение — так называли не «хроники» как таковые, а различные по жанру сочинения, основу которых составляли сведения из истории. Это слово встречается в названии ряда памятников общественной мысли периода Чжаньго: *Люйши чуньцю* («Вёсны и осени господина Люя»), *Яньцзы чуньцю* («Вёсны и осени господина Яня»), гражданская война 209–202 гг. до н.э. была описана в утраченном памятнике *Чу Хань чуньцю* («Вёсны и осени [владений] Чу и Хань»). В Восточную Хань (25–220 гг. н.э.) был создан памятник *У Юэ чуньцю* («Вёсны и осени [царств] У и Юэ»).

Таким образом, если «хроникам» как таковым была присуща краткая форма записи, предполагавшая только название события, то содержание произведений исторического характера, которые называли *чуньцю*, было шире. Они включали в себя данные иного плана, например некоторые идеи общего характера, сведения о родстве и др.

Другие письменные произведения

При дворе государей царств хранились и использовались произведения разных жанров, подавляющее большинство которых так или иначе были связаны с историей. Некоторые из них упомянуты в различных источниках, прежде всего в *Чуньцю Цзочжуань*, *Гоюй* и *Шицзи*. Так в *Гоюй* («Речи царства Чу», I, 211), в сообщении о царстве Чу времен правления чуского Чжуан-вана (613–591 гг. до н.э.), перечислены девять произведений, которые хранились в придворной библиотеке и использовались для воспитания наследника

¹⁵⁹ Там же. Т. 5. С. 38, 228. Цзин 荆 — еще одно название царства Чу, расположенного на Средней Янцзы. Мань 蠻 — общее название различных народов (вьет-мыонгских, хмонг-миенских, пара-тайских), живших к югу от этнических китайцев (сино-тибетцев). Соответственно, здесь имеются в виду хмонги (кит. мяо) — основное население царства Чу.

престола (см. Приложение)¹⁶⁰. А из уже не раз упоминавшегося сочинения *Цзочжуань* ([100201], 540 г. до н.э.) можно узнать о сочинениях, которые хранились у историографа *даши* царства Лу и др. Систематизируя эти и другие данные, попытаемся представить, как мог выглядеть репертуар письменных произведений и документов, доступных при дворе в период Чуныцю.

Генеалогии, которые велись при дворе. В период Чуныцю «родословия» (*ши* 世) велись при дворах правителей царств и знати разного уровня. В столице, как уже говорилось, учет предков династии и правителей прошлого велся в храме, а вот учет кланов родственников династии (аристократии) и подданных из числа знатных и влиятельных столичных и локальных родов велся, по видимому, именно при дворе. Очевидно, что задачи придворных должностных лиц отличались от задач жрецов тем, что первые решали сугубо светские задачи двора в отношении контроля за высшей знатью. О том, как они выглядели, отчасти можно судить по сохранившимся цитатам и извлечениям из сочинения *Шибэнь* 世本 («Основы родословий»), которые сохранились в раннесредневековых комментариях к «Историческим запискам» Сыма Цяня. Согласно *Гоюй*, наставник, знакомя чуского наследника с генеалогиями, должен был «прославлять обладавших блестящими добродетелями, и отвергать тупых и невежественных, чтобы в своих действиях он стремился подражать [добродетельным] и испытывал перед ними благоговение»¹⁶¹.

Из *Цзочжуань* ([020209], 710 г. до н.э.) узнаем, что в период Чуныцю при дворах высокопоставленных вельмож *цинов* за ведение родословий отвечали специальные лица: *цэши* 側室, которые вели генеалогические списки членов клана, уясняли степени родства, отделяли боковые линии от прямых. А при дворах правителей отдельных владений *дафу* генеалогические списки вели *эцзун* 貳宗, которые определяли последовательность и порядок наследования сыновей и их потомков¹⁶².

Песенные произведения. Это исполнявшиеся во время дворцовых церемоний песенные произведения церемониального характера. Стоит упомянуть торжественные песнопения (оды), которые включали восхваления деяний правителей прошлого и настоящего,

¹⁶⁰ *Васильев К.В.* Ранняя история. С. 90–91.

¹⁶¹ *Гоюй* (Речи царств). С. 245–246.

¹⁶² Чуныцю *Цзочжуань* чжу. С. 94; Чуныцю *Цзочжуань*. Комментарий Цзо. С. 101.

а также «песни», исполнявшиеся во время различных торжественных мероприятий, обращенные как к царю, так и к отдельным вельможам или всем участникам: застольные, величальные, героические, назидательные, порицающие, увещательные и др. Представление о них можно составить на основе *Шуцзина* и цитат в письменных источниках. Критерий их выделения — поэтический зачин (образ, метафора, параллелизм).

При дворе исполнялись и те произведения, которые создавались за пределами двора в «общинной» культурной среде и записывались в «дворово-храмовой» субсреде. Это упомянутые в *Цзочжуань* (за 655 и 517 гг. до н.э.) и *Гоюй* песни *Туньяо* 童謠 (букв. «детские песенки»), в которых так или иначе отражалась повседневная ситуация.

Речи нерелигиозного характера. К числу важных документов внутридворцового политического обихода можно причислить «Речи» (*Юй* 語) — образцы выступлений правителей и их приближенных, связанных с обсуждением государственных дел. Этим они отличались от сакрально значимых «речей», включенных в тексты «писаний» (*шу*), которые составлялись от лица правителей.

Судя по данным источников, ранее, в период Западное Чжоу, записывались речи правителей и их приближенных (например, Чжоу-гуна — регента при Чэн-ване). Поскольку изначально это осуществлялось в храмовой среде, речи принимали формат «писаний» (*шу*) и не требовали исторической достоверности, имея сугубо религиозное и идеологическое предназначение (речи Вэнь-вана и У-вана). В начале периода Чуньцю выполнение этой задачи, по-видимому, переместилось в храмово-дворцовую среду (последние три «писания» из *Шуцзина*, часть «писаний» из *И Чжоушу*)¹⁶³. А в течение периода Чуньцю названная задача естественным образом перетекла в дворцовую среду. О том, как выглядели речи периода Чуньцю, можно узнать из *Гоюй* («Речи царств»), а также из «комментирующего комплекса» *Чуньцю Цзочжуань* и из глав раздела *шицзя* («Наследственные дома») сочинения Сыма Цяня «Исторические записки». Теперь это были речи не только и не столько царей, сколько придворных специалистов, отражавшие их точки зрения по конкретным вопросам, касавшимся разных сфер

¹⁶³ Тексты, собранные в *И Чжоушу*, в отличие от созданных в храмовой среде «писаний» (*шу*), включенные в *Шуцзин*, были уже не столь религиозны, но и еще не носили столь светского характера, как речи *Гоюя*.

внутренней и внешней политики. Правители же в них в основном только задавали вопросы. А поскольку речи были по преимуществу обращены к царям, в них преобладала этическая составляющая, характерная для увещаний (*цзянь* 諫) как приемлемой формы обращения к высоким персонам. Позже эта их сторона была многократно усилена в «философской школе».

Сочинения о прошлом.

1. В *Цзочжуань* ([060607] 6-й год Вэнь-гуна, 621 г. до н.э.) трижды упомянуто сочинение *Цяньчжи* 前志 («Записи о прошлом») и приведены цитаты из него. В одной из них читаем:

Юй Пянь сказал: «Не следует. Я знаю, что в *Цянь чжи* (“Записи о прошлом”) есть такое высказывание: “Платить врагу добротой за причиненное врагом зло, не переносить [ненависть] на потомков [врага] — таков путь преданности [своему государю]”»¹⁶⁴.

2. В царстве Чу при дворе хранилось сочинение, которое называлось *Гу чжи* 故志 («Древние описания») — некие повествования о прошлом, в которых говорилось «о владениях павших и возвысившихся».

Произведения, в которых излагались нормы придворных и религиозных церемоний. В *Гоюй* («Речи царства Чу», I, 211) среди книг, рекомендованных для воспитания наследника, упомянуты сочинения: *Ли* 禮 («Церемонии») — руководства по проведению дворцовых и религиозных церемоний («Обучайте его “Церемониям”, чтобы он знал различия между высшими и низшими»), а также *Юэ* 樂 («Музыка») — то же относительно их музыкального сопровождения («Обучайте его “Музыке”, чтобы смыть [душевную] грязь и искоренить легкомыслие») ¹⁶⁵.

В *Цзочжуань* ([061809], 609 г. до н.э.) кроме того упомянуто приписываемое западночжоускому Чжоу-гуну специализированное

¹⁶⁴ Чуньцо Цзочжуань чжу. С. 552.

¹⁶⁵ Гоюй (Речи царств). С. 245–246. Можно предположить, что в канонизированных *Лицзи* («Записях о ритуалах») собраны отдельные *ли*, созданные в разное время (как в до-западноханское, так и в западноханское) и в разных культурных средах, преимущественно, видимо, в дворцовой. Их атрибуция — большая научная задача. Что касается *Юэ*, то в *Лицзи* есть глава *Юэцзи* («Записи о ритуалах»), которая позволяет составить некоторое представление о возможном содержании данного сочинения. Ее перевод см.: Рубин В.А. «Записки о музыке» («Юэ-цзи») // Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае: Собр. тр. М., 1999. С. 294–307. Часть этого сочинения, возможно, вошла в «Трактат о музыке» в «Исторических записках» Сыма Цяня (глава 24): Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи). Т. 4. С. 70–99.

сочинение *Чжоули* 周禮 («Чжоуские церемонии») и приведена цитата из него:

Прошлый наш государь, Чжоу-гун, составляя «Чжоуские церемонии» (*Чжоули*), изрек: «Если через [нормы поведения] рассматривать добродетель (дэ), то благодаря добродетели вершатся дела; если благодаря деяниям измерять заслуги, то благодаря заслугам осуществляется жизнеобеспечение народа»¹⁶⁶.

Заметим, что данное произведение упомянуто в речи именно историографа *даши* (из царства Лу по фамилии Кэ 克).

Сочинения о военном искусстве. В *Цзочжуань* трижды упомянуто сочинение *Цзюнь чжи* 軍志 («Трактат о ратных делах»). В одной из цитат ([071203], 597 г. до н.э.) говорится:

В «Трактате о ратных делах» есть такое [высказывание]: «Оказавшись раньше перед врагом, можно разрушить его замыслы». Так сблизимся же с ними¹⁶⁷.

Данная цитата приведена в контексте диалога между военачальниками царства Чу как теоретическое подкрепление тактики начала боя с равным по силе противником — лучше первым сблизиться с противником, чем позволить ему проявить инициативу.

2. Придворная канцелярия: документы

При дворе порождались свои специализированные тексты — «документы» (*дянь* 典). В них содержались исторические сведения, которые могли быть использованы при составлении «хроник» для дополнения данных «анналов», а также при составлении других специализированных исторических и неисторических произведений.

Благодаря созданию этих документов и их хранению в архиве придворная бюрократия также вносила свой вклад в сохранение исторической памяти. Это *иньши* 尹氏 — «начальник канцелярии» правителя и подчинявшиеся ему *нэйши* 内史 — «секретари дворцовой канцелярии». Они относились к числу высших должностных лиц царства. В число обязанностей *нэйши* и его подчиненных

¹⁶⁶ Чуньцзо Цзочжуань чжу. С. 623–624. На наш взгляд, данное сочинение периода Чуньцзо не имеет прямого отношения к одноименному сочинению конца Западной Хань. Хотя оно могло «передать» ему свое название (см.: Ульянов М.Ю. «Историографы» даши. С. 16).

¹⁶⁷ Чуньцзо Цзочжуань чжу. С. 739.

входило составление повелений, связанных с инвеститурой, назначениями и пр. (например, *Цзочжуань* ([052808], 632 г. до н.э.)¹⁶⁸, выполняли они и ответственные посольские функции, например, когда дело касалось сакральной сферы (*Цзочжуань*: 662, 649, 644, 626, 563 гг. до н.э.).

Кроме того под началом *нэйши*, по крайней мере в царстве Цзинь, были *цзоши* 左史 (букв. «левый *ши*»), которые выполняли различные канцелярские обязанности¹⁶⁹. В *Гоюй* упомянут тот же *цзоши* из царства Чу, что и в *Цзочжуань*, по имени И Сян 倚相. Кроме того, в сообщении *Цзочжуань* (550 г. до н.э.) о царстве Лу упомянут *вайши* 外史 (букв. «внешний *ши*») как ответственный за хранение клятв (*мэн* 盟), которые приносили государю царства подвластные ему правители отдельных владений. В источнике сообщается о том, что по запросу одного из влиятельных представителей придворной знати он дал справку о содержании начальных строк этих клятв¹⁷⁰.

В «анналах» могло быть запечатлено содержание только небольшой части «документов», остальные хранились и использовались уже при составлении «хроник» и, в случае их сохранности, — «летописных материалов». Назовем документы придворной канцелярии, которые сохранялись и, вероятнее всего, переписывались при дворах правителей царств периода Чуньцю.

Документы внутригосударственного оборота. В источниках упомянуты следующие документы: «повеления» (*мин* 命), «пожа-

¹⁶⁸ Там же. С. 463.

¹⁶⁹ Но следует отметить, что в их число ведение погодных записей не входило. Тем не менее в научной литературе часто приводится фраза из *Ли цзи* («Записи о ритуалах», раздел *Юйцзао* 玉藻 «Нефритовые нити»), в которой упоминаются и *цзоши*, и некие *юши* в качестве историографов: «Когда были совершены действия, то их записывал *цзоши*, когда были произнесены речи, то их записывал *юши*» (動則左史書之, 言則右史書之). См.: Ли цзи // Сышу уцзин. II. 1985. С. 165.

Однако должность *юши* 右史 (букв. «правый *ши*») в *Цзочжуань*, *Гоюй* и других доханьских источниках не упоминается. Стремление создать пару *цзоши* — это признак искусственного конструирования идеальной модели в последующие эпохи. Поэтому не удивительно, что в аналогичном высказывании в труде восточноханьского историка Бань Гу (32–92 гг. н.э.) *Хань шу* («История [империи] Хань», глава *Ивэньчжи* 藝文志 «Описания [произведений конфуцианской] классики и [остальной] литературы») они переставлены местами: «*Цзоши* записывают речи, *юши* записывают деяния. Из [записанных] деяний возникла *Чуньцю*, из [записанных] речей возникла *Шан шу*» (左史記言, 右史記事, 事為春秋, 言為尚書. См.: Бань Гу. Хань шу («История [империи] Хань»). Пекин, 1962. С. 1715).

¹⁷⁰ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 1083.

лования наград» (*шан* 賞), «воззвания» (*чжао* 召). Известно, что «повеления» правителей царств составлялись и хранились в их резиденции (*зунфу* 公府). Также известны собрания образцов официального делопроизводства «Указы» (*Лин* 令) и «Своды установлений» (*Сюнь дянь* 訓典), которые содержались в дворцовом книгохранилище. В *Гоюй* сказано, что изучение таких сводов позволит наследнику узнать об «относящихся к одному клану и действовать, сообразуясь с долгом»¹⁷¹. Вероятно, в этих подборках сохранялись документы прошлых правлений, в которых отражались взаимоотношения между государями и подвластными им кланами и родами высшей родовой знати.

Тематика указов была исключительно широка. В *Цзочжуань* упомянуты «повеления» государей отдельных царств, связанные с ведением военных действий: об их начале, о назначении военачальников ([052705], 633 г. до н.э.), о доставке продовольственной помощи ([051305], 647 г. до н.э.), об отправке посла ([052401], 636 г. до н.э.), о даровании посмертного храмового титула (*ши*) и наследственной фамилии (*цзу*) представителям знатных родов своего царства ([010810], 715 г. до н.э.), о пожаловании владения наследнику царства ([010103], 722 г. до н.э.) и др.

Документы внешнеполитического оборота. К числу таких документов относились «договоры о союзе» (*мэн* 盟), которые держали текст клятв, условия договора и заверения сторон. Они составлялись и оглашались во время церемонии заключения правителями нескольких царств межгосударственных соглашений о совместных действиях. Известно, что такие договоры-клятвы сохранялись при дворе в «хранилищах [договоров] о союзе» (*мэнфу* 盟府); возможно, там же хранились и упомянутые выше внутриполитические «клятвы» (или их копии)¹⁷².

Как уже говорилось, при дворе собирались и хранились документы, присланные из других царств. Это были: 1) повеления чжоуских ванов; 2) «извещения о смерти» (*фу* 赴) государей других царств и их родственников и 3) «уведомления» (*гао* 告). Все они

¹⁷¹ Гоюй (Речи царств). С. 245–246.

¹⁷² См.: *Сыма Цянь. Исторические записки* (Шицзи). Т. 5. С. 273; Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 308. В историографии высказывались предположения о том, что в *мэнфу* могли храниться также и «хроники» царств, и это было не только хранилище, но и учреждение, где составлялись различные документы (тексты «хроник», «указов», «клятв» и пр.). И то, и другое, на наш взгляд, является дискуссионным (см.: *Карпатьянц А.М. У истоков*. С. 437–438).

являлись основным источником информации о событиях в других царствах.

Первые рассылались из чжоуского домена в царства, в которых правили члены правящей в чжоуском мире династии Цзи. В *Цзочжуань* есть примеры повелений чжоуских ванов в отношении государей отдельных царств, которые предписывали выступить в поход против государя другого царства ([010502], 722 г. до н.э.), возвести там на престол одного из претендентов ([020805], 704 г. до н.э.) и др. Союзники старались сообщать друг другу о получении повеления чжоуского вана перед началом похода на другое царство (*Цзочжуань*, [010906], 714 г. до н.э.). Отсутствие упоминания о повелении чжоуского вана в «уведомлении» о вторжении в другое царство могло стать поводом к расторжению дипломатических отношений (*Цзочжуань*, [010906], 714 г. до н.э.).

Вторые и третьи рассылались между отдельными царствами, причем особенно интенсивно между теми, которые являлись членами одного политического союза. Существовали нормы, определявшие время и сроки отправления «извещений», — они должны были быть разосланы сразу после кончины правителя. В *Цзочжуань* показано, что нормы могли нарушаться. На практике между датой смерти и датой отправки «извещения» могло пройти сравнительно много времени. Порой задержка была вызвана политическими причинами¹⁷³. «Уведомления» передавались членами прибывавших посольств в письменном виде или в устной форме (*Цзочжуань*, [010403], 719 г. до н.э.)¹⁷⁴. Такие послы получали инструкцию, что именно надо было сказать (*Цзочжуань*, [071502], 594 г. до н.э.)¹⁷⁵. Если официальное «уведомление» приходило позже положенного срока, на что не было серьезных причин, это могло быть воспринято как неуважение и даже послужить пово-

¹⁷³ Так, когда в самом конце 653 г. до н.э. умер чжоуский Хуй-ван (676–653 гг. до н.э.), его преемник Сян-ван не объявлял траур и, пока не утвердилось его положение на престоле (ранее шаткое из-за конфликта с братом Дашу Даем), не разослал «уведомлений» о проведении траура ни в никакие царства, кроме гегемона — царства Ци ([050707], 653 г. до н.э.). См.: Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 319; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 199.

Поэтому официальное сообщение (*гао*) о проведении траура в царство Лу пришло только в конце 652 г. до н.э. ([050805]). Именно эта дата рассылки официального сообщения и отражена в *Шицзи* (глава 4, «Основные записи [о деяниях дома] Чжоу»). См.: *Сьма Цянь*. Исторические записки (Шицзи). Т. 1. С. 205.

¹⁷⁴ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 36; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 72

¹⁷⁵ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 759.

дом к началу военных действий (*Цзочжуань*, [031603], 678 г. до н.э.)¹⁷⁶. В «уведомлениях» не только упоминалось о каком-либо факте, но, если он был значим (например, убийство высокопоставленного лица), объяснялись причины произошедшего (*Цзочжуань*, [050502], 655 г. до н.э.)¹⁷⁷.

* * *

В «хронику» царства могли попасть далеко не все сведения этих произведений и документов, но со временем их значимость для сохранения и передачи памяти о прошлом возрастала, и позднее, в период Чжаньго, они стали использоваться при составлении разного рода «летописных материалов» по истории отдельных царств.

3. «Придворная школа»: учебные сочинения

В период Чуньцю весь массив знаний, включая знания об истории, необходимые представителям высших слоев общества, передавался в «придворных школах», которые существовали при дворах царей под их покровительством и попечением¹⁷⁸. Из гимна *Пань шуй* 泮水 (букв. «Полукруглый пруд»), включенного в состав *Шицзина* («Канон песен», раздел «Гимны», гл. 4 «Гимны царства Лу»), известно о «придворной школе» в царстве Лу¹⁷⁹. Из него узнаем, что она имела значительную территорию и располагалась в живописном месте за пределами столицы. Рядом с ней был разбит пруд полукруглой формы, который являлся ее символом. Правители Лу уделяли школе много внимания. В первой строфе как раз описан визит одного из них. Передана картина подъезжающего к школе кортежа: развиваются стяги и звенят колокольчики на ярме.

Как принято думать, в таких школах готовили гражданских и военных специалистов из числа представителей наиболее знатных фамилий. Их обучали тому, что должен был знать будущий царедворец и управленец. Учили основам грамотности: письму, чтению и счету; нормам ритуалов: знакомили с порядком проведения всевозможных религиозных и светских церемоний и правилами придворного этикета; музыке, пению и игре на музыкальных инструментах, в том числе исполнению на них «государственных

¹⁷⁶ Там же. С. 202; Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо. С. 148.

¹⁷⁷ Чуньцю Цзочжуань чжу. С. 303.

¹⁷⁸ О них см.: История Китая с древнейших времен до начала XXI в. М., 2013. Т. 2. С. 533.

¹⁷⁹ В переводе А.А. Штукина: «Посещение школы». См.: Книга песен. С. 297–299.

мелодий» (*цюй* 曲, *инь* 音); военному делу: обучали стрельбе из лука, управлению боевой колесницей, а также основам военного искусства и пр.

Обучив грамотности, учеников знакомили с основными культурообразующими устными и письменными произведениями, которые использовались в придворной среде (см. Приложение), прежде всего с песенными: «одами», которые исполнялись во время дворцовых ритуалов, «гимнами», которые сопровождали религиозные и какие-либо торжественные церемонии. На основе изучения «писаний» (*шу*) передавались знания о «священной истории», которая сама по себе содержала сильный эмоциональный заряд и ключевые идеи придворной и аристократической этики своего времени. Например, в упомянутом гимне *Пань шу* содержится намек на главку *Шундянь* (раздел *Сяшу* в *Шуцзине*), где идет речь о Гао Яо 皋陶 — судье при мифическом правителе Шуне, имя которого стало нарицательным: справедливый судья, беспристрастный человек. В «придворной школе» передавали сведения и о реальной истории. Для этого использовались «хроники» (аналоги *Чуньцю*), а также, очевидно, развернутые исторические повествования и короткие поучительные истории (своего рода исторические анекдоты). Большой популярностью пользовались «речи», которые служили в качестве образцов при обучении приемам ораторского мастерства¹⁸⁰. Обращение к прошлому, приведение исторического примера, цитата из соответствующего произведения являлись важнейшими приемами убеждения.

* * *

Рассказ о сохранении и передаче исторической памяти был бы неполон без упоминания о «философской школе» и «придворном институте» — новых культурных средах; первая начала формироваться с конца периода Чуньцю, а вторая уже полностью принадлежала периоду Чжаньго. Именно они на новом историческом этапе становились основными с точки зрения сохранения исторической памяти.

¹⁸⁰ Позднеева Л.Д. Ораторское искусство и памятники древнего Китая // Позднеева Л.Д. История китайской литературы: Собр. тр. М., 2011. С. 39–41. См. также: Она же. Ораторское искусство // Литература древнего Востока. М., 1962. С. 350–372.

О НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ СРЕДАХ ПЕРИОДА ЧЖАНЬГО:
«ФИЛОСОФСКИЕ ШКОЛЫ» И «ПРИДВОРНЫЕ ИНСТИТУТЫ»

Представителей придворной знати периода Чуньцю письменные произведения, находившиеся в книгохранилище дворца, интересовали по преимуществу только с прагматической точки зрения. Для них было важно знакомство с политическим опытом предыдущих поколений. Двор не был способен воспринять всё их содержательное многообразие, а тем более преобразовать его в нечто большее. Эта задача легла на «философские школы», а со временем и на своего рода «придворные институты»¹⁸¹. Поскольку они стали массовым явлением в следующий исторический период, Чжаньго, о них целесообразно сказать в отдельной работе, здесь же выскажем несколько общих положений.

Возникновение этих школ было обусловлено тем, что с конца периода Чуньцю в ряде царств, особенно в тех, где сильное влияние на власть оказывали представители столичных (царство Цзинь) и локальных родов (царство Лу), а также там, где к власти пришли иные, помимо Цзи, династии, (например, в царствах Чжао, Вэй, Хань, Ци), и там, где удалось провести модернизационные преобразования (царство Цинь), — везде аристократы утрачивали свои позиции в управлении и на их место приходили представители средней и низшей знати, формировавшие «служилое сословие» (*ши* 士).

В конце периода Чуньцю произошло важнейшее культурное явление — возникли первые «философские школы», которые находились вне двора, но сохраняли с ним определенную связь. И в них были перенесены письменные произведения: и те, что храни-

¹⁸¹ О «философской школе» периода Чжаньго см.: *Позднеева Л.Д.* К проблеме. С. 22–26. Она также называла их «ораторскими школами», см.: *Позднеева Л.Д.* Ораторское искусство. С. 369, 372. О таких школах в их отношении к историописанию см.: *Ульянов М.Ю.* Об этапах историописания. С. 305–306.

Понятие «философская школа» используется в отношении школ конца периода Чуньцю и периода Чжаньго, а школы Западной Хань называют «каноническими». Отличие западно-ханьской школы от более ранних в том, что для них была характерна специализация на каком-либо одном каноне: *Шицзине* («Каноне песен»), *Шуцзине* («Каноне [исторических] писаний») и т.п. И не на создании новых сочинений, а на комментировании канонов. См.: *Корольков М.В.* Сыма Цянь *Шицзи* («Исторические записки»), гл. 121. *Жулинь лучжунань* (Жизнеописание ученых-каноников). Введение к переводу // История Китая. Мат-лы китайских конф. ИСАА при МГУ (май 2005 г., май 2006 г.). М., 2007.

лись при дворе, и те, что служили в качестве учебных пособий в «придворной школе» (особенно образцы официального историописания, а также литургические и мантические тексты). Первая из «философских школ», согласно преданию, была создана Конфуцием (551–479 гг. до н.э.). С его именем связано начало традиции отбора и переработки письменных произведений, которая привела к созданию комплекса канонических текстов. В процессе этой переработки литургические и церемониальные сочинения «наполнялись» новыми смыслами — в них вкладывались «философские», например этические, идеи. Наставники толковали и комментировали их содержание, исходя из приоритетов своей школы, а ученики, заучивая их и внимая словам учителей, перенимали заложенный в этих текстах социальный опыт. Этим «философские школы» отличались от «придворных школ», в которых основное внимание уделялось обучению практическим навыкам: проведению церемоний, игре на музыкальных инструментах, стрельбе из лука, управлению колесницей и т.п. Еще одно отличие заключалось в том, что при изучении содержания «песнопений» (*ши*) и «писаний» (*шу*) в «придворной школе» их рассматривали в естественном качестве — прежде всего как литургические произведения, а в «философской» их воспринимали и использовали как своего рода памятники общественной мысли. В «придворной школе» учили придворному этикету, а в «философской» — культуре мышления и нормам поведения, основанным на представлениях об этике и морали нового, не аристократического, а служилого сословия. И там и там изучали порядок проведения церемоний. Но если в «придворной школе» уделялось внимание формальной стороне (например, знанию порядка ритуальных действий), то в «философской» учили использовать их для физического и нравственного самосовершенствования¹⁸².

Когда «хроника» царства Лу *Чуньцю* из дворцовой среды попала в среду «философской школы», был сделан шаг на пути становления неофициального историописания. Чтобы использовать ее в учебных целях, ее текст был подвергнут некоторой переработке, которая, впрочем, не затронула ее форму. Иначе говоря, если *Чуньцю* по форме оставалась «хроникой» царства Лу, то по духу — по

¹⁸² Благодарю А.С. Рысакова, который обратил мое внимание на это обстоятельство. Некоторые различия школ были описаны также Л.Д. Позднеевой: *Позднеева Л.Д.* Ораторское искусство. С. 372.

мере того, как в рамках практики толкований и комментирования учителя наполняли ее текст идеями своей школы, она приобретала иные черты, не присущие произведениям официального историописания. Но для продуцирования этих черт в такой школе не было условий. Поскольку «философские школы» были оторваны от двора, продуктивным в них оказалось только комментирование *Чуньцю* — создававшиеся там произведения относились к сочинениям философской мысли¹⁸³.

«Философские школы», став центрами учености, на некоторое время составили конкуренцию двору. Однако в течение периода Чжаньго на их основе возникла новая, еще более продуктивная культурная среда — своеобразные «институты», которые комплектовались выпускниками различных (!) школ и выходцами из различных царств. Они поступали на службу в качестве клиентов (кит. *бинькэ* 宾客) уже не только к своим царям, но и к чужим, а также к представителям знатных родов (*дафу*) и даже к высокопоставленным вельможам. Например, в конце периода Чжаньго такой «институт» возник при дворе Люй Бувэя, первого министра в царстве Цинь (результатом его работы стал уникальный сводный памятник *Люйши чуньцю*). Тогда книжность вновь вернулась во дворец, но уже в новом качестве. Если в «философской школе» на первом месте стояли образовательные задачи и велось комментирование канонов, то в этих «институтах» систематизировали и переосмысливали культурные достижения прошлых эпох; здесь шло собирание, упорядочивание, компилирование и комментирование письменных произведений прошлого. Происходило накопление и расширение конкретных знаний. Там же создавались новые сочинения, например «философские» трактаты, диалоги, притчи, поучения и пр. Как и в других культурных средах, здесь придавалось большое значение осмыслению исторического опыта и целенаправленному сохранению исторической памяти. В этой среде интеллектуалов, так же как среди придворной знати и школяров, подбирались и неко-

¹⁸³ В частности, в качестве основы повествований в них могли использоваться те же события из истории, что и в исторических произведениях, но в философском сочинении они были нацелены на обоснование или подкрепление какой-либо идеи, а не на передачу сведений о прошлом. См.: *Ульянов М.Ю.* Структура и содержание повествований в *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”»): к характеристике исторической прозы в древнекитайской литературе // Проблемы литературы Дальнего Востока. Сб. маг-лов VI междунар. конф., 25 по 29 июня 2014 г. СПб., 2014. Т. 2.

торые «летописные материалы» (которые в западноханьскую эпоху были собраны и совмещены в «комментирующем комплексе» *Цзочжуань* и вошли в состав *Шицзи*). Видимо, именно на пересечении культурных сред дворца и «института» и должны были возникнуть «летописи». Но этого не произошло — в период с 221 по 202 г. до н.э. политическая ситуация резко изменилась и все эти культурные среды в своем прежнем виде перестали существовать. И при Западной Хань, сохранившись лишь частично, они приняли иные формы — «императорского двора», «двора правителя владения (*гована*)» и «школы канонведения».

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ИСТОРИОГРАФОВ

...было бы неверно сводить историческое сознание к исторической памяти.

*Л.П. Ретина*¹⁸⁴

Выскажем несколько соображений об историческом сознании историографов периода Чуньцю. Будем исходить из того, что оно не было неизменным, в разное историческое время обладало своими специфическими чертами и развивалось в направлении от мифического к «прото-научному». Восприятие историографами исторического прошлого и подходы к описанию произошедшего во многом были обусловлены мировоззрением и мировосприятием, характерными для того времени, а их отношение к создаваемым ими текстам, было задано культурной средой, к которой они принадлежали. В индивидуальном сознании историографов именно это определяло временную глубину исторической памяти, а также отношение к «произошедшему» (в конкретное время — в какой-либо год правления), «прошедшему» (минувшей череде событий, очевидцами которых были историографы) и «прошлому» (далекому, отстоящему на несколько поколений и недоступному чувственному восприятию).

Будем различать историографов-«анналистов» и историографов-«хронистов». Рассмотрение особенностей их исторического созна-

¹⁸⁴ *Ретина Л.П.* Вместо предисловия. Представления о прошлом и связь времен в историческом сознании // *Образы времени и исторические представления: Россия–Восток–Запад.* М., 2010. С. 12.

ния связано с определением их принадлежности к той или иной культурной среде или субсреде, их социального положения и задач, которые им приходилось решать.

Даши, историографы-«анналисты» начала периода Чуньцю, вышли из жреческой среды и были близки как к двору, так и к храму предков династии. Их основная задача заключалась в том, чтобы, опираясь на конкретные требования, фиксировать события, а не отбирать их из массива фактов и тем более не осмыслять их в рамках исторических процессов. Выполнение записей регламентировалось нормами, которые больше принадлежали к сакральной сфере, чем светской. Иными словами в историческом сознании «анналистов» господствовало мифическое мышление, в котором религиозно-культовые и обрядово-ритуальные аспекты занимали основное место, а сугубо исторические — подчиненное.

Историографы-«хронисты» конца периода Чуньцю и тем более последующих времен, по-видимому, могли быть и людьми уже несколько иного круга. Если считать, что «хроника» это не абсолютно новое сочинение, а несколько переработанные «анналы», то очевидно, что далеко не всякий *даши* взялся бы за такой труд — и по религиозным, и по политическим соображениям. В новых условиях историографы-«хронисты» могли принадлежать уже к иным, более широким слоям придворной знати; быть ближе к дворцу, чем к храму. Для составления «хроник» они должны были пользоваться доверием правителя и его окружения, иметь доступ в царское книгохранилище, архив придворных документов и т.п. Составление «хроник» также имело свои ограничения, но среди задач «хронистов» большую роль играли не сугубо религиозные, а светские задачи, связанные с необходимостью отражать результаты политической борьбы. Это предполагало определенное переосмысление и всей совокупности сохранившихся сведений, и отдельных событий, а также внимание к их последовательности.

Каковым же могло быть «историческое сознание» историографов-«хронистов»? Обратим внимание на теоретическое положение, которое было сформулировано на материале русского средневекового летописания Е.А. Мельниковой: «главными в историческом сознании летописца были вопросы о *происхождении народа, о происхождении правящей династии/государства и о введении христианства* (курсив мой. — М.У.)». Далее исследовательница продолжает: «В современных терминах ответы на эти вопросы были ключевыми моментами в этнокультурном самоопределении восточных сла-

вян в трех основных аспектах: этногенетическом, политическом и конфессиональном»¹⁸⁵.

В период Чуньцю историю народов заменяла единая для государств *хуася* и, шире, государств чжоуской политической культуры мифическая («священная») история, основными деятелями которой являлись божества. Именно к ним и возводилась история той или иной династии или народа. Перед историографом, например, царства Лу или Цзинь, не стояла задача показать происхождение всего чжоуского народа — это уже было сделано историографами чжоуского домена. В условиях, когда к власти приходили новые рода и возникали новые династии, историографов-«хронистов» прежде всего интересовали вопросы политического характера: им нужно было подтвердить легитимность власти династии, отразить ее основные идеологические установки, а также не допустить сохранения или привнесения любого материала, компрометирующего высшую власть. Поэтому важнейшей задачей «хронистов» являлся отбор сообщений и их упорядочивание в соответствии с взглядами господствующей политической силы.

Историческое сознание историографов (и «анналистов», и «хронистов») в значительной степени было структурировано нормами культа предков и мифического мышления. Тем не менее можно наметить определенные различия. Как представляется, «анналист» это еще не «историк», а всё еще по большей части жрец-историограф. «Хронист» же — уже в значительной степени придворный-историограф. И хотя в рамках процесса сохранения исторической памяти «хронисты» решали и новые задачи, предполагавшие некоторое осмысления хода истории, их произведения еще никак не отражали их индивидуальных взглядов. Их труд не носил творческого характера и не требовал никакой оригинальности мысли. «Хронисты» были сконцентрированы на подборе событий в их причинно-следственной связи, для очевидности которой по правилам, сложившимся в храмовой среде, подбирались наиболее убедительные знамения. Тем самым «хроника» воплощала в себе и прагматизм дворца, и сакральность храма. Такая фиксация связей между событиями и необычными явлениями природы или стихийными бедствиями была связана с поиском закономерной свя-

¹⁸⁵ См.: Мельникова Е.А. Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С 153.

зи между действиями государей и реакцией на них высших сил. И если в «анналах» признаки выражения авторского самосознания отсутствуют, то в «хрониках» оно может быть обнаружено, но еще не индивидуальное, а коллективное, т.е. характерное для части знати, ориентирующейся на определенную ветвь правящего рода.

Поскольку «хронисты» были теснее, чем «анналисты», связаны с двором, они в основном являлись сторонниками идеи целостности государства, и, вероятно, разделяли идею почитания династии. А вот идея укрепления власти царя вряд ли могла быть им близка, поскольку многие из них являлись представителями знатных и влиятельных родов, и сильная высшая власть рассматривалась ими как угроза их интересам. Отсюда общая скрытая идея китайской историографии в Древности — нежелательность и пагубность единоличной власти царя. Отсюда и задача историописателей более поздних времен, включая Сыма Цяня, — обосновать то, что носителю высшей власти во благо не стремиться слишком активно участвовать в управлении, а лучше построже соблюдать ритуальные нормы.

Такая же по сути светская функция историописания, как накопление и осмысление опыта прошлого и извлечение из него уроков, начала проявляться далеко не сразу. В период Чуньцю она, вероятно, только вызревала среди историографов некоторых царств. Как-то оформиться она могла в период Чжаньго (453–221 гг. до н.э.), когда происходило расширение культурного пространства и наряду с сакрализованными средами храма и дворца возникли профанные среды «философской школы», а затем «придворных институтов». Период Чжаньго — это предымперская эпоха, когда, по характеристике Г.А. Ткаченко, наметился переход от «мифопоэтической картины мира и связанного с ней ритуально-мифологического комплекса... к концептуальности, попыткам первого существенного “упрощения” схемы мировых событий, сведения их к “закономерным”, а, следовательно, познаваемым процессам»¹⁸⁶. Именно тогда и зарождается индивидуальное сознание как таковое, но проявля-

¹⁸⁶ См.: Ткаченко Г.А. Избранные труды: китайская космогония и антропология. М., 2008. С. 137. О похожем явлении на примере античности писал М.Л. Гаспаров, который отметил, что важной чертой осмысления действительности в литературе Древности является стремление «отыскивать во всех явлениях закономерности, а не родственные, подобные человеческим, связи, как то предполагало мифологическое мышление предшествующего периода развития общества». См.: Гаспаров М.Л. Литература европейской античности. С. 306.

ется оно в основном в «философских» и лирических (поэмы Цюй Юаня) произведениях. А вот индивидуальное историческое сознание проявляется только во времена империи Западной Хань (202 г. до н.э. — 8 г. н.э.), и труд Сыма Цяня (145/135–86 г. до н.э.) «Исторические записки» — первое наглядное тому свидетельство. В «Исторических записках» впервые зазвучал индивидуальный голос, изложены некоторые личные мысли, а порой прорываются и эмоции¹⁸⁷. Поэтому неслучайно Сыма Цяня принято считать первым «историком». В отличие от редакторов *Чуньцю* он не только подталкивал читателя к размышлениям и самостоятельным выводам, но местами прямо высказывал то, что хотел сообщить читателю. В его подходе к компоновке материала, выраженном, например, в стремлении к синхронизации событий, произошедших в различных царствах, а также в оценке ряда событий и поведения исторических персон (например, при составлении сопоставительных биографий в разделе *лечжуань*), заметны признаки «прото-научного» мышления. Для Сыма Цяня характерно и стремление сохранить для потомков память о прошедших временах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье мы попытались осветить ряд вопросов, связанных с характеристикой процесса сохранения исторической памяти в Древнем Китае периода Чуньцю (771–453 г. до н.э.). Мы исходили из того, что условия для порождения и развития определенных культурных явлений в Древности существовали в конкретных *культурных средах*. В рассматриваемое время устные произведения порождались всеми слоями общества, и большую часть из них составляли поэтические тексты, принадлежавшие к различным жанрам фольклорной литературы. А создание письменных произведений осуществлялось в двух тесно связанных культурных средах:

¹⁸⁷ Сыма Цянь, являясь наследственным придворным историографом, в силу обстоятельств политической борьбы оказался противопоставленным и двору, и императору. Описанию его исторического сознания как историка поздней Древности посвящена отдельная глава в книге Ю.Л. Кроля. В ней затронуты такие вопросы, как взгляды Сыма Цяня на задачи историографии, неизменное и изменяющееся в истории, закон «воздаяния», взаимоотношения между Небом и человеком, «повеление Неба» и усилия людей др. (*Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь – историк. С. 82–203).

храмовой и дворцовой. Там же осуществлялись их *сохранение* и *репрезентация*. Важнейшие особенности содержания письменных произведений, в том числе и связанных с историописанием, были обусловлены религиозно-ритуальными нормами, характерными для этих сред.

Представления о прошлом существовали в двух формах: «священной» и «реальной истории». Задача передачи «священной истории» была возложена на жречество, а для фиксации «реальной истории» потребовались новые должностные лица. Не удивительно, что они появились именно в храмовой среде, но в описываемое время выполняли определенные обязанности при дворе.

Наше внимание было сконцентрировано не столько на особенностях восприятия в этих культурных средах прошлого, сколько на порождавшихся ими письменных произведениях, в которых сохранялась историческая память. Храмовая среда была сравнительно однородной. В ней создавались различные произведения, связанные прежде всего с сохранением «священной истории». Это тексты литургического характера, объединенные в категории «писаний» (*шу*) и «песнопений» (*ши*). Дворцовая среда, прагматичная по своей природе, но строго регламентированная нормами дворцового церемониала, была менее однородной. Здесь тексты создавались непосредственно при дворе, в придворной канцелярии и, по-видимому, «придворной школе». Если в период Западное Чжоу большую часть письменных текстов порождала храмовая среда, то в течение периода Чуньцю круг записываемого расширялся и при этом возрастало значение текстов, порожденных дворцовой средой.

В период Чуньцю историописание носило *официальный* характер и существовало в виде специализированных исторических произведений двух типов: «анналов» и «хроник». «Анналы» создавались в храмово-дворцовой субсреде, а «хроники» — в дворцовой. Оставаясь высоко сакрализованным видом письменных произведений, «анналы» хранились в храме и были малодоступны. Одновременно в ряде царств всё более значимой формой сохранения исторической памяти становились «хроники». Они хранились в придворном книгохранилище и были более доступны, их мог прочитать тот, кто пользовался доверием правителя. Иными словами, зарождение официального историописания происходило в храмовой среде, а развитие — в дворцовой.

Ведение «анналов» было регламентировано системой норм и правил, касавшихся их содержания, языка, способов выполнения

записей. «Анналы», сохраняя свой высокий сакральный статус, были мало подвержены изменениям и стояли особняком от других форм письменной фиксации исторической памяти. Они не были предназначены для досужего чтения, а, по-видимому, использовались во время выполнения некоторых религиозных церемоний.

Внесение записи в «анналы» являлось сакральным актом, и этим занимались принадлежавшие к храмово-дворцовой культурной среде историографы *даши* (им помогали *наньши*), а прозаические тексты литургического характера («писания» *шу*) составлялись и декламировались жрецами *ши*. Знание о прошлых временах их объединяло, но не уподобляло друг другу. *Даши*, записывая произошедшие события, отвечали за сохранение сведений о «реальной истории», а жрецы *ши* — «священной». Историографы *даши*, отделившись от жречества и сохраняя тесную связь с храмовой средой (они лучше других знали существовавшие нормы совершения религиозных церемоний), всё больше вовлекались в жизнь дворцовой среды (входили в число доверенных людей правителя и выполняли его поручения) и становились своего рода посредниками между этим двумя культурными средами. В придворной иерархии статус *даши* был выше, чем статус главного жреца *чжуши*. А жрецы *ши* в жреческой иерархии занимали четвертую позицию. С *даши* их объединяло то, что и те, и другие, являясь хранителями знаний о нормах проведения религиозных церемоний, были наделены правом оценки соответствия поступков носителей высшей власти ритуальным требованиям. Их объединяло и то, что жрец *ши* в ситуации контакта с носителем высшей власти (правда, в отличие от *даши*, не напрямую) мог высказывать правителю свои рекомендации.

То, что хранилось в памяти «анналистов» и могло быть передано устно, по своему объему было несоизмеримо больше, чем то, что могло найти отражение в письменном виде. Для последнего в культуре периода Чуньцю было выработано еще слишком мало механизмов. Поэтому порождение новых по содержанию или жанру текстов шло очень медленно, и часто новые по задачам произведения имели формы и носили названия уже существовавших. При этом более «податливыми» для записи были сведения о «реальной истории», а большая часть сведений о «священной истории» длительное время записыванию не подлежала.

Перенос «хроники» в «философскую школу» в конце периода Чуньцю задал одну из культурных моделей развития неофициаль-

ного историописания. Но в этой культурной среде она могла быть реализована лишь отчасти. Что касается такой культурной среды, как «придворные институты», то, поскольку они существовали при дворах представителей знати разного уровня, создававшиеся в них «летописные материалы» (тексты различных жанров, несшие историческое содержание) так или иначе сохраняли черты официального историописания. Возможностей для развития неофициального историописания в период Чуньцю, да и Чжаньго, было крайне мало, поскольку подходящей для этого культурной среды всё еще не возникло. Даже известный труд западноханьской эпохи — «Исторические записки» Сыма Цяня — оставался плодом официального историописания. Неслучайно он считается первым в череде именно «официальных историй» *чжэньши* 正史 (букв. «правильных»). В нем можно обнаружить только отдельные черты неофициального историописания, например в послесловиях автора к отдельным главам, где Сыма Цянь высказывал свои суждения.

Приложение 1

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

Выделим периоды протекания этого процесса. Обратим внимание на то, что их временные границы не всегда строго соответствуют границам исторических периодов. Это связано с тем, что в начале нового исторического периода процесс сохранения исторической памяти развивался еще в силу инерции предыдущего периода. А переход к новому этапу сохранения исторической памяти в системе официального историописания бывал, как правило, вызван некими чрезвычайными обстоятельствами внутри исторического периода.

1. Складывание предпосылок и зарождение форм письменного сохранения исторической памяти (2500–1150 гг. до н.э.). Отсутствие потребностей и возможностей письменной фиксации исторической памяти. Существование традиционных устных форм ее сохранения.

1.1. 2500–1600 гг. до н.э. Возникновение государственности. Основной центр накопления и передачи социального опыта: Нижняя Янцзы и Шаньдун. Формы сохранения памяти о прошлом:

генеалогии, устное эпическое сказание. Данные о прошлом деисториизировались и мифологизировались по законам развития мифов и легенд. Например, в мифологию *хуася* был включен юэский (*вьетский*) бог Великий Юй, который обустроил земли Великой равнины. Появление «циклических знаков».

1.2. 1600–1250 гг. до н.э. Развитие государственности. Основной центр социального опыта: Средняя Янцзы и левобережье восточной части Средней Хуанхэ; а также периметр Великой Равнины на юге, востоке и западе. Формы сохранения памяти о прошлом: устное героическое сказание. Превращение в легенду и историческое предание (о «государстве» Ся и борьбе с ним исторического основоположника династии шанских правителей Чэн Тана; о его «соправителе» — «первом министре» И Ине). Возможно, началась письменная фиксация списков «предков» — прежде всего предков правителей, членов их родов и родов «соправителей». Использование для этого системы «циклических знаков».

1.3. 1250–1150 гг. до н.э. Возникновение государства нового типа (Шан) и, как следствие, возникновение потребности в письменной фиксации памяти о прошлом. Поиск ее форм. От записи генеалогических списков к записи деяний правителей (например, в мантической практике).

2. Оформление форм письменного сохранения исторической памяти (ок. 1150–850 гг. до н.э.). Возникновение и развитие различных ранних форм письменной фиксации произошедшего.

2.1. 1150–1027 гг. до н.э. Расцвет и гибель государства Шан. Усложнение институтов светской и духовной власти — формирование жреческого и бюрократического слоя. Появление института *ши* 史 (совр. 史, «писцов») — на пересечении жречества и служилых из числа высшей знати, чья деятельность была связана с записью и оглашением сакральнозначимых текстов. Возможно, зарождение идеи (но не ее строгая реализация) ведения при дворе «анналов». Складывание предназначенных для передачи «священной истории» «литургических произведений» различных жанров.

2.2. 1027–850 гг. до н.э. Западное Чжоу (до Ли-вана, 857–842 гг. до н.э.). Ведение «анналов» при дворе чжоуского вана как атрибута государственности и во владениях потомков Вэнь-вана и У-вана как символа принадлежности к одной династии Цзи 姬. Развитие систем жреческих и служилых должностей — разделение полномочий. Выделение из них отдельной группы — историографов *даши* 大史.

3. Принятие классических форм письменного сохранения исторической памяти (ок. 850–221 гг. до н.э.). Складывание норм официального историописания в их классическом виде — ведение «анналов» и составление «хроник» при дворе, их изучение в «философских школах» и «институтах *бинькэ*», создание там же «летописных материалов».

3.1. Конец периода Западное Чжоу (850–771 гг. до н.э.). Двор чжоуского вана и владения — ведение «анналов». Усложнение системы должностей за счет специализации обязанностей, более четкое разделение жрецов и чиновников. Определение функций историографов *даши*, а также представителей различных категорий жречества в сфере сохранения исторической памяти.

3.2. Период Чуныцю (771–453 гг. до н.э.). Ведение «анналов» при дворе чжоуского вана и в царствах (бывших владениях), возникновение «хроник» в результате сокращения и включения дополнительных сообщений из различных источников (документов придворной канцелярии и др.). Развитие института историографов *даши*, вовлечение их в политическую жизнь. Кодификация литургических текстов, которые во время религиозных церемоний исполнялись жрецами *ши* 史 и *зу* 瞽. Постепенная десакрализация традиции передачи знаний об историческом прошлом. Рост роли двора в создании письменных произведений.

3.3. Период Чжаньго (453–221 гг. до н.э.). Дворы правителей царств, «философские школы». Расширение жанров письменной фиксации исторической памяти. Расширение возможностей записи, хранения и передачи текстов сравнительно большого объема, появление «книги» — в виде связки планок — и ее широкое распространение. Процесс «литературизации» части исторических материалов. Рост профанной составляющей. Формирование в различных культурных средах и на основе разных источников «летописных материалов».

4. Становление имперского историописания (221 г. до н.э. — 23 г. н.э.)

4.1. Империя Цинь, гражданская война за циньское наследие и начало Западной Хань (221–141 гг. до н.э.). Переход от ведения «анналов» и составления «хроники» царства к «истории империи». Собираание и хранение материалов предшествующих эпох в императорском столичном книгохранилище и в книжных коллекциях высшей региональной знати. Естественное забывание прошлого.

4.2. Становление Западной Хань как общерегиональной империи (141–33 гг. до н.э.). Создание труда Сыма Цяня *Шицзи* («Истори-

ческие записки»). Ветшание книжного фонда, сохранившегося со времен Чжаньго и Цин.

4.3. Кризис первой долговременной империи и начало борьбы Ван Мана за власть (33 г. до н.э. — 23 г. н.э.). Понимание неизбежности утраты книжного фонда периода Чжаньго. Государственный проект сохранения письменного наследия в условиях борьбы за высшую власть родственников по женской линии из рода Ван и императорского правления Ван Мана.

Приложение 2

ПЕРЕВОД ФРАГМЕНТА ГОЮЙ

Гоюй — ценный исторический источник, в котором были собраны многие исторические повествования, по каким-либо причинам не вошедшие в состав «комментирующего комплекса» *Чуньцю Цзочжуань* или в «Исторические записки» Сыма Цяня. Здесь также встречаются иные варианты этих повествований, нежели в названных сочинениях. В *Гоюй* («Речи царства Чу», I, 211) в сообщении о царстве Чу времен правления чуского Чжуан-вана (613–591 гг. до н.э.) перечислены девять произведений, которые хранились в придворной библиотеке рубежа VII–VI вв. до н.э. Круг этих текстов был достаточно широк, книги так или иначе были связаны с сакральной сферой и использовались для обучения и воспитания наследника. Публикуемый фрагмент интересен тем, что в нем указано воспитательное значение каждого произведения, из чего можно получить некоторые сведения и об их содержании. В основе — перевод К.В. Васильева¹⁸⁸, отредактированный нами.

Шу ответил: «Обучая его “Чуньцю”, восхваляйте добро и порицайте зло, чтобы этим вселить в его сердце осторожность и усердие. Обучая его “Родословиям”, прославляйте обладавших блестящими добродетелями, и отвергайте тупых и невежественных, чтобы в своих действиях он стремился подражать [добродетельным] и испытывал перед ними благоговение. Обучайте его “Песням”, направляйте к блестящим добродетелям и увеличивайте их в нем, чтобы совер-

¹⁸⁸ *Васильев К.В.* Ранняя история. С. 90–91. Еще один вариант перевода данного сообщения принадлежит переводчику *Гоюй* В.С. Таскину. В нем он не стал выделять названия книг, а дал раскрытие их содержания. См.: *Гоюй (Речи царств)*. С. 245–246. Академическое издание памятника см.: *Го юй (Речи царств)*. Шанхай, 1978.

шенствовать его стремления. Обучайте его “Церемониям”, чтобы он знал различия между высшими и низшими. Обучайте его “Музыке”, чтобы смыть [душевную] грязь и искоренить легкомыслие. Обучайте его “Приказам”, чтобы он узнал, как проверять и подбирать чиновников. Обучайте его “Речам”, чтобы он понял скрытую в них добродетель и знал, что покойные правители (ваны) стремились распространить блестящие добродетели в народе. Обучайте его “Древним описаниям”, чтобы он, узнав об уничтоженных и возвысившихся [царствах], с осторожностью и благоговением относился к этому. Обучайте его “Сводам установлений”, чтобы он знал относящихся к одному клану, и действовал, сообразуясь с долгом».

(問于申叔時，叔時曰：教之《春秋》，而為之聳善而抑惡焉，以戒勸其心；教之《世》，而為之昭明德而廢幽昏焉，以休懼其動；教之《詩》，而為之導廣顯德，以耀明其志；教之《禮》，使知上下之則；教之《樂》，以疏其穢而鎮其浮；教之《令》，使訪物官；教之《語》，使明其德，而知先王之務用明德于民也；教之《故志》，使知廢興者而戒懼焉；教之《訓典》，使知族類，行比義焉)。

ИСТОЧНИКИ

Бамбуковые анналы (*Гу бэнь Чжу шу цзи нянь*) / Изд. текста, пер. с кит., вступит. ст., коммент. и прил. М.Ю. Ульянова при участии Д.В. Деопика и А.И. Таркиной. М., 2005.

Бань Гу. Хань шу («История [империи] Хань»). Пекин, 1962.

Гоюй (Речи царств) / Пер. с кит., вступ. и примеч. В.С. Таскина. М., 1987.

Го юй (Речи царств). Шанхай, 1978.

Книга песен / Пер. А.А. Штукина. М., 1987.

Мэн-цзы / Пер. с кит., указат. В.С. Колоколова. СПб., 1999.

Мэн-цзы цзичжу (Мэн-цзы с собранием комментариев) / Сышу цзин. Пекин, 1996. Т. 1.

Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи) / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. М., 2001. Т. 1.

Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи) / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В. Вяткина. М., 1986. Т. 4.

Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи) / Пер. с кит., предисл. и коммент. Р.В. Вяткина. М., 1987. Т. 5.

Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи) / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина, А.Р. Вяткина, А.М. Карапетьянца, М.Ю. Ульянова, при участии С.И. Кучеры, В.В. Башкеева, С.В. Дмитриева, М.С. Королькова, М.С. Целуйко. М., 2010. Т. 9.

- Ли цзи («Записи о церемониях») // Сышу уцзин. Пекин, 1985. Т. 2.
- Хуан Хуайсинь. И Чжоушу цзяобучжу и («Не включенные в канон писания [дома] Чжоу») с комментарием, дополнительными пояснениями и переводом»). Сиань, 1996.
- Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй») / Подгот. древнекит. текстов и илл., пер., примеч. и предисл. В.М. Майорова; Послесл. В.М. Майорова и Л.В. Стеженской. М., 2014.
- Чуньцю Цзочжуань чжу («Вёсны и осени» и «Комментарий Цзо» со сводными комментариями) / Коммент. Ян Бо-цзюня. Пекин, 2000. Т. 1–3.
- Чуньцю Цзочжуань. Комментарий Цзо к “Вёснам и осеням” / Исслед., пер. с кит. гл. 1–5, коммент. и указат. М.Ю. Ульянова. М., 2011.

ЛИТЕРАТУРА

- Барз М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.
- Башкеев В.В., Ульянов М.Ю. Периодизация как инструмент и как результат исследования политического процесса: на примере истории Китая поздней древности (221 г. до н.э. — 25 г. н.э.) // ОГК-ХLIV. 2014. (Уч. Зап. Отдела Китая. Т. 44, вып. 15).
- Васильев К.В. «Планы Сражающихся царств»: Исслед. и пер. М., 1968.
- Васильев К.В. Из истории древнекитайских письменных памятников // Страны и народы Востока. М., 1971. Вып. 11: Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии.
- Васильев К.В. Некоторые вопросы изучения памятников древнекитайской историографии (Критический обзор исследовательской части книги: Imber A. *Guo yu. An Early Chinese Text and its Relationship with the Tso Chuan*. Vol. 1, 2. Stockholm, 1975) // ППВ, 1975. М., 1982.
- Васильев К.В. Ранняя история древнекитайских письменных памятников // Рукописная книга в культуре народов Востока. М., 1988. Кн. 2.
- Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации. М., 1998.
- Васильев Л.С. Проблема мифов и исторических преданий в Шан-Чжоу // ОГК-XXIX. 1999.
- Васильев Л.С. Древний Китай. Период Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.). М., 2000. Т. 2.
- Гаспаров М.Л. Литература европейской античности. Введение // История всемирной литературы. М., 1983. Т. 1.
- Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.
- Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Гребнев Г.А. Формирование системы посмертных имен в древнем Китае по данным письменных источников // Синологи мира к юбилею Ст. Кучеры: Собр. тр. М., 2013.

- Деопик Д.В.* Опыт систематизации конкретно-исторического материала, содержащегося в «Чуньцю» // ОГК-IV. 1973. Вып. 1.
- Деопик Д.В.* Гегемония и гегемоны по данным «Чуньцю» // ОГК-V. 1974. Вып. 1.
- Деопик Д.В.* Государство Ци в VIII — начале V в. до н.э. (по данным «Чуньцю») // ОГК-VI. 1975. Вып. 1.
- Деопик Д.В.* Исторический контекст-анализ // Комплексные методы в исторических исследованиях: Тез. докл. и сообщ. науч. совещ. М., 1987.
- Деопик Д.В.* Некоторые тенденции социальной и политической истории Восточной Азии в VIII–V вв. до н.э. (на основе систематизации данных «Чуньцю») // Конфуциева летопись «Чуньцю» («Вёсны и осени») / Пер. и примеч. Н.И. Монастырева. М., 1999.
- Деопик Д.В.* Опыт количественного анализа древней восточной летописи «Чуньцю» // Конфуциева летопись «Чуньцю» («Вёсны и осени») / Пер. и примеч. Н.И. Монастырева. М., 1999.
- Деопик Д.В.* О древнейших письменностях в Восточной и прото-Юго-Восточной Азии (современные представления) // Ломоносовские чтения. Апрель 2008. Востоковедение: Тез. докл. М., 2008.
- Деопик Д.В.* Царство Мо — первое государство Региона Восточной Азии (прото-ЮВА) // Губеровские чтения. М., 2009. Сб. 1.
- Деопик Д.В.* Вступительная статья // Чуньцю Цзочжуань («„Комментарий Цзо“ к „Вёснам и осениам“») / Исслед., пер. гл. 1–5, коммент. и прилож. М.Ю. Ульянова. М., 2011.
- Деопик Д.В.* Количественные методы в изучении исторической информации (проверяемая история). М., 2011.
- Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты // ВЭ. 2011. Вып. 5. С. 7–118; 2012. Вып. 6. С. 205–249; 2013. Вып. 7, ч. 1. С. 15–103.
- Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* Завершение формирования «двуединого» исторического региона Восточная Азия после возникновения государственности у хуася во II тыс. до н.э. // ОГК-XLIII. 2013. (Уч. зап. Отдела Китая; Т. 43, вып. 8).
- Деопик Д.В., Ульянов М.Ю.* От «двуединой археологической культуры» к «двуединой империи»: периодизация исторического процесса в центре Восточной Азии с 2500 г. до н.э. по 220 г. н.э. // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тез. докл. науч. конф. (Москва, 14 апреля 2014 г.). М., 2014.
- Доронин Б.Г.* Китай XVII–XVIII веков. Проблемы историографии и источниковедения. Л., 1988.
- Доронин Б.Г.* Об истоках одной особенности китайской феодальной историографии // Вестн. Ленингр. ун-та. № 8. История. Язык. Литература. 1979. Вып. 2.

- Доронин Б.Г.* Институт «историографов» (*шигуаней*) и его место в цивилизационных процессах в Древнем Китае (к характеристике явления) // Философия Восточно-азиатского региона и современная цивилизация: XIII–XIV Всероссийские конференции (Москва, 21–22 мая 2007 г., 22–23 мая 2008 г.). М., 2008. Ч. 1.
- Зинин С.В.* Отражение «И цзина» в «Цзо чжуани» и концепция перемен // ОГК-ХV. 1984. Ч. 1.
- Зинин С.В.* Мантические ритуалы *бу* и *ши* в эпоху Чунь цю (VIII–V вв. до н.э.) // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988.
- Иванов А.Е.* «Цзочжуань» и «Ши цзин»: от цитаты к первоисточнику // ППВ. 2006. Вып. 1 (4).
- Инь Чэнпин.* Си Чжоу бэндяо жэньтоусян чжунцзу таньсу (Предварительное рассмотрение этнической принадлежности вырезанного из раковины изображения мужской головы времен Западного Чжоу) // Вэньу. 1986. № 1.
- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2006.
- История Китая с древнейших времен до начала XXI в. М., 2013. Т. 2.
- Карпетьянц А.М.* “Чуньцю” и древнекитайский „историографический“ ритуал // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988.
- Карпетьянц А.М.* У истоков китайской словесности. М., 2010.
- Кобзев А.И.* «Канон перемен» как мировая константа // В пути за китайскую стену: К 60-летию А.И. Кобзева: Собр. тр. М., 2014.
- Колоколов В.С.* Триграммы и гексаграммы канонической книги «И цзин» и их применение в книге «Чунь цю» // П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 200-летию со дня рождения). М., 1979. Т. 1.
- Корольков М.В.* Сыма Цянь *Шицзи* («Исторические записки»), гл. 121. *Жулинъ лучжуань* (Жизнеописания ученых-канонистов). Введение к переводу // История Китая. Мат-лы китаеведческих конф. ИСАА при МГУ (май 2005 г., май 2006 г.). М., 2007.
- Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь — историк. М., 1970.
- Крюков М.В.* Китай и Юго-Восточная Азия // Источниковедение истории Древнего Востока. М., 1984.
- Крюков В.М.* Текст и ритуал. М., 2000.
- Крюков М.В.* К проблеме циклических знаков в Древнем Китае // Древние системы письма: этническая семиотика. М., 1986.
- Лисевич И.С.* Литературная мысль Китая. М., 1979.
- Лю Гуаньюй.* Шан Чжоу цзянь цэ као ши (Исследование *цзянь* и *цэ* в периоды Шан и Чжоу) // Цзинань дасюэ сюэбао (шэхуй кэсюэбао). 2010. № 5.
- Мельникова Е.А.* Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999.

- Мельникова Е.А. Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006.
- Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2006.
- Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. М., 2004.
- Меньшиков Л.Н. Рукописная книга в Китае I тысячелетие н.э. // Рукописная книга в культуре народов Востока. М., 1988. Кн. 2.
- Образы времени и исторические представления: Россия–Восток–Запад / Под. ред. Л.П. Репиной. М., 2010.
- Позднеева Л.Д. Ораторское искусство // Литература древнего Востока. М., 1962.
- Позднеева Л.Д. К проблеме источниковедческого анализа древнекитайских философских трактатов // Позднеева Л.Д. История китайской литературы: Собр. тр. М., 2011.
- Позднеева Л.Д. Ораторское искусство и памятники древнего Китая // Позднеева Л.Д. История китайской литературы: Собр. тр. М., 2011.
- Попова Г.С. Некоторые результаты сравнения текстов *Шуцзина* с эпиграфикой Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.). // ОГК-XLII. 2012. Ч. 3.
- Попова Г.С. Процесс формирования и особенности датировки мифологического слоя *Шуцзина* // ОГК-XLIII. 2013. Ч. 1.
- Попова Г.С. *Шуцзин* во второй половине I тыс. до н.э.: передача текста и проблема разделения глав на версии *губэнь* и *цзиньвэнь* // ОГК-XLIV. 2014. Ч. 1.
- Попова Г.С. Проблема происхождения «Предисловий к записям» (*Шу-суй*) (в печати).
- Рубин В.А. О датировке и аутентичности «Цзочжуань» // Проблемы востоковедения. 1951. № 1.
- Рубин В.А. «Цзочжуань» как источник по социальной истории периода Чуньцю: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1960.
- Рубин В.А. Дневники. Письма. Тель-Авив, 1988. Кн. 1–2.
- Рубин В.А. Был ли в истории китайской литературы «этап ораторского искусства?» // Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае. Собр. тр. М., 1999.
- Рубин В.А. «Записки о музыке» («Юэ-цзи») // Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае: Собр. тр. М., 1999.
- Рубин В.А. Как Сыма Цянь изображал период Чуньцю // Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае. Собр. тр. М., 1999.
- Рубин В.А. Народное собрание в древнем Китае в VII–V вв. до н.э. // Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае: Собр. тр. М., 1999.
- Рубин В.А. О народном собрании в древних государствах Восточной Азии // Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае: Собр. тр. М., 1999.
- Рубин В.А. Рабовладение в древнем Китае в VII–V вв. до н.э. (по «Цзочжуань») // Рубин В.А. Личность и власть в Древнем Китае. Собр. тр. М., 1999.

- Смолин Г.Я. Источниковедение древней истории Китая. Л., 1987.
- Сюй Чжаочан. Чжоудай шигуань вэньхуа: Цянь чжоусинь ци хэсинь вэньхуа синтай яньцзю (Культура историографов Чжоуской эпохи: исследование морфологии сердцевины культуры в предьосевое время). Чанчунь, 2001.
- Сюй Чжаочан. Сянь Цинь шигуань дэ чжиду юй вэньхуа (Состав историографов доциньского времени и культура). Харбин, 2006.
- Тахо-Годи А. А. Античная гимнография. Жанр и стиль // Античные гимны. М., 1988.
- Ткаченко Г.А. Избранные труды: китайская космогония и антропология. М., 2008.
- Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.
- Ульянов М.Ю. Мифическая часть генеалогии правителей царства Чу (конец II — конец I тыс. до н.э.) // Ломоносовские чтения: Науч. конф., апрель 2002 г., Востоковедение. Тез. докл. М., 2002.
- Ульянов М.Ю. Текстологические аспекты исследования «Древнего текста “Бамбуковых анналов”» (*Гу бэнь Чжу шу цзи нянь*) // Ломоносовские чтения: Науч. конф., апрель 2006 г. Востоковедение: Тез. докл. М., 2006. Кн. 1.
- Ульянов М.Ю. «Бамбуковые анналы» (древний текст) и сведения о политической культуре Китая (VIII–III вв. до н.э.) // Ломоносовские чтения: Науч. конф. М., 2007. Кн. 1.
- Ульянов М.Ю. К вопросу о первых упоминаниях стран Юго-Восточной Азии в китайских источниках: сведения о «стране Хуанчжи» в контексте политической и идеологической борьбы начала I в. н.э. // Губеровские чтения. М., 2009. Вып. 1: Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность.
- Ульянов М.Ю. Первые упоминания Юго-Восточной Азии в китайских источниках: проблема Хуанчжи (текстологический аспект) // Губеровские чтения. М., 2011. Вып. 2: Межэтнические и межконфессиональные отношения в Юго-Восточной Азии: история и современность.
- Ульянов М.Ю. Текстологические аспекты изучения *Чуньцю Цзочжуань*: к проблеме выделения и характеристики структурно-жанровых групп // ОГК-XLI. 2011.
- Ульянов М.Ю. Кем создавались хроники в период Чуньцю (771–453 гг. до н.э.)? // Ломоносовские чтения. Востоковедение: Тез. докл. науч. конф. (Москва, 16 апреля 2012 г.). М., 2012.
- Ульянов М.Ю. «Историографы» *даши* при дворах государей ряда царств периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) по данным *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”») // Восток–Запад. Историко-литературный альманах, 2011–2012. М., 2013.
- Ульянов М.Ю. Об этапах историописания в Древнем Китае: периоды Чуньцю и Чжаньго (VIII–III вв. до н.э.) // Institutionis Conditore Илье

- Сергеевичу Смирнову. М., 2013. (Orientalia et Classica: Тр. Ин-та восточных культур и античности; Вып. 50).
- Ульянов М.Ю. Данные *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”») о ведении «анналов» в царствах Древнего Китая периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.) // В пути за китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева: Собр. тр. М., 2014.
- Ульянов М.Ю. О религиозных церемониях в период Чуньцю (771–453 гг. до н.э.): по данным *Чуньцю Цзочжуань* // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тез. докл. науч. конф. (Москва, 14 апреля 2014 г.). М., 2014.
- Ульянов М.Ю. Послесловие к статье «Находки бронзового века» // Восточная коллекция. Лето. М., 2014.
- Ульянов М.Ю. Структура и содержание повествований в *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”»): к характеристике исторической прозы в древнекитайской литературе // Проблемы литературы Дальнего Востока. Сб. мат-лов VI междунар. конф., 25 по 29 июня 2014 г. СПб., 2014. Т. 2.
- Ульянов М.Ю. Структура «комментирующего комплекса» *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к *Чуньцю*»): соотношение «исторического» и «каноноведческого» // Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы. СПб., 2014.
- Ульянов М.Ю. Старшие жрецы *чжу* при дворах правителей царств периода Чуньцю (771–453 гг. до н.э.): по данным *Чуньцю Цзочжуань* («Комментарий Цзо к “Веснам и осеням”») // Кнорозовские чтения. М., 2015 (в печати).
- Ульянов М.Ю., Халтурина П.В. Эпиграфический массив царства Цинь из Хоума (V в. до н.э.): общее описание в историко-археологическом контексте // ВЭ. 2014. Вып. 7.
- Флиер А.Я. Избранные работы по теории культуры. М., 2014.
- Халтурина П.В. Борьба за Великую Равнину в период Чжаньго: войны между царствами Вэй и Цинь // ОГК-XLI. 2011.
- Халтурина П.В. Основные этапы формирования земель царств Вэй, Хань, Чжао и их завоевания Цинь в период Чжаньго: опыт картографического исследования // ОГК-XLII. 2012. (Уч. зап. Отдела Китая; Вып. 6, т. 1).
- Целуйко М.С. Циньские эпиграфические памятники из Шуйхуди: Частная (служебно-личная) хроника господина Си «Бянь нянь цзи» (конец III в. до н.э.) // ВЭ. М., 2011. Вып. 5.
- Целуйко М.С. Особенности нелинейной структуры древнекитайских эпиграфических текстов из могилы в Шуйхуди // ВЭ. М., 2013. Вып. 7, ч. 1.
- Чэнь Мэнцзя. Шаншу тунлунь (Общее исследование *Шанци*). Пекин, 1985.
- Шэнь Цзыцзе. Шигуань цзай Цзочжуань чжун дэ чжэнчжи юй вэньхуа цзяосэ (Историографы в *Цзочжуань* — их роль в политике и культуре) // Фу да чжун янь со сюэкань. 2005. № 15.

- Allan S. What is a *shu* 書? // European Association for the Study of Chinese Manuscripts Newsletter. 2011. N 4.
- Blakeley B.B. «On the authenticity and nature of the *Zuo zhuan*» revisited // Early China. 2004. Vol. 29.
- Norman J. A Note on the Origin of the Chinese Duodenary Cycle // Linguistics of the Sino-Tibetan Area. Canberra, 1985.
- Pines Yu. Foundations of Confucian Thought: Intellectual Life in the Chunqiu Period, 722–453 B.C.E. Honolulu, 2002.
- Pulleyblank E. Ji 姬 and Jiang 姜: the role of exogamic clans in the organization of the Zhou polity // Early China. 2000. Vol. 25.
- Schaberg D. A Patterned Past: Form and Thought in Early Chinese Historiography. Cambridge (Mass.); L., 2001.
- Vogelsang K. Inscriptions and proclamations: on the authenticity of the “gao” chapters in the *Book of Documents* // Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities. 2002. Vol. 74.
- Wai-ye Li. The Readability of the Past in Early Chinese Historiography. Cambridge (Mass.); L., 2007.

Mark Yu. Ulyanov

ON THE PROCESS OF PRESERVATION
OF HISTORICAL MEMORY IN ANCIENT CHINA
OF CHUNQIU PERIOD (771–453 B.C.)

In the present article we tried, based on the analysis of information from written sources, to define a pattern of the process of “preservation of historical memory” in the East Asia historical region starting from early statehood of the mid-third millenium B.C. up to the rising of the empire of the Eastern Han in 25 A.D. Our attention was mainly focused on systematizing ideas on forms of preservation of memory of the past in the period of Chunqiu (771–453 B.C.), first of all on official historical records. We described the functions of annalists and of some representatives of priesthood involved in the process of writing annals.

We assumed that conditions for generating and further developing of certain cultural phenomena including the preservation of the memory of the past existed in certain *culture media*. During the period considered memory of the past could be preserved both in oral and written form. Oral texts were produced by all the social classes, and the major part of them were pieces of poetry belonging to various folklore genres. Whereas written works were created within two integrated culture media: temples and palaces. The same two culture media served for *preservation* and *representation* of those works.

The past was regarded as “sacred” and “real” history. The function of the conveying of “sacred history” was vested in priesthood, the recording of “real history” demanded special officials. They appeared within temple media, but during the period studied performed certain duties at court.

The official form of historical records was shaped by the establishing of the institution of annalists (*dashi*). In the previous period, the Western Zhou (1027–771 B.C.), *dashi* belonging to the higher class of priesthood at the capital were responsible for holding religious rituals within the ancestral veneration of ruling dynasty as well as other cults.

In the kingdoms of the Chunqiu period the ceremonies within the ancestral veneration cult were held by the rulers themselves, the task of holding other ceremonies was passed on to the senior priests *zhu*, and *dashi* operating within the ancestral veneration cult focused on keeping annals wherein they regularly recorded major deeds of supreme power holders as well as other outstanding events. At that, while enjoying their high status among priests they acquired high standing at court. Thus, keeping *annals*, the main form of preservation of historical memory, was closely connected with religious beliefs, viz. the veneration of ancestors of ruling dynasty, the main cult in the kingdom.

Key words: Ancient China, Chunqiu, forms of preservation of historical memory, history records, annals, chronicles, culture media

И.Е. Суриков

«В КРУГЕ ПЕРВОМ»: ПОЯВЛЕНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ
ПАМЯТНИКОВ ЕВРОПЕЙСКОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ
(ГРЕЦИЯ VI–V вв. до н.э.)

Для исторического сознания древних греков был характерен циклизм — представление о движении истории «по кругу», о «вечном возвращении». Разумеется, данное суждение не имеет абсолютного характера: с циклистским пониманием развития общества сочеталось и переплеталось линейное, выражавшееся в прогрессистских или (чаще) регрессистских концепциях. Собственно, историописание как таковое возникает в Элладе где-то на стыке циклистских и линейных воззрений.

Речь в статье идет об архаической ионийской историографической традиции, к которой следует отнести группу историков, которых в исследовательской литературе обычно называют «логографами», а также Геродота. Кстати, от обыкновения называть древнейших (догеродотовских) эллинских историков «логографами» пора отказаться ввиду неадекватности и беспочвенности этого обозначения.

Геродот и его предшественники принадлежат еще к «дориторической» историографии. А вот на того древнегреческого историка, который шел непосредственно за ним, — на Фукидида риторика, напротив, оказала уже колоссальное влияние.

Уже на самой заре древнегреческой историографии мы встречаем многообразие жанров и стилей. Перед нами — и достаточно сухие перечни (как правило, генеалогического характера), и рано возникающие развернутые нарративы (уже начиная с Гекатея), в том числе с экскурсами вполне новеллистического характера. Но все эти тексты несут явный отпечаток исследования, изыска.

История впервые у греков становится предметом осмысленной рефлексии. Историописание и возникает у них сразу как наука, как исследование, а не как тривиальное описание событий. И, безусловно, по той же самой причине эллинская историография, едва родившись, практически сразу достигает колоссальных высот. Само же развитие рефлексии у греков, о котором идет речь и которое обусловило возникновение исторической мысли (а также философской, научной, эстетической и т.д.), обусловливалось, в свою очередь, в числе прочих факторов, и политическим

развитием, появлением феномена полиса. Древнегреческие полисы — при своих небольших размерах — были политическими единицами по меркам Древнего мира беспрецедентно развитыми и сложными.

Ключевые слова: историописание, античность, архаическая и раннеклассическая Греция, полис, «логографы», Геродот, Фукидид

Как известно, для исторического сознания древних греков был характерен циклизм — представление о движении истории «по кругу», о пресловутом «вечном возвращении». Разумеется, данное суждение не имеет абсолютного характера: с циклистским пониманием развития общества сочеталось и переплеталось линейное, выражавшееся в прогрессистских или (чаще) регрессистских концепциях¹. В самой упрощенной форме можно сказать, что в целом история понималась как чередование циклов, но в рамках каждого цикла время для греков имело линейную направленность (чаще регрессивную, чем прогрессивную).

Собственно, историописание как таковое возникает в Элладе где-то на стыке циклистских и линейных воззрений². Циклизм чрезвычайно четко проявляется, например, у Полибия³. Его великие предшественники — Геродот и Фукидид — не высказывают аналогичных воззрений эксплицитно, тем не менее и у них эти воззрения присутствуют, что можно видеть из косвенных данных. Собственно, каков стимул, двигавший этими авторами при создании исторических трудов, почему считалось важным и необходимым сохранить в памяти потомков информацию о давно прошедших делах, иными словами, почему история воспринималась как *magistra vitae*? Именно потому, что в будущем события могли повториться; тогда-то и пригодилось бы сохраненное знание. Фукидид горделиво называет свое сочинение «достоянием навеки» (κτῆμα ἐς αἰεῖ), и делает это по той причине, что уверен: оно окажется полезным тому, «кто за-

¹ Подробнее, с аргументацией см.: Суриков И.Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 36 и сл., 458 и сл.

² Циклизм, вопреки распространенному мнению, отнюдь не исключает подлинного историзма. Это справедливо подмечается в работе: Строгоцкий В.М. Проблемы становления истории как науки в античности // Античный мир и археология. Саратов, 2006. Вып. 12. С. 351–362.

³ Ροῦβ. VI. 9. 10: «Таков круговорот государственного общежития, таков порядок природы, согласно коему формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются».

хочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-либо повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде)» (Thuc. I. 22. 4).

В сущности, любой автор, признающий дидактическую или вообще утилитарную цель изучения истории, должен иметь в своих исходных воззрениях какую-то толику циклизма. Ибо, если исторический процесс имеет чисто линейный характер, то никакое повторение ситуаций в будущем невозможно, а, стало быть, прошлый опыт не способен иметь никакого значения. С другой стороны, чистый, последовательно проведенный циклизм, как ни парадоксально, приводит к тем же выводам. Это лучше всего видно на примере стоиков. Их учение, стопроцентно циклистское, предполагало многократное — как в прошлом, так и в будущем — полное повторение истории вплоть до мельчайших деталей. Размеренный распорядок этого predeterminedного судьбой мирового круговорота человек изменить ни в чем не властен, несмотря на все свои усилия; остается ему подчиняться — *ducunt volentem fata, nolentem trahunt*. В подобных условиях применение прошлого опыта к будущему тоже оказывается бесполезным.

Что интересно, здесь мы наталкиваемся на один из многочисленных парадоксов исторической культуры античных греков. Само развитие историописания осуществлялось как бы по тому же пути циклизма. Каждый новый представитель этого жанра начинал, можно сказать, с нуля. Он не продолжал дело своих предшественников, а безапелляционно критиковал и даже попросту отрицал их достижения. Гекатей в высшей степени пренебрежительно отзывается о своих предшественниках — мифографах, а Геродот — о самом Гекатее и других так называемых «логографах» (о них подробнее см. ниже). Фукидид (I. 21. 1), в свою очередь, критикует Геродота, при этом, между прочим, не упоминая даже его имени, как будто бы «отца истории» вообще не было. В свою очередь, для Полибия как бы не существует ни Геродота, ни Фукидида⁴. Если же этот эллинистический историк и останавливается поподробнее на творчестве кого-либо из своих более ранних коллег (Феопомпа, Тимея), то лишь для того, чтобы подвергнуть их самым жестоким (и часто несправедливым) нападкам⁵. В результате подобного под-

⁴ И тот и другой упомянуты у Полибия по одному разу, причем мимоходом и без какой-либо оценки (Polyb. VIII. 13. 3; XII. 2. 1).

⁵ О критике Полибием Тимея и других предшественников см.: *Илюшечкин В.Н.* Эллинистические историки // *Эллинизм: восток и запад.* М., 1992. С. 280 и сл.

хода уровень исторической культуры с течением веков, в общем-то, не рос, а в лучшем случае оставался неизменным, нередко даже деградировал. Осмелимся утверждать, что уровня, заданного Геродотом и Фукидидом, не достиг никто из их последователей; иными словами, лучшие образцы древнегреческого историописания были созданы почти в самом начале его существования. Историография оказалась подвержена общему «закону круговращения»; как в калейдоскопе, сменяли друг друга более или менее причудливые наборы одних и тех же базовых элементов.

Фигура круга как бы зачаровывала эллинов, решительно воспринималась ими как особенно близкая к совершенству (а совершенство круга, как и любого другого предмета, виделось прежде всего в завершенности; не случайно греческий термин *τέλος* соединял в себе оба этих значения). Прибегнем и мы к этой метафоре круга, описывая самый первый «цикл» развития древнегреческой (а, стало быть, и европейской в целом) исторической науки. Речь идет об архаической ионийской историографической традиции, к которой следует отнести группу историков, которых в исследовательской литературе обычно называют «логографами», а также Геродота⁶. Мы рассмотрим ряд проблем, связанных с творчеством этих авторов, а затем на основе приведенного конкретного материала попытаемся дать ответ (применительно к античной Греции) на некоторые вопросы более общего характера.

* * *

Прежде всего нам хотелось бы акцентировать свое ответственное мнение, что традиция, о которой идет речь, представляет собой именно цикл, т.е. завершенный, замкнутый этап. У истоков его стоит фигура великого Гекатея⁷, а завершается он не менее великим

⁶ О принадлежности Геродота именно к этой архаической традиции (хотя хронологически его жизнь и деятельность приходятся уже на эпоху классики, и по этому формальному признаку его чаще относят к классической историографии) см.: *Суриков И.Е.* Очерки об историописании. С. 396 и сл.

⁷ О Гекатее, разумеется, написано немало. См., например: *Heidel W.A.* Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus, Book II. N.Y.; L., 1987; *West S.* Herodotus' Portrait of Hecataeus // *Journal of Hellenic Studies.* 1991. Vol. 111. P. 144–160; *Lendle O.* Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos. Darmstadt, 1992. S. 10 ff.; *Armayer O.K.* Herodotus, Hecataeus and The Persian Wars // *The World of Herodotus.* Nicosia, 2004. P. 321–335; *Braun T.* Hecataeus' Knowledge of the Western Mediterranean // *Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies*

Геродотом⁸. Да, Геродот — именно завершитель, а не зачинатель, несмотря на то, что его часто называют «отцом истории». Впрочем, последнее связано только с тем, что Геродот — первый историк, чей труд дошел до нас полностью. Если бы сочинения того же Гекатея сохранились целиком, а не фрагментарно, то отнюдь не исключено, что этот «почетный титул» достался бы именно ему.

Читатель может заметить, что мы здесь сближаем Геродота с так называемыми «логографами», хотя значительно чаще в литературе их противопоставляют, и так было уже в античности (например: Dion. Hal. De Thuc. 5). На самом деле оба подхода имеют право на существование, как будет видно из дальнейших наблюдений, но для нас сейчас важны именно черты сходства.

Но предварительно остановимся на вопросе о том, насколько правомерен сам термин «логографы» применительно к группе самых ранних греческих историков, предшественников и современников Геродота. Хотя этот термин постоянно употребляется исследователями отношению к ним⁹, но, всё же, как правило, с более или

in Honour of B. Shefton. Leiden; Boston, 2004. P. 287–347; Bertelli L. Hecataeus: From Genealogy to Historiography // The Historian's Craft in the Age of Herodotus. Oxford, 2007. P. 67–94. Естественно, что при таком большом количестве исследователей, занимавшихся Гекатеем, не существует единого мнения по вопросу о достоинствах его трудов. Оценка этих достоинств колеблется от исключительно высокой (У. Хейдель) до довольно скептической (С. Уэст).

⁸ Литература о Геродоте, разумеется, колоссальна, необозрима (вряд ли кто в мире может похвастаться, что знает ее совершенно исчерпывающим образом). Мы поэтому ограничимся указанием на некоторые монографические исследования, вышедшие уже в нынешнем столетии: Bichler R., Rollinger R. Herodot. Hildesheim, 2000; Thomas R. Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion. Cambridge, 2000; Munson R.V. Telling Wonders: Ethnographic and Political Discourse in the Work of Herodotus. Ann Arbor, 2001; Bichler R. Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte. 2. Aufl. В., 2001; Mikalson J.D. Herodotus and Religion in the Persian Wars. Chapel Hill; L., 2003; Scott L. Historical Commentary on Herodotus Book 6. Leiden; Boston, 2005; Asheri D., Lloyd A., Corcella A. A Commentary on Herodotus Books I–IV. Oxford, 2007; Bakker M. de. Speech and Authority in Herodotus' Histories: Diss. Amsterdam, 2007; Baragwanath E. Motivation and Narrative in Herodotus. Oxford, 2008.

⁹ Особенно в отечественном антиковедении. Последний по времени пример: *Спрогезцкий В.М.* Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Н. Новгород, 2010. Ч. 1: Геродот. С. 91 и сл. Из более ранних работ, в которых наблюдаем подобное же словоупотребление, см., например: *Фролов Э.Д.* Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 93 и сл.; *Кузнецова Т.И., Миллер Т.А.* Античная эпическая историография: Геродот. Тит Ливий. М., 1984. С. 37.

менее серьезными оговорками¹⁰. И не случайно, поскольку, как мы показываем в другом месте¹¹, в античности термин *λογογράφος*, вопреки распространенному мнению, не означал: «ранний историк». Дионисий Галикарнасский, посвящаящий догеродотовским представителям историописания наиболее пространный пассаж (ниже он будет процитирован), нигде не называет их логографами. Нередко считают, что Фукидид (I. 21. 1), упоминая неких *λογογράφοι*, имеет в виду именно догеродотовских историков, но в действительности анализ содержания данного места показывает, что в нем ведется полемика не с кем иным, как с самим Геродотом (а вовсе не с Гекатеем или Геллаником).

Логографами же греки называли либо (если лексема употреблялась в широком смысле) писателей-прозаиков, в противоположность поэтам, либо (если она употреблялась в узком смысле) конкретный тип писателей, а именно — тех, кто составлял судебные речи для клиентов за деньги. Ввиду отсутствия института адвокатуры как такового в древнегреческом судебном процессе ремесло логографа (в последнем его значении), что называется, «пришлось ко двору» в классических Афинах. Но возникло оно лишь ближе к концу V в. до н.э.; известен его основатель — философ и ритор Антифон¹².

Одним словом, всё говорит за то, что от обыкновения называть древнейших эллинских историков «логографами»¹³ пора бы отказываться ввиду неадекватности и, в общем-то, беспочвенности этого обозначения. Однако не думаем, что это когда-либо произойдет. Во-первых, бремя традиции чаще всего одерживает верх над доводами разума. Во-вторых, отбрасывая общепринятый термин для

¹⁰ Например: *Lendle O. Einführung*. S. 10; *Corcella A. The New Genre and its Boundaries: Poets and Logographers // Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 2006. P. 33–56.

¹¹ *Суриков И.Е. ЛОГОГРАΦΟΙ в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. № 2. С. 25–37.*

¹² См. о нем прежде всего: *Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin, 2002 (фундаментальное исследование, охватывающее практически все аспекты деятельности Антифона, в том числе и как первого логографа).

¹³ Насколько удастся установить, это обыкновение пошло с немецкого ученого Ф. Крейцера, который в первой половине XIX в. выступил основоположником изучения древнегреческой историографии. Он выдвинул следующую схему зарождения исторической мысли в Греции: гомеровский эпос — киклические поэмы — «логографы» — Геродот. О Крейцере и значении его труда см.: *Momigliano A. Studies in Historiography*. N.Y., 1966. P. 75–90.

реально существовавшего явления, крайне желательно предложить альтернативный. А вот с этим возникают трудности. Ничего более удачного пока не было предложено и, возможно, в обозримом будущем не будет предложено. Ведь нельзя же на место четкого, краткого термина ставить какие-нибудь описательные обозначения, вроде «представители архаической ионийской историографической традиции», что по существу почти верно (если на мгновение забыть о Геродоте), но чрезмерно громоздко, или «первые греческие историки» (что не столь громоздко, но слишком расплывчато).

Мы обсуждали этот терминологический вопрос и с коллегами, но ни к чему лучшему, нежели как писать «так называемые “логографы”», так и не пришли. В любом случае, подчеркнем, что имеется в виду совершенно конкретная группа историков, которых Дионисий Галикарнасский (*De Thuc.* 5) характеризует так:

Древних историков много, и они были во многих местах до Пелопоннесской войны. К числу их относятся Эвгеон Самосский, Деиох Проконнесский, Эвдем Паросский, Демокл Фигелейский, Гекатей Милетский, Акусилай Аргосский, Харон Лампсакский, Мелесагор Халкедонский, а те, которые немного моложе, т.е. жили незадолго до Пелопоннесской войны и прожили до времени Фукидида, — это Гелланик Лесбосский, Дамаст Сигейский, Ксеномед Хиосский, Ксанф Лидийский и многие другие. В выборе темы они руководствовались почти одинаковой точкой зрения и способностями немного отличались друг от друга. Одни писали эллинские истории, другие — варварские, причем и эти истории они не соединяли одну с другою, но разделяли их по народам и городам и излагали одну отдельно от другой, преследуя одну и ту же цель — обнародовать во всеобщее сведение предания, сохранившиеся у местных жителей среди разных народов и городов, и письменные документы, хранившиеся как в храмах, так и в светских местах, — обнародовать эти памятники в том виде, в каком они их получили, ничего не прибавляя и не убавляя. Среди этого были и некоторые мифы, которым верили с древнего времени, и некоторые интересные, необычайные события, которые нашим современникам представляются невероятными. Способ выражения употребляли они по большей части одинаковый — все те, которые писали на одном и том же наречии: ясный, обычный, чистый, краткий, соответствующий описываемым событиям, не представляющий никакой художественности. Однако произведениям их присуща какая-то красота и прелесть, в одних в большей степени, в других в меньшей, благодаря которой их сочинения еще остаются до сего времени (*перевод С.И. Соболевского*).

При всех громадных достоинствах этого свидетельства¹⁴, никак нельзя признать его совершенно удовлетворительным. Во-первых, не все ранние историки фигурируют в списке Дионисия. К нему с полным основанием можно было бы присоединить еще, например, Ферекида Афинского¹⁵, Дионисия Милетского¹⁶ и, между прочим, Скилака Кариандского (последний был в первую очередь географом, но во времена, о которых идет речь, история и география еще строго не разграничивались; у Гекатея, Геродота и др. также содержатся обильные географические сведения).

Во-вторых, даже о тех, кто у Дионисия упомянут, сказано досадно мало. Впрочем, скорее всего, галикарнасский ритор и не мог сказать больше: сведения о большинстве первых греческих историков уже в античности были крайне скудными. Не случайно даже имена некоторых из них упоминаются в источниках в разных вариантах, и мы не знаем, какой из них правильный, а какой — искаженный. То ли Эвгеон, то ли Эвагон; то ли Мелесагор, то ли Амелесагор; то ли Ксеномед Хиосский, то ли Ксеномед Кеосский; то ли Деиох Проконнеский, то ли Деиох Кизикский... Нет уверенности и в том, что у Дионисия во всех случаях эти имена переданы вполне корректно. Впрочем, наиболее известных — Гекатея, Акусилая, Харона, Гелланика, Ксанфа — сомнения все-таки не касаются.

В-третьих, Дионисий Галикарнасский явно стремится противопоставить перечисленных им здесь историков Геродоту, о котором он начинает говорить непосредственно в далее следующих строках:

Но Геродот Галикарнасский, который родился незадолго перед Персидскими войнами и прожил до Пелопоннесской войны, расширил тему и сделал ее более блистательной. Он решил описать историю не одного города или единственного народа, но собрать вместе мнения о многих различных событиях, которые произошли в Европе и Азии, и объединить их в одной всеобъемлющей работе. Он описал историю, начиная с Лидийского царства и до Персидской войны, включив в одно повествование все важные события, которые прои-

¹⁴ О нем см.: *Toyl D.L.* Dionysius of Halicarnassus on the First Greek Historians // *American Journal of Philology*. 1995. Vol. 116, N 2. P. 279–302.

¹⁵ Ферекид — самый ранний афинский историк (*Jacoby F.* *Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung*. Leiden, 1956. S. 116 ff.), писавший во времена Кимона. Он был старшим современником Геродота и, как порой считается, оказал на него очень сильное влияние (*Ruschenbusch E.* *Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen* // *Klio*. 2002. Bd. 82. S. 335–343).

¹⁶ В связи с его трудом по персидской истории см.: *Balcer J.M.* *Herodotus & Bisitun*. Stuttgart, 1987. P. 25.

зошли в Греции и в варварском мире на протяжении 220 лет; более того он прибавил к своему стилю все достоинства, которыми пренебрегли прежние историки (*перевод В.М. Строецкого*).

Чтобы сделать ярче контраст между Геродотом и его предшественниками, Дионисию приходится идти на ряд натяжек и высказывать чрезмерно категоричные суждения. Так, в его суждении противопоставляется тематическая узость сочинений ранних историков тематической широте труда Геродота. Последняя — действительно налицо, а вот так ли уж узка была тематика у так называемых «логографов»?

Самый знаменитый из них — Гекатей — известен прежде всего благодаря двум своим произведениям. Главное из них называлось, скорее всего, «Генеалогии», и рассматривавшиеся в нем легендарные родословные героев относились отнюдь не к какому-нибудь одному полису или региону, а ко всему греческому миру и даже к странам за его пределами. Второе его произведение — «Описание земли» — имело в большей степени географический характер, но, опять-таки, описывалась вся известная на тот момент ойкумена.

Важнейшее сочинение Харона Лампсакского — «Летописи лампсакцев» («Ὅροι Λαμψακηνῶν») ¹⁷. Из заголовка можно вроде бы сделать вывод, что эта была типичная городская хроника, не выходящая по содержанию за рамки родины автора, вклад которого к тому же минимален, как бывает в подобных случаях; фактически он — просто издатель. И однако же это первое впечатление будет ошибочным. Во-первых, точно известно, что Харон упоминал и события, не имевшие прямого отношения к Лампсаку (например: FGrHist. 262. F1, F6). Во-вторых, «Летописи», несомненно, были не сухим перечнем фактов; в них встречались яркие, запоминающиеся зарисовки (одна из таковых будет процитирована ниже). В-третьих, вообще говоря, ранней греческой историографии жанр хроники, как мы его понимаем, был чужд ¹⁸.

И в любом случае у Харона были ведь и другие исторические работы, такие как «Основания городов» (тут уже само назва-

¹⁷ Упоминаемый в «Суде» (s.v. Charon) труд «О Лампсаке», по всей вероятности, тождествен только что названному.

¹⁸ См. важные выкладки в итоговой (посмертно изданной) работе одного из крупнейших специалистов по античным историкам: *Momigliano A. The Classical Foundations of Modern Historiography*. Berkeley, 1990. P. 16: в Греции хроники сыграли весьма скромную роль (если вообще сыграли хоть какую-то) в становлении историографии; сочинения о целых народах и больших войнах предшествовали

ние, указывающее на греческую колонизацию, свидетельствует, что автором привлекался материал из разных регионов), а также «Персидские дела». Относительно последней следует дать чуть более подробный комментарий. Как в свое время совершенно справедливо и неоднократно подчеркивал Арнальдо Момильяно¹⁹, с VI в. до н.э. эллинская цивилизация в целом и греческое историческое описание в частности складывались и эволюционировали на периферии персидского культурного мира. Хотя в политическом плане греки боролись за свою независимость от Персии и отстаивали ее, но в плане культуры, ментальности ясно, что грандиозная держава Востока, на фоне которой греческие полисы выглядели просто ничтожными, выступала для них в качестве властно притягивающего центра, воплощенного в фигуре «Великого царя», ὁ μέγας βασιλεύς. В подобных условиях писать труд по персидской истории означало практически то же самое, что заниматься мировой историей.

Интересно в связи с этим, что сочинения, озаглавленные «Персидские дела», писались и рядом других историков, входящих в группу, которая нас сейчас интересует²⁰. Так, у Дионисия Милетского было произведение с тем же названием, которое имело подзаголовок «События после Дария». В перечне трудов Гелланика — одного из самых плодovitых представителей этой генерации — также встречаются «Персидские дела», а, кроме того, «Основания народов и городов» (ср. с вышеупомянутыми «Основаниями городов» Харона). Одним словом, мнение Дионисия Галикарнасского, согласно которому предшественники и современники Геродота свои «истории... не соединяли одну с другою, но разделяли их по народам и городам», оказывается, по меньшей мере, не вполне соответствующим действительности.

Аналогично получается и со стилем изложения. Если верить тому, что пишет Дионисий, можно подумать, что, в отличие от пышного,

локальной истории, а не наоборот. Как видим, ответственное суждение Момильяно в корне расходится с тем, что говорит Дионисий Галикарнасский. В связи с ориентированностью классической греческой историографии не на хронику, а на исследование см. также: Суриков И.Е. Очерки об историописании. С. 11 и сл.

¹⁹ Momigliano A. Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxford, 1977. P. 25–35; *Idem*. The Classical Foundations. P. 5–28.

²⁰ Balcer J.M. Herodotus. P. 24–25 (с указанием на возможное влияние этих трудов на Геродота).

местами напоминающего эпос повествования Геродота²¹, труды так называемых «логографов» были в стилистическом отношении абсолютно непритязательны. «Никакой художественности» — весьма суровый вердикт в устах такого утонченного стилиста и эстета, каким был ритор, филолог и историк Дионисий Галикарнасский.

Но опять-таки: вся ли правда перед нами? И следует ли слепо верить сказанному? Приведем взятый почти наугад фрагмент из Харона Лампсакского, достаточно типичного представителя когорты ранних греческих историков (FGrHist. 262. F1):

Бисалты²² пошли походом на Кардию и одержали победу. А вождем бисалтов был Нарис. Он ребенком был продан в Кардию и, находясь в рабстве у некоего кардийца, стал цирюльником. Кардийцам же было вещание, что придут на них бисалты, и они часто об этом говорили, сидя в цирюльне. А Нарис, убежавши из Кардии на родину, повел бисалтов на Кардию: они назначили его своим вождем. А все кардийцы научили своих коней плясать на пирушках под звуки флейт; и те, встав на задние ноги, а передними как бы жестикулируя, танцевали, наизусть зная мелодии. Нарис, знавший об этом, приобрел флейтистку из Кардии. Прибыв к бисалтам, она обучила многих, так что они тоже стали флейтистами. Их-то взяв с собой, Нарис и отправляется походом на Кардию. И, когда началась битва, он приказал играть на флейтах те мелодии, которые знали наизусть кони кардийцев. Когда кони услышали звуки флейт, они встали на задние ноги и принялись за пляску. А сила кардийцев заключалась как раз в коннице; так-то они и были побеждены (*перевод наш. — И.С.*).

Читая подобное, впору усомниться: да, право же, не Геродот ли перед нами? И действительно, этот незамысловатый, но очень живой и занимательный рассказ о военной хитрости удивительно напоминает некоторые пассажи «отца истории»²³. Причем он, раз-

²¹ Об эпических чертах в «Истории» Геродота см., например: Кузнецова Т.И., Миллер Т.А. Античная эпическая историография. С. 6–79; Boedeker D. Epic Heritage and Mythical Patterns in Herodotus // Brill's Companion to Herodotus. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 97–116

²² Фракийское племя. Греческая колония Кардия располагалась на полуострове Херсонес Фракийский, в непосредственном соседстве от Фракии.

²³ Имеем в виду, разумеется, его «новеллистические» пассажи, о которых наиболее подробно см. в классическом труде: Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. Ср. хотя бы вот такой, тоже, кстати, связанный с «конской» тематикой (Herod. I. 80): «Тут Кир, увидев, что лидийцы стоят в боевом порядке, готовые к бою, в страхе перед их конницей по совету мидянина Гарпага поступил вот так: всех выючных и нагруженных продовольствием верблюдов, следовавших

умеется, далеко не единственный²⁴. Перед нами лишнее свидетельство того, что распространенное в исследовательской литературе противопоставление Геродота так называемым «логографам» в значительной мере условно. Или, во всяком случае, различие между ними имеет только количественный, а не качественный характер.

Конечно, бросается в глаза, что стиль Гекатея, Харона и их современников ни в коей мере не был риторически отточенным; в этом смысле его можно назвать в известной степени наивным²⁵.

за войском, Кир велел согнать, разгрузить и посадить на них воинов в одежде всадников. Затем он поставил верблюдов впереди войска против конницы Креза, пехоте же приказал следовать за верблюдами, а позади пехотинцев расположил всё остальное войско. После того как все заняли свои места, Кир отдал приказ умерщвлять без пощады всех попадавшихся лидийцев, только самого Креза не убивать, даже если тот будет защищаться при захвате в плен. Таково было приказание Кира, а верблюдов он велел поставить против неприятельской конницы потому, что кони боятся верблюдов и не выносят их вида и запаха. Эта хитрость была придумана для того, чтобы сделать бесполезной именно ту самую конницу, которой лидийский царь считывал блеснуть. Битва началась, и лишь только кони почували верблюдов и увидели их, то повернули назад, и надежды Креза рухнули» (пер. Г.А. Стратановского).

²⁴ У того же Харона ср., например: FGrHist. 262. F7. У Гекатея: FGrHist. 1 F30, F127. У Ксанфа: fr. 12 Müller. О том, что у Ксанфа и Геродота больше сходных черт, чем отличительных, что они принадлежат к одному ментальному койне, см.: *Mehl A. Herodotus and Xanthus of Sardis Compared // The World of Herodotus. Nicosia, 2004. P. 337–348.*

²⁵ Занятно, например, что они часто употребляют настоящее время в рассказе о прошедших событиях; очевидно, прошлое было для них неотрывным от настоящего, продолжало жить в настоящем, воспринималось «сквозь призму настоящего» (*Суриков И.Е. Очерки об историописании. С. 43 и сл.*). К оценке подобного же феномена применительно к средневековой эпохе см.: *Бобкова М.С. «Мы сами — время»: прошлое и настоящее в историческом сознании эпохи Средневековья // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 133 и сл.: «На протяжении почти всего Средневековья история строилась на непрерывности, преемственности... Прошлое продолжало присутствовать, жить в настоящем, и поэтому важно было его выявить: история естественным образом освещала настоящее... Для современных историков изучение истории строится на обостренном осознании радикального разрыва между миром прошлого и научной реконструкцией». Налицо контраст между установками «рефлексивного традиционализма» (о котором см.: *Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 101–114, 146–157*) и современными дисциплинарными нормами, порожденными антитрадиционалистской тенденцией. Дабы не высказываться голословно, приведем несколько примеров регулярного употребления раннегреческими историками настоящего времени в рассказе о прошлом. Ферекид (FGrHist.3. F2): «Филей же, сын Аякса, живет в Афинах; от него же происходит Даикл...» и т.д. Акусилай (FGrHist. 2. F22): «С Кеной, дочерью Элата, совокупляется Посейдон. Затем — ибо не подобало ей рожать детей ни от него самого, ни от кого-либо другого — Посейдон превращает ее в неуязвимого мужа, наделенного самой великой силой из всех тогдашних людей...» и т.д.*

Но ведь во многом наивен в этом плане и стиль Геродота. Последний точно так же, как и его предшественники, принадлежит еще к «дориторической» историографии²⁶. А вот на того древнегреческого историка, который шел непосредственно за ним, — на Фукидида — риторика, напротив, оказала уже колоссальное влияние. Фукидид изучал ораторское искусство в школе известного ритора Антифонта и, хотя профессиональным мастером красноречия он не стал (ввиду изгнания из Афин жизнь его сложилась иначе), полученные навыки пронизали собой всё его творчество²⁷, предопределили свойственный ему напряженно-сентенциозный стиль, столь отличный от простоты его предшественников (и потому Фукидид столь труден для перевода с древнегреческого языка на любой другой). Ну а в следующем, IV в. до н.э. риторическая историография расцветает в Афинах уже пышным цветом²⁸.

* * *

Афины, Афины — этот полис всё чаще начинает упоминаться в нашем изложении, что, разумеется, ни в коей мере не случайно. Когда архаическая ионийская историографическая традиция (представленная, напомним, так называемыми «логографами» и Геродотом) завершается (и в дальнейшем уже не имеет последователей), —

²⁶ Вопреки нередко высказывавшемуся мнению о влиянии риторики на Геродота (см., например: *Gray V. Herodotus and the Rhetoric of Otherness // American Journal of Philology. 1995. Vol. 116, N 2. P. 185–211*).

²⁷ Достаточно вспомнить хотя бы о многочисленных речах действующих лиц, встречающихся в «Истории» Фукидида. Об этом феномене писали много (см., например: *Greenwood E. Making Words Count: Freedom of Speech and Narrative in Thucydides // Free Speech in Classical Antiquity. Leiden; Boston, 2004. P. 175–195; Morrison J.V. Interaction of Speech and Narrative in Thucydides // Brill's Companion to Thucydides. Leiden, 2006. P. 251–277; Moles J. Narrative and Speech Problems in Thucydides Book I // Ancient Historiography and its Contexts: Studies in Honour of A.J. Woodman. Oxford, 2010. P. 15–39*), и он, наверное, никогда не перестанет привлекать к себе внимание исследователей. Разумеется, и у Геродота персонажи нередко произносят речи (*Pelling C. Speech and Narrative in the Histories // The Cambridge Companion to Herodotus. Cambridge, 2006. P. 103–121; Bakker M. de. Speech and Authority*); о произведениях так называемых «логографов» этого нельзя сказать с той же уверенностью. Но даже геродотовские речи разительно отличаются от фукидидовских минимальной степенью риторической обработки. См. также исследование общего характера: *Marincola J. Speeches in Classical Historiography // A Companion to Greek and Roman Historiography. Oxford, 2007. Vol. 1. P. 118–132*.

²⁸ *Махлаюк А.В., Суриков И.Е. Античная историческая мысль и историография. М., 2008. С. 98 и сл.*

с Фукидидом на смену приходит иная — классическая аттическая, принципиально отличающаяся по своему характеру.

Геродота и Фукидида постоянно сравнивают²⁹, и сопоставление не обнаруживает практически ничего общего, несмотря на то, что двух «служителей Клио» разделяло лишь одно поколение и они были лично знакомы. Их труды отражают два разных типа исторического сознания, две противостоящие друг другу методологические установки, которые можно охарактеризовать как «диалогичную» (у Геродота) и «монологичную» (у Фукидида).

Весьма важно для нас, что для Геродота, его предшественников и современников была характерна бóльшая тематическая широта³⁰. Для них вполне законными предметами исторического исследования еще являются темы, связанные с этнографией, географией, культурой, менталитетом и т.п. Это придает целостность, многосторонность картине социума и цивилизации. Уже начиная с Фукидида ситуация резко изменяется. Именно этот последний, как справедливо отмечалось³¹, определил ключевую проблематику всей последующей историографии, не только античной, но и европейской вплоть до XX века. Военная, политическая, дипломатическая, одним словом, событийная история — вот что прежде всего интересовало Фукидида и тех, кто шел по его стопам (а таких всегда было подавляющее большинство)³². Остальные аспекты жизни общества, как правило, оставались «за бортом» исторической науки, что означало, без сомнения, сужение ее предметного поля.

²⁹ См. хотя бы: *Sealey R.* Thucydides, Herodotos, and the Causes of War // *Classical Quarterly*. 1957. Vol. 7, N 1/2. P. 1–12; *Hunter V.* Past and Process in Herodotus and Thucydides. Princeton, 1982; *Rogkoti Z.* Thucydides and Herodotus: Aspects of their Intertextual Relationship // *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 2006. P. 57–86; *Bringmann K.* Herodot und Thukydides: Geschichte und Geschichtsschreibung im 5. Jahrhundert v.Chr. // *Historie und Leben: Der Historiker als Wissenschaftler und Zeitgenosse. Festschrift für L. Gall zum 70. Geburtstag*. München, 2006. S. 3–14; *Węcowski M.* Friends or Foes? Herodotus in Thucydides' Preface // *The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres*. Newcastle upon Tyne, 2008. P. 34–57. Проводили такое сравнение и мы, см.: *Суриков И.Е.* Очерки об историописании. С. 60 и сл., 149 и сл. Поэтому здесь мы лишь весьма кратко скажем об этой проблеме, а интересующихся деталями отошлем к указанным местам нашей книги.

³⁰ *Bichler R.* Herodotus' Ethnography. Examples and Principles // *The World of Herodotus*. Nicosia, 2004. P. 92 ff.

³¹ *Hart J.* Herodotus and Greek History. L., 1982. P. 179.

³² *Momigliano A.* Essays. P. 142.

Тем самым Геродот неожиданно оказался гораздо ближе историкам современной нам эпохи. Те самые «структуры повседневности», которые занимали столь важное место в труде «отца истории», а начиная с Фукидида совершенно игнорировались, в результате разработок прежде всего представителей школы «Анналов» вновь нашли себе полноправное и даже приоритетное место в кругу интересов исторической науки.

Фукидид буквально всё изменил в истории историописания — даже язык. Представители архаической ионийской историографической традиции и писали на ионийском диалекте. Даже те из них, для кого он родным не являлся. Так, для афинянина Ферекида родным был аттический диалект, для митиленинина Гелланика — эолийский, для аргосца Акусилая — дорийский, для галикарнасца Геродота — также дорийский³³. То, что свои мысли они доносили для читателей все-таки по-ионийски, объясняется в первую очередь тем, что ионийский диалект был в принципе первым, на котором сложилась древнегреческая проза³⁴. На том же диалекте писали и основоположники эллинской (и мировой) философии, начиная с Анаксимандра (что не удивительно, поскольку все они и этнически были ионийцами), а также мифографы и генеалоги того времени, такие как Ферекид Сиросский (не путать с упоминавшимся выше Ферекидом Афинским³⁵). А Фукидид, следуя примеру своего учителя Антифонта (который, похоже, едва ли не первым сделал аттический диалект языком письменной прозы), написал свой труд именно по-аттически.

³³ Впрочем, с Геродотом всё несколько сложнее. Предлагалось два основных решения вопроса о том, почему великий галикарнаец написал свою историю по-ионийски. С одной стороны, высказывалась мысль, что Геродот, родным диалектом которого был дорийский, «рано приобщился к передовой ионийской культуре» (Фролов Э.Д. Факел Прометея. С. 104) и писал свой исторический труд на ионийском диалекте потому, что такова была сложившаяся к его времени традиция, установленная так называемыми «логографами». С другой стороны, есть и мнение, согласно которому Галикарнас ко времени Геродота стал уже фактически ионийским городом (Cook J.M. The Greeks in Ionia and the East. L., 1962. P. 30); соответственно, родным для «отца истории» являлся именно ионийский диалект. Однозначный выбор между этими двумя альтернативными объяснениями вряд ли возможен.

³⁴ Об общем историко-культурном значении возникновения прозы в Греции в VI в. до н.э. см.: Шичалин Ю.А. Ἐπιστροφή, или Феномен «возвращения» в первой европейской культуре. М., 1994. С. 37 и сл.

³⁵ К вопросу о носителях имени Ферекид см.: Перевалов С.М. Древнейшее упоминание имени «Кавказ» в античной литературе // Gaudeamus igitur: Сб. ст. к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 310–317.

Не скажем, конечно, что две традиции раннего греческого историописания, о которых здесь идет речь, — архаическая ионийская и классическая аттическая — совсем уж коренным образом отличались друг от друга. Так, для обеих был характерен подход, в рамках которого история понималась не как сухое, чисто описательное изложение фактов, а обязательно как *исследование*. В другом месте нам доводилось писать, что в отличие от хрониста (древневосточного или какого-либо иного), который просто описывает, древнегреческий историк *ищет*³⁶. И это можно сказать, подчеркнем, о любом из представителей историографии лучшей поры Эллады, будь то Гекатей или Гелланик, Геродот или Фукидид.

Итак, говоря о первых греческих историках, не приходится сомневаться, перед нами именно некая единая традиция. Между прочим, весьма интересен в связи с ней еще и такой сюжет: как соотносилась она с современной ей исторической поэзией? В частности, в то же самое время, когда работали так называемые логографы, продолжал еще создавать свои стихотворные произведения великий Симонид. Среди его поэм — «Царствование Камбиса и Дария», «Навмахия Ксеркса» (тут речь идет о морском сражении при Артемисии 480 г. до н.э.), «Навмахия при Саламине»³⁷.

Имя Симонида (который был, помимо своих остальных заслуг, еще и изобретателем мнемотехники) до последнего времени достаточно редко фигурировало в исследовательской литературе в связи с генезисом античной историографии. Однако относительно недавно (в 1992 г.) были опубликованы папирусные фрагменты его произведений, которые произвели просто ошеломляющее впечатление. Речь идет в первую очередь об отрывках из поэмы о Платейской битве 479 г. до н.э. (к сожалению, оригинальное название не сохранилось). Чтобы стало яснее всё значение этого памятника, приведем самый крупный отрывок (правда, не весь, а частично). В начале этого отрывка речь идет о делах мифологических, о событиях Троянской войны: упоминаются гибель Ахилла, взятие Илиона, воздается честь Гомеру, благодаря которому эти деяния стали достоянием потомков. А затем автор внезапно переходит к Греко-персидским войнам и описывает выступление к Платеям спартан-

³⁶ Суриков И.Е. Очерки об историописании. С. 13.

³⁷ Balcer J.M. Herodotus. P. 25.

ского войска во главе с командующим — регентом Павсанием. Данную часть фрагмента мы и процитируем³⁸:

...Многоименная Муза³⁹, тебя призываю на помощь,
Если любезна тебе смертного мужа мольба.
Лад заведи сладкозвучный, чарующий, песни ты нашей,
Чтоб вспоминали всегда подвиг отважных мужей,
Ибо от Спарты родной, от Эллады ярмо отвратили
Горького рабского дня — больше он нам не грозит.
Да не забудется слава, что гордо подьмется к небу,
Доблесть могучих мужей смерти навек избежит!
Вот уж, покинув течение Еврота и пажити Спарты,
В спутники взяли себе Зевса красавцев сынов,
Дерзко коней укрощавших, и мощного духом Атрида,
Отчего града вожди, лучшие в бранных делах⁴⁰.
Вел же их сын благородный божественного Клеомброта⁴¹;
...имя Павсаний ему.
Скоро достигли на Истме земли достославной Коринфа,
Края, в котором царил Тантала отпрыск — Пелоп.
Вот миновали Мегары, город древнего Ниса,
Там и другие сошлись, кто проживает окрест.
В знаменья божьи уверовав, вместе они поспешили
В землю, любезную всем, милый сердцам Элевсин...

Таким образом, здесь повествуется о том, как спартанцы — поэт награждает их пышнейшими эпитетами — начинают поход, как они продвигаются от города к городу. Причем продвижение это происходит в весьма насыщенном «сакральном ландшафте»⁴², постоянно

³⁸ В переводе В.Н. Ярхо по изданию: *Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э.* Эпос, элегия, ямбы, мелика / Изд. подгот. М.Л. Гаспаров, О.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо. М., 1999. С. 282–283. Следует отметить, что на сей раз у нас весьма оперативно перевели недавно ставший известным ценный памятник.

³⁹ Прием чисто поэтический; историки как таковые к музам в своих трудах не обращались (хоть у них и была собственная муза — Клио).

⁴⁰ Речь идет о том, что перед началом войн спартанцы заручались благосклонностью мифологических героев, почитавшихся в их городе: Диоскуров Кастора и Полидевка, а также Менелая (Атрида).

⁴¹ Далее — лакуна размером в половину следующей строки.

⁴² В связи с понятием «сакрального ландшафта» применительно к античной Греции см., например: *Cole S.G. Landscapes of Dionysos and Elysian Fields // Greek Mysteries: The Archaeology and Ritual of Ancient Greek Secret Cults.* L.; N.Y., 2003. P. 193–217; *Idem. Landscapes, Gender, and Ritual Space: The Ancient Greek Experience.* Berkeley, 2004; *Foxhall L. Environments and Landscapes of Greek Culture // A Companion to the Classical Greek World.* Oxford, 2006. P. 245–280; *Cohen A. Mythic*

упоминаются чтимые герои. Аналогичная черта, кстати, впоследствии прослеживается и у Геродота (но уже у Фукидида — ни в малейшей мере).

Одним словом, перед нами уникальный памятник протоисторической мысли. Он находится на грани между поэзией и собственно историческим повествованием. Симонид решает задачу в эпическом духе рассказать не о сюжетах из мифологии, как делалось раньше, а о событиях недавних, современником и свидетелем которых он сам был. Он выступает фактически как непосредственный предшественник Геродота, тем более что речь у славного стихотворца и у «отца истории» идет ровно об одном и том же: Геродот ведь также описывает спартанский подход и сражение при Платеях.

Есть, однако, между Симонидом и Геродотом и существенные расхождения. Они лежат не только в стилистической плоскости (ясно, что историк, писавший прозой, избегал чрезмерных словесных красот, а поэт, напротив, сознательно их нагнетал), но и в сфере содержательной. Неодинаково изображены некоторые конкретные события. Характерный пример — оценка роли коринфян в битве, на что уже обращалось внимание⁴³. У Симонида (в одном из малых фрагментов из той же поэмы) говорится:

Те, что в середине стоят, из обильной ручьями Эфиры⁴⁴,
Знают, как доблесть добыть в схватке суровой с врагом, —
Люди, что родину Главка, город Коринф населяют.

Совсем другая картина — у Геродота (IX. 69): по его мнению, в битве при Платеях коринфский отряд, наряду с контингентами из многих других греческих городов, не принял, в сущности, никакого участия. Сражение было выиграно исключительно благо-

Landscapes of Greece // The Cambridge Companion to Greek Mythology. Cambridge, 2007. P. 305–330; Mehl A. Veränderte und gestaltete Landschaft im antiken Götter- und Totenkult // Die Landschaft und die Religion. Stuttgart, 2009. S. 155–174; Суриков И.Е. Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса // ВЕДС-ХVIII: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. М., 2006. С. 181–186. Кроме того, основополагающей остается известная работа более общего характера: Polignac F. de. Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago, 1995.

⁴³ Boedeker D. Heroic Historiography: Simonides and Herodotus on Plataea // The New Simonides: Contexts of Praise and Desire. Oxford, 2001. P. 120–134; Суриков И.Е. Историк в изменяющемся мире: эволюция образа Коринфа в труде Геродота // ВДИ. 2009. № 1. С. 29–53.

⁴⁴ Древнее название Коринфа, часто употреблявшееся в поэзии.

даря действиям спартанцев, афинян и тегейцев, а все остальные «стояли у святилища Геры и не участвовали в битве». Затем до них дошла весть о победе Павсания, и «тогда эллины в полном беспорядке устремились к святилищу Деметры⁴⁵, причем коринфяне и их соседи — по склонам Киферона и холмам дорогой, идущей прямо вверх...». Бросились они туда, естественно, для того, чтобы поживиться при разграблении вражеского лагеря. Таким образом, здесь коринфяне изображены в далеко не столь благоприятном свете. Причем из двух версий явно ближе к истине та, которая представлена у Симонида; Геродот же в данном случае пользовался тенденциозной афинской традицией, враждебной по отношению к Коринфу.

Писал Симонид и о скорбном для эллинов Фермопильском сражении⁴⁶: сохранился фрагмент его песни, восхвалявшей павших воинов, да и знаменитые стихотворные надписи в честь трехсот спартанцев, установленные на поле боя, с наибольшей вероятностью принадлежат именно ему. В целом следует сказать, что, пожалуй, именно этот автор был в наибольшей степени подготовлен для того, чтобы «перебросить мостик» между поэзией и историографией. Когда начались Греко-персидские войны, он был уже маститым и прославленным. Поэт застал еще архаическую эпоху, жилал при дворах тиранов, прославляя их. А теперь вот ему выпало на долю воспеть мужество освободителей родины.

Симонид, несомненно, был одним из главных творцов великого мифа о Греко-персидских войнах, об «эллинах» и «варварах»⁴⁷. Кроме того, поэмы столь известного мастера на чисто исторические сюжеты, несомненно, сразу же после их создания получили большую популярность и широкое распространение в Элладе, а тем самым способствовали развитию историописания. Один за другим начинают появляться труды на «персидскую» тематику». Выше они уже упоминались: это сочинения Харона Лампсакского,

⁴⁵ См. интересную работу о месте святилищ Деметры в великих битвах Греко-персидских войн: *Boedeker D. The View from Eleusis: Demeter in the Persian Wars // Cultural Responses to the Persian Wars: Antiquity to the Third Millennium. Oxford, 2007. P. 65–82.*

⁴⁶ *Vannicelli P. To Each His Own: Simonides and Herodotus on Thermopylae // A Companion to Greek and Roman Historiography. Oxford, 2007. Vol. 2. P. 315–321.*

⁴⁷ По поводу этого мифа см.: *Суриков И.Е. Очерки об историографии. С. 260 и сл. (правда, там мы больше концентрируемся на выявлении вклада Эсхила и Геродота).*

Дионисия Милетского, Гелланика. Наконец, создается величавое полотно Геродота. Не думаем, чтобы всё это произошло без всякого влияния Симонида. Таким образом, его роль в становлении античной и мировой историографии еще предстоит оценить по достоинству; пока это в должной мере не сделано.

* * *

Теперь представляется возможным и необходимым осветить применительно к Греции (кратко, в принципиальной форме, поскольку сделать большее не позволяет ограниченный объем статьи) вопросы максимально общего характера, которые были поставлены в информационном письме участникам круглого стола «Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья», по итогам которого издается настоящий сборник (или, по крайней мере, на часть этих вопросов).

Когда, на каком этапе становления государственности возникает историописание? Если говорить об историописании в собственном смысле слова⁴⁸, то в эллинском мире оно появляется тогда, когда процесс становления полисной государственности уже завершен и она существует в развитой форме. Напомним, что первые греческие историки появляются не ранее второй половины VI в. до н.э., иными словами, в самом конце эпохи архаики. А процессы политогенеза в Элладе идут, напротив, в первой половине этой бурной эпохи⁴⁹. Греческий полис — первоначально в типологически более

⁴⁸ Ясно, что уже задолго до того, как были написаны труды первых историков, в Греции существовали достаточно развитые формы исторической памяти. Они проявились уже в древнейших памятниках античной литературы — эпических поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея», сформировавшихся в основном на протяжении VIII в. до н.э. Героический эпос, всецело обращенный своим содержанием к описанию событий прошлого, несомненно, представлял собой первую ступень в осмыслении этого прошлого. Кроме того, Гомер уже имел четкое представление о постепенной эволюции человечества от стадии варварства (представленной в описании быта циклопов в «Одиссее») к цивилизации и государственности. А в «Трудах и днях» Гесиода (рубеж VIII–VII вв. до н.э.), крупнейшего представителя дидактического эпоса, мы находим уже вполне разработанную схему исторического развития, первую в европейской культуре. Это — концепция последовательно нисходящих «поколений» или «веков» — от золотого до железного. См. обо всём этом: *Махлаюк А.В., Суриков И.Е.* Античная историческая мысль. С. 10 и сл. Но мы в данной статье хотели бы остаться в рамках историографии как таковой.

⁴⁹ Например, применительно к Афинам см.: *Суриков И.Е.* К проблеме формирования греческого полиса: Афины в VIII–VII вв. до н.э. // ВЕДС-XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 273–278.

ранней форме архаического полиса⁵⁰ — складывается на протяжении VIII — первой половины VII в. до н.э. (в каких-то местах его складывание, возможно, началось и раньше). В любом случае, в Афинах к середине VII в. до н.э. этот процесс, повторим, в основном завершился; в сопоставимые сроки это произошло и в ряде других регионов греческого мира, а именно в тех, которые развивались относительно быстрыми темпами⁵¹.

Однако в продолжение второй половины архаической эпохи идет формирование классического полиса, который типологически отличен от архаического. Оно завершается в тех же передовых регионах к рубежу VI–V вв. до н.э. И как раз тогда начинают активно действовать историки. Не связаны ли между собой эти два нюанса, а если связаны, то как? Полагаем, что связь имела место, но касательно ее конкретных механизмов пока можем только поставить вопрос, даже без попытки дать на него ответ.

Как выглядят наиболее ранние формы историописания, какие тексты в его рамках возникают раньше других? Тут нужно сразу оговорить, что уже на самой заре древнегреческой историографии мы встречаем многообразие жанров и стилей (многообразие, возникающее как-то моментально, подобно «Афине из головы Зевса», если воспользоваться образом, созданным теми же эллинами). Перед нами — и достаточно сухие перечни (как правило, генеалогического характера), интересные, надо полагать, в основном аристократам из тех родов, для которых историками писались соответствующие родословия⁵², и рано возникающие развернутые нарративы (уже начиная с Гекатея), в том числе с экскурсами вполне новеллистического характера. Но все эти тексты, подчер-

⁵⁰ В связи с дальнейшим см.: *Суриков И.Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // *Античный полис: Курс лекций.* М., 2010. С. 14 и сл.

⁵¹ А о регионах, развивавшихся медленными темпами (как какие-нибудь Этолия, Акарнания и т.п.), мы здесь не говорим, поскольку они на протяжении архаической и классической эпох историков не породили. И в приводившемся выше перечне так называемых «логографов» у Дионисия Галикарнасского нет представителей этих отсталых областей.

⁵² Приведем характерный образчик из Ферекида Афинского (FGrHist. 3. F2): «Филей же, сын Аякса, живет в Афинах; от него же происходит Даикл; от того — Эпилик; от того — Акестор; от того — Агенор; от того — Улий; от того — Лик; от того — Тофонт; от того — Лай; от того — Агаместор; от того — Тисандр; от того — Гиппоклид, в чье архонтство в Афинах были учреждены Панафинеи; [от того — Кипсел;] от того — Мильтиад, населивший колонистами Херсонес». Это — родословная знаменитого афинского рода Филаидов, о котором см.: *Суриков И.Е.* Геродот и Филаиды // *Аристей.* М., 2011. Т. 3. С. 30–64.

кнем снова и снова, несут явственный отпечаток исследования, изыскания.

Чего мы не найдем в раннегреческой историографии (об этом тоже уже упоминалось выше) — так это жанра хроники. Точку зрения, согласно которой хроники играли важную роль в становлении исторической традиции у греков⁵³, следует признать окончательно устаревшей. Погодные списки эпонимных магистратов в греческих полисах велись, но их содержание теперь вполне ясно — благодаря открытию и изучению эпиграфических фрагментов афинского списка архонтов, ведшегося и ежегодно пополнявшегося с VII в. до н.э.⁵⁴: только имена, без какой-либо сопутствующей информации. Ничего подобного римским фастам и анналам в Греции эпох архаики и классики мы не встретим.

Кто выступает инициатором составления первых исторических текстов и какова роль государства (или церкви, что применительно к полису означает то же самое⁵⁵) в процессе становления историографии? О последней можно твердо сказать, что она в данном процессе на греческой почве близка к нулевой или даже просто является нулевой. Это тоже в какой-то мере уникальная черта античного эллинского историописания. Исторические труды создаются исключительно частными, «не ангажированными» индивидами. Тот же Гекатей играл видную роль в политической жизни своего родного Милета, но к его деятельности как историка это не имело ровно никакого отношения. Геродот вообще большую часть жизни провел как «лицо без гражданства», а стало быть — и без малейшей возможности оказывать реальное влияние на политику. После того, как он еще в ранней молодости вынужден был бежать из родного Галикарнасса⁵⁶, он скитался и лишь через четверть века стал гражданином Фурий, основанных в Южной Италии под афинской эгидой⁵⁷. Гелланик, судя по тому, на какие различные темы и о скольких странах и областях он писал, тоже никак не был ангажи-

⁵³ В отечественной историографии эта точка зрения с полной ясностью представлена, например, в работе: *Фролов Э.Д.* Факел Прометея. С. 91 и сл.

⁵⁴ По этому вопросу до сих пор важнейшей остается работа: *Bradeen D.* The Fifth-Century Archon List // *Hesperia*. 1964. Vol. 32, N 2. P. 187–208.

⁵⁵ *Суриков И.Е.* Греческий полис. С. 23 и сл.

⁵⁶ И перебраться на Самос, где он провел долгое время (вопреки скептицизму, высказываемому в работе: *Pelling C.* Herodotus and Samos // *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2011. Vol. 54, N 1. P. 1–18).

⁵⁷ *Суриков И.Е.* Геродот. М., 2009. С. 299 и сл.

рован своим государством (Митиленами). Одним словом, сочинения, создававшиеся в то время историками, были всецело плодом «частной инициативы» их авторов.

Конечно, в любом суждении неуместна чрезмерная категоричность. Тому же Геродоту, после проведенных им в Афинах публичных чтений своего труда, афинские власти предоставили колоссальную сумму в 10 талантов (260 кг серебра). Что это было — награда за восхитительно проделанную работу, «грант» на дальнейшие исследования или даже плата за оказанные разведывательные услуги (есть и такая версия)⁵⁸, — в данном случае не столь уж принципиально. Из приведенного факта видно, что вмешательство государства в процесс историографического творчества ограничивалось только вот таким косвенным спонсированием. Никакого «госзаказа» Геродот (равно как и кто-либо иной из раннегреческих историков) не получал, писал, что хотел и как хотел. Другое дело, что политические симпатии Геродота к Афинам, разумеется, не могли не проявляться; они проскальзывают во многих местах его труда. Однако точно так же сталкиваемся мы и с геродотовской симпатией к Спарте, хотя, насколько известно, спартанские власти его никогда не награждали.

Кстати, к вопросу о Спарте. Вот характерный пассаж из Платона (Hipp. M. 285d). Спартанцы, говорит странствующий софист Гиппий Элидский (занимавшийся, в числе прочего, также и историческими изысканиями), больше всего любят слушать «о родословной героев и людей... о заселении колоний, о том, как в старину основывались города, — одним словом, они с особенным удовольствием слушают все рассказы о далеком прошлом (πάσης τῆς ἀρχαιολογίας)⁵⁹, так что из-за них я и сам вынужден был очень тщательно все это изучить». Итак, спартанцам близки и интересны повествования на исторические темы (а чуть выше сам Гиппий отмечает, что их не привлекают ни астрономия, ни геометрия, ни грамматика...). А последний тезис Гиппия имеет просто-таки исключительное значение. Ведь именно этот софист внес едва ли не самый большой вклад в становление

⁵⁸ Подробнее см.: Там же. С. 176 и сл.

⁵⁹ Ср. к этому наблюдение современного ученого, что в V в. до н.э. отдаленное прошлое было в памяти людей более живо, чем события относительно недавнего времени: для грека этой эпохи Эдип, Агамемнон или Тесей имели более реальный облик, нежели почти любой исторический деятель предыдущего столетия (Vandiver E. Heroes in Herodotus: The Interaction of Myth and History. Frankfurt a.M., 1991).

древнегреческой хронологии как научной дисциплины, составив и издав список олимпиоников. Выясняется, что он сделал это если не по прямой инициативе спартанцев, то, во всяком случае, в угоду им!

И тем не менее на вопрос Сократа: «Скажи мне вот что: ты-то сам в каком государстве из тех, куда заезжаешь, заработал больше денег? Видно, в Лакедемонe, где бываешь чаще всего?» — Гиппий отвечает: «Я там вообще никогда ничего не получал» (Plat. Hipp. M. 283bc). Как видим, спартанцы и Гиппию не дали никаких наград, — точно так же, как и Геродоту⁶⁰. И тем не менее Гиппий (хотя он вообще-то имел репутацию любостяжателя) очень часто к ним ездил.

Как соотносились при становлении древнегреческой историографии внутренние потребности и внешние влияния? Первые были всецело определяющими. Практически ни о каких внешних влияниях говорить в данном случае не приходится⁶¹. Да и откуда бы им было взяться? На ниве исторической науки, исторического исследования эллины были первыми. На Ближнем Востоке до них писались хроники, но греки ими не интересовались (поскольку их историческая мысль шла иными путями), да и попросту практически не читали их — в том числе и потому, что упорно не желали изучать иностранные, «варварские» языки⁶².

Древнегреческие историки не ориентировались на какие-либо чужие образцы — они сами создавали такие образцы для других. Таким образом, на вопрос «Насколько такие образцы необходимы для возникновения историописания?» реалии античной Эллады дают ответ: не необходимы. По крайней мере, не всегда.

Как соотносятся на начальных этапах формирования античного историописания письменное и устное? Здесь следует говорить

⁶⁰ «Награда» спартанцев Геродоту выражалась разве лишь в том, что ему позволили больше, чем остальным чужеземцам, посмотреть в их крайне закрытом государстве.

⁶¹ Разумеется, если оставаться в рамках самого историографического жанра. Если выйти за его пределы и включить в рассмотрение общеисторический контекст, то ясно, что такое событие, как Греко-персидские войны, оказало очень большое влияние на творчество эллинских историков (как то и отмечалось выше). Но сейчас речь не об этом.

⁶² Даже Геродот, объездивший полмира, путешествовавший больше, чем любой другой античный автор (Momigliano A. The Classical Foundations. P. 51), встречавшийся с представителями десятков народов, так и не взял на себя труда выучить язык хоть одного из этих народов и общался со своими чужеземными собеседниками через толмачей. См.: Суриков И.Е. Геродот. С. 257 и сл.

о весьма сложном, плодотворном взаимодействии двух названных сфер (и не только в связи с трудами историков). Хорошо известно, что даже самый развитый из древнегреческих социумов — афинский — был вплоть до конца V в. до н.э. ареалом преимущественно устного слова, устной культуры. Лишь в IV в. до н.э. письменные коммуникации начинают играть в среде афинян важную роль⁶³. А историография к тому времени давно уже возникла!

Место живого, устного слова в полисных условиях было колоссальным. Это, собственно, факт, вряд ли нуждающийся в специальных доказательствах. Вполне закономерно, что именно в классической Греции появилась риторика — наука об ораторском искусстве⁶⁴. А разве где-нибудь, кроме Афин V в. до н.э., мог возникнуть феномен Сократа — одного из величайших философов в мировой истории, который при этом не написал ни одного философского труда, а излагал свои идеи исключительно в устной форме?⁶⁵

Сказанное имеет прямое отношение и к эллинским историкам первых поколений. Отмечалось⁶⁶, что они (очевидно, как и ранние прозаики в целом) имели обыкновение устраивать публичные чтения своих трудов. Произведения либо могли зачитываться целиком, либо — если их объем был велик, как у «Истории» Геродота, — слушателям оглашались лишь какие-то части труда. Относительно того же Геродота достоверно известно, что он неоднократно читал свой труд (на разных стадиях работы над ним) перед различными аудиториями (Dio Chrys. Or. XXXVII. 7; Plut. Mor. 862b, 864d; Lucian. Herod. 1; Euseb. Chron. a. Abr. 1572 = Ol. 83, 4; Marcellin. Vita Thuc. 27, 54; Suid. s.v. Θουκυδίδης). Выше уже говорилось о чтении в Афинах, принесшем Геродоту славу и деньги. Но такие чтения проводились им и в других городах — Олимпии, Фивах, Коринфе, — причем, что интересно, с разной степенью успеха.

⁶³ См. на примере судопроизводства, словесности и др.: *Boegehold A.L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia*. Princeton, 1995. (The Athenian Agora; Vol. 27). P. 21–42; *Seidensticker B. Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 1995. S. 175–198.

⁶⁴ Связь между афинской риторикой, демократией, демократической идеологией особенно четко прослежена в работе: *Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People*. Princeton, 1989.

⁶⁵ *Суриков И.Е.* Сократ. М., 2011. С. 7 и сл.

⁶⁶ *Momigliano A. The Historians of the Classical World and their Audiences: Some Suggestions // Annali della Scuola normale superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia.* 1987. Vol. 8. P. 63.

Так, некоторые античные авторы сообщают, что у коринфян и фиванцев Геродот не встретил того приема, который ожидал, а самое главное — не получил платы, на которую рассчитывал; обидевшись, он якобы переписал некоторые части своего сочинения с сознательным намерением очернить Коринф и Фивы. В действительности, скорее всего, в данной традиции перемещены причина и следствие. Отношение к двум названным полисам в «Истории» Геродота действительно далеко от восторженного; очевидно, именно поэтому его там и принимали без энтузиазма.

Итак, Геродот озвучивал устно отрывки из труда своей жизни еще до того, как этот труд был завершен (а надо сказать, что он так и не был завершен⁶⁷). При этом наверняка после каждой такой «лекции» вспыхивало обсуждение, автор отвечал на вопросы — а на какие-то и затруднялся с ходу ответить. Тогда он проводил дополнительное исследование, дорабатывал произведение, вносил в него новые аргументы⁶⁸.

Чтения, таким образом, помогали Геродоту улучшать «Историю». Да и вообще создается впечатление, что основной для него была именно устная, а не опубликованная форма существования трактата. Строго говоря, неизвестно даже, собирался ли он вообще его издавать. Возможно, и не собирался; во всяком случае, публикация сочинения была осуществлена лишь после смерти автора, его друзьями (Phot. Bibl. cod. 190. 148b).

И вновь — уже далеко не в первый раз — резким контрастом выступает Фукидид. Он в своем известном методологическом пассаже (I. 21–22) так специально и подчеркивает, что пишет не для слушателей, а для читателей. Насколько известно, он и в действительности, в отличие от Геродота и других своих предшественников, не выступал перед публикой с отрывками из своего труда⁶⁹. Вряд ли потому, что не имел такой возможности (после изгнания из Афин он объездил многие регионы эллинского мира); скорее всего, просто не хотел. Иными словами, такова была его принципиальная позиция.

В очередной раз перед нами свидетельство того, что на Геродоте завершается первый цикл эволюции античной историографии, а с Фукидида начинается новый. Между прочим, возможно, реле-

⁶⁷ Суриков И.Е. Очерки об историописании. С. 271 и сл.

⁶⁸ Следы подобных дебатов, в которых приходилось подыскивать доводы, см., например: Herod. VI. 43.

⁶⁹ О роли Фукидида в переходе от устного к письменному типу культуры см.: Morrison J.V. Reading Thucydides. Columbus, 2006. P. 9.

вантен в связи с этим даже такой нюанс, как различие названий трудов двух великих «служителей Клио». В русской традиции оба передаются как «История», но в оригинале — иначе. Сочинение Геродота действительно называлось Ἱστορίη (*historia*), т.е. «исследование» и даже «расследование, следствие». А вот подлинное название произведения Фукидида — Συγγραφή⁷⁰. Не исключаем, что Фукидид ввел новый термин, а не воспользовался уже существовавшим потому, что писал свой трактат во многих отношениях «в пику» Геродоту. Важно уже то, что в наименовании — Συγγραφή явственно присутствует корень γραφ-, однозначно связанный с категорией письменности, письменных форм культуры.

Подытожим наши наблюдения по только что рассматривавшемуся вопросу. Ныне представляется несомненным, что для ранних греческих историков — так называемых «логографов» и Геродота — устные традиции имели гораздо большее значение, нежели письменные памятники. Бесспорно, сказать, что Геродот совсем не пользовался трудами более ранних авторов, — значило бы впасть в явное преувеличение. Например, труд Гекатея Милетского он прекрасно знал. И вовсе не скрывал этого знания, ссылаясь на Гекатея, где требовалось. Есть у Геродота и другие ссылки на письменные тексты. Однако подсчитано: их в пять раз меньше, чем ссылок на лиц, информировавших автора изустно⁷¹. И уже сам этот факт, наверное, о чем-то говорит, отражает реальное происхождение полученных им данных. Вряд ли мы имеем право предположить, что Геродот сознательно старался преуменьшить свою опору на письменную традицию: зачем бы ему это было делать?

Как соотносится в античной Греции возникновение историописания и появление других видов текстов? Здесь мы сталкиваемся с очередным парадоксом. Дело в том, что историография — довольно-таки поздний плод интеллектуальной жизни греков и их словесности. На тот момент, когда «вышли на сцену» первые историки, в эллинском мире уже весьма развитую форму имела поэзия — во всех своих родах и жанрах (эпос героический и дидактический; лирика элегическая, ямбическая и мелическая; ранние формы драмы)⁷². Раньше исторической прозы возникает проза

⁷⁰ Подробнее см.: Суриков И.Е. Очерки об историописании. С. 92 и сл.

⁷¹ Balcer J.M. Herodotus. P. 26.

⁷² Основатель трагедии Феспид действовал при Писистрате, во второй четверти VI в. до н.э.

философская и естественнонаучная (начиная с Анаксимандра⁷³), а также мифографическая (Ферекид Сиросский, Эпименид Критский и др.⁷⁴); позже нее — пожалуй, только ораторская⁷⁵.

Крайне контрастно выглядит в данном отношении большинство остальных школ историописания. В Риме фасты и анналы — эти первые памятники тамошней исторической мысли — возникают раньше, чем какие-либо иные литературные тексты⁷⁶. Древняя Русь следует аналогичной парадигме: здесь летописи — в числе самых первых памятников словесности. Да и раннесредневековой Западной Европе не иначе: историографическая традиция зарождается практически сразу⁷⁷.

В чём же в данном случае пресловутая «загадка греков»? Думається, перед нами — частный случай парадокса более общего характера, заключающегося в том, что греки, народ с, если так можно выразиться, «аисторическим» сознанием⁷⁸, без обостренного чувства времени, тем не менее явились первооткрывателями (в мировом масштабе!) исторической науки. Похоже, что они обратились

⁷³ О роли Анаксимандра как фактического основоположника античной философии и науки см.: *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 566 и сл.; *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позднего периода творчества. М., 1991. С. 28 и сл.

⁷⁴ Ср. наше замечание в более ранней работе: «...Пророк, поэт, мифограф — вот кого мог числить среди своих предшественников древнегреческий историк» (*Суриков И.Е.* Очерки об историописании. С. 23).

⁷⁵ Первыми из мастеров ораторского искусства начали записывать свои речи (что положило начало риторике) софисты Горгий и Антифон. В связи с вкладом Горгия см.: *Romilly J. de.* Magic and Rhetoric in Ancient Greece. Cambridge (Mass.), 1975. P. 1–22; *Wardy R.* Rhetoric // *Greek Thought: A Guide to Classical Knowledge.* L., 2000. P. 465–485. Деятельность Антифона исчерпывающим образом описана в: *Gagarin M.* Antiphon the Athenian.

⁷⁶ Анналы уже в IV в. до н.э. выставлялись на Форуме (*Бокицанин А.Г.* Источниковедение истории Древнего Рима. М., 1981. С. 23). Первые латинские стихотворные произведения были написаны греком Ливием Андроником во второй половине III в. до н.э.

⁷⁷ *Сидоров А.И.* «Черная кошка в темной комнате»: формирование традиции историописания в раннесредневековой Европе // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М., 2011. С. 37–64.

⁷⁸ Об этом писалось нередко и немало. См., например: *Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993. С. 214 (с некоторыми оговорками); *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 19 и сл.; *Бычков В.В.* Эстетика поздней античности (II–III века). М., 1981. С. 22–23 (с литературой по проблеме); *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки. С. 36 и сл.; *Суриков И.Е.* Очерки об историописании. С. 12. Возражения см.: *Шичалин Ю.А.* Античность — Европа — история. М., 1999. С. 137 и сл.

к изучению истории уже тогда, когда едва ли весь круг остальных возможных предметов исследования был уже ими «испробован». Но ведь грекам хотелось во всём дойти, как выразился Пастернак, «до самой сути»! Добросовестность, стремление исчерпать любую проблему — вот этого было у них не отнять. И обуславливалось такое положение, конечно, подчеркнуто агональным характером социума. Чтобы преуспеть, а не стать аутсайдером, нужно было обязательно *доказывать* каждую свою мысль, а не просто декларировать ее.

Наконец, финальные вопросы: может ли появление такого феномена, как историописание, рассматриваться как знак определенного уровня развития политического образования? Насколько обязательно возникновение историописания в обществе определенного уровня сложности?

Насколько понимаем, единого ответа на столь сложный и многогранный вопрос в принципе не существует. Судя по всему, в реально существовавших человеческих социумах в данном отношении всё было очень и очень по-разному. Греческий материал показывает только одно: что в *данном конкретно взятом* обществе историописание действительно зародилось на достаточно высоком уровне развития. В первую очередь, на наш взгляд, следует учитывать уровень развития *рефлексии*. Маленький пример: вошедший в современную интернациональную лексику термин «демократия» — древнегреческого происхождения, а это, безусловно, означает, что и сам денотируемый феномен впервые открыт греками. Точно так же вошедший в современную интернациональную лексику термин «монархия» — тоже греческого происхождения, но это отнюдь не означает, что денотируемый феномен был открыт греками. Это означает только, что греки впервые сделали его предметом теоретической рефлексии, поставили монархию в ряд прочих типов государственных устройств. На Древнем Востоке, где монархия, собственно, возникла, в связи с ней не возникало каких-то специальных размышлений; она воспринималась как нечто естественное, само собою разумеющееся, богами данное и едва ли не единственно возможное. У греков же, в связи с появлением в их цивилизации полисов, которым имманентно было присуще республиканское устройство, появилась возможность сопоставлять, систематизировать, классифицировать. Первую такую классификацию (монархия, олигархия, демократия) встречаем как раз у Геродота; в сущности, последующие поколения мыслителей ничего принципиально нового к ней не прибавили, а лишь уточняли и детализировали. Так, наиболее знаменитая в античности шестич-

ленная классификация (Аристотель, Полибий) напрямую восходит к трехчленной геродотовской.

Точно так же и история впервые у греков становится предметом осмысленной рефлексии. Потому-то историописание и возникает у них сразу как наука, как исследование, а не как тривиальное описание событий. И, безусловно, по той же самой причине эллинская историография, едва родившись, практически сразу достигает колоссальных высот. Что ни говорить, Геродот и Фукидид — это такой уровень, с которым мало что из исторических трудов последующих эпох (вплоть до XVIII–XIX вв.) можно сопоставить.

Другое дело, что само развитие рефлексии у греков, о котором идет речь и которое обусловило возникновение исторической мысли (а также философской, научной, эстетической и т.д.)⁷⁹, само обуславливалось, в числе прочих факторов, и политическим развитием. Древнегреческие полисы — при своих небольших размерах — были политическими единицами весьма развитыми и сложными, а по меркам древнего мира — просто беспрецедентно развитыми и сложными.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
- Бобкова М.С.* «Мы сами — время»: прошлое и настоящее в историческом сознании эпохи Средневековья // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005.
- Бокщанин А.Г.* Источниковедение истории Древнего Рима. М., 1981.
- Бычков В.В.* Эстетика поздней античности (II–III века). М., 1981.
- Доватур А.И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957.
- Илюшечкин В.Н.* Эллинистические историки // Эллинизм: восток и запад. М., 1992.
- Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993.
- Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- Кузнецова Т.И., Миллер Т.А.* Античная эпическая историография: Геродот. Тит Ливий. М., 1984.
- Махлаюк А.В., Суриков И.Е.* Античная историческая мысль и историография. М., 2008.

⁷⁹ В результате греческой «интеллектуальной революции» возникает такой взгляд на мир, как рефлексивный традиционализм, продержавшийся в Европе вплоть до XVIII в. См.: *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки. С. 107 и сл.

- Перевалов С.М.* Древнейшее упоминание имени «Кавказ» в античной литературе // *Gaudeamus igitur*: Сб. ст. к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983.
- Сидоров А.И.* «Черная кошка в темной комнате»: формирование традиции историописания в раннесредневековой Европе // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М., 2011.
- Строжецкий В.М.* Проблемы становления истории как науки в античности // Античный мир и археология. Саратов, 2006. Вып. 12.
- Строжецкий В.М.* Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Н. Новгород, 2010. Ч. 1: Геродот.
- Суриков И.Е.* Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса // ВЕДС-ХVIII: Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. М., 2006.
- Суриков И.Е.* ЛОГОГРАФΟΙ в труде Фукидида (I. 21. 1) и Геродот (Об одном малоизученном источнике раннегреческого историописания) // ВДИ. 2008. № 2.
- Суриков И.Е.* Геродот. М., 2009.
- Суриков И.Е.* Историк в изменяющемся мире: эволюция образа Коринфа в труде Геродота // ВДИ. 2009. № 1.
- Суриков И.Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // Античный полис: Курс лекций. М., 2010.
- Суриков И.Е.* Геродот и Филаиды // Аристей. М., 2011. Т. 3.
- Суриков И.Е.* К проблеме формирования греческого полиса: Афины в VIII–VII вв. до н.э. // ВЕДС-XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011.
- Суриков И.Е.* Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011.
- Суриков И.Е.* Сократ. М., 2011.
- Фролов Э.Д.* Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 1981.
- Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позднего периода творчества. М., 1991.
- Шичалин Ю.А.* Ἐπιστροφή, или Феномен «возвращения» в первой европейской культуре. М., 1994.
- Шичалин Ю.А.* Античность — Европа — история. М., 1999.
- Эллинические поэты VIII–III вв. до н.э. Эпос, элегия, ямбы, мелика / Изд. подгот. М.Л. Гаспаров, О.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо. М., 1999.
- Armayer O.K.* Herodotus, Hecataeus and The Persian Wars // *The World of Herodotus*. Nicosia, 2004.
- Asheri D., Lloyd A., Corcella A.* A Commentary on Herodotus Books I–IV. Oxford, 2007.
- Baragwanath E.* Motivation and Narrative in Herodotus. Oxford, 2008.

- Bakker M. de.* Speech and Authority in Herodotus' *Histories*: Diss. Amsterdam, 2007.
- Balcer J.M.* Herodotus & Bisitun. Stuttgart, 1987.
- Bertelli L.* Hecataeus: From Genealogy to Historiography // The Historian's Craft in the Age of Herodotus. Oxford, 2007.
- Bichler R.* Herodots Welt: Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte. 2. Aufl. B., 2001.
- Bichler R.* Herodotus' Ethnography. Examples and Principles // The World of Herodotus. Nicosia, 2004.
- Bichler R., Rollinger R.* Herodot. Hildesheim, 2000.
- Boedeker D.* Heroic Historiography: Simonides and Herodotus on Plataea // The New Simonides: Contexts of Praise and Desire. Oxford, 2001.
- Boedeker D.* Epic Heritage and Mythical Patterns in Herodotus // Brill's Companion to Herodotus. Leiden; Boston; Köln, 2002.
- Boedeker D.* The View from Eleusis: Demeter in the Persian Wars // Cultural Responses to the Persian Wars: Antiquity to the Third Millennium. Oxford, 2007.
- Boegehold A.L. et al.* The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia. Princeton, 1995. (The Athenian Agora; Vol. 27).
- Bradeen D.* The Fifth-Century Archon List // *Hesperia*. 1964. Vol. 32, N 2.
- Braun T.* Hecataeus' Knowledge of the Western Mediterranean // Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton. Leiden; Boston, 2004.
- Bringmann K.* Herodot und Thukydides: Geschichte und Geschichtsschreibung im 5. Jahrhundert v.Chr. // *Historie und Leben: Der Historiker als Wissenschaftler und Zeitgenosse*. Festschrift für L. Gall zum 70. Geburtstag. München, 2006.
- Cohen A.* Mythic Landscapes of Greece // *The Cambridge Companion to Greek Mythology*. Cambridge, 2007.
- Cole S.G.* Landscapes of Dionysos and Elysian Fields // *Greek Mysteries: The Archaeology and Ritual of Ancient Greek Secret Cults*. L.; N.Y., 2003.
- Cole S.G.* Landscapes, Gender, and Ritual Space: The Ancient Greek Experience. Berkeley, 2004.
- Cook J.M.* The Greeks in Ionia and the East. L., 1962.
- Corcella A.* The New Genre and its Boundaries: Poets and Logographers // *Brill's Companion to Thucydides*. Leiden, 2006.
- Foxhall L.* Environments and Landscapes of Greek Culture // *A Companion to the Classical Greek World*. Oxford, 2006.
- Gagarin M.* Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin, 2002.
- Gray V.* Herodotus and the Rhetoric of Otherness // *American Journal of Philology*. 1995. Vol. 116, N 2.
- Greenwood E.* Making Words Count: Freedom of Speech and Narrative in Thucydides // *Free Speech in Classical Antiquity*. Leiden; Boston, 2004.

- Hart J.* Herodotus and Greek History. L., 1982.
- Heidel W.A.* Hecataeus and the Egyptian Priests in Herodotus, Book II. N.Y.; L., 1987.
- Hunter V.* Past and Process in Herodotus and Thucydides. Princeton, 1982.
- Jacoby F.* Abhandlungen zur griechischen Geschichtsschreibung. Leiden, 1956.
- Lendle O.* Einführung in die griechische Geschichtsschreibung: Von Hekataios bis Zosimos. Darmstadt, 1992.
- Marincola J.* Speeches in Classical Historiography // A Companion to Greek and Roman Historiography. Oxford, 2007. Vol. 1.
- Mehl A.* Herodotus and Xanthus of Sardis Compared // The World of Herodotus. Nicosia, 2004.
- Mehl A.* Veränderte und gestaltete Landschaft im antiken Götter- und Totenkult // Die Landschaft und die Religion. Stuttgart, 2009.
- Mikalson J.D.* Herodotus and Religion in the Persian Wars. Chapel Hill; L., 2003.
- Moles J.* Narrative and Speech Problems in Thucydides Book I // Ancient Historiography and its Contexts: Studies in Honour of A.J. Woodman. Oxford, 2010.
- Momigliano A.* Studies in Historiography. N.Y., 1966.
- Momigliano A.* Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxford, 1977.
- Momigliano A.* The Historians of the Classical World and their Audiences: Some Suggestions // Annali della Scuola normale superiore di Pisa. Classe di lettere e filosofia. 1987. Vol. 8.
- Momigliano A.* The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley, 1990.
- Morrison J.V.* Interaction of Speech and Narrative in Thucydides // Brill's Companion to Thucydides. Leiden, 2006.
- Morrison J.V.* Reading Thucydides. Columbus, 2006.
- Munson R.V.* Telling Wonders: Ethnographic and Political Discourse in the Work of Herodotus. Ann Arbor, 2001.
- Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989.
- Pelling C.* Speech and Narrative in the *Histories* // The Cambridge Companion to Herodotus. Cambridge, 2006.
- Pelling C.* Herodotus and Samos // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2011. Vol. 54, N 1.
- Polignac F. de.* Cults, Territory, and the Origins of the Greek City-State. Chicago, 1995.
- Rogkoti Z.* Thucydides and Herodotus: Aspects of their Intertextual Relationship // Brill's Companion to Thucydides. Leiden, 2006.
- Romilly J. de.* Magic and Rhetoric in Ancient Greece. Cambridge (Mass.), 1975.
- Ruschenbusch E.* Weitere Untersuchungen zu Pherekydes von Athen // Klio. 2002. Bd. 82.

- Scott L.* Historical Commentary on Herodotus Book 6. Leiden; Boston, 2005.
- Sealey R.* Thucydides, Herodotos, and the Causes of War // *Classical Quarterly*. 1957. Vol. 7, N 1/2.
- Seidensticker B.* Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.* Stuttgart, 1995.
- Thomas R.* Herodotus in Context: Ethnography, Science and the Art of Persuasion. Cambridge, 2000.
- Toyl D.L.* Dionysius of Halicarnassus on the First Greek Historians // *American Journal of Philology*. 1995. Vol. 116, N 2.
- Vandiver E.* Heroes in Herodotus: The Interaction of Myth and History. Frankfurt a.M., 1991.
- Vannicelli P.* To Each His Own: Simonides and Herodotus on Thermopylae // *A Companion to Greek and Roman Historiography*. Oxford, 2007. Vol. 2.
- Wardy R.* Rhetoric // *Greek Thought: A Guide to Classical Knowledge*. L., 2000.
- Węcowski M.* Friends or Foes? Herodotus in Thucydides' Preface // *The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres*. Newcastle upon Tyne, 2008.
- West S.* Herodotus' Portrait of Hecataeus // *Journal of Hellenic Studies*. 1991. Vol. 111.

Igor E. Surikov

“IN THE FIRST CIRCLE”: THE EMERGENCE
OF THE MOST ANCIENT PIECES
OF EUROPEAN HISTORIOGRAPHY
(GREECE, THE SIXTH–FIFTH CENTURIES B.C.)

Historical consciousness of Ancient Greeks was characterized by cyclism — the view of history's movement “by cycle”, of “eternal return”. Surely, this thesis is not absolute: a cyclist understanding of the society's development was coped and interconnected with a linear one, which manifested itself in progressist or (more often) regressist conceptions. To be strict, historiography as such emerges in Hellas in some sense at the joint of cyclist and linear views.

The article deals with the Archaic Ionian historiographical tradition that included the group of historians usually labeled in modern scholarly literature as “logographers” as well as Herodotus. Besides, it is time to give up the custom of calling the most ancient (pre-Herodotean) Hellenic historians “logographers”, as is it inadequate and unfounded.

Herodotus and his predecessors still belong to the “pre-rhetorical” historiography. But the Greek historian immediately following them, Thucydides, was already under strong influence of rhetoric.

Already at the very dawn of Ancient Greek historiography one meets diversity of its genres and styles. We see both rather dried-up lists (as a rule, of genealogical character) and early-emerging large-scale narratives (from Hecataeus on), even with excurses of quite a novelistic character. But all such texts have a manifest imprint of research, investigation.

For the first time in the Greek world history becomes a subject of intelligent reflection. Historiography appears among the Greeks from the beginning as an investigation rather than trivial description of events. And, of course, because of the very same reason Hellenic historiography immediately after its birth reaches colossal heights. As to the development of reflection among the Greeks, which we have noted and which conditioned the emergence of historical thought (as well as philosophical, scientific, aesthetic thought, etc.), it was conditioned, in its turn, among other factors, by political evolution and by the emergence of the *polis* phenomenon. Greek *poleis* were — there small size notwithstanding — political units strikingly developed and complicated, by the standards of the Ancient World.

Key words: historiography, classical antiquity, Archaic and Early Classical Greece, *polis*, “logographers”, Herodotus, Thucydides

Д.Д. Беляев

ЗАРОЖДЕНИЕ ИСТОРИОПИСАНИЯ В ДРЕВНЕЙ МЕЗОАМЕРИКЕ*

В статье рассматривается процесс зарождения традиции историописания в древней Мезоамерике во второй половине I тыс. до н.э. — первые века н.э. Ранние письменные источники исторического содержания до нас не дошли ввиду хрупкости исходного материала для письма (бумаги). Первые монументальные надписи появляются в среднеформативный период (вторая треть I тыс. до н.э.) независимо и практически одновременно в нескольких регионах, находящихся на значительном расстоянии друг от друга (Оахака, побережье Мексиканского залива), демонстрируя развитую систему письма и календаря. Следовательно, появление надписей не отражает сам процесс возникновения письменности (или письменностей), а свидетельствует о становлении общемезоамериканской традиции использовать монументальные надписи для фиксации истории. Общемезоамериканский формат надписи включал дату, указание на событие, имя и титул протагониста. От этих ранних текстов ведет свое происхождение такой общемезоамериканский вид источников как царские/коммеморативные надписи, который сохраняется в качестве одного из основных вплоть до испанского завоевания в первой трети XVI в.

В Юго-Восточной Мезоамерике во II или I в. до н.э. (первоначально в эпипольмекской культуре, а затем у майя) распространяется новая хронологическая система (так называемый «долгий счет»), который в отличие от использовавшихся раньше дат представлял собой датировку по эре. В ранних примерах «долгого счета» важным является точное размещение событий на временной шкале и фиксация уникальных (а не циклических) событий. Судя по сопутствующей иконографии (принятие инсигний власти), наиболее часто это были даты воцарения правителей. Чуть позднее в текстах отмечается использование «интервальных чисел», связывающих различные даты текста, что свидетельствует о том, что надписи представляют собой не просто последовательность

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-300045 «Генезис и развитие социально-политической организации древних майя в контексте современных теорий социальной эволюции»).

датированных записей, а связный текст исторического содержания, в котором хронологическое разворачивание повествования представляет собой важнейший элемент структуры.

Ключевые слова: Мезоамерика, майя, ольмекская культура, сапотекки, эпиольмекская культура, иероглифическая письменность, календарь, царские надписи

Мезоамерика — один из центров ранних цивилизаций, в котором сложилась собственная развитая письменная традиция. Иероглифическая письменность — один из элементов, отмеченный Паулем Кирхгофом среди культурных черт, характерных исключительно для мезоамериканской цивилизации¹. Вплоть до настоящего времени параллелей мезоамериканской традиции иероглифического письма в других доколумбовых культурах не найдено². Во второй половине XX в. в историографии оформилось представление о том, что единственным примером «полноценного» фонетического письма в Новом Свете является иероглифическая письменность майя, дешифрованная в 1950-е годы Ю.В. Кнорозовым³. Остальные «так называемые письменности» доколумбовой Мезоамерики рассматривались как мнемонические системы пиктографического характера⁴. Однако существенные успехи в области изучения мезоамериканских систем письма довольно сильно изменили наше

¹ *Kirchhoff P.* Mesoamerica // *Acta Americana*. 1943. Т. 1. P. 92–107. В третьем издании своей работы Кирхгоф дает следующую характеристику: «Иероглифическая письменность; знаки для чисел и их относительное значение в зависимости от позиции; книги, склеенные в виде гармошки; исторические анналы и карты» (*Kirchhoff P.* Mesoamérica, sus límites geográficos, composición étnica y caracteres culturales // *Revista Tlatoani* (suplemento). México, 1967. N 3. P. 9).

² Историографический обзор попыток найти свидетельства письменности в культуре муисков см.: *Острирова Е.С.* Эпиграфика чибча-муисков: история одного научного мифа // ВЭ. 2013. Вып. 7, ч. 1. С. 645–656.

³ *Кнорозов Ю.В.* Древняя письменность Центральной Америки // СЭ. 1952. № 3. С. 100–118; *Он же.* Письменность древних майя (опыт расшифровки) // Там же. 1955. № 1. С. 94–115; *Он же.* Система письма древних майя (Опыт расшифровки). М., 1955; *Он же.* Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963. Обзор истории дешифровки см.: *Сое М.Д.* Breaking the Maya Code. L., 1992.

⁴ См.: *Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма. М., 1965. С. 118–123. Точка зрения И. Гельба об отсутствии в доколумбовой Америке письменности в строгом смысле слова вообще, изложенная в его книге, вышедшей на русском языке в 1982 г. (*Гельб И.Е.* Опыт изучения письма: основы грамматики. М., 1982. С. 58–66), представляет собой положения автора, впервые высказанные в 1952 г. и оставшиеся неизменными в последующих изданиях (см.: *Gelb I.* A Study of Writing. Chicago, 1963. P. 51–59).

представление об истории и эволюции письменной культуры в этом регионе.

Во-первых, это касается понимания природы таких письменностей постклассического периода (XI–XVI вв.), как астекская и миштекская. Еще в 1970-е годы наметилась тенденция к рассмотрению их как систем с высоко стандартизированным набором знаков, часто использующих принцип фонетизации⁵. Позднее было показано, что они представляют собой словесно-слоговые иероглифические письменности⁶, специфика которых состояла в особых коммуникативных стратегиях. Письмо функционировало в сочетании с иконографией, когда общий смысл сообщения передается изображением, в то время как компоненты, которые невозможно передать исключительно изображением без потери смысла (даты, личные имена, титулы, топонимы и др.), выписываются фонетическими знаками. В таком случае текст часто трудно отделить от изображения (например, головной убор персонажа представляет собой иероглифическую запись его имени), что и привело к формированию идеи о пиктографическом характере этого письма.

Решением этой проблемы является предложенная Дж. Берло концепция «вплетенных текстов»⁷. В письменностях, использующих стратегию «вплетенных текстов», написания не должны обязательно формировать независимую систему коммуникации, а функционируют наряду с иконографией, поясняя те специфические части сообщения, которые иконографическая система передать не в состоянии, в частности личные имена, топонимы, титулы. Часто встречающаяся точка зрения, что подобного рода стратегии пред-

⁵ *Nicholson H.B.* Phoneticism in the late Pre-Hispanic Central Mexican writing systems // *Mesoamerican writing systems*. Dumbarton Oaks, 1973. P.1–46; *Smith M.E.* Picture writing from Ancient Southern Mexico: Mixtec place signs and maps. Norman, 1973.

⁶ См.: *Lacadena A.* Regional Scribal Traditions: Methodological Implications for the Decipherment of Nahuatl Writing // *PARI Journal*. 2008. Vol. 8, N 4. P. 1–22; *Zender M.* One hundred and fifty years of Nahuatl decipherment // *PARI Journal*. 2008. Vol. 8, N 4. P. 24–37; *Давлетшин А.И.* Астекская иероглифическая письменность: вопросы типологического описания // *Ломоносов-2006: Тр. науч. конф. М., 2006. С. 138–142.*

⁷ *Berlo J.C.* Conceptual categories for the study of text and image in Mesoamerica // *Text and image in Pre-Columbian art. Essays on the interrelationship of the verbal and visual arts. Proceedings, 44th International Congress of Americanists, Manchester, 1982. Oxford, 1983. P. 1–39; Idem.* Early writing in Central Mexico: *in tlilli, in tlapalli* before AD 1000 // *Mesoamerica after the decline of Teotihuacan: A.D. 700–900.* Washington, 1989. P. 19–47.

ставляют собой особенность центрально-мексиканской письменной традиции, отличающую ее от майяской, в действительности ошибочна: в иероглифике майя «вплетенные тексты» — такая же распространенная черта, как и у астеков или миштеков. Например, именные иероглифы часто оказываются вписанными в головные уборы изображенных персонажей, а знаки, на которых стоят изображенные цари, передают топонимы. Концепция «вплетенных текстов» позволяет объяснить, почему в некоторых мезоамериканских письменностях так и не появились протяженные сплошные тексты.

Во-вторых, это касается степени распространения письменности в Мезоамерике классического периода (I тыс. н.э.). Американский ученый К. Таубе доказал факт существования системы письма в Теотиуакане⁸. К сожалению, краткость теотиуаканских надписей, равно как и отсутствие полноценных билингв, пока не позволяют оценить перспективы дешифровки, хотя позиционный анализ теотиуаканских надписей и связанных с ними эпиклассических текстов продолжает приносить новые результаты⁹. С помощью комбинаторного метода значительные успехи были достигнуты также в изучении сапотекской иероглифики¹⁰. Тем не менее маленький объем текстов, их большой разброс во времени и значительная трансформация системы письма во второй половине I тыс. н.э. также препятствуют дешифровке сапотекской письменности в строгом смысле слова. Гватемальский исследователь О. Чинчилья

⁸ *Taube K.* The writing system of Ancient Teotihuacan. Washington, 2000; *Idem.* Teotihuacan and the Development of Writing in Early Classic Central Mexico // *Their Way of Writing: Scripts, Signs, and Pictographies in Pre-Columbian America.* Washington, 2011. P. 77–109.

⁹ *Nielsen J.* The Coyote and the Tasseled Shield: a possible Titular Glyph on a Late Xolalpan Teotihuacan Tripod // *Mexicon.* 2004. Vol. 26, N 3. P. 61–64; *Idem.* “To Sing Arrows”: Observations on the Representation of Sound in the Writing and Iconography of Teotihuacan // *A Celebration of the Life and Work of Pierre Robert Colas.* Markt Schwaben, 2014. P. 175–191; *Nielsen J., Helmke C.* Spearthrower Owl Hill: A Toponym at Atetelco, Teotihuacan // *Latin American Antiquity.* 2008. Vol. 19, N 4. P. 459–474; *Eidem.* La escritura jeroglífica de Cacaxtla // *La Pintura Mural Prehispánica en México.* Mexico, 2013. Vol. 5: Cacaxtla, t. 2: Estudios. P. 383–425.

¹⁰ *Urcid J.* Zapotec Hieroglyphic Writing. Washington, 2001; *Idem.* Zapotec Writing: Knowledge, Power, and Memory in Ancient Oaxaca // *FAMSI: Foundation for the Advancement of Mesoamerican Studies.* 2005 (<<http://www.famsi.org/zapotecwriting>>); *Давлетшин А.И.* Сапотекское иероглифическое письмо (к проблеме синтаксического анализа) // *Древний Восток и античный мир.* М., 2005. Вып. 7. С. 190–202.

в последнее время активно работает с малоисследованной иероглифической письменностью Коцумальуапы, существовавшей в VII–IX вв. на тихоокеанском побережье Гватемалы¹¹.

А.И. Давлетшин предлагает разделять мезоамериканские письменности на три большие группы:

1) письменности Юго-Восточной Мезоамерики (мая, эпиольмекская письменность, позднеформативные надписи тихоокеанского побережья и Горной Гватемалы);

2) письменность Оахаки периода Монте-Альбан I–IIIa (V в. до н.э. — III в. н.э.) (сапотекские надписи, ранние миштекские надписи);

3) письменность Теотиуакана, письменности Оахаки классического периода (сапотекская в долине Оахаки, ньунье в Миштека-Бахе), эпиклассические (VIII — середина X в.) письменности (Каштла, Шочикалько и др.), астекские, миштекские и сапотекские письменности постклассического периода¹².

Несколько десятилетий исследований иероглифических текстов мая привели к тому, что майяский корпус источников и майяское источниковедение классического периода (I тыс. н.э.) являются образцом для мезоамериканского источниковедения в целом.

Основным материалом для письма у древних маяя была бумага, изготавливавшаяся из луба фикуса (известного как *amate*), на которой писали чернилами или краской. Об этом свидетельствуют данные испанских авторов XVI в. и палеографические особенности майяской иероглифики. Листы бумаги сворачивали в свитки или складывали гармошкой, прикрепляя сзади и спереди деревянные дощечки так, что образовывалось нечто похожее на книгу. В иероглифическом маяя слово *huh'n* обозначало как саму бумагу, так и книгу, изготавливавшуюся из нее¹³. Косвенные данные говорят о существовании внутри этой категории большого количества видов текстов (летописи и другие нарративные тексты исторического содержания, пророческие тексты, ритуальные и календарно-астрономические справочники и альманахи, хозяйственно-учетная

¹¹ *Chinchilla O.* The Flowering Glyphs: Animation in Cotzumalhuapa Writing // *Their Way of Writing: Scripts, Signs and Notational Systems in Pre-Columbian America*. Washington, 2011. P. 43–75.

¹² *Давлетшин А.И.* Многообразие письменных традиций в Мезоамерике. Вопросы типологии письма // Тр. I межвуз. конф. молодых ученых памяти проф. В.С. Семенова, 13 апреля 2002 г. (История Древнего Мира). М., 2002. С. 30–35.

¹³ *Давлетшин А.И.* Палеография древних маяя: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 117–122.

документация и т.д.). Однако непрочность этого носителя привела к тому, что из обширного корпуса майяских памятников на бумаге сохранились только три аутентичных рукописи — Дрезденская (ок. XIII–XIV вв.), Парижская (ок. XV в.) и Мадридская (вторая половина XVI — начало XVII в.)¹⁴. Все они принадлежат к одному виду — ритуальные и календарно-астрономические справочники — и не содержат никакой информации о традициях историописания у майя. Тексты исторического содержания сохранились в составе сборников раннеколониального времени (так называемых «Книг Чилам-Балам»), записанных на Северном Юкатане латиницей уже после Конкисты, в XVI–XVII вв. Так называемые «Хроники» представляют собой летописи, текст в которых организован по «двадцатилетиям». Однако этот вариант историописания позволяет анализировать лишь поздние этапы развития этой традиции у майя¹⁵.

Большая часть сохранившихся письменных памятников майя (более 15 000 текстов) датируется классическим периодом (I тыс. н.э.) и выполнена на твердом материале (камень, глина, дерево, кость, раковины и т.п.). С точки зрения видовой классификации их можно разделить на три вида: царские (коммеморативные) надписи, владельческие надписи на керамике и мелкой пластике и посвящающие надписи¹⁶.

Язык иероглифической письменности, который мы с А.И. Давлетшиным предложили обозначать как *иероглифический майя*, являлся языком высокой культуры и письменности. Он возник в конце I тыс. до н.э. на основе одного из восточно-чоланских диалектов, но в классический период превратился в «престижный» язык элиты, который использовался во всех регионах обширной области

¹⁴ Подлинность четвертой рукописи — «Кодекса Гролье» — остается дискуссионной.

¹⁵ Неоднократные попытки реконструировать полную хронологию «Хроник Чилам-Балам» (Morley S.G. The Historical Value of the Books of Chilam Balam // *American Journal of Archaeology*. 1911. Vol. 15, N 2. P. 195–214; Barrera Vásquez A., Rendón S. El libro de los libros de Chilam Balam. México, 1948; Barrera Vásquez A., Morley S.G. The Maya Chronicles. Washington, 1948; Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. С. 47–54) пока не увенчались успехом. Из последних попыток см.: Schele L., Grube N., Boot E. Some Suggestions on the K'atun Prophecies in the Books of Chilam Balam in Light of Classic-period History // *Memorias del Tercer Congreso Internacional de Mayistas* (9 al 15 de julio de 1995). México, 1998. P. 397–432.

¹⁶ Подробнее о видовой структуре корпуса майяских источников см.: Беляев Д.Д. Формирование и развитие государственной организации у майя Петена в классический период (I тыс. н.э.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 29–37; Давлетшин А.И. Палеография древних майя.

мая¹⁷. Единый письменный язык был важнейшим средством поддержания культурного единства на обширной территории, которая никогда не представляла собой политического целого. При этом он продолжал сохранять связь с ритуальным языком, устным по своей природе¹⁸. В некоторых надписях прослеживаются слабые субстратные следы локальных языков (древнечонтальского, древнецельтальского или древнецоцильского, древнеюкатекского и, вероятно, древнеишильского и древнекекчийского)¹⁹. Когда после кризиса классического общества майя на рубеже I–II тыс. н.э. ареал письменной культуры ограничился севером полуострова Юкатан, иероглифический майя окончательно утерял связь с разговорным и стал языком книжной культуры, взаимодействуя с древнеюкатекским в условиях диглоссии²⁰.

Основную информацию о характере историописания у майя содержат царские надписи. В этот вид входит большая часть монументальных текстов, а также многие надписи на предметах мелкой пластики. Специфика этого вида определяется двумя моментами.

Во-первых, для майя, как и для других архаических обществ, свойственно представление об активном взаимодействии мира предков и мира живых. Это ведет к тому, что деяния прошлого находят непосредственное воплощение в настоящем, а затем и будущем. Каждое важное действие (военный поход, религиозный обряд, строительство) имеет связь с «иным миром», и осуществляющий его человек, а также возглавляемая им группа, достигает значимости, увеличивает свою силу и могущество. Символом этого становится реальный предмет.

Во-вторых, в культурах Мезоамерики сформировались специфические представления о цикличности времени. В рамках календаря

¹⁷ *Houston S.D., Robertson J., Stuart D.* The Language of Classic Maya Inscriptions // *Current Anthropology*. 2000. Vol. 41, N 3. P. 321–356. С. Хаустон, Д. Стюарт и Дж. Робертсон используют термин «классический чольтийский».

¹⁸ *Давлетшин А.И.* Язык иероглифических надписей майя как язык ритуальный или об устной природе иероглифического майя // *Слово устное и слово книжное*. М., 2009. С. 440–468.

¹⁹ *Lacadena A., Wichmann S.* The Distribution of Lowland Maya Languages in the Classic Period // *La organización social entre los mayas prehispánicos, coloniales y modernos: Memoria de la Tercera Mesa Redonda de Palenque*. Mexico; Merida, 2002. Vol. 2. P. 275–314; *Idem.* The dynamics of language in the Western Lowland Maya region // *Art for Archaeology's Sake. Material Culture and Style across the Disciplines. Proceedings of the Thirty-Third Annual Conference of the Archaeological Association of the University of Calgary*. Calgary, 2005. P. 32–48.

²⁰ *Ибрагимова К.Д.* Письменная традиция у майя Юкатана в IX–XI вв. // *ЛА*. 2008. № 9. С. 61–72.

даты могут повторяться, следовательно, могут повторяться и события. Таким образом, иероглифические тексты — это гарантия благополучия и продолжения истории, которая осуществляется пока мощь и слава правящей династии поддерживаются на должном уровне. Поэтому уничтожение монументов побежденного города вело за собой не только уничтожение образов и могущества его царей, но и лишение его будущего. Даты являлись важнейшей частью иероглифического текста, подчас занимая большую его часть. Для более надежного включения записанных сведений в хронологическую канву использовался целый ряд взаимопересекавшихся датировок.

Целью создания царских надписей являлось запечатление истории как реализации деяний царей и царских династий, что обеспечивало благополучное настоящее и существование будущего. Дж. Карлсон указывает, что «целью создания стел было вовсе не запечатлеть реальную историю, а обеспечить божественную санкцию для правителя и его рода и положительный прогноз на будущее»²¹. В таком смысле это не просто «пропаганда», предназначенная для прославления правящего слоя и удержания в повиновении простого народа, как это полагают некоторые исследователи²². Царские надписи невозможно рассматривать вне контекста представлений майя о царской власти и ее роли в жизни общества и мира.

Судя по имеющимся у нас данным, ситуация в других мезоамериканских обществах была аналогичной. Иероглифические рукописи представляли собой обширную группу видов, объединенных общим носителем (бумага из луба фикуса, листьев агавы или оленьи шкуры). До нас дошло очень большое количество рукописей, созданных или скопированных уже после Конкисты, в XVI–XVII вв.²³ В группе эпиграфических источников также выделяются два вида: царские/коммеморативные надписи и владельческие надписи.

Однако такая структура источникового корпуса сформировалась в результате длительного предшествующего развития. Истоки письменной традиции в Мезоамерике относятся к формативному

²¹ *Carlson J.* On Classic Maya monumental recorded history // *Third Palenque Round Table*, 1978. Austin, 1980. Part 2. P. 202.

²² Например, см.: *Marcus J.* Mesoamerican Writing Systems: Propaganda, Myth, and History in Four Ancient Civilizations. Princeton, 1992. Критику подхода Маркус см.: *Stuart D.* A study of Maya inscriptions: Ph.D. diss. Vanderbilt University, 1995.

²³ Общий обзор астекских и миштекских рукописей см.: *Boone E.H.* Stories in Red and Black: Pictorial Histories of the Aztec and Mixtec. Austin, 2000.

периоду (I тыс. до н.э.). Без изучения процессов, приведших к зарождению и распространению в мезоамериканских обществах иероглифической письменности и первых письменных памятников, исследование зарождения историописания невозможно.

Традиционная «моноцентрическая» модель генезиса письменности в Мезоамерике заключалась в том, что ее изобретателями были носители ольмекской археологической культуры, у которых письмо заимствовали сапотеки и майя²⁴. Одним из важных аргументов в пользу этого считался тот факт, что практически все мезоамериканские письменности обладают такими общими чертами, как колоночный формат, ориентация лицевых знаков в левую сторону, порядок чтения слева направо, цифровая система «точек и палочек», знаки 20-дневного месяца и значительное количество знаков, изображающих человеческие лица или головы животных²⁵. В 1976 г. Дж. Маркус выдвинула гипотезу о параллельном развитии письменности в Оахаке (сапотеки) и на побережье Мексиканского залива (ольмеки)²⁶. Дискуссия вновь актуализировалась с открытием в штате Веракрус (Мексика) в 1999 г. так называемого «монумента из Каскахалья» — каменной плиты с процарапанными знаками, широко датируемой рубежом II–I тыс. до н.э.²⁷ Ряд исследователей высказали сомнение в аутентичности этого артефакта, но даже сторонники его подлинности признают, что «письменность Каскахалья» исчезла, не оставив следа в дальнейшей истории мезоамериканской культуры²⁸. На настоящий момент проблема моноцентризма/полицентризма происхождения письменности в Мезоамерике остается неразрешенной, ясно лишь, что наиболее ран-

²⁴ См., например: *Кнорозов Ю.В.* Письменность индейцев майя. С. 5–7; *Coe M.D.* Early steps in the evolution of Maya writing // *Origins of religious art and iconography in Preclassic Mesoamerica*. Los Angeles, 1976. (UCLA Latin American Studies Series; Vol. 31). P. 107–122; *Justeson J.S.* The origins of writing systems: Preclassic Mesoamerica // *World Archaeology*. 1986. Vol. 17, N 3. P. 437–458.

²⁵ *Justeson J.S., Norman W.M. et al.* The foreign impact on Lowland Mayan language and script. New Orleans, 1985. P. 33.

²⁶ *Marcus J.* The origins of Mesoamerican writing // *Annual Review of Anthropology*. 1976. N 5. P. 35–67.

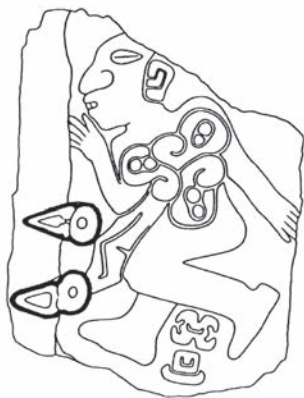
²⁷ *Rodríguez Martínez M., Ortíz Ceballos P., Coe M.D. et al.* Oldest Writing in the New World // *Science*. 2006. Vol. 313, N 5793. P. 1610–1614; *Mora-Marín D.F.* Early Olmec Writing: Reading Format and Reading Order // *Latin American Antiquity*. 2009. Vol. 20, N 3. P. 395–412.

²⁸ *Bruhns K., Kelker N.* Did the Olmec Know How to Write? // *Science*. 2007. Vol. 315, N 5817. P. 1365–1366; *Rodríguez Martínez M., Ortíz Ceballos P., Coe M.D. et al.* Oldest Writing in the New World. P. 1614.

ними регионами, где появляются письменные тексты, были Оахака и побережье Мексиканского залива.

Оахака — историко-культурный регион, включающий территорию нынешнего мексиканского штата Оахака, восток штата Герреро и юг штата Пуэбла, — была одним из очагов формирования государственности и урбанизации в Мезоамерике в середине — второй половине I тыс. до н.э. В V в. до н.э. в Центральной долине был основан новый политический центр — Монте-Альбан, — впоследствии объединивший соперничавшие между собой вожества долины, завоевавший обширные территории за пределами долины и в III–II вв. до н.э. ставший столицей первого сапотекского государства²⁹. Параллельно с формированием новой социально-политической организации мы наблюдаем процесс оформления сапотекской письменности и начало историописания.

Самый ранний памятник сапотекской письменности — монумент 3 из Сан-Хосе-Моготе (илл. 1) — был обнаружен К. Флэннери и Дж. Маркус в 1975 г. при раскопках памятника Сан-Хосе-Моготе в северной части Центральной долины Оахаки.

Илл. 1. Монумент 3 из Сан-Хосе-Моготе

Он представляет собой каменную плиту неправильной формы с отбитым верхним правым углом размерами 145 x 92 см. На лицевой стороне монумента изображена обнаженная человеческая фигура с закрытыми глазами, выпущенными внутренностями и вырванным сердцем. Мексиканский археолог Л. Батрес в 1902 г. вслед за местными жителями назвал подобные изображения «танцорами» (исп. *danzantes*), и этот термин, хотя и неверный, используется до сих пор. В первой половине XX в. мексиканские и американские исследователи

предлагали различные интерпретации этих изображений (пловцы-актеры согласно А. Вильягре, жрецы-кастраты согласно Э. Давалосу, шаманы в экстатическом состоянии согласно П. Фёрсту), но в 1962 г. М. Ко впервые предположил, что это мертвые (что символизиру-

²⁹ См.: Blanton R.E. et al. Ancient Oaxaca: The Monte Alban State. Cambridge, 1999; Marcus J., Flannery K.V. Zapotec Civilization: How Urban Society Evolved in Mexico's Oaxaca Valley. L., 1996.

ют закрытые глаза) и замученные (что символизируют вырванные в ходе пыток внутренности и сердца) пленники. Детальный анализ Дж. Скотта подтвердил гипотезу Ко³⁰.

Под левой ногой пленника высечено два календарных иероглифа — единица и один из знаков дней 20-дневного месяца (так называемый иероглиф «L»), что вместе составляет дату по 260-дневному циклу. По мнению Маркус, этот иероглиф представлял собой либо часть циклической даты, либо календарное имя³¹. На краю монумента высечены два элемента в виде кругов, которые продолжают-ся двумя треугольниками на боковой стороне монумента.

Флэннери и Маркус приблизительно датировали монумент серединой VII–VI в. до н.э. В отличие от более поздних скульптур, монумент 3 не располагался вертикально, а служил ступенью в проходе между старым и новым храмами Сан-Хосе-Моготе (Здания 28 и 37). Авторы предположили, что это был особый триумфальный памятник — участники церемоний наступали на изображение побежденного и символически повторяли победу³².

Несмотря на широкое признание специалистами, гипотеза Флэннери и Маркус вызвала и критику. Р. Кан и М. Винтер обратили внимание на отсутствие точных датировок археологического слоя, в котором был обнаружен монумент, и предположили, что он был перезахоронен в более раннем стратиграфическом слое³³. Г. Уиттакер обратил внимание на палеографию надписи. По его мнению, знак, использованный для записи цифры «1», выглядит анахронистично — в виде большого кружка с элементом в виде латинской буквы «U» внутри³⁴.

³⁰ См.: *Scott J.F. The Danzantes of Monte Albán. Washington, 1978. Part 1: Text. P. 21–27.*

³¹ Циклическая дата (дата 52-летнего цикла) — один из способов датировки в Мезоамерике, отмечающий дни в пределах цикла в 18 980 дней (совмещение священного 260-дневного цикла и 365-дневного солнечного года). При циклической датировке даты могут повторяться каждые 52 года. Циклическая дата состоит из указания на день 260-дневного календаря и число месяца в 365-дневном году. Календарное имя — имя, которое человек получал по дню 260-дневного цикла, в который он родился. Календарное имя состояло из сочетания цифры — порядкового номера дня внутри 13-дневной недели — и названия дня внутри 20-дневного месяца. Подробнее о календарной системе в Мезоамерике см.: *Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. С. 253–257.*

³² *Flannery K.V., Marcus J. Formative Oaxaca and the Zapotec Cosmos // American Scientist. 1976. Vol. 64, N 4. P. 382; Marcus J. Zapotec Writing // Scientific American. 1980. Vol. 242, N 2. P. 50–64.*

³³ *Cahn R., Winter M. The San Jose Mogote Danzante // Indiana. B., 1993. Bd. 13. S. 39–64.*

³⁴ *Whittaker G. The hieroglyphs from Monte Alban: Ph.D. diss. Yale University, 1980.*

Такая форма появляется ближе к классическому периоду, в первые века н.э. Аналогично форма календарного иероглифа «L» выглядит более поздней по сравнению с надписями Монте-Альбана. Однако недавняя публикация радиоуглеродных датировок из раскопок Сан-Хосе-Моготе подтвердила раннюю дату (последняя треть VII — середина VI в. до н.э., не позднее 520 г. до н.э.)³⁵. Таким образом, первая сапотекская иероглифическая надпись непосредственно примыкает к эпохе объединения и основания Монте-Альбана (500–450 гг. до н.э.).

Традиция создания каменных монументов, изображающих замученных побежденных врагов, была продолжена в Монте-Альбана. Начиная с середины IV в. до н.э. фасады зданий Главной площади были украшены по меньшей мере 300 изображениями пленников, сопровождающимися иероглифическими надписями. Как правило, это именные иероглифы (в том числе календарные), а также пока не прочитанный иероглиф, по-видимому, передающий глагольную форму. Очевидно, она запечатлела ход завоевания долины Оахаки правителями Монте-Альбана (илл. 2).

Илл. 2. Галерея пленников (Здание L-sub) в Монте-Альбана (реконструкция Х. Урсида)

Со сложением к началу нашей эры единого сапотекского государства со столицей в Монте-Альбана характер триумфальных монументов изменился. На смену «танцорам» пришли более пространственные надписи каменных панелях, в которых упоминаются даты, топонимы и календарные имена пленников³⁶. Победные монументы, в соответствии с общемезоамериканской традицией, рас-

³⁵ Flannery K. V., Marcus J. The Origin of War: New 14 C Dates from Ancient Mexico // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2003. Vol. 100, N 20. P. 11801–11805.

³⁶ Marcus J. Zapotec Writing. P. 56–60; *Idem*. The iconography of militarism at Monte Alban and neighboring sites in the Valley of Oaxaca // The origins of religious art and iconography in Preclassic Mesoamerica. Los Angeles, 1976. P. 127–132; Whittaker G. The hieroglyphs from Monte Alban.

полагались в самом центре Главной площади Монте-Альбана. Быстрое распространение иероглифической письменности сопровождало и становление государственности в других областях Оахаки, прежде всего в Миштека-Альте³⁷. В классический период традиция историописания в Оахаке продолжает развиваться в том же ключе вплоть до ее трансформации в постклассическое время³⁸.

Побережье Мексиканского залива — ареал распространения ольмекской (XV–IV вв. до н.э.) и эпольмекской культуры (IV в. до н.э. — V в. н.э.). Это один из первичных регионов формирования сложной социально-политической организации в Мезоамерике³⁹. Первые памятники происходят из восточной части ольмекского региона и связаны с Ла-Вентой (штат Табаско) — крупнейшим ольмекским центром первой половины I тыс. до н.э. Найденная в ходе раскопок в 1997–1998 гг. в поселении Сан-Андрес неподалеку от Ла-Венты печать, датированная второй половиной VII в. до н.э., изображает птицу и, возможно, календарный знак⁴⁰. Однако первая монументальная надпись из Ла-Венты датируется более поздним временем, ближе к концу V в. до н.э. Монумент 13 (илл. 3) был обнаружен в 1943 г. Ф. Дракером и У. Уэделом рядом с зданием А-2 Комплекса А в Ла-

Илл. 3. Стела 13 из Ла-Венты

³⁷ См.: *Balkansky A.K., Kowalewski S.A., Pérez Rodríguez V., Pluckhuhn T.J., Smith C.A., Stiver L.R., Beliaev D., Chamblee J.F., Heredia Espinoza V.Y., Santos Pérez R.* Archaeological Survey in the Mixteca Alta of Oaxaca, Mexico // *Journal of Field Archaeology*. 2000. Vol. 27. P. 365–389. Особо следует отметить надписи Уамелульпана (*Balkansky A.K.* Urbanism and early state formation in the Huamelulpan Valley of Southern Mexico // *Latin American Antiquity*. 1998. N 1. P. 37–76; *Gaxiola M.* Huamelulpan: un centro urbano de la Mixteca Alta. México, 1984; *Moser C.L.* Nuiñe writing and iconography of the Mixteca Baja. Nashville, 1977. P. 239).

³⁸ Обзор дальнейшего развития письменной традиции и историописания в Оахаке см.: *Беляев Д.Д.* Царские генеалогии в древней Мезоамерике // ДГ, 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 39–45.

³⁹ См.: *Беляев Д.Д.* Еще раз к вопросу о социально-политической организации ольмекской культуры // Политическая антропология традиционных и современных обществ: Мат-лы междунар. конф. Владивосток, 2012. С. 3–29.

⁴⁰ *Pohl M.E.D., Pope K., von Nagy C.* Olmec Origins of Mesoamerican Writing // *Science*. 2002. Vol. 298, N 5600. P. 1984–1987.

Венте⁴¹. Хотя, судя по фотографиям, рельеф сохранился достаточно хорошо, различные прорисовки надписи зачастую противоречат друг другу в деталях. Хотя с самого начала было ясно, что знаки на монументе представляют собой одну из самых ранних надписей⁴², детальный эпиграфический анализ был проведен А. Лакаде-ной лишь в 2000-е годы.

Монумент изображает человека в профиль в богатом головном уборе, украшенном перьями, в сандалиях и ожерелье. В левой руке он держит предмет на древке, который часто интерпретируется как знамя, но также могущий быть оружием. По обе стороны от фигуры высечены 4 иероглифических знака. Лакадена показал, что, несмотря на небольшой размер, надпись представляет собой фразу, которая может быть подвергнута позиционному анализу, и ее структура соответствует структуре фразы в языках михе-сокеанской лингвистической семьи, на одном из которых говорили носители ольмекской культуры. Первые два знака представляют собой календарную дату 260-дневного календаря («1 ?»), за ними следует именной иероглиф «ПТИЦА», а затем глагол, переданный знаком в виде отпечатка человеческой ступни («пришел»)⁴³. А.И. Давлетшин предположил, что в головном уборе изображенного на монументе персонажа еще раз вписан его именной иероглиф «ПТИЦА».

Монумент 13 остается единственным ольмекским письменным памятником. Вскоре после его создания Ла-Вента была оставлена, и ядро политического и культурного развития смещается из долины Тоналы на север, к горам Туштлы, и распространяется вдоль побережья Веракруса. Наряду со старыми центрами, такими как Трес-Сапотес, вырастают новые — Серро-де-Лас-Месас, Эль-Вьехон, — которые сохраняют многие традиции своих предшественников.

Позднеформативная культура побережья Мексиканского залива получила название эпиольмекской. Ее характерной чертой является широкое распространение письменности, а также масштабная реформа календаря. В начале эпиольмекского времени в дополнение к циклическим датам была разработана новая система датировки —

⁴¹ *Drucker Ph.* La Venta, Tabasco. A study of Olmec ceramics and art. Washington, 1952.

⁴² *Ibid.* P. 195; *Marcus J.* The origins of Mesoamerican writing.

⁴³ *Lacadena A.* La escritura olmeca y la hipótesis del mixe-zoque: implicaciones lingüísticas de un análisis estructural del monumento 13 de La Venta // *Olmeca. Balance y perspectivas. Memoria de la Primera Mesa Redonda.* México, 2008. P. 667–683.

так называемый «долгий счет». «Долгий счет» лучше всего известен по иероглифическим надписям майя классического периода, где он входит в состав так называемой «начальной серии» и представляет собой датировку по эре, отсчитываемой от начальной даты, соответствующей 13 августа 3114 г. до н.э. У майя дата записывалась при помощи чисел в сочетании с 5 календарными периодами⁴⁴.

Самые ранние надписи с «долгим счетом» в эпиольмекском ареале датируются второй половиной I в. до н.э. — стела 2 из Чиападе-Корсо, штат Чьяпас (7.16.3.2.13 или 36 г. до н.э.), стела С из Трес-Сапотес (7.16.6.16.18 или 32 г. до н.э.). Однако, в отличие от майя, там не встречаются знаки календарных периодов, а используется позиционная запись, в которой числовые коэффициенты периодов расположены вертикально один над другим.

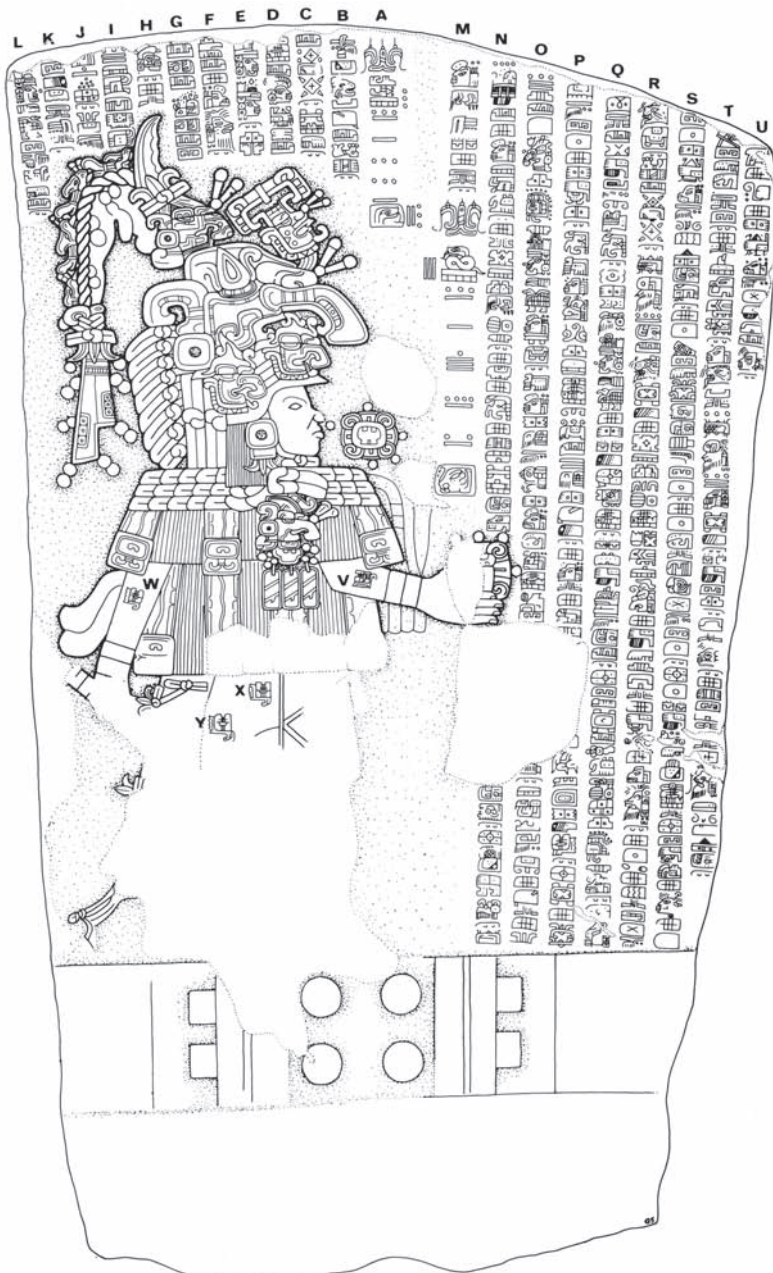
Открытие в 1989 г. большой эпиольмекской надписи на стеле 1 из Ла-Мохарры⁴⁵ (илл. 4), датирующейся серединой — второй половиной II в. н.э., дало новый материал для анализа эпиольмекской иероглифики⁴⁶ и календарно-хронологической системы⁴⁷. Этот текст представляет собой типично мезоамериканский монументальный памятник. В левой части стелы изображен правитель

⁴⁴ Традиционно эти периоды обозначаются как бактун (на иероглифическом майя языке *pik* — 144 000 дней), катун или двадцатилетие (*winaakhaa'b* — 7200 дней), год (*haa'b* — 360 дней), месяц (*winal* — 20 дней) и день (*k'in*). Таким образом, условная запись 7.16.3.2.13 означает, что от начальной даты прошло 7 бактунов, 16 катунов, 3 года, 2 месяца и 13 дней (подробнее см.: *Кнорозов Ю.В.* Письменность индейцев майя. С. 253–257).

⁴⁵ *Winfield Capitaine F.* La Estela 1 de La Mojarra, Veracruz, México // *Research Reports on the Ancient Maya Writing*. Washington. 1988. N 16.

⁴⁶ В работах Дж. Джастесона и Т. Кауфмана (*Justeson J.S., Kaufman T.* Un desciframiento de la escritura jeroglífica epi-olmeca: métodos y resultados // *Arqueología*. 1992. N 8. P. 15–25; *Eidem.* Decipherment of Epi-Olmec hieroglyphic writing // *Science*. 1993. Vol. 259. P. 1703–1711; *Eidem.* Newly discovered column in the hieroglyphic text on La Mojarra Stela 1: a test of the Epi-Olmec decipherment // *Science*. 1997. Vol. 277. P. 207–210) было продемонстрировано фонетическое значение некоторых слоговых знаков, а язык текстов идентифицирован как протосоке, однако широко разрекламированная «полная дешифровка» эпиольмекского письма была подвергнута серьезной и аргументированной критике (см.: *Houston S.D.* Is Isthmian writing decipherable? // *Древний Восток и античный мир: Тр. кафедры истории Древнего мира Исторического ф-та МГУ. М., 2004. Вып. 6. С. 105–118).*

⁴⁷ *Davletshin A.* Epi-Olmec calendar: question of correlation // *Astronomy of ancient societies: Proceedings of the Conference “Astronomy of Ancient Civilizations” of the European Society for Astronomy in Culture (SEAC), Moscow, May 23–27, 2000. Moscow, 2002. P. 174–179.*

Илл. 4. Стела 1 из Ла-Мохарры (прорисовка Дж. Стюарта)

в богатом костюме и сложном шлеме-короне, держащий в правой руке топор, а в левой — неизвестный объект в виде узла (вероятно, символ власти). Центральный элемент короны — изображение «Верховного Птичьего божества». Это орнитоморфное существо начиная с позднеформативного периода играло важную роль в идеологии царской власти в Юго-Восточной Мезоамерике⁴⁸. Остальную часть пространства стелы занимает пространственный (около 500 знаков) текст.

Надпись организована вокруг двух дат по «долгому счету» — 8.5.3.3.5 (1.05.143 г. н.э.) и 8.5.16.9.7 (23.06.156 г. н.э.). Каждая из них открывает свой фрагмент текста. Фрагмент 1 (колонки A–L) разворачивается из центра справа налево, а фрагмент 2 (колонки M–U) — слева направо. Важная календарная инновация, зафиксированная на стеле из Ла-Мохарры, — появление «интервальных чисел». «Интервальное число» — это количество дней, прошедших между датой «долгого счета» и следующей циклической датой или двумя соседними циклическими датами. На основании дат и встречающихся в тексте «интервальных чисел» А.И. Давлетшин предложил следующую хронологию стелы 1 из Ла-Мохарры: 8.5.3.3.5 (21 мая 143 г. н.э.) — дата 1 по «долгому счету»; 8.5.3.3.6 (22 мая 143 г. н.э.); 8.5.3.3.7 (23 мая 143 г. н.э.); 8.5.16.3.7 (16 марта 156 г. н.э.); 8.5.16.9.7 (13 июля 156 г. н.э.) — дата 2 по «долгому счету»; 8.5.16.13.7 (1 октября 156 г. н.э.); 8.5.17.13.7 (26 сентября 157 г. н.э.); 8.5.17.14.0 (9 октября 157 г. н.э.); 8.5.17.4.9 (18 октября 157 г. н.э.); 8.5.18.14.9 (13 октября 158 г. н.э.); 8.5.19.14.9 (8 октября 159 г. н.э.); 8.5.19.15.2 (21 октября 159 г. н.э.); 8.6.11.15.2 (19 августа 171 г. н.э.)⁴⁹.

Надпись охватывает 28 лет и, по-видимому, описывает жизнь и правление изображенного на стеле царя. Если сравнить надпись из Ла-Мохарры с типичной классической надписью майя, то представляется вероятным, что комплекс дат, примыкающих к первому «долгому счету» (21–23 мая 143 г. н.э.), связан с восхождением пра-

⁴⁸ Подробнее см.: *Беляев Д.Д.* Под сенью Птичьего Божества: формирование идеологии царской власти на Гватемальском нагорье в I тыс. до н.э. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Владивосток, 2012. № 3. С. 8–22.

⁴⁹ *Давлетшин А.И.* Символы власти в ранней юго-восточной Мезоамерике: текст и иконография на стеле 5 из Абах-Такалика, Гватемала // *Власть в аборигенной Америке. Проблемы индеанистики.* М., 2006. С. 151–152. Схема Давлетшина опирается на схему Дж. Джастесона и Т. Кауфмана, но является более детальной.

вителя на трон, а вторая дата по «долгому счету» (13 июля 156 г. н.э.) датирует какое-то ключевое событие в его царствование.

Позже, чем в Оахаке и на побережье Мексиканского залива, появляются надписи исторического содержания в горной Гватемале и на Тихоокеанском побережье.

Каминальхуйю — крупнейший археологический памятник горной Гватемалы I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. Его возвышение началось вскоре после V в. до н.э., к рубежу нашей эры он превратился в столицу мощного государства, охватывавшего все Центральное Гватемальское нагорье⁵⁰. Обширный корпус скульптур Каминальхуйю в настоящее время включает более 220 монументов и их фрагментов, хотя только около 30% содержат иероглифические надписи⁵¹.

Традиция монументальной скульптуры в Каминальхуйю начинается со среднеформативной эпохи и включает в себя разнообразные формы памятников. Среди них присутствуют и изображения вождей, отправляющих ритуалы, — например, скульптура 9 (ранее стела 9), относящаяся ко времени до середины IV в. до н.э.⁵²

Самым важным типом монументальной скульптуры с иероглифическими надписями Каминальхуйю являются массивные стелы и алтари, тесно связанные с культом власти. Традиция сооружения этих памятников практически идеально совпадает с границами периода Вербена/Ареналь (конец II в. до н.э. — середина II в. н.э.)⁵³.

⁵⁰ Подробнее о социально-политической эволюции Каминальхуйю см.: *Беляев Д.Д.* Под сенью Птичьего Божества. С. 8–22. Необходимо отметить, что в статье 2012 г. автором использовалась старая хронология Э. Шука и М. Попеноз де Хатч. Ревизия средне- и позднеформативной хронологии Тихоокеанского побережья и горной Гватемалы, предложенная Т. Иноматой и его коллегами, омолаживает все даты на 300–350 лет (см.: *Inomata T. et al.* Chronological Revision of Preclassic Kaminaljuyu, Guatemala: Implications for Social Processes in the Southern Maya Area // *Latin American Antiquity*. 2014. Vol. 25, N 4. P. 377–408).

⁵¹ Последний каталог см. в неопубликованной диссертации Л. Хендерсон (*Henderson L.* Bodies Politic, Bodies in Stone: Identity of the Human and the Divine in the Sculpture of Late Preclassic Kaminaljuyu, Guatemala: Ph.D. diss. University of Texas at Austin, 2013). В данной статье в отличие от предыдущей работы (см. примеч. 50) использована новая номенклатура монументов Каминальхуйю, разработанная Археологическим проектом Каминальхуйю (ПАК). В соответствии с ней все памятники определяются как скульптура (англ. *Sculpture*, исп. *Escultura*) вне зависимости от их внешней формы или предполагаемой функции.

⁵² Анализ иконографии этого монумента см.: *Беляев Д.Д.* Под сенью Птичьего Божества. С. 14.

⁵³ Согласно старой хронологии, фаза Вербена датировалась 400–200 гг. до н.э., фаза Ареналь — 200 г. до н.э. — 100 г. н.э.

К сожалению, отсутствие на стелах Каминальхуйю фиксированных календарных дат не дает возможности для их датировки, а отсутствие археологического контекста зачастую не позволяет пока провести сериацию по иконографическим признакам⁵⁴. Тематически стелы Каминальхуйю не очень разнообразны: на них практически отсутствуют мифологические сюжеты и многофигурные сцены, а основной мотив — это изображение правителя как имперсонатора божеств⁵⁵.

Судя по стратиграфии, а также исходя из стилистического анализа, наиболее ранней стелой Каминальхуйю является скульптура 11 (ранее стела 11), обнаруженная Э. Шуком в 1957 г. в шурфе между Маундами D-III-10 и D-IV-2 на глубине 146 см. Несмотря на то, что на стеле нет надписи, она представляет собой прототип всех последующих скульптурных памятников. Она изображает стоящую в профиль и смотрящую влево мужскую фигуру в маске-короне в виде головы «Верховного Птичьего Божества» с топором в руке. В соответствии с новой археологической хронологией, предложенной Т. Иноматой, стела 11 относится к концу II — первой половине I в. до н.э.⁵⁶

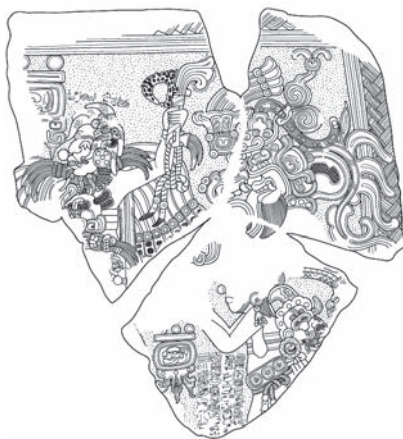
Следующая по хронологии скульптура 10 (ранее стела 10 — илл. 5) знаменует оформление специфического стиля Каминальхуйю⁵⁷. Этот монумент был найден в 1955 г. Г. Эспинойсой в том же шурфе, что и стела 11, но несколько выше. Памятник уже в древности был расколот на четыре части и поврежден, однако сохранилась значительная часть рельефа и процарапанная иероглифическая над-

⁵⁴ См. различные подходы С. Майлс (*Miles S. Sculpture of the Guatemala-Chiapas Highlands and Pacific Slopes, and Associated Hieroglyphs // Handbook of Middle American Indians. Austin, 1965. Part 1: Archaeology of Southern Mesoamerica. P. 237–275*) и Л. Парсонса (*Parsons L.A. The Origins of Maya Art: Monumental Stone Sculpture of Kaminaljuyu, Guatemala and the Southern Pacific Coast. Washington, 1986*).

⁵⁵ *Беляев Д.Д.* Под сенью Птичьего Божества. С. 16–17.

⁵⁶ Дж. Портер на основании изучения полевых заметок Э. Шука предположил, что стела 11 и стела 10 одновременны и составляли пару «стела — алтарь».

⁵⁷ Из значительного числа публикаций, посвященных стеле 10, следует особо выделить статьи Ф. Фасена и Д. Моры Марина (*Fahsen F. Kaminaljuyu y sus vecinos // XIII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 1999. Guatemala, 2000. P. 42–65; Mora Marin D. Kaminaljuyu Stela 10: Script Classification and Linguistic Affiliation // Ancient Mesoamerica. 2005. Vol. 16. P. 63–87*), а также неопубликованную работу Дж. Портера (*Porter J. Kaminaljuyu Stela 10: Excavation, Relief Carving, Glyphic Text and Place in Mesoamerican History*), до недавнего времени доступную в интернете на его личном сайте.

Илл. 5. Скульптура 10 из Каминальхуйю
(прорисовка Л. Хендерсон)

пись. Судя по данным Эспиносы, со слоем, где были найдены три фрагмента памятника, ассоциирована керамика конца фазы Вербена или самого начала фазы Ареналь, что, согласно новой хронологии, соответствует середине I в. н.э. Функция монумента остается предметом дискуссии. По мнению Парсонса, это был алтарь, в то время как Каплан полагает, что он служил трон⁵⁸.

Сцена обрамлена по периметру изображением циновки — одного из универсальных символов власти в Мезоамерике. В центре на постаменте изображен правитель, перед лицом которого высечен календарный иероглиф «7 Орел». За его спиной изображена коленопреклоненная женщина, перед которой написано «8 Ягуар». Над женщиной изображена голова или маска какого-то существа с вытянутым носом и зубами словно бы парящая в воздухе (возможно, божественный предок). Судя по иконографии памятника, правитель также выступает в ритуале имперсонации.

Иероглифическая надпись на скульптуре 10 представляет собой лучший пример иероглифической письменности Каминальхуйю. Изначально она состояла приблизительно из 60 знаков. Знаки были неглубоко процарапаны, поэтому их сохранность довольно плохая.

⁵⁸ *Parsons L.* The Origins of Maya Art. P. 67; *Kaplan J.* Rulership and Ideology at Late Preclassic Kaminaljuyu: A Comparative study: PhD. diss. Yale University, 1999. P. 315.

Первый фрагмент текста (около 20 знаков; В1–Е6), расположенный в верхнем левом углу монумента, уничтожен практически полностью, за исключением самого нижнего ряда. Он завершается логограммой 'AJAW («царь»). Вторая часть (40 знаков; G1–J10) находится в нижней части монумента и сохранилась лучше. Она открывается сочетанием 15.WINIK?, *ho'laju'n winik* («15 месяцев»), которое, очевидно, является интервальным числом. Однако никаких следов «долгого счета» в надписи не обнаружено, а есть только даты по 260-дневному календарю (7 Орёл и 8 Ягуар). Ранние формы знаков затрудняют прочтение надписи, однако в ней еще раз встречается логограмма 'AJAW («царь»), а также цифры 6 и 10⁵⁹.

Скульптура 8 практически идентична скульптуре 10 (хотя персонажи развернуты в другую сторону), однако рельеф очень сильно поврежден, и следов иероглифов не сохранилось.

Обнаруженная случайно в 1983 г. скульптура 65 (ранее монумент 65) представляет собой редкий пример двустороннего монумента. На стороне А (илл. 6) одна над другой высечены три идентичные сцены: правитель на троне, отдающий приказы пленникам (что передано правой рукой с вытянутым указательным пальцем). В головной убор каждого правителя вписан его именной иероглиф; соответственно, представлены 3 поколения царей, имена которых можно прочесть как **ША'N**, **К'АНК'-К'IN** и **YOP-ШАAN**, хотя идентифицировать эти имена в других текстах пока не представляется возможным. С двух сторон от трона изображены два коленопреклоненных пленника. Они обнажены, руки у них связаны. Примечательно, что в каждой паре у одного из пленников также имеется именной иероглиф, вписанный в головной убор⁶⁰.

Страна В сохранилась очень плохо, однако лазерное сканирование памятника, проведенное в 2000-е годы Т. Доэрингом и Л. Коллинз, а также фотографии, сделанные нами в ходе работы в Национальном музее археологии и этнологии Гватемалы, позволяют реконструировать общую схему⁶¹. В правой части сцены изобра-

⁵⁹ Новые фотографии надписи на стеле 10, сделанные нами в ходе работы в коллекции Национального музея археологии и этнологии Гватемалы летом 2015 г. (проект «Археологический атлас Петена. Фаза 3»), позволяют надеяться на дальнейший прогресс в анализе этого важного текста.

⁶⁰ Наиболее детальная прорисовка стороны А была выполнена А.И. Давлетшиным.

⁶¹ *Doering T., Collins L. Revisiting Kaminaljuyu Monument 65 in Three-Dimensional High Definition // The place of stone monuments: context, use, and meaning in Mesoamerica's Preclassic transition. Washington, 2010. P. 259–282.*

Илл. 6. Сцена на стороне А Скульптуры 65 из Каминальхуйю
(прорисовка А. Давлетшина)

жен стоящий в профиль правитель в пышном головном уборе и выставленной правой рукой с вытянутым указательным пальцем (жест, аналогичный жесту царей на стороне А). Перед ним виден коленопреклоненный пленник со связанными руками, за которым стоит еще один высокопоставленный персонаж который протягивает некий предмет правителю. Сцену осеняет так называемая «небесная полоса», символизирующая небесный свод. Посередине полосы располагается солнечный портал, из которого выглядывает человек. Этот мотив в мезоамериканском искусстве обозначает предка. Также сохранились следы двух колонок с иероглифами. Одна располагалась по центру монумента, начиналась с календарного иероглифа и содержала еще три знака. Вторая колонка находилась перед лицом пленника и, видимо, тоже начиналась с календарного иероглифа.

Обе стороны монумента представляют собой единую иконографическую программу. Сторона В, очевидно, изображает триумф правя-

шего царя, а сторона А — триумфы его предшественников, и перед нами историческая хроника, охватывающая четыре поколения. Несмотря на отсутствие точного археологического контекста, судя по стилю, монумент относится к началу фазы Ареналь (ок. 50–100 гг. н.э.) В таком случае четыре поколения правителей охватывают около столетия с середины I в. до н.э., закрывая временной промежуток между скульптурой 11 и более поздними памятниками.

К этому же периоду (I–II вв. н.э.) относятся скульптуры 67 и 68 (двусторонние стелы, на которых сохранились остатки триумфальных сцен), большое количество фрагментов резных монументов, а также два алтаря со следами иероглифических надписей (скульптура 1 и 12). Правая часть скульптуры 1 отколота, однако ее композиция аналогична алтарю 2. В сцене представлены две богато одетые фигуры, смотрящие друг на друга, разделенные колонкой иероглифических блоков из двух столбцов. К сожалению, детали иероглифов не сохранились. На торцевой части алтаря была высечена последовательность календарных знаков, из которых сохранились только два — 6 Ик и 8 Ахав.

Письменная традиция в Каминальхуйю резко прерывается в середине III в. н.э., после того как он пережил экологический и, возможно, социальный кризис, прежняя династия пала, а город был завоеван. Археологически это отражено в распаде керамической сферы Мирафлорес и распространении в Центральном нагорье керамики сферы Солано. Завоеватели, видимо, происходили из северо-западных долин, и их политическим центром была Ла-Лагунита. С этими событиями связано появление в долине Гватемалы носителей языков майя-киче⁶². Новые владыки Каминальхуйю не использовали иероглифическую письменность и изменили иконографический стиль на каменных монументах.

Таким образом, развитие традиции историописания в горной Гватемале шло по той же модели, что на побережье Мексиканского залива. Воздвижение монументов, связанных с культом правителя и его предков и с общением со сверхъестественным, началось еще до IV в. до н.э., до того, как появились первые иероглифические тексты. Надписи исторического характера, фиксирующие деяния царей, являются основным видом письменных памятников в I–II вв. н.э.

⁶² Hatch M. de. Cambios culturales en la cerámica de Kaminaljuyú durante los periodos Preclásico y Clásico Temprano // Segundo y Tercer Foro de Arqueología de Chiapas. Tuxtla Gutierrez, 1993.

Еще один регион развития письменной культуры на территории Гватемалы — это тихоокеанское побережье. Здесь наиболее важными центрами являлись Абах-Такалик (департамент Ретальулеу) и Бильбао-Коцумальуапа (департамент Эскуинтла).

Абах-Такалик (в последнее время в литературе стало употребляться и слегка измененное название Такалик-Абах) — крупный памятник, расположенный на границе между прибрежной равниной и предгорьями. Этот важный центр начал свое развитие на рубеже II–I тыс. до н.э. В Абах-Такалике было обнаружено более 100 объектов монументальной скульптуры⁶³, 40% выполнены в так называемом «ольмекском» и 20% в так называемом «майяском» стиле⁶⁴. В соответствии с новой хронологией, «ольмекский» этап датируется VIII–V вв. до н.э. (фаза Ишчийя и начало фазы Ниль), а «майяский» начинается после 100 г. до н.э., когда появляются первые иероглифические надписи.

Первые монументы (алтарь 12, монумент 11), обнаруженные в 1976–1978 гг. экспедицией Университета Калифорнии (Беркли), не имеют дат по долговому счету, в связи с чем вопрос об их датировке оставался открытым⁶⁵. Дж. Грехэм и Дж. Портер интерпретировали колонку из пяти знаков на монументе 11 как ранний вариант «долгового счета», начинающийся с лицевого варианта цифры 6, что датировало бы памятник V в. до н.э.⁶⁶ Однако в ранних мезоамериканских надписях лицевые варианты цифр неизвестны, а кроме того в тексте отсутствует вводный иероглиф начальной серии, который сопровождает все известные ранние даты по долговому счету. Открытие в 2008 г. новой скульптуры (алтарь 48) позволяет датировать группу ранних монументов «майяского» стиля более точно.

⁶³ *Graham J.A.* Discoveries at Abaj Takalik, Guatemala // *Archaeology*. 1977. Vol. 30, N 3. P. 196–197; *Idem.* Maya Olmecs and Izapans at Abaj Takalik // *Actes du XLII Congrès International des Américanistes*. P., 1979. Vol. 8. P. 179–188; *Graham J.A., Benson L.* Escultura olmeca y maya sobre canto en Abaj Takalik: su desarrollo e importancia // *Arqueología*. 1990. Vol. 3. P. 77–84; *Graham J.A., Heizer R.F., Shook E.M.* Abaj Takalik 1976: exploratory investigations // *Studies in Ancient Mesoamerica*, III. Berkeley, 1978. (Contributions of the University of California Archaeological Research Facility; N 36). P. 85–114; *Graham J.A., Porter J.B.* A Cycle 6 Initial Series: a Maya boulder inscription of the first millennium B. C. from Abaj Takalik // *Mexicon*, 1989. Vol. 11, N 3. P. 46–49.

⁶⁴ *Schieber de Lavarreda C.* A Middle Preclassic clay ball court at Abaj Takalik, Guatemala // *Mexicon*. 1994. Vol. 16. P. 77–84.

⁶⁵ *Graham J.A., Benson L.* Escultura olmeca.

⁶⁶ *Graham J.A., Porter J.* A cycle 6 Initial Series? P. 41–49.

Алтарь 48 представляет собой каменную скульптуру подпрямоугольной формы (1,43 x 1,26 м). На его верхней стороне изображен правитель, сидящий на троне внутри панциря гигантской черепахи⁶⁷. Этот мотив довольно популярен в искусстве Юго-Восточной Мезоамерики как позднеформативного времени, так и классического периода. Панцирь черепахи символизирует землю, а пустота внутри него — пещеру, в которой живут предки. Помимо этого, из панциря черепахи прорастает возрождающийся бог маиса⁶⁸. На торцевых сторонах монумента были изображены мифические рептилии и змеи, а на восточной стороне высечены четыре иероглифа. Три из них изображают головы и пока не могут быть прочитаны, а четвертый представляет собой руку, которая держит некий предмет. Рука выглядит как майяская логограмма **CH'AM** («брат, получать»), которая часто используется для записи сообщений о получении инсигний власти⁶⁹. По-видимому, следует согласиться с К. Таубе, что алтарь 48 на самом деле представлял собой трон. В этом случае надпись на восточном торце описывает инаугурацию нового правителя.

Авторы находки изначально отнесли монумент к IV–III вв. до н.э., однако новая датировка фазы Росио (100 г. до н.э. — 50 г. н.э.) свидетельствует, что он был создан в конце II – I в. до н.э. Сравнение стратиграфического контекста алтаря 48 и скульптур, найденных в рамках проекта Университета Калифорнии, показывает, что они были воздвигнуты примерно в одно время⁷⁰. Об их синхронности свидетельствует и стилистика иероглифов. Надписи этого времени не содержат разработанной хронологической системы, а неизвестный иероглиф в сочетании с цифрой 11 на монументе 11, видимо, является частью «циклической даты» (260-дневного цикла).

Следующий этап в развитии письменной традиции в Абах-Такалике связан с введением «долгого счета». Самые ранние свидетельства его использования — 16 «вводных иероглифов начальной серии», высе-

⁶⁷ Schieber de Lavarreda Ch., Orrego Corzo M. El descubrimiento del Altar 48 de Tak'alik' Ab'aj // XXII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 2008. Guatemala, 2009. P. 456–470.

⁶⁸ См. подробнее: Taube K., Saturno W., Stuart D., Hurst H. The Murals of San Bartolo, El Petén, Guatemala. Washington, 2010. Part 2: The West Wall. P. 69–80.

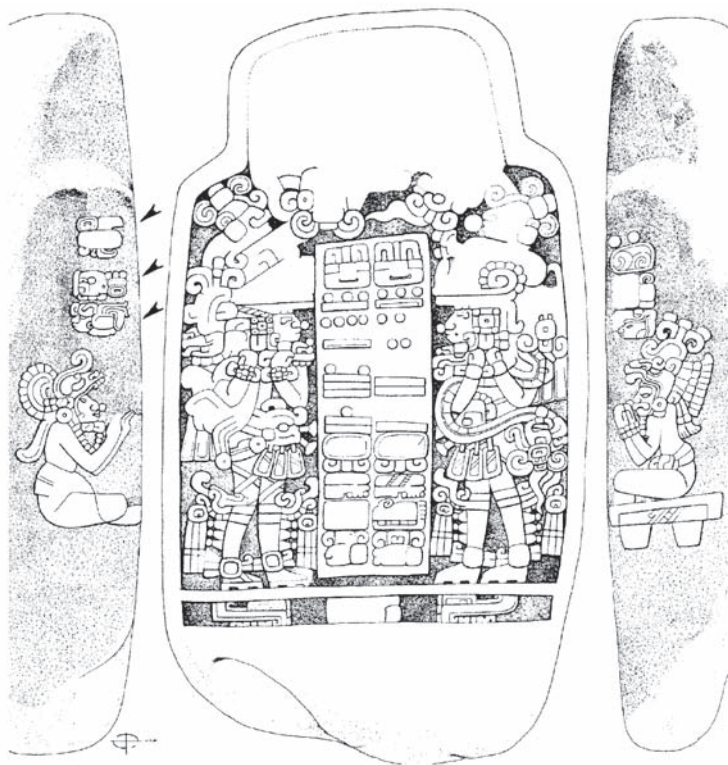
⁶⁹ А. Лакадена приводит ряд аргументов, что надпись выполнена эпипольмекским письмом, а язык — михе или соке (Lacadena A. Escritura y lengua en Tak'alik Ab'aj: Problemas y propuestas // XXIII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 2009. Guatemala, 2010. P. 1022–1029).

⁷⁰ Schieber de Lavarreda Ch., Orrego Corzo M. El descubrimiento del Altar 48. P. 460.

ченных на торце алтаря 12. Каждый из них, по-видимому, соответствует одному из 20-дневных месяцев, а все вместе они составляют почти полный годовой цикл (без 2 месяцев). Исходя из ассоциации алтаря 12 со слоем фазы Рут (50–150 г. н.э.), запись этих иероглифов, очевидно, следует датировать I в. н.э.

В Абах-Такалике известны три надписи с полным «долгим счетом» — стела 2, стела 5, стела 50. Хуже всего сохранилась стела 50, на которой можно различить лишь контуры вводного иероглифа начальной серии, а также два последних коэффициента — 2 и 17.

Наиболее известная — стела 5 (илл. 7) — была подробно проанализирована А.И. Давлетшиным⁷¹. Основная сцена на лицевой

Илл. 7. Стела 5 из Абах-Такалика (прорисовка Дж. Портера)

⁷¹ Давлетшин А.И. Символы власти; Davletshin A. Surgimiento de la tradición histórica en la Mesoamérica sudeste: texto e imagen en la estela 5 de Abaj Takalik // Socio-Political Strategies among the Maya from the Classic Period to the Present. Oxford, 2014. P. 5–18.

стороне изображает двух правителей, стоящих лицом друг к другу. Этот так называемый «мотив противостояния» в мезоамериканской иконографии используется, чтобы показать ранг изображенных персонажей по отношению друг к другу, и часто бывает связан с темой передачи власти. Персонаж справа обеими руками держит так называемую «небесную» или «змеиную полосу» — одну из важнейших инсигний царской власти⁷². Персонаж слева прижимает руки к груди, будто готовясь принять эту инсигнию. В верхней части видны следы мотива «расколотого неба» с появляющимся из него посреди облачных завитков сверхъестественным персонажем. Подобным образом изображают предков-прародителей династии, которые наблюдают за запечатленными внизу потомками, санкционируя их власть. На боковых сторонах стелы изображены два персонажа, сидящих по-турецки (один на земле, другой — на небольшом троне). Они обращены лицом к двум правителям и протягивают руки вперед в жесте почтения.

Иконографически сцена абсолютно прозрачна и изображает обряд восшествия на престол. На это указывают «мотив противостояния», мотив передачи «небесной полосы», наблюдающий сверху предок и присутствие персонажей более низкого ранга в подчиненной позиции.

Иероглифическая надпись на стеле 5 довольно кратка и состоит из основного текста на лицевой стороне и двух колонок с подписями на боковых сторонах⁷³.

Левая колонка

(A1) TZIK-NAВ-... (A2) WAXAK (A3) CHAN (A4) HO' (A5) HUKLAJUN (A6) 11-...ДЕНЬ (A7) Т'АВ?-yi (A8) ... (A9) 'AJAW

Правая колонка

(B1) TZIK-NAВ-... (B2) WAXAK (B3) HUX (B4) CHA' (B5) LAJUN (B6) 5-...ДЕНЬ (B7) Т'АВ?-yi (B8) ... (B9) 'AJAW

Подпись над персонажем на левой стороне

(C1) 'AJAW-wa (C2) K'UH-SAK (C3) TI'?-HUN-na

⁷² Подробнее об этой инсигнии см.: Гуляев В.И. Атрибуты царской власти у древних майя // СА. 1972. №3. С. 116–134; *Он же*. Скипетр и держава: К вопросу о царской власти у древних майя // ВДИ. 1993. № 4. С. 45–60. Анализ семантики «небесной полосы» с опорой на эпиграфику см.: Давлетшин А.И. Символы власти. С. 156–162.

⁷³ Несмотря на упоминавшееся выше мнение А. Лакадены, что надписи Абах-Такалика выполнены эпиольмекским письмом, свидетельства, собранные Д. Стюартом и А.И. Давлетшиным, указывают на майя как язык жителей Каминальхуйю.

Подпись над персонажем на правой стороне

(D1) 2-...ДЕНЬ (D2) ... (D3) **ШАРАТ?**

tziikhaa'b waxak chan ho' huklaju'n buluk Kabaan t'abaay(?) ... 'ajaw

tziikhaab waxak huux cha' laju'n ho' Ok t'abaay(?) ... 'ajaw

'Ajaw Sak K'uh ti'huu'n

Cha' Chapaht(?)

«Счет времени — 8.4.5.[0].17, [в] день 11 Кабан (6 июля 125 г.) возшел [на трон] ..., царь. Счет времени — 8.3.2.[0].10, [в] день 5 Ок (28 октября 102 г.) возшел [на трон] ..., царь.

Ахав-Сак-К'ух, [тот, кто у] края короны (подпись к первому придворному).

2 ..., Чапат».

Две даты по долгому счету, занимающие центральное место в тексте, — 8.3.2.[0].10 5 Ок [8 Шуль] (28 октября 102 г. н.э.) и 8.4.5.[0].17 11 Кабан [0 Поп] (6 июля 125 г. н.э.). Каждая из них расположена на монументе так, что связана с одной из изображенных фигур: первая относится к правителю, передающему «небесную полосу», вторая — к его преемнику, принимающему инсигнию. Разница между двумя датами составляет 23 года, что соответствует времени одного поколения и хорошо подходит для периода между двумя воцарениями. Тексты после даты в каждой колонке также параллельны: они начинаются одним блоком и заканчиваются другим, но, к сожалению, из-за плохой сохранности памятника нельзя установить, совпадает ли второй блок в колонках. Первый некалендарный знак должен быть глаголом и, по-видимому, представляет собой раннюю форму глагола **Т'АВ-yi**, *t'abaay* («он возшел, он появился»). В надписях майя классического периода этот глагол чаще всего встречается в посвятительных текстах, открывая дедикационную формулу, однако используется и для описания занятия должностей⁷⁴.

Особое внимание привлекает знак, которым заканчиваются колонки. Как показал А.И. Давлетшин, он представляет собой раннюю форму логограммы, изображающей голову правителя в повязке, как это видно из сравнения его с различными головными

⁷⁴ Ср. надпись на одном из блоков иероглифической лестницы 2 из Сакнитке (городище Ла-Корона): **Т'АВ-yi ti'-a-K'УН-НUN-na-li K'АНК'-WAY-na-'a ya-na-bi-li yu-ku-...-la KALOM-TE'**, *t'abaay ti 'ajk'uhuu'nil K'ahk' Way Na' y-anaabil Yuhk[no'm] ... kalo'mte'*, «возшёл в должность *axk'uxuна* К'ак'-Вай-На, резчик Йук...-..., царя царей» (*Matteo S. Un nuevo monumento atribuido a La Corona, Petén, Guatemala // Mexicon. 2010. Vol. 23. P. 102–104*).

уборами на стелах 5 и 2 Абах-Такалика и других ранних памятников Южной Мезоамерики⁷⁵.

Мотив передачи власти, аналогичный представленному на стеле 5, встречается и на стеле 2. На ней гораздо лучше сохранилось изображение предка, осеняющего сцену. Видно, что он держит в руках «небесную полосу», на голове у него корона в виде головы Верховного Птичьего божества, а в щеку вписан знак **K'IN** («СОЛНЦЕ»), указывающий на отождествление предка с солярным божеством. В центре стелы была высечена одна колонка иероглифов, также открывающаяся «долгим счетом». К сожалению, знаки сохранились не очень хорошо, что создавало затруднения в реконструкции даты. Дж. Грэм предположил, что она начинается с 7 и, вероятно, 16, давая таким образом дату в пределах 7.16.0.0.0 — 7.17.0.0.0 (39–19 гг. до н.э.)⁷⁶, что делало надпись одной из самых ранних. Однако ставшие недавно доступными данные трехмерного сканирования стелы 2⁷⁷ показывают, что коэффициент первой позиции «долгого счета» должен быть не 7, а 8. В таком случае вторая позиция может быть не 16, а 6. Это позволяет расположить надпись в промежутке 8.6.0.0.0 — 8.6.19.17.18 (159–179 гг. н.э.). Некалендарные иероглифы надписи, вероятно, содержали описание воцарения одного из царей Абах-Такалика второй половины II в. н.э.

Зона Бильбао–Коцумальюапы была, наряду с Абах-Такаликом, одним из влиятельных центров культурного развития тихоокеанского побережья. Его расцвет пришелся на VII–X вв. н.э., когда здесь существовала обширная городская агломерация (Бильбао — Коцумальюапа — Эль-Бауль и др.), бывшая столицей мощного государства. Однако о важности этого региона свидетельствует известная еще с 1920-х годов стела 1 из Эль-Бауля, содержащая очень раннюю дату по «долгому счету».

Раскопки О. Чинчили показали, что комплекс Эль-Бауль, где была обнаружена стела, был построен в позднеклассический период (VII–IX вв.), а слоев первых веков нашей эры в нем обнаружено не было. По мнению Чинчили, стела была перенесена откуда-то

⁷⁵ Давлетшин А.И. Символы власти. С. 163–166.

⁷⁶ Graham J.A. Maya Olmecs and Izapans at Abaj Takalik.

⁷⁷ Doering T., Collins L. The Takalik Abaj Monumental Stone Sculpture Project: High Definition Digital Documentation and Analysis. Final Report for Ministerio de Cultura y Deportes Guatemala/Dirección General del Patrimonio Cultural y Natural-IDAEN. 2011.

из другого места как элемент идеологической реформы, проведенной правителями Коцумальуапы⁷⁸.

Стела представляет собой монумент неправильной формы, в правой части которого изображен правитель с жезлом в правой руке и сумочкой в левой. Вверху стелы располагается голова предка, смотрящего с небес. Левую часть стелы занимает пространная надпись, изначально состоявшая из 50 иероглифов. К сожалению, вся некалендарная часть текста не сохранилась: несмотря на то, что контуры знаков различимы, их внутренние детали были высечены очень неглубоко и исчезли из-за эрозии. Календарная часть текста сохранилась лучше.

В отличие от других ранних надписей, она открывается не «вводным иероглифом начальной серии», а циклической датой — днем 260-дневного календаря 12 Эб. За ним идут еще четыре знака, в том числе один с числовым коэффициентом 4, и лишь затем записан «долгий счет». Из его цифр хорошо сохранилась только 7 в первой позиции, а также 17/18/19 во второй. Остальные цифры частично повреждены. В литературе встречается несколько интерпретаций этой даты. М. Ко в свое время реконструировал ее как 7.19.15.7.12 (4 марта 37 г. н.э.)⁷⁹. Неопубликованная прорисовка Дж. Портера дает вариант 7.18.9.7.12 (20 июля 11 г. н.э.), в то время как О. Чинчилья предложил вариант 7.19.7.8.12 (5 мая 29 г. н.э.)⁸⁰. Все эти версии, тем не менее, располагают надпись в первой половине I в. н.э., что делает ее синхронной первым эпипольмекским текстам. В то же время необычный формат и отсутствие «вводного иероглифа начальной серии» свидетельствует о существовании особой календарной традиции.

Судя по всему, стела 1 из Эль-Бауля изначально располагалась в комплексе Бильбао. В нем известны богатые позднеформативные и протоклассические слои (III в. до н.э. — II в. н.э.), а также минимум одна стела в раннем стиле (монумент 42). Этот монумент был обнаружен Л. Парсонсом в 1963 г. и был еще в древности расколот. Сохранилась нижняя часть скульптуры с изображением ног богато одетого персонажа, смотрящего вправо. На его поясе подвешены пластины из жада, на ногах — наколенные и ножные браслеты из бусин. Он стоит на прямоугольнике, по-видимому, передающем топонимический регистр, внутри которого вписан

⁷⁸ *Chinchilla O.* Cotzumalguapa, la Ciudad Arqueológica: El Baúl-Bilbao-El Castillo. Guatemala, 2012.

⁷⁹ *Coe M.D.* Cycle 7 Monuments in Middle America: A Reconsideration // *American Anthropologist*. 1957. Vol. 59. P. 597–611.

⁸⁰ *Chinchilla O.* The Flowering Glyphs. P. 43.

иероглиф, изображающий голову какого-то сверхъестественного существа. Стилистически эта стела близка скульптурам 67 и 68 из Каминальхуйю, а также стелам 3 и 12 из Абах-Такалика.

* * *

Итак, первые монументальные надписи появляются в Мезоамерике в среднеформативный период (вторая треть I тыс. до н.э.) независимо и практически одновременно сразу в нескольких регионах, находящихся на значительном расстоянии друг от друга. При этом уже самые ранние тексты демонстрируют развитую систему письма и календаря. Следовательно, появление надписей не отражает сам процесс возникновения письменности (или письменностей), а свидетельствует о становлении общемезоамериканской традиции использовать монументальные надписи для фиксации истории⁸¹.

К моменту появления первых царских надписей традиция использования монументальных памятников для легитимации верховной власти насчитывала в Мезоамерике уже около 800 лет — первыми образцами монументальной скульптуры, связанными с культом правителя и идеологией верховной власти, были гигантские каменные головы и алтари/троны ольмекской археологической культуры⁸². Такой важный вид монументального памятника, как стела, также появился еще до широкого распространения письменности.

Наиболее ранние письменные источники, которые должны были бы свидетельствовать о первых этапах развития письменности и историописания, до нас не дошли ввиду хрупкости исходного материала для письма (бумаги). Соединение этих двух традиций, ранее развивавшихся независимо, привело к выработке мезоамериканской концепции истории как последовательности деяний правителей, разворачивающейся в контексте циклического календарного времени. Довольно быстро вырабатывается общий формат надписи, включающий дату, указание на событие, имя и титул протагониста. От этих ранних текстов ведет свое происхождение такой общемезоамериканский вид источников как царские/коммеморативные надписи, который сохраняется в качестве одного из основных вплоть до испанского завоевания в первой трети XVI в.

Введение «долгого счета» в Юго-Восточной Мезоамерике во II или I в. до н.э. (первоначально в эпиольмекской культуре, а затем

⁸¹ См. подробнее: *Davletshin A.* Surgimiento de la tradición histórica. P. 5–18.

⁸² *Беляев Д.Д.* Еще раз к вопросу о социально-политической организации. С. 3–29.

у майя) стало революционным шагом в развитии традиции историописания. В отличие от использовавшихся раньше дат (по 260-дневному циклу, «циклическая дата») он представляет собой датировку по эре. Если в более ранних текстах достаточно было зафиксировать просто день, в который произошло событие, то в системе «долгого счета» важным стало точное размещение событий на временной шкале. Другая важная черта первых надписей с «долгим счетом» — то, что ни одна из них не являлась юбилейной⁸³. Все они фиксировали какие-то уникальные (а не циклические) события. Для авторов этих текстов было важным не отмечать абстрактное течение времени, а запечатлевать какие-то индивидуальные исторические события. Судя по сопутствующей иконографии (принятие инсигний власти), чаще всего это были даты воцарения правителей. Использование интервальных чисел в свою очередь свидетельствует о том, что надписи представляют собой не просто последовательность датированных записей, а связный текст исторического содержания, в котором хронологическое разворачивание повествования представляет собой важнейший элемент структуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Д.Д.* Формирование и развитие государственной организации у майя Петена в классический период (I тыс. н.э.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Беляев Д.Д.* Царские генеалогии в древней Мезоамерике // ДГ, 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 38–51.
- Беляев Д.Д.* Еще раз к вопросу о социально-политической организации ольмекской культуры // Политическая антропология традиционных и современных обществ: Мат-лы междунар. конф. Владивосток, 2012. С. 3–29.
- Беляев Д.Д.* Под сенью Птичьего Божества: формирование идеологии царской власти на Гватемальском нагорье в I тыс. до н.э. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Владивосток, 2012. № 3. С. 8–22.
- Гельб И.Е.* Опыт изучения письма: основы грамматиологии. М., 1982.
- Гуляев В.И.* Атрибуты царской власти у древних майя // СА. 1972. № 3. С. 116–134.
- Гуляев В.И.* Скипетр и держава: К вопросу о царской власти у древних майя // ВДИ. 1993. № 4. С. 45–60.

⁸³ Юбилейные даты — даты, приходящиеся на конец важных календарных периодов (5-летие, 10-летие, 20-летие и др.).

- Давлетшин А.И.* Многообразие письменных традиций в Мезоамерике. Вопросы типологии письма // Тр. I межвуз. конф. молодых ученых памяти профессора В.С. Семенова 13 апреля 2002 г. (История Древнего Мира). М., 2002. С. 30–35.
- Давлетшин А.И.* Палеография древних майя: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
- Давлетшин А.И.* Сапотекское иероглифическое письмо (к проблеме синтаксического анализа) // Древний Восток и античный мир. М., 2005. Вып. 7. С. 190–202.
- Давлетшин А.И.* Астекская иероглифическая письменность: вопросы типологического описания // Ломоносов-2006: Тр. науч. конф. М., 2006. С. 138–142.
- Давлетшин А.И.* Символы власти в ранней юго-восточной Мезоамерике: текст и иконография на стеле 5 из Абах-Такалика, Гватемала // Власть в аборигенной Америке. Проблемы индеанистики. М., 2006. С. 148–172.
- Давлетшин А.И.* Язык иероглифических надписей майя как язык ритуальный или об устной природе иероглифического майя // Слово устное и слово книжное. М., 2009. С. 440–468.
- Ибрагимова К.Д.* Письменная традиция у майя Юкатана в IX–XI вв. // ЛА. 2008. № 9. С. 61–72.
- Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма. М., 1965.
- Кнорозов Ю.В.* Древняя письменность Центральной Америки // СЭ. 1952. № 3. С. 100–118.
- Кнорозов Ю.В.* Письменность древних майя (опыт расшифровки) // СЭ. 1955. № 1. С. 94–115.
- Кнорозов Ю.В.* Система письма древних майя (Опыт расшифровки). М., 1955.
- Кнорозов Ю.В.* Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963.
- Острирова Е.С.* Эпиграфика чибча-муисков: история одного научного мифа // ВЭ. 2013. Вып. 7, ч. 1. С. 645–656.
- Balkansky A.K.* Urbanism and early state formation in the Huamelulpan Valley of Southern Mexico // Latin American Antiquity. 1998. N 1. P. 37–76.
- Balkansky A.K., Kowalewski S.A., Pérez Rodríguez V., Pluckhuhn T.J., Smith C.A., Stiver L.R., Beliaev D., Chamblee J.F., Heredia Espinoza V.Y., Santos Pérez R.* Archaeological Survey in the Mixteca Alta of Oaxaca, Mexico // Journal of Field Archaeology. 2000. Vol. 27. P. 365–389.
- Barrera Vásquez A., Morley S.G.* The Maya Chronicles. Washington, 1948.
- Barrera Vásquez A., Rendón S.* El libro de los libros de Chilam Balam. México, 1948.
- Berlo J.C.* Conceptual categories for the study of text and image in Mesoamerica // Text and image in Pre-Columbian art. Essays on the interrelationship of the verbal and visual arts. Proceedings, 44th International Congress of Americanists, Manchester, 1982. Oxford, 1983. P. 1–39.

- Berlo J.C.* Early writing in Central Mexico: *in tlilli, in tlapalli* before AD 1000 // Mesoamerica after the decline of Teotihuacan: A.D. 700–900. Washington, 1989. P. 19–47.
- Blanton R.E. et al.* Ancient Oaxaca: The Monte Alban State. Cambridge, 1999.
- Boone E.H.* Stories in Red and Black: Pictorial Histories of the Aztec and Mixtec. Austin, 2000.
- Bruhns K., Kelker N.* Did the Olmec Know How to Write? // *Science*. 2007. Vol. 315, N 5817. P. 1365–1366.
- Cahn R., Winter M.* The San Jose Mogote Danzante // *Indiana. B.*, 1993. Bd. 13. S. 39–64.
- Carlson J.* On Classic Maya monumental recorded history // Third Palenque Round Table, 1978. Austin, 1980. Part 2. P. 199–203.
- Coe M.D.* Cycle 7 Monuments in Middle America: A Reconsideration // *American Anthropologist*. 1957. Vol. 59. P. 597–611.
- Coe M.D.* Early steps in the evolution of Maya writing // *Origins of religious art and iconography in Preclassic Mesoamerica*. Los Angeles, 1976. (UCLA Latin American Studies Series; Vol. 31). P. 107–122.
- Coe M.D.* *Breaking the Maya Code*. L., 1992.
- Chinchilla O.* The Flowering Glyphs: Animation in Cotzumalhuapa Writing // *Their Way of Writing: Scripts, Signs and Notational Systems in Pre-Columbian America*. Washington, 2011. P. 43–75.
- Chinchilla O.* *Cotzumalguapa, la Ciudad Arqueológica: El Baúl-Bilbao-El Castillo*. Guatemala, 2012.
- Chinchilla O.* En busca del tiempo perdido: arqueología de la memoria en Cotzumalguapa // *Millenary Maya Societies: Past Crises and Resilience*. P., 2013. P. 199–216.
- Davletshin A.* Epi-Olmec calendar: question of correlation // *Astronomy of ancient societies: Proceedings of the Conference “Astronomy of Ancient Civilizations” of the European Society for Astronomy in Culture (SEAC)*, Moscow, May 23–27, 2000. Moscow, 2002. P. 174–179.
- Davletshin A.* Surgimiento de la tradición histórica en la Mesoamérica sudeste: texto e imagen en la estela 5 de Abaj Takalik // *Socio-Political Strategies among the Maya from the Classic Period to the Present*. Oxford, 2014. P. 5–18.
- Doering T., Collins L.* Revisiting Kaminaljuyu Monument 65 in Three-Dimensional High Definition // *The place of stone monuments: context, use, and meaning in Mesoamerica’s Preclassic transition*. Washington, 2010. P. 259–282.
- Doering T., Collins L.* *The Takalik Abaj Monumental Stone Sculpture Project: High Definition Digital Documentation and Analysis. Final Report for Ministerio de Cultura y Deportes Guatemala/Dirección General del Patrimonio Cultural y Natural-IDAHEH*. 2011.
- Drucker Ph.* *La Venta, Tabasco. A study of Olmec ceramics and art*. Washington, 1952.

- Fahsen F.* Kaminaljuyu y sus vecinos // XIII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 1999. Guatemala, 2000. P. 42–65.
- Flannery K.V., Marcus J.* Formative Oaxaca and the Zapotec Cosmos // *American Scientist*. 1976. Vol. 64, N 4. P. 374–383.
- Flannery K.V., Marcus J.* The Origin of War: New 14 C Dates from Ancient Mexico // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2003. Vol. 100, N 20. P. 11801–11805.
- Gaxiola M.* Huamelulpan: un centro urbano de la Mixteca Alta. México, 1984.
- Gelb I.* A Study of Writing. Chicago, 1963.
- Graham J.A.* Discoveries at Abaj Takalik, Guatemala // *Archaeology*. 1977. Vol. 30, N 3. P. 196–197.
- Graham J.A.* Maya Olmecs and Izapans at Abaj Takalik // *Actes du XLII Congrès International des Américanistes*. P., 1979. Vol. 8. P. 179–188.
- Graham J.A., Benson L.* Escultura olmeca y maya sobre canto en Abaj Takalik: su desarrollo e importancia // *Arqueología*. 1990. Vol. 3. P. 77–84.
- Graham J.A., Heizer R.F., Shook E.M.* Abaj Takalik 1976: exploratory investigations // *Studies in Ancient Mesoamerica*, III. Berkley, 1978. (Contributions of the University of California Archaeological Research Facility; N 36). P. 85–114.
- Graham J.A., Porter J.B.* A Cycle 6 Initial Series: a Maya boulder inscription of the first millennium B. C. from Abaj Takalik // *Mexicon*. 1989. Vol. 11, N 3. P. 46–49.
- Hatch M. de.* Cambios culturales en la cerámica de Kaminaljuyú durante los periodos Preclásico y Clásico Temprano // Segundo y Tercer Foro de Arqueología de Chiapas. Tuxtla Gutierrez, 1993.
- Henderson L.* Bodies Politic, Bodies in Stone: Identity of the Human and the Divine in the Sculpture of Late Preclassic Kaminaljuyu, Guatemala: Ph.D. diss. University of Texas at Austin, 2013.
- Houston S.D.* Is Isthmian writing decipherable? // *Древний Восток и античный мир*: Тр. кафедры истории Древнего мира Исторического ф-та МГУ. М., 2004. Вып. 6. С. 105–118.
- Houston S.D., Robertson J., Stuart D.* The Language of Classic Maya Inscriptions // *Current Anthropology*. 2000. Vol. 41, N 3. P. 321–356.
- Inomata T. et al.* Chronological Revision of Preclassic Kaminaljuyú, Guatemala: Implications for Social Processes in the Southern Maya Area // *Latin American Antiquity*. 2014. Vol. 25, N 4. P. 377–408.
- Justeson J.S.* The origins of writing systems: Preclassic Mesoamerica // *World Archaeology*. 1986. Vol. 17, N 3. P. 437–458.
- Justeson J.S., Kaufman T.* Un desciframiento de la escritura jeroglífica epi-olmeca: métodos y resultados // *Arqueología*. 1992. N 8. P. 15–25.
- Justeson J.S., Kaufman T.* Decipherment of Epi-Olmec hieroglyphic writing // *Science*. 1993. Vol. 259. P. 1703–1711.

- Justeson J.S., Kaufman T.* Newly discovered column in the hieroglyphic text on La Mojarra Stela 1: a test of the Epi-Olmec decipherment // *Science*. 1997. Vol. 277. P. 207–210.
- Justeson J.S., Norman W.M. et al.* The foreign impact on Lowland Mayan language and script. New Orleans, 1985.
- Kaplan J.* Rulership and Ideology at Late Preclassic Kaminaljuyu: A Comparative study: Ph.D. diss. Yale University, 1999.
- Kirchhoff P.* Mesoamerica // *Acta Americana*. 1943. T. 1. P. 92–107.
- Kirchhoff P.* Mesoamérica, sus límites geográficos, composición étnica y caracteres culturales // *Revista Tlatoani* (suplemento). México, 1967. N 3.
- Lacadena A.* La escritura olmeca y la hipótesis del mixe-zoque: implicaciones lingüísticas de un análisis estructural del monumento 13 de La Venta // *Olmeca. Balance y perspectivas. Memoria de la Primera Mesa Redonda*. México, 2008. P. 667–683.
- Lacadena A.* Regional Scribal Traditions: Methodological Implications for the Decipherment of Nahuatl Writing // *PARI Journal*. 2008. Vol. 8, N 4. P. 1–22.
- Lacadena A.* Escritura y lengua en Tak'alik Ab'aj: Problemas y propuestas // *XXIII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala*, 2009. Guatemala, 2010. P. 1022–1029.
- Lacadena A., Wichmann S.* The Distribution of Lowland Maya Languages in the Classic Period // *La organización social entre los mayas prehispánicos, coloniales y modernos: Memoria de la Tercera Mesa Redonda de Palenque*. Mexico; Merida, 2002. Vol. 2. P. 275–314.
- Lacadena A., Wichmann S.* The dynamics of language in the Western Lowland Maya region // *Art for Archaeology's Sake. Material Culture and Style across the Disciplines. Proceedings of the Thirty-Third Annual Conference of the Archaeological Association of the University of Calgary*. Calgary, 2005. P. 32–48.
- Marcus J.* The iconography of militarism at Monte Alban and neighboring sites in the Valley of Oaxaca // *The origins of religious art and iconography in Preclassic Mesoamerica*. Los Angeles, 1976. P. 127–132.
- Marcus J.* The origins of Mesoamerican writing // *Annual Review of Anthropology*. 1976. N 5. P. 35–67.
- Marcus J.* Zapotec Writing // *Scientific American*. 1980. Vol. 242, N 2. P. 50–64.
- Marcus J.* Mesoamerican Writing Systems: Propaganda, Myth, and History in Four Ancient Civilizations. Princeton, 1992.
- Marcus J., Flannery K.V.* Zapotec Civilization: How Urban Society Evolved in Mexico's Oaxaca Valley. L., 1996.
- Matteo S.* Un nuevo monumento atribuido a La Corona, Petén, Guatemala // *Mexicon*. 2010. Vol. 23. P. 102–104.
- Miles S.* Sculpture of the Guatemala-Chiapas Highlands and Pacific Slopes, and Associated Hieroglyphs // *Handbook of Middle American Indians*. Austin, 1965. Part 1: Archaeology of Southern Mesoamerica. P. 237–275.

- Mora Marin D.* Kaminaljuyu Stela 10: Script Classification and Linguistic Affiliation // *Ancient Mesoamerica*. 2005. Vol. 16. P. 63–87.
- Mora-Marín D.F.* Early Olmec Writing: Reading Format and Reading Order // *Latin American Antiquity*. 2009. Vol. 20, N 3. P. 395–412.
- Morley S.G.* The Historical Value of the Books of Chilam Balam // *American Journal of Archaeology*. 1911. Vol. 15, N 2. P. 195–214.
- Moser C.L.* Ñuiñe writing and iconography of the Mixteca Baja. Nashville, 1977.
- Nicholson H.B.* Phoneticism in the late Pre-Hispanic Central Mexican writing systems // *Mesoamerican writing systems*. Dumbarton Oaks, 1973. P. 1–46.
- Nielsen J.* The Coyote and the Tasseled Shield: a possible Titular Glyph on a Late Xolalpan Teotihuacan Tripod // *Mexicon*. 2004. Vol. 26, N 3. P. 61–64.
- Nielsen J.* “To Sing Arrows”: Observations on the Representation of Sound in the Writing and Iconography of Teotihuacan // *A Celebration of the Life and Work of Pierre Robert Colas*. Markt Schwaben, 2014. P. 175–191.
- Nielsen J., Helmke C.* Spearthrower Owl Hill: A Toponym at Atetelco, Teotihuacan // *Latin American Antiquity*. 2008. Vol. 19, N 4. P. 459–474.
- Nielsen J., Helmke C.* La escritura jeroglífica de Cacaxtla // *La Pintura Mural Prehispánica en México*. Mexico, 2013. Vol. 5: Cacaxtla, T. 2: Estudios. P. 383–425.
- Parsons L.A.* The Origins of Maya Art: Monumental Stone Sculpture of Kaminaljuyu, Guatemala and the Southern Pacific Coast. Washington, 1986.
- Pohl M.E.D., Pope K., von Nagy C.* Olmec Origins of Mesoamerican Writing // *Science*. 2002. Vol. 298, N 5600. P. 1984–1987.
- Rodríguez Martínez M., Ortiz Ceballos P., Coe M.D. et al.* Oldest Writing in the New World // *Science*. 2006. Vol. 313, N 5793. P. 1610–1614.
- Scott J.F.* The Danzantes of Monte Albán. Washington, 1978. Part 1: Text. P. 21–27.
- Schele L., Grube N., Boot E.* Some Suggestions on the K’atun Prophecies in the Books of Chilam Balam in Light of Classic-period History // *Memorias del Tercer Congreso Internacional de Mayistas (9 al 15 de julio de 1995)*. México, 1998. P. 397–432.
- Schieber de Lavarreda C.* A Middle Preclassic clay ball court at Abaj Takalik, Guatemala // *Mexicon*. 1994. Vol. 16. P. 77–84.
- Schieber de Lavarreda Ch., Orrego Corzo M.* El descubrimiento del Altar 48 de Tak’alik’ Ab’aj // *XXII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala*, 2008. Guatemala, 2009. P. 456–470.
- Smith M.E.* Picture writing from Ancient Southern Mexico: Mixtec place signs and maps. Norman, 1973.
- Stuart D.* A study of Maya inscriptions: Ph.D. diss. Vanderbilt University, 1995.
- Taube K.* The writing system of Ancient Teotihuacan. Washington, 2000.
- Taube K.* Teotihuacan and the Development of Writing in Early Classic Central Mexico // *Their Way of Writing: Scripts, Signs, and Pictographies in Pre-Columbian America*. Washington, 2011. P. 77–109.

- Taube K., Saturno W., Stuart D., Hurst H.* The Murals of San Bartolo, El Petén, Guatemala. Washington, 2010. Part 2: The West Wall. P. 69–80.
- Urcid J.* Zapotec Hieroglyphic Writing. Washington, 2001.
- Urcid J.* Zapotec Writing: Knowledge, Power, and Memory in Ancient Oaxaca // FAMSI: Foundation for the Advancement of Mesoamerican Studies. 2005 (<<http://www.famsi.org/zapotecwriting>>).
- Whittaker G.* The hieroglyphs from Monte Alban: Ph.D. diss. Yale University, 1980.
- Winfield Capitaine F.* La Estela 1 de La Mojarra, Veracruz, México // Research Reports on the Ancient Maya Writing. Washington, 1988. N 16.
- Zender M.* One hundred and fifty years of Nahuatl decipherment // The PARI Journal. 2008. Vol. 8, N 4. P. 24–37.

Dmitri D. Beliaev

THE BEGINNING OF HISTORICAL WRITING IN ANCIENT MESOAMERICA

The paper is focused on the process of the formation of the tradition of history writing in ancient Mesoamerica from the Middle Formative to the Early Classic. Early written sources with historical content are not extant because of very fragile writing material (paper made from the bark of *Amate* tree). First monumental inscriptions appeared in the Middle Formative independently and in different regions (Oaxaca, Gulf Coast) and already demonstrated developed writing and calendar. It seems that the appearance of these inscriptions did not reflect the birth of writing but rather the genesis of the tradition to use monuments to record historical events. Pan-Mesoamerican format of such monumental inscriptions included date, event and names and titles of the protagonist. These early texts later transformed to the royal inscriptions so widespread in Mesoamerica.

The next important stage was the invention of the Long Count in Southeastern Mesoamerica in the second or first century B.C. It differed from the previous chronological systems in that it included elements of era dating. In early inscriptions with the Long Count the most important objective was to place the events on the temporal line and to record unique (and not cyclical) events, usually inaugurations of the rulers. Slightly later we observe the appearance of the system of the Distance Numbers that connect different dates within the inscription. It is a good argument for the further development of historical writing, because from this time long inscriptions were not simply lists of dated records, but coherent texts based on sequential chronology.

Key words: Mesoamerica, Epi-Olmec culture, Maya, Olmec culture, Zapotec, hieroglyphic writing, calendar, royal inscriptions

С.Г. Кляшторный

РОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Каменные момуенты (стелы) с надписями на согдийском и тюркском языках (эпитафии тюркским и уйгурским каганам и их соратникам VI–IX вв., обнаруженные в Монголии, а также енисейские надписи) являются древнейшими памятниками древнетюркской письменной культуры, равно как и важнейшими источниками по истории Тюркского и Уйгурского каганатов (551–840), а также Кыргызского государства (VIII–IX вв.). В статье рассматриваются особенности этих текстов и дается историографическая характеристика их содержания.

Ключевые слова: руническое письмо, Тюркские каганаты, уйгуры, енисейские кыргызы, эпитафии, Центральная Азия

Одним из важнейших компонентов духовной культуры любого народа является его историческая память. Овладение письменной культурой, как правило, влечет за собой письменную фиксацию различных проявлений исторической памяти. С известными оговорками, касающимися неполноты письменного выражения собственной истории в любом архаическом социуме, зафиксированная историческая память определяет временную глубину самой культурной традиции. Вместе с тем именно в исторической памяти социума таятся в какой-то степени стертые и мифологизированные стереотипы, определяющие пути поиска истоков культурного наследия.

Наиболее важными памятниками древнетюркской культуры являются тюркские рунические памятники Монголии, Южной Сибири и Восточного Туркестана, памятники, обладающие двумя существенными для историка и неоспоримыми достоинствами — автохтонностью и аутентичностью. Само руническое письмо было создано в тюркской среде не позднее VII в. н.э. либо на основе согдийской письменности, либо, что более вероятно, под влиянием согдийской письменности на основе собственного графического

фонда (тамги), использованного для формирования знаковой системы, не лишенной идеографических включений¹.

Однако в какой мере рунические тексты являются носителями исторической памяти?

Уже в конце XIX — начале XX в. выдающиеся востоковеды своего времени, В.В. Бартольд и И. Маркварт, первыми исследовали с этой позиции тюркские памятники, выявили содержащуюся в них значительную долю историографической информации, сопоставили с иными группами источников, внешними по отношению к тюркской среде, и очень высоко оценили памятники как источник важных сведений, касающихся истории самих тюрков и созданных ими государств². Были четко определены три основные группы эпиграфических текстов, достаточно насыщенных историографической информацией. Это, прежде всего, собственно тюркские памятники Северной Монголии (орхонские памятники), затем немногочисленные, тогда, в начале XX в., памятники уйгурской эпохи, найденные там же, где и тюркские, и, наконец, историографически наименее информативные из-за трудностей датирования и краткости енисейские памятники древних кыргызов.

Что касается рунических памятников из Восточного Туркестана, то они делятся на две группы: 1) несколько текстов на бумаге и 2) камнеписная и крайне лапидарная эпиграфика. Тексты на бумаге («Гадательная книга», сборник тюркских пословиц и мудрых речений, два деловых документа) не содержат элементов историографического содержания, но очень важны для понимания всего диапазона использования письменности в древнетюркской среде и общего уровня древнетюркской культуры³.

Начавшиеся в 60–70-е годы прошлого века дискуссии о жанре орхонских и енисейских памятников и их ценности как исторических

¹ *Лившиц В.А.* О происхождении древнетюркской рунической письменности // СТ. 1978. № 4. С. 84–98; *Гузев В.Г., Кляшторный С.Г.* Древняя письменность Великой степи // ТС, 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009. С. 146–176.

² Подробнее об изучении древнетюркских рунических памятников и их историографической оценке в специальной литературе см.: *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 5–17; *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 37–70.

³ Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010. С. 276–321.

источников так и не смогли поколебать уже сложившуюся высокую историографическую оценку рунических текстов (см. ниже). Более того, новые открытия древнетюркских памятников, связанные главным образом с полевыми исследованиями Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (СМИКЭ, 1969–1990 гг.), принесли неожиданные результаты, касающиеся письменной фиксации исторической памяти у тюркских народов древности. Немало было сделано и в изучении енисейской эпиграфики.

Успехи изучения древнетюркской письменности к 60-м годам XX в. создали ощущение известной завершенности историографической обработки этой сравнительно небольшой группы текстов. Между тем именно сенсационные результаты начального периода выявили такие труднейшие аспекты историко-культурной оценки памятников, решение которых оказалось надолго отложенным.

Остановимся лишь на некоторых из возникших загадок и тех открытиях, которые способствовали их разрешению.

Тюркский каганат возник на территории Монголии в 551 г. и, распространившись к 576 г. от Хинганских гор до Керченского пролива, стал первой евразийской империей, просуществовавшей восемьдесят лет. Каганат был разрушен в 630 г., в период максимальной экспансии Танской империи, но через пятьдесят лет возродился и просуществовал еще пятьдесят лет. Все обнаруженные до недавнего времени на территории каганата памятники относились ко второму периоду его существования, к 20–30-м годам VIII в. Следовало ли, исходя из этого факта, сделать вывод, что Первый каганат не знал ни письменности, ни историографической традиции? Что обычай устанавливать в поминальных комплексах тюркской знати стелы с историко-биографическими текстами возник лишь в эпоху Второго каганата? Такой вывод делался. Приведем мнение выдающегося знатока тюркской археологии Л.Р. Кызласова, опубликованное им в 1965 г.: «Установка вертикальных стел с надписями (у курганов в рядах и одиночно) никогда не практиковалась алтайскими тюрками-туго и другими племенами, входившими в Первый Тюркский каганат»⁴. И тогда никаких прямых доказательств альтернативной возможности не было. А через три года была обнаружена стела с согдийским текстом, которую, по месту находки, я назвал Бугутской, стела, оказавшаяся частью погребального комплекса четвертого

⁴ *Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965. № 3. С. 43.

тюркского кагана Таспара⁵. По своему типу и содержанию, по литературному канону стела совершенно подобна появившимся через сто пятьдесят лет орхонским памятникам. Бугутская стела была установленная в 582 г. Среди событий, датированных по двенадцатилетнему циклу, там упомянуто и об учреждении в каганате буддийской сангхи. Более того, четвертая, разрушенная эрозией сторона стелы, судя по нескольким сохранившимся знакам, содержала надпись на санскрите, выполненную письмом брахми, скорее всего — буддийским миссионером Чинагуптой, десять лет жившим при дворе кагана⁶.

Значимость открытия Бугутской надписи как первого известного памятника древнетюркской историографии в ряду подобных ему подтвердила недавняя дешифровка другой каганской эпитафии, также на согдийском языке, выбитой на задней стороне тюркского каменного изваяния, входившего в состав царского погребально-поминального комплекса, обнаруженного китайскими археологами еще в 1953 г. Это сооружение находится на берегу реки Текес, притока реки Или, в местности Монголхуре (Синьцзян), недалеко от границы Китая с Казахстаном. Идентифицировать и частично прочесть надпись удалось только в 1990-е годы, прежде всего усилиями японского ираниста Ютака Ёсиды. В надписи 21 строка (столбец) текста, сохранившегося очень плохо. Монумент был установлен в память о западнотюркском Нири-кагане (в китайских источниках — Ниликаган), погибшем в битвах с племенным союзом теле (огузов) в 603 г. Надпись содержит также упоминание деяний его предшественников, как это было показано и для Бугутской надписи. Доступными для историографической интерпретации фрагменты текста стали после тщательного исследования их в контексте иных источников, принятого Такаси Озавой и Этьеном де ла Васьером⁷.

⁵ *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Новая согдийская надпись из Монголии (предварительное сообщение) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л., 1969. С. 51–55; *Они же.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. М., 1971. Т. 10. С. 121–146; *Klyashornyj S., Livshic V.* The Sogdian inscription of Bugut revised // *Acta Orientalia Hungarica.* Budapest, 1972. Т. 26. Р. 63–102.

⁶ *Bazin L.* Turcs et Sogdiens: les enseignemens de l'inscription de Bugut (Mongolie) // *Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste.* P., 1975. С. 42.

⁷ *Osawa T.* Aspects of relationship between the ancient Turks and Sogdians. Based on the stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang // *Eran and Aneran. Studies presented to B. Marshak on the occasion of his 70th birthday.* Venice, 2006. P. 471–504; *Vassière E. de la.* Maurice et le qaghan. A propos de la digression de Théophylacte Simocatta sur les Turcs // *Revue des études Byzantines.* P., 2010. Т. 68. P. 219–224.

Теперь несомненно, что Первый каганат знал и обычай установки стел с надписями при княжеских погребениях, и календарь, и свою историографическую традицию, а идеологическая жизнь тюркского социума в VI в. отнюдь не была примитивной. Вместе с тем употребление здесь согдийских языка и письменности указывает, по крайней мере, на то, что великолепная культура и образованность Средней Азии была для тюрков явлением достаточно обычным и привычным.

Согдийский язык, *lingua franca* сериндийских торговых трасс, прежде чем стать языком царских эпитафий, уже был языком каганской канцелярии. Во всяком случае, письмо, которое в 568 г. посол тюркского кагана, согдийский купец Маниах, привез в Константинополь императору Юстину II и огласил во время приема, было написано «скифскими письменами», т.е. понятным для Маниаха согдийским письмом⁸.

Другая историко-культурная проблема связана с ареалом распространения тюркского рунического письма, использование которого для камнеписных надписей началось, по всей видимости, уже во второй половине VII в. (Чойрэнская стела)⁹. Почти все найденные к середине XX в. памятники концентрировались в центральных районах Северной Монголии и являлись составной частью княжеских поминальных комплексов. Исходя из этого, следовало бы признать, что письменная культура в Тюркском каганате была достоянием узкой аристократической группы, а территория ее распространения была очень ограничена.

Во время полевых работ в Монголии в 70–80-х годах автор, имея в виду необходимость поиска бесспорных материалов для решения проблемы территориального распространения рунического письма, осуществил целенаправленные рекогносцировки в Хангайской горной стране, Хэнтэе, Монгольском и Гобийском Алтае, в котловине Больших озер и в Южной Гоби. В ходе рекогносцировок удалось

⁸ Дестунис С. Византийские историки. СПб., 1880. С. 374; Dobrovits M. The Altaic world through Byzantine eyes: some remarks on the historical circumstances of Zemarchus' journey to the Turks (AD 569–570) // Acta Orientalia Hungarica. 2011. Vol. 64. P. 382.

⁹ Кляшторный С.Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. М., 1980. Т. 23. С. 90–102; Кормушин И.В. Новое в чтении и толковании Чойрэнской рунической надписи конца VII в. из Монголии // ТС, 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 202–213.

установить, что руническая письменность была распространена и активно использовалась во всей зоне обитания древнетюркских племен¹⁰. А отсутствие профессионализма в исполнении мелких наскальных надписей указывает на значительное число людей, владевших письмом и использовавших его в обыденной жизни. В сравнении с раннесредневековой Европой можно считать *mutatis mutandis* Тюркский каганат страной сплошной грамотности.

Орхонские рунические памятники первой трети VIII в. содержат, взаимно дополняя друг друга, связанное повествование о важнейших военных и политических событиях во Втором Тюркском каганате (689–744 гг.), рассказанное от имени крупнейших деятелей этого государства. Политическая тенденциозность каждого из таких повествований не только не снижает, а напротив, повышает ценность источника, т.к. сопоставление программных деклараций и дискуссионных суждений относительно тех или иных событий позволяет легче увидеть конфликты и противоречия внутри каганата, чем это возможно при знакомстве с протокольным описанием «исторических происшествий» того времени в китайских анналах.

Следует более подробно остановиться на жанровой специфике орхонских памятников¹¹. Около 50 лет назад в советской тюркологии возникла дискуссия по поводу историографической составляющей орхонских надписей, связанная с попыткой интерпретировать их как историко-героические поэмы, созданные в традициях героического (дружинного) эпоса. Хотя с резкой критикой последней точки зрения тогда выступил академик В.М. Жирмунский, попытки «фольклоризации» памятников получили довольно широкое распространение и продолжают по сей день.

В связи с этим хотелось бы, конечно очень бегло, коснуться вопроса о том, что давало повод характеризовать памятники как фольклорное произведение¹².

¹⁰ Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Наскальные рунические надписи Монголии. Тэс, Гурвалжин-ула, Хангыты-хад, Хэнтэй // *ТС*, 1975. М., 1978. С. 151–158; *Klyashornyj S.G., Tryjarski E.* An improved edition of the Arkhanen inscription // *Rocznik Orientalistyczny*. 1990. Т. 47. S. 65–68.

¹¹ Подробнее см.: *Рухлядев Д.В.* Проблема жанра в изучении древнетюркских рунических памятников // *ТС*, 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005. С. 208–253.

¹² Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Эпические сюжеты в древнетюркских рунических памятниках // *Восток*. 1992. № 5. С. 5–17.

Отметим, прежде всего, стилистическую близость использованных в памятниках литературных приемов к повествовательным приемам, известным по эпическим сказаниям тюркских народов. Особенно заметно сходство устойчивых традиционных формул при описании боевых подвигов героев эпоса и героев надписей, хотя, в последнем случае, без свойственной эпосу чрезмерной гиперболизации. Здесь следует отметить, повторяя К.В. Чистова, что «духовная культура архаического типа еще не знает нефольклорных форм, связанных с языком»¹³.

Хотя весь пафос, вся структура изложения орхонских надписей подчинены и посвящены делам и людям, мыслям и устремлениям их дней, автор текста не может игнорировать фольклорные мотивы и стилистические приемы, свойственные «картине мира», сложившейся в его, автора, культурной среде. Никакого свойственного эпосу глубокого отрыва от настоящего времени в памятниках нет. В связи с этим нелишне напомнить блестящее определение М.М. Бахтиным эпической диахронии: «Мир эпопеи — национальное героическое прошлое, мир “начал” и “вершин” национальной истории, мир отцов и родоначальников, мир “первых” и “лучших”. Дело не в том, что прошлое является содержанием эпопеи. Отнесенность изображаемого мира в прошлое, причастность его к прошлому — конституативная формальная черта эпопеи как жанра»¹⁴.

Между тем орхонские надписи повествуют о подтвержденных другими источниками реальных событиях — сражениях, восстаниях, походах, сменах правителей, точно датированных по годам и месяцам жизни их героев или, иногда, по годам 12-летнего «животного цикла».

Тем не менее, пока и поскольку орхонские памятники до последнего времени оставались древнейшими текстами, фиксировавшими весьма многослойную письменную традицию тюрков, пока и поскольку поиск аналогов выводил исследователей за рамки имманентной для древней Центральной Азии культурной среды, парадоксальные оценки находили известное оправдание в стремлении увязать первые проявления литературной деятельности с гипотетически реконструированным фольклорным миром той отдаленной эпохи. Реконструкция, впрочем, была осуществлена про-

¹³ Чистов К.В. Фольклор и культура этноса // СЭ. 1979. № 4. С. 5.

¹⁴ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 456–457.

стейшим образом — в прошлое опрокинуто исторически недавнее эпическое наследие современных тюркских народов.

Здесь следует вновь вернуться к Бугутской стеле. Все последствия открытия Бугутского памятника для изучения древнетюркской культуры оценены еще не в должной мере, но определилось основное — по структуре и сюжетам, по политической публицистичности и историографическому фону актуального изложения Бугутская надпись мало чем отличается от позднейших, орхонских надписей и является их прообразом. И ее стиль, и ее содержание свидетельствуют об определяющем влиянии на создателей памятника преломленной через иранское посредство восточноазиатской историко-политической традиции «монументальной пропаганды», породившей значительную, в том числе камнеписную литературу в Северной Индии, Афганистане, Средней Азии, Восточном Туркестане, застенном Китае, Корее и Монголии¹⁵. Литературная и языковая специфика каждого региона не уничтожила общих черт, порожденных культурно-исторической близостью различных частей этого взаимосвязанного мира, прошитого нитями торговых путей и военных маршрутов, потоками переселенцев и тропами пилигримов. Вростание центральноазиатских тюрков в своеобразную и синкретическую культуру Сериндии относят обычно к становлению Уйгурского государства в Таримском бассейне (IX–X вв.). Как оказалось, начало было положено много раньше.

Обратимся теперь к другой группе текстов, к памятникам Уйгурского каганата. До 60-х годов XX в. их было известно всего два — трехязычная Карабалгасунская стела с почти полностью разрушенным тюркским текстом и надпись из Могойн Шине-Усу. В ходе работ СМИКЭ были открыты еще три крупных памятника разной степени сохранности¹⁶. Какова их историографическая составляющая?

¹⁵ См., например: *Gabain A. von. Einführung in die Zentralasienkunde*. Darmstadt, 1979. S. 33–34.

¹⁶ *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Сэврэйский камень // СТ. 1971. № 3. С. 106–112; *Klyashornyj S., Livshits V.* Une inscription inédite turque et sogdienne: la stèle de Sevrey (Gobi Méridionale) // *Journal Asiatique*. 1972. T. 259. C. 11–20; *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись. Предварительная публикация // СТ. 1980. № 3. С. 82–95; *Он же.* Тэсинская стела. Предварительная публикация // СТ. 1983. № 6. С. 76–90; *Klyashornyj S.* The Terkhin inscription // *Acta Orientalia Hungarica*. 1983. T. 36, fasc. 1–3. P. 335–366; *Idem.* The Tes inscription of the Uigur Bögü Qaghan // *Ibid.* 1985. T. 39, fasc. 1. P. 137–156; *Кляшторный С.Г.* Надпись уйгурского Бёгюкагана в Северо-западной Монголии // *Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства*. М., 1987. С. 19–37.

Две стелы, открытые в Хангайской горной стране, были названы мной по долинам рек, где были установлены, Терхинской и Тэсинской. Они были сооружены в 753 и 762 гг.¹⁷ Историографические разделы обеих надписей, судя по сохранившейся части, достаточно близки по содержанию, и главная идея этих разделов казалась бы парадоксальна — уйгурские каганы VIII в., правившие в Монголии и Туве, считали себя наследниками и преемниками древних вождей, которые возглавляли огуру-огузские племена евразийских степей за сотни лет до них. И оба уйгурских государя, Элетмиш Бильге и Бёгю, которым посвящено повествование, сочли нужным напомнить об этом своим соплеменникам и своим подданным в высеченных на камнях декларациях. Они возвеличили тех, кто возглавлял племена и создавал Эль — кочевую империю, и они осудили тех, кто разрушал Эль в междоусобных и межплеменных войнах. Память уйгурских историографов охватила несколько эпох созидания и разрушения Элей, включая события более чем двухсотлетней давности. В начальных строках их повествования история слилась с мифом о сотворении и легендами о каганах-основоположниках. Время повествования определяется упоминанием общего кагана тюрков и огузов, Бумына, т.е. серединой VI в., а пространство событий — вся евразийская степь.

Ключевое слово в Тэсинской надписи — термин *бузук*. Сохранный позднейшей огузской традицией (легендами об Огуз-хане, предке-эпониме огузских племен) и зафиксированное мусульманской историографией (Захир ад-дин Нишапури, Ибн ал-Асир, Рашид ад-дин) устойчивое деление огузов на два крыла, два объединения племен — *бузуков* и *учуков*, — как теперь ясно, восходит к глубокой древности¹⁸. Бузуки, правое крыло, соотносимое с восточной ориентацией, в квазиимперских и имперских структурах огузов имели преимущества старшинства. Только из их среды выдвигался великий хан (каган), номинальный глава всех огузов, а иерархическое положение аристократии бузуков, их племенных вождей, было более высоким, чем статус племенных вождей учуков¹⁹.

И хазары, и берсилы косвенно причислены к учукам, т.е. к западному крылу огуру-огузских племен. Обстоятельство тем более

¹⁷ *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата. С. 27–101.

¹⁸ Подробнее см.: *Кляшторный С.Г.* Азиатский аспект ранней истории хазар // Хазары. Иерусалим; М., 2005. С. 259–264.

¹⁹ О бузуках и учуках у средневековых туркмен см.: *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. IX–XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 103.

важное, что в позднейшей огузской традиции конца I — первой половины II тыс. берсилы и хазары уже не фигурируют. Так же как *сиры* (*сеяньто* китайских хроник), они выпали из огузских объединений и примерно тогда же создали собственные имперские структуры (*сиры* — в 630–647 гг.).

Ко времени, о котором говорится в надписях, времени Бумын-кагана и его первых наследников, в двусоставной тюрко-огузской структуре Тюркского эля место бузуков занимали десять тюркских племен, одно из которых, Ашина, было каганским племенем²⁰. После распада каганата на восточную и западную части деление на бузуков и учуков в Восточнотюркском, а позднее и Уйгурском каганате сменилось делением на *тёлисов* и *тардушей*, восточное и западное крылья, которые, вместе с каганским центром-ставкой (*орду*), формировали военно-административную структуру Эля. В Западнотюркском каганате, в «народе десяти стрел» (как они сами себя называли), сложилась или проявилась иная древняя структура — деление на *дулу* и *нушиби*, восточное и западное объединения племен, соперничество между которыми часто приводило к междоусобным войнам.

В повествовании автора Тэсинской надписи вся вина за раскол и распрю возлагается на бузуков — вождей собственно тюркских племен, что совпадает с реальной событийной канвой, известной по другим источникам. Более всего в этой распре пострадали западные огузы-огуры, и авторы обеих надписей сочли нужным отметить гибель двоих, назвав их имена и их племена, — вождя берсиллов Беди и вождя хазар (касар) Кадыра. Оба упоминания позволяют оценить прежде всего место обоих племенных союзов в исторической памяти огузов, в политической картине ушедшего мира, с которым было связано и имперское величие, и крушение тюрко-огузского дуумвирата в евразийской степи.

Основная трудность, с которой сталкивается историк, интерпретирующий енисейские надписи, — проблемы абсолютной датировки и выявление связей с историческим контекстом описываемых в надписях событий. Их несомненная связь с обрядовым фольклором делает еще более сложным выявление далеко не частых фрагментов, содержащих бесценные зерна историографической информации²¹.

²⁰ *Klyashtorny S.G.* The royal clan of the Turks and the problem of early Turkic-Iranian contacts // *Acta Orientalia Hungarica*. 1994. Т. 47. Р. 445–447.

²¹ Подробнее см.: *Рухлядев Д.В.* О жанре енисейских рунических памятников // *ТС*, 2006. М., 2007. С. 274–295.

Прорыв обозначился лишь после того, как мне удалось достаточно достоверно датировать две надписи с Алтын-кёля, доказав, что мемориант одной из них — кыргызский каган Барс-бег, погибший зимой 710/11 г. Так же датируется вторая надпись Алтын-кёля²². Примерно тем же временем датируется надпись именитого военачальника Чабыш Тон-таркана, которого Барс-бег, незадолго до своей гибели, отправил за поддержкой к Кара-хану, т.е. к тюркешскому кагану (надпись Уйбат I)²³.

О тех же событиях повествует еще одна енисейская эпитафия (Кызыл Чираа I). Гибель ее героя, имя которого не сохранилось, случилась в сражении с войском Бег-чора. Но Бег-чор — это «мужское (воинское) имя» (*er aty*) Капаган-кагана. Китайские династийные хроники так и называют этого кагана — *Мо-чжо*, т.е. Бег-чор. А в последней строке надписи мемориант оплакивает не свою кончину, а гибель своего старшего брата, хана кыргызов, т.е. Барс-бега. Назван даже возраст Барс-бега — 42 года. Напомним, что в эпитафии самого Барс-бега (Алтын-кель I) рассказывается о четырех «высокородных братьях», которых «разлучил Эркилиг», бог подземного мира.

Другие особо значимые надписи относятся к совсем иной эпохе, к эпохе мощного взлета кыргызской государственности и доминирующей роли кыргызов в Центральной Азии. Прошло 130 лет с момента гибели Барс-бега и 100 лет со времени краха Тюркского каганата, когда окрепшее Кыргызское государство сокрушило в 840 г. прежнего гегемона степей — Уйгурский каганат. Созданная кыргызами империя простиралась тогда от Ангары и Байкала до Алтая и Семиречья, от сибирской тайги до Великой Китайской стены²⁴.

Овладев Северной и Северо-Западной Монголией, основной территорией уйгуров, кыргызы не остановились. Их власть распространилась на Алтай — в одной из надписей (Уюк-Оорзак III)

²² *Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) // *Turcologica: К семидесятилетию акад. А.Н. Кононова*. Л., 1976. С. 258–267.

²³ Тексты упомянутых енисейских надписей см.: *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952; *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997; *Он же.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. М., 2008.

²⁴ *Dompp M.R.* The Yenisei Kyrgyz from early time to the Mongol conquest // *The Turks. I. Early ages*. Ankara, 2002. P. 480–488; *Дробышев Ю.И.* Кыргызы в Центральной Азии (IX в.) // *Восток*. 2010. № 6. С. 102–109.

упомянут кыргызский правитель нового юрта — ябгу Алтая. Но самое интересное сообщение содержит надпись с реки Бегре, правого притока Бий-хема. Ее герой, именуемый не собственным именем, а титулом — *ичреки*, т.е. «доверенное лицо» Тёр-апа, — рассказывает в своем посмертном повествовании:

...в мои пятнадцать лет я ходил на китайского хана. Благодаря моей доблести мужа-воина, своим геройством я захватил золото и серебро, верблюдов и жен!

Умирая в возрасте 67-ми лет, мемориант скорбит о разлуке со своей супругой, которую взял в свои 15 лет, т.е. во время китайского похода. Это повествование осталось бы изолированным и непонятым, если бы не другие, на первый взгляд не связанные с китайским походом сообщения.

До недавнего времени единственным памятником «кыргызского великодержавия» в Центральной Азии (840–918 гг.) считалась открытая в начале XX в. Суджинская надпись²⁵. Она написана неким «сыном кыргыза» Бойла Кутлуг-ярганом, участником победы над уйгурами. В первой строке надписи упомянут Яглакар-хан, которого первоначально посчитали за хана кыргызов и прообраз эпического героя Манаса. Однако же, как было установлено, Яглакары — уйгурская ханская династия, и в Суджинской надписи рассказано о ее изгнании и гибели. Между тем в 1975 г. мною была открыта в Северо-Западной Монголии, на р. Тэс, наскальная надпись, принадлежащая кыргызскому военачальнику Тёпек Алп Солу²⁶. Удалось установить, что Алп Сол несколько раз упоминается в синхронных китайских документах, содержащих отчет о событиях в Центральной Азии в 842 г. Имеенно Алп Сол руководил кыргызскими отрядами, вторгшимися в китайскую провинцию Ганьсу и в государства-оазисы Восточного Притяньшанья, вел переговоры с китайским министром в пограничной крепости Тяньдэ, а в 843 г. возглавил кыргызское посольство к императорскому двору, в столицу Китая, и возвратился с богатыми дарами.

Теперь можно утверждать, что единственный за всю историю кыргызов «Великий поход» в китайские владения состоялся 842–843 гг.,

²⁵ *Кляшторный С.Г.* Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. 1959. № 5. С. 162–169.

²⁶ *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006. С. 344–348.

на заре «кыргызского великодержавия», и возглавлял его кыргызский военачальник Алп Сол, чьи земельные владения находились на Алтае и в Туве. Прошло много столетий, но тот поход не забылся — он наложился на многие другие события, его герой получил у алтайских кыргызов иное имя — Алп Манаш, и когда в XVI в. кыргызы с Алтая переселились на Тянь Шань, сказание о Великом походе и его главном герое Манасе превратилось на новой родине в грандиозный народный эпос, вобравший в себя память о многих веках нелегкой истории кыргызского племени.

Итак, первыми памятниками тюркской письменности стали камнеписные эпитафийные тексты. Однако эпитафиями крупнейшие из этих текстов являлись только по первому целевому назначению. Не менее важной для их авторов была иная цель — восстановив событийный ряд, связанный с усопшим героем, оплакав и прославив его в безудержном панегирике, изложил свою политическую и этическую оценку событий, сформулировать, прямо или косвенно, свое социальное кредо и свою политическую философию, убедить «слушателей» в безусловной и безупречной правдивости и правильности своих утверждений и своих оценок.

Насколько явственно проявлено в крупнейших рунических памятниках авторское начало?

Обычно в древнетюркских рунических памятниках повествование ведется либо от лица покойного героя надписи, либо оно анонимно. И в том, и в другом случае подлинный творец текста никак не проявляет осознания своей роли в его создании, не обозначает своего авторства.

Однако три случая из множества других показывают, что фольклорная традиция неосознанного авторства уже не была всеобщей — речь идет о памятнике Тоньюкука, двух Кошо-Цайдамских текстах (надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана) и надписи в честь Кули-чора²⁷.

Пространная надпись Тоньюкука (62 строки длиной в 160–170 см) написана от лица самого героя, но не им самим — в 58-й строке сообщается, что надпись выполнена по приказу Тоньюкука:

Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать [эту надпись] для государства тюркского Бильге-кагана.

²⁷ Подробнее об этих памятниках см.: *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. С. 44–77; *Он же.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. С. 3–89.

Но стиль надписи отнюдь не эпитафийный — это яркий литературный текст, полный нескрываемых полемических суждений, диалогов, притч и поговорок. Само повествование столь эмоционально и непринужденно, столь явно приближается к родившемуся через много веков жанру автобиографии, что делает наиболее вероятным предположение о фиксации в тексте подлинной речи самого Тоньюкука.

Большая часть повествования в обоих Кошо-Цайдамских памятниках ведется от имени Бильге-кагана, и в надписях несколько раз подчеркнуто заявлено, что всё сказанное и записанное — его «подлинная речь», которую высекали на камне китайские резчики. Но трижды в надписи Кюль-тегина и один раз — в надписи Бильге-кагана названо другое имя творца надписей:

Столько много надписей написавший я, племянник Кюль-тегина, Йоллыг-тегин, это написал. Двадцать дней просидев (за работой), на этот камень (это) всё я, Йоллыг-тегин, написал (*памятник в честь Кюль-тегина*).

Надпись Бильге-кагану, я, Йоллыг-тегин, написал... Я, племянник тюркского Бильге-кагана, Йоллыг-тегин, проведя (за работой) месяц и четыре дня, покрыл надписями и украсил (*памятник в честь Бильге-кагана*).

Член каганского рода и его герольд, Йоллыг-тегин был, как он сам заявляет, автором многих надписей и, пожалуй, первым известным нам по имени автором, писавшим на тюркском языке. Это он своей рукой нанес на камень (процарапал или написал тушью) текст надписей, высеченный затем китайскими резчиками. Ему принадлежали также несохранившиеся надписи на стенах заупокойных храмов. Несомненно, что памятник как литературное произведение и образец древнетюркской письменности был создан им. Однако вряд ли стоит преувеличивать самостоятельность политического мышления Йоллыг-тегина и приписывать исключительно ему разработку тех политических взглядов, которые отражены в памятниках. Йоллыг-тегин писал то, что соответствовало мыслям, словам и действиям его сюзерена и родича — Бильге-кагана; недаром все политические формулировки изложены от лица Бильге-кагана, с указанием, что резчики не исказили его «речи».

Кошо-Цайдамские надписи являются крупнейшими памятниками древнетюркской рунической письменности. Их значение для древнетюркской филологии и истории невозможно преувеличить.

Наблюдения, сделанные при изучении этих двух текстов, давно уже стали нормативными, а сами памятники превратились в своеобразные эталоны, с которыми сравнивают чуть ли не все другие рунические надписи.

Третий случай самообозначения автора камнеписного текста отмечен в надписи в честь Кули-чора (надпись из Ихе Хушоту):

Я, Бинтир, столь много надписей написал и о том, чего я сам не знал, и о том, что я сам знал и помнил. Надпись Кули-чору я (тоже) написал.

Автор надписи ссылается на какую-то информацию, устную или письменную, о событиях, которых он не знал или не помнил. Такого рода констатация — пока единственная в древнетюркских текстах и она, возможно, свидетельствует о наличии историографической традиции и о существовании людей, которые эту традицию сохраняли.

Очевидно, что в трех отмеченных случаях проявилось разное ощущение или осознание авторства. Это осознание никак не связано исключительно с реальным начертанием (вырезанием или иным обозначением) знаков письма, но оно прямо касается процесса создания текста. Тоньюкук диктует исполнителю (резчику?) свою речь, насыщенную экспрессивными и полемическими оборотами, создающими неповторимый стиль изложения, и, по существу, является единственным творцом текста.

Йоллыг-тегин долго и тщательно готовит текст для резчика-исполнителя, сам его наносит на поверхность стелы, не врезая в камень, сам украшает стелу некоторыми символами-рисунками. Он пишет о себе как о создателе текста, указывая даже количество затраченных дней. И, однако, считает главным в своей работе точную передачу «сердечной речи» своего сородича и сюзерена Бильге-кагана.

Не исключено, что политическая философия Бильге-кагана если не ментально, то вербально и литературно формируется именно Йоллыг-тегином, а его заявление о своем немалом и долгом труде над текстом прозрачно свидетельствуют о его собственном авторском вкладе.

И совершенно осознанно и недвусмысленно заявляет о своем авторстве Бинтир, профессиональный панегирист — историограф, подвизавшийся при дворе Кули-чора Тардушского. Возможно, Бинтир — типологически знаковая фигура древнетюркского при-

дворного интеллектуала, одного из тех грамотеев, чьими усилиями создавались и поддерживались полупоэтические представления о героях минувших поколений и формировались образы участников актуальных коллизий. Этот сложный сплав соперничавших повествований и оценок отдаленного и недавнего прошлого, запечатленный на фоне жестких межклановых, политических, военных и социальных столкновений, имперских амбиций и сепаратистских устремлений, делал авторов древнетюркских эпитафий глашатаями и судьями их мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии. IX–XIII вв. Ашхабад, 1969.
- Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Гузев В.Г., Кляшторный С.Г.* Древняя письменность Великой степи // ТС, 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009.
- Дестунис С.* Византийские историки. СПб., 1880.
- Дробышев Ю.И.* Кыргызы в Центральной Азии (IX в.) // Восток. 2010. № 6.
- Кляшторный С.Г.* Историко-культурное значение Суджинской надписи // Проблемы востоковедения. 1959. № 5.
- Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) // Turcologica: К семидесятилетию акад. А.Н. Кононова. Л., 1976.
- Кляшторный С.Г.* Наскальные рунические надписи Монголии. Тэс, Гурвалжин-ула, Хангыты-хад, Хэнтэй // ТС, 1975. М., 1978.
- Кляшторный С.Г.* Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. М., 1980. Т. 23.
- Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись. Предварительная публикация // СТ. 1980. № 3.
- Кляшторный С.Г.* Тэсинская стела. Предварительная публикация // СТ. 1983. № 6.
- Кляшторный С.Г.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.
- Кляшторный С.Г.* Эпические сюжеты в древнетюркских рунических памятниках // Восток. 1992. № 5.

- Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
- Кляшторный С.Г.* Азиатский аспект ранней истории хазар // Хазары. Иерусалим; М., 2005.
- Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.
- Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.
- Кляшторный С.Г., Ливищ В.А.* Новая согдийская надпись из Монголии (предварительное сообщение) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л., 1969.
- Кляшторный С.Г., Ливищ В.А.* Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. М., 1971. Т. 10.
- Кляшторный С.Г., Ливищ В.А.* Сэврэйский камень // СТ. 1971. № 3.
- Кляшторный С.Г., Ливищ В.А.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
- Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.
- Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. М., 2008.
- Кормушин И.В.* Новое в чтении и толковании Чойрэнской рунической надписи конца VII в. из Монголии // ТС, 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011.
- Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965. № 3.
- Ливищ В.А.* О происхождении древнетюркской рунической письменности // СТ. 1978. № 4.
- Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952.
- Рухлядев Д.В.* Проблема жанра в изучении древнетюркских рунических памятников // ТС, 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.
- Рухлядев Д.В.* О жанре енисейских рунических памятников // ТС, 2006. М., 2007.
- Чистов К.В.* Фольклор и культура этноса // СЭ. 1979. № 4.
- Vazin L.* Turcs et Sogdiens: les enseignements de l'inscription de Bugut (Mongolie) // Mélanges linguistiques offerts à Emile Benveniste. P., 1975.
- Dobrovits M.* The Altaic world through Byzantine eyes: some remarks on the historical circumstances of Zemarchus' journey to the Turks (AD 569–570) // Acta Orientalia Hungarica. 2011. Vol. 64.
- Dompp M.R.* The Yenisei Kyrgyz from early time to the Mongol conquest // The Turks. I. Early ages. Ankara, 2002.

- Gabain A. von.* Einführung in die Zentralasienkunde. Darmstadt, 1979.
- Klyashtornyj S.* The Terkhin inscription // *Acta Orientalia Hungarica*. 1983. T. 36, fasc. 1–3.
- Klyashtornyj S.* The Tes inscription of the Uigur Bögü Qaghan // *Ibid.* 1985. T. 39, fasc. 1.
- Klyashtornyj S.G.* The royal clan of the Turks and the problem of early Turkic-Iranian contacts // *Acta Orientalia Hungarica*. 1994. T. 47.
- Klyashtornyj S., Livshic V.* The Sogdian inscription of Bugut revised // *Acta Orientalia Hungarica*. Budapest, 1972. T. 26.
- Klyashtornyj S., Livshits V.* Une inscription inédite turque et sogdienne: la stèle de Sevrey (Gobi Méridionale) // *Journal Asiatique*. 1972. T. 259.
- Klyashtornyj S.G., Tryjarski E.* An improved edition of the Arkhanen inscription // *Rocznik Orientalistyczny*. 1990. T. 47.
- Osawa T.* Aspects of relationship between the ancient Turks and Sogdians. Based on the stone statue with Sogdian inscription in Xinjiang // *Eran and Aneran*. Studies presented to B. Marshak on the occasion of his 70th birthday. Venice, 2006.
- Vassière E. de la.* Maurice et le qaghan. A propos de la digression de Thèophylacte Simocatta sur les Turcs // *Revue des études Byzantines*. P., 2010. T. 68.

Sergey G. Klyashtornyj

THE BIRTH OF ANCIENT TURKIC HISTORIOGRAPHY:
THE RUNIC MONUMENTS OF THE GREAT STEPPE

The stone monuments (stelae) written in Sogdian and Turkic languages (epitaphs of Turkic and Uigur qagans and their companions of the sixth–ninth centuries found in Mongolia as well as the Yenisei inscriptions) are the oldest examples of ancient Turkic written culture and the most important sources for history of the Turkic and Uigur qaganates (551–840), as well as the Yenisei Kyrgyz state (the eighth–ninth centuries). The article examines the genre peculiarities of these texts and gives a historiographic estimate of their content.

Key words: Runic script, Turkic qaganates, Uigurs, Yenisei Kyrgyzes, epitaphial monuments, Central Asia

Т.М. Калинина

АЛ-МАС‘УДИ КАК ИСТОРИК
(НА ПРИМЕРЕ «КНИГИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
И ПЕРЕСМОТРА»)

Статья посвящена проблеме историописания в «Книге предупреждения и пересмотра» (*Китаб ат-танбих ва-л-ишраф*) Абу-л-Хасана ибн ал-Хусейна ал-Мас‘уди, арабского писателя первой половины X в. Арабское историописание включало в себя множество литературных жанров доисламской эпохи, они сохранялись и развивались и в постисламское время: генеалогические предания арабских племен — *ахбар*; родословия — *ансаб*; биографии — *сийар*, в которые вошли, после принятия ислама, предания о жизни Мухаммада; завоевания, военные походы — *магази*, ставшие позднее повествованиями о войнах Мухаммада, разряды-поколения — *табакат*, рассказы о пророках — *кисас ал-анбийя’*, предания о войнах арабских племен — *аййам ал-‘араб*. Тщательно собранные предания о пророке Мухаммаде (*хадисы*), которые подтверждались ссылками (*иснадами*) на информацию от передатчика к следующему человеку, стали важнейшим элементом сложения письменного исламского историописания. Жанр *фада’ил* — «добродетель», посвященный достоинствам Мухаммада и его сподвижников, а также религиозных, политических, профессиональных и социальных групп, а кроме того, совершенству стран, народов, городов, и жанр *‘аджа’иб*, т.е. рассказы о чудесах входили также в состав географических произведений арабов. Географические сведения арабских ученых расширились, когда Арабский халифат раздвинул границы. Стали создаваться труды, соединявшие разные жанры, опиравшиеся на сведения предшествующих авторов и привносящие собственную информацию о народах, территориях, событиях. Все эти жанры, которые соединяли поэтическое и прозаическое творчество, постепенно вошли в общие хроники (*таварих*). Под словом *ат-та’рих* — «история» — изначально подразумевались датировка, хронология. *Ат-та’рих* как вид литературы, посвященной хронологически выстроенным сведениям о прошлом, возник в X в.

Наследником указанных направлений стал ал-Мас‘уди. Он использовал литературные и устные источники. Из многих написанных им книг сохранились лишь две: «Золотые копии и россыпи самоцветов» и «Книга

предупреждения и пересмотра». Ряд востоковедов относили его книги к *адабу*, т.е. популярному жанру литературы, сочетавшему образовательные, назидательные и развлекательные цели. Однако произведения ал-Мас'уди направлены на изложение истории разных народов прежде всего. Исследователи творчества ал-Мас'уди придерживаются той концепции, что он был историком, хотя его книги написаны в беллетризованной форме.

На конкретных примерах из «Книги предупреждения и пересмотра» показано, что автор в своих сочинениях ставил задачей написать историю народов мира, представить их облик и нравы в зависимости от положения Солнца, Луны и светил, изложить теорию климатов и положение населения в них, дать представление о всемирной хронологии и отдельных способах отсчета времени, о календарях. Ал-Мас'уди поведал историю персов и их правящих династий от сотворения первого человека до падения Сасанидов. Он создал летопись событий жизни и деяний древнегреческих царей, римских и византийских императоров, включив события и легенды из истории христианства. Большая часть книги отведена для хроники преданий арабов до ислама и истории исламских династий и их правителей. Труд ал-Мас'уди включил указанные выше жанры арабской описательной и географической литературы, он по праву считается одним из выдающихся историков своего времени.

Ключевые слова: арабы, литература, жанры, историография, историописание, география, ал-Мас'уди

Историописание представляет собой важнейшее явление арабо-персидской литературы. В раннюю пору преобладали доисламские литературные жанры, которые, однако, сохранялись и после возникновения ислама: сообщения, составлявшие генеалогические предания арабских племен, — *ахбар*; родословия, перечни предков — *ансаб*; биографии — *сийар*, в которые вошли, после принятия ислама, предания о жизни Мухаммада; завоевания, военные походы — *магази*, ставшие позднее повествованиями о войнах Мухаммада, разряды-поколения — *табакат*, под которыми подразумеваются жизнеописания выдающихся людей. Эти биографии писались одним автором, затем, через передатчиков, переходили к другому, и так далее до жизни автора. Существовали и рассказы о пророках — *кисас ал-'анбийя*¹.

¹ Гибб Х.А.Р. Арабская литература. Классический период. М., 1960. С. 122; Грязневич П.А. Развитие исторического сознания арабов // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982. С. 124; Rosenthal F. A history of muslim Historiography. 2nd ed. Leiden, 1968. P. 64–71; Миккульский Д.В. Арабо-мусульманская культура

Племенные предания, «дни арабов» — *'аййам ал-'араб* — освещали войны арабских племен; йеменские сказания о прошлом до ислама составляли устную традицию, переданную затем рядом авторов VIII в.²

С возникновением ислама и чтения священной книги Корана интерес к родословной человечества соединился с осознанием своего прошлого³; *'аййам ал-'араб* остались одной из основных традиций арабо-исламской историографии, а в VIII в. они стали записываться⁴. Важнейшим элементом сложения письменного исламского историописания были тщательно собранные предания о пророке Мухаммаде (*хадисы*), которые подтверждались ссылками (*иснадами*) на информацию от передатчика к следующему человеку, и так — до лица, который последним записал хадис⁵.

В VIII–IX вв. все эти, не всегда отчетливо выраженные, жанры, которые соединяли поэтическое и прозаическое творчество, постепенно вошли в общие хроники (*таварих*) в качестве составных частей. Появились отдельные сочинения о жизни Мухаммада, его сподвижников и последователей, о войнах при Мухаммаде и после него, о значимых событиях; сборники преданий отдельных арабских племен. Эти труды представлены именами Абу Михнафа (ум. 774), Ибн Исхака (704–767–8?), ал-Вакиди (747–823), Ибн Са'да (784–845), Ибн Хишама (ум. 834), ал-Мада'ини (ум. 840)⁶.

Большое значение для историописания, равно как и для арабской философии (*фаласафа*) и экзегетики (*тафсир*), имели представления о происхождении человека и истории древних народов, связанные с христианскими и иудейскими преданиями, в свою очередь опирающимися на арамейские, еврейские, сирийские традиции. Коран воспринял библейскую генеалогию народов мира, восходившую к ближневосточным преданиям о начале человечества. Коран излагает версию иудейских и христианских представлений о сотворении Творцом из

в сочинении ал-Мас'уди: «Золотые копии и россыпи самоцветов» («Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар»). X век. М., 2006. С. 24–25; Кузнецов В.А. Чем была история в классической арабской культуре? // <<http://iph.ras.ru/page48472444.htm>>.

² Гибб Х.А.Р. Арабская литература. С. 119–120.

³ Резван Е. А. Коран и его толкования. Тексты, пер., коммент. СПб., 2000. С. 27–29.

⁴ Миккульский Д.В. Арабо-мусульманская культура. С. 25.

⁵ Халидов А.Б. Книжная культура // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982. С. 236–237; Khalidi T. Arabic historical thought in the classical period. Cambridge, 1994. P. 17–30.

⁶ Халидов А.Б. Книжная культура. С. 62.

земной пыли первочеловека Адама⁷ и о его детях. Представление о разделении народов Земли на племена, ведущие начало от трех сыновей Ноя (*Нуха*) — Сима (*Сама*), Хама и Яфета (*Йафуса*), было воспринято арабской традицией из библейских сказаний и прочно вошло в арабскую литературу. Весьма значимым явлением для арабской литературы стало также знакомство с историческим эпосом сасанидского Ирана «Книга царей» («Хватай-намак»), переведенным на арабский язык. Им пользовались многие арабские писатели⁸.

Существенным жанром оказался *фада'ул* — «добродетель», посвященная достоинствам в первую очередь Мухаммада и его сподвижников, а также религиозных, политических, профессиональных и социальных групп, а кроме того, совершенству стран, народов, городов⁹. *Фада'ул* зачастую составлялись в поэтической форме¹⁰ и примыкали к жанру *'аджа'иб*¹¹ («диковинки»). Последний термин в арабской литературе означал необычные и чудесные явления, удивительные творения Аллаха¹². Этот жанр занимательной литературы включал космографические и географические сведения, сюда же бывали вкраплены развлекательные рассказы.

Географические сведения арабских ученых резко приумножились в VIII в., когда халифат значительно расширил границы. Возрос интерес к родословной не только «своих», но и иноземных народов. Стали создаваться труды, соединявшие разные жанры, опиравшиеся на сведения предшествующих авторов и приносявшие собственную информацию о событиях. Такими были произведения ал-Балазури (ум. 892), ад-Динавари (828–895), ал-Йа'куби (ум. 897 или 905), ат-Табари (839–923). Ведь под словом *ат-та'рих* — «история» — изначально подразумевались датировка, хронология. *Ат-та'рих* как литературный жанр, представлявший собой хронологически выстроенные сведения о прошлом, возник к середине

⁷ Коран. III, 52; XXII, 5; XXIII, 12–14; XXXV, 12; LXXVI, 2; XC, 3–4; XCVI, 1–2.

⁸ Бертельс Е.Э. Очерк истории персидской литературы. Л., 1928. С. 20–21.

⁹ Прозоров С.М. Арабская историческая литература в Ираке, Иране и Средней Азии в VII — середине X в.: Шиитская историография. М., 1980. С. 38.

¹⁰ Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избр. соч. М., 1957. Т. 4. С. 57–60.

¹¹ Кузнецов В.А. Написать мир: структуризация прошлого в ранней арабомусульманской историографии // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 73.

¹² Аджайб ад-дуниа. Чудеса мира / Пер. с перс., введ., коммент. и указ. Л. Смирновой. М., 1993. С. 8.

X в.¹³ Особое значение имел труд ат-Табари «История пророков и царей», в основном представлявший собой погодное изложение истории мира и событий мусульманской истории до 915 г. Сочинение ат-Табари считается вершиной традиционалистского историописания.

В X в. появились также труды писавших по-арабски христианских историков Евтихия Александрийского (876–940) и Агапия Манбиджского (ум. 941/42).

Наследником указанных направлений стал Абу-л-Хасан ибн ал-Хусейн ал-Мас‘уди (ок. 896–956). О нем известно немного: его род был древним и весьма уважаемым, сам ал-Мас‘уди относился к слою образованных мусульман (*хасса*, т.е. к избранным, элите)¹⁴. Родившись в Багдаде, в тогдашней столице мусульманского мира, ал-Мас‘уди много путешествовал по свету. Он видел Иран, Индию, Восточную Африку, Аравию, бывал на юго-западном побережье Каспия, в Сирии, Египте, Палестине¹⁵. Следуя традициям арабской словесности, он привел по поводу своих путешествий два стихотворения поэта Абу-Таммама (ок. 796–845):

Преемник Хидра я: если кто и пребывает на родине
в какой-нибудь стране, то спины верблюдов — моя родина.
В Сирии мой род, Багдад — моя любовь, а сам я в Ракке,
но в Фустате мои братья.

Или как другие слова у него же:

И двигался я на запад, так что не находил упоминания о востоке,
двигался на восток, так что забывал запад.
Невзгоды, когда я испытывал их, отбрасывали меня
раненым, словно я встретился с отрядами [врагов]¹⁶.

¹³ Кузнецов В.А. Чем была история.

¹⁴ *Shboul Ahmad M.H.* Al-Masudi and his World. A Muslim Humanist and his Interest in non-Muslims. L., 1979. P. 1–29; *Микульский Д.В.* «Золотые копи...» ал-Мас‘уди и их место в арабо-мусульманской словесности // Абу-л-Хасан ‘Али ибн ал-Хусейн ибн ‘Али ал-Мас‘уди. «Золотые копи и россыпи самоцветов» [История Аббасидской династии: 749–947 гг.] / Сост., пер. с араб., примеч., коммент. и указ. Д.В. Микульского. М., 2002. С. 19.

¹⁵ *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. С. 171–172; *Shboul Ahmad M.H.* Al-Mas‘udi. P. 1–27; *Микульский Д.В.* Арабский Геродот. М., 1998. С. 112–223.

¹⁶ *Kitab at-tanbih wa’l-ischraf auctore al-Mas‘udi...* / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894. P. 8.

Во время странствий ал-Мас'уди собирал разнообразные сведения о народах и странах. Его интересовали история, образ жизни, верования народов Земли. Использовал писатель и литературные, и устные источники. Из многих написанных им книг сохранились лишь две: «Золотые копи и россыпи самоцветов» или «Промывальни золота и и рудники самоцветов» (ранее первая часть названия ошибочно именовалась «Золотые луга») и «Книга предупреждения и пересмотра» (другие переводы названий: «Книга сообщений и знаний», «Книга указания и наблюдения»).

Ряд востоковедов относили книгу «Золотые копи» к *'адабу*, т.е. литературе «широкого профиля», популярному жанру, сочетавшему образовательные, назидательные и развлекательные цели; литературе не специально религиозной или научной, не поэтической и не специфически исторической¹⁷. Однако как «Золотые копи», так и «Книга предупреждения и пересмотра» всё же направлены прежде всего на изложение истории разных народов.

Мы сочинили нашу книгу об известиях времени. Мы начали ее с рассказа о мироустройстве, о том, какие на земле существуют города, дикинки, моря, пещеры, горы, реки, драгоценные металлы, разнообразные источники... Потом мы это дополнили известиями о древних правителях и исчезнувших народах, о временах минувших и вымерших обществах, о том, как они жили и менялись... о царях и лютых деспотах, о греках и хосроях, о том, что известно об их мудрости, о речениях их философов...¹⁸

Схожая оценка автором своей работы имеется и в «Книге предупреждения и пересмотра»:

Изложение цели этой книги... В этих книгах (перечисленных выше. — *Т.К.*) мы приводили известия о начале Вселенной, о людях и их разделении на Земле и по областям, о суше и море, об исчезнувших поколениях и об исчезнувших и погибших народах, о [таких] великих государствах, как ал-Хинд, ас-Син, ал-Калданийун, они же ас-Сирийанийин, ал-'Араб, ал-Фурс, ал-Йунанийун, ар-Рум и другие,

¹⁷ *Фильитинский И.М.* Арабская литература в средние века: Словесное искусство арабов в древности и раннем средневековье. М., 1977. С. 13; *Пелла Ш.* Вариации на тему адаба // Арабская средневековая культура и литература: Сб. ст. зарубежных ученых. М., 1978. С. 62.

¹⁸ *Maçoudi.* Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1861. Т. 1. P. 18.

об истории прошедших времен и минувших поколений. Мы передали рассказы об их историях, жизнеописания их владык, их управлении, о местах обитания народов, их расхождения в почитании богов и разнообразии в суждениях...¹⁹.

Как отмечает В.А. Кузнецов, «многогранное перечисление всего того, о чем рассказывается в книге, в конечном счете, приводит к мысли, что автор ставил себе задачей написать историю мира и всего, что в нем было и есть. И пусть ал-Мас'уди не был первым, кто осмелился на подобный шаг, но всё же он был одним из первых»²⁰. Положения о том, что ал-Мас'уди был прежде всего историком, хотя его книги написаны в беллетризованной форме, придерживается также знаток, исследователь и переводчик части книги «Золотые копи» Д.В. Миккульский²¹.

В приведенной выше цитате из «Книги предупреждения и пересмотра» автор перечислил ряд народов, названия которых требуют небольших комментариев: ал-Хинд²², ас-Син²³, ал-Калданиййун, они же ас-Сирийаниййун²⁴, ал-'Араб, ал-Фурс²⁵, ал-Йунаниййун²⁶, ар-Рум²⁷. Ал-Мас'уди более подробно, чем два наиболее известных из предшествующих авторов — Абу Ханифа ад-Динавари (ум. ок. 895 г.) и ат-Табари — передавал библейскую историю, события, случившиеся у различных народов до ислама, историю персов и арабов, древних греков и римлян. Предшественником нашего ав-

¹⁹ Kitab at-tanbih. P. 2–3.

²⁰ Кузнецов В.А. Написать мир. С. 52.

²¹ Миккульский Д.В. «Золотые копи...». С. 35.

²² Ал-Хинд — это большая часть Индии, за исключением земель по нижнему течению реки Инд (ас-Синд).

²³ Ас-Син — название Китая, воспринято арабами от персидского названия этой страны — Чин.

²⁴ Ал-Мас'уди отличал сирийцев («ас-сирийаниййун») от халдеев («ал-калданиййун»), что выясняется из его рассказов о царях народов древней Месопотамии из «Золотых копей»: «Рассказ о царях ас-сирийаниййун», «Рассказ о царях ал-Маусила и Нинувы, то есть о ас-суриййун (ассирийцах)» и «Рассказ о царях Бабила (Вавилона), ан-набат и прочих, то есть об ал-калданиййун». Представления ал-Мас'уди о народах древнего Двуречья, естественно, не совпадали с историческими данными о них. Анализ этих представлений см.: *Shboul Ahmad M.H. Al-Mas'udi*. P. 120–122.

²⁵ Ал-Фурс — персы.

²⁶ Ал-Йунаниййун (или ал-Йунан) — древние греки.

²⁷ «Ар-Рум» во всех текстах, начиная с Корана (XXX, 1), обозначает Византию и византийцев и соответствует византийскому Ῥωμανοί. Ал-Мас'уди иногда связывал ар-Рум с названием Рима как города или империи.

тора здесь может считаться ал-Йа'куби (ум. 897 или 905)²⁸. Его книга содержит сообщения по библейской истории, о царях *ас-сирийанийун*, *ал-Бабила*, царях *ал-Хинда*, *ал-Йунанийун* и *ар-Рума* (в данном случае Римской империи, т.к. речь идет о дохристианских правителях и о первых императорах-христианах), о царях персов, государствах Севера (*мамалик ал-джарби*), Китая (*ас-Син*), Египта и коптов, берберов и африканцев. Эти материалы занимают почти весь первый том исторического труда ал-Йа'куби²⁹.

Кроме того, во введении к «Книге предупреждения и пересмотра» ал-Мас'уди рассказал и о других вопросах: о небесной сфере, о четырех элементах природы (огонь, воздух, вода, земля), о звездах и их влиянии на земную атмосферу, о климатах (*иклим*, мн.ч. *акалим*), т.е. широтных зонах Земли, о морях, ветрах и проч., со ссылками на Платона, Аристотеля, Пифагора, Клавдия Птолемея и другие античные авторитеты, но, конечно, подчеркнув, что всё было сотворено Великим и Славным Аллахом. В разделе о ветрах наш автор приводит стихотворные цитаты из двух известных поэтов VII в. и еще одного, идентифицировать которого не удалось:

Сказал Абу Сахр ал-Хузайли:

Если я говорил: «это время, когда я успокоюсь», меня будоражило
дуновение восточного ветра (*ас-Саба'*) со стороны, где восходит заря.

И сказал Худба ал-'Узри в то время, когда он был заточен в Медине:

О если бы заставить ветры по нашему желанию
приходить к нам утром, а [затем] возвращаться!

Тогда северный ветер (*аш-Шимал*) сообщал бы нам вести, приходя к нам,
а южный (*ал-Джануб*) осведомлял нашу семью о нас!

И сказал другой (поэт. — *Т.К.*):

Дуновение восточного ветра принесло мне привет,
а я обеспокоил этим же западный ветер (*ад-Дабур*)³⁰.

В этом же разделе упомянуто специально о ветрах, дующих в разных частях Египта, что дало повод поведать и о его «чудесах», таких как великие пирамиды Египта, а заодно о верованиях коптов, громадной реке Нил и ее разливах, от которых зависят и хозяйство, и налоги жителей Египта³¹. Упомянуты и природные богатства стра-

²⁸ *Бейлис В.М.* Представление о цивилизациях древности в системе исторических знаний ал-Йакуби и ал-Масуди // *Ислам и проблемы цивилизационных взаимодействий*. М., 1994. С. 33—54.

²⁹ *Ibn Wadhih qui dicitur al-Ja'qûbi. Historiae* / M.Th. Houtsma. Leiden, 1883. Т. 1.

³⁰ *Kitab at-tanbih*. P. 18.

³¹ *Ibid.* P. 2—3.

ны, и предметы торговли, имеются рассуждения о принадлежности великих пирамид древним царям и размышления об этих царях; для подтверждения всего этого приводится цитата из Корана:

...и среди них (областей Египта. — *Т.К.*) нет округа, в котором не было бы диковинки или редкости, встречающейся еще где-либо в другом из округов. Для каждого округа определен город, и об этом было ниспослано откровение словом Всемогущего и Великого при упоминании истории Мусы и Фараона: «Отсрочь ему и его брату и пошли по городам сборщиков» (Коран, VII, 108)³².

Так уже в самом начале книги определяется ее жанр: сочетание «научного» повествования с *'аджа'иб*, включение стихотворных строк, вставка из Корана.

Упомянув о разделении Земли на четыре части, ал-Мас'уди отмечал особенности населения каждой. Близкая к Солнцу восточная четверть, мужская, предполагает длительность власти царей, которым известна история предыдущих поколений, летописи, знание искусства управления; для этой четверти характерно благородство душ и долгая жизнь населения. Западная четверть обитаемого мира находится под влиянием женского начала, в соответствии с господствующим влиянием Луны. Здесь живут люди благочестивые, набожные, следующие вероучениям. Северная часть Земли, удаленная от зенита Солнца, подвержена холоду и влажности, преобладанию снега и мороза, а народы в ней — славяне, франки и другие. Им свойственны грубость, неуравновешенность, умственная неразвитость; бледность цвета кожи, рыжесть волос и голубизна глаз. Те же народы, что проживают еще дальше от Солнца на север, в том числе тюрки, грубы и жестоки, цвет их кожи — красный. Еще далее на север обитают народы йаджудж и маджудж, которые по нравам равны животным. Южную четверть Земли, находящуюся поблизости от экватора, населяют зинджи, эфиопы и прочие, и они из-за палящей жары имеют черный цвет кожи, покрасневшие глаза, курчавые волосы и грубый нрав³³. Эти постулаты имеют основой античные представления о зависимости внешнего облика и нравов того или иного народа от влияния Солнца, Луны и звезд.

Несколько глав посвящены описанию разделению Земли на «климаты» (*иклим*) и размещению в них народов Земли. В главе о чет-

³² Ibid. P. 21.

³³ Ibid. P. 25–26.

вертом климате, который считался наиболее благоприятным для жизни по причине своего срединного положения среди прочих, приведены стихотворения — одно, автор которого восхваляет себя (Абу Дулаф ал-Касим ибн ‘Иса ал-‘Иджли, первая половина IX в.), и другое (‘Абдаллах ибн Тахир, 798–844), где автор порицает первого:

Поистине, [я] муж такой как Хосрой по своим поступкам:
 провожу лето в ал-Джибале, а зиму — в Ираке.
Надеваю для войны доспехи,
 и принимаю вид тех, кто носит кольчуги.

Когда эти стихи стали известны ‘Абдаллаху ибн Тахиру, после того как он завоевал Египет и Сирийские страны, он ответил на это так:

Разве ты не видишь, что мы послали в землю Вавилона (*Бабил*)
 породистых коней, поджарых,
Пока они не вымели своими хвостами души
 людей, предавшихся лицемерию.
А ты, Абу Дулаф, благоденствуешь:
 проводишь лето в ал-Джибале, а зимуешь в ал-Ираке³⁴.

Такое вкрапление стихотворных строк с противопоставлением авторов (а кроме указанных, вставлены еще три стихотворения) еще раз подчеркивает близость книги к жанру *адаба*. Тем не менее далее ал-Мас‘уди переходит к повествованию об истории земли, которая в его время называется Ираком: он пишет, что именовался четвертый климат *Бабил*, т.е. Вавилон, а серединой его был Ирак. Назывался он также Ираншахром.

То, что входит в этот климат, известно в совокупности под названием Бабил из-за превосходства этого места и славы этой области, потому что обладающие знанием связывают вещи с самыми превосходными и известными среди них. И если бы Бабил не являлся таким, к нему не относили бы весь этот климат с его обширными землями и величием стран, составляющих его. Этот климат — середина семи климатов, он самый умеренный и лучший среди них. А Ирак — страна посреди его и это самая славная область Земли и избранная ее часть, благоприятная для пропитания, с самым чистым воздухом, не знающая чрезмерной жары или холода³⁵.

³⁴ Ibid. P. 36.

³⁵ Ibid. P. 37.

При дальнейшем изложении ал-Мас'уди снова возвращается к панегирику Ираку и Городу Мира, т.е. Багдаду:

Страна, в которой находится Город Мира — самое превосходное из мест Земли вообще по своим благам и по пище, и это поистине так: ведь самые приятные блага сего мира после благополучия, здоровья, величия и власти — это чистота воды и воздуха, а затем превосходнейшие реки мира — Тигр и Евфрат, хотя это оспаривают жители Египта, отдающие предпочтение своему Нилу. Самое прекрасное место в мире во все времена года, если сравнить различные места между собой и одни страны с другими — это место, где сходятся Тигр и Евфрат...³⁶

Во всех этих строках красной нитью проходят восхваление и идеализация как всего четвертого климата, так и отдельных его частей, особенно Ирака. Наш автор восхищается достоинствами этой земли и горько сожалеет о том, что покинул ее, свою родину, сопроводив строки стихами:

Прекрасно сказал в этом смысле Абу Дулаф ал-Касим ибн 'Иса ал-'Иджли:

О несчастье века, забросившее нас
руками Сабы на Восток и на Запад.

Остановись же перед той [стороной], которую мы любим, ты,
улетевший туда, где дошли до предела тяжкие беды.

И сказал другой:

Страна, где [были] моя радость, моя семья и мои соседи,
уже кое-что [о ней] кажется забытым, но оно любимо.

И если бы не тоска по родине и не страстное желание [видеть]
место, откуда мы родом, мы не упомянули бы о том, что упомянуто
в этом смысле³⁷.

В этих рассуждениях ярко проявляется жанр *фада'ил* — «добродетель», посвященный достоинствам в первую очередь, конечно, Мухаммада и его сподвижников, а также религиозных, политических, профессиональных и социальных групп, а кроме того совершенству стран, народов, городов³⁸, что выражается и в поэтической форме³⁹; этот жанр тесно смыкается с *'аджа'иб*⁴⁰. Живым подтверждением этого постулата является то обстоятельство, что в

³⁶ Ibid. P. 41.

³⁷ Ibid. P. 42.

³⁸ Прозоров С.М. Арабская историческая литература. С. 38.

³⁹ Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. С. 57–60.

⁴⁰ Кузнецов В.А. Написать мир. С. 73.

эту же главу вставлен еще и занимательный подробный рассказ об Александрийском маяке, истории его построения, формах, размерах и разрушении большей части маяка при землетрясении 863 г., а заодно рассказано о горах, подверженных землетрясениям, в землях четвертого климата, которые автор посещал сам.

Рассказывая об экономическом состоянии и налогах одной из областей четвертого климата, ал-Мас'уди высказывает отношение к властителям: для процветания страны необходимо,

...чтобы ее владетели и те, кто ею управляет, были, во-первых, богобоязненны, а кроме того, обладали осведомленностью, храбростью, были справедливы, добродетельны и энергичны, чтобы дела решались правильно и в управлении существовал порядок, и поступало столько податных сумм, сколько нужно для укрепления основ державы, для процветания областей, содержания гарнизонов в пограничьях и отражения врагов. Тогда [правители] будут следовать путем справедливости, ведущим к продолжительности времени [правления] и длительности существования державы. Ведь на справедливости построен весь мир и, конечно же, он основан только на праве, являющемся весами господина на земле для его рабов. Поэтому его мудрость не подвержена какой-либо склонности или ошибке, а тот, кто нарушает [право], сокращает свою жизнь и приближает конец своих дней. Притеснять подданных — навлекать [на себя] беду⁴¹.

Эти рассуждения ярко демонстрируют назидательные тенденции в книге, так характерные для арабской литературы.

В сочинение включен «Рассказ о семи народах прежних времен». Этот фрагмент не имеет аналога в более раннем труде «Золотые копи и россыпи самоцветов»; сам же автор упоминал, как указано выше, что в своих предшествующих, не дошедших до нас произведениях он подробно говорил об этих народах. В главе о семи народах ал-Мас'уди рассказал об их происхождении и языках:

Теперь мы расскажем о семи народах. Те, кто занимался историей народов прошлого и местами их расселения, утверждают, что в древние времена было семь народов, могущественных и славных, и что они отличались [друг от друга] по трем свойствам: по чертам внешности, особенностям нравов и по их языку⁴².

⁴¹ Kitab at-tanbih. P. 41.

⁴² Ibid. P. 77. См. также: *Калинина Т.М.* Восприятие времени и пространства арабским ученым X в. ал-Мас'уди // ДГ, 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах. М., 2009. С. 396–417.

После упоминания каждого народа ал-Мас'уди особо выделял то обстоятельство, что у каждого из них некогда был один владыка и один язык (хотя в то же время он отмечал существование наречий в персидских языках). Сирийский язык, как считал ал-Мас'уди, был тем первым, на котором изъяснялись Адам и Ева; еврейский и арабский языки назывались им ближайшими к сирийскому, и подчеркивалось, что разница между ними невелика. Третьим народом названы вместе древние греки, византийцы, славяне, франки и те, кто соседят с ними в северной населенной четверти Земли под названием *ал-Джарби*. Здесь также отмечено наличие единого владыки и одного языка. Четвертым народом названы *Лубийа* (Ливия), где перечислены народы Северной Африки, в том числе египтяне, и те народы южной части населенной четверти Земли, которые граничат с северной частью, и у них тоже имелись, как считал наш автор, один владыка и один язык. Пятый народ — это тюрки; перечислены их виды и отмечено тоже наличие одного владыки и единого языка (за исключением языка хазар, который не считался, по ал-Мас'уди, тюркским, хотя сами хазары отнесены им к тюркам). Шестым народом названы разные виды индийцев (*ал-Хинд*) и синдийцев (*ас-Синд*), седьмым — китайцы (*ас-Син*) и корейцы (*ас-Силла*).

Формулу «царь у них один, и язык их единый» не следует воспринимать буквально и выстраивать, следуя ей, различные гипотезы о былом единстве того или иного народа (персы, славяне, тюрки и т.д.). Она показывает не реальность, а выражает сакральное, мифологическое время⁴³. Вслед за этим положением автором показан переход от мифологического времени, когда у народов якобы был один царь и один язык, к языческому времени:

Затем умножилось потомство, поколения сменяли друг друга, разделились народы и племена, стали различаться языки... Народы уподоблялись один другому и видоизменялись, различаясь по воззрениям и в том, чему они поклонялись, по местам, где они обитали и где совершали обряды. И эти семь народов стали отличаться один от другого: у каждого был свой царь. Все они были идолопоклонниками: каждый народ почитал идола и создавал изображение божества, отличавшегося от божеств, изображениям которых поклонялись другие народы⁴⁴.

⁴³ Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999. С. 361.

⁴⁴ Kitab at-tanbih. P. 84.

Известно, что мусульмане всячески осуждали проявления язычества и боролись с ними. Однако ал-Мас‘уди не проявлял эмоционального подхода к эре почитания идолов как худшей по сравнению с эпохой почитания единого бога. Вместо этого автор объяснял причину существования языческого времени у народов:

Эти [языческие] изображения воздвигались как воплощение высших субстанций и небесных тел, являющихся ликами сфер семи [светил]: двух, т.е. Солнца и Луны, и пяти: Сатурна, Юпитера, Марса, Венеры и Меркурия, и прочих тел, обладающих влиянием на этот земной мир⁴⁵.

К той же языческой фазе периода относится утверждение нашего автора о том, что религиозные или политические смуты разрешались семью мудрецами, которые собирались семь раз, в разные эпохи. Священное число «семь» здесь подчеркивает языческую эпоху. Заветный смысл числа «семь» объясняет ал-Мас‘уди и в «Золотых копиях»: ссылаясь на Гиппократа, он пишет, что «все в этом мире устроено по “семерке”»: звезд — семь, климатов — семь, дней [недели] — семь»⁴⁶.

Этот фрагмент является весьма важным для понимания специфики историописания ал-Мас‘уди; его даже можно считать своеобразным введением в историю более позднюю. Перечислив своих предшественников, писавших о «прошлых временах», — ас-Серахси (ум. 899), ал-Джайхани (был визирем Бухары в 914–943 гг.), Ибн Хордадбеха (ок. 820 — ок. 885 или 912) и других, — ал-Мас‘уди отмечал:

Хотя наша эпоха — поздняя в сравнении с той, к которой принадлежат предшествующие авторы, и наши дни удалены от их времен, мы всё же надеемся, что не окажемся позади в сравнении с ними при [создании] сочинения, задуманного нами, и в достижении поставленной цели. Если они обладают первенством в начинании, то за нами то преимущество, что мы следуем [за ними]. Мысли могут сходиться, и идеи совпадают, и часто последующий [автор] лучше составляет свои сочинения, и излагает яснее: ведь его делает мудрее опыт, он опасается проверки и остерегается допустить ошибку. Отсюда происходит непрерывное развитие наук, не имеющее границы;

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ *Maçoudi. Les Prairies d’or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1861. T. 1. P. 182.*

последующий отыскивает то, чего не находил первый, и это не имеет ни ограничивающего предела, ни [какой-либо] установленной цели. Аллах великий и могучий возвестил об этом, сказав: “Ведь выше всякого обладающего знанием есть знающий”. Однако многим людям свойственно восхваление древних и прославление книг предшественников, они превозносят прошедшее и порицают существующее ныне, хотя в книгах новейших [авторов] много больше полезного и немало поучительного⁴⁷.

В таком подходе к исторической мысли «древность не признается решающим достоинством ввиду принципиальной относительности всякого темпорального превосходства: любой “древний” был “новым” в свое время»⁴⁸. По утверждению философов и литературоведов, этот постулат, как и многие схожие в литературе Востока и Запада, должен указывать на то, что древние и новые авторы рассматриваются как «одновременные»; тем самым снимается фактор времени⁴⁹.

Однако в указанной формуле отчетливо выражено и стремление автора обосновать свою линию изложения истории народов, начиная с древних времен.

Переходя к повествованию, ал-Мас‘уди ведет рассказы с давних времен и постепенно переходит к событиям, современным ему, ссылаясь на мнения других авторов или полемизируя с ними. Наш автор начинает историю древних персов с Джайумарта Килшаха. По мнению ал-Мас‘уди, «перевод этих слов — “владыка глины”». Речь идет о Кайумарсе, легендарном первочеловеке иранской мифологии и герое эпической традиции. «К нему персы и возводят свое происхождение, и по их мнению, он — это Адам, [пра]родитель людей и рода человеческого»⁵⁰. Далее перечислены первые легендарные правители персов, затем следуют цари династий Ахеменидов, Аршакидов, Сасанидов. Упомянута и религия персов — зороастризм — и ее священная книга Авеста. Известия о царях династии Сасанидов доведены до 653 г., до гибели Йездигерда III, которая случилась, как подчеркнуто, во время правления Усмана ибн Аффана. Далее наш автор перечислил все, что было изложено им ранее в главах о персидских царях и здесь, и в других книгах.

⁴⁷ Kitab at-tanbih. P. 76.

⁴⁸ Куделин А.Б. Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. М., 2003. С. 193.

⁴⁹ Примеры и ссылки см.: Там же. С. 188–198.

⁵⁰ Kitab at-tanbih. P. 85.

Значительная часть книги посвящена истории древних греков и византийцев. При этом ал-Мас‘уди еще во введении сравнивал державы:

Государства древних греков и византийцев следуют за государством персов по величине и славе и по тому, в чем они отличились по разным видам мудрости, философии, удивительных искусств и редкостных ремесел. К тому же государство ар-Рум до нашего времени прочно в установлениях и имеет надежное управление. Древние греки вошли в состав римлян подобно тому, как вошли халдеи — жители Ирака в состав древних персов, когда те победили их⁵¹.

Отметив, что древние греки вошли в свое время в состав римлян, ал-Мас‘уди высказал несколько предположений о возможной родословной греков: он относил происхождение этнонима ал-Йунанийюн к Йунану сыну Йафиса (библейского Яфета). По другой версии Йунан был братом Кахтана — легендарного предка южных арабов, одного из потомков ‘Абира (библейского Евера, чьими сыновьями были Йоктан и Фалек). По одной из довольно сложных арабских версий, переданной ал-Мас‘уди, Йоктан ассоциировался с арабом Кахтаном. Впрочем, ал-Мас‘уди не был согласен с ней. Связи этнонима ал-Йунанийюн — ал-Йунан с названием ионян, которые можно было бы предположить, у ал-Мас‘уди, тем не менее, не фигурируют⁵².

Относительно предков римлян ал-Мас‘уди пересказывал одну из теорий, по которой их эпоним — некий Румас, а по другой версии — праотец Рум ибн Самахлин (?) ибн Хурбан ибн ‘Акла’ ибн ал-‘Иса ибн Исхак ибн Ибрахим (библейский Авраам). Легко заметить здесь интерес нашего автора к *ахбар*, т.е. возможным предкам греков и римлян.

Затем автор переходит к подробному перечню римских императоров с данными об их деятельности, годах жизни или правления. В изложении ранней истории Византии и истории церкви ал-Мас‘уди обнаруживает влияние книг христианских арабских историков Евтихия Александрийского (876/77–939/40) и Агапия Ман-

⁵¹ Ibid. P. 7.

⁵² *Shboul Ahmad M.H.* Al-Mas‘udi. P. 114–115, 229; *Miquel A.* La géographie humaine du monde musulman jusqu’au milieu du XIe siècle. P.; Le Haye, 1975. Vol. 1. P. 369; *Калинина Т.М.* Древние греки по данным ал-Масуди // *Gaudeamus igitur*: Сб. ст. к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010. С. 189–195.

биджского (ум. 941/42)⁵³. В этих разделах ал-Мас'уди не приводит стихотворных цитат, не восхваляет того или иного императора или царя, уделяя внимание «чудесам» лишь постольку, поскольку они были известны в христианском мире, как, например, обретению креста Протоникой, строительству на месте разрушенного Иерусалима города Илийа и т.д. Перечисляя властителей, автор касается истории Иисуса Христа и его вознесения, приводя хронологию римских и еврейских авторов; упоминает, кто из римских императоров казнил или предал мучениям сподвижников Христа, говорит о жизни и кончинах апостолов. Ал-Мас'уди уделил внимание истории обретения христианской веры матерью Константина Великого Елены и его самого и связанным с этими событиями чудесам: обретению креста Еленой, снам и видениям Константина, доказывающим истинность христианства, и т.п. Помимо этих сюжетов, наш автор вместе с рассказами об императорах, политической и военной их деятельности, повествует о философах и мудрецах «древности» Архилае, Анаксагоре, Платоне, Аристотеле, Галене и других, излагая их учения и разногласия среди комментаторов⁵⁴.

Среди прочих выделена кораническая тема «спящих отроков» (*асхаб ал-кахф*), к которой ал-Мас'уди не относился как к чудесной. Это предания о юношах, уверовавших в единого бога и спрятавшихся от врагов в пещере, где они по воле Аллаха заснули на много лет. В Коране этот мотив был отражением христианской легенды о «семи спящих отроках эфесских»⁵⁵. Ал-Мас'уди сообщает и время этого события: отроки заснули при императоре Деции I (248–251), а пробудились по воле Аллаха при Феодосии I (379–395) (*Тудусиус* или *Т.дус*), а конкретно — в 381 г. Автор пишет, что подробно рассказал об этом в предшествующей книге, но и здесь упоминает, что халиф ал-Васик специально снаряжал экспедицию, возглавлявшуюся астрономом Мухаммадом ибн Мусой ибн Шакиром, для проверки сведений, и приводит астрономические данные для выяснения местонахождения пещеры, о каковом единого мнения не было. Эта история рассказана нашим автором для восхваления Аллаха:

И об этом Аллах, всемогущ он и велик, сообщил в своих словах:
“И ты видишь, как солнце, когда оно восходило, уклонялось от пе-

⁵³ *Shboul Ahmad M.H. Al-Masudi. P. 231–233.*

⁵⁴ *Kitab at-tanbih. P. 116–121.*

⁵⁵ *Ibid. P. 134; Крымский А. Семь спящих отроков эфесских. М., 1914; Пиотровский М.Б. Асхаб ал-Кахф // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 24.*

щеры их направо, а когда заходило, миновало их налево, а они были в свободном месте”. Это — из знамений Аллаха; кого ведет Аллах, тот идет прямым путем, а кого Он сбивает, — для того не найдешь защитника, руководителя⁵⁶.

Ал-Мас‘уди отдельно повествует о царях-христианах, «датах их [правления], их числе и о том, какие важные события и перемены, как религиозные, так и государственные, происходили в их время»⁵⁷. Этот период начинается с рассказов о Константине Великом и заканчивается историей императора Фоки (602–610). В этих главах наш автор еще раз касается истории Иисуса Христа и апостолов; здесь довольно подробно изложена история шести Вселенских соборов, приведены имена их участников, сделаны попытки разобраться в сущности разногласий между ними. Попутно упоминаются войны с Сасанидами⁵⁸. Наконец, последняя глава об истории Рума посвящена византийским императорам от казни императора Фоки до времени правления Константина Багрянородного (908–959)⁵⁹. Отдельный раздел посвящен обменам пленным и договорам между византийскими императорами и арабскими халифами⁶⁰.

В упомянутых рассказах ал-Мас‘уди использовал материалы книг многих христианских авторов, участвовал в диспутах, побывал в ряде городов и мест, связанных с историей Рума и христианства⁶¹, дав достаточно объективную информацию.

Далее ал-Мас‘уди писал:

Нет такого народа как среди повинующихся закону религии, так и среди иных, древних и позднейших, который не имел бы своего летосчисления, не возвращался бы к нему и не пользовался им как опорой в большинстве своих дел. [Летосчисление] воспринимал потомок от предка, остающийся в живых от уходящего [в мир иной]. Ведь благодаря летосчислению познаются великие события и важные дела, то, что происходило в минувшие времена и в прошлые века. И если бы [всё] это не было упорядочено и записано, то прервались бы рассказы [о прошлом], исчезли предания, а родословия остались неизвестными⁶².

⁵⁶ Kitab at-tanbih. P. 134–135; Коран, XVIII, 16.

⁵⁷ Kitab at-tanbih. P. 137.

⁵⁸ Ibid. P. 137–156.

⁵⁹ Ibid. P. 157–176.

⁶⁰ Ibid. P. 176–181.

⁶¹ *Shboul Ahmad M.H.* Al-Masudi. P. 289–295.

⁶² Kitab at-tanbih. P. 196.

Любые исторические сюжеты в книгах ал-Масуди тесно привязаны им к хронологии. Ал-Масуди отметил счет эпох у древних народов «по важнейшим событиям, большим изменениям и правлениям великих царей», а также отметил, что некогда существовали эры и от всемирного потопа, и от «смещения языков в Вавилоне». Ал-Масуди указал, как велось летосчисление у персов, огнепоклонников, древних греков и римлян, коптов, израильтян, христиан, индийцев, китайцев, арабов, тем самым лишний раз утвердив важность историописания для людей Земли.

В этой главе автором отводится много места родословиям и событиям доисламской истории арабов. Названный раздел можно считать завершающим первую часть «Книги предупреждения и пересмотра». Вторая же часть, занимающая львиную долю труда ал-Масуди, посвящена полностью истории ислама.

Изложение истории, начиная от рождения посланника Аллаха (да благословит его Аллах и да приветствует), его миссии, его переселения, его походов, ночных и дневных набегов [его отрядов], [сведений] о его катибах, обстоятельств его смерти и истории халифов и владык после него, времени правления их катибов и визирей, хаджибов и кади, надписей на их печатях и изложение главных событий, религиозных и государственных, в дни их правления, и краткое сообщение об их истории до триста сорок пятого года [956/57] в халифат ал-Мути' [946–974]⁶³.

Этот принцип всецело выдержан, причем изложение весьма схоже по жанру и стилистике с компендиумом «Золотых копей», но в сокращенном варианте. Здесь полностью сохранена система династийной хроники, обязательно указаны даты жизни и правления мусульманских владык, введены названия войн или событий, много стихотворных вкраплений и назидательных сюжетов.

Таким образом, любые исторические темы в книгах ал-Масуди, включающих понятие *ат-та'рих* в жанр *'адаба*, привязаны к хронологии. Именно в этом сочетании исторических повествований и связи времен вскрывается сущность историописания, «поскольку история обеспечивает связь между тем, что предположительно произошло в прошлом, и сегодняшним состоянием дел»⁶⁴.

⁶³ Ibid. P. 228.

⁶⁴ Тишков В.А. Диалог истории с антропологией на рубеже столетий // Историческая наука на пороге XXI века. Новосибирск, 2001. С. 500.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аджайб ад-дуниа. Чудеса мира / Пер. с перс., введ., коммент. и указ. Л. Смирновой. М., 1993.
- Бертельс Е.Э.* Очерк истории персидской литературы. Л., 1928.
- Гибб Х.А.Р.* Арабская литература. Классический период. М., 1960.
- Грязневич П.А.* Развитие исторического сознания арабов // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982.
- Калинина Т.М.* Восприятие времени и пространства арабским ученым X в. ал-Мас'уди // ДГ, 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах. М., 2009.
- Калинина Т.М.* Древние греки по данным ал-Масуди // *Gaudeamus igitur*: Сб. ст. к 60-летию А.В. Подосинова. М., 2010.
- Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // *Крачковский И.Ю.* Избр. соч. М., 1957. Т. 4.
- Крымский А.* Семь спящих отроков эфесских. М., 1914.
- Куделин А.Б.* Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. М., 2003.
- Кузнецов В.А.* Написать мир: структуризация прошлого в ранней арабомусульманской историографии // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории. М., 2008.
- Кузнецов В.А.* Чем была история в классической арабской культуре? // <<http://iph.ras.ru/page48472444.htm>>.
- Микульский Д.В.* Арабский Геродот. М., 1998.
- Микульский Д.В.* «Золотые копи... ал-Мас'уди и их место в арабомусульманской словесности // Абу-л-Хасан 'Али ибн ал-Хусейн ибн 'Али ал-Мас'уди. «Золотые копи и россыпи самоцветов» [История Аббасидской династии: 749–947 гг.] / Сост., пер. с арабского, примеч., коммент. и указ. Д.В. Микульского. М., 2002.
- Микульский Д.В.* Арабо-мусульманская культура в сочинении ал-Мас'уди: «Золотые копи и россыпи самоцветов» («Мурудж аз-захаб ва ма'дин ал-джаухар»). X век. М., 2006.
- Пелла Ш.* Вариации на тему адаба // Арабская средневековая культура и литература. Сб. ст. зарубежных ученых. М., 1978.
- Пиотровский М.Б.* Асхаб ал-Кахф // Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991.
- Прозоров С.М.* Арабская историческая литература в Ираке, Иране и Средней Азии в VII — середине X в.: Шнитская историография. М., 1980.
- Резван Е.А.* Коран и его толкования. Тексты, пер., коммент. СПб., 2000.
- Тишков В.А.* Диалог истории с антропологией на рубеже столетий // Историческая наука на пороге XXI века. Новосибирск, 2001.

- Фильштинский И.М. Арабская литература в средние века: Словесное искусство арабов в древности и раннем средневековье. М., 1977.
- Халидов А.Б. Книжная культура // Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982.
- Элюаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999. С. 361.
- Ibn Wadhīh qui dicitur al-Ja'qūbi*. *Historiae* / M.Th. Houtsma. Leiden, 1883. Т. 1.
- Khalidi T*. Arabic historical thought in the classical period. Cambridge, 1994.
- Kitab at-tanbih wa'l-ischraf* auctore al-Masūdi... / M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894.
- Maçoudi*. Les Prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1861. Т. 1.
- Miquel A*. La géographie humaine du monde musulman jusqu'au milieu du XIe siècle. P.; Le Haye, 1975. Vol. 1.
- Rosenthal F*. A history of Muslim Historiography. 2nd ed. Leiden, 1968.
- Shboul Ahmad M.H*. Al-Masudi and his World. A Muslim Humanist and his Interest in non-Muslims. L., 1979.

Tatyana M. Kalinina

AL-MAS'UDI AS A HISTORIAN:

Kitab al-tanbih wa-l-ischraf

The article is dedicated to the problem of historiography in the *Book of Prevention and Revision* (*Kitab al-tanbih wa-l-ischraf*) of Abu-l-Hasan Ibn al-Hussein al-Mas'udi, an Arabic writer of the first half of the tenth century. Arab historiography included many literary genres of the pre-Islamic era, which were preserved and developed after the adoption of Islam: genealogical legends of the Arab tribes — *akhbar*; lists of generations — *ansab*; biographies — *siyar*, which included, after accepting Islam, stories of the life of Muhammad; stories of the conquest, military campaigns — *magazi*, which later became the stories of the wars of Muhammad; ranges-generations — *tabaqat*; stories of the prophets — *kisas al-anbiya'*; stories of the wars of the Arab tribes — *Ayyam al-'Arab*. The legends about the prophet Muhammad (*hadis*) were confirmed by references (*isnad*) to information transmitted orally and became the most important additional element of the written Islamic historiography. The genre of *fada'il* — the «virtue» was devoted to the virtues of Muhammad and his followers, of some religious, political, professional and social groups, as well as of the perfectness of countries, peoples, or cities. *'Ağāib*, i.e. stories of miracles, were also included into the geographical works of the Arabs. The Arabic scholars multiplied their geographical information as the

Caliphate expanded its borders. There were the works connecting different genres, leaning on data of previous authors and introducing new information on peoples, territories, and events. All these genres which connected poetry and prose, gradually entered into the general chronicles (*tavarikh*). The word *at-ta'rikkh* — 'history' — initially meant dating and chronology. *At-ta'rikkh* as a literary genre dedicated to chronologically built account of the past arose in the tenth century.

Al-Mas'udi became a successor of these tendencies. He used literary and oral sources. From many books written by him only two remained: *Producers of gold and placer gems* and the *Book of Prevention and Revision*. A number of orientalists ascribed his books to 'adab, i.e. to the popular genre of literature combining educational, instructive and entertaining purposes, however much place in Al-Mas'udi's works is given to the history of the different peoples. Scholars adhere that he was a historian though his books are written in a fictionalized form.

In the present paper it is shown that the author of the *Book of Prevention and Revision* intended to write history of the peoples of the world, to present their shape and customs depending on the provision of the Sun, the Moon, and the stars, to state the theory of climates and position of the population in them, to give an idea of the world chronology and different ways of time reckoning, of calendars. Al-Mas'udi told the story of the Persians and their ruling dynasties from the creation of the first man until the fall of the Sassanid dynasty. He created a chronicle of the life and deeds of Greek kings, Roman and Byzantine emperors, including events and legends from the history of Christianity. Finally, the biggest part of the work is dedicated to the Arabs before Islam and to the history of Islamic dynasties and rulers.

The work of al-Mas'udi included the above mentioned genres of Arabic narrative and geographical literature, and he is considered to be one of the foremost historians of his time.

Key words: Arabs, literature, genres, historiography, historical writing, geography, al-Mas'udi

Д.М. Бондаренко, П.М. Рёзе

ИСТОРИОПИСАНИЕ БЕЗ ПИСЬМЕННОСТИ?
УСЛОВНЫЕ ЗНАЧКИ И РИСУНКИ КАК СРЕДСТВО
ХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИИ В ДОКОЛОНИАЛЬНОМ БЕНИНЕ*

В доколониальном Бенине не существовало письменности, однако была выработана оригинальная система хранения и передачи информации посредством условных значков и рисунков, представлявших собой фразограммы. Разработка этой системы не обуславливалась общественными потребностями, связанными с ростом хозяйственной и торговой деятельности или появлением четких представлений о государственной и частной собственности. Своим возникновением фразография была обязана стремлению верховной власти и при Первой династии (оги-со), и при Второй (оба) к укреплению своих идеологических основ. Официозная обработка истории страны и внедрение идеологемы о связи правителей с духами предков и божествами являлись важнейшими средствами достижения этой цели. В результате практически вся информация, которую несли бенинские условные значки и рисунки, имела не узко-практический, но исторический и культурный (религиозно-мифологический) характер.

Ключевые слова: Бенин, Нигерия, доколониальная Африка, историописание, письменность, фразография, идеология

В середине XVIII в. датский купец Людевиг Фердинанд Рёмер записал рассказ некоего англичанина о королевстве Бенин, задолго до того созданном народом бини (в наши дни эти земли — часть территории Нигерии):

Бенинские черные очень смыслены и умны. Они также в некотором смысле учены. Их ученость проистекает из многочисленных

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-300045 «Генезис и развитие социально-политической организации древних майя в контексте современных теорий социальной эволюции»).

иероглифических значков и каменных портретов, так как с их помощью они в состоянии рассказывать свою личную историю, как и историю всей страны¹.

Содержание данного фрагмента не вполне ясно. Под «многочисленными иероглифическими значками» информант Рёмера мог иметь в виду резные изображения на слоновьих бивнях, которые вставляли в отверстия на верхушках металлических голов (*ухув-элао*), помещавшихся на алтарях (*аро*) предков верховного правителя (*оба*). В то же время неизвестны какие-либо бенинские «каменные портреты». Вероятно, англичанин принял за них мемориальные головы, изготавливавшиеся из металла. Такое вполне могло произойти, если учесть, что до него почти наверняка лишь доходили слухи об *ухув-элао*: ни иностранец, ни простой бенинец не имели возможности свободно посещать священные алтари предков *оба*. Всемирно знаменитые ныне шедевры так называемой «бенинской бронзы» стали легко доступны европейцам только после разрушения и разграбления ими королевских алтарей в ходе британской «карательной экспедиции» 1897 г., положившей конец независимому существованию Бенина.

Однако процитированный фрагмент может указывать и на то, что бенинские придворные историки-хронисты (*ихогбе*) в своей работе опирались не только на бивни с изображениями исторических сцен времен правления усопшего *оба* (например, его встреч с европейцами), но и на некоторые другие предметы, также находившиеся на королевских алтарях до их разрушения и выполнявшие коммеморативные функции. Разумеется, с одной стороны, остаются вопросы: почему, в отличие от бивней, на эти предметы нет более конкретных указаний в доколониальных источниках, и они сами не сохранились до наших дней? С другой же стороны, в любом случае важнейшим средством хранения и передачи из поколения в поколение памяти об исторических событиях для бини всегда была устная традиция. Ныне она служит исследователям важным историческим источником, пусть и исключительно сложным с точки зрения верификации, а зачастую и интерпретации ее сообщений.

¹ Römer L.F. Nachrichten von der Küste Guinea. Kopenhagen; Leipzig, 1769. S. 16; подробно см: Roese P.M., Bondarenko D.M., Roese T.M.L. Ludewig Ferdinand Römer's "Nachrichten von der Küste Guinea" (Mid-18th Century) as a Source on the Benin Kingdom History and Culture // Tribus. 2001. Vol. 50. P. 135–149.

Алтари создавались из красной латеритной глины, широко распространенной в Бенине. По форме алтарь представлял собой полукруг с диаметром 120–150 см и высотой от 40 до 80 см, со стороны «среза» прислоненный к стене святилища (*угха*). На самом алтаре и по обеим сторонам от него, вдоль стены, и стояли многочисленные металлические головы *ухув-элао* со вставленными в их «макушки» резными бивнями-повествованиями о деяниях того, чьему духу данные святилище и алтарь были посвящены. Именно голову бенинцы считали вместилищем сакральной силы правителя.

Также на алтаре помещались ритуальные жезлы (*ухурхе*) и колокольчики (*эгого*). В центре алтаря располагалась скульптурная композиция, ключевое место в которой занимало изображение *оба*. На алтарь и перед ним клались каменные топоры-кельты (*угхаван*), по преданию, некогда сброшенные на землю с небес.

Бенинский вождь Акитола Акпата так раскрывал семантику предметов, находившихся на алтаре или подле него:

Бюст с коралловыми шапочкой и воротником, представляющие умершего *оба*. Слоновьи бивни, символизирующие богатства *оба*. Несколько деревянных бюстов, изображающих вождей... Колокольчики из меди и бронзы, при помощи которых совершаются заклинания. Длинные резные шесты, известные как *ухурхе*, с которыми жрецы возносят молитвы, символизирующие душу. *Ада* (меч) и *эбен* (символы власти) и т.д.²

Придворные историки *ихогбе* появились очень рано; не исключено, что первые из них пришли в Бенин из города Ифе вместе с основателем династии *оба* принцем Оранмияном в конце XII — первой половине XIII в. Они делятся на две группы: собственно *ихогбе* и *угбока*. Среди первых наиболее высоким статусом обладал носитель титула *ихама*, за ним следовал *летема*. Среди *угбока* же старшими были *эзехурхе* и *легема*. Насколько позволяют судить источники, единственным наследственным среди них был титул *ихама*, носителями которого были члены клана *оба* (*умогун*). *Ихогбе* являлись не только хронистами, но и жрецами культа головы (*ухунмвун*) здравствующего правителя и культа предков *оба*. В связи с последним они играли важную роль при отправлении обря-

² Акпата А. Benin: Notes on Altars and Bronze Heads // Ethnologica Cranmorensis. 1937. Vol. 1. P. 5–6.

Илл. 1. Алтарь (аро) предков верховного правителя (оба)

Илл. 2. Резной бивень

дов похорон верховных правителей и считались хранителями их святилищ³.

Итак, во времена *оба* (XIII–XIX вв.) существовала специальная категория придворных историков-хронистов. Но они были известны еще в эпоху первой династии, *огисо* (X–XII вв.). Тогда их именовали *угхорон*. Они проживали неподалеку от дворца *огисо* и покинули Бенин после свержения последнего правителя из этой династии, Оводо. О дальнейшей судьбе этой категории придворных ничего не известно⁴. Ф.А. Игбафе реконструировал метод работы *угхорон* следующим образом:

Используя глиняные модели фигур различных *огисо* и отмечая на них символическими значками вехи их правлений, они создавали довольно обширную запись.

Временные же интервалы фиксировались так:

Период между одним и другим возрастным классом составлял примерно 20–25 лет, т.е. поколение или более того. Это побуждало *угхорон* мерить правления *огисо* годами и поколениями⁵.

³ Egharevba J.U. Benin Law and Custom. Port Harcourt, 1949. P. 30; *Idem*. A Short History of Benin. Ibadan, 1960. P. 79.

⁴ Egharevba J.U. Bini Titles. Benin City, 1956. P. 2.

⁵ Igbafe P.A. Benin in the Pre-Colonial Era // Tarikh. 1974. Vol. 5, N 1. P. 6.

К сожалению, Ф.А. Игбафе не указывает источники, обращение к которым позволило ему прийти к подобным выводам.

Некоторые исследователи попытались представить бенинские условные значки как полноценную слоговую иероглифическую письменность и даже датировали древнейшие сохранившиеся значки, а следовательно, и возникновение письменности, временем, предшествующим первому появлению в Бенине европейцев, т.е. до последних десятилетий XV в.⁶ В действительности же, как указывает Н.Б. Кочакова, бенинские условные значки представляли собой не иероглифы, а фразограммы:

Каждый такой знак передавал целое сообщение, он применялся изолированно, без связи с другими аналогичными знаками. Подобные знаки не образовывали системы письма: более того, в отличие от пиктограмм, они редко служили исходным материалом и для формирования более высоких, чем фразография, логографических систем письма, т.е. таких, в которых знаки (логограммы) передают отдельные слова⁷.

Например, Б.У. Блэкман проанализировала каждый рисунок на резных бивнях с алтарей бенинских правителей как отдельный «мотив»⁸. Так же много ранее подошла Б.И. Шаревская к рассмотрению символики изображений на ритуальном жезле и на основаниях *ухув-элао*⁹.

⁶ См., например: *Ольдерогге Д.А.* Древности Бенина (по коллекциям Музея антропологии и этнографии) // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1953. Т. 15. С. 375–376; *Он же.* Следы существования письменности у народов Верхней Гвинеи до европейской колонизации // Краткие сообщения Ин-та этнографии. 1957. № 28. С. 72; *Hau K.* Evidence of the Use of Pre-Portuguese Written Characters by the Bini? // Bulletin de l'Institut Français d'Afrique Noire. Sér. B. 1959. Vol. 21, N 1–2. P. 109–154; *Eadem.* The Ancient Writing of Southern Nigeria // Bulletin de l'Institut Fondamental d'Afrique Noire. Sér. B. 1967. Vol. 29, N 1–2. P. 150–190; *Кобищанов Ю.М.* Африканские системы письма // Африка еще не открыта. М., 1967. С. 179–185; *Falola T., Mahadi A., Uhomoibhi M., Anyanwu U.* History of Nigeria. Ikeja etc., 1989. Vol. 1. P. 4.

⁷ *Кочакова Н.Б.* Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомей). М., 1986. С. 164.

⁸ *Blackmun B.W.* The Iconography of Carved Altar Tusks from Benin, Nigeria: Ph.D. thesis / Univ. of California, Los Angeles. Ann Arbor (Mi.), 1984. Vol. 2.

⁹ *Шаревская Б.И.* Памятник жертвенного культа древнего Бенина // СЭ. 1947. № 3. С. 131–140; *Она же.* Религии древнего Бенина (очерк верований и культов африканского государства доколониального периода) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1957. Т. 1. С. 199.

Таким образом, хотя у бини не сформировалось собственное письмо в строгом смысле слова, у них тем не менее была эффективная система сохранения и передачи информации, прежде всего исторического характера. Сама же история в сознании бини была неотрывна от истории правящей династии¹⁰. Как было подчеркнуто выше, в бенинском королевстве едва ли не с момента его появления существовала традиция сохранения и передачи информации исторического характера усилиями придворных хронистов. Весьма вероятно, что овладение «граммотой» было доступно представителям лишь узких социальных слоев, в первую очередь придворным — историкам, а также состоявшим при дворе резчикам и литейщикам. Именно в данном обстоятельстве, как представляется, заложен правильный ответ Э. Изичей, которая, возражая исследователям, склонным видеть в значках на бивнях надписи в полном смысле слова, отмечает, что, если это было так на самом деле, то «странно, что память о них в Бенине полностью исчезла»¹¹.

Историческая информация сохранялась и передавалась придворными хронистами в официозной трактовке, в том числе посредством условных значков и изображений на предметах, находившихся в святилищах усопших правителей. Но были ли эти предметы единственными историческими «справочниками» и «энциклопедиями» для всё новых и новых поколений бенинских хронистов? Ведь известно большое количество бронзовых рельефов (*ама*), образцов резьбы по дереву, слоновой кости, скорлупе кокосовых орехов и т.д., изображающих сцены сражений и охоты, правителей и их придворных, европейцев, животных и многое другое.

Бронзовые рельефы с XVII в. украшали стены зданий дворцового комплекса (*огбе*), занимавшего западную часть города Бенина, возможно, включая и святилища усопших правителей. После его разрушения в 1897 г. восстановить последовательность расположения рельефов на стенах, увы, не представляется возможным. Тем не менее изображения на многих ныне разрозненных рельефах не позволяют усомниться в том, что и они выполняли историко-коммеморативную функцию. Например, сохранилось несколько рельефов,

¹⁰ Bradbury R.E. Chronological Problems in the Study of Benin History // Bradbury R.E. Benin Studies. L. etc., 1973. P. 19; Afolayan S.F. Pre-Colonial Concept of History in Nigeria // On West African History. Selected Papers. Marburg, 1986. (Africana Marburgensia; Sonderheft 11). P. 31–47; Picton J. Edo Art, Dynastic Myth, and Intellectual Aporia // African Arts. 1997. Vol. 30, N 4. P. 18–25.

¹¹ Isichei E. A History of Nigeria. L. etc., 1983. P. 335.

Илл. 3. Бронзовый рельеф (ама), изображающий верховного правителя (оба) с леопардами и так называемыми «ильными рыбами» (вместо ног) — одними из главных символов его власти

на которых запечатлены европейцы, либо держащие в руках, либо в окружении маниллас — металлических брусков изогнутой формы, использовавшихся в качестве обменного эквивалента. Очевидно, что эти рельефы были призваны отразить и увековечить историю торговых связей бини с европейцами.

Другой характерный пример — «мальтийские» и прямые кресты, сопровождающие изображения некоторых приближенных *оба*. Едва ли приходится сомневаться, что перед нами — рассказ о том же, о чем писали европейцы: в XVI в. — Дуарте Пашеку Перейра и Жоао Де Барруш¹², а в начале XVII в. — Мануэль де Фигейредо, Дирик Руйтерс и Алонсо де Сандоваль¹³. Они же сообщали, что

¹² Pacheco Pereira D. *Esmeraldo de Situ Orbis*. Bissau, 1956 [1505–1508]. P. 139; De Barros J. *Ásia de João De Barros: Dos Feitos que os portugueses fizeram no descobrimento e conquista dos mares e terras de Oriente*. Dec. I. Coimbra, 1988 [1552]. P. 83–84.

¹³ См.: Bascom W. *The Early Historical Evidence of Yoruba Urbanism // Social Change and Economic Development in Nigeria*. N.Y. etc., 1973. P. 34, f. 4.

недалеко от Бенина находилась страна, которой правил великий властелин, носивший титул *хоогуане*, или *огане*. (Подавляющее большинство ученых убеждено в том, что речь идет о верховном правителе — *они* Ифе¹⁴). *Огане* был почитаем во всем регионе, как папа Римский католиками. В соответствии с очень древней традицией, сразу после восшествия на престол «король Бенина» отправлял к *огане* посланников. В их задачу входило: передать *огане* дорогие подарки от *оба*, проинформировать его о кончине предыдущего бенинского монарха и испросить подтверждение прав на наследование трона новым сувереном. В знак признания этих прав *огане* передавал *оба* через его посланников, в числе прочих символов власти, медный крест, который правитель Бенина был обязан носить на шее. Без него (как и без других символов власти) он не мог считаться законным правителем. Очевидно, что приближенные *оба* с крестами — его посланники к *огане*, возвратившиеся с подтверждением прав своего патрона на престол.

В то же время на некоторых рельефах из бенинского дворца можно видеть и абстрактные значки, разгадать значение которых, увы, не удастся, во всяком случае, пока¹⁵.

Интересно, что, хотя рельефы размещались на стенах дворца *оба* и их обратная сторона не была видна зрителю, условные значки и рисунки иногда наносились и на нее. Одному из авторов данной статьи удалось обнаружить их на обратных сторонах двух рельефов, ныне хранящихся в Британском музее в Лондоне. Одно изображение идентифицировать не удалось, в другом же легко узнать церемониальный меч *ада*. Вообще, следует отметить, что лишь очень малая часть бенинских рельефов была изучена на предмет наличия на них условных значков и рисунков (в частности, авторами настоящей работы — по альбомным публикациям и коллекции Британского музея). Вполне вероятно, что более масштабное исследование рельефов может дать ученым обильный и чрезвычайно интересный материал для дальнейшего анализа проблемы хранения и передачи информации в доколониальном Бенине.

В 1950-е годы К. Хау исследовала 11 предметов из Бенина (слоновые бивни, бронзовые рельефы, статуэтку, ритуальный нож, чаш-

¹⁴ См.: *Бондаренко Д.М.* Доимперский Бенин: формирование и эволюция системы социально-политических институтов. М., 2001. С. 158–160.

¹⁵ *Hagen K.* Altertümer von Benin im Hamburgischen Museum für Völkerkunde. Hamburg, 1918. Teil 2. S. 12, Tafel 1, Fig. 1.

ку и браслет) и обнаружила на них в общей сложности 51 значок и рисунок, определенные ею не как исключительно «художественные формы». К. Хау предположила, что в дальнейшем количество открытых значков и рисунков такого рода может увеличиться, но незначительно¹⁶. В те же годы Д.А. Ольдерогге изучил изображения на основаниях *ухув-элао* и вставлявшихся в них резных бивнях¹⁷; уникальное по охвату материала рассмотрение последних в начале 1980-х годов осуществила Б.У. Блэкман¹⁸. Наше исследование позволило выявить еще целый ряд объектов, на которых бенинцами наносились значки и рисунки, определяемые нами как несущие в том числе и историко-коммеморативную нагрузку. Анализ культурного и символического контекста, в который были вписаны эти предметы, дает возможность понять и семантику нанесенных на них изображений.

В частности, в связи с этим показательна группа предметов, на которые значки наносились мелом. Кстати, понятно, что нанесенные мелом значки имели мало шансов сохраниться до наших дней, а потому и не изучались современными исследователями. В начале XX в. Р.И. Деннетт писал:

Аке. Куски коры, с одной стороны держащиеся на двух палках, образуя подобие навеса, под которым находятся горшок с водой, бананы и ямс. Обычно [*аке*] сооружаются под деревьями, а перед ними мелом рисуются различные значки¹⁹.

О нарисованных мелом на земле значках перед *аке* Р.И. Деннетт сообщает и в другом фрагменте своей книги²⁰. Очевидно, что речь идет о святилищах *Аке*, божества стрельбы из лука²¹.

Действительно, мел (*орхуэ*) играет большую роль в системе символов бини. Символическое значение мела связано с его белым

¹⁶ *Hau K.* Evidence of the Use. P. 126–130, 141–142 [table 1].

¹⁷ *Ольдерогге Д.А.* Древности Бенина (по коллекциям Музея антропологии и этнографии); *Он же.* Древности Бенина, II (*ухув-элао* бенинских царей) // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1955. Т. 16. С. 282–307; *Он же.* Древности Бенина, III (Условные значки и рисунки на бенинских бивнях) // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1957. Т. 17. С. 345–361.

¹⁸ *Blackmun B.W.* The Iconography. Vol. 1–3.

¹⁹ *Dennett R.E.* At the Back of the Black Man's Mind Or Notes on the Kingly Office in West Africa. L.; N.Y., 1906. P. 221.

²⁰ *Ibid.* P. 215.

²¹ *Melzian H.* A Concise Dictionary of the Bini Language of Southern Nigeria. L., 1937. P. 6.

цветом. Так, когда будущий *оба* Обаноса отправил своему отцу, *оба* Акенгбуда, правившему более полувека, прядь своих седых волос, намекая на то, что пришло время уступить трон ему, Акенгбуда послал в ответ смесь мела с солью. Такое послание должно было означать, что старый *оба* еще не утратил интерес к этому миру и не готов покинуть его²².

У бини белый цвет символизирует мир, радость, здоровье, удачу, плодородие, чистоту и т.д.²³ Поэтому мел — наиболее важный объект, связанный с культом Олокуна, «отвечающего» за плодородие и богатство. Олокун, безусловно, был наипопулярнейшим и фактически самым могущественным божеством бенинского пантеона. Его ритуальный цвет — именно белый. Тот же Р.И. Деннетт писал:

В Эвези (населенном пункте к югу от города Бенина. — Д.Б., П.Р.)... стоит храм Олокуна... Посередине открытого пространства в этом храме находились три коровьи головы, окруженные нанесенными мелом значками²⁴.

Р.И. Деннетт упоминал и о другом алтаре Олокуна, перед которым на земле мелом были нанесены значки²⁵.

Также Р.И. Деннетт видел значки, нанесенные на земле мелом по полукругу, у входа (*омей*) в священную рощу Аровиа, посвященную Овиа, божеству одноименной реки (Dennett 1906: 192). Сам же *омей* представлял собой пальмовые листья, которыми оплетались ворота. *Омей* обновлялся каждый год во время совершения жертвоприношений божеству²⁶. Очевидно, одновременно заново наносились мелом и значки перед ним.

Значки, нанесенные мелом, также использовались при отправлении обрядов верховного божества Оса (или Осанобуа) и культа предков, поскольку в более общем смысле *орхуэ* олицетворяет присутствие в мире трансцендентного, божественного начала²⁷.

²² Egharevba J.U. A Short History of Benin. P. 43–44.

²³ Omijeh M.E.A. The Significance of Orhue in Bini Symbolism // Nigeria Magazine. 1971. N 107–109. P. 118; Blackmun B.W. The Iconography. Vol. 1. P. 31.

²⁴ Dennett R.E. At the Back of the Black Man's Mind. P. 223–224.

²⁵ Ibid. P. 225.

²⁶ Melzian H. A Concise Dictionary. P. 144.

²⁷ Talbot P.A. The Peoples of Southern Nigeria. A Sketch of Their History, Ethnology and Languages. L., 1926. Vol. 2. Fig. 1 [facing p. 20]; P. 35, 37, 55; Omijeh M.E.A. The Significance of Orhue. P. 118–119; Rosen N. Chalk Iconography in Olokun Worship // African Arts. 1989. Vol. 22, N 3. P. 44–53.

Еще один небожитель, с культом которого связано использование условных значков, пусть и не наносившихся мелом, — Осун, божество медицины (а точнее, знахарства). В прежние времена посвященный ему алтарь был в каждом бенинском доме²⁸. На одном из алтарей Осун Р.И. Деннетт видел металлическую плиту с выгравированными на ней значками²⁹. Судя по тому, что плита была изготовлена из дорогого материала — металла, алтарь, упоминаемый Р.И. Деннеттом, не был рядовым. Логично и то, что значки наносились на металлические ритуальные предметы (например, на особые жезлы), связанные с культом Огуна — божества железа и войны, покровителя кузнецов, воинов и вообще всех тех, чья работа связана с металлом³⁰.

В предыдущей части нашей статьи речь шла об изображениях в святилищах и на алтарях различных божеств. Однако и сами алтари имели непосредственное отношение к сохранению и передаче исторической информации, поскольку в Бенине идеология королевской власти, а следовательно, и официозная история династии и страны, была тесно связана с религиозными культурами. Не случайно главные святилища многих из них располагались на территории *огбе*³¹. Уже упоминавшийся нами бенинский вождь Акпата писал в связи с этим:

Польза от (размещения. — *Д.Б., П.П.*) таких... алтарей во дворце обнаруживается в их влиянии при управлении на лояльных вождей и людей *оба*³².

Историческая же информация оказывалась, таким образом, неразрывно переплетенной с информацией культурной.

Тесную связь, существовавшую в Бенине между условными значками, верховной властью, историей, религией и символизмом, хорошо отражает свидетельство К. Хау, относящееся к концу 1950-х годов. Однажды в ее присутствии старик рассказывал молодому бини, что

...традиционно в далеком прошлом знахари «писали» большими черными мелками конической формы на пластинах из слоновой кости

²⁸ *Melzian H.* A Concise Dictionary. P. 149.

²⁹ *Dennett R.E.* At the Back of the Black Man's Mind. P. 202.

³⁰ *Lippmann M.* Westafrikanische Bronzen. Inaugural-Dissertation... / Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. В., 1939. Plate 26.

³¹ *Boisragon A.* The Benin Massacre. L., 1898. P. 186–187; *Ben-Amos P.* The Art of Benin. N.Y., 1980. P. 70–93; *Picton J.* Edo Art. P. 24.

³² *Akpata A.* Benin. P. 7.

или дерева. Они не только записывали повеления божеств, важные события, связанные с войнами, и названия профилактических и лечебных медицинских средств, но и время от времени читали эти документы королям и «начальникам охраны» (*окакуо*). Эти чтения представляли собой важное церемониальное действие³³.

Особенно сильной и значимой бенинцам представлялась связь *оба* с Олокуном. Наиболее широко известная история об Олокуне связана с *оба* Эвуаре Великим, правившим в середине XV в. Рассказывают, что он похитил коралловые ожерелья, один из важнейших атрибутов власти в Бенине, из подводного дворца Олокуна, божества не только богатства и плодородия, но и водной стихии. Примечательно, что в конце XIX в. С. Панч писал, что центром культа Олокуна («Малаку», как он его называет) является Гвато³⁴ — прибрежное поселение, основанное *оба* Эвуаре как порт и сыгравшее важнейшую роль в истории торговых связей бенинцев с европейцами.

Однако еще одно предание связывает Олокуна с другим *оба*, Эзигие (первая половина XVI в.). В нем повествуется о том, что коралловые ожерелья были обретыны Эзигие в битве с Олокуном в одном из притоков Нигера. В любом случае, культ Олокуна был многочисленными нитями прочно связан с институтом верховного правителя и обслуживавшими его культами³⁵. Не случайно иконография их образов столь схожа, что искусствоведам бывает крайне трудно определить, кто — Олокун или *оба* — изображен на том или ином памятнике искусства Бенина.

С верховным правителем был связан и культ Осун³⁶, поскольку в Бенине, архаическом по типу культуры, в том числе политической, только физически полноценный человек имело право на обладание властью³⁷. Для бенинцев физическая крепость правителя являлась гарантией не столько его реальной дееспособности, сколько наделенности сакральной силой. Она же была необходима ему для того, чтобы выступать залогом и символом могущества страны и благосостояния народа.

³³ *Hau K.* Evidence of the Use. P. 110.

³⁴ *Roth H.L.* Great Benin. Its Customs, Art and Horrors. L., 1968 [1903]. P. 53, 55.

³⁵ См., например: *Кочакова Н.Б.* Религия бини // Традиционные и синкретические религии Африки. М., 1986. С. 355.

³⁶ *Шаревская Б.И.* Памятник жертвенного культа.

³⁷ *Egharevba J.U.* Benin Games and Sports. Sapele, 1951. P. 18; *Idem.* A Short History of Benin. P. 26; также см.: *Кочакова Н.Б.* Рождение африканской цивилизации. С. 204, 210.

Также естественно и логично, что в немалой степени общей была символика сакральной верховной власти и религиозных культов. В частности, мел был ритуально связан не только со многими божествами, но и с *оба*. Люди верили в то, что мел служит верховному правителю пищей. Когда же *оба* умирал, один из крупнейших сановников, *ийасе*, объявлял, что «мел *оба* сломался». С этими словами он ударял о землю большой кусок мела. Немедленно после этого начинался траур по усопшему суверену. Главного отправителя траурных ритуалов наследного принца *эдайкена* покрывали мелом от плеч до груди; также мелом красили его правую руку и ступни³⁸. После восшествия на престол новый правитель посылал по куску мела всем находившимся под его верховной властью вождям как символ мира. Те, кто принимал дар *оба*, выражали тем самым свою лояльность ему. Отвергшие же присланный им мел объявлялись мятежниками со всеми вытекавшими отсюда последствиями³⁹.

Не лишенным оснований выглядит и предположение о том, что некоторые значки на бивнях представляют собой королевские тамги — знаки принадлежности данных предметов *оба*⁴⁰. Однако подобный взгляд нуждается в существенном уточнении: в данном случае речь должна идти о собственности *оба* не в политико-экономическом, а в социокультурном смысле. Примечательно, что эти тамги ставились на бивнях, находившихся в святилищах предков правителей, т.е. на предметах, представлявших собой социальную и культовую, но не непосредственно материальную ценность. Знаки обладания ими *оба* были призваны символизировать прочность связей ныне властвующего суверена с трансцендентным миром и прежде всего — с духами его предков; именно культ предков *оба* лежал в основе официальной идеологии.

Помимо предметов, о которых с уверенностью можно сказать, что они находились на алтарях божеств, предков верховного правителя или во дворце, условные значки и рисунки можно видеть и на вещах, связь которых с идеологией сакральной верховной власти, будь то в ее историческом или же религиозном преломлении, не столь самоочевидна.

³⁸ *Nevadomsky J.* Kingship Succession Rituals in Benin. Pt. 2: The Big Things // *African Arts*. 1984. Vol. 17, N 2. P. 41, 44.

³⁹ *Omiyeh M.E.A.* The Significance of Orhue. P. 118.

⁴⁰ *Roth H.L.* Great Benin. P. 96, fig. 96; *Ольдерогге Д.А.* Древности Бенина, III. С. 345–346.

В частности, на некоторых предметах (например, на глиняной скамеечке из Британского музея) обнаруживаются значки, выполненные в своеобразном геометрическом стиле. В таком же стиле были вырезаны значки и на описанной С.Х. Ридом крышке сосуда, сделанной из слоновой кости (по его предположению, в начале XVII в.). На ней значки разделяли изображения голов европейцев. Отметив, что геометрический орнамент в целом нетипичен для бенинского искусства и встречается только на предметах, ассоциируемых с высшими социальными слоями, С.Х. Рид далее пишет об образующих его значках на рассмотренной им крышке сосуда:

Он, вне всякого сомнения, связан с плетеным орнаментом, обычным для бенинских резных и литых изделий, и, конечно, близкородственен узелковому орнаменту того же общего облика на скамеечке из коллекции генерала Питта-Риверса⁴¹.

К написанному Ридом можно добавить сообщение Н.У. Томаса. За восемь лет до Рида он писал, что в Бенине частные дома обычно украшались геометрическим орнаментом⁴². Это сообщение не выглядит вполне ясным, поскольку, с одной стороны, каждый бенинский дом был «частным» в том смысле, что его могла населять только одна большая семья, но, с другой стороны, большинство домов входило в состав архитектурных комплексов, образовывавших обнесенные стенами компаунды. Кроме того, частная собственность в новоевропейском смысле слова вообще не была известна бини⁴³. Можно предположить, что под «частными домами» англичанин имел в виду отдельно стоящие жилища, а лучше сказать дворцы, высокопоставленных аристократов. Если наше допущение верно, то утверждение С.Х. Рида о том, что геометрический орнамент, включая стилизованные под него условные значки, отличал предметы и объекты, связанные с высшими слоями бенинского общества, получает дополнительное подтверждение.

Интересна и семантика значков, обнаруживаемых на другой скамеечке, на сей раз латунной. На ней можно видеть значки, явно

⁴¹ *Read C.H.* On a Carved Ivory Object from Benin in the British Museum // *Man*. 1918. Vol. 18, N 72. P. 129–130.

⁴² *Thomas N.W.* Decorative Art Among the Edo-Speaking Peoples of Nigeria: I. Decoration of Buildings // *Man*. 1910. Vol. 10, N 37. P. 65–66.

⁴³ См., например: *Бондаренко Д.М.* Бенин накануне первых контактов с европейцами: Человек. Общество. Власть. М., 1995. С. 149–152.

символизирующие луну и солнце, а также «мальтийский» крест⁴⁴. Уже наличие креста указывает на связь скамеечки с институтом верховного правителя (см. выше). Не случайно устная традиция приписывает заказ на ее изготовление *оба* Эрсейоену (первая половина XVIII в.). Но и космическая символика луны и солнца имеет прямое отношение к идеологии сакральной власти бенинских верховных правителей. Одним из ее краеугольных камней был постулат о том, что *оба* воплощает, сочетает и непротиворечиво объединяет в себе противоположности, которые в своей совокупности охватывают всё, в мире сущее. Верховный правитель виделся подданным как одновременно «за и против, правое и левое, человек и божество; он соединял в себе противоположности, он существовал во имя этого соединения»⁴⁵. Значки же, обозначающие солнце и луну, были призваны выразить идеологему о воплощении сакрализованном монархом дня и ночи⁴⁶.

В широкий контекст семантики образов солнца и луны как идеологем сакральной власти *оба* были вписаны и их более частные и не связанные друг с другом значения. Так, по-видимому, солнце должно было символизировать неустранимость правящей династии, естественность и неизбежность ее существования, подобные неотменимости и регулярности восхода солнца, т.к. у бини популярна следующая поговорка: «Солнце никогда не пропускает день»⁴⁷.

Семантика же образа луны в связи с идеологией сакральной власти *оба* раскрывается на одном из рельефов из дворца верховного правителя. На нем запечатлены две коровьи головы, поставленные одна на другую, а рядом с ними — шесть полумесяцев⁴⁸. Думается, в данном случае архаическое мышление бини продуцировало те же ассоциации, что хорошо известны историкам религий и культур Древнего мира: и коровьи рога, и напоминающий их по форме полумесяц увязывались с культом плодородия. А ритуальное обеспечение плодородия считалось одной из важнейших задач правителей архаических земледельческих обществ, в том числе бенинского⁴⁹.

⁴⁴ Ben-Amos P. The Art of Benin. P. 30–31, plates 30, 31.

⁴⁵ Palau Marti M. Le Roi-dieu au Bénin. Sud Togo, Dahomey, Nigeria occidentale. P., 1964. P. 218.

⁴⁶ Dark P. An Introduction to Benin Art and Technology. Oxford, 1973. P. 105.

⁴⁷ Ben-Amos P. The Art of Benin. P. 28.

⁴⁸ Dark P. An Introduction. Plate 56, ill. 119.

⁴⁹ См., например: Бондаренко Д.М. Бенин накануне первых контактов с европейцами. С. 213.

Таким образом, хотя о существовании письменности в доколониальном Бенине говорить не приходится, следует безусловно признать, что в нем была выработана оригинальная система хранения и передачи информации посредством условных значков и рисунков, представлявших собой фразограммы. Разработка этой системы не обуславливалась общественными потребностями, связанными с ростом хозяйственной и торговой деятельности в стране, появлением четких представлений о государственной и частной собственности как политико-экономических категориях, как это обычно происходило при создании письменности в странах Древнего мира. В Бенине возникновение фразографии было predetermined неизменной заботой верховной власти — что при Первой династии (*огисо*), что при Второй (*оба*) — об укреплении своих идеологических основ. Официозная обработка истории правящего дома и всего народа, с одной стороны, и педалирование идеологемы о связи правителей с их предками и божествами — с другой, являлись важнейшими средствами достижения властью этой цели.

Именно в силу вышесказанного практически вся информация, которую содержали бенинские условные значки и рисунки (и сами по себе, и как фрагменты социокультурной среды, в которую были вписаны несшие их на себе объекты), имела исторический и культурный (религиозно-мифологический) характер. Неразрывные в сознании бини и призванные властью служить ей, выполняя единую — идеологическую — задачу, история и мифология здесь переплетаются: миф историзируется и политизируется, в него вводятся реальные исторические личности (правители страны), а история мифологизируется и одновременно подтасовывается в угоду все той же верховной власти. Если исходить из специфики предпосылок и условий возникновения и существования в Бенине фразографии, выглядит логичным, что слой «грамотных» в стране был весьма узок, равно как и то, что его составляли именно придворные — хронисты и мастера художественных ремесел, а также жрецы культов ряда божеств.

В то время как немало условных значков и рисунков, прежде всего на бронзовых рельефах, еще ждет своего исследователя, совершенно очевидно, что их большая часть утрачена безвозвратно. Ведь большинство значков наносилось мелом на земле, слоновой кости или дереве. Такие «надписи» требовали частого подновления, а в колониальный период эта традиция пресеклась. Данное обстоятельство наводит на определенные мысли: может быть, условные значки и рисунки использовались более широко? Ведь хорошо из-

вестно, что помимо всемирно знаменитого ныне придворного изобразительного искусства в доколониальном Бенине существовало и развитое народное искусство. Однако поскольку произведения последнего чаще всего выполнялись из менее дорогих и долговечных материалов (например, дерева), памятников доколониального народного искусства бини сохранилось крайне мало; настолько мало, что общая картина художественного процесса в Бенине оказалась совершенно искаженной. Не могла ли аналогичная ситуация сложиться и с фразографией? Может быть, условные значки и рисунки знали и не вхожие во дворец и главные святилища бенинцы, но они наносили их на недолговечные предметы, которые не могли сохраниться до наших дней?

Скорее всего, для эпохи *оба* подобное предположение все же оказалось бы не только спекулятивным, но и ошибочным. Памятуют о том, что фразография в Бенине не была необходима в хозяйственно-торговой сфере, а могла найти применение лишь в сфере идеологической, зададимся вопросом римских юристов: «кому это выгодно?», т.е. кто, кроме верховных правителей, мог бы попытаться использовать фразографию для укрепления собственной власти? В бенинском королевстве власть осуществлялась на четырех уровнях: больших семей, общин (чаще всего объединявших несколько семей), вожеств и всей политики. Едва ли к фразографии могли прибегать главы семей и общин, в том числе потому, что их власть не была наследственной. Сложнее обстоит дело с *оногие* — наследственными главами вожеств, более крупных образований в рамках бенинского королевства.

Оногие явно должны были быть заинтересованы в идеологическом укреплении своей власти над составлявшими их вожества общинами. Но если памятники народного искусства, пусть и немногочисленные, пусть и только позднего периода, все же сохранились, то никаких предметов с нанесенными на них условными значками или рисунками, которые происходили бы не из-за стен дворца *оба* или святилищ, обнаружить не удастся. Прямые указания на знакомство с «грамотой» простых бенинцев отсутствуют в местных фольклоре, мифологии, устной исторической традиции и т.п. Никаких подтверждений не дает археология. В этнографических источниках также не найти свидетельств распространения «грамотности» среди бини, если не считать приведенного в самом начале данной статьи сообщения неизвестного англичанина, сохраненного Л.Ф. Рёмером. Однако анонимный информант не указал

прямо, кого из бенинцев он имеет в виду, говоря об их «учености». Судя же по тому, что побывал он именно в городе Бенине — столице, да и судя по его описанию, речь идет все о тех же самых придворных хронистах и одновременно жрецах культов предков *оба* и головы здравствующего суверена.

Почему же мы не располагаем свидетельствами об использовании условных рисунков и значков в вождествах бини? Ответ на этот вопрос следует искать в истории возникновения и укрепления в Бенине института верховной надвождецкой власти. Обозначение *огисо* как династии условно и в основе своей неверно. Дело в том, что лишь несколько первых (примерно четыре) и последних (около восьми) правителей, носивших этот титул, образовывали династические линии (причем не связанные друг с другом). В промежутке же между ними лежало время правления приблизительно двух десятков *огисо*, каждый из которых был главой сильнейшего на тот конкретный момент вождества и приходил к власти, не будучи связан родственными узами со своим предшественником. Эпоха *огисо* (X–XII вв.) была периодом борьбы различных вождеств бини за гегемонию во всей стране, и ни одному из них не удалось установить эффективную надвождецкую власть. В целом, бенинская полития той поры может быть охарактеризована как сложное вождество⁵⁰. Вполне вероятно, что в это время главы вождеств, по крайней мере некоторые из них, прибегали к фразографии в «идеологической войне» с соперниками, в то время как *угхорон* обслуживали верховную власть как таковую, «переписывая» историю и политическую мифологию в зависимости от того, кто ее в данный момент персонифицировал.

То, что в сложном вождестве могут существовать условные средства хранения и передачи информации, равно как и то, что в таких случаях сохраняемая информация имеет преимущественно цельный исторический, мифологический и генеалогический характер, подтверждают, в частности, примеры многих социумов доколониальной Полинезии. Однако там подобные свидетельства относятся к намного более позднему времени, чем эпоха *огисо* в Бенине. Как не сохранилось образцов «письмен» *угхорон*, так с еще большей вероятностью могло не остаться следов творчества идеологов правителей многочисленных вождеств бини X–XII вв. В то время бини еще не была известна техника бронзового литья,

⁵⁰ Подробно см.: Бондаренко Д.М. Доимперский Бенин. С. 72–135.

а фразограммы, нанесенные на дереве, слоновой кости и т.п. могли погибнуть как от времени, так и в ходе войн и переворотов, сопро-
вождавших историю Бенина времен *огисо*, и смены династий.

Оба же удалось к середине XIII в. установить эффективную, до-
статочно жесткую надвождескую власть и образовать династию в
подлинном смысле этого слова. Победа над сепаратизмом и пре-
стольными амбициями отдельных вожеств не могла не выразить-
ся и в пресечении «самодетельности» их глав в сфере идеологии,
т.е. в «монополизации», «присвоении» официальной истории стра-
ны и политической мифологии народа (а следовательно, и средств
хранения и передачи информации данного характера) верховной
властью. Таким образом, тот факт, что дошедшие до нас (непо-
средственно или в описаниях) фразографические значки и рисунки
неизменно оказываются связанными с историко-мифологическими
аспектами официальной идеологии, свидетельствует о силе цен-
тральной власти в Бенине эпохи правления династии *оба*.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондаренко Д.М.* Бенин накануне первых контактов с европейцами: Чело-
век. Общество. Власть. М., 1995.
- Бондаренко Д.М.* Доимперский Бенин: формирование и эволюция системы
социально-политических институтов. М., 2001.
- Кобищанов Ю.М.* Африканские системы письма // Африка еще не открыта.
М., 1967. С. 171–238.
- Кочакова Н.Б.* Религия бини // Традиционные и синкретические религии
Африки. М., 1986. С. 351–357.
- Кочакова Н.Б.* Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Да-
гомея). М., 1986.
- Ольдерогге Д.А.* Древности Бенина (по коллекциям Музея антропологии
и этнографии) // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1953. Т. 15.
С. 358–402.
- Ольдерогге Д.А.* Древности Бенина, II (*ухув-элао* бенинских царей) // Сб.
Музея антропологии и этнографии. 1955. Т. 16. С. 282–307.
- Ольдерогге Д.А.* Древности Бенина, III (Условные значки и рисунки на бе-
нинских бивнях) // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1957. Т. 17.
С. 345–361.
- Ольдерогге Д.А.* Следы существования письменности у народов Верхней
Гвинеи до европейской колонизации // Краткие сообщения Института
этнографии. 1957. № 28. С. 68–73.

- Шаревская Б.И.* Памятник жертвенного культа древнего Бенина // СЭ. 1947. № 3. С. 131–140.
- Шаревская Б.И.* Религии древнего Бенина (очерк верований и культов африканского государства доколониального периода) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1957. Т. 1. С. 172–213.
- Afolayan S.F.* Pre-Colonial Concept of History in Nigeria // On West African History. Selected Papers. Marburg, 1986. (Africana Marburgensia; Sonderheft 11). P. 31–47.
- Akpata A.* Benin: Notes on Altars and Bronze Heads // Ethnologica Cranmomensis. 1937. Vol. 1. P. 5–10.
- Bascom W.* The Early Historical Evidence of Yoruba Urbanism // Social Change and Economic Development in Nigeria. N.Y. etc., 1973. P. 11–39.
- Ben-Amos P.* The Art of Benin. N.Y., 1980.
- Blackmun B.W.* The Iconography of Carved Altar Tusks from Benin, Nigeria: Ph.D. thesis / Univ. of California, Los Angeles. Ann Arbor (Mi.), 1984. Vol. 1–3.
- Boisragon A.* The Benin Massacre. L., 1898.
- Bradbury R.E.* Chronological Problems in the Study of Benin History // *Bradbury R.E.* Benin Studies. L. etc., 1973. P. 17–43.
- Dark P.* An Introduction to Benin Art and Technology. Oxford, 1973.
- De Barros J.* Ásia de João De Barros: Dos Feitos que os portugueses fizeram no descobrimento e conquista dos mares e terras de Oriente. Dec. I. Coimbra, 1988 [1552].
- Dennett R.E.* At the Back of the Black Man's Mind Or Notes on the Kingly Office in West Africa. L.; N.Y., 1906.
- Egharevba J.U.* Benin Law and Custom. Port Harcourt, 1949.
- Egharevba J.U.* Benin Games and Sports. Sapele, 1951.
- Egharevba J.U.* Bini Titles. Benin City, 1956.
- Egharevba J.U.* A Short History of Benin. Ibadan, 1960.
- Falola T., Mahadi A., Uhomoibhi M., Anyanwu U.* History of Nigeria. Ikeja etc., 1989. Vol. 1–2.
- Hagen K.* Altertümer von Benin im Hamburgischen Museum für Völkerkunde. Hamburg, 1918. Teil 1–2.
- Hau K.* Evidence of the Use of Pre-Portuguese Written Characters by the Bini? // Bulletin de l'Institut Français d'Afrique Noire. Sér. B. 1959. Vol. 21, N 1–2. P. 109–154.
- Hau K.* The Ancient Writing of Southern Nigeria // Bulletin de l'Institut Fondamental d'Afrique Noire. Sér. B. 1967. Vol. 29, N 1–2. P. 150–190.
- Igbafe P.A.* Benin in the Pre-Colonial Era // Tarikh. 1974. Vol. 5, N 1. P. 1–16.
- Isichei E.* A History of Nigeria. L. etc., 1983.
- Lippmann M.* Westafrikanische Bronzen. Inaugural-Dissertation... / Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. B., 1939.
- Melzian H.* A Concise Dictionary of the Bini Language of Southern Nigeria. L., 1937.

- Nevadomsky J.* Kingship Succession Rituals in Benin. Pt. 2: The Big Things // African Arts. 1984. Vol. 17, N 2. P. 41–46.
- Omijeh M.E.A.* The Significance of Orhue in Bini Symbolism // Nigeria Magazine. 1971. N 107–109. P. 117–119.
- Pacheco Pereira D.* Esmeraldo de Situ Orbis. Bissau, 1956 [1505–1508].
- Palau Marti M.* Le Roi-dieu au Bénin. Sud Togo, Dahomey, Nigeria occidentale. P., 1964.
- Picton J.* Edo Art, Dynastic Myth, and Intellectual Aporia // African Arts. 1997. Vol. 30, N 4. P. 18–25.
- Read C.H.* On a Carved Ivory Object from Benin in the British Museum // Man. 1918. Vol. 18, N 72. P. 129–130.
- Roese P.M., Bondarenko D.M., Roese T.M.L.* Ludewig Ferdinand Römer's "Nachrichten von der Küste Guinea" (Mid-18th Century) as a Source on the Benin Kingdom History and Culture // Tribus. 2001. Vol. 50. P. 135–149.
- Römer L.F.* Nachrichten von der Küste Guinea. Kopenhagen; Leipzig, 1769.
- Rosen N.* Chalk Iconography in Olokun Worship // African Arts. 1989. Vol. 22, N 3. P. 44–53.
- Roth H.L.* Great Benin. Its Customs, Art and Horrors. L., 1968 [1903].
- Talbot P.A.* The Peoples of Southern Nigeria. A Sketch of Their History, Ethnology and Languages. L., 1926. Vol. 1–4.
- Thomas N.W.* Decorative Art Among the Edo-Speaking Peoples of Nigeria: I. Decoration of Buildings // Man. 1910. Vol. 10, N 37. P. 65–66.

Dmitri M. Bondarenko, Peter Roese

HISTORIOGRAPHY WITHOUT WRITING?
 ABSTRACT SIGNS AND PICTORIAL MARKS
 AS A MEANS OF HISTORICAL AND CULTURAL INFORMATION
 PRESERVATION AND TRANSMISSION
 IN PRECOLONIAL BENIN

Though there was no writing in pre-colonial Benin, the Bini had elaborated an original system of information preservation and transmission by means of pictorial marks and drawings. The elaboration of this system was not provoked by social needs connected with growth of production and trade and appearance of clear ideas of the state and private property as politico-economic categories, as it usually was the case in the countries of classical antiquity both in the East and the West. Its appearance in Benin was predestined by permanent care of the ideology's strengthening by the supreme authority in the times of both the first (Ogiso) and second (Oba) dynasties. An official manipulation with the royal and people's history, on

the one hand, and pedaling of the idea of the rulers' connections with their ancestors and deities, on the other hand, were among the most important means by which the authority was achieving this goal. That is why practically all the information Benin pictorial marks and drawings contained was historical and cultural (religious and mythological). Inseparable in the Bini's consciousness and destined by authority to serve the latter by fulfilling the common — ideological task, history and mythology had intervened: the myth was historicized and politicized, and history was mythologized and thus juggled in favor of the supreme authority. In view of the aforesaid, it is logical that the layer of the "literate" Bini was very thin and most probably included courtiers only — chroniclers, some artisans and priests. Contrary to the Ogiso of the tenth–twelfth centuries, the Oba managed to establish effective and quite rigid central authority by the mid-thirteenth century. This could not but result in the supreme authority's "monopolization" and "appropriation" of official history and political mythology, and hence of the means of information preservation and transition. Thus, the fact that all the known marks are invariably related to the historical and mythological aspects of official ideology testifies the central authority's strength in Benin of the Oba period.

Key words: Benin Kingdom, Nigeria, precolonial Africa, historical writing, pictorial marks, ideology

В.А. Арутюнова-Фиданян

УСТНАЯ ИСТОРИЯ В РАННЕЙ АРМЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Механизмы взаимодействия устной и письменной традиций всё еще недостаточно исследованы, в особенности, когда речь идет о самом раннем периоде такого взаимодействия. В статье данная проблема рассматривается на примере армянского историописания V в. Предшественники Мовсеса Хоренаци, первые историографы V в., одинаково используют родовые предания и героическую устную историю, основанную на конкретных фактах, изложенных в соответствии с требованиями фольклорных формул и этикетных установок. Эти авторы не претендуют на включение истории Армении во всеобщую историю, событийный ряд, отраженный в их сочинениях, обычно точен, но описания событий Персидской войны и ее персонажей, а также христианизации и ее деятелей, внутренних коллизий в стране и т.п. не прошли обычного пути «миф–эпос–история». Языческий миф был отсечен самими авторами, а повествование о реальных исторических событиях облекалось в привычную эпическую форму устных преданий. Слишком короток был путь от конца IV до второй половины V в. для изменений, приращений, контаминаций, характерных для более поздних исторических сочинений. Мы наблюдаем феномен рассказов очевидцев, дошедших до авторов «Бузандарана», Елише и Лазара Парпеци в рамках устной истории, только что передавшей свой трон историографии.

Ключевые слова: Армения, историописание, устная традиция, письменность, Мовсес Хоренаци, «Бузандаран», Елише, Лазар Парпеци

Юго-западный регион Армянского нагорья, по соседству с северной Месопотамией, — одно из древнейших мест обитания человечества и колыбель армянского этноса, здесь находились племенные протоармянские объединения Хайаса, а позднее Арме-Шубриа — последнее вошло в состав царства Урарту. В этом регионе в течение тысячелетий взаимодействовали этносы и пре-

дания индо-европейские, протоармянские, хурритские, урартские, иранские и т.д.¹ Тарон играл одну из ведущих ролей в истории Армении и тогда, когда центр Армении переместился в Айрарат. С Айраратом и Тароном связана большая часть армянских эпических циклов, отраженных в ранней историографии. Процессы инфильтрации устной истории в письменную, превращение мифа в эпос, а эпоса в историографию породили огромную литературу (филология, литературоведение, этнография, история, религиоведение и т.д.). Давно признаны различия в хранении и распространении знания между письменными и бесписьменными обществами: разные представления о мире, времени и пространстве, историческом прошлом, исторической памяти. Однако механизмы взаимодействия двух традиций все еще недостаточно исследованы, в особенности, когда речь идет об истоках слияния устной и письменной традиций.

Исследователи справедливо утверждают, что взаимодействие устной истории и историографии — это переосмысление преданий, проходящих через многочисленные и разнообразные идеологические фильтры. В проблематике взаимодействия устной и письменной истории всегда важна тема противостояния «эпоса» и «хроники» (первый — классическая форма выражения устной традиции, близкая к мифологии, вторая — историческое знание)². Ряд исследователей, тем не менее, возражает против этого распространенного суждения, аргументированно полагая, что слишком резкое противопоставление понятий «история–реальность», «миф–фикция» изжило себя. Проблема соотношения эпоса и хро-

¹ *Еремян С.Т.* Племенное объединение армян в стране Арме-Шубрия // ИФЖ. 1958. № 3 (на арм. яз.); *Он же.* Процесс формирования армянского народа // Там же. 1968. № 2 (на арм. яз.); *Он же.* История армянских племен в стране Арме-Шубрия // История армянского народа. Ереван, 1971. Т. 1. С. 230–245 (на арм. яз.; см. указ. литературу); *Джаукян Г.Б.* Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам. Ереван, 1964; *Он же.* О соотношении хайасского и армянского языков // ИФЖ. 1988. № 1. С. 60–88. Вс. Иванов выделяет в дописьменной истории армянского языка, наряду с периодами интенсивного иранского влияния, и более раннее воздействие северо-кавказских (включая хуррито-урартские ок. II–I тыс. до н.э.) языков и хетто-лувийских индоевропейских диалектов и еще более древнего диалектного армяно-индо-иранского единства после вычленения этого единства из общеиндоевропейского (*Иванов Вс.* Выделение разных хронологических слоев в древнеармянском и проблема первоначальной структуры текста гимна Ва(х)агну // ИФЖ. 1983. № 4 (103). С. 22–43).

² *Ретина Л.Л.* Память и историописание // История и память. М., 2006. С. 25–26.

ники продолжает оставаться дискуссионной, иными словами, не до конца выяснены общие механизмы взаимодействия устной и письменной традиций. И, прежде всего, возможно, потому, что эти механизмы сложно привести к одному знаменателю не только в разных традициях, но и в одной и той же, и даже в один и тот же период, в данном случае в V в. в Армении.

Для целей настоящего очерка важно подчеркнуть, что Армении нельзя было назвать бесписьменной даже до изобретения алфавита (в начале V в.), поскольку армянская государственность, восходящая к эллинистическим временам, не могла бы обходиться без письменности, обслуживающей нужды царства (армия, фиск, дипломатия и т.п.). В Армении существовали греческие и сирийские школы. Греческим и сирийским языками пользовались не только знать и интеллектуалы, но и широкие слои населения. Придворные и храмовые истории записывались на сирийском и греческом языках, языческие храмы (как и их преемники — средневековые армянские монастыри) были хранителями духовной культуры и обладали иноязычными источниками об армянской истории. Некоторые из этих храмов (под другими наименованиями) уцелели в процессе христианизации, обеспечив преемственность культурных традиций. Придворные и храмовые хроники, не дошедшие до нас, упоминаются в ранней армянской историографии и, очевидно, были ее предшественниками, возможно, послужив ее расцвету в V в. Другой составляющей этого расцвета было развитие языка. Изложение мифологических и эпических циклов постоянно совершенствовалось в творчестве профессиональных сказителей — гусанов и випасанов.

Появление армянской письменности было подготовлено и вызвано нуждами новой христианской религии для перевода на армянский язык богословских трудов, которые должны были направить идейную и литургическую деятельность Армянской церкви. Армянская переводная литература в V–VIII вв. включала в себя классические переводы (V в.) и переводы грекофильской школы (конец V — начало VIII в.). Переводы классического периода должны были обеспечить религиозное образование (библика, литургия, патристика, герменевтика, апологетика, история, каноника, агиография). Во второй период развития армянской переводной литературы преобладают теоретические сочинения — памятники догматического и философского характера. Деятельность армянских переводчиков отличается такой целеустремленностью, кото-

рую можно воспринять как «сознательную программу трансплантации культуры»³.

Переводчики и того, и другого периода использовали принципы так называемого «материального» перевода, скрупулезно передавая содержание и форму оригинала. Грекофилы не заимствовали греческие философские термины, но прибегали к смысловому переводу их составных частей, вводя в армянскую лексику искусственные словосочетания. Древнеармянские переводы Аристотеля, Платона, Порфирия, Филона Александрийского и других принадлежат к числу древнейших в мировой философской литературе. Высокая степень точности этих переводов позволяет вносить коррективы в дошедшие до нас греческие оригиналы⁴. Переводчики — представители эллинофильской школы, совершавшие *translatio* (перевод, перенос) греческой культуры в Армению и обогащавшие армянскую лексику новыми понятиями и терминами, стали основоположниками армянской оригинальной литературы, главным образом, богословской, философской и историографической.

Фиксация и накопление исторических знаний в иноязычных источниках, развитая устная традиция (устная история, мифология, эпос) и деятельность эллинофилов (переводчиков и писателей) обусловили расцвет армянской литературы сразу после создания письменности. V в. — это период возникновения и одновременно высочайшего взлета армянской историографии, именуемый «золотым веком». Иными словами, промежутка между зрелой устной традицией и развитой письменной почти не было. Второй яркой особенностью соотношения устной и письменной традиций в Армении было их сосуществование и взаимовлияние с V в. и до Нового времени: так, эпос «Сасунские храбрецы» («Давид Сасунский») бытовал в течение тысячелетия в Западной Армении и был записан только в XIX в.⁵

В V в. после создания алфавита были написаны: сочинение ученика Месропа Маштоца Корюна «История жизни и смерти бла-

³ Finck F.N. Geschichte der armenischen Literatur // Geschichte der christlichen Literaturen des Orients. Leipzig, 1907. S. 75–130; Тер-Петросян Л. Древнеармянская переводная литература. Ереван, 1971. С. 7–11; Арутюнова-Фиданян В.А. «Повествование о делах армянских» (VII в.). Источник и время. М., 2004. С. 27–31.

⁴ Аревшатян С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V–VI вв.). Ереван, 1973. С. 141–227.

⁵ Мелик-Оганджян К.А. О принципах историзма в изучении фольклора по материалам армянского народного эпоса. «Давид Сасунци» // ИФЖ. 2006. № 2. С. 286–304.

женного мужа, святого вардапета Маштоца, нашего переводчика» (между 443 и 450 гг.); «История Армении» (или «Житие Григория Просветителя»), приписываемая Агафангелу (возможно, 60-е годы V в.); «История Армении», приписываемая Фавстосу Бузанду, или «Бузандаран» — сборник «эпических историй», принадлежащих разным авторам, составленный, очевидно, во второй половине V в.; сочинение Елише «О Вардане и армянской войне», записанное очевидцем и охватывающее небольшой период (середина V в.); «История Армении» Лазара Парпеци — изложение событий 387–485 гг. (конец V в.) и, наконец, «История Армении» Мовсеса Хоренаци — первая целостная история армянского народа от его появления на исторической сцене до периода, современного историографу⁶.

Не все эти труды, разумеется, дают равные возможности выявления механизмов перехода от устной традиции к письменной. Труды Корюна и Агафангела, например, представляют собой сложную смесь жанров: жития (Маштоца и Григория Просветителя), биографии и панегирика⁷.

Елише, Лазар Парпеци и авторы «Бузандарана» — ученики Месропа Маштоца и Саака Партева, интеллектуалы и эллинофилы, — последовательно излагают вполне верифицируемые сведения о современной им истории: о крещении Армении, изобретении письменности, войне с Ираном. Сохранились четыре книги «Бузандарана»⁸, которые посвящены расцвету и распаду Армянского царства Аршакидов. Авторы этого сочинения писали в V в.

⁶ Начало времен датируется Мовсесом началом правления Селевка Никатора — 312–311 гг. до н.э., а завершение истории маркируется 439–440 гг. (смерть Месропа Маштоца и Саака Партева).

⁷ *Mathews E.G.* The life of Maštoč as an encomium // REA. 1993. Т. 24. Р. 443–450. См. библиографию: *Thomson R.W.* A Bibliography of Classical Armenian Literature to 1500 AD. Turnhout, 1995. Р. 90–95 (издания и исследования труда Агафангела); *Арутюнова-Фиданян В.А.* «Повествование о делах армянских». С. 204–209 (библиография жития Григория Просветителя в «Истории Армении» Агафангела).

⁸ Фавстоса Бузандаци История Армении. СПб., 1883 (на арм. яз.) (далее: Фавстос I). См. также издания армянского текста: Венеция, 1880; Тифлис, 1912; Венеция, 1914; Венеция, 1933. Переводы: на новоармянский язык Ст. Малхасянца (Ереван, 1947), на немецкий — М. Лауера (Кёльн, 1879); на французский Н. Эмина (Париж, 1867), на английский Н. Гарсоян: *The Epic Histories Attributed to P'awstos Buzand (Buzandaran Patmutiwnk)* / Transl. and commentary by N.G. Garsoïan. Cambridge (Mass.), 1989 (далее: *The Epic Histories*). См. указанные там издания и литературу.

о событиях IV в. с позиций историка-пророка о прошлом⁹. «Бузандаран» отражает не только события «Персидской войны», но и противостояние между патриархами Григоридами и царями Аршакуни, а также феодальные междоусобицы и легенды нахарарских фамилий, в особенности дома Мамиконянов. Сказания составляют целостное повествование и объединены идейно и сюжетно: война с Ираном, борьба за политическую и религиозную независимость и становление Армянского царства. Во всех перипетиях армянской истории «Бузандарана» выступают царь и спарпет Мамиконян: 1) ветвь (сюжетная линия) царей Хосрова и Трдата и Артавазда Мамиконяна; 2) ветвь царя Хосрова Котака и Ваче Мамиконяна; 3) эпос царя Тирана, в котором действуют зятья Мамиконянов (спасенные ими во младенчестве); 4) ветвь царей Аршака и Папа, Васака и Мушега Мамиконянов, позднее Мануэла Мамиконяна.

Ваче — спарпет при Хосрове Котака (кн. III); Васак, — спарпет при Тиране и Аршаке (кн. III, IV); Мушег, сын Васака — спарпет при Папе (кн. V); Мануэл — спарпет при Варздате и регент при сыновьях Папа Аршаке и Валаршаке (кн. V).

В «Бузандаране» переплетены три основные сюжетные линии: 1) история царей; 2) история церкви; 3) история дома Мамиконянов. Авторы «Бузандарана» собрали множество преданий о политических и церковных деятелях IV в. Сказания, легенды, исторические песни легко и быстро слагались и распространялись по стране и в их собственное время. Авторы «Бузандарана», по-видимому, сами были грамотными сказителями-випасанами, и, таким образом, «Бузандаран» был написан на основании собранных устных преданий, а также новых сказаний, созданных и изложенных самими авторами, а позднее, возможно, отредактированных одним из них. В «Бузандаране» нет ни одной даты, сохраняется только преемственность событий, связанных друг с другом словами: «затем», «в то время», «после того как» и т.д. Нет внутренней связи событий, как нет причин и следствий в хронологической преемственности. Сохранена последовательность царей и католиков, однако из их жизни приводятся отдельные, иногда независимые

⁹ По мнению Ф. Корнфорда, менее известная концепция происхождения историографии в Элладе — это предположение, что в ее основе лежит не анализ фактов, а откровение (априорное, даже магическое знание), т.е. историк — не рациональный эмпирик, а пророк, поэт (*Cornford F.M. Principium sapientiae. The Origins of Greek Philosophical Thought. Cambridge, 1952; Idem. From Religion to Philosophy. A Study in the Origins of Western Speculation. N.Y., 1957.*)

друг от друга эпизоды. Светские сюжеты составляют единое целое — один большой эпос, а церковные повествования являются независимыми сказаниями и воспоминаниями, которые частично привнесены авторами в эпический материал. Авторы (редакторы) знакомы с «Историей» Агафангела, пользовались армянским переводом Библии и писали на армянском языке, насыщенном живой, народной речью, простонародными выражениями и идиомами. В «Бузандаране» можно найти цитаты из «Жития Маштоца» Кориюна, а также особые выражения и обороты, которые, по-видимому, написаны под влиянием этого сочинения; события V в. отражены в «Бузандаране» в форме видений, проклятий и предсказаний¹⁰.

Н.Г. Гарсоян считает, что главным содержанием «Бузандарана» были «Geste of Mamikonean» и «Geste of Aršakuni»¹¹. В «Бузандаране» отражены духовные приоритеты нахараров и их дружин («слава», «храбрость», «удача», «верность суверену» и т.п.), а также их образ жизни (сцены охот, войн, пиров). Описываются неожиданные атаки врагов в ночи, огромное количество вражеских войск, которых доблестно истребляют армянские нахарары с небольшими отрядами, при этом из вражеского войска спасается всегда кто-то «один на одном коне» — шах или предатель Меружан — вполне эпическая концовка битвы, в которой побеждают армяне¹².

«Бузандаран», по-видимому, представляет читателю (слушателю) древнюю триаду устных социогенетических догосударственных и дохристианских преданий: царь (вождь), военный предводитель (воевода), жрец (духовный глава этноса). При этом их функции могли сдвигаться (вождь = военный предводитель, вождь = жрец).

В триаде «Бузандарана» царь — наиболее слабая фигура. Армянские Аршакиды в критические моменты либо бездействуют вместе с патриархом, уступая активную роль спарапету Мамиконяну (царь Хосров, «уклонившийся от встречи со своим братом мазкутским царем Санесаном», или царь Пап, предоставивший Мушегу Мамиконяну воевать с персами)¹³, либо наносят ощутимый вред стране своими злыми деяниями и грехами (Тиран, Аршак, Пап), что и приводит к гибели Армянское царство¹⁴.

¹⁰ Абемян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. С. 58–59.

¹¹ The Epic Histories. P. 32–35.

¹² Фавстос I. Кн. IV. Гл. 31–43, 45–49; Кн. V. Гл. 2 и сл.

¹³ Фавстос I. Кн. III. Гл. 7; Кн. IV. Гл. 4.

¹⁴ Там же. Кн. III. Гл. 12–14; Кн. IV. Гл. 15, 18, 19, 44, 50; Кн. V. Гл. 15, 22–24, 30–31.

Видение Даниила, пророчество и видение католикоса Нерсеса, пророчества священников и святых о гибели Армянского царства из-за грехов и неправедных деяний Аршакидов записаны в «Бузандаране» («гибель ваша предсказана устами пророков: испытать вашему роду Аршакуни последнюю чашу») ¹⁵. Царство Аршакуни погибнет, но земля армян будет спасена спарапетами. И последняя глава — это регентство Мануэла Мамиконяна, «когда все люди в армянской стране жили в довольстве» ¹⁶. Иными словами, происходит поглощение одной из функций триады, возможно, перешедшее из устной традиции.

Автор (авторы) «Бузандарана» пишут о роде Мамиконянов, из которых выходили военачальники (спарапеты): «бесстрашные и отважные», «первенствующие в боях», «род известный храбростью, дарованиями, и доброй славой, и добрыми делами... которому небо всегда посылало победу». Знаменательно благословение, дарованное Мушегу патриархом Нерсесом I: «Да благословит тебя Господь Христос, да ниспошлет тебе успех и дарует тебе победу во все дни твоей жизни; через тебя и через твой род да спасет Он Армянскую страну навеки» ¹⁷.

В сказаниях «Бузандарана» Мамиконяны благородны и великодушны, их милосердие (не в смысле всепрощения) вызывает удивление даже у врагов. Они убивают своих врагов только в открытом бою, не прибегают к коварству и обману, побеждают благодаря воинскому умению, опыту, а также личному мужеству, предпочитают умереть в бою, а свои заслуги видят в количестве проведенных ими сражений и полученных ранах, они боголюбивы, почитают и защищают Армянскую церковь (их род связан кровными узами с родом Григория Просветителя). Мамиконяны представляют собой воплощение физического и нравственного совершенства (*καλοκάγαθία*) ¹⁸.

Мануэл Мамиконян в своем завещании требует от своих детей «быть покорными и послушными царю Аршаку, быть верными...

¹⁵ Там же. Кн. V. Гл. 15; История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с древнеарм. и коммент. М.А. Геворгяна; Под ред. С.Т. Еремяна; Вступ. статья Л.С. Хачикяна. Ереван, 1953. С. 94 (далее: Фавстос II).

¹⁶ Фавстос I. Кн. V. Гл. 42.

¹⁷ Фавстос II. С. 144.

¹⁸ «Когда царь Вараздат при выступлении поднял глаза, посмотрел на спарапета Мануэла и увидел величину его роста, красоту его фигуры, крепкое его сложение, его железные крепкоскованные неуязвимые доспехи, [облекавшие его] с ног до головы, сильного коня и несокрушимые конские доспехи, то в мыслях он сравнивал его с высокой неприступной горой» (Фавстос II. С. 185).

трудиться и воевать за армянскую страну», «жертвовать собой, как храбрые предки и оставить в стране имя храбреца»¹⁹. Страна и идея ее независимости воплощена и персонифицирована в личности царя. Мамиконяны — верные слуги царской династии, и, становясь регентами сыновей царя Папа, они продолжают служить царству Аршакидов²⁰.

После падения Аршакидов Мамиконяны несут ответственность за судьбу Армении²¹. Эпические сказания «Бузандарана» заканчиваются победой и прославлением нахарарского рода Мамиконянов. Н. Адонц писал, что девизом Мамиконянов было отвечать насилием на насилие, силой на силу, кровью на кровь.

Трудно найти в истории такой княжеский дом, который на протяжении веков оставался так верен родовому мировоззрению и традициям. Вместе с кровью они наследовали героический дух своего рода. Даже их имена, переходившие из поколения в поколение, представляют памятники их прошлого. Они являлись беззаветными защитниками чести и достоинства армянской страны и народа, потеряв свою силу в неравных войнах, сторели героями в пламени самопожертвования²².

Борьба армян во главе с Варданом Мамиконяном за государственную и религиозную независимость от Ирана в середине V в. и сражение на Аварайрском поле (451 г.), значительно замедлившие персидскую экспансию, существенно повлияли на менталитет армянского народа и породили множество произведений (вплоть до XX в.). Одним из первых было сочинение Елишэ (V в.) «О Вардане и армянской войне» — история причин, хода и последствий войны и панегирик Вардану и его сподвижникам.

¹⁹ Фавстос I. Кн. V. Гл. 44; Фавстос II. С. 196.

²⁰ Арутюнова-Фиданян В.А. Родовое предание и ранняя историография: «Вторичный» эпос // ДГ, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 9–27.

²¹ 451 г. — Вардан Мамиконян Великий, вождь в первой религиозной войне против Ирана; 481–482 гг. — Ваан Мамиконян, предводитель второго всеобщего восстания против персов; 485 г. — Ваан Мамиконян, правитель (танутэр) Армении (с этого времени Персидская Армения называется «танутэракан еркир» — земля танутэра). Правители Армении при арабах: 654–661 гг. — Амазасп Мамиконян, ишхан Армении; 661–685 гг. — Григор Мамиконян; 749–752 гг. — Мушег Мамиконян. В 774–775 гг. — восстание против Халифата и разгром фамилии Мамиконянов (The Epic Histories. P. 1–4, 34–35).

²² Адонц Н. Исторические исследования. Париж, 1948. С. 42 (на арм. яз.).

Непрекращавшееся и после Аварайра сопротивление экспансии Ирана в разных областях Армении заставило персидского царя Иездигерда отменить разорительные подати и разрешить свободное исповедание христианства. При патовых обстоятельствах противостояния Армении и Ирана народная традиция утвердила победу за домом Мамиконянов.

Легенда о Мамиконянах, пройдя через сочинение Елишэ, предположительно очевидца и участника событий, казалось бы, должна была расстаться со своим эпическим началом. Однако перечисленные подвиги Мамиконянов, восхваление их мужества и рыцарства в этом сочинении продолжает героические традиции откровенно эпического восхваления ведущих представителей этого дома²³.

Лазар Парпеци (род. ок. 443) получил образование в Константинополе, по возвращении принял участие в борьбе Ваана Мамиконяна против персов. Став марзпаном Армении в 485 г., Ваан перестроил Эчмиадзин, учредил там монастырь и братство и назначил Лазара Парпеци его настоятелем. Изгнанный из монастыря недоброжелателями, Лазар вновь обратился к покровительству Мамиконяна, и Ваан Мамиконян предложил Лазару написать историю Армении, как церковную, так и светскую, продолжив «Историю» Бузанда.

«История Армении» Лазара Парпеци состоит из трех частей: 1) история страны от раздела Армянского государства до падения династии Аршакидов; 2) война Варданидов; 3) восхваление рода Мамиконянов²⁴.

Источниками «Истории» Лазара были труды Агафангела, Корюна и «Бузандаран». Из «Истории Армении» Агафангела он заимствует выражения, обороты, метафоры и исторические воспоминания, часто ссылается на Корюна, но большую часть «Истории» Лазар написал, несомненно, на основании преданий.

«История» Лазара начинается с раздела Армянского государства между Византией и Ираном и доходит до падения династии Арша-

²³ *Елишэ*. О Вардане и армянской войне / Подгот. к печати и предисл. Е. Тер-Минасяна. Ереван, 1957 (на др.-арм. яз.); *Абегиан М.* История древнеармянской литературы. С. 163–171 и сл.; *The Epic Histories*. P. 34–35.

²⁴ *Лазар Парпеци*. История Армении. N.Y., 1985 (на др.-арм. яз.); *The History of Łazar Parpeci* / Transl., intr., app. by R.W. Thomson. Atlanta (Ge.), 1991. Об изданиях «Истории» Лазара Парпеци и посвященной Лазару литературе см.: *Thomson R.W.* A Bibliography. P. 145–149; *Абегиан М.* История древнеармянской литературы. С. 180–189.

куни (428 г.) — «полной гибели нашей страны Армянской» — и смерти Саака и Маштоца. В этой части указаны порядок преемственности персидских и армянских царей и католикосов, т.е., очевидно, Лазар привлекал достоверный документальный материал. Тема второй части «Истории» Лазара и сочинения Елишэ одна и та же — война Варданидов, и Лазар, несомненно, пользуется трудом своего предшественника.

Лазар Парпеци писал свою «Историю», используя, помимо указанных выше источников, рассказы о совсем недавних событиях, уже приобретавшие характер народных сказаний.

Следуя за авторами «Бузандарана», Парпеци создает яркие и впечатляющие образы выдающихся представителей рода Мамиконянов (особенно спарапета Вардана), истинных героев, которые могли служить примером для читателей. Третья часть «Истории» Лазара Парпеци, посвященная современным автору событиям, является восхвалением рода Мамиконянов, и особенно Ваана Мамиконяна и его братьев.

Ваан Мамиконян у Лазара — доблестный и мужественный воин, отважный защитник церкви. Он и его братья

...преуспевали во всем и пользовались славой; они еще в детском возрасте всем прозорливым умам представлялись удачливыми и удивительными... Они были лучше всех и выделялись во всем: и в совете, и в рассудительности, и в изобретательности; стреляли из лука — искусно и метко, на охоте были проворны, ловки на обе руки, во всех отношениях непогрешимы и исполнены благодати... Присутствие их придавало великолепию ужинам всех танутэров армянских; ими оживлялись во всех домах далекие и близкие. Они спешили уподобить себе в деле преуспевания также сыновей блаженного Аршавира Камсаракана, тэра Аршаруника (их родственников. — *В.А.*)²⁵.

Мамиконяны были идеалом рыцарей-воинов и для Елише, и для Парпеци. В сочинении «О Вардане и армянской войне» прославляется руководитель восстания 450–451 гг. против Ирана спарапет Вардан Мамиконян, а Лазар Парпеци пишет свою «Историю Армении» по воле спарапета, а затем марзпана Армении Ваана Ма-

²⁵ Культура раннефеодальной Армении (IV–VII вв.). Ереван, 1980. С. 22; *Абегян М.* История древнеармянской литературы. С. 182–185 («Восхваление Мамиконянов»).

миконяна, организатора второго всеармянского восстания против Ирана в 481–482 гг.

Ряд исследователей полагает, что смысл эпоса — не в передаче исторических фактов, поскольку «реальность входит в эпическую сюжетику не летописными фактами, не датируемыми определенными событиями: сражениями, осадами, походами, сменами правителей и т.д., а типовыми устойчивыми явлениями, сторонами жизни, ситуациями, которым свойственны повторяемость, всеобщая значимость и которые определяют быт эпохи». При этом реальность быта подвергается эпическому переосмыслению, преобразованию, художественной переработке (формулизация, соотношение с уже имеющимися в эпосе обобщениями, синтезирование с традицией, т.е. идеализация, гиперболизация, условность, ситуативность²⁶). Иными словами, смысл эпоса в художественном конструировании исторических моделей, обобщающих народный опыт и идеалы²⁷. Д.С. Раевский считает, что эпическое повествование о событиях (даже реальных) подчинено в первую очередь задаче кодирования не частных сведений, а общественно-ценной информации и строится по заданной модели²⁸. Однако обычное движение от конкретно-исторического сообщения к эпическому обобщению, от хроникальной достоверности к заданной условности, очевидно, замедлялось на стыке двух историй — устной и письменной, т.к. тема порождает формулу, а не наоборот, а тема была почти современной авторам — хронистам.

В V в. устные и письменные сказания появляются одновременно, грамотные виписаны и слагают легенды, и пишут историю. Для авторов «Бузандарана» главными источниками были эпические сказания, легенды, исторические песни. Редактор, составлявший первую «Историю Армении» и живший во второй половине V в., располагал множеством воспоминаний о католикосах, царях и полководцах IV в., но в еще большей степени, как подчеркивает сам редактор «Бузандарана», он пользовался сказаниями, слагающимися его современниками и, очевидно, им самим.

Иными словами, сказания о роде Мамиконянов создавались и в IV, и в V в. и почти немедленно по созданию в устной форме

²⁶ Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976. С. 233–235.

²⁷ Путилов Б.Н. Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. М., 1975. С. 175.

²⁸ Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М., 2006. С. 344 и сл.

включались в историографический контекст, в основном писателями, близкими к их дому (редактор «Бузандарана», Лазар Парпеци, Елишэ).

Насколько реальны были Мамиконяны ранней историографии, шагнувшие в нее из устной традиции и наделенные героическими добродетелями? Д.С. Лихачёв считает, что «именно жизнь, а не литература, не литературная традиция, выработала те идеалы, которые и в действительности, и в литературе служили мерилami людей. В литературном изображении реальные люди либо подтягивались к этим идеалам, признавались соответствующими им, либо отвергались именно с точки зрения этих идеалов»²⁹.

Очевидно, что реалии армянской жизни IV–V вв. — войны за государственную и религиозную независимость, постоянное противостояние Византии и Ирану, общеармянские и локальные восстания — требовали героических деятелей и вызывали их к жизни. Спарапеты Мамиконяны, предводители армянского войска, доминировали в этих коллизиях. Они изображались и, очевидно, действительно должны были быть близки к идеалу государственных деятелей и воинов прежде всего потому, что они на протяжении трех веков играли одну из ведущих ролей в жизни Армении. Идеализирующим фактором оказалась и близость историографов к их дому (Елишэ был секретарем Вардана Мамиконяна, а Лазар Парпеци написал «Историю Армении» по заказу марзпана Ваана Мамиконяна). Время создания родовых преданий Мамиконянов и время их записи максимально и уникально сближены.

Легенды рода Мамиконянов и армянская историография V в. предоставляют достаточно наглядный и репрезентативный материал для изучения механизмов взаимодействия родовых преданий и ранней средневековой историографии, т.к. история этого рода постоянно находилась в фокусе внимания армянских авторов. Мамиконяны — владетели обширных областей Тарона и Тайка, наследственные главнокомандующие (спарапеты) армянского войска, наставники и регенты царевичей и правители страны после падения династии Аршакидов — были лидерами в борьбе за независимость Армении против Сасанидского Ирана, а позднее Арабского халифата³⁰.

²⁹ Лихачёв Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 29.

³⁰ Арутюнова-Фиданян В.А. Родовое предание. С. 12.

Исследователь творчества Мовсеса Хоренаци³¹ Г.Х. Саркисян рассматривает его сочинение как органическое слияние больших и малых хронологических систем, как суперсистему, отличающуюся стройностью, целостностью и соразмерностью. Система эволюции нахарарских родов слагается из полусотни субсистем — линий развития отдельных домов, переплетающихся друг с другом. Историк исследует происхождение, владения, права и обязанности при царском дворе и деяния видных аристократов, периоды подъема и упадка их фамилий. Мовсеса справедливо называют «историком армянского нахарарства»³².

Ключевую роль в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци играют Багратиды. Уделяя Мамиконянам гораздо меньше внимания, чем Багратидам, Мовсес Хоренаци приводит всё же легенду о происхождении рода Мамиконянов. Сдержанность Мовсеса Хоренаци по отношению к Мамиконянам является одним из аргументов в длительной полемике о времени создания «Истории Армении» в пользу ее позднего происхождения. Р. Томсон, возродивший и даже усиливший в конце 70-х годов XX в. гиперкритицизм Гр. Халатянца (вторая половина XIX в.), считает Мовсеса автором VIII в.³³ Однако целый ряд исследований (И.А. Орбели, С.Т. Еремяна, Л.Г. Хачикяна, Б.Б. Пиотровского, Г.Б. Джаукяна, И.М. Дьяконова и др.), суммированных в работах Г.Х. Саркисяна (который считает вспышку гиперкритицизма анахронизмом), возвращает Мовсеса в V в.³⁴ Г.Х. Саркисян отмечает, что гиперкритики XX в. отказались, по крайней мере, от одной из своих главных позиций: Р. Томсон, например, не считает фольклорные материалы Мовсеса Хоренаци подделкой (как его предшественники) и даже положительно оценивает использование этих материалов в «Истории Армении»³⁵.

Для целей нашей работы важно, что труд Мовсеса Хоренаци разительно отличается от сочинений Корюна, Елише, авторов «Бу-

³¹ *Мовсес Хоренаци. История Армении / Критич. текст и предисл. М. Абеяна и С. Арутюняна; Факсим. изд. с дополнениями А.Б. Саргсяна. Ереван, 1991 (далее: Мовсес I); Мовсес Хоренаци. История Армении / Пер. с древнеарм. яз., введ. и примеч. Г.Х. Саркисяна. Ереван, 1990 (далее: Мовсес II).*

³² Мовсес II. С. XXI–XXII.

³³ Н.Я. Марр, И. Маркварт, Н. Адонц, Я. Манандян относили Мовсеса Хоренаци к VII, VIII и даже IX в. Н.Г. Гарсоян, соглашаясь с датировкой Р. Томсона, предполагает все же наличие раннего прототипа (*Garsoïan N.G. L'Histoire attribuée à Movsés Xorenatsi: que reste-t-il en dire? // REA. 2003–2004. Т. 29. P. 29–49*).

³⁴ Мовсес II. С. XXIII–XXXVI.

³⁵ Там же. С. XXXV.

зандарана» и Лазара Парпеци, и что Мовсес, несомненно, писал позднее, т.к. использует их работы.

Мовсес Хоренаци — первый общеармянский историк — пользуется всеми доступными ему источниками (как и современные исследователи), в них входят Библия, греческая и латинская литература, сирийская историография, уже упомянутые храмовые и придворные хроники, разрядные грамоты, труды предшествующих армянских историков (Агафангел, Корюн, «Бузандаран»), а также эпиграфика, памятники материальной культуры, язык (так называемая народная этимология) и, более всего, устная традиция: мифы, исторические предания, генеалогические легенды³⁶. Устная традиция в сочинении Мовсеса Хоренаци претерпевает значительные метаморфозы.

Вся первая часть «Истории» Мовсеса — это умело расположенные мифы (старательно демифологизированные) и социогенетические предания, сплетенные с библейскими сюжетами. Древнейший (индоевропейский) гимн о Вахагне, например, становится преданием о герое, впоследствии обожествленном, т.е. миф переходит в эпос, становясь в один ряд с историческими и библейскими преданиями. Первая книга «Истории» Мовсеса названа «Родословием Великой Армении» и содержит: 1) сказания о Хайке и Араме; 2) повествование о чужеземном владычестве (сказание о Шамирам и Ара Прекрасном); 3) имена ряда царей из рода Хайкидов, эпос о Тигране Великом и гимн о Ваагне. Труд Мовсеса Хоренаци, по существу, — единственный армянский источник о генезисе армянского народа, он использует устную историю Армении, включая ее во всеобщую (библейскую) историю и помещая родоначальника Хайка в библейские генеалогии³⁷.

По глубокому замечанию Н.Я. Марра, «сама церковь, примирившись с устаревшими в ней переживаниями древней, искони народной религии, становится национальной»³⁸. Армяне не столько вошли в новый христианский мир, сколько стали его важной составляющей. Переход от язычества к христианству — обычно коренная

³⁶ *Moses Khorenatsi. History of the Armenians / Transl. and commentary on the literary sources by R.W. Thomson. Cambridge (Mass.); L., 1978. P. 10–61 («Moses and his sources»).*

³⁷ О древнейшей истории армянского народа у Мовсеса Хоренаци см.: Мовсес II. С. XXXVI–XLI.

³⁸ *Марр Н.Я. Кавказ и памятники духовной культуры // Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 1995. С. 43.*

ломка менталитета и появление новой культуры. Мовсес Хоренаци констатирует крушение дохристианской армянской цивилизации, но, вместе с тем, он сохраняет, в определенной степени, часть ее духовной культуры — армянскую мифологию и некие апелляции к мифическим временам для доказательства сакральной природы социально-политических структур и генеалогий.

Мовсес Хоренаци включает родоначальника и эпонима армян Хайка в библейскую родословную, в линию потомков сына Ноя — Яфета. Хайк и его род («с приставшими к нему пришельцами и всем людом и скарбом») переселились в «страну Арарадскую» (не Айрарат центральной Армении, а Арарат — область к югу от оз. Ван), он подчиняет живших там людей, строит там дом и отдает его своему внуку Кадмосу, сыну Араманеака. Сам он пошел «с остальными людьми» на северо-запад и поселился на высокогорной равнине, назвав ее Харк, а люди, которые прежде жили там покорились Хайку, что «подтверждают упомянутые устные предания»³⁹. За несколько поколений до Хайка область юго-западной части нагорья, по Мовсесу Хоренаци, была заселена потомками Сима, еще одного из сыновей Ноя, а один из младших сыновей Сима, давшего имя горе Сим или Сев Кар⁴⁰, Тарбан поселился с тридцатью сыновьями, пятнадцатью дочерьми и их мужьями в области, названной его именем⁴¹. Тарбан таким образом становится эпонимом доармянских жителей Тарона, а Мовсес Хоренаци объясняет один из самых архаичных топонимов Армении, не упоминая языческого имени бога грома (Тарон)⁴².

Индоевропейские элементы армянского эпоса изучались М. Абе-гянном, С. Арутюняном, Г. Джаукяном, С. Ахяном, Ж. Дюмезилем, В. Ивановым, А. Петросяном и др., которые полагают, что армянские этногонические и эпические легенды — это проявление единой мифологической схемы с индоевропейскими характеристиками⁴³. Мовсес Хоренаци считает мифы аллегориями и располагает преда-

³⁹ Мовсес II. С. 19.

⁴⁰ Группа гор Армянского Тавра к югу от Муша.

⁴¹ Мовсес I. С. 26.

⁴² *Арутюнова-Фиданян В.А.* Божество грома в Тароне // Вестн. Правосл. Свято-Тихоновского ун-та. Сер. III. 2008. № 4 (14). С. 11–25.

⁴³ Наиболее яркие параллели индоевропейскому основному мифу предлагает эпос «Сасна црер», менее всего подвергшийся трансформации под пером средневековых книжников, т.к. он был записан в конце XIX в. (*Петросян А.* Армянский эпос и мифология. Истоки. Миф и история. Ереван, 2002. С. 4–5, 134–146, 150–158, 164–170).

ния, следуя собственным представлениям о логике сюжетов, создав таким образом историю древнейшего периода армянского народа — «Начальную историю». В сочинении Мовсеса Хоренаци отражен комплекс сюжетов и образов доэтногенетического периода и эпохи генезиса армянского народа, сложившихся под влиянием различных этнокультурных преданий. Ряд основных мифологем — это борьба астрального лучника и охотника с демоном тьмы; умирающее и воскресающее божество; герой, заключенный в пещеру; легенды о близнецах. Метаистория, существующая вне времени, преобразовывается в историю героического эпоса, а хтонические демоны трансформируются в конкретных врагов, демонстрируя противостояние «своих» и «чужих». Миф о борьбе астрального героя Хайка против солярного бога семитов Бела переходит в эпос о войне первопредка армянских племен против вавилонского деспота. Миф о войне Арама из потомства Хайка с Баршаминном, богом неба и солнца семитов, трансформируется в войну эпического героя Арама с сирийцем Баршаминном, а затем в борьбу протоармян с Ассирией, Каппадокией, Мидией. Миф об Ара Прекрасном и Шамирам — становится эпосом о войне царства Урарту (в которое входили и протоармянские племена) с Ассирией. Миф о борьбе бога грома с драконом переходит в эпос об Артавазде и вишапидах (драконидях), т.е. о войне армян с мидянами. Основные противники армянских этногонических, а затем и эпических героев — это южные соседи Армении, и потому Армянский Тавр, южная граница Тарона, в то же время отделяет от всей Армении враждебный ей мир. Тавр (ταῦρος) — бык, синоним бога грозы, ведущего божества всех индоевропейских и более поздних пантеонов.

В армянской устной традиции, вошедшей в армянскую историографию, отражена бинарность армянской мифологии и эпоса. Очень важно наблюдение, что в оппозиции «свои» — «чужие» этноним «армяне» (протоармяне, *hayk'*, хаи, что бы этот этноним ни означал на протяжении столетий и даже тысячелетий) безразличен ко времени и пространству, в то время как «чужие» в устной традиции, а затем и в письменной, меняются вместе со временем (вавилоняне, затем ассирийцы, мидяне, сирийцы, персы, арабы)⁴⁴.

⁴⁴ Арутюнян С. Основные черты древнеармянской мифологии // ИФЖ. 2006. № 3. С. 57–65. С. Арутюнян считает, что модель мира древнеармянской устной традиции — это борьба протоармян или армян против завоевателей за независимость, а также созидание (т.е. стремление к созданию устойчивых структур: страны, государственности, общества). Эта модель воплощена, как полагает автор,

Задачей настоящей статьи являлась попытка рассмотреть механизмы перехода устной истории в письменную непосредственно после изобретения алфавита. За рамками краткого очерка, разумеется, остаются многочисленные дискуссионные вопросы, касающиеся памятников историографии «золотого века», поскольку здесь важен только один аспект этих сочинений, который, кстати сказать, никогда не подвергался сомнению и не становился предметом дискуссий, а именно — огромная роль устной традиции в становлении и развитии армянской литературы V в.⁴⁵ Ни в коей мере не намереваясь включаться в вековые споры о времени жизни и творчества Мовсеса Хоренаци, хочу отметить, что он, разумеется, работал позднее летописцев V в., т.к. пользовался их трудами. Но — насколько позднее? До сих пор ни тщательный разбор «вставок» и «анахронизмов», ни длинные перечни «займствований» не подкрепили достаточно надежно позднюю датировку труда Мовсеса. И особенно ненадежен метод аналогий. Анализ и обработка источников, введение хронологии и оригинальная трансформация дохристианских преданий ставят Мовсеса Хоренаци на особое место среди всех армянских средневековых историков как «золотого» (V в.), так и «серебряного» века (X–XII вв.). И если принять мнение, что грандиозный труд Мовсеса Хоренаци с его концепцией всеармянской истории и нормами литературного творчества возник к концу V в., то это произведение, в особенности «Начальная история», плод не только гения автора, но и его собственной методики обработки устных преданий. И с этой точки зрения Мовсес Хоренаци не похож ни на своих предшественников, ни на преемников.

Предшественники Мовсеса Хоренаци, первые историографы V в., одинаково используют родовые предания и героическую устную историю, основанную на конкретных фактах, изложенных в соответствии с требованиями фольклорных формул и этикетных установок. Эти авторы не претендуют на включение истории Армении во всеобщую историю, событийный ряд, отраженный в

не только в мифологии и эпической поэзии, но в историографии и литературе с Древности до Нового времени (Там же. С. 65). Ср. также: Саркисян С. Веравания, религия, культы и пантеон богов древних армян. Ереван, 2001 (на арм. яз.).

⁴⁵ В последнее десятилетие даже гиперкритики Мовсеса Хоренаци не настаивают на том, что использованные им предания являются вымыслом автора (см. выше примеч. 36).

их сочинениях обычно точен⁴⁶, но описания событий Персидской войны и ее персонажей, а также христианизации и ее деятелей, внутренних коллизий в стране и т.п. не прошли обычного пути «миф–эпос–история». Языческий миф был отсечен самими авторами, а повествование о реальных исторических событиях облекалось в привычную эпическую форму устных преданий. Слишком короток был путь от конца IV до второй половины V в. для изменений, приращений, контаминаций, характерных для более поздних исторических сочинений. Мы наблюдаем феномен рассказов очевидцев, дошедших до авторов «Бузандарана», Елише и Лазара Парпеци в рамках устной истории, только что передавшей свой трон историографии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абегян М.* История древнеармянской литературы. Ереван, 1975.
- Адоңц Н.* Исторические исследования. Париж, 1948 (на арм. яз.).
- Арешиатян С.С.* Формирование философской науки в древней Армении (V–VI вв.). Ереван, 1973. С. 141–227.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Родовое предание и ранняя историография: «Вторичный» эпос // ДГ, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 9–27.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* «Повествование о делах армянских» (VII в.). Источник и время. М., 2004.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Божество грома в Тароне // Вестн. Правосл. Свято-Тихоновского ун-та. Сер. III. 2008. № 4 (14). С. 11–25.
- Арутюнян С.* Основные черты древнеармянской мифологии // ИФЖ. 2006. № 3. С. 37–65.
- Джаукян Г.Б.* Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам. Ереван, 1964.
- Джаукян Г.Б.* О соотношении хайасского и армянского языков // ИФЖ. 1988. № 1. С. 60–88.
- Елише.* О Вардане и армянской войне / Подгот. к печати и предисл. Е. Тер-Минасяна. Ереван, 1957 (на др.-арм. яз.).
- Еремян С.Т.* Племенное объединение армян в стране Арме-Шубрия // ИФЖ. 1958. № 3 (на арм. яз.).
- Еремян С.Т.* Процесс формирования армянского народа // ИФЖ. 1968. № 2 (на арм. яз.).

⁴⁶ Верифицируется иноязычными источниками, правда с несколько иными акцентами, ср., например, разные характеристики царя Папа в «Бузандаране» и у Аммиана Марцеллина (The Epic Histories. P. 397–398).

- Еремян С.Т.* История армянских племен в стране Арме-Шубрия // История армянского народа. Ереван, 1971. Т. 1. С. 230–245 (на арм. яз.).
- Иванов Вс.* Выделение разных хронологических слоев в древнеармянском и проблема первоначальной структуры текста гимна Ва(х)агну // ИФЖ. 1983. № 4 (103). С. 22–43.
- История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с древнеарм. и коммент. М.А. Геворгияна; Под ред. С.Т. Еремяна; Вступ. статья Л.С. Хачикяна. Ереван, 1953.
- Культура раннефеодальной Армении (IV–VII вв.). Ереван, 1980.
- Лазар Парпеци.* История Армении. N.Y., 1985 (на др.-арм. яз.).
- Лихачёв Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
- Март Н.Я.* Кавказ и памятники духовной культуры // Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 1995.
- Мелик-Оганджянян К.А.* О принципах историзма в изучении фольклора по материалам армянского народного эпоса. «Давид Сасунци» // ИФЖ. 2006. № 2.
- Мовсес Хоренаци.* История Армении / Пер. с древнеарм. яз., введ. и примеч. Г.Х. Саркисяна. Ереван, 1990.
- Мовсес Хоренаци.* История Армении / Критич. текст и предисл. М. Абеяна и С. Арутюняна; Факсим. изд. с дополнениями А.Б. Саргсяна. Ереван, 1991.
- Петросян А.* Армянский эпос и мифология. Истоки. Миф и история. Ереван, 2002.
- Путилов Б.Н.* Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. М., 1975.
- Путилов Б.Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.
- Раевский Д.С.* Мир скифской культуры. М., 2006.
- Репина Л.П.* Память и историописание // История и память. М., 2006.
- Саркисян С.* Вера, религия, культы и пантеон богов древних армян. Ереван, 2001 (на арм. яз.).
- Тер-Петросян Л.* Древнеармянская переводная литература. Ереван, 1971. Фавстоса Бузандаци История Армении. СПб., 1883 (на арм. яз.).
- Cornford F.M.* Principium sapientiae. The Origins of Greek Philosophical Thought. Cambridge, 1952.
- Cornford F.M.* From Religion to Philosophy. A Study in the Origins of Western Speculation. N.Y., 1957.
- Garsoïan N.G.* L'Histoire attribuée à Movsés Xorenatsi: que reste-t-il en dire? // REA. 2003–2004. Т. 29.
- The Epic Histories Attributed to P'awstos Buzand (Buzandaran Patmutiwnk) / Transl. and commentary by N.G. Garsoïan. Cambridge (Mass.), 1989.
- Finck F.N.* Geschichte der armenischen Literatur // Geschichte der christlichen Literaturen des Orients. Leipzig, 1907.

The History of Łazar Parpeċi / Transl., intr., app. by R.W. Thomson. Atlanta (Ge.), 1991.

Mathews E.G. The life of Maštoċ as an encomium // REA. 1993. T. 24. P. 443–450.

Moses Khorenatsĭ. History of the Armenians / Transl. and commentary on the literary sources by R.W. Thomson. Cambridge (Mass.); L., 1978.

Thomson R.W. A Bibliography of Classical Armenian Literature to 1500 AD. Turnhout, 1995.

Viada A. Arutyunova-Fidanyan

ORAL TRADITION IN THE ARMENIAN HISTORIOGRAPHY: ON
THE MECHANISMS
OF CULTURAL CONTINUITY

The mechanisms of interaction of oral and written traditions still lack a detailed study, especially when we speak of the earliest stages of such interaction. The author studies this problem on the material of the Armenian historiography of the fifth century A.D. The predecessors of Movses Khorenatsi, the first historiographers of the fifth century, equally used family oral tradition and heroic oral history based on real facts but narrated according to folkloric formulae and etiquette standards. These authors had no claims to include the Armenian history into the history of the world. The set of events reported by them was basically correct, but the descriptions of the Persian war and its heroes, as well as of the Conversion and its figures, the inner troubles in the country, etc., had not overcome the usual way from *myth* via *epic* to *history*. The pagan myth was eliminated by the authors themselves, and the narration of real historical events was couched in the habitual epic form of oral legends. The way from the late fourth to the second half of the fifth century was too short for changes, increases, and contaminations typical for later historical works. We can observe the phenomenon of the eye-witness stories presented by the authors of *Buzandaran*, Elishe, and Lazar Parpetsi within the framework of oral history, which had just now passed its throne to historiography.

Key words: Armenia, historical writing, oral tradition, writing, Movses Khorenatsi, *Buzandaran*, Elishe, Lazar Parpetsi

Н.Ю. Живлова

ГЕНЕАЛОГИИ И РАННЕЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ В ИРЛАНДИИ

В статье рассматриваются генеалогии как источник по истории раннесредневековой Ирландии. Античные историки указывают на важность генеалогий для кельтов; обширный корпус генеалогических текстов известен для Уэльса в Средние века и раннее Новое время. У ирландских и валлийских генеалогий есть ряд общих черт, таких как наличие отдельных генеалогий святых и генеалогий по женской линии.

Несмотря на обилие письменных текстов, в Ирландии вплоть до XI–XII вв. практически не предпринималось попыток создать исторический нарратив, посвященный истории страны после христианизации. Поэтому, а также благодаря их огромному объему, для Ирландии генеалогии остаются одним из ключевых исторических источников. Они позволяют изучать как политическую историю (междинастические браки, наследование), так и социальную: в символической форме, через отношения легендарных предков, они показывают иерархию племен и династий в момент, когда они составлялись. Существенную трудность при изучении генеалогий представляет то, что их постоянно изменяли и переделывали, приспосабливая к менявшимся реалиям. При этом неизбежно возникали противоречия между различными изводами генеалогий, которые позволяют выявить отдельные стадии редактирования генеалогических текстов. В статье прослеживается история древнейших генеалогических текстов (как поэтических, так и прозаических) из разных регионов Ирландии (Лейнстер, Мунстер, Север), связь генеалогий с юридическими и другими памятниками и роль генеалогий в легитимизации королевской власти в раннесредневековой Ирландии.

Ключевые слова: Ирландия, Уэльс, Средние века, ирландские генеалогии, королевская власть, Уи Нейллы, Эоганахта

«Ирландская литература — древнейшая в Европе литература на одном из национальных языков; наши самые ранние памятники восходят к VI в. И в этот момент мы видим не зачатки литературы, но полный расцвет длительной традиции — дохристиан-

ской, дописьменной и не подвергшейся влиянию греко-римского мира»¹, — писал в 1963 г. индоевропеист К. Уоткинс. За прошедшие пятьдесят лет степень влияния античной и христианской культуры на ирландскую оценивалась различно (многие современные исследователи не согласны с Уоткинсом), но осознание важности ирландских источников для решения различных проблем — как лингвистических, так и исторических — только возрастает.

Как писал Т.М. Чарльз-Эдвардс, «исследователя, который переходит от раннесредневековой континентальной Европы к Ирландии того же времени, должны поразить три вещи: сколько сохранилось письменного материала; сколько этого материала — на национальном языке; и какое малое количество из этого предназначено для выполнения задач, которые обычно исполняют более утилитарные письменные документы в древних, средневековых или более поздних письменных обществах»². Действительно, количество средневековых ирландских текстов на древне- и среднеирландском языке очень велико и по своему характеру они весьма разнообразны: поэзия, саги и псевдоисторические тексты, агиография, генеалогии, «старина мест» (*dindsenchas*), анналы, — и практически везде содержится какая-то историческая информация. Очень рано (не позднее рубежа VI–VII вв.) возникает литература на латинском языке (латинскими были древнейшие записи в анналах, наиболее древние жития) и духовная поэзия³. При этом и характер, и подача этой информации, действительно, зачастую сильно отличаются от того, к чему привыкли медиевисты, изучающие историю других стран. «Утилитарные» письменные документы — дарения, завещания, хартии⁴ и тому подобное — действительно практически отсутствуют или появляются очень поздно.

Продолжая мысль Чарльза-Эдвардса, можно отметить, что средневековой ирландской традиции свойственны еще две особенности. Во-первых, среди всего этого многообразия практически нет нарративных текстов, которые описывали бы более или менее со-

¹ Watkins C. Indo-European Metrics and Archaic Irish Verse // *Celtica*. 1963. Vol. 6. P. 217.

² Charles-Edwards T.M. The context and uses of literacy in early Christian Ireland // *Literacy in Medieval Celtic Societies*. Cambridge, 1998. P. 62.

³ Общий обзор по этому вопросу можно найти в: *Ní Dhonnchadha M.* The beginnngs of Irish vernacular tradition // *L'Irlanda e gli Irlandesi nell'alto Medioevo*, Spoleto, 16–21 aprile 2009. Spoleto, 2010. P. 533–600.

⁴ Ирландские жалованные грамоты донормандского времени исчисляются единицами и практически все они относятся к XI–XII вв., см.: *Broun D.* The Charters of Gaelic Scotland and Ireland in the Early and Central Middle Ages. Cambridge, 1995. (Quiggin Pamphlets on the Sources of Mediaeval Gaelic History; 2). P. 32–40.

временные события или хотя бы события недавней истории. Во-вторых, практически все виды текстов так или иначе пронизаны генеалогическими сведениями.

Редким исключением из этих правил являются анналы — пожалуй, наиболее «европейские» по форме произведения ирландской средневековой историографии⁵. Анналистические записи появляются, скорее всего, во второй половине VI в. Записям ирландских анналистов свойственна крайняя сжатость, отсутствие побочной информации (мотиваций персонажей, обстоятельств действий), отсутствие ретроспективности (анналист никогда не указывает, например, что то или иное действие того или иного персонажа обусловлено предшествующими событиями)⁶. Для анналов характерны точные указания на происхождение лица (имя отца, название племени/территории) и место действия, но в то же время длинных генеалогических перечней (далее имени деда) в анналах практически нет.

Агиографические сочинения возникают в начале VII в. (может быть, чуть раньше); описывая деяния святых, жития являются при этом и историческими текстами. В ирландской агиографии практически отсутствуют примеры написания житий людьми, близкими по времени к святому; святой обычно — деятель отдаленного (100 лет и более) прошлого. Ближе всего к объекту своего описания, вероятно, стоял Адомнан (родившийся в 624 г.; он пишет о Колумбе, умершем в 597 г.); Когитоз и другие авторы житий Бригиты писали в середине VII в. о святой, жившей (если вообще существовавшей) в первой половине VI в.; авторы первых житий Патрика — Муирху и затем Тирехан — писали в третьей четверти VII в. о Патрике, жившем в V в.; даже древнейшие жития VIII в. преимущественно

⁵ Библиография публикаций по ирландской анналистике достаточно обширна. Можно указать на следующие основные работы: *Smyth A.P.* The Earliest Irish Annals: Their First Contemporary Entries, and the Earliest Centers of Recording // *PRIA*. 1972. Vol. 72C. P. 1–48; *Mac Niocall G.* The Medieval Irish Annals. Dublin, 1975; *Dumville D.N., Grabowski K.* Chronicles and annals of mediaeval Ireland and Wales: The Clonmacnoise-group Texts. Woodbridge, 1984 (Studies in Celtic History; 4); *Evans N.* The present and the past in medieval Irish chronicles. Woodbridge, 2010. (Studies in Celtic History; 27). См. также реконструкцию текста «Хроники Ирландии» до 911 г. (на английском языке), выполненную Т.М. Чарльзом-Эдвардсом: *Charles-Edwards T.M.* The chronicle of Ireland. Liverpool, 2006. (Translated texts for historians; 44).

⁶ *Radner J.N.* Early Irish historiography and the significance of form // *Celtica*. 1999. Vol. 23. P. 313–314.

описывают святых VI в. Деяния святого, его отношения с королями, королевами и другими представителями местной знати служат объяснением современной автору жития исторической ситуации: встреча со святым определяет судьбу династии и в какой-то мере также затрагивает генеалогию королевского дома⁷. Определенное место в житии уделяется и генеалогии самого святого; возникают отдельные корпусы генеалогий святых. Наличие генеалогического материала в житиях и отдельные генеалогии святых характерны как для ирландской, так и для средневековой валлийской культуры (см. ниже).

Говоря о начале историописания в Ирландии, мы выбрали основной темой нашего обзора именно генеалогии потому, что они относятся к числу древнейших текстов в ирландской культуре, будучи записанными в начале VII в., а может быть, и раньше (предполагали, что некоторые фрагменты могут восходить к концу V в.). Средневековые ирландские генеалогии являются, пожалуй, наименее изученным, но в то же время потенциально невероятно информативным типом текстов. В данной работе мы попытаемся очертить роль генеалогий в возникновении ирландского историописания, проведя при этом параллели с функционированием генеалогий в других кельтских культурах, прежде всего валлийской.

⁷ Ирландская агиографическая традиция является предметом множества исследований, различных как по качеству, так и по сфере охвата материала. Основным справочным изданием остается: *Kenney J.F. The sources for the early history of Ireland; an introduction and guide.* N.Y., 1929. Vol. 1: Ecclesiastical; которое дополняет: *Lapidge M., Sharpe R. A Bibliography of Celtic-Latin literature, 400–1200.* Dublin, 1985. Среди других значимых работ, специально посвященных ирландской агиографии, следует в первую очередь назвать: *Herbert M. Iona, Kells, and Derry: The History and Hagiography of the Monastic Familia of Columba.* Oxford, 1988; *Sharpe R. Medieval Irish Saints' Lives. An Introduction to Vitae Sanctorum Hiberniae.* Oxford, 1991. К сожалению, генеалогический материал используется в работах по ирландской агиографии редко и не всегда удачно. Особенно печальный пример — недавний справочник П. О Риана, признанного авторитета в области агиографии: *Ó Riain P. A Dictionary of Irish Saints.* Dublin, 2011. Реконструируя «досье» святого, автор использует как равноценные источники мартирологии IX в., генеалогии X в., стихотворные генеалогии святых XIV в., публикации ирландских католиков XVII в., ранние и поздние (от VII до XVII в.) жития и приходские предания, собранные в XIX в. Читатель вынужден самостоятельно проработать все материалы, на которые ссылается автор, чтобы составить сколько-нибудь адекватное представление об агиографической традиции, связанной с тем или иным святым. Фактически словарь О Риана трудно даже назвать научной работой.

В ирландском и валлийском обществе генеалогии сохраняли свое значение на протяжении всего Средневековья вплоть до раннего Нового времени, причем в такой степени, что посторонним наблюдателям это казалось странным и анахроничным. Англичанин, побывавший в северном Уэльсе в конце XVI в., рассказывал, что по воскресеньям и праздникам прихожане собираются слушать арфистов, которые поют им «песни о деяниях их Предков», и сами валлийцы рассказывают свои родословные, «как каждый из них происходит от тех древних государей»⁸. Англичанин Ричард Хэд, рассказывая о своем путешествии по Ирландии в 1672–1674 гг., говорил об ирландцах: «слабое пиво кружит им голову и заставляет их языки постоянно работать; они не говорят ни о чем, кроме родословных, становятся задиристыми, лягаются пятками и могут лишиться чулок и туфель»⁹. В XVI–XVII вв. лояльность ирландцев-католиков династии Стюартов обретала генеалогическое обоснование: генеалогия Стюартов возводилась к королям Ирландии¹⁰. При этом традиционно отмечалась важность происхождения как по мужской, так и женской линии. Со стороны матери, Марии Стюарт («Mainne [*sic*] inghéan Sheamuis»), Иаков I происходил от североирландской династии Дал Риады, от Эремона, а со стороны отца, Генри Дарнлея из рода графов Леннокс («...Henrí Stiobhard .i. Fear Mhaire... mhic Matú iarladh Linox») ¹¹, которые возводили себя к южноирландской династии Эоганнахта, — от Эбера¹²; подобные построения сохраняли

⁸ Powell N.M.W. Genealogical narratives and kingship in medieval Wales // Broken Lines: Genealogical Literature in Medieval Britain and Francey. Turnhout, 2008. P. 175.

⁹ Ó Muraíle N. The Celebrated Antiquary Dubhaltach Mac Fhirbhisigh (c. 1600–1671): His Lineage, Life and Learning. Maynooth, 2002. P. 158.

¹⁰ Ó Buachalla B. Na Stíobhartáigh agus an t-aos léinn: Cing Séamas // PRIA. 1983. Vol. 83C. P. 126.

¹¹ Geinealaígh Feámanach // Analecta Hibernica. 1931. N 3. P. 68–70.

¹² Если происхождение Марии Стюарт от Аздана, сына Габрана (хотя и по женской линии) было вполне реальным, то происхождение Ленноксов от королев Мунстера, скорее всего, было средневековой легендой. Ирландские генеалогии упоминают сына Корка, предка династии Эоганнахта, по имени Кайрпре, от которого происходят «Эоганнахта Маг Гергинн в Альбе (Шотландии)» (CGH 148 а 30–32); о связи Эоганнахта конкретно с Ленноксами, видимо, первым заговорил поэт Муйредах Албанах О Далах в поэме, посвященной лорду Леннокса Алуно Огу в начале XIII в. (Brown D. The Birth of Scottish History // The Scottish Historical Review. 1997. Apr. Vol. 76, N 201, part 1: 'Writing Scotland's History': Proceedings of the 1996 Edinburgh Conference. P. 8–9).

свою актуальность до конца XIX в.¹³ Огромный интерес к ирландским генеалогиям сохраняется до сих пор, особенно среди потомков ирландских эмигрантов в США.

Из-за необходимых ограничений, накладываемых объемом и задачами этой работы, мы не будем затрагивать вопроса о соотношении устной и письменной традиции в передаче генеалогий; эта тема рассматривалась в свете антропологических исследований по функционированию генеалогий в традиционных обществах в работах Д. Дамвилла¹⁴, Д. О Корраня¹⁵, Д. Торнтон¹⁶. По тем же причинам мы не рассматриваем и вопрос о роли ученых классов (филидов) в передаче традиции. Можно лишь отметить, что, поскольку в древнеирландском обществе имелся особый класс профессионалов, занятых сохранением и передачей традиции (в том числе генеалогий), и при этом нет никаких обоснованных сомнений в том, что такой класс существовал и до христианизации Ирландии и появления христианской письменной традиции (какую-то часть этих функций могли выполнять друиды), рассуждения на тему о том, какую длину «обычно» имеют и как функционируют генеалогии в традиционном (африканском, например) обществе, где таких специалистов нет, кажутся не слишком полезными¹⁷.

¹³ «Можно спросить — Зачем же проследить в этой Работе генеалогию нынешней Королевской Семьи Великобритании и Ирландии; поскольку непосредственные предки королевы Виктории были Германскими Князьями, которые никоим образом не были связаны с Ирландией. Я бы ответил, что, поскольку Королева Виктория имеет *ирландское происхождение по прямой линии*, поэтому в Ирландских Родословных я проследил Генеалогию Ее Величества»: *O'Hart J. Irish Pedigrees; or, The Origin and Stem of the Irish Nation. Dublin, 1892. Vol. 1. P. xvi.* В этом издании, основанном на компиляциях XVII–XVIII вв. (Мак-Фирбиса, О'Клери и О'Фаррелла), родословные ирландских фамилий от Адама, сыновей Миля и т.д. доведены до 1880-х годов.

¹⁴ *Dumville D.N. Kingship, Genealogies and Regnal lists // Early medieval kingship. Leeds, 1977. P. 72–104.*

¹⁵ *Ó Corráin D. Irish Origin Legends and Genealogy: Recurrent Aetiologies // History and Heroic Tale: A Symposium. Proceedings of the Eighth International Symposium organized by the Centre for the Study of Vernacular Literature in the Middle Ages. Held at Odense University on 21–22 November, 1983. Odense, 1985. P. 51–96; Idem. Creating the Past: The Early Irish Genealogical Tradition. Carroll Lecture 1992 // Peritia. 1998. Vol. 12. P. 177–208.*

¹⁶ *Thornton D.E. Orality, literacy and genealogy in Early Medieval Ireland and Wales // Literacy in medieval Celtic societies. Cambridge, 1998. P. 83–98.*

¹⁷ «Преподавание — редкость в дописьменных обществах, а профессиональные классы ученых встречаются еще реже»: *Dumville D.N. Kingship, Genealogies and Regnal lists. P. 88.*

Античные авторы отмечают, что генеалогии были очень важны для древних *кельтов* (в частности, *галлов*), постоянно пересказывались и определяли место человека в обществе. Так, Диодор Сицилийский сообщает, что перед битвой кельты «воспевали подвиги (своих) предков (τῶν προγόνων)»¹⁸.

Включение кельтских племен в средиземноморский мир сопровождалось и переработкой генеалогической традиции: частью *interpretatio Romana* стали генеалогические связи между кельтами и другими народами античности. Диодор сообщает, что кельты были потомками Геракла и дочери некоего жившего в Кельтике «прославленного человека»: она родила Гераклу сына по имени Галлат¹⁹. Как и в случае со скифами, это был еще один способ включения галлов и других народов Европы в греческий мир²⁰. Уже Цезарь упоминает о том, что эдуев «сенат часто именовал братьями и единокровными» и именно поэтому его, Цезаря, обязанностью было защитить их от германцев²¹. Видимо, распространено было и включение кельтов в троянскую легенду: Лукан сообщал, что арверны осмеливались называть себя братьями римлян, заявляя о своем троянском происхождении²²; такие попытки предпринимали и другие галльские племена²³.

Среди *бриттов* предания, связывающие их с античным миром и, в частности, с троянским мифом (у Энея рождается сын Сильвий, у Сильвия — Бритт, предок бриттов), появляются в Средневековье, но, возможно, они зародились уже в поздней античности, о чем могут свидетельствовать отдельные упоминания римских и доримских персонажей в средневековой валлийской традиции (см. ниже). В сочинении Гильды «О гибели Британии» (начало VI в.) автор в главе 4 говорит, что не собирается рассказывать о Британии до прихода римлян, о языческой религии, идолах, поклонении горам, холмам и рекам и «о древних годах отвратительных тиранов,

¹⁸ Diod. V. 29. 3.

¹⁹ Diod. V. 24.

²⁰ *Roymans N. Ethnic Identity and Imperial Power: The Batavians in the Early Roman Empire.* Amsterdam, 2004. P. 239 ff.

²¹ BG. I. 33.

²² Подробнее см. в: *Braund D.C. The Aedui, Troy, and the Apocolocyntosis // The Classical Quarterly.* N.S. 1980. Vol. 30, N 2. P. 420–425. О троянском родстве галлов упоминают также Аммиан Марцеллин и Сидоний Аполлинарий.

²³ *Roymans N. Ethnic Identity and Imperial Power.* P. 236–237.

которые получили известность и в других, далеко расположенных областях» («*vetustos immanium tyrannorum annos, qui in aliis longe positis regionibus vulgati sunt*»)²⁴. Гильда утверждает, что Британия «с тех пор, как была заселена (*ex quo inhabitata est*), неблагодарная, восставала — ныне против Бога, иногда против граждан, а подчас даже заморских царей и [их] подданных»²⁵. Слова Гильды, судя по всему, говорят о том, что в его время существовала уже какая-то версия истории о заселении Британии и ее доримских правителях. Более того, рассказ Гильды по отношению к этой версии намеренно полемичен — он не собирается повторять то, что рассказывают о своей истории бритты, подчеркивая отсутствие надежных письменных бриттских свидетельств и предпочитая черпать информацию из «заморского рассказа» («*transmarina relatio*»)²⁶.

Гильда пытался создать объективный, «реальный» образ бриттов, но в этом он остался одинок: средневековые бриттские книжники предпочитали рассказывать о благородном происхождении и доблестях бриттов, а не о поражениях и подчинении врагу²⁷. Сюжеты об «отвратительных тиранах» и «заселении острова» у Гильды опять-таки заставляют предполагать наличие какой-то схемы встраивания бриттов во всемирную историю. Возможно, речь идет о той троянской генеалогической легенде, с которой мы знакомы

²⁴ Гильда Премудрый. О гибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / Пер., вступ. статья и комм. Н.Ю. Чехонадской [Живловой]. М., 2003. С. 242–243. Дальнейшая ссылка Гильды на Порфирия (фактически на Иеронима) является фиктивной и не отменяет того факта, что речь в этом параграфе идет именно о каких-то доримских правителях, а не об узурпаторах III–V в., которых имел в виду Иероним.

²⁵ Там же. С. 241.

²⁶ Там же. С. 243. Мы полагаем, что под *transmarina relatio* Гильда имеет в виду не конкретный текст, а источники, созданные вне Британии в целом.

²⁷ «Гильда не дает своей общине узаконивающего мифа об основании (*a legitimizing foundation myth*). Существование бриттов не объяснено, и нет никаких намеков на то, как случилось, что они стали жить на острове, и как развивалось их общество. Для него бритты всегда жили на своем острове. Их существование и их общество настолько является нормой для Гильды, что он даже об этом не думает», — пишет А. Пласманн (*Plassmann A. Gildas and the Negative Image of the Sumptry // Cambrian medieval Celtic studies. 2001. Vol. 41. P. 14*). С этим утверждением, на наш взгляд, нельзя согласиться: Гильда как раз очень хорошо об этом подумал, полностью отверг распространенную в его время версию и написал свое сочинение с прямо противоположной точки зрения. А. Пласманн, конечно, права в том, что изображение у Гильды истории бриттов как отдельного народа (пусть и в негативном ключе) парадоксальным образом способствовало развитию национальной идентичности и самосознания.

по «Истории бриттов», приписывавшейся Неннию: у Энея родился сын Сильвий, у Сильвия — Бритт, предок бриттов. Имя «Сильвий» могло как напоминать римские реалии (мать Ромула и Рема — Рея Сильвия), так и служить связующим звеном с генеалогиями реальных знатных семейств позднеримской Британии: так, в конце IV в. известен британский поэт Сильвий Бон, упомянутый в эпиграммах Авзония.

* * *

*Валлийские генеалогии*²⁸ обозначаются терминами *bonedd* ‘генеалогия, благородное происхождение; знатный человек’, также *ach* (мн. ч. *achau*) ‘родство, генеалогия’. Они в основном датируются более поздней эпохой, чем ирландские²⁹. Хотя отрывки валлийской поэзии могут относиться к VI–VII вв.³⁰, в ней, в отличие от ирландской (как мы увидим ниже), практически не встречается пространственных перечислений предков прославляемого короля. Например, в «Сквозной песни Кинана» («*Trawsganu Cynan*») поэт, упоминая о том, что Кинан происходит из рода Каделла (*katellig*), называет только отца короля — Брохфаэла и деда — Кингана, прославляя их за то, что они расширяли свои владения³¹. О разработке исторической схемы, связывавшей бриттов с доримским и римским периодом, может говорить упоминание древних бриттских королев, например, в «Гододдине», где упоминаются «*Kunfelyn gasnar... vab Tescvann*» — «яростный Кинвелин» (Кунобелин), «сын Теквана»

²⁸ Основным изданием ранних валлийских генеалогий на данный момент является: *Bartrum P.C.* Early Welsh Genealogical Tracts. Cardiff, 1966 (далее: EWGT). П. Бартрам проделал огромную работу над валлийскими генеалогиями: более полно собранный им средневековый материал представлен в издании: *Bartrum P.C.* Welsh genealogies, A.D. 300–1400. In 8 vol. Cardiff, 1974; это издание в электронном виде доступно на сайте Университета Аберистуита: <<http://cadair.aber.ac.uk/dspace/handle/2160/4026>>.

²⁹ Валлийские генеалогии фиксируются позднее, чем ирландские: *Charles-Edwards T.M.* Wales and the Britons, 350–1064. Oxford, 2013. P. 359–364.

³⁰ О датировке древнейших валлийских стихотворных произведений см.: *Koch J.T.* When Was Welsh Literature First Written Down? // *Studia Celtica.* 1985–1986. Vol. 20–21. P. 43–66.

³¹ *The Poems of Taliesin* / Ed. and annotated by I. Willians. Dublin, 1968 (I, 15, 23). Русский перевод см. в: Траусгани Кинан / Пер. Н.Л. Сухачева // Из ранней валлийской поэзии. СПб., 2012. С. 114–117. Насколько рано Каделла стали считать предком династии Поуinsa, вопрос спорный (см.: *Charles-Edwards T.M.* Wales and the Britons. P. 448–452).

(Таскиованта)³². Таскиовант, правитель катувеллаунов, жил в конце I в. до н.э. (правил около 25 — около 10 г. до н.э.), Кунобелин, один из его преемников, правил приблизительно в 10–40 гг. н.э.³³ Вероятно, бритты узнали имена древних королей из римских источников, хотя не исключено, что воспоминания об этих доримских правителях отчасти подпитывались и тем, что оба они чеканили монету, причем Кунобелин на монетах называл себя сыном Таскиованта.

Впервые генеалогические перечни встречаются в «Истории бриттов», приписывавшейся Неннию (ок. 830)³⁴. Ненний называет родословную предка бриттов — Брута, сына «Сильвия, сына Аскания, сына Энея». Он также приводит родословную короля Теудубира, восходящую к «Вортигерну Тощему» (*Guorthigirn Guortheneu*), который, в свою очередь, происходил от Глойва — эпонима города Глостера (*Cair Gloiu*)³⁵. Рассказывая о сражениях бриттов с англосаксами, Ненний приводит также англо-саксонские генеалогии³⁶. Генеалогическим памятником IX в. является и так называемый «Столп Элисега», в надписи на котором король Повиса Кинген ап Каделл, прославляя своего прадеда Элисега, утверждает его происхождение от Магна Максима: «Бритту же, сын Гварти[герна], которого благословил (святой) Герман и которого родила ему Севера, дочь Максима [ко]роля, который убил короля римлян»³⁷.

Если версия, изложенная Кингеном, была хотя бы минимально правдоподобна (поскольку известно, что у Максима были пережившие его дочери), то в последующих версиях генеалогий появляются и сыновья императора (единственный сын Максима был казнен). Происхождение от Магна Максима помогает связать вал-

³² Подробнее см. в: *Koch J.T. Llawn en asseð* (CA 932) “The Laureate Hero in the War-Chariot”: some recollections of the Iron Age in the *Gododdin* // *Études Celtiques*. 1987. Vol. 24. P. 253–278.

³³ *Cunliffe B. Iron Age Communities in Britain: An Account of England, Scotland, and Wales from the Seventh Century BC Until the Roman Conquest*. L., 2005. P. 125–127.

³⁴ *Nennius. British history and the Welsh Annals* / Ed. J. Morris. L.; Chichester, 1980 (Cap. 10, 17, 18).

³⁵ *Ibid.* Cap. 49.

³⁶ *Ibid.* Cap. 57–65.

³⁷ BRITU A[U]T[E]M FILIUS GUARTHU/[GIRN] QUE(M) BENED[IXIT] GERMANUS QUE(M)/ [QU]E PEPERIT EI SE[V]IRA FILIA MAXIMI / [RE]GIS QUI OCCIDIT REGEM ROMANO / RUM (EWGT. P. 2). См. об этом также: *Breudwyn Maxen Wledic* / Ed. B.F. Roberts. Dublin, 2005. (Medieval and Modern Welsh Series; Vol. 11). P. xlviiii.

лийских королей с римским прошлым. Через Магна Максима выводятся генеалогии, включающие других римских императоров: фактически список правителей Рима превращается в генеалогическую последовательность.

Основными генеалогическими рукописями являются London, British Library, Harley 3859 (начало XII в.), содержащая генеалогии, составленные во второй половине X в. (первой идет генеалогия Овейна, сына Хоуэла Доброго, умершего в 988 г.), и Oxford, Jesus College 20 (конец XIV в.): здесь последним упомянутым правителем является Ллевелин ап Иорверт (ум. 1240)³⁸. Родословная короля X в. Овейна, сына Идвала, выглядит как изложение британской истории в том виде, в котором она была известна валлийским книжникам: со стороны отца он происходил от Руна, сына Мазлгуна, которого, в свою очередь, производили от Анны, сестры Девы Марии. Со стороны матери, Елены, Овейн происходил от Димета, сына Максима, «сына Протека, сына Протектора»; далее в родословной встречаются имена «Константа, сына Константина Великого, сына Константина и Елены»³⁹; далее идет рассказ о нахождении Еленой Истинного креста⁴⁰. Родословная Руна, сына Нейтона (возможно, это короли севера Британии) включает фрагменты подлинной генеалогии бриттских королей I в. н.э.: «... (сына) Каратаука, сына Кинбелина, сына Теуханта» (т.е. Каратока, сына Кунобелина, сына Таскиованта; см. выше). Теухант-Таскиовант далее назван «сыном Константина», после чего следует родословная — перечень римских императоров:

Константа, сына Константина Великого, сына Константина, сына Галерия, сына Диоклетиана, который преследовал христиан по всему миру — в его время претерпели мученичество блаженные мученики в Британии: Альбан, Юлиан, Арон с другими многими, — сын Карока, сын Проба, сын Тита, сын Аврелиана, сына Антона Черного и Клеопатры, сына Валериана, сына Галла, сына Деция, сына Филиппа

³⁸ *Thornton D.E.* Kings, Chronologies, and Genealogies: Studies in the Political History of Early Medieval Ireland and Wales. Oxford, 2003. P. 15–16.

³⁹ Фигура Константа пользовалась в Британии особой популярностью, поскольку известно, что этот император как минимум дважды лично посещал Британию, чтобы организовать сопротивление варварам. Подробнее см.: *Birley A.R.* The Roman Government of Britain. Oxford, 2005. P. 414–417.

⁴⁰ EWGT. P. 9–10. Более старое издание: *Phillimore E.* The Annales Cambriae and Old-Welsh Genealogies from Harleian MS 3859 // *Y Cymmrodor*. 1888. Vol. 9, N P. 169–172.

па, сына Гордиана, сына Алаксима⁴¹, сына Александра, сына Аврелиана, сына сына (*sic!*) Мауканна, сына Антония, сына Севера, сына Моеба (*Moebus*), сына Коммода, сына Антония, сына Адьюванда (*Adiuuandus*), сына Трояна (*sic!*), сына Нерона, — при котором претерпели мученичество блаженные апостолы Господа Нашего Петр и Павел, — сына Домициана, сына Тита, сына Веспасиана, сына Клавдия, сына Тиберия, — при котором был распят Господь наш Иисус Христос, — (сына) Октавиана августа цезаря; в его время был рожден Господь наш Иисус Христос⁴².

«Мауканн», видимо, идентичен святому Мавгену; «Адьюванд», возможно, также является христианским святым⁴³.

В XII в. Гиральд Камбрийский в «Описании Уэльса» указывал на то, что генеалогии королей сохраняются как в рукописях, так и в устной передаче:

Мне кажется, следует отметить, что у валлийских бардов и певцов или чтецов (*recitatores*) имеется генеалогия вышеназванных (королей) в их древних и подлинных книгах, но написанных, однако, по-валлийски; их же они запоминают наизусть, от Родри Великого до Девы Марии, и оттуда до Сильвия, Аскания и Энея; и от Энея до Адама приводят родословную по поколениям (*linialiter*)⁴⁴.

Сохранялась родословная не только особ королевской крови:

Генеалогию же своего рода хранят даже (люди) из народа: и не только дедов, прадедов и прапрадедов, но даже и до шестого или седьмого и более дальнего поколения перечисляют на память и быстро таким образом: Рес, сын Грифина, Грифин, сын Реса, Рес, сын Теодора — и так далее, как выше (мы говорили) о родословной королей⁴⁵.

В Уэльсе имелись также и генеалогии святых (*Bonedd y Saint*), тоже более поздние, чем ирландские: древнейший вариант, видимо, относится к XIII в.⁴⁶ Отдельные генеалогии по женской линии

⁴¹ Видимо, описка вместо «Максим».

⁴² EWGT. P. 11. Более старое издание: *Phillimore E.* The Annales Cambriae. P. 175–177.

⁴³ *Nicholson E.W.B.* The Dynasty of Cunedag and the 'Harleian Genealogies' // *Y Cymrodor*. 1908. Vol. 21. P. 63–104.

⁴⁴ *Descriptio Cambriae*, II, 3 (здесь и далее цит. по изд.: *Giraldus Cambrensis.* Itinerarium Kambriae et Descriptio Kambriae / Ed. J.F. Dimock. L., 1868).

⁴⁵ *Descriptio Cambriae*, II, 17.

⁴⁶ *Charles-Edwards T.M.* Wales and the Britons. P. 616–617.

(*Achau'r Matau*) возникают уже в позднем Средневековье и встречаются в рукописях Нового времени⁴⁷. Такая же особенность — наличие особых генеалогий по женской линии и прежде всего особый корпус генеалогий святых — свойственна и ирландской традиции.

* * *

Ирландские генеалогии замечательны и своим невероятным объемом, и продолжительностью — первые сочинения с записью генеалогических последовательностей датируются VI в., а может быть, и более ранним временем. Уже древнейшие огамические надписи IV–VI вв. нередко содержат краткие генеалогические указания — имя отца, деда, название племени/рода, к которому принадлежит владелец надписи: QRIT[TI] MAQI LOBACONA AVI NEAGRA COLINEA ‘Квритта, сына Лобакона, внука Неграколина’⁴⁸. Особенно интересны в генеалогическом плане огамические надписи из Данло (графство Керри, юг Ирландии): DEGOS MAQI MOCOI TOICAKI ‘Дега, сына из потомков Тоикака’ и MAQI RITEAS MAQI MAQI DDUMILEAS MUCOI TOICACI ‘Мак Рите, сына Мак Думилеи, из потомков Тоикака’. У. Мейхон обращает внимание на то, что эти имена с сохранением генеалогической последовательности сохранились в генеалогии южноирландского племени Гласрайге: «m. Meic-Reithe m. Meic-Daimle m. Dega» («...сына Мак Рите, сына Мак Даймле, сына Деги»)⁴⁹.

Только опубликованные генеалогии, относящиеся к эпохе до нормандского завоевания (конец XII в.), содержат имена примерно двенадцати тысяч человек; при этом, по оценке Д. О Корраня, если прибавить материал неопубликованных генеалогий, то общее число упомянутых персоналий может достигать двадцати тысяч; при этом

⁴⁷ Thornton D.E. Kings, Chronologies, and Genealogies. P. 115–116.

⁴⁸ Кополёв А.А. Древнейшие памятники ирландского языка. М., 2003. С. 83–84, 90. Имя *Neagracolinea* (или *Neagra Colinea*) остается необъясненным; возможно, носитель этого имени, проживая по каким-то причинам на территории Римской империи или в Римской Британии (надпись относится приблизительно к 500 г., следовательно, дед Квритта мог жить в первой трети V в.), перевел на латинский ирландское имя с первым элементом *Dub-* ‘черный’, например, засвидетельствованное более поздними источниками (CGH LL 327 h 34) имя *Dub Dromma* ‘черный холм’.

⁴⁹ Mahon W. Glasraige, Tóbcraige, and Araid: Evidence from Ogam // Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium. 1988. Vol. 8. P. 12–13 (CGH 128 a 46–50). Мейхон предлагает гипотезу, объясняющую связь Гласрайге с Тоэкрайге (т.е., собственно, «потомками Тоикака»). Следует подчеркнуть, что Мак Рите и Мак Даймле — не патронимы: это особый тип личных имен с элементом *Mac(c)-*.

генеалогии фиксируют как минимум 2500 родов, династий и племен⁵⁰. В генеалогической компиляции Дубалтаха Мак Фир-Бисиха, составленной в XVII в. и охватывающей ирландские генеалогии с доисторических времен (в современном издании она занимает пять томов), фигурируют около 30 500 персоналий⁵¹. Даже после разрушения традиционного ирландского общества генеалогии продолжали переписываться и дополняться: в начале XVIII в. некий Роджер О'Ферралл составил англоязычную компиляцию «Древние генеалогии» («*Linea antiqua*»), снабженную рисунками гербов ирландских фамилий⁵².

В ирландской традиции различные способы представления генеалогии обозначаются различными терминами. Собственно родословная, начиная с современного короля (или другого лица, чья генеалогия интересует составителя), именуется заимствованным словом *genelach* 'генеалогия'. Генеалогии также обозначаются словом *cráeb* 'ветвь' и его производными и словосочетаниями: *craebscáiled* 'разворачивание ветвей' (родословная от основателя династии), *cróeba coibnesa* 'ветви родства'.

Наиболее древними рукописями, в которых содержатся своды генеалогий, являются рукописи XII в. Oxford, Bodleian Library, Rawlinson B 502⁵³ и Лейнстерская книга (Dublin, Trinity College H.2.18 = 1339)⁵⁴. Оба манускрипта созданы в Лейнстере и генеалогии в них начинаются с лейнстерских династий. Несколько более поздних рукописных сборников были написаны в Коннахте: это Книга Баллимота (Dublin, Royal Irish Academy 23 P 12), Книга Лекана (там же, 23 P 2) и книга Уи Майне (там же, D ii 1). К рукописям,

⁵⁰ Ó Corráin D. Irish Origin Legends and Genealogy: Recurrent Aetiologies // History and Heroic Tale: A Symposium. Proceedings of the Eighth International Symposium organized by the Centre for the Study of Vernacular Literature in the Middle Ages. Held at Odense University on 21–22 November, 1983. Odense, 1985. P. 56–57.

⁵¹ Ó Muraíle N. The Irish genealogies — an overview and some desiderata // *Celtica*. 2010. Vol. 36. P. 133.

⁵² До сих пор не опубликованное англоязычное сочинение О'Ферралла признавалось герольдмейстером (гербовым королем) Ольстера как подтверждение родословных; расширенная и дополненная копия «Древних генеалогий» содержится в архиве известного антиквара, герольдмейстера У. Бетэма: Pender S. O'Ferrall's *Linea Antiqua* (National Library of Ireland MS.) // *Analecta Hibernica*. № 10 (July 1941). P. 289–292; оригинал находился в Геральдической палате (с 1943 — Генеалогическое управление).

⁵³ Ó Cuív B. Catalogue of Irish language manuscripts in the Bodleian library at Oxford and Oxford College Libraries. Dublin, 2001. Part 1: Descriptions. P. 163 ff.

⁵⁴ Abbott T.K., Gwynn E.J. Catalogue of the Irish manuscripts in the library of Trinity College, Dublin. Dublin; L., 1921. P. 158 ff.

имеющим мунстерское происхождение, относятся Oxford, Bodleian Library, Laud 610⁵⁵ и Dublin, Trinity College H.2.7 (1298)⁵⁶.

Датировать отдельные генеалогии очень трудно. Как правило, мы имеем дело с большими генеалогическими компиляциями — сборниками отдельных родословных и поэм, созданных в разное время: они включают древнейшие стихотворные и прозаические отрывки, относящиеся к VI–VII вв., и более новые фрагменты и комментарии. Определить возраст можно как по языковым данным (стихотворные тексты легче поддаются такой датировке), так и по содержанию; кроме того, латинские отрывки и отдельные выражения («*ut dicitur*», «*ut alii dicunt*» и т.п.), как отмечает, например, Д. О Коррань, характерны для более ранних текстов⁵⁷. Однако это никак нельзя признать абсолютным правилом: так, латинский отрывок в Rawlinson B 502 говорит, что единственными королями *не* из рода Уи Нейллов, правившими Ирландией, были Баэтан и Бриан — т.е. Бриан Борома (ум. 1014); следовательно, этот отрывок не мог быть создан раньше конца X — начала XI в.⁵⁸ Для убедительной датировки необходим анализ каждой отдельной родословной и ее сопоставление с генеалогиями в других рукописях. К сожалению, в большинстве случаев это невозможно, т.к. многие генеалогические трактаты остаются пока неизданными⁵⁹. Такие сопоставления особенно необходимы, поскольку помогают выявить противоречия между отдельными генеалогиями и следы манипуляций генеалогическим материалом в пользу конкретных династий. Как справедливо заметил Дж. Келлехер, именно несообразности в генеалогиях интересны для историка и «хорошее вопиющее противоречие стоит квадратного ярда гладкой и не допускающей никаких вопросов непротиворечивости»⁶⁰.

⁵⁵ *Ó Cuív B.* Catalogue. P. 62 ff.

⁵⁶ Подробнее см.: *Abbott T.K., Gwynn E.J.* Catalogue. P. 78–80 ff. Рукопись состоит из двух частей: первая, содержащая генеалогии, относится к 1347 г., вторая написана в основном в XV в. и содержит разнообразный материал. Издание родословных из этой рукописи было подготовлено Д. О Корранем для интернет-проекта CELT, но, к сожалению, оно пока не опубликовано.

⁵⁷ *Ó Corráin D.* Creating the Past: The Early Irish Genealogical Tradition. Carroll Lecture 1992 // *Peritia*. 1998. Vol. 12. P. 193.

⁵⁸ CGH 137 а 4.

⁵⁹ Обзор изданий ирландских генеалогий на настоящий момент можно найти в: *Ó Muraíle N.* The Irish genealogies — an overview and some desiderata // *Celtica*. 2010. Vol. 36. P. 128–145.

⁶⁰ *Kelleher J.V.* The Pre-Norman Irish genealogies // *Irish historical studies*. 1968. Vol. 16. P. 138–153.

Сами ирландские книжники осознавали, что генеалогии не являются истиной в последней инстанции. Хрестоматийным стал отрывок из поэмы автора XII в. Гиллы-ин-Хоймдеда «Царь Небесный, разьясни мне» («A Rí richid reidig dam»), посвященной ходу всемирной истории. Переходя от истории Древнего мира и доисторических персонажей ирландской истории (Партолона и Немеда) к родословной сыновей Миля — предков современных династий, Гилла-ин-Хоймдед предпосылает этому разделу своего рода «дисclaimer», предупреждающий о возможных недостатках в генеалогиях⁶¹:

Есть шесть путей (ясная память!)
Смешения ветвей генеалогий
Просачивание (?)⁶² несвободных племен
На место свободных под (их) именем.

Плодовитость рабов (позорный путь!)
И бездетность князей;
Вымирание свободных родов (страшный ужас!)
С увеличением числа холопских племен,

Неправильная запись под видом знания,
(Сделанная) плохими, невежественными людьми,
Или люди знания (поступая не лучше!)
Делают неправильную запись ради сокровищ⁶³.

⁶¹ LL. Vol. 3. P. 579.

⁶² *Totinsma* трактуется как сложение из *tot* 'удар (волн о берег)' и *in(d)isma* 'втыкание, вставка'; И. Мак-Нейлл и Д. О Коррань переводят это здесь как *intrusion*, К. Мейер — как *wholesale insertion*.

⁶³ «Failte se muid sain mebair
cummaisct craeb ngenelaig.
totinsma daerchland ic dul
i lloc saerchland re slonnud

Torrchi mogad mod mebla.
& dibad tigerna;
serg na saerchland étig uath
la forbairt na n-athechthuath.

Míscribend do gne eolais
do lucht uilc in aneolais
nó lucht ind eolais ní ferr
gníft ar muín miscribend».

В Ирландии имелись также «жанровые» генеалогии, составленные по гендерному (генеалогии по женской линии) или профессиональному принципу (клирики, ученые)⁶⁴. «Старина женщин» (*banshenchas*) — генеалогии по женской линии — перечисляют преимущественно матерей королей⁶⁵. Стихотворная «Старина женщин» из 277 строф была создана поэтом Гилла Мо-Дуту около 1147 г.; ее прозаическая версия (которую М. Ни Вролхань считает пересказом стихотворной) могла возникнуть между 1147 и 1169 гг.⁶⁶

Как и в Уэльсе, в Ирландии существовали генеалогии отдельных святых, объединенные в особую группу текстов — «Старину святых» (*naomhshenchas*). Издание генеалогий святых на основе текста Лейнстерской книги предпринято П. О Рианом⁶⁷. Основной корпус, возможно, сложился во второй половине X в.: *terminus post quem* может служить включение в него родословной Дубтаха, аббата Ионы в 927–938 гг. Генеалогии святых известны в различных переработках и вариантах; имеются сокращенный вариант (*recensio minor*) и стихотворная версия (*recensio metrica*), созданные, видимо, в конце XIV в.; свои варианты генеалогий святых составили антиквары XVII в. — Дубалтах Мак Фир-Бисих и Майкл О'Клери⁶⁸. Генеалогии святых исполняли несколько социальных функций. Они придавали значимость роду и племени, к которым принадлежал святой (например, святая Бригита — племени Фотайрт). Кроме того, они утверждали связь святого с определенным родом, подтверждали права монастыря на определенные привилегии

⁶⁴ Генеалогии ученых людей относятся в основном к позднему средневековью (XIII–XVII вв.). Подробнее о них см.: Walsh P. Irish men of learning: studies. Dublin, 1947. P. 34 ff. («Поскольку ученые семьи хранили генеалогические традиции областей, к которым были привязаны, они, конечно, с легкостью могли рассказать о своем собственном происхождении; хотя в некоторых случаях можно показать, что эти рассказы вымышлены»).

⁶⁵ The Ban-shenchas / Ed. M. ni C. Dobbs // Revue Celtique. 1930. Vol. 47. P. 283–339; 1931. Vol. 48. P. 163–234; 1932. Vol. 49. P. 437–489 (далее: BS).

⁶⁶ *Ní Bhrolcháin M.* The Manuscript Tradition of the Banshenchas // Ériu. 1982. Vol. 33. P. 109–135. К сожалению, две диссертации М. Ни Вролхань (магистерская и докторская), посвященные «Старине женщин», остаются неизданными и малоизвестными даже специалистам.

⁶⁷ Corpus Genealogiarum Sanctorum Hiberniae / Ed. P. Ó Riain. Dublin, 1985 (далее: CGSH).

⁶⁸ См. предисловие О Риана к CGSH, особенно р. xxxiii, xxxviii, xl–xli.

и землю; в наследовании должности аббата предпочтение отдавалось родственникам святого — основателя монастыря (*érlam*)⁶⁹.

Ирландские генеалогии не представляют собой голых перечней имен. Нередко там сообщаются какие-либо детали внешности или биографии основателей династий, повлиявшие на дальнейшую судьбу потомков, происхождение прозвищ и названий отдельных ветвей рода. Так, о двух ветвях ульстерского рода Уи Эхах, происходившего от Эоху, сына Касса, говорится следующее:

Два сына Эоху, то есть Кримтанн и Лугайд Кихех (*Cíchech*), от которого (происходят) Уи Лугдех. Это он вскормил двух сыновей Кримтанна, то есть Аэда и Лоэгайре из своей груди (*cích*), и Аэд брал из его груди кровь, а Лоэгайре брал из его груди молоко, так что от этого повелось: оружие у Кенел Аэда — яд, у Кенел Лоэгайре — благо⁷⁰.

Генеалогии нередко сообщают и о бездетных (*díbaid*) членах рода, особенно если те были чем-то известны: например, упоминается герой ряда преданий раннеисторический король Монган, сын Фиахны (ум. 629)⁷¹, который считался сыном морского бога Мананнана и воплощением легендарного героя Финна, сына Кумала. Еще один пример: «сын Ронана — Маэл Фотартах: он был убит своим отцом из-за ревности, как известно, и не оставил потомства»⁷². Здесь автор ссылается на события известной саги «Убийство Ронаном родича»⁷³.

Для ирландских генеалогий абсолютно нехарактерно включение родословий королей и народов, проживавших вне территории Ирландии, даже в тех случаях, когда иностранные правители были связаны с ирландцами родством или свойством: упоминание других народов встречается практически лишь в основанных на Библии перечнях потомков Иафета. Очень редко можно видеть указания на то, что мать ирландского короля была родом не из Ирландии, или же на то, что дочь ирландского короля вышла замуж за не-

⁶⁹ О генеалогиях святых см. также в нашей (совместно с А.Р. Соловьёвой) публикации одного из трактатов, включенных в корпус генеалогий святых: *Живлова Н.Ю., Соловьёва А.Р.* Трактат о матерях святых Ирландии // Труды кафедры древних языков. М., 2012. Вып. 3. М., 2012. С. 266–382.

⁷⁰ CGH LL 326 a 40–51.

⁷¹ *Simms K.* Medieval Gaelic Sources. Dublin, 2009. P. 42.

⁷² CGH LL 316 a 15–16.

⁷³ *Fingal Ronáin / Ed. D. Greene.* Dublin, 1975 (рус. пер.: Убийство Ронаном родича // Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991. С. 198–20).

ирландца: так, мать Ниалла Девяти заложников Кайренн считалась уроженкой Британии; позднее ирландская принцесса Фина стала матерью англо-саксонского короля Алдфрита⁷⁴.

Есть два исключения: генеалогии королей Шотландии, которые были потомками ирландской династии Дал Риادا, и генеалогии мифических завоевателей-фоморов, которые составляли часть легендарной ирландской истории⁷⁵. Очень поздние источники, такие как «Большая книга генеалогий» Мак-Фирбиса, отождествляют фоморов с викингами⁷⁶, но в донормандских корпусах генеалогий специальных генеалогий викингов, насколько мы знаем, нет — несмотря на наличие нескольких скандинавских династий в Ирландии. После нормандского завоевания прошло еще несколько столетий, прежде чем генеалогии нормандских фамилий стали включаться в ирландские коллекции: скорее всего, это произошло не ранее XV в.⁷⁷ Даже в этом случае нормандцы нередко снабжались ирландскими предками: так, семейство Барнуэлл возводилось к придворному коннахтских королей Ивару О Берну (ум. 1271), хотя фактически предком Барнуэллов был нормандец Вольфран де Берневаль, шериф Дублина в конце XIII в.⁷⁸

* * *

Ирландские книжники строили картину дохристианской истории страны, основываясь на Библии (Ветхом Завете). Как и многие другие раннесредневековые историописатели, ирландцы опирались на «Таблицу народов» в начале Книги Бытия, где изложено родословие сыновей Ноя — Сима, Хама и Иафета. В Быт. 10: 2–4 перечисляется потомство Иафета: «Сыны Иафета: Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Фувал, Мешех и Фирас. Сыны Гомера: Аскеназ,

⁷⁴ Ireland C. Aldfrith of Northumbria and the Irish Genealogies // *Celtica*. 1991. Vol. 22. P. 64–78.

⁷⁵ Чаше всего считалось, что фоморы происходят от Каина, но автор среднеирландского текста *Sex Aetates Mundi* логично указывал на то, что потомки Каина должны были утонуть во время потопа, и поэтому фоморы являются потомками Хама. См.: Rodway S. Mermaids, Leprechauns, and Fomorians: A Middle Irish Account of the Descendants of Cain // *Cambrian medieval Celtic studies*. 2010. Summer. Vol. 59. P. 1–17.

⁷⁶ Отдельное издание этих текстов см.: On the Fomorians and the Norsemen by Duaid Mac Firbis / Ed. with transl. and notes by A. Bugge. Christiania, 1905.

⁷⁷ Nicholls K.W. The Irish Genealogies: Their value and defects // *The Irish Genealogist*. 1975. Vol. 5, N 2. P. 258–259.

⁷⁸ Simms K. Medieval Gaelic Sources. P. 51.

Рифат и Фогарма. Сыны Иавана: Елиса, Фарсис, Киттим и Доданим». Родословные доводились до Адама. В отличие от валлийских генеалогий, ирландские не содержат никаких попыток возводить генеалогии ирландских королей к персонажам из римской истории. По образцу хроники Евсевия Кесарийского составлялись синхронизмы, привязывавшие ирландские династии к библейским и античным деятелям⁷⁹.

Иафет в Библии был назван предком европейских (средиземноморских) народов. Но ни ветхозаветные тексты, ни комментарии к ним не содержали никаких прямых указаний на то, от какого именно библейского персонажа произошли ирландцы. Исидор Севильский предложил разработанную схему происхождения европейских народов, в которой прямо жители Британских островов не упоминаются, но, тем не менее, можно было понять, что они принадлежат к потомкам Иафета, и скорее всего — к потомкам Гомера, от которого происходили жители Северной Европы — галлы, скифы и готы:

Сынов же Иафета семь: Гомер, от которого галаты, то есть галлы. Магог, от которого, как считается, ведут свое происхождение скифы и готы. Мадай, от которого, как считают, возникли мидийцы. Иаван, от которого ионийцы, они же греки... Фувал, от которого иберы, то есть испанцы; возможно, от него берут свое начало и италийцы. Мешех, от которого каппадокийцы... Фирас, от которого фракийцы... Сыновья Гомера, внуки Иафета. Аскеназ, от которого сарматы... Рифат, от которого пафлагонцы. Фогарма, от которого фригийцы. Сыны Иавана: Елиса, от которого греки-элисеи, именуемые эолидами... Фарсис, от которого киликийцы, как считает Иосиф. Киттим, от которого китии, то есть жители Кипра. Доданим, от которого родосцы. Вот племена из рода Иафета, которые владеют средней частью Азии от горы Тавр до севера и всей Европой до Британского Океана, оставив (свои) названия и местам, и племенам; из них потом многие изменились, другие же остались, как были (IX, ii, 26–37)⁸⁰.

⁷⁹ Meyer K. The Laud Synchronisms // *Zeitschrift für celtische Philologie*. 1913. Vol. 9. P. 471–485; например: «Вот что рассказывают историки и книги: современниками были эти три царя — Птолемей, сын Ларга (*sic*), и Птолемей Филадельф, и Птолемей Эвергет и четырнадцать королей Ирландии, т.е. Лоэгайре Лорк, и Кобтах, и Лабрайд Лойнгшех, и Мелге, и Кобтах, и Муг Корб, и Энгус Оллам, и Эрего (?), и Фер Корб, и Конлла, и Айлилли, и Амадайр, и Эоху, и Форгус Фортамайл»; после христианской эры императоры и короли синхронизируются также с папами: «Феодосий, 6 (лет). Иннокентий, 37. Эохайд Мугмедон, 8».

⁸⁰ Текст Исидора переведен по изданию: *Isidorus Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX / Recogn. W.M. Lindsay. Vol. 1. Oxonii, 1911.*

Рассуждения Исидора Севильского давали много различных возможностей для составления псевдоисторических генеалогий. Обычно считается, что ирландцы следовали именно Исидору (появление «Этимологий» в таком случае признается *terminus post quem* для создания ирландских псевдоисторических сочинений). Тем не менее имеются свидетельства наличия ирландских синхронических и псевдоисторических сочинений, которые могли предшествовать сочинению Исидора. Так, в составе Книги Баллимота имеется трактат, которому Б. Яски дал условное название по его первым словам «*Diluuium factum est*» («Сделалось наводнение...»). В нем говорится следующее: «Три же сына Киттима, сына Иавана, сына Иафета, то есть Тавр и Агноман и Эбер. Агноман же — от него Эоган Глас. Эбер же — от него гойделы». Здесь гойделы происходят от Киттима, сына Иавана, (предка жителей Кипра), а не от сыновей Гомера, к которым относили себя ирландцы позднее, развивая идеи Исидора Севильского⁸¹.

* * *

Древнейшие историко-генеалогические поэмы возникли в *Лейнстере*. Они содержатся в большой генеалогической компиляции в составе написанных в начале XII в. в Лейнстере манускриптов — Rawlinson B 502 и Лейнстерской книги; с родословной лейнстерцев в них начинаются ирландские генеалогии. «Лейнстерские поэмы» были изданы К. Мейером с немецким переводом (ÄID)⁸². Мейер выделил группу рифмованных поэм (ÄID I) и нерифмованных (ÄID II). Нерифмованные поэмы были изданы Э. Кампаниле⁸³; затем Й. Корталс подготовил дипломатическое издание этих текстов⁸⁴. Значительное внимание стихотворным особенностям поэм

⁸¹ *Jaski B.* 'We are of the Greeks in our Origin': New Perspectives on the Irish Origin Legend // *Cambrian Medieval Celtic Studies*. 2003. Winter. Vol. 46. P. 16.

⁸² *Meyer K.* Über die älteste irische Dichtung: 1. Rhythmische alliterierende Reimstrophen // *Abhandlungen den könig. Preuss. Akademie der Wissenschaften*. Jahrgang 1913. Phil.-Hist. Classe. 1913. N 6. P. 1–61; *Meyer K.* Über die älteste irische Dichtung: II. Rhythmische alliterierende reimlose Strophen // *Abhandlungen den könig. Preuss. Akademie der Wissenschaften*. Jahrgang 1913. Phil.-Hist. Classe. 1914. N 10. P. 1–40.

⁸³ *Campanile E.* Die älteste Hofdichtung von Leinster: Alliterierende reimlose Strophen. Einleitung, Text, Übersetzung, Anmerkungen, Glossar. Wien, 1988. (Veröffentlichungen der keltischen Kommission; 8).

⁸⁴ *Corthals J.* The rhymeless "Leinster Poems": diplomatic texts // *Celtica*. 2003. Vol. 24. P. 79–100.

уделяет В.П. Калыгин⁸⁵; метрические аспекты древнеирландской поэзии, в том числе и «лейнстерских поэм» (в основном также нерифмованных) рассмотрены в диссертации Д.С. Николаева⁸⁶.

Краткие нерифмованные поэмы, как указывает Й. Корталс, по тематике можно разделить на две или три группы: посвященные древнейшим предкам лейнстерцев Лабрайду Лойнгсеху, Арту Месс Телманну и поэмы о Катаре Великом (от которого якобы происходили все исторические династии Лейнстера) и его потомкам; как подчеркивает Корталс, в жанровом отношении они представляют собой прежде всего исторические произведения⁸⁷.

В данном очерке нас интересуют прежде всего более пространственные рифмованные поэмы, которые представляют собой перечни лейнстерских королей и их предков. Стихотворные тексты нередко включались в состав более обширных компиляций, т.к., с точки зрения ирландских книжников, стихи подтверждали достоверность описываемых деяний и способствовали запоминанию последовательности событий и имен исторических и мифологических персонажей. Как отметил П. Мак-Кана, стихотворения воспринимались как более надежные и долговечные свидетельства о прошлом в силу самой их формы, легкой для запоминания; кроме того, стихи, в отличие от прозы (практически всегда анонимной), были или считались творением образованных поэтов — отсюда и их авторитетность⁸⁸. Г. Тонер выделил три типа использования стихотворений как «свидетельств» (*for evidential purpose*)⁸⁹ внутри прозаических текстов в средневековой ирландской литературе: «свидетельство» (*testimonial*) — стихотворение, приписанное очевидцу

⁸⁵ Калыгин В.П. Язык древнейшей ирландской поэзии. М., 1986 (2-е изд.: 2003). В другой своей работе В.П. Калыгин показывает, что некоторые словосочетания в древнеирландской поэзии скрывают аллитерацию на праиндоевропейском уровне, т.е., видимо, унаследованы из глубокой древности: «*aíliu fáth nÉrenn*» ‘я молю землю Ирландии’ – **u̯āu̯l̥ō peitum riweryunos*. См.: Калыгин В.П. Этнонимика и теонимика древних кельтов // Этимология, 2000–2002. М., 2003. С. 222–233.

⁸⁶ Николаев Д.С. Ранняя ирландская поэзия и проблема палеофольклора: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. В диссертации содержится перевод стихотворений, вошедших во вторую часть публикации К. Мейера (*Áid II*).

⁸⁷ *Corthals J.* The rhymeless “Leinster Poems”. P. 82.

⁸⁸ *Mac Cana P.* Notes on the Combination of Prose and Verse in Early Irish Narrative // Early Irish literature — media and communication — Mündlichkeit und Schriftlichkeit in der frühen irischen Literatur. Tübingen, 1989. P. 136–138.

⁸⁹ Кроме того, стихотворения могли использоваться для выражения эмоций персонажей (гнев, восхищение, отчаяние) и в ситуациях приветствия или вызова на бой (*Mac Cana P.* Notes on the Combination of Prose and Verse. P. 125, 136).

события; «авторитет» (*authoritative*) — стихотворение, общепризнанно авторитетное (в силу известности автора или древности); «подтверждение» (*corroborative*) — стихотворение, которое автор прозаического текста не считает истиной в последней инстанции, но цитирует для подтверждения своей идеи или, наоборот, демонстрации альтернативной точки зрения на определенные события⁹⁰. «Лейнстерские поэмы», как указывает Тонер, являются для составителя генеалогической компиляции, куда они были включены, авторитетом, подтверждающим истинность всего, что он сообщает⁹¹.

Точная датировка «лейнстерских поэм» до сих пор остается спорной; основываясь на их содержании и некоторых метрических особенностях, Д. Карни считал, что они могут восходить ко времени правления последних упомянутых в них королей (рубеж V–VI вв.)⁹². Другие специалисты предпочитают датировать «лейнстерские поэмы» началом VII в.: даже в таком случае они принадлежат к числу древнейших ирландских текстов исторического содержания⁹³.

«Лейнстерские поэмы» не содержат обычного для более поздней «официальной» истории Ирландии утверждения, что королями Тары были только потомки Конна Ста Битв — Уи Нейллы и Коннахта. Лейнстерские короли неоднократно называются там королями Тары, и, видимо, поэмы сохранились именно потому, что могли служить подтверждением этому, прославляя Лейнстер в целом. Поэма «Не подобает забвение» («*Nidu dír dermaid*») перечисляет королей Лейнстера от Лабрайда до Над Бодба. Поэт называет не только имена королей, но и их основные подвиги, в том числе упоминая о каких-то конкретных событиях: так, Энгус Амлонгайд владел Тарой и завоевывал Айленн и Круахан (4–5), Бресал Белаш сражался с потомками Конна на равнине Лиффи (17–19).

Практически полностью посвящена перечислению королей поэма «Энда, Лабрайд — у всех на устах» («*Énna, Labraid, lúaid cáich*»);

⁹⁰ *Toner G.* Authority, Verse and the Transmission of Senchas // *Ériu*. 2005. Vol. 55. P. 60 ff.

⁹¹ *Ibid.* P. 65–66.

⁹² *Corney J.* The Dating of Archaic Irish Verse // *Early Irish Literature — Media and Communication — Mündlichkeit und Schriftlichkeit in der frühen irischen Literatur*. Tübingen, 1989. P. 39–40.

⁹³ *Carey J.* From David to Labraid: Sacral kingship and the Emergence of Monotheism in Israel and Ireland // *Approaches to Religion and Mythology in Celtic Studies*. Cambridge, 2008. P. 2–3 (с кратким обзором литературы).

в конце она содержит упоминания о героях псевдоисторической традиции (Миль Испанский, Брегон); поэма завершается перечислением европейских народов — потомков Иафета: завершает перечень «Адам благороднейший, великий отец» («sóberem Adam, athair ég», 54). Явно христианский характер последних строф поэмы заставил Карни предположить, что они являются позднейшей интерполяцией. Поэма «Нуаду Нехт не допускал дурного правления» («Nuadu Necht ní dámaid anflaith») ⁹⁴ также начинается перечнем лейнстерских королей и завершается библейскими персонажами. Гойделы происходят от Гомера, сына Иафета; их родословная доведена до Адама: «Благороднее Адам... человек, которого сотворил Бог, сверкающий, однородный» («Sóberiu Ádam... duine delbas Dáa, án bengein»). «Нуаду Нехт» содержит множество неясных намеков на мифологические или исторические события; в некоторых пассажах автор, видимо, показывает набеги ирландцев на Римскую империю.

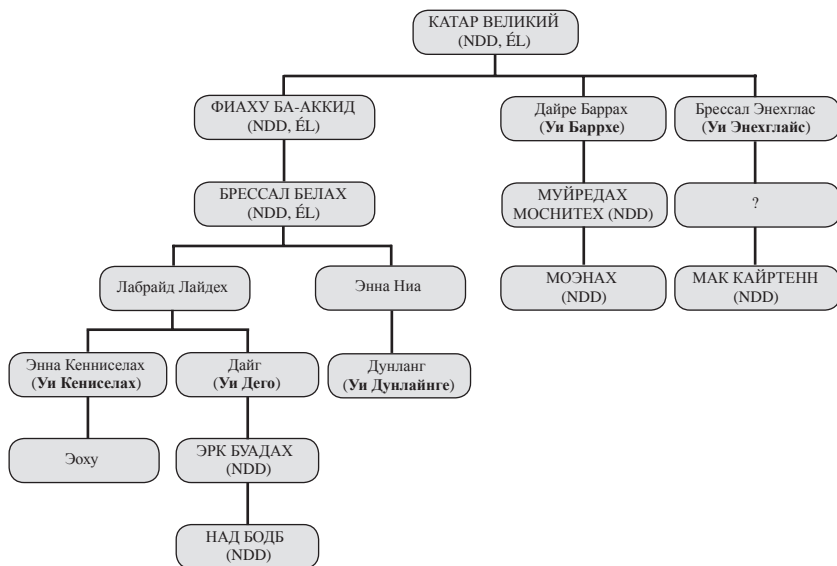
То, что «лейнстерские поэмы» прославляют королей из династий, которые в VII–VIII вв. отошли на задний план, — Уи Дега (Эрк Буадах, Над Бодб) и Уи Байрхе (Мо-Снитех, Моэнах), служит дополнительным аргументом в пользу их древности. В поэме «Не подобает забвению» упомянут король Мак Кайртинн, генеалогические связи которого неясны. Некий Мак Кайртинн фигурирует в одной из древнейших анналистических записей христианского периода (за 446 г.); кроме того, недалеко от Тары был найден огамический камень с именем «Мак Кайртинн» (MAQI CAIRATINI AVI INEQAGLAS) — и указанием в качестве предка (Бресала) Энехгласа, основателя династии Уи Энехглайс ⁹⁵. Видимо, это в какой-то мере подтверждает и господство лейнстерцев в Таре, и историчность одного из персонажей «лейнстерских поэм» ⁹⁶. Задаваясь вопросом, почему лейнстерская поэтическая традиция не получила развития в более позднее время, Д. Карни указывает на то, что автора двух поэм — «Не подобает забвению» и «Энда, Лабрайд...» — Ладкенна мак Бархедо, согласно легенде, постигла трагическая

⁹⁴ *Anflaith* — буквально «не-власть», «антивласть»: может переводиться, как «тирания, дурное, незаконное правление» и как «незаконный правитель, узурпатор, тиран».

⁹⁵ Мак Кайртинн не упомянут в родословной Уи Энехглайс (CGH 123 f 36 и далее), но если он не оставил потомства, то это вполне закономерно.

⁹⁶ *Charles-Edwards T.M.* Early Christian Ireland. Cambridge, 2000. P. 453 (и дальнейшее обсуждение исторических аспектов «лейнстерских поэм»).

судьба⁹⁷: Эоху, сын Энды Кеннселаха (короля, которого прославлял Ладкенн), убил Ладкенна и множество других поэтов⁹⁸.

Короли Лейнстера в поэмах «Не подобает забвение» и «Энда, Лабрайд»⁹⁹

Одним из веских аргументов в пользу древности поэм считается наличие латинских заимствований, обозначающих различные римские реалии: *legi6n* ‘легион’, *trebun* ‘трибун’, *barc* ‘барка’, *arm*

⁹⁷ Carney J. The Dating of Archaic Irish Verse. P. 51–52.

⁹⁸ «Эоху, сын Энды, убил Бека, сына Летдергана и трижды по пятьдесят мудрецов с ним в Рат Беке в Бреке за сатиру на его отца (то есть Энду) и убил Ладкенна, сына Бархеда» (SGH LL 316 с 19–22). Подробный рассказ об этом содержится в саге «Смерть Ниалла Девяти заложников». По этой версии Эоху убил единственного сына Ладкенна, после чего он и остальные поэты стали высмеивать всех лейнстерцев. Эоху убил Ладкенна, который находился под покровительством Ниалла Девяти Заложников (основателя династии Уи Нейллов); за это Ниалл изгнал его; в результате Эоху убил Ниалла за пределами Ирландии (в землях пиктов, по другой версии — «франков»). См.: Meyer K. How King Niall of the Nine Hostages was slain // *Otia Merseiana*. 1900–1901. Vol. 2. P. 84–92.

⁹⁹ ПРОПИСНЫМИ буквами указаны имена королей, упомянутых в поэмах; **жирным** шрифтом обозначены династии, которые, согласно генеалогиям, происходили от этих королей. В скобках указаны названия поэм: NDD — «Не подобает забвение...» (*Nidu d6r dermaid*), ÉL — «Энда, Лабрайд...» (*Énna, Labraid*).

‘оружие’ и других¹⁰⁰. В поэмах отмечается наличие отдельных слов из церковной лексики. Так, в «Нуаду Нехт» сказано: «Сыновья высшего Бога, ангелы (*aingil*) неба облачно-светлого: Ной, Ламех, Мафусаил пресветлый» (48). В «Не подобает забвение» слово *bar* в «*Nad-Buib bar Eirc*» (21), по предположению К. Мейера, — это арамейское ‘сын’, т.е. «Над Бодб, сын Эрка». Дж. Карни считал эти пассажи (как и все последние строфы поэм, содержащие библейские имена) позднейшей интерполяцией¹⁰¹.

Д. Дамвилл, вслед за П. Уормалдом, отметил, что в раннесредневековой Европе генеалогии и королевские списки были тесно связаны с королевским законодательством: «Король обладал длинной чередой царственных предшественников: он принадлежал к королевской традиции. Король обладал соответствующей королевской родословной: следовательно, он был королевской крови. Король издавал законы: следовательно, он являлся королем»¹⁰². Ярким примером такой связи является вступление к эдикту лангобардского короля Ротари (643 г.). Ротари называет себя семнадцатым королем лангобардов, перечисляет предшествующих королей, указывая их краткие родословные и род (Гугинги, Гаузы, Анавы), а также собственных предков в одиннадцати поколениях¹⁰³.

Хотя в ирландской традиции составление законов и формулирование юридических норм нередко связывается с фиктивными авторами, жившими в языческую эпоху или в самом начале христианского периода (король Кормак, мудрец Сенха, святой Патрик), ряд юридических текстов отнесен к правлению конкретных королей раннесредневекового периода. При этом отчетливо прослеживается параллелизм между составлением юридических трактатов и текстов исторического содержания (генеалогий и королевских списков). Особенно это очевидно для Мунстера, но эту тенденцию также можно заметить и на севере Ирландии, и (в меньшей степени) в Лейнстере.

Традиционно в правовой традиции Ирландии выделяются два течения, связанные с севером страны («Великая старина») и югом («Суждения немедов» и другие трактаты, см. ниже). Однако есть данные о составлении правовых текстов и в Лейнстере. Особен-

¹⁰⁰ *Carney J.* Three Old Irish Accentual Poems // *Ériu*. 1971. Vol. 22. P. 69–70.

¹⁰¹ *Ibid.* P. 70.

¹⁰² *Dumville D.N.* Kingship, Genealogies and Regnal lists // *Early medieval kingship*. Leeds, 1977. P. 74–75.

¹⁰³ *Шервуд Е.А.* Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1992. С. 15–16.

но интересен в этом плане «Канон Эмине Белого». Этот «канон» связан с именем лейнстерского короля Брана уа Фаэлана (ум. 693) и лейнстерского же святого Эмине. Согласно тексту, лейнстерские вожди пришли к королю Брану уа Фаэлану во время чумы, прося о помощи; король обратился к святому, который в обмен на спасение вождей от гибели потребовал соблюдения определенных привилегий для церкви, оговаривая при этом и некоторые привилегии и обязанности мирян¹⁰⁴. Как показывают исследования Э. Поппе¹⁰⁵, из 15 указанных в этом памятнике правителей — гарантов соблюдения «канона Эмине» имена 8 с уверенностью идентифицируются с персонажами генеалогий и анналов, жившими в конце VII в. Таким образом, во всяком случае, лейнстерским королям на рубеже VII–VIII вв. приписываются некоторые совместные с церковью законодательные инициативы.

* * *

В VII в. собственная историко-генеалогическая и правовая традиция складывается в *Мунстере*. Включенная К. Мейером в издание древнейших ирландских поэм поэма о мунстерском короле Кахале Псе-без-матери (ум. 665) «Пес-без-матери, добрый сын» («Cú cen mathair, maith cland»)¹⁰⁶, возможно, относится к концу VII или началу VIII в. М. Диллон обратил внимание на то, что до VII–VIII вв. доведены поэмы о различных ветвях Эоганахтов, следующие за «Пес-без-матери, добрый сын»¹⁰⁷: они перечисляют их родословные до общего предка — Корка. «Доисторические» библейские конструкции занимают большую часть поэмы (15–35). Подобно поэме «Энда, Лабрайд...», здесь родословная короля доводится до «благороднейшего Адама» через Рифата, сына Гомера, внука Иафета; также перечисляются европейские народы — потомки Иафета. Подробности, связанные с деятельностью королей, незначительны: преобладают хвалебные эпитеты. В отличие от «лейнстерских поэм» (прежде всего «Не подобает забвение»), где фигурируют представители различных родов (хотя, возможно, представлявших одну династию — потомков Катара Великого), «Пес-без-матери, добрый сын» является чисто генеалогическим

¹⁰⁴ Poppe E. A new edition of *Cáin Éimíne Báin* // *Celtica*. 1986. Vol. 18. P. 35–52.

¹⁰⁵ Poppe E. The list of sureties in *Cáin Éimíne* // *Celtica*. 1990. Vol. 21. P. 588–592.

¹⁰⁶ CGH 148 b 30 — 149 a 11.

¹⁰⁷ Dillon M. A poem on the kings of Eóganachta // *Celtica*. 1973. Vol. 10. P. 9–14.

перечнем, перечисляя прямых предков Кахала, начиная с отца, Кахала Олаха (ум. 628).

На юге Ирландии также зародился корпус генеалогий, который потом лег в основу генеалогической коллекции в утраченной рукописи, известной как «Псалтырь Кашеля» и отчасти сохранившийся в копиях в различных рукописях, прежде всего в упомянутой выше Laud 610¹⁰⁸. Еще И. Мак-Нейлл, рассматривая генеалогические и (псевдо)исторические материалы в Laud 610, выделил несколько этапов формирования этого корпуса. Он обратил внимание на то, что последними в генеалогических перечнях являются персоны, жившие в середине VIII в., и пришел к выводу, что составление этого корпуса можно отнести к 742 г. — концу царствования влиятельного мунстерского короля Кахала, сына Фингуине (ум. 742), внука Кахала Пса-без-матери¹⁰⁹. Анализируя генеалогии в «Книге Лекана», П. Уолш обратил внимание на латинский пролог, который предпослан к мунстерским генеалогиям:

Небрежное племя скоттов, забывая о своих деяниях, объявляет своими дела неслыханные или совсем не происходившие, поскольку не заботится о том, чтобы запечатлеть на письме что-либо из своих дел. Поэтому я записываю генеалогии скоттов: сначала — рода Эбера, потом — рода Эремона, в-третьих — рода Ира, в четвертых — Лугайда, сына Ита¹¹⁰.

Фактически этот пролог приравнивает генеалогии к историческому нарративу. П. Уолш предположил, что этот пролог первоначально относился к единому составленному в Мунстере корпусу генеалогий, организованному по географическому принципу: Мунстер — Север¹¹¹ / Лейнстер — улады — Мунстер (Лугайд — легендарный предок мунстерского племени Корко Лойгде)¹¹².

¹⁰⁸ См.: Ó Riain P. The Psalter of Cashel: A Provisional List of Contents // *Éigse*. 1989. Vol. 23. P. 107–130. Рукопись еще существовала в XVII в., и о ее содержании можно судить по документам того времени.

¹⁰⁹ Mac Neill J. On the reconstruction and date of the Laud Synchronisms // *ZCP*. 1915. Vol. 10. P. 93.

¹¹⁰ «Imprudens Scottorum gens rerum suarum obliuiscens acta quasi inaudita siue nullo modo facta uendicat quoniam minus tribuere litteris aliquid operum suorum praecuratur; et ob hoc genelogias (*sic*) Scottigenas litteris tribuam; primo gentis Ébir secundo gentis hÉremóin tertio hÍr quarto Lugdach meic Ítha». Перевод приводится по тексту, реконструированному Б. Яски: Jaski B. The Genealogical Section of the Psalter of Cashel // *Peritia*. 2003. Vol. 17–18. P. 302.

¹¹¹ Включая, очевидно Коннахт (среди потомства Конна Ста Битв).

¹¹² Walsh P. Irish men of learning. P. 112.

Б. Яски продолжил анализ генеалогий и предложил выделить три стадии формирования генеалогического корпуса: ок. 1000 г. (редакция, связанная с Брианом Борума), ок. 900 г. (этот этап связан с именем короля-ученого Кормака, сына Кулленана) и ок. 740 г. (редакция Кахала, сына Фингуйне)¹¹³.

Запись и оформление генеалогического корпуса в царствование Кахала, сына Фингуйне, происходили параллельно с кодификацией юридических текстов. При Кахале был составлен текст «Первые суждения немедов»¹¹⁴; его составление приписывается трем родичам из рода Уи Буйрехан: епископу Фораннану, поэту Маэл Туйле и судье Баэтгалаху¹¹⁵; видимо, чуть раньше был составлен текст «Разветвленное приобретение», цитата из которого содержится в «Первых суждениях немедов»¹¹⁶. Некоторые тексты связываются с именем Фингуйне (ум. 696), сына Кахала Пса-без-матери: это «Anfuigell»¹¹⁷ и сохранившийся в незначительных фрагментах трактат «Малое основание» («Fothae Bess») ¹¹⁸.

* * *

В конце VII в. в окружении *Уи Нейллов* — королей Тары — стало формироваться представление о истории Ирландии, которое предполагало, что королями Тары были только потомки Конна Ста Битв — т.е. сами Уи Нейллы и их родственники Коннахта. При этом из исторических текстов постепенно вымывались упоминания о королях Тары, не относившихся к роду Уи Нейллов, а позднее — и о королях, не относившихся к нескольким господствовавшим его ветвям. Как отмечал Д. Келлехер, парадоксальным образом генеалогии Уи Нейллов оказались менее полны и точны, чем многие другие; вероятно, генеалогии подвергались редактированию и сокращению в пользу правящих ветвей династии¹¹⁹.

¹¹³ *Jaski B.* The Genealogical Section. P. 295–337.

¹¹⁴ Текст «Вторые суждения немедов» Л. Бретнах по языковым данным также относится к древнеирландскому периоду (до 900 г.), но другой датирующей его информации нет.

¹¹⁵ *Breatnach L.* A companion to the Corpus Iuris Hibernici. Dublin, 2005. P. 190–191.

¹¹⁶ *Ibid.* P. 244.

¹¹⁷ Наиболее вероятный перевод этого названия — «Неверные суждения» или же «Неверно поданный иск». См.: *Ibid.* P. 164.

¹¹⁸ *Ibid.* P. 360.

¹¹⁹ *Kelleher J.V.* The Pre-Norman Irish genealogies // *Irish Historical Studies*. 1968. Vol. 16. P. 148–150.

Первым известным нам историческим трактатом такого рода является «Видение Конна Ста Битв». В видении доисторический король Конн видит своих потомков-королей до Финнехты Фледаха (ум. 692). До Ниалла Девяти Заложников фигурируют несколько доисторических королей, не относившихся к потомкам Конна, но после Ниалла короли Тары являются только потомками самого Ниалла или его брата Бриона. В основном текст утверждает права южной ветви Уи Нейллов, Сил н-Аэдо Слане, к которой принадлежал Финнехта¹²⁰.

Первой четвертью VIII в. (по языковым и другим данным) может датироваться составление крупнейшего юридического компендиума — «Великой старины» («*Senchus Már*»)¹²¹, также связанного с областью влияния Уи Нейллов, в частности с Арма. Есть данные и о связи определенных текстов с более ранними правителями из династии Уи Нейллов: текст «Суждения о неосторожности» («*Bretha Éitgid*») был якобы записан в конце 630-х годов: пролог относит составление памятника ко времени правления Домналла, сына Аэда, сына Айнмире (ум. 642), и называет его составителем ученого Кеннфаэлада (ум. 679)¹²². Определить короля, ко времени которого относится составление «Великой старины», не представляется возможным, поскольку запись трактата приписывалась фиктивным авторам — святому Патрику и его современникам. В одной из версий авторами «Великой старины» оказывались Патрик (церковь Арма), король Лоэгайре (династия Уи Нейллов) и поэт Дубтах мокку Лугарь (обеспечивавший связь новой, христианской этики с традиционными ценностями). В более пространным варианте пролога к «Великой старине» этому тексту приписывается общеирландская значимость: составителями трактата названы три

¹²⁰ Подробно о перечне королей в «Видении Конна» см.: *Mac Shamhráin A.S., Byrne P. Prosopography I: Kings named in Baile Chuinn Chétchataig and The Airgialla Charter Poem // The Kingship and Landscape of Tara. Dublin, 2005. P. 159–224.*

¹²¹ *Thurneysen R. Aus dem irischen Recht IV. 6. Zu den bisherigen Ausgaben der irischen Rechtstexte. I. Ancient Laws of Ireland und Senchas Már // ZCP. 1927. Vol. 16. S. 186.*

¹²² *Breatnach L. A companion. P. 358–359.* Поскольку в данной работе нас интересуют в основном генеалогии, мы не касаемся вопросов, связанных с фигурой Кеннфаэлада, символизировавшей в какой-то мере «переход от исключительно устной к отчасти письменной передаче древнеирландского языка, прежде всего в области права» (см.: *McCone K. Zur Frage der Register im frühen Irishen // Early Irish Literature — Media and Communication — Mündlichkeit und Schriftlichkeit in der frühen irischen Literatur. Tübingen, 1989. S. 61–67.*

епископа — Патрик, Бенигн и Кайрнех, три короля — Лоэгайре (Уи Нейллы), Дайре (улады) и Корк (Мунстер), и три поэта — Дубтах, Рос и Фергус¹²³.

* * *

Дошедшие до нас отрывки различных сочинений исторического характера говорят о том, что в VIII в. продолжалась разработка ирландской псевдоистории и генеалогии. А. Мак-Хаврань связывал с именем Домналла Миди (ум. 763), короля Тары из династии Уи Нейллов, существенную переработку генеалогической схемы рода Уи Нейллов в пользу своего рода — Кланн Холмайн¹²⁴. Трактат с синхронизмами, изданный И. Мак-Нейллом, завершает подсчеты на персонажах начала VIII в.: «Шестьдесят девять королей (царствовали) над Ирландией до правления Фергала, сына Маэла Дуйна, короля Ирландии [убит в 722], и Мурхада, сына Финна, короля Лейнстера [ум. 727], и Катала, сына Фингине, короля Мунстера [ум. 742]»¹²⁵. Еще один отрывок, сохранившийся в Книге Лекана, скопирован из утраченной «Тетради Снежного Хребта»: он не упоминает родословной Миля, а объясняет деяниями Миля и его сыновей некоторые ирландские обычаи (выплата выкупа за невесту)¹²⁶. Трактат «Наставление мудреца» («*Auraicecht na n-Éces*»), древняя часть которого относится к VII–VIII вв., посвящен происхождению ирландского языка и древней генеалогии гоидделов¹²⁷. Среди других историко-генеалогических сочинений VIII–IX вв. обращает на себя внимание уже упомянутая «История бриттов», приписывавшаяся Неннию, возникшая в 830 г. в Уэльсе, где также отражены легенды о заселении Ирландии¹²⁸.

Обобщающим сводом истории страны в представлении ирландских книжников явилась «Книга захватов Ирландии» («*Lebor Gabála*

¹²³ *Breatnach L.* A companion. P. 355–357.

¹²⁴ *Mac Shamhráin A.S.* *Nebulae discutiuntur?* The emergence of Chlann Cholmáin, sixth–eighth centuries // *Seanchas: studies in early and medieval Irish archaeology, history and literature in honour of Francis J. Byrne.* Dublin, 2000. P. 83–97.

¹²⁵ *Mac Neill J.* An Irish Historical Tract Dated A.D. 721 // *PRIA.* 1910. Vol. 28C, № P. 123–148.

¹²⁶ *Hull V.* The Milesian Invasion of Ireland // *ZCP.* 1933. Vol. 19. S. 155–160.

¹²⁷ О генеалогических аспектах «Наставления мудреца» см.: *Carey J.* The ancestry of Fénius Farsaid // *Celtica.* 1990. Vol. 21. P. 109–111.

¹²⁸ *Nennius.* British History and The Welsh Annals / Ed. and transl. by J. Morris. L.; Chichester, 1980. P. 61–62 (cap. 13–15).

Érenn»), созданная в конце XI в.¹²⁹ Книга включала в себя как прозаический текст, так и произведения поэтов IX–XI вв., формировавших псевдоисторический «канон». Фактически «Книга захватов» складывается из трех элементов (М. Скоукрофт назвал их «трактатами»): 1) Описание странствий гойделов перед приходом в Ирландию сыновей Миля; 2) Захваты Ирландии; 3) Перечень ирландских королей¹³⁰. Генеалогическая преемственность продолжает играть огромную роль в псевдоисторической схеме. Первые две «волны» поселенцев исчезают (Кессайр — в волнах потопа, люди Партолона гибнут от чумы), но все остальные оказываются генеалогически связаны между собой, отчего сохраняется непрерывная преемственность.

Благодаря деятельности «пропагандистов» Уи Нейллов оформляется псевдоисторическая схема, кратко выраженная книжником в Rawl. B 502 по-латыни: «Остров Ирландия разделен между двумя основными сыновьями Миля, то есть Эремоном и Эбером, на две части. Эбер принял южную часть Ирландии, Эремон же северную с королевской властью (*monarchia*)»¹³¹.

С окончательным оформлением схемы «Миль → Эремон (Север) / Эбер (Юг)» составителей генеалогий заботит включение всех ветвей генеалогий в одну стройную систему. Имеются не только «линейные» генеалогии, но и объяснения того, кто является общим предком того или другого рода или племени, на ком «сходятся» (*condrecait*) те или иные племена. Таков, например, текст «Соединение генеалогий» («*Comuamann na nGenelach*»), который присутствует в разных видах в LL и Rawl. B. 502: «На Угайне Великом сходятся лагены, Осрайге и потомки Конна...»¹³². Позднее развивается понятие о «свободных родах» (*sáerchlanda*) и «холопских» (*aithechthúatha*) и «подчиненных племенах» (*forthúatha*). Такие генеалогии имели явственно социальный характер: «На Конне разделяются (*fodlaiter*) свободные роды семени Конна (*Síl Chuind*) и подчиненными племенами семени Конна являются те, кто не доводит свою родословную до Конна — как святые, так и короли, каковы Луйгне, Дельбна, Гайленга и Кианнахта»¹³³.

¹²⁹ Краткий обзор истории создания «Книги захватов» и ее последующего изучения см.: Carey J. A New Introduction to Lebor Gabála Érenn. L., 1993.

¹³⁰ Scowcroft M. Leabhar Gabhála Part II: The Growth of the Tradition // Ériu. 1988. Vol. 39. P. 2–3.

¹³¹ CGH 136 b 35–40.

¹³² CGH LL 318 b 56, ср. CGH 140 b 13.

¹³³ CGH LL 318 c 3–6.

В «Лейнстерской книге» говорится:

Ниалл Девяти Заложников, Катар Великий, сын Федельмида, Фиакра Арайде, Айлилль Голое Ухо. Они — четыре серебряных столпа¹³⁴, на которых покоится генеалогия верховных королей, и знатных людей, и благородных святых Ирландии, и всех людей хорошего рода всей Ирландии¹³⁵.

Автор перечисляет предков основных династий: Ниалл — Уи Нейллы, Катар — династии Лейнстера, Фиакра Арайде — уладской династии Дал н-Арайде, Айлилль — династии Мунстера. Однако в Rawl. B 502 за уладами вообще не признается права на знатность:

Являются подчиненными родами среди Уи Нейллов, Коннахтов, уладов и лагенов и Мунстера каждый, кто не возводит свою генеалогию к этим четырем высоким столпам, то есть к Ниаллу среди Уи Нейллов, к Эохайду Мугмедону среди коннахтов, к Катару Великому среди лагенов, к Айлиллю Голое Ухо среди мунстерцев¹³⁶.

Иногда составитель генеалогии открыто противоречит самому себе, пытаясь привязать «своего» предка к престижному Ниаллу или хотя бы к общему предку гойделов — Милю Испанскому (не исключено, что идеологи Уи Нейллов так настаивали на том, что у Конна был только один сын — Арт Одинокый, — чтобы предотвратить подобные поползновения). Так, в родословной племени Киаррайге их предок Эрех Фебрия называется «сыном Миля Испанского, то есть он (был) двенадцатым знатным юношей (*ócthigern*) из тех, что захватили Ирландию»¹³⁷. Упоминание о двенадцати знатных юношах и двадцати четырех холопах, пришедших с Милем, встречается уже в отрывке из «Книги Снежного хребта»¹³⁸, но вполне очевидно, что в любом случае эти юноши не были *сыновьями* Миля. Далее автор сообщает: «Как мы сказали

¹³⁴ Сравнение генеалогической последовательности знатного рода с серебряным столпом/ветвью неоднократно встречается в средневековой ирландской культуре. Так, в одном из юридических текстов сын, которого жена героя Финна родила от другого мужчины, именуется «деревянной жердью в серебряной ограде» (*Dillon M. Stories from the Law-Tracts // Ériu. 1932. Vol. 11. P. 48–49, 58–61*).

¹³⁵ CGH (LL) 318 b 28–31.

¹³⁶ CGH 140 b 27–31.

¹³⁷ CGH 158 51.

¹³⁸ *Hull V. The Milesian Invasion of Ireland // ZCP. 1933. Vol. 19. P. 155–160.*

выше, Киаррайге из рода Фергуса, а у Фергуса есть две генеалогии: то есть генеалогия до Эреха Фебра, сына Миля и от Эреха до Адама, или же от Рудрайге до Ира и от Ира до Адама¹³⁹.

Разночтения в генеалогии Фергуса иллюстрирует затруднения, с которыми сталкивались составители генеалогий *уладов* — жителей древнего Ульстера. Уже в VII в. складываются первые тексты саг и поэм, относящихся к уладскому циклу. При этом генеалогия самих уладов явно не укладывалась в историческую схему «Миль → Эремон / Эбер». Улады считали себя потомками Рудрайге, сына Дела, а в псевдоисторической схеме Рудрайге фигурировал, как король Фир Болг¹⁴⁰, племени, господствовавшего в Ирландии до прихода Племен Богини Дану и сыновей Миля. Ученые люди избрели еще одного сына Миля — Ира, к которому можно было приязать уладов¹⁴¹.

Наличие нескольких генеалогий у одной династии или племени (Д. Торнтон назвал это «генеалогической шизофренией»)¹⁴² не смущало ирландских книжников; точно так же, например, в «Старине мест» (*dindsenchas*) приводилось несколько объяснений возникновения одного и того же названия¹⁴³. Ученые создавали тексты не с целью исследования исторической истины и создания непротиворечивой картины прошлого: их основной задачей была демонстрация своей эрудиции, виртуозного владения различными темами, умения показать этиологию различных реалий и институтов.

¹³⁹ CGH 159 а 1–3.

¹⁴⁰ *Ó hUiginn R. Fergus, Russ and Rudraige: a Brief Biography of Fergus Mac Róich // Emania. 1993. Vol. 11. P. 33–34.*

¹⁴¹ Основное издание уладских генеалогий: *Ní Dobs M. The history of the descendants of Ir // Zeitschrift für celtische Philologie. 1921. Bd. 13. S. 308–359.*

¹⁴² *Thornton D.E. Orality, literacy and genealogy in Early Medieval Ireland and Wales // Literacy in medieval Celtic societies. Cambridge, 1998. P. 87.*

¹⁴³ Хрестоматийный пример — это объяснение названия «Тара» (Temaír) в «Старине мест»: «Темайр, сказал Аморген, — стена Теи, дочери Лугайда, сына Иты... Или же Темайр — это *Teipe múr*, то есть стена Тефии, дочери Бахтира, короля Испании... Темайр и Друйм Кайн, и Лиатдруйм, и Катайр Крофинн, Друйм Дескин — пять имен Тары. Или же: Темайр — от греческого слова *temorio*, что переводится на латинский, как *conspicio* ('вид')» (*The Prose Tales in the Rennes Dindsenchas / Ed. Wh. Stokes // Revue Celtique. 1894. Vol. 15. P. 277–278*). Автора текста не смущало то, что название «Тара» связано одновременно с дочерью Лугайда (и внучкой Миля Испанского), с «Тефией» (именование моря «стена Тефии») встречается в «О погибели Британии» Гильды, с «греческим» словом, и при этом Тара носит еще четыре других названия.

Имеющийся у нас на данный момент материал складывается в следующую картину. И в Уэльсе (шире — среди бриттов на территориях, не подвергшихся англо-саксонскому завоеванию), и в Ирландии наблюдаются некоторые общие черты в использовании генеалогий в конструировании истории. Сначала появляются поэмы, которые, помимо своей прямой функции — восхваления королей, — содержат и генеалогическую информацию; нередко создание стихотворного текста играет роль мнемонического приема для запоминания генеалогии правителя и деяний его предков и предшественников. В Ирландии такие поэмы достаточно рано встраиваются в библейскую схему мировой истории, отражая происхождение королей от Иафета, сына Ноя, и его потомков. Затем появляются сводные подборки генеалогий: их составление зачастую идет рука об руку с другой идеологической деятельностью ирландских правителей, в частности с кодификацией законов. Отдельные подборки генеалогий включаются в сводные «национальные» истории: валлийскую «Историю бриттов» (830 г.) и «Книгу захватов Ирландии» (конец XI в.).

Следует отметить, что, в отличие от Уэльса, в Ирландии вплоть до XI–XII вв. не возникает никаких попыток создания нарратива по собственно средневековой истории страны. Усилия по интерпретации и переинтерпретации средневековой истории ирландские книжники в основном применяют в генеалогиях, перекраивая отдельные генеалогические последовательности, «облагораживая» те или иные династии и утверждая тем самым их право на более высокое положение в обществе.

ИСТОЧНИКИ

Гильда Премудрый. О гибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / Пер., вступ. ст. и коммент. Н.Ю. Чехонадской [Живловой]. М., 2003.

Живлова Н. Ю., Соловьева А. Р. Трактат о матерях святых Ирландии // Тр. Кафедры древних языков. М., 2012. С. 266–382.

Из ранней валлийской поэзии / Изд. подгот. А.И. Фалилеев. СПб., 2012.

Королёв А.А. Древнейшие памятники ирландского языка. М., 2003.

Предания и мифы средневековой Ирландии / Под ред. Г.К. Косикова; Сост., вступ. статья и коммент. С.В. Шкунаева. М., 1991.

- Шервуд Е.А.* Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени. (К раннему этногенезу итальянцев). М., 1992.
- ÄID I — *Meyer K.* Über die älteste irische Dichtung: 1. Rhythmische alliterierende Reimstrophen // Abhandlungen den könig. Preuss. Akademie der Wissenschaften. Jahrgang 1913. Phil.-Hist. Classe. 1913. N 6. S. 1–61.
- ÄID I — *Meyer K.* Über die älteste irische Dichtung: II. Rhythmische alliterierende reimlose Strophen // Abhandlungen den könig. Preuss. Akademie der Wissenschaften. Jahrgang 1913. Phil.-Hist. Classe. 1914. N 10. S. 1–40.
- Bartrum P.C.* Welsh genealogies, A.D. 300–1400. In 8 vols. Cardiff, 1974.
- Breudwyt Maxen Wledic / Ed. B.F. Roberts. Dublin, 2005. (Medieval and Modern Welsh Series; Vol. 11).
- BS — The Ban-shenchus / Ed. M. ni C. Dobbs // RC. 1930. Vol. 17. P. 283–339; Vol. XLVIII. 1931. P. 163–234; Vol. XLIX. 1932. P. 437–489.
- C. Ivlii Caesaris* Commentarii rerum gestarum. Vol. I. Bellum Gallicum / Ed. W. Hering. Leipzig, 1987.
- Campanile E.* Die älteste Hofdichtung von Leinster: Alliterierende reimlose Strophen. Einleitung, Text, Übersetzung, Anmerkungen, Glossar. Wien, 1988. (Veröffentlichungen der keltischen Kommission; 8).
- CGH — Corpus Genealogiarum Hiberniae. Vol. 1 / Ed. M.A. O'Brien. (Dublin Institute for Advanced Studies, 1962, repr. 2001).
- CGSH — Corpus Genealogiarum Sanctorum Hiberniae / Ed. P. Ó Riain. Dublin, 1985.
- Corthals J.* The rhymeless “Leinster Poems”: diplomatic texts // *Celtica*. 2003. Vol. 24. P. 79–100.
- Dillon M.* A poem on the kings of Eóganachta // *Celtica*. 1973. Vol. 10. P. 9–14.
- Dillon M.* Stories from the Law-Tracts // *Ériu*. 1932. Vol. 11. P. 42–65.
- Diodorus.* Bibliotheca historica / Post I. Bekker et L. Dindorf recogn. Fr. Vogel. Leipzig, 1985. Vol. 2.
- EWGT — *Bartrum P.C.* Early Welsh Genealogical Tracts. Cardiff, 1966.
- Fingal Ronáin / Ed. D. Greene. Dublin, 1975.
- Geinealaighe Fearmanach // *Analecta Hibernica*. 1931. N 3. P. 62–150.
- Giraldus Cambrensis.* Itinerarium Kambriae et Descriptio Kambriae / Ed. J.F. Dimock. L., 1868.
- Hull V.* The Milesian Invasion of Ireland // *ZCP*. 1933. Vol. 19. P. 155–160.
- Isidorus.* Isidorus Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX / Recogn. W.M. Lindsay. Oxonii, 1911. Vol. 1.
- LL — The book of Leinster, formerly Lebar na Núachongbála / Ed. by R.I. Best, O. Bergin, M.A. O'Brien and A. O'Sullivan. Dublin, 1954–1983. Vol. 1–6.
- Mac Neill J.* An Irish Historical Tract Dated A.D. 721 // *PRIA*. 1910. Vol. 28. C. P. 123–148.
- Meyer K.* How King Niall of the Nine Hostages was slain // *Otia Merseiana*. Vol. 2: 1900–1901. P. 84–92.

- Meyer K.* The Laud Synchronisms // *Zeitschrift für celtische Philologie*. 1913. Vol. 9. P. 471–485.
- Nennius.* *British History and The Welsh Annals* / Ed. and transl. by J. Morris. L.; Chichester, 1980.
- Poppe E.* A new edition of *Cáin Éimíne Báin* // *Celtica*. 1986. Vol. 18. P. 35–52.
- Ní Dobs M.* The history of the descendants of Ir // *Zeitschrift für celtische Philologie*. 1921. Vol. 13. P. 308–359.
- On the Fomorians and the Norsemen by Duald Mac Firbis / Ed. with transl. and notes by A. Bugge. Christiania, 1905.
- Phillimore E.* The *Annales Cambriae* and Old-Welsh Genealogies from Harleian MS 3859 // *Y Cymmrodor*. 1888. Vol. 9. P. 141–183.
- The Poems of Taliesin / Ed. and annotated by Sir I. Williams. Dublin, 1968.
- The Prose Tales in the Rennes Dindsenchas / Ed. Wh. Stokes // *RC*. 1894. Vol. 15. P. 272–336.

ЛИТЕРАТУРА

- Калыгин В.П.* Этнонимика и теонимика древних кельтов // *Этимология*, 2000–2002. М., 2003. С. 222–233.
- Калыгин В.П.* Язык древнейшей ирландской поэзии. М., 1986 (2-е изд.: 2003).
- Николаев Д.С.* Ранняя ирландская поэзия и проблема палеофольклора: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- Abbott T.K., Gwynn E.J.* *Catalogue of the Irish manuscripts in the library of Trinity College, Dublin*. Dublin; L., 1921.
- Birley A.R.* *The Roman Government of Britain*. Oxford, 2005.
- Braund D.C.* The Aedui, Troy, and the *Apocolocyntosis* // *The Classical Quarterly*. N.S. 1980. Vol. 30, N 2. P. 420–425.
- Breatnach L.* *A companion to the Corpus Iuris Hibernici*. Dublin, 2005.
- Broun D.* The Birth of Scottish History // *The Scottish Historical Review*. 1997. Vol. 76, N 201, part 1: 'Writing Scotland's History': Proceedings of the 1996 Edinburgh Conference. P. 4–22.
- Broun D.* *The Charters of Gaelic Scotland and Ireland in the Early and Central Middle Ages*. Cambridge, 1995. (Quiggin Pamphlets on the Sources of Mediaeval Gaelic History; 2).
- Carey J.* *A New Introduction to Lebor Gabála Éirenn*. L., 1993.
- Carey J.* From David to Labraid: Sacral kingship and the Emergence of Monotheism in Israel and Ireland // *Approaches to Religion and Mythology in Celtic Studies*. Cambridge, 2008. P. 2–27.
- Carey J.* The ancestry of Fénius Farsaid // *Celtica*. 1990. Vol. 21. P. 104–112.
- Carney J.* The Dating of Archaic Irish Verse // *Early Irish Literature — Media and Communication — Mündlichkeit und Schriftlichkeit in der frühen irischen Literatur*. Tübingen, 1989. P. 39–55.

- Carney J.* Three Old Irish Accentual Poems // *Ériu*. 1971. Vol. 22. P. 23–80.
- Charles-Edwards T.M.* Early Christian Ireland. Cambridge, 2000.
- Charles-Edwards T.M.* The chronicle of Ireland. Liverpool, 2006. (Translated texts for historians; 44).
- Charles-Edwards T.M.* The context and uses of literacy in early Christian Ireland // Literacy in Medieval Celtic Societies / Ed. by H. Pryce. Cambridge, 1998. P. 62–82.
- Charles-Edwards T.M.* Wales and the Britons, 350–1064. Oxford, 2013.
- Cunliffe B.* Iron Age Communities in Britain: An Account of England, Scotland, and Wales from the Seventh Century BC Until the Roman Conquest. L., 2005.
- Dumville D.N.* Kingship, Genealogies and Regnal lists // Early medieval kingship. Leeds, 1977. P. 72–104.
- Dumville D.N., Grabowski K.* Chronicles and annals of mediaeval Ireland and Wales: The Clonmacnoise-group Texts. Woodbridge, 1984. (Studies in Celtic History; 4).
- Evans N.* The present and the past in medieval Irish chronicles. Woodbridge, 2010. (Studies in Celtic History; 27).
- Ireland C.* Aldfrith of Northumbria and the Irish Genealogies // *Celtica*. 1991. Vol. 22. P. 64–78.
- Jaski B.* ‘We are of the Greeks in our Origin’: New Perspectives on the Irish Origin Legend // *Cambrian Medieval Celtic Studies*. 2003. Vol. 46. P. 1–53.
- Jaski B.* The Genealogical Section of the Psalter of Cashel // *Peritia*. 2003. Vol. 17–18. P. 295–337.
- Kelleher J.V.* The Pre-Norman Irish genealogies // *Irish historical studies*. Vol. 16. 1968. P. 138–153.
- Kenny J.F.* The sources for the early history of Ireland; an introduction and guide. N.Y., 1929. Vol. 1: Ecclesiastical.
- Koch J.T.* *Llawr en asseð* (CA 932) “The Laureate Hero in the War-Chariot”: some recollections of the Iron Age in the *Gododdin* // *Études Celtiques*. 1987. Vol. 24. P. 253–278.
- Koch J.T.* When Was Welsh Literature First Written Down? // *Studia Celtica*. 1985–86. Vol. XX/XXI. P. 43–66.
- Lapidge M., Sharpe R.* A Bibliography of Celtic-Latin literature, 400–1200. Dublin, 1985.
- Herbert M.* Iona, Kells, and Derry: The History and Hagiography of the Monastic *Familia* of Columba. Oxford, 1988.
- Mac Cana P.* Notes on the Combination of Prose and Verse in Early Irish Narrative // Early Irish literature — media and communication — Mündlichkeit und Schriftlichkeit in der frühen irischen Literatur. Tübingen, 1989. P. 125–147.
- Mac Neill J.* On the reconstruction and date of the Laud Synchronisms // *ZCP*. 1915. Vol. 10. P. 81–96.
- Mac Niocall G.* The Medieval Irish Annals. Dublin, 1975.

- Mac Shamhráin A.S. and Byrne P.* Prosopography I: Kings named in *Baile Chuinn Chétchataig* and *The Airgialla Charter Poem* // The Kingship and Landscape of Tara. Dublin, 2005. P. 159–224.
- Mac Shamhráin A.S.* *Nebulae discutuntur?* The emergence of Chlann Cholmáin, sixth-eighth centuries // *Seanchas: studies in early and medieval Irish archaeology, history and literature in honour of Francis J. Byrne*. Dublin, 2000. P. 83–97.
- Mahon W.* Glasraige, Tóecraige, and Araid: Evidence from Ogam // *Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium*. Vol. VIII. 1988. P. 11–30.
- McCone K.* Zur Frage der Register im frühen Irishen // *Early Irish Literature — Media and Communication — Mündlichkeit und Schriftlichkeit in der frühen irischen Literatur*. Tübingen, 1989. S. 57–97.
- Ní Bhrolcháin M.* The Manuscript Tradition of the Banshenchas // *Ériu*. 1982. Vol. 33. P. 109–135.
- Ní Dhonnchadha M.* The beginnings of Irish vernacular tradition // *L'Irlanda e gli Irlandesi nell'alto Medioevo*: Spoleto, 16–21 aprile 2009. Spoleto, 2010. P. 533–600.
- Nicholls K.W.* The Irish Genealogies: Their value and defects // *The Irish Genealogist*. 1975. Vol. 5. № 2. P. 256–261.
- Nicholson E.W.B.* The Dynasty of Cunedag and the 'Harleian Genealogies' // *Y Cymmrodor*. 1908. Vol. 21. P. 63–104.
- Ó Buachalla B.* Na Stíobhartáigh agus an t-aos léinn: Cing Séamas // *PRIA*. 1983. Vol. 83C. P. 81–134.
- Ó Corráin D.* Creating the Past: The Early Irish Genealogical Tradition. Carroll Lecture 1992 // *Peritia*. 1998. Vol. 12. P. 177–208.
- Ó Corráin D.* Irish Origin Legends and Genealogy: Recurrent Aetiologies // *History and Heroic Tale: A Symposium*. Proceedings of the Eighth International Symposium organized by the Centre for the Study of Vernacular Literature in the Middle Ages. Held at Odense University on 21–22 November, 1983. Odense, 1985. P. 51–96.
- Ó Cuív B.* Catalogue of Irish language manuscripts in the Bodleian library at Oxford and Oxford College Libraries. Dublin, 2001. Part 1: Descriptions.
- Ó hUiginn R.* Fergus, Russ and Rudraige: a Brief Biography of Fergus Mac Róich // *Emania*. 1993. Vol. 11. P. 31–40.
- Ó Muraíle N.* The Celebrated Antiquary Dubhaltach Mac Fhirbhisigh (c. 1600–1671): His Lineage, Life and Learning. Maynooth, 2002.
- Ó Muraíle N.* The Irish genealogies — an overview and some desiderata // *Celtica*. 2010. Vol. 36. P. 128–145.
- Ó Riain P.* A Dictionary of Irish Saints. Dublin, 2011.
- Ó Riain P.* The Psalter of Cashel: A Provisional List of Contents // *Éigse*. 1989. Vol. 23. P. 107–130.
- O'Hart J.* Irish Pedigrees; or, The Origin and Stem of the Irish Nation. Dublin, 1892. Vol. 1.

- Pender S.* O'Ferrall's *Linea Antiqua* (National Library of Ireland MS.) // *Analecta Hibernica*. 1941. N 10. P. 289–292.
- Plassmann A.* Gildas and the Negative Image of the Cymry // *Cambrian medieval Celtic studies*. 2001. Vol. 41. P. 1–15.
- Poppe E.* The list of sureties in *Cáin Éimíne* // *Celtica*. 1990. Vol. 21. P. 588–592.
- Powell N.M.W.* Genealogical narratives and kingship in medieval Wales // *Broken Lines: Genealogical Literature in Medieval Britain and France*. Turnhout, 2008. P. 175–202.
- Radner J.N.* Early Irish historiography and the significance of form // *Celtica*. 1999. Vol. 23. P. 312–325.
- Rodway S.* Mermaids, Leprechauns, and Fomorians: A Middle Irish Account of the Descendants of Cain // *Cambrian medieval Celtic studies*. 2010. Vol. 59. P. 1–17.
- Roymans N.* *Ethnic Identity and Imperial Power: The Batavians in the Early Roman Empire*. Amsterdam, 2004.
- Scowcroft M.* *Leabhar Gabhála Part II: The Growth of the Tradition* // *Ériu*. 1988. Vol. 39. P. 1–66.
- Sharpe R.* *Medieval Irish Saints' Lives. An Introduction to Vitae Sanctorum Hiberniae*. Oxford, 1991.
- Simms K.* *Medieval Gaelic Sources*. Dublin, 2009.
- Smyth A.P.* The Earliest Irish Annals: Their First Contemporary Entries, and the Earliest Centres of Recording // *PRIA*. 1972. Vol. 72C. P. 1–48.
- Thornton D.E.* *Kings, Chronologies, and Genealogies: Studies in the Political History of Early Medieval Ireland and Wales*. Oxford, 2003.
- Thornton D.E.* Orality, literacy and genealogy in Early Medieval Ireland and Wales // *Literacy in medieval Celtic societies* / Ed. H. Pryce. Cambridge, 1998. P. 83–98.
- Thurneysen R.* Aus dem irischen Recht IV. 6. Zu den bisherigen Ausgaben der irischen Rechtstexte. I. Ancient Laws of Ireland und Senchas Már // *ZCP*. 1927. Bd. 16. S. 167–196.
- Toner G.* Authority, Verse and the Transmission of Senchas // *Ériu*. 2005. Vol. 55. P. 59–84.
- Walsh P.* *Irish men of learning: studies*. Dublin, 1947.
- Watkins C.* Indo-European Metrics and Archaic Irish Verse // *Celtica*. 1963. Vol. 6. P. 194–249.

Nina Yu. Zhivlova

GENEALOGIES AND EARLY HISTORICAL WRITING IN
IRELAND

The article deals with genealogies as a source for the early medieval history of Ireland. Ancient historians regarded genealogies as an important

part of life of Celts; a considerable body of genealogical texts is known for medieval and early modern Wales. The Irish and Welsh genealogies have a number of common features, such as genealogies of the saints and genealogical tracts on women.

Early medieval Irish scholars did not attempt to create a narrative history of the country after the introduction of Christianity; only by the eleventh and the twelfth centuries historical texts as such were beginning to appear. This (and the huge amount of the genealogical texts preserved) makes genealogies a key source for the study of medieval history of Ireland. Genealogies are a medium for researching political history (dynastic marriages and succession) and social history as well: they reflect existing hierarchies of tribal groups and dynasties in a symbolic form, through relationships of their legendary ancestors. Genealogies were very often adjusted to changing political situation, and this makes their study even more complicated. The contradictions between different versions of the genealogical corpora allow us to reveal different stages in creation of the texts. In this article the most ancient genealogical texts from Leinster, Munster and Northern Ireland are examined. Genealogies are considered in connection with legal and narrative texts; they also played an important role in the legitimization of the power of medieval Irish kings.

Key words: Ireland, Wales, the Middle Ages, Irish genealogies, kingship, Uí Néill, Éoganachta

Т.В. Гимон

ЗАРОЖДЕНИЕ ИСТОРИОПИСАНИЯ В АНГЛО-САКСОНСКОЙ АНГЛИИ*

В статье обобщаются сведения о наиболее ранних формах историописания в англо-саксонских королевствах. Наибольшее внимание уделено королевству Нортумбрия в конце VII — начале VIII в., поскольку именно для него мы располагаем наиболее полными сведениями о раннем историописании. Рассматриваются исторические сочинения Беда Достопочтенного, а также «малые формы» историописания (перечни королей, краткие анналы и др.), которые, вероятно, предшествовали деятельности Беда, а также возникли в ходе распространения в рукописях его трудов. Отдельно разбираются немногочисленные данные о ранних опытах записи исторических событий в других англо-саксонских королевствах (Кент, Уэссекс, Мерсия) и дается краткий очерк развития историописания в Англии в VIII–XI вв.

Ключевые слова: Англо-Саксонская Англия, Нортумбрия, историописание, Беда Достопочтенный, анналы, перечни правителей

Для задач настоящего тома англо-саксонское историописание замечательно в первую очередь тем, что мы довольно хорошо представляем себе его *начало*. «Довольно хорошо» не означает, конечно, «нам всё известно». Не вполне ясно, например, когда зародились краткие анналы; спорят о происхождении древнейших епископских перечней; и т.д. Однако мы твердо знаем, где, когда, каким человеком, с какими намерениями и под какими влияниями были созданы первые *пространные* сочинения по истории. Мы можем достаточно подробно (хотя и не всегда совершенно уверенно) говорить о его источниках — как письменных, так и устных, — а также о методах его работы. Мы знаем дальнейшую судьбу трудов

* Статья написана в Государственном Академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания № 2014/321 Минобрнауки России (проект «Письмо и повседневность: Древняя Русь в сравнительно-исторической перспективе»).

этого человека, равно как и то, какие еще формы историописания возникли под влиянием и, если так можно выразиться, в связи с бытованием его трудов. Кое-что знаем мы и о формах историописания, возникших *еще до* деятельности этого человека.

Англо-Саксонская Англия лишь со временем обрела политическое единство; первоначально это был конгломерат королевств, близких друг к другу в культурном отношении. Почти всё, что мы знаем о начале историописания, касается только одного из этих королевств — самого северного, Нортумбрии. О ней я и буду главным образом говорить. Тем не менее кое-какие следы ранних исторических записей дошли до нас и от других королевств, и об этом тоже необходимо будет сказать. Наконец, я постараюсь коротко обрисовать дальнейшее развитие историописания в Англо-Саксонской Англии — вплоть до ее завоевания в 1066 г. герцогом Нормандии Вильгельмом¹.

1. ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА РАННИХ АНГЛО-САКСОНСКИХ КОРОЛЕВСТВ

В V–VI вв. племена англо-саксов переселились в Британию, населенную романизованными кельтами (до 407 г. большая часть Британии находилась под властью Римской империи). Постепенно на этой территории сформировался ряд англо-саксонских королевств: Берниция, Дейра (в результате их объединения в начале VII в. появилось королевство Нортумбрия), Восточная Англия, Мерсия (в ее состав вошли также Линдси и Хвикке), Уэссекс, Эссекс, Сассекс, Кент и др. — всего не менее десятка королевств (см. карту 1). Эти королевства находились в постоянном соперничестве, временами впадая в зависимость друг от друга. Англо-саксы говорили на близкородственных западногерманских диалектах и, весьма вероятно, осознавали себя как некое единство —

¹ Очерки англо-саксонского историописания см.: *Brooke Ch.N.L.* Historical writing in England between 850 and 1150 // *La storiografia altomedievale* (10–16 aprile 1969). Spoleto, 1970. P. 223–247; *Gransden A.* Historical Writing in England c. 550 to c. 1307. Ithaca (N.Y.), 1974. P. 13–91; а также в моей книге: *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. Настоящая статья не является выжимкой из этой книги: многие рассматриваемые здесь сюжеты, связанные с древнейшими памятниками историописания, в книге затронуты лишь вскользь или не затронуты вовсе.

Карта 1. Основные англо-саксонские королевства в VII–VIII вв.

по крайней мере, такое сознание уже отчетливо прослеживается в «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного, о которой пойдет речь ниже.

Письменная культура римской Британии почти не оказала прямого влияния на англо-саксов, однако некоторую преемственность через посредство кельтов проследить можно. У самих англо-саксов

определенное распространение имело руническое письмо (надписи известны с V в.), однако до принятия христианства сколько-нибудь пространных текстов с помощью рун, по-видимому, не составлялось. Наиболее пространные рунические тексты относятся уже к христианскому времени². Поэтому начало активного развития англо-саксонской письменной культуры есть все основания связывать с христианизацией.

Христианизация англо-саксонских королевств проходила с конца VI по середину VII в. В 597 г. в Кент прибыла миссия св. Августина Кентерберийского, вскоре после чего крестился король Кента Этельберт. В течение первой половины VII в. христианство приняли и правители других англо-саксонских королевств, хотя были и случаи временного отступления обратно к язычеству. Так, король Нортумбрии Эдвин крестился в 627 г., а после его гибели в 633 г. наступила кратковременная языческая реакция. Последним крестилось занимавшее обширные территории срединной Англии королевство Мерсия (ок. 756 г.).

Христианская культура англо-саксов формировалась под влиянием с двух сторон — Римской церкви и кельтского христианства. С одной стороны, Августин Кентерберийский, Паулин (первый епископ Йорка, крестивший в 627 г. короля Нортумбрии Эдвина) и другие отцы-основатели англо-саксонской церкви представляли Рим и действовали с его ведома. С другой — большое влияние имел монастырь Иона (на острове у западного побережья современной Шотландии, в кельтском королевстве Дал Риада), основанный в 563 г. ирландцем св. Колумбой. Выходец из Ионы св. Айдан основал (не позднее 634 г.) на Святом Острове у восточного побережья Берниции монастырь Линдисфарн и стал первым епископом Линдисфарна, и одновременно — всей Нортумбрии. Покровителем Айдана и проводником кельтского христианства был и тогдашний король Нортумбрии Освальд, до этого нашедший себе убежище в Далриаде. Между Римской церковью и последователями св. Колумбы имелись разногласия, важнейшим из которых была разная методика исчисления дня Пасхи. В 664 г. на синоде в Уитби король Нортумбрии Освиу признал правоту Рима, что ознаменовало

² О руническом письме у англо-саксов см.: *Page R.I.* An Introduction to English Runes. 2nd ed. Woodbridge, 1999; *Parsons D.N.* Recasting the Runes: The Reform of the Anglo-Saxon *Futhorc*. Uppsala, 1999; *Barnes M.P.* Runes: A Handbook. Woodbridge, 2012. P. 37–53.

победу римской версии христианства в этом северном королевстве. Однако даже после этого англо-саксонские монастыри сохраняли культурные связи с центрами кельтского христианства.

Англо-саксонская книжность раннего периода (до конца IX в.) использовала в основном латынь — язык христианского богослужения и многовековой литературной традиции. В то же время существовало письмо и на древнеанглийском языке. Если в дохристианское время оно представлено лишь немногими краткими руническими надписями, то с VII в. на древнеанглийском языке начинают составляться своды законов, со временем появляются и другие древнеанглийские тексты, а также глоссарии и глоссы в латинских рукописях.

Распространение христианства (в обеих его версиях), конечно, в первую очередь привело к импорту богослужебных и иных церковных книг, а также к появлению собственных скрипториев, в которых такие книги создавались. Источники содержат свидетельства о ввозе книг в Англию с Континента, об организации первых школ и о монастырском книгописании в англо-саксонских королевствах в VII в. Древнейшая сохранившаяся рукопись, созданная в Англии, — это, скорее всего, Даремские фрагменты евангелия середины VII в. К концу VII — началу VIII в. относится уже значительное число сохранившихся англо-саксонских книг³.

На протяжении VII в. в важнейших монастырских центрах Англии формировались библиотеки. Едва ли не крупнейшей из них стала библиотека Веармута-Ярроу — монастыря (точнее, двух монастырей с единым управлением) на севере Нортумбрии (в районе современного Ньюкасла) (илл. 1). Самый известный из монахов Ярроу — Беда Достопочтенный, о котором много будет сказано ниже, — в своей «Истории аббатов» описывает, как основатель монастыря Бенедикт Бископ, а также его преемники Кеолфрид и Хвэтберт, привозили в Англию с Континента книги⁴. Однако основные наши сведения о библиотеке Веармута-Ярроу происходят из

³ См. обзор и ссылки: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 37–38. Каталог сохранившихся англо-саксонских книг см.: *Gneuss H.* Handlist of Anglo-Saxon Manuscripts: A List of Manuscripts and Manuscript Fragments Written or Owned in England up to 1100. Tempe (Arizona), 2001.

⁴ *Ненарокова М.Р.* Текст и его источники: Беда и его жизнеописание пяти отцов-настоятелей // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (Исследования и переводы). М., 2010. С. 543–544, 549, 554–555, 558, гл. 4, 9, 15, 18.

Илл. 1. Церковь ап. Павла в Ярроу. Древнейшая часть здания (685 г.). Фото Л.М. Орловой-Гимон

анализа сочинений Беда — что он цитирует и на что ссылается⁵. По оценке М. Лэпиджа, библиотека Веармута-Ярроу насчитывала не менее двухсот томов⁶.

В конце VII в. известны уже и оригинальные литературные произведения на латыни, созданные англо-саксами. Так, к концу VII в. относятся такие образцы поэзии, как загадки Альдхельма (Уэссекс) и стихи Люттинга (Нортумбрия)⁷. Первые оригинальные жития, созданные англо-саксами, это анонимное житие св. Кутберта (создано в 699–704 гг.) и житие папы Григория Великого, написанное ок. 710 г. Оба эти жития были составлены в Нортумбрии, где в первой четверти VIII в. появился и ряд других дошедших до нас агиографических памятников. Об историописании, возникшем, в общем, тогда же, пойдет речь ниже.

⁵ *Laistner M.L.W.* The Library of the Venerable Bede // *Laistner M.L.W.* Intellectual Heritage of the Early Middle Ages: Selected Essays. Ithaca (N.Y.), 1957. P. 117–149; *Lapidge M.* The Anglo-Saxon Library. Oxford, 2006. App. E; *Зверева В.В.* «Новое солнце на Западе»: Беда Достопочтенный и его время. СПб., 2008. С. 81–87.

⁶ *Lapidge M.* The Anglo-Saxon Library. P. 37, 127.

⁷ *Lapidge M.* The earliest Anglo-Latin poet: Lutting of Lindisfarne // ASE. 2013. Vol. 42. P. 1–26. Также автором поэтических произведений был архиепископ Теодор (668–690), грек по происхождению (*Lapidge M.* The school of Theodore and Hadrian // ASE. 1986. Vol. 15. P. 46).

Развивалась и деловая письменность. На протяжении VII в. короли Кента издали три законодательных памятника (правды), древнейший из которых был составлен в 601–604 гг.⁸ Эти судебники являются древнейшими пространными текстами, написанными по-древнеанглийски (дошли они, правда, в единственном списке XII в.). К концу VII или началу VIII в. века относится древнейший судебник Уэссекса — законы Ине (688–726), тоже составленные на древнеанглийском языке.

От VII в. дошел до нас и ряд актов (главным образом королевских жалованных грамот монастырям). Абсолютное большинство из них сохранилось только в более поздних списках, а многие, вероятно, являются поздними подделками. Тем не менее имеются бесспорно аутентичные акты. Среди них древнейшая англо-саксонская грамота, сохранившаяся в пергаменном подлиннике, — жалованная грамота кентского короля Хлотхере аббатству Рекальвер (679 г.). Эти ранние акты написаны на латыни и в их формуляре прослеживается влияние итальянских документов такого рода. Есть косвенные данные в пользу того, что жалованные грамоты появились в Кенте еще в первой половине VII в., а возможно — впервые были составлены по инициативе св. Августина⁹.

У нас практически нет данных об использовании письма в текущем управлении англо-саксонскими королевствами. Теоретически можно предположить существование в этот период, например, переписки королей с их представителями на местах или документов, регистрировавших выплату дани, однако ни одного подобного памятника науке не известно¹⁰. К VII или VIII в. относится мерсийская «Роспись племен» («Tribal Hidage»), иногда рассматриваемая в качестве податного списка, однако этот документ настолько загадочен¹¹, что сложно на нем одном строить наши представления

⁸ См.: *Земляков М.В.* Законы кентских королей VII в. в Рочестерском кодексе (*Textus Roffensis*): обстоятельства появления и структура // ИИ. М., 2014. Вып. 6. С. 13.

⁹ См.: *Chaplais P.* Who Introduced Charters into England? The Case for Augustine // *Prisca Munimenta: Studies in archival & administrative history presented to Dr A.E.J. Hollaender. L., 1973. P. 88–107; Emms R.* Books and Writing in Seventh-Century Kent // *Writing and Texts in Anglo-Saxon England. Woodbridge, 2006. P. 22.*

¹⁰ См. об этой проблеме: *Гимон Т.В.* Административная переписка в Англо-Саксонской Англии и Древней Руси // *Письмо и повседневность. М., 2014. Вып. 1. С. 9–41.*

¹¹ См.: *Гимон Т.В.* «Роспись племен» («Tribal Hidage») и территориальная структура англо-саксонских королевств // *ВЕДС-XXVII: Государственная территория как фактор политогенеза. М., 2015. С. 65–71.*

об использовании письма в управлении. В то же время сохранились письма церковных деятелей VII–VIII вв. на латыни, включая дошедшее в пергаменном подлиннике письмо начала VIII в.¹² Еще одной сферой делового использования письма в VII в. стали надписи на монетах.

Памятники эпиграфики ранних англо-саксонских королевств не слишком многочисленны, но среди них есть яркие произведения искусства с пространными надписями, такие как крест из Рутвелла или Ларец Фрэнкса (VIII в.). В надписях на твердом материале (камне, ремесленных изделиях и др.) могли использоваться как латынь, так и древнеанглийский язык, причем тексты могли быть записаны как латиницей, так и рунами. Как показывает Э. Окаша, выбор языка или алфавита в целом не зависел от назначения и характера текста, однако для надписей из крупнейших монастырских центров (Веармута-Ярроу, Линдисфарна и др.) характерно использование только латинского языка и алфавита¹³. Наиболее ранней надписью, содержащей точную дату, является латинская надпись из церкви в Ярроу — о ее основании в 685 г.¹⁴

В целом, наши знания о письменной культуре ранних англо-саксонских королевств весьма неравномерны. Мы хорошо знаем судебники и акты Кента, но нам не известны памятники ранней кентской агиографии и историописания. Наоборот, в Нортумбрии конца VII — VIII в. хорошо известны агиография и историописание, однако не сохранились законы, а подлинность единственного известного нортумбрийского акта (685 г.), дошедшего только в поздних копиях, сомнительна¹⁵. Именно из Нортумбрии происходят самые выдающиеся в художественном отношении ранние англо-саксонские рукописи, такие как Линдисфарнское евангелие (рубеж VII–VIII вв.), *Codex Amiatinus* (конец VII в.) и др. Наконец,

¹² *Chaplais P.* The Letter from Bishop Wealdhere of London to Archbishop Brihtwold of Canterbury: the earliest original 'letter close' extant in the West // *Medieval Scribes, Manuscripts & Libraries: Essays presented to N.R. Ker*. L., 1978. P. 3–23. Многие послания сохранились в рукописных подборках, а также цитируются Бедой в его «Церковной истории».

¹³ *Okasha E.* Vernacular of Latin? The languages of Insular inscriptions, AD 500–1100 // *Epigraphik 1988: Fachtagung für mittelalterliche und neuzeitliche Epigraphik*, Graz. 10.–14. Mai: Referate und Round-Table-Gespräche. Wien, 1990. S. 139–147.

¹⁴ *Higgitt J.* The Dedication Inscription at Jarrow and its Context // *The Antiquaries Journal*. 1979. Vol. 59, N 2. P. 343–374.

¹⁵ См. основные сведения и библиографию: *The Electronic Sawyer: Online catalogue of Anglo-Saxon charters* // < <http://www.esawyer.org.uk/charter/66.html> > (S 66).

намного богаче эпиграфическое наследие Нортумбрии. Что касается прочих англо-саксонских королевств, то здесь наши знания еще более фрагментарны.

Причина этой неравномерности, быть может, кроется в условиях сохранности памятников. Так, произведения высокой книжности Нортумбрии читались и переписывались на Континенте, благодаря чему хорошо сохранились; напротив, нортумбрийские деловые документы, если они были, имели мало шансов пережить эпоху викингских нашествий. Однако, с другой стороны, возможно и различие по существу: на юго-востоке (теснее связанном с Франкским государством) опережающими темпами шло развитие государства и общества (и, соответственно, быстрее сформировалась деловая письменность), тогда как на севере, в зоне переплетения кельтских и римских влияний, возникла уникальная монастырская культура, породившая и уникальную по меркам раннего Средневековья литературную (а также эпиграфическую) традицию¹⁶. Выбрать один из двух вариантов ответа на этот вопрос на данный момент невозможно. Однако факт остается фактом: раннее историописание известно главным образом в Нортумбрии, и о ней дальше в основном и пойдет речь.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ БЕДЫ ДОСТОПОЧТЕННОГО

Беда Достопочтенный (ок. 673–735), иеромонах монастыря Ярроу в Нортумбрии (Берниции), — одна из наиболее ярких фигур не только англо-саксонской книжности, но и вообще средневекового Запада. Беда, несомненно, был англо-саксом и, возможно, происходил из знатного, если даже не королевского рода¹⁷. Сам о себе он сообщает следующее:

...Беда, служитель Христа и священник в Виремунде и Ингриве (Веармуте и Ярроу. — *Т.Г.*). Родился он в пределах того монастыря и в семь лет был отдан для обучения преподобнейшему аббату Бенедикту, а потом Кеолфриду. С тех пор он всю жизнь провел в этом монастыре, целиком посвятив себя изучению писаний; он исполнял правило и ежедневно пел в храме, но особенно всегда любил учиться,

¹⁶ Ср.: *Emms R. Books and Writing*. P. 26–27.

¹⁷ *Campbell J. Secular and political contexts // The Cambridge Companion to Bede*. Cambridge, 2010. P. 25–26.

учить и писать. В девятнадцать лет он был посвящен в диаконы, а в тридцать — в священники; оба раза по велению преподобнейшего епископа Иоанна аббата Кеолфриду. С тех пор, как стал священником, до пятьдесят девятого года жизни для собственного блага и для пользы братии он делал краткие изложения писаний преподобных отцов и добавлял к ним собственные записи для прояснения их смысла и содержания¹⁸.

Если Беда и впрямь никогда не покидал окрестностей Ярроу, это не помешало ему написать множество трудов на латыни по самым разным областям тогдашнего знания — комментарии к библейским книгам, сочинения по хронологии, природным явлениям, медицине, грамматике и теории поэзии, жития святых, наконец, исторические сочинения, — и стать одним из наиболее авторитетных авторов раннего Средневековья, чьи сочинения активно копировались как в Англии, так и на Континенте¹⁹.

Беда создал и четыре исторических сочинения: о всемирной истории («Малая» и «Большая» хроники), об истории Англии («Церковная история народа англов») и об истории родного монастыря («История аббатов Вearмута и Ярроу»). Рассмотрим эти тексты в порядке их написания.

«Малая» и «Большая» хроники²⁰ входят в состав трактатов Беды по хронологии — соответственно, «О временах» (703 г.) и «Об исчислении времен» (725 г.), хотя обе «хроники» встречаются в рукописях и отдельно. В обоих случаях в конце трактата Беда поместил раздел о «шести возрастах мира», представляющий собой краткое изложение всемирной истории, точнее ее хронологии. Если в первом случае Беда привел лишь относительно краткий перечень событий с

¹⁸ *Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов* / Пер. с лат., ст., примеч., библиогр. и указатели В.В. Эрлихмана; Отв. ред. С.Е. Федоров. СПб., 2001. С. 192. Эта небольшая автобиография завершает «Церковную историю народа англов» Беды. После приведенных слов Беда перечисляет написанные им труды.

¹⁹ О личности и трудах Беды см.: Bede: His Life, Times and Writings: Essays in commemoration of the twelfth centenary of his death / Ed. by A.H. Thompson. Oxford, 1935; Brown G.H. Bede the Venerable. Boston, 1987; *Idem*. A companion to Bede. Woodbridge, 2009; *Ненарокова М.Р.* Досточтимый Беда – ритор, агиограф, проповедник. М., 2003; *Зверева В.В.* «Новое солнце на Западе»; The Cambridge Companion to Bede / Ed. S. Degregorio. Cambridge, 2010. О рукописной традиции сочинений Беды см.: *Lapidge M.* Beda Venerabilis // La trasmissione dei testi latini del Medioevo. Firenze, 2008. Te.tra. 3. P. 44–137.

²⁰ Издание обеих хроник см.: MGH. Auctorum antiquissimorum t. 13, Chronicorum minorum saec. IV. V. VI. VII vol. 3. Ed. nova. Berolini, 1961. P. 223–327.

указанием хронологической дистанции между ними, то во втором видим уже развернутый текст, содержащий как абсолютные, так и относительные даты и отражающий собственные изыскания и размышления Беда. «Большая хроника» — это что-то вроде введения в хронологические проблемы всемирной истории. Беда не просто приводит сведения и даты, но старается синхронизировать библейскую, античную и восточную историю, а также комментирует разногласия между разными авторитетами — Септуагинтой, Вульгатой, Евсевием и др. При этом «Малая хроника» в значительной степени основана на краткой хронике Исидора Севильского, а «Большая хроника» — на хронике Евсевия–Иеронима (хотя использованы и другие источники). В обоих случаях, однако, Беда производил все подсчеты самостоятельно²¹. В обеих «хрониках» есть сведения и из истории Англии, т.е. Беда пытался вписать историю своей страны во всемирную. Собственно, в «Малой хронике» таких известий всего два (о появлении англо-саксов в Британии и об их христианизации²²). В «Большой хронике» известий из истории Британских островов уже, по подсчету Н. Хайэма, 32, и некоторые из них довольно пространственные (например, о крещении Нортумбрии королем Эдвином и о ряде нортумбрийских церковных деятелей)²³.

«История аббатов Веармута и Ярроу»²⁴ была написана Бедой между 717 и 725 гг. Сочинение сохранилось в восьми английских списках, древнейший из которых датируется рубежом X–XI вв.²⁵

²¹ См. подробнее: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 183–185, 264–265.

²² Последняя датирована правлением императора Фоки (602–610), т.е. речь, видимо, идет о прибытии на остров второй волны миссионеров; возможно, Беда в это время еще не имел сведений о миссии св. Августина 597 г. [*Higham N.J.* (Re-) Reading Bede: The *Ecclesiastical History* in Context. L.; N.Y., 2006. P. 114–115].

²³ Ibid. P. 115–121. См. также: *Scully D.* Bede's *Chronica Maiora*: Early Insular History in a Universal Context // *Anglo-Saxon/Irish Relations before the Vikings*. Oxford, 2009. (Proceedings of the British Academy; Vol. 157). P. 47–73.

²⁴ Латинский текст и параллельный английский перевод см.: *Baedae opera historica / With an English transl.* by J.E. King. Cambridge (Mass.), L., 1954. Vol. 2. P. 392–445. Русские переводы см.: Начинается «Житие святых аббатов монастыря в Веармуте и Ярроу – Бенедикта, Кеолфрида, Эостервина, Зигфгида и Хвэтберта», составленное пресвитером и монахом того же монастыря Бедой / Пер. В.В. Зверевой // СВ. 2002. Вып. 63. С. 240–250 (первые 13 глав); *Ненарокова М.Р.* Текст и его источники. С. 540–564.

²⁵ О списках «Истории» см.: *Venerabilis Baedae Opera Historica / Ed. Ch. Plummer.* Oxonii, 1896. Т. 1. P. CXXXII–CXL; *Lapidge M.* Beda Venerabilis. P. 74–77. В отличие от большинства других сочинений Беда, в континентальных рукописях «История аббатов» – сочинение, посвященное сугубо местным делам, — не известна: *Lapidge M.* Beda Venerabilis. P. 74.

Беда в значительной степени основывался на другом сочинении (сохранившемся в той же рукописи рубежа X–XI вв.), известном как анонимная «История аббатов» или «Житие Кеолфрида»²⁶ и, возможно, являющимся более ранним произведением того же Беда. Однако «История аббатов» посвящена уже не только и не столько св. Кеолфриду, сколько истории монастыря Вearмут-Ярроу, с момента его основания Бенедиктом Бископом и вплоть до кончины Кеолфрида в 716 г. и избрания его преемником Хвэтберта. «История аббатов» близка по сюжету к агиографии, однако многие исследователи говорят о том, что перед нами не агиографическое, а именно историческое сочинение. Для «Истории» (как и для ее анонимной предшественницы, равно как и для многих более поздних монастырских историй²⁷) характерно внимание к «земным» сторонам жизни монастыря, таким как его земельные владения²⁸.

«**Церковная история народа англос**» («*Historia ecclesiastica gentis anglorum*»)²⁹ — наиболее известное сочинение Беда и центральный памятник раннего англо-саксонского историописания. Она была завершена Бедой в 731 г. (дата приводится в самом тексте)³⁰. Уже из названия следует, что главная тема этого труда — распространение и утверждение в Англии христианской религии, становление англо-саксонской церкви. Важное место занимают рассказы об английских святых и около 50 описаний

²⁶ Издание см.: *Venerabilis Baedae Opera Historica*. Т. 1. Р. 388–404.

²⁷ *Historia de Sancto Cuthberto: A History of Saint Cuthbert and a Record of His Patrimony* / Ed. by T. Johnson-South. Woodbridge, 2002. Р. 12–14; Гимон Т.В. Историческое описание. С. 223–225 (речь идет о памятниках второй половины XI – XII в.; возможно, у некоторых из них были более ранние протографы).

²⁸ Об «Истории аббатов» см.: *Coates S. Ceolfred: history, hagiography and memory in seventh- and eighth-century Wearmouth-Jarrow* // *Journal of Medieval History*. 1999. Vol. 25, N 2. Р. 69–86; *Ненарокова М.Р.* Досточтимый Беда. С. 138–194; *Она же.* Текст и его источники. С. 512–549.

²⁹ Новейшее издание латинского текста (с итальянским переводом и детальным предисловием) см.: *Beda. Storia degli inglesi (Historia ecclesiastica gentis Anglorum)* / A cura di M. Lapidge; Traduz. di P. Chiesa. [Roma; Milano], 2008–2010. Vol. 1–2. Далее в большинстве случаев цитирую по русскому переводу (*Беда Достопочтенный. Церковная история*), при необходимости отсылая и к изданию латинского текста. Очерк истории издания и изучения «Церковной истории» см.: *Зверева В.В.* «Новое солнце на Западе». С. 10–25.

³⁰ *Беда Достопочтенный. Церковная история*. С. 190, гл. V: 23. В предисловии Беда говорит о предварительной и окончательной версиях «Церковной истории» (см. ниже) – и это вопрос, к какой из них относится дата «731 г.» (см.: *Kirby D.P.* King Ceolwulf of Northumbria and the *Historia Ecclesiastica* // *Studia celtica*. 1979–1980. Vol. 14/15. Р. 170).

чудес³¹. Вместе с тем сочинение Беда — это и история страны, народа и англо-саксонских королевств, едва ли не основной источник наших сведений по истории Британии до начала VIII в. включительно.

В своем труде Беда больше всего уделяет внимание своему родному королевству, Нортумбрии, однако старается освещать церковную и политическую историю и других королевств. По-видимому, степень подробности его рассказа о каждом из королевств зависела от того, от каких информантов он получал сведения. Разумеется, больше всего таких информантов было в Нортумбрии, однако Беда (и он пишет об этом прямо) получал сведения и из других королевств (кроме, по-видимому, Мерсии)³². Политического единства англо-саксов в начале VIII в. еще не существовало (можно говорить лишь о единстве церкви), но Беда, очевидно, воспринимал всех англо-саксов как некое единство (*gens anglorum*).

Вопрос о том, появилось ли уже в ту эпоху самосознание англо-саксов как единой общности, — предмет давней дискуссии, однако такое самосознание явно присутствует в труде Беда³³; не исключают, что как раз Беда «впервые “увидел” и описал эту целостность»³⁴. Впрочем, высказывались и другие точки зрения. Так, Н. Хайэм считает это некоторым упрощением и склоняется к тому, что этноним «англы» в значении «все германоязычное население Британии» уже был в ходу у англо-саксов к концу VI в. «Англы» как целое противостояли «бриттам» как целому (*gens anglorum vs. gens brittonum* в сочинении Беда), причем ситуация воспринималась так обеими сторонами. С точки зрения Хайэма, одной из целей сочинения Беда как раз и было обоснование справедливости господства англов над бриттами³⁵. Также не исключено,

³¹ Luttercott K. Beda Hagiographicus: Meaning and Function of Miracle Stories in the *Vita Cuthberti* and *Historia Ecclesiastica* // Beda Venerabilis: Historian, Monk & Northumbrian. Groningen, 1996. P. 94. О роли описаний чудес в труде Беда см.: Ibid. P. 81–106; Зверева В.В. «Новое солнце на Западе». С. 185–194.

³² Детальное исследование круга информантов Беда и того, как он отразился на полноте сведений Беда о разных королевствах, епископских кафедрах и монастырях, см.: Kirby D.R. Bede's Native Sources for the *Historia Ecclesiastica* // Anglo-Saxon History: Basic Readings. N.Y.; L., 2000. P. 55–81.

³³ См. обзор литературы на эту тему: Зверева В.В. «Новое солнце на Западе». С. 146–149.

³⁴ Там же. С. 148.

³⁵ Higham N.J. An English Empire: Bede and the early Anglo-Saxon Kings. Manchester; N.Y., 1995. P. 251–254 et al.

что в эпоху Беда (и раньше, начиная с миссии, посланной в Британию папой Григорием Великим в конце VI в.) этноним «англы» использовался именно в церковном контексте, для обозначения населения, имевшего церковное, но не политическое единство³⁶.

Из предисловия следует, что «Церковная история» написана Бедой для Кеолвульфа, короля Нортумбрии (729–737). По крайней мере, Беда пишет, что уже посылал королю первый вариант «Истории» «для прочтения и одобрения», а теперь посылает новый «для копирования и дальнейшего изучения»³⁷. Трудно сказать, был ли король инициатором создания памятника, однако он, несомненно, одобрял это предприятие и понимал его значимость. Д. Керби гипотетически пишет о том, что король мог повлиять и на содержание труда Беда — в том, что касается прихода к власти самого Кеолвульфа и роли ирландцев в христианизации Нортумбрии (король имел тесные связи с кельтским королевством Дал Риада)³⁸. Если в более ранней «Большой хронике» Беда эту роль полностью игнорирует, то в «Церковной истории» она показана подробно и доброжелательно (в особенности в книге III)³⁹.

В предисловии также говорится об источниках, из которых Беда черпал сведения для своей «Истории». Беда называет конкретных информантов, упоминает он также «записи (monimentis literarum)» и «древние писания и предания (scriptis vel traditione priorum)» Восточной Англии. В то же время говорится, что при описании истории Нортумбрии Беда «не опирался ни на что, кроме достоверных свидетельств множества очевидцев». Сказано, что аббат Альбин передавал Бедо сведения по истории «через священника Лондонской церкви Нотельма в письменных посланиях или в пересказе упомянутого Нотельма». Другие люди тоже сообщали Бедо важные сведения — устно или в виде посланий. Тот же Нотельм «отправился в Рим и получил дозволение нынешнего папы Григория изучить архивы святой Римской церкви, где он нашел письма блаженного папы Григория и других понтификов, которые по со-

³⁶ А термин «саксы», напротив, иногда использовался как общее наименование англо-саксов в политических и военных контекстах. См.: *Pohl W. Ethnic names and identities in the British Isles: A comparative perspective // The Anglo-Saxons from the Migration Period to the eighth century: An ethnographic perspective. Woodbridge, 1997. P. 19–20.*

³⁷ *Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 5.*

³⁸ *Kirby D.P. King Ceolwulf. P. 171–173.*

³⁹ *Ibid. P. 172–173; Higham N.J. (Re-)Reading Bede. P. 122–146.*

вету преподобнейшего Альбина послал нам для включения в нашу историю»⁴⁰. Не исключено, что Беда отправлял запросы ко всем англо-саксонским епископам (хотя не все ответили) и во многие монастыри⁴¹.

По ходу изложения Беда также нередко называет свои источники — устных информантов (в том числе просто: «говорят»), агиографические памятники, послания и др. В тексте «Церковной истории» дословно воспроизводится немало документов — письма римских пап в Британию, «Книга ответов» папы Григория I Августину Кентерберийскому, эпитафии и др.⁴² Но всё же основным источником по истории Англии для Беды послужили устные сообщения информантов, в свою очередь часто также основанные на устной традиции, к чему мы вернемся чуть ниже.

О более ранней эпохе Беда, по его словам, «узнавал из всех достойных доверия источников, главным образом из книг предшествующих авторов»⁴³. Беда пользовался целым рядом иностранных исторических трудов⁴⁴, а также сочинением бритта Гильды «О гибели Британии»⁴⁵. Одним из важнейших образцов, повлиявших на форму сочинения Беды, была «Церковная история» Евсевия Кесарийского; также велико влияние «Истории против язычников» Павла Орозия⁴⁶ и, возможно, «Истории франков» Григория Турского — образца «описания прошлого “нового” варварского народа»⁴⁷. В то же время сочинение Беды не было создано вполне по образцу

⁴⁰ Между прочим, почти в те же годы разыскания по истории английской церкви тем же способом проводил Бонифаций, англо-саксонский миссионер и архиепископ Майнца. В письме 735 г. Нотельму, тогда уже архиепископу Кентерберийскому, Бонифаций просил прислать ему копию «Ответов» Григория I, а также выяснить дату прибытия миссии Августина в Kent. Однако, в отличие от Беды, Бонифаций, насколько известно, не писал исторических сочинений; ему эти материалы нужны были для выработки практической политики церкви (см.: *Flechner R. St Boniface as historian: a continental perspective on the organization of the Early Anglo-Saxon church // ASE. 2013. Vol. 41. P. 55–48*).

⁴¹ *Kirby D.R. Bede's Native Sources. P. 69 et al.*

⁴² См. перечень глав сочинения Беды, содержащих такие отсылки: *Гимон Т.В. Историописание. С. 205, примеч. 266–267.*

⁴³ *Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 6.*

⁴⁴ См. ссылки в примеч. 5.

⁴⁵ *Sims-Williams P. The Settlement in Bede and the Chronicle // ASE. 1983. Vol. 12. P. 15–26.*

⁴⁶ *Зверева В.В. «Новое солнце на Западе». С. 141, 168–169.*

⁴⁷ Там же. С. 141; *Luttercott K. Bede Hagiographicus. P. 92* (о предположительности влияния труда Григория на «Церковную историю» Беды).

этих трудов. Как бы ни определять жанр труда Беда⁴⁸, оно было достаточно оригинальным.

Текст «Церковной истории», помимо предисловия, состоит из пяти книг, подразделяющихся на небольшие главы⁴⁹. В «Церковной истории» довольно много абсолютных дат, часто ими даже начинаются главы (к примеру, глава 3 книги 1 начинается: «В год от основания Рима 798»⁵⁰, а глава 4 той же книги — «В год от воплощения Господа 156-й»⁵¹) и указаний на продолжительность событий, правлений и т.д. Беда был выдающимся хронологом, и в «Церковной истории» он использует разные системы датировок, возможно, даже риторически играя с ними⁵². Тем не менее хронология не задает структуры повествования: «Церковная история» — это связный, логически выстроенный рассказ о становлении англо-саксонской церкви и, до определенной степени, о политической истории Англии. Изложение в «Церковной истории» доведено до 731 г. Последняя глава (V: 24) состоит из: 1) краткого перечисления важнейших событий с 60 г. до н.э. по 731 г. н.э. (так называемых «анналов» Беда — в отличие от остального текста, здесь события излагаются по годам) и 2) автобиографии Беда, главным образом состоящей из перечисления его трудов.

Беда в первую очередь излагает историю христианизации англо-саксонских королевств, последующую историю церкви и описывает жизнь ряда англо-саксонских святых. Попутно он вводит нас в курс дела относительно важнейших событий политической истории, войн между королевствами и т.п. Дохристианской истории англо-саксов

⁴⁸ Например, Ч. Джоунз определял его как «агиографию, нанизанную на каркас хроники или собрания анналов. Это было уникальным, хотя и довольно естественным изобретением» (*Jones Ch.W. Bede as Early Medieval Historian // Mediaevalia et Humanistica. Boulder, 1946. Vol. 4. P. 33*). Действительно, Беда рассказывал во многом о церкви, святых и чудесах, но при этом последовательно выстраивал хронологию событий и приводил развернутые даты.

⁴⁹ Детальный анализ структуры труда Беда (в сравнении с другими его сочинениями и литературными образцами), размеров и характера глав, перекрестных отсылок из одной главы в другую и т.д. см.: *Higham N.J. (Re-)Reading Bede. P. 101–113, 128–134*.

⁵⁰ *Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 12*.

⁵¹ Там же. С. 13.

⁵² Так, по мнению Н. Хайэма, Беда придумал «эру» от прибытия англо-саксов в Британию и датировал в соответствии с ней начало миссии св. Августина Кентерберийского и крещение Нортумбрии (указав на то, сколько лет прошло между прибытием англо-саксов и этими событиями) — с целью уподобить англо-саксов римлянам, события из истории которых датированы эрой «от основания Рима» (*Higham N.J. An English Empire. P. 5–6*).

Беда уделяет сравнительно мало внимания. Собственно, в его сочинении рассказывается только о приходе англо-саксов в Британию (I: 15–16 и сл.), о славном короле Нортумбрии Этельфриде, еще язычнике, правившем тогда, когда крестился Кент (I: 34), о королях, обладавших верховной властью над другими (первые два из перечисленных Бедой таких королей были язычниками, II: 5), наконец, приводятся генеалогические экскурсы (I: 15; II: 5).

Такое невнимание к языческой истории Англии может объясняться двояко. С одной стороны, Беда назвал свой труд «Церковной историей», а значит, политическая (династическая) история дохристианской эпохи по определению должна была волновать его меньше. С другой — Бедой могло не хватать источников (по крайней мере, заслуживавших, с его точки зрения, доверия). Как считает Б. Йорк, Беда не доверял в этом отношении устной традиции и должен был основываться на уже записанных к моменту его работы генеалогиях и перечнях королей, т.е. на очень скудной информации⁵³.

Более важной представляется всё же первая причина — нежелание Беды подробно говорить о дохристианском прошлом. Что касается устной традиции, то к ней Беда прибегал весьма охотно. К чему как не к ней восходят его сообщения об успехах языческого короля Этельфрида (I: 34), многие мотивы рассказа о крещении Эдвина (II: 9–16)⁵⁴ и др.? И речь здесь должна идти, несомненно, не о «сообщениях информантов» о том, что они помнят или слышали от конкретных людей, а именно о расхожих (в каких-то кругах) сказаниях. Более того, уже в предисловии Беда ссылается как на источник на *fama vulgans* («общеизвестные рассказы» или, скорее, «устную традицию»):

И смиренно умоляю читателя, если он в написанном нами найдет нечто, отличное от истины, не ставить это нам в вину, ибо, в соответствии с истинным законом истории, мы всего лишь постарались письменно изложить для наставления потомства то, что собрали из общеизвестных рассказов (*ea quae fama vulgante collegimus*)⁵⁵.

⁵³ Yorke B. Fact or Fiction? The written evidence for the fifth and sixth centuries AD // Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History. Oxford, 1993. P. 47. О том, существовали ли подобные записи до Беды, пойдет речь в следующем разделе.

⁵⁴ См. об этом: Гимон Т.В. Крещение Нортумбрии у Беды Достопочтенного и крещение Руси в «Повести временных лет» // ВЕДС-XXVI: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. М., 2014. С. 64–70.

⁵⁵ Перевод мой с использованием английского перевода Р. Рея (*Ray R.D. Bede's vera lex historiae* // Speculum. 1980. Vol. 55. P. 13; лат. цитата: Ibid. P. 1).

Р. Рей показывает, что, хотя предисловие Беды и соткано из риторических топосов, они наполнены конкретным, важным именно для Беды смыслом. В данном случае он, с одной стороны, полемизирует с Исидором Севильским (утверждавшим, будто историк должен описывать лишь то, чему сам был очевидцем), а с другой — подчеркивает, что в значительной мере основывался на устной традиции⁵⁶.

Устные источники Беды — особая, очень важная тема. Наиболее последовательную попытку ее изучения предпринял Д. Керби, попытавшийся определить, в каких конкретно монастырях бытовали те или иные рассказы, использованные Бедой. Согласно Керби, все или почти все сведения, взятые Бедой *не* из письменных источников, почерпнуты им от информантов в конкретных монастырских центрах. Даже пассажи о королях, вероятно, обязаны своим происхождением монастырям (так, сведения об Эдвине предположительно были получены Бедой из монастыря Уитби, об Освальде — из Хексема, и т.д.). Сказанное касается не только Нортумбрии — из конкретных духовных общин происходит и большая часть приводимых Бедой сведений о церковной и политической истории других королевств⁵⁷.

Если это верно, то собирание Бедой материала для «Церковной истории» в значительной мере заключалось в переписке (или личных контактах) с представителями других англо-саксонских обитателей. Собственно, именно об этом Беда вкратце пишет в предисловии. Однако возникает вопрос, не имеющий, по-видимому, однозначного ответа: можно ли все «общеизвестные рассказы (*fama vulgans*)», использованные Бедой, свести к совокупности монастырских преданий? Не происходит ли какая-то часть сведений Беды, по крайней мере по истории Нортумбрии, из светской (дружинной? придворной?) традиции? Наконец, в какой мере вообще необходимо любое предание локализовывать в конкретной монашеской общине⁵⁸? Не существовало ли некоего «общеизвестного»

⁵⁶ Ibid. P. 10–21. Некоторые выражения Беды в других местах «Церковной истории» также говорят о его уважении к устной исторической традиции (Ibid. P. 14, 17–18).

⁵⁷ Kirby D.R. Bede's Native Sources. P. 55–81. См. также анализ рассказываемых Бедой легенд и того, как они преломлялись в ходе его работы: McNamara J. Bede's Role in Circulating Legend in the *Historia Ecclesiastica* // Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History. Oxford, 1994. Vol. 7. P. 61–69.

⁵⁸ Так, древнерусские летописцы, скорее всего, основывались на дружинной и, в меньшей степени, племенных традициях: Мельникова Е.А. Устная традиция в Повести временных лет: К вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 153–165.

(для светской и церковной элиты) набора сведений о предшествующих королях, их деяниях, родословии и т.п.⁵⁹? Конечно, Беда был ученым монахом и писал церковную историю (а значит — должен был в первую очередь общаться с другими монахами и интересоваться деяниями духовных лиц), однако совершенно очевидно, что ему не был чужд и интерес к истории королей и королевств, особенно Нортумбрии, и он находился в контакте с королем Кеолвульфом⁶⁰. Поэтому кажется вероятным, что, наряду с монастырскими преданиями, труд Беды в какой-то мере вобрал в себя и светскую историческую традицию.

Итак, труд Беды — это церковная история по преимуществу, однако это и первый труд, систематически излагавший историю англо-саксонских королевств. Думается, разделять «светское» и «церковное» вообще было бы не совсем правильно. То и другое в тексте «Истории» тесно переплетается, а сам Беда, будучи монахом, писал для короля и не был чужд светской политике.

«Церковная история» сохранилась в уникальном для раннего Средневековья числе списков, включая очень близкие по времени создания к жизни самого Беды. Всего сохранилось более 160 копий этого труда (VIII–XVI вв.), причем шесть из них были написаны в Англии в VIII–IX вв.⁶¹ «Церковную историю» знает и цитирует целый ряд англо-саксонских авторов; не позднее конца IX в. появляется ее древнеанглийский перевод-переработка⁶².

В предисловии к «Церковной истории» говорится:

Согласно твоему желанию, король (Кеолвульф. — *Т.Г.*), я уже посылал тебе для прочтения и одобрения церковную историю народа англоv, недавно мною завершeнную; теперь же с величайшей охотой снова посылаю ее для копирования и дальнейшего изучения⁶³.

⁵⁹ Ср. в следующем разделе о ссылках Беды на перечни королей в главах III: 1 и III: 9.

⁶⁰ Вообще, источники содержат целый ряд свидетельств о контактах и связях королей Нортумбрии с деятелями церкви и о том, что монастырская культура этого королевства не была изолирована от светской политики (*Rollason D. Northumbria, 500–1100. Cambridge, 2003. P. 164–166.*)

⁶¹ См.: *Bede's Ecclesiastical History of English People / Ed. by B. Colgrave and R.A.V. Mynors. Oxford, 1969. P. XLII–LXX; Lapidge M. Beda Venerabilis. P. 78–112.*

⁶² Сводку данных о бытовании «Церковной истории» и ее перевода в раннесредневековой Англии см.: *Гимон Т.В. Историописание. С. 207–210. О древнеанглийском переводе см. также ниже, в разделе 6.*

⁶³ *Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 5.*

Из этих слов следует, что в процессе работы Беды над «Церковной историей» родились как минимум две рукописи, и он сам предполагал дальнейшее копирование своего произведения. Кроме того, из письма Беды его информанту Альбину, аббату Августинова монастыря в Кентербери, известно, что Беда послал Альбину копию «Церковной истории»⁶⁴.

Точная датировка древнейших рукописей составляет научную проблему. Две наиболее известные из них — Муровская (Кембриджская)⁶⁵ и Санкт-Петербургская⁶⁶ — традиционно датировались, соответственно, 737 и 746 гг., т.е. временем, очень близким к написанию оригинала «Церковной истории». В конце Муровской рукописи имеется «обратный хронологический расчет», где приводится число лет, прошедших от определенных событий до некоего «настоящего момента», и в большинстве случаев этим «настоящим моментом» оказывается 737 г.⁶⁷ В Санкт-Петербургской рукописи аналогичные указания присутствуют в виде глосс к «анналам» Беды в главе V: 24, и там, как правило, «настоящим моментом» оказывается 746 г.⁶⁸ Однако в обеих рукописях это не единственные «настоящие моменты» — для некоторых событий расчет ведет не к 737 или 746, а к другим, более ранним или более поздним годам. Как считает Д. Дамвилл, в обоих случаях хронологические указания скопированы из утраченных протографов (в которых накапливались постепенно), а два кодекса датируются, соответственно, более поздним временем и менее определенно⁶⁹.

Некоторые из ранних рукописей Беды исследователями связываются с его родной обителью — Вearмутон-Ярроу, однако полной уверенности ни в одном случае быть не может. Тем не менее мы

⁶⁴ *Lapidge M.* Bede Venerabilis. P. 96–97.

⁶⁵ Факсимильное издание: *The Moore Bede: Cambridge University Library, MS Kk. 5. 16 / Preface by P. Hunter Blair; With a contribution by R.A.B. Mynors.* Copenhagen, 1959. (EEMF; Vol. 9).

⁶⁶ Факсимильное издание: *The Leningrad Bede: An Eighth Century Manuscript of the Venerable Bede's Historia ecclesiastica gentis anglorum in the Public Library, Leningrad / Ed. O. Arngart.* Copenhagen, 1952. (EEMF; 2).

⁶⁷ *Hunter Blair P.* *The Moore Memoranda on Northumbrian History // The Early Cultures of North-West Europe (H.M. Chadwick memorial studies).* Cambridge, 1950. P. 252–257. См. о «Муровской заметке» ниже, в разделе 4.

⁶⁸ *Dobiache-Rojdestvensky O.* *Un manuscript de Bède à Leningrad // Speculum.* Cambridge (Mass.), 1928. Vol. 3, N 3. P. 314–321.

⁶⁹ *Dumville D.N.* *The two earliest manuscripts of Bede's Ecclesiastical History? // Anglo-Saxon.* Aberdeen, 2007. Vol. 1. P. 55–99.

знаем, что в Веармуте-Ярроу в VIII в. имело место интенсивное копирование трудов Беда — в том числе и по запросам с Континента. Из пяти копий разных сочинений Беда, предположительно атрибутируемых этому монастырю, три (и в том числе Санкт-Петербургская рукопись «Церковной истории») очень скоро оказались на Континенте⁷⁰. Свидетельства такому обмену кодексами находим и в переписке церковных деятелей середины VIII — середины IX в.⁷¹

Текстологическое соотношение между ранними списками «Церковной истории» тоже составляет не до конца решенную проблему. Обычно их делят две ветви, обозначаемые литерами *m* (или μ) и *c* (или κ) (Муровская и Санкт-Петербургская рукописи принадлежат к первой ветви). Взаимоотношения между этими двумя ветвями особенно подробно разбирались в последние годы. Как считает Д. Дамвилл (вслед за Ч. Пламмером), обе ветви восходят к архетипам, возникшим при жизни Беда: в *c* отразился вариант без главы IV: 14, а в *m* — уже с этой главой⁷². Наоборот, по мнению М. Лэпиджа, ветвь *m* (μ) содержит текст, близкий к первоначальному, а ветвь *c* (κ) вторична по отношению к *m* (μ). Архетип ветви *c* (κ), согласно Лэпиджу, это созданный в Кентерберии в 734 г. список (или, скорее, редакция, поскольку в текст был внесен ряд осознанных изменений) с экземпляра «Церковной истории», посланного Альбину⁷³. Общий же архетип всех сохранившихся списков труда Беда (и он же, по Лэпиджу, архетип ветви *m*) — это не автограф Беда, но сделанная при его жизни и в его же монастыре весьма аккуратная копия, предназначенная для дальнейшего тиражирования⁷⁴.

Как бы то ни было, несомненно, что копирование «Церковной истории», начавшись еще при жизни Беда, продолжалось и в последующие десятилетия, причем заказчики находились как в Анг-

⁷⁰ Ibid. P. 88.

⁷¹ Parkes M.B. The Scriptorium of Wearmouth-Jarrow // Bede and his World. Aldershot, 1994. Vol. 2: Jarrow Lectures, 1979–1993. P. 566–570; Dumville D.N. The two earliest manuscripts. P. 88–89.

⁷² Dumville D.N. The two earliest manuscripts. P. 58. О генеалогии ранних списков «Церковной истории» см.: Ibid. P. 55–58, 84–86, 96–99. См. также обзор других суждений о том, что Беда мог продолжать перерабатывать свою «Церковную историю» после 731 г.: Story J. After Bede: continuing the *Ecclesiastical History* // Early Medieval Studies in Memory of P. Wormald. Farnham; Burlington, 2009. P. 165–168.

⁷³ Lapidge M. Bede Venerabilis. P. 86–91, 96–101.

⁷⁴ Ibid. P. 103–105.

лии, так и на Континенте⁷⁵. В последнем случае, вероятно, интерес представляла не сколько история Англии, сколько обстоятельный и прекрасно написанный рассказ о христианизации, миссионерах и первых святых, который «мог использоваться миссионерами и продолжателями их дела как источник прецедентов»⁷⁶. Таким образом, этот первый опыт связной истории Англии оказался — разумеется, по меркам раннего Средневековья — чрезвычайно востребованным.

У нас есть свидетельства о знакомстве с «Церковной историей» как минимум двух королей. Во-первых, это уже упомянутый король Нортумбрии Кеолвульф, которому Беда послал список своего сочинения. Во-вторых, в 790-х годах Алкуин в своем письме королю Мерсии Оффе об инвеституре английских епископов писал: «Ты можешь отыскать это во второй книге Церковной истории, которую написал блаженный священник Беда...»⁷⁷. По мнению С. Келли, это подразумевает, что король Оффа владел списком «Церковной истории»⁷⁸. Даже если имеется в виду просто возможность обратиться к авторитетному труду, всё равно это говорит о некотором статусе сочинения Беды, признававшемся даже королями.

3. БЫЛИ ЛИ В НОРТУМБРИИ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ ДО БЕДЫ?

Насколько можно судить, никаких развернутых исторических нарративов в Нортумбрии до начала VIII в. создано не было. По крайней мере, таковых не было среди источников, которыми пользовался Беда или кто-либо из последующих авторов. Однако в сочинениях Беды (в основном тексте «Церковной истории», в «анналах» в главе V: 24, в «Большой хронике») есть немало дат — указаний на годы от Рождества Христова, месяцы и дни, на продолжительность правлений и хронологическую дистанцию между событиями. Лишь для некоторых из этих дат известен письменный источник (иностранные сочинения, послания и др.).

⁷⁵ Обзор последующей рукописной традиции «Церковной истории» как в Англии, так и на Континенте см.: Ibid. P. 106–112.

⁷⁶ Parkes M.B. The Scriptorium of Wearmouth-Jarrow. P. 570.

⁷⁷ Levison W. England and the Continent in the eighth century. Oxford, 1946. P. 245.

⁷⁸ Kelly S. Anglo-Saxon Lay Society and the Written Word // The Uses of Literacy in Early Medieval Europe. Cambridge, 1990. P. 61.

Остальные порождают два взаимосвязанных вопроса: откуда Беда их позаимствовал и насколько на них можно полагаться? Исключительно высокая репутация Беды как хронолога⁷⁹ не снимает этих вопросов: ясно, что, каким бы тонким знатоком времяисчислительных систем не был Беда, его датировки должны были на чем-то основываться. Одним из вариантов ответа на первый вопрос может быть предположение о существовавших до Беды исторических записях, пускай и кратких.

В 1947 г. вышла книга Ч. Джоунза, в которой целая глава посвящена проблеме происхождения дат «Церковной истории», а в приложении приводится комментарий к большинству из этих дат⁸⁰. Джоунз выступил «оптимистом»: по его мнению, Беда опирался на анналистические записи на пасхалиях, церковные календари, перечни королей, письма и грамоты, причем по характеру приводимых Бедой дат можно в каждом случае определить, что из перечисленного послужило источником той или иной информации⁸¹. Однако как показали многочисленные исследования, более чем вероятно, что значительную часть дат Беда сам *вычислил*, опираясь на те или иные реперные точки: даты посланий, сроки правления королей, сведения иностранных источников и т.п.⁸² Тем не менее некоторые «малые формы историописания», вероятно, всё же появились в Нортумбрии *до Беды* и пригодились ему в его исторических изысканиях.

Перечень королей. Беда в своей «Церковной истории», рассказывая о событиях после смерти крестителя Нортумбрии короля Эдвина (когда две части Нортумбрии — Берницию и Дейру — наследовали два разных короля, оба ставшие вероотступниками и оба потом убитые королем бриттов Кэдваллой), дважды упоминает перечни королей:

⁷⁹ Ср.: «...можно принять за данность, что Беда, величайший знаток хронологии в Средние века, не делал ошибок. Если он был неправ, то лишь потому, что обладал неточными данными...» (*Poole R.L. Studies in Chronology and History. Oxford, 1934. P. 38*).

⁸⁰ *Jones Ch.W. Saints' Lives and Chronicles in Early England. Ithaca (N.Y.), 1947. P. 31–50, 161–199.*

⁸¹ *Jones Ch.W. Bede as Early Medieval Historian. P. 34–35.*

⁸² О работе Беды с датами см.: *Kirby D.P. Bede and Northumbrian Chronology // EHR. 1963. Vol. 78, N 308. P. 514–527; Miller M. Bede's Roman Dates // Classica et Medievalia. Copenhagen etc., 1970. Vol. 31. P. 239–252; Eadem. The dates of Deira // ASE. 1979. Vol. 8. P. 35–61; Harrison K. The Framework of Anglo-Saxon History to A.D. 900. Cambridge etc., 1976. P. 76–98; Wood S. Bede's Northumbrian dates again // EHR. 1983. Vol. 98, N 387. P. 280–296.*

Поэтому все те, кто исчисляет сроки правления королей (*Unde cunctis placuit regum tempora computantibus ut*), решили истребить память об этих отступниках и приписать тот год их наследнику, боголюбивому Освальду (Ш: 1)⁸³.

Как мы уже объясняли, единодушным мнением было решено исключить это имя из списка христианских королей (*de catalogo regum Christianorum*) и не отводить ни одного года на их правление (Ш: 9)⁸⁴.

Ч. Пламмер в конце XIX в. отмечал, что эти слова «несомненно, указывают на какую-то систему ведения перечней королей или анналистических записей во времена, предшествовавшие работе Беды»⁸⁵. Эту мысль воспроизвел в комментарии к новейшему изданию «Церковной истории» П. Къеза: по его мнению, Беда здесь ссылается или на перечни королей с указанием сроков правления, или на анналы на пасхалии с указанием дат начала и конца каждого царствования⁸⁶.

Однако в другой работе Ч. Пламмер сопоставил эти слова Беды с перечнем королей «Муровской заметки о Нортумбрийской истории», которая читается после текста «Церковной истории» в одной из древнейших рукописей сочинения Беды — Муровской. Перевод этой заметки будет полностью приведен ниже (в разделе 4), здесь же для нас важно, что первая ее часть — не что иное, как перечень нортумбрийских королей. И в нем — в точном соответствии со словами Беды — об Освальде говорится сразу после Эдвина, короли-вероотступники не упомянуты, а число лет правления Освальда обозначено как 9, а не 8⁸⁷. Об этом же писал П. Хантер Блэр: Беда, по его мнению, использовал перечень королей, идентичный тому, что находим в «Муровской заметке», а значит — подобный список ко времени работы Беды уже существовал⁸⁸.

⁸³ *Беда Достопочтенный*. Церковная история. С. 74; *Beda. Storia degli inglesi*. Vol. 2. P. 14.

⁸⁴ *Беда Достопочтенный*. Церковная история. С. 82; *Beda. Storia degli inglesi*. Vol. 2. P. 46.

⁸⁵ *Venerabilis Baedae Opera Historica*. Т. 2. P. 121 (цит. по: *Jones Ch.W. Saints' Lives and Chronicles*. P. 117).

⁸⁶ *Beda. Storia degli inglesi*. Vol. 2. P. 492.

⁸⁷ *Two of the Saxon Chronicles Parallel: A revised text / Ed., with intr., notes, appendices and glossary by Ch. Plummer; on the basis of an edition by J. Earle*. Oxford, 1899. Vol. 2. P. CIX–CX.

⁸⁸ *Hunter Blair P. The Moore Memoranda*. P. 247–248, 257.

К. Харрисон более осторожен: он пишет, что «Муровская заметка» «может служить примером того, что могло быть перед глазами у Беда», однако не исключено, что сама она в какой-то части составлена на основе «Церковной истории»⁸⁹. Быть может, и так, однако само совпадение между свидетельством Беда и тем, что мы видим в «Муровской заметке», несомненно, на мой взгляд, говорит о том, что перечни королей появились до Беда.

Относительно того, когда впервые в Нортумбрии мог появиться такой перечень и под каким влиянием, высказывались разные мнения. Так, Ч. Джоунз полагал, что «в Нортумбрии, очевидно, список королей составлялся в дохристианские времена», ссылаясь при этом на главы II: 14 и II: 20 «Церковной истории» Беда⁹⁰. В названных главах у Беда имеются указания на то, на каком году своего правления нортумбрийский король Эдвин крестился и погиб; в первом случае Беда приводит еще *примерное* («*circiter CLXXXmus*») число лет, прошедшее к тому моменту с прибытия англо-саксов в Британию; во втором — указывает продолжительность жизни Эдвина. Однако всё это довольно разноплановые сведения, из которых не следует напрямую, что Беда пользовался списком королей, тем более составленным в дохристианскую эпоху (т.е. до крещения Эдвина). Скорее, это следы свойственного многим народам счета лет от начала правления того или иного лица⁹¹, за которыми не обязательно видеть какой-либо письменный памятник.

Ч. Джоунз предположил, что такая практика могла быть заимствована нортумбрийцами из кельтской Ионы, где велись списки епископов и королей с указанием на продолжительность правления (свидетельство чему ученый видел в главах III: 4 и III: 17 «Церковной истории»). В первом случае Беда говорит, что св. Колумба прибыл в Британию на 9-м году правления пиктского короля Бриди; во втором — что св. Айдан епископствовал 17 лет. Полагаю, что оба указания, скорее, были взяты Бедой из источников (письменных или устных), рассказывавших об этих святых. Ничто

⁸⁹ Harrison K. The Framework. P. 87–88.

⁹⁰ Jones Ch.W. Saints' Lives and Chronicles. P. 47, 176.

⁹¹ Ср. у того же Беда: «Эту войну Эдильфрид (Этельфрид, последний король языческой Нортумбрии. — Т.Г.) завершил в году 603-м от воплощения Господа, на одиннадцатом году своего царствования, которое продолжалось двадцать четыре года» (*Беда Достопочтенный*. Церковная история. С. 43). Датировки по году правления короля находим в ряде древнейших актов, а также в надписи из Ярроу 685 г. (см. примеч. 14).

не указывает, что здесь использованы именно перечни королей и епископов.

По мнению Джоунза, после крещения Нортумбрии практика ведения королевских списков была продолжена (здесь он ссылается процитированное чуть выше место из главы III: 1), однако на основании процитированного там же фрагмента из главы III: 9 ученый почему-то заключал, что в этих перечнях указывалось число не только лет, но и месяцев правления королей⁹². Джоунз полагал (ссылаясь на III: 1), что эти перечни велись параллельно в нескольких центрах, находившихся, тем не менее, в контакте друг с другом⁹³. На эту мысль ученого навело слово *cunctis* («всеми»), однако оно, на мой взгляд, может означать не много параллельно ведущихся списков, но «всех причастных» к исчислению сроков правления королей.

По мнению П. Хантера Блэра, перечни с указанием сроков правления не могли передаваться изустно, они должны были быть письменными. Точно определить время появления таких перечней нельзя, однако «было бы неразумно» относить их уже ко времени правления Эдвина. Хантер Блэр склоняется к мысли о том, что перечни возникли уже тогда, когда, благодаря стараниям Бенедикта Бископа, в Веармуте-Ярроу сформировалась библиотека, т.е. не ранее 670-х годов⁹⁴. По мнению ученого, у древнейших нортумбрийских перечней могли быть континентальные образцы, однако он также обращает внимание на параллель «Малой хроникой» Беда (во многом состоящей из имен царей и сроков их правления) и с Пиктским королевским перечнем⁹⁵.

И эти выводы не кажутся мне несомненными. Вопрос о том, могла ли изустная историческая память сохранять сроки правления правителей, должен решаться исключительно на широком сравнительно-историческом материале, хотя, конечно, Беда, скорее всего, имел в виду письменный перечень. Коль скоро Беда говорит о «списке христианских королей», вряд ли таковой мог возникнуть во времена Эдвина (первого короля-христианина) — речь должна идти о середине или, скорее, второй половине VII в. Однако вряд ли нужно связывать создание перечня именно с библиотекой Веармута-

⁹² Jones Ch.W. *Saints' Lives and Chronicles*. P. 47.

⁹³ Ibid. P. 42, 47, 177.

⁹⁴ Hunter Blair P. *The Moore Memoranda*. P. 249.

⁹⁵ Ibid. P. 249–250.

Ярроу: ниоткуда не следует, что «те, кто исчисляет сроки правления королей» были насельниками этого монастыря. Тем более трудно говорить об источниках этой традиции: перечни правителей — это настолько простая и универсальная форма историописания, что она могла возникать независимо у самых разных народов.

По гипотезе С. Вуд, в перечнях фиксировалось то, *сколько раз* тот или иной король праздновал «середины лета» или, скорее, «середины зимы» (плюс тот год, в который король умер)⁹⁶. Исследовательница предполагает, что еще с языческих времен для этих целей делались насечки на специальных дощечках (*tally-stick*) или же на столбах (*post*), установленных в тронном зале, а впоследствии этот способ счета восприняли те монахи, которые, как пишет Беда, «исчисляли сроки правления королей»⁹⁷. В то же время память о том, что то или иное событие произошло в «такой-то год правления такого-то короля», могла быть характерна и для устной традиции⁹⁸, поскольку в языческое время годы, скорее всего, ассоциировались с королями на сакральном уровне⁹⁹. Гипотеза С. Вуд о счете зим и о сакральной связи годов и королей выглядит убедительной, хотя, с другой стороны, Беда прямо пишет о «списке христианских королей», т.е. перед нами как минимум некоторый симбиоз язычества и христианства. Что касается идеи о деревянных дощечках с насечками, это, конечно, не более чем догадка, проверить которую вряд ли возможно.

Совсем по-другому подошла к вопросу о «списке христианских королей» М. Миллер:

Лучше всего слова Беды можно объяснить, если предположить, что *cunctis* включали, с одной стороны, диакона Иакова¹⁰⁰, который

⁹⁶ Wood S. Bede's Northumbrian dates. P. 293–295

⁹⁷ Ibid. P. 294 (ср. идею К. Харрисона о фиксации исторической памяти в раннем Уэссексе – примеч. 209).

⁹⁸ Wood S. Bede's Northumbrian dates. P. 294–295. Ср. также: Ibid. P. 290, note 6.

⁹⁹ Ibid. P. 295. С. Вуд ссылается здесь на шведскую руническую надпись VII в., в которой сказано, что своими жертвоприношениями «Хадувульф дал урожайный год» (см.: Мельникова Е.А. Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // Историческая память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 190–194). К языческим временам обычай считать годы правления короля возводит и К. Харрисон (*Harrison K. Framework*. P. 129).

¹⁰⁰ Ученик крестившего Эдвина епископа Паулина, впоследствии участник полемики о методах исчисления Пасхи, придерживавшийся правильной, с точки зрения Беды, дионисиевой методики. Беда пишет о нем в II: 16 (здесь сказано, что Иаков «дожил до наших дней»), 20; III: 24; IV: 2.

делал записи на полях своей Дионисиевой пасхалии в *vicus iuxta Cataractam*¹⁰¹, а с другой — Айдан¹⁰² или кто-то из его окружения, кто делал записи для «Хроники Ионы»: в том, что список королей Берниции, составленный монахом из Ионы, мог попасть к Беде, не должно вызывать сомнений ввиду того, что Беда в своих трудах по компутистике широко использовал ирландские источники¹⁰³.

Иными словами, для М. Миллер «все те (*cunctis*)» — это не какие-то создатели официальных перечней, но попросту авторитетные авторы конкретных текстов (как минимум двух), которые были под рукой у Беда. Дж. Уоллис-Хэдрилл допускает обе возможности. Более вероятным ему кажется, что Беда имел в виду «согласованное решение духовных общин Нортумбрии», однако ученый не исключает и правоты М. Миллер¹⁰⁴. Интерпретация Миллер видится мне до крайности гипотетичной: ниоткуда больше не следует ни то, что диакон Иаков делал исторические записи на пасхалии, ни то, что в монастыре Иона составлялся перечень королей Берниции. То и другое возможно, но является не более чем догадкой. Более того, в другой работе сама М. Миллер относит появление *изустных* перечня и генеалогии королей Берниции к 616–633 гг., т.е. к эпохе Эдвина¹⁰⁵.

Итак, несомненно, что Беда ссылается на перечень королей Нортумбрии (Берниции?¹⁰⁶), уже существовавший в его время. Также несомненно, что Беда многие абсолютные даты за VI–VII в. рас-

¹⁰¹ «Жил он (Иаков. — *Т.Г.*) в селении напротив Катаракта (Кеттерик, Северный Йоркшир. — *Т.Г.*), которое до сих пор носит его имя» (*Беда Достопочтенный*. Церковная история. С. 71, гл. II: 20).

¹⁰² Св. Айдан (ум. 651) — ирландский монах из монастыря Иона, основатель и первый епископ Линдисфарна, сыгравший ведущую роль в христианизации Нортумбрии при короле Освальде.

¹⁰³ *Miller M. Bede's Roman Dates*. P. 251.

¹⁰⁴ *Wallace-Hadrill J.M. Bede's Ecclesiastical History of English People: A Historical Commentary*. Oxford, 1988. P. 87–88.

¹⁰⁵ *Miller M. The dates of Deira*. P. 60.

¹⁰⁶ В «Муровской заметке» мы видим перечень королей Берниции (и объединенной Нортумбрии). Но высказывались соображения и в пользу того, что аналогичный список существовал для Дейры. По мнению П. Хантера Блэра, поскольку после смерти Эдвина Берниция и Дейра разделились, и Беда говорит об исключении из списков *обоих* королей-вероотступников, перечень королей Дейры тоже должен был существовать и тоже был известен Бедо (*Hunter Blair P. The Moore Memoranda*. P. 249). Есть данные, что подобный список мог быть использован Бедой и создателями более поздних памятников (см.: *Ibid.*; *Miller M. The dates of Deira*. P. 45–48).

считал исходя из сроков правления королей, т.е. он опирался на перечень королей как на один из важнейших источников¹⁰⁷. Несомненно и то, что этот перечень был как минимум похож на первую часть «Муровской заметки» — и там, и там Освальду был приписан лишний год. Всё остальное — почва для более или менее остроумных предположений.

Слова Беды «те, кто исчисляет сроки правления королей» наводят на мысль об официальности этих списков¹⁰⁸ или, скорее, на размышления о том, что уже в VII в. в Нортумбрии были лица, ответственные за ведение таких перечней¹⁰⁹, и шире — за сохранение исторической традиции. Авторитет этих лиц признавался обществом, коль скоро они имели право исключить из перечня «плохих» королей¹¹⁰.

Кем были эти люди, остается только гадать. Выражение «списки христианских королей» наводит на мысль о том, что это были представители церкви. С другой стороны, кажется вероятным, что традиция учета числа лет правления королей восходит к языческим временам и не обязательно связана с письменностью (ср. процитированное предположение С. Вуд). Вполне возможно, что, как и во многих других случаях, церковь здесь взяла на себя функцию, ранее уже существовавшую в других формах. К сожалению, никаких дополнительных сведений на этот счет у нас нет, однако собранные в настоящем томе сравнительно-исторические данные говорят о том, что для целого ряда архаических обществ характерно существование лиц, специально ответственных за фиксацию и сохранение исторической информации¹¹¹.

Исторические параллели могут быть найдены и к процедуре *исключения* «плохого» правителя из списка. П. Хантер Блэр писал о том, что это напоминает древнеримский обычай «проклятия памя-

¹⁰⁷ См.: Kirby D.P. Bede and Northumbrian Chronology. P. 515; Miller M. The dates of Deira. P. 52, 57 et al.; Wood S. Bede's Northumbrian dates.

¹⁰⁸ Ср. именование этого перечня «официальным» у М. Миллер (Miller M. The dates of Deira. P. 45).

¹⁰⁹ Ср., например: Harrison K. The Framework. P. 129.

¹¹⁰ По мнению Ч. Джоунза, «составители перечней исходили из того, что это была единственная на тот момент форма исторических записей; иначе не было бы смысла исключать из перечня имена» (Jones Ch.W. Saints' Lives and Chronicles. P. 117). На мой взгляд, это очень здравая мысль: перечень, из которого кого-то можно *исключить*, должен быть если не единственной, то хотя бы главной, или *единственной официальной* формой записи прошлого.

¹¹¹ См. особенно в статье М.Ю. Ульянова.

ти» (*damnatio memoriae*), когда материальные следы памяти о ком-либо намеренно уничтожались. Ученый даже высказал догадку, что Беда мог видеть примеры выскобленных имен в сохранявшихся тогда в Британии надписях римского времени¹¹². Высказывался и скепсис в отношении этой догадки¹¹³. Я думаю, что речь, скорее, должна идти о типологическом сходстве: «те, кто исчисляет сроки правления королей» приняли свое решение не потому, что слышали о римском обычае, а потому, что подобная идея была естественна в такой ситуации, а может быть, подобный обычай существовал ранее и у англо-саксов. В ряде статей настоящего сборника идет речь если не о точно таких случаях, то о характерных для архаического историописания способах манипулирования исторической памятью¹¹⁴.

Краткие анналы (на пасхалии?). Вопрос о том, велись ли в Нортумбрии VII — начала VIII в. краткие анналы (т.е. записи о событиях, организованные по годам¹¹⁵), еще более сложен. Однако он несколько раз ставился в науке. На какие данные обращали внимание ученые?

Уже цитировалась мысль, что под теми, «кто исчисляет сроки правления королей», Беда имел в виду составителей анналов на пасхалии. Эта мысль вряд ли верна: сопоставление известия Беды с «Муровской заметкой» ясно показывает, что он имел в виду именно перечень королей с указанием сроков правления, а отнюдь не анналы.

Больше оснований говорить об анналах как об источнике некоторых сведений, приводимых Бедой, а также в более поздних памятниках. По предположению В. Левисона, сам Беда, прежде чем написать «Церковную историю», создал краткие анналы, ко-

¹¹² Hunter Blair P. *The Moore Memoranda*. P. 248–249.

¹¹³ Wallace-Hadrill J.M. *Bede's Ecclesiastical History*. P. 88.

¹¹⁴ См. особенно статьи А.А. Баншиковой (о царских списках), М.Ю. Ульянова и А.А. Красовой. Очень близкой аналогией, как кажется, является указание древнерусской «Повести временных лет» на 40 лет правления Ярослава Мудрого. Как и Освальд, Ярослав правил после крестителя страны (Владимира), однако, как и в Нортумбрии, на Руси после смерти крестителя имелся небольшой период смуты и «плохого» правления (на Руси — Святополка Окаянного). Так вот, 40 лет правления Ярослава получаются в том случае, если, используя «включающий счет», считать от кончины Владимира (1015 г.) до смерти Ярослава (1054 г.), игнорируя «плохого» Святополка (см. примеч. 139 к статье А.В. Назаренко в настоящем томе).

¹¹⁵ О значении термина «анналы» применительно к европейскому Средневековью см.: Гимон Т.В. *Историописание*. С. 69–92.

торые потом включил в ее состав (в главе V: 24, так называемые «анналы» Беды). В «анналах» Беды имеется ряд сообщений, так и не отразившихся в основном тексте его труда. Вероятным источником «анналов» Беды Левисон считал пасхалию с летописными записями, попавшую в Англию из Италии (и этим объясняется наличие в «анналах» Беды весьма точных известий о затмениях VI в., которые даже не были видны в Англии). В Англии на этой пасхалии тоже делались записи, и к ним восходит, в частности, известие «Малой» и «Большой» хроник Беды о затмении 664 г., лучше всего наблюдавшемся именно в Нортумбрии¹¹⁶. В другой работе В. Левисон высказывал мысль о том, что некоторые нестыковки дат в «Церковной истории» Беды могут происходить оттого, что Беда пользовался записями на пасхалиях, на которых четко не обозначены границы годов и индиктов¹¹⁷.

Ч. Джоунз возводил к анналам на пасхалии многие даты, приводимые Бедой в «Истории аббатов», «Большой хронике» и «Церковной истории»¹¹⁸. По мнению Джоунза, если какое-либо событие датировано Бедой годом от Рождества Христова или же по индикту, мы можем заключить, что информация Бедой получена из анналов на пасхалии. Если же таких дат нет, но выражения, используемые автором, выглядят «несомненно анналистическими», или если год от Рождества Христова присутствует, но неверен, источником могла послужить до-Дионисиева пасхалия¹¹⁹. Джоунз предполагал, что записи на пасхалиях в Нортумбрии делались еще со времен первого епископа Паулина (конец 620-х — начало 630-х годов)¹²⁰.

П. Хантер Блэр обратил внимание на то, что в «Северной версии» Англо-Саксонской хроники в статьях за 685–721 гг. есть ряд избыточных сведений в сравнении с «Церковной историей» Беды (речь идет не о целых известиях, а именно об оригинальной информации в *тех же* известиях — географических уточнениях и т.п.). Также, вслед за Левисоном, ученый отметил, что в «анналах» Беды (в главе V: 24 «Церковной истории») имеются известия, которые не дублируются в основном тексте сочинения, и из них четыре могут быть возведе-

¹¹⁶ *Levison W. Bede as historian // Bede: His Life, Times and Writings: Essays in commemoration of the twelfth centenary of his death. Oxford, 1935. P. 135–137. Ср.: Jones Ch. W. Bede as Early Medieval Historian. P. 36.*

¹¹⁷ *Levison W. England and the Continent. P. 267.*

¹¹⁸ *Jones Ch. Bede as Early Medieval Historian. P. 30, 32, 34–36.*

¹¹⁹ *Ibid. P. 34–35.*

¹²⁰ *Ibid. P. 35.*

ны к особому нортумбрийскому источнику (за 675–725 гг.). Все эти известия — и в Англо-Саксонской хронике, и у Беда — касаются событий в Нортумбрии. На основании всего этого Хантер Блэр заключил, что в конце VII — начале VIII в. в Нортумбрии (возможно, в Ярроу) велись анналы, может быть — на полях пасхалии¹²¹. К. Харрисон добавляет к этому, что интервал 685–721 гг. соответствует двум последним 19-летним циклам в серии пасхальных таблиц Феликса. Ссылаясь на устное мнение Д. Уайтлок, Харрисон предполагает, что до создателя «Северной версии» могла дойти не сама древняя пасхалия с записями, но сделанные на их основе глоссы к одной из рукописей «Церковной истории» Беда¹²². В работе о «Муровской заметке» П. Хантер Блэр отметил, что в ее второй части («обратном расчете лет»¹²³) не все сведения возводимы к «Церковной истории» Беда; скорее, и Беда, и создатель «Муровской заметки» пользовались пасхалией VII в. с историческими записями¹²⁴.

М. Миллер присоединилась к гипотезе Ч. Джоунза о том, что Беда использовал пасхалию с историческими пометками (а возможно, и сам ее создал). Эта гипотеза помогла исследовательнице объяснить приводимые в «Большой хронике» и «Церковной истории» даты правления императоров V–VI вв.¹²⁵ К пасхалии Миллер осторожно возводит и некоторые даты из истории Нортумбрии¹²⁶. По мнению К. Харрисона, скорее всего, на пасхалии было впервые записано известие о солнечном затмении 664 г., включенное Бедой с развернутой датировкой в его «Большую хронику»¹²⁷; Харрисон допускает, что и некоторые другие известия попали в труд Беда со страниц пасхалии¹²⁸. С. Вуд предполагает, что из анналистической записи Беда мог узнать точную дату крещения Эдвина (Пасха, 12 апреля 627 г.)¹²⁹. (Кажется, однако более вероятным, что

¹²¹ *Hunter Blair P.* The Northumbrians and their southern frontier // *Archaeologia Aeliana, or Miscellaneous Tracts Relating to Antiquity.* Newcastle, 1948. Vol. 26. P. 105–112.

¹²² *Harrison K.* The Framework. P. 90, note 14.

¹²³ См. в следующем разделе.

¹²⁴ *Hunter Blair P.* The *Moore Memoranda*. P. 257.

¹²⁵ *Miller M.* Bede's Roman Dates. P. 244–252.

¹²⁶ *Ibid.* P. 251; *Miller M.* The dates of Deira. P. 54.

¹²⁷ *Harrison K.* The Framework. P. 93–94, 96–97.

¹²⁸ *Harrison K.* The beginning of the year in England, c. 500–900 // *ASE.* 1973. Vol. 2. P. 56–57 (автор так объясняет даты, приводимые Бедой для событий 672–673 гг.).

¹²⁹ *Wood S.* Bede's Northumbrian dates. P. 290, note 6 (автор допускает и анналистическую запись, «an annal»).

источником здесь послужил литургический календарь, см. чуть ниже.) С. Харт обнаружил родство между «анналами» Беда и анналами на пасхалии из Рэмси, сохранившимися в рукописи XII в. (в части за 538–729 гг.). По мнению исследователя, у них (а также у Англо-Саксонской хроники) был общий источник — некие нортумбрийские анналы¹³⁰. В предисловии к новейшему изданию «Церковной истории» М. Лэпидж в общем виде пишет о том, что записи на пасхалии могли послужить источником «анналов» Беда, а также что Беда мог и сам принимать участие в составлении этих записей (хотя начаты они могли быть даже и за пределами Нортумбрии)¹³¹.

Итак, многие ученые предполагают — на тех или иных основаниях, — что в VII в. в Нортумбрии уже велись исторические записи на пасхалии. Впрочем, раздавались и скептические голоса. Так, Д. Керби указывает на отсутствие доказательств того, что Беда использовал какие-либо анналы за период до 685 г. Наоборот, многие из дат Беда, вероятно, рассчитал на основании перечня королей, сообщавшего продолжительность их правления. Только применительно к концу VII — началу VIII в., по мнению Керби, Беда мог опираться на анналистический источник (Керби ссылается на процитированные выше выводы Ч. Пламмера и П. Хантера Блэра)¹³². К. Харрисон считает, что, коль скоро мы не знаем, насколько в Нортумбрии VII в. была распространена пасхалия Дионисия, к гипотезе о записях на пасхалиях как об источнике каких-либо сведений стоит прибегать лишь при отсутствии других объяснений¹³³. Дж. Бейтли отметила, что во внешнем облике дошедших до нас списков сочинений Беда («Большой хроники» и «анналов» из «Церковной истории») ничего не напоминает о пасхальных таблицах¹³⁴.

Вопрос состоит еще и в том, когда вообще в Нортумбрии появились пасхальные таблицы, и какого типа это были таблицы. Беда был сторонником пасхалии Дионисия, но в Англии VII в. могли иметь место и Викторианские, а также ирландские таблицы. Первые два типа таблиц в первой половине — середине VII в. (до 665 г.)

¹³⁰ Hart C. The Anglo-Saxon Chronicle at Ramsey // Alfred the Wise: Studies in honour of J. Bately on the occasion of her sixty-fifth birthday. Cambridge, 1997. P. 71.

¹³¹ Beda. Storia degli inglesi. Vol. 1. P. LXVI–LXIX.

¹³² Kirby D.P. Bede and Northumbrian Chronology. P. 514–515 et al.

¹³³ Harrison K. The Framework. P. 46, 96–97.

¹³⁴ Bately J.M. Manuscript Layout and the Anglo-Saxon Chronicle // Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester. 1988. Vol. 70, N 1. P. 38, note 92.

давали одинаковый день Пасхи. На синоде в Уитби 664 г. была отвергнута ирландская пасхалия, однако Викторианская могла еще какое-то время использоваться, хотя возобладала Дионисиева. Исторические записи могли делаться на таблицах разных типов, чему имеются континентальные параллели. Таким образом, сама история пасхалии в Англии VII в., увы, никак не проясняет вопроса о том, когда на полях пасхальных таблиц появились анналы¹³⁵.

Таким образом, к сожалению, в вопросе о «пасхальных анналах», и вообще об анналах, предшествовавших деятельности Беды, остается довольно много неясного. В свете наблюдений В. Левисона, Ч. Джоунза, П. Хантера Блэра и других ученых существование таких анналов кажется довольно вероятным. Эта гипотеза позволяет объяснить происхождение некоторых дат и подробностей событий, приведенных Бедой и создателями других источников. Однако, если в случае с перечнями королей у нас было а) прямое свидетельство Беды и б) реальный текст такого типа, похоже, послуживший источником для Беды (а не наоборот), то с «пасхальными анналами» наука столь уверенными данными не располагает. Их существование кажется вероятным, но не вполне доказанным.

Литургические календари. Беда в главе IV: 14 «Церковной истории» пересказывает следующее чудо: мальчику, жившему в монастыре Селси (Сассекс), было видение — к нему явились апостолы и предсказали, что в ближайшее время прекратится эпидемия. По их словам, «эта милость Божья дарована братии по заступлению благочестиваго и возлюбленного Богом короля Освальда», который «вознесся к вечным духовным радостям и был причтен к избранным. Пусть посмотрят в книгах (*in codicibus*), под каким днем записан этот святой, и узнают, что в этот день он и был взят из мира». Услышав рассказ мальчика об этом видении, священник заглянул в некую книгу и обнаружил, что Освальд действительно был убит в этот самый день. В русском переводе В. Эрлихмана это место выглядит как «заглянул в анналы»¹³⁶, а в комментарии указано, что речь идет, вероятно, об анналах на пасхалии¹³⁷. Однако это, безусловно, недоразумение. В латинском тексте — единственное число: священник заглянул «*in annale suo*»¹³⁸. Совершенно очевид-

¹³⁵ См.: *Story J. The Frankish Annals of Lindisfarne and Kent // ASE. 2005. Vol. 34. P. 84–91.*

¹³⁶ *Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 128, гл. IV: 14.*

¹³⁷ Там же. С. 286, примеч. 780.

¹³⁸ *Beda. Storia degli inglesi. Vol. 2. P. 230.*

но, что в обоих случаях речь здесь идет не об анналах (летописи), но о литургическом календаре — росписи церковных праздников и памятей по дням каждого месяца. Именно так («in his calendar») перевели это слово, например, Б. Колгрейв и Р. Майнорс¹³⁹. Так же его понимают и другие исследователи¹⁴⁰.

В английских рукописях IX–XI вв. сохранилось два десятка таких календарей (месяцесловов)¹⁴¹. Несомненно, подобные тексты имелись в Англии и раньше. Календарь Виллиборда (ум. 739), англо-саксонского миссионера на Континенте, дошедший до нас в рукописи начала VIII в., включает памяти (даты смерти) нортумбрийских королей Эдвина, Освальда и Освине, а также дни основания двух англо-саксонских церквей¹⁴². Весьма вероятно, что и сам Беда узнал день смерти Освальда как раз из такого календаря (либо же знал его из повседневной литургической практики)¹⁴³. В других случаях подобные календари (или же практика ежегодного поминания каких-либо лиц или событий) тоже вполне могли послужить для Беды источником конкретной информации¹⁴⁴.

Календари не являются, конечно, памятниками историописания в прямом смысле этого слова, но их можно рассматривать как форму фиксации исторической памяти, по крайней мере — памяти о некоторых ключевых фигурах христианизации острова. Как отметил в свое время Ч. Джоунз, церкви требуются два вида календарей — календарь по дням месяцев (месяцеслов) и пасхалия, — и оба типа использовались для фиксации важных событий. В пасхалии запись о событии привязывалась к году, а в месяцеслове — ко дню. Эти два типа исторических записей в некотором смысле дополняют друг друга, и их параллельное возникновение вполне

¹³⁹ Bede's Ecclesiastical History. P. 380–381.

¹⁴⁰ Levison W. Bede as historian. P. 143, note 2; Harrison K. The Framework. P. 89; Wallace-Hadrill J.M. Bede's Ecclesiastical History. P. 154–155; Story J. The Frankish Annals. P. 90.

¹⁴¹ English Kalendars before A.D. 1100 / Ed. by F. Wormald. Woodbridge, 1988.

¹⁴² См.: Story J. The Frankish Annals. P. 90–91 (текст записей см.: Ibid. P. 91, note 112).

¹⁴³ Как отметила М. Миллер, Беда здесь приводит дневную дату не по календарам (что типично для его текста первую половину VII в.), а по числу месяца (5 августа), т.е. так, как она значилась в церковном календаре (Miller M. The dates of Deira. P. 51).

¹⁴⁴ Ibid. P. 38–40, 59; Wood S. Bede's Northumbrian dates. P. 284; Kirby D.R. Bede's Native Sources. P. 63.

естественно¹⁴⁵. Это тем более вероятно, что у нас есть пример нахождения месяцеслова и пасхалии в одной рукописи — уже упомянутый календарь Виллиброрда¹⁴⁶.

4. «МАЛЫЕ ФОРМЫ ИСТОРИОПИСАНИЯ», СВЯЗАННЫЕ С ТРУДОМ БЕДЫ

В связи с появлением трудов Беды и их последующим распространением в рукописях возник целый ряд «малых» форм историописания.

Продолжения «анналов» Беды. Как уже не раз говорилось, Беда в конце своей «Церковной истории» (гл. V: 24) поместил краткий хронологический перечень событий, своего рода анналы. В некоторых из списков «Церковной истории» эти «анналы» Беды имеют продолжение.

Так, в Муровской рукописи VIII в. после окончания «Церковной истории», внизу л. 128, написаны (тем же почерком, что и основной текст, и одновременно с ним¹⁴⁷) четыре известия за 731–734 гг. Приведу полностью их перевод:

В год¹⁴⁸ DCCXXXI король Кеолвульф отрекся, был пострижен и потом вернулся к власти; епископ Акка изгнан со своей кафедры. В год DCCXXXII Эгберт стал епископом Эборака¹⁴⁹ вместо Вилфрида. В год DCCXXXIII, в XVIII календы сентября, около третьего часа дня, случилось затмение солнца, так что весь его круг как бы покрылся черным и ужасным щитом. В год DCCXXXIII, во II календы февраля¹⁵⁰, луна перед рассветом стала кроваво-красной, потом сделалась черной и, наконец, восстановила нормальный свой цвет¹⁵¹.

¹⁴⁵ Jones Ch. Bede as Early Medieval Historian. P. 27–28.

¹⁴⁶ Story J. The Frankish Annals. P. 91.

¹⁴⁷ Story J. After Bede. P. 169.

¹⁴⁸ «Анно».

¹⁴⁹ Т.е. Йорка.

¹⁵⁰ 31 января. Это ошибка. В действительности затмение случилось 24 января (в 9-е календы февраля: Story J. After Bede. P. 169, note 15).

¹⁵¹ Цит. по: Беда. *Достопочтенный* Церковная история. С. 195 (мною восстановлены по латинскому тексту хронологические формулы). Латинский текст см.: Story J. After Bede. P. 183. В рукописи (см. примеч. 65) анналы написаны «в строчку», без разделения на абзацы, что воспроизвожу и здесь.

Все эти события имели место еще при жизни Беда (ум. 735). Как отмечает Дж. Стори, первые две из этих статей касаются людей, которых Беда хорошо знал, но при этом событий, которые он вряд ли захотел бы описывать в «Церковной истории». Кто бы ни был автором этих известий — Беда или кто-либо другой, — он «держал эти статьи “про запас”, не в последнюю очередь потому, что они нарушали созданную Бедой оптимистичную картину “нынешнего состояния Британии”»¹⁵².

В списках «Церковной истории», относящихся к ветви (редакции) *c* (*κ*), связанной Кентербери¹⁵³, «анналы» Беда продолжены двумя статьями — за 733 и 734 гг., причем теми же, что и в Муровской рукописи (о солнечном затмении и о цвете луны). Однако, в отличие от Муровского кодекса, в кентерберийской редакции труда Беда эти две записи именно продолжают анналы в главе V: 24, а не читаются после окончания текста всей «Церковной истории».

М. Лэпидж предполагает, что эти два известия были первоначально записаны в Кентербери, а потом оказались использованы при создании Муровского кодекса¹⁵⁴. Эта идея кажется искусственной: во-первых, избыточным выглядит предположение о том, что две краткие записи возникли в Кентербери в копии текста, привезенного из Нортумбрии, а затем снова были использованы в Нортумбрии. Во-вторых, в Муровской рукописи есть еще записи за 731 и 732 гг., и неясно, как тогда быть с ними. Поэтому более убедительна гипотеза Дж. Стори, по мнению которой эти четыре погодные статьи были не чем иным, как приписками в той нортумбрийской рукописи, к которой восходят и архетип редакции *c* (*κ*), и Муровская рукопись¹⁵⁵.

Те же записи за 731–734 гг., что и в Муровской рукописи, обнаруживаются в ряде поздних списков «Церковной истории» (XII–XV вв.), а также (частично) в составе «Северных анналов», отразившихся в «Истории королей» Симеона Даремского (XII в.). Судя по всему, как минимум первое из этих известий было написано, но потом затерто еще в одной рукописи «Церковной истории» начала XI в. В части этих случаев, как и в Муровской рукописи, данные записи соседствуют с «Гимном Кэдмона»; не исключено, что оба

¹⁵² *Story J. After Bede. P. 174.*

¹⁵³ См. выше, примеч. 72–74.

¹⁵⁴ *Lapidge M. Beda Venerabilis. P. 99, note 216.*

¹⁵⁵ *Story J. After Bede. P. 174.*

текста воспринимались переписчиками как связанные с личностью самого Беды¹⁵⁶.

Еще в 11-ти континентальных списках «Церковной истории» XII–XVI вв.¹⁵⁷ «анналы» в главе V: 24 продолжены записями за 732–766 г. (так называемая *Continuatio Bedae*)¹⁵⁸. В отличие от Муровской рукописи, и подобно редакции с (κ), эти дополнения помещены непосредственно вслед за «анналами» Беды, а не после окончания всего сочинения. Хотя эти анналы не сохранились в собственно англо-саксонских рукописях, их происхождение из Нортумбрии VIII в. сомнений не вызывает¹⁵⁹.

Анналы охватывают 35 лет, однако имеют только 19 погодных статей¹⁶⁰. Иногда под одним годом сообщается о двух или более событиях. В анналах зафиксированы смены архиепископов и епископов, королей Нортумбрии, Мерсии, Уэссекса, Старклайда, Страны пиктов и Франского государства, войны между англо-саксонскими королями, бедствия и знамения, а также смерть «священника Беды», т.е. Беды Достопочтенного (735 г.), убийство неких Эарнвине и Эадберта (740 г.), смерть Херефрида, «мужа Божьего» (740 г.), и мученичество св. Бонифация (754 г.). Все сообщения рассматриваемых анналов — очень краткие, за исключением чуть более развернутого известия о солнечном и лунном затмениях в 753 г. Только в нем, и нигде более в этих анналах, имеются две дневные даты (по календам).

Дж. Стори обратила внимание на то, что первое известие этих анналов сообщает о начале епископства Эгберта в Йорке (732 г.),

¹⁵⁶ Ibid. P. 175–176.

¹⁵⁷ Архетип которых, однако, может быть отождествлен с дошедшей до нас во фрагментах рукописью VIII в. (вывод Дж. Уэстгарда, цит. по: *Lapidge M. Beda Venerabilis*. P. 111, note 238).

¹⁵⁸ Текст и английский перевод этих продолжений см.: *Bede's Ecclesiastical History*. P. 572–577. Русский перевод см.: *Бедва Достопочтенный*. Церковная история. С. 195–196. Дж. Стори в статье 2009 г. ссылается на готовящееся Дж. Уэстгардом новое издание с разночтениями по 11-ти спискам (*Story J. After Bede*. P. 178).

¹⁵⁹ *Bede's Ecclesiastical History*. P. LXVII–LXIX; *Story J. After Bede*. P. 177–183. Правда, запись под 757 г. о смерти Кюневульфа, короля Уэссекса, дана под ошибочной датой (должно быть: 786 г.). Такая же ошибка есть в более поздней Англо-Саксонской хронике, однако этого недостаточно для того, чтобы считать последнюю источником рассматриваемых анналов. Скорее, запись 757 г. первоначально отмечала восшествие Кюневульфа на престол, и лишь по ошибке стала известием о его смерти (*Story J. After Bede*. P. 182).

¹⁶⁰ В отличие от более поздних древнеанглийских анналов, в рассматриваемом тексте не отмечены «пустые годы» — как не отмечены они и самим Бедой в его «анналах» в главе V: 24.

а последнее — о его же смерти (766 г.). Это вряд ли случайное совпадение. Скорее, создатель анналов как раз и преследовал цель осветить события за период нахождения Эгберта на Йоркской кафедре. Весьма вероятно, что список «Церковной истории», сохранивший эти анналы, очень скоро попал на Континент: как раз применительно к 760-м годам у нас есть данные об экспорте туда копий сочинений Беда¹⁶¹.

В 12-ти английских списках «Церковной истории» рубежа X–XI — XV вв. к «анналам» Беда добавлены известия о св. Уилфриде и современных его деятельности политических событиях (за 658, 670, 687, 692 и 705 гг.¹⁶²). Эти дополнения сделаны на основании основного текста «Церковной истории»¹⁶³. Кроме того, в старейшей рукописи, содержащей эти дополнения, — Винчестерском кодексе рубежа X–XI вв. — после окончания «Церковной истории» повторены два известия из «анналов» Беда — за 653 и 655 гг. Оба они касаются истории Мерсии — крещения Пеадой Срединной Англии (653 г.), а также гибели короля Пенды и крещения самой Мерсии (655 г.). После этого в рукописи написаны номера годов («пустые годы») — 653, 654 и (после пропуска строки) 656–675¹⁶⁴. Последний из этих лет, 675, был, согласно Бедо, годом смерти первого самостоятельного короля христианской Мерсии, Вульфхере. О восшествии же этого короля на трон идет речь в первом из уилфридовских дополнений (658 г.). По гипотезе Дж. Уэстгарда, и известия о св. Уилфриде, и окончание Винчестерской рукописи представляют собой не что иное, как незаконченное мерсийское дополнение к «анналам» Беда¹⁶⁵.

Таким образом, «анналы» Беда (в отличие от основного текста «Церковной истории») оказались текстом, который последующие книжники зачастую старались продолжить или дополнить. Эти дополнения представляют собой древнейшие известные нам образцы английской анналистики.

¹⁶¹ *Story J.* After Bede. P. 180.

¹⁶² А также загадочная запись за 667 г.: «Anno DCLXVII n(oste)r abb(atu)s scri(psit)» («наш аббат писал?»), — см.: *Westgard J.A.* The Wilfridian Annals in Winchester Cathedral Library, MS 1 and Durham Cathedral Library, MS B. ii. 35 // *The Study of Medieval Manuscripts of England: Festschrift in Honor of R.W. Pfaff.* Turnhout, 2010. P. 214, 219–221.

¹⁶³ *Ibid.* P. 208–223 (текст этих дополнений напечатан: *Ibid.* P. 214–216).

¹⁶⁴ Текст этого добавления к Винчестерской рукописи см.: *Ibid.* P. 220, note 49.

¹⁶⁵ *Ibid.* P. 220–227.

Жанр анналов получил, видимо, определенное развитие и вне рукописей «Церковной истории». В ряде более поздних источников отразились так называемые Северные анналы за VIII — начало IX в. — памятник, предполагаемый состав которого лишь отчасти перекликается с продолжениями «анналов» Беды. Достоверность сообщений, восходящих к этим анналам, подтверждаются независимыми источниками, а записи астрономических явлений — естественнонаучными данными. Многие известия этих анналов связаны с Йорком, что делает этот город вероятным местом их ведения. Дж. Стори попыталась реконструировать этапы ведения этих анналов (первая отразилась в *Continuatio Bedae*, вторая — в «Северной версии» Англо-Саксонской хроники; третья, возможно как-то связанная с Алкуином, — в латинских компиляциях XII в.). Возводимые к Северным анналам известия доходят до 806 г., однако не исключено, что в ряде компиляций отразились и более поздние добавления к ним¹⁶⁶. Начало еще одного памятника ранней анналистики на латыни Д. Дамвилл обнаружил в рукописи городской библиотеки Берна, написанной во Франкии во второй половине IX в. Текст обрывается на статье 565 г. (сохранилась, собственно, только первая страница) и основан, в основном, на «анналах» Беды, хотя и содержит некоторые дополнительные детали. Определить время создания этих анналов невозможно, но они, по мнению Дамвилла, почти наверняка созданы англо-саксом¹⁶⁷. В Мозельских анналах, сохранившихся в рукописи рубежа XI–XII вв. из Нормандии, записи за 703–713 гг. сообщают о нескольких событиях в Британии и, по мнению А.И. Сидорова, восходят к английскому источнику¹⁶⁸. Наконец, в конце IX в. (а может быть, и раньше) в Уэссексе возникла традиция составления анналов на древнеанглийском языке — и появилась Англо-Саксонская хроника, о которой еще будет сказано ниже.

«Муровская заметка»: Перечень королей и «обратный расчет» лет. В уже не раз упомянутой Муровской рукописи «Церковной истории» Беды после окончания «Церковной истории» читаются не только краткие анналы за 731–734 гг. (внизу л. 128), но также древ-

¹⁶⁶ См.: *Rollason D., Gore D., Fellow-Jensen G. Sources for York History to AD 1000. York, 1998. P. 17–18; Rollason D. Northern annals // WBEASE. P. 339–340.*

¹⁶⁷ См. текст и заметку о нем: *Dumville D.N. A new chronicle fragment of early British history // EHR. 1973. Vol. 88, N 347. P. 312–314.*

¹⁶⁸ *Сидоров А.И. «Черная кошка в темной комнате»: Формирование традиций историописания в раннесредневековой Европе // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М., 2011. С. 45.*

неанглийский текст «Гимна Кэдмона» и так называемая «Муровская заметка о Нортумбрийской истории» (на л. 128 об.). Все эти тексты написаны тем же почерком, что и основной текст «Церковной истории»¹⁶⁹. Приведу полностью перевод Муровской заметки¹⁷⁰:

В год 547 Ида начал править, от которого ведет свое происхождение королевский род Нортумрии, и он был королем 12 лет. После этого Глаппа 1 год, Адда 8, Этельрик 4, Теодрик 7, Фридуальд 6, Хусса 7, Этельфрид 24, Эдвин 17, Освальд 9, Освиу 28, Эгфрид 15, Альдфрид 20, Осред 11, Конред 2, Осрик 11, Кеолвульф 8. Крестил Паулин за 111 лет. Затмение за 73 года. Пенда умер за 79 лет. Битва Эгфрида за 63 года. Эльфвине за 68 лет¹⁷¹. Монастырь в Веармуте за 64 года. Кометы видны за 8 лет. В тот же год отец Экберт¹⁷² перешел к Христу. Англи в Британии за 292 года.

Как видим, заметка состоит из двух частей: 1) перечня королей Берниции–Нортумбрии с указанием сроков правления и 2) перечня важнейших событий с указанием хронологической дистанции от них до некоего «настоящего момента».

Перечень королей включает языческих правителей Берниции (от Иды до Этельфрида) и христианских королей объединенной Нортумбрии (от Эдвина до Кеолвульфа, отрекшегося от власти в 737 г.). Как уже говорилось, в нем отсутствует упоминание о королях-язычниках, правивших между Эдвином и Освальдом, а год их правления приписан Освальду — точно так, как это описал Беда в главах III: 1 и III: 9, — и поэтому весьма вероятно, что Муровский перечень восходит к более раннему перечню того же типа. Позднее перечни королей с указанием сроков их правления получают в Англии определенное распространение (наряду с генеалогическими перечнями)¹⁷³, а в некоторых памятниках, похоже, был использован перечень, близкородственный Муровскому¹⁷⁴.

¹⁶⁹ *Hunter Blair P. The Moore Memoranda. P. 245.*

¹⁷⁰ Этот же перевод я публиковал в: *Гимон Т.В. Историописание. С. 589.* Латинский текст см.: *Hunter Blair P. The Moore Memoranda. P. 245.* Цифирь здесь для наглядности и экономии места заменена на арабскую.

¹⁷¹ Речь идет о гибели Эльфвине, брата короля Нортумбрии Эгфрида, в битве при Тренте (*Ibid. P. 255*).

¹⁷² Св. Экберт (ум. 729), монах Ионы.

¹⁷³ См. обзор таких памятников VIII–XI вв.: *Гимон Т.В. Историописание. С. 278–284.*

¹⁷⁴ *Hunter Blair P. The Moore Memoranda. P. 250; Jackson K. On the Northern British Section in Nennius // Celt and Saxon: Studies in the Early British Border. Cambridge, 1963. P. 26–27.*

Во второй части «Муровской заметки» перечисляются девять событий, причем для каждого указана хронологическая дистанция от него до некоего момента в настоящем. Для большинства известных простой арифметический подсчет указывает на 737 г., который традиционно и считается годом написания Муровской рукописи. Однако в некоторых случаях получаются другие даты: 734, 741, 748 гг., на основании чего Д. Дамвилл предположил, что в Муровской рукописи до нас дошел не оригинал «заметки», но копия, причем в оригинале записи делались в несколько приемов, в разные годы¹⁷⁵. Это кажется немного странным, однако подтверждается тем, что известия в «заметке» приведены не в хронологической последовательности — таковая выстраивается только для тех из них, для которых «настоящий момент» — это 737 г.¹⁷⁶ По мнению П. Хантера Блэра, часть сведений этого «обратного расчета» могла быть взята из сочинений Беды, но некоторые даты имеют какое-то независимое от Беды происхождение¹⁷⁷. Как предполагает ряд исследователей, «заметка» могла быть составлена на основе глосс на полях «анналов» Беды (краткого перечня событий в главе V: 24) в протографической рукописи — сходных с теми, что сохранились в Санкт-Петербургском списке «Церковной истории»¹⁷⁸. Наличие в этом «обратном расчете» известия об основании монастыря Веармут говорит о создании «заметки» (или, скорее, ее протографа) в Веармуте-Ярроу¹⁷⁹.

Перечни (архи)епископов. Перечни англо-саксонских архиепископов и епископов известны в целом ряде рукописей (древнейшая — начала IX в.¹⁸⁰). Как правило, перечни встречаются не по отдельности, но составляют коллекцию. Эта коллекция со временем пополнялась новыми кафедрами и новыми именами епископов; дополнения другими почерками видны уже в древнейшей рукописи¹⁸¹. Р. Пейдж, подробно исследовавший коллекцию, писал

¹⁷⁵ *Dumville D.N.* The two earliest manuscripts. P. 60–65.

¹⁷⁶ *Ibid.* P. 60.

¹⁷⁷ *Hunter Blair P.* The Moore Memoranda. P. 256–257.

¹⁷⁸ См.: *Dumville D.N.* The two earliest manuscripts. P. 65–66.

¹⁷⁹ *Ibid.* P. 63.

¹⁸⁰ О ней подробно пойдет речь в разделе 6.

¹⁸¹ См. публикацию и исследование: *Page R.I.* Anglo-Saxon episcopal lists // *Nottingham medieval studies.* 1965. Vol. 9. P. 71–95; 1966. Vol. 10. P. 2–24. См. также: *Keynes S.D.* Between Bede and the *Chronicle*: BL Cotton Vespasian B. vi, fols. 104–9 // *Latin Learning and English Lore: Studies in Anglo-Saxon Literature for M. Lapidge.* Toronto; Buffalo; L., 2005. Vol. 1. P. 55–57, 61–62.

о ее несомненной связи с «Церковной историей» Беды. Ученый считал, что вряд ли перечни были составлены на основе «Церковной истории»; скорее, наоборот, Беда пользовался коллекцией перечней, близкой к дошедшим до нас образцам. Об этом говорят важные расхождения между сведениями Беды и перечней, которые вряд ли бы возникли, будь перечни выписками из труда Беды¹⁸². При этом важно, что перечни, составляющие коллекцию, не единообразны и не всегда согласованы между собой. Следовательно, архетип коллекции не был написан одним человеком, но был составлен из отдельных перечней, созданных разными людьми¹⁸³. Из предисловия к «Церковной истории» следует, что Бедe присылали сведения об истории англо-саксонских епископских кафедр¹⁸⁴, а ряд пассажей труда Беды представляют собой обзоры истории тех или иных епископий¹⁸⁵. На основании всего этого Р. Пейдж предположил, что «древнейшие коллекции перечней епископов могли возникнуть как побочный продукт работы Беды»¹⁸⁶, т.е. информанты Беды в начале VIII в. присылали ему такие перечни, которые в итоге и образовали коллекцию¹⁸⁷. С. Кейнз высказал другую точку зрения: данная коллекция перечней возникла в начале IX в. в Кентерберии и частично была основана на труде Беды. Ученый не polemизирует с аргументами Пейджа, однако помещает эти перечни в контекст церковной истории рубежа VIII–IX вв. и анализирует принципы, по которым построена коллекция¹⁸⁸. Эти две точки зрения не полностью противоречат друг другу. Весьма вероятно, что Беда запрашивал списки епископов и таковые ему присылались (и тем самым составила первая, недошедшая до нас коллекция), однако в том виде, в каком перечни дошли до нас в рукописи начала IX в., это уже продукт деятельности книжников этого времени.

Анналы на пасхалии. В одной английской и шести континентальных рукописях VIII–IX вв. имеются пасхальные таблицы с записями об исторических событиях: о сменах римских императоров

¹⁸² Page R.I. Anglo-Saxon episcopal lists. Vol. 9. P. 84–85.

¹⁸³ Ibid. P. 85.

¹⁸⁴ Беда Достопочтенный. Церковная история. С. 6.

¹⁸⁵ Там же. С. 79–80, 99–100, 155, 173–174, гл. III: 7, 24; V: 3, 18, и др.

¹⁸⁶ Page R.I. Anglo-Saxon episcopal lists. Vol. 9. P. 85.

¹⁸⁷ О том, что Бедe присылали перечни епископов разных кафедр, пишет как о чем-то само собой разумеющемся Д. Керби: Kirby D.R. Bede's Native Sources. P. 69, 71–72, 77.

¹⁸⁸ Keynes S. Between Bede and the Chronicle. P. 55–57, 60–61.

с I по начало VIII в. н.э. (последнее известие — о 13-м годе правления Льва III Исавра, т.е. 731 г.), а также о событиях в Англии VII — начала VIII в.¹⁸⁹ Согласно Дж. Стори, английские записи можно разделить на две группы: нортумбрийскую и кентскую. Во всех семи кодексах набор записей разный, однако в трех из них (включая английскую рукопись, точнее фрагменты, VIII в.) присутствуют только нортумбрийские записи, а в четырех других — и нортумбрийские, и кентские. О кентских записях будет сказано в следующем разделе; нортумбрийские же сообщают о начале правления королей Нортумбрии (643, 670, 704 гг.), о смертях епископов Линдисфарна (651, 657, 664 гг.) и о солнечном затмении (664 г.). Нортумбрийские записи — очень краткие, почти всегда — два-три слова¹⁹⁰ (кроме известия о солнечном затмении, которое в части рукописей содержит дневную и даже часовую дату). Почти во всех этих кодексах пасхалия предшествует труду Беды «Об исчислении времен». Именно из него (точнее, из входящей в его состав «Большой хроники») могли быть позаимствованы все известия об императорах; нортумбрийские записи могли быть также составлены на основании «Большой хроники» и «Церковной истории» Беда. Нельзя исключать, что пасхалию с записями создал сам Беда, но никаких определенных аргументов в пользу этого нет. Тем более нет данных в пользу того, что пасхалия восходит к протографу, более раннему, чем труды Беда¹⁹¹. Однако важно, что такая форма историописания появилась в Нортумбрии *во времена* Беда и, несомненно, в связи с созданием и распространением его трудов.

Таким образом, уже в первой половине VIII в. возник целый ряд «малых» форм историописания, в которых выразилось стремление суммировать некие знания и/или расположить события на хронологической оси. Почти все эти тексты появились либо в связи с деятельностью самого Беда, либо в процессе распространения в рукописях его сочинений, т.е. являются в каком-то смысле вторичными по отношению к его куда более масштабным трудам.

¹⁸⁹ Всего 14 записей, их сводную публикацию см.: *Story J. The Frankish Annals*. P. 108–109.

¹⁹⁰ Например: «Освиу начал царствовать» («Osuiu regnare incipit», 643 г.); «Епископ Айдан умер» («Aidan episcopus obiit», 651 г.); «Финан умер» («Finan moritur», 658 г.).

¹⁹¹ *Story J. The Frankish Annals*. P. 59–109.

5. ВОПРОС ОБ ИСТОРИОПИСАНИИ VII–VIII ВВ.
В ДРУГИХ (КРОМЕ НОРТУМБРИИ) АНГЛО-САКСОНСКИХ
КОРОЛЕВСТВАХ

Сведения из ранней истории **Кента** имеются в составе «Истории бриттов» — исторического сочинения, созданного в Уэльсе в начале IX в. (его создание раньше ошибочно приписывалось Неннию). По предположению Дж. Морриса, создатель «Истории бриттов» пользовался некой «Кентской хроникой», охватывавшей события V в.¹⁹², однако вряд ли эта гипотеза справедлива¹⁹³. Тем не менее сообщения «Истории бриттов» о Кенте находят себе яркие параллели в Англо-Саксонской хронике (английских анналах конца IX в.), указывающие, вне всякого сомнения, на общий источник кентского происхождения. Этим источником, однако, вполне мог быть как письменный текст, так и устная историческая традиция¹⁹⁴. Н. Брукс предположил, что создатель «Истории бриттов» пользовался английским письменным источником, однако скорее не кентским, а нортумбрийским (конца VIII в.), в котором отразились кентская легенда¹⁹⁵. Кентская устная традиция, кроме того, еще раньше отразилась в «Церковной истории» Беды¹⁹⁶. Таким образом, в случае с Кентом есть возможность, причем на основании сразу трех разных источников, говорить об исторических представлениях, бытовавших в этом королевстве, реконструировать легенду

¹⁹² *Morris J.* The Age of Arthur: A History of the British Isles from 350 to 650. L., 1973. P. 37, 80–81.

¹⁹³ См.: *Brooks N.* The Creation and Early Structure of the Kingdom of Kent // *Brooks N.* Anglo-Saxon Myths: State and Church, 400–1066. L.; Rio Grande, 2000. P. 42–43 (там же в примеч. 37 см. отсылки к работам Д. Дамвилла об «Истории бриттов»); *Harrison K.* The Framework. P. 136–137.

¹⁹⁴ См. о совпадениях и различиях между двумя источниками, отражающими эту традицию: *Brooks N.* The creation. P. 42–46; *Idem.* The English Origin Myth // *Brooks N.* Anglo-Saxon Myths. P. 79–89. Ср., однако: *Harrison K.* The Framework. P. 122–123 (автор пишет, что в Кенте уже во второй половине VI в. были христианы, т.е. уже тогда могла быть записана местная генеалогическая традиция); *Yorke B.* The Jutes of Hampshire and Wight and the origins of Wessex // *The Origins of Anglo-Saxon Kingdoms.* L.; N.Y., 1989. P. 95, 263, note 101 (автор допускает использование в Англо-Саксонской хронике кентских анналов, но не настаивает на этом).

¹⁹⁵ *Brooks N.* The English Origin Myth. P. 83, 87. В пользу того, что источник был письменным, говорит тот факт, что в «Истории бриттов» приводятся древнеанглийские географические названия и древнеанглийская фраза, произнесенная Хенгистом (*Ibid.* P. 83).

¹⁹⁶ *Brooks N.* The Creation and Early Structure. P. 38.

о происхождении кентской династии и ее детали на разных этапах¹⁹⁷, — однако именно об историописании, т.е. о кентской *записи* этой традиции, говорить сложно. Все три известные нам письменные записи этой традиции сделаны за пределами Кента.

Более или менее определенно можно говорить о том, что в Кенте в ранний период делались исторические записи на пасхалии. В предыдущем разделе была упомянута серия записей на пасхалиях, имеющая, в целом, нортумбрийское происхождение. Однако в ней имеются и сообщения о кентских событиях: о смертях королей (шесть сообщений за 620–686 гг.), а также о кончине архиепископа Теодора в 690 г. Записи о королях называют точные даты их смерти или погребения (по календам и дням недели)¹⁹⁸. Эти записи могли изначально делаться на пасхалии, а могли быть одновременно созданы на основании других источников (например, литургического календаря или, скорее, надгробных надписей). Как бы то ни было, в VII или начале VIII в. в Кенте имелась как минимум одна пасхалия с историческими записями¹⁹⁹. Также можно отметить, вслед за Дж. Стори, что, каковым бы ни был источник этих известий, тот факт, что смерти королей датированы столь точно, означает, что в Кенте в VII в. сформировалась привычка к фиксации событий с детальной датировкой²⁰⁰.

Высказывались и гипотезы о существовании исторических записей в ранней **Мерсии**²⁰¹. Так, У. Дэвис выявила в составе ряда латинских хроник XII–XIII вв. (Генриха Хантингдонского, Роджера Вендоверского и Матвея Парижского) серию известий о событиях в Мерсии и Восточной Англии VI — начала VII в., которые, как считает исследовательница, восходят к утраченному источнику англосаксонского времени. Большинство сообщений за VI в., по мнению Дэвис, были взяты составителем этого источника из недошедшего до нас перечня королей Мерсии с указанием сроков правления,

¹⁹⁷ Ibid. P. 37–46; *Brooks N. The English Origin Myth. P. 79–89.*

¹⁹⁸ Например: «Этельберт, король Кента, сын Эорменрика, умер в VI календы марта, в среду» («Edilberct, Cantiorum rex, filius Irminrici, obiit VI kalendas marcias, feria III»), 620 г. – *Story J. The Frankish Annals. P. 108.*

¹⁹⁹ Ibid. P. 81–97, 108–109.

²⁰⁰ Ibid. P. 84.

²⁰¹ По мнению Д. Дамвилла, однако, отсутствие ранних мерсийских анналов или хроники объясняется тем, что как политическое единство со своей династией и идентичностью Мерсия оформилась позже других королевств – лишь к концу VII в. (*Dumville D. Essex, Middle Anglia, and the expansion of Mercia in the South-East Midlands // The Origins of Anglo-Saxon Kingdoms. L.; N.Y., 1989. P. 140.*)

а известие о заселении англами Восточной Англии и Мерсии (под 527 г.) — из записи на пасхалии, причем последнюю Дэвис датирует временем не позднее рубежа VII–VIII вв.²⁰² Скеписис по поводу этих гипотез высказал Н. Брукс: по его мнению, данные записи обнаруживают интерес не сколько к Мерсии, сколько к Восточной Англии, и, к тому же, неясно, когда они были составлены²⁰³. Брукс допускает даже, что речь может идти о попытках какого-то книжника начала XII в. реконструировать раннюю историю Мерсии и Восточной Англии на основе труда Беды, королевских генеалогий и Англо-Саксонской хроники²⁰⁴. Не возьмусь судить, кто из исследователей прав, однако отмечу, что реконструкции Дэвис вполне соответствуют тому, что нам известно о раннем историописании в Нортумбрии: мы видим там и перечни королей с указанием сроков правления (возможно, старейшая форма историописания!) и, вероятно, записи на пасхалиях.

Кроме того, в предыдущем разделе цитировалась гипотеза Дж. Уэстгарда о том, что в некоторых из списков «Церковной истории» Беды отразилась попытка (не доведенная до конца) дополнить «анналы» Беды изложением мерсийских событий второй половины VII — начала VIII в.²⁰⁵ А в следующем разделе будет рассмотрен комплекс «малых форм историописания» в рукописи начала IX в. Одна из этих «малых форм» — краткая заметка, в которой высчитывается число лет, прошедшее до воцарения мерсийского короля Оффы (757 г.) от, во-первых, прибытия англосаксов в Британию (449 г.) и, во-вторых, прибытия в Кентерберии миссии св. Августина (597 г.), т.е. от двух важнейших точек англосаксонской истории. Как пишет С. Кейнз, эта заметка не обязательно была написана в Мерсии, однако кем-то, «действовавшим в рамках мерсийского миропорядка»²⁰⁶.

Не раз высказывалась мысль о том, что в Уэссексе в конце IX в. при создании Англо-Саксонской хроники были использованы более ранние анналистические записи этого королевства. К. Харрисон (опираясь на наблюдение Ф. Стентона) выдвинул очень смелую

²⁰² Davies W. *Annals and the origin of Mercia* // *Mercian Studies*. Leicester, 1977. P. 17–29.

²⁰³ Brooks N. *The Formation of the Mercian Kingdom* // *Brooks N. Anglo-Saxon Myths: State and Church, 400–1066*. L.; Rio Grande, 2000. P. 61.

²⁰⁴ Ibid. P. 67.

²⁰⁵ См. примеч. 165.

²⁰⁶ Keynes S.D. *Between Bede and the Chronicle*. P. 54.

гипотезу, основанную на том, что некоторые известия за начало VI в. в Англо-Саксонской хронике дублируются, причем интервал между дублирующими друг друга сообщениями составляет 19 лет, т.е. лунный цикл, используемый и в пасхальных таблицах. По мнению Харрисона, около середины VII в. эти известия были записаны на полях пасхалии, а до этого сохранялись в устной традиции. Последняя могла пользоваться материальным мнемоническим средством — например, насечками на деревянных дощечках или стержнях, которые также могли охватывать 19 лет каждый²⁰⁷. Если идею о деревянных дощечках проверить невозможно, то мысль о 19-летних таблицах как о причине дублировки ряда известий была в целом признана в науке²⁰⁸. Однако вопрос состоит в том, когда эти известия были занесены на пасхалию и когда произошла путаница. Вряд ли это могло случиться ранее середины VII в., однако вполне могло и намного позже²⁰⁹. Также Ф. Стэнтон, а вслед за ним и К. Харрисон, предполагают, что в Англо-Саксонской хронике использованы подлинные уэссекские анналы (на пасхалии?) за 648–757 гг.²¹⁰ Ряд исследователей считает записью современника известие 671 г. о море среди птиц²¹¹.

Кроме того, к историописанию можно очень условно отнести еще один уэссекский текст конца VII в. Ок. 690 г. Альдхельм Мальмсберийский написал стихотворное посвящение «О базилике в честь девы Марии, возведенной Буггой», часть которого представляет собой панегирик трем королям Уэссекса, т.е. содержит осмысление истории Уэссекса за определенный период²¹².

К. Харрисон (со ссылкой на мысль Д. Уайтлок) пишет, что некоторые известия Англо-Саксонской хроники за VII в. могут про-

²⁰⁷ *Harrison K.* Early Wessex Annals in the Anglo-Saxon Chronicle // *EHR.* 1971. Vol. 86, N 340. P. 527–533 (догадку о дате древнейшей пасхалии и о ее деревянном прототипе см. на с. 530); *Idem.* The Framework. P. 127–130, 140.

²⁰⁸ Впрочем, некоторые из дублировок могут объясняться не «технической» ошибкой, а целенаправленной перекройкой хронологии ранних событий (*Yorke B.* The Jutes of Hampshire and Wight. P. 95–96).

²⁰⁹ См., например: *Sims-Williams P.* The Settlement. P. 36–38.

²¹⁰ *Harrison K.* The Framework. P. 132–141.

²¹¹ См. отсылки: *Yorke B.* Fact or Fiction? P. 49, note 23.

²¹² Текст см.: *MGH. Auctorum antiquissimorum t. 15: Aldhelmi opera.* Berolini, 1919. P. 14–18. См. об этом произведении: *Сазонова А.А.* Латинский гимн Альдхельма как панегирик западносакским королям последней трети VII в. // Историческая память: Люди и эпохи: Тез. науч. конф., Москва, 25–27 ноября 2010 г. М., 2010. С. 246–249.

исходить из **Восточной Англии** и представлять собой добавления, сделанные в «анналах» Беда (главе V: 24) в находившейся в этом королевстве рукописи «Церковной истории»²¹³.

На этом, пожалуй, заканчиваются наши сведения о попытках записи исторических событий в других, кроме Нортумбрии, англосаксонских королевствах. Возможно, я не учел чего-то в этом обзоре, но в любом случае ничего подобного взлету нортумбрийского историописания в начале VIII в. в других королевствах мы не видим. Намного больше можно сказать об устной исторической традиции этих королевств, прежде всего — о местных легендах о происхождении королевств и династий (в Британию прибывают вожди с аллитерирующими именами — Хенгист и Хорса, Кердик и Кюнрик, — побеждают бриттов, основывают королевство и т.п.)²¹⁴. Эта устная традиция фрагментарно отразилась в таких разновременных памятниках, как «Церковная история» Беда, Англо-Саксонская хроника, «История бриттов», коллекции королевских генеалогий и др., т.е. бытовала, развивалась и трансформировалась на протяжении VII–IX вв. (и даже раньше: следы знакомства с устной традицией англо-саксов есть уже у Гильды²¹⁵). Однако эта традиция, насколько известно, нигде не была зафиксирована в форме развернутого исторического нарратива²¹⁶.

Даже в Нортумбрии Беда писал «Церковную историю», т.е. основное место в его труде занимает рассказ о распространении христианства, а не собственно история королевств, которая зачастую намечена лишь пунктиром. Однако Беда писал церковную историю не Нортумбрии — он писал «Церковную историю народа англов», и в той мере, в какой считал нужным и располагал информацией, осветил историю всех англо-саксонских королевств. Поэтому мы можем говорить о труде Беда как о первом пространном памятнике историописания не только Нортумбрии, но и всей Англо-Саксонской Англии.

А поскольку Беда состоял в переписке с церковными иерархами из других королевств, их послания Беде в какой-то мере мож-

²¹³ *Harrison K.* The Framework. P. 134–135.

²¹⁴ См. об этом, например: *Yorke B.* The Jutes of Hampshire and Wight. P. 84–86 ff., 95–96; *Eadem.* Fact or Fiction? P. 45–50; *Eadem.* Political and Ethnic Identity: A Case Study of Anglo-Saxon Practice // Social Identity in Early Medieval Britain. L.; N.Y., 2000. P. 77–82; *Eadem.* The Origins of Mercia // Mercia: An Anglo-Saxon kingdom in Europe. L.; N.Y., 2001. P. 14–18, 21; *Sims-Williams P.* The Settlement. P. 21–41.

²¹⁵ *Yorke B.* The Origins of Mercia. P. 14–15.

²¹⁶ В отличие, например, от Скандинавии или Древней Руси.

но считать памятниками местного историописания — по крайней мере, отвечая на инициативу Беды, эти люди одновременно готовили «материалы к истории» своих королевств.

6. ИСТОРИОПИСАНИЕ В АНГЛИИ В КОНЦЕ VIII — СЕРЕДИНЕ XI В.

Выше подробно речь шла о *зарождении* историописания в Англии; теперь несколько слов стоит сказать о древнейшем этапе его *развития*. Ограничимся здесь временем до Нормандского завоевания Англии в 1066 г. После этого, в конце XI — XII в. резко усилились контакты английской книжности с континентальной, а в области самого историописания появились совершенно новые явления, хроники и «истории» совершенно нового типа²¹⁷.

«Местные церковные истории»: Алкуин и Этельвульф. Заложенная «Историей аббатов» Беды традиция написания истории отдельных духовных корпораций получила развитие в двух написанных гекзаметром поэмах конца VIII — начала IX в.

«Поэма об отцах [епископах], королях и святых Йоркской церкви»²¹⁸ принадлежит Алкуину (ок. 735–804), выдающемуся деятелю как английской, так и континентальной средневековой культуры, одной из главных фигур Каролингского возрождения (с 781 или 782 г. и до конца жизни Алкуин в основном находился на Континенте, при дворе Карла Великого), ученику Эгберта, бывшего, в свою очередь, учеником Беды Достопочтенного. Алкуину принадлежат труды в области богословия, философии, литургики, агиографии, дидактики, риторики, орфографии, математики и др.²¹⁹ Датировки поэмы колеблются между 780 и 793 гг., т.е. не исключено, что она написана или, по крайней мере, завершена за пределами Англии²²⁰. Но, поскольку она написана англо-саксом, посвя-

²¹⁷ См. прекрасную монографию: *Мереминский С.Г.* Формирование традиции: Английское историописание второй половины XI – первой половины XII в. М., 2016 (в печати).

²¹⁸ Издание, перевод и исследование см.: *Alcuin. The Bishops, Kings and Saints of York* / Ed. by P. Godman. Oxford, 1982. Заглавие поэме дано издателями Нового времени на основании строк 1654–1655 (*Ibid.* P. 2–3, 134).

²¹⁹ Об Алкуине см.: *Ibid.* P. XXXIII–XXXIX.

²²⁰ *Ibid.* P. XLII–XLVII.

шена английской истории и адресована читателям в Йорке²²¹, она может и должна рассматриваться как памятник английского историописания конца VIII в. Поэма содержит 1658 строк, причем «две трети поэмы основаны на “Церковной истории” Беды, а также на прозаическом и поэтическом житиях св. Кутберта; остальное — описание событий, происходивших при жизни самого Алкуина»²²². Строки 1288–1318 представляют собой некролог-биографию Беды, а оставшаяся часть поэмы распадается на несколько крупных тематических отрывков, из которых самый большой — это жизнеописание архиепископа Эльберхта — другого учителя Алкуина.

Второй подобный памятник, созданный не без влияния первого, — поэма «Об аббатах»²²³. Об авторе известно очень мало: мы знаем его имя — Этельвульф — и то, что он сам называет себя священником. Дата создания поэмы определяется временем служения линдисфарнского епископа Эгберта (803–821), посвящение которому содержится в тексте²²⁴. Монастырь, истории которого посвящена поэма, ни разу не называется. По одной гипотезе, это Линдисфарн²²⁵, согласно другой, более распространенной сейчас, — одна из «дочерних» обителей Линдисфарна (возможно, Крейк в Йоркшире)²²⁶. Поэма состоит из 819 строк и разделена на 23 главы, рассказывающих об аббатах монастыря, чудесах, видениях самого автора поэмы и др.

Коллекция «малых форм историописания» в рукописи начала IX в. (London, British Library, Cotton Vespasian B. vi, л. 104–109 об.²²⁷; после 805 и, вероятно, ок. 810 г.²²⁸). Это тетрадь из 6 листов (12 стра-

²²¹ Строки 1408–1409: «Я прошу вас... юноши Йорка...» (Ibid. P. XLIII, 110–111). См. также: Ibid. P. LX.

²²² Ibid. P. XXXIX.

²²³ Издание, перевод и исследование см.: *Æthelwulf. De abbatibus* / Ed. by A. Campbell. Oxford, 1967.

²²⁴ Ibid. P. XXIII.

²²⁵ Ibid.

²²⁶ См., например: *Lapidge M. Ædiluulf* // WBEASE. P. 6.

²²⁷ Мне в октябре 2013 г. выдали в Британской библиотеке только две из трех пар листов этой шестилистной тетради. Третья пара листов экспонировалась в этот момент на выставке в другом городе. Наиболее подробное описание и исследование этого памятника см.: *Keynes S.D. Between Bede and the Chronicle*. P. 47–67. На этой работе главным образом основана и моя характеристика памятника.

²²⁸ Датировка определяется тем, до какого времени доведены перечни в составе коллекции. Палеографически кодекс близок к мерсийским грамотам начала IX в., однако точная его палеографическая датировка и локализация затруднительны (Ibid. P. 49–51).

ниц), которая, вполне возможно, изначально тоже не входила в состав какого-либо бóльшего кодекса²²⁹. Вот содержание этой тетради:

1) Йоркский метрический календарь второй половины VIII в. (л. 104–104 об.);

2) Таблицы римской и греческой цифири (л. 104–104 об., написаны на полях метрического календаря, что изначально предусматривалось разметкой страниц²³⁰);

3) Хронологическая заметка, представляющая собой «обратный расчет», наподобие «Муровской заметки» (в нижнем правом углу л. 104):

В год от Воплощения Господа DCCLVI король Этельбальд убит.

В том же году король Оффа выиграл войну с тираном Беорнредом и подчинил себе королевство мерсийцев.

В год CCCVIII прибытие англов в Британию.

Прибытие св. Августина, CLX²³¹.

4) Заметка о мировой хронологии — с указанием ряда событий библейской истории и хронологической дистанции между ними, вначале в текстовой (л. 105–105 об.), а затем в табличной форме (л. 105 об.–106); табличная часть этой заметки — своего рода перечень библейских патриархов и царей:

от Адама	от Потопа		от Авраама
iii. cclxxxiiii	.i. xlii	Авраам через C лет родил Исаака	c
iii. ccslxiiii	.i. cii	Исаак через LX лет родил Иакова	clx
iii. cccsxxxiiii	.i. sxciii	Иаков через XC лет родил Иосифа	ccli
<...>			
iiii. clxiiii	.i. dcccc	Давид LX лет	dccccclxxx
iiii. cciiii	.i. dccccxii	Соломон LX лет	ixx
<...>			

²²⁹ С. Кейнз предполагает, что памятник мог бытовать в виде отдельной брошюры или находиться сзади какого-либо кодекса (Ibid. P. 47). В Новое время эта тетрадь была частью конволюта, но сейчас л. 1–103 (континентальный список IX в. труда Беда «Об исчислении времен»), л. 104–109 (интересующая нас коллекция) и л. 111–182 (список XIII в. «Истории» Уильяма Ньюбургского) составляют три разные единицы хранения. Л. 110 – бумажный, с записями Р. Коттона (XVII в.) (Ibid. P. 48–49).

²³⁰ Ibid. P. 52.

²³¹ Перевод сделан по: Ibid. P. 52. В первой строчке должно было бы читаться: 757 (видимо, пропущена одна палочка). Если отнять от 757-ми 302, получается 449 (дата прибытия англо-саксов в Британию), если отнять 160, получится 597 (дата прибытия миссии Августина) (Ibid. P. 52–54).

5) «Полезное знание»²³² — разные справочные сведения, такие как линейные размеры Иерусалимского храма и других построек, число костей, сосудов и зубов у человека, число псалмов в Псалтыри, еврейские названия месяцев, названия дней недели и т.п.²³³ (даны в текстовой форме, л. 106–107);

5а)²³⁴ Небольшая хронологическая заметка (внизу л. 107 текст написан в две колонки; левую составляет рассказ о днях недели, а правую — рассматриваемая заметка):

От основания мира до основания города лет .III. CCCCLXXXIII.

От основания города до Рождества Христова лет DCCXV.

Получаешь, таким образом, от возникновения мира до пришествия Господня лет V тысяч СХСVIII²³⁵.

6) Перечень римских пап, написанный в четыре колонки, где перед каждым именем указывается порядковый номер (л. 107 об.);

7) Перечень 72-х учеников Христа (тоже в столбик и с порядковыми номерами, л. 107 об.–108);

9) Перечни англо-саксонских архиепископов и епископов (по кафедрам, тоже в столбик и частично — с порядковыми номерами; л. 108–109)²³⁶;

10) Генеалогии королей Нортумбрии (Дейры и Берниции), Мерсии, Линдси, Кента и Восточной Англии (л. 109–109 об.)²³⁷.

²³² Так («Useful knowledge») озаглавил С. Кейнз (Ibid. P. 48, 54).

²³³ Г. Гнейс (со ссылкой на К. Деккера) пишет, что часть «Полезного знания» — это выдержки из сочинения «Наставления Салонию» Евхерия Лионского (ум. ок. 450) (*Gneuss H. Second addenda and corrigenda to the Handlist of Anglo-Saxon Manuscripts* // ASE. 2012. Vol. 40. P. 297, № 385).

²³⁴ С. Кейнз не выделяет этот фрагмент в отдельную рубрику, однако для наших целей это имеет смысл.

²³⁵ «Ab orbe condito usq(ue) ad urbem conditam sunt anni .iiii. cccclxxxiiii. Ab urbe condita usq(ue) nat(ivitam) Xp(isti) ann(i). dccxv. Collige ergo ab origine mundi usq(ue) in aduentiam d(omin)i ann(i) .v. m(i)l(len)ia .cxviii.» (цит. по рукописи).

²³⁶ Текст напечатан: *Page R.I. Anglo-Saxon episcopal lists. Vol. 10. Частичный русский перевод см.: Гимон Т.В. Историописание. С. 590–592.*

²³⁷ Текст напечатан: *Dumville D.N. The Anglian collection of royal genealogies and regnal lists* // ASE. 1976. Vol. 5. P. 30–31. Частичный русский перевод см.: *Гимон Т.В. Историописание. С. 592–594.* Д. Дамвилл назвал эту коллекцию «англиской», поскольку в нее не вошли генеалогии «сакских» королей — Уэссекса, Эссекса и Сассекса (*Dumville D.N. The Anglian collection. P. 24*). По гипотезе ученого, архетип этой коллекции генеалогий был составлен во второй половине VIII в. в Нортумбрии или (что предполагалось в более ранних работах, но менее вероятно) в Мерсии (Ibid. P. 45–50). К этому же архетипу восходят генеалогии англо-саксонских королей, приводимые в «Истории бриттов» (*Jackson K. On the Northern British Section. P. 21–25*).

Я так подробно остановился здесь на содержании этой подборки потому, что перед нами наиболее ранний пример *свода* исторической (и не только) информации, объединяющего в себе тексты разного рода, вряд ли случайно собранные в одной тетради.

Не исключено, что данный памятник сохранился не полностью: начало первого текста, «Йоркского метрического календаря», вероятно, находилось на предыдущем, утраченном листе²³⁸. Пару этому листу мог составлять утраченный последний лист памятника: на нем могло читаться продолжение королевских генеалогий или перечни правлений — впрочем, это уже не более чем догадка²³⁹.

По убедительной гипотезе С. Кейнза, коллекция, хотя и состоит из разных по происхождению и характеру текстов, была создана в соответствии с цельным замыслом. Она помещает англосаксонскую историю в контекст мировой (библейские события, римские папы и др.) и выстраивает легитимные линии английских епископов и королей. Такой замысел принадлежал, скорее всего, единственной силе, объединявшей на тот момент англо-саксонские королевства — Кентерберийской архиепископской кафедре. По предположению Кейнза, коллекция была составлена по инициативе архиепископа Вульфреда (805–832)²⁴⁰.

Вся коллекция написана одним почерком²⁴¹. С. Кейнз считает, что памятник «явно не является оригиналом компиляции»²⁴². Между тем некоторые палеографические наблюдения как будто могут свидетельствовать об обратном. В тексте «Полезного знания», на л. 106 об.–107, видны несколько рубежей. На л. 106 об. после 7-й строки одна строка оставлена чистой, после чего текст написан более крупно и, кажется, более темными чернилами. Кроме того, с этого места текст начинает состоять не из коротких рубрик, начинающихся каждая с небольшого инициала и занимающих 1–2 строки, а из намного больших рубрик. На л. 107 дважды меняются чернила.

²³⁸ Keynes S. *Between Bede and the Chronicle*. P. 49, 51.

²³⁹ Dumville D.N. *The Anglian collection*. P. 40–41; Keynes S. *Between Bede and the Chronicle*. P. 58.

²⁴⁰ Keynes S. *Between Bede and the Chronicle*. P. 59–61. Тот факт, что коллекция включает материалы о Нортумбрии, т.е. о территории Йоркской архиепископии, не противоречит, по мнению Кейнза, этой гипотезе: в любом случае ее создатели ориентировались на ту «ойкумену», которую задал в свое время Беда. Мерсийская же архиепископия в Личфилде как раз была упразднена в 803 г., и ее территория вновь перешла под контроль Кентерберии (*Ibid.* P. 61).

²⁴¹ *Ibid.* P. 49.

²⁴² *Ibid.*

Если первая из этих смен происходит на полуслове, то вторая — в начале новой рубрики. С этого последнего места письмо становится мельче, а затем, в самом низу л. 107, текст написан еще более мелко и в две колонки. Расположение текста в две колонки никак не продиктовано его содержанием: слева речь идет о днях недели, а справа — о годах от Сотворения мира до основания Рима, и т.д. Вся эта непоследовательность создает впечатление, что перед нами все-таки не копия, а оригинал компиляции или, по крайней мере, результат какой-то переработки протографического текста. Более того, с начала следующей страницы (л. 107 об.), т.е. там, где начинается перечень римских пап, чернила снова меняются. Далее весь текст на л. 107–108 об., т.е. все перечни церковных иерархов, написан одними светлыми чернилами²⁴³. Эти соображения следует проверить текстологически (через сопоставление с родственными текстами), однако уже сейчас чаша весов склоняется в пользу того, что писец дошедшего до нас памятника был хотя бы в какой-то мере его составителем, пусть и использовавшим более ранние материалы.

Некоторые из перечней этой коллекции были продолжены в IX в. другими писцами. Так, на л. 107 об. 10 имен были добавлены (как минимум двумя разными почерками) к списку римских пап, первоначально доведенному до Льва III (795–816); последнее имя — Адриан II (867–872)²⁴⁴. В течение первой половины IX в. несколькими почерками были продолжены и перечни епископов²⁴⁵. По наблюдению С. Кейнза, попытка систематически продолжить многие перечни была предпринята в начале правления следующего после Вульфреда архиепископа — Кеолнота (833–870), что может говорить о значении, которое придавалось этой коллекции в Кентербери²⁴⁶. Это же является дополнительным аргументом в пользу того, что перед нами не копия, а оригинал (или, так сказать, официальный экземпляр) коллекции.

Расцвет историописания в эпоху Альфреда Великого (конец IX в.). Обращение к древнеанглийскому языку. Конец IX в. ознаменовался для англо-саксов тяжелыми войнами со скандинавами, которым удалось занять значительную часть острова. В ходе этих войн укрепилось королевство Уэссекс, ставшее впоследствии

²⁴³ К сожалению, у меня пока нет возможности судить о палеографических особенностях л. 103 и 109, с которыми я не работал.

²⁴⁴ Keynes S. Between Bede and the *Chronicle*. P. 55.

²⁴⁵ См. об этом: Dumville D.N. Textual Archaeology and Northumbrian History Subsequent to Bede // *Coinage in Ninth-Century Northumbria*. Oxford, 1987. P. 50–51.

²⁴⁶ Keynes S. Between Bede and the *Chronicle*. P. 61.

центром объединения Англии²⁴⁷. Король Уэссекса Альфред Великий (871–899), с чьим именем в первую очередь связаны эти успехи, был человеком, не чуждым книжной культуре. По его инициативе был составлен новый свод законов и осуществлены переводы целого ряда сочинений с латыни на древнеанглийский язык, причем Альфред лично принимал участие в этой работе. Три очень важных памятника историописания на древнеанглийском языке возникли в это время, хотя мы в разной степени можем быть уверены в их связи с деятельностью короля Альфреда.

Англо-Саксонская хроника. В начале 890-х годов был составлен текст, легший в основу всех дошедших до нас рукописей Англо-Саксонской хроники²⁴⁸, — так называемый «common stock» (или, как я предложил называть его по-русски, Начальные анналы²⁴⁹). Это анналы на древнеанглийском языке, представлявшие собой перечень годов (с 1 г. н.э.²⁵⁰), многие из которых сопровождаются краткими или, наоборот, развернутыми сообщениями о событиях. В большинстве рукописей Англо-Саксонской хроники годы написаны «в столбик» и присутствуют «пустые годы», т.е. перечислены все годы, а не только те, под которыми указаны события²⁵¹. Большинство сообщений Начальных анналов касалось истории англо-саксонских королевств (причем не только Уэссекса), но довольно много известий посвящено и континентальным событиям²⁵².

²⁴⁷ В конце IX в. закончилась история Англии как конгломерата культурно близких королевств и началась ее единая политическая история. Именно тогда в источниках появляется обобщающий термин «англо-саксы» (*Pohl W. Ethnic names. P. 20*). С другой стороны, вторая половина IX в., очевидно, открыла новую страницу в развитии деловой письменности, в использовании письма для нужд управления (см.: *Keynes S. Royal government and the written world in late Anglo-Saxon England // The Uses of Literacy in Early Medieval Europe. Cambridge, 1990. P. 230–241; Гимон Т.В. Административная переписка. С. 30–36*).

²⁴⁸ Новейшие издания почти всех рукописей см. в серии: *The Anglo-Saxon Chronicle: A collaborative edition. Cambridge, 1983–2004. Vol. 1–17*. Русский перевод рукописи А и фрагментов других кодексов см.: *Англосаксонская хроника, IX–XI века / Изд. подгот. З.Ю. Метлицкой. СПб., 2010. Рукописи датируются временем с рубежа IX–X по XII в. (см.: Гимон Т.В. Историописание. С. 96–99)*. После окончания Начальных анналов рукописи содержат разный, лишь отчасти пересекающийся текст — см. об этом ниже.

²⁴⁹ *Гимон Т.В. Историописание. С. 106*.

²⁵⁰ А также статью за 60 г. до н.э. о походе Цезаря в Британию.

²⁵¹ См.: *Bately J.M. Manuscript Layout. P. 21–43*.

²⁵² См.: *Гимон Т.В., Метлицкая З.Ю. Границы ойкумены летописца: Сообщения англо-саксонских, ирландских и древнерусских анналов о событиях за пределами своих стран // Историческая география. М., 2014. Т. 2. С. 173–181*.

При составлении Начальных анналов были использованы «анналы» Беды (из главы V: 24 «Церковной истории»), хроники Исидора Севильского и Евсевия–Иеронима, возможно — другие континентальные источники, и несомненно — королевские генеалогии и устная традиция. Неоднократно делались предположения о том, что при составлении Начальных анналов использовались еще и какие-то более ранние анналистические записи, а также что составление «common stock» происходило в несколько этапов²⁵³. Вопрос этот слишком сложен, чтобы рассматривать его здесь. В то же время часть сообщений Начальных анналов о ранней истории англо-саксонских королевств представляет собой не что иное, как искусственные конструкции, основанные на устной традиции, сведениях Беды и т.д.²⁵⁴ Как бы то ни было, именно к эпохе Альфреда относится важнейший момент в истории анналистики, и все дошедшие до нас рукописи анналов имеют в своем основании Начальные анналы 890-х годов.

Наиболее распространена точка зрения, согласно которой инициатором составления Начальных анналов был сам король Альфред. О связи анналов с королевской властью говорит и их содержание (в них подчеркивается роль уэссекской династии и заслуги самого Альфреда), и совпадение по времени между появлением анналов и работой переводческой школы Альфреда. Впрочем, в 1925 г. Ф. Стентоном была высказана альтернативная гипотеза: Начальные анналы были созданы в юго-западных областях Уэссекса по частной инициативе какого-то элдормена или тэна. В пользу данной гипотезы говорит прослеживающийся в анналах интерес к этим областям, а также некоторые лингвистические соображения. Однако в любом случае надо различать вопрос о *месте* создания анналов и вопрос об их *заказчике* (патроне). Если даже анналы были созданы на юго-западе или выходцем оттуда, их связь с личностью и политикой Альфреда кажется чрезвычайно вероятной²⁵⁵.

В древнейшей рукописи Англо-Саксонской хроники (A), как, вероятно, и в оригинале Начальных анналов, анналистическому тексту предпослан «Генеалогический перечень королей Уэссекса». Этот небольшой, частично аллитерированный текст начинается сообщением о прибытии в Англию легендарных основателей ди-

²⁵³ См.: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 107, а также выше, примеч. 207–211.

²⁵⁴ См.: *Sims-Williams P.* The Settlement. P. 26–41; *Brooks N.* The Creation and Early Structure. P. 40–42.

²⁵⁵ См. обзор этой дискуссии и ссылки: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 108–110.

настии Кердика и его сына Кюнрика. Далее приводится восходящее родословие Кердика («Кердик был сыном Элеса, Элеса сын Эслы...») — и так далее вплоть до мифического Водена). Затем говорится, что спустя шесть лет после прибытия Кердик и Кюнрик отвоевали землю Уэссекса у бриттов. Далее перечисляются короли Уэссекса вплоть до Этельвульфа (отца Альфреда Великого), с указанием продолжительности правления и родственных связей. Затем видим восходящее родословие Этельвульфа (до Кердика), и наконец — перечисление сыновей Этельвульфа и сроков их правления — вплоть до воцарения Альфреда²⁵⁶. Этот перечень и сами анналы как бы дополняют друг друга: перечень дает связанное изложение истории династии и королевства, анналы — даты и более развернутые сведения о событиях. В какой-то мере соединение этих двух текстов воспроизводит модель, характерную для Нортумбрии до Беды (а может быть, и для Мерсии), где, вероятно, имелись дополнявшие друг друга перечень королей и анналы.

«*Орозий короля Альфреда*». Одно из наиболее популярных раннехристианских исторических сочинений, «История против язычников» Павла Орозия (410-е годы), была переведена на древнеанглийский язык при дворе Альфреда Великого между 889 и 899 гг. Древнеанглийский текст является не просто переводом, но переработкой и в известном смысле компиляцией, в которой текст Орозия местами сокращен, а местами — дополнен на основании других источников²⁵⁷. Особенно известны дополнения переводчика к вводу географическому разделу, куда были включены записи рассказов путешественников Охтхере и Вульфстана, однако немало изменений было внесено и в основной текст. По гипотезе З.Ю. Метлицкой, многие из них были связаны с осмыслением актуальных на тот момент событий — войн и мирного договора со скандинавами²⁵⁸.

Древнеанглийский перевод «Церковной истории народа англов» Беды был осуществлен в конце IX или начале X в. Этот перевод,

²⁵⁶ См.: Dumville D.N. The West Saxon Genealogical Regnal List and the Chronology of Early Wessex // *Peritia: Journal of the Medieval Academy of Ireland*. Turnhout, 1985. Vol. 4. P. 21–66.

²⁵⁷ См. издание и исследование древнеанглийского Орозия: *The Old English Orosius* / Ed. by J. Bately. Oxford, 1980. См. факсимиле древнейшего списка первой половины X в.: *The Tollemache Orosius* / Ed. A. Campbell. Copenhagen, 1953. (EEMF; Vol. 3).

²⁵⁸ Метлицкая З.Ю. «Ворчливые римляне» и викингские нашествия: Цели создания и предполагаемая аудитория древнеанглийского перевода Орозия // *Люди и тексты. Исторический альманах*, 2012. М., 2013. С. 65–101.

сохранившийся в двух полных списках и трех фрагментах, довольно сильно отличается от латинского оригинала. Перевод короче оригинала примерно на треть, причем речь идет не о механических сокращениях, но о вполне продуманном создании нового повествования об истории англо-саксов. О том, связан ли этот перевод с королем Альфредом и его школой, однозначных данных нет. Среди ученых сейчас преобладает скепсис в этом отношении: мы не знаем ни точного времени, ни места работы этого переводчика, хотя, конечно, появление перевода примерно в ту же эпоху, когда работала переводческая школа короля Альфреда, вряд ли может быть совершенно случайным²⁵⁹.

В целом эти три памятника как будто дополняют друг друга. Они охватывают всемирную историю (Орозий), христианизацию и раннюю историю англо-саксов (Беда) и, наконец, историю Уэссекса и других королевств, в частности войн и деяний самого Альфреда (Англо-Саксонская хроника). Мы не знаем, в какой степени появление этих трех текстов было результатом единого плана, однако отмечается, что оно могло быть связано с противостоянием скандинавам, требовавшим от англо-саксов осознания своего единства и общей истории²⁶⁰.

Кроме этих трех древнеанглийских памятников, к эпохе Альфреда относится и очень важный текст на латыни — первый пример англо-саксонского *королевского жизнеописания*. Епископ Ассер, валлиец по происхождению и один из ближайших сподвижников Альфреда, в 893 г. создал его прижизненное жизнеописание, отчасти основанное на Англо-Саксонской хронике. Образцом здесь послужила биография Карла Великого, написанная Эйнхардом, однако труд Ассера представляет собой достаточно оригинальное сочинение. Ассер использовал житийную фразеологию, однако его произведение — это, конечно, не житие, а первая в Англии светская биография²⁶¹.

²⁵⁹ О древнеанглийском переводе сочинения Беды см.: Rowley Sh.M. The Old English Version of Bede's *Historia Ecclesiastica*. Woodbridge, 2011. Издание см.: The Old English Version of Bede's *Ecclesiastical History of the English People* / Ed. with a transl. and intr. by Th. Miller. L., 1890–1891. Parts 1–2.

²⁶⁰ См., например: *Meany Au*. King Alfred and his secretariat // *Parergon*. 1975. Vol. 11. P. 22.

²⁶¹ Издание-реконструкцию текста (единственный средневековый список которого сторел в 1731 г., однако сохранились издания и копии Нового времени) см.: Asser's *Life of King Alfred together with the Annals of Saint Neots erroneously ascribed to Asser* / Ed., with intr. and comment. by W.H. Stevenson. Oxford., 1904. Английский

Историописание единого Английского королевства (X — середина XI в.). Центральное место в историописании Англии X–XI вв. занимает анналистика на древнеанглийском языке — пополнение и редактирование Англо-Саксонской хроники. Дошедшие до нас восемь ее рукописей, содержа, в общем, один и тот же текст в части до конца IX в. (Начальные анналы эпохи Альфреда Великого)²⁶², в статьях за X–XI вв. различаются очень сильно, отражая разные ответвления англо-саксонского летописания. Из восьми сохранившихся кодексов временем до 1066 г. датируются четыре (A, B C, G), причем два — A и C — представляют собой оригиналы «живых летописей», в которые новые записи и исправления вносились на протяжении многих лет²⁶³. Анналы в X–XI вв. велись в разных монастырских центрах, причем эти традиции могли заимствовать тексты друг у друга: при сравнении дошедших до нас кодексов обнаруживается весьма пестрая картина сходств и различий. В жанровом отношении анналы достаточно разнообразны: пространные повествования и поэтические вставки могут чередоваться в них с очень краткими, сухими сообщениями²⁶⁴. Тем не менее между Начальными анналами конца IX в. и их последующими продолжениями просматривается преемственность — не только в наиболее общих чертах летописного жанра, таких как структура текста и хронологические формулы²⁶⁵, но и в

перевод и исследование см.: Alfred the Great: Asser's *Life of King Alfred* and other contemporary sources / Transl. with intr. by S. Keynes and M. Lapidge. L., 1983. См. также общие сведения и отсылки к литературе: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 227–231.

²⁶² В рукописях D, E и F отразилась более поздняя редакция Начальных анналов — «Северная версия», в которой первоначальный альфредовский текст был дополнен сведениями по истории Нортумбрии, взятыми из «Церковной истории» Беды и нортумбрийских анналов.

²⁶³ См. об этом: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 338–375, 387–398, 446–448, 461–465. Иногда в качестве такой «живой летописи» рассматривают еще и рукопись D, и в таком случае ее ведение началось тоже до Нормандского завоевания — в 1050-х годах. Однако мне представляется более вероятным, что D — это оригинал компиляции, созданной разными писцами, но одновременно, после 1079 г. (Там же. С. 398–412, 434–436, 448–458).

²⁶⁴ О стиле и составе англо-саксонских анналов см.: Clark C. The narrative mode of the Anglo-Saxon Chronicle before the Conquest // England before the Conquest: Studies in primary sources presented to D. Whitelock. Cambridge, 1971. P. 215–235; *Гимон Т.В.* Историописание. С. 124–136.

²⁶⁵ См.: *Гимон Т.В., Метлицкая З.Ю.* Хронологические указания Англо-Саксонской хроники (конец IX — первая половина XII в.) // ДГ, 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах. М., 2010. С. 331–354.

круге интересов летописцев, способах описания ими событий, намеренных словесных переключках более поздних погодных статей с более ранними и т.п. Летописцы осознавали продолжаемый ими текст как некое литературное и историографическое единство²⁶⁶. Традиция пополнения Англо-Саксонской хроники пережила Нормандское завоевание: до нас дошли четыре посленормандских рукописи, самая поздняя из которых (*E*) велась вплоть до 1154 г.

В 970-х или 980-х годах элдрормен Этельвеард составил латинскую «Хронику» — единственное крупное англо-саксонское историографическое сочинение, созданное мирянином (разумеется, ему мог помогать кто-то из клириков). Сам Этельвеард называет себя потомком короля Этельреда I (865–871), старшего брата Альфреда Великого, т.е. он принадлежал к верхушке англо-саксонской знати. Известно, что Этельвеард был покровителем одного из самых выдающихся англо-саксонских писателей — Эльфрика. Из пролога к хронике следует, что автор написал ее по просьбе Матильды, аббатисы Эссена (в Германии), правнучки императора Оттона I и пра-пра-правнучки Альфреда Великого (т.е. родственницы самого Этельвеарда). Создание хроники по заказу человека, жившего на Континенте, может в какой-то степени объяснять уникальность этого произведения для английского историописания VIII–XI вв. Тем не менее единственная сохранившаяся рукопись хроники — английская. В основном повествование Этельвеарда основано на двух источниках — «Церковной истории» Беды (не исключено, что через посредство древнеанглийского перевода) и какой-то недошедшей до нас версии Англо-Саксонской хроники. Текст анналов в значительной степени переведен на латынь дословно, однако Этельвеард вносил много дополнений и поправок от себя, а также полностью отказался от свойственного анналам погодного принципа изложения в пользу более связного повествования²⁶⁷.

Кроме древнеанглийских анналов и латинской хроники Этельвеарда историописание Англии X–XI вв. представлено реконструируе-

²⁶⁶ См.: *Bredehoft Th.A. Textual Histories: Readings in the Anglo-Saxon Chronicle*. Toronto; Buffalo; L., 2001; *Метлицкая З.Ю.* История в хрониках: Историческое сознание англосаксонской Англии // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 149–201.

²⁶⁷ Издание см.: *The Chronicle of Æthelweard* / Ed. by A. Campbell. Toronto; N.Y., 1962. Об Этельвеарде и его хронике см. также: *Gretsch M. Historiography and literary patronage in late Anglo-Saxon England: the evidence of Æthelweard's Chronicle* // ASE. 2013. Vol. 41. P. 205–248.

мой учеными исторической компиляцией монаха Бирхтферга (конец X — начало XI в.), несохранившейся биографией короля Этельстана (924–939), «Похвалой королеве Эмме» («Деяниями Кнута», 1041 или 1042 г.), а также значительным числом «малых» исторических текстов — анналистических записей на пасхалиях, коллекций королевских и епископских перечней, заметок об истории отдельных церковных общин²⁶⁸. Однако, повторюсь, ведущую роль в историописании этого времени играли, несомненно, анналы.

7. ВЫВОДЫ

В заключение попробую ответить на англо-саксонском материале на те вопросы, которые были поставлены в предисловии к настоящему тому.

1) Когда, на каком этапе становления государственности возникает историописание? Исторические труды Беды Достопочтенного появились в Нортумбрии в начале VIII в., т.е. тогда, когда это раннее государство (как и другие англо-саксонские королевства) уже прошло значительный путь развития, и примерно через сто лет после его христианизации.

2) Как выглядят наиболее ранние формы историописания? Какие тексты возникают раньше других: краткие перечни и суммы, развернутые нарративы, что-то еще? Как формируется многообразие жанров историописания? Нортумбрийский материал демонстрирует совершенно определенную модель. Вначале возникают очень краткие формы записей о прошлом — перечни королей и, возможно, краткие анналы на пасхалиях. Затем появляется человек, пожелавший и оказавшийся способным создать связанные обобщающие сочинения по истории: Беда создал в начале VIII в. труды по хронологии всемирной истории, по истории его родного монастыря и, наконец, «Церковную историю народа англов». После этого на протяжении полутора столетий снова не создается почти никаких развернутых текстов по истории (хотя труды Беды читаются и копируются), однако процветают «малые формы историописания» — перечни, генеалогии, краткие анналы и др., а также «местные церковные истории». В начале IX в. даже создается целая коллекция таких «малых форм» — своего рода обобщающий исторический труд.

²⁶⁸ См.: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 231–232, 238–240, 248–300.

И только в конце IX в., в другом королевстве (Уэссекс), в другой политической обстановке (внешние войны) и на другом языке (древнеанглийском) создается Англо-Саксонская хроника, в последующие два столетия пополнявшаяся и редактировавшаяся в разных монастырских центрах. Одновременно с ней существуют и другие формы историописания — латинская хроника Этельвеарда, королевские биографии, перечни и генеалогии, анналы на пасхалиях и др., — однако только пополнение Англо-Саксонской хроники выглядит как устойчивая традиция.

3) Кто выступает инициатором составления первых такого рода текстов? Какова роль государства (церкви и т.д.) в этом процессе? Разумеется, во многих случаях составление исторических текстов (особенно «малых форм») могло быть частной инициативой отдельных монахов или настоятелей монастырей. Однако можно выделить три момента, когда предпринимается попытка создать универсальный комплекс текстов по истории Англии и мира: а) деятельность Беды Достопочтенного в начале VIII в.; б) составление коллекции перечней в начале IX в.; в) альфредовское возрождение конца IX в. В первом случае, конечно, в первую очередь надо говорить о Беде как о выдающемся ученом раннего Средневековья, чьи трудолюбие и любознательность породили тексты самого разного рода, и не только памятники историописания. Однако Беда адресовал свой главный труд — «Церковную историю» — королю Нортумбрии Кеолвульф. Следовательно, полезность историописания как минимум осознавалась этим королем. Во втором случае прямых данных у нас нет, но, по весьма вероятной гипотезе С. Кейнза, инициатором составления коллекции «малых форм историописания» был архиепископ Кентерберийский. В третьем случае существует давняя дискуссия, однако вероятность того, что инициатором составления важнейших исторических текстов и переводов был король Альфред Великий, весьма высока. Четвертой попыткой написать нечто универсальное можно признать хронику Этельвеарда конца X в., который, как уже говорилось, попытался на латыни изложить всю историю Англии, соединив сведения Беды и анналов. Этельвеард принадлежал к верхушке светской элиты, был родственником королей. Но даже если инициативу Этельвеарда можно признать «частной», первые три попытки с высокой степенью вероятности связаны с королями или церковными иерархами.

Кроме того, для самого раннего периода (VII в.) употребленное Бедой (III: 1) выражение «все те, кто исчисляет сроки правления

королей» наводит на мысль о неспонтанном появлении древнейших королевских перечней. Кем бы ни были эти «те», возникает ощущение, что ведение списка королей воспринималось как ответственная и официальная задача, а их составители имели полномочия манипулировать исторической памятью, исключая «плохих» королей из перечня.

4) Как соотносятся при этом внутренние потребности и внешние влияния? В какой мере создатели первых памятников историописания действуют «по образцам»? Насколько такие образцы необходимы для возникновения историописания? Англо-саксонский материал снова дает очень уверенные ответы на эти вопросы. Создавая «Церковную историю», Беда Достопочтенный, несомненно, ориентировался на внешние образцы — «Церковную историю» Евсевия Кесарийского, «Историю франков» Григория Турского, библейские книги и др. В то же время очевидно и то, что сочинение Беды получилось оригинальным, не вполне похожим на эти образцы, вобрав в себя англо-саксонскую устную традицию (включая монастырские предания), зарождавшуюся агиографическую традицию и, наконец, собственные изыскания Беды по хронологии.

5) Как соотносятся на начальных этапах становления историописания письменное и устное? Скорее всего, на всем протяжении англо-саксонской истории устная память о прошлом была чрезвычайно важна — хотя бы потому, что к грамотности и латыни (языку всех памятников историописания до конца IX в.) были причастны лишь сравнительно немногие англо-саксы. Перечни королей, краткие анналы и иные «малые формы» лишь фиксировали то, о чем устная традиция могла рассказать подробнее. В то же время описанное Бедой *решение* исключить из перечня королей двух вероотступников и приписать год их правления благочестивому королю Освальду говорит о том, что составители даже краткого перечня претендовали на то, чтобы манипулировать памятью о прошлом, возможно даже хотели, чтобы их решение отразилось и в устной традиции. В «Церковной истории» Беда активно использовал устную традицию, перенося ее на пергамен. Вероятно, он не просто пересказывал и интерпретировал предания, но и выбирал среди них те, которые считал правильными и полезными. Аналогичная задача решалась составителями королевских генеалогий, Англо-Саксонской хроники и других памятников историописания. Однако невозможно сказать, в какой степени даже в поздний англо-саксонский период письменная традиция «перекрыла» устную, а в

какой — просто сосуществовала с ней как одна из форм памяти о прошлом²⁶⁹.

6) Как соотносится возникновение историописания и появление других видов текстов (для христианских стран, например, агиографии)? Письмо к рубежу VII–VIII вв. уже играло определенную роль в жизни англо-саксонских королевств. В Кенте уже существовало писаное право, в ряде королевств — жалованные грамоты, повсеместно — церковная письменность и начатки церковной литературы. К сожалению, у нас нет данных о развитии деловой письменности именно в Нортумбрии, однако кажется весьма вероятным, что там она тоже начала развиваться — возможно, с некоторым опозданием по сравнению с южными королевствами. Появление в Нортумбрии первых житийных памятников несколько предшествует появлению развернутых трудов по истории. Историописание и агиография были тесно связаны. Сам Беда создал как агиографические, так и исторические сочинения, и даже есть возможность сопоставить то, как одни и те же сюжеты раскрываются им в текстах разных жанров²⁷⁰. Собственно, «Церковная история» и, тем более, «История аббатов» в значительной степени состоят из рассказов о святых, достаточно близких к агиографическим. В дальнейшем связь между историописанием и агиографией в Англии оставалась весьма тесной.

7) Может ли появление такого феномена, как историописание, рассматриваться как знак определенного уровня развития политического образования? Насколько обязательно возникновение историописания в обществе определенного уровня сложности? На этот общий вопрос, разумеется, нельзя ответить на материале одной Англии. Однако у нас имеется возможность сравнивать ситуацию в разных англо-саксонских королевствах. И мы видим, что развернутые формы историописания на первом этапе возникают только в Нортумбрии (труды Беды Достопочтенного). В остальных королевствах подобные памятники или не создавались, или до нас не дошли, причем первое более вероятно. Применительно к Кенту, Мерсии и Уэссексу есть основания говорить о кратких формах историописания и об устной исторической традиции — но не

²⁶⁹ См. в статье Е.А. Мельниковой в настоящем томе о том, как в X в. Этельвеард дополнил — скорее всего, на основе устной традиции — генеалогический экскурс Англо-Саксонской хроники.

²⁷⁰ *Luttercott K. Beda Hagiographicus. P. 81–106.*

более того. И это при том, что, по крайней мере, Кент был христианизирован на треть века раньше Нортумбрии и находился под большим континентальным влиянием; для Кента и других южных королевств у нас больше данных о развитии в VII в. деловой письменности. С чем же связано появление развернутого историописания именно в Нортумбрии? С размерами и политическим весом этого королевства? С уникальным сплавом на севере кельтских и континентальных влияний? С личностью самого Беда или уникальностью монастыря и библиотеки Веармута-Ярроу? Однозначно ответить на эти вопросы невозможно. Однако надо еще раз подчеркнуть, что Беда писал историю *всей* Англии, ему помогали собирать материал представители других королевств, а списки его «Церковной истории» очень рано попали в южную Англию. Очень трудно сказать, в какой мере англо-саксы осознавали себя в VIII в. как единство, однако, может быть, труды Беда можно рассматривать как *зарождение историописания* во всей Англии, а не только в Нортумбрии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Англосаксонская хроника, IX–XI века / Изд. подгот. З.Ю. Метлицкой. СПб., 2010.

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англвов / Пер. с лат., ст., примеч., библиогр. и указатели В.В. Эрлихмана; Отв. ред. С.Е. Федоров. СПб., 2001.

Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.

Гимон Т.В. Административная переписка в Англо-Саксонской Англии и Древней Руси // Письмо и повседневность. М., 2014. Вып. 1. С. 9–41.

Гимон Т.В. Крещение Нортумбрии у Беда Достопочтенного и крещение Руси в «Повести временных лет» // ВЕДС-XXVI: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. М., 2014. С. 64–70.

Гимон Т.В. «Роспись племен» («Tribal Hidage») и территориальная структура англо-саксонских королевств // ВЕДС-XXVII: Государственная территория как фактор политогенеза. М., 2015. С. 65–71.

Гимон Т.В., Метлицкая З.Ю. Хронологические указания Англо-Саксонской хроники (конец IX — первая половина XII в.) // ДГ, 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах. М., 2010. С. 331–354.

Гимон Т.В., Метлицкая З.Ю. Границы ойкумены летописца: Сообщения англо-саксонских, ирландских и древнерусских анналов о событиях

- за пределами своих стран // Историческая география. М., 2014. Т. 2. С. 171–200.
- Зверева В.В.* «Новое солнце на Западе»: Беда Достопочтенный и его время. СПб., 2008.
- Земляков М.В.* Законы кентских королей VII в. в Рочестерском кодексе (*Textus Roffensis*): Обстоятельства появления и структура // ИИ. М., 2014. Вып. 6. С. 9–31.
- Мельникова Е.А.* Устная традиция в Повести временных лет: К вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 153–165.
- Мельникова Е.А.* Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // Историческая память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 180–222.
- Мереминский С.Г.* Формирование традиции: Английское историописание второй половины XI — первой половины XII в. М., 2016 (в печати).
- Метлицкая З.Ю.* История в хрониках: Историческое сознание англосаксонской Англии // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 149–201.
- Метлицкая З.Ю.* «Ворчливые римляне» и викингские нашествия: Цели создания и предполагаемая аудитория древнеанглийского перевода Орозия // Люди и тексты. Исторический альманах, 2012. М., 2013. С. 65–101.
- Начинается «Житие святых аббатов монастыря в Веармуте и Ярроу — Бенедикта, Кеолфрида, Эостервина, Зигфгида и Хвэтберта», составленное пресвитером и монахом того же монастыря Бедой / Пер. В.В. Зверевой // СВ. 2002. Вып. 63. С. 240–250.
- Ненарокова М.Р.* Досточтимый Беда — ритор, агиограф, проповедник. М., 2003.
- Ненарокова М.Р.* Текст и его источники: Беда и его жизнеописание пяти отцов-настоятелей // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (Исследования и переводы). М., 2010. С. 37–64.
- Сазонова А.А.* Латинский гимн Альдхельма как панегирик западносакским королям последней трети VII в. // Историческая память: Люди и эпохи: Тез. науч. конф., Москва, 25–27 ноября 2010 г. М., 2010. С. 246–249.
- Сидоров А.И.* «Черная кошка в темной комнате»: Формирование традиций историописания в раннесредневековой Европе // Локальные исторические культуры и традиции историописания. М., 2011. С. 37–64.
- Æthelwulf.* De abbatibus / Ed. by A. Campbell. Oxford, 1967.
- Alfred the Great: Asser's *Life of King Alfred* and other contemporary sources / Transl. with intr. by S. Keynes and M. Lapidge. L., 1983.
- Alcuin.* The Bishops, Kings and Saints of York / Ed. by P. Godman. Oxford, 1982.
- The Anglo-Saxon Chronicle: A collaborative edition. Cambridge, 1983–2004. Vol. 1–17.

- Asser's Life of King Alfred together with the Annals of Saint Neots erroneously ascribed to Asser / Ed., with intr. and comment. by W.H. Stevenson. Oxford., 1904.
- Barnes M.P.* Runes: A Handbook. Woodbridge, 2012.
- Bately J.M.* Manuscript Layout and the Anglo-Saxon Chronicle // Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester. 1988. Vol. 70, N 1. P. 21–43.
- Beda.* Storia degli inglesi (*Historia ecclesiastica gentis Anglorum*) / A cura di M. Lapidge; Traduz. di P. Chiesa. [Roma; Milano], 2008–2010. Vol. 1–2.
- Baedae opera historica / With an English transl. by J.E. King. Cambridge (Mass.), L., 1954. Vol. 2.
- Bede: His Life, Times and Writings: Essays in commemoration of the twelfth centenary of his death / Ed. by A.H. Thompson. Oxford, 1935.
- Bede's Ecclesiastical History of English People / Ed. B. Colgrave and R.A.B. Mynors. Oxford, 1969.
- Bredehoft Th.A.* Textual Histories: Readings in the *Anglo-Saxon Chronicle*. Toronto; Buffalo; L., 2001.
- Brooke Ch.N.L.* Historical writing in England between 850 and 1150 // La storiografia altomedievale (10–16 aprile 1969). Spoleto, 1970. P. 223–247.
- Brooks N.* The Creation and Early Structure of the Kingdom of Kent // *Brooks N.* Anglo-Saxon Myths: State and Church, 400–1066. L.; Rio Grande, 2000. P. 33–60.
- Brooks N.* The English Origin Myth // *Brooks N.* Anglo-Saxon Myths: State and Church, 400–1066. L.; Rio Grande, 2000. P. 79–89.
- Brooks N.* The Formation of the Mercian Kingdom // *Brooks N.* Anglo-Saxon Myths: State and Church, 400–1066. L.; Rio Grande, 2000. P. 61–77.
- Brown G.H.* Bede the Venerable. Boston, 1987.
- Brown G.H.* A companion to Bede. Woodbridge, 2009.
- The Cambridge Companion to Bede / Ed. S. Degregorio. Cambridge, 2010.
- Campbell J.* Secular and political contexts // The Cambridge Companion to Bede. Cambridge, 2010. P. 25–39.
- Chaplais P.* Who Introduced Charters into England? The Case for Augustine // *Prisca Munimenta: Studies in archival & administrative history presented to Dr A.E.J. Hollaender.* L., 1973. P. 88–107.
- Chaplais P.* The Letter from Bishop Wealdhere of London to Archbishop Brihtwold of Canterbury: the earliest original 'letter close' extant in the West // *Medieval Scribes, Manuscripts & Libraries: Essays presented to N.R. Ker.* L., 1978. P. 3–23.
- Clark C.* The narrative mode of the Anglo-Saxon Chronicle before the Conquest // *England before the Conquest: Studies in primary sources presented to D. Whitelock.* Cambridge, 1971. P. 215–235.
- Coates S.* Ceolfrid: history, hagiography and memory in seventh- and eighth-century Wearmouth-Jarrow // *Journal of Medieval History.* 1999. Vol. 25, N 2. P. 69–86.

- The Chronicle of Æthelweard / Ed. by A. Campbell. Toronto; N.Y., 1962.
- Davies W. Annals and the origin of Mercia // *Mercian Studies*. Leicester, 1977. P. 17–29.
- Dobiache-Rojdestvensky O. Un manuscrit de Bède à Leningrad // *Speculum*. Cambridge (Mass.), 1928. Vol. 3, N 3. P. 314–321.
- Dumville D.N. A new chronicle fragment of early British history // *EHR*. 1973. Vol. 88, N 347. P. 312–314.
- Dumville D.N. The Anglian collection of royal genealogies and regnal lists // *ASE*. 1976. Vol. 5. P. 23–50.
- Dumville D.N. The West Saxon Genealogical Regnal List and the Chronology of Early Wessex // *Peritia: Journal of the Medieval Academy of Ireland*. Turnhout, 1985. Vol. 4. P. 21–66.
- Dumville D.N. Textual Archaeology and Northumbrian History Subsequent to Bede // *Coinage in Ninth-Century Northumbria*. Oxford, 1987. P. 43–55.
- Dumville D. Essex, Middle Anglia, and the expansion of Mercia in the South-East Midlands // *The Origins of Anglo-Saxon Kingdoms*. L.; N.Y., 1989. P. 123–140.
- Dumville D.N. The two earliest manuscripts of Bede's Ecclesiastical History? // *Anglo-Saxon*. Aberdeen, 2007. Vol. 1. P. 55–108.
- The Electronic Sawyer: Online catalogue of Anglo-Saxon charters // <<http://www.esawyer.org.uk>>.
- Emms R. Books and Writing in Seventh-Century Kent // *Writing and Texts in Anglo-Saxon England*. Woodbridge, 2006. P. 18–27.
- English Kalendars before A.D. 1100 / Ed. by F. Wormald. Woodbridge, 1988.
- Flechner R. St Boniface as historian: a continental perspective on the organization of the Early Anglo-Saxon church // *ASE*. 2013. Vol. 41. P. 41–62.
- Gneuss H. Handlist of Anglo-Saxon Manuscripts: A List of Manuscripts and Manuscript Fragments Written or Owned in England up to 1100. Tempe (Arizona), 2001.
- Gneuss H. Second addenda and corrigenda to the *Handlist of Anglo-Saxon Manuscripts* // *ASE*. 2012. Vol. 40. P. 293–306.
- Gransden A. Historical Writing in England c. 550 to c. 1307. Ithaca (N.Y.), 1974.
- Gretsch M. Historiography and literary patronage in late Anglo-Saxon England: the evidence of Æthelweard's Chronicon // *ASE*. 2013. Vol. 41. P. 205–248.
- Harrison K. Early Wessex Annals in the Anglo-Saxon Chronicle // *EHR*. 1971. Vol. 86, N 340. P. 527–533.
- Harrison K. The beginning of the year in England, c. 500–900 // *ASE*. 1973. Vol. 2. P. 51–70.
- Harrison K. The Framework of Anglo-Saxon History to A.D. 900. Cambridge etc., 1976.
- Hart C. The Anglo-Saxon Chronicle at Ramsey // *Alfred the Wise: Studies in honour of J. Bately on the occasion of her sixty-fifth birthday*. Cambridge, 1997. P. 65–88.

- Higgitt J.* The Dedication Inscription at Jarrow and its Context // *The Antiquaries Journal*. 1979. Vol. 59, N 2. P. 343–374.
- Higham N.J.* An English Empire: Bede and the early Anglo-Saxon Kings. Manchester; N.Y., 1995.
- Higham N.J.* (Re-)Reading Bede: The *Ecclesiastical History* in Context. L.; N.Y., 2006.
- Historia de Sancto Cuthberto: A History of Saint Cuthbert and a Record of His Patrimony* / Ed. by T. Johnson-South. Woodbridge, 2002.
- Hunter Blair P.* The Northumbrians and their southern frontier // *Archaeologia Aeliana, or Miscellaneous Tracts Relating to Antiquity*. Newcastle, 1948. Vol. 26. P. 98–126.
- Hunter Blair P.* The *Moore Memoranda* on Northumbrian History // *The Early Cultures of North-West Europe* (H.M. Chadwick memorial studies). Cambridge, 1950. P. 245–257.
- Jackson K.* On the Northern British Section in Nennius // *Celt and Saxon: Studies in the Early British Border*. Cambridge, 1963. P. 20–62.
- Jones Ch.W.* Bede as Early Medieval Historian // *Medievalia et Humanistica*. Boulder, 1946. Vol. 4. P. 26–36.
- Jones Ch.W.* Saints' Lives and Chronicles in Early England. Ithaca (N.Y.), 1947.
- Kelly S.* Anglo-Saxon Lay Society and the Written Word // *The Uses of Literacy in Early Medieval Europe*. Cambridge, 1990. P. 36–62.
- Keynes S.* Royal government and the written world in late Anglo-Saxon England // *The Uses of Literacy in Early Medieval Europe*. Cambridge, 1990. P. 226–257.
- Keynes S.D.* Between Bede and the *Chronicle*: BL Cotton Vespasian B. vi, fols. 104–9 // *Latin Learning and English Lore: Studies in Anglo-Saxon Literature for M. Lapidge*. Toronto; Buffalo; L., 2005. Vol. 1. P. 47–67.
- Kirby D.P.* Bede and Northumbrian Chronology // *EHR*. 1963. Vol. 78, N 308. P. 514–527.
- Kirby D.P.* King Ceolwulf of Northumbria and the *Historia Ecclesiastica* // *Studia celtica*. 1979–1980. Vol. 14/15. P. 163–173.
- Kirby D.R.* Bede's Native Sources for the *Historia Ecclesiastica* // *Anglo-Saxon History: Basic Readings*. N.Y.; L., 2000. P. 55–81.
- Laistner M.L.W.* The Library of the Venerable Bede // *Laistner M.L.W. Intellectual Heritage of the Early Middle Ages: Selected Essays*. Ithaca (N.Y.), 1957. P. 117–149.
- Lapidge M.* The school of Theodore and Hadrian // *ASE*. 1986. Vol. 15. P. 45–72.
- Lapidge M.* The Anglo-Saxon Library. Oxford, 2006.
- Lapidge M.* Beda Venerabilis // *La trasmissione dei testi latini del Medioevo*. Firenze, 2008. Te.tro. 3. P. 44–137.
- Lapidge M.* The earliest Anglo-Latin poet: Lutting of Lindisfarne // *ASE*. 2013. Vol. 42. P. 1–26.

- Lapidge M.* *Ædiluulf* // WBEASE. P. 6.
- The Leningrad Bede: An Eighth Century Manuscript of the Venerable Bede's *Historia ecclesiastica gentis anglorum* in the Public Library, Leningrad / Ed. O. Arngart. Copenhagen, 1952. (EEMF; 2).
- Levison W.* Bede as historian // Bede: His Life, Times and Writings: Essays in commemoration of the twelfth centenary of his death. Oxford, 1935. P. 111–151.
- Levison W.* England and the Continent in the eighth century. Oxford, 1946.
- Luttercott K.* Beda Hagiographicus: Meaning and Function of Miracle Stories in the *Vita Cuthberti* and *Historia Ecclesiastica* // Beda Venerabilis: Historian, Monk & Northumbrian. Groningen, 1996. P. 81–106.
- McNamara J.* Bede's Role in Circulating Legend in the *Historia Ecclesiastica* // Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History. Oxford, 1994. Vol. 7. P. 61–69.
- Meany Au.* King Alfred and his secretariat // *Parergon*. 1975. Vol. 11. P. 16–24.
- Miller M.* Bede's Roman Dates // *Classica et Mediaevalia*. Copenhagen etc., 1970. Vol. 31. P. 239–252.
- Miller M.* The dates of Deira // *ASE*. 1979. Vol. 8. P. 35–61
- Monumenta Germaniae historica*. Auctorum antiquissimorum t. 13, *Chronicorum minorum saec. IV. V. VI. VII* vol. 3. Ed. nova. Berolini, 1961; t. 15: *Aldhelmi opera*. Berolini, 1919.
- The Moore Bede: Cambridge University Library, MS Kk. 5. 16 / Preface by P. Hunter Blair; With a contribution by R.A.B. Mynors. Copenhagen, 1959. (EEMF; Vol. 9).
- Morris J.* The Age of Arthur: A History of the British Isles from 350 to 650. L., 1973.
- Okasha E.* Vernacular of Latin? The languages of Insular inscriptions, AD 500–1100 // *Epigraphik 1988: Fachtagung für mittelalterliche und neuzeitliche Epigraphik*, Graz. 10.–14. Mai: Referate und Round-Table-Gespräche. Wien, 1990. S. 139–147.
- The Old English Orosius / Ed. by J. Batley. Oxford, 1980.
- The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People / Ed. with a transl. and intr. by Th. Miller. L., 1890–1891. Parts 1–2.
- Page R.I.* Anglo-Saxon episcopal lists // *Nottingham medieval studies*. 1965. Vol. 9. P. 71–95; 1966. Vol. 10. P. 2–24.
- Page R.I.* An Introduction to English Runes. 2nd ed. Woodbridge, 1999.
- Parkes M.B.* The Scriptorium of Wearmouth-Jarrow // *Bede and his World*. Aldershot, 1994. Vol. 2: Jarrow Lectures, 1979–1993. P. 555–586.
- Parsons D.N.* Recasting the Runes: The Reform of the Anglo-Saxon *Futhorc*. Uppsala, 1999.
- Pohl W.* Ethnic names and identities in the British Isles: A comparative perspective // *The Anglo-Saxons from the Migration Period to the eighth century: An ethnographic perspective*. Woodbridge, 1997. P. 7–40.

- Poole R.L. *Studies in Chronology and History*. Oxford, 1934.
- Ray R.D. *Bede's vera lex historiae* // *Speculum*. 1980. Vol. 55. P. 1–21.
- Rollason D. *Northumbria, 500–1100*. Cambridge, 2003.
- Rollason D. *Northern annals* // WBEASE. P. 339–340.
- Rollason D., Gore D., Fellow-Jensen G. *Sources for York History to AD 1000*. York, 1998.
- Rowley Sh.M. *The Old English Version of Bede's Historia Ecclesiastica*. Woodbridge, 2011.
- Scully D. *Bede's Chronica Maiora: Early Insular History in a Universal Context // Anglo-Saxon/Irish Relations before the Vikings*. Oxford, 2009. (Proceedings of the British Academy; Vol. 157). P. 47–73.
- Sims-Williams P. *The Settlement in Bede and the Chronicle* // ASE. 1983. Vol. 12. P. 1–41.
- Story J. *The Frankish Annals of Lindisfarne and Kent* // ASE. 2005. Vol. 34. P. 59–109.
- Story J. *After Bede: continuing the Ecclesiastical History* // *Early Medieval Studies in Memory of P. Wormald*. Farnham; Burlington, 2009. P. 165–184.
- The Tollemache Orosius* / Ed. A. Campbell. Copenhagen, 1953. (EEMF; Vol. 3).
- Two of the Saxon Chronicles Parallel: A revised text* / Ed., with intr., notes, appendices and glossary by Ch. Plummer; on the basis of an edition by J. Earle. Oxford, 1899. Vol. 2.
- Venerabilis Baedae Opera Historica* / Ed. Ch. Plummer. Oxonii, 1896. T. 1–2.
- Wallace-Hadrill J.M. *Bede's Ecclesiastical History of English People: A Historical Commentary*. Oxford, 1988.
- Westgard J.A. *The Wilfridian Annals in Winchester Cathedral Library, MS 1 and Durham Cathedral Library, MS B. ii. 35* // *The Study of Medieval Manuscripts of England: Festschrift in Honor of R.W. Pfaff*. Turnhout, 2010. P. 208–223.
- Wood S. *Bede's Northumbrian dates again* // EHR. 1983. Vol. 98, N 387. P. 280–296.
- Yorke B. *The Jutes of Hampshire and Wight and the origins of Wessex* // *The Origins of Anglo-Saxon Kingdoms*. L.; N.Y., 1989. P. 84–96.
- Yorke B. *Fact or Fiction? The written evidence for the fifth and sixth centuries AD* // *Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History*. Oxford, 1993. P. 45–50.
- Yorke B. *Political and Ethnic Identity: A Case Study of Anglo-Saxon Practice // Social Identity in Early Medieval Britain*. L.; N.Y., 2000. P. 69–89.
- Yorke B. *The Origins of Mercia* // *Mercia: An Anglo-Saxon kingdom in Europe*. L.; N.Y., 2001. P. 13–22.

THE BEGINNINGS OF HISTORICAL WRITING
IN ANGLO-SAXON ENGLAND

The paper contains an overview of what is known on the earliest attempts in historical writing in Anglo-Saxon kingdoms. Most of the paper is concerned with the kingdom of Northumbria for most of what is known on the early Anglo-Saxon historiography comes from the North. The central figure in this story is Venerable Bede who wrote the earliest extended historical works: the *History of the Abbots of Wearmouth and Jarrow*, *Chronica minora* and *Chronica maiora*, and the *Ecclesiastical History of the English People*. Taken together they narrate the world history, the history of the country, and the history of the home monastery of Bede. The structure and the content of these works are discussed, the greatest attention being paid to *Historia ecclesiastica* as an attempt in writing down 'national' history and its placing into the world context. The next question asked in the paper is that of the forms of historical writing which could precede the activity of Bede. These include the list of Northumbrian kings (mentioned by Bede in III: 1 and III: 9 as something of probably official importance), and, perhaps, short annals and notes in liturgical calendars. More is known of minor forms of historical writing which appeared when the works of Bede started to circulate in manuscripts, or even were a 'side effect' of Bede's historiographical activity. These include various continuations of Bede's 'annals' (the chronological summary in V: 24 of *Historia ecclesiastica*), the *Moore memoranda on Northumbrian history* (a king-list and a set of chronological notes in one of the earliest manuscripts of *Historia ecclesiastica*), the episcopal lists, and the annals in Easter tables (known in so-called Frankish annals of Lindisfarne and Kent). So, in Northumbria we see, first, some very brief forms of recording of the past, then the activity of one individual who created several comprehensive historical works, the circulation of which, in turn, provoked the emergence of a variety of brief historical records. We know very little of early historical writing outside Northumbria. There are brief Kentish annals in Easter tables, and hypothetically scholars speak of the early annals of Wessex and Mercia reflected by later chronicles. More is known of the oral dynastic traditions in these kingdoms which are partly reflected by Bede, *Historia Brittonum*, the *Anglo-Saxon Chronicle* etc. The letters to Bede in which the material for his *Historia ecclesiastica* was collected also can be regarded as attempts in writing down local history. The paper also contains an overview of the historical writing in England in the late eighth — the mid-eleventh centuries: the church histories by Alcuin and Æthelwulf, the collection of minor texts in Cotton Vespasian B.vi, the

works of Alfredian time (and the emergence of historical writing in Old English), the later annalistic writing, the *Chronicle* of Æthelweard, etc. In the last chapter some general observations are made on the beginnings of historical writing in Anglo-Saxon England.

Key words: Anglo-Saxon England, Northumbria, historical writing, Venerable Bede, annals, king-lists, episcopal lists

А.И. Сидоров

МАЛЫЕ ФОРМЫ БОЛЬШОЙ ИСТОРИИ
В ЗЕРКАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МАНУСКРИПТОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЮЖНОГЕРМАНСКИХ РУКОПИСЕЙ
IX–XI вв.)

В статье на примере анализа содержания южногерманских рукописей IX–XI вв. рассматриваются роль и значение так называемых малых форм исторического нарратива в изучении исторической культуры каролингского общества. Существенную роль в бытовании и трансляции важнейших представлений о прошлом, настоящем и будущем играли не столько пространные и сложно организованные авторские произведения, сколько предельно простые по форме и заурядные по содержанию тексты. К их числу относились, например, генеалогии, заметки «О шести возрастах мира», малые и пасхальные анналы. Эти сочинения нередко использовались придворными авторами в пропагандистских целях. В кратком и доступном виде они легитимировали положение правящей Каролингской династии, формировали ее исторический бэкграунд, вычеркивали из истории конкурентов. Они активно распространялись по территории империи, однако вне придворной среды быстро утрачивали свой мощный идеологический заряд, вступая в конфликт с историческими воззрениями региональных элит. Рукописи IX–XI вв. показывают, где именно пролегли «границы возможного» и в чем это выражалось. Копиисты, редакторы и читатели на окраинах империи обращали внимание не столько на содержание «придворных» сочинений, выполненных в формате малого исторического нарратива, сколько на хронологические схемы, лежавшие в их основе. Они были больше заинтересованы в подсчете лет и в заполнении больших временных лакун, нежели в упоминании одних и забвении других исторических персонажей. На отношение к сочинениям в формате малого нарратива в «чужой» читательской среде определенно указывает их кодикологическое окружение. Нередко в одной рукописи мирно соседствовали тексты, совершенно антагонистичные по своему содержанию, но позволявшие охватить и описать большой отрезок времени. Изучение южногерманских кодексов позволяет также иначе взглянуть на проблему становления жанра средневековой анналистики. Это явление не поддается

удовлетворительному описанию в рамках эволюционистской модели, общепринятой в современной науке. Малые и пасхальные анналы не являлись предшественниками большой анналистики, даже к средневековому историописанию их можно отнести лишь с большой оговоркой. Они решали другие задачи, использовались, прежде всего, для ориентации читателей в темпоральном пространстве шестого и последнего века земной истории. Они являли собой постепенную победу христианских представлений о времени, но также свидетельствовали о нарастании эсхатологической напряженности в каролингском обществе.

Ключевые слова: Средние века, историописание, анналистика, генеалогии, «Шесть возрастов мира», кодикология, Каролингская империя, Германия, историческая культура, монастыри

Развитие историописания в раннесредневековой Европе происходило крайне неравномерно. После бурного всплеска историографической активности в IV–VI вв., когда усилиями Иеронима, Проспера, Руфина, Орозия, Кассиодора, Иордана, Григория Турского и других был создан основной корпус важнейших для Средневековья текстов по истории, наступает период длительного затишья. Историческая мысль почти полностью замирает, а впечатляющие труды Исидора Севильского и Беды Достопочтенного лишь усиливают ощущение общей деградации.

Новый подъем историописания в Европе начинается с последней четверти VIII в. и происходит почти исключительно в центральной части королевства франков (в старых меровингских *tria regia* — в Австразии, Нейстрии и Бургундии). Этот подъем оказался теснейшим образом связан со становлением христианской империи Каролингов. По мере роста могущества Франкской державы разные группы элит оказались перед необходимостью решать сложнейший комплекс задач. Во-первых, следовало установить культурно-политический континуитет с Римской империей, продолжением которой мыслилась империя Каролингов. Во-вторых, нужно было вплести историю франков в общую канву истории христианского мира. В-третьих, оправдать захват трона Каролингами и представить их в качестве законных претендентов на место не только Меровингов, но также римских христианских императоров (отметим, что проблема континуитета была актуальной не только для королевской власти, но и для других важнейших институтов франкского общества, например для церкви). В-четвертых,

обосновать миссионерский характер нового государства в период, когда человечество стремительно приближалось к концу времен. В-пятых, максимально полно донести эти идеи до представителей местной знати. Одним из способов реализации всех намеченных целей оказалось историописание.

До нас дошли десятки трудов по истории, созданных между последней четвертью VIII и началом X в.¹ Это означает, что в реальности их было значительно больше. Такая историографическая активность особенно заметна на фоне почти полного отсутствия исторических сочинений на периферии каролингского пространства, идет ли речь о германском мире, самой развитой частью которого на тот момент была Англия, или о романских землях, которые по уровню развития зачастую не уступали ядру Каролингской державы (Италия, Каталония, Южная Галлия). Это заставляет предполагать, что культурное сознание франкских элит (но не европейских элит вообще) в указанный период было в высшей степени историографичным. Различные аристократические группы широко использовали именно исторические сочинения (свои и чужие) для решения тех или иных насущных задач. В противном случае трудно объяснить, почему самые разные институты и социальные группы были заинтересованы в том, чтобы с помощью исторических сочинений формировать совершенно определенный облик прошлого или настоящего. Историописание стало, что называется, актуальным трендом.

Внимание исследователей, занимающихся изучением исторической мысли в каролингскую эпоху, традиционно привлекают лишь некоторые основные, и, добавлю, довольно пространные произведения. В их числе большая анналистика (Анналы королевства франков, Фульдские, Сен-Бертенские, Ксантенские и Ведастинские анналы), жизнеописания Карла Великого и Людовика Благочестивого, написанные Эйхардом, Астрономом, Теганом и Ноткером,

¹ Отсылаю заинтересованных читателей к соответствующим разделам справочных изданий: *Brunhölzl F.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. München, 1975–1992. Bd. 1–2; *Manitius M.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. München, 1911. Bd. 1–2; *Molinier A.* Les sources de l'histoire de la France des origines aux guerres d'Italie. P., 1901–1906. Vol. 1–6; *Monod G.* Études critiques sur les sources de l'histoire merovingienne. P., 1872; *Idem.* Études critiques sur les sources de l'histoire carolingienne. P., 1898; *Wattenbach W., Lewison W., Löwe H.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Weimar, 1952–1990. Bd. 1–7.

истории Нитхарда и Регинона, серия деяний аббатов и епископов, созданных в разных религиозных центрах. Это вполне объяснимо, ведь перечисленные тексты позволяют получить достаточно полное представление о социально-политической и культурной истории второй половины VIII — начала X в., о различных жанрах историописания, существовавших в тот период, о роли исторического знания в жизни франкского общества, о технике работы отдельных историков и о многом другом². Преимущества такого подхода очевидны.

Однако было бы неверно рассматривать формирование исторической культуры франков лишь через призму нескольких крупных сочинений. Во-первых, их было совсем немного. Во-вторых, современники далеко не всегда знали не только об их содержании, но даже о самом факте их существования. Например, Регинону, создавшему последнее значительное историческое произведение эпохи, остались неизвестны лучшие памятники каролингского историописания, включая труды Эйнхарда, Астронома, Нитхарда и Тегана. Не менее красноречивым фактом является и состояние рукописной традиции упомянутых выше сочинений. За исключением *Анналов королевства франков* и «*Жизнеописания Карла Великого*» Эйнхарда, для IX–X вв. она чрезвычайно скудна или вовсе отсутствует³.

Напротив, в тот же самый период мы обнаруживаем внушительное число совсем небольших исторических текстов, которые на взгляд многих современных историков не представляют собой ценности, поскольку не несут сколько-нибудь существенной информации, способной дополнить большой нарратив. Однако эти тексты писались, читались и тиражировались куда активнее крупноформатных произведений. К числу таковых относятся, например, сочинения, повествующие о шести возрастах мира, краткие (малые и пасхальные) *анналы*, разного рода генеалогии, списки имен и пр. Можно предполагать, что в каролингскую эпоху прежде всего они отвечали за формирование и трансляцию важнейших представлений о прошлом, настоящем и будущем, которые определя-

² Автор этих строк в свое время выбрал для себя тот же путь и убедился в его эффективности. См.: *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006.

³ Подробнее см.: *Сидоров А.И.* Книги по франкской истории в культурном пространстве Каролингской империи: актуальный запрос на прошлое // *Люди и тексты. Исторический альманах*, 2013: Историческое знание в контексте книжной культуры. М., 2014. С. 12–35.

ли характерные черты исторической культуры. Разумеется, следы существования анналистики, генеалогий и, особенно, «шести возрастов» можно обнаружить и в предшествующий период. Однако подлинное рождение малой исторической прозы состоялось в последней трети VIII, а главным образом — в IX столетии: именно тогда она стала заметным культурным явлением и приобрела массовый характер.

Для дальнейшего анализа я выбрал комплекс рукописей IX–XI вв., которые были созданы в Санкт-Галлене и некоторых близлежащих центрах. В каждом манускрипте сохранилось одно или несколько исторических произведений, созданных в формате малой прозы. Ниже речь пойдет не только о содержании этих историй, но также об их форме и, разумеется, о кодикологическом сопровождении.

Изучение рукописной традиции неизбежно приводит исследователя к пониманию того факта, что базовой нарративной единицей в Средние века следует считать не «авторское» сочинение, а конкретный кодекс, объединявший под одной обложкой один или несколько текстов, порой весьма далеко отстоящих от первоначальной авторской версии. Восприятие того или иного произведения зависело, с одной стороны, от соответствующей редакции, которая могла выражаться в экстраполяциях, вставках или перестановке частей оригинального текста, с другой — от нарративного контекста, в котором оно существовало. Стоит ли говорить, что и первое, и второе могло предстать в бесчисленном количестве вариаций. Однако читателям на протяжении столетий зачастую приходилось иметь дело именно с этими вариациями, а не с оригинальным авторским текстом.

Появление каждой вариации было обусловлено конкретными обстоятельствами, прежде всего насущными потребностями определенной аудитории в данное время и в данном месте. Это справедливо в отношении не только заново создаваемых, но и копируемых кодексов. Если в XI в. руководитель скриптория давал поручение переписать рукопись IX столетия — не важно, для своей или чужой библиотеки, — дело, скорее всего, не сводилось только к исполнению устава и монашескому послушанию, измеряемому количеством времени, затраченным на работу. За таким поручением стояла актуальная потребность конкретных сообществ в определенной информации, соответствующим образом представленной.

Из Санкт-Галлена происходят, по крайней мере, четыре кодекса, в которых сохранилась каролингская версия рассказа о шести возрастах мира. Два из них относятся к IX в., еще по одному к X и XI вв⁴. Однако последние представляют собой копии с несохранившихся каролингских манускриптов. Все рукописи имеют разное содержание и почти наверняка происходят от разных протографов. *De sex aetatibus mundi* всякий раз оказывается в окружении других текстов. Если добавить к этому разную систему сокращений, используемую в одних и тех же фрагментах, то можно вполне определенно утверждать, что в монастырской библиотеке в IX в. одновременно существовало по меньшей мере четыре копии одного и того же исторического сочинения. Мало какое еще произведение каролингские читатели удостоивали таким вниманием.

Санктгалленская версия представляет собой вполне оригинальную интерпретацию традиционной христианской периодизации истории. Представление о шести эпохах можно встретить еще у Евсевия Кесарийского. Затем оно появляется у Августина, Исидора Севильского и, наконец, в наиболее развернутом виде — у Беды

⁴ St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 732. Описание рукописи см.: Scherrer G. Verzeichniss der Handschriften der Stiftsbibliothek von St. Gallen. Halle, 1875. S. 240–241. Некоторые исследователи относят рукопись к первой трети и даже к концу второго десятилетия IX в. В частности, А. Кордолиани полагает, что она создана около 817 г.: Cordoliani A. Les manuscrits de comput ecclésiastique de l'Abbaye de Saint Gall du VIIIe au XIIe siècle // Zeitschrift für Schweizerische Kirchengeschichte. 1955. Bd. 49. S. 161–200, bes. 188. Однако состав кодекса (в него входят анналы до 867 г. и список римских понтификов, доведенный до 844 г.) и специфическая разбивка на тетради позволяют предполагать, что рукопись в ее нынешнем виде появилась не раньше второй половины или даже последней трети IX в. С оцифрованной версией рукописи можно ознакомиться: <<http://www.e-codices.unifr.ch/en/searchresult/list/one/csg/0732>>.

К середине или второй трети того же столетия относится рукопись St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 397, больше известная как персональный *Vademecum* аббата Гримальда (841–872) (<<http://www.e-codices.unifr.ch/en/searchresult/list/one/csg/0397>>). Описание рукописи см.: Scherrer G. Verzeichniss der Handschriften. S. 135–136.

В X в. создан St. Gallen, Stiftsbibliothek, Codex 899 (<<http://www.e-codices.unifr.ch/en/searchresult/list/one/csg/0899>>), а в XI в. — Cod. Sang. 878 (<<http://www.e-codices.unifr.ch/en/searchresult/list/one/csg/0878>>). Последний кодекс представляет собой полную копию рукописи IX в. Описание рукописей см.: Scherrer G. Verzeichniss der Handschriften. S. 307–309, 315–316.

Достопочтенного в его «Большой хронике», как сегодня принято называть 66 главу трактата *De temporum ratione* (725 г.)⁵.

После Беды «шесть возрастов мира» стали общим местом в западноевропейской исторической культуре. Но как всякое общее место, эта схема оказалась чрезвычайно гибкой и легко наполнялась новым содержанием в зависимости от потребностей аудитории. Сохранилось огромное количество франкских, итальянских и англо-саксонских рукописей младше VIII в., содержащих рассказы об эпохах. Сами тексты отличаются большим разнообразием, как в отношении объема, так и в отношении фактического материала. Одни состоят всего из нескольких строк и сообщают лишь о некоторых ключевых фигурах мировой истории, символизирующих собой отдельные периоды (Адам, Ной, Авраам, Давид и т.д.). Такова, например, заметка в «Миссале Леофрика» из англо-саксонской рукописи X в., добавленная к блоку календарных материалов ближе к концу столетия⁶. Другие насчитывают многие страницы и перечисляют десятки исторических персонажей, действовавших внутри каждого «возраста». Редакция, сохранившаяся в санктгалленских рукописях, относится к их числу.

Эта версия является в полном смысле слова каролингской, и составлена она была человеком, близким ко двору. Судя по тексту, сочинение было написано около 810 г.⁷ Дело, однако, не только в датировке, но и в содержании. *De sex aetatibus mundi* представляет собой довольно пространственный перечень правителей, сменявших друг друга на протяжении тысячелетий. Члены рода Каролингов, по мнению

⁵ Подробнее см.: Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. С. 183–185, 263–270.

⁶ Oxford, Bodleian Library, Bodley 579. F. 55v–56r. Оцифрованную версию рукописи см.: <<http://image.ox.ac.uk/show?collection=bodleian&manuscript=msbodl579>>. Перевод *De sex aetatibus mundi* на русский язык выполнен Т.В. Гимоном. При вожу его полностью: «ОТ НАЧАЛА ДО ПОТОПА ЛЕТ ТЫСЯЧА ШЕСТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТЬ. От Потопа до Авраама 295 лет, и вместе лет двух возрастов — 1948. От Авраама до Давида 295 лет, и вместе лет трех возрастов — 2990. От Давида до Обрезания Господня 583 года, и вместе лет 4-х возрастов — 3363. От Обрезания до Рождества Господня 580 лет, и вместе лет пяти возрастов — 4952. От Рождества Господня до пришествия антихриста — 999 лет». Перевод опубликован в: Историописание и историческая мысль западноевропейского Средневековья: Практикум-хрестоматия / Авт.-сост. М.С. Бобкова, С.Г. Мереминский, А.И. Сидоров. М., 2010. Кн. 2. С. 83–84.

⁷ Например, см. Cod. Sang. 732. P. 153: «Domnus Karolus... gubernat usque in praesentem annum feliciter qui est annus regni eius XLIII imperii autem X». В санктгалленских кодексах имеется, как правило, постраничная нумерация.

составителя, выступают непосредственными преемниками римских и византийских императоров. Причем власть они перенимают еще в статусе майордомов: Пипин Геристальский следует в списке непосредственно за императором Юстинианом⁸. За Пипином идет Карл Мартелл и т.д. Последним в тексте упоминается Карл Великий, восстановивший империю. О Меровингах речи не идет вовсе.

Таким образом, в сочинении прямо проводились идеи о безусловной законности власти Каролингов, о том, что они являются единственными легитимными наследниками римского имперского величия, о том, что в 751 г. не было никакого государственного переворота, а также о том, что Меровинги вообще никогда не были действующими лицами мировой истории и потому не могут претендовать на место в исторической памяти франкских элит. Если добавить к этому явную эсхатологическую направленность произведения, то окажется, что Каролинги правят в конце времен, завершая земную историю⁹. В контексте идеологических представлений, сформировавшихся при дворе, Каролингская империя носила мессианский характер и должна была расширить границы христианского мира до пределов возможного, чтобы объединить человечество в лоне церкви и подготовить его к наступлению Страшного суда.

ГЕНЕАЛОГИИ И СПИСКИ ИМЕН

Четыре санктгалленские копии *De sex aetatibus mundi* указывают на то, что пропагандистская машина Каролингов работала весьма активно. С другой стороны, состав упомянутых кодексов позволяет увидеть, насколько эффективной была имперская пропаганда, и как в реальности прочитывалось послание, содержащееся в этом сочинении, людьми, которые находились на значительном удалении от двора Карла Великого в пространственном и временном отношении.

Все кодексы, несмотря на оригинальное содержание, имеют некоторые общие жанровые особенности. Они объединяют поэтиче-

⁸ Ibid. P. 153: «A Iustiniano usque ad Pippinum senioreum fiunt anni II».

⁹ На эсхатологический характер каролингской политической идеологии указывали и другие важные явления эпохи, например королевское помазание. Подробнее см.: Alibert D. Sacre royal et onction royale à l'époque carolingienne // *Anthropologies juridiques. Mélanges Pierre Braun*. Limoges, 1998. P. 19–44.

ские и компутистические тексты, словом, то, что имеет отношение к счету, в данном случае, к метрике и хронологии. Таким образом, *De sex aetatibus mundi*, скорее всего, рассматривались санктгалленскими читателями как универсальная хронологическая модель, охватывающая все земное время истории человечества. Напротив, их мощный идеологический заряд не всегда оказывался в поле зрения новой аудитории. На это указывает соседство с другими историческими или историко-хронологическими сочинениями.

В Cod. Sang. 732 непосредственно за «Шестью возрастами мира» следует незамысловатая, но показательная компиляция, состоящая из списка римских правителей, «таблицы народов» и генеалогии Меровингов от Хлойо до Дагоберта (р. 154–155)¹⁰. Их наличие, по всей видимости, связано с тем, что значительную часть кодекса составляет Алеманнская правда (р. 1–98), которую составители помещали, таким образом, в соответствующий исторический контекст, пусть и самый общий. «Таблица народов» помогала читателю разобраться в происхождении племен, в том числе алеманнов¹¹. Однако королевская генеалогия сводила на нет усилия придворного идеолога, стремившегося лишить Меровингов места в истории.

¹⁰ Этот небольшой текст опубликован отдельными фрагментами Г. Пертцем, Б. Крушем и В. Левизоном: *Regum Merowingorum genealogia* // MGH SS. T. 2. P. 307; *Catalogi regum Francorum praetermissimi* // MGH SRG. T. 7. P. 851. Вопрос о происхождении и содержании «таблицы народов» основательно изучен У. Гоффартом. По мнению исследователя, таблица возникла в Восточной Римской империи около 520 г. и отражала представление византийцев об этнополитических реалиях в западных провинциях накануне юстиниановских войн. В течение последующих полутора столетий, вместе с другими «греческими» текстами, она попала на Запад, а в конце VII или начале VIII в. была доработана анонимным франкским редактором. Этот человек был германоговорящим, и потому он изменил написание имен собственных в соответствии с позднеримской транскрипцией, заменил имя «визиготы» на «валоготы», а также добавил к первой ветви 13-й народ — саксов. Кроме того, он дополнил таблицу списком римских и меровингских правителей Галлии. Рукописная традиция таблицы насчитывает восемь кодексов. Самым ранним считается Cod. Sang. 732. Подробнее см.: *Goffart W. The Supposedly “Frankish” Table of Nations: An Edition and Study* // *Frühmittelalterliche Studien*. B., 1983. Bd. 17. S. 98–130. См. также: *Miillenhoff K. Deutsche Altertumskunde* / Ed. M. Roediger. B., 1892. Bd. 3. S. 325–332; *Krusch B. Der Bayernname, der Kosmograph von Ravenna und die fränkische Völkertafel* // *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde*. 1928. Bd. 47. S. 31–76.

¹¹ По версии «таблицы народов» алеманны, наряду с римлянами, бриттами и франками, происходили от некоего Истиона. Эрминий, один из двух его братьев, стоял у истоков готов, валоготов, вандалов, гепидов и саксов. Ингуон, второй брат, «породил» бургундов, тюрингов, лангобардов и баваров. Следует отметить,

Последние не только остались, но еще и представляли в весьма выигрышном свете: генеалогия королей франков зеркально повторяла генеалогию правителей Рима¹². Напротив, Каролинги в этой схеме отсутствовали. Напомню, что некоторые исследователи датируют Cod. Sang. 732 первыми десятилетиями IX в. Если это так, то послание каролингского составителя *De sex aetatibus mundi* не «прочитывалось» уже его современниками.

В Cod. Sang. 899 ситуация на первый взгляд иная: к «Шести возрастам мира» примыкает собственно генеалогия Каролингов (р. 75–77)¹³. Такое соседство выглядит логичным, поскольку содержание второго текста хорошо дополняло первый. Однако в генеалогии имеется совсем небольшой, но существенный нюанс. Составитель сообщал, что Каролинги происходили от брака некоего Ансперта, представителя знатной галло-римской фамилии, и... Блитхильды, дочери короля франков Хлотаря. Таким образом, и в этом случае Меровинги вернулись в большую историю, причем не в качестве второстепенных персонажей, а как прародители новой династии.

Обоснование династического родства являлось важным элементом каролингской идеологической пропаганды, направленной на легитимацию властных притязаний Каролингов в глазах региональных элит¹⁴. Но идеологический посыл *Commemoratio genealogiae*

что «таблица народов» и/или список правителей сопровождают варварские правды и в некоторых других кодексах. Например, в двух западнофранкских рукописях X в. они фигурируют в прологе Салической правды. См.: Paris, Bibliothèque nationale, lat. 9654. F. 121r; 4628A. F. 5r–6v.

¹² Ср.: «Primus rex Romanorum Analeus. Analeus genuit Papulo etc.» (р. 154); «Primus rex Francorum Chloio. Chloio genuit Glodobodem etc.» (р. 155).

¹³ Генеалогия опубликована Г. Вайтцем: *Commemoratio genealogiae domni Karoli gloriosissimi imperatoris* // MGH SS. Т. 13. Р. 245–246. Генеалогия была создана в Меце между 800 и 814 гг. для защиты владельческих прав Мецской церкви в Аквитании. В последующие десятилетия она широко распространилась в историческом ядре Каролингской державы, особенно на среднем Рейне и в близлежащих провинциях. Ее можно было встретить в аббатствах Сен-Вандрий (Фонтанель), Сен-Бертен, Сен-Рикье, Бландиньи, Сен-Жермен, в трирском монастыре св. Максимиана, а также в Тегернзее и Санкт-Галлене. Очевидно, генеалогия была адресована местной аристократии, а распространялась она через церковные структуры, подобно капитуляриям и предписаниям для графов. О мецкой генеалогии подробнее см.: *Oexle O.G. Die Karolinger und die Stadt des heiligen Arnulfus* // *Frühmittelalterliche Studien*. В., 1967. Bd. 1. S. 251–268.

¹⁴ Об этом подробнее см.: *Сидоров А.И. Генеалогические конструкции как способ легитимации власти франкских правителей VII–IX вв.* // СВ. 2007. Вып. 68 (2). С. 45–68.

вступал в резкое противоречие с концепцией каролингской же версии *De sex aetatibus mundi*. Тем не менее ни составители Cod. Sang. 899, ни его читатели не замечали никакого конфликта между этими текстами. Таким образом, и здесь, как в случае с Cod. Sang. 732, мы видим, что пропагандистские усилия придворных идеологов далеко не всегда достигали намеченных целей. Представители местной знати в лице санктгалленского монашества прочитывали их послания по-своему, *не противопоставляя, но соединяя* разные сочинения. Возможно, отсутствие определенной информации в одном произведении воспринималось ими как досадный пробел, который необходимо было восполнить с помощью другого, близкого по своей природе текста. Но в любом случае, с их точки зрения эти сочинения не противоречили друг другу и могли мирно соседствовать.

Соседство «Шести возрастов мира» и королевских генеалогий не должно удивлять. Составитель каролингской версии *De sex aetatibus mundi* апеллировал к генеалогическим конструкциям всякий раз, когда это представлялось возможным. Таковы, например, ветхозаветные эры, начиная с Адама, благо соответствующий материал в изобилии содержался в Библии. Заключительная часть сочинения, посвященная Пипинидам, в сущности, тоже представляет собой генеалогию, хотя она построена не по родовому (*X genuit Y; Y genuit Z etc.*), а по династическому принципу и отсчитывает количество лет между двумя ближайшими царствованиями.

Мецкая версия генеалогии Каролингов встречается еще в одном санктгалленском кодексе, никак не связанном с упомянутыми выше. В манускрипте, который хранится сегодня в центральной библиотеке Цюриха, она соседствует с комментариями на Книгу Бытия (*Liber Hermeneumatum*), перепиской Псевдо-Сенеки с апостолом Павлом, *De viris illustribus* Иеронима и фрагментами «Этимологий» Исидора Севильского¹⁵. В таком кодикологическом окружении генеалогия обретает, как представляется, черты историко-компутистического сочинения, ориентированного на учет земного времени через смену правителей. Напротив, ее идеологический заряд отходит на задний план.

¹⁵ Zürich, Zentralbibliothek, Ms. C 129. Кодекс создан в XI в., но является полной копией кодекса IX в. Генеалогия Каролингов находится на f. 95v–96v. Высококачественное цветное факсимиле рукописи см.: <<http://www.e-codices.unifr.ch/description/zbz/C0129>>.

Вернемся, однако, к Cod. Sang. 732. Помимо «Шести возрастов мира» и «таблицы народов» в окружении списка правителей, в нем находятся еще два исторических сочинения, выполненных в формате малого нарратива: список римских пап от апостола Петра до Сергия (844 г.) с краткими биографическими сведениями о понтификах (р. 189–193)¹⁶ и так называемые малые санктгалленские анналы (р. 168–178)¹⁷. Между этими текстами помещены пасхальные таблицы, охватывающие период с 817 по 999 гг.

Остановимся подробнее на анналах. Перед нами типичный пример так называемой малой каролингской анналистики, бурно расцветшей в IX в. Анналы представляют собой простой перечень лет с 703 по 869, дополненных обозначением соответствующего индикта. Напротив 40 из 167 перечисленных дат имеются кратчайшие исторические записи, сообщающие почти исключительно о военных походах Каролингов, а также о смерти правителей франков и некоторых представителей высшей светской и церковной элиты. Эти сведения настолько скудны и неоригинальны, что не представляют никакого фактологического интереса. Однако рукописная форма сочинения вкупе с его кодикологическим сопровождением обращает на себя внимание, поскольку позволяет сделать ряд интересных наблюдений относительно начального этапа существования раннесредневековой европейской анналистики.

Следует отметить, что раннесредневековая анналистика существовала почти исключительно в форме малых анналов, коих сохранилось совсем немного от VIII в., но для IX–X вв. и далее мы располагаем уже десятками рукописей. Большие анналы, впервые возникшие в Европе в каролингскую эпоху, являлись произведениями совсем иного порядка. Во-первых, они представляли собой развернутый, концептуально выстроенный и сложно организованный нарратив¹⁸.

¹⁶ Апостолу Петру предшествуют еще два римских епископа: Иероним и Дамас. Краткие исторические заметки доведены до папы Григория III (731 г.), а годы понтификата указываются до Адриана I (772 г.). Далее до Сергия продолжается лишь список имен.

¹⁷ Санктгалленские анналы опубликованы Г. Пертцем: *Annales Sangallenses breves a. 703* // MGH SS. Т. 1. Р. 64–65.

¹⁸ Таковыми, например, являлись Анналы королевства франков. Подробнее см.: *Сидоров А.И.* Анналы королевства франков: Прошлое на службе настоящего // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2010. № 4. С. 75–93.

А во-вторых, в мощной традиции составления погодных записей они занимали все-таки относительно скромное место.

Проблеме происхождения и выяснению характера раннесредневековой европейской анналистики посвящено внушительное количество исследований. Общепринятой на сегодняшний день является эволюционистская концепция, согласно которой «классические» анналы развиваются из кратчайших записей на полях пасхальных таблиц. Пасхальные анналы якобы берут свое начало на Британских островах, а на континенте стали известны благодаря *peregrinatio* ирландцев и миссионерской деятельности англо-саксов. В VII в. между представителями кельтской и римско-католической церкви в Британии разгорелся спор о времени празднования Пасхи. Англо-саксы в итоге стали придерживаться вычислений Дионисия Малого, в то время как ирландцы освоили более древнее исчисление — никейское. Поэтому, отправляясь на континент, те и другие имели при себе пасхальные таблицы с соответствующей датировкой. Первые заметки на полях, посвященные, главным образом, смерти какого-нибудь короля или местного епископа, а также основанию монастыря или церкви, появились в еще в VII в. При подготовке к трудному путешествию таблицы копировались вместе с этими маргинальными записями. Впоследствии именно они легли в основу многочисленных монастырских и епископских анналов на континенте. Со временем погодные записи увеличивались в объеме и перестали помещаться на полях. Поэтому их стали вести на чистых листах уже вне всякой привязки к пасхальным расчетам¹⁹. Текст, наконец, обрел самостоятельное значение и по-

¹⁹ *Егоров Д.Н.* Средние века. Историография и источниковедение. М., 1916. Ч. 1–2. 1912/1913 уч. год. С. 152; *Poole R.* Chronicles and Annals. A Brief Outline of Their Origin and Growth. Oxford, 1926. P. 26, 48, 58–61; *Grundmann H.* Geschichtsschreibung im Mittelalter. Göttingen, 1965. S. 25–25; *Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955. С. 41–42; *Ganshof F.-L.* L'historiographie dans la monarchie franque sous les Merovingiens et les Carolingiens. Monarchie franque unitaire et Francie occidentale // La storiografia altomedievale. Spoleto, 1970. Vol. 2. (Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto Medioevo; 17). P. 668–670; *Caenegem R.C. van, Ganshof F.-L.* Guide to the Sources of Medieval History. Amsterdam; N.Y.; Oxford, 1987. P. 30–34; *McCormick M.* Les annales du haut Moyen Âge. Turnhout, 1975. (Typologie des sources du Moyen Âge occidental; Fasc. 14). P. 12–16; *Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P., 1980. P. 203–204; *Jaeschke K.-U.* Annales // Lexikon des Mittelalters. München; Zürich, 1980. Bd. 1. S. 657–658; *Reuter T.* Introduction // The Annals of Fulda. Manchester; N.Y., 1992. P. 1; *Keynes S.* Annals // The Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England. Oxford, 1999. P. 40–41. Несколько особняком стоит мнение Д. Дамвилла, который

степенно превратился в развернутый нарратив, обретая черты, характерные для хроники и даже для истории с ее единым авторским замыслом и выверенной сюжетной линией.

Против этой «пасхальной» концепции сегодня выступает, разве что, Р. МакКиттерик. По мнению британской исследовательницы, пасхальные таблицы предназначались для того, чтобы задавать ритм на будущее, определять рамки текущего литургического года и даже не одного. Следовательно, по своей природе они мало годились для сохранения записей о прошлом. Принципиально важным в отношении анналов представляется иной аспект, а именно использование летосчисления от Воплощения Господня. Появление нового жанра в историописании Р. МакКиттерик предлагает рассматривать в более широком контексте социального и культурного развития раннесредневекового континентального общества. VII и, особенно, VIII в. характеризовались углублением процессов христианизации, триумфом культа святых, развитием меморативных практик в рамках локальных религиозных общин. Анналы, по ее мнению, являлись своеобразной формой христианизации времени, тесно сопряженной с функцией *memoria*. Погодная структура анналов задавалась годовым циклом существования локального религиозного сообщества, возникавшего на базе монастыря или епископского канониката, но не ограничивавшегося лишь составом братии. С другой стороны, монастырские анналы являлись если не оппозицией, то, по крайней мере, альтернативой большой каролингской анналистике²⁰.

Эта концепция, небезупречная в деталях, имеет, по крайней мере, одно несомненное достоинство: она предлагает рассматривать малую анналистику не в качестве жанра историописания (на чем сосредоточено большинство исследований), а в качестве культурного феномена, порожденного социальными обстоятельствами

полагает, что традиция соединения исторического нарратива и пасхалий восходит к эпохе поздней античности и прослеживается по крайней мере с IV в.: *Dumville D.* What is a Chronicle? // *The Medieval Chronicle II: Proceeding of the 2nd International Conference on the Medieval Chronicle, Driebergen/Utrecht, 16–21 July 1999.* Amsterdam; N.Y., 2002. P. 1–9.

²⁰ См.: *McKitterick R.* Constructing the Past in the early Middle Ages: The Case of the Royal Frankish Annals // *Transactions of the Royal Historical Society.* 6th ser. Cambridge, 1997. Vol. 7. P. 110–114; *Eadem.* History and Memory in the Carolingian World. Cambridge, 2004. P. 97–100. См. также: *Innes M., McKitterick R.* The writing of history // *Carolingian culture: Emulation and Innovation.* Cambridge, 1993. P. 200.

конкретной эпохи и одновременно указывающего на ее сущностные характеристики.

На мой взгляд, представление о пасхальных анналах как об начальной форме погодных записей нельзя считать убедительно доказанным. Данные, которыми мы располагаем применительно к VIII–IX вв., говорят о том, что становление малой анналистики происходило значительно более сложным путем, а дальнейшая эволюция не была линейной.

Самый ранний дошедший до нас пример средневековых кратких анналов содержится в знаменитой рукописи Мура, созданной в Нортумбрии около 737 г.²¹ Четыре погодных записи за 731–734 гг. примыкают здесь непосредственно к «Церковной истории» Беды, однако не имеют никакого отношения к пасхалиям. Скорее всего, это справедливо и в отношении других ранних англо-саксонских анналов, созданных в VIII в., но сохранившихся в рукописях более позднего времени²². Самые ранние записи на пасхалиях, имеющие островное происхождение, относятся к середине VIII в.²³ Однако ближайшие к ним датируются временем не ранее конца X в.²⁴ Разрыв впечатляющий и труднообъяснимый, если мы говорим об устойчивой традиции, которая, как считается, зародилась именно в Британии. Напротив, от более позднего периода (вплоть до XV в.) сохранилось очень много рукописей с пометами на пасхалиях²⁵.

Аналогичная ситуация наблюдается и на континенте. Самый ранний манускрипт с пасхальными анналами происходит из монастыря Флавины и датируется 816 г., т.е. он появился спустя почти три десятилетия после первой серьезной редакции Анналов

²¹ Cambridge, University Library, kk. 5.16. Об этой рукописи подробнее см.: The Moore Bede: Cambridge University Library ms. KK. 5.16 / Ed. P.H. Blair; With a contribution by R.A.V. Mynors. Copenhagen, 1959. (EEMF; Vol. 9).

²² К их числу относятся краткие погодные записи за 732–766 гг., сопровождающие «Церковную историю» Беды, которые сохранились в позднейших рукописях, а также так называемые «Северные анналы» за 732–806 гг. из Йорка, отразившиеся в компиляциях XII в. Подробнее см.: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 92–95, а также статью Т.В. Гимона в настоящем томе.

²³ Речь идет о фрагменте англо-саксонской рукописи, предположительно из монастыря Веармут-Ярроу (Нортумбрия), чудом уцелевшем в Фульде в качестве переплета другого манускрипта. Подробнее см.: *Story J.* The Frankish Annals of Lindisfarne and Kent // ASE. 2005. Vol. 34. P. 62–64.

²⁴ Первый известный нам текст — это «Миссал Леофрика», упоминавшийся выше. На полях небольшой пасхальной таблицы на f. 53r встречаются краткие меморативные записи о смерти королей и архиепископов Кентерберри и Йорка.

²⁵ Например, см.: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 252–258.

королевства франков, которые никоим образом не были связаны с пасхальными таблицами. Начиная с X в. количество рукописей с записями на пасхалиях стремительно увеличивается. Думается, что в случае с пасхальными анналами правильнее говорить не столько об истоках, сколько об определенном этапе эволюции данного культурного феномена. Впрочем, приемлемой представляется и точка зрения, допускающая существование малой анналистики на раннем этапе одновременно в разных формах, однако без явного доминирования записей на пасхалиях²⁶.

Интеллектуальные усилия многих современных исследователей, занимающихся проблемами анналистики, направлены главным образом на выявление типичных характеристик анналов, которые позволили бы отличить их, например, от хроник и других форм исторического нарратива, организованного по хронологическому принципу. В числе таковых справедливо называются погодная форма записи, дискретность повествования, полное отсутствие авторского начала и обязательная незавершенность²⁷. В то же время вне поля зрения историков остается вопрос о том, почему вообще в определенный момент времени в средневековой Европе появилась необходимость ведения погодных записей в такой странной форме, и какой смысл заключали в себе эти кратчайшие и крайне нерегулярные заметки, как будто случайно выхваченные из общего потока событийной истории²⁸. Между тем, именно этот вопрос представляется принципиально важным для понимания специфики одного из самых распространенных жанров средневекового исто-

²⁶ Эта вполне компромиссная точка зрения высказывается довольно осторожно. Например, см.: *Story J. The Frankish Annals. P. 73–74; Гимон Т.В. Историописание. С. 262.*

²⁷ Обстоятельный историографический обзор различных точек зрения по этой теме см.: *Гимон Т.В. Историописание. С. 69–85, особенно с. 84–85.*

²⁸ В обширной литературе, посвященной средневековой анналистике, можно встретить в лучшем случае такую функциональную характеристику погодных записей: «Анналы служили для того, чтобы упорядочить прошлое народа или сообщества, поместив его деяния на единой оси божественного времени, а значит — в рамках Божьего плана для искупленного человечества». См.: *Foot S. Finding the meaning of form: narrative in annals and chronicles // Writing Medieval History. Oxford, 2005. P. 96.* Эта идея, безусловно, заслуживает внимания. Правда, упомянутая работа британской исследовательницы посвящена главным образом Англо-Саксонской хронике, которую при всем желании нельзя отнести к малым анналам. Переносить же на кратчайшие погодные записи концепцию, справедливую для большой анналистики, т.е. для исторического нарратива, организованного по совсем иным принципам, не представляется правильным. Таким образом, вопрос всё равно остается открытым.

риописания. Ниже я постараюсь на него ответить. Однако сначала вернемся к рукописи Cod. Sang. 732.

Малые санктгалленские анналы написаны одной рукой и, очевидно, после 869 г. Они представляют собой копию более раннего утраченного текста²⁹, который до момента копирования был последний раз дополнен около 815 г.³⁰ Скорее всего переписчик самостоятельно довел перечень лет до того момента, когда он работал над рукописью. Позднее к тексту анналов неоднократно обращались другие читатели. Свободное пространство, которого в этой части рукописи оставалось немало, использовали прежде всего для различных упражнений: здесь встречаются многочисленные пробы пера (*probatio pennae*), не очень умело выведенные англосаксонские дифтонги и цитаты из Вергилия (р. 172, 174–176). Лишь один человек оставил собственно историческую запись, причем постарался не нарушать общей стилистики нарратива³¹.

Некоторые сообщения позволяют предполагать, что к составлению начальной части перечня дат имели отношение выходцы с Британских островов. Скорее всего, именно с этими людьми связаны пометы, актуальные, прежде всего, в контексте их собственной исторической памяти³².

Внешний вид рукописи санктгалленских анналов указывает на то, что их протограф не имел никакого отношения к пасхалиям; перечень лет с краткими заметками был изначально записан на отдельных листах.

При знакомстве с текстом возникает целый ряд вопросов. Почему погодные записи охватывают меньше четверти дат? Почему все пометы столь скудны и немногословны, хотя они относятся к

²⁹ Там, где существуют погодные записи, номер индикта, соответствующего данному году, стоит вверху или внизу строки, хотя свободного места на странице вполне достаточно. Однако в протографе место почти наверняка приходилось экономить. Тем не менее переписчик предпочел следовать оригиналу.

³⁰ Этим годом датируется последняя историческая запись в анналах: «Annus primus Hludouici imperatoris» (р. 175). Данная помета радикально отличается от всех остальных сообщений, что позволяет рассматривать ее как указание на время последней существенной доработки текста.

³¹ На р. 174 имеется следующая помета: «801. XI Karolus ad imperatorem elevatur ad Roma». Характерно, что индикт следует сразу за годом, а не вынесен за пределы строки, как в других сообщениях.

³² На возможное участие англо-саксов в составлении протографа указывают сообщения под 730 г. о смерти Беда (р. 170) и под 753 г. о мученической гибели Бонифация (р. 171). Обе заметки по своему содержанию существенно отличаются от прочих записей.

одному из самых ярких периодов каролингской истории? Почему, наконец, нет ни одной заметки для времени после 815 г.? Выскажу некоторые предположения на сей счет.

Скорее всего, для составителей малых санктгалленских (равно как и многих других кратких) анналов нарратив не имел никакого самостоятельного значения. Гораздо важнее для них был сам по себе перечень лет, который велся в рамках строго определенной системы учета времени — от Рождества Христова. Согласно устойчивой христианской традиции, с этого момента человечество вступило в шестой и последний земной «возраст», неумолимо приближавшийся к своему историческому завершению. Малые анналы на первый взгляд не имеют начала и конца. Однако это не так, ведь о «начале» и «конце» составители были хорошо осведомлены. Малая анналистика, подобно «Шести возрастам мира», несомненно, обладала выраженной эсхатологичностью. Она появляется в тот момент, когда в западноевропейском христианском обществе начинает усиливаться ощущение жизни в конце времен и приходит понимание того, что большая часть шестого «возраста» уже миновала. Очевидно, острее всего это воспринималось людьми, наиболее глубоко укорененными в христианской традиции. Именно поэтому ранняя анналистика зарождается и бурно расцветает в монастырях. По мере углубления христианизации западноевропейского общества краткие анналы начинают вестись в других местах, в частности при кафедральных соборах. Но в любом случае речь идет о локальных сообществах людей церкви.

Можно вполне определенно говорить о том, что анналы отсчитывали время не столько прошедшее от Воплощения Господня, сколько оставшееся до Страшного суда. Именно поэтому они начинались не с первого года от Р.Х., а с *любого* другого года последнего земного века. Верхняя граница оставалась открытой и со временем отодвигалась все дальше. Напротив, в тех же самых текстах мы не видим никаких попыток «удревнить» нижнюю границу и дойти до начальной точки. Скорее всего, составители не видели в этом никакого смысла, поскольку интересовались не прошлым, а настоящим, на которое смотрели из конечного будущего. Малые анналы являлись, таким образом, в высшей степени *актуальными* сочинениями.

На этой конечной, развернутой в одну сторону, но все же достаточно протяженной хронологической оси, очевидно, требовались некие ориентиры. Таковыми служили краткие исторические записи. Для средневекового человека время было неотделимо от истории, более того, его не существовало вне событийного контекста.

В качестве хронологических маркеров использовались события, сохранявшиеся в исторической памяти отдельных локальных сообществ. Выбирались наиболее *известные* факты — стихийные бедствия, войны, смерть сильных мира. При этом для составителей малых анналов, а, следовательно, и для их читателей *детали случившегося не представляли интереса*. Простого упоминания знакового факта было вполне достаточно для эффективной ориентации во времени. Отсутствие погодных записей объяснялось не отсутствием вообще событий, а отсутствием событий, которые вспоминались в определенных сообществах. В ожидании таковых можно было более или менее долго продолжать перечень «пустых» лет.

Эсхатологический характер малых санктгалленских анналов в Cod. Sang. 732 подчеркивается непосредственным соседством с пасхальными таблицами, составленными не позднее второй половины IX в. Как уже было сказано, они доведены до 999 г. Дальнейшие расчеты, несомненно, прекращены сознательно: последний пасхальный цикл охватывает всего 12 лет вместо положенных 19-ти, а на последней странице еще остается достаточно свободного места. Любопытно также отметить, что кто-то из составителей кодекса (судя по почерку, это, скорее всего, был переписчик пасхальных таблиц) озаглавил начало анналов как десятый девятнадцатилетний пасхальный цикл (р. 168: «Decimus ciclus decennouenalis»), сделав границу между первым и вторым текстами еще более прозрачной. К слову, начало десятого цикла приходится как раз на 703 г.

Эсхатологический, компутистический и историко-меморативный характер малых анналов просматривается и в других кодексах. Например, в компилятивном Codex 319 (645)³³ из монастырской библиотеки Айнзидельна, который формировался с X по XVI в., но в основном объединяет тексты, переписанные в X–XI вв., погодные записи занимают поля пасхальных таблиц (р. 126–139, 19–61). Последние охватывают период с 741 по 1595 г. В данном случае мы имеем дело с классическими пасхальными анналами. Характерно, что последние дополнения сделаны рукой второй половины XVI в.

³³ Einsiedeln, Stiftsbibliothek, Codex 319 (645) (<<http://www.e-codices.unifr.ch/en/searchresult/list/one/sbe/0319>>). Описание рукописи см.: *Bruckner A. Scriptoria Medii Aevi Helvetica 5. Schreibschule der Diözese Konstanz: Stift Einsiedeln. Geneva, 1943. P. 183–184.*

Как я уже говорил, в современной науке господствует мнение, что погодные записи на полях девятнадцатилетних циклов представляют собой наиболее раннюю форму европейской анналистики, быстро уступившую место самостоятельному летописанию. Однако приведенный выше пример с этим положением никак не согласуется. Малые анналы Айнзидельна показывают, что фрагментарные пометы на пасхалиях не только не потеряли актуальности, но на протяжении столетий продолжали рассматриваться в качестве самоценной и самодостаточной нарративной практики. Более того, краткие анналы Айнзидельна велись несколько веков, но так никогда и не превратились в «большие».

В высокое и тем более позднее Средневековье в кратких пометах как будто не было особой нужды, ведь уже имелось изрядное количество пространных исторических сочинений. Стремлением сэкономить пергамен (нередко именно с этим обстоятельством связывают появление пасхальных анналов) здесь тоже ничего не объяснишь. Значит, ценность кратких анналов заключалась для их составителей не в сообщаемых сведениях, а в специфическом способе освоения времени, который имел очень древнюю традицию.

Следует отметить еще один немаловажный момент. Кодекс открывается пространным календарем, переписанным в последней трети X в. (р. 3–17). В течение последующих столетий многими руками на его полях были оставлены десятки меморативных записей. В подавляющем большинстве они представляют собой имена людей, которых следовало поминать в определенные дни. Среди прочих названы императоры Священной Римской империи Оттон I (8 мая) и Оттон II (7 декабря), аббаты Вирунд (11 февраля), Майоль (28 мая), Эберхард (14 августа), королева Регинлинда (19 августа) и многие другие известные персоны.

Но в календаре фигурируют не только люди. Иногда здесь встречаются пометы, уместные, скорее, в анналах, т.е. в тексте, который описывал линейное, а не циклическое течение времени. Таковы, например, записи о низложении папы Льва в Риме (19 апреля), о перенесении мощей св. Мегинрада из Авгии (6 октября), о паломничестве в Рим Адама, аббата Айнзидельна (18 октября), и др.³⁴

³⁴ Р. 7: «Rome depositio sancti Leonis pape»; р. 14: «Relatio s. Meginradi de Augia»; р. 15: «Nac die Adam dei gratia Abbas huius loci pergitur Romam, 1574». Календарь с аналогичными характеристиками встречается и в другом кодексе из Айнзидельна.

Вряд ли случайным было, с одной стороны, столь близкое соседство календаря и пасхальных таблиц, а с другой — наличие в обоих текстах меморативных и погодных записей. Между этими произведениями не существовало жестких границ, как не существовало их между учетом времени, историей и памятью.

Для полноты картины упомянем еще один манускрипт из монастырской библиотеки Айнзидельна. Codex 29 (878) также представляет собой собрание разновременных фрагментов, которые датируются периодом от IX до XIV в.³⁵ На р. 88–102 помещены так называемые *Annales Heremi*, составленные в X в. Они представляют собой причудливую комбинацию одновременно двух форм малых анналов: самостоятельную, составленную на отдельных листах (р. 88–95), и пасхальную (р. 96–100)³⁶. Их содержание в значительной мере восходит к хронике Регинона³⁷. Первый фрагмент охватывает годы с 1 по 930, второй — с 931 по 1006. Этот текст позволяет увидеть, в каком направлении эволюционирует малая анналистика в посткаролингский период. Погодные записи, которые теперь все больше напоминают хронику, начинаются непосредственно от Рождества Христова и охватывают всю (последнюю) тысячу лет земной истории человечества. Для каролингской анналистики с ее ориентацией на любую начальную дату в рамках «шестого века» это совсем нехарактерно. Напротив, в X в. эсхатологический и компутистический характер малых анналов сохраняется в полной мере и даже усиливается: по мере приближения к концу тысячелетия записи переносятся с самостоятельных листов на пасхалии.

В заключение позволю себе кратко сформулировать некоторые соображения, возникшие в ходе работы с комплексом санктгалленских рукописей.

Изучение малоформатных исторических сочинений с точки зрения их содержания, формы и кодикологического окружения позво-

См.: Einsiedeln, Stiftsbibliothek, Codex 321 (647). P. 4–16 (<<http://www.e-codices.unifr.ch/en/searchresult/list/one/sbe/0321>>). Календарь составлен между 950 и 975 гг. Описание рукописи см. там же.

³⁵ Einsiedeln, Stiftsbibliothek, Codex 29 (878). (<<http://www.e-codices.unifr.ch/en/searchresult/list/one/sbe/0029>>). Подробное описание рукописи см. там же.

³⁶ *Annales Heremi* изданы Г. Пертцем как часть единых анналов Айнзидельна. Однако на самом деле Г. Пертц объединил фрагменты, собранные из разных рукописей. См: *Annales Heremi* a.1 // MGH SS. T. 3. P. 138–145.

³⁷ *Ibid.* P. 137.

ляет не только обогатить, но и существенно скорректировать наши представления об исторической культуре каролингской эпохи. Очевидно, эсхатологическое начало было выражено в ней значительно сильнее, чем кажется на первый взгляд. Ощущение «жизни в конце времен» обусловило огромную популярность столь незначительных, казалось бы, сочинений, как *De sex aetatibus mundi* и малая анналистика. Более того, за формирование типичных и даже базовых представлений о прошлом, настоящем и будущем отвечали как раз такие произведения «второго» плана.

Малые анналы бурно расцветают именно в каролингский период, что является косвенным свидетельством все более глубокого укоренения части франкских элит в христианской религии. Эти сочинения лишь с большими оговорками можно отнести к историописанию, поскольку они не содержат никакой рефлексии по поводу фиксируемых событий. Нарратив играл в них иную роль, нежели в собственно исторических произведениях. Прежде всего, он помогал читателям ориентироваться в потоке линейного и конечного времени, отсчитывать его ход.

Пасхальные анналы являются не столько исходной формой, сколько логическим развитием этой особой компутистической и меморативной практики. Санктгалленские рукописи показывают, что уже к концу раннего Средневековья границы между разными типами меморативно-компутистических текстов (самостоятельные и пасхальные малые анналы, календари с краткими заметками, генеалогии и т.д.) становятся все более размытыми.

Соседство «Шести возрастов мира» и генеалогий в санктгалленских кодексах указывает на еще одну очень важную вещь, которая нередко остается скрытой от глаз исследователей, сосредоточенных на изучении большого нарратива. Базовые общеисторические представления каролингской эпохи оказывались значительно сильнее сиюминутных конъюнктурных соображений идеологического и политического характера и без труда их поглощали. Читатели легко примиряли тексты с очень разной исторической концепцией. Это заставляет задуматься о характере, механизмах и эффективности политической пропаганды в раннесредневековых государственных образованиях. Очевидно, ее возможности были существенно ограничены.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Егоров Д.Н.* Средние века. Историография и источниковедение. М., 1916. Ч. 1–2: 1912/1913 уч. год.
- Историописание и историческая мысль западноевропейского Средневековья: Практикум-хрестоматия / Авт.-сост. М.С. Бобкова, С.Г. Мереминский, А.И. Сидоров. М., 2010. Кн. 2.
- Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1955.
- Сидоров А.И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006.
- Сидоров А.И.* Генеалогические конструкции как способ легитимации власти франкских правителей VII–IX вв. // СВ. 2007. Вып. 68 (2).
- Сидоров А.И.* Анналы королевства франков: Прошлое на службе настоящего // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 2010. № 4.
- Сидоров А.И.* Книги по франкской истории в культурном пространстве Каролингской империи: актуальный запрос на прошлое // Люди и тексты. Исторический альманах, 2013: Историческое знание в контексте книжной культуры. М., 2014.
- Alibert D.* Sacre royal et onction royale à l'époque carolingienne // *Anthropologies juridiques*. Mélanges Pierre Braun. Limoges, 1998.
- Annales Heremi* // MGH SS. Т. 3.
- Annales Sangallenses breves* // MGH SS. Т. 1.
- Bruckner A.* *Scriptoria Medii Aevi Helvetica* 5. Schreibschule der Diözese Konstanz: Stift Einsiedeln. Geneva, 1943.
- Brunhölzl F.* *Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters*. München, 1975–1992. Bd. 1–2.
- Caenegem R.C. van, Ganshof F.-L.* *Guide to the Sources of Medieval History*. Amsterdam; N.Y.; Oxford, 1987.
- Catalogi regum Francorum praetermissimi* // MGH SRG. Т. 7.
- Commemoratio genealogiae domni Karoli gloriosissimi imperatoris* // MGH SS. Т. 13.
- Cordoliani A.* Les manuscrits de comput ecclésiastique de l'Abbaye de Saint Gall du VIIIe au XIIe siècle // *Zeitschrift für Schweizerische Kirchengeschichte*. 1955. Bd. 49.
- Dumville D.* What is a Chronicle? // *The Medieval Chronicle II: Proceeding of the 2nd International Conference on the Medieval Chronicle*, Driebergen/Utrecht, 16–21 July 1999. Amsterdam; N.Y., 2002.
- Foot S.* Finding the meaning of form: narrative in annals and chronicles // *Writing medieval history*. Oxford, 2005.
- Ganshof F.-L.* L'historiographie dans la monarchie franque sous les Mérovingiens et les Carolingiens. Monarchie franque unitaire et Francie occidentale // *La*

- storiografia altomedievale. Spoleto, 1970. Vol. 2. (Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto Medioevo; 17).
- Goffart W.* The Supposedly "Frankish" Table of Nations: An Edition and Study // Frühmittelalterliche Studien. B., 1983. Bd. 17.
- Grundmann H.* Geschichtsschreibung im Mittelalter. Göttingen, 1965.
- Guenée B.* Histoire et culture historique dans l'Occident médiéval. P., 1980.
- Innes M., McKitterick R.* The writing of history // Carolingian culture: Emulation and Innovation. Cambridge, 1993.
- Jaeschke K.-U.* Annales // Lexikon des Mittelalters. München; Zürich, 1980. Bd. 1.
- Keynes S.* Annals // The Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England. Oxford, 1999.
- Krusch B.* Der Bayernname, der Kosmograph von Ravenna und die fränkische Völkertafel // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1928. Bd. 47.
- Manitius M.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. München, 1911. Bd. 1–2.
- McCormick M.* Les annales du haut Moyen Âge. Turnhout, 1975. (Typologie des sources du Moyen Âge occidental; Fasc. 14).
- McKitterick R.* Constructing the Past in the early Middle Ages: The Case of the Royal Frankish Annals // Transactions of the Royal Historical Society. 6th ser. Cambridge, 1997. Vol. 7.
- McKitterick R.* History and memory in the Carolingian world. Cambridge, 2004.
- Molinier A.* Les sources de l'histoire de la France des origines aux guerres d'Italie. P., 1901–1906. Vol. 1–6.
- Monod G.* Études critiques sur les sources de l'histoire merovingienne. P., 1872.
- Monod G.* Études critiques sur les sources de l'histoire carolingienne. P., 1898.
- The Moore Bede: Cambridge University Library ms. KK. 5.16 / Ed. P.H. Blair; With a contribution by R.A.B. Mynors. Copenhagen, 1959. (EEMF; Vol. 9).
- Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde / Ed. M. Roediger. B., 1892. Bd. 3.
- Oexle O.G.* Die Karolinger und die Stadt des heiligen Arnulfus // Frühmittelalterliche Studien. B., 1967. Bd. 1.
- Poole R.* Chronicles and Annals. A Brief Outline of Their Origin and Growth. Oxford, 1926.
- Regum Merowingorum genealogia // MGH SS. T. 2. P. 307
- Reuter T.* Introduction // The Annals of Fulda. Manchester; N.Y., 1992.
- Scherrer G.* Verzeichniss der Handschriften der Stiftsbibliothek von St. Gallen. Halle, 1875.
- Story J.* The Frankish Annals of Lindisfarne and Kent // ASE. 2005. Vol. 34.
- Wattenbach W., Lewison W., Löwe H.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Weimar, 1952–1990. Bd. 1–7.

LITTLE FORMS OF BIG HISTORY IN MEDIEVAL
MANUSCRIPTS (SOME BOOKS FROM SOUTH GERMANY
OF THE NINTH–ELEVENTH CENTURIES)

The paper deals with the content of some South German manuscripts of the ninth–eleventh centuries and studies the role and the significance of the so-called minor forms of historical narrative in the historical culture of the Carolingian society. Not only extended and sophisticated authors' works but also small texts with simple form and trivial content played an important role in the formation and the translation of the images of past, present, and future. Such minor texts included, for example, genealogies, notes of the Six Ages of the World (*de sex aetatibus mundi*), minor and paschal annals. These works often were used as propaganda by courtly authors. Being short and easy to understand, these texts legitimized the ruling Carolingian dynasty, created its historical background, eliminated its rivals from history. Such texts circulated intensively around the empire, but outside the court they quickly loosed their propagandistic content which conflicted with the attitudes of local elites. The manuscripts of the ninth–eleventh centuries show where the 'limits of possible' lay and how this conflict took place. Copyists, redactors, and readers in the periphery of the empire were interested more in the chronological schemes of such texts than in their propagandistic content. These people were interested more in counting years and filling chronological lacunas than in mentioning or forgetting particular historical figures. The codicological context of such texts helps us to follow their perception by an 'alien' audience. One manuscript easily could contain texts which were ideologically antagonistic, but which together were able to cover and characterize a long period of time. The study of South German manuscripts throws a new light on the problem of the emergence of medieval annalistic writing. The birth of this genre cannot be adequately explained by means of the evolutionist model which is widely accepted by modern scholars. Minor and paschal annals were not predecessors of 'major' annals, it is even problematic to regard them as 'historical writing'. They had other purposes and were intended, first of all, for temporal orientation in the Sixth (and the last) of the Ages of the World. They reflect a gradual victory of the Christian notion of time and a growth of eschatological tension in the Carolingian society.

Keywords: Middle Ages, historical writing, annals, genealogies, Six Ages of the World, codicology, Carolingian empire, Germany, historical culture, monasteries

Е.А. Мельникова

ГЕНЕАЛОГИЯ И НАЧАЛА ИСЛАНДСКО-НОРВЕЖСКОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ*

Как и в любом раннем обществе, генеалогия была важным элементом ментальности германских народов: *origo gentis* и *origo regis* играли ключевую роль в формировании коллективного самосознания. Существование у германцев легенд об их происхождении от богов засвидетельствовано уже Корнелием Тацитом, а на протяжении VI–VIII вв. родословные готских, лангобардских, англо-саксонских королей подвешиваются к записи. Это были простые списки имен без каких-либо дополнений.

Потенциальная способность генеалогий инкорпорировать историческую (и квази-историческую) информацию была реализована в Скандинавии. Древнейшая фиксация развернутой генеалогии встречается в англо-саксонской поэме «Беовульф», где названы представители четырех поколений Скъьльдунгов и имя каждого короля сопровождается хвалой его «дружинных» достоинств. Эта традиция репрезентации истории развивается в поэмах скальдов Тьодольва из Хвинира и Эйвинда Погубителя скальдов, которые добавляют информацию о смерти и месте погребения упоминаемых конунгов-Инглингов и хладирских ярлов. Скальдические поэмы свидетельствуют о зарождении и развитии исторической генеалогической традиции, которая в дальнейшем становится главной формой восприятия, структурирования и хронологизации прошлого, равно как и его репрезентации в дописьменном обществе.

Норвежско-исландское историописание возникает и до определенного времени развивается в рамках исторической генеалогической традиции. Не дошедшие до нас перечни (*tölur*) и жизнеописания (*ævi*) норвежских конунгов, составленные Сэмундом Сигфуссоном и Ари Торгильссоном, были первыми письменными фиксациями этой формы историописания и одновременно первыми памятниками историографии в Исландии. Отражая доминирующее в обществе восприятие истории, они стали источником и образцом последующего историописания. Даже норвежские

* Статья написана в рамках работы над проектом № 15-01-00311, поддержанным РФФИ.

латиноязычные «Истории», авторы которых были знакомы с европейской историографией, в большей или меньшей степени опирались на эту традицию.

Расцвет «генеалогической истории» связан с составлением компендиумов, посвященных норвежским конунгам в конце XII — первой трети XIII в. Они сохраняют структуру родословий — своего рода сюжетный паратаксис, хотя жизнеописания каждого правителя, а особенно Олава Трюгвасона и Олава Харальдссона, подробны и описывают его жизненный путь от рождения до смерти. Только в «Круге земном», последнем из компендиумов, происходит разделение ранее не расчлененного нарратива на отдельные повествования, посвященные правлению одного конунга — саги, что превращает весь свод в сборник биографий. Писатель и политик, Снорри Стурлусон привносит в генеалогию политический момент: он подчеркивает не только биологическую преемственность Инглингов, но и их наследование власти, тем самым легитимизируя их право на верховное правление в Норвегии.

Однако «генеалогическая история» не охватывала события, современные авторам компендиумов, т.е. события конца XII в. и далее. Она строго ограничивалась историей далекого прошлого: от мифологических начал до последнего Инглинга. Последующая история Норвегии и Исландии представлена в иных формах историографии, которые не имели ничего общего с генеалогией, роль которой, тем не менее, продолжала сохраняться, но которая отделилась от историописания и была представлена семейными родословиями исландцев и династическими родословиями норвежских королей и знати.

Ключевые слова: генеалогия, родословие, скальдические генеалогические поэмы, королевские саги, Скандинавия, Дания, Норвегия, Исландия, историописание

Возникновение историописания¹ — повествований, сознательно предназначенных донести до читателя (слушателя) правдивые (в понимании автора) сведения о хронологически упорядоченных событиях прошлого, — явилось принципиально новым этапом в репрезентации исторической памяти при переходе от устных форм ее сохранения к письменным. И в Античности, и в Средневековье историописание гетерогенно, синтезирует разные типы словесно-

¹ О термине «историописание» см.: *Мереминский С.Г.* Понятие «историописание», его содержание и границы // *Терминология исторической науки: Историописание.* М., 2010. С. 14–27. См. также другие статьи в данном сборнике.

сти, сочетает «историю» (как «факты» прошлого) и «вымысел», и потому его жанровые границы размыты и неопределенны.

Для древнескандинавской культуры выделение историописания как особой формы письменной репрезентации прошлого имеет особую остроту. С одной стороны, письменность — руническая — существует в скандинавском обществе уже как минимум со II в. н.э., которым датируются древнейшие рунические надписи из Дании и Южной Норвегии. В них, по крайней мере с V в., фиксируются исторические события и запечатлевается историческая память о них², причем специфическим свойством этих надписей является малая подверженность их информации вымыслу. В подавляющем большинстве надписей на каменных стелах речь идет о каком-то одном событии: гибели вождя (Möjbro, Швеция, V в.), богатом жертвоприношении (Stentofte, Швеция, VIII в.), смерти родственника (сотни памятников XI в. из всех регионов Скандинавии, кроме Исландии). Фиксируя историческую память, эти тексты, тем не менее, не могут быть причислены к историописанию, поскольку сообщают о единичном событии. Но в нескольких — пусть и немногих — надписях прослеживается преемственность ряда поколений, или же в серии памятников, установленных в одном месте, отмечаются последовательные события в жизни одного рода (прежде всего гибель его членов), также на протяжении нескольких поколений³. В какой степени подобного рода тексты могут, и могут ли быть вообще отнесены к историописанию?

Тот же вопрос может быть задан — и задается — в отношении практически всей беспрецедентно обширной для Средневековья древнеисландской литературы на национальном языке⁴. Поскольку вся древнескандинавская литература «характеризуется определенным

² Мельникова Е.А. Историческая память в германской устной традиции и ее фиксация // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Отв. ред. Л.П. Релина. М., 2006. С. 180–222.

³ Нескольким поколениям семьи Ярлабанки посвящено ок. 20 памятников: U 140, 142, 148, 149, 150, 164, 165, 212, 216, 217, 261 и др. (Sveriges runinskrifter. Stockholm, 1940. В. 6: Upplands runinskrifter / Red. E. Wessén, S.B.F. Jansson). См.: Gustavson H., Selinge K.-G. Jarlabanke och hundaret. Ett arkeologiskt/runologiskt bidrag till lösningen av ett historiskt tolkningsproblem // Namn och bygd. Uppsala, 1988. В. 76. S. 19–85.

⁴ См., например: Whaley D. A Useful Past: Historical Writing in Medieval Iceland // Old Icelandic Literature and Society / Ed. M. Clunies Ross. Cambridge, 2000. P. 161–169.

интересом к истории, трудно определить историографию как жанр. Историография в более узком смысле сливается почти со всеми другими жанрами в использовании исторических источников, таких как генеалогия, и в описании исторических событий»⁵. Действительно, почти все дошедшие до нас нарративные тексты⁶ в той или иной степени посвящены описанию прошлого: «всемирного» («*Veraldar saga*»), «античного» («*Romverja saga*», «*Trojumanna saga*»), библейского и раннехристианского (*Postolasögur*, *Heilagramanna sögur*), английского («*Breta sögur*»)⁷, общегерманского («*Völsungasaga*»), скандинавского эпохи викингов (*Vikinga sögur*), Норвегии (*Konunga sögur*), Дании («*Skjöldunga saga*», «*Knýtlinga saga*»), Исландии времен ее заселения и последующего обустройства (*Íslendinga sögur*), ее дальнейшей церковной (*Biskupa sögur*) и светской («*Íslendinga saga*», «*Sturlunga saga*») истории, других островов Северной Атлантики («*Orkneyinga saga*», «*Færeyinga saga*», «*Grœnlendinga saga*»). Целью всех этих произведений является «достоверное» — с точки зрения их авторов и слушателей — изложение событий прошлого, и действительно, родовые саги (*Íslendinga sögur*), например, «создают впечатление исторического повествования, но на самом деле, из-за использования литературных средств, не соответствуют нашим представлениям о достоверности... Дихотомия между историей (фактом) и литературой (вымыслом)⁸ не полностью справедлива в

⁵ *Würrth St. Historiography and Pseudo-History // A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture / Ed. R. McTurk. L., 2005. P. 156.*

⁶ Целевая установка на «развлечение» слушателей/читателей так называемых «лживых саг» (*lygisögur*) и «рыцарских саг» (*riddarasögur*) позволяют не рассматривать их в данной статье.

⁷ Перечисленные саги являются переводами на древнеисландский язык популярных в средневековой Европе исторических и псевдо-исторических сочинений: «Всемирная сага» представляет собой радикальную переработку неустановленных немецких источников, повествующих о шести веках мира, «Сага о римлянах» — перевод фрагментов «Югуртинской войны» и «Заговора Катилины» Саллюстия и «Фарсалий» Лукана, «Сага о троянцах» — перевод сочинения псевдо-Дария Фригия «*De Excidio Troiae Historia*» (вероятно, V в.), «Саги об апостолах» — «Деяний апостолов» с добавлением апокрифов, «Саги о святых людях» — житий раннехристианских святых, «Сага о бриттах» — «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского (ум. 1155). Все эти переводы осуществлены в Исландии с конца XII («Сага о римлянах») по начало XIV в. Подробнее о них см.: *Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. Ph. Pulsano et al. N.Y.; L., 1993.*

⁸ На эту дихотомию одним из первых указал М.И. Стеблин-Каменский, который связал ее с неосознанностью авторства саг (прежде всего, родовых), которое обусловило существование «синкретической правды», органично и нерасчлененно соединявшей «правду» и «вымысел» (*Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Л., 1971*).

отношении саг, которые являются сложным и неоднозначным видом литературы, сформировавшимся в результате взаимодействия передаваемой изустно памяти об эпохе викингов и письменной культуры Средневековья»⁹.

Жанровая размытость древнеисландской нарративной литературы обусловила отсутствие специализированной «исторической» терминологии. При всем очевидном интересе исландцев к прошлому в древнеисландском языке не возникло слова, соответствующего латинскому *historia*¹⁰ и означавшего бы правдивое (в понимании средневекового человека) описание событий прошлого в отличие от *argumentum* — неистинного, но правдоподобного рассказа и *fabula* — неистинного и неправдоподобного¹¹. Казалось бы, достаточно близко к понятию «история» слово *saga* (от глагола *segja* «рассказывать»), которое означало как любой рассказ о произошедшем (например, рассказ очевидца неких событий)¹², так и литературно оформленный нарратив — «сагу» как повествовательное произведение. Однако семантическое поле слова *saga* намного шире: оно служит обозначением любого прозаического нарратива, в том числе заведомо вымышленного (т.е. уже не «истории» как таковой: ср. наименование одного из видов саг — *lygisögur* «лживые саги»). Более того, слово *saga* может относиться и к самому происходившему, т.е. означает и то, о чем рассказывают: «*Þat verðr at segja svá hverja sögu sem hun gengr*» («Каждую сагу надобно

⁹ *Hermann P. Founding Narratives and the Representation of Memory in Saga Literature // Argv: Nordic Year-Book of Folklore. 2010. Vol. 66. P. 69.*

¹⁰ Исидор Севильский (ок. 570–636) определял «историю» как *narratio rei gestae*: «История есть рассказ о событии, посредством которого известно то, что было в прошлом... Ведь истории суть истинные вещи, которые были» (цит по: *Дубровский И.В. Историография // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 199–200*). Ср.: *Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 74; Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 21–23.*

¹¹ *Дубровский И.В. Историография. С. 200.*

¹² И потому в переводах используются самые разнообразные слова, не являющиеся собственно словарными значениями слова *saga*: «*Víð þessa sögu varð Þórir í Gardi afarreiðr*» [«**Эта весть** привела Торира в ярость»: *Grettis saga Ásmundarsonar*, kap. XLVI // *Grettis saga Ásmundarsonar. Bandamanna saga. Odds þátrr Ófeigssonar / Guðni Jónsson gaf út. Reykjavík, 1936. (ÍF; 7). Bls. 146; перевод на русск. яз.: Сага о Греттире / Пер. О.А. Смирницкой. М., 1976. С. 76]; «**Þessi saga** kom um haustit austr til Tünsbergs» («**Молва об убийстве Греттира** дошла к осени до Тунсберга»: *Grettis saga Ásmundarsonar. Bls. 270; Сага о Греттире. С. 136*).*

рассказывать так, как она случилась»¹³; «Asbiornn segir savgu þa sem gengit hafði» («Асбьёрн рассказывает о том, что произошло»¹⁴, дословно: «Асбьёрн рассказывает ту сагу, которая произошла»). Наконец, слово *saga* можно было использовать и для обозначения некоего конкретного события — предмета повествования, например, распри, встречи с кем-либо и т.п.: «Kom þa Asgrimr Berþors son til Þorðar ok sagði honum þa saugu, at Kolbeinn drægi lið saman fyrir norðan Flóa» («Потом Асгрим сын Берторы пришел к Торду и сообщил ему новость [дословно: «сказал ему ту сагу». — Е.М.], что Кольбейн собрал войско к северу от реки Фло»)¹⁵.

Для обозначения знания прошлого использовалось слово *fræði* («знание, мудрость»), но оно относилось к любому знанию: прошлого как в устной, так и письменной форме, законов, заклинаний, стихотворных текстов и др.

Вместе с тем отсутствие специального термина для понятия «история» в древнеисландском языке отнюдь не означало невыделенности или неосознанности прошлого как длительного периода, предшествовавшего настоящему. Концепт «прошлое» нашел отражение в производных от прилагательного *forn* «старый» и существительного *aldr* «период во времени, век»¹⁶, как правило, в прошлом. Прямым обозначением прошлого было слово *fornöld*, букв. «старый, древний век». *Fornöld* могло относиться к прошлому как недавнему или более далекому, но запечатленному в памяти ближайших предков («историческое» прошлое), так и к легендарному и мифологическому.

Прошлое постоянно актуализировалось в различных проявлениях. Знание его, особенно генеалогического прошлого, причем знание точное и достаточно подробное, было необходимо в практической повседневной жизни, поскольку земельное владение (одадь) считалось наследственным и определяющим статус его владельца, только если оно находилось в собственности рода на протяжении трех–пяти поколений. В случаях тяжбы или спорности наследования требовалось перечислить соответствующих предков. Родовое прошлое играло

¹³ Cleasby R., *Gudbrand Vigfusson*. An Icelandic-English Dictionary. 2nd ed. Oxford, 1975 (далее: Cl.-Vigf.). P. 509.

¹⁴ Saga Óláfs konungs hins helga: Den store saga om Olav den hellige efter pergamenthåndskrift i Kungliga Biblioteket i Stockholm nr. 2 4to / Udg. O.A. Johnsen & Jón Helgason. Oslo, 1941. B. 2. Bls. 310.

¹⁵ Sturlunga saga efter membranen Króksfjarðarbók udfyldt efter Reykjarfjarðarbók / Udg. Kr. Kålund. København; Kristiania, 1911. B. 2. S. 63.

¹⁶ Cl.-Vigf. P. 165, 12.

основополагающую роль в наследовании других видов имущества, и родовые саги содержат множество рассказов о тяжбах, в которых главным аргументом служили родственные связи. Прошлое оживало в развитом культе предков¹⁷, который продолжал существовать в многообразных формах и в период составления и записи саг, и много позже. Особую остроту противопоставлению прошлого и настоящего придавало чрезвычайно живое и постоянно актуализировавшееся восприятие прихода христианства как границы между временами¹⁸. Важность исторического прошлого в настоящем обеспечила многообразие форм репрезентации истории в древнескандинавском обществе, в том числе принципиально отличных от общеевропейских¹⁹.

* * *

Опираясь на общеевропейскую традицию историописания, скандинависты долгое время связывали его возникновение и развитие в Скандинавских странах по преимуществу с латиноязычными «Историями» и лишь с большими оговорками с королевскими сагами, созданными по преимуществу в XIII в. и посвященными истории норвежских королей до конца третьей четверти XII в. (до 1177 г.)²⁰. Лишь в последнее время королевские саги стали признаваться своеобразной формой историописания²¹.

¹⁷ См.: *Birkeli E. Fedrekult i Norge*. Oslo 1938 (Skrifter utgivna av det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. II Hist.-Filos. Klasse; 1); *Картамышева Е.П.* Почитание предков в древнескандинавской дохристианской культуре: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

¹⁸ В родовых сагах постоянны ремарки, указывающие на то, что данное событие произошло еще до принятия христианства или сразу же после него.

¹⁹ См. последнее исследование древнейших памятников скандинавского историописания: *Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200)* / Ed. I.N. Garipzanov. Turnout, 2011, и обстоятельную рецензию Т.Н. Джаксон в настоящем томе.

²⁰ См. классический труд: *Ellehøj S. Studier over den ældste norrøne historieskrivning*. København, 1965.

²¹ Т.М. Андерссон выделяет шесть основных этапов развития королевских саг как части исландско-норвежской историографии XII–XIII вв.: к первому он относит перечни Сэмунда и Ари, ко второму — норвежские «краткие обзоры» (ок. 1170–1190 [?] гг.), к третьему — формирование королевской саги (ок. 1150–1200 гг.); к четвертому — своды (компендиумы) королевских саг, в том числе «Круг земной» Снорри Стурлусона: *Andersson Th.M. Kings' sagas (Konungasögur)* // *Old Norse-Icelandic Literature. A Critical Guide* / Ed. C. J. Clover, J. Lindow. Ithaca (N.Y.); L., 1985 (Islandica; XLV). P. 197–238. См.: *Ármann Jakobsson. Royal Biography* // *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture*. P. 388–402.

Первым историографом Скандинавии считается Сэмунд Сигфуссон Мудрый (*Sæmundr Sigfússon inn fróði*, 1056–1133), который многократно упоминается в последующей исландской литературе как родоначальник «письменной истории» и главный авторитет по норвежско-исландскому прошлому²². В начале XII в. им был написан — вероятно, на латинском языке²³ — не дошедший до нашего времени труд, ссылки на который встречаются во многих текстах конца XII — XIII в. На основе стихотворного «Перечня норвежских конунгов» («*Nóregs konungatal*»), написанного между 1184 и 1197 гг.²⁴, но восходящего к сочинению Сэмунда, предполагается, что его произведение охватывало время от правления Харальда Прекрасноволосого (IX в.) до Магнуса Доброго (ум. 1046) и содержало указания на число лет правления каждого из норвежских конунгов²⁵. Однако конкретное содержание сочинения Сэмунда и степень подробности жизнеописаний не известны. Вместе с тем Сэмунд, получивший образование во Франции или в Херфорде в Саксонии, как считает П. Фут²⁶, не мог не быть знаком с наиболее популярными в Европе XI в. историческими произведениями, что, видимо, и определило выбор им латинского языка, хотя его основным источником была устная историческая традиция о ранней истории Норвегии, сложившаяся в Исландии и существовавшая на протяжении столетий.

²² *Halldór Hermansson*. *Sæmundr Sigfússon and the Oddaverjar*. Ithaca, 1932. (Icelandica; XX) (рус. пер.: *Халлдор Херманссон*. Сэмунд Сигфуссон и люди из Одди // Атлантика: Записки по исторической поэтике. М., 1995. Вып. 1. С. 103–125); *Jón Hnefill Aðalsteinsson*. *Sæmundr Fróði: a Medieval Master of Magic* // *Arv: Nordic Yearbook of Folklore*. 1994. В. 50. С. 117–132; *Whaley D.E.* *Sæmundr Sigfússon inn fróði* // *Medieval Scandinavia. An Encyclopedia*. P. 636–637. См. также статью Г.В. Глазыриной в настоящем томе.

²³ В Прологах к «Отдельной саге об Олаве Святом» и «Кругу земному» Снорри Стурлусон называет первым историописателем Исландии, использовавшим национальный язык, Ари Торгильссона Мудрого (см. о нем ниже).

²⁴ Сохранился в единственной рукописи «*Flateyjarbók*», XIV в. (*Ellehøj S. Studier*. S. 15–24).

²⁵ Сходное содержание имеют древнеанглийские так называемые *regnal lists* (см. о них: *Sisam K.* *Anglo-Saxon Royal Genealogies* // *Proceedings of the British Academy*. 1953. Vol. 39. P. 287–348; *Dumville D.N.* *The Anglian Collection of Royal Genealogies and Regnal Lists* // *ASE*. 1976. Vol. 5. P. 23–50; *Faulkes A.* *The Genealogies and Regnal Lists in a Manuscript in Resen's Library* // *Sjötíu ritgerðir helgaðar Jakobi Benediktssyni* 20. júlí 1977. Reykjavík, 1977. P. 177–190; *Idem.* *The Earliest Icelandic Genealogies and Regnal Lists* // *SBVS*. 2005. Vol. 19. P. 115–119).

²⁶ *Foote P.* *Aachen, Lund, Hólar* // *Aurvandilstá: Norse Studies* / Ed. M. Barnes et al. Odense, 1984 (first publ. 1975). P. 101–120.

Латиноязычная историография, опирающаяся на европейские образцы, не получила распространения в Скандинавских странах, за исключением Дании, в наибольшей степени испытывавшей через Германию европейские влияния. Древнейшим (возможно, ему предшествовала «Роскильльская хроника») датским историографическим сочинением является латиноязычная «Краткая история датских королей» Свена Аггесена (закончена предположительно в 1186/87 или 1188 г.)²⁷, за которой последовали монументальный труд Саксона Грамматика «Деяния данов» (закончена вскоре после 1208 г.)²⁸ и ряд кратких локальных хроник. Запечатлевшие историческую память о давнем прошлом Дании нарративы на национальном языке были созданы в Исландии и имели форму саг: это «Сага о Скьельдунгах» («Skjöldunga saga») — история легендарной династии датских конунгов-Скьельдунгов на протяжении около 20 поколений от легендарного сына Одина Скьельда до Горма Старого (ум. ок. 940 г.)²⁹ и «Сага о Кнютлингах» («Knýtlinga saga»), охватывающая период от X до начала XIII в.³⁰

В Швеции первые хроники — рифмованные — появились лишь в XIII в. и были написаны на шведском языке³¹.

В Норвегии в середине–конце XII в. историописание возникло на латинском языке, который был быстро вытеснен норвежским³².

²⁷ Christiansen E. Introduction // The Works of Sven Aggesen, Twelfth-Century Danish Historian. L., 1992. P. 26.

²⁸ Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. Danmarkshistorien / Latinsk tekst udg. af K. Friis-Jensen, dansk P. Zeeberg. København, 2005. B. 1–2. См.: Christiansen E. Saxo Grammaticus // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia. P. 566–569.

²⁹ Сага, записанная до 1200 г. (является источником уже древнейших, написанных ок. 1200 г. саг и упоминается в ряде других), сохранилась в латиноязычном переводе (его точность — предмет дискуссий) конца XVI или первой половины XVII в., выполненном Арнгримом Йоунссоном (1568–1648): Arngrimi Jonae Opera Latine Conscripta / Udg. Jakob Benediktsson. Copenhagen, 1950. B. 1. (Bibliotheca Arnsmagnæana; 9). Ее фрагментом считается «Отрывок саги о некоторых древних конунгах в державах данов и свеев» («Sögubrot af nokkrum fornkonungum í Dana ok Svía veldi»): Danakonunga sögur / Bjarni Guðnason gaf út. Reykjavík, 1982. (ÍF; XXXV). О care см.: Jakob Benediktsson. Icelandic Tradition of the Scyldings // SBVS. L., 1957–1961. Vol. 15. P. 48–66; Bjarni Guðnason. Um Skjöldungasögu. Reykjavík, 1963.

³⁰ Danakonunga sögur. Bls. 91–321. См.: Malmros R. Knýtlinga saga // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia. P. 359–360.

³¹ Сванидзе А.А. «Хроника Эрика» и исторические реалии средневековой Швеции // Хроника Эрика / Пер. А.Ю. Желтухина. Выборг, 1994. С. 139–162.

³² Обзор становления исландско-норвежской историографии см.: Lange G. Die Anfänge der isländisch-norwegischen Geschichtsschreibung. Reykjavík, 1989; Würth St. Historiography, а также: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги

Наиболее раннее сочинение, анонимная «История Норвегии»³³, датируется временем между 1160 и 1210 гг.³⁴ или даже более ранним — 1140–1152/54 гг., если она действительно была создана в связи с учреждением в 1152 или 1153 г. архиепископии в Нидаросе (совр. Тронхейм)³⁵. Автор труда, вероятно, использовал «Деяния архиепископов гамбургской церкви» Адама Бременского (1070-е годы) в качестве образца и ссылается на ряд классических и средневековых авторов, известных ему, как полагают, из флорилегиев. Главными же его источниками были скальдическая поэзия и местная историческая традиция. Сохранившаяся часть «Истории» состоит из трех разделов: не имеющего известных предшественников географического описания Норвегии и островов северной части Атлантического океана (Оркнейских, Исландии и др.; гл. I–VIII); генеалогии норвежских конунгов от первых Инглингов до Харальда Прекрасноволосого (гл. IX–XI), распространенной за счет легендарной и квази-исторической информации, почерпнутой, вероятно, из генеалогической поэмы «Перечень Инглингов» скальда Тьодольва из Хвинира (IX в., см. ниже); и жизнеописаний норвежских конунгов от Харальда до возвращения из Англии в Норвегию Олава Харальдссона в 1015 г. (гл. XII–XVIII). В Прологе автор указывает, что намеревается довести повествование до своего времени, т.е. большая часть его сочинения, очевидно, до нас не дошла.

Второе, также латиноязычное сочинение — «История о древних норвежских королях» — написано неким Теодориком Монахом, норвежцем, вероятно, монахом-бенедиктинцем или каноником-августинцем³⁶. Охватывающий историю Норвегии от Харальда Прекрасново-

о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2012. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). С. 9–26.

³³ Сохранилась в единственной дефектной рукописи ок. 1500–1510 гг. Издание и перевод см.: *Historia Norwegie* / Ed. I. Ekrem, L.B. Mortensen; Transl. by P. Fisher. Copenhagen, 2003.

³⁴ *Phelpstead C.* Introduction // *A History of Norway and The Passion and Miracles of the Blessed Óláfr* / Transl. by D. Kunin, ed. with an introduction and notes by C. Phelpstead. L., 2001. P. xi.

³⁵ *Ekrem I.* Nytt lys over *Historia Norwegie*: Mot en løsning i debatten om dens alder. Oslo, 1998.

³⁶ *Theodoricus monachus.* *Historia de antiquitate regum Norwagiensium.* An Account of the Ancient History of the Norwegian Kings / Transl. and annotated by D. and I. McDougall, intr. by P. Foote. L., 1998. Текст и пер. на рус. яз.: *Агушев С.Ю.* Теодорик Монах и его «История о древних норвежских королях». М., 2013.

лосога до 1130 г., но упоминающий события 1176 г., труд Теодорика основан, по его собственным словам, на том, что он «узнал у тех, у кого, как полагают, особенно прочна память об этом, и кого мы называем исландцами, поющих об этом в своих древних песнях (очевидно, в скальдических стихах. — *Е.М.*)»³⁷. Теодорик обнаруживает начитанность в классической и средневековой литературе, в том числе знаком он с «Историей лангобардов» Павла Диакона, но он не ссылается на какие-либо скандинавские письменные тексты и, видимо, не знает анонимную «Историю Норвегии», поскольку в Прологе отмечает, что «никакой последовательной записи королевской родословной до времен Харальда Прекрасноволосого не существовало...»³⁸. Вместе с тем его фраза подразумевает, что имелась родословная потомков Харальда, причем в письменном виде. Возможно, Теодорик имел в виду перечень норвежских конунгов Сэмунда Сигфуссона или Ари Торгильссона³⁹.

Следующая по времени норвежская «история», «*Ágrip af Nóregs konunga sögum*» («Обзор саг о норвежских конунгах», 1190–1200 гг.), написана уже на национальном (скорее исландском, чем норвежском языке)⁴⁰ и в сохранившейся части представляет историю правления норвежских конунгов от смерти Хальвдана Черного (ок. 880 г.), отца Харальда Прекрасноволосого, до восхождения на трон Инги Горбуна (1136 г.). Предполагается, что автор «Обзора» использовал «Историю» Теодорика и, возможно, другие, не идентифицированные источники⁴¹, а также устную традицию.

В средневековой Исландии опыт Сэмунда в создании латиноязычной историографии — невзирая на его высочайший авторитет и обращение к его труду последующих историописателей, — насколько можно судить по сохранившимся источникам или упоминаниям о них, не нашел широкого продолжения. Единственным другим известным нам историописателем, использовавшим ла-

³⁷ *Агушев С.Ю.* Теодорик Монах. С. 307.

³⁸ «...nullam ratam regalis stemmatis successionem in hac terra extitisse ante Haraldi pulchre-comati tempora...» (Там же. С. 306–307).

³⁹ *Würth St. Historiography.* P. 160.

⁴⁰ *Ágrip af Nóregskonungasögum: A Twelfth-Century Synoptic History of the Kings of Norway / Ed. and transl. with an introduction and notes by M.J. Driscoll.* 2nd ed. L., 2008. Сохранился в одной дефектной рукописи первой половины XIII в., где отсутствует начало и конец, которые, как и другие лакуны, восполняются по более поздним рукописям. Название условно. См. также: *Andersson Th.M.* The Two Ages in *Ágrip af Nóregs konunga sögum* // *Historical Narratives.* P. 93–110.

⁴¹ *Lange G.* Die Anfänge. S. 164–180.

тинский язык, был монах-бенедиктинец первого в Исландии монастыря (в Тингейрар) Одд Сноррасон, создавший древнейшее, насколько мы знаем, жизнеописание Олава Трюггвасона, считавшегося христианизатором исландцев. Одд написал его до 1200 г., используя труды Сэмунда Сигфуссона и Ари Торгильссона, а также норвежскую «Историю о древних норвежских королях» Теодорика, но главным образцом для него послужила житийная литература, прежде всего «Acta sanctorum in Selio» («Деяния святых на о. Селья»), написанные в Норвегии вскоре после 1170 г.⁴² Агиографическая направленность труда Одда определила последующую репрезентацию Олава прежде всего в качестве апостола Исландии. Одду, вероятно, принадлежит также латиноязычная «Сага об Ингваре Путешественнике», герой которой, шведский военный предводитель (его поход на восток упоминается более чем на 20 шведских рунических памятниках), изображен провозвестником христианства среди народов Аустрвега⁴³. Показательно, однако, что ни одно из этих (а возможно, и других неизвестных нам) латиноязычных произведений не сохранилось в оригинале даже во фрагментах — до нас дошли только их переводы (не ясно, насколько точные) на исландский язык, выполненные в начале XIII в., т.е. вскоре после их создания.

Таким образом, исландско-норвежское историописание лишь очень недолгое время — менее столетия — следовало европейским образцам в выборе и языка (латинского), и нарративных моделей. Однако и в этих рамках вся информация о событиях прошлого черпалась в устной исторической традиции, как собственно норвежской, так и исландской. Видимо, крайне ограниченное распространение в обществе латинского языка и мощное воздействие устной исторической традиции на национальном языке заставило уже автора «Обзора», явно знакомого с латинским языком⁴⁴, писать свой труд по-норвежски. Это было тем более естественно для него, что

⁴² Andersson Th.M. Introduction // *Oddr Snorrason. The Saga of Olaf Tryggvason* / Transl. with introd. and notes by Th.M. Andersson. Ithaca; London, 2003. (Islandica; LI). P. 1–27.

⁴³ Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике: Текст, перевод, комментарий. М., 2002. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

⁴⁴ Характерной особенностью языка «Обзора» является длина и синтаксическая сложность предложений, большое количество редких, необычных слов и гапаксов, что указывает на наличие латиноязычных источников (*Würth St. Historiography*. P. 161).

в Исландии к концу XII в. уже сформировалось историописание на национальном языке и «саги о норвежских конунгах», которые суммирует «Обзор», существовали в их исландскоязычном варианте.

Основоположником же исландскоязычного историописания стал младший современник Сэмунда Ари Торгильссон Мудрый (Ari Þorgilsson inn fróði, 1068–1148)⁴⁵.

Обучавшийся в Исландии под руководством священника Тейта, сына первого исландского епископа Ислейва, знакомый с латинской ученой литературой Западной Европы и, конечно же, с трудом Сэмунда, Ари, тем не менее, полностью отошел от известных ему образцов и создал оригинальное, не имевшее предшественников сочинение, посвященное истории собственно Исландии от начала ее заселения (условно 874 г.) до 1118 г. Первая, несохранившаяся редакция его «Книги об исландцах» («Íslendingabók») была написана ок. 1122–1125 г. и состояла из нескольких частей, две из которых, «Ættartala» («Перечень родов») и «Konunga ævi» («Жизнеописание конунгов [Норвегии]»), видимо, следовали Сэмунду⁴⁶, третья же, основная, впервые освещала историю Исландии. Как пишет в «Прологе» к дошедшей до нас редакции сам Ари, он переработал свое сочинение по совету Сэмунда и епископов Торлака и Кетиля, изъяв из него «Перечень» и «Жизнеописание» и расширив основную часть. Именно эта, вторая редакция, написанная до 1133 г. (смерти Сэмунда), и дошла до нас⁴⁷. В ней рассказывается о заселении Исландии, учреждении альтинга и принятии первых законов, о разделении страны на четверти, установлении календаря, открытии Гренландии и записи первого судебного «Серый гусь» («Grágás», 1117–1118 гг.). Наибольшее место уделено введению христианства и истории исландской церкви⁴⁸.

Принципиально важным для дальнейшего исландского историописания было создание хронологического стержня исландской истории в виде указаний на длительность пребывания исландских

⁴⁵ Würth St. Historiography. P. 157–158.

⁴⁶ Andersson Th.M. Ari's konunga ævi and the Earliest Accounts of Hákon Jarl's Death // Opuscula. Copenhagen, 1979. Vol. 6. (Bibliotheca Arnarnagæana; 33). P. 1–17; Mundal E. Íslendingabók, ættartala og konunga ævi // Festskrift til Ludvig Holm-Olsen. Øvre Ervik, 1984. S. 255–271.

⁴⁷ Íslendingabók // Íslendinga sögur / Guðni Jónsson gaf út. Reykjavík, 1946. B. 1: Landssaga og landnám. (Цит. по: <<http://www.heimskringla.no/wiki/Íslendingabók>>) (далее: Íb.). См. об Ари: Hagnell E. Are frode och hans författarskap. Lund, 1938.

⁴⁸ Mundal E. Íslendingabók: the Creation of an Icelandic Christian Identity // Historical Narratives. P. 111–122.

законоговорителей в этой должности — от первого альтинга (930 г.) до 1120-х годов:

Сразу после Ульвльота (первого законоговорителя, учредителя альтинга. — *Е.М.*) законоговорителем стал Хравн, сын первopоселенца Лосося, и был им двадцать лет...

Это было через шестьдесят зим после убийства Эдмунда конунга, за зиму или две до того, как умер Харальд Прекрасноволосый, по подсчетам мудрых людей. Торарин Брат Раги, сын Олейва Рукоятки, стал законоговорителем после Хравна и был им другие двадцать лет...⁴⁹

Ари, несомненно, придает хронологии чрезвычайно важное значение⁵⁰: почти каждое упоминаемое им событие вводится во временную сетку, так что повествование насыщено темпоральными указаниями, причем связанными не только с деятельностью законоговорителей, но и с другими событиями: Гренландия была открыта Эйриком Рыжим «за 14 или 15 лет до того, как сюда в Исландию пришло христианство»; законоговоритель Скафти умер «в тот же год, в который пал Олав Толстый, сын Харальда... тридцатью годами позже смерти Олава, сына Трюггви»; Халль «рассказал нам, что Тангбранд крестил его в возрасте трех лет, а то было за зиму до того, как христианство было принято по закону. А поселился он в Ястребиной Долине, когда ему было 30 лет, и жил здесь 64 зимы, и было ему 94 зимы, когда он скончался, а было то на день епископа Мартена, на десятую зиму после смерти епископа Ислейва»⁵¹.

Наряду с длительностью деятельности законоговорителей, Ари вводит и несколько опорных внешних дат (по летосчислению от Рождества Христова): убийство викингами короля Восточной Англии

⁴⁹ «Pví nær tók Hrafn lögsögu Hæingssonr landnámamanns, næstr Úlfjóti, ok hafði tuttugu sumur... Þat var sex tígum vetra eftir dráp Eadmundar konungs, vetri eða tveim, áðr Haraldr inn hárfagri yrði dauðr, at tölu spakra manna. Þórarinn Ragabróðir, sonr Óleifs hjalta, tók lögsögu næstr Hrafini ok hafði önnur tuttugu» (Íb. 3).

⁵⁰ О принципах хронологизации в сочинении Ари см.: *Hermann P. Spatial and Temporal Perspectives in Íslendingabók: Historiography and Social Structures // Viking and Medieval Scandinavia*. 2005. № 1. P. 73–89; *Глазырина Г.В.* Время в древнеисландских сагах (история, повседневность, временные ориентиры) // ДГ, 2006 г.: Пространство и время в средневековых текстах. М., 2010. С. 368–372.

⁵¹ «En þat var, er hann tók byggva landit, fjórtán vetrum eða fimmtán fyrr en kristni kæmi hér á Ísland» (Íb. 6); «En hann andaðist á inu sama ári ok Óláfr inn dígri fell Haraldssonr... þremr tígum vetra síðar en Óláfr felli Tryggvasonr» (Íb. 8); «En Hallr sagði oss svá, er bæði var minnigr ok ólyginn ok munði sjálfr þat, er hann var skírðr, at Þangbrandr skírði hann þrévetran, en þat var vetri fyrr en kristni væri hér í lög

Эдмунда (870 г.), гибель Олава Трюггвасона (1000 г.), гибель Олава Харальдссона (1030 г.), начало нового лунного цикла (1120 г.)⁵². Наконец, Ари стремится связать историю Исландии с мировой историей, прежде всего хронологически:

В тот же год, но раньше, чем епископ Гицур, умерли папа Пасхалий Второй, йорсалирский конунг Балдвини, иерусалимский патриарх Арнальдус и шведский конунг Филипп, а позже в то же самое лето — греческий конунг Алексей, который тридцать восемь зим сидел на престоле в Миклагарде. А двумя зимами позже была смена века. Тогда конунгами в Норвегии семнадцать зим были Эйстейн и Сигурд, после своего отца Магнуса, сына Олава, сына Харальда. То было сто двадцать зим после смерти Олава сына Трюггви, или двести пятьдесят зим после убийства английского конунга Эдмунда, или 516 после смерти папы Григория, который крестил Англию, по подсчетам. А он скончался на второй год правления кесаря Фоко, на 604 зиму после рождения Христа по всеобщему счету. А всего прошло 1120 лет (от Рождества Христова. — *Е.М.*)⁵³.

Даты принятия христианства в Исландии, смерти Олава Трюггвасона, а также гибели Олава Харальдссона стали позднее основными вехами отсчета времени и в королевских, и в родовых сагах.

Вторым основополагающим для всего дальнейшего историописания Исландии принципом стали указания Ари на источники сообщаемых им сведений — такими источниками были воспоминания «мудрых», «знающих», «правдивых» людей, многих из которых он называет поименно:

tekin. En hann gerði bú þrítögr ok bjó sex tigi ok fjóra vetr í Haukadali ok hafði níu tigi ok fjóra vetr, þá er hann andaðist, en þat var of hátíð Martens byskups á inum tíunda vetri eftir andlát Ísleifs byskups» (Íb. 9).

⁵² «Это случилось, когда после убийства Эдмунда прошло сто тридцать зим, а после рождества Христова тысяча — по всеобщему исчислению» («Þat var hundrað ok þremr tigum vetra eftir dráp Eadmundar, en þúsund eftir burð Krists at alþýðu tali»: Íb. 7).

⁵³ «Á því ári inu sama andaðist Páschalis secundus páfi fyrr en Gizurr byskup ok Baldvini Jórsalakonungr ok Arnaldus patriarcha í Híerúsalem ok Philippús Svíakonungr, en síðar it sama sumar Alexíús Grikkjakonungr. Þá hafði hann þrjátigi ok átta vetr setit at stóli í Miklagarði. En tveim vetrum síðar varð aldamót. Þá höfðu þeir Eysteinn ok Sigurðr verit sautján vetr konungar í Norvegi eftir Magnús, föður sinn, Ólafsson, Haraldssonar. Þat var hundrað ok tuttugu vetrum eftir fall Óláfs Tryggvasonar, en tvau hundruð ok fimmtigi eftir dráp Eadmundar Englakonungs, en fimm hundruð ok sextán vetrum eftir andlát Grégóríus páfa, þess er kristni kom á England, at því er talit er. En hann andaðist á öðru ári konungdóms Fócó keisara, sex hundruð ok fjórum vetrum eftir burð Krists at almannatali. Þat verðr allt saman ellifu hundruð ok tuttugu ár» (Íb. 10).

Маркус сын Скегги стал законоговорителем после Сигвата (это произошло в тот год, когда епископ Гицур прожил одну зиму здесь в стране) и был им двадцать четыре года. По его рассказу записаны жизнеописания всех законоговорителей в этой книге, которые были до нашей памяти, а ему рассказали его брат Торарин и их отец Скегги, и другие мудрые люди о жизнях тех, кто были до его памяти; например, Бьярни Мудрый, их дед, рассказал, что помнил о законоговорителе Торарине и шести других законоговорителях после него⁵⁴.

Последовавшее за Сэмундом и Ари историописание развивалось почти исключительно (см. выше о трудах монаха Одда) на национальном языке. Однако от времени до 80-х — 90-х годов XII в. никаких произведений не сохранилось. В позднейших королевских сагах неоднократно упоминается недошедшее до нас сочинение некоего Эйрика Оддссона (Eiríkr Oddsson) о норвежских королях 1130-х годов, написанное предположительно ок. 1150 или 1160 г. и носившее название «Hryggjarstykki» («Кусок спинного хребта» или, может быть, «Кусок пергамена»)⁵⁵. Не исключено, что в 1170-е — 1180-е годы были составлены отдельные саги о нескольких норвежских конунгах, прежде всего о Харальде Суровом Правителе и Магнусе Добром⁵⁶.

С конца столетия исландско-норвежское историописание переживает новый этап⁵⁷: вслед за «Обзором саг о норвежских конунгах» (1190-е гг.), создаются и редактируются три крупнейших свода королевских саг: «Гнилая кожа» («Morkinskinna»), «Красивая кожа» («Fagrskinna») и «Круг земной» («Heimskringla»). Древнейший текст первого из этих сводов был составлен в Исландии до 1200 г., но он сохранился в позднейшей редакции — ок. 1220 г., которая дошла до нас в дефектной рукописи, написанной ок. 1275 г., и — фраг-

⁵⁴ «Markús Skeggjasonr hafði lögsögu næstr Sighvati ok tók þat sumar, er Gizurr byskup hafði einn vetr verit hér á landi, en fór með fjögur sumar ok tuttugu. At hans sögu er skrifuð ævi allra lögsögumanna á bók þessi, þeira er váru fyr vart minni, en honum sagði Þórarinn, bróðir hans, ok Skeggi faðir þeira, ok fleiri spakir menn til þeira ævi, er fyr hans minni váru, at því er Bjarni inn spaki hafði sagt, föðurfaðir þeira, er mundi Þórarin lögsögumann ok sex aðra síðan» (Íb. 10).

⁵⁵ Andersson *Th.M.* Kings' Sagas. P. 204; *Simek R.* *Hryggjarstykki // Lexikon der altnordischen Literatur. Stuttgart, 1987. S. 181–182.

⁵⁶ См.: Andersson *Th.M.* The King's Sagas. P. 197–238. Дошедшие до нас отдельные, т.е. не входящие в своды, саги посвящены только двум норвежским конунгам — Олаву Трюггвасону и Олаву Харальдссону, видимо, благодаря их роли в христианизации Исландии и Норвегии.

⁵⁷ См. примеч. 21.

ментарно — в более поздних рукописях. Свод охватывает события примерно с 1030 по 1157 г., а, судя по заимствованиям из него в других сводах саг, может быть, и по 1177 г.⁵⁸ Второй свод был написан в Норвегии ок. 1200 г. предположительно исландцем и, как и норвежский «Обзор саг о норвежских конунгах», освещал время от Хальвдана Черного до 1177 г.⁵⁹ Наконец, самый известный из сводов королевских саг, «Круг земной», был написан ок. 1230 г. и на основании упоминаний в других источниках традиционно приписывается Снорри Стурлусону, выдающемуся исландскому политическому деятелю и писателю (1178/79–1241)⁶⁰. В «Круге земном» представлена легендарная история шведских и норвежских Инглингов, за которой следуют биографии норвежских конунгов также от Хальвдана Черного до 1177 г. Все три свода, а также «Обзор» тесно связаны между собой: автор каждого последующего свода использовал предшествующие, причем как правило их более ранние редакции, чем те, которые дошли до нас. В них также остались следы несохранившихся компиляций таких, как «Нрыггjarstykki», а также отдельных саг об Олаве Трюггвасоне и Олаве Харальдссоне. Поэтому содержащаяся в них информация в целом совпадает (за исключением легендарной истории Инглингов в первой саге «Круга земного» — «Саге об Инглингах», которая не имеет саговых предшественников⁶¹), однако она по-разному структурируется и трактуется различным образом.

В первую очередь ни в одном из ранних «синоптиков», как их называет Т.М. Андерссон: ни в «Обзоре», ни в «Гнилой коже»,

⁵⁸ *Morkinskinna* / Ármann Jakobsson ok Þórður Ingi Guðjónsson gáfu út. Reykjavík, 2011. (ÍF; XXIII–XXIV). B. 1–2. См.: *Louis-Jensen J. Morkinskinna // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia*. P. 419–420 и предисловие к английскому переводу: *Andersson Th.M., Gade K.E. Introduction // Morkinskinna. The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings (1030–1157) / Transl. with introduction and notes by Th.M. Andersson and K.E. Gade*. Ithaca, 2000 (Islandica; LI). P. 1–85.

⁵⁹ *Fagrskinna: Noregs Kononga Tal / Udg. Finnur Jónsson*. Copenhagen, 1902–1903. (SUGNL; 30).

⁶⁰ О недостаточности информации для уверенной атрибуции «Круга земного» Снорри Стурлусону и потому сомнениях в его авторстве см.: *Jakob Benediktsson. Hvar var Snorri nefndur höfundur Heimskringlu? // Skirnir*. 1995. B. 129. Bls. 118–127; *Louis-Jensen J. Konungastudier. Kompilationen Hulda-Hrokkinskinna*. Copenhagen, 1977. S. 43–61. (Bibliotheca Arnarnæanæ; 32); *Eadem. Heimskringla — Et værk af Snorri Sturluson? // Nordica Bergensia*. 1997. Vol. 14. S. 230–245.

⁶¹ На основе того же источника — генеалогической поэмы «Перечень Инглингов» скальда Тьодольва из Хвинира (IX в.) — она кратко пересказана в анонимной «Истории Норвегии».

ни в «Красивой коже», нет деления материала на отдельные саги. Композиционное обособление биографий конунгов появляется, насколько можно судить по сохранившимся текстам, только в «Круге земном» и после него становится общепринятым. В более ранних сводах повествование плавно переходит от одного конунга к его преемнику (сыну или другому родичу), причем специально оговаривается факт преемственности власти: «Харальд сменил Хальвдана в государстве, которым владел его отец...», «После Магнуса три его сына, Эйстейн, Сигурд и Олав, сменили [его] в государстве»⁶²; «Харальд, его сын [Хальвдана Черного], взял государство после Хальвдана Черного»; «Хакон взял королевство через две зимы после того, как умер его отец (Харальд Прекрасноволосый. — *Е.М.*)»⁶³. Лишь в некоторых случаях, например в «Красивой коже», появляется разбивка на главы (зачастую крайне условная), в которых речь идет об одном или группе взаимосвязанных событий. Тем самым биография одного конунга разделяется на несколько частей. Деление текста на саги в «Круге земном» также в определенной степени условно: в некоторых из них речь идет о двух правивших последовательно конунгах («Сага о Магнусе Слепом и Харальде Гилли»), в других случаях правление конунга не выделяется в отдельную сагу, а описывается в сагах о его предшественнике или преемнике (как, например, происходит с рассказом о правлении Эйрика Кровавая Секира)⁶⁴.

Различны содержательные приоритеты составителей сводов. Автор «Гнилой кожи» более половины текста посвящает Магнусу Доброму (с возвращения которого в Норвегию и начинается свод) и Харальду Суровому Правителю, тогда как едва ли не треть «Круга земного» занимает «Сага об Олаве Святом» — признанном конунге-миссионере и святом покровителе Норвегии, популярность которого во всем скандинавском мире была чрезвычайно велика.

Повествования «Гнилой кожи» (особенно в первой части) пространны и включают значительное число самостоятельных встав-

⁶² «Haraldr tók eftir Hálfðan ríki þat er faðir hans hafði haft...»; «En eftir Mognús þá stíga til ríkis synir hans Þrír, Eysteinn ok Sigurðr ok Óláfr» (Ágrip. P. 2/3, 70/71).

⁶³ «Haralldr sunr hans toc konongdom æftir faður sinn Hálfðan svarta»; «Hacon toc konongdom i Noregi tveim vetrom síþan er faðer hans andaðezt» (Fagrskinna. P. 5, 31).

⁶⁴ Выделение отдельных саг в разных рукописях «Круга земного» дискуссионно. См. подробнее: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. С. 418–419.

ных эпизодов, так называемых прядей (*þættir*). Некоторые из сюжетов развивают и беллетризуют сохранившиеся в устной традиции сведения (как например, рассказ о ссоре Ярицлейва и Ингигерд и приеме на воспитание Магнуса сына Олава Харальдссона)⁶⁵. Скальдическая поэзия широко используется автором свода (в сохранившейся части, повествующей о Магнусе и Харальде, но без прядей, насчитывается 134 строфы), как полагают Т. Андерссон и К. Гаде, по преимуществу в эстетических целях, хотя он и черпал из нее историческую информацию⁶⁶. «Красивая кожа» и особенно «Круг земной» значительно более «историчны». В них отсутствуют многие «литературные» эпизоды «Гнилой кожи», хотя и автор «Красивой кожи», и Снорри опирались на ее текст. Во многих случаях изменены объяснения действий героев — их мотивировки более прозаичны и, прежде всего у Снорри, показана их политическая подоплека. Радикальному сокращению подверглось включение скальдических стихов: из 134 строф «Гнилой кожи» в «Красивой коже» использовано 74, в «Круге земном» — 80. Изъятию подверглись прежде всего строфы, не содержащие исторической информации. Особенно показательным изменением целей цитирования скальдики: для Снорри — это прежде всего способ верификации рассказываемого⁶⁷.

Внимание к своим источникам информации, по крайней мере указания на них, присутствовало уже в первых норвежских латиноязычных «Историях». Однако прямые ссылки, как правило, делались на античных и авторитетных западноевропейских авторов; главный же кладезь сведений об истории норвежских конунгов — устная традиция — лишь упоминался. Значительно более внимателен к ней Ари Мудрый, который поименно назвал людей, у которых он почерпнул излагаемые сведения⁶⁸. Но только Снорри в Прологе к «Кругу земному» не только указал на свои источники, но и охарактеризовал их особенности и степень достоверности:

⁶⁵ Мельникова Е.А. Брак Ярослава и Ингигерд в древнескандинавской традиции: беллетризация исторического факта // XIII Всесоюзн. конф. по изучению ... Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. Москва; Петрозаводск, 1997. С. 151–153; Джаксон Т.Н. Ингигерд, жена князя Ярослава Мудрого // *De mulieribus illustribus*. Судьбы и образы женщин средневековья. М., 2001. С. 5–16.

⁶⁶ *Andersson Th.M., Gade K.E.* Introduction. P. 56–57.

⁶⁷ *Finlay A.* Introduction // *Fagrskinna: A Catalogue of the Kings of Norway / A Translation with introduction and notes by A. Finlay*. Leiden, Boston, 2004. P. 30–31.

⁶⁸ См. подробно: *Andersson Th.M., Gade K.E.* Introduction // *Morkinskinna*. P. 57–61.

В этой книге я велел записать древние рассказы о правителях, которые были в Северных Странах и говорили на датском языке, как я их слышал от мудрых людей, а также некоторые из родословных, как они были мне рассказаны (дословно: в соответствии с тем, что мне стало известно. — *Е.М.*). Кое-что взято из перечней, в которых конунги и другие знатные люди перечисляют (в тексте глагол стоит в форме перфекта: «перечислили». — *Е. М.*) своих предков (точнее — «свой род». — *Е.М.*), а кое-что из древних стихов и песней, которые исполнялись людям на забаву. И хотя сами мы не знаем, правда ли эти рассказы, но мы знаем точно, что мудрые люди древности считали их правдой⁶⁹.

Все три названных Снорри источника: рассказы мудрых людей, родословия и скальдическая поэзия, являются различными формами устной исторической традиции — о своих предшественниках-писателях, кроме Ари, он в Прологе не упоминает, хотя Снорри, несомненно, использовал и предшествующие своды саг. Подробнее всего Снорри обосновывает достоверность скальдических стихов, которые считал наиболее надежным источником, потому что, во-первых, сами условия их сочинения требовали правдивого описания событий и, во-вторых, сложность скальдического стихосложения препятствовала их искажению при последующей передаче:

То, что говорится в этих песнях, исполнявшихся перед самими правителями или их сыновьями, мы признаем за вполне достоверные свидетельства. Мы признаем за правду все, что говорится в этих песнях об их походах или битвах. Ибо, хотя у скальдов в обычае всего больше хвалить того правителя, перед лицом которого они находятся, ни один скальд не решился бы приписать ему такие деяния, о которых все, кто слушает, да и сам правитель знают, что это явная ложь и небывлицы. Это было бы насмешкой, а не хвалой... А песни скальдов,

⁶⁹ «Á bók þessi lét ek rita fornar frásagnir um höfðingja þá, er ríki hafa haft á Norðrlöndum ok á danska tungu hafa mælt, svá sem ek hefi heyrt fróða menn segja, svá ok nokkurar kynslóðir þeira eftir því, sem mér hefir kennt verit, sumt þat er finnsk í langfeðgatali, þar er konungar eða aðrir stórættaðir menn hafa rakit kyn sitt, en sumt er ritat eptir fornum kvæðum eða söguljóðum, er menn hafa haft til skemmtanar sér. En þótt að vér vitim eigi sannendi á því, þá vitum vér dæmi til at gamlir frøðimenn hafi slíkt fyrir satt haft»: Prologus // *Snorri Sturluson*. Heimskringla I / Bjarni Adalbjarnarson gaf út. Reykjavík, 1945 (ÍF; XXVI). Bls. 3–4 (далее — Нкр. 1); рус. пер.: *Снорри Стурлусон*. Круг земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.; Л., 1980 (2-е изд.: 1995). С. 9 (далее — КЗ).

как мне кажется, всего меньше искажены, если они правильно сложены и разумно истолкованы⁷⁰.

Основное внимание саговедов привлекали два названных Снорри источника: в наибольшей степени скальдическая поэзия⁷¹, но также — особенно в последнее время — и «рассказы мудрых людей», т.е. устная историческая традиция⁷². Значительно меньший интерес вызывал третий его источник — родословия. Между тем, именно родословия, наряду с героическим эпосом⁷³, были древнейшей формой сохранения исторической памяти, соединявшей актуальное прошлое и настоящее и в значительной степени определившей особенности и характер раннего историописания в Скандинавских странах.

* * *

Говоря об источниках своего сочинения, Снорри пишет, что он заимствовал сведения «из родословных (*kynslóð* или *kynkvíslir*)⁷⁴, в соответствии с тем, что мне стало известно. Кое-что взято из перечней (*langfeðgatal*), в которых конунги и другие знатные люди перечислили своих предков»⁷⁵. Как кажется, Снорри различает «родословные» и «перечни предков» конунгов и знатных людей как два самостоятельных вида генеалогий. Первые обозначаются терминами *kynslóð* или

⁷⁰ «...ok þokum vér þar mest dæmi af, þat er sagt er í þeim kvæðum er kveðin váru fyrir sjálfum höfðingjunum eða sonum þeira. Þokum vér þat allt fyrir satt, er í þeim kvæðum finnsk um ferðir þeira eða orrostur. En þat er háttr skálda at lofa þann mest, er þá eru þeir fyrir, en engi myndi þat þora at segja sjálfum honum þau verk hans, er allir þeir, er heyrði vissi at hégómi væri ok skrök ok svá sjálfr hann. Þat væri þá háð, en eigi lof... En kvæðin þykkja mér síst ór stað færð, ef þau eru rétt kveðin ok skynsamliga upp tekin» (Prologus // Hkr. 1. Bls. 5, 7; K3. С. 9–10).

⁷¹ См.: Frank R. Old Norse Court Poetry. Ithaca (N.Y.), L., 1978; Peters P. Scaldic Verse as a Historical Source // Parergon. 1978. Vol. 2. P. 29–37; Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. // ДГ, 1988–1989 гг. М., 1991. С. 79–84.

⁷² *Gisli Sigurðsson. The Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition. A Discourse on Method.* Cambridge (Mass.), 2004.

⁷³ Об эпосе как основной форме сохранения своей «истории» германцами писал еще Тацит (конец I в. н.э.): «В древних песнопениях, — а германцам известен только один этот вид повествования о былом и только такие анналы, они славят порожденной землей бога Туистона» (*Корнелий Тацит. Германия 2 / Пер. А.С. Бобовича // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т. 1. С. 354.*

⁷⁴ В рукописях «Круга земного» термины варьируются.

⁷⁵ «svá ok nokkurar kynslóðir þeira eftir því, sem mér hefir kennt verit, sumt þat er finnsk í langfeðgatali, þar er konungar eða aðrir stórættaðir menn hafa rakit kyn sitt» (Prologus // Hkr. 1. Bls. 3).

kynkvísl (от *kyn* «род» и *slóð* «след; родство, потомство, родословие»; *kvísl* «ветвь», букв. «родовые ветви, ветви рода», также «родословие, потомство»; ср.: *ættkvísl* «семейная ветвь»). Обозначение *kynkvísl* встречается, по данным составителей «Словаря древнеисландского прозаического языка», 49 раз; *kynslóð* — ок. 20 раз в текстах самого различного содержания: родовых и королевских сагах, памятниках права, парафразах библейских текстов⁷⁶.

Второй вид родословий, значительно менее распространенный (15 случаев употребления) назван Снорри *langfeðgatal*, ср. р. (то же *langfeðgatala*, ж. р.), «перечень предков по мужской линии» (к *feðgar*, мн. ч., «предки-агнаты») ⁷⁷. На специфику *langfeðgatal* прямо указывается, например, в «Саге о Ньяле»: «Ее (новорожденную девочку. — *Е.М.*) следует назвать Торгерд, по матери моего отца. Ведь она вела свой род по отцовской линии (*foðurætti*) от Сигурда Убийцы Фафнира по перечню предков-агнатов (*at langfeðgatölu*)» ⁷⁸. Этот вид генеалогий Снорри прямо соотносит с норвежскими конунгами и знатью, как бы противопоставляя его *kynkvíslir* (*-slóðir*) — родословиям вообще. В подавляющем большинстве приведенных в «Словаре» узусов *langfeðgatal* действительно относится к родословным конунгов или знатных людей, происходящих, как Торгерд в «Саге о Ньяле», от прославленных героев древности или богов. Это же наименование используется также и для обозначения библейских генеалогий ⁷⁹.

Сходно различает генеалогии Ари Мудрый, который в конце своего сочинения — своего рода приложения — приводит родо-

⁷⁶ Cl.-Vigf. P. 366. Оба термина употребляются в родовых сагах, а также в пересказе библейских книг «Руководство» («Stjórn»): см.: Ordbog over det norrøne prosasprog. København // <http://onp.ku.dk>. *Kynkvísl*, *Kynslóð*. В значении «потомство» они встречаются и в королевских сагах, ср., например: «Конунг Харальд Прекрасноволосый выдал многих своих дочерей внутри страны за своих ярлов, и оттуда пошло многочисленное потомство» («Haraldr konungur gipti flestar dætr sínar innan lands jorlum sínum, ok eru þaðan komnar miklar kynkvíslir»: *Haralds saga ins hárfagra*, kap. 42 // Hkr. I. Bls. 147).

⁷⁷ Cl.-Vigf. P. 373; Ordbog. *Langfeðgatal*.

⁷⁸ «Hana skal kalla eptir foðurmóður minni ok skal heita Þorgerðr, því at hon var komin frá Sigurði Fáfnisbana í foðurætt sína at langfeðgatölu»: *Njáls saga*, kap. XIII / Einar Ól. Sveinsson gaf út. Reykjavík, 1954 (ÍF; XII). Bls. 45.

⁷⁹ См., например: «Ной был десятым по перечню предков от Адама» («Noe var hinn tiundi at langfeðga tali fra Adám»: *Stjórn: Gammelnorsk Bibelhistorie fra Verdens Skabelse til det babyloniske Fangenskab / Udg. C.R. Unger. Kristiania, 1862. S. 48*). В «Руководстве» используется и слово *kynkvísl*, но в основном для обозначения родства или потомства людей вообще: см.: Ordbog.

словия исландских епископов, а затем свою собственную родословную. Первые он вводит словами: «Þetta er kyn byskupa Íslendinga ok áttartala» («Это рода исландских епископов и перечень родов»), вторую — «Þessi eru nöfn langfeðga Ynglinga og Breiðfirðinga» («Таковы имена родословия Инглингов и жителей Широкого фьорда») ⁸⁰. В родословных цепочках епископов учитываются женщины, среди *feðgar* Ари перечислены только мужчины. Епископы, хотя и принадлежат к семьям исландской знати, не связаны родством с конунгами-Инглингами, как род Ари Торгильссона, который, таким образом, ведет свое происхождение от эвгемеризированных богов.

Другое отличие, уже не содержательного плана, отмечено Снорри эксплицитно — *langfeðgatal* восходят к самим конунгам и представителям знати: именно они сами «перечислили своих предков» или это было сделано по их заказу, как, вероятно, «заказными» были поэмы Тьодольва и Эйвинда.

* * *

Опираясь на общеевропейскую (прежде всего французскую) культуру, где составление генеалогий королевских династий, а затем и аристократических родов начинается в XI и получает широкое распространение в XII в. ⁸¹, исследователи скандинавской генеалогической традиции склонны также связывать ее развитие и расцвет с укреплением королевской власти (в Норвегии, Дании, Швеции), растущим самосознанием исландской аристократии в XII–XIII вв. и влиянием европейских, прежде всего англо-саксонских генеалогий ⁸². Действительно, в это время и в XIV в. составляются многочисленные генеалогические перечни ⁸³.

Однако создание родословий в древнескандинавских — и шире — германских обществах — явление, возникшее отнюдь не в XII в. и

⁸⁰ Íb. Bókarauki.

⁸¹ *Duby G.* French Genealogical Literature: the Eleventh and Twelfth Centuries / Transl. C. Postan // The Chivalrous Society. L., 1977. P. 149–157; *Spiegel G.M.* Genealogy: Form and Function in Medieval Historical Narrative // History and Theory: Studies in the Philosophy of History. 1983. Vol. 23. P. 43–53; *Croenen G.* Princely and Noble Genealogies, Twelfth to Fourteenth Centuries: Form and Function // The Medieval Chronicle: Proceedings of the 1st International Conference on Medieval Chronicle (Driebergen / Utrecht, 13–16 July 1996). Amsterdam, 1999. P. 84–95.

⁸² *Faulkes A.* Descent from the Gods // Medieval Scandinavia. 1978–1979. Vol. 11. P. 92–125; *Clunies Ross M.* Snorri Sturluson's Use of the Norse Origin-Legend of the Sons of Fornjótr in His *Edda* // Arkiv för nordisk filologi. 1983. B. 98. P. 47–66.

⁸³ См. о них ниже.

отнодь не в рамках письменной культуры и христианской традиции. Уже Тацит, характеризуя обычаи германцев в конце I в. н.э., упоминает, что у них существует легенда о происхождении их народа (*origo gentis*)⁸⁴, согласно которой три основные ветви германцев, итевоны, ингвеоны и герминоны, считали своим предком («прародителем и праотцом») Манна (*Mannus*) сына бога Туистона (*Tuisto*)⁸⁵, которого обычно сопоставляют с древнескандинавским богом-асом Тюрор (*Týr*). Родословные германских правителей (*origo regis*) впервые приводятся Иорданом (VI в.), который возводит готский род Амалов к «первому из героев» (*primus heros*) Гапту (*Gaptus*)⁸⁶, принадлежавшему, по Иордану, к той группе готской знати, которую после одержанной над римлянами победы готы стали считать «не простыми людьми, но полубогами, т.е. “Ансами” (герм. *Ansuz «ас», общее наименование рода богов в скандинавском пантеоне. — *Е.М.*)»⁸⁷; королем лангобардов Ротари в преамбуле к его «Эдикту» (643 г.), где перечислены пятнадцать его предков от «первого короля Агильмунда из рода Гугингов»⁸⁸; рядом англо-саксонских рукописей, древнейшая из которых датируется началом IX в., а также Неннием в «Истории бриттов» (первая треть IX в.), где родословия многих из правителей Дейре, Берениции, Мерсии, Уэссекса и других королевств возводятся к Водану (др.-сканд. Один)⁸⁹. Все эти родословия являются простыми

⁸⁴ См. о германских *origo gentis*: Höfler O., Ranke R. Abstammungstraditionen // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. 2. Aufl. B., N.Y., 1973. Bd. 1. S. 18–29; Wolfram H. Einleitung oder Überlegungen zur *Origio gentis* // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern / Hrsg. H. Wolfram, W. Pohl. Wien 1990. S. 19–31; *Idem. Origio et religio*. Ethnic Traditions and Literature in Early Medieval Texts // Early Medieval Europe. 1994. Vol. 3. P. 19–38.

⁸⁵ *Корнелий Тацит*. Германия 2. С. 354.

⁸⁶ По общему мнению, имя «Гапт» — искажение одно из распространенных имен Одина — «Гаут» (др.-сканд. *Gautr*, др.-англ. *Geat*), что означает, что Амалы возводили свое происхождение к верховному богу германского языческого пантеона.

⁸⁷ «...non puros homines, sed semideos id est Ansis vocaverunt» (*Иордан*. О происхождении и деяниях гетов / Вст. ст., перевод, коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1960. С. 81, 143).

⁸⁸ «Fuit primus rex agilmund, ex genere guginus...» (Edictvs Rothari // <http://www.oaew.ac.at/imafo/ressourcen/quellen-zur-langobardengeschichte/leges-langobardorum/edictvs-rothari/>).

⁸⁹ *Sisam K.* Anglo-Saxon Royal Genealogies. P. 287–348; *Dumville D.N.* The Anglian Collection of Royal Genealogies and Regnal Lists. P. 23–50; *Moisl H.* Anglo-Saxon Royal Genealogies and Germanic Oral Tradition // Journal of Medieval History. 1981. Vol. 7. P. 215–248. О месте Водана в англо-саксонских генеалогиях см.: *North R.* ‘Uoden de cuius stirpe’: the Role of Woden in Royal Genealogy // *North R.* Heathen Gods in Old English Literature. Cambridge, 1997. P. 111–132.

перечнями имен без каких-либо пояснений или характеристик персонажей, а в тех из них, которые были созданы в христианскую эпоху, бог-прародитель интерпретируется как герой далекого прошлого.

Древнейшее в северогерманской традиции⁹⁰ развернутое, т.е. дополненное квази-историческими сведениями родословие представлено в англо-саксонской поэме «Беовульф», созданной, как полагает большинство исследователей, в VIII в.⁹¹, но оно, по всей вероятности, имеет скандинавское (датское) происхождение. Оба основных сюжета поэмы восходят к скандинавской эпической традиции и локализируются в Скандинавии: стране данов и стране геатов⁹². Введение к первому сюжету — борьбе Беовульфа с великаном Гренделем и его матерью, нападавшими на палаты правителя данов Хродгара⁹³, — содержит родословную последнего:

⁹⁰ О ранних германских и скандинавских родословиях см.: Антонов В.А. Становление генеалогической мысли в Дании // ДГ, 2002 г.: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 7–37.

⁹¹ *Beowulf and the Fight at Finnsburg* / Ed. Fr. Klaeber. 3rd ed. Boston, 1950. Датировка поэмы, сохранившейся в единственной рукописи, London, British Library, Cotton Vitellius A. xv (начало XI в.), является предметом споров, однако большинство исследователей по-прежнему склоняются к ее раннему происхождению, что не исключает позднейших вставок и реинтерпретаций. См.: Orchard A. A Critical Companion to *Beowulf*. Cambridge, 2003. P. 6–7 (с обширной библиографией); The Dating of *Beowulf* / Ed. C. Chase. Toronto, 1981 (переизд.: 1997); The Dating of *Beowulf*: A Reassessment / Ed. L. Neidorf. Cambridge, 2014.

⁹² Идентификация геатов «Беовульфа» спорна. Чаще всего их отождествляют с гаутами (этами), населявшими юго-западную часть современной Швеции (историческая область Вестергётланд). См.: Leake J.A. The Geats of Beowulf: a Study in the Geographical Mythology of the Middle Ages. Madison, 1967.

Происхождение геатского вождя Хигелака не представлено в виде генеалогического перечня, но в разных контекстах упоминаются его отец Хредель и дед Свертинг (Хигелак назван «внуком Свертинга» — «nefa Swertinges»), а также сын Хардред, опекуном которого после гибели Хигелака становится Беовульф и который позднее погиб в битве со свями. Указания на предков Хигелака — на деда однократно, на отца несколько раз — говорят о значении, придаваемом происхождению вождя. Регулярно употребляются и определения «сын Х»: Беовульф называется «сыном Эгттеова» (с. 530, 632, 957 и др.), Унферт — «сыном Эгтлафа» (с. 500, 1465), Эадгильс — «сыном Охтхере» (с. 2394), отмечаются и другие родственные связи: Беовульф — племянник Хигелака, Хродульф — племянник Хродгара и т.д. Родословия геатских вождей, по всей вероятности, существовавшие и известные в свое время, не сохранились, как и вообще вся историческая память гаутов, которая не была запечатлена в письменных текстах последующей эпохи.

⁹³ «Палата» Хродгара Хеорот традиционно отождествляется с комплексом в Лайре на о. Зеландия, где археологические исследования выявили богатую усадьбу вождя VII–IX вв.: Christensen T. Lejre Beyond Legend — The Archaeological Evidence // Journal of Danish Archaeology. 1991. Vol. 10. P. 163–185.

1	Hwæt! We Gardena in geardagum, þeodcyninga, þrym gefrunon, hu ða æþelingas ellen fremedon. Oft Scyld Scefing sceaþena þreatum, 18 Beowulf wæs breme (blæd wide sprang), Scyldes eafera Scedelandum in. felahror feran on frean wære. 53 ða wæs on burgum Beowulf Scyldinga, leof leodcyning, longe þrage folcum gefræge (fæder ellor hwearf, aldor of earde), oþþæt him eft onwoc heah Healfdene; heold þenden lifde, gamol ond guðreow, glæde Scyldingas. ðæm feower bearn forð gerimed in worold wocun, weoroda ræswan, Heorogar ond Hroðgar ond Halga til... 64 þa wæs Hroðgare heresped gyfen, wiges weorðmynd, þæt him his winemagas...	Истинно! исстари слово мы слышим о доблести данов, о конунгах датских, чья слава в битвах была добыта! Первый — Скильд Скевинг, войсководитель... знатен был Беовульф, Скильдово семя, в датских владениях. С детства наследник воеводитель в пределы Предвечного... Долго правил твердыней данов Беовульф датский, народоводитель Скильдинг, наследник единопержца, пока не сменил его сын его, Хальфдан славный, что властил до самой смерти. — и в старости Скильдинг бойцом был отменным. Родилось на землю от Хальфдана четверо: Херогар, Хродгар, Хальга Добрый...
	Хродгар возвысился в битвах удачливый, без споров ему покорились сородичи... ⁸⁸ .	

Родословие Хродгара насчитывает четыре поколения: Скильд Скевинг (в скандинавской традиции *Skjoldr Skeafingr*) — Беов(ульф) —

⁹⁴ Beowulf and the Fight at Finnsburg, ll. 1–4, 18–20, 53–61, 64–65. Рус. пер.: Беовульф / Пер. В. Тихомирова; под ред. О.А. Смирницкой // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 27–180. (Библиотека всемирной литературы).

Хальвдан — Хродгар и его три брата; в тексте называются также два сына Хродгара и его племянник Хродульв (в скандинавской традиции Хрольв Жердинка, которому посвящена отдельная сага). Родословие упорядочено и содержит указания на родственную связь персонажей и преемственность правления, хотя персонажи вводятся различным образом. Род Хродгара возводится к Скильду (др.-сканд. *Skjoldr* «Щит»), появление которого у данов — младенцем на роскошно убранном корабле с грудой сокровищ — указывает на особое («божественное») происхождение ребенка и его предназначенность стать правителем данов. После смерти Скильда даны украшают его погребальный корабль⁹⁵ не хуже, «чем те, что когда-то в море отправили Скильда-младенца»⁹⁶. Сказитель не называет прямо прародителя(ей) Скильда, но в начале рассказа указана его родовая принадлежность — Скевинг, т.е. сын (потомок) Скева, который в скандинавской традиции XII–XIV вв., представленной в «Саге о Скьёльдунгах» и позднейших династических генеалогиях, является сыном (или потомком в разных степенях) Одина⁹⁷. Происхождение Скева «от богов» известно и англо-саксонской традиции: к Водену (Одину) через ряд промежуточных степеней возводит Скева и Скильда родословие короля Уэссекса Этельвульфа в рукописях *B* и *C* Англо-Саксонской хроники (под 855 г.)⁹⁸, а в основанной на последней латиноязычной хронике Этельвеарда (между 975 и 983 гг.) родословие Этельвульфа, где Скильд и Скев поменяны местами, включает также легенду о прибытии на корабле младенца к данам, которые потом изберут его своим королем:

Его 15-м⁹⁹ [предком] был Геат (ср. Гаут, одно из имен Одина. — *Е.М.*)¹⁰⁰, 16-м Тетва, 17-м Бео, 18-м Скильд, 19-м Скев. Этот Скев¹⁰¹

⁹⁵ Прямая аналогия обряду погребения Скильда (отправлению его тела в море на богато снаряженном корабле) — погребение Бальдра, сына Одина, в древнескандинавской мифологии.

⁹⁶ *Beowulf*, ll. 45–46.

⁹⁷ *Bjarni Gudnason*. Formáli // *Danakonunga sögur*. Bls. Ixiii–lv; *Meaney A.L.* Scyld Scefing and the Dating of *Beowulf* — Again // *Bulletin of the John Rylands Library*. 1989. Vol. 71. P. 7–40.

⁹⁸ Цит. по: *Orchard A.* A Critical Companion to *Beowulf*. P. 101.

⁹⁹ До этого перечисляются мифологические персонажи вплоть до Ноя.

¹⁰⁰ Ср. выше, примеч. 86.

¹⁰¹ Легенда здесь приурочена к Скеву, а не Скильду. Изначальность ее связи с именем именно Скьёльда подтверждается многочисленными древнескандинавскими текстами, а также династическим именем Скьёльдунги (а не Скевинги).

прибыл на одном судне на остров океана, называемый Сконе¹⁰², окруженный оружием, и он был крайне молод и неизвестен жителям этой земли. Все же они приняли его и заботились о нем с любовью как с членом своего рода, а затем избрали его своим королем, и от его потомства король Этельвульф ведет свое происхождение¹⁰³.

Таким образом, в англо-саксонской, восходящей к древнескандинавской, генеалогической традиции Скъёлд ведет свой род от главы древнегерманского пантеона. Отсутствие упоминания об Одина как родоначальнике датских (зеландских) вождей в «Беовульфе» вряд ли может служить доказательством того, что введение Одина (сопоставляемого с библейскими персонажами) в родословия — явление более позднее и связанное с христианскими представлениями¹⁰⁴. О раннем (изначальном?) включении богов-асов (вероятно, Одина) в германские *origo gentis* и *origo regis*, говорят древнейшие свидетельства Тацита и Иордана. Молчание автора «Беовульфа», скорее связано с переработкой поэмы в христианской среде — она была записана только в начале XI в. в одном из английских монастырей, и в ней нет ни одного упоминания языческих богов или каких-либо прямых языческих реминисценций (кроме описания обрядов погребения)¹⁰⁵. В то же время доведенность генеалогического древа до его истока — Одина, возможно, и не требовалась ни англо-саксонской, ни скандинавской аудитории, которая отлично знала, что Скеав является сыном Одина, и легко восполняла начальное звено.

Родословие Хродгара обнаруживает и еще одну черту, особенно важную для ранней репрезентации прошлого. Оно не является сухим списком имен, как англо-саксонские королевские генеалогии¹⁰⁶ или многочисленные скандинавские перечни XII–XIV вв., но рас-

¹⁰² Согласно античным и средневековым географическим представлениям Скандинавский полуостров целиком и его южная часть, область Сконе, считались островом.

¹⁰³ «...quintus decimus [pater] Geat, sextus decimus Tetuua, septimus decimus Beo, octauus decimus Scyld, nonus decimus Scef. Ipse Scef cum uno dromone aduectus est in insula oceani que dicitur Scani, armis circumdatus, eratque ualde recens puer, et ab incolis illius terræ ignotus. Attamen ab eis suscipitur, et ut familiarem diligenti animo eum custodierunt, et post in regem eligunt; de cuius prosapia ordinem trahit Adulf rex» (цит. по: Orchard A. A Critical Companion. P. 102).

¹⁰⁴ Meaney A.L. Scyld Scefing. P. 11–18.

¹⁰⁵ См., например: Williams D. Cain and Beowulf: A Study in Secular Allegory. Toronto, 1982. В то же время в поэме полностью отсутствуют и новозаветные реминисценции (нет даже ни одного упоминания имени Христа), а этос героев полностью сохраняет языческие черты.

¹⁰⁶ См. выше примеч. 89.

ширятся за счет дополнительной, квази-исторической информации о названных лицах. Имя каждого «короля данов» сопровождается неким набором сведений. Это прежде всего хвала «дружинным» достоинствам вождей: прославляется их щедрость, воинственность, успех в сражениях, а также долгота правления. Но также отмечается как родственная, так и властная преемственность: сын сменяет отца в качестве конунга данов.

* * *

Древнейший дошедший до нас, хотя и во фрагментах, собственно древнескандинавский генеалогический памятник также относится еще к дописьменной эпохе — это поэма «Перечень Инглингов» («Ynglingatal») норвежского скальда Тьодольва из Хвинира (Þjóðólfr óg Hvíni), жившего в конце IX — начале X в.¹⁰⁷. Сохранившиеся в открывающей «Круг земной» Снорри Стурлусона «Саге об Инглингах» 38 строф поэмы посвящены 30 предкам конунга Вестфольда (юго-восточная Норвегия) Рёгнвальда Достославного, сына Олава Альва Гейрстадира, и предположительно двоюродного брата Харальда Прекрасноволосого. Род Рёгнвальда возводится Тьодольвом к упсальским Инглингам, потомкам сына Одина Ингви-Фрейра¹⁰⁸, однако в главах, повествующих об Одине и самом Ингви, Снорри строф Тьодольва не приводит (он цитирует здесь поэмы Браги Старого и Эйвинда Погубителя Скальдов), что, возможно, означает, что Тьодольв начинал родословие Рёгнвальда не с Одина, а с Фьёльнира, сына Ингви и, соответственно, внука Одина. На это, как кажется, указывает и сам Снорри, упоминая именно Фьёльнира, когда говорит о содержании «Перечня Инглингов»:

¹⁰⁷ Скучные сведения о Тьодольве приводятся Снорри в Прологе к «Кругу земному» и в «Младшей Эдде». Тьодольву также принадлежит поэма «Haustlǫng». См. о нем: *Clunies Ross M.* Þjóðólfr of Hvin // *Medieval Scandinavia. An Encyclopedia*. P. 665–666. Общепринятая датировка «Перечня Инглингов» была подвергнута сомнению К. Крагом, который отнес его создание к XII в. (*Krag C.* *Ynglingatal og Ynglingesaga: en studie i historiske kilder*. Oslo, 1991), но более поздние исследования подтвердили традиционную дату поэмы: *Sapp C.D.* *Dating Ynglingatal. Chronological Metrical Developments in Kviðuháttir* // *Skandinavistik*. 2002. N 2. S. 85–98; *Skre D.* *The Ynglings and the Danes in Viken and Skiringsal c. AD 750–950* // *Kaupang in Skiringsal* / Ed. D. Skre. Oslo, 2007. P. 463–468.

¹⁰⁸ Снорри представляет Одина вождем и верховным жрецом асов, а Ньёрда и Ингви-Фрейра — правителями упсальских сеев, но эвгемеризация богов древнескандинавского пантеона произошла, по всей вероятности, существенно раньше: уже у Ари Торгильссона Мудрого Ингви назван «конунгом тюрков», а Ньёрд — «конунгом сеев» (см. ниже).

Тьодольв Мудрый из Хвинира был скальдом конунга Харальда Прекрасноволосого. Он сочинил песнь о конунге Рёгнвальде Достославном. Эта песнь называется Перечень Инглингов. Рёгнвальде был сыном Олава Альва Гейрстадира, брата Хальвдана Черного. В этой песни названы тридцать предков Рёгнвальда и рассказано о смерти и месте погребения каждого из них. Фьельниром звался сын Ингви-Фрейра, которому шведы долго потом совершали жертвоприношения. По его имени весь род называется Инглингами¹⁰⁹.

Как пишет Снорри и как следует из текста сохранившихся строф, перечень Тьодольва не содержит указаний на родственные связи и наследование власти называемых конунгов, их преемственность вытекает только из последовательности строф. Не формализовано и определение конунга, о котором идет речь. Имя очередного конунга обязательно приводится в строфе, но место имени не фиксировано: чаще всего оно называется в первом двустиишии, но может находиться и в конце строфы. «Историческая» информация, сообщаемая Тьодольвом, касается смерти и места погребения каждого из названных конунгов:

Fell Óttarr
und ara greipar
dugandligr
fyr Dana vöpnnum;
þann hergamr
hrægum föeti,
víts borinn,
á Vendli sparn,
þau frákr verk
Váts ok Fasta
söenskri þjóð
at sögum verða,
at eylands
jarlar Fróða
vígfrömuð
of veginn höfðu.

Пал Оттар
Под когтями орлов,
Доблестный,
От оружия данов;
Его птицы падали (= вороны)
С мертвечиной на ногах,
Рожденные вдали,
Топтали на Вендиле.
Говорят, что свеи
Рассказывают сагу
О славных делах
Фасти и Вёта,
Что ярлы
Островов Фроди
Сразили
Повелителя битвы (= Оттара)¹¹⁰.

¹⁰⁹ «Þjóðólfr inn fróði ór Hvini var skáld Haralds konungs ins hárfagra. Hann orti kvæði um Rognvald konung heiðumhæra, þat er kallat Ynglingatal. Rognvaldr var sonr Óláfs Geirstaðaálfs, bróður Hálfðanar svarta. Í því kvæði eru nefndir þrír tigur langfæðga hans ok sagt frá dauða hvers þeira ok legstað. Fjöltnir var sá nefndr, er var sonr Yngvifreys, þess er Svíar hafa blótat lengi síðan. Af hans nafni eru Ynglingar kallaðir» (Prologus // Hkr. 1. Bls. 4; K3. C. 9).

¹¹⁰ *Þjóðólfr ór Hvinir*. Ynglingatal / Ed. E. Marold // <https://www.abdn.ac.uk/skaldic/m.php?p=verse&i=4377>; перевод на русский язык мой.

Неизвестно, приводит ли Снорри весь текст Тьодольва, посвященный Оттару, или только часть его, как это неизвестно и во всех других случаях. Предполагается, что Снорри использовал лишь часть строф поэмы Тьодольва. Однако всегда в цитируемом Снорри поэтическом тексте, будь то одна или две строфы, обязательно названо имя конунга, которому посвящен этот раздел. Это наводит на мысль, что включенная в сагу строфа (или строфы) — полный текст Тьодольва, а не выборка фрагментов. В пользу этого предположения говорит и то, что в других произведениях, в том числе в «Красивой коже», цитируются только те же строфы поэмы Тьодольва, что и у Снорри¹¹¹.

Как бы то ни было, в цитированных Снорри строфах Тьодольв, как это обычно для всей последующей скальдической поэзии, не повествует о событии, а только маркирует его основные приметы. Он называет имя персонажа, включенного в родословие — в приведенной строфе Оттара, сообщает о факте его гибели — «Пал Оттар» и ее обстоятельствах — его убийстве Фасти и Вётом, ярлами датского конунга Фроди. Упоминания орлов и воронов — «птиц битвы»¹¹² — метафорически указывают на его гибель в битве; топтание его [тела] ногами «птиц битвы» намекает на то, что его тело было не похоронено, а брошено на растерзание диких зверей и птиц. В своем тексте Снорри частично раскрывает содержание приводимой строфы Тьодольва¹¹³, частично дополняет рассказ информацией, почерпнутой из других источников («рассказов мудрых людей»?). Так, в данной главе он уточняет обстоятельства битвы, в которой погиб Оттар: ярлы Фроди узнают о нападении Оттара, собирают войско и разбивают его отряд. Намек Тьодольва на то, что тело Оттара не было погребено, развернут в нарратив, дополненный указанием на прозвище конунга и объяснение происхождения этого прозвища:

Битва кончилась тем, что Оттар конунг погиб и большая часть его войска тоже. Датчане перенесли его тело на берег и положили на какой-то курган на растерзание зверям и птицам. Они сделали

¹¹¹ Впрочем, в некоторых «биографиях» (Хуглейка, Эйстейна и некоторых других) Снорри стихов Тьодольва не приводит.

¹¹² *Magoun Fr.P.* The Theme of the Beasts of Battle in Anglo-Saxon Poetry // *Neuphilologische Mitteilungen*. 1955. Bd. 56. S. 81–90.

¹¹³ Иногда Снорри неверно понимает текст Тьодольва. См., например: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси. С. 69–70, 88, примеч. 53.

ворону из дерева и послали ее в Швецию, сказав, что Оттар конунг не больше ее стóит. Они потом называли Оттара вендильской вороной¹¹⁴.

Рассказ Снорри содержит и много другой дополнительной информации, прежде всего о взаимных нападениях упсальских (свейских) и (северо)датских конунгов, о походе Оттара в «Восточные страны», об обстоятельствах его последнего набега на земли Фроды. Все эти сведения не содержатся и не могли — в силу особенностей скальдики — содержаться в поэме Тьодольва, и Снорри мог почерпнуть их в устной традиции.

И поэма Тьодольва, имеющая целью представить генеалогию конунга Рёгнвальда, и тем более основанное на ней повествование Снорри, излагающее раннюю историю норвежских Инглингов, таким образом, являются не «перечнем» (*tal*) в прямом смысле слова, а развернутым в меньшей (у Тьодольва) или большей (у Снорри) степени историческим нарративом. Его основу и композиционный стержень составляет родословие: последовательность эпизодов задана генеалогической цепочкой, которая структурирует все повествование¹¹⁵.

Отбор сообщаемой информации из массива устной традиции и ее организация существенно различаются у Тьодольва и Снорри. Целью первого было прославление конунга Рёгнвальда (по его заказу?), целью второго — воссоздание истории норвежских конунгов от их первопредка (вождя и жреца асов). Уже само сочинение поэмы, посвященной некоему лицу, было традиционным средством его возвеличивания. Перечисление же 30 поколений предков Рёгнвальда, цепочка которых начиналась потом-

¹¹⁴ «Danir tóku lík hans og fluttu til lands og lögðu upp á haug einn, létu þar rífa dýr ok fugla hráin. Þeir gera trékráku eina ok senda til Svíþjóðar ok segja, at eigi var meira verðr Óttarr konungr þeira. Þeir kǫlluðu síðan Óttarr vendilkráku» (Ynglingasaga, kap. 27 // Нкр. 1. Bls. 54; КЗ. С. 26). Согласно условной хронологии Б. Нермана, Оттар погиб ок. 525 г. (*Nerman B. Ynglingasagan i arkaeologisk belysning // Fornvannen. 1917. Årg. 12. S. 230; Idem. Det svenska rikets uppkomst. Stockholm, 1925*). Место гибели Оттара Вендиль — область Вендсюссель на севере Ютландии. По предположению Б. Нермана, норвежец Тьодольв спутал более близкую географически область Вендсюссель с областью Вендель в Упланде, где имеется курган, традиционно называемый курганом Оттара (*Nerman B. Ottar Vendelkráka och Ottarshögen i Vendel. Uppsala, 1917*). Эта гипотеза не была поддержана последующими исследователями.

¹¹⁵ *Clunies Ross M. The Development of Old Norse Textual Worlds: Genealogical Structure as a Principle of Literary Organization in Early Iceland // Journal of English and Germanic Philology. 1993. Vol. 92. P. 372–385.*

ком Одина, было безусловным свидетельством его знатности и могущества:

Um hann orti Þjóðólfr hinn hvin verski:	В его (Рёгнвальда. — <i>Е.М.</i>) честь
Pat veitk bazt	Тьодольв из Хвинира сложил стихи:
und blóum himni	Я знаю, что лучшим
kenninafn,	Под синим небом
svát konungr eigi,	Прозвищем,
es Rognvaldr,	Принадлежащим конунгу
reiðar stjóri,	Рёгнвальд,
heiðum-hárr	Возничий повозки (= правитель)
of heitinn es.	«Высоким почестями»
	Зовется ¹¹⁶ .

Обстоятельства смерти индивидуализировали каждого из называемых предков Рёгнвальда, а указание на место погребения верифицировало информацию — не случайно почти во всех случаях это место специально названо: известность топонима сообщала достоверность рассказываемому.

В целенаправленно «историческом» нарративе Снорри, где основное внимание сосредоточено на деяниях норвежских конунгов как правителей Норвегии, генеалогический текст еще более усложняется и в определенной степени формализуется. Во-первых, Снорри эксплицитно устанавливает связи предков Рёгнвальда, причем не только родственные (власть переходит от отца к сыну), но и наследственно-властные. Насколько важно для него легитимное преемство власти, свидетельствует то, что каждую «биографию» он начинает с констатации родства нового правителя с предшествующим и факта перехода к нему власти:

Дюгви, сын Домара, правил страной после него, и про Дюгви ничего не рассказывается кроме того, что он умер своей смертью...

Даг, сын Дюгви конунга, был конунгом после него. Он был такой мудрый, что понимал птичий язык... (далее идет подробный рассказ о воробье Дага и его смерти при попытке отомстить за убийство его воробья: кратко этот сюжет изложен Тьодольвом. — *Е.М.*)

Агни, сын Дага, был конунгом после него. Он был могуществен и славен, очень воинствен и во всем искусен... (следует обстоятельное

¹¹⁶ *Þjóðólfr ór Hvinir. Ynglingatal.*

повествование о смерти Агни с множеством подробностей, отсутствующих у Тьодольва, включая описание похода Агни в страну финнов и др. — *Е.М.*)¹¹⁷.

Писатель и политик XIII в., Снорри привносит тем самым в генеалогию, выстроенную Тьодольвом, династический смысл, подтверждая наследственное право Рёгнвальда на власть.

Во-вторых, Снорри существенно расширяет информацию почти о каждом из предков Рёгнвальда. Приводимые им сведения по преимуществу освещают «военно-политическую» деятельность конунгов: их походы в соседние земли, завоевания, сбор даней с покоренных народов. Особое внимание он уделяет напряженным, часто перераставшим в военные походы отношениям Инглингов Вестфольда с (северо)датскими правителями — острота этих отношений сохранялась и в X, и в XI в.

Наконец, Снорри в рамках генеалогического перечня, заданного поэмой Тьодольва, выстраивает композиционно однотипный нарратив с практически формульным зачином, за которым следует описание деяний конунга, рассказ о его смерти и погребении; завершается «биография» одной или двумя строфами Тьодольва.

Около столетия спустя, между 985 и 995 гг., была создана еще одна генеалогическая поэма: придворный скальд норвежского конунга Хакона Доброго, а затем ярла Хладира Хакона Могучего (ум. в 995 г.) Эйвинд Погубитель Скальдов (*Eyvindr Finnsson Skáldaspillir*), принадлежавший к знатной семье из Халогаланда, изложил родословие хладирских ярлов в поэме «Перечень Халейгов» («*Háleygjatal*»)¹¹⁸. Как и сочинение Тьодольва, «Перечень Халейгов» сохранился фрагментарно в виде цитат в «Круге земном», «Младшей Эдде» и в сводах «Красивая кожа» и «Книга с Плоского острова» («*Flateyjarbók*», XIV в.): всего известно 9 полных строф (восьмистиший) и 7 полустроф (четверостиший) поэмы. В первой строфе Эйвинд сообщает, что намерен проследить род хладирских ярлов до богов. Судя по

¹¹⁷ «*Dyggvi hét sonr hans, er þar næst réð lǫndum, ok er frá honum ekki sagt annat en hann varð sótt dauðr*»; «*Dagur hét sonr Dyggva konungs, er konungdóm tók eptir hann. Hann var maðr svá spakr at hann skildi fugls rǫdd*»; «*Agni hét sonr Dags, er konungr var eptir hann, ríkr maðr og ágætr, hermaðr mikill, atgǫrvímaðr mikill um alla hluti*» (*Ynglingasaga*, кап. 17–19 // *Hkr. 1. Bls. 33, 35, 37; K3. C. 19–20*).

¹¹⁸ *Háleygjatal // Finnur Jónsson. Den Norsk-Islandske Skjaldedigtning. København, 1912* (репринт: 1967). А – *Text efter håndskrifterne. S. 64–74; 1915* (репринт.: 1973). В I – *Rettet text: 800–1200. S. 60–62. См.: Ström F. Poetry as an Instrument of Propaganda. Jarl Hakon and his Poets // Speculum Norroenum. Odense, 1982. P. 440–458; Marold E. Eyvindr Finnsson Skáldaspillir // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia. P. 175–176.*

исландской рукописи XIII в., автор которой использовал «Перечень Халейгов», в нем называлось 27 предков Хакона, их родоначальником выступал сын Одина и великанши Скади Сэминг. По содержанию (сообщения об обстоятельствах смерти каждого поименованного члена рода), по метрике (использован тот же скальдический размер *kviðuháttir*), по употреблению некоторых метафор и кеннингов, Эйвинд, видимо, следовал Тьодольву как своему образцу.

Цели Эйвинда, вероятно, были те же самые — прославить и зафиксировать знатность рода хладирских ярлов, что было крайне актуально в его время. На протяжении X в. усиливалось их противостояние с конунгами-Инглингами Вестфольда в борьбе за единоличное правление над всей Норвегией, достигшее апогея в конце X — первой трети XI в. Сочинение «Перечня Халейгов» было своего рода ответом на «Перечень Инглингов»: в период острой борьбы двух политических сил поэма Эйвинда должна была обосновать знатность рода хладирских ярлов, равную знатности конунгов-Инглингов, и, соответственно, их равные права на владение Норвегией.

Таким образом, одним из древнейших, еще дописьменным способом репрезентации прошлого в северогерманском мире явились генеалогические перечни, распространенные историческими или квази-историческими сведениями. Все дошедшие до нас родословия VIII–X вв. являются династическими (*origo regis*): в скандинавской исторической традиции практически полностью отсутствуют легенды о происхождении народа (*origo gentis*)¹¹⁹. Традиция составления подобных перечней в древнескандинавской культуре восходит по крайней мере к VIII в. (вероятно, существовала и раньше), а уже к концу X в. протяженными развернутыми родословиями обладают правители всех наиболее крупных скандинавских политий: датские Скъельдунги, ядром владений которых являлся о. Зеландия; упсальские Инглинги, от которых ответвились Инглинги Вестфольда (юго-восточной Норвегии); хладирские (северонорвежские) ярлы. Все они возводят свой род к одному из сыновей Одина: Скъельду (через Скеава), Ингви (отождествленному Снорри с Фрейром) или его сыну Фьельниру, Сэмингу.

Генеалогия в скандинавском дописьменном обществе стала важнейшей формой сохранения памяти о прошлом, которое представ-

¹¹⁹ Исключение составляют так называемые переселенческие сказания. См. о них: Туандер К.Ф. Датско-русские исследования. Пг., 1915. Вып. 3; Christiansen R. The Migratory Legends. Helsinki, 1958.

ляется через призму династической генеалогии. Но наряду с функцией сбережения исторической памяти, генеалогия сформировала само восприятие прошлого — как цепочки поколений, связанных кровным родством. Она структурировала прошлое как ряд последовательных отрезков, каждый из которых был равнозначен жизни одного из представителей генеалогической цепи. Она создавала временной стержень, на который нанизывались события прошлого. Наконец, генеалогия определила литературную форму раннего историописания.

* * *

«Генеалогическая» форма структурирования и репрезентации прошлого в дописьменной культуре Скандинавии не только не исчезает после распространения письменности, но и определяет структуру и содержание начального исландско-норвежского историописания.

Древнейшие исландские исторические сочинения не случайно носили наименование *tal* (мн. ч. *tölur*) «перечень» или *attartal* «перечень родов», как и норвежские генеалогические поэмы Тьодольва и Эйвинда. Несохранившиеся и труд Сэмунда Мудрого, и части книги Ари Торгильссона Мудрого, судя по словам самого Ари и по ссылкам на них позднейших писателей, представляли собой развернутые (хотя и неизвестно, насколько подробные) перечисления норвежских конунгов-Инглингов. Ари, по его словам, включил в «Книгу об исландцах» два варианта родословий: собственно перечень («Konungatal») и «Жизнеописание [норвежских] конунгов» («Konungaævi»). Последнее, видимо, представляло собой последовательный рассказ о деяниях каждого из поименованных в «Konungatal» персонажей.

Аналогична композиция и памятников следующего этапа историописания, открывающегося анонимной «Историей Норвегии». Как и Снорри, в начальной части ее автор использует «Перечень Инглингов» Тьодольва, продолженный вплоть до 1015 г. — года возвращения Олава Харальдссона в Норвегию, и структурирует свое повествование как развернутый генеалогический перечень, что и обозначено в начале исторического раздела текста: «Древний род королей Норвегии...» («Vetus prosapia regum Norwegie...»)¹²⁰, в который в очень сжатой форме включены «биографические»

¹²⁰ Historia Norwegie. S. 74.

сведения о называемых конунгах, прежде всего, об их военной деятельности (некоторые сообщения отсутствуют у Тьодольва) и смерти. Иногда автор «Истории» снабжает сюжеты Тьодольва своими «рационализирующими» комментариями: «Полагают, что его сын Свейгдир последовал за карликом внутрь камня и больше не вернулся, но это следует считать сказкой»¹²¹, а в ряде случаев сообщает иной вариант рассказа, нежели Тьодольв. Так, он пишет, что «Его (Ингьяльда. — *Е.М.*) сын Олав, известный как Лесоруб (прозвище приведено на норвежском языке — *Tretelgia*. — *Е.М.*), завершив долгое и мирное правление, умер в Швеции в преклонных годах»¹²². Снорри, основываясь на строфе Тьодольва, который упоминает и переселение Олава в Верmland, и его гибель в огне, подробно рассказывает об уходе Олава из Упсалы из страха перед Иваром Широкие Объятья, его поселении в Норвегии, пренебрежении к жертвоприношениям, что вызвало голод в стране, и его сожжении в доме. Очевидно, что автор «Истории Норвегии» использовал какие-то другие устные источники, кроме Тьодольва, даже для древнейшего («легендарного») периода. Дальнейшее повествование продолжает заданную поэмой Тьодольва нарративную стратегию и представляет собой нерасчлененное на разделы последовательное повествование о правителях Норвегии, среди которых особое место уделяется Олаву Трюггвасону. Даже и в этих достаточно коротких рассказах о правлениях норвежских конунгов автор «Истории» приводит альтернативные — по отношению к последующим историческим сочинениям — варианты: например, он полагает, что Эйрик Кровавая Секира погиб во время набега на Испанию¹²³, тогда как все другие источники сообщают, что он пал в битве в Англии¹²⁴. Однако эти расхождения в конкретных подробностях, указывающие на использование разных источников, лишь подчеркивают сходство самой организации материала — в строгой хронологической, задаваемой генеалогией последовательности.

Традиция «генеалогического» историописания продолжается в латиноязычной «Истории Норвегии» Теодорика, «Обзоре sag o

¹²¹ «Cuius filius Swegthir nanum in petram persequitur nec redisse dicitur, quod pro certo fabulosum creditor» (Ibid.).

¹²² «Eius filius Olauus cognomento Tretelgia diu et pacifice functus regno plenus dierum obiit in Swethia» (Ibid. S. 78).

¹²³ «At ille in Hispanie finibus, cum piraticam excerceret, bello temptatus occubuit» (Ibid. S. 82).

¹²⁴ См., например: КЗ. С. 69.

норвежских конунгах» и первых сводах: «Гнилой коже» и «Красивой коже». Ни в одном из них не выделены повествования о каждом из конунгов как самостоятельные разделы. Более того, авторы обзоров, видимо, ощущали свою зависимость от перечней или, по крайней мере, преемственность с ними: так, составитель «Красивой кожи» определил свое сочинение как *tal* и озаглавил его: «*Her hæfr vpp Noregs kononga tal oc fyrst vm Halfdan svarta*» («Здесь начинается перечень норвежских конунгов и первым о Хальвдане Черном»)¹²⁵, хотя перечень (список) как таковой отсутствует, а повествование о конунгах от Хальвдана Черного (отца Харальда Прекрасноволосого; 827–858) до Магнуса Эрлингсона (1177 г.) пространно и подробно освещает жизнь каждого из них, особенно обстоятельно — Олава Трюггвасона и Олава Харальдссона.

Наиболее полное воплощение — и завершение — традиция «генеалогического историописания» получила в «Круге земном» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.)¹²⁶. Его произведение предстает как чрезвычайно объемный «перечень конунгов» (*konungatal*), в котором каждое звено генеалогической цепочки разворачивается в отдельную, подчас весьма пространную «биографию» конунга, представляющую собой вполне законченное целое¹²⁷. Жизнеописание (*ævi*) каждого конунга, начиная с Хальвдана Черного, расширяется настолько, что приобретает самостоятельность и превращается в отдельную сагу.

Если не считать «Саги об Инглингах», охватывающей мифологическую и легендарную историю рода конунгов-Инглингов, в «Круг земной» включено 15 саг-жизнеописаний разного размера, который зависит, с одной стороны, от объема имевшейся в распоряжении Снорри информации¹²⁸, с другой — от приоритетов, идеологических и, подчас политических, самого Снорри¹²⁹. Так, центральное место в своде занимает «Сага об Олаве Святом», составляющая более трети всего текста, что очевидным образом

¹²⁵ Fagrskinna. Nóregs Kononga Tal. S. 3.

¹²⁶ Ср.: Turville-Petre J. The Genealogist and History: Ari to Snorri // SBVS. 1978–1979. Vol. 20. P. 7–23.

¹²⁷ Ср., например, «Отдельную сагу об Олаве Святом» Снорри Стурлусона и его же редакцию этой саги в «Круге земном».

¹²⁸ Например, сведения о Хальвдане Черном, отце Харальда Прекрасноволосого, которому посвящена следующая за «Сагой об Инглингах» сага, были, очевидно, крайне скудны — столь же кратко описывают его правление и анонимный автор «Истории Норвегии», и Теодорик, и составитель «Красивой кожи».

¹²⁹ См. подробно: Bagge S. Society and Politics in Snorri Sturluson's *Heimskringla*. Berkeley, 1991.

объясняется отводимой Олаву Харальдссону (убит 29 июля 1030 г.) в исландско-норвежской исторической традиции роли короля, объединившего всю страну, христианизатора Норвегии и первого норвежского (и вообще скандинавского) святого. К концу XII — началу XIII в. культ св. Олава достиг апогея¹³⁰ и отразился как в церковной литературе (житиях, сборниках чудес, литургиях), так и в светской, прежде всего в сагах.

Каждая сага «Круга земного» представляет собой законченное целое — повествование о жизни, деяниях и смерти одного конунга (героями двух саг являются братья, сыновья Магнуса Голоногого и Харальда Гилли, в одной саге рассказывается о соправителях, дяде и племяннике). Рассказ хронологически упорядочен и освещает — в отличие, например, от генеалогических поэм — всю жизнь конунга: его рождение, юношеские подвиги (обычно походы в другие страны), приход к власти, деятельность в качестве конунга (борьба с противниками, установление законов, строительство городов и основание церквей и т.п.) и смерть. И по содержанию, и по типу нарратива эти саги близки жанру биографии¹³¹ — не случайно в последнем по времени справочнике западноскандинавской литературы раздел, посвященный королевским сагам, назван «Королевская биография»¹³².

Достигнув максимально полного воплощения, генеалогический принцип структурирования исторического нарратива начинает размываться, и в четкой композиции повествования, казалось бы, возникают сбои. Так, рождение и юность конунга Снорри нередко описывает в саге, посвященной его отцу, — особенно, если отец в это время еще жив: например, о детстве Харальда Прекрасноволосого говорится в «Саге о Хальвдане Черном». «Биографии» некоторых конунгов Норвегии не представлены отдельными сагами, а вплетены в состав других: например, начало истории Эйрика Кровавая Секира, сына Харальда, рассказывается в «Саге о Харальде Прекрасноволосом», а окончание ее — в следующей «Саге о Магнусе Добром», хотя Эйрик некоторое время и был конунгом Норвегии. Не всегда выдержанное изложение всех сведений о конунге в одной, посвященной ему саге, может быть наследием нерасчлененных «перечней». Но оно может быть связано и с тем, что важнее строгой

¹³⁰ См.: St. Olaf, seine Zeit und sein Kult / Red. G. Svahnström. Visby, 1981.

¹³¹ В современном понимании — художественной биографии, в которой допускается определенная доля вымысла (например, вымышленные диалоги).

¹³² *Armann Jakobsson*. Royal Biography. P. 388–402.

генеалогической структурированности материала для Снорри оказывается принцип последовательности властной — что, как говорилось выше, проявилось уже в «Саге об Инглингах». Большинство саг-биографий открывается приходом героя данной саги к власти. Факт наследования им власти может просто констатироваться: «Сага о Магнусе Голоногом» начинается словами: «Магнус, сын Олава конунга, был сразу же после кончины Олава конунга провозглашен в Вике конунгом всей Норвегии», а сага о его сыновьях — «После гибели конунга Магнуса Голоногого его сыновья — Эйстейн, Сигурд и Олав — стали конунгами Норвегии»¹³³. Обстоятельства прихода к власти могут быть изложены более подробно, особенно если они были сложными, как, например, скитания Олава Трюггвасона, викингская деятельность Олава Харальдссона или пребывание в изгнании Магнуса Доброго.

Таким образом, раннее норвежско-исландское историописание зарождается и развивается в русле генеалогической традиции. Однако уже во второй половине XII в. в Норвегии возникает иной, не основанный на родословиях специфический вид историописания, имевший форму отдельной саги.

* * *

Норвежские латиноязычные «Истории», как и своды королевских саг, не освещали близкие ко времени их создания события — правление Сверрира, захватившего власть в Норвегии в ходе начавшейся после смерти Сигурда Крестоносца (1130 г.) гражданской войны между представителями баглеров, или «посошников» (представителей аристократии, католического духовенства и торговцев) и биркебейнеров, или «лапотников» (в основном крестьян), которая завершилась закреплением на престоле Хакона Хаконарсона в 1240 г. (коронован в 1217 г.)¹³⁴. Перипетии этого времени были запечатлены в рамках иной историографической традиции — в форме отдельных саг. В отличие от «Историй» и компендиумов, эти саги написаны современниками и освещают историю Норвегии от 1130 г. до последней четверти XIII в.

Первая из этой группы саг (датируется временем около 1150 г.) не сохранилась и известна по упоминанию о ней Снорри, который называет ее «Нрыggjarstykki» («Кусок спинного хребета» или

¹³³ КЗ. С. 467, 481.

¹³⁴ *Jón Viðar Sigurðsson*. Det norrøne samfunnet. Oslo, 2008.

«Кусок пергамена»). Как теперь считается, она охватывала короткий период с 1130 (или даже 1136) по 1139 г. и рассказывала о борьбе за норвежский престол Сигурда Слембира¹³⁵. Написанная Эйриком Оддссоном, эта сага была использована в сводах «Гнилая кожа», «Красивая кожа» и «Круг земной». Снорри подробно характеризует источники, на которых основана сага, и ее содержание:

Халль, сын Торгейра Лекаря сына Стейна, был дружинником Инги конунга и присутствовал при всех этих событиях. Он рассказал о них Эйрику сыну Одда, и тот записал этот рассказ. Эйрик написал книгу, которая называется Хрюггьярстюкки. В этой книге рассказывается о Харальде Гилли и двух его сыновьях, о Магнусе Слепом и о Сигурде Слембуре, всё до самой их смерти. Эйрик был человек умный и подолгу бывал в Норвегии в те времена. Некоторые рассказы он записал со слов Хакона Брюхо, лендрманна сыновей Харальда. Хакон и его сыновья участвовали во всех этих распрях и делах. Эйрик называет также других людей, умных и заслуживающих доверия, которые рассказали ему об этих событиях и которые присутствовали при них, так что видели или слышали, что происходило, а кое-что он написал, согласно тому, что сам слышал или видел¹³⁶.

Сигурд (казнен в 1139 г. за убийство Харальда Гилли) претендовал на соправительство на норвежском троне, выдавая (?) себя за незаконного сына Магнуса Голоногого (таковым же был и Харальд Гилли), но признания не получил. История его борьбы — первое описание современных автору событий, и оно полностью оторвано от генеалогической традиции, хотя Сигурд и апеллирует к своей фальсифицированной (?) родословной.

События гражданской войны 1177–1240 гг. послужили содержанием еще нескольких отдельных саг. В 1185–1188 гг. находившийся в это время в Норвегии аббат исландского монастыря в Тингейраре Карл Йонссон (ум. 1212/13) пишет о другом, более удачливом претенденте, ставшим королем Норвегии, — Сверрире (1177–1202, король с 1184 г.). Сага была начата по прямому заказу и под наблюдением самого Сверрира и закончена после его смерти, возможно также Карлом¹³⁷. Последующий ход войны (1202–1217 гг.) и противостояние баглеров и

¹³⁵ См. о ней: *Bjarni Gudnason. Fyrsta sagan*. Reykjavík, 1978; Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide. P. 214; *Ármann Jakobsson*. Royal Biography. P. 389.

¹³⁶ Haraldssona saga, кап. XI // Hkr. III. Bls. 318–319; КЗ. С. 523.

¹³⁷ *Sverris saga etter Cod. AM 327 4º / Udg. G. Indrebø*. Kristiania, 1920 (переизд.: Oslo, 1981). Рус. пер.: Сага о Сверрире / Изд. подгот. М.И. Стеблин-Каменский, А.Я. Гуревич, Е.А. Гуревич, О.А. Смирницкая. М., 1988.

биркебейнеров после смерти Сверрира освещаются в «Сагах о баглерах» («*Boðlunga sögur*») — цикле из трех саг, каждая из которых имеет своего собственного героя: Хакона, сына Сверрира, Гутторма, сына Сигурда, и Инге, сына Барда¹³⁸. Предполагается, что цикл написан в два этапа: первая, бóльшая часть — ок. 1210 г., заключительная — вскоре после смерти Инге в 1217 г. Завершающему этапу гражданской войны и установлению мира в Норвегии посвящена «Сага о Хаконе Хаконарссоне», написанная племянником Снорри Стурлой Тордарсоном в 1264–1265 гг. по просьбе сына Хакона, Магнуса Исправителя Законов, а ок. 1280 г. он же создает сагу о самом Магнусе.

В 1190–1200-е годы в Исландии также появляются отдельные саги, посвященные Олаву Трюггвасону и Олаву Харальдссону. Саги о Олаве Трюггвасоне создаются уже до 1200 г. и на латинском (монахом монастыря в Тингейрар Оддом Сноррасоном), и на исландском (монахом того же монастыря Гунлаугом Лейвссоном) языках; первая из них ок. 1200 г. переводится на исландский язык. «Древнейшая сага об Олаве Святом», написанная предположительно монахом Тингейрарского монастыря ок. 1200 г., «Легендарная сага об Олаве Святом» начала XIII в., несохранившееся «Жизнеописание Олава Святого» Стюрмира Карасона (1210–1225 гг.) и, наконец, «Отдельная сага об Олаве Святом», вероятно, Снорри Стурлусона (1220–1230 гг.) — свидетельствуют о живом интересе к этому норвежскому конунгу. Эти саги несколько различаются по своему характеру: некоторые из них, как сага монаха Одда и «Легендарная сага об Олаве Святом», обнаруживают влияние церковной литературы и носят агиографический характер, другие приближаются к светским, «королевским» биографиям.

Саги о гражданской войне в Норвегии и отдельные саги об Олавах кардинально отличаются от *attartölur* и компендиумов. Во-первых, они никоим образом не связаны с предшествующей генеалогической традицией. Во-вторых, к ним полностью применима характеристика «Саги о Сверрире», данная Арманном Якобссоном: это — «пространная биография, богатая подробностями и художественными приемами, полная второстепенных персонажей, диалогов и тщательно разработанных сцен. В противоположность синоптикам, в которых король зачастую представлен на

¹³⁸ Soga om birkebeinar og baglar: *Boðlunga sögur* / Udg. H. Magerøy. Oslo, 1988. Рус. пер.: Сага о посошниках // Исландские саги / Пер. А.В. Циммерлинга. М., 2000. С. 273–305.

сцене один, она передает ощущение большого сообщества, окружающего короля. Среди ее особенностей — длинные описания сражений и стратегических перемещений, речей Сверрира с их “странным смешением торжественности и юмора”¹³⁹. В-третьих, может быть важнейшей их особенностью является то, что почти все они — авторские, мы знаем имена подавляющего большинства их составителей. В числе их авторов — и монахи исландских и норвежских монастырей, и исландские ученые-хёвдинги. Составители этих саг не только осознают себя их создателями, но и эксплицитно утверждают свое авторство. Так, например, монах Одд завершает свой рассказ словами:

Здесь заканчивается сага Олава конунга, который по праву может называться апостолом норвежцев (или: людей севера. — *Е.М.*). Эту сагу написал и сложил монах Одд для прославления этого знаменитого конунга и для памяти тем людям, которые веруют, и для сведения тем людям, которые хотят знать о таких великих чудесах¹⁴⁰.

Авторы исторических сочинений, составленных в рамках генеалогической традиции, в том числе и Снорри, никогда не называют себя в самом произведении, как монах Одд, и лишь изредка упоминаются значительно позднее: так, прочно закрепившееся в научной литературе мнение, что автором «Круга земного» является Снорри Стурлусон, основано не на его собственном заявлении или указаниях ближайших его последователей, а на утверждениях норвежцев Л. Ханссёна и П. Клауссёна, переведших, соответственно, в 1548–1551 и в 1599 г. «Круг земной» на датский язык. Но они не указали, на чем основана их атрибуция¹⁴¹, поэтому каких-либо доказательств авторства Снорри по существу не имеется¹⁴². Известны и составители многочисленных родословий-перечней XIII–XIV вв. Исключительный случай — сохранение имен Сэмунда и Ари, авторов первых перечней норвежских конунгов, но можно

¹³⁹ *Ármann Jakobsson*. Royal Biography. P. 392.

¹⁴⁰ «Her lykr nu sogu Olafs konongs er at retto ma kallazt postoli Norðmanna. Þessa sogu ritaði oc setti Oddr munkr til dyrðar þessom hinom agæta konongi oc til minis þæim monnom er siðar ero oc til froðlæiks þæim monnum er vita vilia slik stormærki» (*Saga Óláfs Tryggvasonar av Oddr Snorrason munkr / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. Kap. 64*).

¹⁴¹ *Стеблин-Каменский М.И.* «Круг Земной» как литературный памятник // КЗ. С. 585.

¹⁴² См. выше примеч. 60.

полагать, что они запечатлелись в памяти потомков прежде всего как имена первых «мудрых людей», зафиксировавших эти перечни в письменной форме. Не нарушает эту картину и введение Ари росписи своего рода, и указание им своего имени в «Книге об исландцах», которая в сущности не относится к генеалогической традиции историописания: «Книга» посвящена истории становления исландского общества, и генеалогическая информация в ней факультативна. Видимо, генеалогическая историческая традиция рассматривалась в обществе как коллективное, не имеющее персонального авторства знание, и потому ее репрезентация в письменном нарративе не воспринималась как создание оригинального, «авторского», произведения.

* * *

Если от VIII–X вв. до нас дошли только династические генеалогии (*origo regis* Скьельдунгов, Инглингов, ярлов Хладира), которые определили исландско-норвежское историописание XII–XIII вв., то в XII в. в Исландии появляется новый тип генеалогий — *kynkvíslir* исландских семей. В сохранившемся, окончательном виде «Книга об исландцах» содержит сведения о потомках первопоселенцев, т.е. генеалогическую информацию, которая, однако, представлена описательно и не сведена в перечни. Кроме того, в конце книги приведены родословия четырех исландских епископов (первого и современного Ари в каждом из двух диоцезов Исландии, Холаре и Скальхольте) и самого Ари Торгильссона, оформленные в виде простых списков. Вслед за заключительной фразой «Здесь заканчивается эта книга» («Нér lýkst sjá bók») следуют общий заголовок «Bókarauki» («Дополнение») и наименование раздела «Byskupaættir» («Роды епископов»). В него входят четыре перечня, начинающиеся словами:

Это род (*kyn*) исландских епископов и родословный перечень (*áttartala*):

Первопоселенец Кетильбьёрн, который поселился к югу от вершины Мосфелли (Мшистой горы. — *Е.М.*), был отцом Тейта, отца Гицура Белого, отца Ислейва, который был первым епископом в Скальхольте, отца епископа Гицура¹⁴³.

¹⁴³ «Þetta er kyn byskupa Íslendinga ok áttartala: Ketilbjörn landnámsmaðr, sá er byggði suðr at Mosfelli inu efra, var faðir Teits, föður Gizurar ins hvíta, föður Ísleifs, er fyrstr var byskup í Skálalholti, föður Gizurar byskups» (Íb. Bókarauki).

Аналогичным образом вводится и родословие самого Ари¹⁴⁴:

Таковы имена предков-мужчин (*langfeðga*) Инглингов и Брейдфирдингов (рода из Широкого Фьорда. — *Е.М.*): I. Ингви конунг тюрок. II. Ньёрд конунг свеев. III. Фрейр. IIII. Фьёлнир, который умер у Фрид-Фроди¹⁴⁵. V. Свегдир. VI. Ванланди. VII. Висбур. VIII. Домальд. IX. Домар. X. Дюгтви. XI. Даг. XII. Альрек. XIII. Агни. XIII. Ингви. XV. Ёрунд. XVI. Аун Старый. XVII. Эгиль Вендельская Ворона¹⁴⁶. XVIII. Оттар. XIX. Адильс из Уппсал. XX. Эйстейн. XXI. Ингвар. XXII. Энунд Дорога. XXIII. Ингьяльд Коварный. XXIII. Олав Лесоруб. XXV. Хальвдан Белая Кость конунг Уппланда. XXVI. Годрод. XXVII. Олав. XXVIII. Хельги. XXIX. Ингьяльд сын дочери Сигурда сына Рагнара Кожаные Штаны. XXX. Олейв Белый. XXXI. Торстейн Рыжий. XXXII. Олейв Фейлан, который первым из них поселился в Исландии. XXXIII. Торд Ревун. XXXIII. Эйольв, который крестился в старости, когда христианство пришло в Исландию. XXXV. Торкель. XXXVI. Геллир, отец Торкеля, отца Бранда и Торгильса, моего отца, а меня зовут Ари¹⁴⁷.

Дополнительные сведения приводятся только в исключительных случаях: Ари отмечает родство — через мать — с Рагнаром Кожаные Штаны, знаменитым викингом X в., переселение в Исландию Олейва Фейлана, принятие христианства первым членом рода.

Родословия Ари не являются случайными приложениями к тексту, а играют важную социо-культурную роль: перечни епископов, с одной стороны, дополняют историю христианской церкви в Исландии — центральную тему сочинения Ари; с другой стороны, как показал Ф.Б. Успенский, они служат своеобразной формой посвящения книги: две из родословных принадлежат тем самым епископам Торлаку и Кетилу, которым Ари показывал первую редакцию «Книги об исландцах», по совету которых перерабатывал ее

¹⁴⁴ Хотя родословие Ари отсутствует в средневековых рукописях и представлено только в списках XVII в., оно считается вполне исправной копией оригинального текста (*Clunies Ross M. The Development. P. 381*).

¹⁴⁵ Букв. Фроди-Мир, Мирный Фроди. О причинах этого прозвища — царившем во время его правления мире и благоденствии — рассказывает Снорри: (*Ynglingasaga, kap. XI // Hkr. 1. Bls. 25–26*).

¹⁴⁶ Согласно Тьодольву и Снорри, прозвище «Вендельская ворона» получил не Эгиль, а его сын Оттар (*Ibid., kap. XXVII // Hkr. 1. Bls. 54–55*).

¹⁴⁷ «Pessi eru nöfn langfeðga Ynglinga ok Breiðfirðinga: I. Yngvi Tyrkjakonungr. II. Njörðr Sviakonungr. III. Freyr. IIII. Fjöltnir, sa es do at Friðfroða. V. Svegðir. VI. Vanlandi. VII. Visburr. VIII. Domaldr. IX. Domarr. X. Dyggvi. XI. Dagr. XII. Alrekr. XIII. Agni. XIII. Yngvi. XV. Jörundr. XVI. Aun enn gamli. XVII. Egill vendilkraka.

и которые, очевидно, являются ее адресатами¹⁴⁸. Основной функцией родословия самого Ари, как полагает Ф.Б. Успенский, было утверждение его собственного авторства¹⁴⁹, но, возможно, также и желание запечатлеть историю своего рода, которая определяла его социальный статус — особую знатность, поскольку его семья происходила от конунгов-Инглингов.

Со сходными претензиями — происхождением от Скъьльдунгов и через них от Одина — выступали члены другого знатнейшего рода Исландии — Оддаверьяры (*Oddaverjar*), владевшие хутором Одди, к которым принадлежали Сэмунд Мудрый, Йон Лоптссон и др. и в котором проходили обучение многие выдающиеся деятели второй половины XII — XIII в., в том числе Снорри Стурлусон. В отличие от Ари, род из Одди возводил свое происхождение к датским Скъьльдунгам, а через мать Харальда Прекрасноволосого — к Рагнару Кожаные Штаны. Эти связи обуславливали особый интерес представителей рода к генеалогической традиции и их важную роль в составлении таких произведений, как «Сага о Скъьльдунгах» и саги о героях древности из этой династии (Хрольве Жердинке, Рагнаре Кожаные Штаны и его сыновьях, и др.)¹⁵⁰. Стремление к такого рода генеалогиям, «возможно, проистекало не только из семейной гордости исландцев и желания иметь знаменитых предков, но также, как предположил Э. Фолкс, и из-за внутри-исландского соперничества между могущественными семействами, которые соревновались в создании наиболее впечатляющих родословий»¹⁵¹.

Более обстоятельно — и целенаправленно — генеалогические сведения об исландцах представлены в другом сочинении, «Книге о заселении земли» («*Landnámabók*»), древнейшая редакция которой, как

XVIII. Ottarr. XIX. Aðisl at Uppsölum. XX. Eysteinn. XXI. Yngvarr. XXII. Braut-
Qnundr. XXIII. Ingjaldr enn ilraði. XXIII. Olaftr tretelgja. XXV. Halfdan hvitbeinn
Uplendingakonungr. XXVI. Goðroðr. XXVII. Olaftr. XXVIII. Helgi. XXIX. Ingjaldr,
dottursonr Sigurðar Ragnarssonar loðbrokar. XXX. Oleifr enn hviti. XXXI. Þorsteinn
enn rauði. XXXII. Oleifr feilan, es fyrstr byggði þeira a Islandi. XXXIII. Þorðr gellir.
XXXIII. Eyjolftr, es skirðr vas i elli sinni, þa es kristni kom a Island. XXXV. Þorkell.
XXXVI. Gellir, faðir þeira Þorkels, fõður Brands, ok Þorgils, fõður mins, en ek heitik
Ari» (Íb. Bls. 27–28).

¹⁴⁸ Успенский Ф.Б. Злободневность прошлого: Генеалогический перечень как манифестация авторства // Успенский Ф.Б. Люди, тексты и вещи: Из истории культуры средневековой Скандинавии. М., 2014. С. 81–87.

¹⁴⁹ Там же. С. 87–90.

¹⁵⁰ *Bjarni Guðnason*. Formáli // Danakonunga sögur. Bls. lxxiii–lxxv.

¹⁵¹ *Clunies Ross M.* The Development. P. 380; *Faulkes A.* The Descent from the Gods. P. 95.

считается, была создана тем же Ари Торгильссоном¹⁵². В «Книге» названо около 430 первопоселенцев, перечисление браков и потомства которых, а также мест их жительства составляет основное содержание произведения. В целом упомянуто более 3500 человек, мужчин и женщин. Иногда родословия расширяются рассказом, как правило, очень кратким, о каком-либо событии или деянии упомянутого лица:

Энунд Широкая Борода был сыном Ульвара, сына Ульва Бородача из Фитьяра, сына Торира Крикуна. Энунд занял все междуречье Белой Реки и Реки Дымной Долины и жил в Широком Жилье. Он женился на Гейрлауг, дочери Тормода с Мыса Пашен, сестре Берси. Их сыном был Тунгуодд, а Тороддой звали их дочь. На ней женился Торви, сын Вальбранда, сына Вальтьова, сына Эрлюга с Тальковой Горы, и получил в приданое половину Широкого Жилья и землю Перешейка. Он подарил своей сестре Сигню Двор Сигню, и она жила там. Торви убил двенадцать людей с Горба, а затем еще больше с Островка, когда он был на Пещерных Лугах с Иллуги Черным и годи Стурлой. Тогда было убито восемнадцать жителей Пещерных Лугов, а Аудун сын Смедкеля сжег их во Дворе Торварда. Сыном Торви был Торкель с Настового Острова¹⁵³.

Наряду с родословиями «Книги о заселении земли», генеалогическая информация насыщает родовые саги. Практически каждый вводимый в действие персонаж снабжается более или менее подробной родословной, в которой учитываются предки и по мужской, и по женской линиям. Знание родословных было неотъемлемой частью исландской культуры и важным инструментом социально-политической жизни¹⁵⁴. Однако родословия родовых саг никогда не перерастали в отдельные перечни и, дополненные описанием внешнего вида персонажа, носили по преимуществу литературный характер, являясь способом введения в повествование нового персонажа и его характеристикой.

Таким образом, родословия исландцев возникли и продолжали существовать в рамках отдельных семейных традиций, образы-

¹⁵² «Книга» сохранилась в трех редакциях XIII–XIV вв. и двух – XVII в. См. подробно: *Jakob Benediktsson. Formáli // Íslendingabók. Landnámabók. Reykjavík, 1986. (ÍF; I). Bls. LXIII–LXXI; Idem. Landnámabók // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia. P. 373–374.*

¹⁵³ *Landnámabók*, кап. 20. Перевод Е.В. Литовских.

¹⁵⁴ См.: *Литовских Е.В.* Генеалогические представления в средневековом исландском обществе (На материале «Саги о Ньяле»). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004 (там же см. обширную литературу).

вавших фоновое знание всех островитян. Важность родословий, прежде всего практическая — определение степени знатности того или иного рода и право на определенный участок земли, — потребовала их раннего обобщения и записи, что и было сделано в «Книге о занятии земли». Показательно, что эта сводка семейных родословий была осуществлена уже в самом начале использования в Исландии латинского письма для записи исландскоязычных текстов (нет ни одного, хотя бы небольшого фрагмента каких-либо записей XI в.). И не менее показательно, что на протяжении XIII–XIV вв. она перерабатывалась четырежды: Стюрмиром Карасоном (ум. 1245 г.; редакция не сохранилась), Стурлой Тордарсоном (ум. 1284 г.: так называемая «Sturlubók»), Хауком Эрлендссоном в 1306–1308 гг. («Hauksbók») и неизвестным исландцем также в начале XIV в. («Melabók», содержащая древнейшую редакцию), что говорит о ее чрезвычайной востребованности в обществе. Вместе с тем, «семейная генеалогия» была самодостаточным культурным явлением и не проявляла тенденции к инкорпорированию семейной истории, которая излагалась в родовых сагах.

* * *

Родословие Ари Торгильссона ввело в исландский «ученый» обиход третью генеалогическую традицию, общеевропейскую, которая расцвела в Исландии и Норвегии в XIII и особенно в XIV в., став династической в новых социально-политических условиях этого времени. Первопредком своего рода Ари называет *Yngvi Tyrkjakonungr* («Ингви конунга тюрок», под которыми в Скандинавии понимали кочевые народы Юго-Восточной Европы, но также расширительно — народы Азии¹⁵⁵). Очевидно, что определяя Ингви как «конунга тюрок», Ари имел в виду легенду о миграции богов-асов, уже претерпевших эвгемеризацию и осмысленных в качестве героев (так, Ньёрд называется «конунгом свеев»)¹⁵⁶, из Причерноморья в Скандинавию, легенду, которая позже найдет развернутое воплощение в сочинениях Снорри Стурлусона в форме переселенческого сказания о приходе Одина из Великой Сви-

¹⁵⁵ *Klingenberg H.* Odin und die Seinen: altisländischer Gelehrter Urgeschichte anderer Teil // *Álvismál.* 1993. B. 2. S. 33–40.

¹⁵⁶ *Faulkes A.* Descent from the Gods. P. 106–110.

тьод в Скандинавию¹⁵⁷. В этой легенде контаминировались смутные воспоминания о германцах (готах) в Северном Причерноморье (в Великой Свитьод¹⁵⁸)¹⁵⁹ и «ученая» концепция о «троянском» происхождении европейских народов, восходящая к сочинению «О разрушении Трои» («De excidio Troiae», V–VI вв.), автором которого в тексте памятника назван якобы троянский жрец по имени Dares (или Daret) Phrygius, бежавший после падения Трои¹⁶⁰. Уже в VII в. легенду о происхождении европейцев от троянцев использует франкский хронист (Псевдо-)Фредегар, связывая франков с бежавшими троянцами («приамами»), которые осели в долине Рейна и избрали короля по имени Francio¹⁶¹. С VIII в. обращение к «троянской легенде» приобретает массовый характер, а в XII в. она становится излюбленным истоком как королевских генеалогий, так и распространившихся в это время генеалогий высшей знати¹⁶².

Опорными элементами, облегчавшими такую контаминацию, служили, во-первых, общее географическое расположение центра

¹⁵⁷ Heusler A. Die gelehrte Urgeschichte im altisländischen Schriftum. В., 1908; Dronke U. & P. The Prologue of the *Prose Edda*: Explorations of a Latin Background // Sjöföb ritgerðir helgaðar Jakobi Benediktssyni, 20 júlí 1977. Reykjavík, 1977. В. 1. Bls. 153–176; Klingenberg H. Trór Þórr (Thor) wie Trös Aeneas: *Snorra Edda* Prolog, Vergil-Rezeption und Altisländische Gelehrte Urgeschichte // *Álvismál*. 1992. В. 1. S. 17–54; *Idem*. Odin und die Seinen. S. 31–80.

¹⁵⁸ О понятии Великой, или Холодной Свитьод см.: Джаксон Т.Н. Скифия древнескандинавских источников: к истории сложения образа // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти Аркадия Анатольевича Молчанова (1947–2010). М., 2014. С. 205–213.

¹⁵⁹ См. подробнее: Мельникова Е.А. Легенда об «азиатской прародине» в средневековой Скандинавии // Теория и методы исторической науки: шаг в XXI век. Матлы междунар. науч. конф. М., 2008. С. 359–361.

¹⁶⁰ Clark F.N. Reading the «First Pagan Historiographer»: Dares Phrygius and Medieval Genealogy // *Viator*. 2010. Vol. 41, N 2. P. 203–226; Ballow J. Gregory of Tours and the Myth of the Trojan Origins of the Franks // *Frühmittelalterliche Studien*. 1995. Bd. 29. S. 86–95; Anton H.H. Troja-Herkunft, *origo gentis* und frühe Verfasstheit der Franken in der gallisch-fränkischen Tradition des 5. bis 8. Jahrhunderts // *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*. Wien; München, 2000. Bd. 108, Heft 1–2. S. 1–30.

¹⁶¹ *Fredegarii Chronica*, I, 5; II, 4–6; III, 2 / Ed. J.M. Wallace-Hadrill. L.; N.Y., 1960. Рус. пер. кн. 4 см.: Хроники Фредегара / Пер. с лат., коммент., вступит. ст. Г.А. Шмидта. СПб., 2015. См.: Reynolds S. *Medieval Origines Gentium and the Community of the World* // *History*. 1983. Vol. 68. P. 376–377; Dörler P. *The Liber Historiae Francorum — a Model for a New Frankish Self-Confidence* // *Networks and Neighbours*. 2013. Vol. 1, N 1. P. 23–43.

¹⁶² *Ingldeu F. The Book of Troy and the Genealogical Construction of History: the Case of Geoffrey of Monmouth's Historia regum Britanniae* // *Speculum*. 1994. Vol. 69. July. P. 665–704.

миграции где-то далеко «на востоке» в рамках древнескандинавской ориентационной системы (местонахождение ни Трои, ни легендарной «Великой Свитьод» не было известно) и, во-вторых, народно-этимологические соотношения названий асы — Азия и Троя — тюрки. Видимо, опираясь на эти «схождения», Ари соединяет собственно скандинавскую генеалогическую традицию происхождения Инглингов от Ингви сына Одина и «троянскую», в соответствии с которой Ингви предстает в качестве конунга тюркок-троянцев.

Наиболее полное развитие «троянская легенда» получила в Прологе к «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона, который возвел Одина через ряд степеней к «верховному конунгу» Трои Приаму¹⁶³.

Во второй половине XIII и в XIV в. создаются многочисленные перечни¹⁶⁴, в которых отсутствует какая-либо историческая информация и которые иногда существенно различаются, особенно в ранних своих частях. Правящие в Скандинавских странах династии возводят свой род к Одину через одного из его сыновей или внуков: Ингви, Фьельнира, Скьельда¹⁶⁵, — а также к эпонимическим персонажам: Дану, Нору (в «Саге об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда, 1190-е годы), Транду («Hversu Noregr byggdisk» — «Как заселялась Норвегия»)¹⁶⁶ и др., которые представлены сыновьями Одина. Имена сыновей Одина могут варьировать, но наиболее устойчивыми являются Инги(-Фрейр) и его сын Фьельнир — прародители шведских и норвежских Инглингов и Скьельд — прародитель датских Скьельдунгов. Множественность и разнообразие начальных частей генеалогических древ (они более или менее совпадают лишь за два–три поколения до первого «исторического»

¹⁶³ Младшая Эдда / Изд. подгот. О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. М.: Л., 1970. С. 10–11. См.: *Dronke U. & P. The Prologue. Bls. 153–176; Faulkes A. Descent from the Gods. P. 110–124.*

¹⁶⁴ *Clunies Ross M. Snorri Sturluson's Use of the Norse Origin-Legend.*

¹⁶⁵ *Faulkes A. Descent from the Gods. P. 92–125.*

¹⁶⁶ *Flateyrbók / Udg. S. Nordal. Akranes, 1944. B. 1. S. 22–23. Ср., например: «Хрингом звали конунга, который правил Восточным Гаутландом. Он был сыном конунга Гаута сына Одина» («Hringr hefir konungr heitit, er réð fyrir Eystra-Gautlandi. Hann var sonr Gauta konungs, sonar Óðins»: *Bósa Saga ok Herrauðs*, Kap. 1 / Guðni Jónsson, Bjarni Vilhjálmsson gáfu út // http://www.heimskringla.no/wiki/B%C3%B3sa_saga_ok_Herrau%C3%B0s). В этой генеалогии фигура Одина как бы раздваивается: в мифологической и поэтической традициях «Гаут» является одним из имен Одина, но здесь он представлен в качестве сына Одина — эпонима гаутов, от названия которых происходит наименование области Гаутланд (Västergötland и Östergötland в совр. Швеции).*

правителя: Харальда Прекрасноволосого в Норвегии, Эйрика Победоносного в Свеаланде, Харальда Синезубого в Дании) указывают на активную и широко распространенную деятельность по (вос)созданию максимально длинных и престижных родословий.

«*Ættartala Haralds frá Ódni*» («Родословие Харальда [Прекрасноволосого] от Одина») в «Книге с Плоского острова»¹⁶⁷ — а принадлежность к роду Харальда считалась в Норвегии обязательной для легитимности правителя и потому его родословие имело принципиально важное значение — не только возводит его род к Одину, но и продлевает родословие до мифологического прародителя асов Бури (*Búri*), сын которого Бур/Бор (*Burr/Borr*) и великанша Бестла (внучка Имира, из тела которого был создан мир) породили Одина и двух его братьев, Вили и Ве¹⁶⁸: Бури — Борс — Один — Фрейр — Ньёрд — Фьельнир и т.д.). В той же «Книге с Плоского острова» представлены и альтернативная родословная Харальда Прекрасноволосого — на основе библейской традиции¹⁶⁹: в «*Ætt Haralds frá Adam*» («Род Харальда от Адама») — счет ведется от первочеловека; его сыновьями являются античные герои, от которых происходят Бури — Борс — Один и далее до Харальда («И насчитывается 69 поколений между Адамом и Харальдом»)¹⁷⁰. Эта традиция основывается на книге «Бытие», где речь идет о генеалогии народов, происходящих от сыновей Ноя. Ее средневековая версия восходит к «Книге вопрошаний» Иеронима (330–420), но свое широчайшее распространение в средневековой Европе, равно как и в Скандинавии, она получила благодаря «Этимологиям» Исидора Севильского (ум. 636). В скандинавской литературе эта генеалогия приводится уже в предисловии к «Саге о Тидреке Бернском» (ок. 1250), а позднее — в нескольких редакциях сочинения «О разделении земли между сыновьями Ноя» (до начала XIV в.): по одной редакции, скандинавы происходят от Иафетида Гомера, по второй — от Иафетида Тубала¹⁷¹. Библейское *origo gentis* в скандинавских сочинениях ведется только от сыновей Ноя, династические же родословия могут восходить к Ною или Адаму

¹⁶⁷ Flateyrbók. В. 1. Bls. 27–28.

¹⁶⁸ См.: Lindow J. Handbook of Norse Mythology. Santa Barbara, 2001. P. 90.

¹⁶⁹ Hill T.D. The Myth of the Ark-born Son of Noe and the West-Saxon Royal Genealogical Tables // Harvard Theological Review. 1987. Vol. 30, N 3. P. 379–383.

¹⁷⁰ Flateyrbók. В. 1. Bls. 28–29

¹⁷¹ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. С. 130–139.

и контаминироваться с исконно-германской традицией, когда Один превращается в одного из потомков Ноя (Адама). «Удачная комбинация старых и новых элементов дала возможность северным историкам сохранить элементы своей старой традиции, не отступая от идеологии своего времени. Путь, выбранный в данном случае, — это введение элементов языческих генеалогий в христианский контекст»¹⁷².

* * *

Как и в любом раннем обществе¹⁷³, генеалогия являлась важной составляющей мировосприятия германцев: происхождение своего народа (*origo gentis*) и происхождение своего правителя (*origo regis*) были необходимым элементом формирования коллективного самосознания и самоидентификации. Существование у германских народов легенд об их происхождении от богов отмечает уже Тацит в конце I в. н.э., а в памятниках VI–VIII вв. в разных концах германского мира записываются родословия королей: готских Амалов (Иордан), лангобардских Гугингов («Эдикты» Ротари), англо-саксонских правителей Мерсии, Дейре, Уэссекса и др. Эти ранние родословия представляют собой простые списки, не содержащие почти никаких данных, кроме цепочек имен. Большинство родословий возводится к богам германского пантеона, чаще всего к Водану (Одину).

Потенциальная способность генеалогий инкорпорировать исторические и квази-исторические сведения — включать в них характеристику называемого лица, сообщение о его деяниях и т.п. — была реализована скандинавами¹⁷⁴ уже в VIII в. и получила развитие в IX–X вв., когда были созданы генеалогические скальдические поэмы норвежцами Тьодольвом из Хвинира и Эйвиндом Погубителем Скальдов. Если древнейшее дошедшее до нас в поэме «Беовульф» распространенное родословие — датского конунга Хродгара — содержит характеристики его предков, но не описание их деяний, то поэмы Тьодольва и Эйвинда включают сведения об обстоятельствах

¹⁷² Глазырина Г.В. Легенды о происхождении правящей династии // Norge-Russland 2004/2005 — Норвегия и Россия 2004/2005. Rapport fra det historisk-arkeologiske seminaret i St. Petersburg 26.–28. april 1999 — Мат-лы историко-археологического семинара в Санкт-Петербурге 26–28 апреля 1999 г. Oslo, 2001. С. 46.

¹⁷³ Vansina J. Oral Tradition as History. Wisconsin, 1985. P. 179–183.

¹⁷⁴ О существовании аналогичных текстов в других регионах германского мира сведений нет. Франкские генеалогии VIII в. и последующего времени строятся уже на иных основаниях.

смерти, действительных или легендарных, каждого из поименованных правителей. Тем самым в скандинавском, еще дописьменном обществе формируется историческая генеалогическая традиция, ставшая основной формой восприятия, структурирования и хронологизации прошлого, как и репрезентации памяти о нем.

На важную роль генеалогии в становлении историописания указывал еще В.С. Иконников: «Первую ступень исторического предания составляет генеалогия... Постепенно, с присоединением к генеалогическим данным событий и замечательных подвигов, генеалогия переходит в хронику»¹⁷⁵. Именно так, в русле генеалогической традиции зарождается и развивается норвежско-исландское историописание. Несохранившиеся перечни (неизвестно, насколько развернутые) и жизнеописания норвежских конунгов Сэмунда Сигфуссона и Ари Торгильссона явились первой письменной фиксацией исторической генеалогической традиции и, одновременно, первыми памятниками историописания. Отражая господствовавшие в обществе представления об истории, эти труды стали источником и образцом для последующих писателей. Даже норвежские латиноязычные «Истории», авторы которых были знакомы с европейской хронистикой, в большей или меньшей степени опирались в своих сочинениях на эту традицию.

Наиболее полное развитие «генеалогическое историописание» получило в Исландии в обзорах и компендиумах конца XII — первой трети XIII в., освещающих историю норвежских конунгов-Инглингов до последних двух десятилетий XII в. В них сохраняется структура генеалогического перечня — своего рода сюжетный паратаксис, при том, что жизнеописания каждого из конунгов, особенно Олава Трюггвасона и Олава Харальдссона, подробны и охватывают всю жизнь правителя от рождения до смерти. Вплоть до «Круга земного» нарратив целен и не разбит на отдельные жизнеописания. Лишь Снорри Стурлусон впервые разделяет повествование на отдельные главы, каждая из которых посвящена биографии одного конунга и носит название «сага». Снорри, писатель и политик, вносит в генеалогическую структуру повествования и политический аспект: отмечая не только родственную, но и властную преемственность норвежских правителей, он подчеркивает легитимность их власти.

Однако возникнув и развиваясь как история ранних скандинавских вождей-конунгов дописьменной и ранней письменной эпохи, «генеа-

¹⁷⁵ *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1. Кн. 1.

логическое историописание» прекратило свое существование вместе с исчезновением соответствующих династий. Саги, отражающие события в Норвегии периода гражданской войны, в которых участвовали лица, не принадлежавшие к роду Инглингов, носят совершенно иной характер и не связаны с генеалогической традицией.

С начала XII в. в Исландии распространяются две другие формы родословий: семейные генеалогии исландцев, а в XIII–XIV вв. — династические генеалогии норвежских королей и знати. Однако ни те, ни другие не обнаруживают тенденции к инкорпорированию сведений о прошлом и представляют собой самостоятельные жанры, независимые от историописания.

Таким образом, исландско-норвежское историописание XII — первой трети XIII в., посвященное истории норвежских королей, вырастает из устной исторической генеалогической традиции и в значительной степени определяется ее особенностями.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Агшиев С.Ю.* Теодорик Монач и его «История о древних норвежских королях». М., 2013.
- Антонов В.А.* Становление генеалогической мысли в Дании // ДГ, 2002 г.: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 7–37.
- Беовульф / Пер. В. Тихомирова; Под ред. О.А. Смирницкой // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. (Библиотека всемирной литературы).
- Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.
- Глазырина Г.В.* Время в древнеисландских сагах (история, повседневность, временные ориентиры) // ДГ, 2006 г.: Пространство и время в средневековых текстах. М., 2010. С. 368–372.
- Глазырина Г.В.* Легенды о происхождении правящей династии // Norge-Russland 2004/2005 — Норвегия и Россия 2004/2005. Rapport fra det historisk-arkeologiske seminar i St. Petersburg 26.–28. april 1999 — Мат-лы историко-археологического семинара в Санкт-Петербурге 26–28 апреля 1999 г. Oslo, 2001. С. 46.
- Глазырина Г.В.* Сага об Ингваре Путешественнике: Текст, перевод, комментарий. М., 2002. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
- Джаксон Т.Н.* Ингигерд, жена князя Ярослава Мудрого // De mulieribus illustribus. Судьбы и образы женщин средневековья. М., 2001. С. 5–16.

- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X–XIII вв. // ДГ, 1988–1989 гг. М., 1991. С. 5–169.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Джаксон Т.Н.* Скифия древнескандинавских источников: к истории сложения образа // ПОЛУТРОПОС. Сборник научных статей памяти Аркадия Анатольевича Молчанова (1947–2010). М., 2014. С. 205–213.
- Дубровский И.В.* Историография // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 199–208.
- Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1. Кн. 1.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов / Вст. ст., перевод, коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.
- Картамышева Е.П.* Почитание предков в древнескандинавской дохристианской культуре: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
- Корнелий Тацит.* Германия / Пер. А.С. Бобовича // *Корнелий Тацит.* Сочинения в двух томах. Л., 1969. Т. 1.
- Литовских Е.В.* Генеалогические представления в средневековом исландском обществе (На материале «Саги о Ньяле»): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Мельникова Е.А.* Брак Ярослава и Ингигерд в древнескандинавской традиции: беллетризация исторического факта // XIII Всесоюзн. конф. по изучению ... Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М.; Петрозаводск, 1997. С. 151–153.
- Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. (Древнейшие источники по истории народов СССР).
- Мельникова Е.А.* Историческая память в германской устной традиции и ее фиксация // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 180–222.
- Мельникова Е.А.* Легенда об «азиатской прародине» в средневековой Скандинавии // Теория и методы исторической науки: шаг в XXI век. Мат-лы междунар. науч. конф. М., 2008. С. 359–361.
- Мереминский С.Г.* Понятие «историописание», его содержание и границы // Терминология исторической науки: Историописание. М., 2010. С. 14–27.
- Младшая Эдда* / Изд. подгот. О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. М.; Л., 1970.
- Сага о Греттире* / Пер. О.А. Смирницкой. М., 1976.
- Сага о посошниках* // Исландские саги / Пер. А.В. Циммерлинга. М., 2000. С. 273–305.
- Сага о Сверрире* / Изд. подгот. М.И. Стеблин-Каменский, А.Я. Гуревич, Е.А. Гуревич, О.А. Смирницкая. М., 1988.
- Сванидзе А.А.* «Хроника Эрика» и исторические реалии средневековой Швеции // Хроника Эрика / Пер. А.Ю. Желтухина. Выборг, 1994.

- Снорри Стурлусон*. Круг земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.; Л., 1980.
- Стеблин-Каменский М.И.* «Круг Земной» как литературный памятник // *Снорри Стурлусон*. Круг земной. М.; Л., 1980. С. 581–596.
- Стеблин-Каменский М.И.* Мир саги. Л., 1971.
- Тиандер К.Ф.* Датско-русские исследования. Пг., 1915. Вып. 3.
- Успенский Ф.Б.* Злободневность прошлого: Генеалогический перечень как манифестация авторства // *Успенский Ф.Б.* Люди, тексты и вещи: Из истории культуры средневековой Скандинавии. М., 2014. С. 70–96.
- Халлдор Херманнссон*. Сэмунд Сигфуссон и люди из Одди // *Атлантика: Записки по исторической поэтике*. М., 1995. Вып. 1. С. 103–125.
- Хроники Фредегара* / Пер. с лат., коммент., вступит. ст. Г.А. Шмидта. СПб., 2015.
- Ágrip af Nóregskonunga sǫgum: A Twelfth-Century Synoptic History of the Kings of Norway / Ed. and transl. with an introduction and notes by M.J. Driscoll. 2nd ed. L., 2008.
- Andersson Th.M.* Ari's konunga ævi and the Earliest Accounts of Hákon Jarl's Death // *Opuscula*. Copenhagen, 1979. Vol. 6. (Bibliotheca Arnemagnæana; 33). P. 1–17.
- Andersson Th.M.* Kings' sagas (*Konungasǫgur*) // *Old Norse-Icelandic Literature*. P. 197–238.
- Andersson Th.M.* Introduction // *Oddr Snorrason*. The Saga of Olaf Tryggvason / Transl. with introd. and notes by Th.M. Andersson. Ithaca; L., 2003. (Islandica; LI).
- Andersson Th.M.* The Two Ages in *Ágrip af Nóregskonunga sǫgum* // *Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200)*. Turnhout, 2011. P. 93–110.
- Andersson Th.M., Gade K.* Introduction // *Morkinskinna*. The Earliest Icelandic Chronicle of the Norwegian Kings (1030–1157) / Transl. with introduction and notes by Th.M. Andersson and K.E. Gade. Ithaca, 2000. (Islandica; LI). P. 1–85.
- Anton H.H.* Troja-Herkunft, *origio gentis* und frühe Verfasstheit der Franken in der gallisch-fränkischen Tradition des 5. bis 8. Jahrhunderts // *Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung*. Wien; München, 2000. Bd. 108, Heft 1–2. S. 1–30.
- Ármann Jakobsson*. Royal Biography // *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture* / Ed. R. McTurk. Oxford, 2005. P. 388–402.
- Arngrimi Jonae Opera Latine Conscripta* / Udg. Jakob Benediktsson. Copenhagen, 1950. B. 1. (Bibliotheca Arnemagnæana; 9).
- Bagge S.* Society and Politics in Snorri Sturluson's *Heimskringla*. Berkeley, 1991.
- Ballow J.* Gregory of Tours and the Myth of the Trojan Origins of the Franks // *Frühmittelalterliche Studien*. 1995. Bd. 29. S. 86–95.
- Beowulf and the Fight at Finnsburg* / Ed. Fr. Klaeber. 3rd ed. Boston, 1950.

- Birkeli E.* Fedrekult i Norge. Oslo, 1938. (Skrifter utg. av det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. II Hist.-Filos. Klasse; 1).
- Bjarni Guðnason.* Um Skjöldungasögu. Reykjavík, 1963.
- Bjarni Guðnason.* Fyrsta sagan. Reykjavík, 1978.
- Bjarni Guðnason.* Formáli // Danakonunga sögur. (ÍF; XXXV).
- Bósa Saga ok Herraúðs / Guðni Jónsson, Bjarni Vilhjálmsson gáfu út // <http://www.heimskringla.no/wiki/B%C3%B3sa_saga_ok_Herrau%C3%B0s>.
- Christensen T.* Lejre Beyond Legend — The Archaeological Evidence // Journal of Danish Archaeology. 1991. Vol. 10. P. 163–185.
- Christiansen E.* Introduction // The Works of Sven Aggesen, Twelfth-Century Danish Historian / Ed. E. Christiansen. L., 1992. P. 1–30.
- Christiansen E.* Saxo Grammaticus // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia. N.Y.; L., 1993. P. 566–569.
- Christiansen R.* The Migratory Legends. Helsinki, 1958.
- Clark F.N.* Reading the «First Pagan Historiographer»: Dares Phrygius and Medieval Genealogy // Viator. 2010. Vol. 41, N 2. P. 203–226.
- Cleasby R., Gudbrand Vigfusson.* An Icelandic-English Dictionary. 2nd ed. Oxford, 1975.
- Clunies Ross M.* Snorri Sturluson's Use of the Norse Origin-Legend of the Sons of Fornjótr in His *Edda* // Arkiv för nordisk filologi. 1983. B. 98. P. 47–66.
- Clunies Ross M.* The Development of Old Norse Textual Worlds: Genealogical Structure as a Principle of Literary Organization in Early Iceland // Journal of English and Germanic Philology. 1993. Vol. 92. P. 372–385.
- Clunies Ross M.* Þjóðólfr of Hvin // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia. N.Y.; L., 1993. P. 665–666.
- Croenen G.* Princely and Noble Genealogies, Twelfth to Fourteenth Centuries: Form and Function // The Medieval Chronicle: Proceedings of the 1st International Conference on Medieval Chronicle (Driebergen / Utrecht, 13–16 July 1996). Amsterdam; Atlanta, 1999. P. 84–95.
- Danakonunga sögur / Bjarni Guðnason gaf út. Reykjavík, 1982. (ÍF; XXXV).
- The Dating of *Beowulf* / Ed. C. Chase. Toronto, 1981 (перевзд.: 1997).
- The Dating of *Beowulf*: A Reassessment / Ed. L. Neidorf. Cambridge, 2014.
- Dörler P.* The *Liber Historiae Francorum* — a Model for a New Frankish Self-Confidence // Networks and Neighbours. 2013. Vol. 1, N 1. P. 23–43.
- Dronke U. & P.* The Prologue of the *Prose Edda*: Explorations of a Latin Background // Sjöttjú ritgerðir helgaðar Jakobi Benediktssyni, 20 júlí 1977. Reykjavík, 1977. B. 1. P. 153–176.
- Duby G.* French Genealogical Literature: the Eleventh and Twelfth Centuries / Transl. C. Postan // The Chivalrous Society. L., 1977. P. 149–157.
- Dunville D.N.* The Anglian Collection of Royal Genealogies and Regnal Lists // ASE. 1976. Vol. 5. P. 23–50.
- Edictvs Rothari // <http://www.oeaw.ac.at/imafo/ressourcen/quellen-zur-langobardengeschichte/leges-langobardorum/edictvs-rothari/>.

- Ekrem I.* Nytt lys over *Historia Norwegie*: Mot en løsning i debatten om dens alder. Oslo, 1998.
- Ellehøj S.* Studier over den ældste norrøne historieskrivning. København, 1965.
- Fagrskinna. Nóreg's kononga tal / Udg. Finnur Jónsson. København, 1902–1908. (SUGNL; 30).
- Fagrskinna: A Catalogue of the Kings of Norway / Transl. with introduction and notes by A. Finlay. Leiden; Boston, 2004.
- Faulkes A.* Descent from the Gods // *Medieval Scandinavia*. 1978–1979. Vol. 11. P. 92–125.
- Faulkes A.* The Earliest Icelandic Genealogies and Regnal Lists // *SBVS*. 2005. Vol. 19. P. 115–119.
- Faulkes A.* The Genealogies and Regnal Lists in a Manuscript in Resen's Library // *Sjötíu ritgerðir helgaðar Jakobi Benediktssyni* 20. júlí 1977. Reykjavík, 1977. P. 177–190.
- Finlay A.* Introduction // *Fagrskinna: A Catalogue of the Kings of Norway*. Leiden; Boston, 2004. P. 30–31.
- Flateyrbók / Udg. S. Nordal. Akranes, 1944. B. 1.
- Foote P.* Aachen, Lund, Hólar // *Aurvandilstá: Norse Studies* / Ed. M. Barnes et al. Odense, 1984 (1-е изд.: 1975). P. 101–120.
- Frank R.* Old Norse Court Poetry. Ithaca; L., 1978.
- Fredegarii Chronica* / Ed. J.M. Wallace-Hadrill. L.; N.Y., 1960.
- Gísli Sigurðsson.* The Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition. A Discourse on Method. Cambridge (Mass.), 2004.
- Grettis saga Ásmundarsonar. Bandamanna saga. Odds þátr Ófeigssonar / Guðni Jónsson gaf út. Reykjavík, 1936. (ÍF; 7).
- Gustavson H., Selinge K.-G.* Jarlabanke och hundaret. Ett arkeologiskt/runologiskt bidrag till lösningen av ett historiskt tolkningsproblem // *Namn och bygd*. Uppsala, 1988. B. 76. S. 19–85.
- Hagnell E.* Are frode och hans författarskap. Lund, 1938. S. 19–85.
- Háleygjatal // *Finnur Jónsson.* Den Norsk-Islandske Skjaldedigtning. København, 1912 (репринт: 1967). A — Text efter håndskrifterne; 1915 (репринт: 1973). B I — Rettet text: 800–1200.
- Halldór Hermansson.* Sæmundr Sigfússon and the Oddaverjar. Ithaca, 1932. (Islandica; XXII).
- Hermann P.* Founding Narratives and the Representation of Memory in Saga Literature // *Arv: Nordic Year-Book of Folklore*. 2010. Vol. 66. P. 69–91.
- Hermann P.* Spatial and Temporal Perspectives in *Íslendingabók*: Historiography and Social Structures // *Viking and Medieval Scandinavia*. 2005. N 1. P. 73–89.
- Heusler A.* Die gelehrte Urgeschichte im altisländischen Schriftum. B., 1908.
- Hill T.D.* The Myth of the Ark-Born Son of Noe and the West-Saxon Royal Genealogical Tables // *Harvard Theological Review*. 1987. Vol. 30, N 3. P. 379–383.

- Historia Norwegie / Ed. I. Ekrem, L.B. Mortensen; Transl. P. Fisher. Copenhagen, 2006.
- Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200) / Ed. I.H. Garipzanov. Turnhout, 2011.
- A History of Norway and the Passion and Miracles of the Blessed Óláfr / Ed. D. Kunin, C. Phepstead. L., 2001.
- Höfler O., Ranke R. Abstammungstraditionen // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. 2. Aufl. B.; N.Y., 1973. Bd. 1. S. 18–29.
- Ingldeu F. The Book of Troy and the Genealogical Construction of History: the Case of Geoffrey of Monmouth's *Historia regum Britanniae* // Speculum. 1994. July. P. 665–704.
- Íslendingabók // Íslendinga sögur / Guðni Jónsson gaf út. Reykjavík, 1946. B. 1: Landssaga og landnám (цит. по: <<http://www.heimskringla.no/wiki/Íslendingabók>>).
- Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík, 1968. (ÍF; D). *Jakob Benediktsson. Hvar var Snorri nefndur höfundur Heinskringlu?* // Skirnir. 1995. B. 129. Bls. 118–127.
- Jakob Benediktsson. Icelandic Tradition of the Scyldings* // SBVS. L., 1957–1961. Vol. 15. P. 48–66.
- Jakob Benediktsson. Landnámabók // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia.* N.Y.; L., 1993. P. 373–374.
- Jón Hnefill Aðalsteinsson. Sæmundr Fróði: a Medieval Master of Magic // Arv: Nordic Yearbook of Folklore. 1994. B. 50. P. 117–132.
- Jón Viðar Sigurðsson. Det norrøne samfunnet. Oslo, 2008.
- Klingenberg H. Odin und die Seinen: altisländischer Gelehrter Urgeschichte // Álvismál. 1993. B. 2. S. 31–80.
- Klingenberg H. Trór Þórr (Thor) wie Trös Aeneas: *Snorra Edda* Prolog, Vergil-Rezeption und Altisländische Gelehrte Urgeschichte // Álvismál. 1992. B. 1. S. 17–54.
- Krag C. *Ynglingatal og Ynglingesaga: en studie i historiske kilder.* Oslo, 1991.
- Kunin D., Phepstead C. Introduction // A History of Norway and the Passion and Miracles of the Blessed Óláfr / Ed. D. Kunin, C. Phepstead. L., 2001. P. ix–xlv.
- Landnámabók // Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík, 1968. (ÍF; I).
- Lange G. Die Anfänge der isländisch-norwegischen Geschichtsschreibung. Reykjavík, 1989.
- Leake J.A. The Geats of Beowulf: a Study in the Geographical Mythology of the Middle Ages. Madison, 1967.
- Lindow J. Handbook of Norse Mythology. Santa Barbara, 2001.
- Louis-Jenssen J. *Heimskringla — Et værk af Snorri Sturluson?* // Nordica Bergensia. 1997. Vol. 14. S. 230–245.

- Louis-Jenssen J.* Kongesagastudier. Kompilationen *Hulda-Hrokkinskinna*. Copenhagen, 1977. (Bibliotheca Arnamagnæanæ; 32).
- Louis-Jensen J.* Morkinskinna // *Medieval Scandinavia. An Encyclopedia*. N.Y.; L., 1993. P. 419–420.
- Magoun Fr.P.* The Theme of the Beasts of Battle in Anglo-Saxon Poetry // *Neuphilologische Mitteilungen*. 1955. Bd. 56. S. 81–90.
- Malmros R.* Knýtlinga saga // *Medieval Scandinavia. An Encyclopedia*. N.Y.; L., 1993. P. 359–360.
- Marold E.* Eyvindr Finnsson Skáldaspillir // *Medieval Scandinavia. An Encyclopedia*. N.Y.; L., 1993. P. 175–176.
- Meaney A.L.* Scyld Scefing and the Dating of *Beowulf* — Again // *Bulletin of the John Rylands Library*. 1989. Vol. 71. P. 7–40.
- Medieval Scandinavia. An Encyclopedia* / Ed. Ph. Pulsano et al. N.Y.; L., 1993.
- Moisl H.* Anglo-Saxon Royal Genealogies and Germanic Oral Tradition // *Journal of Medieval History*. 1981. Vol. 7. P. 215–248.
- Morkinskinna* / Ármann Jakobsson ok Þórður Ingi Guðjónsson gáfu út. Reykjavík, 2011. B. 1–2. (ÍF; XXIII–XXIV).
- Mundal E.* *Íslendingabók*, ættartala og konunga ævi // *Festskrift til Ludvig Holm-Olsen*. Øvre Ervik, 1984. S. 255–271.
- Mundal E.* *Íslendingabók: the Creation of an Icelandic Christian Identity* // *Historical Narratives*. P. 11–122.
- Nerman B.* Ottar Vendelkråka och Ottarshögen i Vendel. Uppsala, 1917.
- Nerman B.* Ynglingasagan i arkeologisk belysning // *Fornvännen*. 1917. Årg. 12. S. 226–251.
- Nerman B.* Det svenska rikets uppkomst. Stockholm, 1925.
- Njáls saga* / Einar Ól. Sveinsson gaf út. Reykjavík, 1954. (ÍF; XII).
- North R.* ‘Uoden de cuius stirpe’: the Role of Woden in Royal Genealogy // *North R.* *Heathen Gods in Old English Literature*. Cambridge, 1997. P. 111–132.
- Oddr Snorrason*. The Saga of Olaf Tryggvason / Transl. with introd. by Th.M. Andersson. N.Y., 2003.
- Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide* / Ed. C.J. Clover and J. Lindow. Toronto, 2005.
- Orchard A.* A Critical Companion to *Beowulf*. Cambridge, 2003.
- Ordbog over det norrøne prosasprog. København // <<http://onp.ku.dk>>.
- Peters P.* Scaldic Verse as a Historical Source // *Parergon*. 1978. Vol. 2. P. 29–37.
- Phelpstead C.* Introduction // *A History of Norway and The Passion and Miracles of the Blessed Óláfr*. L., 2001. P. ix–xlv.
- Reynolds S.* *Medieval Origines Gentium* and the Community of the World // *History*. 1983. Vol. 68. P. 375–390.
- Saga Óláfs konungs hins helga: Den store saga om Olav den hellige efter pergamenthåndskrift i Kungliga Biblioteket i Stockholm nr. 2 4to* / Udg. O.A. Johnsen & Jón Helgason. Oslo, 1941. B. 2.

- Saga Óláfs Tryggvasonar av Oddr Snorrason munkr / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932.
- Sapp C.D. Dating *Ynglingatal*. Chronological Metrical Developments in *Kviðuháttir* // Skandinavistik. 2002. N 2. P. 85–98.
- Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. Danmarkshistorien / Latinsk tekst udg. af K. Friis-Jensen, dansk P. Zeeberg. København, 2005. B. 1–2.
- Simek R. *Hryggjarstycki // Lexikon der altnordischen Literatur. Stuttgart, 1987. S. 181–182.
- Sisam K. Anglo-Saxon Royal Genealogies // Proceedings of the British Academy. 1953. Vol. 39. P. 287–348.
- Skre D. The Ynglings and the Danes in Viken and Skiringsal c. AD 750–950 // Kaupang in Skiringsal. Oslo, 2007. P. 463–468.
- Snorri Sturluson. Heimskringla / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út. Reykjavík, 1941–1951. B. 1–3. (ÍF; XXVI–XXVIII).
- Soga om birkebeinar og baglar: Bøgglunga søgur / Udg. H. Magerøy. Oslo, 1988.
- Spiegel G.M. Genealogy: Form and Function in Medieval Historical Narrative // History and Theory: Studies in the Philosophy of History. 1983. Vol. 23. P. 43–53.
- St. Olaf, seine Zeit und sein Kult / Red. G. Svahnström. Visby, 1981.
- Stjórñ: Gammelnorsk Bibelhistorie fra Verdens Skabelse til det babyloniske Fangenskab / C.R. Unger. Kristiania, 1862.
- Ström F. Poetry as an Instrument of Propaganda. Jarl Hakon and his Poets // Speculum Norrœnum. Odense, 1982. P. 440–458.
- Sturlunga saga efter membranen Króksfjarðarbók udfyldt efter Reykjarfjarðarbók / Udg. Kr. Kålund. København; Kristiania, 1906–1911. B. 1–2.
- Sveriges runinskrifter. Stockholm, 1940. B. 6: Upplands runinskrifter / Red. E. Wessén, S.B.F. Jansson.
- Sverris saga etter Cod. AM 327 4º / Udg. G. Indrebø. Kristiania, 1920 (репринт: Oslo, 1981).
- Theodoricus monachus. Historia de antiquitate regum Norvagiensium. An Account of the Ancient History of the Norwegian Kings / Transl. and annotated by D. and I. McDougall; Intr. by P. Foote. L., 1998.
- Turville-Petre J. The Genealogist and History: Ari to Snorri // SBVS. 1978–1979. Vol. 20. P. 7–23.
- Vansina J. Oral Tradition as History. Wisconsin, 1985.
- Whaley D.E. Sæmundr Sigfússon inn fróði // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia. N.Y.; L., 1993. P. 636–637.
- Whaley D. A Useful Past: Historical Writing in Medieval Iceland // Old Icelandic Literature and Society / Ed. M. Clunies Ross. Cambridge, 2000. P. 161–202.
- Williams D. Cain and Beowulf: A Study in Secular Allegory. Toronto, 1982.
- Wolfram H. Einleitung oder Überlegungen zur *Origo gentis* // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern / Hrsg. H. Wolfram, W. Pohl. Wien 1990. S. 19–31.

- Wolfram H. Origo et religio. Ethnic traditions and literature in early medieval texts // Early Medieval Europe. 1994. Vol. 3. P. 19–38.
- The Works of Sven Aggesen, Twelfth-Century Danish Historian / Ed. E. Christiansen. L., 1992.
- Würth St. Historiography and Pseudo-History // A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture / Ed. R. McTurk. L., 2005. P. 155–172.

Elena A. Melnikova

GENEALOGY AND THE BEGINNINGS OF NORSE-ICELANDIC HISTORICAL WRITING

Like in any early society, genealogy was an important element of the mentality of Germanic nations: *origo gentis* and *origo regis* were crucial for the formation of collective self-consciousness and self-identification. The existence among the Germans of legends about their descent from the gods is attested already by Cornelius Tacitus whereas in the course of the sixth to eighth centuries pedigrees of Goth, Langobard and Anglo-Saxon kings were put to writing. These were lists of names with no additions.

The potential capacity of genealogies to incorporate historic (or quasi-historic) information was realized in Scandinavia. The earliest representation of an extended genealogy can be found in Anglo-Saxon poem *Beowulf* where four generations of Skjöldungs are named with short characteristics of warrior virtues of each king. The tradition was further elaborated in genealogical skaldic poems of Thjóðólf of Hvin and Eyvind the Skaldspiller (the ninth and tenth centuries) who supplemented the pedigrees with information on the deaths and burial places of the Ynglings and Hladajarls respectively. These poems witness the emergence and growth of a historical genealogical tradition which later became the main form of the perception, structuring and chronologization of the past as well as the representation of the past in the illiterate society.

The Norse-Icelandic history-writing emerges and develops within the framework of the genealogical historical tradition. Non-extant lists (*tolur*) and life stories (*ævi*) of Norwegian kings composed by Sæmund Sigfússon and Ari Þorgilsson were the first written records of this tradition and at the same time the first historiographic works in Iceland. They reflected the dominating perceptions of history and turned into both the source and model for later history writing. Even Norwegian Latin “Histories” whose authors were well acquainted with European historiography relied on this tradition to more or less extent.

The heyday of “genealogical history” is connected with compilations of compendia devoted to Norwegian kings in the late twelfth and first third of the thirteenth century. They preserve the structure of a pedigree —

a kind of plot parataxis though the life stories of each ruler, especially of Ólaf Tryggvason and Ólaf Haraldsson, are detailed and describe a king's life from his birth to his death. It is only in *Heimskringla*, the latest of the compendia, that the earlier unbroken narrative is divided into individual narrations devoted to each of the kings of Norway – sagas, thus making the whole a collection of a series of biographies. The writer and politician, Snorri Sturluson explicitly introduced also a political aspect of a lineage: he stressed not only the biological succession of the Ynglings but their right to inherit the power thus legitimizing their right to supreme authority in Norway.

The “genealogical history” did not however cover contemporary events, i.e. the events of the last two decades of the twelfth century and later. It was strictly limited to the distant past, from mythological beginnings till the rule of the last Yngling. Later history of Norway as well as the history of Iceland was represented in a different form of historiography which made use but did not rely on genealogy. Still, the role of genealogy remained as important as it used to be, but it separated from historiography and was represented by family pedigrees of Icelanders and dynastic pedigrees of Norwegian kings and aristocracy.

Key words: genealogy, pedigree, skaldic genealogical poems, kings' sagas, Scandinavia, Denmark, Norway, Iceland, historical writing

Г.В. Глазырина

ПЕРВЫЙ ИСТОРИОГРАФ ИСЛАНДИИ СЭМУНД МУДРЫЙ*

Статья посвящена средневековому исландскому историку, священнику Сэмунду Сигфуссону (Сэмунду Мудрому, 1056–1133 гг.), который работал над своей историей норвежских конунгов приблизительно в то же время, когда знаменитый историк Ари Торгильссон (Ари Мудрый) писал свою «Книгу об исландцах». Историографический труд, созданный Сэмундом, был утрачен. Его содержание отчасти восстанавливается по отсылкам к нему, содержащимся в сагах и других письменных памятниках. Факты биографии и историко-литературного творчества Сэмунда Сигфуссона в статье рассматриваются в контексте некоторых важнейших процессов и событий истории Исландии XI — первой трети XII в., в большинстве своем связанных с упрочением в стране христианства и становлением национальной церкви. В частности, затрагиваются такие вопросы, как возможность получения образования в Средние века, формирование в Исландии центров учености и подготовка священников-исландцев; расширение церковного землевладения, разработка и проведение в жизнь законодательства, устанавливающего введение церковной десятины; использование письменности на национальном языке, кодификация законов и мн. др. Будучи не только священником и историком, но и общественным деятелем, Сэмунд принял непосредственное участие во многих событиях, имевших историческое значение для страны и ее народа. Широкая образованность в различных областях знаний (в особенности гуманитарных — истории, литературе, законодательстве), признанная наиболее влиятельными и авторитетными людьми Исландии, позволила Сэмунду работать над рядом законов, существенно менявших политические и экономические условия в Исландии.

Ключевые слова: Средние века, Исландия, становление христианства, центры учености, введение письменности, кодификация законов, историописание, Сэмунд Сигфуссон Мудрый, Ари Торгильссон Мудрый

* Статья подготовлена по проекту РФФИ № 12-06-00210а и проекту «Историческая традиция в дописьменных и письменных обществах» в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

В Исландии в начале XII в. над созданием историографических произведений практически одновременно работали два священника — Сэмунд Сигфуссон (Сэмунд Мудрый, 1056–1133) и Ари Торгильссон (Ари Мудрый, 1067/68–1148). Судьба их сочинений оказалась различной. «Книга об исландцах» Ари Мудрого дошла до нашего времени. Она послужила источником сведений для позднейших исландских авторов и предложила интерпретацию описанных в ней событий. Труд Сэмунда был утрачен, его содержание лишь отчасти восстанавливается по отсылкам к нему, содержащимся в сагах и других письменных памятниках.

Если нет возможности оценить кругозор и талант автора по его трудам, особую важность приобретает характеристика, данная ему современниками. Высочайшая оценка личности Сэмунда Сигфуссона содержится в сочинении «*Hungrvaka*» («Пробуждающая [духовный] голод»)¹, где сказано, что «Сэмунд, священник в Одди, был самым образованным и ученым из всех людей»². Понять, как сформировалась такая высокая оценка, и восстановить основные этапы жизненного пути историка исследователям помогли упоминания о Сэмунде Сигфуссоне, встречающиеся в ряде средневековых исландских письменных памятников. В опубликованных в 1930-х годах монографических исследованиях Халльдора Херманссона и Эйнара Олавура Свейнссона³ были обстоятельно исследованы многие аспекты жизни и творчества историка, однако и до настоящего времени выдвигаются новые предположения, нередко корректирующие сделанные прежде выводы. В данной работе проблемы, связанные с фактами биографии и историко-литературного творчества Сэмунда Мудрого, рассматриваются в контексте некоторых важнейших процессов и событий истории Исландии XI — первой трети XII в.

В соответствии с традициями исландских саг обратимся сначала к генеалогии Сэмунда, который родился в 1056 г. Об отце Сэмун-

¹ Сочинение «*Hungrvaka*» («Пробуждающая [духовный] голод») создано после 1206 г. и повествует о первых пяти епископах в диоцезе Скальхольт.

² “*Sæmundr prestr í Odda er bæði var forvitri ok lærðr allra manna bezt*” [*Hungrvaka* // *Biskupa sögur / Ásdís Egilsdóttir gaf út. Reykjavík, 2002. Bd. 2. (ÍF; B. 16). Bls. 16–17*].

³ *Halldór Hermansson. Sæmundr Sigfússon and the Oddaverjar. Ithaca (N.Y.), 1932. (Islandica; 22); Einar Ólafur Sveinsson. Sagnaritum Oddaverjar. Reykjavík, 1937. (Studia islandica; 1).*

да, священнике⁴ Сигфусе Лодмундарсоне, как и о других предках по отцовской линии, сведения в источниках практически отсутствуют⁵. В то же время родственные связи по материнской линии подробно прослеживаются. Мать Сэмунда — Торей, дочь хёвдинга

⁴ В «Книге о занятии земли» по редакции «Hauksbók» упоминается о том, что Сигфус был священником [Landnámabók / Jakob Benediktsson gáf út. Reykjavík, 1969. Bls. 29–397. (ÍF; V. 1: 1). Bls. 363], и это сообщение не подвергается сомнению большинством исследователей [см., например: *Sverrir Tómasson. Sæmundr Sigfússon (hinn fróði)* // *Reallexicon der Germanischen Altertumskunde*. B., 2005. Bd. 26. S. 77; *Mundal E. Sæmundr Sigfússon inn fróði* // *Encyclopedia of the Medieval Chronicle*. Leiden, 2010. Vol. 2. P. 1316]. Орри Вестейнссон, однако, полагает, что источник содержит писцовую ошибку: слово *prestr* было случайно написано после имени Сигфуса, но должно было бы относиться к имени Сэмунда (*Orri Vesteinsson. The Christianization of Iceland. Priests, Power, and Social Change, 1000–1300*. Oxford, 2000. P. 29). Доказать это, впрочем, сложно, поскольку, как замечает сам исследователь, сохранилось слишком мало свидетельств о тех людях (первым из которых был Ислейв Гицурарсон), кто был посвящен в сан священника в 1050-х годах (*Ibid.*).

⁵ Дж. Мегор выдвинул предположение о том, что годи Рунольв, сын Ульва Йорундарсона, названный в «Care о крещении» в числе самых крупных хёвдингов юга Исландии в 981 г. (*Kristni saga // Biskupa sögur / Sigurgeir Steingrímsson, Ólafur Halldórsson og Peter Foote gáfu út. Reykjavík, 2002. V. 1, Hl. 2. Bls. 6*), является братом Сварта, прадеда Сэмунда (*Megaard J. The Man who did not write the Edda. Sæmundr fróði and the Birth of Icelandic Literature // Scandinavia and Christian Europe in the Middle Ages. Papers of The 12th International Saga Conference. Bonn/Germany, 28th July–2nd August 2003. Bonn, 2003. P. 373*).

В начальный период распространения христианства в Исландии Рунольв был заметной личностью, принадлежа к тем язычникам, кто активно противодействовал миссионерам, проповедовавшим на острове в течение двух последних десятилетий X в. (*Глазырина Г.В. Язычники и христиане в Исландии накануне официального крещения страны // ВЕДС-ХІХ: Политические институты и верховная власть. М., 2007. С. 46–50*). В частности, из-за стихов, содержавших оскорбительные высказывания о языческой богине Фрее, по настоянию Рунольва был объявлен вне закона Хьяльти Скеггьясон (*Kristni saga. Bls. 25–27*). Перед Альтингом 1000 г. Рунольв возглавил отряд язычников, выступивших против христиан (*Ibid. Bls. 31*). Помимо неприятия новой веры, у Рунольва были и личные причины для таких действий: его сын Свертинг, тоже язычник, как и отец, оказался среди тех исландцев, которых в Норвегии конунг Олав Трюггвасон взял в заложники и обещал освободить лишь тогда, когда народ Исландии примет христианство в качестве официальной религии (*Ibid. Bls. 27–29*). Роль язычника Рунольва в конфликте была, по-видимому, настолько значительна, что в «Care о крещении» особо упоминается о том, что сразу после вынесения законоговорителем Торгейром решения о признании христианства единым законом для всех исландцев, Рунольв принял крещение (*Ibid. Bls. 36*).

Нельзя исключить и того, что и после принятия христианства родичи Сигфуса, отца Сэмунда, продолжали придерживаться языческих верований, и именно из-за этого отдельные сведения, касавшиеся как отправления языческих ритуалов, так и людей, вовлеченных в них, замалчивались авторами письменных сочинений.

Эйольва Гудмундссона Могучего⁶, — принадлежала к роду Мёдрувеллингов из Эйяфьорда, одному из древнейших и наиболее уважаемых семейств севера Исландии. В числе наиболее уважаемых предков Торей по материнской линии был Халль Торстейнссон (Халль с Побережья), сын Торстейна Высокого, чье родословие восходит к первопоселенцу Ториру Быку. Среди потомков Халля оказалось много известных людей. В «Книге о занятии земли» об этом сказано так:

Халль с Побережья женился на Йорейд, дочери Тидранди. Их сыном был Торстейн, отец Магнуса, отца Эйнара, отца епископа Магнуса. Другим сыном Халля был Эгиль, отец Торгерд, матери епископа Йона Святого. Торвард, сын Халля, был отцом Тордис, матери Йорунн, матери священника Халля, отца Гицура, отца епископа Магнуса. Ингвильд, дочь Халля, была матерью Торей, матери священника Сэмунда Мудрого. Торстейн, сын Халля, был отцом Гудрид, матери Йорейд, матери священника Ари Мудрого...⁷

Халль (как и Рунольв, возможно, являвшийся родичем Сэмунда по отцовской линии) назван в списке влиятельных хёвдингов Исландии к 981 г., приведенном в «Саге о крещении»⁸. В описании событий, происходивших в 1000 г., Ари Торгильссон и авторы других произведений отводят Халлю, наряду с Гицуром Белым, важное место.

Халль с Побережья имел в своем родословии очень известных предков — первопоселенца Бёдвара Белого, чей род был связан с несколькими так называемыми «малыми конунгами» — региональной элитой Норвегии (они названы в «Книге о занятии земли»), а также с Хроллаугом⁹, другим первопоселенцем, который был побочным сыном норвежского ярла Рёгнвальда из Мэра¹⁰.

⁶ *Sverrir Tómasson. Sæmundr Sigfússon (hinn fróði). S. 77; Orri Vesteinsson. The Christianization of Iceland. P. 36: Landnámabók. Bls. 229. См. также: ÍF. B. 1 (генеалогические таблицы XVII, XXVII).*

⁷ «Hallr á Síðu átti Jóreiði Þiðrandadóttur. Þeira son var Þorsteinn, faðir Magnúss, föður Einars, föður Magnúss byskups. Annarr son Halls var Egill, faðir Þorgerðar, móður Jóns byskups ens helga. Þorvarðr Hallsson var faðir Þórdísar, móður Jörunnar, móður Halls prests, föður Gizurar, föður Magnúss byskups. Yngvildr Hallsdóttir var móðir Þóreyjar, móður Sæmundar prests ens fróða. Þorsteinn Hallsson var faðir Gyðriðar, móður Jóreiðar, móður Ara prests ens fróða...» (Landnámabók. Bls. 318).

⁸ Kristni saga. Bls. 6.

⁹ Landnámabók. Bls. 310–311.

¹⁰ Íslendingabók. Bls. 49; Landnámabók. Bls. 314.

Нам неизвестно, какие конкретно отношения связывали этот род с норвежскими конунгами. Из «Книги о занятии земли» следует, тем не менее, что эти связи, скорее всего, носили долговременный характер и установились еще во времена Харальда Прекрасноволосого, когда Хроллауг, сын ярла Рёгнвальда, стал сторонником Харальда¹¹. Однако «Сага о крещении» дает основания полагать, что из всех хёвдингов востока Исландии именно Халль пользовался особым доверием конунга Олава Трюгвасона¹². Вероятно, потомки Хроллауга, и в частности Халль с Побережья, продолжали поддерживать контакты с норвежскими конунгами и после эмиграции в Исландию.

В источниках описаны подробности того, как Халль узнал от Тангбранда о христианской вере и принял крещение¹³. Судя по всему, его переход в новую веру был осознанным и искренним. Из рассказа о противостоянии язычников и христиан перед Альтингом 999/1000 г. следует, что среди единомышленников Халль считался одним из лучших христиан Западной четверти страны¹⁴. Именно Халль, согласно Ари Мудрому, должен был изложить христианские законы перед собравшимися на Альтинге людьми¹⁵, а в «Саге о крещении» имеется пояснение о том, что для выступления на Альтинге Халль был избран христианами¹⁶. Халль, однако, пере-

¹¹ Landnámabók. Bls. 317.

¹² В сагу помещен рассказ о том, что, когда священник Тангбранд приехал в Исландию и «местные жители узнали, что Тангбранд и его люди были христианами, то не захотели они с ними разговаривать и не провели их в гавань». Тогда Тангбранд нашел Халля с Побережья «и сказал ему, что к Халлю послал его конунг Олав, если окажется [священник] в Восточных фьордах, и просил, чтобы тот провел их в гавань и оказал всяческое содействие в том, в чем будет необходимость». Из текста следует, что Халль выполнил всё, о чем конунг Олав просил его, и позволил посланнику Олава Тангбранду и его людям временно поселиться на принадлежащей ему земле, несмотря на то, что исландцы-язычники в другой части страны не захотели допустить миссионера на свой берег (Kristni saga. Bls. 17–18). Спустя некоторое время при вынужденном отъезде с острова Тангбранда, которого язычники своими действиями спровоцировали на преступление, Халль, не испугавшись мести со стороны разъяренных соотечественников, позволил миссионеру провести у себя зиму до весны, когда тот смог отплыть назад в Норвегию (Ibid. Bls. 22). В саге не поясняется, какого рода обязательства были у Халля перед Олавом Трюгвасоном.

¹³ Kristni saga. Bls. 18–19; Сага о Ньяле // Исландские саги. В 2 т. / Под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. 2. С. 225–226.

¹⁴ Kristni saga. Bls. 35. См. также: Глазырина Г.В. Противостояние язычников и христиан накануне альтинга 999/1000 г. // ВЕДС-XXVI: Язычество и монотеизм в процессах потитогенеза. М., 2014. С. 79–80.

¹⁵ Íslendingabók. Bls. 53.

¹⁶ Kristni saga. Bls. 33.

дал эту миссию законоговорителю Торгейру Торкелльссону, который на тот момент оставался язычником, и годи Торгейр объявил с Горы Закона как языческие, так и христианские законы, получив за свою работу шестьдесят унций серебра¹⁷.

История рода Сэмунда Сигфусона позволяет персонифицировать события, происходившие в последние два десятилетия X в. — непростой для исландцев период знакомства с христианством и личного выбора веры, когда члены одного рода могли оказаться не только соратниками, но также и идейными противниками.

* * *

Для новообращенных христиан наступившее после Альтинга 999/1000 г. время оказалось сложным. На протяжении первой половины XI столетия церковной организации фактически не существовало. Во всей стране к середине этого века число церквей едва достигало двадцати¹⁸. На остров периодически приезжали странствующие миссионеры и священники, имена которых приведены в «Книге об исландцах» и в «Хунгрваке»¹⁹; многие из них проповедовали упрощенные варианты христианства²⁰. Недоставало

¹⁷ Относительно того, почему Халль сам не стал декларировать христианские законы, Йон Хнефилл Адальстейнссон высказал предположение, что у Халля не было намерения подменять собой Торгейра — того законоговорителя, который был избран народом для выполнения важной общественной функции, — и фактически становиться следующим законоговорителем. Отвергая высказанные в литературе мнения о том, что плата, данная Торгейру, могла повлиять на то, что он принял решение в пользу христиан, и приведя убедительные доводы против подобной интерпретации, Йон Хнефилл Адальстейнссон показывает, что стремление к примирению язычников и христиан было для Халля главным побудительным мотивом (*Jón Hnefill Ádalsteinsson. Under the Cloak. The Acceptance of Christianity in Iceland with Particular Reference to the Religious Attitudes Prevailing at the Time. Uppsala, 1978. P. 91*). Миролюбие и стремление избежать столкновений вновь преобладало тогда, когда в Долине Тинга в 1011 г. был убит сын Халля Лофт (*Íslandske annaler indtil 1578 / Udg. Gustav Storm. Christiania, 1888. Bls. 16, 57, 179; Saga о Ньяле. С. 331–335*) и Халль, стремясь избежать кровной мести, согласился на компенсацию (*Jón Hnefill Ádalsteinsson. Under the Cloak. P. 92–94, 98*).

¹⁸ *Orri Vesteinsson. The Christianization of Iceland. P. 38–39.*

¹⁹ *Íslendingabók. Bls. 54; Hungrvaka. Bls. 11–13.*

²⁰ Эта тенденция была преодолена лишь во второй половине XI в., при епископе Ислейве, благодаря письму, направленному в Исландию бременским архиепископом Адальбертом, в котором он запрещал верующим пользоваться услугами странствующих миссионеров, не имевших специального разрешения (*Laws of Early Iceland. Grágás. The Codex Regius of Grágás with the Material from Other Manuscripts / Transl. by A. Wawn, P. Foote, R. Perkins. Winnipeg, 1980. Vol. 1. P. 38; Hungrvaka. Bls. 8–9*).

священников, особенно священников-исландцев, которые не только обладали бы необходимыми знаниями, но и могли бы проповедовать на исландском языке. Однако готовить своих священников было некому, единственными учителями оставались священники иностранные (преимущественно английские и немецкие). Видимо, осознание этой общественной потребности побудило хёвдинга Гицура Белого в 20-х годах XI в. повезти своего сына Ислейва (ок. 1006–1080) учиться в Херфорд в Саксонии²¹. По возвращении в Исландию (ок. 1030 г.) Ислейв становится священником, а в начале 1050-х годов Альтинг избирает Ислейва Гицурарсона епископом. Он совершает поездку в Рим, а после того, как в 1056 или 1057 г. бременский архиепископ Адальберт рукополагает его епископом-миссионером, возвращается на родину. Несомненные заслуги Ислейва — построение основ церковной организации, открытие учебных центров и подготовка священников-исландцев, укрепление христианской веры.

* * *

Сэмунд родился в 1056 г. Его родители, семьи которых много сделали для принятия и распространения христианства в Исландии, отправили малолетнего ребенка²² учиться на Континент. Тот факт, что семья решилась на такой шаг, свидетельствует как о ее состоятельности (посылка сына на учебу за пределы острова требовала больших материальных затрат), так и об амбициозности членов этого рода. Убедительным образцом мог служить род Хакдэлиров, принадлежавший к которому Ислейв Гицурарсон, получив заграничное образование, только что стал первыми исландским епископом²³.

Существуют два мнения относительно того, где именно учился Сэмунд: называются *Frakkland* (Франция), и конкретно — Париж, и Херфорд в Саксонии. Самые ранние сведения приводит Ари Му-

²¹ Hungrvaka. Bls. 6.

²² В «Пряди о Сэмунде», входящей в «Сагу о Йоне Святом» по редакции L, отмечается, что единственные сохранившиеся воспоминания Сэмунда о родине были связаны с тем, как он играл на холме (*Sæmundar þátr // Biskupa sögur / Sigurgeir Steingrímsson, Ólafur Halldórsson og Peter Foote gáfu út. Reykjavík, 2002. B. 1, Hl. 2. Bls. 340*).

²³ Заметим, что Ислейв и Сэмунд были отправлены своими семьями учиться за пределами Исландии задолго до того, как в 1079 г. Папа Григорий VII обратился к правителям Скандинавии, в частности к норвежскому и датскому королям, с предложением посылать на Континент молодых людей знатного происхождения, чтобы

дрый, который пишет, что, получив образование, Сэмунд вернулся в Исландию из Фраккланда²⁴. Хотя *Frakkland* древнеисландских письменных памятников обычно идентифицируется с Францией, в контексте реалий XI–XII вв. значение данного топонима, на взгляд некоторых исследователей, должно быть уточнено и вряд ли может охватывать всю территорию современной Франции²⁵. В специальной работе П. Фут привел убедительные аргументы в пользу мнения о том, что под *Фраккландом* Ари Торгильссон, скорее всего, должен был иметь в виду земли Эльзаса, Лотарингии и Бургундии. Исследователь заключает, что Сэмунд, как и епископ Ислейв, обучался в Саксланде, не исключено что в Херфорде в Вестфалии²⁶. Точку зрения П. Фута разделяют многие ученые, однако некоторые более склонны доверять сообщению созданных в XVI в. исландских анналов «*Oddveria annall*», где отмечается, что Сэмунд учился в Париже²⁷. Поздние памятники фольклора называют и Фраккланд, и Саксланд как место, где получил образование Сэмунд.

Указания источников на два средневековых центра европейской учености — Херфорд и Париж — попытался соединить Дж. Мегор. На взгляд исследователя, здесь нет особых противоречий: студент, стремившийся получить углубленные знания по конкретной дисциплине, мог, считает Мегор, в разное время учиться в разных школах, при необходимости меняя учебное заведение для более серьезного изучения предмета²⁸. Предложенное Дж. Мегором решение можно принять за рабочую гипотезу: сложно представить, чтобы в условиях отсутствия налаженных контактов между Ислан-

по возвращении они могли обучать других (см.: *Bagge S. Nordic Students at Foreign Universities until 1660 // Scandinavian Journal of History. 1984. Vol. 9. P. 2*).

²⁴ «Á þeim dögum kom Sæmundr Sigfússon sunnan af Frakklandi hingat til lands ok lét síðan vígjask til prests» («В то время приехал сюда в страну с юга из Фраккланда Сэмунд Сигфуссон и был посвящен в сан священника»). — Íb. Bls. 20–21. Уточнение «в то время (букв.: «в те дни») относится к периоду пребывания в должности законоговорителя Сигхвата Суртссона (1076–1083).

²⁵ *Footte P. Aachen, Lund, Hólar // Aurvandilstá: Norse Studies. Odense, 1984 (1-е изд.: 1975). P. 101–120; Wellendorf J. Sæmundr inn fróði Sigfússon // <https://wikihost.uib.no/medieval/index.php/S%C3%A6mundr_inn_fr%C3%B3%C3%B0i_Sigf%C3%BAsson>*.

²⁶ *Footte P. Aachen, Lund, Hólar. P. 105; Whaley D. Sæmundr Sigfússon inn fróði // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia. N.Y.; L., 1993. P. 636.* Новые аргументы в пользу предположения о том, что Сэмунд учился во Франции, высказал Дж. Мегор (*Megaard J. The Man who did not write the Edda. P. 374–375*).

²⁷ «Sæmundr frodj kom wr schola aff Parijs» («Сэмунд Мудрый приехал из школы в Париже»). — *Islandske annaler. Bls. 471*.

²⁸ *Megaard J. The Man who did not write the Edda. P. 375.*

дией и континентальными центрами учености родители Сэмунда стали искать для своего сына иную начальную школу, чем та, которую закончил епископ Ислейв и учеба в которой стала ступенью к его высокому положению. Так что, начав обучение в Херфорде, Сэмунд мог закончить курс в Париже — что и было отмечено Ари Мудрым.

Считается, что в Херфорде первой школой Сэмунда стала школа при женском бенедиктинском монастыре, которая была основана еще в конце VIII в., а в X–XI вв. слыла важным центром образования. Там глубоко изучалась церковная и классическая литература, а также законы²⁹. В те годы, когда Сэмунд мог там обучаться, настоятельницей монастыря была Сванхильд (1050–1076), связанная с родом саксонского маркграфа Германа Биллунга³⁰.

О предметах, изучавшихся Сэмундом за рубежом, прямых сведений не дошло. Некоторые представления о круге его интересов, в частности о его глубоких познаниях в области астрономии и астрологии, отразились в произведениях исландского фольклора. Об интересе Сэмунда к совсем уж необычным знаниям рассказывается в древнейшей редакции L «Саги о Йоне Святом», несохранившийся латинский текст которой был написан монахом монастыря Тингейрар Гуннлаугом Лейвссоном вскоре после 1200 г.: в ней Сэмунд изображен учеником кудесника, глубоко вовлеченным в изучение магии³¹. Сага приписывает Йону Эгмундарсону (1054–1121), двоюродному брату Сэмунда и будущему епископу в Холаре на севере Исландии (1106–1121), заслугу чудесного «освобождения» Сэмунда от колдовских чар, под действием которых тот забыл не только свою семью и свою страну, но также и свое имя. «Сага о Святом Йоне» — агиографическое сочинение, и описанные в ней события, на изложение которых оказал сильное влияние сюжет о бегстве от учителя-мага, почерпнутый, как считается, из «Истории английских королей» Уильяма Мальмсберийского³², необходимо воспринимать

²⁹ *Eckenstein L. Woman under monasticism: chapters on saint-lore and convent life between A.D. 500 and A.D. 1500. Madison (Wisc.), 1896. P. 150–151.*

³⁰ О Биллунгах и их долговременных связях с монастырем в Херфорде см.: *Kruppa N. Die Billunger und ihre Klöster Beispiele zu den weitläufigen Verbindungen im frühmittelalterlichen Sachsen // Concilium medii aevi. 2009. Bd. 12. S. 1–41.*

³¹ *Jóns saga ins helga // Biskupa sögur / Sigurgeir Steingrímsson, Ólafur Halldórsson og Peter Foote gáfu út. Reykjavík, 2002. B. 1, Hl. 2. Bls. 173–316; см. фрагмент этой саги по редакции L: Sæmundar þáttur.*

³² *Jón Hnefill Adalsteinsson. Sæmundr fróði: A medieval master of magic // Arv: Nordic Yearbook of Folklore. 1994. Vol. 50. P. 122–125.*

с учетом тенденциозности данной саги, в которой всё рассказанное служит цели восхваления епископа Йона Эгмундарсона, второго (после св. Торлака Торхалльссона, 1178–1193) национального святого Исландии³³. В то же время сага свидетельствует о том, что исландцы воспринимали Сэмунда как человека, обладавшего исключительно глубокими и необычными знаниями. Такое отношение нашло отражение в устных рассказах, лежащих в основе как сагового сюжета, так и сюжетов позднего фольклора³⁴.

По возвращении с Континента в Исландию около 1076/77 г. Сэмунд стал священником. Около 1080 г. на его родовом хуторе Одди, основанном еще его прадедом и расположенном в Рагнарвеллир в 20–30 милях к юго-востоку от Скальхольта, была построена церковь³⁵ — одна из дюжины новых церквей, появившихся во второй половине XI в.³⁶

Вероятно, в это время (или несколько позднее) Сэмунд женился на Гудрун Кольбейнсдоттир из рода Вальверьяров (*Vallverjar*)³⁷, владевших землей поблизости от Одди. Тесть Сэмунда Кольбейн Флосасон шесть лет (1066–1071) был законоговорителем на Альтинге и пользовался в обществе большим авторитетом³⁸. Заключение этого брака может указывать на то, что в тот момент семья Сэмунда была заинтересована в укреплении своего влияния в ближайшей округе.

Унаследовав хутор после смерти отца, Сэмунд передал часть земли со стоявшим на ней храмом во владение церкви. Одди стал одним из первых исландских *стадиров* — церковных усадеб. Церковь стала владеть землей, которая, как и хутор, ранее принадлежала частному лицу — священнику. При этом уклад жизни священника и его семьи фактически не менялся. Сэмунд Сигфуссон,

³³ Ibid. P. 119.

³⁴ Ibid. P. 125–130; Gunnell T. The Return of Sæmundur: Origins and Analogues // Þjóðlíð og þjóðtrú. Ritgerðir helgaðar Jóni Hnefili Aðalsteinssyni. Oddi, 1998. P. 87–112; Mitchell St. Witchcraft and Magic in the Nordic Middle Ages. Philadelphia, 2011. P. 225, note 30; 260, note 25.

³⁵ Wolf K. Pride and Politics in Late-Twelfth-Century Iceland: The Sanctity of Bishop Þorlákr Þórhallsson // Sanctity in the North: Saints, Lives, and Cults in Medieval Scandinavia. Toronto, 2008. P. 15.

³⁶ Orri Vèsteinsson. The Christianization of Iceland. P. 38–39, 94.

³⁷ Landnámabók. Bls. 117.

³⁸ О законоговорителе Кольбейне Флосасоне см.: Gíslí Sigurðsson. The Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition. A Discourse on Method. Cambridge (Mass.), 2004. P. 74–75.

как Ислейв Гицурарсон, первый епископ Исландии, и Йон Эгмундарсон, первый епископ на севере в Холаре, принадлежал к новому типу священников, начавшему формироваться во второй половине XI в., — священников аристократического происхождения, тех хёвдингов и годи, которые, привлекая в свою церковь христиан из ближайшей округи, получали постоянный доход от служб³⁹. Это отличало их от странствующих священников, не имевших земельной собственности⁴⁰.

На своем хуторе Одди Сэмунд организовал школу, прославившуюся тем, что здесь получили образование многие выдающиеся исландцы, в том числе Снорри Стурлусон, автор «Круга Земного». Отмечая особое значение усадьбы Одди в подготовке исландской элиты, исследователи нередко подчеркивают тот факт, что именно здесь жили и работали первый исландский историк Сэмунд Мудрый и последний исландский автор саг о норвежских конунгах Снорри Стурлусон. Школа в Одди была уже третьей школой, организованной в Исландии⁴¹. Две другие были основаны представителями рода Хаукдэлиров. Самая ранняя была открыта епископом Ислейвом Гицурарсоном в его родовой усадьбе Скальхольте⁴². Вторую школу основал сын Ислейва Тейт (ум. 1110), устроив ее на находившемся в нескольких милях от Скальхольта Хаукадале (*Haukadalsr*) — на небольшом хуторе, полученном им в наследство после смерти его приемного отца Халля Тораринссона, широко образованного человека, одним из

³⁹ Как следует из перечня, приведенного в «Саге о крещении» (*Kristni saga*. Bls. 42–43), к 1118 г. (дата смерти епископа Гицура) в Исландии насчитывалось более десяти хёвдингов и годи, ставших священниками. См.: *Jón Viðar Sigurðsson*. Forholdet mellom verdslig og religiøs makt på Island I fristatsperioden // *Myte og Ritual I det førkristne Norden*. En symposium. Odense, 1994. S. 133–134.

⁴⁰ *Orri Vèsteinsson*. The Christianization of Iceland. P. 77.

⁴¹ О становлении образования в Исландии см.: *Джаксон Т.Н.* Древняя Русь и Исландия. Школы и центры учености в первые века христианства // *Интеллектуальные традиции античности и средних веков*. М., 2010. С. 319–320.

⁴² О школе в Скальхольте Ари Мудрый пишет: «En es þar sá höfðingjar ok góðir menn, at Ísleifr var miklu nýtri en aðrir kennimenn, þeir es á þvísa landi næði, þá seldu hónum margir sonu sína til læringar ok létu vígja til presta» («А когда хёвдинги и знатные люди увидели, что Ислейв был более искусный, чем другие учителя-священники из тех, что в этой стране находились, то ему на обучение многие передали своих сыновей и велели [подготовить] к посвящению в священников»). — *Íslendingabók*. Landnámabók / Jakob Benediktsson gáf út. Reykjavík, 1968. (ÍF; B. 1) (далее: Íb.). Bls. 20.

воспитанников которого был Ари Торгильссон⁴³. Как считает Э. Фолкс, обучение в Одди имело свои особенности. Основываясь на том факте, что в труде Снорри Стурлусона исследователи не обнаружили следов знакомства с латынью (Снорри не употребляет латинских слов и не цитирует трудов, написанных на латинском языке), Фолкс предположил, что в Одди (по крайней мере в конце XII в., когда Снорри был передан туда на воспитание в 1197 г.) задача подготовки священников не ставилась⁴⁴, в отличие от двух епископских школ. Выводы Э. Фолкса могут свидетельствовать о складывавшейся иерархии учебных центров и, скорее всего, должны быть распространены и на предшествующий период работы школы Сэмунда. Популярность школы в Одди, организованной человеком, не принадлежавшим к роду, из которого вышли первые исландские епископы, является лишь одним из свидетельств того, насколько высок был авторитет ее основателя Сэмунда в исландском обществе.

О том, что со временем влияние Сэмунда вышло далеко за пределы собственного прихода, свидетельствует, в частности, тот факт, что когда при Гицуре Ислейвссоне, ставшем после смерти своего отца епископом Скальхольта (1082–1118), началась разработка закона о введении десятины (учрежденной в 1097 г.), Сэмунд принял в ней непосредственное участие. «Хунгрвака» свидетельствует:

Эти люди были современниками епископа Гицура: Сэмунд, священник из Одди, который был самым образованным и ученым из всех людей; другой [человек] — законоговоритель Маркус Скеггьясон, который был очень мудр и хороший скальд. Они искали решение все вместе и обращались за советом к хёвдингам, чтобы принять закон о том, что люди каждый год будут отдавать десятину со своего имущества и всех законных доходов с него, как принято в других странах — в тех [странах], где живут христиане. И благодаря их благоразумию и мудрым убеждениям был тогда заключен договор о том, что они (хёвдинги. — Г.Г.) дают согласие на выплату десятины, которая затем должна будет делиться на четыре части: одна часть отходит епископу, вторая часть церкви, священники получают третью часть и

⁴³ Ари Мудрый упоминает о том, что после смерти его приемного отца Геллира Торкельссона он в возрасте семи лет приехал на обучение к Халлю Тораринссону в Хаукадаль и пробыл там 14 лет (Íb. Bls. 20).

⁴⁴ *Faulkes A. Snorri Sturluson: his Life and Work // The Viking World. L.; N.Y., 2008. P. 311.*

бедные четвертую⁴⁵; и не было в Скальхольте другого такого источника средств и всевоспомоществования бедным, как выплата десятины, которая тогда была введена благодаря популярности и щедрости епископа Гицура⁴⁶.

Говоря о том, что договор был заключен «благодаря их благоумию (*ráðleitni*) и мудрым убеждениям (*fortölum spakligum*)», автор сочинения лишь в самых общих выражениях характеризует деятельность епископа Гицура Ислейссона (едва ли не наиболее популярного в средневековой Исландии епископа, при котором, как считается, начался «Золотой век» исландской церкви), законоговорителя Маркуса Скеггьясона (который заступил на эту должность через два года после того, как Гицур стал епископом, и проработал 24 года, с 1084 по 1107 г., и которого Ари Торгильссон называет своим главным информантом о законоговорителях раннего времени⁴⁷) и священника Сэмунда Сигфуссона — трех представителей национальной элиты⁴⁸, подготовивших и в короткие сроки практически осуществивших реформу, обеспечившую в дальнейшем кардинальную смену основ благосостояния исландской церкви. В тексте никак не уточняется, каков был конкретный вклад каждого из этих людей, напротив, их деятельность представлена как совместная, хорошо скоординированная работа.

Повествуя о данном событии, несколько иначе расставляет акценты Ари Торгильссон в «Книге об исландцах»:

Епископа Гицура все жители страны любили больше любого другого человека из тех, кто, как нам известно, когда-либо был здесь в стране. И из огромной любви к нему, а также из-за их с Сэмундом

⁴⁵ Подробно о введении десятины в Исландии с обзором литературы см.: *Orri Vesteinsson. The Christianization of Iceland. P. 67–92.*

⁴⁶ «Þessir menn váru samtíða Gizuri biskupi: Sæmundr prest í Odda, er bæði var forvitri ok lærðr allra manna bezt. Annarr Markús Skeggjason lögsögumaðr, er var enn mesti spekingr ok skáld. Þeir báru ráð samans, ok sóttu at ráði höfðingja, at þat yrði lögtekit, at menn tñunduðu fé sitt á hverjum misserum, ok allan lögvöxt fjár síns, svá sem í öðrum löndum er títt, þar er kristnir menn byggja. En með ráðleitni þeira ok fortölum spakligum urðu þau málalok, at þeir gengu undir tñundargjaldit, ok skyldi síðan skipta í fjóra staði: einn hlut til handa biskupi, annan til kirna, þriðja hlut skyldu hafa kenningmenn, en fjórða hlut fátækir; ok hefir eigi annarr slíkr grundvöllr verit auðráða ok hæginda í Skálaholti sem tñundargjaldit, þat er tillagðiz þá fyrir vinsæld ok skörungskap Gizurar biskups» (Hungrvaka. Bls. 16–17).

⁴⁷ Íb. Bls. 22. О законоговорителе Маркусе Скеггьясоне см. также: *Gísli Sigurðsson. The Medieval Icelandic Saga. P. 69–70.*

⁴⁸ *Ellehøj S. Studier over den ældste norrøne historieskrivning. København, 1965. S. 16.*

убедительных речей и советов Маркуса, законоговорителя, был принят закон, что все люди должны сосчитать и оценить свое имущество и поклясться, что всё правильно [оценено], как земля, так и движимое имущество, а затем отделить десятину⁴⁹.

Обращает на себя внимание стремление Ари Мудрого отметить у каждого из перечисленных авторов нового закона индивидуальные особенности и качества: прежде всего, безусловную популярность Гицура, а также способность Гицура и Сэмунда сформулировать и аргументировать свою позицию, а Маркуса — дать мудрые советы, которые должны были, видимо, склонить мнение людей в пользу осуществлявшейся реформы. Вероятно, упоминая об «убедительных речах», Ари имел в виду умение Гицура и Сэмунда идти на контакт с людьми, разъяснять суть проводимой реформы⁵⁰, что, в конечном счете, и привело к единодушному одобрению закона на Альтингге.

В 1117 г., спустя 20 лет после принятия закона о десятине, Сэмунд становится свидетелем и участником еще одного кардинального изменения в культурной и общественной жизни Исландии: начало письменной эпохи ознаменовалось разработкой и записью законов, известных как «*Haflíðaskrá*» («Законы Хафлиди»)⁵¹. Эту работу, инициированную епископом Гицуром (завершенную уже при епископе Торлаке Рунольвссоне [1118–1133]), выполняла также группа из трех человек, в которую вошли сам епископ, хёвдинг Хафлиди Массон и законоговоритель Бергтор Хравнссон (1117–1122). Однако, по свидетельству Ари Мудрого, в работе принимали участие «и другие мудрые люди, кто был определен для этой цели»⁵², в числе которых мог быть и Сэмунд. На основании упоминания, вошедшего в текст судебного «*Grágás*» («Серый Гусь»),

⁴⁹ «Gizurr biskup vas átsælli af öllum landsmönnum en hværr maðr annarra, þeirra es vér vitim hér á landi hafa verit. Af átsæld hans ok af tölum þeirra Sæmundar með umbráði Markúss lögsogumanns vas þat í lög leitt, at allir menn tölðu ok virðu allt fé sitt ok sóru, at rétt virt væri, hvárt sem vas í lönnum eða í lausaaurum, ok gørdu tífund af síðan» (Íb. Bls. 22).

⁵⁰ Ш. Грэнли отмечает, что Ари восхищается скорее социальными (популярностью, убедительностью), нежели религиозными чертами характера Гицура (Íslendingabók. Kristnisaga. The Book of the Icelanders. The Story of the Conversion / Transl. by S. Grønlie. L., 2006. P. xxii). В равной степени данное замечание могло бы быть отнесено и к Сэмунду.

⁵¹ «Законы Хафлиди» не сохранились. Считается, что их текст вошел в состав судебного «*Grágás*» («Серый Гусь»).

⁵² «...ok annarra spakra manna, þeirra es til þess váru teknir» (Íb. Bls. 23).

достоверно известно, что около 1125 г. Сэмунд участвовал в составлении раздела церковных законов:

Епископ Кетиль и епископ Торлак, посоветовавшись с архиепископом Эцуром (Ассером. — Г.Г.) и Сэмундом и многими другими священниками, составили раздел церковных законов так, как они были запомнены и произнесены⁵³.

Сэмунд был в числе тех людей, кому была представлена на одобрение первая редакция труда по истории Исландии, созданного Ари Торгильссоном в 1122–1133 гг.⁵⁴ Ари пишет об этом в Прологе к своей книге:

«Книгу об исландцах» я сделал сначала для епископов наших Торлака и Кетилля и показал ее им обоим и священнику Сэмунду; и тогда в соответствии с тем, что они предпочли оставить так, а что изменить, я написал эту [книгу], исключив генеалогии и жизнеописания конунгов, и добавил то, что мне потом стало известно и о чем я сказал здесь больше, чем в той книге⁵⁵.

Как при записи церковных законов, так и при рецензировании труда Ари Торгильссона группа авторитетных экспертов состояла из одних и тех же людей (за исключением архиепископа Ассера) — епископа Скальхольта Торлака (1118–1133), епископа Холара Кетилля (1122–1145) и Сэмунда Сигфуссона. Принадлежность Сэмунда к этому узкому кругу указывает на особое уважение, с которым современники относились к высокой образованности и практической деятельности Сэмунда.

* * *

Завершая рассказ о жизни Сэмунда, почившего в 1133 г.⁵⁶, остановимся на последних годах его жизни и на его потомках. У Сэмунда и его жены Гудрун было четверо детей — дочь и три сына.

⁵³ Laws of Early Iceland. Vol. 1. P. 50.

⁵⁴ К 1122 г. была, предположительно, завершена первая редакция. См.: *Halldór Hermannsson. Introductory Essay // The Book of Icelanders by Ari Thorgilsson. Ithaca (N.Y.), 1930. P. 39.*

⁵⁵ «Íslendingabók görða ek fyrst biskupum órum, Þorláki ok Katli, ok sýndak bæði þeim ok Sæmundi presti. En með því at þeim líkaði svá at hafa eða þar viðr auka, þá skrifaða ek þessa of et sama far, fyr útan áttartölu ok konunga ævi, ok jókk því es mér varð síðan kunnara ok nú es gerr sagt á þessi en á þeirri» (Íb. Bls. 3).

⁵⁶ О смерти Сэмунда упоминают исландские анналы (Islandske annaler. S. 20, 59, 113, 252, 321).

Один из их сыновей, священник⁵⁷ Лофт, во время поездки в Норвегию женился на Торе, побочной дочери конунга Магнуса Голоного (1073–1103, король Норвегии в 1093–1103)⁵⁸. Благодаря этому браку Одавьерьяры, очевидно, восстановили свои связи с Норвегией и поддерживали их на протяжении всего XII в.⁵⁹ Сама Тора, дочь Магнуса, прожила долгую жизнь (родилась до 1103 г., когда умер ее отец конунг Магнус, а умерла в 1175 или 1176 г.⁶⁰), много лет она была невесткой Сэмунда Сигфуссона. Тора, по-видимому, могла служить для Сэмунда источником информации о Норвегии, поскольку, как представляется, она не прерывала контактов с родиной: по свидетельству Снорри Стурлусона, Йон (ок. 1123/24–1197), сын Торы и Лофта, был отдан в Конунгахеллу в Норвегии на воспитание священнику, совершавшему богослужения в церкви Креста, Андреасу сыну Бруна, «очень уважаемому человеку»⁶¹. Снорри также упоминает о поездках в Норвегию Лофта Сэмундарсона и, в частности, отмечает, что во время битвы норвежцев с вендами в 1135 г. в Конунгахелле Лофт также находился там, а затем оттуда благополучно добрался до Бергена⁶².

О Йоне Лофтссоне, который в конце XII в. являлся одним из светских лидеров Исландии, необходимо сказать подробнее. Влияние Йона, дьякона и годи, было столь велико, что его можно было считать, по выражению Эйнара Олаура Свейнссона, «некоронованным королем исландцев»⁶³. Известно, что Йон сыграл важную роль в разрешении конфликта между исландской знатью и церковью, с одной стороны, и норвежской церковью, с другой. Суть конфликта заключалась в том, что после перехода исландской церкви в 1154 г. из-под юрисдикции объединенного скандинавского архиепископства в Лунде под юрисдикцию архиепископства в Нидаросе церковные деятели Норвегии стали предъ-

⁵⁷ О том, что Лофт был священником, упоминает Снорри Стурлусон. См.: *Снорри Стурлусон. Круг Земной* / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980 (далее: КЗ). С. 507.

⁵⁸ *Mundal E. Sæmundr Sigfússon inn fróði*. P. 1316; *Wellendorf J. Sæmundr inn fróði Sigfússon*.

⁵⁹ *Ólafía Einarsdóttir. Om samtidssagaens kildeværdi belyst ved Hákonar saga Hákonarsonar // Alvíðsmál*. 1995. B. 5. S. 69, note 31.

⁶⁰ *Íslandske annaler*. Bls. 118, 476.

⁶¹ КЗ. С. 506.

⁶² Там же. С. 507.

⁶³ *Einar Ólafur Sveinsson. Nafngiftir Oddaverja // Bidrag till nordisk filologi, tillägnade Emil Olson*. Lund, 1936. Bl. 190.

являть свои права на земли в Исландии. Этому воспротивилась местная исландская церковь, и ее активно поддержала местная знать. Йон Лофтссон занял жесткую позицию в этом споре, что существенно укрепило его авторитет. Его мнение имело особый вес: на Альтингге он обладал правом решения спорных вопросов. Йон Лофтссон был приемным отцом Снорри Стурлусона, который воспитывался в Одди с трехлетнего возраста. Исследователи полагают, что Йон проявлял интерес к устным повествованиям, любил сам рассказывать истории о пребывании своего деда Сэмунда Сигфуссона на Континенте, равно как и о своих поездках в Норвегию. О высоком авторитете Йона свидетельствует также тот факт, что письмо, которое Одд Сноррасон посылал в связи с написанием своей «Саги об Ингваре Путешественнике», имело только двух адресатов: Йона Лофтссона и большого знатока устных сказаний Гицура Халльссона⁶⁴.

Один из сыновей Йона Лофтссона — Лофт — укреплял культурные традиции своей семьи, заложенные Сэмундом Сигфуссоном. Его фамильная усадьба Одди являлась интеллектуальным центром страны, славившимся изучением истории, там продолжала работать организованная еще Сэмундом школа. Другой сын Йона Палл после кончины Торлака Торхалльссона стал епископом в Скальхольте (1195–1211). Тем самым был блистательно завершен тот путь, начало которому было положено знаменитыми предками, включая наиболее известного из них — общественного деятеля и историографа Сэмунда Сигфуссона.

* * *

Созданный Сэмундом Сигфуссоном труд не сохранился. По нескольким вопросам, касающимся этого произведения, исследователи пришли к общему мнению. Прежде всего, на основании свидетельств двух памятников считается, что книга была написана Сэмундом на латинском языке. Более раннее указание на это содержится в так называемом «Первом грамматическом трактате», созданном в середине XII в. Его автор, рассуждая о возможностях приспособления латинского алфавита для передачи специфических звуков в английском языке, пишет далее:

⁶⁴ Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике: Текст, перевод, комментарий. М., 2002. С. 271 (см. также с. 376–378).

Теперь в соответствии с их примером, поскольку наши языки сходны, несмотря на то, что произошло много изменений в каждом из них, я написал алфавит также для нас, исландцев, с тем, чтобы стало легче писать и читать, как вошло в обычай также и в этой стране, законы, генеалогии либо священные книги, а также те исторические свидетельства, которые Ари Торгильссон зафиксировал в своих книгах с таким пониманием⁶⁵.

Как видим, в перечне произведений, написанных на исландском языке, не упомянуто сочинение Сэмунда⁶⁶. Другое свидетельство принадлежит Снорри Стурлусону, который отмечает:

Священник Ари Мудрый, сын Торгильса, сына Геллира, был первым здесь в стране, кто записал на северном языке мудрые рассказы, старые и новые⁶⁷.

Данное высказывание Снорри можно интерпретировать не только в том смысле, что Сэмунд писал на латыни, но и как указание на то, что Сэмунд начал работу позднее Ари Торгильссона⁶⁸. Однако, полагают исследователи, труд Ари должен был быть создан позднее, чем книга Сэмунда, по естественной причине: Ари родился более чем на десять лет позже Сэмунда, и логично предположить, что и писать он начал позже. Поэтому из упоминания о том, что Ари был первым, кто писал на исландском языке, делается логичное заключение: Сэмунд составлял свой труд на латыни — основном языке европейской средневековой письменности⁶⁹.

Не вызывает также споров у исследователей положение относительно основного содержания труда Сэмунда Сигфуссона. Общепризнанно, что в его книге рассказывалось о древних норвежских конунгах, свидетельство о чем содержится в скальдической поэме «Nóregs konunga tal» («Перечень норвежских конунгов»), написанной в честь внука Сэмунда Йона Лофтссона и сохранившейся лишь в ру-

⁶⁵ «Nú eptir þetta dæmum, alls vér erum einnar tungu, þó at gorzk hafi mjök önnur tveggja eða nokkut báðar, til þess at hægra verðit at rita ok lesa, sem nú tíðisk ok á þessu landi, bæði loð ok áttvísi eða þýðingar helgar, eða svá þau in spakligu fræði, er Ari Þórgilsson hefir á bækur sett af skynsamligu viti, þá hefi ek ritit oss íslendingum...». — First Grammatical Treatise / An ed., transl. and comment. by E. Haugen. 2nd rev. ed. Cambridge (Mass.), 1972. P. 12.

⁶⁶ Ellehøj S. Studier. S. 18.

⁶⁷ КЗ. С. 10.

⁶⁸ Деятельность Ари и Сэмунда трудно с уверенностью привязать к конкретному времени. См.: Ellehøj S. Studier. S. 15, 18.

⁶⁹ Wellendorf J. Sæmundr inn fróði Sigfússon.

кописи «*Flateyjarbók*» («Книга с Плоского Острова», 1387–1394 гг.)⁷⁰. В поэме, включающей 83 строфы, перечисляются 27 правителей из рода Инглингов, к которому принадлежала мать Йона Лофтссона норвежка Тора, начиная с Хальвдана Черного (ок. 820 — ок. 860) и заканчивая Сверриром Сигурдарсоном (1184–1202). В строфе 40, посвященной Магнусу Доброму, поэт отмечает, что он рассказал о десяти поколениях, начиная с Харальда (Прекрасноволосого. — *Г.Г.*), так, как об этом говорится у Сэмунда Мудрого⁷¹. Книга Сэмунда, без сомнения, включала рассказы о конунгах Норвегии с Харальда Прекрасноволосого (ок. 872–930) до Магнуса Доброго (1035–1047). Дополнительным подтверждением того, что история конунгов, описанная Сэмундом, заканчивалась 1047 г. — датой смерти Магнуса Доброго, — является, по мнению Й. Веллендорфа⁷², запись в Королевских анналах, помещенная под тем же 1047 г.:

Скончался Магнус конунг. Пришел к власти конунг Харальд Сигурдарсон в Норвегии и Свейн Ульвссон в Дании. Так говорит священник Сэмунд Мудрый⁷³.

Если финальным сюжетом исследователями единодушно признается период правления конунга Магнуса Доброго (ум. 1047), то относительно начала книги мнения варьируются. Обычно считается, что первым конунгом, чье жизнеописание дал Сэмунд, был Харальд Прекрасноволосый⁷⁴. Однако с учетом того, что в скальдическом перечне говорится также и об отце Харальда Прекрасноволосого Хальвдане Черном, С. Эллекхей полагает, что и о нем могло говориться в сочинении Сэмунда⁷⁵. Очевидно, что структура труда Сэмунда была линейной: в нем последовательно рассказывалось об одиннадцати конунгах от Хальвдана Черного до Магнуса Доброго. «Перечень норвежских конунгов» позволяет отчасти охарактеризовать содержание книги, в которой много внимания было уделено обстоятельствам смерти, месту погребения, продолжитель-

⁷⁰ *Flateyjarbók. En samling af norske konge-sagaer.* Christiania, 1862. B. 2. Bls. 520–528.

⁷¹ «Nu hefi ek talt — tíu landreka — þa er huerr var — fra Haralldi. — inta ek sua — æfui þeirra — sem Sæmundr — sagdi hinn froði» (*Flateyjarbók*. B. 2. Bls. 524).

⁷² *Wellendorf J. Sæmundr inn fróði Sigfússon.*

⁷³ «† Magnús konvngs góði. Einvalld Haralldz konvngs Sigvrðar sonar i Noregi. en Sveins Vlf's sonar i Danmørkv. Svá segir Sdmvndr prestr hinn fróði» (*Íslandske annaler*. Bls. 108).

⁷⁴ *Wellendorf J. Sæmundr inn fróði Sigfússon.*

⁷⁵ *Ellehøj S. Studier.* S. 19.

ности правления конунгов, меньше было сказано об их жизни и деяниях⁷⁶. Продолжительность правления конунгов, рассчитанная Сэмундом в каждом конкретном случае, позволила ему наметить событийную канву истории Норвегии⁷⁷, которая была использована в трудах последующих историографов⁷⁸.

В составе других произведений исследователи выделяют небольшие фрагменты, которые могут восходить к труду Сэмунда. Большинство событий, упомянутых в таких фрагментах, относится к последним годам X в. Так, в «Саге об Олаве Трюгвасоне» монаха Одда имеется замечание о продолжительности правления ярла Хакона, а также фрагмент из 50 слов, содержащий подробности крещения Олавом Трюгвасоном Норвегии. В «Саге о йомсвикингах» по данным Сэмунда указано число кораблей йомсвикингов в битве при Хьёругаваге. Со ссылкой на Сэмунда Ари Мудрый приводит дату смерти конунга Олава Трюгвасона в «Книге об исландцах»⁷⁹. Упоминание имени Сэмунда в книге Ари⁸⁰, написанной в 1122–1133 гг., является также датирующим признаком: принято считать, что условная дата создания труда Сэмунда о норвежских конунгах — 1110–1120 гг.⁸¹

Ссылки на сочинение Сэмунда как на источник информации, имеющиеся в памятниках исландской письменности разных жанров⁸², поднимают еще одну проблему, до настоящего времени не нашедшую решения. Как заметил А. Гессинг⁸³, а позднее показали С. Эллекей и Й. Веллендорф⁸⁴, все отсылки к Сэмунду сформулированы с использованием так называемых «глаголов говорения» («как говорит/сказал Сэмунд Мудрый»). Исключение составляет лишь одна фраза, включенная в «Сагу об Олаве Трюгвасоне» монаха Одда:

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ *Ólafía Einarsdóttir*. Studier i kronologisk metode i tidlig islandsk historieskrivning. [Lund.] 1964. (Bibliotheca historica Lundensis; 13). S. 44, 145, 328; *Wellendorf J.* Sæmundr inn fróði Sigfússon.

⁷⁸ *Andersson Th.M.* Kings' Sagas // Old Norse–Icelandic Literature. A Critical Guide. Ithaca (N.Y.); L., 1985. (Islandica; 45). P. 197–211.

⁷⁹ *Whaley D.* Sæmundr Sigfússon inn fróði. P. 636.

⁸⁰ Íb. Bls. 17–18.

⁸¹ *Mortensen L.B.* Den formative dialog mellem latinsk og folkesproglig litteratur ca 600–1250. Udkast til en dynamisk model // Reykholt som makt- og lærdomscenter. I den islandske og nordiske kontekst. Reykholt, 2006. S. 256.

⁸² *Wellendorf J.* Sæmundr inn fróði Sigfússon. Сводку таких ссылок см. в работе: *Ellehøj S.* Studier. S. 16–25.

⁸³ *Gjessing A.* Sæmund Frodes Forfatterskap // Sproglig-historiske Studier tilegnet C.R. Unger. Kristiania, 1896.

⁸⁴ *Ellehøj S.* Studier. S. 16–25; *Wellendorf J.* Sæmundr inn fróði Sigfússon.

«Так Сэмунд Мудрый *написал* (курсив мой. — Г.Г.) о конунге Олаве в своей книге»⁸⁵. Складывается впечатление, что упоминавшие Сэмунда авторы отмечают не письменную, а устную форму передачи информации: написанное в книге Сэмунда на латыни могло стать известно большинству авторов, ссылающихся на нее, в пересказах на древнеисландском языке, транслировавшихся в устной передаче.

Отдельные ссылки саг и других источников на Сэмунда как информанта по истории Исландии⁸⁶ позволили исследователям поставить вопрос о том, не было ли Сэмундом создано, наряду с историей норвежских конунгов, также некое сочинение, посвященное местной истории. Однако сведения настолько скудны, что не дают оснований ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение.

С XVI–XVII вв. Сэмунду ошибочно приписывалась роль в собирании «Старшей Эдды», которая с конца XVIII в. так и публиковалась под заглавием «Edda Sæmundar hinns fróða» («Эдда Сэмунда Мудрого»)⁸⁷. Было также высказано предположение, что одна песнь — «Hrafnagaldur Óðins» — была сочинена самим Сэмундом⁸⁸. Атрибуция «Старшей Эдды» Сэмунду сохранялась вплоть до начала XX в., причем не только в западной, но и, например, в отечественной традиции⁸⁹.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике: Текст, перевод, комментарий. М., 2002.

Глазырина Г.В. Язычники и христиане в Исландии накануне официального крещения страны // ВЕДС-ХІХ: Политические институты и верховная власть. М., 2007. С. 46–50.

⁸⁵ «Sua hefir Sæmundr ritað um Olaf konung isinni bok» (Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk / Udg. af Finnur Jónsson. København, 1932. Bls. 114).

⁸⁶ Так, например, в «Саге о крещении» имеется такое замечание: «в тот год (1118/1119. — Г.Г.) умирало много людей, как сказал Сэмунд, больше людей умерло, чем приходило раньше на тинг» (Kristni saga. Bls. 45).

⁸⁷ Whaley D. Sæmundr Sigfússon inn fróði. P. 636–637. Перечень изданий см.: http://www.germanicmythology.com/#THE_POETIC_or_ELDER_EDDA_MANUSCRIPTS.

⁸⁸ Подробно об этой поэме в связи с ошибочной атрибуцией ее Сэмунду см. работу: Hrafnagaldur Óðins (Forspjallsljóð) / Ed. with Intr., Notes and Transl. by A. Lassen. L., 2011.

⁸⁹ Например: Старшая Эдда (Семунда Мудрого): Сборник мифологических, гномической и эпических песен в переводах русских писателей. [?Воронеж], 1897. (Русская классная библиотека, издаваемая под редакцией А.Н. Чудинова).

- Глазырина Г.В. Противостояние язычников и христиан накануне альтинга 999/1000 г. // ВЕДС-XXVI: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. М., 2014. С. 75–81.
- Джаксон Т.Н. Древняя Русь и Исландия. Школы и центры учености в первые века христианства // Интеллектуальные традиции античности и средних веков. М., 2010. С. 302–322.
- КЗ — *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
- Saga о Ньяле // Исландские саги. В 2 т. / Под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. 2. С. 49–370.
- Старшая Эдда (Семунда Мудрого): Сборник мифологических, гномической и эпических песен в переводах русских писателей. [?Воронеж], 1897. (Русская классная библиотека, издаваемая под редакцией А.Н. Чудинова).
- Andersson Th.M.* Kings' Sagas // Old Norse–Icelandic Literature. A Critical Guide. Ithaca (N.Y.); L., 1985. (Islandica; 45). P. 197–238.
- Bagge S.* Nordic Students at Foreign Universities until 1660 // Scandinavian Journal of History. 1984. Vol. 9. P. 1–29.
- Einar Ólafur Sveinsson.* Nafngiftir Oddaverja // Bidrag till nordisk filologi, tillägnade Emil Olson. Lund, 1936. Bl. 190–196.
- Einar Ólafur Sveinsson.* Sagnaritum Oddaverjar. Reykjavík, 1937. (Studia islandica; 1).
- Eckenstein L.* Woman under monasticism: chapters on saint-lore and convent life between A.D. 500 and A.D. 1500. Madison (Wisc.), 1896.
- Ellehøj S.* Studier over den ældste norrøne historieskrivning. København, 1965.
- Faulkes A.* Snorri Sturluson: his Life and Work // The Viking World. L.; N.Y., 2008. P. 311–314.
- First Grammatical Treatise / An ed., transl. and comment. by E. Haugen. 2nd rev. ed. Cambridge (Mass.), 1972.
- Flateyjarbók. En samling af norske konge-sagaer. Christiania, 1862. B. 2.
- Foote P.* Aachen, Lund, Hólar // Aurvandilstá: Norse Studies. Odense, 1984 (1-е изд.: 1975). P. 101–120.
- Gíslí Sigurðsson.* The Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition. A Discourse on Method. Cambridge (Mass.), 2004.
- Gjessing A.* Sæmund Frodes Forfatterskap // Sproglig-historiske Studier tilegnede C.R. Unger. Kristiania, 1896.
- Laws of Early Iceland. Grágás. The Codex Regius of Grágás with the Material from Other Manuscripts / Transl. by A. Wawn, P. Foote, R. Perkins. Winnipeg, 1980. Vol. 1.
- Íslendingabók. Kristnisaga. The Book of the Icelanders. The Story of the Conversion / Transl. by S. Grønlie. L., 2006.
- Gunnell T.* The Return of Sæmundur: Origins and Analogues // Þjóðlíð og þjóðtrú. Ritgerðir helgaðar Jóni Hnefli Aðalsteinssyni. Oddi, 1998. P. 87–112.

- Halldór Hermansson*. Introductory Essay // *The Book of Icelanders* by Ari Thorgilsson. Ithaca (N.Y.), 1930. P. 1–46.
- Halldór Hermansson*. Sæmundr Sigfússon and the Oddaverjar. Ithaca (N.Y.), 1932. (Islandica; 22).
- Hrafnagaldur Óðins (Forspjallsljóð) / Ed. with Intr., Notes and Transl. by A. Lassen. L., 2011.
- Hungurvaka // Biskupa sögur / Ásdís Egilsdóttir gaf út. Reykjavík, 2002. Bd. 2. (ÍF; B. 16). Bls. 1–43.
- Islandske annaler indtil 1578 / Udg. Gustav Storm. Christiania, 1888.
- Íb. — Íslendingabók / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík, 1969. Bls. 1–28. (ÍF; B. I: 1).
- Jón Hnefill Áðalsteinsson*. Under the Cloak. The Acceptance of Christianity in Iceland with Particular Reference to the Religious Attitudes Prevailing at the Time. Uppsala, 1978.
- Jón Hnefill Áðalsteinsson*. Sæmundr fróði: A medieval master of magic // Arv: Nordic Yearbook of Folklore. 1994. Vol. 50. P. 117–132.
- Jón Viðar Sigurðsson*. Forholdet mellom verdslig og religiøs makt på Island i fristatsperioden // Myte og Ritual i det førkristne Norden. En symposium. Odense, 1994. S. 129–139.
- Jóns saga ins helga // Biskupa sögur / Sigurgeir Steingrímsson, Ólafur Halldórsson og Peter Foote gáfu út. Reykjavík, 2002. B. 1, Hl. 2. Bls. 173–316.
- Kristni saga // Biskupa sögur / Sigurgeir Steingrímsson, Ólafur Halldórsson og Peter Foote gáfu út. Reykjavík, 2002. B. 1, Hl. 2. Bls. 1–48.
- Kruppa N.* Die Billunger und ihre Klöster Beispiele zu den weitläufigen Verbindungen im frühmittelalterlichen Sachsen // Concilium medii aevi. 2009. Bd. 12. S. 1–41.
- Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík, 1969. Bls. 29–397. (ÍF; B. 1: 1).
- Megaard J.* The Man who did not write the *Edda*. Sæmundr fróði and the Birth of Icelandic Literature // Scandinavia and Christian Europe in the Middle Ages. Papers of The 12th International Saga Conference. Bonn/Germany, 28th July–2nd August 2003. Bonn, 2003. P. 373–381.
- Mitchell St.* Witchcraft and Magic in the Nordic Middle Ages. Philadelphia, 2011.
- Mortensen L.B.* Den formative dialog mellem latinsk og folkesproglig litteratur ca 600–1250. Udkast til en dynamisk model // Reykholt som makt- og lærdomssenter. I den islandske og nordiske kontekst. Reykholt, 2006. S. 229–271.
- Mundal E.* Sæmundr Sigfússon inn fróði // Encyclopedia of the Medieval Chronicle. Leiden, 2010. Vol. 2. P. 1316–1317.
- Orri Vesteinsson*. The Christianization of Iceland. Priests, Power, and Social Change. 1000–1300. Oxford, 2000.
- Ólafía Einarsdóttir*. Studier i kronologisk metode i tidlig islandsk historieskrivning. [Lund,] 1964. (Bibliotheca historica Lundensis; 13).

- Ólafía Einarsdóttir*. Om samtidssagaens kildeværdi belyst ved *Hákonar saga Hákonarsonar* // *Alvíssmál*. 1995. B. 5. S. 29–80.
- Saga Óláfs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk / Udg. af Finnur Jónsson. København, 1932.
- Sverrir Tómasson*. Sæmundr Sigfússon (hinn fróði) // *Reallexicon der Germanischen Altertumskunde*. B., 2005. Bd. 26. S. 77–79.
- Sæmundar þátr // *Biskupa sögur* / Sigurgeir Steingrímsson, Ólafur Halldórsson og Peter Foote gáfu út. Reykjavík, 2002. B. 1, Hl. 2. Bls. 337–343.
- Wellendorf J.* Sæmundr inn fróði Sigfússon // <https://wikihost.uib.no/medieval/index.php/S%C3%A6mundr_inn_fr%C3%B3%C3%B0i_Sigf%C3%BAsson>.
- Whaley D.* Sæmundr Sigfússon inn fróði // *Medieval Scandinavia*. An Encyclopedia. N.Y.; L., 1993. P. 636–637.
- Wolf K.* Pride and Politics in Late-Twelfth-Century Iceland: The Sanctity of Bishop Þorlákr Þórhallsson // *Sanctity in the North: Saints, Lives, and Cults in Medieval Scandinavia*. Toronto, 2008.

Galina V. Glazyrina

SÆMUNDR THE WISE, THE FIRST HISTORY WRITER
IN ICELAND

The article is dedicated to a medieval Icelandic historian, the priest Sæmundr Sigfússon (Sæmundr the Wise, born in 1056, died in 1133), who was working on his history of Norwegian kings at about the same time as the famous historian Ari Þorgilsson (Ari the Wise) was writing *The Book of Icelanders*. Historiographical work created by Sæmundr was lost. Its content has been partly restored based on references to it preserved in sagas and other sources. The facts of Sæmundr's biography and those of his historical and literary activity are studied in the article in the context of some of the most important processes and events in the history of Iceland of the eleventh to the first third of the twelfth century; most of them are related to the consolidation of Christianity in the country and the establishment of the national church. In particular, such issues are in the focus of attention as the access to education in the Middle Ages, the formation of centers of learning in Iceland and training of priests among Icelanders; the expansion of land possession by the Church, the development and implementation of the legislation which established the introduction of tithes; the use of vernacular writing, the codification of laws, and many others. Being not only a priest and historian, but also a public figure, Sæmundr directly participated in many events that had historical significance for the country and its people. Broad education in different fields of knowledge (particularly

in the humanities — history, literature, legislation), recognized by the most influential and competent people of Iceland, allowed Sæmundr to work on a number of laws that changed political and economic conditions in Iceland significantly.

Key words: Middle Ages, Iceland, christianization, centers of learning, introduction of writing, codification of laws, historical writing, Sæmundr Sigfússon (Sæmundr the Wise), Ari Þorgilsson (Ari the Wise)

В.И. Матузова

НАЧАЛО ИСТОРИОПИСАНИЯ ТЕВТОНСКОГО ОРДЕНА В ПРУССИИ

Первые исторические сочинения Тевтонского ордена в Пруссии появляются во второй половине XIII в. Попытки создания исторических сочинений предпринимали верховные магистры Тевтонского ордена Герман фон Зальца (1209–1239) и Гартман фон Хельдрунген (1273–1282). Это было время становления орденского государства, идейной основой которого служила крестоносная идеология. Расцвет орденского историописания приходится на XIV в. Сложившиеся тогда военно-политические условия потребовали осмысления предшествующей истории Тевтонского ордена в Пруссии, чтобы способствовать укреплению орденского государства.

В XIV в. в государстве Тевтонского ордена в Пруссии появились крупные исторические сочинения: «Хроника земли Прусской» (на латыни) Петра из Дусбурга (1326 г.), рифмованная «Хроника Пруссии» (перевод «Хроники» Петра из Дусбурга на немецкий язык) Николая фон Ерошина (середина XIV в.) и рифмованная «Новая прусская хроника» (на немецком языке) Виганда Марбургского (рубеж XIV–XV вв.).

«Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга — самый ранний памятник официальной орденской историографии. В сложных политических условиях автор создал апологию Тевтонского ордена и обосновал необходимость присутствия ордена в Пруссии, подчеркнув значение его миссии в Прибалтике. Он использовал множество письменных (хроники, анналы, библейский и агиографический материал) и устных (рассказы очевидцев) источников. Узаконивая действия ордена в Пруссии, хронист трактует крестовый поход как священную войну, а орденских рыцарей отождествляет с библейскими Маккавеями («новые Маккавеи»).

Первый памятник орденского историописания в Пруссии содержит официальное изложение истории Тевтонского ордена и его государства в Пруссии, но одновременно это и апология ордена, и его критика, в нем отражены ментальности ордена и историческое сознание его автора. Хроника явила собою ядро орденского историописания, но из него

впоследствии развилась и поэтическая литература Тевтонского ордена: литургическая и агиографическая.

Ключевые слова: Тевтонский орден, Пруссия, историописание, Пётр из Дусбурга, крестовые походы, идеология

Начальному периоду историописания Тевтонского ордена в Пруссии посвящено немало серьезных научных исследований в немецкой исторической науке. Среди важнейших назову труды историка XIX в. Макса Перльбаха¹, а в XX в. к этому вопросу обращались Эрих Машке², Генрих Бауэр³, Карл Хельм⁴, Одило Энгельс⁵, Удо Арнольд⁶ и Хартмут Бокман⁷. Во многих работах в центре внимания исследователей находятся источники, использованные Петром из Дусбурга при написании «Хроники земли Прусской».

В польской исторической науке второй половины XX в. специальная и очень ценная работа, посвященная источникам «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга, принадлежит Мажене Поллякувне⁸. Исследовательница впервые предприняла полное исследование источниковой основы этого памятника, который поистине можно назвать энциклопедией истории Тевтонского ордена в Пруссии в XIII в. На рубеже XX–XXI вв. детальные источниковедческие исследования в связи с изучением хроники Петра из Дусбурга про-

¹ *Perlbach M.* Preussisch-polnische Studien zur Geschichte des Mittelalters (Zur Kritik der ältesten preussischen Urkunden). Halle, 1886. Heft 1–2.

² *Maschke E.* Quellen und Darstellungen in der Geschichtsschreibung des Preussenlandes // Deutsche Staatsbildung und deutsche Kultur im Preussenlande. Königsberg, 1931. S. 17–39.

³ *Bauer H.* Peter von Dusburg und die Geschichtsschreibung des Deutschen Ordens im 14. Jahrhundert in Preussen. B., 1935. (Historische Studien; 272).

⁴ *Helm K., Ziesemer W.* Die Literatur des Deutschen Ordens im Mittelalter // Zeitschrift für den deutschen Unterricht. 1916. Bd. 30. S. 289–306.

⁵ *Engels O.* Zur Historiographie des Deutschen Ordens im Mittelalter // Archiv für Kulturgeschichte. Köln, 1966. Bd. 48, heft 3. S. 336–363.

⁶ *Arnold U.* Studien zur preussischen Historiographie des 16. Jahrhunderts. Bonn, 1967; *Idem.* Geschichtsschreibung im Preussenland bis zum Anfang des 16. Jahrhunderts // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands. B., 1970. Bd. 19. S. 74–126.

⁷ *Boockmann H.* Geschichtsschreibung des Deutschen Ordens im Mittelalter und Geschichtsschreibung im mittelalterlichen Preussen: Entstehungsbedingungen und Funktionen // Literatur und Laienbildung im Spätmittelalter und in der Reformationszeit. Stuttgart, 1984. S. 80–93.

⁸ *Pollakówna M.* Kronika Piotra z Dusburga. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.

вели польские историки Ярослав Вента⁹ и Януш Трупинда¹⁰. Работы Я. Венты служат образцом классического источниковедческого исследования, основанного на архивных изысканиях, в результате которых появился перевод памятника на польский язык с учетом разночтений по существующим спискам¹¹. Этим издание «Хроники земли Прусской», подготовленное Я. Вентой, отличается от осуществленных ранее немецких изданий и перевода на современный немецкий и на другие языки¹². Из перечисленных авторов, кажется, только Я. Трупинда уделил внимание идеологической стороне источников, тем самым вписав их в культурно-исторический контекст их возникновения. В вышедшем недавно в Польше коллективном труде «Государство Тевтонского ордена в Пруссии» глава, написанная М. Дыго и посвященная идеологии государства ордена, основана на материале письменных нарративных источников, прежде всего хроники Петра из Дусбурга¹³.

Известный немецкий историк, специалист по истории Тевтонского ордена Эрих Машке открывает свою работу о древнейшем историописании в Пруссии следующим образом:

Историописание неотделимо от политических и социальных структур в пространстве и времени его возникновения. Ему необходима постоянная теснейшая связь с политическими центрами; его питают жизненные силы государства, оно несет на себе все признаки своего происхождения и потому зачастую больше говорит нам о государстве и политике своего времени, чем о том прошлом, которое избрало своей темой. Одновременно оно служит выражением социального устройства своего времени и правящих в это время групп, самосознание которых является в то же время историческим сознанием¹⁴.

⁹ Wenta J. Studien über die Ordensgeschichtsschreibung am Beispiels Preußens. Toruń, 2000; *Idem*. Kronika Piotra z Dusburga: Szkic źródłoznawczy. Toruń, 2003.

¹⁰ Trupinda J. Ideologia krucjatowa w kronice Piotra z Dusburga. Gdynia, 1999.

¹¹ Piotr z Dusburga. Kronika ziemi Pruskiej / Wyd. S. Wyszomirski, J. Wenta. Toruń, 2005.

¹² Peter von Dusburg. Chronicon terrae Prussiae / Hrsg. M. Töppen // SRP. 1861. Bd. 1. S. 3–269; *Idem*. Chronik des Preussenlandes / Übers. K. Scholz, D. Wojtecki. Darmstadt, 1984; Petras Dusburgietis. Prūsijos žemės Kronika / Par. R. Batūra. Vilnius, 1985; Пётр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Изд. подгот. В.И. Матузова. М., 1997.

¹³ Dygo M. Ideologija panowania zakonu niemieckiego w Prusach // Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach: Władza i społeczeństwo. Warszawa, 2008. S. 357–369.

¹⁴ Maschke E. Die ältere Geschichtsschreibung des Preussenlandes // Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit. Frankfurt a/M, 1968. S. 1. (SRP; Bd. 6).

Эта формулировка правомерна не просто для историописания Пруссии в целом, но и конкретно — для историописания Тевтонского ордена в Пруссии, особенно на том этапе, который является началом этого процесса, совпавшего (вероятно, не случайно) со временем становления государства Тевтонского ордена в Пруссии.

Государство Тевтонского ордена в Пруссии, как считают некоторые исследователи, во многих отношениях превосходило другие государства Средневековья. Возможно, это объясняется тем, что территориальное орденское государство (его территория сложилась в ходе полувекового завоевания Пруссии) в своей административной структуре повторяло иерархическую структуру самого ордена. Четкое соподчинение его составляющих обеспечивало его прочность. Но помимо территориальной (материальной) основы существовала идейная основа орденского государства — крестоносная идеология, пронизывавшая структуры, действия и ментальности ордена и скреплявшая их. Эта основа представлена памятниками орденской письменности, в том числе и историописанием.

До вторжения в Пруссию Тевтонского ордена (30-е годы XIII в.) историописания в ней не было, поскольку жившие здесь прусские племена письменности не имели. Но историописание Тевтонского ордена в Пруссии тоже возникло не сразу: на протяжении почти полувека шло завоевание прусских земель и создание территориальной основы, а вслед за тем — административной системы будущего орденского государства. Правда, имеются «Рассказ о начале Тевтонского ордена» и Пролог к орденским Статутам, носящий характер исторического рассказа. Оба сочинения по своему содержанию относятся ко времени основания Тевтонского ордена в Святой Земле, и оба были использованы Петром из Дусбурга при написании «Хроники земли Прусской»¹⁵. Сохранились и два свидетельства того, что попытки оставить память об отдельных событиях этого раннего периода предпринимались верховными магистрами в XIII в. Первое из них известно как донесение верховного магистра Германа фон Зальцы (1209–1239) о начале завоевания Пруссии¹⁶, второе — как донесение верховного магистра Гартмана фон Хельдрунгена (1273–1282) об объединении в 1237 г. ливонского ордена Меченосцев с Тевтон-

¹⁵ См.: Матузова В.И. К вопросу создания исторической памяти: Ранние письменные источники Тевтонского ордена в Пруссии // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. М., 2010. № 1. С. 34–47.

¹⁶ Hermann von Salza Bericht über die Eroberung Preußens / Hrsg. Th. Hirsch // SRP. 1874. Bd. 5. S. 153–168.

ским орденом¹⁷. Время появления как первых двух упомянутых сочинений, так и этих донесений спорно. Необходимо отметить, что современная немецкая историческая наука уже не считает автором первого донесения Германа фон Зальцу, а связывает его появление с именем другого верховного магистра — Генриха фон Гогенлоэ (1244–1249). Донесение, в котором досконально и ярко представлены события 1220–1246 гг., возникло, вероятно, в 1247 г., но дошло до нас в редакции 1514 г. Язык сочинения немецкий, для Папской курии был сделан перевод на латынь; со временем появился и рифмованный вариант. Неизвестно, сам ли верховный магистр был автором донесения или оно было плодом трудов его канцелярии. Но, так или иначе, оно является наиболее ранним известным нам сочинением, оставившим картину завоевания Пруссии Тевтонским орденом и оказавшим влияние на его позднейшее историописание¹⁸. При этом не надо забывать, что памятники историописания Тевтонского ордена в Пруссии — это лишь малая часть его письменной традиции, представленной главным образом актовым материалом, а также поэтическими сочинениями, являющимися переложениями книг Священного Писания и житий.

Время начала и одновременно расцвета историописания Тевтонского ордена приходится на XIV в., когда Пруссия стала центром Тевтонского ордена в Европе (в 1309 г. резиденция верховного магистра была перенесена из Венеции в Мариенбург, ныне Мальборк). Сложившиеся военно-политические условия потребовали осмысления всей предшествующей истории Тевтонского ордена в Пруссии, дабы способствовать упрочению его положения в Прибалтике и укреплению только что образованного орденского государства, просуществовавшего более двух веков (до 1525 г.).

В XIV в. в государстве Тевтонского ордена в Пруссии появилось несколько крупных исторических сочинений: «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга (написана по-латыни, завершена в 1326 г., а затем доведена до 1330 г.), ее рифмованный перевод на народный немецкий язык Николая фон Ерошина (середина XIV в.) и «Новая прусская хроника» Виганда Марбургского (рубеж XIV–

¹⁷ Hartmann von Heldringen Bericht über die Vereinigung des Schwertbrüderordens mit dem D.O. und über die Erwerbung Livlands durch den letztern / Hrsg. Th. Hirsch // SRP. Bd. 5. S. 168–172.

¹⁸ Arnold U. Heinrich von Hohenlohe // Die Hochmeister des Deutschen Ordens, 1190–2012. Weimar, 2014. (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; Bd. 40). S. 26.

XV вв., также рифмованная, также на немецком языке), от которой сохранились лишь небольшие фрагменты, а также полный прозаический перевод (очень несовершенный) на латынь.

Хроника Петра из Дусбурга — самый ранний, но и самый значительный памятник орденской историографии. Посвящение верховному магистру Вернеру фон Орзельну (1324–1330), предпосланное хронике, и предоставление ему права делать критические замечания и исправлять данное сочинение свидетельствуют об официальном характере хроники¹⁹. Хронист писал от имени всего ордена — ордена воинствующей церкви²⁰.

Хроника состоит из четырех книг, в которых освещается история Тевтонского ордена начиная с его создания в Святой Земле (конец XII в.) и далее (это тема центральной, третьей, книги) — завоевания Пруссии и нападения на Литву; в четвертой книге автор обращается к событиям всемирной истории, современным истории Тевтонского ордена. Интересно, что во второй книге «Хроники» Петр из Дусбурга занимается своего рода «теоретизированием», обоснованием правомерности войны, которую орден ведет в Пруссии, а в четвертой хронист в хронологическом порядке располагает и лаконично излагает важнейшие с его точки зрения события всемирной истории (приход к власти и кончины императоров и пап Римских, образование монашеских и рыцарских орденов, войны, чудеса, события в Святой Земле и т.п.), тем самым создавая широкий исторический фон и контекст образования Тевтонского ордена и формирования его государства в Пруссии.

Обращаясь к историческому контексту написания «Хроники», видим, что для ее появления имелись как внешние, так и внутренние предпосылки. Польскими историками высказывалась мысль, что ключом к пониманию политических предпосылок и политической функции хроники была политика, проводившаяся верховным магистром ордена Вернером фон Орзельном. Возможно, этому сочине-

¹⁹ Именно в силу своего официального характера хроника оказала влияние (как доказал Я. Трупинда) на программу росписей в замке верховных магистров в Мальборке. См.: *Trupinda J. Die Chronik von Peter von Dusburg als Quelle für die Interpretation der architektonischen Ausschmückung der sog. Kapitelsaals und der Schlosskapelle im Nordflügel des Hochschlosses in Marienburg // Mittelalterliche Kultur und Literatur im Deutschordensstaat in Preussen: Leben und Nachleben. Toruń, 2008. S. 513–527.*

²⁰ О том, что взгляды Петра из Дусбурга вполне согласуются с содержанием официальных документов ордена, см.: *Dygo M. Ideologia. S. 358–359.*

нию отводилась некая роль в рамках программы реформ верховного магистра²¹. (Если так, то это касается прежде всего дидактического аспекта хроники: приведение в пример орденских рыцарей былых времен рыцарям-современникам Петра). Но, скорее всего, главная причина лежала вовне: в плане внешней политики положение ордена в тот момент было весьма неблагоприятным. Орден вел войну с Польшей за Поморье, которое перешло в его руки в 1309 г., но которое ему не удалось удержать. Политические процессы между двумя сторонами велись с участием Римской курии, вставшей на сторону Польши. Однако орден не собирался отказываться от Поморья, в борьбе за которое польский король Владислав Локетек (1320–1333) нашел поддержку в лице литовского великого князя Гедими-на (1316–1341). Отношения ордена с Литвой обострились. Наконец польско-литовские войска напали на Бранденбургскую марку, нанеся сокрушительный удар интересам Тевтонского ордена в Пруссии и Поморье. Соглашение между Польшей и Тевтонским орденом было достигнуто лишь в 1343 г. (Калишский мир).

Не следует забывать и о том, что в начале XIV в. Тевтонский орден вполне могла ожидать судьба тамплиеров. Папа Климент V признал и повторил в своей булле все обвинения, выдвинутые против Тевтонского ордена рижским архиепископом, и поручил своему легату провести следствие на месте. В 1312 г. папский легат Франческо де Мольяно более трех месяцев разбирал дело, в результате чего орден подвергся отлучению от церкви, а на орденские земли был наложен интердикт. Отлучение было снято в 1313 г. папской буллой.

В таких сложных политических условиях одна из функций «Хроники земли Прусской» заключалась в воздействии на политические силы за пределами ордена, т.е. на всех тех, от кого зависело оправдание политики Тевтонского ордена в Пруссии и вообще — его существования как военно-церковной и политической организации.

Понятно, что перед автором «Хроники» встала задача создания апологии Тевтонского ордена, задача обосновать необходимость присутствия ордена в Пруссии его времени и подчеркнуть значение его миссии среди пруссов. И он постарался решить эту задачу всеми доступными ему средствами, используя при написа-

²¹ О некоторых изменениях в Тевтонском ордене в Пруссии, относящихся к времени правления верховного магистра Вернера фон Орзельна, см.: *Wenta J. Studien*. S. 137–138. См. также: *Conrad K. Werner von Orseln // Die Hochmeister des Deutschen Ordens. 1190–2012*. Weimar, 2014. S. 60–65.

нии хроники множество письменных и устных источников разных жанров (хроники, анналы, библейский и агиографический материал, рассказы очевидцев).

Большой интерес представляет идейная сторона сочинения. Особая функция ордена, обладавшего правом ведения войны во имя Господа (Римская курия приравняла завоевание Пруссии к крестовому походу), обусловила прямое обращение автора хроники к Священному Писанию. Цитаты из Библии и ссылки на нее многочисленны. Издатели и комментаторы современного немецкого перевода хроники Клаус Шольц и Дитер Войтецкий²² выявили порядка 470 таких мест. Другой источник — сочинения Отцов церкви: Григория Великого, блаженного Августина, Бернарда Клервоского, Боэция, Макробия, Паулина Ноланского.

Истории завоевания орденом Пруссии в «Хронике» предшествует «теоретическая» часть, в которой Петр из Дусбурга развивает представление о крестовом походе как о священной войне. Здесь орденская братия выступает как «новое воинство», которое ведет «новую войну», а новизна ее заключается в том, что в распоряжении тевтонских рыцарей имеется не только материальное, но и духовное оружие — молитва. Вернее было бы сказать, что в подаче Петра материальное оружие одновременно оказывается и духовным, поскольку все элементы оружия и доспехов аллегорически истолковываются в духе Священного Писания, становясь, таким образом, «духовными». Предполагается, что после этого у читателя уже не возникнет сомнения, что все описанные в третьей книге хроники события, связанные с завоеванием Пруссии, суть не что иное, как священная война. Ведь орден, божественной покровительницей которого является сама Дева Мария, предстает в ней проводником слова Божьего в доселе языческой земле; всё происходящее сопровождается и подкрепляется назидательными примерами, единственная задача которых — доказать, что, с одной стороны, Бог и все святые — на стороне ордена, а с другой — заявить о «святости» самих крестоносцев, ведущих завоевание Пруссии. Основой их святости был аскетизм и мученическая смерть. И самым убедительным доказательством тому служат многочисленные чудеса и видения, явленные Богом орденским рыцарям²³.

²² *Peter von Dusburg. Chronik des Preussenlandes.*

²³ *Dygo M. Die heiligen Deutschordensritter: Didaktik und Herrschaftsideologie im Deutschen Orden in Preußen um 1300 // Die Spiritualität der Ritterorden im Mittelalter. Toruń, 1993. S. 165–167. (ОМСТН; 7).*

Сами орденские рыцари уподобляются библейским Маккавеям и даже отождествляются с ними, превращаясь в «новых Маккавеев». Ветхозаветные Маккавеи — это якобы идейные предшественники тевтонских рыцарей, служащие своего рода легитимации действий ордена в Прибалтике.

Третья книга «Хроники» включает описание завоевания Пруссии Тевтонским орденом с 30-х до начала 90-х годов XIII в. и начало его агрессии в Литве. Но эта книга содержит и немало так называемых «примеров» (*exempla*), носящих, как уже говорилось, дидактический характер (к ним относится большинство чудес и видений, несущих на себе отпечаток устной традиции), а также агиографический материал, свидетельствующий о попытке (неудавшейся) создания культа орденских святых и мучеников. Дидактика направлена на воспитание рыцарей ордена, на укрепление дисциплины внутри него, а, следовательно, и на укрепление самого ордена и его государства.

Всемирно-исторический контекст возникновения и существования Тевтонского ордена, каким он предстает в четвертой книге, подчеркивает прочную связь ордена с ведущими силами своего времени: папство, императоры, крупнейшие правители европейских держав. Его история неразрывно связана с историей других монашеских и духовно-рыцарских орденов. В этот же контекст вписаны выдающиеся деятели ордена и его собственная святая — Елизавета Тюрингская²⁴.

И всё же самые эмоционально насыщенные фрагменты этой части посвящены Святой Земле. Время крестовых походов миновало, но в сознании хрониста оно всё так же живо. Судьбы Тевтонского ордена в Пруссии неотделимы для него от предшествующего исторического этапа. Завоевание Пруссии — это продолжение крестового похода (быть может, всё тот же крестовый поход). Власть крестоносцев распространяется далеко за пределы Пруссии, по замыслу хрониста она вписывается в рамки всего христианского мира с центром в Иерусалиме, а это должно означать, что война

²⁴ В целом агиографическая традиция в ордене была развита слабо. Высказывалось предположение, что причиной тому было отождествление Тевтонского ордена с церковью как институтом — идея эта была заложена в Прологе к Статутам ордена и получила развитие в «Хронике» Петра из Дусбурга. Такая идентификация ордена возобладала над культом святых, коренившимся в орденском государстве в Пруссии, которое выходило за рамки «христианского универсализма» (*Dygo M. Ideologia. S. 362*).

с язычниками, которую орден ведет в Прибалтике, есть дело всего христианского мира²⁵.

Как явствует из работ польских искусствоведов, упоминания в орденском историописании Святой Земли и Иерусалима были элементом идейной идентичности Тевтонского ордена в Пруссии до начала XV в., что также проявилось в иконографических программах связанных с орденом произведений искусства, в частности, в замке верховных магистров в Мальборке. Речь идет о келье с гробом Господним (ок. 1310 г.) в замковой часовне Девы Марии и о копии иерусалимского гроба Марии (ок. 1340 г.) в часовне св. Анны, а также о соотношении в пространстве между первой из часовен и дворцом верховных магистров, напоминающем расположение храма и дворца, поставленных царем Соломоном в Иерусалиме. Во время правления верховного магистра Вернера фон Орзельна в календаре Тевтонского ордена более высокое место в плане литургии отводилось Святому Кресту. Частицы Креста хранятся в замковой часовне в Эльблонге (вторая четверть XIII в.) и в замке в Мальборке (со второй половины XIV в. в часовне св. Лаврентия, с 1383 г. в часовне Девы Марии)²⁶.

Более глубокой палестинско-иерусалимской идентификации Тевтонского ордена служила и литература. В конце XIII в. в библиотеках ордена в Пруссии появляются переводы на немецкий язык библейских книг. Создание рифмованных переложений книг Ветхого Завета приходится преимущественно на время правления верховных магистров Лютера Брауншвейгского (1331–1335) и Дитриха фон Альтенбурга (1335–1341). Потребность в этих книгах объясняется, по-видимому, тем, что Ветхий Завет имел большое значение для формирования образа крестоносцев как рыцарей Божьих, сражавшихся с силами зла²⁷. Той же задаче служило и иллюминирование книг²⁸.

Таким образом, первый памятник орденского историописания в Пруссии представляет собой не просто запись исторических событий недавнего (для хрониста) прошлого, — этот (можно сказать) многожанровый памятник содержит прежде всего официальное изложение истории Тевтонского ордена и его государства в Пруссии

²⁵ Ibid. S. 359.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. S. 360. См. также обзор: *Матузова В.И.* Поэтическая литература Тевтонского ордена в Пруссии в XIII–XIV веках // ПИ. 2010. Вып. 2 (13). С. 183–206.

²⁸ См.: *Karłowska-Kamzowa A.* Bildideologie des Deutschen Ordens auf dem Hintergrund der mittelosteuropäischen Kunst // *Die Rolle der Ritterorden in der mittelalterlichen Kultur.* Toruń, 1985. S. 199–205. (ОМСТН; 3).

наряду с историей пруссов (не следует забывать, что автор рисует, конечно, образ врага), но одновременно это и апология ордена, и его критика, и как таковая хроника Петра из Дусбурга является отражением ментальностей ордена и исторического сознания ее автора.

Что касается многожанровости хроники, то можно сказать, что она являла собою ядро, из которого впоследствии развилась поэтическая литература Тевтонского ордена: литургические и агиографические сочинения.

Итак, традиция историописания Тевтонского ордена в Пруссии невелика; она представлена теми сочинениями, о которых говорилось выше. Не следует забывать, что рифмованная «Хроника Пруссии» Николая фон Ерошина — это поэтический перевод на немецкий язык (с небольшой доработкой) хроники Петра из Дусбурга. А Виганд Марбургский наверняка помнил об обоих творениях, называя свое сочинение «Новой прусской хроникой».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Матузова В.И.* К вопросу создания исторической памяти: Ранние письменные источники Тевтонского ордена в Пруссии // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. М., 2010. № 1.
- Матузова В.И.* Поэтическая литература Тевтонского ордена в Пруссии в XIII–XIV веках // ПИ. 2010. Вып. 2 (13).
- Пётр из Дусбурга.* Хроника земли Прусской / Изд. подгот. В.И. Матузова. М., 1997.
- Arnold U.* Studien zur preussischen Historiographie des 16. Jahrhunderts. Bonn, 1967.
- Arnold U.* Geschichtsschreibung im Preussenland bis zum Anfang des 16. Jahrhunderts // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands. В., 1970. Bd. 19.
- Arnold U.* Heinrich von Hohenlohe // Die Hochmeister des Deutschen Ordens, 1190–2012. Weimar, 2014. (Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens; Bd. 40).
- Bauer H.* Peter von Dusburg und die Geschichtsschreibung des Deutschen Ordens im 14. Jahrhundert in Preussen. В., 1935. (Historische Studien; 272).
- Boockmann H.* Geschichtsschreibung des Deutschen Ordens im Mittelalter und Geschichtsschreibung im mittelalterlichen Preussen: Entstehungsbedingungen und Funktionen // Literatur und Laienbildung im Spätmittelalter und in der Reformationszeit. Stuttgart, 1984.
- Conrad K.* Werner von Orseln // Die Hochmeister des Deutschen Ordens, 1190–2012. Weimar, 2014.

- Dygo M.* Die heiligen Deutschordensritter: Didaktik und Herrschaftsideologie im Deutschen Orden in Preußen um 1300 // *Die Spiritualität der Ritterorden im Mittelalter*. Toruń, 1993. S. 165–167. (OMCTH; 7).
- Dygo M.* Ideologija panowania zakonu niemieckiego w Prusach // *Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach: Władza i społeczeństwo*. Warszawa, 2008.
- Engels O.* Zur Historiographie des Deutschen Ordens im Mittelalter // *Archiv für Kulturgeschichte*. Köln, 1966. Bd. 48, heft 3.
- Hartmann von Heldrungen Bericht über die Vereinigung des Schwertbrüderordens mit dem D.O. und über die Erwerbung Livlands durch den letztern / Hrsg. Th. Hirsch // *SRP*. Bd. 5.
- Helm K., Ziesemer W.* Die Literatur des Deutschen Ordens im Mittelalter // *Zeitschrift für den deutschen Unterricht*. 1916. Bd. 30.
- Hermann von Salza Bericht über die Eroberung Preußens / Hrsg. Th. Hirsch // *SRP*. Leipzig, 1874. Bd. 5.
- Karłowska-Kamzowa A.* Bildideologie des Deutschen Ordens auf dem Hintergrund der mittelosteuropäischen Kunst // *Die Rolle der Ritterorden in der mittelalterlichen Kultur*. Toruń, 1985. (OMCTH; 3).
- Maschke E.* Die ältere Geschichtsschreibung des Preussenlandes // *Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit* / Hrsg. W. Hubatsch, U. Arnold. Frankfurt a/M, 1968. (SRP; Bd. 6).
- Maschke E.* Quellen und Darstellungen in der Geschichtsschreibung des Preussenlandes // *Deutsche Staatsbildung und deutsche Kultur im Preussenlande*. Königsberg, 1931.
- Perlbach M.* Preussisch-polnische Studien zur Geschichte des Mittelalters (Zur Kritik der ältesten preussischen Urkunden). Halle, 1886. Heft 1–2.
- Peter von Dusburg.* *Chronicon terrae Prussiae* / Hrsg. M. Töppen // *SRP*. 1861. Bd. 1.
- Peter von Dusburg.* *Chronik des Preussenlandes* / Übers. K. Scholz, D. Wojtecki. Darmstadt, 1984.
- Petras Dusburgietis.* *Prūsijos žemės Kronika* / Par. R. Batūra. Vilnius, 1985.
- Piotr z Dusburga.* *Kronika ziemi Pruskiej* / Wyd. S. Wyszomirski, J. Wenta. Toruń, 2005.
- Pollakówna M.* *Kronika Piotra z Dusburga*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.
- Trupinda J.* *Ideologia krucjatowa w kronice Piotra z Dusburga*. Gdynia, 1999.
- Trupinda J.* Die Chronik von Peter von Dusburg als Quelle für die Interpretation der architektonischen Ausschmückung der sog. Kapitelsaals und der Schlosskapelle im Nordflügel des Hochschlosses in Marienburg // *Mittelalterliche Kultur und Literatur im Deutschordensstaat in Preussen: Leben und Nachleben*. Toruń, 2008.
- Wenta J.* *Studien über die Ordensgeschichtsschreibung am Beispiels Preußens*. Toruń, 2000.
- Wenta J.* *Kronika Piotra z Dusburga: Szkic źródłoznawczy*. Toruń, 2003.

THE BEGINNING OF HISTORICAL WRITING
OF THE TEUTONIC ORDER IN PRUSSIA

Historiography of the Teutonic Order in Prussia appeared in the early period of the Order's state in Prussia (late thirteenth century) with the crusades' ideology as its ideological basis. Attempts to create historical works were made by Hermann von Salza (1209–1239) and Hartmann von Heldringen (1273–1282), the great masters of the Teutonic Order.

The fourteenth century was not only the early stage of the Order's historiography, but also its heyday. The military and political situation of the time required to comprehend the history of the Teutonic Order in Prussia for later success of the Order's state.

In the fourteenth century there appeared such historical works as the *Chronicon terrae Prussiae* by Peter von Dusburg, *Die Kronike von Pruzinlant* by Nikolaus von Eroschin, and *Chronica nova Prutenica* by Wigand von Marburg.

The *Chronicon terrae Prussiae* by Peter von Dusburg is the earliest work of the official historiography of the Order. In the complicated political situation the author wrote an apology of the Order, grounded the necessity of the order's activity in Prussia and emphasized the importance of its mission in the Eastern Baltic lands. He used a lot of both written (chronicles, annals, the Bible, and hagiography) and oral (eye-witnesses evidence) sources. To legitimate the Order's activity in Prussia the author interpreted the crusade as the holy war, and identified the Order's knights with the Maccabees of the Bible ("the new Maccabees").

The first work of the Order's historiography in Prussia contains an official exposition of the history of the Teutonic Order and its state in Prussia. At the same time it is both the apology and the critical work, which reflected the Order's mentalities and the consciousness of its author. The chronicle was the nucleus of the Order's historiography, but it also promoted the emergence of the poetic literature of the Teutonic Order, liturgical and hagiographical.

Key words: the Teutonic Order, Prussia, historiography, Peter von Dusburg, crusades, ideology

А.С. Щавлев

ЕЩЕ РАЗ О МИФОЭПИЧЕСКИХ УСТНЫХ
ИСТОЧНИКАХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ:
РАССКАЗЫ ОБ ОСНОВАТЕЛЯХ ДИНАСТИЙ У ГАЛЛА
АНОНИМА И СНОРРИ СТУРЛУСОНА

Статья посвящена проблеме отражения славянских легенд в тексте польской хроники Галла Анонима (начало XII в.), сопоставлению сюжета о приходе к власти династии Пястов с аналогичным по набору мотивов сюжету о приходе к власти норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого, отраженном в сагах из «Круга Земного» Снорри Стурлусона (ок. 1230 г.) и в «Книге с Плоского острова» (1387–1394). Очевидно, что в основе приведенных текстов лежит общий сюжетогенерирующий мотив «на пиру правителя исчезает еда, и он затем теряет власть и гибнет». Практически все основные дополнительные и детализирующие мотивы этого сюжета совпадают. В основе сюжета — противопоставление двух пиров, одного — против ожиданий гостей скудного, и второго — неожиданно «богатого», «настоящего». За обоими текстами отчетливо читается описание языческого обряда так называемого потлача — периодической обязательной «поставки продуктов и ценностей агонистического типа», требующей от действующего правителя превзойти в щедрости своего оппонента. Перед нами две реализации одного инвариантного сюжета. Возможны два предположения о времени формирования такого общего для скандинавской и славянской традиции сюжета. Не исключено, что это — «бродячий сюжет», характерный для периода интенсивных контактов славян и скандинавов в «циркум-балтийском» ареале в VII–XI вв. Или же речь может идти о более древнем времени, когда контакты германцев и славян зафиксированы языкознанием: либо о периоде языкового обмена между прагерманским и праславянским языками, либо о следующем этапе обмена лексикой при формировании провинциально-римских «лимесных» культур.

Сопоставление текстов Снорри Стурлусона и Галла Анонима дает возможность еще раз подтвердить гипотезу об устной мифоэпической традиции, лежащей в основе первой польской хроники. Даже для образованного иностранного монаха-бенедиктинца обращение к языческому прошлому династии правителя, для которого писалась хроника, было

фактически обязательным. Мы видим здесь явный диктат местной читательской аудитории хроники, запросы которой нельзя было проигнорировать. Заметим также, что именно хроника как форма историографии, нацеленная на сюжетное повествование, остро нуждалась в устных эпических и фольклорных источниках.

Ранняя польская историография находит целый ряд типологических аналогий и структурных отличий в сравнении с древнерусской летописной традицией. Форма подачи материала в первой польской хронике Галла Анонима о «деяниях князей польских» замечательно совпадает с предположительным характером изложения событий в первом древнерусском историческом памятнике неанналистического типа — Древнейшем сказании (Древнейшем своде) первой половины XI в. Древнейшее сказание, как и хроника Галла, представляло собой запись серии эпизодов о деяниях первых князей. Оба текста носили сугубо светский характер, были нацелены на прославление правящего князя и его предков, в них отсутствовала погодная сетка.

Ключевые слова: славяне, Скандинавия, Польша, Древняя Русь, Средние века, Галл Аноним, Снорри Стурлусон, историописание, эпос, фольклор, потлач, мотив

Польская «*Chronica et gesta ducum sive principum polonorum*»¹ Галла Анонима написана в промежутке между 1112/13 и 1117/18 гг. Авторство хроники принадлежит некоему иностранцу, оказавшемуся при дворе польского князя Болеслава III Кривоoustого. Изгнанник и чужестранец («*exul et peregrines*») Галл², тем не менее, был выразителем политических интересов и идей польской знати, он хорошо ори-

¹ Академическое издание: Anonima tzw. Galla Kronika czyli Dzieje książąt i władców polskich / Galli Anonimi Cronica et Gesta ducum sive principum polonorum // MPH NS. Kraków, 1952. Т. 2: Pomniki dziejowe polski / Wyd., wst. i kom. opatrz. K. Małczyński. Современное комментированное издание: *Gesta Principum Polonorum. The deeds of the Princes of the Poles* / Transl. and annot. by P.W. Knoll and F. Schaefer; Preface by T.N. Bisson. Budapest; N.Y., 2003. (Central European Medieval Texts; Vol 3).

² См. разные версии: *Plezia M.* Kronika Galla na tle historiografii XII wieku. Kraków, 1947. S. 148–161; *Jasiński T.* О pochodzeniu Galla Anonima. Kraków, 2008. О культурно-историческом и географическом кругозоре Галла в связи с проблемой его происхождения и биографии до прихода в Польшу см.: *Wenta J.* Kronika tzw. Galla Anonima: historyczne (monatyczne i genealogiczne) oraz geograficzne konteksty powstania. Toruń, 2011. См. также: Anonim tzw. Gall // SSS. 1961. Т. 1, cz. 1. S. 33; Editors' Introduction // *Gesta Principum Polonorum*. P. XIX–LXVII; *Michałowska T.* Literatura polskiego Średniowiecza: Leksykon. Warszawa, 2011. S. 39–41; *Eadem.* Średniowiecze // *Wielka historia literatury polskiej*. Warszawa, 2008. S. 107–129.

ентировался в представлениях о прошлом династии Пястов на своей «новой родине». Из текста хроники, прежде всего из употребления славянских лексем и их правильного истолкования, понятно, что Галл пусть в минимальной степени, но владел славянским языком.

Галл Аноним был первым, кто систематически изложил в письменном виде легендарную предьсторию польской династии Пястов — легенду об обретении Семовитом, сыном Пяста, власти. В историографии сложилось два основных подхода к поиску источников начальной части хроники. Первый предполагает, что рассказ о получении власти «князем» Семовитом, сыном пахаря Пяста, над Польшей — результат «литературного конструирования» самого автора хроники с христианским нравоучительным подтекстом. Такая интерпретация отчасти заложена в самом тексте Галла, который ссылается на Божественный промысел при объяснении причин прихода к власти над Польшей потомков простого пахаря. Такое направление мысли появилось уже в более поздней средневековой польской историографии: в Великопольской хронике первой половины XIV в. два мистических «чужестранца» из текста Галла, чьи происхождение и статус были хронистом не названы превращаются в «ангелов» или даже конкретно в «мучеников Иоанна и Павла»³. Истолкование текста Галла из Великопольской хроники XIV в. в духе «христианской мистерии» продолжено современными исследователями⁴.

Между тем, как мы пытались показать в специальном исследовании раннеславянских легенд, христианская интерпретация вторична для текста хроники Галла, это — не более чем авторские ремарки, объясняющие неясные для потенциального читателя, христианина и подданного уже сложившегося феодального государства, детали цельного повествования, сложившегося в предыдущую эпоху, в языческом архаичном социуме⁵. Все христианские

³ «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Пер. Л.М. Поповой; Вступит. ст. и коммент. Н.И. Щавелевой. М., 1987. С. 63.

⁴ Карлина С.Н. Христианские мотивы мифа о династии Пястов в хронике Галла Анонима // Славяне и их соседи. Миф история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени. М., 1996. С. 11–13.

⁵ Щавелев А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007. С. 99–100, 127–139, 185–194. Обратим внимание на новую специальную работу, касающуюся этимологии имени Пяст: Васильева И.В. Праслав. **pěst*, рус. *nest* и польск. *Piast* // Этимология, 2009–2011. М., 2012. С. 56–62. Лексема *nest* имеет надежную праславянскую этимологию. Возможные

мотивы не являются опорными для структуры нарратива этой части хроники и легко элиминируются. Более того, за текстом явно стоит мифоэпическая традиция, отражающая языческие обряды (пир, постриги, «потlach», «ритуальную смерть правителя»). Параллельно к близким выводам пришел в книге «Трудные начала Польши» П. Урбанчик⁶. Совпадение выводов отмечено в рецензии на эту книгу Д.Е. Алимова и А.С. Кибиня, которые подчеркнули, что независимое совпадение результатов исследований одного текста — свидетельство продуктивности примененных методик⁷.

Значительное число сюжетных и мотивных аналогий текстам двух первых польских хроник — Галла Анонима и Винцентия Кадлубка — выявлено Я. Банашкевичем⁸. Нами найдена еще одна, ранее не замеченная исследователями, сюжетно-мотивная параллель тексту Галла Анонима в исландской королевской саге о Хальвдане Черном, входящей в «Круг Земной» Снорри Стулусона (1179–1241), которая, как нам кажется, позволяет разрешить окончательно вопрос об отражении устной мифоэпической традиции славян в тексте Галла.

Приведем соответствующие тексты для последующего сравнения структуры их сюжетов и набора мотивов.

значения этого имени так или иначе связаны со значением *палка, шест, пест для толчения*, возможен метафорический перенос по сходству — *фаллос* и др. Значение *воспитатель* нам видится вторичным, производным от первоначального, т.е. человек либо постоянно занимающийся с кем-то (от значения постоянно повторять какое-то действие: *толочь*), либо оказывающий поддержку — чья-то *опора*, т.е. *палка, посох*. Точно так же явно производно от первоначальной семантики и более позднее значение — *втулка колеса*. Полную аналогию значению имени Пяст составляет имя полянского князя Кия в древнерусской традиции, и в обоих этих случаях нарицательное существительное без изменений становится именем собственным (*Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002. С. 148*). Этимологию имени Пяст от *пясть* — *кисть руки, рука*, которую мы раньше принимали как вероятную альтернативу [*Щавелев А.С. Три мотивно-семантических параллели в славянских легендах о первых князьях // Человек и древности. Памяти А.А. Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 815*], следует отбросить.

⁶ *Urbańczyk P. Trudne początki Polski. Wrocław, 2008. S. 176–191.*

⁷ *Алимов Д.Е., Кибиня А.С. [Рец.] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2010. № 1 (7). С. 229. — Рец. на кн.: Urbańczyk P. Trudne początki Polski. Wrocław, 2008.*

⁸ *Banaszkiewicz J. Podanie o Piastach i Popielu. Studium porównawcze nad wczesnośredniowiecznymi tradycjami dynastycznymi. Warszawa, 1986; Ibid. Polskie dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka. Wrocław, 1998. См. также: Dymmel P. Traces of Oral Tradition in the Oldest Polish Historiography: Gallus Anonymus and Wincenty Kadłubek // The Development of Literature Mentalities in East Central Europe. Turnhout, 2004. P. 343–363.*

Был в городе Гнезно, что по-славянски означает «гнездо», правитель по имени Попель. Он имел двух сыновей и, по обычаю язычников, готовил к их пострижению волос большой пир, на который пригласил многих знатных людей и друзей. Случилось так, что, по тайному решению Бога, туда пришли два чужеземца, которых не только не пригласили на пир, но даже стражники грубо отогнали от входа в город. Они, как только увидели грубость этих людей, спустились в пригород и по счастливой случайности пришли к домику пахаря, зависимого от вышеназванного правителя, устраивавшего пир в честь своих сыновей. Этот радушный бедняк пригласил чужеземцев в свой домик и оказал им свое гостеприимство. А они, охотно приняв приглашение бедняка и войдя в гостеприимную хижину, сказали: «Пусть наш приход будет вам на радость, и вы получите от нас избыток благополучия, а в потомстве честь и славу».

Оба, и Пяст, сын Котышко, и жена его, по имени Репка, отличались большим гостеприимством. Они с большим сердечным чувством, по мере своих возможностей, старались сделать все для гостей, а гости, видя их благоразумие, были готовы помочь им своим советом, осуществив их сокровенные пожелания. Когда чужеземцы, по обычаю сели и поговорили о том, о сем, и попросили чего-нибудь выпить, гостеприимный пахарь ответил: «Есть у меня бочоночек перебродившего пива, которое я приготовил в честь пострижения моего единственного сына, но какая польза от такой малости? Если угодно — пейте...». Этот бедный крестьянин решил приготовить кое-какое угощение в честь пострижения своего сына именно тогда же, когда и господин его, правитель, готовил пир в честь сыновей, — ведь в другое время он не мог бы этого сделать вследствие своей чрезмерной бедности; он хотел пригласить несколько человек из друзей и бедняков, как и он сам, отобедать, разделив скромную трапезу, он откармливал поросенка, приберегая его специально для этого случая. Я намереваюсь рассказать вам о чуде, но кто может понять величие Бога? Или кто осмелится рассуждать о благодеяниях Бога, который нередко возвышает бедняков в нашей брэнной жизни и не отказывается вознаграждать гостеприимство даже язычников. Итак, гости спокойно приказывают хозяину налить пива, хорошо зная, что оно во время питья не будет убывать, а, наоборот, будет прибывать, и, как говорят, пиво прибывало до тех пор, пока не наполнились сосуды, взятые займы, а также и сосуды пирующего правителя, которые чужеземцы нашли пустыми. Они приказывают также заколоть и упомянутого выше поросенка, чьим мясом, как рассказывают, были наполнены, к удивлению всех, десять мисок, называемых по-славянски *cebri*. Пяст и Репка, видя совершившееся чудо, поняли великое предзнаменование, касающееся сына, и уже мыслили пригласить правителя и его гостей, но не осмеливались, пока не спросили об этом чужезем-

цев. Что же мы медлим? По совету и с одобрения своих гостей, земледелец Пяст приглашает господина своего, правителя, и всех гостей его, и правитель не отказывается снизить до приглашения крестьянина. Еще не было столь могущественно польское государство, и правитель страны не кичился такой спесивой гордостью и, выступая, не был еще окружен столь многочисленной клиентелой. Когда по обычаю начался пир, и всего оказалось в избытке, эти чужеземцы совершили обряд пострижения мальчика и дали ему имя Семовит, согласно предсказаниям о будущем...⁹

Далее идет рассказ, как жадный Попель гибнет, преследуемый мышами, а Семовит получает «княжескую» власть.

Хальвдан конунг справлял йоль в Хадаланде. В канун июля там произошло удивительное событие: когда люди садились за столы, а людей было очень много, вся еда и все пиво вдруг исчезли со столов. Один за другим все ушли к себе домой, и конунг, удрученный, остался сидеть один. Так как ему хотелось узнать, кто виной удивитель-

⁹ Русский перевод Л.М. Поповой см.: *Галл Аноним. Хроника и деяния князей и правителей польских* / Пер. и примеч. Л.М. Поповой. М., 1961. Перевод дан с нашими небольшими корректировками. См. оригинальный текст: «Erat namque in civitate Gneznensi, que nidus interpretatur sclauonice, dux nomine Popel, duos filios habens, qui more gentilitatis ad eorum tonsuram grande convivium preparavit, ubi plurimos suorum procerum et amicorum invitavit. Contigit autem ex occulto Dei consilio duos illuc hospites advenisse, qui non solum ad convivium non invitati, verum etiam a civitatis introitu cum iniuria sunt redacti. Qui statim civium illorum inhumanitatem abhorrentes et in suburbium descendentes, ante domunculam aratoris predicti ducis pro filiis convivium facientis, forte fortuna devenerunt. Ille vero bone compassionis pauperculus hospites illos ad suam domunculam invitavit, suamque paupertatem eis benignissime presentavit. At illi pauperis invitationi grater inclinantes et hospitalitatis tugurium subeuntes: bene, inquiunt, nos advenisse gaudeatis et in nostro adventu bonorum copiam et de sobole honorem et gloriam habeatis. Erant enim hospicii domestici Pazt filius Chossistconis et uxor eius Repca vocabulo nuncupati, qui cum magno cordis affectu pro posse suo hospitem necessitati ministrare sathagebant, eorumque prudentiam intuentes, secretum, si quid erat, cum eorum consilio perficere disponebant. Cumque de more residents colloquerentur de plurimis et peregrini, an ibi potus aliquid habeatur, inquirerent, arator hospitalis respondit: estinquit, mihi vasculum cervisie fermentate, quam pro cesarie filii quem habeo unici tondenda preparavi. Sed quid prodest hoc tantillum, si libeat ebibatis. Decreverat enim rusticus ille pauper, quando dominus suus dux pro filiis convivium prepararet, nam in alio tempore pre nimia paupertate non posset, aliquid obsonii pro suo tendendo parvulo preparare et quosdam amicorum et pauperum non ad prandium sed ad gentaculum invitare; qui etiam porcellum nutriebat, quem ad illud servitium reservabat. Mira dicturus sum, sed quis valet Dei magnalia cogitare, vel quis audeat de divinis beneficiis disputare; qui temporaliter pauperum humilitatem aliquociens exaltat et hospitalitatem etiam gentium remunerare non recusat. Imperant igitur cum hospites secure cervisiam propinari,

ному событию, он велел схватить одного финна, великого колдуна. Он хотел заставить колдуна сказать правду и пытал его, но ничего не добился. Колдун все время звал себе на помощь Харальда, сына конунга, и Харальд просил пощадить колдуна, но ничего не добился. Тогда Харальд все же отпустил колдуна против воли конунга и бежал с ним сам. И вот они пришли в некое место, где очутились на большом пиру у какого-то хёвдинга, и на этот-то раз там их действительно хорошо приняли. Когда они пробыли там до весны, хёвдинг этот однажды сказал Харальду: «Твой отец в большой обиде на то, что я прошлой зимой взял у него немного еды. Но я возьму тебе это радостным известием. Твой отец теперь умер, и ты должен отправиться домой. Ты получишь все владения твоего отца, и кроме того тебе будет принадлежать вся Норвегия»...¹⁰

В приведенных текстах совпадают следующие мотивы:

1. Пир правителя, который носит регулярный (обязательный) характер: празднование «середины зимы» Хальвданом; постриги сыновей у Попеля;
2. Исчезновение еды на пире необъяснимым (чудесным) для собравшихся гостей образом;
3. Уход гостей с пира правителя;

quam bene noverant pitissando non deficere sed augeri. Usque adeo enim crevisse fertur cervisia, Donec vasa mutuata replerentur omnia Et que ducis convivantes invenere vacua. Precipiunt et porcellum supradictum occidi, unde X situle, sclauonice cebri, mirabile dictu memorantur adimpleri. Visis igitur Pazt et Repca miraculis que fiebant, aliquid magni presagii de puero sentiebant. Iamque duces et convivas invitare cogitabant sed non audebant, nisi prius peregrinos de hoc inquirant. Quid moramur? Consilioale, itaque hospitum et exhortatione dominus eorum dux et convive omnes ipsius ab agricola Pazt invitatur, neque rustico suo dux invitatus condescendere dedignatur. Nondum enim ducatus Polonie erat tantus, neque princeps urbis tanto fastu superbike tumescebat, nec tot cuneis clientele stipatus ita magnifice procedebat. Inito de more convivio et habundanter omnibus apparatis, hospites illi puerum totonderunt, eique Semouith vocabulum ex presagio futurorum indiderunt...» (Gesta Principum Polonorum. P. 16, 18, 20, 22).

¹⁰ Русский перевод М.И. Стеблин-Каменского: *Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1995. С.41–42. Русский перевод немного неточен и исправлен нами. Сердечно благодарим Г.В. Глазырину, подтвердившую наши подозрения о необходимости коррекции русского перевода и подсказавшую правильное понимание текста. Ср.: *Snorri Sturluson*. Heimskringla. History of the Kings of Norway / Transl. with Introduction and Notes by L.M. Hollander. Austin, 2009. P. 131. См. оригинальный текст: «Hálfðan konungr var á jólavist á Naðalandi. Þar varð undarlig hrutr jólaaptan, þá er menn váru til borða gengnir, ok var þat allmikitt fjölmenni, at þar hvarf vist öll af borðum ok alt mungát; sat konungr hryggir eptir, en hverr annarra sótti sitt heimili, en til þess at konungr mætti viss verða, hvat þessum atburð olli, þá lét hann taka Finn einn, er margfróðr var, ok vildi neyða hann til saðrar sǫ ok pínð

4. Жестокое обращение правителя с представителями сверхъестественного мира, нарушение им обычаев: люди Попеля прогоняют от ворот двух странников; Хальвдан приказывает пытать финна-колдуна;

5. Правильное (подобающее) поведение и услуги потенциального преемника и его покровителя представителям сверхъестественного мира: Харальд, сын Хальвдана, спасает финна от пыток, неизвестный хёвдинг принимает Харальда и финна; Пяст, отец Семовита, принимает гостей, отвергнутых Попелем;

6. Организация представителями сверхъестественного мира роскошного пира; противопоставление «анти-пира» старого правителя и настоящего пира, который дает покровитель¹¹ нового претендента на власть;

7. Перемещение волшебным образом еды с пира старого правителя на пир его соперника («воровство еды» чудесным способом);

8. Смерть старого правителя: Хальвдан проваливается под лед и гибнет; Попель бежит на остров на озере, где его убивают преследующие его мыши;

9. Предсказание о расширении власти нового правителя на все земли: в одном случае — Польши, в другом — Норвегии.

hann ok fekk þó eigi af honum. Finninn hét þannug mjök til hjálpar, er Haraldr var, sonr hans, ok Haraldr það honum eirðar ok fekk eigi, ok hleypði Haraldr honum þó í brot at óvilja konungs ok fylgði honum sjálfr. Þeir kómu þar farandi, er höfðingi einn helt veizlu mikla, ok var þeim at sýn þar vel fagnat, ok er þeir höfðu þar verit til várs, þá var þat einn dag, at höfðinginn mælti til Haraldz: »furðu mikit torrek lætr faðir þinn sér at, er ek tók vist nokkura frá honum í vetr; en ek mun þér þat launa með feginsögu. Faðir þinn er nú dauðr ok skaltu nú heim fara, muntu fá ríki þat alt, er hann hefir átt, ok þar með skaltu eignask allan Nóreg...» (Heimskringla. Nóregskonunga sögur / Udg. Finnur Jónsson. København, 1911. S. 40–41).

¹¹ У Галла — это отец Семовита — пахарь Пяст. В тексте Снорри родственная связь между Харальдом и анонимным хёвдингом не указана. Но в более поздней «Книге с Плоского острова» («Flateyjarbók»), в истории о смерти Хальвдана и начале правления Харальда, подчеркивается связь молодого Харальда с его воспитателями — финнами и великанами-троллями, его отчуждение от биологического отца Хальвдана и выбор в пользу рода его матери и ее рода великанов. Харальд получает во многих текстах прозвание «Воспитанник Доври», что означает, что он был усыновлен, воспитан и прошел своего рода инициацию у тролля Доври, организовавшего его приход к власти (см. ниже). Кроме того, конунг Харальд, по наблюдениям современных исследователей, — носитель идеологии военного культа Одина и Тора, в то время как образ его отца связан с аграрным культом Фрейра (*Steinsland G. Origin Myths and Rulership. From the Viking Age Ruler to the Ruler of Medieval Historiography: Continuity, Transformations and Innovations // Ideology and Power in the Viking and Middle Ages. Scandinavia,*

Обращают на себя внимание и еще несколько разительных совпадений, не только в структуре набора мотивов, но и в содержании фабул (реализаций сюжета): всю ситуацию уничтожения власти старого правителя создают и модерируют *два* анонимных сверхъестественных персонажа: «два пришельца» в польском тексте, а в исландском — финн и некий хёвдинг. В обоих случаях власть получает молодой наследник, причем не просто молодой, а фактически малолетний¹². В обоих текстах смерть старого правителя связана с водоемом. В обоих текстах протагонист-бенефициарий (Пяст и Харальд) — основатель актуальной правящей династии.

Очевидно, что в основе приведенных текстов лежит общий сюжетогенерирующий мотив¹³: «на пиру правителя исчезает еда, он затем теряет власть и гибнет». Все основные дополнительные и детализирующие мотивы совпадают. В основе сюжета — противопоставление двух пиров, одного — против ожиданий гостей скудного и второго — неожиданно «богатого», «настоящего». При этом еда со столов действующего правителя (Попеля и Хальвдана Черного) пропадает и оказывается на пиру у его соперника (Пяста и некоего анонимного хёвдинга). Бенефициаром всей ситуации оказывается молодой претендент — в одном случае Семовит, сын Пяста, в другом — сын Хальвдана Харальд (будущий Харальд Прекрасноволосый), которые получают власть.

За обоими текстами отчетливо читается описание языческого обряда так называемого *потлача* — периодической обязательной «поставки продуктов и ценностей агонистического типа», требующей от действующего правителя превзойти в щедрости своего оп-

Iceland, Ireland, Orkney and the Faeroes. Leiden; Boston, 2011. P. 15–67). Отметим, что в «Книге с Плоского острова» высказана похожая мысль, что Хальвдану и Харальду покровительствовали разные асы, первому — Один, второму — Тор (Flateyjarbók. En Samling af norske Konge-Sagaer med indskudte mindre Fortællinger om Begivenheder i og udenfor Norge samt Annaler / Guðbrandr Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860. S. 597).

¹² Детям Пяста и Попеля, если исходить из возраста проведения обряда постригов княжичей в Древней Руси, было 7–10 лет. Харальду, согласно «Кругу Земному», в начале его самостоятельного правления было 10 лет (*Снорри Стурлусон*. Круг Земной. С. 42). Есть некоторое различие в том, что новый правитель — Харальд — является сыном Хальвдана, а в польской версии сюжета власть переходит от семьи Попеля, у которого есть два сына, к семье Пяста. Но в сагах постоянно подчеркивается отторжение Харальда от отца, который его не очень любил (Там же. С. 41).

¹³ О классификации мотивов см.: *Щавелев А.С.* Славянские легенды. С. 64–82.

понента¹⁴. Отказ от *потлача* или проигрыш в нем ведет к потере власти, изгнанию или гибели. Такой позор, «потеря лица» правителя делает его уязвимым для вредоносной магии.

В легенде о первых польских правителях, как и в «Саге о Хальвдане Черном», особое внимание уделяется проблеме связей старого и нового правителя с культом плодородия, ответственности главы коллектива за изобилие. При этом и Попель с Пястом, и Хальвдан, а отчасти и Харальд Прекрасноволосый — фигуры мифологические. Имя собственное Попель обозначает «пепел», золу, которая играет ключевую роль в погребальном обряде сожжения и подсечно-огневом земледелии. Конунг Хальвдан связан с культом бога Фрейра: его похороны в нескольких могилах моделируются по образцу захоронения этого бога, оставленного в кургане для обеспечения «вечного плодородия» в стране¹⁵. Для таких правителей неспособность накормить подданных означает социальный крах.

История обретения власти Харальдом и смерти его отца Хальвдана изложена практически во всех древнейших текстах, освещающих раннюю историю Норвегии¹⁶. Но интересующий нас эпизод в более или менее полном виде есть только в «Круге Земном» (ок.

¹⁴ Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 2011. С. 137, 143, 145. В подборке источников М. Мосса есть упоминание максимально близкой типологически сюжетной аналогии в традиции этнической группы бетсимисарака на острове Мадагаскар: в их назидательной легенде рассказывается о двух вождах, из которых один всё раздавал, а другой всё накапливал, и Бог дал богатство щедрому и разорил стяжателя (Там же. С. 162).

¹⁵ *Steinsland G.* Origin Myths and Rulership. P. 40–42.

¹⁶ См. обзор: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты. Перевод. Комментарий. М., 2012. С. 12–13, 41–62. Все даты историографических сочинений даны по книге Т.Н. Джаксон. В «Истории Норвегии» (ок. 1170) есть краткая ремарка о гибели Хальвдана, попавшего под лед на пути на праздник (A History of Norway and the Passion and Miracles of the Blessed Óláfr / Transl. by D. Kunin; Ed. with an intr. and notes by C. Phelpstead. L., 2001. P. 14). В «Обзоре саг о норвежских конунгах» (ок. 1190) тоже отмечена лишь смерть Хальвдана, попавшего в полынью [Ágrip af Nóregskonungasögum. A Twelfth-Century Synoptic History of the Kings of Norway / Ed. and transl. by M.J. Driscoll. L., 2008. (VSNR TS; Vol. 10). P. 2–4, 82–83]. В «Красивой коже» (ок. 1220–1230) тоже находим только сообщение о смерти Хальвдана, провалившегося под лед (Fagrskinna. A Catalogue of the Kings of Norway / Transl. with intr. and notes by A. Finlay. Leiden; Boston, 2004. P. 41–42, 296). В сочинении Теодорика Монаха (1177–1180) Хальвдан лишь упоминается как отец Харальда [*Theodoricus Monachus.* Historia de antiquitate Regum norwagiensium. An Account of the Ancient History of the Norwegian Kings / Transl. and annot. by D. and I. McDougall; Intr. by

1230–1235 гг.) и «Книге с Плоского острова» (1387–1394 гг.)¹⁷. Соотношение этих текстов требует специального текстологического исследования. Предварительно можно сказать, что версия «Книги с Плоского острова» содержит мотивы: «пира конунга Хальвдана Черного, на котором происходит конфликт», «правильного пира, где некий хёвдинг хорошо принимает уехавшего сына Хальвдана Харальда» и «смерти Хальвдана, провалившегося после пира в воду под лед»¹⁸. В версии «Книги с плоского острова» в центре повествования участие ребенка Харальда в интриге тролля-кузнеца Доври (*troll smið Dofri*), организованной для похищения богатств (*fé, gull*) его отца Хальвдана. В тексте явно контаминированы два сюжета: о гибели конунга Хальвдана после неудачного пира и о похищении малолетним сыном Харальдом отцовского золота (семиотический дериват, воплощение власти) для своего воспитателя, нового «квази-отца», тролля. Здесь удача Харальда — тоже награда за соблюдение обычаев, поскольку Харальд выполняет уговор с троллем Доври, отдав ему именно ту четверть богатств, которые его отец был тому должен. Основу текста составляет не история гибели Хальвдана после неудачного пира, основанная на универсальном сюжете, а типичная для германской традиции история сговора его сына Харальда с троллем-кузнецом с целью захвата богатств (золота) его отца и в перспективе — власти¹⁹. Поэтому текст «Круга Земного» остается наиболее полным вариантом именно истории о гибели Хальвдана. Но текст «Книги с Плоского острова» важен тем, что подтверждает, что в более древних версиях, лежащих в основе обоих текстов, был некий прото-нарратив о гибели Хальвдана, а, следовательно, этот сюжет не является плодом литературного творчества самого Снорри²⁰.

P. Foote. L., 1998. (VSNR TS; Vol. 11.). P. 5]. Точно так же упомянут Хальвдан в «Книге об исландцах» (1125) (*Íslendingabók. Kristni Saga. The Book of the Icelanders. The Story of the Conversion / Transl. by S. Grønlie. L., 2006. P. 3*).

¹⁷ Об этом «своде» см.: *Ashman Rowe E.* The Development of Flateyjarbók. Iceland and the Norwegian Dynastic Crisis of 1389. Odense, 2005.

¹⁸ Flateyjarbók. S. 563–564, 565.

¹⁹ Образ Доври явно изоморфен (произведен от?) мифологическим кузнецам-манипуляторам Регину и Вёлунду, которые разрабатывают сложные интриги, причем Регин тоже борется за золото, а Вёлунда пытаются и принуждают бесплатно работать [ср.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур // Мат-лы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. Т. 1 (5). С 87–90].

²⁰ *Andersson Th.M.* Kings' Sagas (Konungasögur) // Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide. Toronto, 2005. P. 218.

Как показали многочисленные исследования, многие тексты «Круга Земного», в частности история гибели Хальвдана и прихода к власти его сына Харальда, основаны на устной «фольклорной» традиции, они несут в себе целый ряд древних мифологических, эпических и сказочных мотивов²¹. Текст Галла Анонима и комплекс текстов о конунге Харальде объединяет еще один яркий общий момент — описание обряда ритуального пострижения волос — так называемых *постригов*²². Это — классический обряд перехода, который символизировал становление мальчика как юного мужчины, готового включиться в мужскую субкультуру. Согласно «Салической правде», длинные волосы свободных мальчиков и девушек у франков были неприкосновенны, они постригались только с согласия родителей²³. Из 21 главы трактата Публия Корнелия Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии» известно, что германцы-хатты «едва возмужав... начинают *отрацивать волосы и отпускать бороду и дают обет* не снимать этого обязывающего их к доблести покрова на голове и лице ранее, чем убьют врага...» (курсив мой. — *А.Щ.*)²⁴. Иными словами, отказ от стрижки длинных волос у хаттов — магическое обязательство, снять которое можно, лишь выполнив трудную задачу, затем происходит пострижение волос и получение новой социальной роли. В рассказе о завоевании власти в Норвегии будущий правитель Харальд Прекрасноволосый действует практически и символически аналогично любому юноше-хатту. Войдя в определенный возраст, он пытается свататься к девушке, т.е. перейти из возрастного класса юноши в класс женатого мужчины (мужа). Но девушка отказывает ему, сравнив с двумя правителями соседних обширных и мощных держав — Гормом в Дании и Эйриком в Швеции²⁵. Фак-

²¹ Whaley D. Heimskringla. An Introduction. L., 1991. P. 80–81; Steinsland G. Origin Myths and Rulership; Ciklamini M. The Folktale in Heimskringla (Hálfðanar saga svarta — Hákonar saga góða) // Folklore. 1979. Vol. 90, N 2. P. 204–216; Einar Ólafur Sveinsson. The Folk-stories of Iceland / Revised by Einar Pétursson; Transl. by Benedikt Benediktz; Ed. by A. Faulkes. L., 2003. (VSNR TS; Vol. 16). P. 125.

²² Анализ этого обряда у Галла см.: Щавелев А.С. Славянские легенды. С. 127–139. Об обряде см.: *Postrzyżyny* // SSS. 1970. Т. 4. S. 249–250.

²³ MGH. Legum. Sectio I. Legum Nationum Germanicarum. Hannover, 1962. Т. 4, pars. 1 / Hrsg. von K.A. Eckhardt. S. 89–91.

²⁴ Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Соч. в 2 т. М., 1993. Т. 1: Анналы. Малые произведения / Изд. подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеенко. С. 366.

²⁵ *Snorri Sturluson*. Круг Земной. С. 43;

тически Харальду указывается, что он не достоин того, чтобы совершить обряд перехода, т.е. жениться, стать мужчиной. И тогда Харальд *даёт обет*, что он не будет «ни стричь, ни чесать волос» пока не захватит всю Норвегию²⁶. Фактически Харальд как представитель знатной и славной семьи принимает на себя обязательство убить огромное количество врагов и захватить новые земли. Это выгодно *количественно* отличает его от стандартного поведения обычного юноши, желающего стать полноценным мужем, но *качественно* данные обеты не различаются. Харальд начинает ярко демонстрировать «консервацию» своего социального статуса. Выполнив свое обещание и захватив Норвегию (хотя его власть была на многих территориях достаточно условной; реальность данной информации для нас в данном случае не важна), Харальд поручает ярлу Рёнгвальду *постричь* и причесать себя²⁷. Иначе говоря, его старший друг совершает над ним обряд *постригов*. Одновременно Харальд делает наложницей отказавшую ему поначалу девушку, берет других жен и конкубин. Таким образом, Харальд демонстрирует, что теперь он является полноценным мужем-правителем²⁸.

Возможны несколько объяснений уникального совпадения двух сюжетов — польского и исландского. Теоретически у Галла и

²⁶ Там же. С. 44. Этот мотив и его прозвище «Косматый» (*Lúfa*) присутствует практически во всех текстах, посвященных Харальду. См.: Fagrskinna. P. 49, 51; Ágrip. P. 2–3; Flateyjarbók. S. 466–467. Иными словами этот мотив восходит к устной мифопоэтической традиции, повествовавшей о конунге Харальде.

²⁷ *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. С. 54.

²⁸ Похожий мотив присутствует в «Книге судей» Ветхого завета, где говорится о рождении в Израиле необычайно сильного бойца Самсона, который от рождения является *назореем* / «назиром» (*Щедровицкий Д.В.* Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. М., 2013. С. 769–776). Быть назореем означало принять определенные обеты, которые включали в себя, в частности, запрет брить или стричь волосы. Отметим, что рождение Самсона предсказывает некий «человек Божий», он же диктует нужный набор запретов. Самсон успешно противостоит врагам-филистимлянам и побеждает их. Он становится судьей Израиля. Он остается в статусе непобедимого воина пока его волосы остаются длинными. Брак с одной филистимлянкой, сексуальная связь с другой (Далилой) и, наконец, острижение его волос означают нарушение всех обетов, повлекшее потерю сверхспособностей (Суд. 13–16). Самсон и Харальд Прекрасноволосый представляют две ипостаси одного образа: правителя-воина, исполнившего все свои обещания перед высшими силами, и правителя — нарушителя своего контракта с богом. Еврейский и скандинавский источники в данном случае отражают очень древний комплекс представлений (мифологический архетип). Недавно было высказано остроумное предположение, что облик ветхозаветных назореев повлиял на семиотику власти «длинноволосых королей» франков, прежде всего,

Снорри Стурлусона мог быть общий литературный²⁹, например античный, источник. Если таковой будет идентифицирован, наши последующие рассуждения должны будут быть скорректированы и частично дезавуированы. Однако нам такой литературный прототип обнаружить не удалось, и поэтому мы считаем, что перед нами две реализации древнего сюжета, сохраненного устной традицией скандинавов и славян. Кроме того, против идеи о литера-

актуализировав символику длинных волос: *Goosmann E. The Long-Haired Kings of the Franks: "Like so Many Samsons?" // Early Medieval Europe. 2012. Vol. 20, N 3. P. 233–259*). Такая ветхозаветная аллюзия в манифестации власти Меровингов в свете аргументов Э. Гусманна не исключена, но она не отменяет собственно германской традиции ношения длинных волос людьми, пребывающими в специфическом социальном или духовном состоянии, что возвращает нас к проблеме типологического сходства «длинных волос» как культурно-телесного символа. Но это отдельная историко-семиотическая проблема (*Diesenberg M. Hair, Sacrality and Symbolic Capital in the Frankish Kingdoms // The Construction of Communities in the Early Middle Ages. Texts, Resources and Artifacts. Leiden; Boston, 2003. P. 173–212*).

²⁹ Все приведенные библейские сюжеты как якобы параллели к тексту Галла Анонима сводятся к прибытию ангелов к праведникам. Никаких других мотивных и содержательных совпадений мы не видим и, соответственно, не считаем их сколь-нибудь значимыми (см.: *Deptula Cz. Galla Anonima mit genezy Polski: Studium z historiozofii i hermeneutyki symboli dziejopisarstwa średniowiecznego. Lublin, 2000. S. 27, 234–238*). Гораздо ближе к сюжету Галла — нравоучительная вставная новелла о благочестивых стариках Филемоне и Бавкиде в «Метаморфозах» Овидия (*Ovid. Met. 7.615–724*). В ней Юпитер и Гермес приходят в дом старика Филемона и старухи Бавкиды, те угощают их своими скудными припасами, которые чудесным образом всё увеличиваются. В награду за выполнение долга гостеприимства и многолетнюю супружескую верность Филемон и Бавкида становятся жрецами Юпитера, а затем превращаются в два дерева. Здесь действительно присутствует сочетание важных для текста Галла мотивов, таких как приход богов-странников к беднякам, чудесное умножение еды на скудной трапезе, а затем уничтожение, через затопление *водой*, неправедных соседей. Но все остальные элементы сюжета Галла и центральная тема *потлача* — соревнования двух пиров и передачи власти — в «Метаморфозах» отсутствуют полностью. Видеть прямую зависимость фабулы текста Галла от «Метаморфоз» вряд ли приходится. Но можно предположить, что общая для «Метаморфоз» и «Хроники Галла» идея (выполнение обязательства оказать гостеприимство странникам непреложно даже для бедняков, и если этот закон гостеприимства будет выполнен, тогда потраченная пища не исчерпается, а воздастся сторицей) относится к древнейшим индоевропейским архетипам. Конечно, Галл, знавший поэзию Овидия (*Wenta J. Kronika tzw. Galla Anonima. S. 128*), мог использовать рассказ о Филемоне и Бавкиде как образец для оформления начала своего рассказа, затем перейдя к изложению славянского предания. Но из «Метаморфоз» Галл черпал в основном только общие литературные топосы: «смена века золота веком железа», «блаженство и непорочность древних времен» и др.; не исключено, что, найдя этот сюжет в античной литературе, Галл одновременно обнаружил типологически близкую ситуацию в славянском предании (ср. похожие случаи: *Щавелев А.С. Славянские легенды. С. 185–194*).

турном источнике говорит и предполагаемый уровень образованности Снорри Стурлусона, который, хотя и обладал выдающимися литературными способностями, не знал современной ему английской, французской и немецкой хронистики, не ясно даже, знал ли он вообще латинский язык³⁰.

Второе возможное объяснение нам видится наиболее вероятным — перед нами две реализации одного инвариантного сюжета. Возможны два предположения о времени формирования такого общего для скандинавской и славянской традиций сюжета. Не исключено, что это — «бродячий сюжет», характерный для периода интенсивных контактов славян и скандинавов в «цирке-балтийском» ареале в VII–XI вв.³¹ Или же речь может идти о более древнем времени, когда контакты германцев и славян зафиксированы языкознанием: либо о периоде языкового обмена между прагерманским и праславянским языками, либо о следующем этапе обмена лексикой при формировании провинциально-римских «лимесных» культур³².

В любом случае сюжетная параллель к тексту Галла Анонима в исландской королевской саге, построенной на материале скандинавской мифологической традиции, на наш взгляд, подтверждает гипотезу об устной славянской традиции как ключевом источнике польской хроники. Этот вывод позволяет несколько принципиальных рассуждений о характере раннего историописания в Польше.

Прежде всего, как бы ни решать вопрос о происхождении Галла, он, безусловно, — не поляк. Он — выходец из страны Западной Европы с высокой культурой. Раз иностранец Галл использовал для написания текста истории Польши устные сказания, бытовавшие при дворе Болеслава III Кривоустого, значит, языковой барьер не был непреодолимым препятствием для передачи устной мифологической традиции. Эта традиция была исключительно важна для «заказчиков» труда и аудитории Галла — светских и духовных высокопоставленных лиц, к которым он обращается в своей хронике³³. Ясно,

³⁰ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги. С. 55. Кстати, Галл Аноним знал совсем мало о Скандинавии.

³¹ Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы / Пер. с нем., общ. ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986. С. 8–128.

³² Golqb Z. The Origins of the Slavs. A Linguist's View. Columbus, 1991. P. 337–392. Судя по архаичности мифологического сюжета и стоящего за ним обряда, этот сюжет можно датировать временем древнейших славяно-германских контактов или, с учетом латинской параллели, даже отнести ко времени индоевропейской общности.

³³ Например, к своему «покровителю» (*opifex*) канцлеру Михаилу Авданыцу.

что даже иностранец Галл, будучи придворным историографом, не мог себе позволить пренебречь «устной историей» династии Пястов. У выходца из монастырской среды Галла не было никакой идиосинкразии к языческой мифоэпической традиции, он лишь минимально аранжировал рассказ своими христианскими комментариями.

Наблюдения над развитием форм фиксации истории в Польше показывают, что сам жанр хроники, развернутого повествования о деяниях князей, был здесь в XII — начале XIII в. интеллектуальным импортом. Как было указано, Галл был иностранцем, а следующий хронист, магистр Винцентий (Кадлубек), принадлежа к знатному польскому роду, учился и получил ученую степень в одном из западноевропейских университетов. Его историческое мировоззрение и форма изложения истории формировались исключительно под влиянием французской и англо-нормандской латинской историографии³⁴.

Первоначальной формой фиксации исторических событий в Польше были «рочники», т.е. анналы. Традиция записей анналистического характера восходила к немецкой и чешской монастырским традициям ведения исторических записей. Предполагается, что анналы велись в Польше со второй половины X в., видимо, фактически со времени принятия Польшей христианства при Мешке I. Собственно польские анналы начинаются с 966 г. (иногда в рочниках — 964 или 965 г.) — даты крещения Мешка I, его женитьбы на чешке Дубравке и рождения их сына Болеслава I. Это первые события польской истории, отраженные в древнейшей анналистике, а все более ранние известия, которые есть в некоторых польских анналах, заимствованы из немецкого историописания и внесены уже задним числом. Несмотря на споры вокруг конкретного момента, после которого началось ведение собственных польских погодных записей, существование анналов в Польше в начале XI в. можно считать твердо установленным. В основе польского историописания лежат, таким образом, некие «древнейшие анналы» начала XI в. (датировки этапов переработки анналов разнятся от 1013 до 1040-х годов), которые, вероятно, восходят к польским записям второй половины X в.³⁵

³⁴ *Kürbis B. Wstęp // Mistrz Wincenty (tzw. Kadłubek). Kronika polska.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 2008. S. V–CXXIX; *Kadłubek Wincenty // SSS.* 1974. T. 2, cz. 1. S. 349–350.

³⁵ *Roczniki polskie // SSS.* 1970. T. 4. S. 510–512; *Jasiński T. Początki polskiej annalistyki // Nihil superfluum esse Prace z dziejów średniowiecza ofiarowane Prof. J. Krzyżaniakowej.* Poznań, 2000. S. 129–146; *Michałowska T. Literatura polskiego Średniowiecza.* S. 742–744; *Eadem. Średniowiecze.* S. 62–64.

Все эти записи отличает предельная лапидарность, каждая обычно состоит из одного–двух предложений.

Анналы существовали параллельно с хрониками вплоть до XV в. Так, например, дошедшие до нас оригинальные анналы, сохранившиеся в рукописи первой половины XII в., — Свентокшиский древний рочник³⁶, охватывающий период с 948 по 1136 г., — современны и созвучны по содержанию хронике Галла. Этот рочник завершён как раз во время правления Болеслава Кривоустого и посвящён этому князю. Рочник начинается с сообщения об обретении мощей перво-мученика Стефана. Согласно Галлу Анониму, Болеслав III родился в день св. Стефана короля (20 августа)³⁷, согласно Козьме Пражскому — незадолго до дня мученика Стефана (26 декабря) 23 декабря³⁸. Завершается перечень событий в рочнике серией известий о деяниях именно этого польского князя. Современные друг другу хроника Галла и Свентокшиский рочник наглядно представляют собой две разные формы фиксации одного периода польской истории.

Заметим также, что жанр анналов был, насколько можно судить, более распространён, чем, например, другая малая форма фиксации исторической информации — перечни князей, церковных иерархов и др. Тем не менее примеров таких перечней тоже достаточно. В рукописи XIII в., которая содержит *Анналы Краковского капитула*, охватывающие период с 965 по 1283 г. и отражающие более древние анналы XI в., на последней странице приведен список краковских епископов. Этот «каталог» изначально был доведен до краковского епископа Прандоты, занимавшего кафедру с 1242 по 1266 г.³⁹, а затем продолжен другим писцом⁴⁰. Большинство таких перечней представляют собой выборки, которые, видимо, сделаны на основе анналов и, чуть реже, хроник. Был ли жанр перечня самодостаточ-

³⁶ *Rocznik Świętokrzyski dawny* // МРН. Lwów, 1872. Т. 2 / Ed. A. Bielowski. S. 772–774.

³⁷ *Gesta Principum Polonorum*. P. 116–117.

³⁸ *Козьма Пражский*. Чешская хроника / Пер., коммент. и вступ. статья Г.Э. Санчука. М., 1962. С. 148–149.

³⁹ При епископе Прандоте был провозглашен святым краковский епископ Станислав, а его мощи эксгумированы (*Bielak W. Biskup i jego urząd w oczach średniowiecznych kronikarzy polskich*. Lublin, 2011. S. 108, 172–173). Насколько можно судить, Прандота был безразличен к истории своей кафедры.

⁴⁰ *Katalog biskupów krakowskich* // МРН. Т. 2. S. 816. Есть и другие примеры перечней: *Rodowód książąt polskich* // Ibid. Lwów, 1878. Т. 3 / Ed. A. Bielowski. S. 280–284; *Katalogi biskupów krakowskich I–V* // Ibid. S. 313–376; *Katalogi arcybiskupów gnieźnieńskich I–II* // Ibid. S. 377–410; *Katalogi episcoporum Vladislaviensium* // Ibid. Lwów, 1884. Т. 4 / Ed. A. Bielowski. S. 16–30.

ной формой фиксации исторической памяти в Польше до XIII в., не ясно.

Первая польская хроника — сочинение Галла Анонима — не привлекла внимания современников. Ее использовал только следующий хронист, Винцентий Кадлубек, правда, ни разу не сославшись на этот свой источник. Первые польские хронисты, Галл и Винцентий, читали рочники и использовали информацию из них, но они не восприняли идею структуризации своего обширного повествования по годам и не заинтересовались датами из рочников, которые в подавляющем большинстве случаев даже не включали в свои тексты. Синтеза развернутого сюжетного повествования и погодной хронологической структуризации материала, характерного для древнерусского летописания и чешской хроники Козьмы Пражского⁴¹, в ранней польской средневековой историографии не произошло. В этом, как и в уникальной сохранности жанра анналов (рочников), видится явное своеобразие польского историописания.

* * *

Реконструкция путей становления исторической мысли в Польше дает некоторый материал для типологических сопоставлений с аналогичным процессом в домонгольской Руси XI — начала XII в.⁴²

Форма подачи материала в первой польской хронике Галла Анонима о «деяниях князей польских» замечательно совпадает⁴³ с предположительным характером изложения событий в пер-

⁴¹ *Регель С.* О Хронике Козьмы Пражского // ЖМНП. 1890. Ч. 270. С. 221–261; Ч. 271. С. 108–148; *Алешковский М.Х.* К типологии текстов Повести временных лет // Источниковедение отечественной истории. Сб. ст., 1975. М., 1976. Вып. 2. С. 133–167.

⁴² О способах и целях такого сопоставления см.: *Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М., 2005. С. 174–200; *Гимон Т.В.* Историописание средневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. В перспективе желательно провести последовательное сопоставление традиций раннего историописания всех славянских, а затем других европейских стран раннего Средневековья, но это отдельная масштабная задача. Наше сравнение древнерусской и польской историографий древнейшего периода видится нам как самое общее приближение к обсуждению этой проблемы.

⁴³ Разумеется, с поправками на разницу письменной культуры и языковой среды. На принципиальной разнице латинской письменной культуры средневековой Польши и Чехии и письменной культуры национального языка Руси указывал в короткой рецензии на нашу книгу А.П. Толочко (*Толочко О.П.* [Рец.] // *Ruthenica*. Київ, 2008. Т. 7. С. 254–256. — Рец. на кн.: *Щавелев А.С.* Славянские

вом древнерусском историческом памятнике неанналистического типа — реконструируемом Древнейшем сказании (Древнейшем своде) первой половины XI в.⁴⁴

Древнейшее сказание представляло собой запись серии эпизодов о деяниях первых русских князей⁴⁵. Контур этой нарративной

легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007). По его мнению, у западнославянских хронистов был доступ к богатому античному наследию, откуда они черпали свои сюжеты для конструирования своей славянской истории. А древнерусские книжники, якобы, были этой возможности лишены. Но очевидно, что к услугам древнерусских и болгарских книжников был похожий набор античных сюжетов из византийской литературы. Мы же в обоих случаях видим не создание литературных произведений по мотивам античной классики или библейского предания, а попытку передать оригинальную славянскую традицию, пусть и в литературной обработке. Поэтому еще раз мы хотим подчеркнуть, что не следует абсолютизировать языковое различие латинских, греческих и славянских исторических памятников. Здесь более важную роль играла задача написания «своей» истории, которая и определяла итоговый результат.

⁴⁴ Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1. С. 270–284, 309–328; Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно историческое значение. М.; Л., 1947. С. 40–50. Сравнение Древнейшего сказания с «Церковной истории народа англо» Беды Достопочтенного предпринял Т.В. Гимон (*Гимон Т.В.* Историописание. С. 210–216). Полностью поддерживая общий подход, мы всё же вопреки автору видим достаточное серьезное различие в центральной задаче исторического труда у Беды и автора Древнейшего сказания — написание «церковной истории» и создание «повести о деяниях князей». Сразу отметим, что часть отмеченных Т.В. Гимоном сходств (Там же. С. 214–215) относятся, согласно реконструкциям (*Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 359–430; *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 120–123, 210–243), к более поздним этапам раннего летописания и приписывать их Древнейшему сказанию, хоть и с оговорками, не совсем корректно. Нам думается, что в «дилемме М.Д. Присёлкова» (см.: *Лурье Я.С.* Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 465–466): использовать летописный текст как он есть, или принимать за приближение к некоей реальности текстологические реконструкции, нужно занимать какую-то одну позицию. В данном случае нам кажется, что корректней сопоставлять реконструкцию текста «Древнейшего сказания» с реальным текстом «Церковной истории», иначе у нас получается уже сопоставление «Повести временных лет» с «Церковной историей». Принципиальным моментом здесь является вопрос, была ли в Древнейшем сказании более или менее подробная история христианизации Руси, и если «да», то сравнение будет вполне обосновано, если же «нет», тогда уже вряд ли.

⁴⁵ *Тихомиров М.Н.* Начало русской историографии // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 46–66; *Бахрушин С.В.* [К вопросу о достоверности Начального свода] // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (научное наследие). М., 1987. С. 23–26. Мы разделяем датировку этого сказания «эпохой Ярослава», даже точнее временем после утверждения Ярослава в Киеве, предложенную С.В. Бахрушиным, — датировку чуть более раннюю, чем 1039 г., который предлагал А.А. Шахматов.

основы последующего древнерусского летописания вполне очерчен: оно было построено по принципу последовательного изложения разных сюжетов о первых русских князьях, почерпнутых из устной мифоэпической традиции⁴⁶. Древнейшее сказание было своеобразным собранием (книгой) деяний первых правителей Руси без единой погодной сетки. По аналогичной модели создавал свой текст Галл Аноним. Оба памятника типологически принадлежат к «этническим» или «национальным» историям, а не к универсальным (мировым)⁴⁷.

Польские примеры иностранца Галла Анонима и выученика западноевропейского университета магистра Винцентия позволяют допускать, что теоретически к созданию этого первого русского летописного свода могли быть причастны не только местные книжники, но и иностранцы — византийцы, или же славяне, прошедшие византийскую «школу», прежде всего болгары⁴⁸. Иными словами, наличие местных фольклорных источников разных типов не может быть логическим аргументом в пользу сужения круга потенциальных авторов первого летописного памятника лишь местными книжниками. Можно вполне допустить, хотя это очень гипотетично, что вдохновителем и «модератором» первого летописного труда выступил грек или византиец славянского про-

⁴⁶ *Gunnys A.A.* До и после Начального свода: ранняя история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 50–61.

⁴⁷ Об этом типе см.: *Pizzaro E.M.* Ethnic and National History ca. 500–1000 // *Historiography of the Middle Ages*. Leiden; Boston, 2003. P. 43–87.

⁴⁸ Во второй половине X и в XI в. в Византии устойчиво развивался и воспроизводился жанр исторической хроники с «эпизодически-логической структурой» (согласно К.А. Долинину и Я.Н. Любарскому) повествования. Достаточно назвать хроники Продолжателя Феофана, Льва Диакона, Иоанна Скилицы, Михаила Пселла, Михаила Атталиата и др. (*Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1: Philosophie — Rhetorik — Epistolographie — Geschichtsschreibung — Geographie. S. 243–278, 331–441). О форме сюжетного повествования в Византии см.: *Любарский Я.Н.* Сюжетное повествование в византийской хронистике (постановка проблемы) // *Любарский Я.Н.* Византийские историки и писатели. СПб., 2012. С. 283–294; *Долинин К.А., Любарский Я.Н.* Повествовательные структуры в византийской историографии // Там же. С. 354–371. Стоит учитывать и традицию чрезвычайно популярных «малых хроник», которые по форме очень напоминают анналы или перечни правителей, но являются выборками из больших произведений [*Самодурова З.Г.* Малые византийские хроники и их источники // ВВ. 1967. Т. 27. С. 153–161; *Она же.* К вопросу о малых византийских хрониках (По рукописям московских собраний) // Там же. 1961. Т. 21. С. 127–147].

исхождения — своего рода преемник дела Константина-Кирилла Философа⁴⁹.

Такой византиец⁵⁰ вполне мог быть «куратором» начала летописания, хотя, наверное, не был собственно автором, поскольку тогда бы его иностранное происхождение выдавали бы какие-то лингвистические характеристики части текстов «Повести временных лет», восходящих к этому первому летописному памятнику. У Галла Анонима тоже был такой *cooperator* — канцлер Михаил. Такой «куратор» первого летописного текста вполне мог быть, так же как и Галл, восприимчив к местному престижному «фольклору», повествующему о деяниях первых князей Рюриковичей и бытующему в кругах элиты⁵¹.

Все эти гипотетические допущения нужны, повторим, чтобы зафиксировать идею о том, что наличие у первого летописного памятника Руси источников в виде оригинальной «туземной» дружинной и народной фольклорной традиции не может быть веским аргументом для ограничения круга потенциальных «модераторов» и авторов летописного перво-текста лишь местными книжниками.

Ни первые рочники, ни хроника Галла не дают оснований говорить о том, что в основе польской историографии лежала сугубо церковная традиция; напротив, светский княжеский заказ, если и не прямой, то в виде постоянного учета интересов правителя, здесь доминирует, хотя авторы исторических сочинений в Польше — духовные лица. На Руси наблюдается ровно такая же картина⁵².

Уникальная сохранность польских анналов и очевидная живучесть традиции их ведения дают косвенное типологическое подтверждение идее существования русских древнейших кратких за-

⁴⁹ *Tachiaos A.-E.* L'origine de Cyrille et de Méthode. Verité dans les sources slaves // *Cyrrillomethodianum*. II. 1972–1973. Thessalonique, 1973. P. 98–140; *Верецагин Е.М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971. С. 172–180.

⁵⁰ *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 282. Ср. у М.Д. Присёлкова о «греческуюющей руке», писавшей Древнейший свод (*Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 22). См. также: *Он же.* История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд., доп. СПб., 1996. С. 61–64.

⁵¹ В древнерусской истории есть похожий на Галла персонаж-иностранец — иерей (эконом?) Десятиной церкви Анастас Корсунянин, ушедший с Владимиром Святославичем в Киев из Херсонеса, а затем из Киева в Польшу с Болеславом I (*Назаренко А.В.* Анастас Корсунянин // ПЭ. 2001. Т. 2. С. 261–262; *Присёлков М.Д.* Очерки. С. 35–38).

⁵² *Гитцус А.А.* До и после Начального свода. С. 51.

писей конца X в., начатых после крещения Руси⁵³, а также ведения их в Новгороде с середины XI в.⁵⁴

Подводя итоги, можно констатировать, что сопоставление текстов Снорри Стурлусона и Галла Анонима дало нам возможность еще раз подтвердить гипотезу об устной мифоэпической традиции, лежащей в основе первой польской хроники. Даже для образованного иностранного монаха-бенедиктинца обращение к языческому прошлому династии правителя, для которого писалась хроника, было фактически обязательным. Мы видим здесь явный диктат местной читательской аудитории хроники, запросы которой нельзя было проигнорировать. Заметим также, что именно хроника как форма историографии, нацеленная на сюжетное повествование, больше нуждалась в устных эпических и фольклорных источниках; анналисты же чаще фиксировали современные события и воспроизводили лишь записи предшественников. Жанр анналов вполне обходится минимумом информации, сюжет хроники — требует деталей. К тому же сюжетное повествование более свободно от точных датировок, для него достаточно внутренней последовательности событий (сюжетного темпа) или косвенных датировок, чаще всего по главным героям, например правителям, т.е. относительной хронологии. Для анналов структурно важен момент хронологической привязки, т.е. перехода от относительной хронологии к абсолютной.

Ранняя польская историография обнаруживает целый ряд типологических аналогий, равно как и структурных отличий в сравнении с древнерусской летописной традицией. Набор творческих ходов и форм фиксации истории у первых историографов славянских стран был достаточно ограничен, только их разные комбинации давали уникальный рисунок развития историописания. Характер первых развернутых исторических произведений зависел больше всего от решения историографом ключевой дилеммы: вести сюжетное повествование, нанизывая эпизоды в стиле паратаксиса, или использовать сетку дат по образцу анналов, т.е. создавать син-

⁵³ *Насонов А.Н.* Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства // ПИ. М., 1959. Вып. 7. С. 421–433; *Gimnyus A.A.* До и после Начального свода. С. 49–50. См. также статью А.В. Назаренко в настоящем томе.

⁵⁴ *Гимон Т.В.* События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 634–636.

тез хроники и анналов⁵⁵. В Польше такого скрещения исторических жанров в первых двух хрониках не произошло, а кристально чистые в жанровом отношении анналы (рочники) удержали свои позиции как самостоятельная форма фиксации исторических событий. Такое устойчивое сохранение традиции ведения анналов как самостоятельного исторического жанра, не поглощенного синтезной «летописной» формой, — одна из особенностей польского историописания. Напротив, древнерусская «Повесть временных лет» и чешская «Хроника» Козьмы Пражского — примеры гибридизации нарратива — разбивки повествовательных (хроникальных) текстов по годам.

Наконец, проведенное сравнение скандинавской, польской и (опосредованно) древнерусской исторических традиций лишний раз показало, что реконструкция утраченных устных мифоэпических языческих традиций в средневековом историописании сохраняет актуальность как минимум с точки зрения поиска общих мотивов и их устойчивых комбинаций (сюжетов).

⁵⁵ Мы предлагаем условно считать *хроникой* текст, построенный на относительной хронологии: последовательности исторических событий в сюжете или, например, последовательности правителей. *Анналами* же предлагаем считать тексты, структурированные согласно абсолютной хронологии, т.е. «разбитые» по календарным датам. А *летописью* — гибридные тексты более или менее наравных сочетающие оба принципа — сюжетные нарративные синтагмы и хронологическую дискретность. Фактически летопись является «расширенными» пространственными анналами. Отдельно следует рассматривать краткие *перечни* правителей и генеалогические перечни — своеобразные «минихроники». Выделять как-либо жанр «*истории*» мы не считаем целесообразным, особенно по признаку наличия элементов анализа. Ведь отбор сведений в анналах или знание последовательности в перечне правителей — вполне историческое знание, требующее мнемонических, логических и критических, т.е. эпистемологических операций. Другое дело, что они зачастую элементарны или не выражены эксплицитно. Таким образом, несколько упрощая, древнее и средневековое историописание можно свести к четырем базовым формам, в зависимости от наличия и концентрации в тексте календарных «числовых» дат. *Хроника* и *перечень* объединены принципом *относительной хронологии*, различаясь объемом исторических данных. *Летопись* и *анналы* объединены принципом *абсолютной хронологии* при сходном отличии по объему включенной исторической информации (ср. критический обзор проблемы: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 69–92). Заметим, что в XV в. Яном Длугошем в огромном своде, вошедшем в себя разнообразные польские хроники и некоторые русские летописи, «*Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae*» («Анналы, или хроника славного королевства Польского»), хроникальное изложение было всё-таки поделено на годовые статьи. Этот пример показывает, что синтетическая «летописная» форма — закономерный (может быть, даже универсальный?) финал эволюции ранних форм историописания.

- Алешковский М.Х.* К типологии текстов Повести временных лет // Источниковедение отечественной истории. Сб. ст., 1975. М., 1976. Вып. 2. С. 133–167.
- Алимов Д.Е., Кубинь А.С.* [Рец.] // *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1 (7). С. 213–236. — Рец. на кн.: *Urbańczyk P. Trudne początki Polski*. Wrocław, 2008.
- Бахрушин С.В.* [К вопросу о достоверности Начального свода] // *Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (научное наследие)*. М., 1987. С. 23–26.
- Васильева И.В.* Праслав. **pěst*, рус. *пест* и польск. *Piast* // *Этимология*, 2009–2011. М., 2012. С. 56–62.
- «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI — XIII вв. / Пер. Л.М. Поповой; Вступит. ст. и коммент. Н.И. Щавелевой. М., 1987.
- Верецагин Е.М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971.
- Галл Аноним.* Хроника и деяния князей и правителей польских / Пер. и примеч. Л.М. Поповой. М., 1961.
- Гимон Т.В.* Историописание средневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Гимон Т.В.* События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // *ДГ*, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 584–703.
- Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // *Жанры и формы в письменной культуре средневековья*. М., 2005. С. 174–200.
- Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: ранняя история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX–X веках. Археологическая панорама*. М.; Вологда, 2012. С. 49–62.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты. Перевод. Комментарий. 2-е изд., в одной кн., испр. и доп. М., 2012.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур // *Мат-лы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам*. Тарту, 1974. Т. 1 (5). С. 87–90.
- Карлина С.Н.* Христианские мотивы мифа о династии Пястов в хронике Галла Анонима // *Славяне и их соседи. Миф история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени*. М., 1996. С. 11–13.
- Козьма Пражский.* Чешская хроника / Пер., коммент. и вступит. ст. Г.Э. Санчука. М., 1962.
- Корнелий Тацит.* О происхождении германцев и местоположении Германии // *Корнелий Тацит*. Соч. в 2 т. М., 1993. Т. 1: *Анналы. Малые произведения* / Изд. подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеевко.

- Лихачёв Д.С.* Русские летописи и их культурно историческое значение. М.; Л., 1947.
- Лурье Я.С.* Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 464–475.
- Любарский Я.Н.* Византийские историки и писатели. СПб., 2012.
- Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
- Мосс М.* Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 2011. С. 134–285.
- Назаренко А.В.* Анастас Корсунянин // ПЭ. 2001. Т. 2. С. 261–262.
- Насонов А.Н.* Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием древнерусского государства // ПИ. 1959. Вып. 7. 417–462.
- Присёлков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд., доп. СПб., 1996.
- Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. 2-е изд. СПб., 2003.
- Регель С.* О Хронике Козьмы Пражского // ЖМНП. 1890. Ч. 270. С. 221–261; Ч. 271. С. 108–148.
- Самодурова З.Г.* К вопросу о малых византийских хрониках (По рукописям московских собраний) // ВВ. 1961. Т. 21. С. 127–147.
- Самодурова З.Г.* Малые византийские хроники и их источники (классификация) // ВВ. 1967. Т. 27. С. 153–161.
- Снорри Стурлусон.* Круг Земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1995.
- Тихомиров М.Н.* Начало русской историографии // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 46–66.
- Толочко О.П.* [Рец.] // Ruthenica. Київ, 2008. Т. 7. С. 254–256. — Рец. на кн.: *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.
- Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 2002.
- Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы / Пер. с нем., общ. ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986. С. 8–128.
- Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды, кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах.
- Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.
- Щавелев А.С.* Три мотивно-семантических параллели в славянских легендах о первых князьях // Человек и древности. Памяти А.А. Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 814–818.
- Щедровицкий Д.В.* Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. М., 2013.

- Ágrip af Nóregskonungasögum. A Twelfth-Century Synoptic History of the Kings of Norway / Ed. and transl. by M.J. Driscoll. L., 2008. (VSNR TS; Vol. 10). Anonim tzw. Gall // SSS. 1961. T. 1, cz. 1.
- Anonima tzw. Galla Kronika czyli Dzieje książąt i władców polskich / Galli Anonymi Cronica et Gesta ducum sive principum polonorum // MPH NS. Kraków, 1952. T. 2: Pomniki dziejowe polski / Wyd., wst. i kom. opatrz. K. Maleczyński.
- Ashman Rowe E. The Development of Flateyjarbók. Iceland and the Norwegian Dynastic Crisis of 1389. Odense, 2005.
- Banaszkiewicz J. Podanie o Piascie i Popielu. Studium porównawcze nad wczesnośredniowiecznymi tradycjami dynastycznymi. Warszawa, 1986.
- Banaszkiewicz J. Polskie dzieje bajeczne mistrza Wincentego Kadłubka. Wrocław, 1998.
- Bielak W. Biskup i jego urząd w oczach średniowiecznych kronikarzy polskich. Lublin, 2011.
- Ciklamini M. The Folktale in Heimskringla (Hálfðanar saga svarta — Hákonar saga góða) // Folklore. 1979. Vol. 90, N 2. P. 204–216.
- Deptuła Cz. Galla Anonima mit genezy Polski: Studium z historiozofii i hermeneutyki symboli dziejopisarstwa średniowiecznego. Lublin, 2000.
- Diesenberger M. Hair, Sacrality and Symbolic Capital in the Frankish Kingdoms // The Construction of Communities in the Early Middle Ages. Texts, Resources and Artifacts. Leiden; Boston, 2003. P. 173–212.
- Dymmel P. Traces of Oral Tradition in the Oldest Polish Historiography: Gallus Anonymus and Wincenty Kadłubek // The Development of Literature Mentalities in East Central Europe. Turnhout, 2004. P. 343–363.
- Einar Ólafur Sveinsson. The Folk-stories of Iceland / Revised by E.G.P. Tursson; Transl. by Benedikt Benedikz. L., 2003. (VSNR TS; Vol. 16).
- Fagrskinna. A Catalogue of the Kings of Norway / Translation with intr. and notes by A. Finlay. Leiden; Boston, 2004.
- Flateyjarbók. En Samling af norske Konge-Sagaer med indskudte mindre Fortællinger om Begivenheder i og udenfor Norge samt Annaler / Guðbrandr Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860.
- Gesta Principum Polonorum. The deeds of the Princes of the Poles / Transl. and annot. by P.W. Knoll and F. Schaer; Preface by T.N. Bisson. Budapest; N.Y., 2003. (Central European Medieval Texts; Vol 3).
- Goląb Z. The Origins of the Slavs. A Linguist's View. Columbus, 1991.
- Goosmann E. The Long-Haired Kings of the Franks: "Like so Many Samsons?" // Early Medieval Europe. 2012. Vol. 20, N 3. P. 233–259.
- Heimskringla. Nóregs konunga sögur / Udg. Finnur Jónsson. København, 1911. Historiography of the Middle Ages / Ed. D.M. Deliyannis. Leiden; Boston, 2003.
- Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1: Philosophie — Rhetorik — Epistolographie — Geschichtsschreibung — Geographie.

- Íslendingabók. Kristni Saga. The Book of the Icelanders. The Story of the Conversion / Transl. by S. Grønlie. L., 2006.
- Jasiński T. O pochodzeniu Galla Anonima. Kraków, 2008.
- Jasiński T. Początki polskiej annalistyki // Nihil superfluum esse prace z dziejów średniowiecza ofiarowane Prof. J. Krzyżaniakowej. Poznań, 2000. S. 129–146.
- Kadhübek Wincenty // SSS. 1974. T. 2, cz. 1. S. 349–350.
- Michałowska T. Literatura polskiego Średniowiecza: Leksykon. Warszawa, 2011.
- Michałowska T. Średniowiecze // Wielka historia literatury polskiej. Warszawa, 2008.
- Mistrz Wincenty (tzw. Kadhübek). Kronika polska / Prz. i oprac. B. Kürbis. Wrocław; Warszawa; Kraków, 2008.
- Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide / Ed. by C.J. Clover and J. Lindow. Ithaca; L., 1985 (reprint: Toronto, 2005).
- Plezia M. Kronika Galla na tle historiografii XII wieku. Kraków, 1947.
- Roczniki polskie // SSS. 1970. T. 4. S. 510–512.
- Snorri Sturluson. Heimskringla. History of the Kings of Norway / Transl. with Intr. and Notes by L.M. Hollander. Austin, 2009.
- Steinsland G. Origin Myths and Rulership. From the Viking Age Ruler to the Ruler of Medieval Historiography: Continuity, Transformations and Innovations // Ideology and Power in the Viking and Middle Ages: Scandinavia, Iceland, Ireland, Orkney and the Faeroes. Leiden; Boston, 2011. P. 15–67.
- Tachiaos A.-E. L'origine de Cyrille et de Méthode. Verité dans les sources slaves // Cyrillomethodianum. II. 1972–1973. Thessalonique, 1973. P. 98–140.
- Theodoricus Monachus. Historia de antiquitate Regum norwagiensium. An Account of the Ancient History of the Norwegian Kings / Transl. and annot. by D. and I. McDougall; Intr. by P. Foote. L., 1998. (VSNR TS; Vol. 11).
- Urbańczyk P. Trudne początki Polski. Wrocław, 2008.
- Wenta J. Kronika tzw. Galla Anonima: historyczne (monatyczne i genealogiczne) oraz geograficzne konteksty powstania. Toruń, 2011.
- Whaley D. Heimskringla. An Introduction. L., 1991.
- A History of Norway and the Passion and Miracles of the Blessed Óláfr / Transl. by D. Kunin; Ed. with an intr. and notes by C. Phelpstead. L., 2001.

Alexey S. Shchavelev

ONCE AGAIN ON MYTHICAL-EPIC ORAL SOURCES
OF MEDIEVAL HISTORICAL WRITING: GALLUS ANONYMOUS'
AND SNORRI STURLUSON'S STORIES OF DYNASTY'S
FOUNDERS

The paper deals with the problem of reflection of Slavic legends about first rulers in the text of the Polish chronicle *Gesta principum Polonorum* by Gallus

Anonymous (the early twelfth century). The author compares the story of the Piast dynasty's coming to power in Poland with that of the rise to power of King Haraldr Fairhair in Norway (in Snorri Sturluson's *Heimskringla*, c. 1230, and *Flateyjarbók*, 1387–1394). It is obvious that in the basis of both texts lays a common motif: "at a feast of a ruler food suddenly disappears, and then the ruler loses his power and dies". All the basic and additional motifs in these two stories are the same. The plot is based on the juxtaposition of two feasts, one of which is meager, and the other is generous. In the both texts we clearly see a description of the pagan rite called *potlach* — a periodic mandatory emulative public delivery of products and values, which requires the current ruler to outdone his opponent in generosity. We have two implementations of the same invariant plot. There can be two assumptions about the time of the formation of such a plot, common for the Scandinavian and the Slavic traditions. It is possible that it is a "wandering plot", typical for the period of intensive contacts between the Slavs and the Scandinavians in the circum-Baltic area from the seventh till the eleventh century, or it could be a more ancient time when the contacts between the Germanic tribes and the Slavs are fixed linguistically: the periods of exchange between the Teutonic and Slavonic languages.

A comparison of the texts of Snorri Sturluson and Gallus Anonymous gives us an opportunity to confirm the hypothesis that oral legendary tradition underlays the first Polish chronicle. Even for Gallus, an educated foreign Benedictine monk, an appeal to the pagan past of the ruling dynasty, for which he was writing his chronicle, was actually necessary. We clearly see here a dictate of the local audience, the requests of which could not be ignored. Note also that chronicle was such a form of historiography that badly needed oral epic and folklore sources for its anecdotal narrations.

The early Polish historiography demontsrates a number of typological parallels, as well as a number of structural differences in comparison with the Old Rus chronicles. The arrangement of material in *Gesta principum Polonorum* seems remarkably close to that in the first Russian historiographical work, the so-called *Oldest Tale* (or *Oldest Chronicle*), written in the first half of the eleventh century. This non-extant text can be reconstructed in its main features from the text of the *Primary Chronicle* of the early twelfth century. The Russian *Oldest Tale*, just as the chronicle of Gallus, was a record of a series of episodes from the early history of the ruling dynasty. Both texts were purely secular in main topics, both aimed at glorifying the ruling prince and his ancestors, both lacked an annalistic framework.

Key words: Slavs, Scandinavia, Poland, Old Rus, Middle Ages, Gallus Anonymous, Snorri Sturluson, historical writing, epic, folklore, potlach, motif

А.В. Назаренко

ДОСТОВЕРНЫЕ ГОДОВЫЕ ДАТЫ
В РАННЕМ ЛЕТОПИСАНИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

В раннем летописании в повествовании о первой половине XI в. наблюдается целый ряд датировок, достоверность которых проверяема на основании иностранных источников. Таковы годы пожара деревянной Софии (6525), взятия Киева польским князем Болеславом I (6526), «знаменья змиева» (6536), взятия Белза (6538), отвоевания Червенских городов (6539), похода на Царьград (6551). Это сильно подкрепляет гипотезу о ведении при Ярославе Мудром кратких анналистических записей, остатки которых отчасти сохранились и в «Повести временных лет» в виде лапидарных летописных заметок вроде: «Ярослав иде на Литву» (6548) и проч. Наличие подобных «окаменелостей» на пространстве 6508–6519 гг. позволяет думать, что ведение кратких анналов началось уже в конце правления Владимира.

Существование ранних кратких анналов типологически сближает начало русского историописания с зарождением польской и чешской историографии. Оно обеспечивает также необходимой предысторией так называемый «свод Никона» (который являет собой в 1060–1070-е годы уже довольно законченный по форме образец собственно летописного жанра) и объясняет, как в культурное поле византийской историографии, построенной на хроникальном нарративе, могла внедриться анналистическая модель. Печерянин, составитель «свода Никона», хронологически продолжал краткие анналы эпохи Ярослава и потому заимствовал их анналистическую форму в качестве каркаса, наполняя его зачастую хроникальным по сути содержанием.

В древнейшем летописном ядре (до 6505 г.), которое первоначально не было разбито на погодные статьи, также имеются проверяемо верные датировки. Однако их принципиальное отличие от датировок в кратких анналах состоит в том, что они оказываются верны толь-

* Далее приняты следующие сокращения для названий основных списков ПВЛ: *Л* — Лаврентьевский, *Р* — Радзивилловский, *А* — Московский Академический, *И* — Ипатьевский, *Х* — Хлебниковский, *Т* — Троицкий, а также Новгородской I летописи: *С* — Синаодальный, *К* — Комиссионный.

ко при внесении в них хронологических поправок, которые восстанавливают хронологию «свода Никона», нарушенную составителем Начального свода при введении в летопись «Корсунской легенды». Таковы годы похода Владимира «к ляхом» (5487), взятия Корсуны (5497), похода на хорватов (6500), которые в Начальном своде были изменены на 5489, 5496 и 6501 соответственно. Это значит, что в древнейшем ядре, как оно было под рукой составителя «свода Никона», присутствовали относительные датировки (как в летописчике Иакова Мниха), так что перемены в опорных датах влекли за собой подвижки всей сети.

Включив в свод древнейшее нарративное ядро, летописец 1060–1070-х годов включил и его продолжение, созданное, как нам представляется, во второй половине 1040-х годов («повесть о Ярославле»). Естественное соединение «повести о Ярославле» с краткими анналами за то же время под пером составителя «свода Никона» подтолкнуло последнего на продление погодной сетки по мере возможности и на древнейшее ядро, из которого, таким образом, исчезли эксплицитные относительные датировки. Текст приобрел внешнее формальное единообразие — став летописью.

Ключевые слова: Древняя Русь, летописание, анналы, историописание, хронология, «Повесть временных лет»

Одним из итогов монументальных усилий А.А. Шахматова установить главные этапы первоначальной древнерусской историографии, которая увенчалась в начале XII в. эпохальной «Повестью временных лет» (далее: ПВЛ), стала гипотеза о так называемом Древнейшем своде 1039 г. Она страдала внутренней противоречивостью. С одной стороны, Древнейший свод, кажется, представлялся исследователю самым ранним продуктом историописания на Руси¹, доступным для текстологической реконструкции. С другой — он был сводом, который был сложен не только по содержанию, но и по форме изложения, сочетая хронологически нерасчлененный рассказ (в первой половине, где отдельные даты были эпизодически инкорпорированы непосредственно в текст) с собственно летописным завершением (начиная с 1015 г.). Это обстоятельство настоятельно подталкивало к тому или иному упрощению такой сложности.

¹ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 398–420, 460–491.

Действительно, попытки внести коррективы в построение А.А. Шахматова были направлены либо на содержательное усечение Древнейшего свода при сохранении его датировки временем Ярослава Мудрого, либо на выделение из Древнейшего свода более раннего, долетописного (т.е. относительно единого в жанровом отношении), сочинения. По первому пути пошел, кажется, только Д.С. Лихачёв, постулировавший некое жанрово монолитное, собственно церковное «Сказание о распространении христианства на Руси», которое было создано в 1040-е годы и затем, уже при составлении так называемого «свода Никона» в 1060–1070-х годах, оказалось пополнено сказаниями о первых русских князьях и снабжено погодной сеткой². Второй путь привел к предположению о первоначальном историческом сочинении (ядре), объединявшем дружинные и церковные предания о русских князьях до Владимира включительно и еще лишенном разбиения на годовые статьи; возникло оно, как считалось, в 990-е годы или, во всяком случае, в княжение Владимира Святославича при Десятинной церкви в Киеве³. В последнее время тенденция к такому удревнению первоначального ядра явно оживилась⁴. При всем том, отодвигая создание этого ядра, по сравнению с А.А. Шахматовым, почти на полвека далее, в эпоху князя Владимира (А.А. Гиппиус) или, по крайней мере, на самое начало княжения Ярослава (1016/17 г.) (К. Цукерман, С.М. Михеев), исследователи не находят оснований (с нашей точки зрения, вряд ли справедливо, о чем еще пойдет речь) для пе-

² Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 58–93.

³ Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 332–333; Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 46–66 (впрочем, реконструируемое здесь «сказание о русских князьях X в.» с Десятинной церковью не связывается); Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 22–34 (при всем том историк остерегался говорить о ранних исторических записях при Десятинной церкви как о едином связном произведении).

⁴ Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-глебский сборник. Р., 2009. Вып. 1. С. 189–229; Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 120–123; Гиппиус А.А. У истоков древнерусской исторической традиции // Славянский альманах, 2002. М., 2003. С. 9–25; Он же. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 49–62; в последней из названных работ дан краткий разбор конструкций К. Цукермана и С.М. Михеева.

решотра шахматовской датировки следующего этапа летописания 70-ми годами XI столетия, когда начинается историографическая работа в киевском Печерском монастыре и возникает свод, который по традиции, идущей опять-таки от А.А. Шахматова, иногда условно именуется «сводом Никона» — по имени его гипотетического автора или вдохновителя и покровителя — печерского игумена в 1078–1088 гг.

В результате неизбежно рождается вопрос, когда и каким образом был оформлен летописный текст за первую половину — середину XI в.? Если происхождение летописной хронологии за 60–70-е годы этого столетия серьезных вопросов не вызывает (записи о современных событиях в «своде Никона» строились уже по анналистическому принципу), то совсем непонятно происхождение датированных записей в промежутке между древнейшим ядром и началом «свода Никона». Для А.А. Шахматова здесь особой проблемы не было, т.к. датировки за первую половину правления Ярослава Мудрого можно было счесть сделанными по памяти при составлении Древнейшего свода, а за вторую половину — при создании «свода Никона»; в отдельных случаях ученым подыскивался какой-либо особенный неисториографический источник вроде сугубо гипотетического княжеского помянника⁵. Но коль скоро мы отказываемся от представления о Древнейшем своде, то такая проблема становится кричащей.

Хронологическое зияние между древнейшим ядром и «сводом Никона» оказывается столь велико, что никак не позволяет обойтись предположением, будто летописец задним числом всего лишь обрабатывал устную традицию — например, о Мстиславе Тмутороканском. При известном усилии воображение способно смириться с допущением, что в памяти современников печерского автора, особенно близких к княжескому окружению, могли жить сведения, скажем, о возрасте Ярославичей⁶. Сложнее убедить себя и других в том, будто спустя сорок лет помнили, что точно «в лѣт(о) 6536 знаменьє змиєво явися на н(е)б(е)си»⁷ или что именно «в лѣт(о) 6530», пусть уже и неизвестно, с какой целью, «приде Ярославъ къ Берестію»⁸, — ведь бытовой памяти естественней было бы, совсем напротив, удер-

⁵ Шахматов А.А. Разыскания. С. 527–528.

⁶ См. последовательные известия на этот счет в ПВЛ под 6528 (1020/1), 6532/3 (1024/6), 6535 (1027/8), 6538 (1030/1), 6544 (1036/7) гг. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 146, 149–150; Т. 2. Стб. 133, 136–138).

⁷ Там же. Т. 1. Стб. 149.

⁸ Там же. Т. 1. Стб. 146; Т. 2. Стб. 133.

жать не дату, а именно событийный фон (что знаменовало собой «знамение» и зачем был совершен поход «к Берестью»).

Дело не ограничивается эпохой Владимировичей. Мы более или менее представляем себе, как с опорой на греческие хронографические источники и договоры с греками текст первоначального ядра мог быть облечен в погодную сеть⁹, но ведь далеко не все датировки внутри древнейшего ядра можно объяснить таким образом. Никакие хронологические калькуляции на основе греческих текстов не могли уполномочить летописца на уверение, что именно «в лѣт(о) 6500 Володимѣръ заложи градъ Бѣлгородъ»¹⁰. И совсем не вписываются в устную традицию известия вроде «в лѣт(о) 6515 пренесени с(вя)тии в с(вя)тую Б(огороди)цю»¹¹, которые, похоже, судя по отсутствию каких-либо комментариев, хотя и явно напрашивавшихся, были неясны уже самим печерским сводчикам¹². Предположение, что такого рода известия не являются исконной частью древнейшего ядра, а вставлены позднее, разумеется, не решает задачи, а только несколько сдвигает во времени такое решение.

Следовательно, та или иная датировка древнейшего ядра оказывается, в сущности, иррелевантна в отношении указанной пробле-

⁹ *Шахматов А.А.* Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4. С. 60–61; *Sorlin I.* Les premières années byzantines du Récit des Temps Passés // Revue des études slaves. P., 1991. Vol. 63. P. 9–18; *Назаренко А.В.* Русь IX века: север и юг // 1150 лет Российской государственности и культуры: Мат-лы к Общему собранию Российской академии наук, посв. Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М., 2012. С. 39–40. Впервые это произошло, как считается, либо в 1070-е годы, при составлении «свода Никона» (*Цукерман К.* Наблюдения. С. 293–294; *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? С. 98–101), либо в 1090-е — в ходе работы над Начальным сводом (*Шахматов А.А.* Разыскания. С. 97–100; *Гунтус А.А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Веревица литер: К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 73–74; *Он же.* До и после Начального свода. С. 55). Предваряя выводы нижеследующего исследования, скажем, что нам кажется более вероятной первая из этих двух возможностей.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 122; Т. 2. Стб. 106; Т. 3. С. 165; в отличие от *К* и *ИХ*, в *РА*, стоит 6498 г. (Там же. Т. 38. С. 55); в *Л* дата испорчена.

¹¹ Там же. Т. 1. Стб. 129; Т. 2. Стб. 114.

¹² Судя по разности чтений ПВЛ (*святини*) и Начального свода (*сви*) (Там же. Т. 3. С. 168). Ведь и признание чтения *К* первоначальным (*Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1: Вводная часть, текст, примечания. С. 164 и примеч. к стрк. 5; *Цукерман К.* Наблюдения. С. 197) не спасает, хотя и позволяет избавиться от впечатления изолированности статьи 6515 г., поскольку формально соединяет последнюю с предшествующими сообщениями о смерти полоцких князей Изяслава Владимировича и Всеслава Изяславича (см. след. примеч.). Приходится думать, что составитель Начального свода, проставлявший даты, такой смысловой связи не видел, ибо разрушил ее, введя в промежуток три «пустых» года.

мы: наличие годовых датировок для сообщений конца X и первой трети XI в. приходится объяснять в любом случае — лежат ли они в хронологическом пространстве древнейшего ядра, или уже за его пределами. Подобные объяснения предлагались для отдельных групп записей. Так, А.А. Шахматов предпочитал возводить некрологические заметки, приходящиеся на последние полтора десятилетия правления Владимира¹³, к княжескому помяннику или сведениям, которые могли быть получены в княжеском некрополе Десятинной церкви¹⁴. Не входя здесь в детали относительно правдоподобности этой идеи (помяннику было бы естественнее сохранить календарную, а не годовую дату¹⁵), заметим лишь, что проблемы в целом такие локальные решения не снимают.

Итак, исследователь стоит перед принципиальной дилеммой: либо ранние датировки действительно основаны по большей части на устном предании, и тогда они в лучшем случае приблизительны, а в худшем — условны, либо они имеют какой-то доброкачественный в хронологическом отношении, более или менее современный событиям источник. Последним могли служить, например, нарративы, снабженные относительными датировками (вроде знаменитого летописчика из «Памяти и похвалы Владимиру» Иакова Мниха¹⁶), или краткие анналистические записи (многие летописные статьи за 10–40-е годы XI в. таковыми и остались) времен Владимира и Ярослава, в самостоятельном виде не сохранившиеся¹⁷, или и то, и другое вместе.

¹³ «В лѣт(о) 6508. Преставися Мальфрѣдъ. В се же лѣто преставися и Рогънѣдъ, мати Ярослава. В лѣт(о) 6509. Преставися Изяславъ, о(те)ць Брячиславль, с(ы)нь Володимерь... В лѣт(о) 6511. Преставися Всеславъ, с(ы)нь Изяславль, внукъ Володимерь... В лѣт(о) 6519. Преставися ц(ѣ)с(а)р(и)ця Володимеря Анна» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 129; Т. 2. Стб. 114).

¹⁴ Шахматов А.А. Разыскания. С. 162–164.

¹⁵ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 378–379.

¹⁶ Зимин А.А. Память и похвала Иакова Мниха князю Владимиру и житие князя Владимира по древнейшему списку // Кратк. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1963. Вып. 37. С. 72; Милотенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 425.

¹⁷ Мысль о таких древних анналистических записях не нова. Из соображений здравого смысла и с разной степенью осторожности она высказывалась еще в середине XIX в. исследователями (Сухомлинов М.И. О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856. С. 25–51, 129–182; Срезневский И.И.

Признать условность основного массива летописных дат по середине XI столетия значило бы бросить густую тень факультативности на столь обширный пласт древнейшей русской истории, что, кажется, вряд ли нашелся бы незаинтересованный исследователь, который пошел бы на это без крайней необходимости. Между тем, такие исследователи есть¹⁸, хотя нужды в подобном радикализме не видно: и хроникальный, не расчлененный по годам текст с развернутой системой относительных хронологических указаний не был бы совершенным исключением (ср. так называемые исторические саги), и гипотеза о древних кратких анналах стояла бы типологически вполне прочно.

Чтения о древних русских летописях. СПб., 1862. (Зап. Акад. наук; Т. 2. Прилож. № 4). С. 10–18; *Бестужев-Рюмин К.Н.* О составе русских летописей до конца XIV века: 1) Повесть временных лет; 2) Летописи южнорусские. СПб., 1868. С. 38–39), развивавшими идею П.М. Строева о сводном характере древнерусского летописания (*Вовина-Лебедева В.Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 142–145, 151, 153). Однако после А.А. Шахматова, который не признавал погодные записи «особым литературным родом» (Там же. С. 168; ср. критику шахматовской методики в этом отношении: *Прохоров Г.М.* Академик А.А. Шахматов и проблемы истории русского летописания // История и культура. Исследования. Статьи. Публикации. Воспоминания. СПб., 2010. Вып. 8. С. 62–78), и, видимо, из-за того, что никак не могла приобрести доказательной формы, эта идея, насколько нам известно, почти утонула, снова всплыв только в самое последнее время: *Tolochko O.P.* Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' // Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (с. 1070–1200). Turnhout, 2011. P. 207–229 (*non vidimus*); *Гимон Т.В.* Историческое описание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. С. 117; *Гунтуис А.А.* До и после Начального свода. С. 50.

¹⁸ *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? С. 101, 114. При этом выдвигается два ряда соображений. Первое: «в некоторых случаях мы можем быть уверены в том, что даты свода Никона являются голыми реконструкциями»; второе: уже «с конца статьи 6527 года... начинается обширный участок преобладания маркеров свода Никона». Однако приводимые примеры «голых реконструкций» при ближайшем рассмотрении оказываются, на наш взгляд, далеко не безупречны.

Об условности 6523 г. как даты убийства Бориса и Глеба автор заключает, исходя из относительной хронологии (напомним, противоречивой) «Саги об Эймунде» и отождествления Бориса с Бурислевом «Саги». Однако обе эти посылки, в свою очередь, являются результатом сложных источниковедческих рассуждений применительно к столь зыбкой по своей природе материи, как поздний эпический текст (*Михеев С.М.* «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009. С. 152–264). Тем самым итог, к которому приходит историк, сколь бы ни заслуживал внимания, менее всего способен породить ощущение уверенности. Исследователя смущает то обстоятельство, что статья 6545 г. о строительной деятельности Ярослава Мудрого помещена «ровно в середину рассказа о его правлении».

В самом деле, жанр кратких анналов хорошо представлен в начальном историописании соседних центральноевропейских стран — Чехии и Польши (если брать только аналогии наиболее близкие территориально и по времени). Более того, в древнепольской историографии он получил серьезное распространение, т.к. главная ее магистраль — это как раз хроники, содержавшие минимум абсолютных дат¹⁹, и потому имелась насущная необходимость в произведениях, пусть и лапидарных, но сохранявших хронологический каркас событий национальной истории. И хотя конкретные реконструкции начального этапа польской анналистики в науке несколько разнятся²⁰, само наличие общего древнейшего корня, поднимающегося до

Но куда прикажете приурочить сводную статью, чтобы все упомянутые в ней события были датированы точно? О специфическом происхождении даты смерти польского князя Болеслава I 6538 г. (действительно ошибочной) и сомнительной, по нашему мнению, гипотезе Т.Л. Вилкул относительно искусственности дат рождения и смерти князей на протяжении второй–третьей четвертей XI в. речь подробно пойдет ниже.

И несколько слов о «маркерах». Система вычленяемых С.М. Михеевым языковых примет, характеризующих, с точки зрения автора, те или иные хронологические слои летописного текста, по определению применима к таким текстуальным отрезкам, которые выказывают хотя бы минимальные признаки нарратива. Но ведь дело как раз и заключается в том, что за первую половину XI в. летопись изобилует краткими сообщениями, которые нельзя охватить системой маркеров по С.М. Михееву. Впрочем, сам автор методики маркеров включает в их число и такие, как, например, факт сообщений о рождениях или смертях князей. Тем самым краткие анналистические записи подобного содержания из предмета, требующего изысканий, делаются ключом к решению — маркерами «свода Никона». Думается, здесь методика С.М. Михеева опасно близка к порочному кругу.

¹⁹ Таковы «Хроника и деяния польских князей» («*Chronica sive gesta ducum Poloniae*») так называемого Галла Анонима (ок. 1113 г.), «Польская хроника» («*Chronica Polonorum*») магистра Винцентия (Кадлубка) (ок. 1206 г.), «Великопольская хроника» («*Chronica Poloniae maioris*») (датировка колеблется от конца XIII до конца XIV в.) (называем только главнейшие памятники, которые выдерживали общепольскую историческую перспективу); каждое из более поздних произведений включало в себя материалы предыдущих. Венцом этой хроникальной традиции стали «Анналы, или хроника славного королевства Польского» («*Annales seu Cronicae incliti regni Poloniae*») Яна Длугоша (XV в.), в которых хроникальное изложение внешне уже разбито на годовые статьи, по форме весьма напоминая древнерусское летописание, которое, заметим, было одним из главных источников Длугоша. Обзор истории древнепольской хронистики до Длугоша включительно см.: *Dąbrowski J. Dawne dziejopisarstwo polskie (do roku 1480)*. Wrocław, 1964.

²⁰ *Kętrzyński W. O rocznikach polskich // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wyd. histor.-filoz. Kraków, 1897. T. 34. S. 165–354; Perlbach M. Die Anfänge der polnischen Annalistik // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1899. Bd. 24. S. 231–285; David P. Recherches sur l'annalistique polonaise du XIe au XVIe siècle //*

первой половины XI в. (с наиболее ранними записями из собственно польской истории под 965–966 гг. — о женитьбе князя Мешка I на чешке Добравке и его крещении), у разветвленного древа анналов в Польше XII–XV вв. не подлежит сомнению.

Иначе выглядит начальная история древнечешской историографии, у истоков которой, к слову сказать, лежало не историческое в прямом смысле слова, а житийное сочинение конца X в. — «Житие и страсть свв. Вячеслава и Людмилы», обычно именуемое, по имени автора, «легендой Христиана» («*Legenda Christiani*») ²¹. Но в остальном чешская историография, в отличие от польской, развивалась исключительно в рамках анналистического жанра, вполне сходяствуя в этом отношении с русской. Первое дошедшее до нас собственно историческое произведение из возникших на чешской почве относится примерно к 1125 г. и принадлежит Козьме Пражскому; оно хотя и носит название «Чешской хроники» («*Chronica Boemorum*»), формально имеет, скорее, характер анналов и тем самым составляет выразительную аналогию киево-печерскому летописанию второй половины XI — начала XII в.

Вместе с тем есть основания думать, что труд Козьмы опирался на не сохранившиеся как таковые краткие летописные заметки — так называемые «утраченные Пражские анналы» («*Annales Pragenses deperditi*»), вероятно, середины XI в. Последние вошли в начальную часть более поздних кратких анналистических памятников второй половины XII в., которые сохранились всего лишь в двух списках начала XIII и конца XIV в. ²², тогда как анналисти-

Revue des questions historiques. 1932. Т. 60. P. 5–58; *Budkowa Z.* Początki polskiego rocznikarstwa // *St. Żr.* 1958. Т. 2. S. 81–96; *Dąbrowski J.* Dawne dziejopisarstwo polskie. S. 44–70; *Labuda G.* Główne linie rozwoju rocznikarstwa polskiego w wiekach średnich // *Kwartalnik historyczny*. 1971. Т. 78, N 4. S. 804–839; главные из сохранившихся польских анналов см.: *Annales Poloniae* / Ed. R. Röpell, W. Arndt // *MGH SS*. 1866. Т. 19. P. 574–689 (= *MGH SS rer. Germ.* 1866. [Т. 11]); *MPH* / Ed. A. Bielowski. Lwów, 1872. Т. 2. P. 760–896; 1878. Т. 3; *MPH NS*. Warszawa, 1978. Т. 5 / Ed. Z. Kozłowska-Budkowa.

²¹ Что бросает, заметим, типологический свет и на место древнейшей борисоглебской, а, быть может, также и свято-владимирской (*Назаренко А.В.* Древняя Русь. С. 435–450) агиографии (в ее взаимодействии с летописью) в становлении историописания на Руси.

²² *Labuda G.* Główne linie rozwoju. S. 804–810; *Třeštík D.* Anfänge der böhmischen Geschichtsschreibung: Die ältesten Prager Analen // *St. Żr.* 1978. Т. 23. S. 1–35 (здесь прочая обширная литература); новейшее издание с источниковедческим введением [*Staré letopisy české (texty nejstarší vrstvy)*] / Ed. A.M. Černá, P. Čornej, M. Klosová. Praha, 2003. (*Fontes rerum Bohemicarum*. NS; Т. 2)] нам недоступно.

чески выдержанная хронистика XII–XIII столетий типа сочинения Козьмы составила мощный и достаточно разветвленный ствол. При этом ясно, что в хронике Козьмы среди ранних известий есть такие, которые можно объяснить только как заимствования из ранних кратких анналов. Например, единственная запись, датированная 968 г., у Козьмы гласит: «Obiit Vok comes» («Скончался граф Вок») ²³. Она имеет оригинальное чешское происхождение (т.е. не почерпнута Козьмой, как во многих случаях, из немецкой анналистики) и, в то же время, совсем не вписана в контекст повествования, разрывая рассказ о деятельности пражского епископа Дитмара. Читателю и, похоже, хронисту остается непонятным, кто же, собственно, такой этот «граф Вок», имя которого ни ранее, ни впоследствии в хронике не встречается. Сразу вспоминается неизвестно откуда взявшаяся Малфредь, о которой летописец не может сообщить ничего, кроме: «В лѣт(о) 6508. Преставися Мальфрѣдь» ²⁴.

Конечно, доказательная сила типологических аналогий не абсолютна. И можно указать на пример начальной венгерской историографии, которая развивалась в жанре связного повествования (с вкраплением отдельных дат), напомиавшем скорее жанр западноевропейских *gesta* ²⁵. Кратких анналов Венгрия практически совсем не знала — за исключением «Пожоньских (Братиславских) анналов», а опорные даты добывались из немецкой анналистики — точно так же, как русский летописец извлекал их из греческих источников ²⁶. Правда, насыщенность ранней венгерской историографии конкретными датами — и это важно — несравненно слабее, чем в начальном русском летописании.

Совсем недавно сопоставительному рассмотрению подверглись краткие записи анналистического характера на пасхальных табли-

²³ Cosm. I, 23. P. 46.

²⁴ См. примеч. 13.

²⁵ Таковы важнейшие памятники, начиная от анонимных «Деяний венгров» («Gesta Hungarorum P. magistri») конца XII в. и одноименного сочинения Шимона Кезаи («Simonis de Keza gesta Hungarorum») последней четверти XIII в. до тех хронографических произведений, которые составили раннюю часть большой компиляции XIV в. («Chronici Hungarici compilatio saeculi XIV»), известной в двух знаменитых изводах — «Будской хроники» («Chronicon Budense») и «Иллюстрированной хроники» («Chronicon pictum»). См. сводное издание: *Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum* / Ed. E. Szentpétery. Budapest, 1937–1938. Т. 1.

²⁶ *Macartney C.A. The Origin of the Hungarian Chronicle and Hungarian Historical Sources.* Cambridge, 1951.

цах англо-саксонского и древнерусского происхождения²⁷. При ошутимом внешнем сходстве ни те, ни другие не способны внести определенности в вопрос о соотношении записей на пасхальных таблицах с развитой анналистикой (летописанием): редкие сохранившиеся памятники такого рода из Древней Руси датируются уже XIII/XIV–XV вв. и по содержанию, кажется, вторичны по отношению к собственно летописанию; древнейшие же английские их аналоги, хотя хронологически соположимы с возникновением местного историописания — «Церковной историей» Беда (ум. 735) и началом Англо-Саксонской хроники (конец IX в.), — могли и не повлиять на эти последние.

В то же время логично думать, что писцы XIV–XV вв., снабжая рубрики пасхалии краткими выдержками из летописи, ориентировались тем самым на достаточно распространенную практику и воспроизводили вполне авторитетные, т.е. древние, образцы. Понятно, что роль подобных гипотетических кратких анналистических записей в долетописную эпоху — например, в первой половине XI в. — должна была быть совсем иной, нежели в XII в. или позднее, когда они могли быть и, вполне вероятно, были выжимками из пространных летописных текстов.

Стало быть, есть нужда в прямом доказательстве существования на Руси ранних кратких анналистических записей, как правило, современных событиям. Таким доказательством мог бы послужить, в частности, факт достоверности ранних летописных дат из числа тех, которые претендуют на происхождение из предполагаемых древних анналов. Обосновать достоверность всех таких дат невозможно, поскольку нет исчерпывающе полного независимого материала для сравнения и проверки. Но в отношении некоторых доказательство вполне достижимо — и уже такое ограниченное утверждение было бы довольно сильным, коль скоро вероятность случайного совпадения исчезающе мала.

Рассмотрим с этой точки зрения ряд летописных сообщений, сначала — времен Ярослава, потом — Владимира (причина такого разделения станет ясна по ходу дела).

* * *

Первым в ряду без колебаний ставим известие, открывающее пространную статью 1018/19 г.: «В лѣт(о) 6526. Приде (РАИХ Пои-

²⁷ Гимон Т.В. Историописание. С. 243–262.

де) Болеславъ съ С(вя)тополкомъ на Ярослава с Ляхы»²⁸. Абсолютная точность этого хронологического приурочения похода польского князя Болеслава I (992–1025) на Киев со всей непреложностью подтверждается свидетельством осведомленного современника — саксонского епископа и хрониста Титмара Мерзебургского, который не только поместил подробный рассказ о походе и взятии Болеславом Киева среди событий 1018 г. (последнего, заметим, в жизни хрониста, который умер 2 декабря), но и указал дневную дату въезда Болеслава и Святополка в столицу Руси — канун Успения (14 августа)²⁹. Под 1018 г. киевский поход Болеслава отмечен и в польских анналах³⁰.

Дальнейшее сложное содержание статьи 6526 г. — поражение Ярослава в битве у Волыня на Буге, бегство его в Новгород, удержание князя, хотевшего было бежать «за море», новгородцами, которые собирают средства на продолжение борьбы, приказ Святополка избивать ляхов и бегство Болеслава из Киева — показывает, что эти события были предметом развернутого устного предания (или даже двух — киевского и новгородского). Его историчность также частично подкрепляется Титмаром, который сходно повествует о битве на Буге, сообщая и здесь точную дневную дату — 22 июля³¹. Многократно повторявшееся мнение³², будто летописный рассказ о бегстве Болеслава из Киева не может быть верен ввиду сообщения Титмара (в другом месте его хроники) о «веселом возвращении» (*hilaris rediit*) польского князя из русского похода, в ходе которого он «возвел на престол» (*intronizavit*) Святополка³³,

²⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 142; Т. 2. Стб. 130.

²⁹ Thietm. VIII, 32. P. 530; Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 137, 142; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2010. Т. 4: Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. С. 80.

³⁰ МРН NS. Т. 5. P. 8, 45, 236; Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990. С. 148, 154–156.

³¹ Thietm. VIII, 31. P. 528; Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники. С. 136–137, 142; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. С. 78–79.

³² Линиченко И.А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Киев, 1884. Ч. 1: До конца XII в. С. 94; Шахматов А.А. Разыскания. С. 439–440; Ильин Н.Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М.; Л., 1957. С. 111–112; Королук В.Д. Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М., 1964. С. 258; и мн. др.

³³ Thietm. VII, 65. P. 478; Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники. С. 135, 140; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. С. 71–72.

неосновательно, т.к. в последнем случае саксонский хронист имел в виду совсем другие события — предшествовавшего, 1017, года, что с несомненностью следует из не слишком сложных текстологических наблюдений над хроникой Титмара³⁴.

Означает ли такое сочетание пространного и, как выясняется, достоверного в своей основе нарратива с аутентичной датировкой, что последнюю следует искать в каких-то относительных хронологических указаниях, имевшихся в этом нарративе, но опущенных при проставлении абсолютных дат? Не думаем так, и вот почему.

Процитированное начало статьи 6526 г. непосредственно предвзрается краткой записью, которая составляет предыдущую годовую статью и в разных списках читается по-разному. Если в *РАИХ* находим грамматически корректный текст: «В лѣт(о) 6525. Ярослав ввоиде (*X* ввиде, *PA* ввиде) въ Киевѣ и погорѣша ц(ь)ркви»³⁵, то в *Л* сталкиваемся с невразумительным: «В лѣт(о) 6525. Ярослав иде и погорѣ ц(ь)ркви»³⁶. Это не специфический дефект *Л*, т.к. в *T*, по свидетельству Н.М. Карамзина, текст выглядел сходным образом: «В лѣто 6525. Ярослав иде и погорѣ церкви много в Киевѣ»³⁷.

Поскольку и «погорѣша ц(ь)ркви», и «погорѣ церкви много» явно суть варианты правки со стороны редакторов, которые воспринимали редкий *singularis* «църкви» (вариант древнего «църкы») как *pluralis*, то отразившееся в *Л* чтение «погорѣ ц(ь)ркви» следует признать первоначальным.

Такой ответ рождает другой вопрос, который задал себе в свое время уже А.А. Шахматов: какая именно «църкви» «погорѣ»?

³⁴ Назаренко А.В. Древняя Русь. С. 465–470; *Он же*. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. [2-е изд., испр. и доп.] М., 2013. С. 260–263, 321–322. А. Поппэ (*Поппэ А.* К биографии Святополка Окаянного // История: дар и долг. Юбилейный сб. в честь А.В. Назаренко. М.; СПб., 2010. С. 244, примеч. 19), отстаивая традиционное прочтение, исходит из того, что настолование не могло иметь места нигде, кроме Киева. Само по себе это верно, но можно ли столь буквально полагаться на текст Титмара — тем более перед лицом категорических контраргументов текстологического порядка? Сведения о походе Болеслава 1017 г. поступили к хронисту вместе с первой частью информации о Владимире Киевском (гл. VII, 72–73), т.е. в конечном итоге от окружения Святополка (*Назаренко А.В.* Древняя Русь. С. 460–462), и потому неудивительно, что она могла быть панегирически гиперболизирована в пользу последнего.

³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 130; Т. 38. С. 62.

³⁶ Там же. Т. 1. Стб. 142.

³⁷ *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. Л., 1956. С. 128 и примеч. 7.

И отвечал: Десятинная (ср. в реконструкции Древнейшего свода: «...и погорѣ църкы святая Богородица»³⁸). Догадка эта, скорее всего, неверна, ибо тот же Титмар, описывая Киев 1018 г., заметил среди прочего, что митрополит встречал Болеслава и Святополка в «кафедральном соборе святой Софии, который в прошлом году по несчастному случаю сгорел» («in sancte monasterio Softhiae, quod in priori anno miserabiliter casu accidente combustum est»³⁹); речь, конечно, идет о деревянном Софийском соборе, предшественнике каменной Софии Ярослава⁴⁰.

Становится понятным, как могло возникнуть дефектное чтение *Л* «погорѣ ц(ь)ркви»: кого-то из летописцев-сводчиков второй половины XI в., хорошо знавших о построении собора при Ярославе, запись «погорѣ ц(ь)ркви святыя София» под 1017 г. поставила в тупик, и в результате предмет преткновения был из текста устранен, а образовавшаяся лакуна по какой-то причине осталась незаполненной (как оказалось, до времени). Если же предполагать изначальность чтения «погорѣ ц(ь)ркви», то придется думать, что запись была сделана при Софийском соборе, для клирика которой общий термин «църкви» был достаточен, не требуя пояснения. Но такой вывод не выглядит вероятным (как о том еще будет речь ниже, при обсуждении вопроса о месте создания кратких анналов).

Возможно, в первоначальной записи, реконструируемой на основе *Л* и *К*, присутствовало пояснение «иде къ Берестию», как подсказывает свидетельство Новгородской I летописи под тем же 1017 г. («Ярославъ иде къ Берестию»⁴¹), тем более что в действительности Ярослав шел именно в те края: в 1017 г. он осаждал какой-то город на польско-русском пограничье — очевидно, в самом деле Берестье, остававшееся в руках Святополка, который бежал к своему тестю Болеславу Польскому⁴².

³⁸ Шахматов А.А. Разыскания. С. 576.

³⁹ Thietm. VIII, 32. P. 530; Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники. С. 137, 142.

⁴⁰ Poppe A. The Building of the Church of St. Sophia in Kiev // Journal of Medieval History. 1981. Vol. 7 (перезд.: Poppe A. The Rise of Christian Russia. L., 1982. N IV). P. 15–66.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 15, 180.

⁴² Thietm. VII, 65. P. 478; Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники. С. 135, 140; уточненный русский перевод: *Он же*. Западноевропейские источники. С. 321 и примеч. 28. Надо думать, положение дел было тем же, что и после второго поражения Святополка в 1019 г., когда свергнутый киевский князь, похоже, сумел удержать за собой Берестье — крайний западный форпост своего

Но после того, как исчезло упоминание о св. Софии, текст провозгласил на дальнейшую редактуру, отдельные этапы которой зафиксированы вариантами разных списков: один редактор, справедливо усомнившись, что погорела церковь в Берестье, опустил указание на цель похода, другой устранил возникшую грамматическую несправность, восстановив, как ему казалось, очевидное — «въ Киевѣ».

Для нашего разыскания сделанные выводы важны тем, что удостоверяют, во-первых, правильность летописной датировки 6525 г., а во-вторых, ее достаточную древность, поскольку летописцу 1070-х или 1090-х годов, проставлявшему даты в ранней части своего труда, совсем не за что было зацепиться в бессвязной, даже загадочной записи: «Ярославъ иде [къ Берестію] (*почему?*) и погорѣ църкви (*какая?*)». В такой форме, представляющей из себя очевидную *lectio difficilior*, записи естественно было возникнуть как раз в рамках кратких анналов.

Возвращаясь после всего сказанного к статье 6526 (1018/19) г., констатируем, что ее начало «В лѣт(о) 6526. Приде Болеславъ съ С(вя)тополкомъ на Ярослава с Ляхы» (в такой ли именно форме, или несколько иной, но столь же лапидарной), похоже, составляет пару со статьей 6525 г., так что обе записи выглядят вероятными осколками кратких анналов первой четверти XI в.

* * *

Под 6528 (1020/21) г. находим в ПВЛ сообщение о появлении на свет старшего из Ярославичей от второго брака — Владимира: «Родися у Ярослава с(ы)нъ и нареч(е) имя ему Володимерь»⁴³. В почти тождественной форме оно имеется и в *K*: «Родися у Ярослава сынъ и нареченъ бысть Володимерь»⁴⁴, тогда как в *C* текст построен иначе: «Родися Володимиръ сынъ у Ярослава»⁴⁵.

Вполне подтвердить эту дату независимыми источниками не удастся, но она выглядит убедительной, если учесть приурочение брака Ярослава и Ирины-Ингигерд, дочери шведского короля

прежнего Туровского удела, о чем свидетельствует направленный сюда поход Ярослава в 6530 (1022/3) г. (*Lowmiański H. Świętopelk w Brześciu w roku 1019 // Lowmiański H. Studia nad dziejami Słowiańszczyzny, Polski i Rusi w wiekach średnich. Poznań, 1986* [1-е изд.: 1970]. S. 485–498).

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 146; Т. 2. Стб. 133.

⁴⁴ Там же. Т. 3. С. 180.

⁴⁵ Там же. С. 15.

Олафа Шётконунга и матери всех известных Ярославичей (за исключением Ильи, упоминаемого только в списке новгородских князей⁴⁶), к 1019 г. Эта последняя дата достаточно прочно обеспечена четкой относительной хронологией «Саги об Олаве Святом»⁴⁷. В ней, подчеркнем, важнее не расчет лет между замужеством Ингигерд и прибытием Олава в Норвегию (оно «плавает» между 1014 и 1015 гг.), а однозначная относительная хронология между замужеством Ингигерд и гибелью Олава летом 1030 г., поскольку последняя дата удостоверяется сообщением «Саги» о бывшем тогда солнечном затмении, которое действительно имело место в августе 1030 г.⁴⁸

* * *

Под 6536 (1028/29) г. в *РА* читаем: «Знаменье змиево явися на н(е)б(е)си, яко видѣти всеи земли»⁴⁹ (в *Л* слов «змиево» нет); в *ИХ* это известие отсутствует, но зато имеется в более краткой форме в *СК*: «Знамение змиево на небеси явися»⁵⁰. Поскольку появление такой записи трудно объяснить специфическими взаимовлияниями новгородского летописания и летописания Северо-Восточной Руси, остается согласиться с А.А. Шахматовым, включившим ее в число редакционных сокращений составителя Ипатьевской летописи⁵¹. Л. Мюллер склонялся к противоположному предположению: что сообщение о «знамении змиеве» было добавлением Лаврентьевской летописи, «da es nicht einzusehen ist, warum eine solche Nachricht ausgelassen werden sollte»⁵², но слабой стороной аргументации немецкого слависта является последовательное игнорирование сравнительных данных Новгородской I летописи;

⁴⁶ Там же. С. 161, 470; об Илии как сыне Ярослава от первого брака см.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь. С. 484–492.

⁴⁷ Там же. С. 492–495; *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. Изд. 2-е, в одной книге, испр. и доп. М., 2012. С. 236–242, 336–338.

⁴⁸ *Снорри Стурлусон.* Круг земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 651, примеч. 151.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 149.

⁵⁰ Там же. Т. 3. С. 16, 180 и примеч. 19–19.

⁵¹ *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2011. Т. 2. С. 101; *Он же.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 95.

⁵² *Die Nestorchronik / Ins Deutsche übers. von L. Müller.* München, 2001. (Handbuch zur Nestorchronik / Hrsg. L. Müller; Bd. 4 = Forum Slavicum; Bd. 56). S. 184, Anm. 5.

с этим упреком рецензентов⁵³ в итоге согласился и сам автор⁵⁴. Стало быть, вероятнее всего, мы имеем дело с фрагментом Начального свода.

На основании астрономических данных достоверность летописной датировки 6536 годом прямой проверке не поддается, потому что кометы такого года не зафиксировано⁵⁵. Однако этого недостаточно, чтобы усомниться в подлинности происшествия. Ведь речь могла идти и о крупном болиде. Еще Н.М. Карамзин⁵⁶ — правда, ошибочно говоря о комете — указал на аналогичное сообщение в византийской всемирной хронике Георгия Кедрина (рубеж XII–XIII вв., доведена до 1057 г.). Действительно, и у Кедрина, и в примерно на столетие более ранней хронике Иоанна Скилицы (которому буквально следовал Кедрин при описании событий после 811 г.) находим сообщение о «течении звезды, совершавшей путь с запада на восток» («*χούσις ἀστέρως... ἐκ δυσμῶν πρὸς ἀνατολήν τὴν πορείαν ποιοῦντος*») 31 октября не названного года⁵⁷. Итак, явление было кратким, наблюдавшимся только один день, и двигалось в направлении, противоположном суточному движению небосвода, — и это лишний раз доказывает, что оно не было кометой.

Годовую датировку, отсутствующую у Скилицы–Кедрина, можно установить по контексту изложения. Если следовать ему, то, с одной стороны, «течение звезды» должно было состояться после Пятидесятницы первого года правления императора Романа III Аргира (1028–1034) (вступил на престол 12 ноября 1028 г.⁵⁸), т.е. 31 октября 1029 г. С другой — небесное знамение наблюдалось «в тот самый

⁵³ *Гиппиус А.А.* О критике текста в новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // *RL*. 2002. Vol. 26. С. 63–126; *Назаренко А.В.* Новый труд известного слависта: К выходу в свет немецкого перевода Повести временных лет Л. Мюллера // *Славяноведение*. М., 2002. № 2. С. 128–139.

⁵⁴ *Müller L.* К критике текста, к тексту и переводу *Повести временных лет* // *RL*. 2006. Vol. 30. P. 401–412.

⁵⁵ *Святский Д.[Ю.]* *Астрономия Древней Руси. С каталогом астрономических известий в русских летописях*, сост. М.Л. Городецким. М., 2007. С. 188–189, 635 (впервые, без каталога, книга вышла в 1915 г.).

⁵⁶ *Карамзин Н.М.* *История государства Российского*. Т. 2 (по изд. И. Эйнерлинга: Кн. 1. СПб., 1842 или любому другому изд.). Примеч. 29.

⁵⁷ *Scyl.* P. 377.4–6; *Cedr.* 2. P. 488.8–9.

⁵⁸ *Scyl.* P. 375.44–49; *Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453 / Bearb. von F. Dölger. 2. Teil: Regesten von 1025–1204 / 2. erweiterte und verbesserte Auflage bearb. von P. Wirth. München, 1995. S. 3.*

день» («κατ' αὐτὴν τὴν ἡμέραν»), когда потерпел поражение от арабов антиохийский стратиг Михаил Спондила (собственно, именно поэтому «звезда», очевидно, и попала на страницы хроники). Поражение предшествовало неудачной экспедиции в Сирию самого императора, имевшей следствием договор с эмиром Алеппо Наср ибн-Салихом, который был заключен уже весной 1031 г.⁵⁹ Следовательно, сам поход надо отнести к 1030, а поражение 31 октября и, соответственно, «течение звезды» — к 1029 г. Изложение Скилицы–Кедрина не оставляет места для другой датировки.

Полученное приблизительное (с разницей в один год) совпадение хронологических указаний на древнерусское «знамение змиево» и византийское «течение звезды» никак не позволяет разделить эти два однотипных сообщения. Сдвиг на год объясним как на византийской почве, так и на русской — причем именно в рамках гипотезы о кратких анналах.

Действительно, «знамение змиево» само по себе, безотносительно к тем или иным историческим событиям, немислимо как составная часть устного сказания. В таком случае позволительно думать, что воспоминание о небесном явлении (если говорить о византийской традиции), будучи истолковано как предзнаменование, оказалось хронологически «притянuto» фактом случившейся впоследствии военной катастрофы. В этом смысле показательно, что и сирийское поражение Романа III в рассказе Скилицы–Кедрина также сопровождалось «зловещим знамением» (τερῶστιον) — на этот раз слуховым: во Фракии, у подножия одной из гор, где бил ключ с прекрасной водой, с марта по июнь (очевидно, 1030 г.) днем и ночью был слышен жалобный и стенающий голос, который, «похоже» («ὡς ἔοικε»), предвещал разгром ромеев в Сирии⁶⁰. Отнюдь не невероятна также и простая ошибка памяти со стороны древнерусского автора кратких анналов, если он делал записи не ежегодно, а с перерывами по несколько лет.

Сказанное побуждает заключить, что в русских летописях и у византийских хронистов речь идет об одном и том же событии, имевшем место в 1028 или 1029 г.

⁵⁹ Felix W. Byzanz und die islamische Welt im früheren 11. Jahrhundert. Wien, 1981. (Byzantina Vindobonensia; 14). S. 94; Regesten der Kaiserurkunden. N 834a.

⁶⁰ Scyl. P. 377.26–378.34; Cedr. 2. P. 489.7–16.

Статья ПВЛ 1031/32 г. начинается словами: «В лѣт(о) 6539. Ярославъ и Мъстиславъ собраста вои многъ идоста на Ляхы» (так в *Л*; в *РА* нет «собраста вои многъ»; в *ИХ* «собраста воя многы и идоста»)⁶¹. Точность этой датировки польского похода Владимировичей вполне подтверждается современными делу немецкими источниками, но доказательство требует некоторого их сравнительного анализа.

Дело в том, что военные действия киевского и черниговского князей против польского короля Мѣшка II (1025–1034, с перерывом) происходили в союзе с германским императором Конрадом II (1024–1039, император с 1027 г.); этот союз стал продолжением военно-политического сотрудничества Ярослава с Германией, которое сложилось еще при предшественнике Конрада Генрихе II (1002–1024, император с 1014 г.) и было вызвано также борьбой против Польши — тогда Болеслава I (так, в частности, упомянутый выше поход Ярослава под Берестье в 1017 г. был совершен по договоренности с императором Генрихом). О том, что свержение Мешка II стало результатом русско-немецкого взаимодействия, сообщает в своем жизнеописании Конрада II капеллан последнего Випон. Согласно Випону, младший брат Мешка Оттон, пребывавший в изгнании на Руси, договорился с императором Конрадом ударить по Мешку с двух сторон, после чего тот бежал в Чехию, а Оттон временно вокняжился в Польше. Вскоре он оказался, однако, убит кем-то из сродников, а Мешко снова снискал милость императора и вернулся на родину⁶².

Ясно, что без санкции и участия киевского князя (ведь только он мог обеспечить изгнанника войском) описанные события состояться не могли. Киев был остро заинтересован в возвращении захваченных Болеславом I в 1018 г. Червенских городов и действительно вернул их (о чем и сообщается в статье 6539 г.). Вот почему то, что биографу германского императора виделось акцией претендента на польский трон, древнерусским летописцем, вполне понятно, воспринималось как отвоевание Червенских городов у «ляхов».

⁶¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 150; Т. 2. Стб. 137.

⁶² Wiponis Gesta Chuonradi imperatoris // Die Werke Wipos / Hrsg. H. Bresslau. 3. Aufl. Hannover; Leipzig, 1915. (MGH SRG; [Т. 61]). P. 47–48 (XXIX); Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. С. 98.

На этом можно было бы поставить точку, если бы не датировка этих событий у Випона — 1032 г. Конечно, полного совпадения с годом, указанным в летописи, можно было бы и не искать, т.к. военные действия русских князей на западных рубежах отнюдь не были однократной акцией: отвоеванию Червенских городов предшествовало взятие Белза (по летописи — годом ранее⁶³). Следовательно, допустимо было бы или летописный поход Ярослава и Мстислава сдвигать на 1032 г., или разнести его и поход Оттона по разным, но соседним годам. Правда, при этом утрачивалась бы возможность подкрепить хронологией Випона хронологию летописи... Но вот что замечательно и в корне меняет ситуацию: датировка Випона отличается на год не только от летописной, но и от даты другого немецкого источника, главного для рассматриваемых периода и региона — восточносаксонских Хильдесхаймских анналов.

Хильдесхаймские анналы ничего не знают о «русском» аспекте катастрофы Мешка II, ничего не говоря и об Оттоне, но в остальном они более подробны и во многом более точны, чем Випон. Поход Конрада II, после которого Мешко был вынужден не только заключить клятвенный мир, но и вернуть Лужицкую марку, уступленную еще Генрихом II Болеславу I (полная симметрия с положением дел на русско-польской границе!), здесь со всей определенностью датирован осенью 1031 г., а нападение брата Мешка (названного, однако, не Оттоном, а Беспримом), которое и вынудило польского короля бежать в Чехию, — месяцем позднее⁶⁴. Судя по тому, что рассказ Хильдесхаймских анналов о польском походе повторен в Алтайхских анналах⁶⁵ и у «Саксонского анналиста»⁶⁶, он присутствовал уже в их общем источнике — утраченных так называемых Больших хильдесхаймских анналах, которые велись практически погодно при кафедральном соборе в Хильдесхайме в течение более чем полувека, с 980-х годов вплоть до 1043 г. (тогда как Хильдесхаймские анналы возникли при местном монастыре св. Михаила, возродившись после долго-

⁶³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 149; Т. 2. Стб. 137.

⁶⁴ Ann. Hild., a. 1031. P. 36. Нам совершенно нет нужды углубляться в историографический спор, одно или два лица скрываются под именами Бесприма и Оттона; вероятнее, всё же два (*Jasiński K. Rodowód pierwszych Piastów. Warszawa; Wrocław, [1992]. S. 106–107, 122–124.*)

⁶⁵ Ann. Alt., a. 1031. P. 18.

⁶⁶ Ann. Saxo, a. 1031. P. 368–369.

го перерыва только в третьей четверти XI в.)⁶⁷. Таким образом, сведениям Випона, который писал задним числом, через несколько лет после кончины Конрада II, никоим образом нельзя отдать решительное предпочтение перед данными Хильдесхаймских анналов.

После исследования Х. Бреслау⁶⁸ предпочтительной выглядит точка зрения, что на самом деле имели место два военных предприятия Конрада II против Польши — как в 1031, так и в 1032 г.⁶⁹, причем Мешко II бежал в Венгрию уже после первого из них⁷⁰, вернувшись в следующем году, чем и был вызван второй, в сущности, несостоявшийся поход: он был прерван известием о смерти бургундского короля Рудольфа (6 сентября 1032 г.), которое вынудило германского императора немедленно обратиться к бургундским делам. Таким образом, Випон, хронологически увязывая немецкую экспедицию против Польши со смертью Рудольфа Бургундского, имеет в виду именно второй поход, хотя приписывает ему последствия, наступившие уже после первого, о котором ничего не упоминает, т.е. контаминирует оба.

Едва ли подлежит сомнению, что скорый и радикальный успех «небольшого саксонского войска» («*cum parvo Saxonum exercitu*») Конрада в 1031 г. — при полной неудаче аналогичного предприятия в 1029 г.⁷¹ и наступательных действиях Мешка на польско-саксонском пограничье еще в январе 1030 г.⁷² — говорит о затруднительности положения польского короля вследствие войны на востоке, о которой сообщает Випон, но которая разразилась, вопреки Випону, отнюдь не в 1032, а в 1030 или 1031 г. Вместе с тем сомнительно, чтобы взятие Белза относилось к 1031 г., т.к. было бы непонятным, почему отторжение Червенских городов от державы, оставленной ее правителем, состоялось лишь на следующий год (когда этот правитель снова вернулся).

⁶⁷ *Wattenbach W., Holtzmann R. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Die Zeit der Sachsen und Salier. Köln; Graz, 1967. 1. Teil: Das Zeitalter des Ottonischen Staates (900–1050) / Neuausg., besorgt von F.-J. Schmale. S. 42–44.*

⁶⁸ *Bresslau H. Jahrbücher des deutschen Reiches unter Konrad II. Leipzig, 1879. Bd. 1. S. 332–333; 1884. Bd. 2. S. 6–9, 481–483.*

⁶⁹ *Reg. Imp., III: Salisches Haus, 1024–1125. Graz, 1951. 1. Teil, 1. Abt.: Die Regesten des Kaiserreiches unter Konrad II., 1024–1039 / Neubearb. von H. Appelt unter Mitwirkung von N. von Bischoff. N 179a, 186a; Lübke 4. N 599, 607.*

⁷⁰ *Ibid.* N 600.

⁷¹ *Ibid.* N 589.

⁷² *Ibid.* N 591.

Тем самым подтверждается древнерусская датировка не только похода 1031, но, косвенно, и 1030 г.

* * *

Летописный рассказ о походе русского флота на Царьград под предводительством новгородского князя Владимира Ярославича сохранился в двух редакциях: краткой, киевской, и пространной, новгородской. Первая отразилась в ПВЛ, вторая — в летописях новгородско-софийского круга: Новгородской Карамзинской, Софийской I, Новгородской IV. Пространная редакция, видимо, вторична, представляя собой результат пополнения киевской повести элементами новгородской устной традиции, наличие которой в данном случае вполне естественно: экспедиция возглавлялась новгородским князем Владимиром Ярославичем и в ней принимали участие новгородские отряды. Нас, впрочем, занимает исключительно датировка похода. Если в ПВЛ рассказ помещен в статью 6551 (1043/44) г.⁷³, то в новгородском летописании — 6549 (1041/42)⁷⁴; в Софийской I летописи предпринято непоследовательное редактирование по ПВЛ: статья оставлена на месте, перед статьей 6550 г., но датирована 6451 г.⁷⁵

Из двух названных датировок единственно правильной является представленная в киевской ПВЛ. По хронологическим указаниям в повествовании Скилицы–Кедрина «возмущение» (κίνησις) «скифов»-руси против Империи ромеев случилось в июне 11 индикта, т.е. в 6551 г.⁷⁶ В этом вердикте в принципе ничего не меняет предлагавшееся в науке исправление июня на июль⁷⁷.

Отсюда, вероятно, можно заключить, что киевский рассказ стал известен новгородской историографической традиции (где подвергся дополнению на основе местного устного предания), еще не имея датировки — иными словами, не в виде «свода Никона» или Начального свода, а в виде хронологически предшествовавшего им сочинения.

⁷³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 154; Т. 2. Стб. 142.

⁷⁴ Там же. Т. 4, ч. 1. С. 115–116; Т. 42. С. 64.

⁷⁵ Там же. Т. 6, вып. 1. С. 178–179.

⁷⁶ Scyl. P. 430.35–36; Cedr. 2. P. 551.1–2; Regesten der Kaiserurkunden. N 858–859.

⁷⁷ Литаврин Г.Г. Еще раз о походе русских на Византию в июле 1043 г. // ВВ. 1969. Т. 29. С. 105–107; *Он же*. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 229, 243.

Переходя от дат Ярославова времени к более ранним, начать надо с года кончины княгини Ольги — 6477 (969/70) г.⁷⁸ Из летописного текста хорошо видно, что хронология балканских войн Святослава в Начальном своде выстроена вокруг 6477 г. как центральной, опорной даты: выступление князя в первый поход отнесено к 6475 г., а второй поход, закончившийся миром с греками, помещен целиком в статью 6479 г. По году до и после кончины Ольги отведено внутрирусским событиям: осаде Киева печенегами, которая стала причиной возвращения Святослава, и распределению столов между Святославичами⁷⁹. Составитель ПВЛ, имея в руках датированный июлем 14-го индикта и 6479 г. (указания на индикт и год соответствуют друг другу) договор Святослава с византийским императором Иоанном I Цимисхием (969–976)⁸⁰, получил тем самым подтверждение хронологии своего предшественника, в которой поэтому ему не было нужды ничего менять.

Однако при сравнении с данными византийских источников (прежде всего, хроник Льва Диакона и Скилицы) выясняется, что эта хронология, за исключением дат смерти княгини Ольги и русско-византийского мира, верна лишь приблизительно.

Ход двух балканских кампаний Святослава Игоревича подробно восстановлен в работе П.О. Карышковского⁸¹, на результаты которого, не претерпевшие с тех пор никаких принципиальных уточнений в историографии, мы и опираемся. Правда, некоторым недостатком труда Карышковского применительно к теме нашего исследования является тот факт, что историк, следуя А.А. Шахматову⁸², исходил из летописных датировок крещения и кончины Ольги как из данности, для нас же они являются предметом обоснования. Вместе с тем нас, в отличие от П.О. Карышковского, не занимает детальная реконструкция хронологии всех известных эпизодов военных действий Святослава на Балканах, и нам достаточно ограничиться данными Скилицы–Кедрина (которые Карышковский доказательно положил в основу своих расчетов), что первое появление русского войска в Болгарии пришлось на август 11-го индикта

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 68; Т. 2. Стб. 55; Т. 3. С. 120.

⁷⁹ Там же. Т. 3. С. 117–123.

⁸⁰ Там же. Т. 1. Стб. 72; Т. 2. Стб. 60.

⁸¹ *Карышковский П.О.* О хронологии русско-византийской войны при Святославе // ВВ. 1952. Т. 5. С. 127–138.

⁸² *Шахматов А.А.* Разыскания. С. 117–118, 461.

и 5-го года правления императора Никифора II Фоки (963–969), т.е. на август 968 г. (а не 967, как в летописи; указанный издателем хроники Скилицы, И. Турном, в примечании к данному месту 967 г.⁸³ — малопонятное недоразумение, которое идет, видимо, от историографии, ориентировавшей на хронологию летописи), а второе — имело место через год, в 6-й год Никифора II⁸⁴, иными словами — летом 969 г. (а не 971, как значится в летописи).

Отсюда непреложно следует, что в первой половине 969 г. Святослав был в Киеве, как и представляет дело летопись. Следовательно, надо признать достоверной летописную датировку смерти княгини Ольги 6477 г., хотя и вовсе не по той причине, по которой это делал А.А. Шахматов. Знаменитый текстолог усматривал в годах крещения и смерти Ольги даты, имевшиеся в некоей церковной повести о княгине, и, считая датировку крещения правильной, признавал правильной и другую. Но приурочение летописью поездки Ольги в Царьград и ее крещения там к 6463 г. неверно; правильным является 6465 (мартовский) или 6466 (сентябрьский) год⁸⁵.

* * *

В хронологической разбивке летописью событий Владимирова княжения наиболее условными выглядят датировки походов князя языческого периода. Создается впечатление, что некий каталог военных предприятий Владимира был расположен по годам, начиная со следующего после вокняжения, причем так, чтобы на каждый год приходилось по одному: 6488 (980/81) г. — вокняжение, 6489 (981/82) — первый поход на вятичей, 6490 (982/83) — второй поход на «заратившихся» вятичей, 6491 (983/84) — поход на ятвягов, 6492 (984/85) — на радимичей, 6493 (985/86) — на болгар⁸⁶; последовательность перечисления, вполне возможно, отражала реальную последовательность походов. Из этой довольно явственно вырисовывающейся схемы выпадает только известие о занятии Владимиром Червенских городов, помещенное в одной годовой статье с сообщением о первом походе на вятичей: «В лѣто 6489. Иде Володимиръ къ ляхомъ и зая грады их Перемышль, Червень и инии грады, еже есть (в ПВЛ в сравнении с Новгородской I ле-

⁸³ Scyl. P. 277, not. ad lin. 33.

⁸⁴ Ibid. P. 277.32–33, 35–36; Cedr. 2. P. 372.13–14, 16–17.

⁸⁵ Назаренко А.В. Древняя Русь. С. 220–286.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75–84; Т. 2. Стб. 63–71; Т. 3. С. 125–132.

тописью добавлено: “и до сего д(ь)не”) под Русию»⁸⁷. И вот, оказывается, именно оно и может претендовать на верификацию на основе западноевропейских источников.

Это летописное свидетельство, с которого практически начинается история русско-польских политических отношений, успело обрести немалой и, как водится, разноречивой историографией. Впрочем, многие из таких разноречий легко устранимы.

Прежде всего, подчеркнем, что трудно принять предположение А.А. Шахматова⁸⁸, усматривавшего здесь домысел составителя Древнейшего свода, который будто бы сконструировал дату завоевания Червенских городов 6489, просто отняв круглое число 50 от года возвращения их Ярославом и Мстиславом (6539; об этой дате см. выше). Такая догадка, может быть, и соблазнительна для автора гипотезы о Древнейшем своде как именно летописи времени Ярослава, но она ведет к удивительной реконструкции хронологии Владимирово княжения, когда события языческого периода имеют абсолютные датировки, а христианского — только относительные (ибо летописчик Иакова Мниха А.А. Шахматов рассматривал как осколок Древнейшего свода). Нам здесь видится по меньшей мере непоследовательность. Где бы ни проводить хронологическую границу древнейшего ядра, первоначально анналистически не структурированного, — по второй ли половине 990-х годов, или позднее, все равно эпоха Владимира-язычника оказывается внутри него.

Историографические споры⁸⁹ чаще всего вращались вокруг уточнения, что поход Владимира 6489 г. направлялся против «ляхов», тогда как Перемышль и, видимо, также Червен с округой (как справедливо замечали критики) в то время находились под властью пражских князей, которые утратили Краковскую землю в пользу Польши только в конце 980-х годов⁹⁰. Непринужденное разрешение этой контроверзы дает наша гипотеза (выдвинутая, что важно, совсем по другому поводу и основанная на других источниках), состоящая в том, что в последние годы своего краткого княжения киевский князь Ярополк Святославич (972–978), брат Владимира, выступил союзником германского императора Оттона II (973–983)

⁸⁷ Там же. Т. 1. Стб. 81; Т. 2. Стб. 69; Т. 3. С. 130.

⁸⁸ Шахматов А.А. Разыскания. С. 461–462.

⁸⁹ См. историографический обзор: Назаренко А.В. Древняя Русь. С. 393–405.

⁹⁰ Lübke 3. N 951–954.

против баварско-чешско-польской коалиции, созданной двоюродным братом последнего — баварским герцогом Генрихом II Сварливым⁹¹. Если так, то вместе с киевским столом Владимиру пришлось унаследовать от Ярополка также эту войну за расширение западных рубежей Киевского государства, и поход, направленный в конечном итоге против Польши Мешка I, вполне мог сопровождаться завершением начатого уже Ярополком захвата лежавших по пути городов, принадлежавших Чешскому княжеству Болеслава II⁹².

Действительно, выход Мешка из войны против Оттона II стал результатом немецких военных действий против Польши в ноябре–декабре 979 г.⁹³, т.е. на следующий же год по вокняжении Владимира в Киеве в 978 г. Таким образом, 979 г. открывал бы типологическую череду совместных военных действий Руси и Германии против Польши, имевших место в дальнейшем в 1017 и 1031 гг. (см. выше).

В таком случае летописная датировка похода «к ляхом» 6489 (981/2) г. верифицируется как отстоящая на год от вокняжения Владимира в Киеве — при условии исправления времени вокняжения с 6488 г. (как в летописи⁹⁴) на 6486 г. (как у Иакова Мниха)⁹⁵. А такое исправление, безусловно, необходимо по той причине, что именно датировка Иакова индуцирует, в системе его относительной хронологии, правильную дату взятия Владимиром Корсуня — 6497 г. Владимир принял крещение «въ 10-е лѣто по убьеніи брата своего Ярополка», т.е. в 6495 (987/88) г., а «Корсунъ городъ взя» «на третѣе» лето «по крещеніи» — в 6497 (989/90) г.

* * *

Дата захвата Корсуня, казалось бы, давно определилась благодаря трудам В.Г. Васильевского и В.Р. Розена⁹⁶ — между апрелем

⁹¹ Назаренко А.В. Русь и Германия в 70-е годы X века // *Russia Mediaevalis*. 1987. Т. VI, 1. С. 38–89; *Он же*. Древняя Русь. С. 339–390.

⁹² Назаренко А.В. Древняя Русь. С. 405–409.

⁹³ *Gesta episcoporum Cameracensium* / Ed. L. Bethmann // *MGH SS*. 1883. Т. 14. P. 442–443 (I, 101–102); *Reg. Imp.*, II: *Sächsisches Haus*, 919–1024. Graz, 1950. 2. Abt.: *Die Regesten des Kaiserreiches unter Otto II.*, 955 (973)–983 / Neubearb. von H.L. Mikoletzky. N 798a; Lübke 2. N 206a.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 75; Т. 2. Стб. 63; Т. 3. С. 125.

⁹⁵ Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир. С. 425.

⁹⁶ Васильевский В.Г. К истории 976–986 годов (Из ал-Мекина и Иоанна Геометра) // *Васильевский В.Г. Труды*. СПб., 1909. Т. 2, вып. 1. С. 98–100; Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883. (Зап. Акад. наук; Т. 44. Прилож. № 1). С. 214–215.

и июлем–августом 989 г. Действительно, современник событий, византийский хронист Лев Диакон (единственный источник, кроме древнерусских, сообщающий об этом событии), считал небесным знамением, указывавшим на взятие «тавроскифами»–русью Херсона, напугавшие всех «огненные столпы» («πύρινοι στύλοι»), явление которых несколько предшествовало комете, предзнаменовавшей землетрясение 26 октября, когда рухнул купол константинопольского храма св. Софии⁹⁷. Имелись в виду комета Галлея, наблюдавшаяся в июле–августе 989 г.⁹⁸ и землетрясение, которое у Яхьи Антиохийского датировано 379 г. хиджры, т.е. периодом с 11 апреля 989 по 30 марта 990 г.⁹⁹; так же у Степаноса Таронского¹⁰⁰. Поскольку у Яхьи сообщение о комете, как и у Льва Диакона, сопровождается рассказом о некоем «огненном столпе» («colonne de feu») на небе, который видели в Каире 7 апреля 989 г.¹⁰¹, то, объединяя «огненные столпы» византийского и арабского писателей, получим приведенную выше датировку падения Херсона.

В последние десятилетия в эту стройную картину было внесено немалое смятение. По мнению О.М. Рапова¹⁰², «огненные столпы» у Льва Диакона и Яхьи не могли иметь в виду одно и то же атмосферное явление, «столпы» Льва явились будто бы уже после октябрьского землетрясения 989 г., и потому взятие Корсуня надо отнести к 990 г. Прямо противоположны предложения Н.М. Богдановой¹⁰³: по ее мнению, перевод В.Г. Васильевского «они предсказывали последовавшее затем взятие Херсона тавроскифами» («οὗτοι τὴν τε συμβῆσαν πρὸς τὴν Ταυροσκυθῶν τῆς Χερσῶνος ἄλωσιν παρεδήλουν»)

⁹⁷ Leonis diaconi Caloensis Historiae libri decem / E rec. C. V. Hassii. Bonnae, 1828. P. 175.7–10 (X, 10); *Лев Диакон. История* / Пер. М.М. Копыленко; Ст. М.Я. Сюзюмова; Комментар. М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова; Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988. С. 90–91.

⁹⁸ *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. С. 29; Histoire de Yahya-ibn-Sa'ïd d'Antioche, continuateur de Sa'ïd-ibn-Bitriq / Ed. et trad. par I. Kratchkovsky, A. Vasiliev. P., 1924. (Patrologia Orientalis; T. 18). P. 433.

⁹⁹ *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. С. 28; Histoire de Yahya-ibn-Sa'ïd d'Antioche. P. 428–429.

¹⁰⁰ Всеобщая история Степаноса Таронского, Асох'ика по прозвианию, писателя XI века / Пер. с армян. и объяснена Н. Эминым. М., 1864. С. 179–180 (III, 27).

¹⁰¹ *Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца. С. 28–29; Histoire de Yahya-ibn-Sa'ïd d'Antioche. P. 432.

¹⁰² *Рапов О.М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в.: принятие христианства. 2-е изд. М., 1998. С. 211–224 (1-е изд.: 1988).

¹⁰³ *Богданова Н.М.* О времени взятия Херсона князем Владимиром // ВВ. 1986. Т. 47. С. 39–48.

неточен в той мере, в какой использованный здесь Львом Диаконем глагол *παρεδήλου* значит не «предсказывали», а просто «указывали». Кроме того, оборот с аористным причастием «*συμβῆσα ἄλωσις*» дает понять, что означаемое им действие предшествовало действию, поименованному сказуемым *παρεδήλου*, иными словами, надо переводить не «последовавшее затем взятие» (как то делал В.Г. Васильевский), а «случившееся ранее взятие». Таким образом, захват Корсуня следует относить ко времени прежде 7 апреля 989 г., т.е., вероятно, к 988 г., в полном согласии с летописной датировкой. Продолжая эти наблюдения, А.Л. Пономарёв и Н.И. Сериков¹⁰⁴ сопоставили «огненные столпы» Льва Диакона с атмосферным явлением, которое наблюдалось в Восточном Китае в декабре 988 г.

Однако построения О.М. Рапова некорректны¹⁰⁵, а обе поправки Н.М. Богдановой — факультативны¹⁰⁶; это, в свою очередь, деза-

¹⁰⁴ Пономарёв А.Л., Сериков Н.И. 989 (6496) год — год крещения Руси (Филологический анализ текстов, астрология и астрономия) // Причерноморье в средние века. М., 1995. Вып. 2. С. 180–182.

¹⁰⁵ Да, описание Яхъей катаклизма, сопровождавшего явление «огненного столпа», напоминает извержение вулкана (по О.М. Рапову) или песчаную бурю (добавим от себя) в районе Каира, которые, понятно, не могли наблюдаться в Константинополе (хотя у Льва нигде не говорится, что «столпы» видели именно в Константинополе). Но ведь «столп» мог быть и не связан с извержением или бурей, а просто одновременен им. Да и где вулканы в Египте? Сходство в рассказах Льва Диакона и Яхьи весьма впечатляюще: и там, и здесь комете 989 г. предшествуют «огненные столпы», и нужны очень сильные аргументы, чтобы это впечатление рассеять. У О.М. Рапова роль такого аргумента играет отождествление кометы 989 г. с той, которая упоминается в начале главы X, 10 хроники Льва Диакона, так что выходит, будто комета на самом деле предшествовала «столпам», а не следовала за ними, как у Яхьи. Но такое прочтение принять трудно, ибо слова «ἔτι δὲ» («да и еще»), которые вводят сообщение о комете 989 г., недвусмысленно указывают на добавление нового, а не разъяснение уже сказанного. Начальная фраза главы X, 10 «И на другие тяжчайшие беды указывал восход появившейся звезды» («Καὶ ἄλλα δὲ παγγάλετα ἢ τοῦ φανέντος ἀστέρου παρεδήλου ἐπιτολή») явно подытоживает рассказ хрониста о несчастьях, которые обрушились на ромеев после явления кометы 975 г. и которые он описал в главах X, 7–9. К ошибочной трактовке могло подтолкнуть двусмысленное добавление, сделанное в русском переводе как у В.Г. Васильевского, так и у М.М. Копыленко: «явившейся тогда звезды».

¹⁰⁶ Теоретически глагол *παρῶλω* («косвенно указывать, намекать») не обязан, конечно, означать непременно какое-то предвестие, но в контексте пространного повествования как раз о небесных предвестиях напрашивается всё же именно такое понимание. И замечание об относительном временном значении аористного причастия тоже справедливо в целом, в рамках школьной грамматики (Соболевский С.И. Древнегреческий язык. М., 1948. С. 341, § 1375). Но ведь нередки и естественные исключения, диктуемые авторской логикой ситуации:

вирует сам мотив, побудивший А.Л. Пономарёва и Н.И. Серикова искать «огненным столпам» Льва какие-то метеорологические со-ответствия, более ранние, чем описанное у Яхьи. Немудрено, что вскоре споры улеглись, и в подытоживающих работах налицо воз-врат к традиционной датировке¹⁰⁷.

Но даже если мы откажемся использовать датировку «огненного столпа» апрелем 989 г. в качестве *terminus post quem* для взятия Хер-сона, то все равно остается *terminus ante quem* — даты появления в 989 г. кометы Галлея (июль) и константинопольского землетрясения (октябрь). А этого достаточно для довольно определенных хроноло-гических подсчетов. Дело в том, что известна точная дата битвы вой-ск императора Василия II с мятежниками узурпатора Варды Фоки у Авида (или, как иногда пишут, Авидоса — города на малоазий-ском побережье, при выходе Дарданелл в Эгейское море), в которой участвовали русские отряды, отправленные Владимиром на помощь Василию, — 13 апреля 989 г.¹⁰⁸ До этого произошло еще одно сра-жение с участием русских войск — при Хрисополе (напротив Кон-стантинополя, по ту сторону Босфора); его датирует только Степа-нос Таронский, но широко — 437 г. по древнеармянскому счету, т.е. периодом от марта 988 по март 989 г.¹⁰⁹ Это значит, что отправление русского корпуса на берега Босфора надо отнести к навигационному сезону 988 г. — от мая до начала осени. Отсюда, в свою очередь, следует, что Владимир не мог двинуться на Корсунь прежде осени того же года, ведь князь должен был получить повод для силовой акции — то могла быть либо неприсылка обещанной византийской невесты (которую Владимир, как видно, и ждал, стоя у порогов за год до взятия Корсуна, согласно Иакову Мниху)¹¹⁰, либо даже при-

«ἡν δὲ Μαριάμ ἡ ἀλείψασα τὸν κύριον» — «Мария же была та, которая помазала (впоследствии! — А.Н.) Господа миром» (Ин. 11: 2); здесь аористное причастие означает однократное действие в прошлом относительно не времени действия главного предложения, а времени повествования.

¹⁰⁷ Карпов А.Ю. Владимир Святой. М., 1997. С. 213–216, 396–397, примеч. 8; Миллю-тенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир. С. 279–281.

¹⁰⁸ Розен В.Р. Император Василий Болгаробойца. С. 25; Histoire de Yahya-ibn-Sa'ïd d'Antioche. P. 425–426.

¹⁰⁹ Всеобщая история Степ'аноса Таронского. С. 178–179 (III, 25).

¹¹⁰ Такое естественное предположение впервые высказал, кажется, И.А. Линниченко (Линниченко И.А. Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси // Тр. Киевской духовной академии. Киев, 1886. Ч. 27, № 12. С. 587–606), и оно получило широкое признание в науке. Совсем недавно была предприня-та попытка порвать с этим традиционным взглядом, радикально пересмотрев вопрос о причинах похода киевского князя на Херсон (Роменский А.А. «Когда

сылка не той, которая была обещана (на что, возможно, намекает путаная история Степаноса Таронского о подмене Василием II невесты для одного из «болгарских царей»¹¹¹)¹¹². Коль скоро оса-

пал Херсонес?» К вопросу о ключевом моменте в истории русско-византийских отношений конца X в. // Нартекс: Byzantina Ukrainensis (*мак!*). Харьков, 2013. Т. 2: Ρομαϊος. Сб. ст. к 60-летию проф. С.Б. Сорочана. С. 310–328; *Он же*. Русь во внешней политике Византии в последней четверти X в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 2014. С. 12–14). Харьковский историк пришел к заключению, что поход был вызван ослаблением Византии в результате поражений в войне с болгарам, а также внутренних смут и преследовал обычные цели — добиться политических и торговых выгод. Роковым пороком всего построения, в наших глазах, является совершенный разрыв (до полной инверсии причинно-следственных связей) с древнерусской исторической традицией как в варианте ПВЛ, так и, тем более, в варианте Иакова Мниха. Крещение Владимира и его брак с византийской царевной видятся А.А. Роменскому гениальным ходом византийской дипломатии, которая на пороге государственной катастрофы сумела не только умиротворить новоявленного врага, но и получить от него военную помощь, даже крестить. Херсон был взят в марте 988 г., крещение и бракосочетание Владимира пришлось на апрель или май, а отправление русского войска в Византию — на лето или начало осени того же года. К порогам же Владимир ходил в 987 г., чтобы обезопасить от печенегов путь на Корсунь (одно войско рачищало дорогу другому!). Автор убежден, что его реконструкция событий лучше соответствует иностранным источникам, но прочтение им этих источников сопряжено с умозрительными толкованиями: Владимир не мог отправить военную помощь до совершения брака; Василий II не мог в критическом 988 г. уклоняться от отправки на Русь обещанной невесты (ср. примеч. 112); раз Яхья свидетельствует, что Русь и Византия накануне заключения союза были врагами, значит корсунское взятие предшествовало переговорам (как будто нет данных о Руси как союзнице Болгарии в болгаро-византийской войне: *Назаренко А.В.* Древняя Русь. С. 424–433); «огненные столпы» Льва Диакона и Яхьи — разные явления (по О.Н. Рапову) и т.д. К сожалению, нам осталась недоступна работа: *Сазанов А.В.* Херсон и крещение Владимира. Saarbrücken, 2013, в которой, если верить аннотации, отстаивается еще одна новаторская гипотеза — будто Владимир крестился в январе, на Богоявление, 988 г. в захваченном к тому времени Херсоне.

¹¹¹ Всеобщая история Степаноса Таронского. С. 175–176 (III, 22); *Poppe A.* The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986–89 // *Dumbarton Oaks Papers*. 1976. N 30. (переизд.: *Poppe A.* The Rise of Christian Russia. N II). P. 203–205; *Карпов А.Ю.* Владимир Святой. С. 217–219.

¹¹² Тем самым мы (вслед за другими критиками: *Obolensky D.* Cherson and the Conversion of Rus': an Anti-Revisionist View // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 1989. Vol. 13. P. 244–256; *Оболенский Д.Д.* Херсон и крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения // ВВ. 1994. Т. 55 (80), ч. 1. С. 53–61; *Seibt W.* Der Historische Hintergrund und die Chronologie der Taufe der Rus' (989) // *The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Proceedings of the Intern. Congress on the Millennium of the Conversion of Rus' to Christianity, Thessaloniki, 26–28 November 1988. Thessaloniki, 1992. S. 289–304; Карпов А.Ю.* Владимир Святой. С. 397–398, примеч. 10) не принимаем экзотической гипотезы А. Поппэ, будто Херсон принял сторону мятежного Варды Фоки и Владимир

да Корсуня продолжалась полгода (по правдоподобному известию «Жития св. Владимира»¹¹³), захват города приходится относить ко времени не ранее весны 989 г.

* * *

Если, таким образом, надо признать достоверной дату взятия киевским князем Корсуня по Иакову Мниху, то, очевидно, придется принять в качестве истинной и дату крещения Владимира у Иакова — за три года до захвата Корсуня, т.е. в 6495 (987/88) г. Интересно, что позднейший летописец (автор Начального свода?), сдвигая ее на год позже — 6496 (988/89) г., предпочел сохранить присутствовавшие у Иакова относительные датировки: заложение Десятинной церкви, по-прежнему, падало, как и у Иакова, «на четвертое лѣто» — 6499 (991/92), а дарование десятины — на «девятое лѣто» по крещении — 6504 (996/97) г.¹¹⁴

захватил его в качестве союзника Василия II [Poppe A. The Political Background. P. 197–244; Поппэ А. Политический фон крещения Руси (руско-византийские отношения в 986–989 гг.) // Как была крещена Русь. М., 1988. С. 240–286]. Главным соображением историка при этом служит невероятность, с его точки зрения, участия русских войск в гражданской войне на стороне Василия II в то время, когда сам Владимир оказался императору враждебен (заметьте, что А. Поппэ принимает дату взятия Корсуня, выведенную В.Г. Васильевским и В.Р. Розеном). Не видим, однако, в такой одновременности ничего странного или, тем более, невозможного. Войско отправилось в Византию, когда русско-византийский брачный договор еще не был ничем омрачен. Когда же лукавство греков обнаружилось, дело уже было сделано: корпус находился на византийской службе, и никакие приказы из Киева тут не могли ничего изменить, ибо Владимир послал императору отряд наемников, а не русских добровольцев-патриотов. Лев Диакон представлял «взятие тавроскифами Херсона» как действие, враждебное Империи, при этом сторонником Варды Фоки он вовсе не был. А. Поппэ приходится «разводить» Империю и Василия II, рисуя малоубедительный портрет хрониста-диссидента, в глазах которого политика императора наносила ущерб Империи.

¹¹³ Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир. С. 447; Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира // Сб. ст., посв. почитателями акад. и заслуженному проф. В.И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности. СПб., 1908. Ч. 2. С. 1056, 1114–1115; Он же. Жития князя Владимира. Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XIV вв. СПб., 2014. С. 223–224, 233, 239, 246, 255, 269, 286.

¹¹⁴ Исключением является известие о заложении Переяславля, которое, по Иакову Мниху, произошло на пятое лето по крещении, а в ПВЛ датировано 6501 г., т.е. шестым годом после крещения (в 6496 г.). А.А. Шахматов (Разыскания. С. 27–28) полагал, что Иаков в силу каких-то причин перепутал Переяславль с Белгородом. Дело в том, что известия о закладке Переяславля в Начальном своде, похоже, не было, судя по тому, что его нет в Новгородской I летописи. Иными словами, на

Тем самым на год оказалась сдвинута в сторону упозднения вся шкала относительных датировок, зависевших от года крещения Владимира. Если принять естественное допущение, что среди датированных таким способом событий был и поход Владимира на хорватов, то его летописную датировку — 6501 (993/94) г.¹¹⁵ — придется удревнить до 6500 (992/93) г.

Именно под этой датой, имеющейся в *Л*¹¹⁶, поход на хорватов обычно фигурирует в историографии¹¹⁷ — следствие вошедшего в обиход не критического использования издания ПВЛ Д.С. Лихачёва. Между тем датировка в *Л* явно не может конкурировать с солидарным показанием *РИХ* и *К* (которое ни в текстологическом аппарате, ни в комментарии издания Д.С. Лихачёва никак не отмечено), не говоря уже о том, что она выглядит сомнительной и по внутритекстологическим причинам: после статьи 6500 г. в *Л* следует ряд «пустых» годов, начинающийся почему-то не с 6501, а сразу с 6502 г.¹¹⁸, т.е. в точности так же, как в *ИХ*¹¹⁹.

Поход киевского князя на хорватов означал военные действия на западном пограничье Руси. При всей географической неопределенности сведений о хорватах в этногеографических пассажах ПВЛ (оба текстологически явно взаимозависимых упоминания в перечислениях восточнославянских племен помещают хорватов между вятичами и дулебами¹²⁰) данные о так называемых белых хорватах (осколком которых следует признать хорватов восточнославянских) уводят в Прикарпатье¹²¹. Поэтому в науке утвердилась локализация восточнославянских хорватов в верховьях Днестра¹²²; эпизодиче-

пятое лето у Иакова должно было бы значить основание Белгорода, которому в Начальном своде и ПВЛ, действительно, соответствует сообщение под 6500 г. (если предпочитать солидарную датировку в *ИХ* и *К*, в отличие от сбивчивых данных *ЛРА*).

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 106; Т. 3. С. 165; Т. 38. С. 55.

¹¹⁶ Там же. Т. 1. Стб. 122.

¹¹⁷ *Королюк В.Д.* Западные славяне. С. 100–101; *Пауцто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 33; и мн. др.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 124.

¹¹⁹ Там же. Т. 2. Стб. 108.

¹²⁰ Там же. Т. 1. Стб. 12–13, 29; Т. 2. Стб. 9, 21.

¹²¹ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / [Пер. с греч. Г.Г. Литаврина;] Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 130–131, 134–135 (30.61–63; 31.4–6).

¹²² *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. (Археология СССР). С. 123–129.

ские попытки оспорить ее¹²³ плохо ложатся на археологическую карту¹²⁴ и продолжения не имели.

Вот почему приведенное свидетельство русского летописания было давно соотнесено с данными другого источника — уже знакомых нам Хильдесхаймских анналов, в которых под 992 г. сообщается о походе юного германского короля Оттона III (983–1003) против славянского племени гаволян под город Бранибор (Бранденбург). В результате общего восстания полабских славян против немецкого господства в 983 г. гаволяне оказались в зависимости от лютичей. В 991 г. Оттону удалось захватить Бранибор, но лютичи снова овладели им. Как следствие было организовано массивное наступление:

Король Оттон с сильным войском снова подошел к Бранибору, прибыл к нему и баварский герцог Генрих (тот самый, который во второй половине 970-х годов воевал против отца Оттона III: см. выше. — *A.H.*), а также чешский князь Болеслав [явился] на помощь королю с бесчисленным войском. Болеслав же, сын Мешка, не имея никакой возможности лично прийти к господину королю, так как ему угрожала большая война с Русью, [проявив] ему довольно верности, прислал в распоряжение короля своих воинов (*Otto rex cum valida suorum manu iterum Brennaburg adiit, venitque ad eum Heinricus dux Baiariorum et Bolizlao Voemanorum princeps cum ingenti multitudine in auxilium regi. Bolizlao vero, Misachonis filius, per se ipsum ad dominum regem venire nequaquam valens — imminebat quippe illi grande contra Ruscianos bellum — suos sibi satis fideliter milites in ministerium regis direxerat*)¹²⁵.

Польский князь Болеслав I не лукавил: положение его, судя во всему, было и в самом деле непростым. Совсем недавно, 25 мая, скончался его отец, Мешко I. Консолидация власти Болеслава происходила в борьбе, хотя и, видимо, быстротечной, с младшими братьями (сыновьями Мешка от второго брака с саксонкой Одой)¹²⁶ —

¹²³ *Kotlarczyk J. Siedziby Chorwatów wschodnich // Acta Archaeologica Carpathica. 1971. T. 12. S. 161–186; Labuda G. Polska, Czechy, Ruś i kraj Łędzian w drugiej połowie X wieku // Labuda G. Studia nad początkami państwa Polskiego. Poznań, 1988. T. 2. S. 193–200.*

¹²⁴ *Назаренко А.В. Древняя Русь. С. 403.*

¹²⁵ *Ann. Hild., a. 992. P. 25; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. С. 106–107.*

¹²⁶ *Thietm. IV, 58. P. 196, 198; Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники. С. 134, 138–139.*

между тем военные действия в Полабье начались уже в июне, продолжившись, по крайней мере, до августа¹²⁷. Странная на первый взгляд уверенность польского князя в предстоявшем нападении со стороны Руси означает одно: в предыдущем, 991, году Болеслав, только что получивший от отца в управление Краковскую землю, попытался, очевидно, вернуть в состав своих новых владений относившиеся к ней совсем недавно земли на востоке — Червенские города и Перемышль, отнятые в 979 г., еще у чехов, Владимиром (см. выше); судя по тому, что киевский князь ходил именно «на хорваты», речь шла о Перемышле.

* * *

Не поддадимся соблазну включить в ряд дат, верифицируемых на материале иностранных источников, также и дату смерти Владимира — 6523 (1015) г. В самом деле, сообщение о кончине Владимира и именно под 1015 г. имеется в «Анналах краковского капитула» (в редакции второй половины XIII в.)¹²⁸, но его нет в других древнейших изводах польских анналов, восходящих к той же древнейшей основе (1040 г.?), что и «Анналы краковского капитула». Так, запись под 1015 г. отсутствует и в «Анналах монастыря св. Креста» («Рочнике свентокшиском»), самом раннем из сохранившихся памятников польской анналистики (первая треть XII в.)¹²⁹, и в так называемом «Рочнике кратком» (1280-е годы)¹³⁰, показание которого особенно важно потому, что памятник, как считается, отражает один и тот же протограф с «Анналами краковского капитула», и в других. Таким образом, уникальное известие «Анналов краковского капитула», скорее всего, имеет своим источником позднейшую информацию русского происхождения.

* * *

Итак, из годовых датировок ПВЛ на хронологическом пространстве Владимирова и Ярославова княжений проверку на достоверность путем сравнения с данными иностранных источников выдерживают следующие:

1. 5477 (969/70) (кончина княгини Ольги),

¹²⁷ Ann. Saxo, a. 992. P. 256; Lübke 3. N 271–272.

¹²⁸ «1015. Скончался Владимир, князь Руси» («MXV. Wladimir dux Ruthenorum obiit»: MGH SS. T. 19. P. 586, лев. стб.; MPH NS. T. 5. P. 45).

¹²⁹ MGH SS. T. 19. P. 577; MPH NS. T. 5. P. 8.

¹³⁰ MGH SS. T. 19. P. 665; MPH NS. T. 5. P. 236.

2. 5489 (981/82), в действительности 979/80 (поход Владимира «к ляхом»),

3. справедливость требует прибавить к этому числу еще и дату взятия Владимиром Корсуня, вытекающую из данных Иакова Мниха — 5497 (989/90) г. (в Начальном своде она подверглась редактированию из-за необходимости совместить захват Корсуня и крещение Владимира),

4. 6501 (993/94), в действительности 992/93 (поход Владимира на хорватов),

5. 6525 (1017/18) (пожар в Киеве),

6. 6526 (1018/19) (поход Болеслава на Киев),

7. 6528 (1020/21) (рождение Владимира Ярославича),

8. 6536 (1028/29) («знамение змиево»),

9. 6538 (1030/31) (взятие Белза Ярославом),

10. 6539 (1031/32) (отвоевание Червенских городов Ярославом и Мстиславом),

11. 6551 (1043/44) (поход на Византию).

Характер верификации и степень ее полноты для разных дат неодинаковы.

Датировки 1, 3, 5–11 подтверждаются как таковые, тогда как 2, 4 — при условии внесения в них поправок, соответствующих отклонению летописных датировок вокняжения Владимира в Киеве и крещения Владимира (6488 и 6496 соответственно) от датировок Иакова Мниха (6486 и 6495). Первая запаздывает в летописи на два года, вторая — на год, и показательно, что дата похода Владимира «к ляхом» подтверждается, если ее удревнить именно на два года, а даты взятия Корсуня и похода на хорватов — если уменьшить их на год. Отсюда, казалось бы, следует вывод: изначально эти хронологические определения были относительными, привязанными ко времени вокняжения Владимира в столице Руси (для языческого периода) и крещения князя (для христианского периода). Но он был бы верен только отчасти.

Относительно датировок периода после крещения такое заключение бесспорно, ибо подтверждается летописчиком в составе «Памяти и похвалы Владимиру» Иакова Мниха. Редактор, вводивший летописную сетку в древнейшую часть (составитель «свода Никона» 1070-х годов или Начального свода), имел в ней те же (не иные) относительные датировки, какие находим у Иакова — что видно по сообщениям, общим для Иакова и летописи (заложение Десятинной церкви и дарование ей десятины). Отсюда следует

принципиально важное заключение, что эта относительная хронология (Иакова и той летописи, которую перерабатывал редактор, разбивший ее древнейшую часть на годовые статьи) первична в том смысле, что не являлась плодом расчета на основе какого-то текста с абсолютными датами — вроде позднейших расчетов продолжительности княжений в статье 6360 г. ПВЛ¹³¹. (Нелишне подчеркнуть также, что тем самым оказывается еще раз подкреплено само представление о том, что в основе древнерусского летописания находился единый хроникальный текст без погодной сетки.)

Однако ничто не заставляет нас думать, что походы Владимира языческого периода также имели в древнейшем ядре относительные датировки от года занятия князем киевского стола. Даже напротив. Если бы дело было так, то следовало бы ожидать, что даты походов просто будут перенесены на два года позднее, как и дата отсчета, и схема «один год — один поход» не пострадает. Между тем в итоге польский поход «наехал» на первый поход против вятичей. Это значит, что редактор, который вносил хронологические поправки (автор Начального свода, перерабатывавший летопись в соответствии с «Корсунской легендой»), не имел под рукой в данном случае текста с относительными датировками, а только текст с явными годовыми датами, которые у него не было основания менять; он упозднил на два года лишь вокняжение Владимира и следующий непосредственно затем поход «к ляхом». Эти эксплицитные даты не мог проставить никто, кроме составителя «свода Никона». (Если так, отметим попутно, то в альтернативе, было ли древнейшее ядро разбито на погодные статьи в «своде Никона» или в Начальном своде, следовало бы предпочесть первый вариант.)

В то же время годы смерти княгини Ольги (1) и взятия Корсуны (по Иакову) (3) оказываются точными абсолютно, чем вполне подтверждается мысль А.А. Шахматова¹³², что дата (1) эксплицитно присутствовала внутри первоначального не расчлененного по годам рассказа.

Этот факт представляется весьма существенным, т.к. позволяет подозревать, что такая дата была не единственной. Не можем последовать за А.А. Шахматовым в его предположении, что к ней нужно присовокупить год путешествия Ольги в Царьград — 6463

¹³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 18; Т. 2. Стб. 13.

¹³² Шахматов А.А. Разыскания. С. 548.

(955/56)¹³³, но годовую дату начала киевского княжения Владимира, какой она приведена у Иакова Мниха — 6486 (978/79) г., полагаем, ввести в этот ряд нужно. С одной стороны, она удостоверяется датой (3); с другой — Иаков не мог получить ее в результате подсчета. Действительно, он был убежден, что «по святомъ крещении поживе блаженны князь Володимиръ 28 лѣтъ»¹³⁴; прибавляя 10 лет, которые, согласно Иакову, прошли между занятием киевского стола Владимиром и его крещением, получаем 37 лет в качестве продолжительности его киевского княжения (из $28 + 10 = 38$ нужно вычесть 1, поскольку год крещения, при суммировании по употребляемому Иаковым включенному счету, учитывается дважды). Отсюда, зная год кончины князя — 6523 (1015/16), следовало бы получить в качестве года вокняжения 6487 (979/80), а не 6486.

Здравый смысл заставляет думать, что в древнейшем ядре была и абсолютная дата крещения Владимира (так полагал и Шахматов¹³⁵), причем именно 6495 (987/88) г.¹³⁶ ($6486 + 10 - 1$), а не 6496 (988/90) ($6523 - 28 + 1$). Иаков не выписал ее, потому что в качестве опорных временных вех по какой-то причине решил указать лишь имевшиеся в его распоряжении полные даты (включавшие месяц и день события) — смерти Ольги, вокняжения и смерти Владимира. Заметим кстати, что отсутствие дневной даты крещения Владимира говорит против предположения об искусственном происхождении таковых применительно к его вокняжению в Киеве (11 июня) и кончине (15 июля), а также кончине княгини Ольги (11 июля). Событие крещения было, разумеется, много важнее, чем прочие, и если бы кто-то из древнерусских историографов задался бы целью искусственного выведения дневных дат, ему резоннее всего было бы начать именно с крещения Владимира. Не напоминаем уже о том, что все три полные даты суть даты преставления князей, недаром Иаков

¹³³ Разве что признав первоначальным год 6466, как в Новгородской Карамзинской и Новгородской IV летописях — но не мартовский, 958/59, а сентябрьский, 957/58 (Назаренко А.В. Древняя Русь. С. 281–284).

¹³⁴ Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир. С. 425.

¹³⁵ Шахматов А.А. Разыскания. С. 565.

¹³⁶ Напомним, что именно эту дату имел в виду, по всей видимости, и Нестор в своем «Чтении о житии и погублении блаженных стратотерпцев Бориса и Глеба» (Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подгот. к печати Д.И. Абрамович. Пг., 1916. С. 4), коль скоро в присутствующей во всех списках совершенно невозможной дате 6490 г. следует, очевидно, усматривать следствие частой ошибки, когда конечное *ε* (5) принималось переписчиками за окончание порядкового числительного (90-е) и опускалось.

Мних отсчитывает срок правления Владимира от 11 июня 978 г. не как от времени восхождения князя на киевский стол, а как от времени «убьения брата своего Ярополка». Это настойчиво наводит на мысль о происхождении всех трех из церковных памятей¹³⁷.

Из сказанного вытекает также, что указание на 28 лет жизни Владимира по крещении — не плод вычислений Иакова Мниха; оно было почерпнуто им из какого-то источника — очевидно, того же, откуда был заимствован и летописчик. Осмеливаемся думать, что в том же источнике значились и 37 лет киевского княжения Владимира — пусть этих данных у Иакова и нет, хотя они вытекают, как мы видели, из других его хронологических указаний. Зато они есть в перечне длительности княжений в ПВЛ: «Володимеръ княжи лѣтъ(ъ) 37»¹³⁸ — несмотря на то что совсем не сочетаются с датировкой в ПВЛ вокняжения Владимира 6488 (980/1) г. — при том, что в целом перечень явно рассчитан на основе погодной сетки ПВЛ¹³⁹. Стало быть, в этом случае тоже приходится думать о заимствовании — как и в отношении восьми лет княжения Ярополка, поскольку такая же продолжительность указана у Иакова Мниха.

Две названных хронологических характеристики Владимирова княжения — 28 лет после крещения и 37 лет после восшествия на стол — имеют между собой то общее, что обе предполагают исключаящий счет: $6523 - 28 = 6495$ (987/88), $6523 - 37 = 6486$ (978/79) (между тем, и относительная хронология Иакова Мниха,

¹³⁷ Назаренко А.В. Древняя Русь. С. 377–379.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 18; Т. 2. Стб. 13.

¹³⁹ В самом деле, от смерти Ярослава до смерти Святополка Изяславича летописец насчитал 60 лет (6621 – 6562 + 1), Ярослав княжил будто бы 40 лет (6562 – 6523 + 1; княжение «окаянного» Святополка не в счет), от начала княжения Святослава до начала княжения Ярополка положено 28 лет (6480 – 6453 + 1), от начала правления Игоря до начала правления Святослава — 33 года (6453 – 6421), от первого года киевского княжения Олега до первого года Игоря — 31 год (6420 – 6390 + 1). Большинство дат, кроме княжения Игоря, рассчитано по обычному включающему счету. Явный сбой наблюдается только в одном случае: от первого года императора Михаила (6360, согласно ПВЛ) до первого года Олега показано 29 лет вместо должных 28 (6387 – 6360 + 1), но это вполне объяснимо простой ошибкой. Показательны и исключения, которых только два: продолжительность правления Ярополка и Владимира; это — традиционные данные, и составитель перечня не счел возможным их изменить. Недаром начиная с Ярополка меняется формуляр: вместо «от первого лета X до первого лета Y» находим «имярек княжил X лет». Традиционностью объясняется и подсчет лет от смерти Святослава до смерти Ярослава, производящий на первый взгляд впечатление удивительной небрежности: $8 + 37 + 40 = 85$ (вместо 83). См. об этом чуть ниже.

и расчет лет в перечне княжений в статье 6360 г., как мы только что убедились, выдержаны в рамках включающего счета). Эта общность — еще одна причина возвести и ту, и другую к одному источнику. Какому?

Даже если составитель Начального свода нашел оба числа в том летописном тексте, который он перерабатывал и продолжал («своде Никона»), то они все равно вряд ли принадлежали перу именно автора этого текста. Летописец, работавший в 70-х годах XI в., как сводчик имел задачей заполнить хронологическую лауну между древнейшим нарративом и своими летописными записями, и пополнение набора относительных датировок в древнейшем ядре совсем не входило в его задачу. Кроме того, пример такой датировки, имеющийся заведомо в пределах его авторского текста, убеждает, что он пользовался обычным, включающим, счетом. Говоря в статье 6567 (1059/60) г. об освобождении Ярославичами своего дяди Судислава, летописец отмечает, что Судислав просидел в заключении «лѣтъ 20 и 4», тогда как о посадении в поруб сообщается под 6544 (1036/37) г.¹⁴⁰ (достоверность исходных дат для рассуждения не имеет значения). Не может идти речь и о заимствовании из кратких анналов.

Итак, указания на 37 лет киевского княжения Владимира и 28 лет жизни князя по крещении, возможно, и были восприняты «сводом Никона», но восходят к его источникам помимо кратких анналов. Если так, то отсюда вытекали бы важные следствия относительно состава древнейшего ядра.

Поскольку относительные датировки внутри этого ядра (судя по такому у Иакова Мниха) следовали включающему счету, то выходит, что и 28, и 37 лет в качестве хронологических вех правления крестителя Руси явились редакторским добавлением. Но ведь обе величины отсчитаны от даты преставления Владимира — значит, добавлением была, очевидно, и сама эта дата. Иными словами, древнейшее ядро, в котором еще не было даты смерти Владимира, сложилось еще при его жизни¹⁴¹ и подверглось дополнениям еще

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151, 162; Т. 2. Стб. 139, 151.

¹⁴¹ Действительно, многократно обсуждавшееся в историографии резюме: «И бѣ жива (Владимир. — *А.Н.*) съ князи околними миромъ, съ Болеславомъ Лядскимъ, и съ Стефаномъ Угрьскимъ, и съ Андрихомъ Чешьскимъ, и бѣ миръ межу ими и любы» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126; Т. 2. Стб. 111) — вряд ли могло быть написано после 1013 г., когда, по свидетельству осведомленного современника, именно Болеслав «Лядский» напал на Русь и «разорил большую часть той страны» («*magna regionis istius parte vastatata*»: Thietm. VI, 91. P. 382; *Назаренко А.В.* Немецкие

прежде, чем попало в руки автора «свода Никона», т.е., надо думать, в княжение Ярослава. Становится понятным, что именно этому автору, современнику Ярослава, принадлежит и расчет лет «от см(е)рти С(вя)тославлѣ до см(е)рти Ярославлѣ» (85 лет)¹⁴², сделанный также по исключаяющему счету. Заодно объясняется, откуда и почему в роспись длительности княжений попала эта странная величина, которая совершенно выбивается из формуляра: так же, как и 28 и 37 лет применительно к Владимиру, она хронологически подытоживала правление Ярослава в некоем хроникальном продолжении древнейшего ядра, предшествовавшем «своду Никона». Совсем не исключаем, что сюда же следует отнести и другое нетипичное хронологическое определение в отношении Ярослава: «живе же всѣхъ лѣтъ) 70 и 6»¹⁴³.

Другие соображения, ведущие к предположению о каком-то этапе историографической работы при Ярославе, будут изложены ниже.

Таким образом, совсем не случайно в Начальном своде между подытоживающим финалом статьи 6504 (996/97) г. («И живяше Володимиръ по устроению божию и дѣдню и отню») ¹⁴⁴ — т.е. статьи (всячески подчеркнем этот факт), соответствующей тому самому году завершения Десятинной церкви, на котором заканчи-

латиноязычные источники. С. 135, 139), причем конфликт, кажется, так и не был улажен при Владимире. К слову сказать, тем самым в какой-то мере объясняется малопонятное (с учетом тенденции летописного рассказа) умолчание о бунте Святополка против отца. В древнейшем ядре сведений об этом не было по той же причине, что и сведений о смерти Владимира, а добавить их в текст, где уже сообщалось о раздоре Ярослава с отцом, значило бы неизбежно спровоцировать читателя на параллель между Ярославом и Святополком.

Нельзя не заметить, что эти соображения еще более обостряют анахронизм, связанный с упоминанием об «Андрихе Чешском», которое, казалось бы, должно вводить исследователя в противоположном направлении — ближе к самому концу правления Владимира, т.к. Олдржих-«Андрих» занимал пражский стол в 1012–1034 г. Ведь чешский князь мог снова войти в число «князей окольных» только после возвращения (несколько ранее 1022 г.) под свою власть Моравии, отторгнутой Болеславом Польским еще в 1002 г. Таким образом, если имя «Андриха» действительно присутствовало в древнейшем ядре, то это противоречило бы любой ранней датировке текста — будь то временем Владимира, будь то первыми годами после его кончины. Следовательно, сохранение гипотезы о древнейшем ядре, строго говоря, требует поставить под сомнение наличие в нем сообщения об «Андрихе».

¹⁴² См. примеч. 135. Об этом догадывался уже И.И. Срезневский (Чтения. С. 7–8).

¹⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 162; Т. 2. Стб. 151.

¹⁴⁴ Там же. Т. 1. Стб. 127; Т. 2. Стб. 112; Т. 3. С. 167.

ваются относительные датировки в летописчике Иакова Мниха, — и событиями 6522–6523 (1014/15–1015/16) гг. нет никаких сообщений, кроме отрывочных лапидарных записей, которые, собственно, и провоцируют мысль о существовании к 1060-м годам, помимо древнейшего нарратива, еще и кратких анналов¹⁴⁵.

* * *

После того как достоверность целого ряда анналистических датировок (5–11) Начального свода и ПВЛ от 6525 (1017/18) до 6551 (1043/44) г. подтвердилась в ходе проверки материалами независимых источников, сам факт наличия таких анналов оспорить будет много труднее, чем прежде. Но это, вообще говоря, не предreshает вопроса об объеме подобных анналов. Можно ли все датировки на пространстве от 6523 (1015/16) г. до 1060-х годов отнести на счет кратких анналов? Это непростой вопрос, и ответ на него зависит от возможности (или невозможности) с той же степенью убедительности, с какой то удастся сделать относительно достоверных дат, выявить в этом хронологическом промежутке даты заведомо ошибочные.

Уличить летописца в ошибке, насколько мы видим, можно лишь однажды: применительно к его датировке 6538 (1030/31) г. смерти польского князя Болеслава I: «Въ лѣ(то) 6538... Въ се же время умре Болеславъ Великий въ Лясъхъ»¹⁴⁶, — ибо твердо известно, что Болеслав умер пятью годами ранее, в 1025 г.¹⁴⁷ Но случай этот — вполне особенный.

Даже если не соглашаться с А.А. Шахматовым в его объяснении того, как именно произошла ошибка из неверных подсчетов на основании рассказа о Моисее Угрине (или, вернее, его источ-

¹⁴⁵ К. Цукерман (Наблюдения. С. 193–194, 197–198), конечно, прав, когда, следуя соображениям М.Х. Алешковского (*Алешковский М.Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в древней Руси*. М., 1971. С. 65–66), считает формальный хронологический разрыв между статьями 6504 и 6522 гг. в Начальном своде «оптическим обманом», ибо под 6504 г. дана сводная характеристика христианского периода правления Владимира; таким образом, приведенное выше окончание статьи 6504 г. смыкается с началом статьи 6522 г.: «Ярославу же живущю в Новѣгородѣ» и т.д. (ПСРЛ. Т. 3. С. 168). Но ведь из того, что эти слова соседствовали в источнике того редактора, который разбил их анналистической вставкой, вовсе не следует, что они принадлежали одному и тому же автору.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 149–150; Т. 2. Стб. 137.

¹⁴⁷ См. прежде всего современные делу Кведлинбургские анналы (Ann. Quedl. P. 578–579); о прочих источниках: Lübke 4. N 576.

ника — утраченного «Жития Антония Печерского»)¹⁴⁸, все равно текстуальная связь между сообщением о смерти Болеслава в слове о Моисее Угрине из «Киево-Печерского патерика» и летописным известием остается вне сомнений. И там, и здесь смерть Болеслава выступает как причина временного крушения польской государственности. В летописи процитированное известие о кончине польского князя имеет следующее продолжение: «и быс(ть) мятежь въ земли Лядскѣ, вставше людье избиша еп(и)с(ко)пы и попы и бояры своя, и быс(ть) въ нихъ мятежь», в «Патерике» же читаем: «Во едину ночь напрасно Болеслав умре, и бысть мятеж велик во всей Лядской земли, и воставше же людие избиша епископы своа и бояры своя»¹⁴⁹. Близость обоих текстов не ускользнула уже от составителей «Патерика», которые не преминули заметить: «якоже и в лѣтописци повѣдають». Но эта ссылка — вторичная, мнимая, ибо фактически зависимость была обратной.

Дело в том, что «мятеж велик» в Польше имел место после смерти не Болеслава I, а его сына Мешка II, приходясь на середину 1030-х годов. Ложному приурочению «мятежа» к кончине Бо-

¹⁴⁸ *Шахматов А.А.* Разыскания. С. 262–265 (§ 191³⁻⁴). Ранее мы склонны были принимать это объяснение, добавляя к нему в качестве своего рода дополнительного аргумента возможность истолковать аналогичным образом также и датировку в ПВЛ брака польского князя Казимира I и Ярославны — 6555 (1043/4) г. В самом деле, если данные о браке (как предполагал А.А. Шахматов) взяты из «Жития Антония», то разница между хронологией «Жития» и реальной здесь составила бы те же пять лет, что и в случае с датой смерти Болеслава I: 1030 – 1025 = 5, 1043 – 1038 = 5 (*Назаренко А.В.* Житие Антония Печерского // Славяне и их соседи: Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989. С. 19–21); между тем, датировка брака именно 1038/39 г. казалась нам наиболее предпочтительной ввиду показания «Саксонского анналиста» (*Ann. Saxo*, а. 1039. P. 379). Вынуждены сейчас отнестись к этому построению значительно осторожнее — по следующим причинам. У «Саксонского анналиста» известие о браке Казимира с «дочерью короля Руси» находится в составе сводной статьи о Казимире, которая датирована именно 1039 г. потому, что историограф приурочил к этому году кончину Казимира, следуя ошибке Козьмы Пражского (*Cosm. II*, 2. P. 82–84; чешский хронист почему-то считал, что поход на Польшу чешского князя Бржетислава I в 1038/39 г. состоялся не накануне вокняжения Казимира, как то было в действительности, а после его смерти. — *Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4. С. 229–230*). Не всё в порядке и с «ударным» аргументом А.А. Шахматова. Моисей «5 лѣт в пленѣ страда во узах, 6-е лѣто за чистоту»; при ошибочном чтении «6 лѣтъ за чистоту» всё равно не получить именно 1030 г., а только 1028 (по включенному счету) или 1029 = 1018 + 5 + 6.

¹⁴⁹ Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик, Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1999. С. 52.

леслава неоткуда было взяться под пером летописца, тогда как в рассказе о Моисее оно явно мотивировано сюжетом к вящей славе мнишеского чина. Болеслав, подвигнутый жалобами знатной госпожи, которая безуспешно понуждала Моисея «на свою похоть», воздвиг «гонение велие на черноризци», «Бог же отместие творя рабом своим»; дальнейшие события в рассказе о Моисее Угрине опущены, и сразу же следует финал с возвращением святого на Русь и его приходом в монастырь к Антонию.

Следовательно, редактор, внесший в летопись известие о смерти Болеслава и «мятеже» в Польше, сделал это на основании «Жития Антония Печерского» и, соответственно, не ранее заключительного этапа работы над «сводом Никона» или даже уже в 1090-е годы, при оформлении Начального свода. Сюжет о польском «мятеже» был на слуху в Печерском монастыре еще и потому, что воспоминание о нем, вложенное в уста польской супруги киевского князя Изяслава Ярославича в «Житии Феодосия Печерского», послужило предостережением Изяславу против гонений на Антония и печерян в целом¹⁵⁰.

Но зачем вообще летописцу понадобилось вдруг такое известие? Что ему Гекуба? Приходится думать, что его мотивировало нечто в редактируемом тексте, и даже нетрудно понять, что именно. Если Червенские города были отторгнуты от Руси Болеславом, то возвращение их под власть Киева при Ярославе книжнику, знавшему поучительную историю о «напрасной» (т.е. внезапной) смерти Болеслава из рождавшихся на его глазах печерских житий, вполне естественно было бы соотнести как раз со смертью польского князя и наступившим якобы после нее ослаблением государства. Коль скоро об отвоевании Червенских городов шла речь в статье 6539 г., то о смерти Болеслава уместно было сообщить именно в статье предыдущего, 6538, года.

Итак, летописная датировка смерти Болеслава — действительно искусственная и является плодом хронологических рассуждений позднейшего летописца на оснований имевшихся у него письменных источников, датировка в своем роде единичная, созданная *ad hoc*. Доказательная же попытка приписать позднейшим летопис-

¹⁵⁰ Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон; Под ред. С.И. Коткова. М., 1971. С. 84, лев. стб. (начало истории в Успенском сборнике утрачено); Древнерусские патерики. С. 53.

цам широкое произвольное «хронологическое конструирование» на отрезке Ярославова княжения, а также в первые годы после него нам известна только одна: она была предпринята не так давно Т.Л. Вилкул¹⁵¹. В отличие от некоторых текстологов¹⁵², нам эта гипотеза не кажется удачной.

Т.Л. Вилкул обратила внимание на то обстоятельство, что сообщения о рождениях и смертях князей в ПВЛ в это время следуют с почти строгой периодичностью в три года: 6532 (1024/25) — рождение Изяслава Ярославича, 6535 (1027/28) — рождение Святослава Ярославича, 6538 (1030/31) — рождение Всеволода Ярославича, 6541 (1033/34) — смерть Евстафия Мстиславича, 6544 (1036/37) — смерть Мстислава Владимировича и рождение Вячеслава Ярославича; и еще одна группа дат: 6562 (1054) — смерть Ярослава Владимировича, 6565 (1057/58) — смерть Вячеслава Ярославича, 6568 (1060/61) — смерть Игоря Ярославича, 6571 (1063/64) — смерть Судислава Владимировича, 6574 (1067) — смерть Ростислава Владимировича (князя Тмутороканского). Такая регулярность представляется исследовательнице невероятной.

Однако периодичность будет заметно нарушена, если включить в приведенный выше перечень 6528 (1020/21) и 6560 (1052/53) годы как даты рождения и кончины Владимира Ярославича, а 6561 (1053/54) г. — как дату появления на свет Владимира Всеволодовича¹⁵³. Первые две — как и дата рождения Ростислава Всеволодовича 6578 (1070/71) — исключены Т.Л. Вилкул потому, что они продублированы в Новгородской I летописи (но это обстоятельство не мешает включить в «периодичность» год смерти Ярослава Мудрого), а последняя — из-за ее «альтернативности» дате рождения Святополка Изяславича, также присутствующей в той же летописи (хотя только с С). И то, и другое служит в глазах исследовательницы признаком принадлежности «к другому этапу работы над летописными сводами»¹⁵⁴. Почему в перечне отсутствует 6552 (1044/45) г. (смерть племянника Ярослава — Брячислава Изяславича¹⁵⁵), который выпадает из периодичности, не разъясняется, а это требует разъяснения — ведь включена же в него дата смерти другого Ярославова

¹⁵¹ Вилкул Т.Л. Даты рождения княжичей: старшие и младшие Ярославичи // *Ruthenica*. 2003. Т. 2. С. 108–114.

¹⁵² Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? С. 101, 192.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 146, 160; Т. 2. Стб. 133, 149.

¹⁵⁴ Вилкул Т.Л. Даты рождения княжичей. С. 110.

¹⁵⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 155; Т. 2. Стб. 143.

племянника — никому не известного Евстафия, которая как раз и обеспечивает периодичность между 6538 и 6544 гг. Что же касается годов смерти Ярослава, Мстислава и Ростислава Владимировича, то они, выходит, вписались в придуманный летописцем ритм случайно. Добавим к сказанному проблематичность некоторых дат в перечне Т.Л. Вилкул (6532 и 6544 гг.)¹⁵⁶, и впечатление от стройности череды трехлетних циклов совсем померкнет.

Но хуже всего то, что собственно «хронологическим конструированием» дело не ограничивается: летописец предстает изобретателем не только целой системы фиктивных дат, но и фиктивных сообщений. Одно дело — снабдить искусственно рассчитанной датировкой уже имеющийся текст (как в рассмотренном выше случае с известием о смерти Болеслава) и совсем другое — уснастить свой рассказ в массовом порядке (!) вымышленными «данными». Для такого фальсификата должен был иметься серьезный мотив. Т.Л. Вилкул видит этот изъян своего построения и усматривает искомый мотив в желании подкрепить таким образом старейшинство Изяслава, Святослава и Всеволода, хотя нелегко понять, каким образом оно страдало от отсутствия точных указаний на год рождения князей в летописи. Приходится выдвигать сомнения в реальности такого старейшинства, но их невозможно принять всерьез¹⁵⁷.

И, наконец, даже если годов рождения Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей, в отличие от года рождения их старшего брата Владимира, в летописном тексте второй половины XI в. и в самом деле не было¹⁵⁸, а летописец по какой-то причине задался целью восполнить пробел, то разве у пытливого историописателя не было более естественного способа решить эту задачу, чем вымысел? Или печерский летописец не имел возможности узнать реальные даты рождения киевских князей, своих современников? Или

¹⁵⁶ Вслед за статьей 6532 г. следует сразу же статья, озаглавленная 6534 г., откуда видно, что под 6532 г. могут быть объединены события 6532 и 6533 гг. (ввиду этой общей особенности ЛРАХ добавление пустого 6533 г. в И надо признать индивидуальной редакторской правкой). Поскольку известие о рождении Изяслава находится в самом конце годовой статьи, то его изначальная датировка 6533 г. делается вполне вероятной; ср. также предполагаемое чтение в Т (Присёлков М.Д. Троицкая летопись. С. 132 и примеч. 2). Смерть Мстислава Владимировича и рождение Вячеслава Ярославича, которые вслед за ИХ принято относить к 6544 г., в ЛРА датированы 6542, а в Т — 6541 г.

¹⁵⁷ Вилкул Т.Л. Даты рождения княжичей. С. 111–112.

¹⁵⁸ Ср.: Арістов В. До питання про «хронологічну симетрію» *Повісті временних літ // Ruthenica*. 2012. Т. 11. С. 163–164.

хотя бы только Всеволода? Иными словами, гипотеза Т.Л. Вилкул требовала бы смириться со странным (по крайней мере, для нас) допущением, что Владимир Мономах, который в течение всей жизни вел кропотливые записи о своих делах, не ведал времени собственного появления на свет.

Таким образом, реальных показаний для предположения о том, что летописный материал за первую половину XI в. был в сколько-нибудь заметной степени сконструирован задним числом, не видно¹⁵⁹, и гипотетические краткие анналы вправе претендовать на роль источника летописных датировок за этот период. Но именно только датировок, не более того.

Признавая, что датировка и, соответственно, краткое содержание той или иной статьи были взяты составителем «свода Никона» или Начального свода из кратких анналов, совсем не обязательно думать, что распространенный текст этой статьи (если он есть) создан непременно тогда же, в последней четверти XI столетия. Так, уже отмеченное выше расхождение в датах похода на греков 1043 г. в киевском и новгородско-софийском летописании заставляет подозревать, что киевский рассказ стал известен в Новгороде еще в составе анналистически не расчлененного текста. В то же время точность датировки в киевском летописании удостоверяет, что сообщение о походе было и в кратких анналах. Таким образом, в летописи под пером редактора последней четверти XI в. соединились два известия об одном и том же событии — краткое, анналистическое, и пространное, из некоего хроникального нарратива.

Ясно, что такой гипотетический хроникальный нарратив о времени Ярослава (о нем уже шла речь выше; назовем его условно «повестью о Ярославе») не мог ограничиваться рассказом о походе 1043 г. — он (рассказ) для этого слишком краток. Здесь не место для сколько-нибудь подробной реконструкции содержания

¹⁵⁹ Тем временем, идея гармонического конструирования летописцами хронологии (правда, применительно к более раннему периоду) получила продолжение и развитие: *Лушин В.Г.* Некоторые особенности хронологической сегментации ранних известий Повести временных лет [1]. Симметричность летописных дат IX — начала XI вв. [2]. 882–862–852 [3] // Историко-археологические записки. Зимовники, 2010. Кн. 1. С. 22–44; *Он же.* О некоторых особенностях датировки событий IX — начала XI вв. в Повести временных лет // Штрихи к портретам минувших эпох: археология, история, этнография. Зимовники, 2014. Кн. (ММХIV) 1. С. 57–75; ср. рецензию: *Толочко О.П.* [Рец.:] // *Ruthenica*. 2011. Т. 10. — Рец. на кн.: Историко-археологические записки / Отв. ред. Е.П. Токарева. Зимовники, 2010. Кн. 1. С. 261–269.

«повести о Ярославе». Заметим лишь, что сугубо предварительно склонны относить к ней также похвалу Ярославу из статьи 6545 (1037/38) г. (по крайней мере, до слов «Якоже бо се нѣкъто...»¹⁶⁰), некий древнейший рассказ о борьбе Ярослава со Святополком и окончание статьи 6551 г., в котором идет речь о замужестве Ярославны за польского князя Казимира I и возвращении Казимиром на Русь «за вѣно» пленников, взятых в походе 1018 г. его дедом Болеславом. Аналогичные, но более обширные сведения следуют за рассказом о походе на греков и в новгородско-софийских летописях в статье 6549 г.:

Тои же осени дасть Ярославъ сестру свою за Казимира. В тыи лѣта обидяше Моиславъ Казимира, и ходи Ярославъ двожды на Мазовшаны в лодяхъ, и рече къ Казимиру: елико отецъ твои Болеславъ побѣдивъ мене и полонилъ людеи моихъ за ся, то вдаи ми за вѣно. И събра Казимиръ людии его Руси полоненыхъ 800, кромѣ женъ и дѣтеи, и вда за вѣно Ярославу, шюрину своему. Сеи же Казимиръ вда сестру свою за Изяслава, сына Ярослава¹⁶¹.

Сравнение двух этих блоков — киевского и новгородско-софийского — поучительно.

В отношении литературной формы новгородско-софийский вариант явно вторичен: прямая речь с уничижительным «побѣдивъ мене» и ошибкой в родословии (Болеслав был не отцом, а дедом Казимира) выдает его позднейшее происхождение. Но по содержанию он, думается, ближе к первоначальному тексту, ибо непонятно, откуда в нем иначе могли взяться сведения о походах на мазовшан, зато понятно, почему они, равно как и сведения о женитьбе Изяслава, могли из него исчезнуть; и понять это помогает гипотеза о кратких анналах. Летописец, сводивший воедино «повесть о Ярославе» и данные анналов, обнаружил в последних даты обоих походов на мазовшан — 6549 («Иде Ярославъ на Мазовшаны въ лодяхъ») и 6555 («Ярославъ иде на Мазовшаны, и побѣди и, и князя ихъ уби Моислава, и покори Казимиру»)¹⁶² годы (текст, заметим, так и сохранил вид лапидарных анналистических заметок),

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151–152; Т. 2. Стб. 139–140.

¹⁶¹ Там же. Т. 4, ч. 1. С. 116; Т. 6, вып. 1. Стб. 179; Т. 42. С. 64.

¹⁶² Там же. Т. 1. Стб. 153, 155; Т. 2. Стб. 141, 143. Заодно выясняется, почему при редактировании новгородско-софийского свода по ПВЛ известие под 6549 г. не было включено, а под 6555 г. — не только включено, но и снабжено ошибочным примечанием «третье».

вследствие чего и изъял дублирующие известия повести. Сведения же о браке Изяслава Ярославича оказались исключены по другой причине: Святополк Изяславич происходил не от этого брака, а от конкубины отца¹⁶³, и потому упоминание о покойной Изяславлей «ляховице» в киевское княжение Святополка и особенно при жизни «Святополчей матери»¹⁶⁴ было одиозным. (В этом, заметим к слову, необязательно видеть косвенное указание на время соединения «повести о Ярославе» с краткими анналами — княжение Святополка Изяславича, время составления Начального свода; мотивы для сокращения известий о походах на мазовшан и женитьбе Изяслава были совсем разными, так что руководствовались ими, вполне возможно, разные редакторы.) Для известий о браке Казимира с Ярославной и о возвращении русских пленных параллелей в кратких анналах не нашлось, а потому они остались в текстуальной связи с рассказом о походе 1043 г., приобретя тем самым неверную, видимо, датировку и вступив друг с другом в непосредственную причинно-следственную зависимость (чего в первоначальной «повести о Ярославе», думается, не было).

Учитывая, что в дальнейшем вплоть до известия о смерти Ярослава Мудрого летопись состоит только из кратких анналистических записей (по понятным причинам исключаем как позднейшие вставки рассуждение о рождении Всеслава Полоцкого «от волхования», из-за чего он «немил(о)стивъ естъ на кровопролитъе», и пространный рассказ «что ради прозвася Печерьскый монастырь» в статьях 6554 и 6559 гг.¹⁶⁵), можно было бы положить конец «повести о Ярославе» именно на разобранных выше сообщениях, которые следовали за рассказом о походе 1043 г. — в отличие от кратких анналов, которые, по всей вероятности, доходили до рубежа 1050–1060-х годов. Именно в таком виде «повесть о Ярославе» и попала в Новгород в княжение там Владимира Ярославича — быть может, в связи с построением здесь в 1045–1050 гг. нового, каменного, кафедрального собора. Чуть позднее к этому комплексу было сделано, как о том уже шла речь, лишь одно итоговое добавление — о смерти Ярослава с торжественно развернутой датой и,

¹⁶³ Назаренко А.В. Древняя Русь. С. 559–584.

¹⁶⁴ Как таковая она упоминается в граффито из Софийского собора в Киеве (*Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1. № 27) и в летописном сообщении о ее смерти в январе 6615 (1108) г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 282; Т. 2. Стб. 259).

¹⁶⁵ Там же. Т. 1. Стб. 155–160; Т. 2. Стб. 143–149.

возможно, первоначальным сообщением о завещании князя (распределении волостей между сыновьями), которое позднее было несколько стилизовано в духе заповеди «не преступати предѣла братня».

Тем самым, рассказ о Ярославе оказывается совсем невелик и едва ли представлял собой самостоятельную «повесть», будучи, скорее всего, — и по замыслу, и по исполнению — просто продолжением древнейшего ядра.

В принципе ничто не мешает допустить существование в вырисовывающейся таким образом «повести о Ярославе» относительных датировок и отдельных вкрапленных в текст дат (как в древнейшем ядре), но твердых данных для того, чтобы конкретизировать то и другое допущения, мы не видим. Совсем не хотим настаивать на высказывавшемся нами предположении, что в загадочных словах *Л* в статье 6532 (1024/5) г. «7 лѣт быс(ть) и родися другии сынъ»¹⁶⁶ скрывается обрывок относительной хронологии, в которой счет велся от 6527 (1019/20) г. как времени окончательного утверждения Ярослава в Киеве¹⁶⁷. Абсолютную дату позволительно было бы усмотреть в подробной датировке кончины Ярослава, если бы не указанные выше причины ограничить повесть 1040-ми годами.

Эти в разной степени гипотетичные рассуждения о кратких анналах конца X — середины XI в. и параллельной им «повести о Ярославе» логично завершить попыткой привязать оба одновременных исторических сочинения к тому или иному конкретному месту. Если, следуя почтенной историографической инерции, считать, что древнейшее ядро было создано при Десятинной церкви, то следовало бы приурочить к последней и «повесть о Ярославе», коль скоро она вырисовывается как продолжение древнейшего ядра. Однако такому решению есть, казалось бы, помеха. В комплексе некрологических записей начала XI в. ПВЛ нельзя не видеть уцелевшего обломка кратких анналов; между тем имеются все основания также связать его с церковью Пресв. Богородицы Десятинной. Хронологическую скобку закрывает другая запись — об освящении Десятинной церкви под 6547 (1039) г. Следовательно, и реконструируемые краткие анналы также велись при этом храме.

Возникает понятное желание избежать такого соединения кратких анналов и «повести о Ярославе» под крышей одного скрип-

¹⁶⁶ Там же. Т. 1. Стб. 149.

¹⁶⁷ *Назаренко А.В.* Новый труд известного слависта. С. 135.

тория. Теоретически это можно сделать без труда, предположив, например, что повесть возникла в непосредственном окружении Ярослава — стоит лишь вспомнить о неоднократных попытках так или иначе поставить раннее летописание в связь с творчеством митрополита Илариона¹⁶⁸. Но не забудем и об авторитетной критике этих попыток (прежде всего, в шахматовском их варианте)¹⁶⁹, а также о том важном факте, что Десятинная церковь была княжеским дворцовым собором. Таким образом, вряд ли было бы уместным вполне отделять духовное окружение князя от клира Десятинного собора. Кроме того, в последнем велась и другая литературная работа, помимо «повести о Ярославе». К обновлению Десятинной церкви в 1039 г. здесь был осуществлен перевод с греческого языка памятников, посвященных св. Клименту Римскому («Мученичества» и «Чуда об отрочати»); перевод завершался оригинальной древнерусской похвалой св. Клименту как апостолу Руси, Владимиру — как обретшему для Руси мощи святителя и Ярославу — как продолжателю дела Владимира¹⁷⁰. Применительно к Ярославу пафос этой похвалы тот же, что и у Илариона, который не устал выставлять Ярослава «не рушащим, ни умяляющим... но утверждающим», «иже недоконьчаная... наконьча»¹⁷¹. Нет нужды непременно отождествлять автора этой похвалы Владимиру и Ярославу (положенной в середине XII в. основу «Слова на обновление Десятинной церкви») с автором «повести о Ярославе», как нет нужды не доверять свидетельству летописи, что коллектив книжников, с которыми Ярослав «прекладаше... отъ Грьчьска на Словѣньское письмо», был немал¹⁷².

Краткие анналы резко отличались и от древнейшего ядра с продолжавшей его «повестью о Ярославе», и от прото-«Слова на обновление Десятинной церкви», и уж тем более от похвалы Влади-

¹⁶⁸ Шахматов А.А. Разыскания. С. 417–418; Насонов А.Н. История. С. 18–19; Позов Н.Н. К вопросу об участии Илариона в начальном летописании // ЛХ, 1973. М., 1974. С. 31–37.

¹⁶⁹ Müller L. Ilarion und die Nestorchronik // Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine. Cambridge (Mass.), 1990. (HUS; Vol. 12/13 [1988/1989]). S. 324–345; Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000. С. 141–164.

¹⁷⁰ Назаренко А.В. «Слово на обновление Десятинной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель, 2013. С. 18–62, особенно 31–43, 59–62.

¹⁷¹ Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 97.

¹⁷² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 152; Т. 2. Стб. 139.

миру и Ярославу Илариону. Они, анналы, не были единым концептуальным произведением. То были в прямом смысле слова заметки для памяти, осуществлявшиеся изредка, от случая к случаю, вполне возможно, даже не одним лицом. В этом смысле они вполне могли вообще не восприниматься поначалу как род историографии, которая, к тому же, неизбежно должна была по преимуществу представляться в виде связного хроникального изложения наподобие византийских образцов. Как следствие, мысль о соединении первоначального нарратива с этими разношерстными анналистическими записями едва ли способна была явиться сразу, ей надо было созреть. А это, в свою очередь, означает, что «повесть о Ярославе» и краткие анналы, похоже, действительно родились в одной и той же среде — кружке грамотеев при Десятинной церкви.

* * *

Подытожим сказанное в следующих тезисах.

1. При реконструкциях начального летописания, включающих в число этапов, которые предшествовали ПВЛ, лишенное погодной сетки древнейшее ядро (990-х или второй половины 1010-х годов) и так называемые «свод Никона» (1070-х годов) и Начальный свод (1090-х годов), принципиальной проблемой становится происхождение годовых дат за первую половину XI столетия. В отличие от дат древнейшего ядра, они не могут восходить к позднейшим расчетам на основе греческих источников.

2. В целом ряде случаев (6525, 6526, 6536, 6538, 6539, 6551 и, вероятно, 6528 гг.) даты поддаются проверке путем сравнения их с независимыми данными иностранных источников (греческих, латинских). Проверка показывает точность этих дат. И напротив, заведомая ошибка — только одна: 6538 (1030/31) г. как дата смерти польского князя Болеслава I, причем понятно, как ошибка возникла путем неверных умозаключений автора ПВЛ, опиравшегося на «Житие Моисея Утрина».

3. Точность такого количества дат не может быть случайной и с необходимостью ведет к заключению, что по крайней мере от 6525 г. (пожар киевского Софийского собора), а, крайне вероятно, с рубежа X–XI вв. (ввиду серии лапидарных сообщений о смертях в княжеском семействе под 6508–6519 гг.) и до 50-х годов XI в. в Киеве велись краткие анналистические заметки. Этот факт ставит древнейшее русское историописание в типологическое соответствие с ранней польской и чешской историографией, в рамках

которых наличие кратких анналов наряду с хроникальным жанром хорошо известно.

4. Краткие анналы послужили источником для составителя «свода Никона» 1070-х годов, который формально-хронологически явился их продолжением. Именно этим вполне естественно объясняются как анналистическая форма «свода Никона», так и прекращение на статье 6568 (1060/61) г. в летописи всяких следов кратких анналистических записей, столь очевидных ранее, а теперь перерастающих в более развернутое летописание.

5. Проверке поддается и точность некоторых дат на пространстве древнейшего ядра. Показательно, однако, что это оказывается возможным только в отношении реконструируемой хронологии «свода Никона», которая была нарушена позднейшей переработкой на основании «Корсунской легенды». Среди таких проверяемых дат есть как абсолютные (которые в древнейшем ядре имелись в виде исключения), так и относительные. К первым принадлежит, строго говоря, только 5477 (969/70) г. (кончина княгини Ольги), ко вторым — 5487 (979/80) (поход «к ляхом»), 5497 (989/90) (взятие Корсуня) и 6500 (992/93) (поход на хорватов). В Начальном своде три последних были изменены на 5489, 5496 и 6501, что было связано с передатировкой вокняжения Владимира в Киеве на два года, а крещения — на год позднее. Сказанное заставляет в итоге признать достоверными также даты 5486 (978/79) (вокняжение Владимира в Киеве, этот год прямо значится у Иакова Мниха) и 5495 (987/8) (крещение Владимира). Полагаем, что в древнейшем ядре обе они присутствовали как абсолютные даты.

Остальные три положения являются более или менее факультативными следствиями излагаемой гипотезы и как таковые не принадлежат к ее основному корпусу. Формулируем их здесь сугубо предварительно.

6. Традиционные относительные датировки — 28 лет жизни Владимира по крещению и 37 лет киевского княжения — сделаны по исключаемому счету и не принадлежат ни древнейшему ядру, ни «своду Никона», в которых представлен более обычный для Руси включающий счет. Следовательно, во-первых, даты смерти Владимира в древнейшем ядре не было (оно заканчивалось ранее), а во-вторых, между древнейшим хроникальным ядром и анналистически оформленным «сводом Никона» имел место еще один этап историографической работы — особый хроникальный нарратив.

7. Такой хроникальный нарратив служил прямым продолжением древнейшего ядра за время Ярослава Владимировича. Действительно, в идеологически явно акцентированной деятельности Ярослава Мудрого (строительство Киева по столичному образцу, переводы с греческого, создание первых собственно русских сочинений и проч.) отсутствие какого бы то ни было концептуального историографического памятника, при наличии такового времен Владимира, выглядело бы странным. Этот хроникальный нарратив о Ярославе мы ограничиваем второй половиной 1040-х годов, считая его завершением комплекс кратких известий (о походах на мазовшан, о браках Казимира Польского с Владимировной и Изяслава Ярославича — с полькой, о возвращении на Русь из Польши пленников), как он до сих пор читается в летописях новгородско-софийского круга после рассказа о походе русского флота на Константинополь. Он упростился до современного вида в ПВЛ в результате двойного редактирования: сведения о польской мачехе (не матери!) Святополка Изяславича были опущены при создании Начального свода, а сведения о походах — еще ранее, при соединении с краткими анналами в самом начале работы автора «свода Никона» (пояснение «отец Брячиславль» в сообщении о смерти Изяслава Владимировича под 6509 (1001/02) г. было актуально только до 1065 г., когда «почя Всѣславъ рать дръжати»¹⁷³).

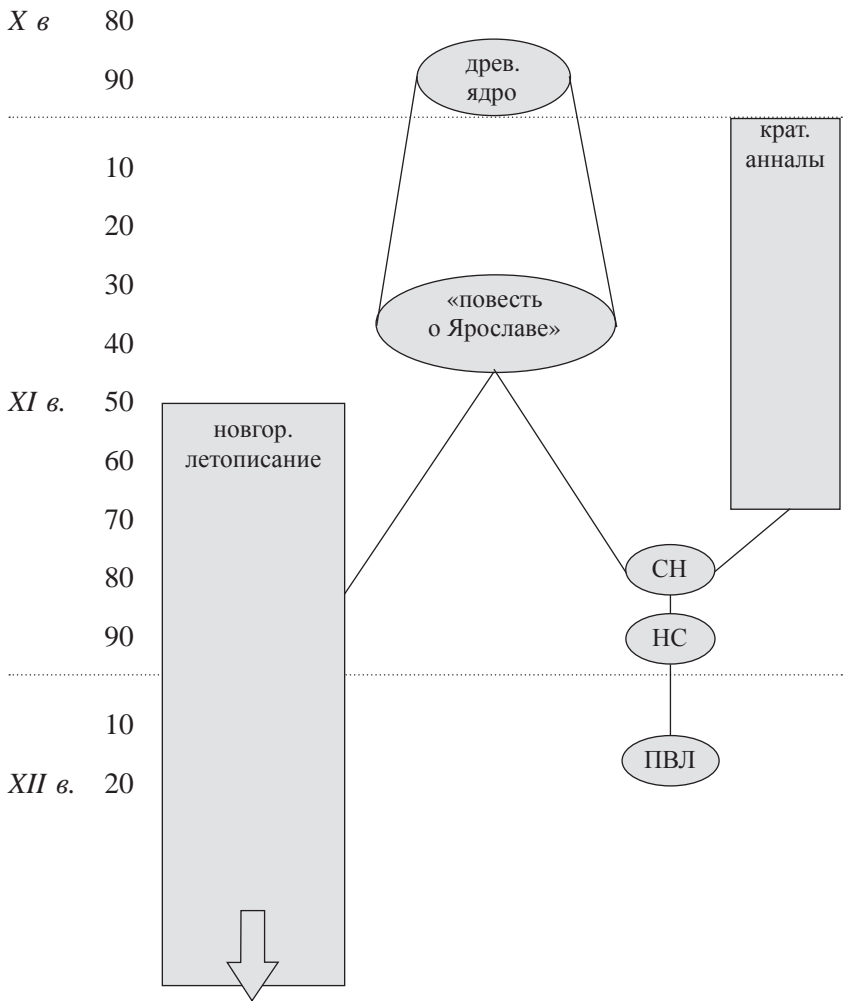
8. Учитывая сказанное, надо предполагать проникновение древнейшего ядра с продолжением о времени Ярослава в Новгород еще до момента, когда в «своде Никона» они оказались соединены с краткими анналами, — возможно, около 1050 г. в связи с освящением каменного Софийского кафедрала.

* * *

Поставив точку, не без удивления и некоторого смущения сознаём, что обрисованная схема в ряде моментов напоминает, хотя и с принципиальными переменами, гипотезу А.А. Шахматова о Древнейшем своде. Цели такой перед собой мы не ставили (в отличие, например, от Н.И. Милютенко, которая сознательно шла по пути усовершенствования шахматовского построения¹⁷⁴), и всё получилось само собой.

¹⁷³ Там же. Т. 3. С. 17.

¹⁷⁴ Милютенко Н.И. Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод) // *Rossica antiqua*. Исслед. и мат-лы, 2006. СПб., 2006. С. 156–169.

Стемма

обсуждающихся в статье памятников

(СН — «свод Никона», НС — Начальный свод, ПВЛ — «Повесть временных лет»)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подгот. к печати Д.И. Абрамович. Пг., 1916.
- Алешковский М.Х.* Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971.
- Арістов В.* До питання про «хронологічну симетрію» *Повісті временних літ* // *Ruthenica*. Київ, 2012. Т. 11.
- Бестужев-Рюмин К.Н.* О составе русских летописей до конца XIV века: 1) Повесть временных лет; 2) Летописи южнорусские. СПб., 1868.
- Богданова Н.М.* О времени взятия Херсона князем Владимиром // *ВВ*. 1986. Т. 47.
- Васильевский В.Г.* К истории 976–986 годов (Из ал-Мекина и Иоанна Геометра) // *Васильевский В.Г.* Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1 (цит. по послед. изд.).
- Вилкул Т.Л.* Даты рождения княжичей: старшие и младшие Ярославичи // *Ruthenica*. Київ, 2003. Т. 2.
- Вовина-Лебедева В.Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011.
- Всеобщая история Степ'аноса Таронского, Асох'ика по прозванию, писателя XI века / Пер. с армян. и объяснена Н. Эминым. М., 1864.
- Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1.
- Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Гиппиус А.А.* О критике текста в новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // *RL*. 2002. Vol. 26.
- Гиппиус А.А.* У истоков древнерусской исторической традиции // *Славянский альманах*, 2002. М., 2003.
- Гиппиус А.А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // *Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова*. М., 2006.
- Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX–X веках: Археологическая панорама*. М.; Вологда, 2012.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. Изд. 2-е, в одной книге, испр. и доп. М., 2012.
- Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик, Волоколамский патерик / Изд. подгот. Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1999.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2010. Т. 4: Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко.
- Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского // *Успенский сборник XII–XIII вв.* / Изд. подгот. О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

- Зимин А.А.* Память и похвала Иакова Мниха князю Владимиру и житие князя Владимира по древнейшему списку // Кратк. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1963. Вып. 37. С. 66–75.
- Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М.; Л., 1957.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 2 (по изд. И. Эйнерлинга: Кн. 1. СПб., 1842 или любому другому изд.).
- Карпов А.Ю.* Владимир Святой. М., 1997.
- Карышковский П.О.* О хронологии русско-византийской войны при Святославе // ВВ. 1952. Т. 5.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / [Пер. с греч. Г.Г. Литаврина;] Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989.
- Королюк В.Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М., 1964.
- Лев Диякон.* История / Пер. М.М. Копыленко; Ст. М.Я. Сюзюмова; Комментар. М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова; Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1988.
- Линниченко И.А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Киев, 1884. Ч. 1: До конца XII в.
- Линниченко И.А.* Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси // Тр. Киевской духовной академии. Киев, 1886. Ч. 27, № 12.
- Литаврин Г.Г.* Еще раз о походе русских на Византию в июле 1043 г. // ВВ. 1969. Т. 29.
- Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000.
- Лихачёв Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Лушин В.Г.* Некоторые особенности хронологической сегментации ранних известий Повести временных лет [1]. Симметричность летописных дат IX – начала XI вв. [2]. 882–862–852 [3] // Историко-археологические записки. Зимовники, 2010. Кн. 1.
- Лушин В.Г.* О некоторых особенностях датировки событий IX — начала XI вв. в Повести временных лет // Штрихи к портретам минувших эпох: археология, история, этнография. Зимовники, 2014. Кн. (MMXIV) 1.
- Милотенко Н.И.* Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод) // *Rossica antiqua*. Исслед. и мат-лы, 2006. СПб., 2006.
- Милотенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008.
- Михеев С.М.* «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009.
- Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
- Молдован А.М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
- Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000.
- Назаренко А.В.* Русь и Германия в 70-е годы X века // *Russia Mediaevalis*. München, 1987. Т. VI, 1.

- Назаренко А.В.* Житие Антония Печерского и датировка русско-польского союза при Казимире I и Ярославе Мудром // Славяне и их соседи: Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989.
- Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Назаренко А.В.* Новый труд известного слависта: К выходу в свет немецкого перевода Повести временных лет Л. Мюллера // Славяноведение. М., 2002. № 2.
- Назаренко А.В.* Русь IX века: север и юг // 1150 лет Российской государственности и культуры: Мат-лы к Общему собранию Российской академии наук, посв. Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М., 2012.
- Назаренко А.В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. [2-е изд., испр. и доп.] М., 2013.
- Назаренко А.В.* «Слово на обновление Десятиной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель, 2013.
- Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.
- Оболенский Д.Д.* Херсон и крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения // ВВ. 1994. Т. 55 (80). Ч. 1.
- Паушто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Пономарёв А.Л., Сериков Н.И.* 989 (6496) год — год крещения Руси (Филологический анализ текстов, астрология и астрономия) // Причерноморье в средние века. М., 1995. Вып. 2.
- Поппэ А.* Политический фон крещения Руси (руско-византийские отношения в 986–989 гг.) // Как была крещена Русь. М., 1988.
- Поппэ А.* К биографии Святополка Окаянного // История: дар и долг: Юбилейный сб. в честь А.В. Назаренко. М.; СПб., 2010.
- Присёлков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. Л., 1956.
- Прохоров Г.М.* Академик А.А. Шахматов и проблемы истории русского летописания // История и культура. Исследования. Статьи. Публикации. Воспоминания. СПб., 2010. Вып. 8 (перепечатано в: *Прохоров Г.М.* Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое. СПб., 2014. Гл. 6/1).
- Рапов О.М.* Русская церковь в IX — первой трети XII в.: принятие христианства. 2-е изд. М., 1998.
- Розен В.Р.* Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883. (Зап. Акад. наук; Т. 44. Прилож. № 1).
- Розов Н.Н.* К вопросу об участии Илариона в начальном летописании // ЛХ, 1973. М., 1974.

- Роменский А.А.* «Когда пал Херсонес?» К вопросу о ключевом моменте в истории русско-византийских отношений конца X в. // Нартекс: Byzantina Ukrainensis (так!). Харьков, 2013. Т. 2: Ῥωμαῖος. Сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана.
- Роменский А.А.* Русь во внешней политике Византии в последней четверти X в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 2014.
- Сазанов А.В.* Херсон и крещение Владимира. Saarbrücken, 2013.
- Святский Д.[О.]* Астрономия Древней Руси. С каталогом астрономических известий в русских летописях, сост. М.Л. Городецким. М., 2007 (впервые, без каталога, книга вышла в 1915 г.).
- Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. (Археология СССР).
- Снорри Стурлусон.* Круг земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.
- Соболевский С.И.* Древнегреческий язык. М., 1948.
- Срезневский И.И.* Чтения о древних русских летописях. СПб., 1862. (Зап. Акад. наук; Т. 2. Прилож. № 4).
- Сухомлинов М.И.* О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856.
- Тихомиров М.Н.* Начало русской историографии // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979 (впервые опубли. в 1960 г.).
- Толочко О.П.* [Рец.:] // *Ruthenica*, 2011. Т. 10. — Рец. на кн.: Историко-археологические записки / Отв. ред. Е.П. Токарева. Зимовники, 2010. Кн. 1.
- Цукерман К.* Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-глебский сборник. Р., 2009. Вып. 1.
- Черепнин Л.В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // *ИЗ.* 1948. Т. 25.
- Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908 (перепечатано: *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1; цит. по 1-му изд.).
- Шахматов А.А.* Корсунская легенда о крещении Владимира // Сб. ст., посв. почитателями акад. и заслуженному проф. В.И. Ламанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности. СПб., 1908. Ч. 2 (перепечатано: *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2; цит. по 1-му изд.).
- Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1: Вводная часть, текст, примечания (перепечатано: *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2; цит. по 1-му изд.).
- Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938 (перепечатано с добавлениями: *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2011. Т. 2).
- Шахматов А.А.* Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. 1940. Т. 4.

- Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002–2003. Т. 1. Кн. 1–2; 2011. Т. 2.
- Шахматов А.А.* Жития князя Владимира. Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XIV вв. / Подгот. текста Н.И. Милютенко. СПб., 2014.
- Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники: Тексты, перевод, комментарий. М., 1990.
- Annales Poloniae* / Ed. R. Röpell, W. Arndt // MGH SS. 1866. Т. 19.
- Ann. Alt.* — *Annales Altahenses maiores* / Ed. W. de Giesebrecht, E.L.B. ab Oefele. Hannover, 1891. (MGH SRG; [T. 4]).
- Ann. Hild.* — *Annales Hildesheimenses* / Ed. G. Waitz. Hannover, 1878. (MGH SRG; [T. 8]).
- Ann. Quedl.* — *Die Annales Quedlinburgenses* / Hrsg. M. Giese. Hannover, 2004. (MGH SRG; T. 72).
- Ann. Saxo* — *Die Reichschronik des Annalista Saxo* / Hrsg. K. Nass. Hannover, 2006. (MGH SS; T. 37).
- Bresslau H.* Jahrbücher des deutschen Reiches unter Konrad II. Leipzig, 1879–1884. Bd. 1–2.
- Budkowa Z.* Początki polskiego rocznikarstwa // St. Żr. 1958. Т. 2.
- Cedr.* 1–2 — *Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope / Suppl. et emend. ab I. Bekkero.* Bonnae, 1838–1839. Т. 1–2. (CSHB).
- Cosm.* — *Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag* / Hrsg. B. Bretholz. B., 1923. (MGH SRG NS. T. 2).
- Dąbrowski J.* Dawne dziejopisarstwo polskie (do roku 1480). Wrocław, 1964.
- David P.* Recherches sur l'annalistique polonaise du XIe au XVIe siècle // *Revue des questions historiques.* 1932. Т. 60.
- Felix W.* Byzanz und die islamische Welt im früheren 11. Jahrhundert. Wien, 1981. (Byzantina Vindobonensia; 14).
- Gesta episcoporum Cameracensium* / Ed. L. Bethmann // MGH SS. 1883. Т. 14.
- Histoire de Yahya-ibn-Sa'ïd d'Antioche, continuateur de Sa'ïd-ibn-Bitriq* / Ed. et trad. par I. Kratchkovsky, A. Vasiliev. P., 1924. (Patrologia Orientalis; T. 18).
- Jasiński K.* Rodowód pierwszych Piastów. Warszawa; Wrocław, [1992].
- Kętrzyński W.* O rocznikach polskich // *Rozprawy Akademii Umiejętności.* Wyd. histor.-filoz. Kraków, 1897. Т. 34.
- Kotlarczyk J.* Siedziby Chorwatów wschodnich // *Acta Archaeologica Carpathica.* Kraków, 1971. Т. 12.
- Labuda G.* Główne linie rozwoju rocznikarstwa polskiego w wiekach średnich // *Kwartalnik historyczny.* 1971. Т. 78, N 4.
- Labuda G.* Polska, Czechy, Ruś i kraj Łędzian w drugiej połowie X wieku // *Labuda G.* *Studia nad początkami państwa Polskiego.* Poznań, 1988. Т. 2.
- Leonis diaconi Caloensis Historiae libri decem* / E rec. C.B. Hasii. Bonnae, 1828.

- Lowmiański H.* Świętopelk w Brześciu w roku 1019 // *Lowmiański H.* Studia nad dziejami Słowiańszczyzny, Polski i Rusi w wiekach średnich. Poznań, 1986 (1-е изд.: 1970).
- Lübke 1–5 — *Lübke Ch.* Regesten zur Geschichte der Slaven an Elbe und Oder vom Jahr 900 an. Berlin, 1984–1988. Teile 1–5. (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe I: Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens; Bd. 131, 133, 134, 152, 157).
- Macartney C.A.* The Origin of the Hungarian Chronicle and Hungarian Historical Sources. Cambridge, 1951.
- MPH / Ed. A. Bielowski. Lwów, 1872–1878. T. 2–3.
- MPH NS. Warszawa, 1978. T. 5 / Ed. Z. Kozłowska-Budkowa.
- Müller L.* Ilarion und die Nestorchronik // Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine. Cambridge (Mass.), 1990. (HUS; Vol. 12/13 [1988/1989]).
- Müller L.* К критике текста, к тексту и переводу Повести временных лет // RL. 2006. Vol. 30.
- Die Nestorchronik / Ins Deutsche übers. von L. Müller. München, 2001. (Handbuch zur Nestorchronik / Hrsg. L. Müller; Bd. 4 = Forum Slavicum; Bd. 56).
- Obolensky D.* Cherson and the Conversion of Rus': an Anti-Revisionist View // Byzantine and Modern Greek Studies. Oxford, 1989. Vol. 13.
- Perlbach M.* Die Anfänge der polnischen Annalistik // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. Hannover, 1899. Bd. 24.
- Poppe A.* The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986–89 // *Dumbarton Oaks Papers*. Washington, 1976. N 30 (переизд.: *Poppe A.* The Rise of Christian Russia. L., 1982. N II).
- Poppe A.* The Building of the Church of St. Sophia in Kiev // *Journal of Medieval History*. Amsterdam, 1981. Vol. 7 (переизд.: *Poppe A.* The Rise of Christian Russia. L., 1982. N IV).
- Reg. Imp. — *Böhmer J.F.* Regesta Imperii / Hrsg. von der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- II: Sächsisches Haus, 919–1024. Graz, 1950. 2. Abt.: Die Regesten des Kaiserreiches unter Otto II., 955 (973)–983 / Neubearb. von H.L. Mikoletzky.
- III: Salisches Haus, 1024–1125. Graz, 1951. 1. Teil, 1. Abt.: Die Regesten des Kaiserreiches unter Konrad II., 1024–1039 / Neubearb. von H. Appelt unter Mitwirkung von N. von Bischoff.
- Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453 / Bearb. von F. Dölger. 2. Teil: Regesten von 1025–1204 / 2. erweiterte und verbesserte Auflage bearb. von P. Wirth. München, 1995. (Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit; Reihe A: Regesten; Abt. 1).
- Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / E. Szentpétery. Budapest, 1937–1938. T. 1.

- Scyl. — Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Ed. princeps, rec. I. Thurn. B.; N.Y., 1973. (CFHB; Vol. 5).
- Seibt W. Der Historische Hintergrund und die Chronologie der Taufe der Rus' (989) // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Proceedings of the Intern. Congress on the Millennium of the Conversion of Rus' to Christianity, Thessaloniki, 26–28 November 1988]. Thessaloniki, 1992.
- Sorlin I. Les premières années byzantins du Récit des Temps Passés // Revue des études slaves. P., 1991. Vol. 63.
- Staré letopisy české (texty nejstarší vrstvy) / Ed. A.M. Černá, P. Čornej, M. Klosová. Praha, 2003. (Fontes rerum Bohemicarum. N.S.; T. 2).
- Thietm. — Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung / Hrsg. R. Holtzmann. B., 1935. (MGH SRG NS; T. 9).
- Tolochko O.P. Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' // Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200). Turnhout, 2011.
- Třeštík D. Anfänge der böhmischen Geschichtsschreibung: Die ältesten Prager Analen // St. Žr. 1978. T. 23.
- Wattenbach W., Holtzmann R. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Die Zeit der Sachsen und Salier. Köln; Graz, 1967. 1. Teil: Das Zeitalter des Ottonischen Staates (900–1050) / Neuausg., besorgt von F.-J. Schmale.
- Wiponis Gesta Chuonradi imperatoris // Die Werke Wipos / H. Bresslau. 3. Aufl. Hannover; Leipzig, 1915. (MGH SRG; [T. 61]).

Alexandr V. Nazarenko

VERIFIABLE ANNUAL DATES IN THE EARLY RUS
CHRONICLES AND THEIR SIGNIFICANCE
FOR THE STUDY OF HISTORICAL WRITING IN RUS

The text of the early Rus chronicles for the first half of the eleventh century contains several dates which are trustworthy as a comparison with foreign sources shows. These include the dates of the fire of wooden St Sophia Cathedral in Kiev (1017), of the capture of Kiev by Boleslaw I of Poland (1018), of a 'snake-like' omen (1028), of the capture of Belz (1030), of the re-conquest of 'the Cherven towns' (1031), and of the Rus expedition against Byzantium (1043). This observation strongly supports the idea that during the time of Prince Yaroslav the Wise brief annals were kept on Kiev, traces of which one can still find in the *Primary Chronicle* (*Povest' vremennykh let*), e.g. 'Yaroslav set out [on a raid] against the Lithuanians' (1040) and the like.

The presence of such ‘petrifications’ in the text for 1000–1011 suggests that the keeping of the brief annals started as early as in the time of St Vladimir.

The existence of early brief annals in Rus constitutes an obvious parallel to the beginnings of historical writing in Poland and Bohemia. It also provides a wanting prehistory to the so-called ‘compilation of Nikon’, which in the 1060s–1070s already was quite a developed example of the genre of annalistic chronicles (*letopisi*). The early brief annals make it understandable how in Rus annalistic chronicles (*letopisi*) became the main form of historiography instead of non-annalistic historical narratives typical for Byzantium. The chronicler of the 1060s–1070s continued the brief annals of the time of Yaroslav, and thus used their annalistic form as a framework for his in fact much more narrative chronicle.

At the same time one finds some trustworthy and verifiable dates inside the oldest non-annalistic narrative (up to 997) which forms the earliest stratum of the *Primary Chronicle*. However, these dates (unlike the ones taken from the brief annals) appear to be accurate only if we correct the chronology for the shift made by the compiler of the 1090s when introducing into the chronicle the ‘Korsun legend’. These dates include those of the raid of Vladimir to Poland (979), of the capture of Korsun (989), and of the raid against the Croats (992), which were altered for (respectively) 981, 988, and 993 by the compiler of the 1090s. This means that the oldest narrative (as it was available to the compiler of the 1060s–1070s) included relative dates (by years from Vladimir’s accession to the throne and from his baptism — like in the ‘brief chronicle’ of Jakob the Monk), and thus any change in one of these starting points led to a shift of all the framework.

The compiler of the 1060s–1070s, having included into his chronicle the oldest narrative, used also its continuation (the ‘tale of Yaroslav’), created, as we suppose, in the late 1040s. Quite a natural idea of conflation of the ‘tale of Yaroslav’ with the brief annals for the same years encouraged the compiler to extend the annalistic framework to the earlier period, covered by the oldest narrative. So its text obtained absolute dates and lost relative ones. The text became formally uniform, and thus the genre of the Rus annalistic chronicles (*letopisi*) emerged.

Keywords: Rus, chronicles, annals, historical writing, chronology, the *Primary Chronicle*

Т.Л. Вилкул

О ХРОНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ
«ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» И ВРЕМЕНИ
ПОЯВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ХРОНОГРАФОВ*

В начале XX в. в работах двух выдающихся ученых — А.А. Шахматова и В.М. Истрина — были сформулированы концепции развития двух ветвей историописания Древней Руси. Речь идет о летописании, в чьем ведении находилась, так сказать, отечественная история, и о хронографии, освещавшей историю всемирную. Концепции остаются актуальными до сего дня, несмотря на спорность реконструкций и значительное пополнение современных знаний, в особенности в области хронографии. Хронографические тексты интересовали ученых прежде всего с точки зрения того, позволяют ли они реконструировать летописный свод, более древний, чем «Повесть временных лет» (ПВЛ) начала XII в., и некий ранний Хронограф — компиляцию из отрывков переводных византийских хроник, библейских и парабиблейских текстов. Исследователи связали вместе судьбы *сводов* и хронографических *компиляций* (а не полных переводных византийских хроник). В статье рассматривается возникновение идей так называемого «Начального свода» 90-х годов XI в. и «Хронографа особого состава» или же «Хронографа по великому изложению» середины — второй половины XI в. Реконструированный на материале ПВЛ и Новгородской I летописи младшего извода (Н1мл.) «Начальный свод», по мысли А.А. Шахматова и поддержавшего его в этом плане В.М. Истрина, должен содержать заимствования из раннего «Хронографа». В поздних трудах В.М. Истрина говорится о «1-й редакции ПВЛ» середины XI в., безотносительно к Н1мл. В любом случае, реконструированные таким образом летописный и хронографический памятники должны быть древнее ПВЛ. Однако современная критика текста предостерегает возможности для пересмотра аргументации А.А. Шахматова и В.М. Истрина. Наблюдаются такие особенности взаимоотношений ранних летописей и хронографов, которые ведут к иной

* Моя искренняя признательность за ценные замечания и уточнения Е.Г. Водолазкину, Т.В. Гимону, Александру Кулику и А.П. Толочко.

реконструкции общей картины историописания в Древней Руси. Выступая при исследовании ранних летописей в роли контрольных текстов, разнообразные хронографические версии действительно дают важнейший материал для решения проблем истории летописания. Проверка текстуальных свидетельств показывает, что в ПВЛ использованы только версии полных переводов византийских хроник, тогда как компиляция-хронограф использована в НІмл. По всей вероятности, хронографы составлялись позднее, чем летописи, и на начальных этапах историописания книжники пользовались полными переводами византийских хроник.

Ключевые слова: Древняя Русь, летописание, историописание, хронографы, византийские хроники, «Хронограф по великому изложению»

Одно из фундаментальных устремлений исследователей, занимающихся древними периодами — найти точку отсчета, а если речь идет о литературе — некий реальный или виртуальный памятник, с которого «всё начиналось». Для древнерусской письменности такие памятники были найдены чуть более века назад — так называемый Начальный летописный свод, отнесенный исследователями к «первой половине 1090-х годов», и «Хронограф по великому изложению» (далее: ХВИ) «середины XI в.»¹. Конечно, предпринимались попытки постулировать и более древние точки отсчета, каковыми представлялись древнейшие летописные своды X или начала XI в.,

¹ Краткие определения того, что понимают под Начальным сводом и ХВИ, см.: *Творогов О.В.* Хронограф по великому изложению // СККДР. Вып. 1. Л., 1987. С. 476–477; *Он же.* Повесть временных лет // Там же. С. 338–339; *Толочко О.П.* Початкове літописне зведення // Енциклопедія історії України. Київ, 2011. Т. 8. С. 470–471 (<<http://www.history.org.ua/?litera&id=7074>>).

О проблемах Начального свода и ХВИ см., например: *Шахматов А.А.* О Начальном Киевском летописном своде // ЧОИДР. 1897. Кн. 3. С. 1–58 [переизд.: *Он же.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1, кн. 2. С. 31–70]; *Он же.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908 [переизд.: *Он же.* История. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1]; *Он же.* Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. Л., 1940. Т. 4. С. 11–150; *Он же.* Толковая Палея и русская летопись // Статьи по славяноведению. СПб., 1904. Вып. 1. С. 199–272 [переизд.: *Он же.* История. Т. 1, кн. 2. С. 232–295]; *Он же.* Повесть временных лет. Введение. Текст. Комментарии. Пг., 1916. Т. 1 [переизд.: *Он же.* История. Т. 1, кн. 2. С. 527–977]; *Истрин В.М.* Из области древнерусской литературы. I // ЖМНП. 1903. Авг.; *Он же.* Редакции Толковой Палеи. СПб., 1907; *Он же.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1922. Т. 2: Греческий текст «Продолжения Амартола». Исследование;

«древнеболгарские» летописи и хронографы. Но они оставались в разряде гипотез, тогда как идея ХВИ и Начального свода, как считали ее творцы, В.М. Истрин (в случае с ХВИ) и А.А. Шахматов (в случае с Начальным сводом), удачно объясняла сходства и расхождения ряда сравнительно ранних текстов. Для Истрина предположение о существовавшем некогда самом первом древнерусском хронографе было призвано объяснить взаимоотношения Толковой и Полной хронографических палей², Летописца Еллинского и Римского (далее: ЕЛ)³, некоторых других хронографических компиляций, а также «Повести временных лет» (далее: ПВЛ)⁴. Для Шахматова

Он же. Замечания о начале русского летописания // ИОРЯС. Л., 1924. Т. 27. С. 45–102; Л., 1925. Т. 28. С. 107–251; *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975; *Он же.* Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 99–113; *Он же.* Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 3–26; *Он же.* Летописец Еллинский и Римский. Текстологические и источниковедческие проблемы // Летописец Еллинский и Римский. СПб., 2001. Т. 2; *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72; *Он же.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 56–96; *Вилкул Т.Л.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2003. Vol. 11. P. 5–35; *Она же.* Повесть временных лет и Хронограф // *Ibid*. 2007. Vol. 15, N 2. P. 56–116.

² Палеи — компиляции, содержащие изложение ветхозаветной истории от сотворения мира до Давида и Соломона, в объеме Восьмикнижия и первых книг Царств; библейский текст дополнен толкованиями и включениями из парабиблейских и хронографических источников. Библиографию см.: *Orlov A.A.* Selected Bibliography on Transmission of Jewish Pseudepigrapha in Slavic Milieu // *Orlov A.A.* Selected Studies in the Slavonic Pseudepigrapha. Leiden; Boston, 2009. P. 299–306.

³ Этот хронографический сборник составлен, преимущественно, из текста хроники Амартола («Римский летописец») и хроники Малалы («Еллинский летописец»), откуда древнее название, помещенное в нескольких списках. А. Попов определил две редакции памятника (*Попов А.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1); далее: ЕЛ-1 и ЕЛ-2. О.В. Твороговым издана вторая редакция (ЕЛ-2) и дано подробное описание состава первой. Библиографию см.: Летописец Еллинский и Римский. Т. 2. С. 117–200 (в примеч.); *Orlov A.A.* Selected Bibliography. P. 323–325.

⁴ Следует оговорить, что летописи для Истрина не были главным предметом исследования, делом его жизни оставались хроники, палеи и хронографы. О хронографических заимствованиях в ПВЛ знал уже А.-Л. Шлёцер. Детально о включениях из хроники Амартола и палей писал М.И. Сухомлинов (*Сухомлинов М.И.* О древней русской летописи, как памятнике литературном // Уч. зап. Импер. Акад. Наук, II отд. СПб., 1856. Кн. 3. С. 1–230), и его основательная работа повлияла на многих последующих исследователей.

же гипотеза о Начальном своде давала ключ к пониманию общих мест и различий ПВЛ и Новгородской первой летописи младшей редакции (далее: Н1мл.), а в конечном итоге обосновывала схему происхождения и видоизменения начальной летописи.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ НАЧАЛЬНОГО СВОДА. «ХРОНОГРАФ ОСОБОГО СОСТАВА»

Почему на роль «изначальных» были избраны памятники гипотетические? Ответ на этот вопрос лежит в истории исследования летописных сводов. Картина возникновения и развития летописания в начале истории его изучения представлялась исследователям смутно, еще и потому, что многие поздние своды были изданы прежде ранних⁵. Тем не менее ученые не могли не заметить и сходства, и существенные различия начальной части многих летописей. По традиции, идущей от киевской школы XVII в., первый «временник», т.е. летопись, приписывался Нестору⁶. В то же время даже в наиболее древних «харатейных» (пергаменных) списках «чистый Нестор» не находился, его «временник» был слит с

⁵ Это демонстрирует приложение «Основные издания летописей XVIII–XIX вв.» к работе: *Бобров А.Г.* Принципы издания древнерусских летописей // *Лихачёв Д.С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. 3-е изд., перераб. и доп. СПб., 2001. С. 745–748. Летописи в XVIII — 30-х годах XIX в. издавались в таком порядке (мною выделены курсивом поздние): Радзивилловская / Кёнигсбергская (1767), Никоновская (1767, 1768, 1786, 1788, 1789, 1790, 1791, 1792), Лицевой свод (частично, 1769, 1772, 1774), Степенная книга (1775), Син. (1781, переизд.: 1819), Устюжский летописный свод / Архангелогородский летописец (1781), Типографская (1784), Академический список Н1мл. (1786), «Руский временник» (1790, переизд.: 1820), Львовская (1792), Воскресенская (1793), Новгородская Уваровская (1795), Лаврентьевская (1804–1811, 1824), Софийский временник / Софийская I летопись (1820, 1821), Супрасльская, Краткий Новгородский летописец и Киевская летопись (1836), Псковская летопись (1837).

⁶ См.: *Tolochko O.* On 'Nestor the Chronicler' // *HUS.* 2007. Vol. 29, N 1–4. P. 31–59. Имя Нестора находили в Киево-Печерском патерике и отдельных списках летописи. Кроме того, ПВЛ содержит Введение, с попытками осмысления процесса написания истории (начиная с самого названия «Се повѣсти времяныхъ лѣтъ» и в тексте: «отсюда числа положимъ», «нѣдци несмыслении сказають»...), а далее помещает автобиографические ремарки, побуждавшие искать автора или составителя. Вообще, исследователи XVIII–XIX вв. часто делали акцент на автобиографических ремарках летописцев, и на этой основе пытались выделить различные «временники» — авторские или областные летописи — составляющие летописных сборников.

«продолжателями»⁷. Вторая половина XVIII и почти весь XIX в. прошли в поисках подлинного Нестора и в сетованиях, что, к сожалению, такую рукопись найти невозможно. Попытки А.-Л. Шлёцера создать «очищенный текст»⁸ были признаны неудачными, но сама идея «очищения» Начальной летописи от «вставок» оставила глубокий след в летописеведении. Тем более, что в ПВЛ действительно обнаруживались противоречивые известия и скачки изложения, стимулировавшие мысли о каком-то раннем ядре.

Существовал еще один «авторский» свод, в начале XIX в. получивший название «Софийского временника». Особое значение ему придавалось потому, что в нем имеется Предисловие — отметка руки иного летописца, нежели Нестор⁹. Отношения «Временника Нестора» и «Софийского временника» представляли собою загадку. Местами тексты сильно разнились, и при этом были представлены

⁷ См.: *Строев П.М.* Предисловие // Софийский временник, или русская летопись с 862 по 1534 год. М., 1820. Ч. 1. С. VII («Но Временник его не дошел до нас в виде отдельном. В исторических сборниках... он сливается в записками его продолжателей»). Окончание работы «Нестора» датировали по-разному: В.Н. Татищев — 1093 г., Г.Ф. Миллер — 1115 г., А.-Л. Шлёцер — 1116 г., В.М. Перевощиков — 1074 г., П.Г. Бутков — 1113 г., И.И. Срезневский — между 1113 и 1116 гг. См.: *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 1. С. 338, 348, 359, 365, 375. Подробнее историографию см.: *Русинов В.Н.* Летописные статьи 1051–1111 гг. в связи с проблемой авторства и редакций «Повести временных лет» // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. История. Н. Новгород, 2003. Вып. 1 (2). С. 112–115.

⁸ А.-Л. Шлёцер попытался воссоздать изначальный древнерусский текст, пригодный для перевода, на основании свыше 10 списков начальной летописи, удаляя «порчи» и «вставки» последующих продолжателей и «списчиков». См. во вступлении: «часто находил я настоящее чтение в одном каком-нибудь списке, который в прочем принадлежал к дурнейшим»; «Нестора нельзя было перевести, не очистя его прежде». *Шлёцер А.-Л.* Нестор. Русские летописи на древне-славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.Л. Шлёцером. СПб., 1809. Ч. 1 / Пер. Дм. Языков. С. XIV, XX (<<http://dlib.rsl.ru/viewer/01004172245#?page=1>>).

⁹ Относительно того, почему была выбрана не Н1 (ср. начало текста Н1мл.: «Временникъ, еже есть нарицается лѣтописание»), а Софийская I летопись, можно говорить о случайности выбора издателей. Предисловие стало известно сначала по Софийской I (*Строев П.М.* Предисловие), откуда и пошло название. Н1 издавалась еще в XVIII в., но по спискам, утратившим начало: Син. (начинается с 1016 г.) и Академический список Н1мл. (начинается с 946 г.). Уже через 20 лет после издания Строева, в публикации Н1, открывавшей серию ПСРЛ (СПб., 1841. Т. 3), было отмечено, что название «Временникъ» и Предисловие новгородского летописца присутствуют в Комиссионном и Толстовском списках и, следовательно, изначально читались в Н1. Однако название «Софийский временник» успело закрепиться и используется до сегодняшнего дня. См., например: *Сухомлинов М.И.* О древней русской летописи. С. 13–14; *Бобров А.Г.* Принципы издания. С. 726.

древними рукописями. При наличии расхождений было абсолютно неясно, которому из них можно доверять и где сохранена первоначальная версия летописи. Соответственно, исследователи либо должны были реконструировать процесс переделки одной из версий, либо разыскать некий ранний пункт, где обе летописи разошлись. Вообще, русисты традиционно склонны искать более раннюю точку расхождения. Современная критика текста четче различает *rewriting* (полное переписывание) и *overwriting* (редактирование-расширение-сокращение поверх и на основе уже написанного), причем полное переписывание часто преобладает в начале и в окончании¹⁰. Это, в свою очередь, позволяет предполагать сложный способ замены версий летописного текста¹¹. Но летописеведы от XVIII в. и до наших дней обычно воспринимают летописи как документальные свидетельства. Соответственно, квалификацию *rewriting* склонны считать обвинением в «выдумывании / подлоге документов» и «сознательном искажении информации», несмотря даже на то, что сейчас в различных дисциплинах накопились свидетельства в пользу того, что древние авторы не считали переписывание истории ее искажением¹².

¹⁰ Например: *Edenburg C. Rewriting, Overwriting, and Overriding: Techniques of Editorial Revision in the Deuteronomistic History // Words, Ideas, Worlds in the Hebrew Bible: Essays in Honour of Y. Amit. Sheffield, 2012* (<http://www.academia.edu/2177797/Rewriting_Overwriting_and_Overriding_Techniques_of_Editorial_Revision_in_the_Deuteronomistic_History>).

¹¹ Относительно взаимоотношения ПВЛ и Н1мл. автор этой статьи придерживается мнения, что Н1мл. является позднесредневековой летописью, а в ее протографе состоялась неравномерная переработка ПВЛ с использованием дополнительных текстов: местами, особенно в начале, — полное переписывание, местами — редактирование, в довольно значительной части — точное копирование (тема затрагивалась в: *Вилкул Т.Л. Новгородская первая летопись*). Разнообразные дальнейшие трансформации записей о «начале истории Руси» и событиях IX–XII вв., а также комбинирование с новыми источниками в новгородских и московских сводах — в том числе повторная сверка с ПВЛ и частичное восстановление утраченных в редакции Н1мл. фрагментов, — свидетельствуют об активности составителей XV в. О комбинировании текстов в самой Н1мл., на примере одной годовой статьи, см.: *Вилкул Т.Л. «Посла князь Игорь на греки вои...»*. Источники статьи 6428 г. Новгородской первой летописи младшего извода о походе руси на Константинополь // *Русская литература. 2015* (в печати).

¹² Например, *rewriting* отмечается при создании богодохновенного Моисеева Пятикнижия и ассирийских летописей — «разговоров» царя с кем-нибудь из богов. Еще первый российский историк В.Н. Татищев унаследовал довольно много от такого простого отношения к «переделке» старины. См.: *Толочко А.П. «История российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005*.

Ко времени издания первых томов «Полного собрания русских летописей» (ПСРЛ), т.е. к 1840-м годам, были определены «изводы Нестора»: древний (то, что мы теперь называем ПВЛ), средний (новгородско-софийские своды) и новый (Никоновская или Патриаршья летопись). Озвучил эту несколько упрощенную, учитывая объем уже изданных на тот момент летописей, идею издатель первых шести томов ПСРЛ Я.И. Бередников. Она была изложена в предисловии к первому тому ПСРЛ (1846) и стала таким образом программной¹³. Уже у М.И. Сухомлинова деление на ветви летописания стало более дробным и близким к современному¹⁴. Однако трехчленная схема Бередникова удержалась — отчасти потому, что не нашла замены в предисловиях к переизданиям ПСРЛ¹⁵, а отчасти, видимо, благодаря своей простоте. Для мыслительных операций чрезвычайно эффективно число три (три стадии процесса, в том числе), что подтверждается философскими и научными конструкциями. Возможно, далее, усложняясь, схема продолжала бы функционировать, но нашелся человек, который перевернул соотношение «древнего» и «среднего» изводов и превратил «средний» новгородско-софийский в начальный, а «древний» киевский — в позднейший. Этот человек — А.А. Шахматов¹⁶.

¹³ ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. IV, XVII–XVIII; *Бобров А.Г.* Принципы издания. С. 729 (сделана ссылка на протоколы Археографической комиссии, но на самом деле идея Бередникова не осталась пылиться в протоколах и получила гораздо более широкое распространение).

¹⁴ В работе 1856 г. М.И. Сухомлинов выделял Лаврентьевский, Ипатьевский и Кёнигсбергский (Радзивилловский) списки, в древней части весьма сходные, затем новгородские своды, еще далее Софийскую, Воскресенскую, Никоновскую и позднейшие летописи, составленные под влиянием Лаврентьевского, новгородских и южнорусских (*Сухомлинов М.И.* О древней русской летописи. С. 6–8).

¹⁵ В переиздании первых двух томов серии ПСРЛ (1871–1872 гг.) отсутствует общая схема составления средневековых летописных сводов. А.Ф. Бычков (ПСРЛ. Л., 1872. Т. 1: Летопись по Лаврентьевскому списку) в предисловии ограничился сравнением Лаврентьевской и Ипатьевской группы списков ПВЛ.

¹⁶ Кстати, следует отметить благоприятное стечение обстоятельств, способствовавшее возникновению концепции Шахматова. В 1888 г. вышло новое издание Н1, которое содержало ранние статьи свода (Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888). Как уже говорилось, в Син. начальные тетради отсутствуют, и участок до статьи 1016 г. был восстановлен по Толстовскому и Комиссионным спискам Н1мл. Ранее дважды издавался Син. (1781, 1819) или композитный текст, но с 1016 г. (ПСРЛ. 1841. Т. 3; по тексту Н1мл. здесь воспроизводилось лишь окончание свода), а также Академический список Н1мл. (1786 г.), начинающийся записями 946 г. Кроме того, к 1890 г. были накоплены обширные знания о новгородско-софийских сводах. Например, в труде И.П. Сенигова

Во всех работах Шахматова, начиная с его пробной лекции в Московском университете 1890 г., присутствует отчетливая тенденция объединять новгородские своды и «Софийский временник» в одну ветвь¹⁷. Ученый присоединился к тем исследователям, кто считал, что поздние списки доносят до нас первоначальные чтения¹⁸, и склонен был доверять новгородским сводам. Почему новгородские летописи для него были свидетелем более аутентичным? Вероятнее всего, из-за общего для XVIII–XIX вв. убеждения в документальности сочинений новгородских и большей «литературности» летописей киевских. Изначально в основе этих рассуждений лежало также то, что изложение, подобное ПВЛ, обрывается во всех новгородских сводах на статье 1074 г., и предполагалось, что около этого времени и был составлен предыдущий свод¹⁹, тог-

было проведено полное сравнение вариантов списков старшей и младшей редакций Н1, дополнительных и отредактированных новгородских известий позднесредневековых сводов, опровергнута гипотеза о прямолинейной тенденциозности новгородских летописцев и т.д. (см.: *Сенигов И.П.* О древнейшем летописном своде Великого Новгорода. СПб., 1885).

- ¹⁷ См.: *Шахматов А.А.* О сочинениях преподобного Нестора (первая пробная лекция на заседании историко-филологического факультета Московского университета 1 марта 1890 г.) // *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 2. С. 465–475. Тут Шахматов шел, с некоторым варьированием темы, за И.П. Сениговым и другими исследователями, см.: *Сенигов И.П.* О древнейшем летописном своде. Разумеется, практиковался и иной подход (например: *Костомаров Н.И.* Лекции по русской истории. СПб., 1864. Ч. 1: Источники русской истории. С. 59–72, 91–95; новгородские летописи и Софийский временник рассматриваются в разных главах). Вообще, с новгородско-софийскими летописями в российской историографии издавна был связан сложный узел полемики. Если исходить из современного уровня знаний, Софийская I — позднесредневековый свод XV в., где использованы новгородские и суздальско-московские, а местами также южнорусские версии летописей.
- ¹⁸ Например, С.М. Соловьёв высказывался в том смысле, что древние списки заключают летопись сокращенную, пополнения которой следует искать в позднейших летописях, Никоновской и др., и его мнение было авторитетным. Ср. ссылку: «выражения в роде таких, что известие Никоновского списка выдуманно, потому что его нет в харатейном Несторе — не имеет более смысла в науке». — *Иконников В.С.* Опыт. Т. 2, кн. 1. С. 373. Шахматов настаивал на том, что в Тверском сборнике, Софийской I и Воскресенской летописях (XV–XVI вв.) в «более полном и исправном виде» читаются фрагменты Начального свода: *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 2. С. 31–70, особенно с. 59. С точки зрения современной текстологии это не невозможное решение: поздние списки действительно могут содержать исправные версии. Но, вместе с тем, весьма высока вероятность позднего редактирования, и в каждом таком случае необходимо учитывать весь комплекс разночтений и конкретные обстоятельства функционирования текста, а не впечатление от его «полноты».
- ¹⁹ См. о «первой редакции ПВЛ» в пробной лекции Шахматова 1890 г.: *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 2. С. 468.

да как сама ПВЛ, что совершенно очевидно, доведена до начала XII в. При этом для ученого был закрыт простой путь провозгласить древнейшим текстом пергаменный Синодальный список (Н1 старшей редакции, Син.)²⁰ — Шахматов принял и развил аргументацию И.И. Срезневского и Н.И. Костомарова относительно того, что записи Син. за XI в. являются сокращенной и переработанной версией ПВЛ²¹. Следовательно, необходимо был избрать иного представителя на роль «Софийского временника», и им могла оказаться только Н1мл.²²

Шахматов искал и нашел пункт расхождения ранних сводов, но в ходе его разысканий пункт этот несколько «дематериализовался». В первой пробной лекции 1890 г. молодой приват-доцент утверждал, что «первая редакция ПВЛ»²³ дошла до нас в новгородских летописях и была доведена до 1074 г. В расчет принимались вполне материальные вещи, тексты реальных летописей²⁴.

²⁰ Син. и поныне остается древнейшим из дошедших до нас списков летописи. Первый почерк определяют как почерк первой половины XIII в.: *Гимон Т.В., Гиттус А.А.* Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 18–47.

²¹ См.: *Срезневский И.И.* Исследования о летописях новгородских // Изв. Акад. наук. Отд. II. СПб., 1853. Т. 2. С. 20; *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 2. С. 33, 48. Шахматов ссылается также на Н.И. Костомарова (Лекции. Ч. 1. С. 72), но на указанной странице нет ничего подобного (ср., однако, с. 62 и 93). Вопрос о взаимоотношениях Син. и иных версий давно был дискуссионным. В работе: *Сенигов И.П.* О древнейшем летописном своде. С. 11–12, 58 и др., — отмечены мнения середины XIX в.: М.П. Погодин и Я.И. Березников считали, что в утерянных тетрадах Син. текст идентичен спискам Н1мл., им оппонировали И.И. Срезневский и Н.Н. Яниш.

²² Собственно, выбор был небогатым. Часть сводов, как было ясно уже в XIX в., относятся к поздним «сборникам» (Софийская I, Тверской и др.), часть (например, Новгородская Карамзинская летопись), к тому же, еще оставалась неизвестной; иные летописи были очевидно более поздними, нежели Н1 (Новгородские IV, II, III).

²³ То, что потом Шахматов назвал Начальным сводом. В работах разных лет он упоминает массу «первых», «вторых», «третьих» и «особых» редакций, касавшихся совершенно разных текстов (например, «первая редакция Начального свода», «вторая редакция Начального свода», «первая редакция Еллинского летописца», «особая редакция Еллинского летописца», «четвертая редакция Еллинского летописца» и т.п.).

²⁴ Относительно даты 1074 г. уже говорилось выше: с этого года подобное ПВЛ повествование в Н1мл. обрывается, за чем следуют лапидарные записи, сходные с Син. Иными словами, исходная идея Шахматова была проста: в Н1мл. сохранился свод, составленный ок. 1074 г., тогда как ПВЛ доведена до начала XII в. и представляет собой более поздний текст.

В работе 1897 г., отталкиваясь от идеи И.П. Сенигова и не соглашаясь с исследователем, пытавшимся предложить новое решение для проблемы Син., Шахматов вынес на обсуждение идею общего протографа — Начального свода. Син. действительно представляет собой загадку: в нем отсутствуют первые 16 тетрадей, начинается он сразу с известий 1016 г., а по характеру изложения частично совпадает со «средним изводом», «Софийским временником». И.П. Сенигов допускал, что в утраченной части помещалось начало «Софийского временника», а тетради были утеряны сравнительно поздно²⁵. Шахматов отбросил эту гипотезу и предложил иное решение: тетради были утеряны уже в XIII в., Софийский временник сохранился в Н1мл., но в ней же содержится и Начальный свод! Якобы в 1220-х годах новгородский книжник, пытаясь восстановить утраченное начало летописи, не смог отыскать ПВЛ, но обнаружил свод, «сходный» с нею и более ранний²⁶. По мнению Шахматова, свод был дефектным, он обрывался на статье 1074 г.²⁷ и перерабатывался в XIII в. во время составления временника. Что важно в отношении хронографических источников — в другой статье этого года ученый писал о том, что составители как ПВЛ, так и Начального свода (=Н1мл.) использовали хронику Георгия Амартола (о привлечении разных источников речь не заходила)²⁸. Благодаря утверждению об «обрыве» экземпляра Начального свода, бывшего в распоряжении новгородского летописца в XIII в., предшествовавшая ПВЛ компиляция стала более «прозрачной», однако все еще была связана с реальными текстами. Стремительный шаг в сторону виртуализации составляющих ПВЛ был сделан в 1900 г.²⁹ Под влиянием В.М. Истрина и А.В. Михай-

²⁵ Но не того Софийского временника, который был издан П.М. Строевым (т.е. реально существующей Софийской I летописи), а древнего протографа: *Сенигов И.П.* О древнейшем летописном своде. С. 3 и др.

²⁶ *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 2. С. 58–59.

²⁷ Именно обрывом, а не тем, что сам свод был доведен до 1074 г., теперь объяснялась смена характера изложения в статье 1074 г. во всех новгородских и зависимых от этой группы сводах. В этой и других работах (как кажется, вплоть до 1908 г.) Шахматов еще не определил дату составления Начального свода 1090-ми годами.

²⁸ *Шахматов А.А.* Хронология древнейших русских летописных сводов // ЖМНП. 1897. Ч. 310, № 4. С. 465, 467 [переизд.: *Он же.* История. Т. 1, кн. 2. С. 6, 8].

²⁹ *Шахматов А.А.* Начальный Киевский летописный свод и его источники // Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900. С. 1–9 [переизд.: *Он же.* История. Т. 1, кн. 2. С. 175–184].

лова³⁰ А.А. Шахматов начал работать с хронографическими сборниками. На основе сравнения летописи с ЕЛ, палеями и Троицким хронографом³¹ ученый сделал вывод о существовавшем некогда «Хронографе особого состава»³². А на основе сравнения ПВЛ и Н1мл., а также двух небольших конечных статей Троицкого хронографа объемом менее пол-листа³³ — массу выводов об исторических компиляциях X–XI вв., в том числе о Еллинском болгарском летописце прото-редакции и «Древнейшем своде», лишенном хронологической сетки³⁴. Начиная с этого года, Шахматов пишет о том, что хронографические

³⁰ Еще не была высказана идея ХВИ, но Истрин уже сделал несколько докладов, им было начато издание Малалы, вышли статьи со сравнениями отдельных фрагментов хронографов, палей и летописи. См., например: *Истрин В.М.* Замечания о составе Толковой Палеи. I–VI // СОРЯС. СПб., 1898. Т. 65. № 6. См. также: *Михайлов А.В.* Общий обзор состава, источников, редакций и литературных источников Толковой палеи // Варшавские университетские известия. Варшава, 1895. № 7. С. 1–21. Кроме того, в статье 1900 г. Шахматова ощущается знакомство с монографией Истрина: *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов. М., 1893, — чего не было заметно в предыдущих работах.

³¹ Точнее, с теми рукописями, которые во второй половине XX в. О.В. Творогов называет Троицким хронографом, — т.е. списками Троиц. 728 и Унд. 1 (оба ныне в РГБ). О.В. Творогов ввел в научный оборот еще один список этого хронографа, назвав его Ленинградским (РНБ. НСРК. F15).

³² Вывод в целом верный. Позднее О.В. Творогов отнес Троицкий ко «2-й редакции» ХВИ, а обе хронографические палеи и ЕЛ-2 — к «3-й» редакции ХВИ. Однако отношения рукописей и версий, датировка и, как попытаюсь показать далее, отношение к летописи Шахматовым были определены неточно или неверно.

³³ Благодаря сайту Троице-Сергиевой лавры (<<http://www.stsl.ru/manuscripts/index.php>> — основной фонд рукописей) весь текст Троицкого хронографа доступен. В упомянутых конечных статьях помещен рассказ о походе князя Олега на греков. Важно, что версия нетождественна Н1мл., где Олег представлен воеводой Игоря: *Вилкул Т.Л.* «Посла князь Игорь на греки вои...».

³⁴ А.А. Шахматов писал о пяти этапах хронографическо-летописательской деятельности: 1) Еллинский летописец болгарский, не дошедший до нас, 2) первая редакция Начального свода, отразившаяся в Троицком хронографе, где также привлекалась самая ранняя летопись, 3) особая редакция ЕЛ, 4) вторая редакция Начального свода, отразившаяся в Н1мл., 5) ПВЛ (*Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 2. С. 183). В частности, в том, что касается хронографических заимствований, схема была такой: в «1-й редакции Начального свода» еще нет ни ЕЛ, ни Амартола, присутствует лишь «Речь Философа». Далее появляется ЕЛ (хронограф) «особого состава» и отражается в «Начальном своде 2-й редакции». На последнем этапе составитель ПВЛ не пользовался этим Еллинским летописцем, а обращался непосредственно к полному переводу Амартола (Там же. С. 185). В другой статье того же 1900 г. ученый постулировал множество редакций ЕЛ, в том числе «4-й редакцией» считал Иудейский хронограф (который, как показал В.М. Истрин, что подтвердил О.В. Творогов, относится к совершенно иной традиции): *Шахматов А.А.* Древнеболгарская энциклопедия X в. // ВВ. 1900. Т. 7, вып. 1–2. С. 1–35, особенно с. 15.

источники ПВЛ и более древних сводов разнятся: в Начальном своде использован хронограф, а в ПВЛ — «Временник Амартола», т.е. полный перевод хроники Амартола. С течением времени детали его гипотез претерпевают различные трансформации: множатся Еллинские летописцы и редакции Хронографической палеи, выделяются, кроме Начального и «Древнейшего», иные промежуточные своды, создание Софийского временника переносится на вторую четверть XV в.³⁵ и одновременно появляется дата Начального свода 1093 г.³⁶, колеблется число редакций ПВЛ... Неизменна лишь уверенность в том, что Н1мл. донесла свод более ранний, иногда очень близкий ПВЛ, но временами существенно отступающий от ее текста. Верен себе Шахматов и в оперировании реконструированными(-виртуальными) текстами, с легкостью перетекающими один в другой.

Если взглянуть на эти схемы в общем виде, они удовлетворительно решали проблемы летописеведения своего времени. Кандидат на раннюю версию летописного свода был найден, разрешался вопрос списков «древнего извода Нестора» (ПВЛ), выступавших в абсолютном меньшинстве по сравнению с основным массивом летописей, и вопрос о разногласиях «древнего» и «среднего» изводов. В частности, разрешалась проблема их разнообразных комбинаций в поздних сводах. ПВЛ оказывалась следующим этапом составления летописи. Некоторые своды, к примеру Н1мл., могли его миновать, а другие — позднейшие — комбинировать этап «начальный» и этап «составления ПВЛ». «Виртуализация» же текстов была довольно удобна в том отношении, что этот прием позволял без каких-либо оговорок применять метод «определения поздних наслоений» и «очищения от вставок».

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ХРОНОГРАФА ПО ВЕЛИКОМУ ИЗЛОЖЕНИЮ»

История изучения хронографов имеет некоторые отличия от истории изучения летописей, но результат оказался в целом сходным. Прежде всего внимание ученых привлекли «Толковые палеи»

³⁵ Впрочем, в ряде работ ученый оставил также дату «XIII в.».

³⁶ Значительно позднее сравнительно с появлением самой идеи Начального свода: Шахматов А.А. Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись // ИОРЯС. СПб., 1908. Т. 13, кн. 1. С. 213–270 [перезд.: *Он же*. История. Т. 1, кн. 2. С. 380–412, особенно с. 387]; *Он же*. История. Т. 1, кн. 1. С. 21.

и ЕЛ³⁷ — сборники, имеющие множество текстуальных пересечений. Иные компиляции стали известны в основном в результате научной деятельности В.М. Истрина, продолжавшейся свыше 40 лет³⁸. Но еще прежде, чем прояснились многие детали в картине формирования хронографической литературы Древней Руси, появилась идея «Хронографа по великому изложению» (ХВИ)³⁹. Возможно, Истрин еще бы выжидал и какое-то время ограничивался отдельными наблюдениями⁴⁰, но его более успешный товарищ А.А. Шахматов «выстрелил» в 1900 г. с идеей «хронографа особого состава».

³⁷ См., например: *Попов А.* Обзор хронографов. Вып. 1. Относительно «толковых палей» во множественном числе необходимо сделать пояснение. Сейчас различают Толковую палею, Полную и Краткую хронографические палеи, но в 60-х годах позапрошлого века, и даже ко времени начала деятельности Шахматова и Истрина в 1890-х годах, все они считались редакциями Толковой палеи.

³⁸ В частности, ученый описал Иудейский хронограф и нашел его место в кругу аналогичных текстов. До того обращали внимание лишь на Архивский список, имеющий включения из Исторической палеи. Истрин сопоставил Архивский и Виленский списки, оказалось, что это рукописи одного хронографа, но в Виленском палейные вставки отсутствуют. Кроме того, Истрин изучил и описал Библиотечный или Академический хронограф, исследовал краткие хронографы (выяснилось, например, что Соф. 1454 связан с Иудейским). Ученый определил версии хроники Амартола, в том числе ее трансформации в хронографических компиляциях. Благодаря этому, например, выяснилось, что ЕЛ-1 не входит в семью ХВИ. Исследовал Истрин и редакции Толковой палеи. Конечно, ученый опирался на работы своих предшественников и коллег, в том числе П.М. Строева, И.И. Срезневского, К.М. Оболенского, В.М. Ундольского, А. Попова, А.В. Михайлова и др., но его вклад в изучение хронографии остается наиболее значительным. Этапными были такие исследования В.М. Истрина: Александрии (1893), хроники Георгия Синкелла (1903), Толковой палеи (1897, 1905–1907), хроники Малалы (1897–1915), хроники Георгия Амартола (1920–1930), раннего летописания, затрагивающие проблемы ХВИ (1916, 1924–1925), «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (1934). Они охватили большинство хронографических текстов, известных на Руси в XI–XV вв.

³⁹ Первоначально Истрин работал с памятниками, которые не входили в «семью ХВИ» или не ограничивались этой группой текстов: Александрией Хронографической, Толковой палеей, хроникой Иоанна Малалы (1893, 1897–1915). В первой работе о Толковой палее (1897–1898) ученого интересовали соотношения Толковой палеи не только с ПВЛ, но и с Книгой Кааф и пр. В связи с летописью внимание привлекли лишь отдельные сюжеты: Вавилонского столпотворения и расселения народов. Однако в ходе полемики с А.А. Шахматовым по вопросу о Толковой палее (работа Шахматова вышла в 1904 г., работы Истрина — в 1903 и 1905–1907 гг.; см.: *Вилкул Т.Л.* Толковая Палея и Повесть временных лет. Сюжет о «разделении язык» // *Ruthenica*. Киев, 2007. Т. 6. С. 37–39) оформились иные аргументы.

⁴⁰ Ср. слова Шахматова: «нужно удивляться той осторожности и последовательности...» (*Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 2. С. 236).

Пришлось отстаивать свои позиции. Помимо всего прочего, Шахматов кругом усматривал следы древнейших болгарских палей и болгарского прото-Еллинского летописца⁴¹ X в., а его коллеги стремились доказать русское происхождение этих текстов⁴², что было одним из важных пунктов «идеологического» противостояния, во многом оставшегося для славистов актуальным и до сего дня.

Идея первого древнерусского хронографа формировалась в полемике А.А. Шахматова и В.М. Истрина. Впоследствии, уже во второй половине XX в. О.В. Творогов объединил обе схемы — «хронографа особого состава» и «Хронографа по великому изложению»⁴³. Последнее название, так же как «Повесть временных лет» или «Временник», аутентичное, т.е. взято из средневекового текста. В Полной хронографической палее Истрин обнаружил ссылку средневекового книжника: «...та^к бо бѣ пи^чно во книга^х е^ж предръжи^т *фр*онографъ по великому изложню . совокоупи и списа яко ^ж бѣ пре^дписано в нача^л кни^г си^х от палѣа и от тратовасилиа . се ^ж па^к и пр^оркы приве^д неблазно пи^сние глѣа сице», — и решил, что речь идет о памятнике, легшем в основу палей, ЕЛ и ПВЛ⁴⁴. Кста-

⁴¹ Возможно, эти воззрения укоренены в идейно-личностном противостоянии с А.И. Соболевским. Надо сказать, идея «прото-Еллинского летописца» появилась одновременно с идеей «хронографа особого состава». Однако первая серьезнее критиковалась коллегами.

⁴² В том числе В.М. Истрин, для которого вопрос переводческой активности на Руси был весьма существенным. Именно он, в частности, обосновывал позднее древнерусское происхождение первого перевода хроники Амартола.

⁴³ Правда, в поздней своей работе Шахматов пытался сочетать идею «Хронографа особого состава» и ХВИ (последнего — со ссылкой на Истрина), но использовал эти реконструкции для объяснения происхождения разных мест летописи, Введения и «Речи Философа». См.: *Шахматов А.А. Повесть временных лет и ее источники*. С. 72–74, 146. Действенно объединил обе гипотезы и существенно дополнил наши знания о хронографических компиляциях О.В. Творогов.

⁴⁴ См.: *Истрин В.М.* Редакции Толковой палеи. С. 36 (здесь цитируется по рукописи РГБ. Рум. 453; в РНБ. Пог. 1435: «хронографъ» и «тратовасилиа»). По-видимому, Истрин мог сделать заключение о ссылке книжника на «хронограф по великому изложению», привлекая иную аналогию: эксерцты из хроник Малалы и Амартола одним из древнерусских сводчиков были названы «Летописцем Еллинским и Римским... гранографом (хронографом. — *Т.В.*)». Так же как и в Полной палее, название было гораздо более обширным, и ученые извлекали из него лишь наиболее существенную информацию. Ср. в ЕЛ-1 по списку ГИМ. Син. 280. Л. 6: «*Лѣтописецъ елинскѣи и римскѣи* сия книги списаны не из' единѣхъ . книгѣ но от различнѣи истин'ныхъ великихъ . по исправленью многуо мусіѣва истинная сказанія . и от четыре^х цѣртвѣи . и от пр^орч^твѣиа георгиева поистинѣ изложена . и от ездры . и от истирии и от азмать аз'матьскы^х . и патаоухика . и еще же от *иоан'нова гранографа и антиохиискаго* . и^ж вся ел'линскыа акы бляди сплетения

ти, сама по себе эта ссылка мало о чем говорит. По составу («отъ палея» = Восьмикнижие, т.е. первые 8 книг Библии, «от тратовасилия» — испорченное Тетровасилия — 4 Царства, и «пророкы» — Книги пророков) так можно обозначить несколько хронографов⁴⁵. А по характеру палейная ремарка напоминает указание на «старый летописец ростовский» в Киево-Печерском патерике: что́ это был за свод — не известно, скорее всего, какой-то из суздальских «продолжателей Нестора», однако поколения ученых тратили усилия на определение этого «старого летописца».

Необходимо отметить, что подходы Истрина и Шахматова к определению протографических версий довольно существенно различались. Начиная с магистерской работы «Александрия древнерусских хронографов» (1893), Истрин стремился определить состав той или иной хронографической компиляции полностью, а если речь шла о нескольких сборниках — говорить о существовании их общего протографа обязательно на основании не отдельных сближений, а системного сходства. Полемизируя с Шахматовым, Истрин отмечал:

Ведь хорошо всем известно, что источники, которыми пользовались русские хронисты, были далеко не обширны и что мы всегда и впоследствии при исследовании новых хронографов и других связанных с ними памятников будем находить общие места. Но отсюда еще очень и очень далеко до определения их связи по своему составу⁴⁶.

Вследствие этого Истрин отказался от нескольких своих ранних наблюдений⁴⁷. Например, отметив в «Замечаниях о составе

слове^c и капищъ идольскыя требы приносимыя ими^{ll} откоудоу и како бѣаше . сія гниги писаны^{ll} бытискыя от тетровасилья . сказа^{ne} стго епифа^aя» (курсив мой. — *Т.В.*).

⁴⁵ В том числе типа Иудейского (вторая половина XIII в.) или Троицкого (XIV в. [?]), т.е. совершенно разные по составу и происхождению компиляции. Описание Иудейского хронографа см.: *Истрин В.М.* Александрия. С. 318–341. Уточнения см.: *Вилкул Т.Л.* Иудейский и Софийский хронографы в истории древнерусской хронографии // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2009. Vol. 17, N 2. P. 65–86. Описание Троицкого см.: *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. С. 262–274.

⁴⁶ *Истрин В.М.* Из области древнерусской литературы. IV. Редакции Толковой Палеи // *ЖМНП*. 1906. Февр. Отд. 2. С. 223.

⁴⁷ В том числе он почти не разрабатывал далее списки Унд. 1 и Троиц. 728 (отмеченные в: *Истрин В.М.* Александрия), оставил наблюдения о заимствовании из 13-й главы 1-й книги хроники Малалы в ПВЛ. Истрин говорил о влиянии 1-й книги Малалы на ПВЛ в докладе 1893 г., впоследствии же в 1903, 1906–1907 гг. и далее утверждал, что в ХВИ вставки из Малалы вообще отсутствуют.

Толковой палеи» (1897–1898), что сюжет о Вавилонском столпотворении в Иудейском хронографе текстуально близок к ПВЛ⁴⁸ и палеям, Истрин столкнулся далее с проблемой, что по составу Иудейский ни где более не имеет пересечений с палеями или летописью, и идею эту оставил⁴⁹. Шахматов же ее эксплуатировал вплоть до своей последней работы по летописанию⁵⁰. Не имело значения, что необходимо было пояснять — систематические или отдельные совпадения, — ученый каждый раз без колебаний реконструировал за ними какой-нибудь источник «особого состава». Чтобы проиллюстрировать безудержность в гипотезировании, достаточно одного примера из истории изучения уже упоминавшегося сюжета о Вавилонском столпотворении. В списках палей и летописи тут отмечали текстуальное сходство, и исследователь предположил, что в близком к палеям Троицком хронографе о столпотворении

Высказывания были достаточно резкими: «Я сказал, что даже с точки зрения метода нельзя говорить о связи хронографа, восстанавливаемого Шахматовым при помощи сравнения Палей и Повести временных лет... с протографом Архивского и Софийского 1454 хронографов на основании одной только фразы из XIII главы хроники Малалы» (*Истрин В.М.* Редакции Толковой Палеи. С. 150).

⁴⁸ В ПВЛ этот сюжет (ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 5): «...бы̄ языкъ единь . и оумножившемся чл̄вкомъ на земли [и] помыслиша создати столпь до нбсе. въ дни Нектана . и Фалека . и собрашася на мѣстѣ . Сенарь поли здати столпь до нбсе . и градъ около его Вавилонъ».

⁴⁹ Если в работе о Толковой палеи (1898 г.) Истрин предполагает восхождение отрывка о Вавилонском столпотворении к общему протографу, то в 1906–1907 гг. ученый возражает гипотезе, разрабатываемой Шахматовым, но основанной на собственном предположении Истрина. Надо сказать, в сюжете о столпотворении имеем, в самом деле, несколько загадочное «точечное» совпадение текста Иудейского хронографа с иными компиляциями. Далее сходство не прослеживается. Можно осторожно предложить такое объяснение. Иудейский хронограф составлен в том же кругу книжников, где составлялась галицкая (холмская) часть Галицко-Волынской летописи. Начало хронографа с сюжетами из Книги Бытия скомпилировано с использованием большого числа дополнительных источников. Кроме Бытия, привлекалась хроника Малалы, фрагменты Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского, хроники Амартола, 16-ти Слов Григория Богослова с комментариями Никиты Иракийского, паримейная версия Книги Иова и др. Одно из небольших дополнений, может быть, заимствовано из первых листов летописи.

⁵⁰ *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники. С. 72–74. Хотя, надо сказать, после критики его хронографических разысканий (особенно в работе: *Истрин В.М.* Из области древнерусской литературы. IV [не вошедшей в отдельный отпечаток «Редакций Толковой палеи»]) Шахматов перестал активно заниматься этой тематикой. В своих «Разысканиях» 1908 г. он лишь кратко повторил то, о чем уже писал в 1900 и 1904 гг. Вследствие этого О.В. Творогову затем пришлось повторно открывать Троицкий хронограф и его значение для древнерусской книжности.

должно было читаться в той же версии⁵¹. Однако рукописи этого не подтверждают. Шахматов должен был признать, что в старшем списке Троиц. 728 отсутствует начало⁵², а в Унд. 1 сюжет читается по иному источнику — копируется Книга Бытия⁵³. Непосредственно после демонстрации *отсутствия* текстуальных свидетельств ученый пишет: «...однако это *не может ослабить* сделанного вывода, т.к. лишнее против библейского текста *могло быть удалено* (курсив мой. — Т.В.) в любом из позднейших списков»⁵⁴.

Соответственно удобству гипотезирования, А.А. Шахматов предполагал огромный объем первоначальных хронографических

⁵¹ Троицкий хронограф для Шахматова был важен тем, что в нем соединена дата 6428 г. и сообщение о походе руси на Константинополь (так же как в Н1мл. и хронографических паляях, и отлично от ПВЛ, где событие датировано 6449 г.). Кроме того здесь читаются известия о походе князя Олега на Царьград, возводимые Шахматовым к ранней версии летописи: *Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 2. С. 177, 183.* Соответственно, ученый пытался «добиться» большего совпадения текстов.

⁵² В объеме всего Пятикнижия (Там же. С. 178, примеч. 2).

⁵³ В полном тексте Бытия нет параллелей к летописно-палейному описанию столпотворения. Необходимо добавить, что в 3-м списке Троицкого хронографа, введенном в научный оборот О.В. Твороговым, также копируется полный текст Книги Бытия.

⁵⁴ *Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 2. С. 184.* Представлены следующие аргументы: в старшем Троицком списке отсутствует Пятикнижие, а в книге Иисуса Навина в начале помещен отрывок из Толковой палеи. Значит, текст *мог* читаться в палейной версии, а второй список *мог* включать часть иного кодекса Книги Бытия, поскольку книжники часто правили библейские книги. Следует признать, что полные списки Троицкого хронографа, Унд. 1 и НСРК F15, действительно, композитные, старший список Троиц. 728, действительно, не имеет начала, Книга Иисуса Навина в нем в пределах первых шести глав, действительно, начинается с отрывка Толковой палеи. Но такая цепочка «доказательств» Шахматова нарушает конвенции критики текста и общие конвенции источниковедческих исследований — у нас нет права выводить доказательства из предположения о том, что что-нибудь «могло» или «не могло» быть скопировано в утраченной рукописи или ее части. Ведь, имея на руках те же самые исходные данные, можно предположить диаметрально противоположные вещи. Например, что списки композитные, в них скопированы разные редакции библейских книг. Троиц. 728 «*мог* содержать» до утраты листов не Толковую палею, а иной текст (хронографы обычно связаны с хронографическими паляями, а не с Толковой, но во времена Шахматова три палеи объединялись в одну). Палейная вставка, возможно, является поздней (далее в Книге Иисуса Навина мы видим лишь одну хронографически-палейную добавку в полстроки в самом конце, но никак не копирование целыми страницами, интенсивные же дополнения начинаются с Царств)... К стати, столкнувшись с этими и иными трудностями и критикой своих положений, Шахматов далее постулировал уже не параллели в Начальном своде и Троицком хронографе, но в летописи и Хронографической палее, т.е., переводя на современные термины, близость Н1мл. не ко «2-й» редакции ХВИ, а к «3-й», более поздней редакции XV в. См.: *Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 2. С. 275.*

текстов, попавших на Русь. На роль «первого хронографа» он выдвинул совершенно необъятный «древнеболгарский Еллинский летописец прото-редакции», включавший якобы тексты хроник Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Георгия Синкелла и многих других, от которого затем в позднейшей традиции остались «жалкие осколки»⁵⁵. Это позволяло любое чтение, даже находимое в каком-нибудь одном памятнике, относить к «осколку» утерянного протографа. Естественно, подобные построения никоим образом не поддавались верификации. В.М. Истрин раскритиковал шахматовские идеи, предложив свое видение начального Хронографа и попутно «изъяв» из его состава фрагменты хроники Малалы⁵⁶. В результате первая хронографическая компиляция из огромного компендиума трансформировалась в сравнительно скромный текст (настолько скромный, что даже пришлось объяснять, почему же тогда говорится о «Хронографе по великому изложению»⁵⁷).

Несмотря на разногласия и полемику между учеными, в концепциях Шахматова и Истрина наблюдаются и довольно существенные общие черты. На сближение схем развития летописей и хроно-

⁵⁵ Например: Там же. С. 247. О подходе, когда некий общий протограф «собирается в одно целое из нескольких», т.е. когда часть текстуальных свидетельств находим в тексте № 1, часть — в тексте № 2 и т.д., но предполагается, что все указанные версии происходят из общего прото-текста, см., например, в обзоре историографии раннего новгородского летописания: *Гимон Т.В.* События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 591 («...осколки большого новгородского свода XI ст., разбросанные по разным летописным и околелетописным памятникам»). Такой подход был, в частности, очень характерен для хронографических (и не только хронографических) штудий Шахматова, но в современной критике текста уже не применяется из-за слабой верифицируемости получаемых результатов.

⁵⁶ *Истрин В.М.* Из области древнерусской литературы. IV. С. 185–237. Как уже говорилось, в свое время именно Истрин открыл, что во Введении ПВЛ присутствует заимствование из 13-й главы 1-й книги Малалы в сюжете о расселении потомков Ноя. Однако впоследствии в хронографах и паляях ученый обнаружил значительные вариации во включениях из Малалы, при том, что Истрин считал, что текст ХВИ должен быть именно ядром. Соответственно, предполагалось, что текст исходного хронографа — источника летописи должен быть засвидетельствован неоднократными и системными сближениями в ряде памятников: *Истрин В.М.* Редакции Толковой пален. С. 113, 136–138, 150; *Он же.* Замечания. 1924. Т. 27. С. 74. В начальной части ПВЛ, действительно, не так много заимствований из Малалы, а отрывок из 13-й главы 1-й книги сохранился только в ПВЛ и сокращенном Софийском (РНБ. Соф. 1454) хронографе. В дальнейшем подробно исследовал и сближения, и расхождения во включениях из Малалы О.В. Творогов.

⁵⁷ *Истрин В.М.* Редакции Толковой пален. С. 149.

графов наложили отпечаток общие исследовательские привычки, в частности потребность в «именном» авторе-составителе. В летописеведении безраздельно господствовала идея «Нестора» или иного летописателя, долженствующего занять его место, — им мог быть игумен Сильвестр, известный из приписки в Лаврентьевском своде, или «священник Василий» из «Повести об ослеплении Василька Теребовльского» (ПВЛ под 1097 г.)⁵⁸. Изучение же хронографии в отечественной науке было более молодой отраслью и равнялось на летописеведение. Любопытно, что долгоиграющими оказались как раз те «общие протографы», где автор заявил о себе в тексте или же непосредственно из текста можно было извлечь название: «Временник Нестора», «Софийский временник», «Хронограф по великому изложению», «Еллинский летописец»...

Помимо этого, у обоих ученых проявилась концепция единого центра. По мнению Шахматова и Истрина, Начальный свод и ХВИ должны были являть собою ранние тексты, глубоко повлиявшие на всю последующую летописную и хронографическую традицию. Это два центра, от которых веером или несколькими цепочками отходят последующие памятники. На самом деле и для летописей, которые могли быть составлены в «областных», как писали исследователи XVIII–XIX вв., центрах, и для хронографов, которые могли формироваться независимо из наличных полных славянских переводов, понятие о едином источнике необязательно, но оно присутствует и у Истрина, и у Шахматова. Обе идеи во многом зависимы одна от другой, хотя и не полностью конгруэнтны. В частности, предполагая существование первого древнерусского хронографа, Истрин был привязан к гипотезе о древней версии летописи (искомую раннюю киевскую летопись — предшественницу ПВЛ ученый отнес к середине XI в.⁵⁹), где гипотетически использовался этот хронограф. Действительно, рукописи всех дошедших до нас

⁵⁸ Историография летописей здесь слишком обширна. В иной области, относительно борисо-глебских текстов и значения имен Иакова Мниха и Нестора для исследователей см. несколько устаревшую, но пространную библиографию: *Бугославский С.А.* Текстология Древней Руси. М., 2007. Т. 2: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе (гл. 1: Вопрос о мнихе Иакове и анонимное Сказание о Борисе и Глебе, с. 21–62).

⁵⁹ В.М. Истрин считал, что ХВИ использован в прото-редакции ПВЛ середины XI в., а не в самой ПВЛ начала XII в., в том числе и потому, что во Введении ПВЛ и в статье 1114 г. имеются обширные заимствования из Малалы. Как уже отмечалось, хроника Малалы, по мнению Истрина, не входила в состав ХВИ (что впоследствии оказалось неверным).

хронографических компиляций — относительно поздние⁶⁰, но, в отличие от летописей, почти не имеют хронологических реперов⁶¹. Начало истории древнерусских хронографов и палей позволительно отодвигать в XI в. в том случае, если предположить, что первый хронограф отразился в составе ПВЛ и Н1мл., т.е. засвидетельствован текстом начала XII в. и его реконструируемыми предшественниками XI в.⁶² Шахматов, как мы видели, некоторое время, с 1890 по 1899 (?) г., обходился без предположений о хронографе, однако первое приближение к теме (1900 г.) повлекло результат в виде «хронографа особого состава». Гипотеза об обращении летописцев сначала к хронографу (на этапе, отраженном в Н1мл.), а затем к полному переводу хроники Амартола (на этапе, отраженном в ПВЛ)⁶³ позволяла «реконструировать» разнообразные виртуальные протографы и отвергать предположение о сокращении и передел-

⁶⁰ По времени они сопоставимы с летописными, принадлежат XIV–XVII вв. В XIX в. предполагали более раннее время составления хронографических компиляций, чем сейчас, и все же это, как правило, не были X–XI вв. Например, ЕЛ-1, по мнению Истрина, был создан в XI–XII вв., ЕЛ-2 — в XIII в., Иудейский хронограф — в XIII в., Толковая палея — в XIII в. Взгляды А.А. Шахматова, предполагавшего создание ЕЛ в Болгарии X в., были, в целом, нетипичными. Ныне даты существенно сместились к более позднему периоду. Первый из хронографов, поддающийся датировке, — Иудейский, второй половины XIII в., в основном же речь идет о XIV–XV вв. и более позднем времени. Впрочем, следует оговорить, что ранние даты продолжают постулироваться в современной болгарской научной традиции.

⁶¹ Если летопись сохранилась в списке XV в., но в ней обнаруживается текстуальная граница, допустим, по статьям 1110-х годов, и аналогичная граница прослеживается в иных кодексах (за чем следуют разнообразные «продолжения»), есть основания датировать свод 1110-ми годами. В то же время если в сборнике XV или XVI в. использована хроника Амартола, границу определить чрезвычайно сложно, ибо Амартола привлекали книжники и XII, и XIII, и XVI в. Определенные версии Амартола относят к тому или иному периоду, но необходимы дополнительные исследования для определения версии и периода, и реперы никогда не будут столь точны, как летописные.

⁶² Судя по всему, В.М. Истрин исходил из того, что лишь в случае, если текст являлся ранним киевским произведением, он мог повлиять на большинство последующих компиляций. Впрочем, это убеждение, по-видимому, ошибочно. С той скоростью, с какой в XV–XVI вв. распространялись сборники, начало вполне могло лежать в XIV или в начале XV в.

⁶³ Как уже отмечалось, в 1900 г. Шахматов выдвинул гипотезу о привлечении хронографических текстов в летопись в несколько этапов. В законченном виде речь идет о двух этапах. На первом, в 1090-х годах, в Начальный свод якобы были внесены фрагменты хронографа, на втором же этапе (в «3-й редакции» ПВЛ 1118 г.) составитель ввел в текст летописи заимствования из полного перевода хроники Амартола. Правда, пришлось сделать оговорку, что полный Амартол

ке ПВЛ новгородским книжником, которое могло стать достаточно серьезной альтернативой шахматовским конструкциям. Ведь заимствования из хронографических текстов, присутствующие в Нмл., как я попытаюсь показать далее, по своему составу достаточно сложны, восходят не только к хронографу и не укладываются в предложенную исследователями простую схему.

Обе концепции продержались более века, причиной чему, в немалой степени, послужили внешние факторы: своеобразная канонизация Шахматова в качестве «ученого образца», прямо пропорциональная успешно проведенной канонизации сила инерции, а кроме того, известная непопулярность таких исследовательских тем, как палеи и хронографы. Помимо всего прочего, хронографические сборники включают ветхозаветные книги, а большинство полных хронографов начинается с Книги Бытия. Изучение же древнеславянской Библии в советское время не приветствовалось, и даже в 1970-х годах труд О.В. Творогова о древнерусских хронографах был научным подвигом⁶⁴. К этому необходимо присовокупить невозможность ныне охватить все темы — ранние и поздние летописные своды, палеи и хронографы — силами одного исследователя⁶⁵. Тем не менее, благодаря выходу ряда работ «нешахматовского» направления, одной из конвенций научного сообщества, как кажется, становится возможность пересмотра оснований устоявшихся схем и начального летописания, и хронографии, а конкретного материала в этих областях накоплено уже достаточно.

Поскольку волею судеб хронографы и летописи оказались взаимосвязанными, попытаемся рассмотреть аргументацию сторонников концепций А.А. Шахматова и В.М. Истрина в свете современных возможностей критики. Дальнейшее представляет собой

в «3-й редакции ПВЛ» использован, снова-таки, вместе с хронографом, т.к. необходимо было объяснять включения из Малалы и Амартола в статье 1114 г., прямо обозначенные летописцам как обращение к «хронографу» (об этом см. далее). Шахматов не принял идеи Истрина об отсутствии Малалы в раннем хронографе и практически не использовал название ХВИ — у него первый хронограф обычно именуется «хронографом особого состава». См.: *Шахматов А.А.* Начальный Киевский летописный свод; *Он же.* Повесть временных лет и ее источники. С. 72–74, 77 и др.

⁶⁴ Даже с поправкой на то, что в труде изучались преимущественно переводные хроники, а не библейские и парабиблейские источники.

⁶⁵ Уже во времена Шахматова и Истрина, когда, в общем, еще не существовало жесткой специализации, знание летописей и палеино-хронографических сочинений разошлись.

несколько несбалансированные наблюдения над особенностями вероятных хронографических источников раннего древнерусского летописания. Если не ограничиваться обзором уже известных решений, можно попытаться поставить ряд вопросов, а в некоторых случаях предложить предварительные ответы на них. Разумеется, выводы этого рассмотрения не могут претендовать на окончательность, хотя бы потому, что большинство хронографических компиляций и их составляющих до сих пор исчерпывающе не исследованы и не имеют критических изданий. Во многих случаях, правда, приходится на помощь хроника Амартола, трансформации которой изучены лучше всего. Она является основой текстов «семьи ХВИ», и при определении специфических черт хронографов наибольший вес обычно придается именно определению того, какая из версий хроники Амартола была использована в данной компиляции.

ДАТИРОВКА ХРОНОГРАФОВ.
«ХРОНОГРАФ ПО ВЕЛИКОМУ ИЗЛОЖЕНИЮ» И ТРОИЦКИЙ
ХРОНОГРАФ

Хронографические компиляции сложно датировать. Они составлены из переводных текстов, и творческая активность их составителей и редакторов в подавляющем большинстве случаев проявлялась лишь в компоновке и сокращении избранных фрагментов, изредка — во введении более или менее пространных связей между ними. Греческие оригиналы и древнеславянские переводы в основном появились в раннее время. Например, хроника Иоанна Малалы была написана в VI в., переведена же в древнеболгарский период⁶⁶; хроника Георгия Амартола с продолжением середины X в. была переведена, вероятно, на Руси в XI в.⁶⁷; греческая версия первых книг Библии относится к III–II вв. до н.э., а славянский перевод сделан в

⁶⁶ Ioannis Malalae Chronographia / Ed. H-G. Bech, A. Kambylis, R. Keydell. Berolini; Novi Eboraci, 2000. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; Vol. 35). P. 1; *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994. С. 3, 67; *Творогов О.В.* Хроника Иоанна Малалы // СККДР. Вып. 1. С. 472.

⁶⁷ Из недавних работ см., например: *Станков Р.* К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Преславска книжовна школа. Шумен, 2004. Т. 7: Изследвания в памет на професор И. Гълъбовъ. С. 57–72; *Пичхадзе А.А.* Корпус древнерусских переводов XI–XII ст. и изучение переводной книжности Древней Руси // Национальный корпус русского языка. 2003–2005 гг. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 251–262; *Она же.* Переводческая

эпоху болгарского царя Симеона в начале X в.⁶⁸, и т.д. (Имеются и более поздние переводы, к каковым относятся, в частности, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия и хроника Зонары; но ядро хронографов составляют именно древние переводы⁶⁹.) Столь раннее появление исходных текстов оставляет простор для датировки тех компиляций, в которых они были использованы. В самом деле, как узнать — древнеболгарский по происхождению перевод начала X в. заимствован автором XII, XIII или XV в.? Хронографические сборники удастся датировать лишь по косвенным признакам, таким как наличие в их составе текстов поздних авторов или поздних переводов и редакций, следы взаимодействия с оригинальными древнерусскими сочинениями того или иного периода. При этом, учитывая компилятивную природу хронографов и палей и нестабильность или неполную стабильность их композиции, всегда можно сказать, что определенный с таким трудом компонент внесен позднее, остается «лазейка» — возможность настаивать на том, что «на самом деле» компиляция относится к ранним.

Итак, как следует датировать ХВИ, который, кроме всего прочего, еще и не дошел в «первой» редакции, а начинается сразу со «второй»⁷⁰? В начале несколько слов о месте ХВИ среди других

деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М., 2011. С. 15, 26–28 и др.; *Пеев Д.П.* Новые данные о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола // ЛХ, 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 13–38. В последней работе предполагается, что хроника Амартола переведена во время болгарского царя Самуила во второй половине X в. Основанием автор считает замену в списках ЕЛ-1 имени болгарского царя Симеона на Самуила и некоторые другие чтения. Имя Симеона, без каких-либо исключений прочитывающееся во 2-й редакции Амартола, по которой В.М. Истрин издавал хронику после обрыва старшего Троицкого списка, и соответствующее греческому оригиналу, исследователь считает результатом повторной сверки с греческим текстом. Надо сказать, что без серьезных оснований отклонения в греческом нельзя считать изначальными, а верные чтения — результатом повторной сверки.

⁶⁸ *Honigman S.* LXX and Homeric Scholarship. L.; N.Y., 2003. P. 96–97; *Пичхадзе А.А.* К истории четвертого текста славянского Восьмикнижия // ТОДРЛ. 1996. Т. 49. С. 10; *Thomson F.* The Slavonic Translation of the Old Testament // Interpretation of the Bible. Ljubljana, 1998. P. 729.

⁶⁹ Хроника Зонары, например, проявилась только в хронографах XVI в.

⁷⁰ Как уже отмечалось, согласно схеме О.В. Творогова, Троицкий хронограф представляет 2-ю редакцию, а остальные тексты «семьи ХВИ» — 3-ю редакцию. «1-я редакция» до нас не дошла, но существование ее предполагается благодаря отнесению некоторых заимствований Н1мл. и ПВЛ к хронографическим (*Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. С. 46–50 и др.; *Он же.* Летописец Еллинский. С. 152).

подобных компиляций. В исследовательской традиции так именуется памятник, не сохранившийся до наших дней и реконструируемый на основе совпадения значительных участков текста в Троицком хронографе, хронографических палеях и ЕЛ-2. В.М. Истрин полагал, что сближения в них невозможно объяснить без гипотезы об общем источнике, и отнес создание этого источника к середине XI в. Однако на последних этапах работы над концепцией ХВИ ученый заложил в нее, если можно так выразиться, «подрывной» элемент. Истрин писал о достаточно необычном соотношении ЕЛ-1 и ЕЛ-2: ЕЛ-1, по его мнению, не сохранил свидетельств использования ХВИ, тогда как позднейший ЕЛ-2 их содержит (!)⁷¹. Это, в самом деле, очень странно, если исходить из идеи ХВИ как *изначального* хронографа. Тем более, что ЕЛ-2, несомненно, наследует и более раннюю версию ЕЛ-1⁷². В частности, Истрин сделал еще одно примечательное наблюдение. В ЕЛ-2 текст Амартола двухслоен: он состоит из фрагментов, читающихся в ЕЛ-1, и других, относимых к заимствованиям из ХВИ⁷³. Уже первая научная работа Истрина («Александрия русских хронографов») касалась Иудейского хронографа, не имеющего никакого отношения к ХВИ. Зрелые труды В.М. Истрина и О.В. Творогова, во многом уточнившие представления о соотношении хронографических компиляций, показывают, что за рамками «семьи ХВИ» следует оставить не один текст: к таким могут быть отнесены Иудейский, ЕЛ-1 и сокращенные Софийский, Троицкий и др. хронографы⁷⁴. Если ограничиться периодом до середины XV в., в «семью ХВИ» должны быть включены четыре памятника: Троицкий хронограф, Полная и Краткая хронографические палеи и ЕЛ-2⁷⁵.

⁷¹ *Истрин В.М.* Книги временныя. Т. 2. С. 377.

⁷² Стемму см., например: *Творогов О.В.* Летописец Еллинский. С. 146. Такие примеры в текстологии, когда некий поздний текст «с» следует двум более ранним версиям «а» и «б», обычны, но если версия «с» (в нашем случае ХВИ '') наследует версию «б» (ХВИ ') и «а» (не-ХВИ), а «первая редакция» ХВИ (ХВИ) вообще не сохранилась, тогда возникают серьезные сомнения в том, существовала ли эта «первая редакция» и может ли считаться ХВИ самым ранним текстом.

⁷³ *Истрин В.М.* Книги временныя. Т. 2. С. 380–390.

⁷⁴ *Истрин В.М.* Редакции Толковой палеи. С. 172–174; *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. С. 46–50; *Он же.* Летописец Еллинский. С. 152.

⁷⁵ Из более поздних можно назвать, например, Тихонравовский хронограф XVI в. (РГБ. Тихонр. 704). Один из сокращенных хронографов конца XVII в. (Хронограф «особого вида 1691 г.») исследован и издан в: *Анисимова Т.В.* Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009. Правда, исследовательница считает, что он представляет «1-ю редакцию ХВИ» и датирует протограф

Имеется немаловажное препятствие для отнесения ХВИ к XI веку. Прежде всего, возникновение трех из четырех названных представителей «семьи ХВИ» ограничено сравнительно узким периодом первой половины XV в. Если В.М. Истрин относил ЕЛ-2 к XIII в., то сейчас имеются убедительные доказательства составления его во второй четверти XV в. Полная хронографическая палея, также считавшаяся весьма древней, составлена, по-видимому, в первых десятилетиях XV в.; то же касается Краткой хронографической палеи⁷⁶. Фактически среди кандидатов в более или менее «ранние» тексты остается только Троицкий хронограф. Один из списков Троицкого — начала XV в., но при этом содержит вторичные чтения, отсутствующие во втором списке⁷⁷. Это означает, что некогда существовал их общий протограф. Тем не менее возводить к глубокой древности этот общий протограф оснований нет, поскольку в Троицком хронографе обнаружены поздние версии переводных текстов. Здесь помещены библейские книги Восьмикнижия поздней группы русской редакции, сформировавшейся, вероятно, не ранее XIII в., и 2-я редакция Александрии Хронографической. При этом уже 1-я редакция отразилась в памятниках, которые составлены не ранее середины XII в.

компиляции конца XVII в. 1068–1071 гг., никак не аргументируя этот тезис (!): (Там же. С. 263). При этом Т.В. Анисимова отмечает влияние на текст Краткой палеи вместе с несколькими поздними редакциями Амартола. Особенности состава, в том числе пропуск многих составляющих, характерных для иных представителей «семьи ХВИ», объясняется, по всей вероятности, тем, что это хронограф краткий. Например, едва ли можно ожидать от компиляции, занимающей менее 20 листов, включения Александрии Хронографической, объемом более сотни листов.

⁷⁶ См.: *Шибяев М.А.* Летописные источники Еллинского летописца второго вида // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к тектологии. СПб., 2004. С. 187–204; *Водолазкин Е.Г.* Новое о палеях (некоторые итоги и перспективы изучения палейных текстов) // Русская литература. 2007. № 1. С. 3–23; *Он же.* Как создавалась Полная Хронографическая Палея. Ч. 1 // ТОДРЛ. СПб., 2009. Т. 60. С. 327–353. Примечательно, что в этих памятниках прослеживаются следы новгородского происхождения. Относительно ЕЛ-2 см.: *Шибяев М.А.* Летописные источники. С. 203. О Краткой хронографической палее см.: *Водолазкин Е.Г.* Новое о палеях. С. 20–21. По наблюдениям Е.Г. Водолазкина, «черновик» Полной хронографической палеи, Барсовская палея (ГИМ. Барс. 619) начала XV в., имеет новгородское происхождение (Там же. С. 20–22). В Троицком хронографе отмечается такая черта, как цоканье: *Вилкул Т.Л.* Александрия Хронографическая в Троицком хронографе. [П] // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2008. Vol. 16, no. 1. P. 12.

⁷⁷ По наблюдениям О.В. Творогова, второй список, НСРК F15, рубежа XV–XVI вв., в ряде мест обнаруживает первоначальные чтения. Третий список хронографа, Унд. 1, непоказателен, т.к. зависит непосредственно от Троиц. 728: *Творогов О.В.* Материалы к истории русских хронографов. 3. Троицкий Хронограф // ТОДРЛ, 1989. Т. 42. С. 290.

На обоих случаях следует остановиться несколько подробнее. Что касается Восьмикнижия, определены три редакции этого библейского сборника: русская, южнославянская⁷⁸ и хронографическая⁷⁹. Рукописи русской редакции наиболее многочисленны, их дошло более двух десятков⁸⁰. Они, в свою очередь, делятся на три ветви: ранняя группа русской редакции, поздняя группа и, наконец, поздняя группа с древнееврейскими глоссами в тексте. Определение редакции Троицкого хронографа в библейской части его текста сопряжено со сложностями, поскольку старший список — неполный и начинается с Книги Иисуса Навина⁸¹. При этом Троиц. 728 местами обнаруживает сходство со списками ранней группы русской редакции, но в основном поддерживает чтения поздней⁸². Ре-

⁷⁸ Русская и южнославянская редакции определены в: *Михайлов А.В.* Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1912. Ч. 1: Паримейный текст. С. 322–324; см. также: *Пичхадзе А.А.* К истории четьего текста. С. 13; *Thomson F.* The Slavonic Translation. P. 730.

⁷⁹ Уточнение мое. Ранее хронографическая редакция считалась «промежуточной группой». На материале чтений списков Книги Исход удалось показать, что следует говорить о самостоятельной редакции, — см.: Книга Исход. Древнеславянский полный (четий) текст по спискам XIV–XVI вв. / Сост. Т.Л. Вилкул (в печати).

⁸⁰ Исчерпывающий подсчет еще не сделан. Для сравнения: представителей хронографической редакции — пять, южнославянской — около десятка.

⁸¹ Как уже отмечалось, Троиц. 728 начинается не с Быт. 1: 1, а с Ис. Нав., при этом на первых листах помещены выдержки из Толковой палеи, полный или четий библейский текст начинается лишь с 7-й главы Книги Иисуса Навина. Другие два списка этого хронографа композитные, т.е. разные части в них отражают разные версии библейского текста. При этом наиболее ранняя рукопись Книги Иисуса Навина содержится в списке XIV в. (РГБ. Троиц. 2), который содержит лишь последние книги Восьмикнижия: Иисуса Навина, Судей и Руфь. Но соотношение редакций разработано на материале первой и второй книг Библии, Бытия и Исхода: *Михайлов А.В.* Опыт изучения; *Он же.* Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1900–1908. Вып. 1–4; Книга Исход. Древнеславянский полный (четий) текст. Лишь А.А. Пичхадзе приводит отдельные примеры разночтений из иных книг Восьмикнижия: *Пичхадзе А.А.* К истории четьего текста. Положение усугубляется тем, что некоторые репрезентативные представители русской и хронографической редакций принадлежат как раз к Пятикнижиям и заканчиваются на Второзаконии, т.е. исследователи лишены важной части текстологического материала. Однако, по моим наблюдениям над текстом Книги Иисуса Навина, здесь так же выделяются южнославянская, хронографическая и русская версии, а русская, в свою очередь, так же подразделяется на несколько групп.

⁸² Приводить ряды разночтений нет возможности, поэтому остановлюсь лишь на одном характерном примере из последней главы Книги Иисуса Навина (основной список — один из списков Иудейского хронографа, Архивский, л. 183б). Ис. Нав. 24: 29: «и слоужи Гиль гви . въ вся дни Исъвы /коррекция, в Иудейском ошибка: Гилвы/ . и въ вся дни старецъ . иже пребыша время съ Исоусомъ . иже

дакции древнеславянских библейских переводов датировать столь же трудно, как и хронографические компиляции (если не труднее), однако в некоторых случаях удается найти детали, приблизительно очерчивающие время их появления. В частности, в списках поздней группы русской редакции обнаружены заимствования из позднего Паримейника⁸³, созданного в Болгарии или на Афоне в XIII — начале XIV в.⁸⁴

Троицкий хронограф включает также перевод греческого романа псевдо-Каллисфена о деяниях Александра Македонского, Александрию Хронографическую. И вновь речь идет о непервоначальной версии. Мне удалось уточнить схему В.М. Истрина и О.В. Творогова, и ныне соотношение редакций Александрии представляется следующим образом. Первая редакция сохранилась в Иудейском хронографе и ЕЛ-1, вторая — в Троицком хронографе, третья — в ЕЛ-2, где видим слитные чтения⁸⁵. Троицкая Александрия расширена мно-

видѣша вся дѣла гнѣ елико сътвори Гїлви». Так (с вариантами) в списках Иудейского хронографа, русской редакции ранней группы (РГБ. Троиц. 2; РНБ. Доброхот. 13) и южнославянской редакции. Что соответствует чтению Септуагинты: ὅσα ἐποίησεν τῷ Ἰσραὴλ; далее следует стих 24: 30. А вот в поздней группе русской редакции, включая Троицкий хронограф, после «Израилеви» читается дополнение, взятое, возможно, из хроники Синкелла или из какого-нибудь подобного источника: «...Излви и суди *Исѣ Излю . лѣ^м .к. и .з.*». (Кстати, аналогично уже в Барсовской палее, л. 154d, причем этого дополнения нет в Толковой палее.) Таких важных характерных чтений несколько.

⁸³ В полных или четых списках Пятикнижия и Восьмикнижия имеются заимствования из служебного или паримейного текста (Паримейник — книга избранных чтений из Ветхого Завета, прочитывавшихся во время служб), но объем включений и редакции паримейных чтений разнятся в разных группах и даже отдельных списках.

⁸⁴ Пичхадзе А.А. Книга «Исход» в древнеславянском Паримейнике // Уч. зап. Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. М., 1998. Вып. 4. С. 5.

⁸⁵ Контаминации чтений типа ЕЛ-1 и Троицкого, т.е. первой и второй редакций Александрии. См.: Вилкул Т.Л. Александрия Хронографическая. [И]. Р. 107–109. Ранее соотношение версий представляли иначе. Первый исследователь древнеславянского перевода Александрии Хронографической, В.М. Истрин, в 1893 г. вычленил две ранние редакции. Первая, по его мнению, принадлежала Иудейскому хронографу и ЕЛ-1, вторая же находилась в ЕЛ-2. Кроме того, ученый отметил, что в списке Унд. 1 читалась «промежуточная» версия, сходная с обеими редакциями и частично контаминированная. Продолжая хронографические исследования Истрина, О.В. Творогов выяснил, что список Унд. 1 является представителем Троицкого хронографа, притом не самым лучшим, а Троицкий в целом представляет собой самостоятельный памятник, а не «промежуточную» версию. Однако в оценке версий Александрии ученый оставил некоторые из устаревших положений Истрина о контаминациях в Троицком.

жеством дополнений к исходному переводу псевдо-Калисфена. В их числе выдержки из Слова Епифания Кипрского о 12 драгоценных камнях в ризе иерусалимского первосвященника, фрагменты «Откровения Мефодия Патарского», небольшие вставки из библейских книг, Слово о 16 пророках⁸⁶. Некоторые заимствования указывают, как кажется, на относительно поздние тексты: славянский перевод хроники Зонары и Пролог⁸⁷. Возможно, дальнейшие разыскания позволят выявить хронологические маркеры всех дополнительных фрагментов, пока же можно отметить то, что в Троицком хронографе вновь видим вторую редакцию с поздними включениями.

ДАТИРОВКА ХРОНОГРАФОВ.
ХРОНОГРАФИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА
«ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Обратимся к аргументам в пользу существования начального древнерусского хронографа XI в. Как уже отмечалось, традиционно считается, что он не дошел до нас, но засвидетельствован заимствованиями в ПВЛ и Н1мл.⁸⁸ Прийдя в свое время к выводу о

⁸⁶ *Вилкул Т.Л.* Александрия Хронографическая. [I]. Р. 113–115; *Вилкул Т.Л.* Имена в «Александрії Хронографічній». Кругозір укладачів Іудейського і Трійцького хронографів // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 2008. Т. 256. С. 50–76.

⁸⁷ У Зонары см. упоминание столицы персидского царя Дария Экватан — в хронографе, правда, неточно: «града Вагана» (кроме того, Экватаны упоминаются также в Библии). См.: РГБ. Троиц. 728. Л. 313с: «въ Мидьскоую землю . въ градъ Ваганъ». Ср.: «...пришед же оттуду во Экватаны» (*Творогов О.В.* Паралипомен Зонары: текст и комментарии // ЛХ, 2009–2010 гг. М.; СПб., 2010. С. 35). В древнеславянской книжности имелся полный перевод Зонары (конец XII в.) и сокращенный Паралипомен Зонары (XIV в.). Паралипомен издавался И.М. Бодянским и, в недавнее время, — О.В. Твороговым: *Творогов О.В.* Паралипомен Зонары. С. 3–101. Хроника Зонары до сих пор детально не исследована, а полный перевод не издан. В Прологе видим упоминание Вурита. См. Троиц. 728, л. 297с «градъ Ту'рь . Воуритьскыя области». Ср. Пролог, л.142б «от Суриа . от Емесийскаго града . дияконъ бывъ въ Вуритѣ стѣя цркве (греч. ἐν Βηρουτῷ ἀγίῳ ἐκκλησίᾳ)» (Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь. Сентябрь–февраль / Изд. подгот. Л.В. Прокопенко, В. Желязкова, В.Б. Крысько, О.П. Шевчук, И.М. Ладыженский, М., 2010. Т. 1).

⁸⁸ На этом основывались А.А. Шахматов, В.М. Истрин и О.В. Творогов, хотя используемая учеными терминология может не совпадать. У Творогова речь обычно идет о «1-й редакции ХВИ», у Шахматова — о «хронографе особого состава», а у Истрина — о ХВИ.

заимствованиях в ранних летописях из хронографа, а затем из полного перевода хроники Амартола, А.А. Шахматов, В.М. Истрин и О.В. Творогов опирались на «трех китов»: 1) ПВЛ содержит две основные ссылки на хронографические источники: «летописание Георгия» и «греческое летописание» (третья — факультативная — на сам «фронграфъ»/«хронографъ» содержится только в одной ветви ПВЛ); 2) редакция общих для Н1мл. и ПВЛ хронографических фрагментов (заимствований из Амартола) близка той, что видим в текстах «семьи ХВИ»; 3) в Н1мл. отсутствуют фрагменты, принадлежащие полному переводу хроники Амартола. По сути речь идет о доказательной базе утверждения о существовании хронографа в XI в. Разберем ее, начиная с первого аргумента.

В ПВЛ, действительно, имеются две основные ссылки на хронографические сочинения. Упоминание «летописания Георгия» (предполагают, что имеется в виду Георгий Амартол) и «летописания греческого» (считается, что речь идет о компиляции) находятся в недатированном Введении ПВЛ во всех списках: «яко же глаголетъ *Георгии в лѣтописаньи*», «в *лѣтописаньи гречьстѣмь*»⁸⁹. Третью, о «хронографе» или, в Ипатьевском списке, «фронграфе» встречаем в последних статьях ПВЛ, но лишь в Ипатьевской версии (под 1114 г.)⁹⁰. Ход рассуждений исследователей XIX–XX вв. был следующим. Ссылки две, именная и безымянная, следовательно, они не могут принадлежать одному и тому же летописцу и не могут указывать на один и тот же источник⁹¹. Тот книжник, который писал о «Георгии», заимствовал имя из полного текста хроники Амартола, где оно указано, а другой, сославшийся на «летописание греческое», не знал

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 14, 17. Следует отметить, что слово «лѣтописание» в таком контексте неизбежно вызывало в воображении исследователей, уже знакомых с текстом Н1мл. и Софийской I летописи, иное слово — «временник». Ср. начало Н1мл.: «Временникъ, еже есть нарицается лѣтописание» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 [репринт. переизд.: ПСРЛ. М., 2000. Т. 3]. С. 103). В то же время слово «Временникъ» присутствует и в заглавии хроники Амартола.

⁹⁰ В обширной статье 1114 г. читается: «...аще кто сему вѣры не иметь, да почитать *хронографа*...», — вслед за чем вписана серия заимствований из Амартола и Малалы: ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 278 («хронографа» — в Хлебниковском списке). По Шахматову, статья принадлежит «3-й редакции» ПВЛ. Напомню, Лаврентьевская редакция не содержит окончания ПВЛ и обрывается на середине статьи 1110 г.

⁹¹ Например: *Шахматов А.А.* Повесть временных лет и ее источники. С. 47; *Истрин В.М.* Летописные повествования о походах русских князей на Царьград // ИОРЯС. СПб., 1916. Т. 21, кн. 2. С. 217, примеч. 1.

автора и не смог определить, что ХВИ состоит по большей части из выдержек сочинения того же Георгия. Попытки отнести какую-либо ссылку к ХВИ вызывают очевидные затруднения: не только «летописанию Георгия», но и «летописанию греческому» соответствий в Н1мл. нет, о «хронографе» же вообще сообщает только Ипатьевская версия ПВЛ. Мысля концептуально, ученые обошли эти сложности, не обращая внимания на молчание новгородского книжника. Истрин считал, что составление ХВИ следует приписывать летописцам времени Ярослава Мудрого, Шахматов исходил из того, что по крайней мере в 1090-е годы памятник уже существовал⁹².

Как сейчас известно, ссылки древних — это всего лишь подкрепление своих слов авторитетом. Их не следует рассматривать подобно научному аппарату, где указание точного имени и названия обязательны. Но в XIX в. подобные указания воспринимали практически как научные ссылки и потому каждое отдельное имя или название могли привязывать к отдельному автору или произведению⁹³. Кроме устаревшего мнения о точности летописных указаний, ныне нет никаких оснований для противопоставления «летописания Георгия» и «летописания греческого». Например, в ЕЛ хроника Иоанна Малалы называется и «Еллинским хронографом», и «Иоанновым хронографом»⁹⁴. Как уже отмечалось, в Н1мл. отсутствуют все три выражения, поэтому мы не связаны ее материалом и обязаны принимать в расчет только ПВЛ. Можно предложить иное объяснение происхождения хронографических отсылок во Введении ПВЛ и статье 1114 г. В дальнейшем изложении я исхожу из обнаруженных мною взаимосвязей между Введением и окончанием ПВЛ, наличествующим только в Ипатьевской редакции, а

⁹² См., например: *Истрин В.М.* Замечания; *Шахматов А.А.* Повесть временных лет и ее источники. С. 72–77.

⁹³ Любопытный пример приводит В.С. Иконников. В.М. Ундольский предполагал, что в славянских переводах хроник «Мнихъ» и «Грѣшникъ» (оба обозначения относятся к Амартолу, *ἀμαρτολόβς* — ‘грешник’) — различные лица, поскольку имена разнятся и существуют два древних славянских перевода, болгарский и сербский (*Иконников В.С.* Опыт. Т. 2, кн. 1. С. 355–356).

⁹⁴ Почти полный аналог «летописанию Георгия» и «греческому летописанию», с той только разницей, что в ЕЛ-1 аналогичные выражения разнесены далеко одно от другого. См. в рукописи ГИМ. Син. 280. Л. 6, в пространном названии: «...от Иоаннова хронографа и Антиохийскаго», далее в окончании заимствований из Малалы: «скончяся Еллинскыи хронографъ» (оба выражения выделены кинноварью, последнее — фр. 252: *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. С. 283). Полный текст названия см. в примеч. 44.

также из предположения, что летописные статьи, по крайней мере по 1114 г. включительно, входили в исходную версию ПВЛ⁹⁵.

Прежде всего, в ПВЛ «хронограф» упоминается, по всей видимости, не в современном понимании этого слова (т.е. как древнерусская компиляция фрагментов ветхозаветных текстов, переводных греческих хроник, наиболее популярными из которых были хроники Амартола и Малалы, и некоторых других источников). «Хронограф» в значении ‘компиляция’ — сравнительно недавнее понятие. Собственно говоря, строгое разграничение древнерусских сбоников-«хронографов» и переводных греческих «хроник» ввел В.М. Истрин⁹⁶. В средневековых же текстах слово «хронограф»/«хронографъ» употреблялось для обозначения и хроники, и ее автора⁹⁷. Более того, в хронике Малалы слово могло обозначать также любого авторитетного писателя. Переводчик Малалы калькировал греческие слова *ἱστορικὸς* и *χρονογράφος*, отчего текст изобилует ссылками на «мудрых» и «премудрых» «историков» и «хронографов»⁹⁸. В ПВЛ отсылка к «хронографу» сделана в статье 1114 г. именно перед блоком цитат из Амартола и Малалы, где, притом, удельный вес выдержек из Малалы абсолютно преобладает. Судя по всему, указание на «хронограф» в статье ПВЛ 1114 г. — след знакомства с хроникой Малалы, и именно она спровоцировала такое словоупотребление летописца. В то же время во Введении ПВЛ чаще цитируется Амартол, хотя незначительные дополнения из Малалы также присутствуют. Вероятно, специально отмечая «лето-

⁹⁵ *Вилкул Т.Л.* Повесть временных лет и Хронограф.

⁹⁶ До того даже ученые XIX в. вполне могли, например, писать о «хронографе» Иоанна Малалы, имея в виду как раз переводную хронику. К.М. Оболенский, делая обзор перевода хроники Малалы, называл ее «хронографом». См.: *Оболенский К.М.* Предисловие // Летописец Переяславля-Суздальского. М., 1851. С. XI и др.; ср. также: *Иконников В.С.* Опыт. Т. 2, кн. 1. С. 355.

⁹⁷ О ЕЛ речь уже шла выше. В Тихонравовском хронографе наряду с «палеей» среди источников упоминаются «Иоанновъ» и «Георгиевъ» хронографы (л. 253–253 об.): «пишоше книги Моусеевы от палеа . присъвькоупляхо^а же к ни^а . и два хронографа . яко же рѣхо^а Георгѣиевъ по ро^а . паки * . Иоановъ . иже списа добрѣ исправивъ». Под первым, «Георгиевым по родам», подразумевается, судя по цитируемым фрагментам, не Георгий Амартол, а Георгий Синкелл, под вторым — «Иоанновым» — Малала. То же, кстати, касается и слова «лѣтописецъ», которое могло означать и произведение, и автора. См. подборку примеров из ранних текстов в: *Станков Р.* Древнеболгарский перевод Хроники Георгия Амартола и Хронограф по великому изложению // Преславска книжовна школа. Шумен, 2012. Т. 12. С. 203–204.

⁹⁸ При этом слово «хронограф» здесь может появиться и без указания конкретного имени. См.: *Вилкул Т.Л.* Повесть временных лет и Хронограф. С. 78–79.

писание Георгия», составитель обозначил более влиятельный на тот момент для него источник. «Летописание» же «греческое», особенно в свете неустойчивости средневековой терминологии, мы вправе толковать как синонимическое, а не антонимичное «летописанию Георгия» понятие. Таким образом, в трех выражениях о летописании греческом, Георгии и хронографе следует усматривать следы не использования «хронографа особого состава» или ХВИ в более раннем Начальном своде и полного перевода хроники Амартола в позднейшей ПВЛ, а влияния на древнерусского летописца — составителя ПВЛ двух полных переводов хроник, Амартола и Малалы.

Второй аргумент сторонников Шахматова состоит, как уже отмечалось, в том, что редакция общих для Н1мл. и ПВЛ хронографических фрагментов (заимствований из Амартола) близка той редакции, которую видим в текстах «семьи ХВИ». Считается, что составитель хронографа, бывшего в распоряжении автора Начального свода, не только делал выборку интересующих его фрагментов хроники Амартола, но и редактировал отобранные им фрагменты. Соответственно, заимствования, представленные одновременно в Н1мл. и ПВЛ, текстуально должны сближаться с хронографической версией «семьи ХВИ». Попытаюсь показать, что подобие этих летописно-хронографических участков весьма приблизительное, если не сказать больше. Сравним несколько фрагментов из серии хронографических включений в статье 1065⁹⁹ г. Показателен пример выдержки из хроники Амартола (Ам. 200.16–21¹⁰⁰). В ПВЛ и Н1мл. читается сокращенная и измененная версия, в хронографах — почти идентичная полному переводу Амартола. Для лучшего визуального восприятия в приведенных ниже таблицах сближения летописных и хронографических текстов выделены курсивом, тождественные в хронографах и полном тексте Амартола выражения подчеркнуты, а индивидуальные изменения или дополнения летописца, сохраненные в ПВЛ и Н1мл., выделены полужирным шрифтом.

⁹⁹ Здесь один из немногочисленных случаев хронологических расхождений в разных группах списков ПВЛ: в Лаврентьевской это 1064 г., в Ипатьевской и Н1мл. — 1065 г. (в списках Лаврентьевской группы пропущен фрагмент текста с датой). Вся серия (Ам. 200.16–21, Ам. 262.17, Ам. 421.1–7, Ам. 428.18–25, Ам. 479.16–25), с меньшим числом параллелей в хронографических компиляциях, проанализирована также в: *Вилкул Т.Л.* Повесть временных лет и Хронограф. С. 79–81.

¹⁰⁰ Ссылка на страницы и строки по: *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. 1: Текст. Пг., 1920.

Хроника Амартола 200.16–21	ПСРЛ. Т. 1. Стб. 164.22–165.1; Т. 3. С. 184–185.	Иудейский хронограф, л. 344a-b ¹⁰¹	Троицкий хронограф, л. 338с ¹⁰²
<p>ключися по всемоу градоу <u>въскорѣ</u> за днии .м. являтися на въздоусѣ на конихъ рищоще въ ороужьи, златыя одежа <u>имоуще</u>, и полци обоямо <u>бываемы</u>¹⁰³, и ороужию <u>двизания</u> и златыя <u>красоты блистанія</u>, <u>всякимъ видомъ</u> облечены въ <u>брѣня . сего ради</u> и моляхоуся, <u>да блго боудеть</u> <u>являемое . явле^{ше}</u> же проявляше <u>злое пришествие</u> Антиохово.</p>	<p>. случися¹⁰⁴ внезапу по всему граду за .м. днии . являтися¹⁰⁵ на въздусѣ . на конихъ рищощимъ . въ ороужьи златы имуща одежѣ¹⁰⁶ . и полкы обоя являемы¹⁰⁷ . и ороужьемъ двизающи^{ся} . се же проявляше нахоженъе Антиохово нашествие¹⁰⁸ на Иер^лмъ .</p>	<p>ключися по всемоу градоу <u>въскорѣ</u> за днии .м. являтися на въздусѣ на конихъ рищоще въ ороужии, и златыя одежа <u>имоуще</u>, и плѣкы обоямо <u>бываемы</u> и ороужиемъ <u>двизания</u> и златыя <u>красоты блистанія</u>, <u>всякимъ видомъ</u> облеченымъ и въ <u>брѣня . сего ради</u> <u>вси моляхоуся</u>, <u>да блгое боудеть</u> <u>являемое . явление</u> же проявляше <u>злое пришествие</u> Антиохово</p>	<p>ключися по всемоу градоу . <u>въскорѣ</u> за днии .м. являтися на въздусѣ . на конихъ <u>рищощен</u> въ ороужьи . и златія одежа <u>имоуща</u> . и полкы обоя <u>бываемыхъ</u>¹⁰⁹ . и ороужьемъ <u>двизания</u> <u>златія красоты блистаніемъ</u> . <u>всякимъ видомъ</u> облеченымъ въ <u>брѣня . сего ради</u> <u>вси моляхоуся</u> . <u>да блго боудеть</u> <u>являемос явление</u> . еже проявляшется <u>се злое пришествие</u> Антиохово .</p>

¹⁰¹ Иудейский хронограф приводится потому, что в нем редакция фрагментов из хроники Амартола «хронографическая», но нетождественная той, которая имеется в текстах «семьи ХВИ». Следует добавить, близко к полному переводу Амартола, с незначительными разночтениями – в ЕЛ-1. См.: *Истрин В.М.* Книги временныя. Т. 2. С. 87–88, 99.

¹⁰² *Творогов О.В.* Материалы. 3. С. 291. ЕЛ-2 также почти идентичен полному переводу хроники Амартола, см.: *Летописец Еллинский и Римский.* СПб., 1999. Т. 1. С. 184. Указанный фрагмент см. еще в Хронографе «особого вида 1691 г.». Как считает Т.В. Анисимова, он восходит к ХВИ 1-й редакции: *Анисимова Т.В.* Хроника Георгия Амартола. С. 352.

¹⁰³ В старшем Троицком (РГБ. МДА. 100) списке славянского перевода хроники Амартола «бывающа». Видимо, в исходной версии перевода было «обаваемы», различным образом затем измененное в списках ПВЛ и хроники Амартола и искажавшееся далее при переписке и последующих заимствованиях.

¹⁰⁴ Так ЛРА; ИХ и Н1мл.: ключися. *The Pověst' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis / Ed. by Donald Ostrowski.* Cambridge (Mass.), 2003. (Harvard Library of Early Ukrainian Literature; Vol. 10, part 2). P. 1307.

¹⁰⁵ Н1мл.: являтися имъ.

¹⁰⁶ Н1мл.: одежа златы имущиемъ (по АТ; К: одежи, имущимъ).

¹⁰⁷ Х: обоамо являемы; И: обоявляюще; Р: обьяв^яемы; А: обявляемы; Н1мл.: обавляемые (далее пропущено: и).

¹⁰⁸ ИХ, Н1мл. добавлено: рати; РА пропущено: нашествие.

¹⁰⁹ Так Троиц. 728; в РНБ. НСРК. F15 (далее: Нтр.): обоя бываемая.

Иной пример: в Троицком хронографе видим сокращения и изменения, часть из них отмечена также в летописях. Однако в целом версия гораздо ближе к полному переводу Амартола, чем к ПВЛ и Н1мл. Совпадает одно слово, разнятся многие слова и обороты. В ЕЛ-2 редакция просто тождественна хронике Амартола:

Хроника Амартола 421.1–7	ПСРЛ. Т. 1. Стб. 165.4–11; Т. 3. С. 185.	Троицкий хронограф, л. 376a-b ¹¹⁰	ЕЛ-2, л. 208d ¹¹¹
и звѣзда <u>яви^с велиа</u> на западнѣи <u>странѣ</u> <u>свѣтла</u> , выспрь испоущаа лouchа, юже <u>именоваху</u> <u>Лампадию</u> , <u>рекше</u> блистаницоу, и <u>пребы^с</u> за днии и <u>нощи</u> .к. сияюшоу так ^ж . бышиа по <u>всемоу миру</u> <u>народовластие</u> и <u>оубиство много</u> . и по <u>времени</u> <u>етери</u> бы ^с звѣздамъ течение с вечера <u>да^ж</u> и до оутриа, яко всѣмъ <u>подивитися</u> и глти, яко звѣзды	звѣзда восия на западѣ . испоущающи луча . юже прозыху блистаницю . и бы ^с блистающи . днии .к. ¹¹² . По сем же бы ^с звѣздамъ теченье с вечера до заоутря . яко миѣти всѣмъ яко падають ¹¹³ звѣзды . и паки слнце без лучь сыше . се же проявляше крамолы .	и звѣзда явися веліа на западѣ . испоущающи лучь . иже именоваху . Лампадию рекше . блистаницю . стояше на нѣси , и пребы^с за днии и .к. сияюща бы ^с по времени етерѣ . звѣздамъ теченіе с вечера до оутра . яко всѣмъ глти . яко въпадають ¹¹⁴ звѣзды , и за	И явися звѣзда велика свѣтла на западнѣи странѣ , выспрь испоущаюше луча, иже именоваху Лампадию , рекше блистаницю, и пребысть за днии и нощи 20, сияющи . Такоже бысть по всему миру народовластѣ и убиство много . И по временѣ етерѣ , бысть звѣздамъ течение с вечера даже и до утра, яко всѣмъ предивитися и глаголати , яко звѣзды

¹¹⁰ Творогов О.В. Материалы. 3. С. 326–327. Близок версии Троицкого текст Полной хронографической паеи (по схеме О.В. Творогова, это фр. 352: Творогов О.В. Древнерусские хронографы. С. 255). Привожу тут по кодексу РНБ. Пог. 435. Л. 432 об.–433: «...и звѣзда велиа явися на западѣ испущаючи луча, иже именоваху Лампадию, рекше блестаницю, и бысть за днии 20 сияющи. по времени етерѣ бысть звѣздамъ течение с вечера и до утра, яко вси глаголати, яко падають звѣзды, и за мало паки солнце без начала сише. крамолы же нузуѣ и умертвие челоуѣком не престааше грѣх ради наших». Сердечно признательна Е.Г. Водозлазину за уточнения. В Иудейском хронографе соответствующего заимствования из Амартола нет. В Хронографе «особого вида 1691 г.» из разночтений можно отметить: «...на западѣ... Лампадию, рекше блистаницю, и бысть за 20 днии сияющи. по времени же етерѣ... солнце без начала сияше». См.: Анисимова Т.В. Хроника Георгия Амартола. С. 378–379.

¹¹¹ В ЕЛ-1 фрагмент отсутствует, в ЕЛ-2 – соответствует полному переводу Амартола, без вставок и сокращений: Летописец Еллинский. Т. 1. С. 379.

¹¹² ИХ, Н1мл.: за 20 днии (The *Pověst' vremennykh lét*. P. 1310–1311).

¹¹³ Н1мл.: падутъ.

¹¹⁴ Нтр. съпадаютъ; в Троиц. 728 ошибка.

падаютъ . и <u>за мало</u> паки слнце без лоуча <u>свѣтяше яко</u> <u>доуна</u> . крамолы же и недоузи и оумртвие <u>члкомъ</u> болшею <u>не</u> <u>престаяхоу</u>	недузи чл ^н комъ оумертвие бяше	<u>мало</u> паки . слце без лоучь <u>сияше</u> . крамолы <u>же</u> и недоузи и оумртвє члкомъ . <u>не престаеше</u>	спадаетъ. И <u>за мало</u> паки солнце безъ луча свѣтяся, <u>яко</u> и <u>луна</u> . И крамолы же и недоузъ и умертвие <u>человкомъ</u> бысть, и <u>не престаюху</u> .
--	--	--	--

Особенно примечательна первая лексическая замена «явися»/«вьсия». На этом фоне резче проявляется предыдущий узел разночтений, где в ПВЛ, Н1мл., Троицком хронографе и ЕЛ-2 — также лексическая замена «вьсия», а в полном переводе Амартола и ЕЛ-1 читается исходное «явися»:

Хроника Амартола 262.17	ПСРЛ. Т. 1. Стб. 165.1-4; Т. 3. С. 185.	Троицкий хронограф, л. 363а-с ¹¹⁵	ЕЛ-1, ГИМ. Син. 280, л. 178 ¹¹⁶
посемъ же <u>явися</u> звѣзда <u>надъ</u> градомъ въ образъ копиинны ¹¹⁷	посемъ же при Неронѣ цри в том же Иерлмѣ . <i>восия</i> звѣзда въ ¹¹⁸ образъ копиинны надъ градомъ	по семь же <i>вьсия</i> звѣзда <u>надъ</u> градомъ . въ образъ копиинны	по семь же <u>явися</u> звѣзда над градомъ въ образъ копиинны.

Как видим, в Ам. 421 и 262 одна та же мена «вьсия»/«явися», но в Ам. 421 во *всех* хронографических текстах вариант остался исходным, тождественным полному переводу. А вот в Ам. 262 не только в летописи, но и в памятниках круга ХВИ произведена замена. В текстологической картине так может случиться, если некая рукопись непоследовательно сверялась по иной. Непоследовательная мена — именно в текстах «семьи ХВИ». Закономерно возникает предположение, что сверка произведена в ранней версии ХВИ по Начальной летописи, а не наоборот.

Далее, ПВЛ и Н1мл., Троицкий хронограф и Полную хронографическую палею сближают два сокращения, тогда как разделяют достаточно много текстуальных особенностей. Ср.¹¹⁹:

¹¹⁵ *Творогов О.В.* Материалы. 3. С. 313. С незначительными разночтениями так же в Полной палее и в ЕЛ-2. ЕЛ-2: «По сем же *вьсия* звѣзда над градомъ въ образъ копиинны... и польци въоружени рыщуце на въздузь... посла Неронь... воевать на Иерусалимъ» (Летописец Еллинский. Т. 1. С. 222–223).

¹¹⁶ Отрывок опубликован: *Истрин В.М.* Книги времяньныя. Т. 2. С. 105.

¹¹⁷ Так в большинстве списков, Ам.с., в Ам.гр. инновация: «образомъ копья».

¹¹⁸ Л на, Н1мл. проп.

¹¹⁹ В этой последней таблице пунктиром в тексте Амартола обозначены участки, не попавшие в хронографы и летопись.

Хроника Амартола 479.16–25	ПСРЛ. Т. 1. Стб. 165.17–24; Т. 3. С. 185.	Троицкий хронограф, л. 389d ¹²⁰	Полная хронографи- ческая палея ¹²¹
<p>И априля мѣца течение звѣздное бы^с на нб^си и о^ттрѣгахоуся на землю, яко видящимъ мнѣти соуще оуже кончинѣ. тогда же въздуо^у възлияся повеликою и гла^а велии, яко исуошится источиномъ и рѣкамъ, и проданѣ быти мѣрѣ ячнѣи на двунадесяти златнику. В Сурии же бы^с троу^с велии и много падение, яко оубо градомъ единъ разорится, друзии^а: до полу, етери же о^т горняя прилежащаа равна мѣста стѣнамъ градскы^а и съ домы напрасно пристуопитися без вреда яко до двою попришоу . земля же и <u>Междоурѣчье за поприща .г. разсѣдшися и етероу въскипѣвши бѣдоу и пѣсочную землю,</u> изиде дивно из неа мска, чл^ккы^а гл^омъ глющи и проповѣдающи наитие языкомъ . еже и бы^с <u>вборзѣ.</u></p>	<p>по семь же бы^с при Костянтинѣ иконоборци¹²² . снѣ Леонова теченье звѣздное бы^с на нбѣ^с¹²³ . о^тторгаху¹²⁴ бо ся на землю . яко видящи^а¹²⁵ мнѣти кончину . тогда же въздухъ възлияся¹²⁶ повелику . в Сурии же бы^с трусь великъ . земли расѣдшися трии поприщ . изиде дивно и-землѣ . мска¹²⁷ чл^кчскымъ гл^кмъ глщи . и проповѣдающи наитие языка¹²⁸ еже и бы^с .</p>	<p>и априля . мѣца течение звѣздное бы^с до нбси . и оттрѣгахоуся на землю . тако видящимъ мнѣти оуже соущи кончинѣ . тогда въздуохъ възся повеликою . в^с Сурии же бы^с троусъ велии . земля же и <u>Межирѣчье за поприща .г. и расѣдшо^са и [е]тероу¹²⁹ въскипившо бѣдоу . и пѣсочноу землю .</u> изиде иж нея мска мска¹³⁰ чл^кчкомъ гл^кмъ глщи . и проповѣдоющи наитее аззыкъ еже¹³¹ бы^с <u>вборзѣ .</u></p>	<p>априля мѣсяца течение звѣздное бысть до небесѣ. оттрѣгахуся на землю, яко видящимъ мнѣти, <u>сущи оуже кончинѣ.</u> тогда же въздухъ възся повелику. в Сурии же бысть трусъ велии. земля же и <u>Межюрѣчье за поприща г</u> и расѣдшося и етеру <u>въскипѣвшю бѣдоу пѣсочну землю</u> изиде дивно из нея мска, чловѣчьскимъ гласомъ глаголющи и проповѣдающи наитие языка, еже бысть <u>вборзѣ.</u></p>

¹²⁰ Творогов О.В. Материалы. 3. С. 340. В ЕЛ-2 – из полного перевода Амартола. См.: Летописец Еллинский. Т. 1. С. 426.

¹²¹ Это фрагмент Полной палеи № 395, по нумерации О.В. Творогова, близок версии Троицкого, с незначительными разночтениями; в РНБ. Пог. 1435. Л. 437.

¹²² РА добавлено: ѡри.

¹²³ А, Н1мл.: К на небеси бысть, АТ бысть на небеси; Х: нбѣ; И: нбѣсѣ; The *Pověst' vremennykh lét*. P. 1314–1315.

¹²⁴ Л ошибочно: о^тторваху; так АХ, Н1мл. (АТ, К: отторгахуть); Р оторгаху; И от-тергаху.

¹²⁵ Н1мл.: видящимъ имь.

¹²⁶ Н1мл.: К възняся, АТ възниася.

¹²⁷ Так И; Н1мл. (К), Л: мыка; РА мечка; Х, Н1мл. (АТ): мьска; The *Pověst' vremennykh lét*. P. 1316.

¹²⁸ Н1мл.: языкомъ.

¹²⁹ Нтр.: етероу; Троиц. 728 ошибочно: тероу.

¹³⁰ Нтр. нет повтора.

¹³¹ Нтр. добавлено: и.

Относительно сокращений — манера отсекаания излишних деталей и некоторого упрощения тяжеловесных грецизированных оборотов речи обычна для средневековых книжников, работавших с переводными памятниками¹³². В целом же в летописях и текстах «семьи ХВИ» обнаруживаем несколько аналогичных сокращений и две лексические замены («сияше» вместо «свѣтяше» и «въсия» вместо «явися»). Абсолютное большинство характерных чтений ПВЛ и Н1мл. хронографическими компиляциями не подтверждается¹³³.

¹³² Принципы сокращения сходны. Вот как урезан, например, текст хроники Малалы. Ниже в левой колонке таблицы — полный текст Малалы, взятый из Иудейского хронографа (версия в основном совпадает с греческой), в правой — сокращение из Софийского краткого хронографа. Текст Иудейского хронографа воспроизводится по изданию: *Истрин В.М.* Хроника Малалы. С. 19; Софийского — по: *Творогов О.В.* Материалы к истории русских хронографов. 2. Софийский хронограф и «Хроника Иоанна Малалы» // ТОДРЛ., 1983. Т. 37. С. 195.

Иудейский хронограф, Виленский список, л. 17 об.; Архивский список, л. 20с; Мал. кн. 1, гл. 6 **Софийский хронограф, л. 339 об.**

Въ та оубо лѣта краду огньную пусти^а
бѣ съ нбси , на гиганты живуцаа в
Кѣлтиистѣи земли . и пожже я и оны .
и въ Иорданскую рѣку доше^{ше} крада
оугасе . си^а исповѣдаетъ /Арх повѣдаетъ/
. огнь снѣ члчъ /Арх слнчъ/ сушь . его
* свѣтяще^е рѣша оупа^аша от колесница
землю . его * повѣсть списа . Вудии
въ творении своемъ . истиннѣе * ре^а
от /Арх о/ си^а Херонииски^а Плутархъ
. яко ре^а крадоу огньну съше^ашу на
Кѣлтиискую землю . и оставше *
гиганте . видѣвше толики от ни^а огне^а
пожжены не покаша^а.

В та * лѣта пусти бѣ краду огньную
с нбсе на гиганты, живущая в
Келтиисцѣи земли, е* списа Вудии въ
творении своем. Истиннѣе же о си^а ре^а
Херониискии Плутархъ: оставши *
гиганте, видѣвше толики от ни^а огне^а
пожжены, не покаша^а.

¹³³ При оценке разночтений следует учитывать то, что последняя треть текста Амартола отсутствует в древнейшем списке хроники РГБ. МДА. 100 (Троицкий или Тверской список), датированном исследователями концом XIII — началом XIV в. См.: *Анисимова Т.В.* Хроника Георгия Амартола. С. 41 и сл. В издании Истрина (*Истрин В.М.* Книги временныя. Т. 1) граница пролегает по с. 412. Соответственно, далее хроника воспроизводится по так называемой 2-й редакции, или Am.s (Истрин списки наиболее распространенной группы обозначил литерой S). Стемму см. также: Летописец Еллинский. Т. 2. С. 146. Новое издание хроники Амартола (*Матвеев В., Щеголева Л.* Книги временныя и образныя Георгия Монаха. М., 2006. Т. 1, ч. 1–2) осуществлено в границах старшего Троицкого списка. Известны еще два представителя ранней редакции: Эрмитажный и Синопольный списки, но они пока не изданы. Исследователи проводили сравнение избранных разночтений в хронографической редакции. Это сопоставление дает очень ценный материал, но также далеко от полноты: *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. С. 100 и др.; *Водолазкин Е.Г.* Хроника Амартола в новейших списках // ТОДРЛ., 1992. Т. 45. С. 322–332.

Существенно то обстоятельство, что одна из лексических замен два раза проявилась в тексте летописи (Ам. 262 и 421), и лишь один раз — в компиляциях круга ХВИ (только Ам. 262). Такая картина может сложиться в том случае, если хронографические памятники непоследовательно сверялись по Начальной летописи, а не наоборот¹³⁴. Следовательно, положение о том, что заимствования из Амартола в ПВЛ и Н1мл. взяты в редакции ХВИ, по меньшей мере вызывает большие сомнения.

Однако значительные фрагменты хроники Амартола, пригодные для текстологического анализа, фактически исчерпываются материалом статьи 1065 г. Второй случай, на который делают ссылки в работах о ХВИ — описание похода руси в статьях 6428 (920) г. года в Н1мл. и 6449 (941) г. в ПВЛ. Однако здесь в Н1мл. сложная композиция источников из текстов «семьи ХВИ» (в том числе, по-видимому, хронографических палей) и фрагментов самой ПВЛ. В свою очередь, ПВЛ скомпонована из хроники Амартола и жития Василия Нового, но статью 6449 г. нельзя возводить к ХВИ. Подтверждается мнение Шахматова, считавшего, что составитель ПВЛ здесь привлек полный перевод Амартола¹³⁵, и не подтверждается мнение О.В. Творогова, полагающего, что ПВЛ здесь зависит от ХВИ¹³⁶. Сложное соотношение текстов потребовало отдельного рассмотрения этого сюжета¹³⁷.

В любом случае объем материала далеко не столь велик, как хотелось бы, и как требуется для получения абсолютно надежных результатов. Поэтому перейдем к анализу третьего аргумента. В ПВЛ и Н1мл., в тексте, общем для обеих летописей, якобы отсутствуют заимствования из полного перевода Амартола. Подчеркну — так доказывается «простая» компоновка Н1мл. и «сложная», «надстроенная над Н1мл.» компоновка ПВЛ, ведь в ПВЛ отмечено множе-

¹³⁴ Такое предположение тем более оправданно, что во всех ранних памятниках круга ХВИ (Троицком хронографе, Полной и Краткой палеях, ЕЛ-2) имеются включения из летописей. Отмеченные исследователями заимствования не восходят к одному ядру, но отражают принятую позднесредневековую практику.

¹³⁵ Например: *Шахматов А.А.* Повесть временных лет и ее источники. С. 54–57, 69–72.

¹³⁶ *Творогов О.В.* Повесть временных лет и Хронограф. С. 111.

¹³⁷ Литературу и анализ текстов см.: *Вилкул Т.Л.* «Посла князь Игорь на греки вои...». То же касается ранних статей 6360/6362 и 6374 гг. С кругом ХВИ связана только новгородская летопись, но не ПВЛ: *Вилкул Т.Л.* «В лѣто 6360. Поча ся прозываети Руская земля». Початкові статті Повісті временних літ та Новгородського літопису» (в печати).

ство цитат из полного перевода хроники. Если же в Н1мл. имеются и заимствования и из текстов «семьи ХВИ», и фрагменты полного перевода Амартола, это неизбежно означает *сложную* компоновку Н1мл. И значит, склоняет к мнению о переделке и сокращении ПВЛ новгородским редактором.

Именно такая картина и восстанавливается. В Н1мл., действительно, не увидим значительного числа заимствований из Амартола, вошедших в ПВЛ. Это ожидаемо, ведь в новгородской летописи кардинально изменена начальная часть и нет соответствия окончанию ПВЛ, изобилующему хронографическими эксерптами. В то же время в начале Н1мл., под 6362 и 6428 гг., действительно использованы тексты «семьи ХВИ», а в общем тексте Н1мл.–ПВЛ находим небольшие цитаты из полного перевода Амартола. Мне удалось идентифицировать серию таких цитат и сюжетных параллелей, чему посвящены несколько специальных работ¹³⁸. Приведу два примера за период княжения Владимира Святославича.

В записи под 980 г. князь Владимир сравнивается с Соломоном: «бѣ бо **женолюбець** . якоже и Соломанъ . бѣ бо рече оу Соломана жень 700 а **наложницъ** 300»¹³⁹. Текст восходит к хронике Амартола: «цѣрь Соломонъ бѣ **женолюбець** и бяхоу емоу владоуше . џѣ . и **наложницъ** . гѣ . (700... 300. — *Т.В.*)»¹⁴⁰. Такую атрибуцию удостоверяет сравнение с 3 Цар. 11: 1, 3, от которой, в конечном итоге, зависит приведенный пассаж. Цифры «700» и «300» приведены в 3 Цар., но о «женолюбии» Соломона сказано иначе, и вместо «наложницъ» видим «хотии»: «и цѣрь Соломонъ бѣ *любя* жены зѣло... и бы^с емоу жень ведениць . зѣ . со^т . а *хотiu* . гѣ.»¹⁴¹.

Аналогичная картина в «Речи Философа» под 986 г., где цитата из Амартола служит заменой нескольких стихов в окончании Второзакония и начале Книги Иисуса Навина и резко отличается от полного библейского текста:

¹³⁸ *Вилкул Т.Л.* Повесть временных лет и Хронограф. Р. 56–116; *Она же.* О происхождении «Речи Философа» // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2012. Т. 20, N 1. Р. 1–15; *Она же.* Древнеславянский перевод Хроники Георгия Амартола в Повести временных лет и Новгородской первой летописи летопись младшего извода // ДРВМ. 2014. № 2 (56). С. 11–20.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 80.12–13; Т. 3. С. 128–129.

¹⁴⁰ *Истрин В.М.* Книги времяньныя. Т. 1. С. 147–148.

¹⁴¹ Цитируется по Виленскому (л. 358) и Троицкому (л. 131b) хронографам.

ПСРЛ. Т. 1. Стб. 96.24–25; Т. 3. С. 141.	Хроника Амартола 104.2–3; 111.16	Второзаконие по списку РГБ. Троиц. 44. Л. 178 об.–179.	Книга Иисуса Навина по списку Виленского хронографа, л. 203 об. ¹⁴²
и оумре Моисии ту на горѣ . и прия власть Гсѣ Навгинѣ	оумре Моисии на горѣ Варимьстѣ ...; по Моиси же прияѣ власть Гсѣ Наоугинѣ.	Втор.34.5: и <i>скончася</i> Моиси рабѣ гнѣ въ земли Моавли . слово ^м гнимъ . 34.6 и погребоша и въ снге въ земли Моавли . близъ домоу Фогорова . и не съвѣдѣ никто же скончаніа его даже и до ннѣшнѣго дне . 34.7 Моиси же бѣше ,рѣ лѣ ^т вьнегда скончася . не отемнѣста очи смоу ни истлѣста»	«Ис.Нав.1.1: И бы ^с по <i>скончяніи</i> Моисинѣ раба гнѣ . и рече гѣ къ Исоусоу {снови} Нав'виноу . слоусѣ Моисинѣ глѣ . 1.2 Моисии рабѣ мои скончяся . ннѣ [оу]бо вѣставѣ преиди Јорданѣ сии ты . и людіе вси {син} . въ землю юже азѣ {дамъ людемъ} [даю симъ] 1.6 оукрѣпися 1.7 и {въвозможаися} [възмужай] . снабдовати и творити . яко же тобѣ заповѣда Моисии рабѣ мои . 1.6 ты бо разлоучиши людемъ симъ . землю ею же ся кля ^х отцемъ и ^х . дати ю симъ 1.16 и отвѣщавше Исоусоу рѣкоша . все елико заповѣси намъ . да сѣтворимъ . и въ все мѣсто я[мо]же {попоустиша} [пустиши] {на ^с и} [ны] идемъ . 1.17 по всемоу елико послуша[хо ^м] Моисея и тебе послушаемъ . обаче да [е]сть гѣ бгѣ нашѣ с тобою . яко же былѣ съ Моисею ^м .

Анализ всей серии заимствований из Амартола показывает, что значительная часть их отсутствует в «семье ХВИ», равно как и в иных хронографических текстах. Это выясняется с точностью благодаря изданиям полного перевода Амартола, Троицкого хронографа, ЕЛ-2 и фрагментов Иудейского хронографа, а также подробному описанию состава всех четырех ранних представителей «семьи ХВИ», сделанному О.В. Твороговым¹⁴³.

Таким образом, нет оснований считать, что хронографические заимствования начальных летописцев были сделаны в два приема — сначала из хронографа (и этот общий текст отразился в Н1мл. и ПВЛ), а затем из хроники Амартола (и эта стадия работы отразилась только в ПВЛ). Все аргументы в пользу этой теории лишены доказательной силы. Во-первых, двойная ссылка

¹⁴² В квадратных скобках – дополнения из других рукописей, если они соответствуют греческому тексту; в фигурных скобках – неверные чтения Виленского.

¹⁴³ Описание см.: *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. С. 237–304.

ПВЛ на «летописание Георгия» и «греческое», как уже говорилось, аргументом здесь быть не может. Попытки противопоставить две ссылки основаны на устаревших представлениях XIX — начала XX в. и противоречат показаниям древних текстов. Во-вторых, подобие фрагментов из хроники Амартола в статье 1065 г. и отдельных представителей «семьи ХВИ» на самом деле оказалось весьма и весьма частичным. Объясняется это явление, судя по всему, не заимствованием из ХВИ, а одинаковой техникой сокращения переводных памятников. Не исключена также правка некоторых хронографов по летописи, тем более что во всех компиляциях имеются поздние составляющие (не ранее XII в., см. ниже). В-третьих, в Н1мл. присутствуют цитаты из полного перевода хроники Амартола, и значит, здесь привлекались две версии хроники — полная и хронографическая. В ПВЛ же подтверждается использование только полного перевода. Соотношение сложной и простой компоновки применительно к тексту Амартола в интересующих нас летописях противоположно тому, что традиционно постулируется.

Анализ хронографических заимствований в ПВЛ позволяет высказать некоторые дополнительные соображения. Составитель ПВЛ использовал разнообразные приемы работы с избранными им фрагментами: дословное копирование пространных текстов, копирование коротких фрагментов, сокращение и переработка — и это было нормальной практикой средневековых книжников. Некоторые особенности позволяют предполагать, что весь массив хронографического материала был внесен в текст летописи одной рукой. Так, тесно связаны одна с другой цитаты из недатированного Введения, статей 1064 и 1114 г. Под 1064 г. имеется блок описаний «знамений» и «чудесных явлений» (часть из них анализировалась выше): Ам. 200.16–17, 262.17, 421.1–7, 428.20–25, 479.16–25. Между вторым и третьим фрагментами наблюдается большой разрыв, и недостающая часть серии «знамений», Ам. 325.25 и 402.29–30, отыскивается в статье 1114 г. В свою очередь, записи под 1114 г. тематически и текстуально перекликаются с этногеографическим Введением ПВЛ. Вставка из Малалы, продолжающая цитаты из Амартола, здесь начинается с первых пунктов Введения, ср.: «*по потопѣ . первіе снѣве Ноеви . раздѣлиша землю*»; «*и бысть по потопѣ и по раздѣленьи языкъ, поча црѣствовать первое Местромъ от рода Хамова*»¹⁴⁴. Тесным образом связаны также

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 1.2–3; Т. 2. Стб. 278.9–10. Подробнее см.: Вилкул Т.Л. Повесть временных лет и Хронограф. С. 88.

«Речь Философа» и Введение (где находим идентичную по составу выборку из библейских и хронографических источников), а также некоторые другие статьи вплоть до 1097 г.¹⁴⁵

Итак, три аргумента — «три кита» сторонников А.А. Шахматова оборачиваются своей противоположностью. В критике теорий Шахматова и Истрина добавляется четвертая «точка опоры» — взаимосвязанность источников и тем самым — участков летописи, сохранившихся одновременно в Н1мл. и ПВЛ, и тех, что дошли до нас только в ПВЛ. Все это свидетельствует в пользу гипотезы о вторичном характере текста Н1мл. по отношению к ПВЛ.

ХРОНОГРАФЫ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТЕКСТОВ

По всей вероятности, памятники «семьи ХВИ» имеют общее происхождение, поскольку внутри этого круга текстов, т.е. между Троицким хронографом, Полной и Краткой хронографическими палеями и ЕЛ-2, обнаружена и сходная компоновка источников, и точные текстуальные подобию. Однако «семья ХВИ» не имеет отношения к ПВЛ. Имеющиеся данные склоняют к тому, что так называемая «1-я редакция ХВИ» — материя призрачная, а общий протограф этих памятников возник в XIV или, может быть, в XIII в.

Следует оговорить, что в группе хронографических источников, не относящихся к «семье ХВИ», также обнаруживаются несовместимые с датой «XI век» составляющие. Так, вступительная часть ЕЛ-1 и ЕЛ-2, общая для обоих видов ЕЛ, включает в себя фраг-

¹⁴⁵ Вилкул Т.Л. О происхождении «Речи Философа». С. 10–14. Один из последователей Шахматова, А.А. Гиппиус, признал наличие во Введении ПВЛ заимствований не из ХВИ, а из полного перевода Амартола. Однако, со ссылкой на Д.А. Добровольского, исследователь предполагает, что «первоначальный текст Введения мог вообще не включать... прямых заимствований из византийской хронографии». Можно разнообразным образом конструировать «исходное состояние» тех или иных текстов, исходя из их внутренней критики. Однако имеется ограничение метода: внутренняя критика сама по себе не дает твердой опоры для реконструкции. А наличие общих тем и общего круга источников: хроник Амартола и Малалы, Книги Юбилеев, — во Введении и «Речи Философа» (при том, что «Речь Философа» читается также и в Н1мл.) делает такое предположение маловероятным. См.: *Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 37–63, примеч. 26; *Добровольский Д.А.* Известие Начальной летописи о сыновьях Ноя: опыт текстологической стратификации // ВЕДС-ХVIII. 2006. С. 49–53.

менты 16-ти Слов Григория Богослова с комментариями Никиты Ираклийского. Близкие по составу, но не тождественные выдержки из того же сборника¹⁴⁶ отмечены в Иудейском хронографе¹⁴⁷. Никита Ираклийский — византийский автор второй половины XI в., и на Руси переводы его комментариев к Словам св. Григория появились не ранее середины XII в.¹⁴⁸ Конечно, всегда возможно стандартное возражение в том роде, что в хронографических компиляциях состав легко обновлялся, т.к. все составляющие взаимозаменяемы. Любой элемент содержания по произволу составителя или редактора замещали иным понравившимся ему фрагментом подобной тематики. Это замечание, в принципе, справедливо, но если отбросить редкие поздние составляющие в хронографах и паляях, такой подход сделает невозможным любую попытку датировки этих насквозь мозаичных компиляций. Ведь основной массив материала хронографов, как уже отмечалось, составляют именно ранние переводы и версии. Вдобавок, данные хронографических сборников подтверждаются свидетельствами летописными.

Летописи (точнее, заимствования из хронографических текстов в летописных сводах) традиционно служили контрольными текстами при определении древности хронографов. Обращаясь еще раз к этому мерилу, для XI–XIII вв. получаем такую картину. В ПВЛ следы привлечения ХВИ определены неверно, на самом деле заимствова-

¹⁴⁶ Близость состава выборки объясняется сходными задачами — дать информацию о «еллинстве», т.е. язычестве, — а также сравнительно небольшим объемом исходного материала.

¹⁴⁷ Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991. С. 158; Thomson F. The Myth of a Slavonic Translation of Pseudo-Nonnus' Scholia Mythologica in Orationes Gregorii Nazianzeni // Palaeobulgarica = Старобългаристика. 1994. Т. 18, N 3. С. 91–92; Иванов С.А. Мифологический конвой «басни о Совии» в составе Иудейского хронографа // Славяноведение. 2010. № 2. С. 63–71; Вилкул Т.Л. Создание Совия: работа составителя Иудейского хронографа (XIII в.) // Istorijos šaltinių tyrimai. Vilnius, 2010. S. 11–32.

¹⁴⁸ Выказывалось предположение, что перевод сделан Климентом Смолятичем: Лопырко И.В. Был ли Климент Смолятич создателем первого славянского перевода Толкований Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 59. С. 133–143. Критику см.: Бруни А.М. К сопоставительному изучению византийской и древнейшей славянской традиций толкований Никиты Ираклийского к Словам Григория Богослова // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Мат-лы междунар. науч. конф. в честь 75-летия д-ра ист. наук, чл.-корр. Афинской академии Б.Л. Фонкича, Москва, 27–28 февраля 2013 г. М., 2013. С. 29–42. Если последнее верно — тогда старшие свидетельства этого текста относятся к Иудейскому хронографу и еще одному сборнику XIII в.

ния сделаны из полных версий хроник Амартола и Малалы. Не знал текста хронографа и составитель более позднего Киевского свода «1200 г.» (начала XIII в.)¹⁴⁹. По крайней мере, выявленная мною подборка выдержек из Амартола показывает, что большинство фрагментов могли быть заимствованы только из полного перевода хроники, поскольку ни один хронограф их не содержит¹⁵⁰. Первым свидетелем знакомства с хронографическими компиляциями, по-видимому, является Галицко-Волынская летопись XIII в. Предполагают, что галицкая или холмская часть свода составлялась тем же кружком книжников, что и Иудейский хронограф (впрочем, в тексте Галицко-Волынской летописи также найдены фрагменты хроники Малалы, отсутствующие в Иудейском¹⁵¹, т.е. история взаимодействия памятников тоже достаточно сложна). Иными словами, в ранних летописях вплоть до второй половины XIII в. не находим следов знакомства с хронографическими компиляциями. Для того, чтобы допускать непременно киевское происхождение и время возникновения первого хронографа в XI и даже XII в., отсутствует сколько-нибудь твердая почва.

Подводя предварительные итоги, можно сказать следующее. Несмотря на то, что до окончательных решений далеко и большинство хронографических памятников исследованы всё еще неполно, летописную и хронографическую «точки отсчета», по-видимому, лучше развести. Следов ХВИ в XI в. нет, а памятники «семьи ХВИ» содержат составляющие, ведущие к более позднему времени. Да и компиляции, посторонние «семье ХВИ», такие как Иудейский хронограф или ЕЛ-1, также составлены позднее. Пока начало хронографической деятельности в собственном смысле слова предположительно можно отнести к сравнительно позднему периоду XIII в.¹⁵²

¹⁴⁹ О дате составления Киевского свода см.: *Толочко А.П.* О времени создания Киевского свода «1200 г.» // *Ruthenica*. Київ, 2006. Т. 5. С. 73–87.

¹⁵⁰ *Вилкул Т.Л.* Хроніка Георгія Амартола у Київському літописному зводі // Київська старовина. 2012. № 3. С. 69–78. Следует добавить, репертуар хронографических текстов, использованных в Киевском своде, расширен. Его составитель использовал не только Амартола и Малалу, но и «Историю иудейской войны» Иосифа Флавия, и Александрию Хронографическую: *Вилкул Т.Л.* О хронографических источниках Киевского летописного свода // *ТОДРЛ*. СПб., 2010. Т. 61. С. 382–397. Но эти заимствования не ведут к хронографу.

¹⁵¹ В Иудейском хронографе скопированы только первые 10 книг хроники Малалы, тогда как в Галицко-Волынской летописи найдены заимствования из 15–17 книг.

¹⁵² Как уже отмечалось, в Киевском своде, созданном в начале XIII в., еще не прослеживается знакомство с хронографом, но для второй половины XIII в. уже имеем Иудейский хронограф.

Подобно ранним сборникам¹⁵³, ранние хронографы, полные и краткие, представляли собой индивидуальные компиляции, состав которых зависел от набора текстов, находившихся в руках у того или иного книжника. Нет такого общего протографа, от которого идут все известные ныне памятники. Линии текстуальной зависимости и преемственности прослеживаются между Иудейским и Софийским хронографами, между ЕЛ-1 и ЕЛ-2, Толковой палеей и хронографическими палеями, в сочинениях «семьи ХВИ», но они *не свидетельствуют о происхождении всех этих ветвей из единого центра*. Соответственно, имеются основания говорить о полицентричности компилятивного творчества хронографического типа в средневековой Руси. Первыми свидетелями почитания и собирания текстов хроник и историй являются летописи. Однако, судя по всему, летописцы XI — начала XIII в. работали с полными переводами, и в том числе с полными переводами хроник Амартола, Малалы и некоторых других сочинений работал составитель ПВЛ. Этот киевский свод, в отличие от хронографов, в самом деле был тем «древним изводом» — текстом, который продолжали и от которого отталкивались все последующие летописцы, включая и новгородских.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Т.В. Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009.

Бобров А.Г. Принципы издания древнерусских летописей // *Лихачёв Д.С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. 3-е изд., перераб. и доп. СПб., 2001. С. 718–751.

Бруни А.М. К сопоставительному изучению византийской и древнейшей славянской традиций толкований Никиты Ираклийского к Словам Григория Богослова // Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Мат.-лы междунар. науч. конф. в честь 75-летия д-ра ист. наук, чл.-корр. Афинской академии Б.Л. Фонкича, Москва, 27–28 февраля 2013 г. М., 2013. С. 29–42.

Бугославский С.А. Текстология Древней Руси. М., 2007. Т. 2: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе.

¹⁵³ Сборники устойчивого состава формируются, в основном, в XV–XVI вв., что является одним из последствий «бумажной революции», появления дешевого материала для создания книг и их массового переписывания. До того мы имеем «изборы» отдельных книжников.

- Буланин Д.М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991.
- Вилкул Т.Л.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2003. Vol. 11. P. 5–35.
- Вилкул Т.Л.* Иудейский и Софийский хронографы в истории древнерусской хронографии // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2009. Vol. 17, N. 2. P. 65–86.
- Вилкул Т.Л.* Повесть временных лет и Хронограф // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2007. Vol. 15, N 2. P. 56–116.
- Вилкул Т.Л.* Толковая Палея и Повесть временных лет. Сюжет о «разделении язык» // *Ruthenica*. Київ, 2007. Т. 6. С. 37–39.
- Вилкул Т.Л.* Александрия Хронографическая в Троицком хронографе. [I] // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2008. Vol. 16, N. 1. P. 103–147.
- Вилкул Т.Л.* Імена в «Александрії Хронографічній». Кругозір укладачів Іудейського і Троїцького хронографів // *Записки Наукового товариства імені Шевченка*. Львів, 2008. Т. 256. С. 50–76.
- Вилкул Т.Л.* О хронографических источниках Киевского летописного свода // *ТОДРЛ*. СПб., 2010. Т. 61. С. 382–397.
- Вилкул Т.Л.* Создание Соя: работа составителя Иудейского хронографа (XIII в.) // *Istorijos šaltinių tyrimai*. Vilnius, 2010. S. 11–32.
- Вилкул Т.Л.* О происхождении «Речи Философа» // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2012. Vol. 20, N 1. P. 1–15.
- Вилкул Т.Л.* Хроніка Георгія Амартола у Київському літописному зводі // *Київська старовина*. 2012. № 3. С. 69–78.
- Вилкул Т.Л.* Древнеславянский перевод Хроники Георгия Амартола в Повести временных лет и Новгородской первой летописи младшего извода // *ДРВМ*. 2014. № 2 (56). С. 11–20.
- Вилкул Т.Л.* «В лѣто 6360. Поча ся прозывати Руская земля». Початкові статті Повісті временних літ та Новгородського літопису» // *Княжа доба: історія і культура*. Львів, 2014. Вип. 8. С. 73–104.
- Вилкул Т.Л.* «Посла князь Игорь на греки вои...». Источники статьи 6428 г. Новгородской первой летописи младшего извода о походе руси на Константинополь // *Русская литература*. 2016 (в печати).
- Водолазкин Е.Г.* Хроника Амартола в новонайденных списках // *ТОДРЛ*. СПб., 1992. Т. 45. С. 322–332.
- Водолазкин Е.Г.* Новое о палаях (некоторые итоги и перспективы изучения палейных текстов) // *Русская литература*. 2007. № 1. С. 3–23.
- Водолазкин Е.Г.* Как создавалась Полная Хронографическая Палея. Ч. 1 // *ТОДРЛ*. СПб., 2009. Т. 60. С. 327–353.
- Гимон Т.В.* События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // *ДГ*, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 584–703.
- Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // *НИС*. СПб, 1999. Вып. 7 (17). С. 18–47.

- Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.
- Гиппиус А.А.* Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 56–96.
- Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 37–63.
- Добровольский Д.А.* Известие Начальной летописи о сыновьях Ноя: опыт текстологической стратификации // ВЕДС-ХVIII: Восприятие, описание и моделирование пространства в античной и средневековой литературе. 2006. С. 49–53.
- Иванов С.А.* Мифологический конвой «басни о Совии» в составе Иудейского хронографа // Славяноведение. 2010. № 2. С. 63–71.
- Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 1.
- Истрин В.М.* Александрия русских хронографов. М., 1893.
- Истрин В.М.* Замечания о составе Толковой Палеи. I–VI // СОРЯС. СПб., 1898. Т. 65, № 6.
- Истрин В.М.* Из области древнерусской литературы. I // ЖМНП. 1903. Авг.
- Истрин В.М.* Из области древнерусской литературы. IV. Редакции Толковой Палеи // ЖМНП. 1906. Февр. Отд. 2.
- Истрин В.М.* Редакции Толковой Палеи. СПб., 1907.
- Истрин В.М.* Летописные повествования о походах русских князей на Царьград // ИОРЯС. СПб., 1916. Т. 21, кн. 2.
- Истрин В.М.* Книги временья и образья Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1: Текст; 1922. Т. 2: Греческий текст «Продолжения Амартола». Исследование.
- Истрин В.М.* Замечания о начале русского летописания // ИОРЯС. Л., 1924. Т. 27. С. 45–102; Л., 1925. Т. 28. С. 107–251.
- Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994. Книга Исход. Древнеславянский полный (четий) текст по спискам XIV–XVI вв. / Сост. Т.Л. Вилкул (в печати).
- Костомаров Н.И.* Лекции по русской истории. СПб., 1864. Ч. 1: Источники русской истории.
- Летописец Еллинский и Римский / Осн. список подгот. О.В. Твороговым и С.А. Давыдовой; Вступит. ст., археогр. обзор и критич. аппарат издания подгот. О.В. Твороговым; Коммент. и исслед. О.В. Творогова. СПб., 1999–2001. Т. 1–2.
- Михайлов А.В.* Общий обзор состава, источников, редакций и литературных источников Толковой палеи // Варшавские университетские известия. Варшава, 1895. № 7. С. 1–21.

- Михайлов А.В.* Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1900–1908. Вып. 1–4.
- Михайлов А.В.* Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1912. Ч. 1: Паримейный текст.
- Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего извода / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- Оболенский К.М.* Предисловие // Летописец Переяславля-Суздальского. М., 1851.
- Пеев Д.П.* Новые данные о времени и месте перевода Хроники Георгия Амартола // ЛХ, 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 13–38.
- Пичхадзе А.А.* К истории четьего текста славянского Восьмикнижия // ТОДРЛ. 1996. Т. 49. С. 10–21.
- Пичхадзе А.А.* Книга «Исход» в древнеславянском Паримейнике // Уч. зап. Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. М., 1998. Вып. 4.
- Пичхадзе А.А.* Корпус древнерусских переводов XI–XII ст. и изучение переводной книжности Древней Руси // Национальный корпус русского языка. 2003–2005 гг. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 251–262.
- Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М., 2011.
- Поньрко И.В.* Был ли Климент Смолятич создателем первого славянского перевода Толкований Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова // ТОДРЛ. 2008. Т. 59. С. 133–143.
- Попов А.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1.
- Русинов В.Н.* Летописные статьи 1051–1117 гг. в связи с проблемой авторства и редакций «Повести временных лет» // Вестн. Нижегородского ун-та. Сер. История. 2003. Вып. 1 (2). С. 111–147.
- Сенигов И.П.* О древнейшем летописном своде Великого Новгорода. СПб., 1885.
- Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь. Сентябрь–февраль / Изд. Подгот. Л.В. Прокопенко, В. Желязкова, В.Б. Крысько, О.П. Шевчук, И.М. Ладыженский, М., 2010. Т. 1.
- Срезневский И.И.* Исследования о летописях новгородских // Изв. Акад. наук. Отд. II. СПб., 1853. Т. 2.
- Станков Р.* К проблеме происхождения древнейшего славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Преславска книжовна школа. Шумен, 2004. Т. 7: Изследвания в памет на професор И. Гълъбовъ.
- Станков Р.* Древнеболгарский перевод Хроники Георгия Амартола и Хронограф по великому изложению // Преславска книжовна школа. Шумен, 2012. Т. 12.
- Строев П.М.* Предисловие // Софийский временник или русская летопись с 862 по 1534 год. М., 1820. Ч. 1. С. V–XXIV.

- Сухомлинов М.И.* О древней русской летописи, как памятнике литературном // Уч. зап. Имп. Акад. Наук, II отд. СПб., 1856. Кн. 3. С. 1–230.
- Творогов О.В.* Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 99–113.
- Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975.
- Творогов О.В.* Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 3–26.
- Творогов О.В.* Материалы к истории русских хронографов. 2. Софийский хронограф и «Хроника Иоанна Малалы» // ТОДРЛ. Л. 1983. Т. 37. С. 188–221.
- Творогов О.В.* Повесть временных лет // СККДР. Вып. 1. С. 337–343.
- Творогов О.В.* Хроника Иоанна Малалы // СККДР. Вып. 1. С. 471–474.
- Творогов О.В.* Хронограф по великому изложению // СККДР. Вып. 1. С. 476–477.
- Творогов О.В.* Материалы к истории русских хронографов. 3. Троицкий хронограф // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 287–343.
- Творогов О.В.* Летописец Еллинский и Римский. Текстологические и источниковедческие проблемы // Летописец Еллинский и Римский. СПб., 2001. Т. 2.
- Творогов О.В.* Паралимомен Зонары: Текст и комментарий // ЛХ, 2009–2010. М.; СПб., 2010. С. 3–101.
- Толочко А.П.* «История российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005.
- Толочко А.П.* О времени создания Киевского свода «1200 г.» // Ruthenica. Київ, 2006. Т. 5. С. 73–87.
- Толочко О.П.* Початкове літописне зведення // Енциклопедія історії України. Київ, 2011. Т. 8. С. 470–471 (<<http://www.history.org.ua/?litera&id=7074>>).
- Шахматов А.А.* О сочинениях преподобного Нестора (первая пробная лекция на заседании историко-филологического факультета Московского университета 1 марта 1890 г.) // *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1, кн. 2. С. 465–475.
- Шахматов А.А.* О Начальном Киевском летописном своде // ЧОИДР. 1897. Кн. 3. С. 1–58.
- Шахматов А.А.* Хронология древнейших русских летописных сводов // ЖМНП. 1897. Ч. 310, № 4. С. 463–482.
- Шахматов А.А.* Древнеболгарская энциклопедия X в. // ВВ. 1900. Т. 7, вып. 1–2.
- Шахматов А.А.* Начальный Киевский летописный свод и его источники // Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900.
- Шахматов А.А.* Толковая Палея и русская летопись // Статьи по славяноведению. СПб., 1904. Вып. 1. С. 199–272.
- Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

- Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Введение. Текст. Комментарии. Пг., 1916. Т. 1.
- Шахматов А.А.* Повесть временных лет и ее источники // ТОДРЛ. Л., 1940. Т. 4. С. 11–150.
- Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002–2003. Т. 1, кн. 1–2.
- Шубаев М.А.* Летописные источники Еллинского летописца второго вида // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2004. С. 187–204.
- Шлёцер А.-Л.* Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.Л. Шлёцером. СПб., 1809. Ч. 1 / Пер. Дм. Языков (<<http://dlib.rsl.ru/viewer/01004172245#?page=1>>).
- Edenburg C.* Rewriting, Overwriting, and Overriding: Techniques of Editorial Revision in the Deuteronomistic History // Words, Ideas, Worlds in the Hebrew Bible: Essays in Honour of Y. Amit. Sheffield, 2012 (<http://www.academia.edu/2177797/Rewriting_Overwriting_and_Overriding_Techniques_of_Editorial_Revision_in_the_Deuteronomistic_History>).
- Honigman S.* LXX and Homeric Scholarship. L.; N.Y., 2003.
- Ioannis Malalae Chronographia* / Ed. H-G. Bech, A. Kambylis, R. Keydell. Berolini; Novi Eboraci, 2000. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae; Vol. 35).
- Orlov A.A.* Selected Bibliography on Transmission of Jewish Pseudepigrapha in Slavic Milieux // *Orlov A.A.* Selected Studies in the Slavonic Pseudepigrapha. Leiden; Boston, 2009.
- The Povĕst' vremennykh lĕt: An Interlinear Collation and Paradosis* / Ed. by Donald Ostrowski. Cambridge (Mass.), 2003. (Harvard Library of Early Ukrainian Literature; Vol. 10, part 2).
- Thomson F.* The Myth of a Slavonic Translation of Pseudo-Nonnus' Scholia Mythologica in Orationes Gregorii Nazianzeni // *Palaeobulgarica = Старобългаристика*. 1994. Т. 18, N 3.
- Thomson F.* The Slavonic Translation of the Old Testament // Interpretation of the Bible. Ljubljana, 1998.
- Tolochko O.* On 'Nestor the Chronicler' // HUS. 2007. Vol. 29, N 1–4. P. 31–59.

ON THE CHRONOGRAPHIC SOURCES OF THE *PRIMARY CHRONICLE* AND THE DATING OF THE EARLIEST *RUS KHRONOGRAPHS*

In the early twentieth century two outstanding scholars, Alexey Shakhmatov and Vasily Istrin, formulated the ideas of two lines of historical writing in Old Rus. The first line comprized chronicles (*letopisi*), dedicated to the history of Rus, and the second one comprized *kronographs* (compendia), dedicated to the history of the world. These ideas remain actual for the scholars until nowadays, in spite of the fact that some of Shakhmatov's and Istrin's reconstructions are problematic, and new data, especially on *khronographs*, have been obtained. The latter were interesting to scholars first of all because of their significance for the possibility of reconstruction of a chronicle earlier than the *Primary Chronicle* (*Povest' vremennykh let*) of the 1110s as well as of an early *Khronograph* — a compilation of fragments of Byzantine chronicles, Biblical and para-Biblical texts. The scholars bound together the fortunes of *letopisi* and *khronographs* (as opposed to full translations of Byzantine chronicles). The present paper analyzes the emergence of the ideas of the so-called *Initial Compilation* (*Nachalny svod*) of the 1090s and the *Khronograph of special content* (*Khronograph po velikomy izlozheniyu*) of the middle or the second half of the eleventh century. The *Initial Compilation*, reconstructed on the base of the Younger Version of the *First Novgorodian Chronicle*, had to include, according to Shakhmatov (as well as to Istrin who supported him in this respect), fragments borrowed from the early *Khronograph*. In his later works, Istrin preferred to speak of the mid-eleventh-century 'First version of the *Primary Chronicle*' without any reference to the *First Novgorodian Chronicle*. In any case, the chronicle and the *Khronograph* so reconstructed had to be created earlier than the *Primary Chronicle*. However, the modern text-criticism enables us to challenge Shakhmatov's and Istrin's argument. New observations on the interrelations between *letopisi* and *khronographs* lead to another reconstruction of the early history of historical writing in Rus. The *khronographs* and the translations of Byzantine chronicles act as controle texts when studying *letopisi* and provide important material for the history of the latter. It can be deduced that the compiler of the *Primary Chronicle* used only full versions of the Slavonic translations of the Byzantine chronicles. On the contrary, the Younger Version of the *First Novgorodian Chronicle* uses a compilative *khronograph*. It is probable that the *khronographs* began to be compiled later than *letopisi*, and the first authors of *letopisi* used only full translations of Byzantine chronicles.

Key words: Old Rus, chronicle writing, historical writing, *khronographs*, Byzantine chronicles, *Khronograph po velikomy izlozheniyu*

М.М. Дробышева

ЛЕТОПИСНЫЕ НАДПИСИ-ГРАФФИТИ
КИЕВСКОГО СОФИЙСКОГО СОБОРА (XI–XII вв.)
КАК ФОРМА ИСТОРИОПИСАНИЯ*

В статье поднимается вопрос о древнерусских «летописных» («исторических») надписях-граффити как форме историописания. Выделено 10 надписей, находящихся в Киевском Софийском соборе и датирующихся XI–XII вв., в которых есть упоминания о некоторых исторических событиях. Автором проведен историографический обзор исследований каждой из надписей и предпринята попытка систематизировать сведения этих граффити, а также аналогичные им известия из других источников. Хотя и нельзя говорить о сколь-либо системном характере фиксирования исторических событий в древнерусских граффити, ряд эпизодов из жизни киевлян XI–XII вв. не остался незамеченным авторами настенных записей. В киевском Софийском соборе есть надписи, сообщающие о рождении и смерти князей, приходе и отъезде церковных владык, погодных явлениях, захоронениях и перезахоронениях, заключенных договорах и т.д. Некоторая закономерность прослеживается в расположении надписей в соборе. Так, надписи, передававшие информацию об одном и том же лице, как правило, находятся рядом. Нередко есть связь между текстом надписи и фреской, на которой она была процарапана. Большинство рассмотренных граффити находятся в центральном нефе собора, но почти все надписи, сообщающие о каких-либо эпизодах из жизни церковных владык, сделаны в приделе Апостолов Петра и Павла, примыкающем к центральному нефу с севера. Несмотря на противоречивость данного источника, в условиях дефицита информации по древнерусской истории граффити могут стать существенным подспорьем в восстановлении событий прошлого, а также в изучении истории повседневности и развития грамотности.

Ключевые слова: Софийский собор, Киев, граффити, настенные надписи, историописание, летописи

* Статья написана в Государственном Академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания № 2014/321 Минобрнауки России (проект «Письмо и повседневность: Древняя Русь в сравнительно-исторической перспективе»).

Сложно сказать, чем именно руководствовались наши предки, выцарапывая новую надпись на стене собора. Однако факт остается фактом: во многих древнерусских архитектурных памятниках можно найти граффити. В большинстве случаев это записи-молитвы или автографы («Господи, помози рабу своему такому-то», «Такой-то псал» и т.п.), но встречаются и надписи, фиксирующие некое историческое событие. Особенно много таких надписей было обнаружено в киевском Софийском соборе, и, пожалуй, наиболее любопытные из них относятся к XI–XII вв.

Почти все ученые, занимавшиеся исследованием древнерусских граффити, так или иначе выделяли подобные надписи в отдельную группу. Например, у С.А. Высоцкого фигурируют «надписи, содержащие сведения о военно-политической истории древней Руси и прочие памятные граффити», т.е. «надписи, сделанные в память о том или ином событии. Чаще всего они связаны с посещением собора, но встречаются среди них и более интересные, содержащие сведения, близкие к летописным»¹. Примерно та же формулировка присутствует и в работах Б.А. Рыбакова, где он, разбирая весь накопившийся эпиграфический материал, выделил еще и группу «эпиграфические данные о феодальной титулатуре». Здесь главным примером являлось граффито о смерти Ярослава Мудрого². Среди надписей новгородской Софии А.А. Медынцева, помимо прочего, выделяет «летописные» граффити³, а В.В. Корниенко при публикации нового свода киевских надписей разделил их на девять групп, одна из которых — «памятные надписи» — объединяла все тексты, фиксирующие какое-либо событие вне зависимости от его значимости⁴. Наконец, С. Франклин предложил в качестве одной из категорий «граффити, созданные на память о каких-то событиях» (здесь Франклин выделяет три подгруппы: надписи о смертях; надписи о прочих исторических событиях; надписи, фиксирующие сделки)⁵.

¹ *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976. С. 9.

² *Рыбаков Б.А.* Русская эпиграфика X–XIV вв. // История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963. С. 58–72.

³ *Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века). М., 2000. С. 75.

⁴ *Корниенко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Київ, 2010. Ч. 1: Приділ св. Георгія Великомученика. С. 360.

⁵ *Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010. С. 134–137.

В другой статье я специально рассмотрела проблему классификации древнерусских настенных надписей и дала характеристику каждой из выделенных групп, в том числе и граффити, содержащим информацию исторического характера. Если вкратце, эти надписи сообщают о каком-либо историческом событии на манер летописи и чаще всего содержат дату (но иногда обходятся без нее)⁶. Исторические граффити следует отличать от поминальных (которые сообщают о чьей-либо смерти с обязательной формулой «месяца такого-то числа такого-то преставися раб Божий такой-то») и от надписей-автографов (которые констатируют факт написания граффито кем-то). Следуя этому определению, к числу исторических можно отнести граффити № 3–9, 99, 101, 112 по нумерации С.А. Высоцкого, а также № 1168 и 1362 по нумерации В.В. Корниенко. Рассмотрим каждую из этих надписей более пристально.

Особый интерес представляет граффито № 8, связанное, по мнению исследователей, со смертью Ярослава Мудрого. О точной дате этого события среди историков было множество споров, поскольку различные списки летописей по-разному ее определяют. Помимо года (6562) и числа (20 февраля), они указывают еще субботу первой недели Великого поста («Федоровской недели»), которая в 6562 мартовском году приходилась на 19, а не на 20 февраля, или день святого Федора (17 февраля). Историки выдвигали разные предположения о точной дате смерти великого князя, и до сих пор этот вопрос остается дискуссионным⁷.

После находки С.А. Высоцким на стене центрального нефа, на третьем от алтаря южном крещатом столбе киевской Софии, рядом с фреской, изображающей св. Пантелеймона, граффито: «Въ л(ето) 6562 | м(еся)ца фѣввар[а] | 20 усъп[ен](и)нѣ ц(а)рѣ наш(е)го, въ въ... |... | Февдора|»⁸, вопрос о точной дате смерти Ярослава Мудрого снова стал актуальным, поскольку совпадение года и даты навело исследователей на мысль, что именно о его кончине здесь идет речь.

⁶ Бубнова М.М. Проблема классификации древнерусских граффити XI–XIV вв. (на примере надписей Киевского Софийского собора) // ИИ. 2012. Вып. 5. С. 79–91.

⁷ Подробно об историографии этого вопроса см.: Данилевский И.Н. Повседневные практики древнерусских переписчиков книг и датировка Остромирова Евангелия // Многоликая повседневность: микроисторические подходы к изучению прошлого: Мат-лы конф. памяти Ю.Л. Бессмертного (1923–2000). М., 2014. С. 6–32.

⁸ Высоцкий С.А. Датированные граффити XI в. Софии Киевской // СА. 1959. № 4. С. 243.

Б.А. Рыбаков реконструировал плохо сохранившиеся строчки, и в его версии надпись должна была читаться так: «Въ л(ето) 6562 | м(еся)ца фѣврар[а] | 20 усьп[ен](и)ѣ ц(а)ра наш(е)|го, въ въс[к]р[с]ен[и]ѣ, | в(ъ н)ед[ѣлю] | [м](у)че[ни](ка) | Февдора||». Таким образом, всё встало на свои места: и день недели, и дата, и год. Относительно возможных причин несогласованности известий летописи о смерти Ярослава Рыбаков предположил, что летописец пользовался двумя разными источниками: из одного он взял 20 февраля, а из другого субботу, приходившуюся на 19 февраля, и не заметил этого противоречия. В то же время запись в Софийском соборе, по мнению историка, сделана ближе к самому событию, чем запись о нем в летописи, т.к. граффито верно передает и день недели и число⁹.

Эта точка зрения была широко поддержана, в том числе и С.А. Высоцким, но оппоненты указывали на невозможность использования слова «въскресеие» в качестве названия дня недели (вместо слова «недѣля»), а также и титула «царь» в столь раннем источнике. Так В.К. Зиборов предложил совершенно иную версию чтения надписи. В его варианте граффито выглядит так: «Въ л(ето) 6562 (или 6560) [марта] | м(еся)ца фѣврара | 17 Жсьп[ен](и)ѣ ц(а)ра наш(е)|гв, въ Выш|гврвде, въ соу|бвтоу а недѣли | пвста на с(вя)т(о)гв | Февдвра||»¹⁰. Согласно летописным известиям, Ярослав Владимирович скончался именно в Вышгороде, на что и ориентировался исследователь, выдвигая подобную версию чтения. С.А. Высоцкий не поддержал данную гипотезу и подробно разобрал ее недостатки. Заново проанализировав надпись, он предположил следующую версию чтения: «Въ л(ето) 6562 м(еся)ца фѣврара 20 Жсьп[ен](и)ѣ ц(а)ра наш(е)гв, въ бысть недѣлю с(вя)т(о)гв мученика Феодора||»¹¹. Стоит сказать, что степень сохранности последних строк граффито, за исключением самой последней, настолько низка, что любые версии будут здесь очень гипотетичны. Вероятно, поэтому в одной из следующих работ В.К. Зиборов, снова разбирая проблему летописных известий и чтения граффито, воздержался от полемики с С.А. Высоцким, подытожив, что «общий результат проверки всех вариантов неуте-

⁹ Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964. С. 16—18.

¹⁰ Зиборов В.К. Киевские граффиты и дата смерти Ярослава Мудрого // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы истории города. Л., 1988. С. 80—94.

¹¹ Высоцкий С.О. Напис про смерть Ярослава Мудрого у Софійському соборі в Києві та деякі питання його вивчення // Археологія. 1991. № 2. С. 41—47.

шителен: ни одна дата не позволяет решить вопрос о дате смерти Ярослава Мудрого»¹². Своеобразной вершиной скептицизма в отношении киевского граффито стало замечание С.В. Цыба о том, что «софийскую надпись вообще следует исключить из хронологического анализа интересующего нас события, потому что она уступает по древности первоначальным летописным сообщениям и повторяет позднейшие их переработки: храмовые граффити некрологического содержания в Древней Руси были связаны не с ритуалом погребения, а с посмертным поминальным культом»¹³.

И.Н. Данилевский замечает, что связь между граффито и Ярославом Мудрым «может быть как истинной, так и ложной»¹⁴. Еще у Б.А. Рыбакова были сомнения: «Чью смерть отметила эта запись? Кого назвал своим царем киевлянин XI в. и к кому применил он торжественное слово “успение”? На 6562 г. приходится дата смерти и цесаря Византии Константин IX Мономах, и под этим же 6562 г. русская летопись отметила смерть великого князя киевского Ярослава Владимировича»¹⁵. И.Н. Данилевский в пользу версии об упоминании в граффито смерти византийского императора добавляет, что его соправительницей, а затем и преемницей была Феодора, и этот факт, по всей видимости, автор надписи обыграл в последних строках. Но еще Б.А. Рыбаков отбросил эту версию, основываясь на мнении Н.А. Скабалановича, который датой смерти Константина IX назвал 11 января 1055 г.: «Лебо (XIV, 395), Гиббон (864), Финлей (I, 526), Гфрёрер (III, 561, 633) относят смерть Мономаха к 30 ноября 1054 г. или к декабрю 1054 г.; по их словам, ни Кедрин, ни Зонара не указывают года и дня смерти. Зонара действительно не указывает, но у Кедрина год, индикт, месяц и день показаны, и его показанием, совпадающим со счетом Атталиота, мы руководствуемся»¹⁶. Так что, по всей видимости, в киевском граффито всё же речь идет именно о смерти великого князя Ярослава Владимировича.

Вероятно, можно согласиться с процитированным только что мнением С.В. Цыба о том, что «храмовые граффити некрологиче-

¹² *Зиборов В.К.* О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995. С. 21.

¹³ *Цыб С.В.* Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». 2-е изд., испр. СПб., 2011. С. 82.

¹⁴ *Данилевский И.Н.* Повседневные практики. С. 18.

¹⁵ *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи. С. 14.

¹⁶ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI в. СПб, 1884. С. 68.

ского содержания в Древней Руси были связаны не с ритуалом погребения, а с посмертным поминальным культом». После первых находок киевских софийских граффити С.А. Высоцкий предположил, что «поминальные записи писались на стенах того храма, в котором были погребены упомянутые в них лица»¹⁷, и задался вопросом, «не выцарапаны ли они над теми местами в соборе, где под полом имелись погребения упомянутых в записях лиц»¹⁸. Но со временем было найдено столь большое количество разнообразных поминальных записей, что эта гипотеза опроверглась сама собой. Сложно представить количество захоронений в соборе равное числу упоминаемых в надписях лиц. В пользу гипотезы о поминальном характере надписей свидетельствуют многочисленные находки В.В. Корниенко граффити, сделанных в виде процарапанных вертикальных штрихов, идущих подряд, — свидетельство о подсчете поминаний, как при выполнении треб в церкви¹⁹. Поминальные граффити, с их четкой формулой «месяца такого-то числа такого-то преставися (раб Божий) такой-то», сообщают минимальные и самые важные для молитвы за упокой сведения — имя усопшего и дату его смерти без года (например, как в надписи Выс. 152: «Преста|вис[а] раб Б(о)[ж]ии Лазо[р]ь м(е)с(я)ца июна въ 9 д(е) [нь]»). Для одного из граффити С.А. Высоцкий предполагал дату его создания на девятый или сороковой день после смерти упоминаемого в нем лица²⁰, но это только догадка. Граффито же № 8 совсем не похоже на типичную поминальную запись: здесь указан год (а в поминальных надписях — обычно только месяц и день), нет следования приведенной выше формуле, а сам характер записи слишком торжественен для обычного поминания. Тот факт, что запись говорит о смерти человека, не дает повода автоматически причислять ее к поминальным граффити. Смерть великого князя — событие, имевшее немалое историческое значение, и кто-то мог зафиксировать его подобно тому, как позже были отмечены,

¹⁷ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. С. 130.

¹⁸ Там же. С. 130.

¹⁹ *Корниенко В.В.* Графіті-записи лічби з Софії Київської: Нове джерело для дослідження розвитку ідей «малої есхатології» Давньої Русі // II давньоруські історико-філософські читання Філософські ідеї в культурі Київської Русі: Пам'яті видатного українського філософа В.С. Горського, 10 червня. Полтава, 2009. С. 93–104.

²⁰ *Высоцкий С.А.* Надпись с именами героев «Слова о полку Игореве» в Киевской Софии // ТОДРЛ. 1976. Т. 31. С. 332.

например, гром или мир на Желяни (см. ниже). Палеографический анализ, проведенный С.А. Высоцким, относит время создания надписи № 8 к XI–XII вв., что опровергает версию о позднейшем происхождении источника. Однако нет данных, чтобы судить о конкретном времени создания надписи, т.е. неясно, была ли она сделана непосредственно после смерти Ярослава или позже.

Рядом с записью о смерти Ярослава Мудрого находится другое граффито. Оно найдено С.А. Высоцким (который присвоил ему № 3) и прочитано им так: «Въ л(ето) 6560 | март(а) въ 3 | розьгромл[е] | въ 9 ч(ас) дне. | Бѣ же въ т(о) 40 | с(вя)т(о)го м(у)ч(ени)ка | Еутропи[а]||». Ученый предполагал, что здесь речь идет о каком-то разгроме или разорении, произошедшем 3 марта 1052 г. в 9 часов утра. Слова «бе же то в 40 святого мученика Евтропия» исследователь понимал как «было же то в 40-го святого мученика Евтропия» и добавлял: «Действительно, на 9 марта приходился популярный в древней Руси праздник “40 севастиийских мучеников”, а на 3 марта день памяти Евтропия»²¹. Память св. Евтропия действительно приходится на 3 марта, как и указано в надписи, а на 9 марта — Сорок севастиийских мучеников²². Но в варианте чтения Высоцкого нет никаких отсылок к 9 марта, а среди Сорока мучеников нет Евтропия.

Б.А. Рыбаков предложил иную версию чтения и интерпретации надписи: «Въ л(ето) 6560 | март(а) въ 3 | розьгра(д)[и]ша | въ 19 днь. | Бѣ же вз[а](т)ъ [wt] | с(вя)т(о)го м(у)ч(ени)ка | Еутропи[а]||». Ученый считал, что 3 марта 1052 г. что-то было разгорожено, а 19 марта сделана сама надпись²³. В.К. Зиборов предположил, что надпись связана с записью о смерти Ярослава Мудрого: «Не содержится ли в записи от 3 марта 6560 г. сообщение об установке саркофага с телом Ярослава Мудрого в Софийском соборе?»²⁴. Напомним, что в его версии чтения надписи № 8 присутствует указание на плохо сохранившийся фрагмент с упоминанием месяца марта, а в граффито № 3, если следовать логике Б.А. Рыбакова, идет речь о том, что «что-то было раскопано, разрыто» как раз в начале марта. Учитывая соседство этих двух надписей, В.К. Зиборов и предложил версию об их связи. Косвенно эта гипотеза свидетельствовала

²¹ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. С. 16–18.

²² *Сергий (Спасский).* Полный месяцеслов Востока. 2-е изд. Владимир, 1901. Т. 1. С. 419.

²³ *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи. С. 13–14.

²⁴ *Зиборов В.К.* Киевские граффити. С. 91.

в пользу версии о смерти Ярослава в 6560, а не 6562 г. Но с такой интерпретацией граффито № 3 сложно согласиться, поскольку сам же исследователь замечает: «что-то было раскопано, разрыто, а не закопано»²⁵.

Позже С.А. Высоцкий обратил внимание, что в житии св. Евтропия упоминается гром, прогремевший сразу после того, как мученик отказался поднести приношения языческим богам. Согласно житию, после грома началось землетрясение, все свидетели суда над Евтропием и его братьями выбежали из храма Артемиды, боясь за собственные жизни, а статуя богини разбилась. Тогда глас Божий объявил, что на этом месте возникнет храм христиан²⁶. По всей видимости, автор граффито стал свидетелем ранней грозы, случившейся в Киеве 3 марта 6560 г., и нашел символичным, что это произошло именно на память св. Евтропия²⁷.

Очень интересно граффито № 4. Надпись находится в центральном нефе собора, на втором от алтаря южном крещатом столбе, на высоте 1,45 м от пола XI в. Согласно А.А. Зализняку, граффито читается так: «Въ великий четв[ъ]ргъ | рака положена бысть. | [О]т[о] Аньдреа, русьскыи | кьназь благии. А Дьми|тръ ψ(са)ль, отрочьк[ъ] его, м(е)с(я)ца априла в[ъ] 1[4]. Бѣ се(редѣ у)[м]ьрль п(о) об[ѣ]||дѣ||». Перевод выглядит так: «В великий четверг была положена рака. Это Андрей, русский князь благой. А писал Дмитр, дружинничек его, месяца апреля в 14 [день]. А умер в среду пополудни»²⁸. С.А. Высоцкий предположил, что в надписи упомянут великий князь киевский Всеволод Ярославич, чье крестильное имя было Андрей. Захоронение его останков произошло 14 апреля 1093 г., в великий четверг: «В лето 6601 (1093), индикта 1 лето преставися великий князь Всеволод, сын Ярославль, внук Володимерь, месяца апреля в 13 день, а погребен бысть 14 день, недели сущи тогда страстней и дни сущю четвертку, в онъ же положен бысть в гробе в велицей церькви святыя Софья»²⁹. В 1093 г. Пасха

²⁵ Там же. С. 91.

²⁶ Святитель Димитрий Ростовский. Жития святых. Март: Страдание святых мучеников Евтропия, Клеоника и Василиска // <<http://molitvoslov.by/2014/stradanie-svjatyh-muchenikov-evtropija-kleonika-i.html>>.

²⁷ *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи. С. 135.

²⁸ *Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей // *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гитциус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 г.). М., 2004. Т. 11. С. 262.

²⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 92.

была 17 апреля, следовательно, великий или страстной четверг приходился на 14 апреля, как об этом говорится в рассматриваемом граффито и летописи³⁰. Следовательно, в граффито ничто не противоречит предположению, что здесь идет речь о захоронении князя Всеволода Ярославича 14 апреля 1093 г.

Граффито обычно писались на уровне человеческого роста. В данном же случае надпись сделана достаточно низко для конца XI в. По мнению С.А. Высоцкого, это может быть объяснено желанием дружинника Дмитра сделать надпись о смерти Всеволода рядом с граффито о его рождении (№ 99, см. ниже). Интересна внутренняя форма источника. Как и в случае с надписью о смерти Ярослава, граффито об Андрее-Всеволоде не соответствует формуляру поминальных граффито. Нет ни месяца, ни дня «положения раки», зато есть дата написания, чего как раз обычно в настенных надписях нет. Граффито достаточно нелогично по структуре высказывания. А.А. Зализняк это объясняет тем, что перед нами почти «живая речь», полная своеобразия³¹. Анализ внешней формы текста, проведенный ученым, подтверждает датировку надписи концом XI в.³²

Другой любопытный пример летописного граффито из киевского Софийского собора — надпись о мире на Желяни (№ 5 по С.А. Высоцкому). Надпись находится на стене южной внутренней галереи (придел Антония и Феодосия), справа от южного древнего входа в собор, на высоте 2,15 м от уровня пола XI в. под масляной живописью XIX в. С.А. Высоцкий прочитал граффито так: «М(е) с(я)ця декабрьа въ 4е сътвориша миръ на Желяни | Святоплькъ, Володимиръ и Ольгъ||»³³. Другие ученые в данный вариант чтения надписи поправок не вносили.

В граффито сообщается, что 4 декабря между Святополком, Владимиром и Олегом в месте, именуемом «Желяню», был заключен мир. Здесь отсутствует год и не детализируется, кем именно являются указанные личности. По всей видимости, граффито фиксирует заключение какого-то договора между тремя князьями-современниками. С.А. Высоцкий предположил, что это Святополк Изяславич (киевский князь в 1093–1113 гг.), переяславский князь

³⁰ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. С. 23.

³¹ *Зализняк А.А.* К изучению. С. 262.

³² Там же. С. 258–262.

³³ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. С. 25.

Владимир Всеволодович Мономах и черниговский князь Олег Святославич. Желянь, на которой был заключен мир, упоминается в летописях под 1093, 1136, 1146, 1162 и 1169 гг. Историк склоняется к мысли, что Желянь — местность к юго-западу от Киева³⁴, и предполагает, что упоминаемый договор связан с ослеплением Василька Тербовльского в ноябре–декабре 1097 г., почти сразу после Любечского мира. Как известно из летописи, Владимир Мономах, услышав об ослеплении, послал в Чернигов за Олегом и Давыдом Святославичами, призывая их собраться у Городца, возле Киева, и наказать виновных. Съехавшись к Городцу, князья во главе с Владимиром потребовали у Святополка объяснений. Не получив достаточно вразумительного ответа, они решили на следующий день переправиться через Днепр и напасть на Святополка. Киевляне, опасаясь новой междоусобной войны, послали к Владимиру для переговоров киевского митрополита Николу и княгиню, вдову Всеволода Ярославича. Посредничество княгини и митрополита возымело свое действие, и переговоры со Святополком возобновились. Вина за ослепление Василька была взвалена на Давыда Игоревича, после чего был заключен мир. Высоцкий предполагает, что именно этот мир и описан в надписи-граффито.

Б.А. Рыбаков считал доводы Высоцкого неубедительными, т.к., во-первых, в «сотворении этого мира» участвовал еще и Давыд Святославич, который обязательно был бы тогда указан в надписи; во-вторых, этот мир был не на Желяни, а в Городце. Историк по годам рассматривает сообщения летописи и замечает, что сотрудничество этих трех князей относится только к 1104–1107 гг. Рыбаков считает наиболее вероятным, что мир на Желяни был заключен 3 декабря 1104 г., непосредственно перед совместным походом на Минск³⁵. Правда, почему-то дата из указанного в граффито 4 декабря стала 3, но это, по всей видимости, можно списать на «техническую» ошибку.

А.С. Щавелев обратил внимание на то, что рассматриваемая надпись находится рядом с другим граффито, связанным с князем Святополком. Исследователь считает, что все они были сделаны из-за перерыва в летописании. Как раз на 1093 г., по А.А. Шах-

³⁴ *Высоцкий С.А.* Надписи в Софии Киевской времени княжения Святополка Изяславича // История СССР. 1960. № 6. С. 139–146; *Он же.* Древнерусские надписи. С. 24–34.

³⁵ *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи. С. 21–22.

матову, приходится окончание Начального свода, а ПВЛ еще, видимо, не была начата. Простой летописного дела заставил искать иные формы фиксации политических событий. В июле 1093 г. на Желяни половцы в очередной раз разбивают войска Святополка. Скорее всего, это потребовало консолидации сил князей, поэтому они и «сотворили мир». Соответственно, по версии Щавелева, мир на Желяни был заключен 4 декабря 1093 г.³⁶

Сложно сказать, какая из версий ближе к истине. Вопрос о том, что за мир на Желяни упомянут в надписи, до сих пор можно считать нерешенным.

Содержание находящейся рядом надписи XI в. № 6 «Приде | князь | С(ва)топль|[къ] княза | къ[...]]», несмотря на фрагментарность, понятно. По мнению большинства историков³⁷, здесь идет речь о вокняжении в Киеве в 1093 г. Святополка Изяславича³⁸, одного из упоминаемых в предыдущем граффито лиц. Правда, надпись просто констатирует факт и не сообщает нам никаких дополнительных сведений. Нельзя исключить и другие трактовки содержания надписи, как, например, возвращение из похода, посещение собора или что-нибудь еще.

Надпись № 7 «М(е)с(а)ца априла | в 9 д(е)нь поставлено быс | вл(а)д(ы)ка||», по всей видимости, сообщает о возведении в сан митрополита Киевского. Древнерусские митрополиты не только посвящались, но и избирались константинопольским патриархом, поэтому в сообщениях летописи о новых митрополитах говорится обычно «приде митрополит», и только в трех случаях сказано «поставлен». На этом основании С.А. Высоцкий пришел к выводу, что в граффито был, скорее всего, упомянут Иларион, поставленный на кафедру в 1051 г.³⁹, поскольку его случай более остальных подходит по палеографическим признакам⁴⁰. В таком случае граффито добавляет к летописным сведениям еще и дату события — 9 апреля.

Интересно, что через некоторое время В.В. Корниенко под № 1168 опубликовал граффито, прочитанное им так: «М(е)с(а)ца

³⁶ *Щавелев А.С.* Граффити о съезде князей на реке Желяни: вопрос датировки // Ломоносов-2001. История: Тр. науч. конф. студентов и аспирантов: Сб. тез. М., 2001. С. 3–5.

³⁷ См., например: *Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи. С. 19.

³⁸ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 93.

³⁹ Там же. Стб. 67.

⁴⁰ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. С. 37–38.

февра [въ] 12 день И[ро]слав[въ] поставиша м[ит]ропо[ли]томъ [Л]ариона»⁴¹. Такое чтение, однако, не согласуется с граффито № 7. Т.А. Бобровский после сверки этого варианта текста с оригиналом предложил свой вариант чтения, серьезно отличающийся от предположения В.В. Корниенко: «М(е)с(я)ц(а) фев[р]аря в[ъ] св(ятого) Тир[о]на [м(учен)к]а [въ] (17) д(е)н[ъ] поставиша Стеѡана (еписко)помъ»⁴². По палеографическим данным исследователь относит надпись ко второй половине XII в. К сожалению, упоминаний епископов с именем Стефан в летописях не встречается.

Тема возведения в сан митрополита Киевского есть и в надписи XII в. № 112: «М(еся)ца октября | въ 15 д(е)нь при[ш]лъ Никита. | [Со]удило ѳс(а)лъ||». Личность Никиты легко устанавливается благодаря летописному сообщению за 1122 г.: «В лето 6530... митрополит Никита приде из Грек»⁴³. Благодаря граффито теперь мы знаем и то, что это произошло 15 октября.

Граффито № 1362 «Месяца марта 29 въ вторымъ цесе дъне отъиде... Михайль митрополить...» свидетельствует, по мнению В.В. Корниенко, о времени отъезда митрополита Михаила II в Константинополь в 1145 г.⁴⁴ Об этом событии упоминается в летописях, но точная дата там отсутствует. Для историков, интересующихся обстоятельствами ухода с митрополии Михаила II и поставления Климента Смолятича спустя два года, это ценная информация.

Надписи XI в. № 9 и 99 нелегко поддаются прочтению. Первая из них «4 лета кънжил Святославъ. | М(еся)ца март 19 днь руга в[ъ]да[на] | [...] | [...] | неделъ въ пон(е)дельник ошьстие Свато[слав]ъ а[минь]», судя по всему, рассказывает о Святославе Ярославиче, севшем на киевский стол 22 марта 1073 г.⁴⁵ и умершем 27 декабря 1076 г.⁴⁶, т.е. княжившем 4 года. Но большая часть граффито повреждена, поэтому его смысл сложно понять. Граффито № 99 «Мо[...]инькж | [...]волода роди | w [...] пагж|д[...]енье||» в настоящий момент скорее представляет собой набор символов,

⁴¹ Корниенко В.В. Корпус графіті. Ч. 1. С. 19.

⁴² Бобровский Т.А. [Рец.] // Ruthenica. 2012. Т. 11. С. 184–200. — Рец. на кн.: Корниенко В.В. Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Київ, 2010. Ч. 2: Приділ свв. апостолів Петра і Павла.

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 128.

⁴⁴ Корниенко В.В. Корпус графіті. Ч. 1. С. 219.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 78.

⁴⁶ Там же. Стб. 85.

чем осмысленный текст. Пожалуй, только факт нахождения этой надписи на восточной плоскости юго-западного столба подкупольного квадрата Софийского собора, где находится большинство других граффити исторического характера, дал возможность С.А. Высоцкому предположить, что идет речь о рождении князя Всеволода Ярославича в 1030 г. В пользу этой версии исследователь приводит довод, что рядом находится граффито № 4 о саркофаге этого князя⁴⁷.

Надпись № 101 отличается хорошей сохранностью, но не вполне ясно, о каком событии в ней идет речь: «М(е)с(я)ца [П]уна | въ (-) вы[гре]ш[а] грама[ти]ка, а въ | 15 въдаша к[ъ] | Лазор(-)ю||». Надпись, по всей видимости, сообщает о перезахоронении некоего писца из Киевской Софии в монастырь, где игуменом был Лазарь⁴⁸. Почему именно это событие было удостоено записи на стене собора, и кем являлся «грамматик», чьи останки были перенесены, непонятно.

Хоть надпись № 25 и не является в полной мере «исторической», в рамках данной статьи ее не хочется обходить. Она уникальна не только благодаря своему объему (это самая большая древнерусская надпись-граффито, состоящая из 14 строк), но и близостью по содержанию к актовым документам. «М(е)с(я)ца юнара въ 30, с(вя)т(о)го Ип[оли]та, | крила землю кнагыи Бояню | Всеволожа, а передь с(вя)тою Софиною, | передь попы, а ту был: по[пины] Йкимъ, Дъмило, Пателеи | Стипъко, Михалько Нѣжьнович, | Мих(аи)л, Данило, Марко, Съмьонъ, Михал | Елисавиничъ, Иванъ Йнъчынъ, Тудоръ Тоубыновъ, Илья Копыловичъ, Тудоръ Бързатичъ; а передь теми послухы купи землю кна[г]ыи и Боянову вьсю, а въдала на неи | семьдесятъ гривньъ соболии, а въ томъ | драницъ семьсоту гривньъ||». С.А. Высоцкий считает, что в граффито идет речь о покупке вдовой Всеволода Ольговича Марией Мстиславовной некой Бояней земли, местоположение которой неизвестно⁴⁹. Такое количество свидетелей, торжественность надписи и немалая сумма сделки указывают, что «Бояня земля» имела особое значение. Но других источников, которые бы пролили свет на вопрос о местонахождении этой земли, нет.

⁴⁷ *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи. С. 9–12.

⁴⁸ Там же. С. 23–25.

⁴⁹ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. С. 60–71.

Некоторые итоги исследования можно подвести с помощью следующей таблицы:

Таблица 1

**Исторические граффити Софии Киевской
и их местоположение**

№	Содержание текста граффито	Предполагаемая дата упоминаемого в граффито события	Местоположение граффито
3	О громе на день Евтропия	3 марта 6560 г. (1052 г.)	Центральный неф собора, третий от алтаря южный крещатый столб, на высоте 1,15 м от уровня пола XI в.
4	О смерти и захоронении Всеволода Ярославича (Андрея).	14 апреля 6601 г. (1093 г.)	Центральный неф собора, второй от алтаря южный крещатый столб, на высоте 1,45 м от пола XI в.
5	О мире на Желяни	4 декабря 1093 г. (?), 1097 г. (?), 1104 г. (?)	Антониево-Феодосиевский придел, стена у южного древнего входа в собор, на высоте 2,15 м от уровня пола XI в.
6	О приходе князя Святополка в Киев (?)	24 апреля 6601 г. (1093 г.)?	Антониево-Феодосиевский придел, стена у южного древнего входа в собор, на высоте 2 м от уровня пола XI в.
7	О поставлении владыки (митрополита Илариона?)	9 апреля 1051 г. (?)	Центральный неф собора, второй от алтаря южный крещатый столб, на высоте 1,55 м от уровня пола XI в.
8	О смерти Ярослава Мудрого	20 февраля 6562 г. (1054 г.)	Центральный неф собора, третий от алтаря южный крещатый столб
9	О четырехлетнем княжении Святослава	6584 г. (1076 г.)?	Центральный неф собора, второй от алтаря южный крещатый столб, на высоте 1,55 м от уровня пола XI в.
99	О рождении Всеволода Ярославича (?)	6538 г. (1030 г.)?	Центральный неф собора, второй от алтаря южный крещатый столб
101	О перезахоронении грамматика (?)	15 июня (?)	Южная внешняя галерея собора (придел Антония и Феодосия) на северной стене возле фрескового изображения Стефана

№	Содержание текста граффито	Предполагаемая дата упоминаемого в граффито события	Местоположение граффито
112	О приходе митрополита Никиты	15 октября 6530 г. (1122 г.)	Придел Апостолов Петра и Павла, второй от алтаря северный крещатый столб
1168	О поставлении епископа Стефана	12 апреля (?)	Придел Апостолов Петра и Павла, второй от алтаря северный крещатый столб
1362	Об отъезде митрополита Михаила	29 марта 1145 г.	Придел Апостолов Петра и Павла, третий от алтаря южный крещатый столб

Если говорить о местоположении настенных надписей, можно отметить следующее: в непосредственной близости друг от друга находятся граффиты № 4, 7, 9 и 99; № 3 и 8; № 5 и 6; № 112 и 1168. С.А. Высоцкий отмечал несравнимо большее число надписей на южной стороне собора, где во время служб располагалась мужская половина прихожан, среди которых видимо, находилось больше грамотных, чем среди женщин, отстаивавших службу на северной стороне храма⁵⁰. Большинство из рассмотренных граффитов действительно концентрируются в южной половине собора, но в приделе Апостолов Петра и Павла, примыкающем к центральному нефу с севера, находятся сразу три надписи, упоминающих о судьбах церковных иерархов: митрополита Никиты (№ 112), епископа Стефана (№ 1168) и митрополита Михаила II (№ 1362). И, хотя граффито № 7 (про поставление владыки) находится в центральном нефу, для некоторых выводов о расположении посетителей храма во время службы есть предпосылки.

Другой закономерностью, выявленной С.А. Высоцким в плане расположения граффитов, была связь между надписью и фресковым изображением, на котором процарапан источник: большое число настенных записей концентрируется на фресках с изображением популярных святых (Пантелеймона, Николы, Георгия, Онуфрия, Стефана)⁵¹. По мнению исследователя, расположение граффитов № 8 объясняется тем, что до разрушения первоначальной западной стены главного нефа рядом с третьим от алтаря южным столбом находилось фресковое изображение Ярослава Мудрого и членов

⁵⁰ Там же. С. 25.

⁵¹ Там же. С. 134–135.

его семьи⁵². Похоже, что автор граффито хотел оставить надпись здесь, исходя именно из этой связи. В некотором удалении располагается надпись о громе 3 марта 1052 г., что можно объяснить либо простой случайностью, либо (как сделал С.А. Высоцкий) его связью с «Громниками», по которым предсказывались различные события в зависимости от того, когда прогремел гром⁵³.

В надписях № 5 и 6 главным действующим лицом является Святополк Изяславич, в крещении Михаил. Обе надписи находятся возле входа в Михайловский придел. Есть несколько граффити молитвенного характера, сделанных на хорах собора, где во время богослужений находилась княжеская семья. В них упоминаются князь и члены их семьи, как, например, в надписи № 27: «Г(оспод)и, помози ра[б]ѣ своеи Олисаѡ, | С(вя)топ(о)льчи ма[т]ери, | русьскій кынгыни. | А азъ доп(и)с(а)ль сыны С(вятопол)ъчии»⁵⁴. По мнению С.А. Высоцкого, на хоры допускались только самые приближенные к княжеской семье люди, которые, похоже, и являются авторами этих надписей. Сделанные же на втором от алтаря южном крещатом столбе граффити № 4, 7, 9 и 99 выполнены людьми, близкими по социальному положению к князю или принадлежавшие к его дружине⁵⁵, как, например, отрок Дмитр — автор граффито № 4.

Летописные граффити непросто изучать по многим причинам. Сказывается и фрагментарная сохранность многих из них, и недостаток сведений в других источниках, и противоречивая информация, содержащаяся в надписях, и отсутствие единого формуляра. Не похоже, чтобы граффити о тех или иных событиях выцарапывались планомерно и затем поддерживались в удовлетворительном состоянии, чтобы в любой момент к ним можно было обратиться. И даже при всем при этом подобные записи — ценнейший источник по истории Древней Руси, способный дополнить летописи.

ЛИТЕРАТУРА

Бобровский Т.А. [Рец.] // *Ruthenica*. 2012. Т. 11. С. 184–200. — Рец. на кн.: *Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Київ, 2010. Ч. 2: Приділ свв. апостолів Петра і Павла.

⁵² Там же. С. 136.

⁵³ *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи. С. 135.

⁵⁴ *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи. С. 73–80.

⁵⁵ *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи. С. 134.

- Бубнова М.М.* Проблема классификации древнерусских граффити XI–XIV вв. (на примере надписей Киевского Софийского собора) // ИИ. 2012. Вып. 5. С. 79–91.
- Высоцкий С.А.* Датированные граффити XI в. Софии Киевской // СА. 1959. № 4.
- Высоцкий С.А.* Надписи в Софии Киевской времени княжения Святополка Изяславича // История СССР. 1960. № 6. С. 139–146.
- Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966.
- Высоцкий С.А.* Надпись с именами героев «Слова о полку Игореве» в Киевской Софии // ТОДРЛ. 1976. Т. 31.
- Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской. Киев, 1976.
- Висоцький С.О.* Напис про смерть Ярослава Мудрого у Софійському соборі в Кисві та деякі питання його вивчення // Археологія. 1991. № 2. С. 41–47.
- Данилевский И.Н.* Повседневные практики древнерусских переписчиков книг и датировка Остромирова Евангелия // Многоликая повседневность: микроисторические подходы к изучению прошлого: Мат-лы конф. памяти Ю.Л. Бессмертного (1923–2000). М., 2014.
- Зализняк А.А.* К изучению древнерусских надписей // Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 г.). М., 2004. Т. 11.
- Зиборов В.К.* Киевские граффити и дата смерти Ярослава Мудрого // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы истории города. Л., 1988. С. 80–94.
- Зиборов В.К.* О летописи Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995.
- Корнієнко В.В.* Графіті-записи лічби з Софії Київської: Нове джерело для дослідження розвитку ідей «малої есхатології» Давньої Русі // II давньоруські історико-філософські читання Філософські ідеї в культурі Київської Русі: Пам'яті видатного українського філософа В.С. Горського, 10 червня. Полтава, 2009. С. 93–104.
- Корнієнко В.В.* Графіті-записи лічби з Софії Київської: Нове джерело для дослідження розвитку ідей «малої есхатології» Давньої Русі // II давньоруські історико-філософські читання Філософські ідеї в культурі Київської Русі: Пам'яті видатного українського філософа В.С. Горського, 10 червня. Полтава, 2009. С. 93–104.
- Корнієнко В.В.* Корпус графіті Софії Київської (XI — початок XVIII ст.). Київ, 2010. Ч. 1: Приділ св. Георгія Великомученика; Ч. 2: Приділ свв. апостолів Петра і Павла.
- Медынцева А.А.* Грамотность в Древней Руси (По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века). М., 2000.
- ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1, вып. 1: Повесть временных лет; Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку.

- Рыбаков Б.А.* Русская эпитафиака X–XIV вв. // История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963.
- Рыбаков Б.А.* Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964.
- Святитель Димитрий Ростовский. Жития святых. Март: Страдание святых мучеников Евтропия, Клеоника и Василиска // <<http://molitvoslov.by/2014/stradanie-svjatyh-muchenikov-evtropija-kleonika-i.html>>.
- Сергий (Спасский)*. Полный месяцеслов Востока. 2-е изд. Владимир, 1901. Т. 1.
- Скалбанович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI в. СПб, 1884.
- Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010.
- Цыб С.В.* Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». 2-е изд., испр. СПб., 2011.
- Щавелев А.С.* Граффити о съезде князей на реке Желяни: вопрос датировки // Ломоносов-2001. История: Тр. науч. конф. студентов и аспирантов: Сб. тез. М., 2001. С. 3–5.

Maria M. Drobysheva

HISTORICAL *GRAFFITI* FROM THE ST SOPHIA CATHEDRAL
OF KIEV (THE ELEVENTH AND THE TWELFTH CENTURIES)
AS A FORM OF HISTORICAL WRITING

The paper is dedicated to early Rus ‘annalistic’ (‘historical’) *graffiti* as a form of historical writing. The author analyzes ten inscriptions from the St Sophia Cathedral of Kiev (dating from the eleventh and the twelfth century) which mention historical events. A review of previous scholarship of these inscriptions as well as an attempt at systematic study of their information and comparison with other sources is given. Although one cannot speak of any kind of systematic recording of events in the form of *graffiti*, some episodes of the life of Kiev are reflected by these mural inscriptions. There are notes on births and deaths of princes, arrivals and departures of church hierarchs, natural phenomena, burials and re-burials, treaties, etc. One can trace some regularity in the location of the inscriptions. *Graffiti* speaking of the same person are normally situated close to each other. One can also often find a connection between an inscription and a fresco upon which the *graffito* is incised. Most of the inscriptions analyzed are situated in the central nave of the cathedral, but almost all the *graffiti* speaking of church hierarchs are in the side-chapel of St Peter and Paul, which is to the north from the central nave. In spite of the difficulty of any study of *graffiti*, the

lack of written evidence for the history of Old Rus makes these inscriptions a significant supplement to the information of more traditional sources. They also are a valuable evidence for the everyday life and the development of literacy in Old Rus.

Keywords: St Sophia Cathedral, Kiev, Old Rus, graffiti, inscriptions, historical writing, chronicles

Л.В. Столярова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ
НА ДРЕВНЕРУССКИХ КНИГАХ
(ИЗ ОПЫТА АНАЛИЗА ЗАПИСИ НА КОРМЧЕЙ 1286 г.)

Статья посвящена историческим записям на древнерусских пергаменных книгах XI–XIV вв. (из них 18 представляют собой отдельные записи, а 11 — исторические известия, входящие в состав выходных или вкладных записей). В большинстве случаев записи сделаны в богослужебных книгах. Они посвящены княжеским смертям, военным походам, церковному строительству, затмениям, бедствиям и т.д. В статье подробно анализируется одна такая запись — о Краковском походе Телебуги и Ногая в составе выходной записи южнорусской Комчей 1280-х годов. Путем сравнения сведений этой записи с древнерусскими, польскими и восточными источниками автор приходит к выводу, что переписка Кормчей была закончена в декабре 1286 г.

Ключевые слова: Древняя Русь, кодикология, записи на книгах, историописание, Краковский поход

Одной из форм внелетописной фиксации событий исторического характера в XI–XIV вв. являлись записи на кодексах, ранее определенные нами как исторические¹. По своей форме и содержанию к ним примыкают надписи-граффити исторического содержания (те и другие, по определению Т.В. Гимона, относятся к «простейшим формам историописания»²). Сведения летописного характера существуют в рукописях как самостоятельные небольшие тексты (собственно исторические записи, от XII–XIV вв. их известно 18), либо составляют особые статьи или являются структурной частью отдельных элементов формуляра некоторых записей договорного и осведомительного вида, прежде всего выходных (10 текстов XI–XIV вв.)

¹ *Столярова Л.В.* Записи исторического содержания XI–XIV веков на древнерусских пергаменных кодексах // ДГ, 1995 год. М., 1997. С. 5.

² *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. С. 309.

и вкладных (1 текст XIV в.) записей. Всего выявлено 29 таких текстов³ (таблица 1). Как правило, в записях сообщается только об одном событии (№ 1, 3–5, 7, 10, 13–18, 20–22, 26–29), реже — о двух (2, 6, 8, 9, 12, 19, 23, 24), еще реже — о нескольких (№ 25)⁴.

Таблица 1

**Разновидности и число записей XI–XIV вв.,
содержащих историческую информацию**

Разновидность записи	XI в.	XII в.	XIII в.	XIV в.
Исторические	–	3	5	10
Летописные известия в составе выходных записей	1	–	3	6
Летописные известия в составе вкладных записей	–	–	–	1

Все собственно исторические записи по своей структуре уподоблены структуре летописных статей и начинаются с *data*, чаще всего выраженной оборотом «Въ лѣто»⁵. Компоненты формуляра выходных и вкладных записей XI–XIV вв., содержащие сведения исторического характера, никогда не вводятся оборотом «Въ лѣто» и никогда не содержат точного указания года. Они открываются оборотами «Сего же лѣта...», «Того лѣта...», «В то же лѣто...», «В то время...», т.е. содержат отсылку к *data* выходной или вкладной записи, в состав текста которой они входят.

³ Столярова Л.В. Записи. С. 3–79.

⁴ Здесь и далее ссылка на номера записей дается по нашей публикации: Там же. С. 63–78.

⁵ Исключение составляют: 1) историческая запись 1296 г. дьякона св. Софии Скорения о строительстве Великого моста через Волхов, которая помещена после другой записи с датой, выраженной оборотом «В лѣт(о)», а потому открывается оборотом «Того же лѣт(а)» (Там же. С. 68, № 10); 2) историческая запись конца XIII — начала XIV в. о нескольких смертях, которая начинается с даты без указания года «м(еся)ца мая [въ] 18 д(е)нь» (Там же. С. 68–69, № 12); 3) историческая запись о «године» смерти тверского епископа Андрея (Там же. С. 73, № 18); 4) историческая запись 1377 г. о военной опасности Нижнему Новгороду, которая начинается оборотом «в се же лѣт(о)», но помещена под датированной выходной записью (Там же. С. 75–76, № 24); 5) историческая запись 1380 г. о событиях в Троицком монастыре, которая открывается оборотом «м(е)с(я)ца септабр[я] въ 21 день...» (Там же. С. 76–77, № 25). В каждом из этих случаев отсутствие даты, выраженной в формуле «въ лѣто», имеет свои объяснения (Там же. С. 32–36, 56–58).

Летописные известия выходных записей помещались, как правило, в конце записи, либо перед словом «аминь» (*apprecatio*), либо после указания заказчика (*intitulatio*) или года написания рукописи (*data*). Своим началом («Того же лѣта...») эти летописные сообщения напоминают те сообщения летописных сводов, которые продолжали известия какого-то ранее обозначенного года. Нам уже приходилось писать о том, что своей внутренней формой выходные записи уподоблялись их авторами статьям летописных сводов⁶. Не исключено, что выходные записи на книгах зародились именно как одна из форм внелетописной фиксации сведений исторического характера, где само сведение ограничивается фактом организации книгописных работ. Как правило, выходными записями сопровождалась кодексы, изготовленные по инициативе светской (чаще всего князем) или церковной власти (чаще всего епископом, реже — митрополитом). Иными словами, выходные записи на книгах первоначально были своего рода краткой летописью, состоящей, как правило, из одной–двух статей и содержащей сведения о дате, писце, заказчике, характере и организации книгописных работ. Подобную «летопись» следует рассматривать в качестве конвоа к тексту сборника, в котором она помещена⁷.

По своему содержанию записи исторического характера на пергаменных кодексах XI–XIV вв. ничем не отличаются от статей древнерусских летописных сводов и связаны с социально значимыми событиями, такими как смерть князя или княгини (3), изгнание княжеского наместника и призвание нового князя (1), женитьба князя (1), смерть церковного иерарха (3), приезд архиепископа (2), военный поход (3), закладка, строительство или роспись храма или мо-

⁶ Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 74–135, 274–377; Она же. Заказчики древнерусских кодексов XI–XIV вв. Ч. I. Заказчики XI в., упомянутые в записях на книгах // ДГ, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 278–296; То же. Ч. 2. Заказчики XII в., упомянутые в записях на книгах // ДГ, 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 236–258; То же. Ч. 3: Заказчики XIII в., упомянутые в записях на книгах (продолжение) // ДГ, 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 348–382; То же. Ч. 4: Заказчики XIV в., упомянутые в записях на книгах (Продолжение) // ДГ, 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах. М., 2010. С. 461–508; То же // ДГ, 2009 год: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 477–488.

⁷ Предметом исследования в настоящей статье являются не все сохранившиеся выходные записи, а только те из них, которые содержат сведения исторического характера, не имеющие прямого отношения к организации книгописания.

настыря (4), военная опасность или нападение врага (3), княжеские усобицы (1), солнечные и лунные затмения (3), голод (2), пожар (1), строительство моста (1), — см. таблицу 2. Исключение составляют, пожалуй, лишь две записи — № 12 (плохо читаемая, на Устюжской кормчей) и № 20 (в Служебнике первой половины XIV в.)⁸.

Запись о смерти попады Настасьи Семеновы (№ 20) касается, по-видимому, внутренней жизни одного из приходов, и ее содержание абсолютно локально. Вероятно, запись была сделана в рукописи, принадлежавшей храму, в котором служил овдовевший поп Семен. Почерк записи идентичен почерку писца, что позволяет предположить, что поп Семен собственноручно переписал кодекс для использования его при богослужении в своей церкви.

И по форме, и по содержанию от статей летописных сводов отличается запись конца XIII — начала XIV в. о смерти нескольких человек в один день (№ 12)⁹, вероятно, вследствие мора, и последующем погребении их. Она больше напоминает памятные надписи средневековых русских надгробий, сохранившиеся с 1490-х годов. При этом в записи присутствует как глагол «положить» («и в землю положена»), известный по текстам самых ранних надгробий, так и слово «преставися», появление которого на каменных плитах отмечено в текстах не ранее 1501 г.¹⁰ Вообще, слово «преставися» (в записи № 18 «преставлень») фигурирует во всех восьми исторических записях XII–XIV вв. о смертях (№ 3, 4, 12, 17–20, 28). Какими соображениями руководствовался автор записи № 12, помещая ее в Кормчей, остается только догадываться.

Таблица 2

События, составившие основное содержание летописных известий записей на книгах XI–XIV вв.

№ записи по перечню ¹¹	Дата записи	Разновидность записи	Событие, составившее основное содержание летописного известия
1	ок. 1092–1115	Вых.	Голод
2	1186	Ист.	Строительство монастыря и каменной церкви

⁸ Столярова Л.В. Записи. С. 33–36, 68–69, № 12; С. 47, 73–74, № 20.

⁹ Там же. С. 68–69, № 12.

¹⁰ Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. С. 249.

¹¹ Столярова Л.В. Записи. С. 63–79.

№ записи по перечню	Дата записи	Разновидность записи	Событие, составившее основное содержание летописного известия
3	1193	Ист.	Смерть архиепископа
4	1193	Ист.	Смерть архиепископа
5	1270	Вых.	Солнечное затмение
6	1276	Ист.	Возвращение в Новгород архиепископа и осмотр им ризниц
7	1282	Вых.	Женитьба князя
8	1286	Вых.	Отъезд князя к хану и болезнь княгини
9	1296	Ист.	Изгнание новгородцами княжеских наместников и призвание нового князя
10	1296	Ист.	Строительство Великого моста через Волхов
11	1296	Ист.	Голод
12	конец XIII – начало XIV в.	Ист.	Смерть и погребение нескольких человек
13	1307	Вых.	Княжеские усобицы
14	1309 или 1310	Вкладн.	Лунное затмение
15	1312	Ист.	Солнечное затмение
16	1313	Вых.	Роспись церкви
17	1317	Ист.	Смерть княгини
18	ок. 1323	Ист.	«Година» тверского епископа
19	ок. 1323	Ист.	Смерть князя и погребение его
20	1342	Ист.	Смерть попады
21	1361–1362	Ист.	Закладка каменной церкви
22	1369	Вых.	Военный поход
23	1373	Ист.	Строительство церкви и приезд архиепископа
24	1377	Ист.	Военная опасность и посылка известия об этом союзнику
25	1380	Ист.	События в монастыре и известие о военном походе «летвы... с агаряны»
26	1382	Вых.	Взятие Москвы татарами
27	1386	Вых.	Пожар
28	1390	Ист.	Смерть князя
29	1398	Вых.	Военный поход

В подавляющем большинстве случаев сведения исторического характера в виде самостоятельной записи, а также в составе текста выходной или вкладной записи помещены в богослужебных кодексах из традиционного набора храмовых книг, необходимых для отправления церковной службы (Евангелия, Апостолы, Минеи служебные, Пролог).

Таблица 3

**Древнерусские рукописи XII–XIV вв.
с записями исторического содержания**

Наименование рукописи	Исторические записи XI в.	Исторические записи XII в.	Исторические записи XIII в.	Исторические записи XIV в.
Апостол	–	–	–	3
Евангелие	1	–	2	1
Кормчая	–	–	2	–
Минея	–	2	–	1
Октоих	–	–	–	1
Параклитик	–	–	–	2
Пандекты Николая Черногорца	–	–	1	–
Паремейник	–	–	–	1
Паренесис Ефрема Сирина	–	–	–	1
Пролог	–	–	–	3
Слова Григория Богослова	–	–	1	–
Служебник	–	–	–	2
Стихирарь	–	–	–	1
Устав студийский церковный и монастырский	–	1	2	–
Шестоднев служебный	–	–	–	1
Общее число записей исторического содержания по векам	1	3	8	17

Собственно исторические записи делались как писцом рукописи, так и любым другим лицом, имевшим к ней доступ. Время составления таких записей далеко не всегда тождественно и не обяза-

тельно близко времени создания кодекса. Составленные в виде самостоятельных произведений летописного характера, исторические записи рукописных книг нередко не имеют аналогов в памятниках древнерусского летописания и представляют собой, по выражению Т.В. Гимона, малые формы историописания¹². Однако известны и случаи текстуальных заимствований записей из крупных памятников летописания. В рукописи Студийского монастырского устава конца XII в. имеется целый летописчик, образованный серией записей исторического характера и касающихся ранней истории новгородского Благовещенского монастыря. Сообщения записей 1186 и 1193 гг. (№ 2–4) текстуально близки соответствующим известиям Новгородской I летописи. Это родство объясняется использованием ведшейся из года в год новгородской архиепископской летописи, в наиболее полном виде отразившейся в Новгородской I летописи¹³.

Сведения же исторического содержания в составе выходных записей, будучи структурной частью их текста, в подавляющем большинстве случаев вносились одним из писцов кодекса и синхронны основному тексту. Поэтому упоминание тех или иных исторических событий в выходной записи может служить основанием для уточнения датировки кодекса.

Как правило, исторические сведения в составе выходных записей коррелируют со статьями летописных сводов, дополняя и уточняя их в отдельных деталях. Настоящее исследование посвящено одной из таких выходных записей, связанной с появлением южнорусской редакции Кормчей, в которой содержатся некоторые не известные по другим источникам данные об организации Краковского похода Телебуги и Ногая зимой 1286 г.

* * *

Поход объединенных татарско-русских сил на Краков под предводительством Телебуги и Ногая остается одним из темных мест в истории нашествия монголо-татар на Польшу. Летописная хронология похода сбивчива и затрудняет установление его точной даты. В Ипатьевской летописи (далее: Ипат.) о нем сообщается под 6791 (1283) и 6795 (1287) гг. В Густынской летописи (далее: Густ.) о по-

¹² Гимон Т.В. Историописание. С. 243.

¹³ Столярова Л.В. Записи. С. 11–14; Она же. Записи исторического содержания на Студийском уставе конца XII в. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 562–568; Гимон Т.В. Историописание. С. 291–293.

ходе на Краков говорится под 6792 (1284) и 6794 (1286) гг.¹⁴ Дата 1287 г. как будто подтверждается польскими и венгерскими источниками¹⁵.

А.М. Андрияшев датировал поход Телебуги и Ногая 1287 г.¹⁶ М.С. Грушевский считал, что в Ипат. сообщается о двух разных походах татар на Краков. Исследуя статью 9791 г. Ипат., он обратил внимание на указание владими́ро-волы́нского летописца, что войско Телебуги миновало Владимир «по Микулине дни», т.е. после 6 декабря, когда отмечается память Николая Мирликийского. Это дало основание ученому считать, что поход Телебуги, описанный в статье 6791 г., начался в декабре 1286 г., а завершился в начале 1287 г. Поскольку польские хронисты, по мнению Грушевского, не знали о времени начала Краковского похода, они датировали поход 1287 г., т.е. временем, когда он завершился. Грушевский полагал, что в статье 6795 г. описывается второй поход на Польшу, имевший место в декабре 1287 — январе 1288 г.¹⁷

Н.И. Веселовский вслед за Андрияшевым предположил, что одно и то же событие помечено в летописи разными годами, и датировал поход 1286–1287 гг. Позднее к этой точке зрения присоединился Б. Влодарский, датировавший поход Телебуги и Ногая декабрем 1287 — январем 1288 г.¹⁸ Н.Г. Бережков полагал, что поход имел место в 1287–1288 гг. и относился к периоду захвата Телебугой ханского стола¹⁹. В.А. Кучкин, попытавшийся согласовать сведения польских хронистов, а также данные персидских и арабских источников и детально проанализировавший статьи 6791 и 6795 гг. Ипат., датой Краковского похода Телебуги считал зиму 1287/88 г.²⁰ Однако к этому анализу Кучкин не привлек хронологические по-

¹⁴ ПСРЛ. Т. 2 (1-е изд.). С. 346, 347 (Густ.); ср.: ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 892–899 (Ипат.).

¹⁵ МРН. Lwów, 1872. Т. 2. S. 852; 1878. Т. 3. S. 51, 76.

¹⁶ *Андрияшев А.М.* Очерк истории Воынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 194. Дату 1287 г. для Краковского похода Телебуги принимал и В.Т. Пащуго (см.: *Пащуго В.Т.* Очерки по истории Галицко-Воынской Руси. М., 1950. С. 298).

¹⁷ *Грушевський М.* Хронологія події Галицко-Волинської літописи // Зап. Наукового товариства ім. Т. Шевченка у Львові. Львів, 1901. Т. 41. С. 53–56.

¹⁸ *Веселовский Н.И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Зап. Рос. Акад. наук. Пг., 1922. Т. 13. С. 32–35; *Włodarski B.* Polska i Ruś: 1194–1340. Warszawa, 1966. S. 206.

¹⁹ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 115.

²⁰ *Кучкин В.А.* Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // СР. 1996. [Вып.] 1. С. 31–36, 44.

казания выходной записи на Кормчей Владимира Васильковича²¹, видимо, оставшиеся ему неизвестными.

В записи Кормчей, датированной 6794 г., упоминаются заказчики кодекса — владими́ро-во́лынскій князь Владимир Василькович и его жена княгиня Ольга Романовна:

Въ лѣто 6794 списан быс(ть) сіи Номоканонъ б(о)голюбивым кн(я)зем Владимиром с(ы)ном Васил(ь)ковѣм, внуком Романовѣм, і б(о)голюбивою кн(я)гинею ез(о) Сѣлгою і Романовною, амин(ь), рекше конец, б(о)гу н(а)шему слава во вѣки, амин(ь). Пишущимъ ж(е) нам сіа книги, поехал г(о)с(по)дъ нашъ к Ногоеви, а г(о)с(по)жа н(а)ша оставо оу Владимери, зане баше немощію оугонила люта зѣло, того рад(и) немощно быс(ть) еи проводити ез(о)²².

Слова «пишущимъ же нам сіа книги, поехал господь нашъ к Ногоеви, а госпожа наша оставо оу Владимери» не оставляют сомнения, что работа над Кормчей продолжалась и тогда, когда владими́ро-во́лынскій князь отправился к татарам. Согласно записи, начало работы над Кормчей предшествовало совместному русско-татарскому военному походу на Краков, в котором принял участие Владимир Василькович: «...поехал господь наш к Ногоеви». Указанная в записи дата изготовления кодекса и времени участия Владимира Васильковича в Краковском походе — «въ лѣто 6794» — нуждается в уточнении.

Статьи 6791 и 6795 гг. Ипат. во многом текстуально совпадают. Участниками Краковского похода с русской стороны они одинаково указывают галицкого князя Льва Даниловича, луцкого князя Мстислава Даниловича и владими́ро-во́лынскіа князя Владимира Васильковича. В статье 6795 г. сразу называется еще и сын Льва Галицкого Георгий (Юрий) Львович, тогда как в статье 6791 г. он упоминается только при повторном перечислении русских участников похода на их пути к Завихвосту. Одинаково «неволей Татарской» объясняются в статьях 6791 и 6795 г. причины участия русских князей в татарском походе «на Ляхы».

²¹ Кормчая утрачена; текст ее выходной записи сохранился в ряде позднейших списков: см.: Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 270–272. Наиболее известные списки — Харьковский конца XV в. (Харьковский исторический музей, инв. № 21129. Л. 290 об.) и Румянцевский начала XVII в. (РГБ. Рум. [Ф. 256.] № 235. Л. 269 об.).

²² Здесь и далее запись цитируется по тексту Румянцевского списка.

Совпадает указание места, до которого смог дойти Владимир Василькович, прежде чем почувствовал обострение болезни²³ и повернул назад: «тоу же на Сану Володимеръ воротися» (статья 6791 г.); «и доидоша реки, нарецаемаго Сана, Володимеръ же князь сотьсноувъси немощю тела своего... Посем же поиде Телебуга в Ляхы и Алгоуи, с нимъ вси князи, а Володимера воротиша назадъ» (статья 6795 г.).

Разумеется, приступы болезни, регулярно случавшиеся с Владимиром Васильковичем именно на р. Сан, выглядят сомнительно и ярко свидетельствуют о помещении известия об одном и том же событии в летописных статьях двух разных лет. Однако на этом совпадении в содержании статей 6791 и 6795 гг. заканчиваются.

Различия статей 6791 и 6795 гг. представляются весьма значительными. В первую очередь, они касаются состава участников похода с татарской стороны, маршрута объединенного татарско-русского отряда, а также описаний болезни Владимира Васильковича и особенно его путешествия по своим землям по возвращении из похода Телебуги. В статье 6791 г. в качестве предводителей Краковского похода названы Телебуга и Ногай²⁴, в статье 6795 г. — Телебуга и Алгуй²⁵. При этом о Телебуге и Алгуге говорится как о союзниках, а Телебуга и Ногай названы участниками двух одновременных, но разных походов на Краков. При этом подчеркивается соперничество Телебуги и Ногай: «Ногаи же оканьнии не иде с Телебоугою в Ляхы одиною дорогою, зане бысть межи има нелюбье велико, но иде своею дорогою»²⁶. Согласно статье 6791 г., приглашение об участии в походе «на Ляхы» русские князья получили от хана Телебуги: «Телебоуга же посла ко Заднепреискым княземъ, и ко Волыньскимъ, ко Лвови и ко Мъстиславоу и к Володимероу, веля имъ поити с собою на воиноу. Тогда же бяхоу вси князи в неволе Татарьскои»²⁷. В статье 6795 г. об участии русских князей в походе говорится в общей форме: «Идоушоу же Телебоузе и Алгоуеви с нимъ в силе тяжьце, и с ними Роусцеи князи

²³ О болезни Владимира Васильковича («ране неисцелимой») известно, что она длилась около четырех лет и сопровождалась гниением нижней челюсти («нача емоу гнити исподняя оуоустина»), вероятно — следствием опухолевого процесса — см.: ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 914, 917.

²⁴ Там же. Стб. 893, 894.

²⁵ Там же. Стб. 897, 898.

²⁶ Там же. Стб. 894–895.

²⁷ Там же. Стб. 892.

Левъ, и Мьстиславъ, и Володимеръ, и Юрьи Лвовичъ, инии князи мнозии»²⁸.

Сообщение статьи 6791 г. о возвращении Владимира Васильковича из похода весьма лаконично и лишено деталей. Оно ограничено оборотом «тоу же на Саноу Володимеръ воротися»²⁹. Статья 6795 г. этот эпизод описывает весьма подробно:

Володимероу же князю болноу сущоу, зане бысть рана послана на нь от Бога неисцелимая, идущимъ же имъ в Ляхы и доидоша реки, нарецаемого Сана, Володимеръ князь сотьсноувъси немощью тела своего, и нача слати ко братоу своему Мьстиславу, тако река: Брате, видишь мою немощь, оже не могуо... Посем же поиде Тельбуга в Ляхы и Алгоуи, с нимъ вси князи, а Володимера воротиша назадъ³⁰.

В статье 6795 г. описан акт избрания Владимиром Васильковичем своего преемника — луцкого князя Мстислава Даниловича, тогда как в статье 6791 г. этот эпизод опущен.

Маршрут участников похода «на Ляхы» подробно расписан только в статье 6791 г., тогда как статья 6795 г. более внимательна к географии поездки Владимира Васильковича по своим землям. Согласно статье 6791 г. маршрут ордынцев выглядит следующим образом. Подойдя к притоку Припяти р. Горыни, Телебуга соединился с Мстиславом Даниловичем, встретившим его «с питьемъ и з дары», и двинулся мимо волынского города Кременца к Перемилю. Под Перемилем, на р. Липе, Телебугу «с питьемъ и с дары» встретил владимиристо-волынскый князь Владимир Василькович. На р. Луге у Бужковичей татарско-русскай отряд всё с теми же «питьемъ и с дары» догналь галицкай князь Лев Данилович³¹. На Бужковом поле был устроен смотр объединенных полков, после чего рать двинулась к Владимиру и остановилась вблизи него в урочище Житань. Здесь Телебуга совершил экскурсию («еха обзирать») по владениям Владимира Васильковича и, возможно, побывал во Владимире Волынском («а друзии молвьятъ оже вы и в городе былъ, но то не ведомо»).

В воскресенье («в неделю») «по Микоулине дни» татары оставили город, и «на завтри день... Бог и избави своею волею и не

²⁸ Там же. Стб. 897.

²⁹ Там же. Стб. 893.

³⁰ Там же. Стб. 897–898.

³¹ Там же. Стб. 892.

взяша города, но насилье велико творяхоу в городе». Поскольку Краковский поход происходил зимой (летописи сообщают о переправах татарской конницы по льду, о лютом морозе, сопровождавшем поход, а также о том, что осада Кракова началась под Рождество³²), речь идет о Николе зимнем, т.е. 6 декабря. Объединенные татарско-русские полки подошли к Завихвосту, но, не сумев форсировать Вислу, двинулись к Сандомиру («Соудомироу»). Им наконец удалось перейти р. Сан (правый приток Вислы) по льду. Здесь они начали «воевати землю Лядскую, и стояша на ней 10 дний»³³. На этом этапе удача изменила Телебуге, и он, так и не дойдя до Кракова, «воротися во Торжькоу». Причиной этого возвращения стало известие, что темник Ногай, пойдя «другои дорогои», на Перемышль, уже подошел к Кракову, тем самым опередив войско Телебуги³⁴.

Согласно статье 6795 г., Владимир Василькович, вернувшись во Владимир, отправился в Любомль, Берестье и Каменец. В Каменце его болезнь еще раз обострилась. Там состоялась встреча больного князя со «слугами... иже то были в Ляхохъ на войне с Татары». Владимир Василькович подробно расспросил слуг о Телебуге и его русских союзниках: «Володимеръ же нача вопрошати ихъ о Телебоузе, оуже ли пошель и земле Лядской, онем же поведающимъ пошель, а братъ ми Левъ, и Мьстиславъ, и сыновець ми во здоровьи ли...»³⁵. Таким образом, из статьи 6795 г. как бы следует, что путешествие по своим землям владимирово-волинский князь предпринял после возвращения с р. Сан, а потому и интересовался подробностями похода Телебуги «на Ляхы», участником которого, в сущности, так и не стал. В Каменце же Владимир Василькович принял посла Мстислава Даниловича и отправился в Рай, где лично встретился со своим двоюродным братом Мстиславом Луцким для беседы и заключения ряда «о землю, и о города, и о княгине своей и о семь детяти»³⁶. Тогда же, по-видимому, княжеский писец Федорец составил знаменитые «рукописания» бездетного

³² Сообщение Густ., отсутствующее в Ипат. — см.: ПСРЛ. Т. 2 (1-е изд.). С. 346–347 (см. ниже).

³³ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 892–894.

³⁴ Там же. Стб. 892. Густ. содержит весьма краткое описание маршрута татарских отрядов. Телебуга переправился через Вислу, подошел к Сандомиру, который «не могожа взяти», — см.: ПСРЛ. Т. 2 (1-е изд.). С. 346–347.

³⁵ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 899.

³⁶ Там же. Стб. 902.

Владимира: две духовные отдельно для каждого наследника князя — брата и жены³⁷. Датировка этих не сохранившихся в подлиннике «рукописаний» (ок. 1287 г.) условна и заимствуется из Ипат. Однако события XIII в. датированы в летописи значительно позднее составления летописного текста, и ее хронологические указания безоговорочно дипломатистами не принимаются³⁸. Стало быть, время составления «рукописаний», являющееся самостоятельной исследовательской проблемой, не может уточнить даты Краковско-го похода.

Таким образом, позднейший датировщик, вставляя указания на годы в описания событий, первоначально не имевшие хронологической сетки, объединил в статьях 6791 и 6795 гг. сведения об одном и том же событии — Краковском походе Телебуги. Никаких оснований видеть в статьях 6791 и 6795 гг. описания двух походов татар «на Ляхы» нет. Статья 6791 г. оказалась более насыщенной описаниями деталей Каковского похода, тогда как статья 6795 г. в основном посвящена последней поездке Владимира Васильковича по своим землям, предсмертному обострению его болезни и имущественным распоряжениям в «рукописаниях». Статья 6795 г. оставляет впечатление, что сведения о Краковском походе даны в ней только в связи с указанием на болезнь Владимира Васильковича, случившуюся у р. Сан. Видимо, это событие позднейший сводчик не сумел отделить от новых приступов «немощи» князя в последний год его жизни. В этой статье оказались некритически соединенными все сведения о князе после его возвращения из Краковского похода.

Из Ипат. следует, что Владимир Василькович должен был идти на Краков в составе войска Телебуги. Запись на Кормчей позволяет предположить, что Владимир Василькович получил приглашение участвовать в походе не от Телебуги, а от тогдашнего его союзника темника Ногая. В Краковский поход Владимир Василькович отправился, оставив свою жену больной во Владимире: «...а госпожа наша оставо оу Владимире, зане бяше немощію оугонила люта зѣло...».оборот «поехал... к Ногоеви» составители перечня записей на древнерусских кодексах XI–XIII вв. приняли за указа-

³⁷ Там же. Стб. 903. См.: *Каутанов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 78, 79.

³⁸ Памятники русского права: Памятники права феодально-раздробленной Руси: XII–XV вв. / Сост. А.А.Зимин. М., 1953. Вып. 2. С. 31.

ние автора записи Кормчей на поездку Владимира Васильковича в землю ногайских татар³⁹. Однако «Ногоеви» — форма дательного падежа единственного числа существительного «Ногой». Если бы в записи действительно содержалось указание на этноним «ногои» («ногаи»), то дательному падежу множественного числа соответствовала бы форма «поехал к ногоем (ногоям)». К тому же Ногайская орда, получившая имя Ногая, выделилась из Золотой Орды только в конце XIV — начале XV в. при хане Едигее и его сын Нурадине⁴⁰. Таким образом, в записи на Кормчей говорится, что когда писцы переписывали Кормчую, ее заказчик князь Владимир Василькович отправился к темнику Ногаю («...пишущимъ же нам сия книги, поехал господь нашъ к Ногоеви...»). Однако указание на поездку к Ногаю в выходной записи, составлявшейся по окончании книгописных работ, свидетельствует о том, что отъезд князя из Владимира не мог значительно отстоять от времени, когда Кормчая уже была переписана, а впечатления от отъезда Владимира Васильковича еще оставались свежими.

Первоначально поход на Краков был задуман как совместное выступление объединенных татарских и русских сил под предводительством Телебуги и Ногая. В сообщении Густ. о начале похода на Польшу Ногай упоминается вместе с Телебугой: «В лето 6794. Паки, попущением Божиим, прииде Ногаи и Телебуга со множеством татар, аки пружи, на Полскую землю»⁴¹. Однако планам совместного выступления Ногая и Телебуги будто бы мешало бывшее между ними «нелюбовье велико». Обращает на себя внимание, что имя Ногая фигурирует в летописной статье перед именем Телебуги.

Согласно сообщениям Бейбарса, совместный Краковский поход Телебуги и Ногая все-таки имел место: «...сошлись они оба в предположенном месте, разлили повсюду опустошение, грабили, что хотели, убивали, кого хотели, и (затем) вернулись»⁴². Однако на обратном пути Ногай оставил союзника, уйдя в свои кочевья⁴³.

³⁹ См.: Древнерусские письменные источники X–XIII вв. / Под. ред. Я.Н. Шапова. М., 1991. С. 50, № 28.

⁴⁰ *Веселовский Н.И.* Хан из темников. С. 1; *Сергеев В.И.* Ногайская орда // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. Стб. 298.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 2 (1-е изд.). С. 347.

⁴² См.: *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1. С. 106.

⁴³ Там же.

Заблудившееся же войско Телебуги «постигла сильнейшая беда»: в условиях холодной и снежной зимы оно не сумело найти себе пропитания. Жесточайший голод привел к тому, что татары были вынуждены есть мясо лошадей и собак. Бейбарс отмечает и каннибализм оголодавших воинов: «они ели мясо животных, служивших им для верховой езды, и собак, которых они взяли с собой, да мясо тех из них, которые умирали от голода»⁴⁴. Это сообщение находит подтверждение в статье 6791 г. Ипат.: «от мороза изомроша, зане бысть зима люта велми»⁴⁵.

Из Ипат. как бы следует, что Ногай на заключительной стадии похода действовал самостоятельно («...а с Телебугою не снимася, зане боястася оба сии сего, а сеи сего»)⁴⁶ и направился в Краков «своею дорогою». Статья 6791 г. Ипат., в которой, как уже говорилось, подробно изложен маршрут татарско-русских войск на Краков, сообщает, что «Ногаи же оканьнии не иде с Телебоугою в Ляхы, одиною дорогою... но иде своею дорогою»⁴⁷. Если Телебуга совершил переход через Вислу «выше Судомира», то, согласно летописи, Ногай действовал южнее, в районе Перемышля⁴⁸. Узнав, что Ногай «передиль его ко Краковоу прити», Телебуга, 10 дней повоевав в Польше, вернулся в русские земли, две недели простояв у Львова⁴⁹. В свои кочевья он уже шел «своею дорогою опять, а Ногаи своею дорогою»⁵⁰.

Когда произошло разделение татарского войска на два отряда — Телебуги и Ногай — летопись умалчивает. Лишь в статье 6791 г. говорится о том, что из Владимира к Завихвосту с Телебугой ушли не все татары: «осташа же Татарове дроззии оу Володимера кормити либывеи коне»⁵¹. Эти татары, занятые своими истощенными конями, вряд ли были войском Ногай. Если следовать логике Ипат., Ногай должен был обогнать Телебугу. При этом его переправа на польскую сторону осуществлялась в районе Перемышля, значительно дальше отстоявшего от Владимира, чем Завихвост. Иными словами, оставшись на некоторое время во Владимире, восстано-

⁴⁴ Там же. См. также: Кучкин В.А. Летописные рассказы. С. 33.

⁴⁵ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 894.

⁴⁶ Там же. Стб. 895.

⁴⁷ Там же. Стб. 894–895.

⁴⁸ Там же. Стб. 895.

⁴⁹ Там же. Стб. 894.

⁵⁰ Там же. С. 895.

⁵¹ Там же. Стб. 893.

вившая силы часть татарской конницы должна была стремительно двинуться на юг, чтобы иметь возможность опередить Телебугу, еще в начале декабря направившегося к Сандомиру. Однако застрявшие во Владимире татары, забыв о Польше, самозабвенно грабили окрестности и разоряли «землю Володимерьскую». Кроме того, оставшаяся во Владимире часть войска Телебуги вряд ли была очень большой.

Скорее всего, Ногай отделился от Телебуги, когда оказалось, что в районе Завихвоста форсировать только начавшую замерзать Вислу нельзя. Тогда часть войска по течению Вислы пошла к Сандомиру, перейдя по пути р. Сан. Другая же часть войска, руководимая Ногаем, могла двинуться к Перемышлю, а оттуда совершить наступление на Краков. В любом случае, на этом этапе Краковского похода Телебуга и Ногай еще не стали врагами. Прав В.А. Кучкин, считающий, что вражда между ними возникла на обратном пути из Польши, когда заблудившееся, замерзшее и оголодавшее войско Телебуги пережило все свои злоключения⁵². Сведения о «нелюбовье великом» между Телебугой и Ногаем, появились в статье 6791 г. под пером сводчика 90-х годов XIII в.⁵³, осведомленного не только о причинах «нелюбовья», но и о его кровавом итоге — убийстве Ногаем Телебуги и Алгую в 1291 г. Вероятно, упоминание Алгую в статье 6795 г., отсутствовавшее в статье 6791 г., стало следствием всё того же осмысления позднейшим летописцем событий конца 80-х — начала 90-х годов XIII в.

Пытаясь уточнить дату Краковского похода, В.А. Кучкин обратился к анализу слов «в неделю же минуша городъ по Микулинѣ дни на завтри день Богъ и⁵⁴ избави своею волею и не взяша города» статьи 6791 г. Ипат., в которых содержится указание на время ухода татар из Владимира Волынского⁵⁵. Кучкин посчитал, что выражение «завтри день» относится к слову «неделя». Соответственно этой интерпретации знаки препинания в приведенном обороте статьи 6791 г. должны быть, по-видимому, расставлены следующим образом: «...в неделю же минуша городъ по Микулинѣ дни, на завтри день. Богъ и избави своею волею и не взяша города...». Если это так, то получается, что завтрашним днем после Николи-

⁵² Кучкин В.А. Летописные рассказы. С. 33–34, 35.

⁵³ Там же. С. 35.

⁵⁴ В ркп. «i». Составители 2-го тома ПСРЛ отметили в примечаниях: «Так в рукописи» (ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 892, примеч. н).

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 892–893.

на дня (6 декабря) было воскресенье («неделя») 7 декабря. Кучкин установил, что «такое сочетание числа, месяца и дня недели приходилось на 1287 год»⁵⁶, т.е. 6795 мартовский год с вруцелетом «В». Исходя из этого, ученый заключил, что Краковский поход Телебуги начался и закончился в декабре 1287 г., и полагал «очевидным, что польские хроники совершенно точны, указывая на 1287 г. как на год вторжения татарских войск в Польшу. Только было это не в начале года, как считал М.С. Грушевский, а в его конце»⁵⁷.

Предложенная В.А. Кучкиным датировка Краковского похода не согласуется с датой записи на Кормчей — 6794 год⁵⁸. Если поход Телебуги и Ногая действительно имел место в декабре 1287 г., то следует либо допустить вероятность еще одного похода татар на Краков, либо предположить, что Владимир Василькович выехал на встречу с ордынцами почти за год до соединения с ними под Перемилем, т.е. в период между 1 января и 28 февраля 1287 г. (6794 минус 5507, стиль летосчисления мартовский)⁵⁹. Если первое не подтверждается источниками, то второе представляется совершенно невероятным.

Попытаемся привести в соответствие хронологические указания записи на Кормчей Владимира Васильковича со статьей 6791 г. Ипат. В 6794 мартовском году с вруцелетом «А» день св. Николая Мирликийского (6 декабря) пришелся на пятницу. Следовательно, воскресенье «по Микулине дни» было 8 декабря, когда татарское войско «минуша городь». «На завтри день» — в понедельник 9 декабря — «Богъ и избави своею волею, и не взяша города», т.е. опасность военной осады Владимира миновала, татар в городе практически не осталось. Незначительная часть татарского войска, осевшая во Владимире «кормити либывеи коне», большой опасности не представляла. Она мародерствовала в окрестностях, однако причинила намного меньше бед, чем это могло быть, если бы не «Богъ избави своею волею» жителей города. Иными словами, знаки препинания в исследуемом фрагменте статьи 6791 г. должны быть расставлены следующим образом: «...в неделю же минуша

⁵⁶ Кучкин В.А. Летописные рассказы. С. 35.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Напомнин также, что известия о Краковском походе помещены в двух статьях Густ., одна из которых также помечена 6794 г.

⁵⁹ Именно это мы ошибочно предполагали в своем исследовании о записи на Кормчей — см.: Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков на древнерусских пергаменных кодексах XI–XIV вв. М., 2000. С. 148–149, № 121.

городъ по Микулинѣ дни, на завтри день Богъ и избави своею волею, и не взяша города...». Такая интерпретация текста находит, как нам кажется, подтверждение и в оригинальной пунктуации Ипатьевского списка 10-х — начала 20-х годов XV в., положенного в основу издания текста Ипат. Препинательные знаки в нем, обозначенные издателями точкой, имеются после слов «городъ», «дни» и «волею»: «...в нелю же минуша городъ. по Микулинѣ дни. на завтри день Богъ и избави своею волею. и не взяша города».

Покинув Владимир 8 декабря 1286 г. и дойдя до Сандомира, войско Ногая отделилось от Телебуги и, двинувшись на Перемышль, через 17 дней оказались у стен Кракова. Осада Кракова ратью Ногая, согласно Густ., прилась на «самое Рождество», т.е. на 25 декабря. Войску Ногая удалось преодолеть не менее 546 км зимнего пути (180 км по прямой от Владимира до Сандомира + 162 км от Сандомира до Перемышля + 204 км от Перемышля до Кракова), покрывая ок. 32,1 км в день. Это примерно соответствует скорости передвижения зимой в Европе в Средние века (см. ниже, примеч. 62).

Должно было пройти еще несколько дней, прежде чем в условиях зимы известие об осаде Кракова Ногаем, напугавшее и остановившее Телебугу, дошло до Сандомира. После этого Телебуга еще 10 дней повоевал в Польше и затем на две недели застрял в Львовской земле, претерпев все свои бедствия, приведшие к кровавой вражде с Ногаем. Таким образом, Краковский поход татар имел место в декабре–январе 6794 (1286/87) г., и польские хронисты, как и считал Грушевский, датировали его 1287 г. по времени его завершения.

Н.Г. Бережков со ссылкой на труд Стенли Лэн-Пуля писал о захвате Телебугой ханского стола в 1287–1288 гг.⁶⁰ В.А. Кучкин полагал, что Краковский поход Телебуги совпал с занятием им ханского стола. Привлекая нумизматические данные (наиболее ранние монеты, чеканенные при Телебуге, имеют дату 686 г. хиджры) и опираясь на сообщение Рукн-эд-Дин Бейбарса о 686 г. хиджры как о дате этого события, ученый пишет: «Обращение к восточным авторам... позволяет установить, что Телебуга стал ханом в 686 г. хиджры, т.е. между 16 февраля 1287 г. и 5 февраля 1288 г.»⁶¹, т.е. в

⁶⁰ *Бережков Н.Г.* Хронология. С. 115, примеч. 142 (ссылка на кн.: *Лэн-Пуль С.* Мусульманские династии / Пер. с примеч. и доп. В. Бартольда. СПб., 1899. С. 191).

⁶¹ *Кучкин В.А.* Летописные рассказы. С. 32, 33. Ср.: *Тизенгаузен В.* Сборник материалов. С. 106.

течение года после возвращения из Краковского похода, в котором он еще не носил ханского титула.

Полученные данные позволяют уточнить время написания Кормчей. Владимир Василькович покинул войско Телебуги в районе р. Сан в начале 20-х чисел декабря, до 25 декабря 1286 г., т.е. до осады Сандомира и до того времени, когда Телебуга получил известие о появлении Ногая у стен Кракова. Запись сообщает о продолжении книгописания и об отъезде князя-заказчика «к Ногоеви», но не сообщает о возвращении Владимира Васильковича из Краковского похода. Иными словами, к моменту окончания книгописных работ и составления выходной записи во Владимире его еще не было. Если заболевший владими́ро-волы́нский князь повернул от р. Сан в свою резиденцию во Владимире, на обратную дорогу у него должно было уйти (с учетом протяженности санного пути [ок. 180 км по прямой], плохого самочувствия и вероятных в этой ситуации остановок) от 2-х до 5–6 дней и более⁶². Таким образом, он вернулся во Владимир во второй половине декабря 1286 г. Указание записи на то, что Кормчая была закончена «въ лѣто 6794», но до возвращения Владимира Васильковича («пишущимъ же нам сиа книги, поехал господь нашъ к Ногоеви»), заставляет нас склониться к датировке кодекса 1286 г. Видимо, Кормчая была завершена в 10–20-х числах декабря 1286 г., а книгописные работы были оплачены княгиней Ольгой Романовной.

В изготовлении Кормчей, согласно записи, церковные иерархи участия не принимали. Анонимным писцом подчеркивается здесь исключительная роль княжеской четы. Имея в виду, что Владимир Василькович при составлении своих «рукописаний» пользовался

⁶² Согласно данным Е.И. Каменцевой и Н.В. Устюгова, день конного пути составлял около 50–75 км (см.: *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология. М., 1975. С. 28). Время года, для которого делались подобные расчеты, не указано. С.М. Каштанов установил, что в XVI в. в России скорость ямской гоньбы на санях составляла ок. 112,65 км в день (*Каштанов С.М.* На путях к Москве (по запискам англичан середины XVI в.) // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. С. 119). По данным Г. Алефа, рекордная скорость передвижения в средневековой Франции составила 86,9–90,12 км в день, хотя обычная быстрота езды колебалась там между 32,18 и 53,1 км в день (см.: *Alef G.* The Origin and Early Development of the Muscovite Postal Service // *Alef G. Rulers and Nobles in Fifteenth-Century. Muscovy. Variorum Reprints. L., 1983. VIII. P. 1–2, 7, note 37*). Эти данные в целом соответствуют установленной нами скорости передвижения войска Ногая (ок. 32,1 км в день) от Владимира до Кракова в декабре 1286 г. (см. выше).

услугами «писца своего» Федорца, можно думать, что и переписка Кормчей осуществлялась штатом не епископских, а княжеских писцов. На это косвенно указывает и свидетельство летописного некролога Владимиру Васильковичу, в котором в качестве вкладчика книг он упоминается безо всякого указания на союз в этом деле с церковными иерархами. Не исключено, что и летописание в конце XIII в. во Владимире велось не при епископской кафедре, а при княжеском дворе. Подобная ситуация делает Владимиро-Волынское княжество уникальным в истории древнерусской книжной и письменной культуры.

Рис. 1. Маршрут похода на Краков Теллебузи и Ногая

ЛИТЕРАТУРА

- Андріяшев А.М.* Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887.
- Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996.
- Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
- Веселовский Н.И.* Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Зап. Рос. Акад. наук. Пг., 1922. Т. 13. С. 32–35.
- Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
- Грушевський М.* Хронологія події Галицко-Волинської літописи // Зап. Наукового товариства ім. Т. Шевченка у Львові. Львів, 1901. Т. 41 С. 53–56
- Древнерусские письменные источники X–XIII вв.* / Под. ред. Я.Н. Щапова. М., 1991.
- Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология. М., 1975.
- Кашианов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. М., 1996.
- Кашианов С.М.* На путях к Москве (по запискам англичан середины XVI в.) // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. С. 107–119.
- Кучкин В.А.* Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // СР. 1996. [Вып.] 1. С. 5–57.
- Лэн-Пуль С.* Мусульманские династии / Пер. с примеч. и доп. В. Бартольда. СПб., 1899.
- Памятники русского права: Памятники права феодально-раздробленной Руси: XII–XV вв. / Сост. А.А. Зимин. М., 1953. Вып. 2.
- Пауто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950.
- Сергеев В.И.* Ногайская орда // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. Стб. 298
- Столярова Л.В.* Записи исторического содержания XI–XIV веков на древнерусских пергаменных кодексах // ДГ, 1995 год. М., 1997. С. 3–79.
- Столярова Л.В.* Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998.
- Столярова Л.В.* Записи исторического содержания на Студийском уставе конца XII в. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 562–568
- Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков на древнерусских пергаменных кодексах XI–XIV вв. М., 2000.
- Столярова Л.В.* Заказчики древнерусских кодексов XI–XIV вв. Ч. I. Заказчики XI в., упомянутые в записях на книгах // ДГ, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 278–296.
- Столярова Л.В.* Заказчики древнерусских кодексов XI–XIV вв. Ч. 2. Заказчики XII в., упомянутые в записях на книгах // ДГ, 2002 год: Генеалогия как форма исторической памяти. 2004. С. 236–258.

- Столярова Л.В.* Заказчики древнерусских кодексов XI–XIV вв. Ч. 3: Заказчики XIII в., упомянутые в записях на книгах (продолжение) // ДГ, 2004 год: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 348–382.
- Столярова Л.В.* Заказчики древнерусских кодексов XI–XIV вв. Ч. 4: Заказчики XIV в., упомянутые в записях на книгах (Продолжение) // ДГ, 2006 год: Пространство и время в средневековых текстах. М., 2010. С. 461–508.
- Столярова Л.В.* Заказчики древнерусских кодексов XI–XIV вв. Ч. 4: Заказчики XIV в., упомянутые в записях на книгах (Продолжение) // ДГ, 2009 год: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 477–488.
- Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1.
- Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.
- Alef G.* The Origin and Early Development of the Muscovite Postal Service // *Alef G. Rulers and Nobles in Fifteenth-Century. Muscovy. Variorum Reprints.* L., 1983. VIII.

Lyubov V. Stolyarova

HISTORICAL INSCRIPTIONS IN OLD RUS BOOKS
(AN ANALYSIS OF THE INSCRIPTION OF THE *KORMCHAIA*
OF 1286)

The paper is dedicated to ‘historical’, or ‘annalistic’, inscriptions in Rus manuscripts of the eleventh — the fourteenth centuries. Such notes are either independent (18 examples), or included into other types of inscriptions (colophons etc. — 11 examples). In most of the cases such inscriptions are found in liturgical books. The historical notes are dedicated to deaths of princes, military raids, building of churches, eclipses, famines, and other events. Such notes, together with some *graffiti* of Rus churches, are the simplest form of historical writing in early Rus.

In this paper the author analyses in detail one of such colophons with a historical note: that in the South Rus *Kormchaia* of the 1280s. The author compares its note on the raid of Tatars into Poland (to Krakow) with the evidence of Rus, Hungarian, Polish, and Oriental sources. The problems of dating as well as of the interrelations between the leaders of the Tatars and the princes of South-Western Rus are treated. This study enables the author to specify the date of writing of the manuscript: it was finished in December of 1286, before Prince Vladimir Vasilkovich returned from the

raid to Vladimir. One can also deduce that the *Kormchaya* (and, maybe, other books and charters of the time as well as the Volynian Chronicle) was written by princely scribes, and not in a religious house, which was not typical for the other regions of early Rus.

Key words: Old Rus, codicology, inscriptions in books, colophons, historical writing, Krakow raid

Т.В. Гимон

К ПРОБЛЕМЕ ЗАРОЖДЕНИЯ ИСТОРИОПИСАНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ*

В статье дается обзор наиболее ранних из сохранившихся памятников древнерусского историописания (летописи, переводные хроники и хронографы, «Слово о законе и благодати» Илариона, «летописчик» Иакова Мниха, «летописные» надписи-граффити и др.) и разбираются высказывавшиеся в науке гипотезы о том, как зародилось историописание в Киевской Руси и как выглядели его древнейшие формы. В частности, разбирается вопрос о Древнейшем своде (сказании), о ранних кратких анналах и др. Затем эти вопросы рассматриваются в свете сравнительно-исторических данных, включая собранные в настоящем томе, и делается попытка ответить на поставленные в предисловии общие вопросы о зарождении историописания.

Ключевые слова: Древняя Русь, историописание, летописание, «Повесть временных лет», Древнейшее сказание, анналы, хроники, сравнительно-исторический метод

Собранные в настоящем томе статьи дают пищу для размышлений о том, как возникло историописание на Руси. В этой, последней статье тома я постараюсь использовать эту возможность. Статья состоит из четырех частей. Первая представляет собой очерк о сохранившихся ранних памятниках древнерусского историописания. Эта часть рассчитана в первую очередь на неспециалистов по Древней Руси — например на тех, кто занимается историописанием других стран и кому — со своей стороны — Русь интересна в качестве материала для сопоставления. Во второй части помещен обзор гипотез и мнений, высказывавшихся относительно того, как выглядели первые (не дошедшие до нас) опыты древнерусского

* Статья написана в Государственном Академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания № 2014/321 Минобрнауки России (проект «Письмо и повседневность: Древняя Русь в сравнительно-исторической перспективе»). Благодарю Т.Л. Викул, А.А. Гиппиуса, М.М. Дробышеву, М.Ю. Ульянова и А.С. Щавелева за замечания по этой статье.

историописания. В третьей части статьи я постараюсь поразмышлять на эту тему в свете сравнительно-исторических данных, собранных в этом томе, а в четвертой подведу некоторые итоги.

1. СОХРАНИВШИЕСЯ РАННИЕ ТЕКСТЫ

Летописи. «Повесть временных лет». Древнерусские летописи (за исключением так называемой Галицко-Волынской летописи XIII в.¹) излагают исторические события в погодной форме. Весь их текст состоит из погодных статей, начинающихся формулой «Въ лѣто такое-то»; нередко статьи являются «пустыми», т.е. после этой формулы нет никакого другого текста, год просто обозначен². Если погодная статья рассказывает более чем об одном событии, новое известие (рассказ), как правило, начинается формулой типа «Въ то же лѣто», «Тои же зимы», «Тогда же» и т.п. Эти известия/рассказы очень разнятся по своему объему — краткие записи о событиях могут соседствовать с пространными повествованиями, а и иногда с текстами совсем иной жанровой природы — агиографическими, актовыми, законодательными и др. Первой погодной статье летописи, как правило, предшествует какой-то еще текст, находящийся вне погодной сетки, — «недатированная часть» «Повести временных лет», «предисловие Начального свода» и т.д.³ Тематика летописных известий/рассказов довольно разнообразна, однако преобладают сообщения о сменах князей, военных конфликтах, усобицах и мятежах, а также о сменах церковных иерархов, строительстве церквей, природных явлениях и бедствиях, и др.⁴

¹ Так обычно называют текст Ипатьевского свода за XIII в., первоначально не имевший погодной разбивки (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 715–938; Галицко-Волинский літопис: Дослідження. Текст. Коментар / За ред. М.Ф. Котляра; Координатор вид. В.А. Смолій. Київ, 2002).

² В некоторых рукописях XV в. и позже «пустые годы» стали опускать, однако для раннего летописания они, по-видимому, всегда характерны. По крайней мере, они наличествуют во всех сохранившихся рукописях середины XV в. и старше, за исключением Рогожского летописца (в трех древнейших списках Новгородской I летописи, Лаврентьевском и Ипатьевском).

³ См. очерк о внутренней форме и структуре летописей: *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. С. 124–136.

⁴ См. анализ тематики летописных сообщений: *Guimon T.V.* What Events Were Reported by the Old Rus' Chroniclers? // COLLeGIUM: Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences. Helsinki, 2015. Vol. 17. P. 92–117 (<https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/153792/VOL17_05_guimon.pdf?sequence=1>).

Древнейшие дошедшие до нас рукописи с летописным текстом — это пергаменные Синодальный список Новгородской I летописи (Син.) XIII–XIV вв.⁵ и Лаврентьевская летопись (Лавр.)⁶ 1377 г. Еще одна пергаменная рукопись (Троицкая летопись начала XV в., текст которой был близкородственен Лавр.) сгорела в московском пожаре 1812 г.⁷ Более двух десятков бумажных рукописей относятся к XV в.; древнейшая из них — Ипатьевский список Ипатьевской летописи (Ипат.) ок. 1418 г.⁸ Еще больше кодексов датируется XVI в. или более поздним временем.

Все сохранившиеся рукописи находятся друг с другом в том или ином текстологическом родстве. Значительные фрагменты текста являются общими у многих кодексов, хотя всегда есть и различия. Это отражает саму природу летописания: летописи можно было продолжать, редактировать, соединять друг с другом или сокращать, причем делались эти операции разными людьми и в разных городах. В дошедших до нас летописях статьи за домонгольский период восходят, в основном, к летописанию Киева, Новгорода и Владимиро-Суздальской земли, хотя некоторые фрагменты могут происходить и из других центров, например из Переяславля-Южного.

Пять сравнительно ранних кодексов — Лавр., Ипат., а также Хлебниковский список Ипатьевской летописи (Хлебн., XVI в.) и близкородственные друг другу кодексы конца XV в., Радзивилловский (Радз.) и Московско-Академический (М.-А.), — в части до 1110-х годов содержат, в общем, один и тот же текст. Поскольку эти пять кодексов начинаются словами «Се повѣсти времянных лѣт», в науке давно утвердилась традиция называть это общий текст «Повестью временных лет» (ПВЛ).

⁵ ГИМ. Син. 786. Слова «Синодальный список» относятся к самой рукописи, а «Новгородской I летописи» означает принадлежность к группе близкородственных текстов, в которую входят также некоторые рукописи XV в. Син. был вначале доведен до статьи 1234 г.; затем продолжен до статьи 1330 г., а затем еще около 20 лет к нему делались приписки о текущих событиях. См. факсимиле: Новгородская харатейная летопись / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1964; и дипломатическое издание: ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 15–100.

⁶ РНБ. Ф. п. IV. 2. Может быть, более корректно назвать эту рукопись «Лаврентьевский список», но поскольку других списков «Лаврентьевской летописи» нет, оба варианта наименования являются равноценными. См. факсимиле: <<http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/index.php>>; и дипломатическое издание: ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.

⁷ См. реконструкцию: *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002.

⁸ БАН. 16.4.4. См. дипломатическое издание: ПСРЛ. М., 1998. Т. 2.

ПВЛ, несомненно, составлена в Киеве. В части списков (Лавр., Радз., М.-А.) после статьи 1110 г. читается приписка, из которой следует, что летопись в 1116 г. написал (переписал? отредактировал?) игумен Киево-Выдубицкого монастыря Сильвестр. Впрочем, сам текст не оставляет сомнений в том, что в значительной мере он сложился не в Выдубицком, а в соседнем Киево-Печерском монастыре. Наиболее распространена точка зрения, согласно которой ПВЛ составил киево-печерский монах Нестор, а Сильвестр Выдубицкий — только отредактировал; впрочем, в данном вопросе консенсуса среди исследователей не существует⁹.

ПВЛ включает в себя «недатированную часть» (рассказывающую о расселении народов после потопа, славянских племенах и т.д.) и погодные статьи с 852 по 1110-е годы. Текст ПВЛ за IX — первую половину XI в. по большей части состоит из связного, «монотематического» (хоть и разнесенного по погодным статьям) повествования о князьях-Рюриковичах, расширении территории Древнерусского государства, его христианизации, первых святых мучениках и т.д. С 60-х годов XI в. характер текста меняется: он перестает быть «монотематическим», в погодных статьях начинают соседствовать известия на самые разные темы, во множестве появляются дневные даты, почти исчезают «пустые годы». Несомненно, это говорит о том, что с 1060-х годов перед нами результаты деятельности летописцев-современников, тогда как более ранние статьи написаны по большей части ретроспективно¹⁰. Впрочем, скорее всего, к 1060-м годам относится лишь сложение жанра летописи в его известной нам форме, тогда как наиболее ранние опыты историописания появились на Руси в предшествующий период¹¹.

В науке предпринято немало попыток реконструировать конкретную историю сложения текста ПВЛ, датировать и охарактеризовать этапы летописной работы в XI в. Консенсуса среди ученых на этот счет не существует, и наоборот, имеется целый ряд аль-

⁹ Из последних работ о ПВЛ и ее редакциях см.: *Гунтус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет // *Славяноведение*. 2007. № 5. С. 20–44; 2008. № 2. С. 3–24; *Добровольский Д.А.* Этническое самосознание древнерусских летописцев XI — начала XII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 58–72; *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 28–31, 146–154.

¹⁰ См.: *Алешковский М.Х.* К типологии текстов «Повести временных лет» // *Историковедение отечественной истории*: Сб. ст., 1975. М., 1976. С. 133–167.

¹¹ См. ниже и в статье А.В. Назаренко.

тернативных реконструкций¹². В следующем разделе я обращусь к тем гипотезам, которые высказывались учеными относительно древнейших исторических текстов на Руси.

Упомянутые пять рукописей (Лавр., Ипат., Хлебн., Радз. и М.-А.) содержат, если так можно выразиться, «классическую» ПВЛ. Отличные от нее версии начальной истории Руси дает новгородское летописание.

В древнейшей из рукописей, Син., начальный текст утрачен. Сохранившиеся статьи (с 1016 г.), как правило, очень кратки. Большая часть из них говорит коротко о тех же событиях, о которых в ПВЛ сказано пространно, однако есть и оригинальные известия, в большинстве своем новгородские¹³.

В Новгородской I летописи младшего извода (Н1мл.), два главных списка которой, Комиссионный и Академический, относятся к середине XV в., текст начинается нравоучительным «предисловием Начального свода», а погодное изложение — статьей 854 г. (за которой следует сразу статья 920 г., а далее уже непрерывный ряд годов). Текст Н1мл. за IX — начало XI в.¹⁴, несомненно, родственен ПВЛ, однако отличия от нее весьма сильны. В Н1мл. нет значительных фрагментов текста, находящихся в ПВЛ (и наоборот, отдельные фрагменты есть в Н1мл., но отсутствуют в ПВЛ); многие статьи имеют другую композицию и по-другому дагированы; имеются и фактологические расхождения. Так, Олег, объединивший Новгород и Киев в единую державу, в ПВЛ назван князем, а в Н1мл. — воеводой князя Игоря. А.А. Шахматов предположил, что Н1мл. отразила (пусть и не всегда точно) более ранний, чем «классическая» ПВЛ, этап летописной работы — Начальный свод 1090-х годов¹⁵. Эту гипотезу разделяют многие исследователи¹⁶,

¹² См. обобщение этой дискуссии: *Гунтуус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 37–63.

¹³ См. об этом тексте: *Гимон Т.В.* События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 615–641.

¹⁴ Текст Н1мл. за большую часть XI в. отчасти сходен с Син., отчасти — с ПВЛ, а кроме того содержит уникальные сообщения о Новгороде (см.: Там же. С. 641–650).

¹⁵ *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1. С. 24–31; 2003. Т. 1, кн. 2. С. 380–412, 429–464.

¹⁶ *Творогов О.В.* Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 3–26; *Гунтуус А.А.* Рекоша дружина Игореву...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // RL. 2001. Vol. 25.

и в том числе автор этих строк. Часть ученых, однако, критически относится к данной гипотезе и полагает, что в Н1мл. — поздняя переработка ПВЛ¹⁷.

Летописи Новгородско-Софийской группы — Новгородская Карамзинская, Софийская I и Новгородская IV — отражают работу сводчиков первой половины XV в. В целом, они соединяют текст «классической» ПВЛ с текстом Н1мл., однако содержат и ряд оригинальных известий (главным образом, в статьях первой половины XI в.), восходящих, вероятно, к одному из сводов-предшественников ПВЛ¹⁸.

В других летописях статьи за IX — начало XII в. вторичны по отношению к ПВЛ, новгородским или новгородско-софийским летописям. Впрочем, учеными делались попытки увидеть тексты, более ранние, чем ПВЛ, в Устюжской летописи, «Летописце Переяславля-Суздальского», в так называемой Иоакимовской летописи, использованной В.Н. Татищевым, и др.¹⁹ Здесь эти попытки обсуждаться не будут.

Переводные исторические сочинения и хронографы. На Руси имел хождение целый ряд византийских исторических сочинений в церковнославянском переводе. Уже в ПВЛ есть заимствования по меньшей мере из двух таких сочинений — хроник Георгия Амартола (с продолжением) и Иоанна Малалы²⁰, т.е. они попали на Русь не позднее начала XII в. При этом сами переводы сохранились в более поздних списках. Древнейший список славянского Амартола —

Р. 147–181; *Он же*. До и после Начального свода. С. 46–49; *Стефанович П.С.* «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russorum?* // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 514–561.

¹⁷ Из последних работ см.: *Вилкул Т.Л.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2003. Vol. 11. P. 5–35; *Вилкул Т.Л.* Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. Київ, 2015. С. 100–239; *Ostrowski D.* The Načal'nyj svod and the Povest' vremennyx let // *RL*. 2007. Vol. 31. P. 269–308; *Толочко А.П.* Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // *Ruthenica*. Київ, 2008. Вип. 7. С. 154–165; *Аристов В.Ю.* Ранне літописання про уличів, древлян и Свенельда (до дискусії навколо ідей О.О. Шахматова) // *Український історичний журнал*. 2011. № 6. С. 172–182. См. также статью Т.Л. Вилкул в настоящем томе.

¹⁸ См.: *Гимон Т.В.* События XI — начала XII в. С. 651–685.

¹⁹ См. отсылки к литературе «за» и «против»: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 104–106.

²⁰ См. статью Т.Л. Вилкул в настоящем томе.

Тверской начала XIV в.²¹; полного списка славянского Малалы вообще не существует, а в составе компиляций текст известен с XV в.²² Вопрос о месте перевода хроники Амартола на славянский язык остается дискуссионным: Болгария X в. или, скорее, Киев XI в.²³ Труд Малалы, скорее всего, был переведен в Болгарии, вероятно, еще в X в.²⁴

Кроме собственно переводов, на Руси создавались компилятивные сочинения на основе этих переводов, а также библейских книг, апокрифов и других источников, — так называемые хронографы. Хронографы сохранились в рукописях начиная с рубежа XIV–XV вв.²⁵ Однако, скорее всего, некоторые из компиляций были составлены раньше. Целый ряд ученых возводит к XI в. так называемый Хронограф по великому изложению (ХВИ) — общий протограф ряда памятников более позднего времени. Впрочем, согласно Т.Л. Вилкул, нет данных датировать этот текст столь ранним временем; он может относиться и к XIII–XIV вв. Исследовательница полагает, что жанр хронографов возник как серия опытов отдельных книжников, соединявших имевшийся у них под рукой материал по мировой истории²⁶. Датировать эти древнейшие опыты чрезвычайно сложно; на данный момент, согласно Вилкул, наи-

²¹ Факсимиле см.: <<http://www.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=5&manuscript=100>>. О рукописной традиции хроники см.: *Анисимова Т.В.* Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009. Совсем небольшие фрагменты хроники читаются в Успенском сборнике конца XII — начала XIII в. и в списках Пролога начиная со второй половины XIII в. (*Анисимова Т.В.* О фрагментах хроники Георгия Амартола в Успенском сборнике рубежа XII–XIII вв. и в учительной части Пролога // Хризограф: Сб. ст. к юбилею Г.З. Быковой. М., 2003. С. 44–56).

²² Издание большинства фрагментов: *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе: Репринт. изд. маг-лов / Вступит. ст., подгот. изд. и прил. М.И. Чернышевой. М., 1994. В составе древнерусской рукописи «Златоструя» XII в. обнаружен отрывок из хроники Малалы в другом, отличном от известного по остальным источникам, славянском переводе (*Абрамович Д.И.* Отрывок из хроники Иоанна Малалы в Златоструе XII века // Сб. ст. в честь акад. А.И. Соболевского, изданный к 70-летию со дня его рождения Академией наук по почину его учеников. Л., 1928. С. 19–24; *Истрин В.М.* Хроника. С. 399–401).

²³ Последнюю работу на эту тему см.: *Пеев Д.П.* Новые данные о времени и месте перевода хроники Георгия Амартола // ЛХ, 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 13–38.

²⁴ *Творогов О.В.* Хроника Иоанна Малалы // СККДР. Вып. 1. С. 472.

²⁵ Древнейшая рукопись содержит Краткий Троицкий хронограф (*Вилкул Т.Л.* Краткий Троицкий хронограф конца XIV — начала XV вв. // *Ruthenica*. Київ, 2007. Т. 6. С. 366–396).

²⁶ См. статью Т.Л. Вилкул в настоящем томе и: *Вилкул Т.Л.* Літопис і хронограф.

более древним может быть признан общий протограф Иудейского и Софийского хронографов, составленный не позднее середины XIII в.²⁷

Если это верно, то жанр хронографов вряд ли имеет отношение к зарождению историописания на Руси, несмотря на высказывавшиеся гипотезы (см. в следующем разделе). Напротив, славянские переводы хроник Амартола и Малалы, очевидно, были известны в Киеве в XI — начале XII в., использовались древнейшими летописцами и не могли не оказать влияния на ранние опыты оригинального древнерусского историописания.

«Слово о законе и благодати» Илариона²⁸, созданное в эпоху Ярослава Мудрого²⁹, трудно отнести к историописанию в собственном смысле слова — это памятник торжественного красноречия, проповедь, завершающаяся похвалой Владимиру и Ярославу. Однако эта проповедь посвящена осмыслению места Руси в мировой истории, ее включению в круг христианских народов. Очень важно, что, наряду с прославлением крещения Руси, строительства церквей, христианских добродетелей Владимира и Ярослава, Иларион коротко упоминает о языческом прошлом Руси, подчеркивая могущество и славу отца и деда Владимира, а также военнополитические достижения Владимира *еще до* крещения. Это вполне соответствует видению прошлого, отразившемуся в ПВЛ: христианизация Руси важна, но не менее важна история династии и государства в предшествующий период³⁰.

²⁷ Вилкул Т.Л. Иудейский и Софийский хронографы в истории древнерусской хронографии // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2009. Vol. 17, no. 2. P. 65–86.

²⁸ См. издания: Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984; Акентьев К.К. «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // *Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси: Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН И.П. Медведева*. СПб., 2005. С. 116–151. «Слово» сохранилось в 32 списках XV–XVII вв. (Молдован А.М. «Слово о законе и благодати». С. 19–28); небольшой отрывок дошел до нас в сборнике второй половины XIII в. (Там же. С. 24).

²⁹ Ученые предлагают разные даты в пределах 1020–1040-х годов, см.: Назаренко А.В. О времени написания «Слова о законе и благодати» Илариона // ВЕДС–XVII: Проблемы источниковедения. 2005. Ч. 1. С. 121–123. Автор склоняется к датировке памятника 1045–1046 гг.

³⁰ Ср., например: *Tolochko O.P. Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' // Historical narratives and Christian identity on a European periphery: Early history writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe* (с. 1070–1200). Turnhout, 2011. P. 225–226.

«Летописчик» из «Памяти и похвалы Владимиру» Иакова Мниха. Особая форма исторических записей как будто отразилась в заключительной части «Памяти и похвалы» Иакова Мниха — одного из наиболее ранних житийных сочинений о Владимире Святом, вероятно, составленного в XI в.³¹ Там перечисляются события княжения Владимира, однако датированы они не от Сотворения мира (как в летописях), а по годам от начала правления Владимира и от его крещения («На другое лѣто по крещеньи къ порогомъ ходи, на третье Корсунь городъ взя, на четвертое лѣто церковь камену святыя Богородица заложил...» и т.п.). Характер этого источника определялся исследователями по-разному: как выписки из древнейшего летописного памятника³², из прижизненной биографии Владимира³³, или же как «редчайший образец древнейших летописных записей»³⁴. Вопрос этот вряд ли может быть однозначно решен, хотя бы потому, что сама «Память и похвала» — текст компилятивный, ее история не до конца ясна, а исторические заметки в ее составе не составляют цельного фрагмента. Ясно только, что этот памятник сохранил более древнюю, чем отразившаяся в ПВЛ, традицию, согласно которой Владимир крестился не в Корсуне, а в Киеве, а также более архаичный (нежели в дошедших до нас летописях) способ счета лет³⁵.

Перечни. В ряде рукописей XV в. и более позднего времени (главным образом связанных с новгородским летописанием) читаются многочисленные перечни князей, церковных иерархов, посадников, тысяцких, а также епископий и городов. Кроме того, перечень киевских князей помещен в качестве вводной статьи в Ипат. В своем нынешнем виде эти перечни, конечно, памятники XV в.

³¹ Дошло до нас в списках XV–XVII вв. См. публикации: *Зимин А.А.* Память и похвала Иакова Мниха князю Владимиру и житие князя Владимира по древнейшему списку // Кратк. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1963. Вып. 37. С. 66–75; *Милотенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие источники. СПб., 2008. С. 417–426. Общие сведения см.: *Артамонов Ю.А., Милотенко Н.И.* Иаков Мних // ДРСМ. С. 536–546.

³² *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 31–41, 311.

³³ *Милотенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир. С. 51–80 и др.

³⁴ *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 31. Ср. также: *Бахрушин С.В.* [К вопросу о достоверности Начального свода] // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1987. С. 18–19; *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? С. 56–57, 100.

³⁵ Об этом памятнике см. также в статье А.В. Назаренко в настоящем томе.

Однако высказывались обоснованные гипотезы о том, что многие из них имеют существенно более древние протографы. На мой взгляд, три перечня (новгородских и киевских князей, новгородских епископов), в части за XI в. представляющие собой не сколько каталоги, сколько краткие исторические обзоры, восходят к протографам 1090-х годов³⁶. Если это верно, то в Новгороде перечни-обзоры были одной из самых ранних форм историописания. Впрочем, у нас нет данных в пользу их еще более древнего происхождения³⁷ или составления аналогичных текстов в Киеве в XI в.

«Летописные» («исторические») граффити древнерусских церквей известны с 1050-х годов³⁸. В одном случае как будто можно говорить даже о двух записях, сделанных подряд, т.е. о начатках летописи³⁹. О таких надписях из киевского Софийского собора подробно говорится в статье М.М. Дробышевой в настоящем томе. Для более позднего времени обнаружены «летописные» граффити и в других храмах. Чрезвычайно важна находка 2014 г.: при понижении пола Георгиевского собора новгородского Юрьева монастыря были найдены многочисленные фрагменты штукатурки с надписями-граффити, часть из которых можно отнести к «летописным». Особенно интересна группа записей о событиях 1160-х годов, имеющих годичную датировку и сделанных одним почерком, — своего рода небольшая летопись⁴⁰.

Другие «малые формы» историописания. В древнерусских рукописях встречаем самые разные краткие исторические тексты — «автобиографию» (перечисление походов и охотничьих достижений) в составе «Поучения» Владимира Мономаха (рубеж XI–XII вв.)⁴¹; выписки из летописи, посвященные основанию монастыря и смертям двух его основателей (Новгород, конец XII в.)⁴²; перевод «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора с русским про-

³⁶ См.: *Гимон Т.В.* События XI — начала XII в. С. 594–615.

³⁷ Критику гипотезы С.М. Михеева о создании перечней в Новгороде в 1070-х годах см.: Там же. С. 602–605, 610.

³⁸ Для плохо читаемого граффито № 99 предложена датировка: 1030 г.

³⁹ *Щавелев А.С.* Граффити о съезде князей на реке Желяни: вопрос датировки // Ломоносов–2001. История: Тр. науч. конф. студентов и аспирантов: Сб. тез. М., 2001. С. 3–5.

⁴⁰ Эти материалы пока не опубликованы. Ссылаюсь на доклад А.А. Гиппиуса, прочитанный им 26 декабря 2014 г. на семинаре Лаборатории лингвосомиотических исследований Высшей школы экономики.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247–252.

⁴² См.: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 291–293.

должением (XIII в.) и другие тексты, восходящие к византийским «малым хроникам»⁴³; пасхалии с летописными записями (XIV в. с вероятным протографом 1260-х годов; XV в.)⁴⁴; отдельные записи исторического содержания на книгах (с конца XIII в.)⁴⁵; и др. Нельзя исключать, что тексты, подобные названным, составлялись и в более раннее время⁴⁶. Однако прямых данных об этом, к сожалению, нет.

2. ОБЗОР ГИПОТЕЗ О НАИБОЛЕЕ РАННИХ ТЕКСТАХ

Следующая моя задача — дать обзор гипотез о том, как зародилось древнерусское летописание, как выглядели и при каких обстоятельствах появились древнейшие исторические записи на Руси. Обзор не претендует на полноту (особенно в части, касающейся трудов XIX в.), однако я постараюсь по возможности продемонстрировать многообразие выдвигающихся мнений и прокомментировать степень их обоснованности.

Представления ученых XVIII–XIX вв. Исходной точкой, конечно, является сложившееся уже к XVIII в. представление о том, что древнейший исторический памятник Руси — это «Несторова летопись» (сейчас обычно называемая ПВЛ). Ученые XVIII–XIX вв. могли по-разному определять время ее создания — т.е. момент, когда закончил работать Нестор и начали его продолжатели (конец XI в., начало XII в., 1070-е годы). По-разному отвечали и на вопрос, был ли Нестор *первым* летописателем и насколько велика вероятность наличия у него предшественников. Иногда в связи с этим вспоминали так называемую Иоакимовскую летопись — текст, цитируемый В.Н. Татищевым и якобы связанный своим происхождением с первым новгородским епископом рубежа X–XI вв. Иоакимом; впрочем, взгляд на Иоакимовскую летопись

⁴³ См.: Там же. С. 270–275.

⁴⁴ См.: Гимон Т.В. Летописные записи на пасхальных таблицах в сборнике XIV в. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 569–589; Гимон Т.В., Орлова-Гимон Л.М. Летописный источник исторических записей на пасхалии в рукописи РГБ. 304.1.762 (XV в.) // ИИ. 2014. Вып. 6. С. 54–79.

⁴⁵ См. сводное издание: Столярова Л.В. Записи исторического содержания XI–XIV веков на древнерусских пергаменных кодексах // ДГ, 1995 год. М., 1997. С. 3–79. См. также статью Л.В. Столяровой в настоящем томе.

⁴⁶ Ср. не раз высказывавшееся мнение об очень раннем появлении на Руси записей на пасхалии — впрочем, ничем пока не подтвержденное — см. отсылки: Гимон Т.В. Историописание. С. 262, примеч. 96.

часто бывал скептическим. Наконец, в связи с этим вставал вопрос о важности византийского влияния на труд Нестора⁴⁷.

С другой стороны, в XIX в. стала популярной мысль о том, что летописание берет свое начало из каких-то очень кратких заметок. Так, М.П. Погодин одним из источников Нестора считал «какие-нибудь прежние записки, церковные или монастырские, хронографические отметки и тому под.»⁴⁸. М.И. Сухомлинов говорил о древнейших «календарных заметках» X–XI вв.⁴⁹, которые он связывал с пасхальными таблицами⁵⁰. Ученый полагал, что со временем такие заметки развились в более обширную летопись (древнейшим образцом которой следует признать труд Нестора)⁵¹. Схожую мысль высказывал И.Е. Забелин: первые «годовые заметки... вносились для памяти, напр[имер], в пасхальные таблицы, или же могли для памяти вписываться при святцах, в синодиках или поминальниках, вообще в книгах церковного круга». Ученый считал, что наряду с пасхальными таблицами и святцами, вероятно, составлялись «перечни владетельных лиц» — типа «Летописца вскоре» патриарха Никифора, а также исторические заметки на свободных листах книг⁵². И.И. Срезневский полагал, что под рукой у создателя ПВЛ были «летописные заметки, хотя бы и безжизненные по изложению, бессвязные по взаимному соотношению, в том же роде как заметки древних анналистов западной Европы, но заметки погод-

⁴⁷ Из наиболее важных размышлений о Несторе, Иоакиме и т.д. см.: *Татищев В.Н.* Собр. соч. М., 1994. Т. 1. С. 107–121; *Миллер Г.Ф.* О первом летописателе Российском преподобном Несторе и его летописи и о продолжателях оныя // *Миллер Г.Ф.* Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996. С. 5–11; *Шлёцер А.-Л.* Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.Л. Шлёцером... СПб., 1809. Ч. 1. С. иі–кд; *Перевоицков В.М.* О русских летописях и летописателях по 1240 г.: Материалы для истории российской словесности. СПб., 1836. С. 26–32; *Погодин М.П.* Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839. См. обзор того, как обсуждались эти вопросы в литературе XVIII–XIX вв.: *Голубовский П.В.* Очерк истории постепенного появления главнейших вопросов по разработке летописей // Университетские известия. Киев, 1886. С. 205–210.

⁴⁸ *Погодин М.П.* Нестор. С. 89–97, цит. с. 89.

⁴⁹ *Сухомлинов М.И.* О древней русской летописи как памятнике литературном // Уч. зап. 2-го отделения Имп. акад. наук. СПб., 1856. Кн. 3. С. 2, 26, 46. (В дохристианские времена, по мнению Сухомлинова, календарные заметки могли делаться при помощи «черт и резов». — Там же. С. 2.)

⁵⁰ Там же. С. 27–45, 216.

⁵¹ Там же. С. 26, 41–51, 216–217.

⁵² *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1. С. 473–477.

ные, сделанные еще тогда, когда можно было заметить верно, когда именно случилось какое происшествие»⁵³. Ученый считал, что такие заметки уже велись во времена Игоря и Святослава⁵⁴, причем представлял себе древнейшие записи как «таблицы годов», в которых были перечислены годы правления того или иного князя и напротив некоторых лет указаны исторические события⁵⁵. Впрочем, мысль о древних кратких записях разделяли не все ученые XIX в.: например, П.Г. Бутков, полемизируя с представителями «скептической школы» (М.Т. Каченовский и др.), отказывался говорить о «монастырских записках» как об особом, отличном от дошедших до нас летописей, историографическом жанре⁵⁶.

В работах ряда ученых второй половины XIX в. (тот же И.И. Срезневский, Н.И. Костомаров, К.Н. Бестужев-Рюмин и др.) говорится о том, что наряду с краткими записями в X–XI вв. появились пространные сказания о событиях как дохристианской, так и христианской истории. Те и другие (а также византийские источники и устные предания) легли в основу ПВЛ и других дошедших до нас летописных «сборников»⁵⁷.

А.И. Маркевич (который, кстати, был одним из немногих, кто рассмотрел русские летописи в широкой сравнительно-исторической перспективе — включая памятники древневосточной, античной, византийской и западноевропейской историографии⁵⁸) так обрисовал наиболее вероятный, по его мнению, сценарий зарождения летописания на Руси:

При возникновении у нас письменности (до официального крещения. — *Т.Г.*) ...были записаны устные исторические сказания; в то же

⁵³ *Срезневский И.И.* Чтения о древних русских летописях. Чтение I–III. СПб., 1862. С. 3.

⁵⁴ Там же. С. 7.

⁵⁵ Там же. С. 11–15.

⁵⁶ *Бутков П.Г.* Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840. С. 177–187.

⁵⁷ Там же. С. 21–31; *Костомаров Н.И.* Лекции по русской истории / Сост. по записям слушателей П. Гайдебуровым. СПб., 1861. Ч. 1: Источники русской истории. С. 97–98; *Бестужев-Рюмин К.Н.* О составе русских летописей до конца XIV века: 1) Повесть временных лет; 2) Летописи южнорусские. СПб., 1868. С. II–IV, 31–48 и др.; *Он же.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 23–24; *Хрущев И.П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетий. Киев, 1878. С. 1–10 (ученый считал, что вначале возникают краткие записи, затем — сказания, а затем — повести «о давно минувшем» и своды-сборники).

⁵⁸ *Маркевич А.И.* О летописях: Из лекций по историографии. Одесса, 1883. Вып. 1. С. 3–23.

время существовали мелкие летучие заметки о каких-либо событиях с числовыми данными (например обозначение года чьей-либо смерти на надгробном памятнике и т.п.), может быть даже записанные из простого любопытства. По принятии христианства при Св. Владимире, при большем чем прежде знакомстве с византийской литературой, такие заметки и сказания (иные из них сложились уже по византийским образцам) послужили источником для древнерусской летописи, составлявшейся по образцу греческой. Когда летописная форма усвоилась, то по образцу ее и стало продолжаться ведение летописного рассказа⁵⁹.

Считая этот сценарий «гипотетическим», Маркевич, тем не менее, датировал появление первых сказаний и заметок X или даже IX, а летописи как жанра — XI в.⁶⁰

В ряде работ второй половины XIX в. появилась еще одна идея — о некоем пространным «сказании», которое излагало древнейший период русской истории и в которое позднее оказалось разбитым на годовые статьи. Следы разделения на годы подобного связного повествования отмечал в ПВЛ С.М. Соловьёв⁶¹. К.Н. Бестужев-Рюмин полагал, что один из главных источников ПВЛ — это неразделенная на годы «повесть», доведившая свое изложение до начала княжения Олега⁶². Эта идея, пусть и в несколько ином виде, стала важнейшей и для историографии XX — начала XXI в.

Первоначальное повествование, не разделенное на годы (Древнейшее сказание). В классической схеме А.А. Шахматова Древнейший свод 1039 г. — наиболее ранний из реконструируемых ученым памятников киевского летописания — не имел погодной разбивки, свойственной дошедшим до нас летописям. Согласно Шахматову, в Древнейшем своде были лишь отдельные годовые даты (не образывавшие непрерывной последовательности), да и те — только в части за середину X — начало XI в. Древнейший свод, по Шахматову, был основан на устных преданиях, некоей болгарской летописи⁶³, а также отдельных небольших текстах вроде

⁵⁹ Там же. С. 55.

⁶⁰ Там же. С. 55–58.

⁶¹ Соловьёв С.М. Соч. В 18 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 102.

⁶² Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. С. 23, 39.

⁶³ Идея о болгарском источнике русской летописи (Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 312–314) справедливо отвергается в науке (см.: Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А.А. Шахматова // ИОРЯС. Л., 1921. Т. 26. С. 53–56).

сказания о княгине Ольге, варягах-мучениках и т.д.⁶⁴ Первой переработкой Древнейшего свода был, по мнению ученого, новгородский свод 1050 г., который тоже не имел еще погодной сетки⁶⁵. У последнего имелся и местный источник — новгородская «летопись» 1017 г., продолженная в 1036 г. Ученый не высказывается определенно относительно того, имела ли эта «летопись» погодную структуру, но охватывала она, по Шахматову, сравнительно небольшой период и небольшой круг событий новгородской истории конца X — начала XI в.⁶⁶

Ряд исследователей разделял идею Шахматова о новгородском своде середины XI в., однако высказывался и скепсис на этот счет. На мой взгляд, оснований для реконструкции такого свода (равно как и предшествовавшей ему «летописи») нет — появление летописных сведений о Новгороде XI в. вполне можно объяснить и без этой гипотезы⁶⁷. Иное дело — киевский Древнейший свод. Некоторыми учеными гипотеза об этом своде была в целом принята⁶⁸, другие же, по-иному определяя дату создания и состав этого памятника, тем не менее соглашались, что у истоков киевского историописания стоял нарратив, не разбитый на годовые статьи.

Так, в схеме Д.С. Лихачёва таким нарративом является «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси», окончательно сложившееся в начале 1040-х годов⁶⁹; по гипотезе Н.К. Никольского — «Повесть о поляно-руси», доходившая как минимум до времени Владимира⁷⁰; по предположению Л.В. Черепнина — Древнейший свод 996 г., который, в свою очередь,

⁶⁴ Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 309–312. См. также шахматовскую реконструкцию текста Древнейшего свода: Там же. С. 359–430.

⁶⁵ Там же. С. 328–348, 431–449 (реконструкция текста).

⁶⁶ Там же. С. 331–342.

⁶⁷ См.: Гимон Т.В. События XI — начала XII в. С. 584–687.

⁶⁸ Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996. С. 61–64; Насонов А.Н. История. С. 34–46; Милютенко Н.И. Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод) // *Rossica antiqua*, 2006: Исслед. и мат.-лы. СПб., 2006. С. 156–169.

⁶⁹ Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 62–76, 84–85. Критику этой гипотезы Лихачёва см.: Баловнев Д.А. Сказание «О первоначальном распространении христианства на Руси». Опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 5–46.

⁷⁰ Никольский Н.К. Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930. Вып. 1. С. 31–44. Критику см.: Насонов А.Н. История. С. 16–18.

основывался на еще более ранней «Повести о полянах-руси»⁷¹; в схеме М.Н. Тихомирова — «Сказание о русских князьях» конца X в.⁷²; по гипотезе С.В. Бахрушина — «Повесть о первых русских князьях», написанная в эпоху Ярослава Мудрого⁷³; в реконструкции М.Х. Алешковского — «Начальная летопись», созданная около 1067 г.⁷⁴

Сама необходимость предполагать у истоков русского летописания связный нарратив, не имевший погодной структуры, не вызывает сомнений. В тексте ПВЛ и Н1мл. сохранилось немало следов разбивки на годовые статьи первоначально связанного текста⁷⁵. Представляется удобным называть этот текст — каковы бы ни были его состав и время создания — Древнейшим сказанием (в новейших работах он именуется либо так, либо просто «Сказанием», «древнейшим ядром», «нарративным ядром» или просто «Ядром»)⁷⁶. Слово сочетание «Древнейшее сказание» импонирует мне потому, что, с одной стороны, отсылает к шахматовскому «Древнейшему своду», а с другой — подчеркивает цельность этого первоначального памятника и его связь с устной традицией.

Важное место в дискуссии о Древнейшем сказании принадлежит работам А.А. Гиппиуса. В статье 2001 г. при помощи лингвистической стратификации (на основании распределения форм аориста глагола «речи» [сказать] — архаических типа «рѣша» и более новых типа «рекоша», — а также ряда других наблюдений) он очертил

⁷¹ Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Изв. 1948. Т. 25. С. 331–333.

⁷² Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 46–66. Идею о «Сказании о русских князьях» поддержал С.В. Цыб (Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». 2-е изд., испр. СПб., 2011. С. 42, 60; *Он же*. Хронология домонгольской Руси. Ч. 1: Киевский период. Барнаул, 2003. С. 67–70 и сл.).

⁷³ Бахрушин С.В. [К вопросу.] С. 23–29.

⁷⁴ Алешковский М.Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 63–71; *Он же*. К типологии. С. 146–154.

⁷⁵ См.: Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 83–84; Бахрушин С.В. [К вопросу.] С. 24–25; Алешковский М.Х. Повесть. С. 63–71; *Он же*. К типологии. С. 146–149; Цыб С.В. Хронология. С. 67, 70–71; Гиппиус А.А. Рекоша дружина. Р. 163; *Он же*. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 73–74; *Он же*. До и после Начального свода. С. 50 и сл.; Лукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-глебский сборник. Р., 2009. Вып. 1. С. 189–199; Добровольский Д.А. Этническое самосознание. С. 104–105.

⁷⁶ См. отчасти: Гиппиус А.А. До и после Начального свода. С. 51, 54.

примерные границы древнейшего ядра ПВЛ, которое, согласно ученому, оканчивалось описанием крещения Руси (впрочем, сильно измененным при последующих переработках текста)⁷⁷. Впоследствии, в ходе полемики с О.Б. Страховой, Гиппиус несколько уточнил и расширил свою аргументацию, но основной вывод остался прежним: в составе ПВЛ может быть реконструировано первоначальное ядро, охватывающее события IX–X вв.⁷⁸ И, хотя на собственно лингвистических основаниях датировать это ядро невозможно, Гиппиус склоняется к тому, что оно было составлено при Владимире, на рубеже X–XI вв. Ученый пишет, что создание такого текста нельзя рассматривать как грандиозное предприятие: «реконструируемый... памятник представлял собой довольно скромное сочинение, укладывавшееся в несколько пергаменных тетрадок», а для его создания «требовалось лишь осознание возможности применения славянского письма вне конфессиональной сферы, что для эпохи Владимира свидетельствуется хотя бы надписями на монетах»⁷⁹. Гиппиус определяет этот текст как письменное оформление устной традиции, в качестве литературной модели (единственно возможной на тот момент) использовавшее исторические книги Ветхого Завета⁸⁰.

К. Цукерман и С.М. Михеев, согласившись в целом с выводами А.А. Гиппиуса, предлагают датировать Древнейшее сказание чуть более поздним временем — 1016–1017 гг. — и считать, что оно доходило до статьи 6524 [1016] г.

К. Цукерман указал на четыре пассажа в тексте ПВЛ и/или Н1, которые, по его мнению, не могли быть написаны позже, чем в 1016–1017 гг.⁸¹ На мой взгляд, во всех этих случаях аргументация является косвенной и не носит обязательного характера⁸². Кроме

⁷⁷ *Гиппиус А.А.* Рекоша дружина. Р. 147–181. О том, что текст доходил до крещения Владимира: Там же. Р. 164. Это также подчеркивается: *Гиппиус А.А.* До и после Начального свода. С. 57, 61.

⁷⁸ *Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игорев...–3: Ответ О.Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2009. Vol. 17, no. 2. Р. 248–287.

⁷⁹ Там же. Р. 263, примеч. 16.

⁸⁰ Там же. Р. 272.

⁸¹ *Цукерман К.* Наблюдения. С. 199–206.

⁸² Ссылка под 980 г. ПВЛ/Н1мл. на «сельце Предъславино» может относиться не к Передславе, увезенной в Польшу в 6526 г., но к ее тезке, например, второй половины XI в. (*Милютенко Н.И.* [Рец.] // ДРВМ. 2011. № 1 (43). С. 117. — Рец. на кн.: Борисо-глебский сборник / Ред. К. Цукерман. Р., 2009. Вып. 1), а может — просто к названию сельца. Неясно, почему фраза (в прошедшем времени!) Н1 под 6524 г. «И бѣжа Святопѣлькъ въ

того, исследователь отмечает, что после статьи 6524 г. в ПВЛ и Н1мл. следует краткая статья 6525 [1017] г., достоверность и хронологическая точность которой подтверждается Титмаром Мерзбургским. По мнению Цукермана, эта статья — не что иное, как анналистическая приписка к Древнейшему сказанию⁸³. Однако анналистические записи первой половины XI в. вполне могли существовать отдельно от Древнейшего сказания, а не быть приписками к нему. К тому же известие 6525 г., скорее всего, не было *первой* такой записью⁸⁴. Следовательно, наличие этой записи не может быть аргументом в пользу того, что Древнейшее сказание доходило до предыдущего года. Также К. Цукерман придает значение тому факту, что в Н1 статьей 6524 г. заканчивается пространный текст, каковой исследователь и отождествляет, в целом, с Древнейшим сказанием⁸⁵. Однако, на мой взгляд, «граница 6524 г.» в Н1 находит себе более простое объяснение: для новгородского сводчика общая история Киева и Новгорода заканчивалась дарованием Ярославом Новгороду «правды и устава», и потому дальнейшее полное воспроизведение киевского источника просто не требовалось⁸⁶. Наконец, слова «Ярославу же сущю Новѣгородѣ» в начале статьи 6522 (1014) г., и особенно частицу «же» (читающуюся в Н1мл.), Цукерман считает признаком того, что статьи 6504 и 6522 гг. изначально логично продолжали одна другую⁸⁷. Это, конечно, справедливо, однако текст начиная со слов «Ярославу же» мог быть написан не только автором Древнейшего сказания, но и его продолжателем⁸⁸.

С.М. Михеев добавляет к аргументам К. Цукермана соображения, основанные на анализе «маркеров» — стилистических и язы-

Печѣнѣгы» должна была быть написана именно тогда, когда Святополк там находился. Точно так же не ясно, почему выражение «еже не дають» (о варяжской дани новгородцев, в Н1мл. под 6362 г.) «указывает, что... выплаты были только что прекращены» (Цукерман К. Наблюдения. С. 206); да и времени отмены выплат мы, строго говоря, не знаем. Наконец, слова «еже суть и до сего дне подь Русью» (о Червенских городах, занятых Владимиром в 981 г., ПВЛ/Н1мл.) указывают на состояние дел в момент работы летописца, но не обязательно на то, что в промежутке не было никаких «пертурбаций и смены власти» (Там же).

⁸³ Цукерман К. Наблюдения. С. 228–229.

⁸⁴ См. ниже и в статье А.В. Назаренко.

⁸⁵ Цукерман К. Наблюдения. С. 222–227.

⁸⁶ См.: Лихачёв Д.С. Софийский временник и новгородский политический переводот 1136 г. // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 263–264; Гимон Т.В. События XI — начала XII в. С. 617–618.

⁸⁷ Цукерман К. Наблюдения. С. 193–194, 198.

⁸⁸ См. примеч. 145 в статье А.В. Назаренко.

ковых примет определенных слоев текста, которые отличают текст до 6524 г. от последующего. Кроме того, Михеев полагает, что только до статьи 6524 г. встречается «разрыв текста погодной сеткой и тематическими подзаголовками»⁸⁹. Наконец, исследователь считает слова «В лѣто 6537. Мирно бысть» признаком того, что это — первая «пустая» статья «погодной летописи, которой составитель Свода Никона продолжил Древнее сказание»⁹⁰. Соображения С.М. Михеева кажутся мне более вескими, чем аргументы К. Цукермана, однако тоже нуждающимися в дальнейшем обсуждении, каковое вряд ли может быть предпринято в рамках настоящей статьи.

А.А. Гиппиус в работе 2012 г. подверг критике аргументацию К. Цукермана и С.М. Михеева⁹¹, однако несколько модифицировал и свою схему. На основе ряда текстологических соображений Гиппиус предположил, что в начале 1060-х годов, при Изяславе Ярославиче, Древнейшее сказание рубежа X–XI вв. было несколько отредактировано и продолжено описанием событий времен Ярослава Мудрого. Этот новый текст, как и Древнейшее сказание, не имел еще погодной сетки. По мнению ученого, он отчасти отразился в новгородско-софийских летописях (в статьях за 1020–1040-е годы)⁹².

Развитие дискуссии о Древнейшем сказании читатель найдет в статье А.В. Назаренко в настоящем томе. Ученый считает, что это сказание доходило в своем первоначальном виде до 990-х годов, но в уже в 1040-х было продолжено «повестью о Ярославе», охватывавшей события 1010–1040-х годов. По мнению Назаренко, это продолжение заканчивалось описанием похода на Византию 1043 г. и кратким рассказом о взаимоотношениях Ярослава с Польшей.

Итак, названные исследователи сходятся на том, что у истоков русской историографии стояло Древнейшее сказание, не разбитое на годы и созданное в эпоху Владимира или Ярослава. Вы-

⁸⁹ А.А. Гиппиус здесь возражает, что сводчик, «осуществлявший погодную сегментацию текста», для периода правления Ярослава уже располагал «аутентичными погодными записями», что существенно изменило приемы его работы (*Гиппиус А.А. До и после Начального свода*. С. 58).

⁹⁰ *Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? С. 120–122.*

⁹¹ *Гиппиус А.А. До и после Начального свода*. С. 56–60.

⁹² Там же. С. 60–61; *Гиппиус А.А. К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств: Мат-лы конф. М., 2012. С. 41–50.* На мой взгляд, в новгородско-софийских летописях скорее отразился более поздний этап киевского летописания — Начальный свод 1090-х годов (см.: *Гимон Т.В. События XI — начала XII в. С. 673–676*).

двинутые совсем недавно гипотезы предполагают, что этот текст получил дальнейшее развитие, еще не превращаясь в привычную нам летопись: был продолжен или переработан в 1060-х годах (А.А. Гиппиус) или же получил продолжение в виде «повести о Ярославле» (А.В. Назаренко).

На мой взгляд, наиболее трудной стороной дела является датировка Древнейшего сказания. Лингвистический критерий («рѣша/рекоша» и пр.) позволяет выделить древнейшую часть (за IX–X вв.), однако, во-первых, не позволяет датировать ее создание и, во-вторых, не позволяет четко определить, где эта древнейшая часть заканчивалась. А.А. Гиппиус пишет о том, что рассказ первоначально, вероятно, был доведен до крещения Руси, однако архаичные формы типа «рѣша» есть и в последующих статьях (причем в статье 6504 [996] г., рассказывающей о завершении строительства Десятинной церкви и дающей общую характеристику правления Владимира, присутствуют только они — три раза в конце статьи). Может быть, все-таки правы те, кто связывает древнейший памятник русского историописания со строительством Десятинной церкви, о завершении которого как раз и говорится под 6504 г. (Л.В. Черепнин, А.В. Назаренко)? Тем более, что до 6504 г. доходит и «летописчик» Иакова Мниха.

В то же время характеристика Владимира в статье 6504 г. оставляет ощущение написанной не при жизни князя, но позже, фиксируя некий отложившийся в исторической памяти образ «золотого века»⁹³. Разумеется, ощущение не есть доказательство. Однако тот факт, что лингвистически текст до конца X в. отличается от последующего, не обязательно означает, что Древнейшее сказание было создано при жизни Владимира. Например, оно могло быть создано при Ярославе (или даже при Ярославичах?), но двумя авторами, первый из которых, использовавший исключительно архаические формы типа «рѣша», довел изложение до времени Владимира. А может быть, граница (еще одна?) в действительности проходит по статье 6524 г., как считают К. Цукерман и С.М. Михеев? Не

⁹³ Ср. похожие мотивы в характеристике крестителя Нортумбрии короля Эдвина в «Церковной истории» Беда, написанной спустя сто лет после крещения, — см.: *Гимон Т.В.* Крещение Нортумбрии у Беда Достопочтенного и крещение Руси в «Повести временных лет» // ВЕДС-XXVI: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. М., 2014. С. 64–70. Ср. также мнение С.М. Михеева, относящего большую часть статьи 6504 г. к пластам второй половины XI в. (*Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет». С. 111).

упрощает проблему упоминание правителей соседних государств в статье 6504 г.: «И бѣ жива съ князи околними миромь, съ Болеславомь Лядьскимь, и съ Стефаномь Угрьскимь, и съ Андрихомь Чешьскимь, и бѣ мирь межю ими и любы»⁹⁴. Строго говоря, мирные отношения одновременно со всеми тремя правителями у Владимира могли быть только в 1012–1013 гг., когда Олдржих уже стал чешским князем, а с Болеславом еще не началась война⁹⁵. Следует ли из этого, что Древнейшее сказание написано именно в это время? Или, действительно, перед нами ретроспективный взгляд на «золотой век» Владимира из эпохи Ярослава?

Не буду пытаться однозначно ответить здесь на все эти вопросы. Ясно только, что из новейших исследований ПВЛ вырисовываются контуры Древнейшего сказания — связного, непогодного рассказа о ранней истории Руси, основанного главным образом на устной традиции и созданного в очень ранний период — не исключено, что в эпоху Владимира или Ярослава⁹⁶.

Отдельные письменные сказания. Я уже упоминал, что существование таких сказаний, наряду с краткими записями, предполагали многие ученые XIX в. Аналогичным образом А.А. Шахматов считал источниками Древнейшего свода 1039 г. ряд ранее записанных сказаний — о княгине Ольге, о варягах-мучениках, о Владимире, «вышегородскую запись» об убиении Бориса и Глеба⁹⁷. В недавнее время это дало повод К. Цукерману иронически охарактеризовать представления Шахматова о начале русского историописания как «первозданный хаос древних источников», над которым «возносится как твердь над хаосом» Древнейший свод (а также его новгородская переработка 1050 г.)⁹⁸. Тем не менее в работах ученых XX — начала XXI в. также не раз высказывались предположения о более древних, нежели древнейший памятник историописания, небольших текстах, носивших агиографический характер и отразившихся не только в летописях, но и в проложных сказаниях и других дошедших до нас житийных памятниках — об Ольге, Владимире, варягах-мучениках, основании Десятинной церкви

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126.

⁹⁵ См. примеч. 141 к статье А.В. Назаренко, а также: ПВЛ 1996. С. 618, примеч. 1 к с. 467.

⁹⁶ О критике А.П. Толочко идеи Древнейшего сказания см. чуть ниже, а также в разделе 3.

⁹⁷ Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 314–319.

⁹⁸ Цукерман К. Наблюдения. С. 190.

и т.д.; впрочем, во всех этих случаях датировки древнейших несохранившихся текстов проблематичны⁹⁹. В общем виде мысль о том, что агиография могла быть более ранней формой фиксации важных событий, чем летописание, высказал А.П. Толочко. По его мнению, довольно велики шансы, что древнейшие житийные произведения о Борисе и Глебе возникли раньше, чем древнейшая летопись¹⁰⁰. Напротив, С.М. Михеев считает, что в большинстве случаев (кроме «Памяти и похвалы» Иакова Мниха) известные нам агиографические памятники восходят к летописанию¹⁰¹.

Отдельно надо упомянуть гипотезу Н.И. Милютенко. По ее мнению, общим источником Древнейшего свода 1030-х годов и «Памяти и похвалы» Иакова Мниха было прижизненное сочинение («энкомий») о Владимире, доведенное до 995 г.¹⁰² Помимо прочих аргументов, исследовательница опирается на вывод А.В. Назаренко, согласно которому совпадения в характеристике Владимира в древнерусских и зарубежных источниках объясняются использованием одного и того же житийного предания, бытовавшего в первой половине XI в. в устной форме¹⁰³. Существование отдельного повествования о выборе Владимиром веры (возможно, созданного в конце X — начале XI в. в Болгарии) предполагает А. Тимберлейк¹⁰⁴. Все эти гипотезы, на мой взгляд, нуждаются в специальном обсуждении, причем особенное значение здесь имеет проблема происхождения сведений о Владимире в «Памяти и похвале»: нельзя исключать, что они восходят не пространному сочинению о Владимире, но к кратким историческим записям¹⁰⁵.

⁹⁹ См., например: *Насонов А.Н.* История. С. 22–27, 34, 46–47 (о древнейших записях Вышгорода о Борисе и Глебе и чудесах); *Турилов А.А.* Ольги житие // ДРСМ. С. 576; *Он же.* Сказание о варягах-мучениках // Там же. С. 741; *Он же.* Владимира князя жития // Там же. С. 138–139.

¹⁰⁰ *Tolochko O.P.* Christian Chronology. P. 223–224.

¹⁰¹ *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? С. 161.

¹⁰² *Милютенко Н.И.* Летописание Ярослава Мудрого. С. 168. Более подробно эта гипотеза разработана: *Она же.* Святой равноапостольный князь Владимир. С. 51–80, 93–103. Ср о возможности прижизненного текста о Владимире: *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 315–317; *Насонов А.Н.* История. С. 27.

¹⁰³ *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 435–450.

¹⁰⁴ *Timberlake A.* Point of View and Conversion Narrative: Vita Constantini and Povest' vremennykh let // *Miscellanea Slavica*: Сб. ст. к 70-летию Б.А. Успенского. М., 2008. С. 269–270.

¹⁰⁵ См. примеч. 32–34, а также в разделе 3.

Краткие анналы и идея «двух истоков» летописания. Наряду с пространными повествованиями исследователи временами стараются увидеть у истоков русского летописания и краткие погодные записи. Как уже говорилось, с них начинали разговор многие из авторов XIX в. После работ А.А. Шахматова интерес к таким записям несколько угас. В трудах ученого летописание предстало в виде череды моментов масштабной и целенаправленной работы, а тому, что наряду с такими моментами существовала еще практика ведения записей из года в год, Шахматов и его последователи уделяли сравнительно мало внимания¹⁰⁶.

Тем не менее в ряде случаев ученые XX в. всё же предполагали наличие кратких записей у истоков русского летописания. Так, сам Шахматов, вслед за А.А. Куником, возводил целый ряд кратких известий в статьях ПВЛ за 1000–1093 гг. к «княжескому помяннику», который, в свою очередь, черпал информацию из надгробных надписей¹⁰⁷. Мысль о синодике-помяннике, только не обязательно «княжеском», поддержал А.В. Назаренко, который склонен возводить к нему некоторые *дневные* даты за вторую половину X в., сохранившиеся в источниках (дату смерти Ольги, убийства варягов-мучеников, смерти Ярополка)¹⁰⁸. Существование столь раннего помянника вполне возможно, однако когда речь идет о *годовых*, а не о *дневных* датах (как в случае с известиями о смертях начала XI в. и позже). Н.И. Милютенко предполагает, что источник этих известий — серия надписей-граффити¹⁰⁹, но эту мысль следует отвергнуть по той же причине: большинство известных поминальных граффити содержат *дневные*, но не *годовые* даты¹¹⁰. Логичнее считать источником этих известий ПВЛ не помянник и не граффити, а краткую летопись (анналы), как это делают А.Н. Насонов и А.А. Гиппиус¹¹¹.

М.Х. Алешковский предложил «типологическую методику» исследования ПВЛ, суть которой состоит в том, чтобы выявить в составе этой летописи пласты, возникшие разными *способами* — в результате ретроспективного описания событий за многие годы

¹⁰⁶ Ср., однако: Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 139, 348–352.

¹⁰⁷ Там же. С. 123–124; ПВЛ 1996. С. 468.

¹⁰⁸ Назаренко А.В. Древняя Русь. С. 378–379.

¹⁰⁹ Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир. С. 79.

¹¹⁰ Бубнова М.М. Проблема классификации древнерусских граффити XI–XIV вв. (на примере надписей Киевского Софийского собора) // ИИ. 2012. Вып. 5. С. 89–90.

¹¹¹ Насонов А.Н. История. С. 51–52; Гиппиус А.А. У истоков древнерусской исторической традиции // Славянский альманах, 2002. М., 2003. С. 30. См. также ниже.

или же в форме погодных записей, ведшихся из года в год. Отдавая должное мощному «ретроспективному» пласту в ПВЛ (Алешковский считал его весь возникшим под пером автора «Начальной летописи» около 1067 г.), ученый констатировал, что с 1060-х годов в ПВЛ начинают регулярно встречаться дневные даты событий¹¹², а с 1090-х — не только дневные, но и часовые. Согласно Алешковскому, в 1060-х годах погодную летопись начали вести в окружении князя Всеволода Ярославича, а с начала 1090-х годов — в Киево-Печерском монастыре. При этом в 1060-х годах погодная летопись и непогодная «Начальная летопись» возникли независимо друг от друга, в окружении двух разных князей; объединены эти две традиции были только в киево-печерском своде 1091 г.¹¹³

А.А. Гиппиус справедливо, на мой взгляд, видит в серии кратких известий ПВЛ за 1000–1011 гг. (главным образом о смертях членов княжеской семьи) остаток кратких анналов, ведшихся при Десятиной церкви в начале XI в.¹¹⁴ Таким образом, Гиппиус, как и Алешковский, полагает, что у начального киевского летописания было два истока — пространное непогодное сказание (вне зависимости от того, каким временем его датировать) и краткие анналы¹¹⁵. В нашей с А.А. Гиппиусом совместной статье 2005 г. этот взгляд был дополнен соображениями сравнительно-исторического порядка. В частности, мы писали о том, что, возможно, продолжение Древнейшего сказания краткими записями напоминает то, как аналогичными записями была продолжена «Церковная история народа англов» Беды Достопочтенного¹¹⁶.

О том, что в Киеве на протяжении XI в. велись краткие анналы, пишет также А.П. Толочко: как он справедливо считает, иначе

¹¹² Об этом еще раньше писали: *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 291–292; *Лихачёв Д.С.* Русские летописи. С. 84–85.

¹¹³ *Алешковский М.Х.* К типологии.

¹¹⁴ *Гиппиус А.А.* У истоков. С. 30. Ср. мнение К. Цукермана: «Сводчик, несомненно, нашел эти сведения в виде подборки, возможно в приписке к богослужебной книге» (*Цукерман К.* Наблюдения. С. 197).

¹¹⁵ *Гиппиус А.А.* У истоков. С. 25–43; *Он же.* До и после Начального свода. С. 49–50. Ср. также: *Lowmiański H.* [Rec.] // *Przegląd Historyczny.* Warszawa, 1948. Т. 38. S. 284. — Rec. на ks.: *Лихачёв.* Русские летописи.

¹¹⁶ *Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М., 2005. С. 184–192. Ср. также уже цитированную мысль о том, что краткая статья 6525 (1017) г. Син. — это анналистическая приписка к Древнейшему сказанию (*Цукерман К.* Наблюдения. С. 228–229; *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? С. 122).

невозможно было бы объяснить наличие в тексте ПВЛ ряда точных датировок или таких фрагментов, как уже упомянутые статьи 1000–1011 гг.¹¹⁷ На основании исторических аналогий А.П. Толочко возвращается к идее ученых XIX в. о том, что краткие анналы могли впервые возникнуть в виде записей на пасхалиях¹¹⁸. Однако, в отличие от Алешковского и Гиппиуса, Толочко не считает правильной (и даже не комментирует) гипотезу о «двух истоках» летописания — нарративном и анналистическом. Напротив, по мнению ученого, наличие в ПВЛ таких сугубо «анналистических» фрагментов, как статьи 1000–1011 гг., доказывает, что ПВЛ не возникла путем разделения связного повествования на погодные статьи¹¹⁹. Между тем, на мой взгляд, именно идея «двух истоков» способна объяснить сосуществование в тексте ПВЛ с одной стороны, таких «анналистических» фрагментов, а с другой (особенно в тексте за X в.) — основанных на устной традиции повествований, для которых погодная сетка явно является «инородным телом»¹²⁰.

Также не раз отмечалось, что погодные записи уже в XI в. велись в Новгороде. Так, по мысли А.А. Шахматова, к новгородскому своду 1050 г. было сделано несколько анналистических приписок¹²¹. Д.С. Лихачёв полагал, что, если в Киеве летопись родилась из «сложных повествований о прошлом, к которым присоединились летописные записи», то в Новгороде, напротив, оно возникло «из постепенно накапливавшихся летописных записей, во главе которых было затем поставлено стройное повествование о начале Русской земли, перенесенное из Киева...»¹²². Летописные записи, по мнению Лихачёва, стали вестись в Новгороде уже с 1015 г.¹²³ А. Поппэ считал, что в Новгороде с 1050-х годов велись «анналистические записи (*zapiski rocznikarskie*)», а с 1108 г. — «регулярные анналы (*regularny rocznik*)»¹²⁴. С.М. Михеев считает, что крат-

¹¹⁷ Tolochko O.P. Christian Chronology. P. 207, 214–217, 227.

¹¹⁸ Ibid. P. 216–219.

¹¹⁹ Ibid. P. 216.

¹²⁰ Отрицая существование Древнейшего сказания, А.П. Толочко опирается и на ображения общего свойства (Ibid. P. 213) — об этом см. в разделе 3.

¹²¹ Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 348–350.

¹²² Лихачёв Д.С. Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952. С. 158.

¹²³ Там же. С. 164–165.

¹²⁴ Poppe A., Jakubowski W. Latopisarstwo Nowgorodu Wielkiego // SSS. 1967. Т. 1. S. 27. Ср.: Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 179.

кие записи в Новгороде стали делаться с 1070-х годов¹²⁵. На мой взгляд, вне всякого сомнения краткими анналистическими записями, делавшимися при новгородском Софийском соборе, являются шесть известий Син. о Новгороде за 1045–1079 гг., не находящих себе соответствия в ПВЛ. Первое из этих известий касается постройки каменного Софийского собора, кем-то из клириков которого записи, очевидно, и велись. Эти записи, скорее всего, представляли собой первый опыт историописания в Новгороде¹²⁶.

Большое значение для вопроса о кратких анналах имеет публикуемая в настоящем томе статья А.В. Назаренко. Ученый убедительно показывает, что целый ряд известий ПВЛ за конец X — первую половину XI в., как следует из сравнения с зарубежными источниками, хронологически точен. Даты этих событий не могли, следовательно, быть плодом реконструкций или фантазий более поздних сводчиков — они, несомненно, восходят к записям современников. Наиболее вероятно, что такие записи представляли собой краткие анналы, ведшиеся в Киеве на протяжении первой половины XI в.

Некоторые соображения в пользу ведения в XI в. в Киеве кратких анналов были высказаны и мной — при анализе текста Син. за XI в.¹²⁷ Сама форма текста Син. за XI в. (краткие известия в противоположность пространным рассказам ПВЛ) наводит на мысль, что перед нами не (или, скорее, не только) выписки из киевской Начальной летописи, но и подлинные анналистические записи¹²⁸. С некоторой долей гипотетичности можно предполагать, что многие из известий Син. за первую половину XI в. суть не что иное, как киевские краткие анналы, попавшие в Новгород в середине этого столетия (вместе с какой-то книгой для новопостроенного Софийского собора) и здесь продолженные местными записями¹²⁹. Правда, эту гипотезу ослабляет то, что из семи отмеченных А.В. Назаренко хронологически точных известий ПВЛ за

¹²⁵ Михеев С.М. Кто писал Повесть временных лет? С. 129–135.

¹²⁶ Гимон Т.В. События XI — начала XII в. С. 634–636, 685–687.

¹²⁷ Хотя формально моя статья была опубликована раньше работы А.В. Назаренко, в действительности я был уже в курсе его выводов, озвученных им в ряде устных выступлений.

¹²⁸ Мысль о первичности кратких известий Син. по сравнению с пространными рассказами ПВЛ высказывал и В.Ю. Аристов (ссылаюсь на его доклад на круглом столе журнала «Древняя Русь: Вопросы медиевистики» 15 января 2010 г.).

¹²⁹ Гимон Т.В. События XI — начала XII в. С. 634–640.

1017–1043 гг.¹³⁰ в Син. попали лишь четыре (под 1017, 1020, 1028 и 1043 гг.). Однако ниоткуда не следует, что новгородский сводчик должен был обязательно полностью воспроизвести текст киевских анналов — в любом случае его труд представляет собой выборку — да и состав самих анналов (как это часто бывает) мог варьировать в разных списках.

Как бы то ни было, скорее всего, краткие анналы велись в Киеве на всем протяжении первой половины XI в., а в Новгороде — с середины XI в. Они могли представлять собой приписки к Древнейшему сказанию, но могли быть и независимой от него формой исторических записей (например, на свободных листах какой-либо богослужебной книги или на полях пасхалии). В статье А.В. Назаренко приводится соображение в пользу независимости друг от друга Древнейшего сказания и анналов: продолжением первого выступили не вторые, но «повесть о Ярославле», в жанровом отношении подобная Древнейшему сказанию.

Краткие неанналистические записи. С.В. Бахрушин предположил, что летописанию в собственном смысле слова могли предшествовать краткие тексты, не имевшие годовых дат, однако дававшие обзор тех или иных групп событий. След одного из подобных текстов ученый усматривал в перечислении походов Владимира в «Памяти и похвале» Иакова Мниха, а также в известиях ПВЛ о походах Владимира за конец X в., след другого — в перечнях-обзорах новгородских князей и епископов XI в.¹³¹ Хотя ученым эти выводы были сформулированы чрезвычайно кратко, они заслуживают всяческого внимания. Собранные в настоящем томе сравнительно-исторические данные говорят о том, что оба эти предполагаемых типа записей — и перечень походов, и перечень правителей — находят себе аналогии среди ранних форм историописания у разных народов (см. чуть ниже). А.Н. Насонов также писал о том, что обзор правления Владимира в «Памяти и похвале» Иакова Мниха представляет собой не выписки из Древнейшего свода или какого-либо еще пространный памятник, но образец ранних исторических записей, созданных при Десятиной церкви¹³².

Русское историописание как дополнение к переводному. В.М. Истрин, хотя и считал — вполне в духе ученых XIX в., —

¹³⁰ Текст за более раннее время отсутствует в Син.

¹³¹ Бахрушин С.В. [К вопросу.] С. 18–20.

¹³² Насонов А.Н. История. С. 27–32.

что у истоков летописания на Руси стояли краткие «записи» и отдельные «сказания церковного характера»¹³³, в дальнейшем предложил такую теорию. Вначале были переведены с греческого хроники Георгия Амартола и Георгия Синкелла, затем на их основе был составлен хронограф, затем в него стали включаться известия из русской истории и, наконец, вскоре после смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) появилась первая «Повесть временных лет», «оторвавшая» собственно русскую историю от византийской. Именно в этом памятнике, по мнению Истрина, впервые появились «пустые годы», возможно — под влиянием «пустых олимпиад» в хронике Синкелла¹³⁴. Таким образом, «самостоятельные переводы привели к самостоятельным компилятивным трудам, а последние привели к составлению своей национальной истории»¹³⁵, которая выступала как противовес «возможному высокомерному взгляду греческих наставников»¹³⁶.

А.П. Толочко указывает в связи с этим на интересную аналогию: в начале XIV в. в Болгарии был выполнен перевод греческой хроники Константина Манассии (XII в.). В этом переводе были сделаны многочисленные дополнения о событиях местной, болгарской истории, в рукописях или оформленные как глоссы, или выделенные красным. Эти дополнения, подобно некоторым известиям начальных статей ПВЛ, начинаются с указания на то, во времена какого византийского императора имело место то или иное событие. Впрочем, сам А.П. Толочко отмечает гипотетичность такого сценария зарождения на Руси историописания — за отсутствием реально сохранившихся текстов¹³⁷.

Идеи о летописных записях ранее конца X в. Как уже упоминалось, мысль о ведении погодных записей уже в X в. высказывалась в ряде работ XIX в.¹³⁸ Некоторые ученые обращали внимание на то, что в Никоновской летописи XVI в. имеется целый ряд известий о событиях IX в., отсутствующих в более ранних летописях,

¹³³ *Истрин В.М.* Замечания. Т. 26. С. 81.

¹³⁴ Там же. С. 84–88, 98–102.

¹³⁵ Там же. С. 88–89.

¹³⁶ Там же. С. 91.

¹³⁷ *Tolochko O.P.* Christian Chronology. P. 222–223. Отмечу англо-саксонскую параллель: одним из первых опытов письменного осмысления истории была «Большая хроника» Беда — труд по всемирной истории, однако со значительным числом сообщений о событиях истории местной (см. в моей статье, раздел 2).

¹³⁸ Из новых работ см.: *Толочко П.П.* Русские летописи. С. 10–30

и возводили их к подлинным записям IX в. (по Б.А. Рыбакову, «летописи Аскольда»)¹³⁹. Более вероятно, однако, что уникальные известия Никоновской летописи восходят к вполне известным хронографическим источникам. Имеется также немало свидетельств тому, что создатели этого памятника, работавшие при митрополитом дворе в 1520-х годах, могли сочинять известия о древних событиях, руководствуясь при этом различными актуальными на момент их работы соображениями¹⁴⁰. Господствующей в науке (и, на мой взгляд, совершенно справедливо) является точка зрения, согласно которой никаких летописных записей ранее конца X в. на Руси не было. Древнейшей летописной датой, которая выдерживает проверку независимыми источниками (разумеется, если не считать дат, взятых летописцами из византийских хроник и договоров с Византией), является год смерти Ольги, 6477 (969) г.¹⁴¹ Эта дата не настолько отстоит от конца X в., чтобы предполагать для нее особый памятник историописания¹⁴². И наоборот, немало дат за IX–X вв. оказываются на поверку неточными, что говорит об отсутствии в руках более поздних летописцев русских письменных источников этого времени¹⁴³.

ПВЛ как первое развернутое сочинение по истории Руси. Этот взгляд представлен недавними работами Т.Л. Вилкул, А.П. Толочко и В.Ю. Аристова. Т.Л. Вилкул, во-первых, полемизирует с гипотезой о Начальном своде — отправной точкой почти всех ре-

¹³⁹ Забелин И.Е. История. С. 474–476; Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 160–173 (Рыбаков считает, что летописные записи велись в Киеве и на протяжении всего X в. — см.: Там же. С. 173–192, особенно с. 190); Толочко П.П. Русские летописи. С. 10–13.

¹⁴⁰ См.: Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 186–189; Творогов О.В. Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54–59; Лурье Я.С. История России в летописании и в восприятии Нового времени // Лурье Я.С. Россия древняя и Россия Новая. СПб., 1997. С. 66–68. О «ранних» известиях в исторических сочинениях XVI в. см.: Усачёв А.С. «Насыщенные событиями» первых веков истории Древнерусского государства в исторических сочинениях XVI в. // ВЕДС-XXIII: Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. М., 2011. С. 286–292.

¹⁴¹ См. в статье А.В. Назаренко.

¹⁴² Дата может происходить из помянника (но мог ли в нем быть указан год, а не только день смерти?) (ср. примеч. 107–111), из отдельной поминальной записи на книге, стене или месте захоронения (ср. надпись в Софийском соборе о смерти Ярослава Мудрого — см. в статье М.М. Дробышевой), но могла и сохраняться в церковной или придворной традиции до момента появления в конце X или начале XI в. Древнейшего сказания или начала ведения кратких анналов.

¹⁴³ Бахрушин С.В. [К вопросу.] С. 16–18.

конструкций А.А. Шахматова и его последователей, и, во-вторых, обосновывает мысль о том, что все заимствования из византийских источников, обнаруживаемые в Начальной летописи, сделаны одной рукой — рукой создателя ПВЛ¹⁴⁴. Исследовательница считает ПВЛ «Начальной летописью» в буквальном смысле, хотя не исключает возможности существования более ранних исторических записей¹⁴⁵. Если в центре внимания Т.Л. Вилкул стоят конкретные вопросы летописной текстологии, то в работах А.П. Толочко и В.Ю. Аристов критикуется возможность «расслоения» ПВЛ как таковая. Исследователи предлагают рассматривать ее как авторскую, единовременно составленную «хронику» начала XII в. При этом они допускают существование ранних исторических записей (кратких анналов XI — начала XII в. и т.п.), а также не исключают, что работа автора ПВЛ заняла длительное время и состояла из нескольких этапов¹⁴⁶. На мой взгляд, при всех остроумных замечаниях, взгляд А.П. Толочко и В.Ю. Аристов не убедителен: они, выразив в общем виде скепсис по отношению к трудам А.А. Шахматова и его последователей, не предложили детального разбора всех тех наблюдений, на которых базируется мнение о постепенном сложении ПВЛ. А таких наблюдений очень много — помимо сопоставления ПВЛ и Н1мл. (здесь скептики отсылают к трудам ученых, спорящих с шахматовской гипотезой о Начальном своде, прежде всего к работам Т.Л. Вилкул), это и следы погодной разбивки изначально связного текста, и обороты типа «и до сего дня» (указывающие на 1060–1070-е годы, а может быть, и на более раннее время¹⁴⁷), и лингвистическая гетерогенность текста, и др. Поэтому идея о ПВЛ как о единовременной, авторской «хронике», которой предшествовали лишь краткие исторические записи,

¹⁴⁴ Вилкул Т.Л. Літопис і хронограф. С. 6–7, 100–239. См. также статью Т.Л. Вилкул в настоящем томе.

¹⁴⁵ Вилкул Т.Л. Літопис і хронограф. С. 7. Ср. также ее мысль о том, что в Син. мог быть «использован Святополчий свод, предшествовавший ПВЛ» (Вилкул Т.Л. «И седе... Кыеве» (К характеристике одного из источников Новгородской первой летописи старшей редакции) // ВЕДС-ХV: Автор и его текст. М., 2003. С. 39).

¹⁴⁶ Толочко А.П. Перечитывая приписку Сильвестра; Tolochko O.P. Christian Chronology. P. 205; Аристов В.Ю. Свод, сборник или хроника? (О характере древнерусских летописных памятников) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 1. С. 105–111, 114–117.

¹⁴⁷ См.: Каргер М.К. К характеристике древнерусского летописца // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Вып. 11. С. 59–71.

правдоподобная в свете сравнительно-исторических данных¹⁴⁸ (ср. ситуацию в Польше и Чехии, где хроникам начала XII в. предшествовали краткие анналы¹⁴⁹), тем не менее вряд ли состоятельна в свете изучения самой ПВЛ¹⁵⁰.

3. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Начну с более или менее очевидного. Памятники раннего русского историописания, при всем их своеобразии¹⁵¹, находят себе многочисленные сравнительно-исторические параллели. Так, наиболее близкую аналогию ПВЛ (в ее «классическом» виде) составляет чешская латиноязычная хроника Козьмы Пражского (доведена до 1125 г.) — тоже построенная по анналистическому принципу, с «пустыми годами», но тоже, несмотря на это, дающая связное и литературное изложение истории своего государства¹⁵². Русское летописание в целом, как жанр, находит себе аналогию во всех анналистических традициях мира¹⁵³, однако наиболее близкую, как кажется, в Англо-Саксонской хронике. Последняя, как и русское

¹⁴⁸ К сравнительным аргументам А.П. Толочко я вернусь чуть ниже.

¹⁴⁹ См. в статьях А.В. Назаренко и А.С. Щавелева.

¹⁵⁰ Совсем недавно, в 2015 г., появилась новая книга: *Толочко А.П. Очерки начальной Руси*. Киев; СПб., 2015. В ней автор продолжает и развивает свои мысли относительно того, что у ПВЛ не было сводов-предшественников, а ее создатель довольно произвольно конструировал прошлое. В рамках настоящей статьи дать развернутый отклик на эту книгу уже невозможно, но я надеюсь сделать это в самое ближайшее время в отдельной публикации.

¹⁵¹ Традиционно древнерусское историописание сопоставляется в первую очередь с византийским, что неизбежно приводит к выводу об оригинальности первого (см., например: *Likhachev D.S. Byzantium and the Emergence of an Independent Russian Literature // Literature and Western Civilization. The Medieval World*. L., 1973. P. 181). Однако, несмотря на важность византийского влияния, аналогии русскими летописям можно и нужно искать не только в Византии (ср., например: *Гунтус А.А. Древнерусские летописи в зеркале западноевропейской анналистики // Славяне и немцы: Средние века — раннее Новое время: Сб. тез. 16 конф. памяти В.Д. Королюка*. М., 1997. С. 24–27; *Tolochko O.P. Christian Chronology*. P. 208–209). И наоборот: *типологическое* сопоставление древнерусского историописания с византийским вряд ли корректно, поскольку в Византии уже существовала многовековая и весьма развитая историографическая традиция.

¹⁵² См.: *Козьма Пражский. Чешская хроника / Вступит. ст., пер. и коммент. Г.Э. Санчука*. М., 1962. См. также в статьях А.В. Назаренко и А.С. Щавелева в настоящем томе.

¹⁵³ Те или иные формы погодного изложения событий существовали у очень многих народов — см. в предисловии и большинстве статей настоящего тома.

летописание, представляет собой совокупность родственных анналистических текстов, отражающих разветвленную традицию, для которой характерно сосуществование «пустых лет», кратких погодных записей, развернутых нарративов, а иногда и текстов, казалось бы чуждых анналам в жанровом отношении (поэтических, документальных и т.д.)¹⁵⁴. Древнерусские хронографы — вещь довольно своеобразная, однако в какой-то степени они могут быть сопоставлены с любыми всемирно-историческими компиляциями, каковых, например, довольно много породило западноевропейское Средневековье¹⁵⁵. Перечни правителей встречаются практически повсеместно. Сравнительные аналогии могут быть найдены и другим «малым формам» историописания.

Однако здесь нас интересует вопрос о том, как зародилось древнерусское историописание и как выглядели его древнейшие формы. На этот вопрос сравнительные данные однозначного ответа дать не способны, однако могут предоставить важный материал к размышлению.

Простая интуиция как будто подсказывает, что, если историописание развивалось «с нуля», оно должно было постепенно из кратких и «примитивных» записей «дорости» до пространных и концептуальных повествований. Именно так, как говорилось выше, представляли себе зачатки русского летописания многие из историков XIX в.; из этого же как из аксиомы исходит в уже цитированной выше работе А.П. Толочко. Он полагает, что нарративное, сюжетное историческое сочинение не могло появиться «с нуля» в обществе, где письменная культура делала только свои первые шаги. Наоборот, появление такого текста должно было стать итогом длинного пути развития, отражением определенного уровня сложности литературы. Помочь первым историописателям могли бы иностранные образцы, однако, как считает Толочко, им не были доступны тексты на греческом или латинском языках, а переводы византийских хроник были использованы позже, уже когда летописный жанр на Руси сложился. Как считает ученый, первые опыты историописания на Руси были лапидарными, и лишь со временем они развились в пространный текст, в котором были использованы и иностранные источники, —

¹⁵⁴ См.: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 96–170, 497–536 и др. (а также коротко в моей статье в этом томе).

¹⁵⁵ *Водолазкин Е.Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV вв.). 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2008. С. 24–25.

ПВЛ начала XII в.¹⁵⁶ Насколько справедлив такой взгляд? Действительно ли у истоков русского историописания должны были стоять исключительно краткие тексты?

Именно так дело обстояло в тех странах, где письменность развивалась спонтанно, постепенно, а не под влиянием соседних, уже письменных культур, — в Месопотамии, Египте, Китае. При этом от момента возникновения первых записей о событиях до появления сколько-нибудь развернутых и систематических памятников историописания могли пройти столетия, а иногда и тысячелетия. Так, в Шумере в середине III тыс. до н.э. появились царские надписи, в которых указывались достижения конкретного царя; в конце III тыс. до н.э. был создан «Шумерский царский список» — текст не слишком пространный, однако систематически излагавший всю историю «от начала»¹⁵⁷; даже «царские анналы» и «хроники» Ассирии первой половины I тыс. до н.э.¹⁵⁸ — это еще не историографические нарративы, подобные античным или средневековым. В Древнем Египте историописание было представлено исключительно «малыми формами» вплоть до эллинистического времени, т.е. на протяжении более чем двух с половиной тысяч лет¹⁵⁹. В Китае краткие записи о событиях, связанные с культовыми потребностями, списки правителей и другие «малые формы» возникли раньше, чем «анналы», «анналы» — раньше, чем «хроники», а последние, в свою очередь, появились на несколько сот лет раньше, чем «Исторические записки» Сыма Цяня¹⁶⁰.

В этих культурах Древности эволюция историописания, в общем, шла по направлению от записи *текущих* событий (часто связанной с культовыми потребностями) к *ретроспективному обзору* исторических событий за длительный период (в большей степени имевшему политическое значение). В чистом виде этот переход описан в статье М.Ю. Ульянова: от «анналов» на бамбуковых планках и других материалах, записи в которых делались в ходе ритуала непосредственно после того или иного события, к их ретроспективным сводам-переработкам — «хроникам» (и далее к еще более разверну-

¹⁵⁶ Tolochko O.P. Christian Chronology. P. 213–215, ср. также p. 221.

¹⁵⁷ См. в предисловии и: Michalowski P. Early Mesopotamia // The Oxford History of Historical Writing. Oxford, 2011. Vol. 1. P. 5–28.

¹⁵⁸ См. статью А.А. Красовой.

¹⁵⁹ См. статью А.А. Банщиковой и: Baines J. Ancient Egypt // The Oxford History of Historical Writing. Oxford, 2011. Vol. 1. P. 53–75.

¹⁶⁰ См. статью М.Ю. Ульянова.

тым текстам). Примерно то же можно увидеть в Месопотамии (от votивных надписей к царским спискам, росписям лет или «царским анналам», т.е. обзору событий за всё правление царя). По аналогии с этими процессами логично и для Руси представить себе такую картину: от летописи как текущих *погодных записей* (или кратких анналов) к ретроспективному *летописному своду*.

Однако Древняя Русь относится к культурам другого типа: письменная традиция здесь сформировалась под влиянием извне и развивалась достаточно стремительно. Если для большей части X в. данных о письменных практиках у нас практически нет, то уже в конце X — начале XI в. (т.е. сразу после крещения) здесь появляются школы, богослужебные книги (ср. Новгородскую псалтырь — навощенные таблички рубежа X–XI вв. с текстом псалмов), монеты и печати с надписями, возможно — некоторые юридические тексты и др. Спустя полстолетия, в середине XI в., мы видим уже сложившуюся традицию книгописания, целый ряд оригинальных литературных сочинений, законы, берестяные письма и деловые документы, а также многочисленные надписи-граффити¹⁶¹. Отсюда очевидно, что и историографическая традиция могла сформироваться на Руси достаточно быстро и не обязательно должна была проходить те же этапы, что и в классических письменных культурах Древности.

Очевидно, что Русь следует скорее сопоставлять не с этими древними культурами, но с теми из государств на периферии средневековой Европы, которые возникли не на остатках Римской империи, но в стороне от нее (или же, как англо-саксонские королевства, на территории, входившей ранее в империю, но без прямой культурной преемственности). В англо-саксонских королевствах, Польше, Чехии или Венгрии, отчасти — в Скандинавии¹⁶², как и на Руси,

¹⁶¹ См.: *Gippius A. Birchbark Literacy and the Rise of Written Communication in Early Rus' // Epigraphic Literacy and Christian Identity: Modes of Written Discourse in the Newly Christian European North. Turnhout, 2012. P. 225–236.*

¹⁶² В Скандинавии на протяжении ряда столетий, предшествовавших христианизации, известно руническое письмо. Сфера его применения была ограниченной, однако некоторые рунические надписи начиная с IV–V вв., фиксирующие значимые события, могут рассматриваться в качестве ранней формы историописания (см.: *Мельникова Е.А. Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // Историческая память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 182–208*). У англо-саксов руническое письмо тоже использовалось еще до христианизации, однако надписей сохранилось совсем мало и они не имеют ничего общего с историописанием (см. примеч. 2 к моей статье в настоящем томе).

письменная культура была в основном заимствована извне — вместе с христианством и церковными институтами.

Во многих из этих стран достаточно рано появляются пространственные нарративы, в которых история молодого государства сознательно вписывается в историю мира и христианства. При этом в разной пропорции могут сочетаться, с одной стороны, христианские мотивы и история местной церкви, а с другой — династическая история, уходящая корнями в языческие времена и основанная на дохристианской устной традиции. Если в «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного главным образом речь идет о становлении церкви и местных подвижниках, о королях рассказывается меньше, а о королях языческого времени — совсем мало (хотя и этот пласт у Беды представлен), то польская хроника Галла Анонима и чешская хроника Козьмы Пражского в большей степени посвящены политической истории (и в этом смысле ближе к русской Начальной летописи). К сравнению, конечно же, могут быть привлечены и другие «варварские истории» — возникавшие в новых государствах, появившихся на развалинах Римской империи (сочинения Иордана, Григория Турского, Павла Диакона и др.), однако там имело место более сложное переплетение культурных влияний и историографических традиций¹⁶³. В странах Скандинавии (уже после христианизации, с XII в.) появляются развернутые исторические нарративы, отражающие в разных пропорциях европейские влияния и местную устную традицию; при этом, как показывает Е.А. Мельникова¹⁶⁴, для многих из них структурообразующей оказывается генеалогия, т.е. историческая традиция, восходящая к дохристианскому времени. Из рассмотренных в настоящем томе европейских стран только в Ирландии появлению связанных исторических нарративов предшествовали столетия существования одних только кратких форм историописания — генеалогий, анналов, исторических поэм и др., — однако Ирландия представляет уж слишком особый случай в плане как политической, так и культурной истории.

Авторами первых пространственных повествований об истории молодого государства могли выступать как уроженцы этой страны

¹⁶³ См. отсылки к важнейшим работам: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 18–19, примеч. 36–37; 210, примеч. 314. Попытку сопоставить ПВЛ/Древнейшее сказание и сочинение Беды Достопочтенного см.: Там же. С. 210–216. Ср. возражение в статье А.С. Щавелева, примеч. 44.

¹⁶⁴ См. ее статью в настоящем томе.

(Беда, Козьма Пражский [?], Сэмунд Мудрый, Ари Мудрый, Свен Агессен — причем Козьма, Сэмунд, Свен получили образование за границей), так и иностранцы (Галл Аноним). Эти тексты могут составляться как на латыни (т.е. языке обширной историографической традиции — Беда, Галл Аноним, Сэмунд Мудрый, Свен Агессен), так и на языке своей страны (Ари Мудрый и другие ранние скандинавские историописатели). На мой взгляд, и происхождение автора, и язык сочинения — признаки важные, но в данном случае не принципиальные. Пожалуй, только в Скандинавии первым историкам можно было выбирать, на каком языке составлять свой труд. В большинстве же упомянутых стран единственной опцией была латынь¹⁶⁵, на Руси — церковнославянский язык. Важнее сама потребность элиты (и не в последнюю очередь церкви) молодого государства зафиксировать на письме историю его становления и его место в мировой истории. При этом, естественным образом, для первого основным источником становится устная традиция, а для второго — заимствованные тексты.

Древнейшее сказание вполне вписывается в этот ряд текстов (причем речь идет именно о Древнейшем сказании как о связанном повествовании, а не о ПВЛ, вероятно, представляющей собой результат синтеза этого сказания и анналистической традиции¹⁶⁶). Автором Древнейшего сказания, несомненно, был уроженец Руси¹⁶⁷ — иное оставило бы какие-то следы в языке ПВЛ. Но «куратором» этого сочинения мог быть, как предполагает А.С. Щавелев (по аналогии с Галлом Анонимом), грек или прошедший «византийскую школу» болгарин¹⁶⁸. Возможность такого «кураторства», на мой взгляд, полностью снимает сомнение А.П. Толочко, касаю-

¹⁶⁵ В ранних англо-саксонских королевствах письмо на древнеанглийском языке существовало, но почти еще не заходило в сферу церковной книжности и литературы (что произошло позже, в конце IX в. — см. в моей статье в настоящем томе).

¹⁶⁶ А.А. Гиппиус отмечает, что сочинения Козьмы Пражского и Галла Анонима «не обнаруживают в повествовании о языческих временах той композиционной сложности и литературной гетерогенности, которая свойственна ПВЛ и которая как раз и заставляет предполагать постепенность складывания ее нарративной составляющей» (*Гиппиус А.А. До и после Начального свода. С. 50, примеч. 15*).

¹⁶⁷ Ср. определение Н.И. Милютенко автора Древнейшего свода как представителя первого поколения духовенства, обученного в основанной Владимиром школе детей «нарочитой чади» (*Милютенко Н.И. Летописание Ярослава Мудрого. С. 167*).

¹⁶⁸ См. статью А.С. Щавелева в настоящем томе.

щееся отсутствия у гипотетического автора Древнейшего сказания доступа к богатой историографической традиции.

Однако остается всё же сомнение хронологического свойства. В Нортумбрии, Польше, Чехии, Дании, Норвегии и Исландии между христианизацией и созданием первых известных нам пространственных памятников историописания проходило не менее 100 лет. Сравнительно-типологические данные, таким образом, подкрепляют гипотезу о Древнейшем сказании, однако склоняют в пользу его более поздней, нежели эпоха Владимира, датировки¹⁶⁹. Впрочем, вопрос этот должен решаться в первую очередь на основании данных анализа самого текста.

Между прочим, Древнейшее сказание находит себе еще одну неожиданную типологическую параллель — в Армении. Здесь во второй половине V в. н.э. создается развернутый нарратив о национальной истории — «Бузандаран». Его автор(ы) пользовались некоторыми иностранными историческими сочинениями, однако главным образом зафиксировали на письме эпическую устную историю своей страны. Этот памятник посвящен в основном политической истории (тогда как история церкви в нем представлена отдельными сказаниями) и не имеет хронологической сетки. «Авторы (редакторы)... пользовались армянским переводом Библии и писали на армянском языке, насыщенном живой, народной речью, простонародными выражениями и идиомами» (см. в статье В.А. Арутюновой-Фиданян). Похожими характеристиками, по-видимому, обладало и киевское Древнейшее сказание. «Бузандаран» был создан довольно скоро после изобретения армянского алфавита (начало V в.) и появления литературы на национальном языке. (Однако надо оговориться, что Армения была христианизирована еще в начале IV в., а письменная культура, использовавшая другие языки и системы письма, существовала здесь еще раньше.)

Сопоставление с иностранным материалом показывает и другое. У истоков историописания, как правило, находятся не только обширные тексты, но и какие-либо краткие формы историописания, выполняющие несколько другие функции. Прежде всего речь идет о кратких погодных записях — анналах. Так, краткая анналистика

¹⁶⁹ А.А. Гиппиус, настаивающий на создании Древнейшего сказания при Владимире, указывает на ряд других достижений письменной культуры в это время (*Gimnius A.A. Рекоша дружина*. Р. 177, примеч. 33). Разумеется, ни это, ни, наоборот, основанный на сравнительно-исторических данных хронологический скепсис не могут быть решающими аргументами.

стояла у истоков историописания в Польше и Чехии¹⁷⁰. В Нортумбрии (см. мою статью) краткие анналы *возможно* предшествовали труду Беда Достопочтенного и *несомненно* сопровождали его появление и последующее распространение в рукописях (Беда поместил в конце своей «Церковной истории» краткий перечень событий с датами — «анналы», которые затем получали различные продолжения).

Ведение кратких анналов в Киеве в первой половине XI в. в свете аргументов А.В. Назаренко представляется несомненным. Решение вопроса об их соотношении с Древнейшим сказанием зависит от датировки последнего, каковая, на мой взгляд, пока проблематична. Анналы могли быть отдельной традицией (как предполагает А.В. Назаренко), но могли и возникнуть как серия приписок к Древнейшему сказанию (подобно «анналам» — продолжениям «Церковной истории» Беда). Второе, однако, возможно только в том случае, если мы датируем само Древнейшее сказание эпохой Владимира.

Еще одной весьма ранней формой историописания у многих народов оказываются перечни правителей. Так, в Нортумбрии уже до Беда существовали списки королей с указанием продолжительности их правления, причем перечни эти имели до какой-то степени официальный характер, коль скоро *принималось решение* об исключении из них королей-вероотступников. На примере ряда неевропейских обществ (Шумер, Египет и др.) мы видим, что перечни правителей — одна из наиболее ранних форм историописания, хотя и не обязательно самая ранняя. Иногда ранние перечни носят характер обзоров, содержащих краткие сведения о каждом правителе (например, надпись на китайском сосуде X в. до н.э.¹⁷¹ или «Перечень Инглингов»¹⁷²).

Для Руси, как уже было сказано, есть основания говорить о появлении перечней князей и епископов в Новгороде в конце XI в., причем наиболее древний пласт в этих текстах как раз и имеет характер таких обзоров¹⁷³. Данных о киевских перечнях у нас нет. Хронологический расчет, приводимый в ПВЛ под 6362 (854) г. и являющийся в какой-то мере перечнем князей, основан на датах самой ПВЛ

¹⁷⁰ См. в статьях А.В. Назаренко и А.С. Щавелева.

¹⁷¹ См. примеч. 31 к статье М.Ю. Ульянова.

¹⁷² См. статью Е.А. Мельниковой.

¹⁷³ См. примеч. 36.

(т.е. составлен уже в начале XII в.), хотя, по мнению А.В. Назаренко, из общего ряда выбиваются указания на продолжительность правлений Ярополка и Владимира Святославичей, имеющие более древнее происхождение¹⁷⁴. В любом случае этого недостаточно, чтобы говорить о ранних киевских перечнях князей. Сама последовательность князей-Рюриковичей, конечно же, присутствовала в исторической памяти, но, вполне вероятно, лишь в устной форме¹⁷⁵. Эта традиция могла сохранять и сведения о продолжительности правлений, но определенно говорить об этом трудно.

Я уже ссылаясь выше на мысль С.В. Бахрушина и А.Н. Насонова о том, что одним из самых ранних образцов историописания на Руси мог быть перечень деяний Владимира Святого, отразившийся в «Памяти и похвале» Иакова Мниха¹⁷⁶. К перечислению военных походов, а также строительных предприятий, сводятся многие из статей ПВЛ за время правления Владимира и Ярослава (статьи 981–985, 989–996, 1030–1032, 1038–1043 гг.). Некоторую аналогию перечню Иакова Мниха составляет перечисление военных и охотничьих достижений Владимира Мономаха, входящее в состав его «Поучения»¹⁷⁷. «Автобиография» Мономаха отличается от текста Иакова Мниха — в ней не приводятся годы, изложение ведется от первого, а не от третьего лица, — но, тем не менее, в обоих случаях перед нами перечисление военных предприятий конкретного правителя.

Перечисление достижений правителя — характерная для многих народов архаическая форма историописания. Например, обзоры военных и строительных достижений характерны для шумерских царских надписей¹⁷⁸. Чрезвычайного развития достиг этот жанр в Ассирии, где так называемые анналы представляли собой развернутое описание деяний царя, составленное от первого лица¹⁷⁹ (с которыми, кстати, «автобиография» Мономаха уже сопо-

¹⁷⁴ См. примеч. 139 к его статье в настоящем томе.

¹⁷⁵ См. сопоставление характеристик ранних правителей в ПВЛ и «Саге об Инглингах» Снорри Стурлусона, восходящих к устной традиции: Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // ДГ, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 48–92.

¹⁷⁶ См. примеч. 34.

¹⁷⁷ См. примеч. 41.

¹⁷⁸ Cooper J.S. Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions. New Haven (Co.), 1986. P. 8–11.

¹⁷⁹ См. в статье А.А. Красовой.

ставлялась¹⁸⁰). Схожим было содержание надписей древнетюркских правителей¹⁸¹. Надписи о деяниях царя существовали в Китае и Мезоамерике¹⁸². Поэтому кажется возможным, что и на Руси в конце X — XI в. могли появиться подобные росписи походов и других деяний (Владимира, Ярослава и т.д.). Они, конечно, могли составлять часть кратких анналов (наряду с известиями о смертях и др. событиях), однако не исключено, что «Память и похвала» Иакова Мниха отражает первоначальный вид таких записей, организованных по годам правления, а не по годам от Сотворения мира. Именно из такой росписи могут происходить даты походов Владимира, достоверность которых подтверждается независимыми данными¹⁸³.

Наконец, стоит остановиться на том, каких форм раннего историописания *не было* на Руси. В первую очередь, речь может идти о генеалогиях. Хотя русские летописи изобилуют генеалогическими сведениями, тексты, специально посвященные родословию князей (или кого бы то ни было еще), не известны ранее XV в.¹⁸⁴ В древнейший период (XI в.) это может объясняться тем, что поколений княжеского рода от Рюрика до, скажем, Ярослава или Изяслава было еще немного, и их не требовалось записывать¹⁸⁵. Однако для более позднего времени, когда княжеский род стал обширным и разветвленным, а родственные связи и вопросы старшинства, несомненно, играли огромную роль, отсутствие специальных генеалогических росписей кажется странным — особенно на фоне сравнительно-исторических данных¹⁸⁶. Оставалась ли генеалогия на Руси эпохи Раздробленности целиком в сфере изустного знания, или же генеалогические росписи до нас просто не дошли, сказать невозможно.

¹⁸⁰ Иванов Вяч. Вс. Типология автобиографического поучения царя как жанра // Славяноведение. 2004. № 2. С. 69–79.

¹⁸¹ См. в статье С.Г. Кляшторного.

¹⁸² См. в статьях М.Ю. Ульянова и Д.Д. Беляева.

¹⁸³ См. в статье А.В. Назаренко о датах походов на Польшу, Корсунь и хорватов.

¹⁸⁴ Древнейший пример — генеалогии русских князей в статьях, предшествующих Комиссионному списку №1, которые В.Л. Янин датирует 1423 г. (Янин В.Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // ЛХ, 1980. М., 1981. С. 158–159).

¹⁸⁵ И даже так: князья вели свой род от сравнительно недавно «призванных» варягов, а не от какого-то древнего первопредка, как в англо-саксонских королевствах или Скандинавии.

¹⁸⁶ Ср. в статьях М.Ю. Ульянова, Н.Ю. Живловой, Т.В. Гимона, Е.А. Мельниковой.

4. ВЫВОДЫ

Почти все наши представления о зачатках древнерусского историописания до сих пор остаются гипотетичными. Тем не менее о нескольких моментах можно, на мой взгляд, говорить довольно уверенно. Во-первых, на Руси в очень раннюю эпоху (как считает ряд исследователей, при Владимире, однако, вполне возможно, при Ярославе или даже позже) было составлено сравнительно пространное сочинение, излагавшее историю государства и династии и зафиксировавшее на письме исторические представления, ранее бытовавшие лишь изустно. Во-вторых, уже с начала XI в. в Киеве начали вестись краткие анналистические записи. В-третьих, эти два истока во второй половине XI в. породили синкретическую форму историописания, ставшую на несколько веков основной для Руси, — летописи. В-четвертых, вероятно появление на Руси уже в первой половине XI в. переводов византийских исторических сочинений, которые, несомненно, повлияли на формирование древнерусской историографии. В-пятых, в эпоху Ярослава возник текст, в котором эксплицитно объяснялось место Руси в мировой истории, — «Слово о законе и благодати» Илариона. Наконец, в-шестых, кажется вероятным существование в первой половине XI в. каких-то еще «малых форм историописания», например подобных летописчику, организованному по годам княжения Владимира и включенному в состав «Памяти и похвалы» Иакова Мниха. В дальнейшем (с середины — второй половины XI в.) есть основания говорить и о других «малых формах» — исторических надписях на стенах киевской Софии, перечнях-обзорах (в Новгороде) и др.

Итак, временем зарождения историописания на Руси оказывается первая половина XI в. или, самое раннее, рубеж X–XI вв. Имеющиеся данные не позволяют дать ясных и однозначных ответов те вопросы, которые были поставлены в предисловии к настоящему тому. Тем не менее выскажусь коротко по каждому из них.

1) Когда, на каком этапе становления государственности возникает историописание? Речь должна идти о рубеже X–XI вв. или первой половине XI в., т.е. о времени вскоре после официального принятия Русью христианства. Что касается развития самой государственности, то здесь, конечно, все процессы происходят постепенно, но именно в XI в., а точнее — в эпоху Ярослава и Ярославичей, мы впервые видим писанные законы (Краткая Правда), а в них — упоминания княжеского суда и различных должностных

лиц. Следовательно, именно в это время Киевская Русь становится ранним государством в его классическом варианте¹⁸⁷.

2) Как выглядят наиболее ранние формы историописания? Какие тексты возникают раньше других: краткие перечни и суммы, развернутые нарративы, что-то еще? Как формируется многообразие жанров историописания? Скорее всего, у истоков древнерусского историописания стоял, с одной стороны, развернутый нарратив об истории государства, а с другой — краткие погодные записи (анналы) и, возможно, росписи событий по годам правления правителя. Какой из этих двух истоков русской историографии появился раньше — вопрос пока не решенный. Во второй половине XI в., с одной стороны, складывается жанр летописи, соединивший эти два «начала», — магистральная форма русской историографии на несколько сот лет, — а с другой, появляется целый ряд «малых форм» историописания.

3) Кто выступает инициатором составления первых такого рода текстов? Какова роль государства (церкви и т.д.) в этом процессе? Точного ответа на эти вопросы у нас нет. Несомненно, что древнейшие формы историописания возникли в среде духовенства. Достаточно вероятно, что местом составления Древнейшего сказания была Десятинная церковь в Киеве. Однако об инициативе в этом деле высшего духовенства, и тем более княжеской власти, можно говорить лишь «из общих соображений». Из них такая инициатива, конечно же, выглядит вероятной.

4) Как соотносятся при этом внутренние потребности и внешние влияния? В какой мере создатели первых памятников историописания действуют «по образцам»? Насколько такие образцы необходимы для возникновения историописания? Эти вопросы чрезвычайно сложны применительно к Руси. Очевидно, что историописание появилось здесь тогда, когда начала более или менее широко внедряться письменная культура, а это, в свою очередь, проходило в связи с христианизацией и под мощным византийским и южнославянским влиянием. И конечно же, среди текстов, в славянских переводах появившихся на Руси, были и исторические — библейские книги, переводы хроник Георгия Амартола, Иоанна Малалы и

¹⁸⁷ Крадин Н.Н. Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 228–229. Определенные данные о становлении аппарата управления уже в середине — второй половине XI в. дают новгородские берестяные грамоты (№ 247, 607/562, 902, 907 и др. — см.: <www.gramoty.ru>).

др., которые, несомненно, оказали влияние на ранние опыты русского историописания. Вопрос о том, какие конкретно переводные тексты и на каком этапе были использованы летописцами (или повлияли на них), — один из самых трудных, но в то же время перспективных для исследования (поскольку здесь существуют реальные тексты, которые можно сопоставлять). Последней работой на эту тему является монография Т.Л. Вилкул, которая склоняется к тому, что хроники Амартола и Малалы были использованы одним автором — создателем ПВЛ в начале XII в.¹⁸⁸ Исследовательница в деталях показывает, как древнерусский летописец пользовался переводными хрониками и как те повлияли на его стиль, характерные обороты и т.п.¹⁸⁹ О библейских цитатах и аллюзиях в начальном летописании тоже писали немало¹⁹⁰. Коль скоро мы принимаем гипотезу о Древнейшем сказании, наверное, стоит согласиться с мнением А.А. Гиппиуса о том, что на это сказание в его наиболее ранней форме повлиял только один переводной источник — библейские книги¹⁹¹. Впрочем, учитывая неопределенность датировки Древнейшего сказания и неоднозначность «расслоения» текста ПВЛ, вопрос остается открытым. В любом случае, ориентация на библейские и хронографические тексты не объясняет своеобразия древнерусского летописания как жанра: его погодной структуры¹⁹², его «несимметричности» — чередования «анналистических» записей, повествований, имеющих фольклорную основу, фрагментов, близких к агиографии, и др.¹⁹³

Также нельзя исключать влияния западных соседей Руси. Есть данные о разнообразных связях и взаимовлияниях Руси и таких стран, как, например, Польша, Чехия и Венгрия, особенно в XI в. Возможность таких взаимовлияний была обусловлена не только соседством, но и типологическим сходством недавно христианизиро-

¹⁸⁸ Вилкул Т.Л. Літопис і хронограф. С. 100–239. См. также статью Т.Л. Вилкул в настоящем томе.

¹⁸⁹ Вилкул Т.Л. Літопис і хронограф. С. 173–179 и др.

¹⁹⁰ См., например: Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 91–111 и др.

¹⁹¹ См. примеч. 80.

¹⁹² Мысль о влиянии на русские летописи структуры византийской хроники Георгия Синкелла, в которой были «пустые олимпиады» (*Истрин В.М.* Замечания. Т. 26. С. 88), остается не более чем догадкой.

¹⁹³ Отмечалось, однако, что и в хронике Амартола пространные повествования легко сочетаются с краткими сообщениями (*Милютенко Н.И.* Летописание Ярослава Мудрого. С. 169; *Аристов В.Ю.* Свод, сборник или хроника? С. 110–111).

рованных государств¹⁹⁴. Есть данные и о конкретных текстах, попавших на Русь от западных соседей¹⁹⁵. Нельзя исключать и «заимствования практики» — например, практики ведения кратких анналов, известной в Польше и Чехии¹⁹⁶, хотя здесь вполне вероятно и чисто типологическое сходство.

Как бы то ни было, ни Древнейшее сказание (как оно реконструируется), ни летописный жанр (как мы его знаем со второй половины XI в.) не созданы «по образцам»: речь должна вестись о сложном симбиозе внешних влияний, внутренних потребностей и инициативы конкретных грамотных людей.

5) Как соотносятся на начальных этапах становления историописания письменное и устное? Устная историческая традиция была важнейшим источником раннего историописания на Руси, и этому посвящен целый ряд исследований¹⁹⁷. Очень важно, что устные источники были использованы не только создателем Древнейшего сказания, но и последующими компиляторами, причем в ряде случаев мы знаем, что уже в самой устной традиции конкурировали разные версии тех или иных событий (происхождение Кия, место крещения Владимира и др.), а историописатели были вынуждены выбирать и определять свою позицию¹⁹⁸. Это означает, что на протяжении XI — начала XII в., а вероятно и позже, устная традиция и историописание продолжали свое сложное взаимодействие.

6) Как соотносится возникновение историописания и появление других видов текстов (для христианских стран, например, агиографии)? Если верно отнесение древнейших образцов русского историописания к рубежу X–XI или первой половине XI в., то можно сказать, что исторические записи появляются на Руси в числе первых пись-

¹⁹⁴ См.: *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 594–600. О тесных контактах Руси с западными соседями в XI в. свидетельствует состав памятней в месяцесловах (*Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 72).

¹⁹⁵ *Турилов А.А., Парамонова М.Ю.* Вацлава и Людмилы жития // ДРСМ. С. 108–110; *Флоря Б.Н.* Сказание о предложении книг на славянский язык // Там же. С. 743 (в последнем случае речь идет о тексте, вошедшем в состав ПВЛ [под 6406 (898) г.], западнославянское происхождение которого достаточно вероятно).

¹⁹⁶ *Гитцус А.А.* Древнерусские летописи. С. 24–27.

¹⁹⁷ *Мельникова Е.А.* Устная традиция в Повести временных лет: К вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 153–165; *Она же.* Историческая память в устной и письменной традициях; *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях: Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

¹⁹⁸ *Щавелев А.С.* Славянские легенды. С. 92–96.

менных текстов. Кроме богослужебных книг (в наличии которых сомневаться не приходится), в начале и первой половине XI в. известны записи законов (Древнейшая Правда), первые берестяные грамоты, надписи на монетах, печатях, цилиндрах-пломбах и др.¹⁹⁹ Что касается агиографических памятников, то их древнейшая история не менее гипотетична, чем древнейшая история летописания, но существует вероятность того, что какие-то, пусть небольшие, агиографические тексты были составлены уже в конце X — начале XI в.²⁰⁰

7) Может ли появление такого феномена, как историописание, рассматриваться как знак определенного уровня развития политического образования? Насколько обязательно возникновение историописания в обществе определенного уровня сложности? На Руси зарождение историописания достаточно четко соотносится, с одной стороны, с христианизацией и распространением письма, а с другой — с переходом к новой стадии ранней государственности. Насколько эта картина типична, сказать трудно — материалы, собранные в этом томе, говорят, скорее, о разнообразии того, как и в какое время в разных обществах появляются исторические записи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абрамович Д.И.* Отрывок из хроники Иоанна Малалы в Златоструе XII века // Сб. ст. в честь акад. А.И. Соболевского, изданный к 70-летию со дня его рождения Академией наук по почину его учеников. Л., 1928. С. 19–24.
- Акентьев К.К.* «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси: Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН И.П. Медведева. СПб., 2005. С. 116–151.
- Алешковский М.Х.* Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.
- Алешковский М.Х.* К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1975. М., 1976. С. 133–167.
- Анисимова Т.В.* О фрагментах хроники Георгия Амартола в Успенском сборнике рубежа XII–XIII вв. и в учительной части Пролога // Хризостом: Сб. ст. к юбилею Г.З. Быковой. М., 2003. С. 44–56.

¹⁹⁹ О древнейших этапах распространения письма на Руси см.: *Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010; *Girnius A.* Vichbark Literacy; *Рождественская Т.В.* Эпиграфические памятники на Руси в эпоху становления государственности // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 489–513.

²⁰⁰ См. примеч. 99–104.

- Анисимова Т.В.* Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009.
- Аристов В.Ю.* Ранне літописання про уличів, древлян и Свенельда (до дискусії навколо ідей О.О. Шахматова) // Український історичний журнал. 2011. № 6. С. 172–182.
- Аристов В.Ю.* Свод, сборник или хроника? (О характере древнерусских летописных памятников) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 1. С. 105–126.
- Артамонов Ю.А., Милютенко Н.И.* Иаков Мних // ДПСМ. С. 536–546.
- Баловнев Д.А.* Сказание «О первоначальном распространении христианства на Руси». Опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 5–46.
- Бахрушин С.В.* [К вопросу о достоверности Начального свода] // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1987. С. 15–35.
- Бестужев-Рюмин К.Н.* О составе русских летописей до конца XIV века: 1) Повесть временных лет; 2) Летописи южнорусские. СПб., 1868.
- Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1.
- Бубнова М.М.* Проблема классификации древнерусских граффити XI–XIV вв. (на примере надписей Киевского Софийского собора) // ИИ. 2012. Вып. 5. С. 79–91.
- Бутков П.Г.* Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840.
- Вилкул Т.Л.* «И седе... Кыеве» (К характеристике одного из источников Новгородской первой летописи старшей редакции) // ВЕДС-ХV: Автор и его текст. М., 2003. С. 36–40.
- Вилкул Т.Л.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2003. Vol. 11. P. 5–35.
- Вилкул Т.Л.* Краткий Троицкий хронограф конца XIV — начала XV вв. // *Ruthenica*. Київ, 2007. Т. 6. С. 366–396.
- Вилкул Т.Л.* Иудейский и Софийский хронографы в истории древнерусской хронографии // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2009. Vol. 17, no. 2. P. 65–86.
- Вілкул Т.Л.* Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. Київ, 2015.
- Водолазкин Е.Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеинового повествования XI–XV вв.). 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2008.
- Галицько-Волинський літопис: Дослідження. Текст. Коментар / За ред. М.Ф. Котляра; Координатор вид. В.А. Смолій. Київ, 2002.
- Гимон Т.В.* Летописные записи на пасхальных таблицах в сборнике XIV в. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 569–589.
- Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.

- Гимон Т.В.* События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 584–703.
- Гимон Т.В.* Крещение Нортумбрии у Беды Достопочтенного и крещение Руси в «Повести временных лет» // ВЕДС-XXVI: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. М., 2014. С. 64–70.
- Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М., 2005. С. 174–200.
- Гимон Т.В., Орлова-Гимон Л.М.* Летописный источник исторических записей на пасхалии в рукописи РГБ. 304.1.762 (XV в.) // ИИ. 2014. Вып. 6. С. 54–79.
- Гиппиус А.А.* Древнерусские летописи в зеркале западноевропейской анналистики // Славяне и немцы: Средние века — раннее Новое время: Сб. тез. 16 конф. памяти В.Д. Королюка. М., 1997. С. 24–27.
- Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игоревы...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // RL. 2001. Vol. 25. P. 147–181.
- Гиппиус А.А.* У истоков древнерусской исторической традиции // Славянский альманах, 2002. М., 2003. С. 25–43.
- Гиппиус А.А.* Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 56–96.
- Гиппиус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44; 2008. № 2. С. 3–24.
- Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игоревы...–3: Ответ О.Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.), 2009. Vol. 17, no. 2. P. 248–287.
- Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 37–63.
- Гиппиус А.А.* К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств: Мат-лы конф. М., 2012. С. 41–50.
- Голубовский П.В.* Очерк истории постепенного появления главнейших вопросов по разработке летописей // Университетские известия. Киев, 1886. С. 205–210.
- Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
- Добровольский Д.А.* Этническое самосознание древнерусских летописцев XI — начала XII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 586–617.
- Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1.

- Зимин А.А.* Память и похвала Иакова Мниха князю Владимиру и житие князя Владимира по древнейшему списку // Кратк. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1963. Вып. 37. С. 66–75.
- Иванов Вяч. Вс.* Типология автобиографического поучения царя как жанра // Славяноведение. 2004. № 2. С. 69–79.
- Истрин В.М.* Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А.А. Шахматова // ИОРЯС. Л., 1921. Т. 26. С. 45–102; Л., 1924. Т. 27. С. 207–251.
- Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе: Репринт. изд. мат-лов / Вступит. ст., подгот. изд. и прил. М.И. Чернышевой. М., 1994.
- Каргер М.К.* К характеристике древнерусского летописца // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Вып. 11. С. 59–71.
- Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
- Козьма Пражский.* Чешская хроника / Вступит. ст., пер. и коммент. Г.Э. Санчука. М., 1962.
- Костомаров Н.И.* Лекции по русской истории / Сост. по записям слушателей П. Гайдебуровым. СПб., 1861. Ч. 1: Источники русской истории.
- Крадин Н.Н.* Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 211–239.
- Лихачёв Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Лихачёв Д.С.* Софийский временник и новгородский политический перевод 1136 г. // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 240–266.
- Лосева О.В.* Русские месящесловы XI–XIV веков. М., 2001.
- Лурье Я.С.* История России в летописании и в восприятии Нового времени // Лурье Я.С. Россия древняя и Россия Новая. СПб., 1997. С. 11–172.
- Маркевич А.И.* О летописях: Из лекций по историографии. Одесса, 1883. Вып. 1.
- Мельникова Е.А.* Устная традиция в Повести временных лет: К вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 153–165.
- Мельникова Е.А.* Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // ДГ, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 48–92.
- Мельникова Е.А.* Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // Историческая память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 180–222.
- Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
- Миллер Г.Ф.* О первом летописателе Российском преподобном Несторе и его летописи и о продолжателях оных // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996. С. 5–14.

- Милотенко Н.И.* Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод) // *Rossica antiqua*, 2006: Исслед. и мат.-лы. СПб., 2006. С. 156–169.
- Милотенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие источники. СПб., 2008.
- Милотенко Н.И.* [Рец.] // *ДРВМ*. 2011. № 1 (43). С. 112–121. — Рец. на кн.: Борисо-глебский сборник / Ред. К. Цукерман. Р., 2009. Вып. 1.
- Молодован А.М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.
- Назаренко А.В.* О времени написания «Слова о законе и благодати» Илариона // *ВЕДС–XVII: Проблемы источниковедения*. 2005. Ч. 1. С. 121–123.
- Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969.
- Никольский Н.К.* Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930. Вып. 1.
- Новгородская харатейная летопись / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1964.
- Пеев Д.П.* Новые данные о времени и месте перевода хроники Георгия Амартола // *ЛХ*, 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 13–38.
- Перевошиков В.М.* О русских летописях и летописателях по 1240 г.: Материалы для истории российской словесности. СПб., 1836.
- Погодин М.П.* Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839.
- Присёлков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996.
- Присёлков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002.
- Рождественская Т.В.* Эпиграфические памятники на Руси в эпоху становления государственности // *ДГ*, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 489–513.
- Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963.
- Соловьёв С.М.* Соч. В 18 кн. М., 1988. Кн. 2.
- Срезневский И.И.* Чтения о древних русских летописях. Чтение I–III. СПб., 1862.
- Стефанович П.С.* «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russorum?* // *ДГ*, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 514–583.
- Столярова Л.В.* Записи исторического содержания XI–XIV веков на древнерусских пергаменных кодексах // *ДГ*, 1995 год. М., 1997. С. 3–79.
- Сухомлинов М.И.* О древней русской летописи как памятнике литературном // Уч. зап. 2-го отделения Имп. акад. наук. СПб., 1856. Кн. 3. С. 1–230.
- Татищев В.Н.* Собр. соч. М., 1994. Т. 1.

- Творогов О.В.* Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 3–26.
- Творогов О.В.* Хроника Иоанна Малалы // СККДР. Вып. 1. С. 471–474.
- Творогов О.В.* Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54–59.
- Тихомиров М.Н.* Начало русской историографии // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 46–66.
- Толочко А.П.* Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // *Ruthenica*. Київ, 2008. Вип. 7. С. 154–165.
- Толочко А.П.* Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015.
- Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003.
- Турилов А.А.* Ольги житие // ДРСМ. С. 576.
- Турилов А.А.* Сказание о варягах-мучениках // ДРСМ. С. 741.
- Турилов А.А.* Владимира князя жития // ДРСМ. С. 138–139.
- Турилов А.А., Парамонова М.Ю.* Вацлава и Людмилы жития // ДРСМ. С. 108–110.
- Усачёв А.С.* «Насыщение событиями» первых веков истории Древнерусского государства в исторических сочинениях XVI в. // ВЕДС-XXIII: Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. М., 2011. С. 286–292.
- Флоря Б.Н.* Сказание о преложении книг на славянский язык // ДРСМ. С. 743.
- Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010.
- Хрущёв И.П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетий. Киев, 1878.
- Цукерман К.* Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-глебский сборник. Р., 2009. Вып. 1. С. 183–305.
- Цыб С.В.* Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». 2-е изд., испр. СПб., 2011.
- Цыб С.В.* Хронология домонгольской Руси. Ч. 1: Киевский период. Барнаул, 2003.
- Черепнин Л.В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 293–333.
- Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002–2003. Т. 1, кн. 1–2.
- Шлёцер А.-Л.* Нестор: Русские летописи на древлеславенском языке, списанные, переведенные и объясненные А.Л. Шлёцером... СПб., 1809. Ч. 1.
- Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях: Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.
- Янин В.Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // ЛХ, 1980. М., 1981. С. 153–181.

- Baines J.* Ancient Egypt // The Oxford History of Historical Writing. Oxford, 2011. Vol. 1. P. 53–75.
- Cooper J.S.* Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions. New Haven (Co.), 1986.
- Gippius A.* Birchbark Literacy and the Rise of Written Communication in Early Rus' // Epigraphic Literacy and Christian Identity: Modes of Written Discourse in the Newly Christian European North. Turnhout, 2012. P. 225–250.
- Guimon T.V.* What Events Were Reported by the Old Rus' Chroniclers? // COLLeGIUM: Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences. Helsinki, 2015. Vol. 17. P. 92–117 (<https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/153792/VOL17_05_guimon.pdf?sequence=1>).
- Likhachev D.S.* Byzantium and the Emergence of an Independent Russian Literature // Literature and Western Civilization. The Medieval World. L., 1973. P. 163–190.
- Lowmiański H.* [Rec.] // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1948. T. 38. S. 279–284. — Rec. na ks.: *Лихачёв Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Michalowski P.* Early Mesopotamia // The Oxford History of Historical Writing. Oxford, 2011. Vol. 1. P. 5–28.
- Ostrowski D.* The Načal'nyj svod and the Povest' vremennykh let // RL. 2007. Vol. 31. P. 269–308.
- Poppe A., Jakubowski W.* Latopisarstvo Nowgorodu Wielkiego // SSS. 1967. T. 1. S. 27–28.
- Timberlake A.* Point of View and Conversion Narrative: Vita Constantini and Povest' vremennykh let // Miscellanea Slavica: Сб. ст. к 70-летию Б.А. Успенского. М., 2008. С. 256–272.
- Tolochko O.P.* Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' // Historical narratives and Christian identity on a European periphery: Early history writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200). Turnhout, 2011. P. 207–229.

Timofey V. Guimon

ON THE BEGINNINGS OF HISTORICAL WRITING IN OLD RUS

The paper consists of four chapters. The first one contains an overview of the earliest extant forms of historical writing in Kievan Rus. These include: *letopisi* (annalistic chronicles, including the *Primary Chronicle*, or *Povest' vremennykh let*, of the 1110s), translations of Byzantine chronicles and compendia (*khronographs*) based on them (the latter, perhaps, do not belong

to the earliest forms of historiography), the mid-eleventh-century *Sermon on Law and Grace* of Metropolitan Hilarion (which includes historical reflections), the quasi-annalistic notes on Saint Vladimir in one of his early lives by Jacob the Monk, the 'historical' *graffiti* on the walls of the churches (the earliest ones date from the mid-eleventh century), the Novgorodian lists of princes and bishops (probably based on proto-lists of the 1090s), and some other minor forms of historical records.

The second chapter is an overview of the hypotheses expressed by scholars on the beginnings of historical writing in Rus. The most discussed one is the hypothesis of the so-called *Earliest Tale*, or 'narrative (non-annalistic) nucleus' of the *Primary Chronicle*. The hypothesis as such is convincing, but the date and the exact limits of this text are subject to debate and still problematic. This early narration could be created in Saint Vladimir's time, early in the eleventh century, but more probably in the time of Yaroslav the Wise (1016–1054) or even later. Another idea (and again very convincing one) is that of brief annals kept in Kiev during the first half of the eleventh century. These annals later, in the second half of the same century, were combined with the 'narrative nucleus' and gave birth to annalistic chronicles as we know them. Some other ideas on the form of the earliest historical records in Rus also are reviewed, including the likely hypothesis that Jacob the Monk's quasi-annals reflect a very early brief description of Vladimir's reign. The view at the *Primary Chronicle* of the 1110s as the earliest extended historical work in Rus is criticized.

The third chapter is dedicated to a comparative approach to the problem. One can find parallels to any of the early Rus historical writings but the problem is what the earliest, non-extant ones looked like. In ancient societies (Sumer, Egypt, China), where writing had developed independently and was not imported (as in Rus), brief records (such as royal inscriptions, annals of liturgical significance, king-lists, etc.) preceded comprehensive historiographical works for centuries or even millenia. But when we look at societies which (as Rus) received writing with conversion (Anglo-Saxon kingdoms, Poland, the Czechs, partly Scandinavia) we find an opposite picture: in these countries there were extended historical narrations which aimed to place a newly converted country and its dynastic past into the history of the world. The hypothetical *Earliest Tale* fits well this tendency. But in the countries mentioned the chronological distance between the conversion and the creation of such a historiographical work was not less than 100 years. Thus, it seems that the *Earliest Tale* must be dated later than Vladimir's reign to allow some chronological distance between it and the conversion of Rus in 988. The comparative material shows also that it is very probable that there were some early brief forms of historical writing, such as annals, lists of princely deeds etc. The absence of early written genealogies in Rus is, however, striking.

The fourth chapter contains conclusions. The beginnings of historical writing in Rus are still obscure, but one can be more or less sure that the first texts were, on the one hand, a coherent narrative on the early history of Rus and, on the other hand, brief annals. This time was an important period in the formation of the state in Rus when the court institutionalized and written laws appeared. The question of the status of the first historical writing as well of the role of influences from abroad also are discussed.

Key words: Old Rus, historical writing, annalistic writing, the *Primary Chronicle*, the *Earliest Tale*, annals, chronicles, comparative approach

Т.Н. Джаксон

РАННЕЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ СКАНДИНАВСКИХ
СТРАН: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

(по поводу коллективной монографии Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200) / Ed. by Ildar N. Garipzanov. Turnhout: Brepols, 2011. XIII, 292 p.)

Перед читателем — развернутая рецензия на опубликованную в 2011 г. коллективную монографию под редакцией И. Гарипзанова «Исторические нарративы и христианская идентичность на европейской периферии: Раннее историописание в Северной, Восточно-Центральной и Восточной Европе (ок. 1070–1200)». Целью этого тома было представить по возможности полный обзор основных раннеисторических нарративов, созданных на северной и восточной периферии Европы примерно с 1070 по 1200 г., и преимущественно сфокусировать внимание на их роли в конструировании христианской идентичности в первые века после принятия христианства. К сожалению, избранные тематика и источниковый материал не позволили нарисовать единообразную картину данного процесса. И виной этому не только состояние современных национальных историографий, что справедливо отмечается в написанном редактором введении, но и некоторые недочеты исходного замысла. Сомнительной, в частности, видится априорная уверенность в том, что во всяком памятнике раннего историописания должна обнаружиться установка на формирование христианской идентичности и/или определение автором своего отношения к дохристианскому (=языческому) прошлому. Вместе с тем нельзя не согласиться с редактором в том, что подобная полифония помогает нам лучше понять как средневековую книжную культуру, так и современные медиевистические исследования.

* Работа выполнена по гранту ОИФН РАН (проект: «Становление государственной инфраструктуры и идеологии в античном и средневековом мире»)

На взгляд рецензента, раннесредневековая историография четко делится не по языковому признаку: латынь — народный язык (как в книге), а по историко-географическому: датская, шведская (о которой в этой книге почему-то не было сказано ни слова) и исландско-норвежская, единая по своим корням (т.к. остров в Атлантике был заселен по преимуществу норвежцами), но представленная разными жанрами письменности, выделившимися вследствие глубочайших различий в социальной структуре двух государств (королевство в Норвегии со святыми королями и «народовластие» в Исландии со святыми епископами). Стратегии выражения (формулирования) христианской идентичности в древнескандинавских нарративах, как демонстрирует сборник, весьма разнообразны. Несмотря на отдельные недочеты, рецензируемая монография представляется очень цельным, ценным и заслуживающим высокой оценки трудом большой группы крупных специалистов и знатоков тех раннесредневековых источников, о которых в ней идет речь.

Ключевые слова: Средние века, историописание, Скандинавия, Норвегия, Исландия, Дания, христианство, язычество

В 2011 г. Ильдар Гарипзанов, в то время сотрудник Центра средневековых исследований в Бергенском Университете¹, опубликовал — в качестве редактора — очередную² коллективную монографию под названием «Исторические нарративы и христианская

¹ Center for Medieval Studies (CMS) в Бергенском Университете (название дано мною по-английски, поскольку центр всегда позиционировал себя как англоязычный) успешно функционировал с 2003 г., но, к сожалению, к концу 2012 г. свое существование прекратил (о центре см., например: <http://www.forskningradet.no/en/Newsarticle/When_Norway_became_part_of_Europe/1253981626193> [29.04.2013]). И.Х. Гарипзанов был здесь исследователем, а также руководителем проекта «The 'Forging' of Christian Identity in the Northern Periphery» («Формирование христианской идентичности на северной периферии»).

² Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe / Ed. I.H. Garipzanov, P.J. Geary, P. Urbanczyk. Turnhout, 2008. (Cursor mundi; 5). (<<http://brepols.metapress.com/content/pm13h767wrg7065j/fulltext.pdf>>); Saints and their lives on the periphery: Veneration of saints in Scandinavia and Eastern Europe (c. 1000–1200) / Ed. I.H. Garipzanov, H. Antonsson. Turnhout, 2010. (Cursor mundi; 9). (<<http://brepols.metapress.com/content/u2330102651137w5/fulltext.pdf>>); Early Christianity on the Way from the Varangians to the Greeks / Ed. I.H. Garipzanov, O. Tolochko. Kiev, 2011. (Ruthenica. Supplementum; 4). (<http://histans.com/JournALL/ruthenica/ruthenica_2011_suppl4/ruthenica_2011_suppl4.pdf>).

идентичность на европейской периферии: Раннее историописание в Северной, Восточно-Центральной и Восточной Европе (ок. 1070–1200)»³. «Все статьи этого тома были написаны как ответ на некий общий набор вопросов, обсуждавшихся на совместном семинаре, проходившем в Киеве в 2008 г.», — говорится во Введении (С. 11)⁴. Я не случайно начала эту рецензию с упоминания редактора, поскольку мне сейчас предоставляется возможность публично выразить свою высокую оценку той издательско-редакционной стратегии, которую избрал и провел в жизнь И.Х. Гарипзанов: выпущенные им книги включают материалы организованных им конференций, но в то же время являются результатом очень жесткого отбора и подчинения всех публикуемых материалов творческому замыслу редактора-составителя. При том, что я отмечаю продуктивность такого метода работы, ниже мне придется сформулировать свое несогласие с редактором этого тома по целому ряду конкретных вопросов.

Целью рецензируемого тома было представить по возможности полный обзор основных раннеисторических нарративов, созданных на северной и восточной периферии Европы примерно с 1070 по 1200 г., и преимущественно сфокусировать внимание на их роли в конструировании христианской идентичности в первые века после принятия христианства. К сожалению, избранные тематика и источниковый материал не позволили нарисовать единообразную картину данного процесса. И виной этому не только состояние современных национальных историографий, что справедливо отмечается в написанном редактором Введении, но и некоторые недочеты исходного замысла. Вместе с тем нельзя не согласиться с И.Х. Гарипзановым в том, что подобная полифония помогает нам лучше понять как средневековую книжную культуру, так и современные медиевистические исследования (С. 11).

Книга организована нестандартно: она состоит из первой главы и четырех частей, содержащих главы со второй по тринадцатую,

³ Historical narratives and Christian identity on a European periphery: Early history writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200) / Ed. I.H. Garipzanov. Turnhout, 2011. (Medieval texts and cultures of Northern Europe; 26) (<<http://brepols.metapress.com/content/n8j3t3285m540324/fulltext.pdf>>).

⁴ Здесь и далее при прямом цитировании ссылки на страницы книги — в скобках непосредственно в тексте.

а также из уже упомянутого Введения⁵, на нескольких моментах которого стоит остановиться подробнее. Прежде всего, И.Х. Гарипзанов уточняет здесь хронологические и географические рамки исследования. Северная, Восточно-Центральная⁶ и Восточная Европа приняли христианство в X или начале XI в. В первую очередь, это было крещение королей, принцев, князей и прочих правителей. Центры христианства совпадали с центрами политической власти.

⁵ Introduction: *Ildar H. Garipzanov*. History Writing and Christian Identity on a European Periphery.

Chapter 1. *Ildar H. Garipzanov*. Christianity and Paganism in Adam of Bremen's Narrative.

PART ONE. Early Scandinavian Historical Narratives in Latin.

Chapter 2. *Michael H. Gelting*. Two Early Twelfth-Century Views of Denmark's Christian Past: Ailnoth and the Anonymous of Roskilde.

Chapter 3. *Lars Boje Mortensen*. *Historia Norwegie* and Sven Aggesen: Two Pioneers in Comparison.

Chapter 4. *Sverre Bagge*. Theodoricus Monachus: The Kingdom of Norway and the History of Salvation.

PART TWO. Early Scandinavian Historical Narratives in Old Norse.

Chapter 5. *Theodore M. Andersson*. The Two Ages in *Ágrip af Nóregs konunga sǫgum*.

Chapter 6. *Else Mundal*. *Íslendingabók*: The Creation of an Icelandic Christian Identity.

Chapter 7. *Jonas Wellendorf*. Whetting the Appetite for a Vernacular Literature: The Icelandic *Hungrvaka*.

PART THREE. Early Historical Narratives in East-Central Europe.

Chapter 8. *Zbigniew Dalewski*. A New Chosen People? Gallus Anonymus's Narrative about Poland and its Rulers.

Chapter 9. *János M. Bak*. Christian Identity in the *Chronicle of the Czechs* by Cosmas of Prague.

Chapter 10. *László Veszprémy*. More paganism: Reflections on the Pagan and Christian Past in the *Gesta Hungarorum* of the Hungarian Anonymous Notary.

PART FOUR. Early Historical Narratives in Eastern Europe.

Chapter 11. *Oleksiy P. Tolochko*. Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus'.

Chapter 12. *Donald Ostrowski*. Pagan Past and Christian Identity in the *Primary Chronicle*.

Chapter 13. *Timofey V. Guimon*. Christian Identity in the Early Novgorodian Annalistic Writing.

⁶ Термин «East-Central Europe» не пользуется популярностью в нашей литературе, в то время как в западной историографии он широко распространен в последние два десятилетия и применяется для обозначения стран, лежащих между странами с немецкоговорящим населением и Россией. В геополитическом смысле Восточно-Центральная Европа может быть противопоставлена Восточной и Западной как одна из «Трех Европ» (см.: *Braudel F. Préface // Szucs J. Les trois Europes*. P., 1990).

Первые памятники национального историописания были созданы на протяжении XII в., т.е. на век (или более того) позже официального принятия христианства. Для духовенства и для представителей светской элиты, включенных в эти процессы, христианские ритуалы, а также письменный и литургический дискурсы были направлены на определение внутрigrупповой христианской идентичности и ее противопоставление внешним группировкам, таким как язычники, иудеи или те, кто отказался от христианства. Первые христианские исторические тексты, созданные в этих странах, играли важную роль в процессе формирования идентичности, хотя применявшиеся в них стратегии часто значительно варьировались. И.Х. Гарипзанов описывает основные стратегии, которые могли использовать авторы рассматриваемых в книге текстов. Во-первых, это — конструирование дихотомии «христиане–другие»: блистательное христианство сменяет недостойное языческое прошлое. Во-вторых, «языческий» период предавался забвению: либо он был представлен как не имеющий исторического значения; либо вообще замалчивался, а автор фокусировал внимание на усилиях первых христианских правителей по обращению своего народа в христианство и на последующем времени. В-третьих, языческое прошлое правящей христианской династии, на службе у которой находился автор, тоже преподносилось в позитивном свете: при этом, конечно же, подчеркивалась христианская природа этих правящих династий и их близость к Богу.

Безусловно права рецензент книги, Анна Адамска из Университета Утрехта, утверждающая, что главный недостаток книги — отсутствие общего заключения, которое позволило бы подтвердить или опровергнуть некоторые априорные утверждения, высказанные во Введении⁷. Действительно, даже в собственной главе И.Х. Гарипзанова об Адаме Бременском, 1070-е годы (гл. 1), описывается совсем иная стратегия средневекового автора, нежели простое конструирование дихотомии «христиане–другие»: историческое повествование не создается за счет противопоставления языческого прошлого и христианского настоящего — они показаны как сосуществующие, и их конфликт должен быть разрешен в недале-

⁷ The Medieval Review, 10-08-12 // <<https://scholarworks.iu.edu/dspace/handle/2022/14635>> (24.04.2013): «Our main regret concerns the absence of a general conclusion, which would enable a verification of some of the assumptions, expressed a priori in the introduction».

ком будущем полной победой христианства. У Галла Анонима в «Хронике и деяниях польских князей», 1110-е годы, тоже есть своя специфика (Збигнев Далевски, гл. 8): поляки — христиане, и, как все христиане, они — избранный народ, но их христианство — особого свойства, потому что Польша должна играть особую роль в Божественных планах, ибо она окружена языческими народами, и поляки, богоизбранный народ, должны сражаться против них во благо всего христианского сообщества. Анонимный автор «Деяний венгров», 1200–1210 гг. (Ласло Веспреми, гл. 10), также применяет иную стратегию: он никогда не называет венгров язычниками; он только приходит к умозаключению, что в эпоху св. Стефана потомки героев повествования обратились в христианство, ведомые своим первым королем (после 1000 г.). Таким образом, «Деяния венгров» были попыткой написать историю венгров-язычников, включенных в историю христианизации, как будто они только и ждали, когда произойдет их крещение; и в этом автор преуспел. Скажем, в «Краткой истории датских королей» Свена Аггесена и анонимной «Истории Норвегии» (Л.Б. Мортенсен, гл. 3) авторы не просто преподнесли языческое прошлое правящей христианской династии в позитивном свете, а в столь правдоподобной манере интегрировали до-христианскую историю в историю христианскую, что не позволили себе и намека на то, что имеют дело с мифическими или недостоверными историями. А вот Теодорик Монах (С. Багге, гл. 4) и вовсе повел себя так, как и не предположил заранее И.Х. Гарипзанов: он сфокусировал свое внимание на религиозном значении событий, а не на самих событиях; он создал светскую историю с религиозной интерпретацией.

По мнению И.Х. Гарипзанова, при всем различии нарративных стратегий, ранние памятники историописания с северо-восточной периферии христианской Европы могут изучаться вместе как типологически схожие тексты: вне зависимости от языка, на котором это было написано, каждый автор-клирик стремился включить свое местное прошлое в устоявшуюся христианскую национальную идею и представить свой регион, «нацию» или правящую династию как неотъемлемую часть Града Божьего. Как подчеркивает И.Х. Гарипзанов, сочинения, включенные в этот том, «типологически отличаются от второй волны историописания в этих странах», когда такие авторы, как Саксон Грамматик в Дании, Винцентий Кадлубек в Польше и Снорри Стурлусон в Исландии, развили совсем иное отношение к дохристианскому прошлому, стремясь оправдать

его не-христианские черты, и как результат — инкорпорировали в свое повествование «славные языческие времена» (С. 3). Обратившись далее к поднимающей эти вопросы работе Л.Б. Мортенсена, И.Х. Гарипзанов заимствует у него идею о «первой» и «второй волнах» историописания, а также небольшую цитату: «вторая стадия начинается в Дании ок. 1170 г., ок. 1200 г. в Венгрии и в начале XIII в. в Норвегии», но не оборвав предложения, формулирует свой вывод («это выдвигает 1200 год как приблизительный “водораздел” такого изменения в Северной, Восточно-Центральной и Восточной Европе». — С. 3), после чего дает соответствующую ссылку⁸. Получается курьезная ситуация: якобы Л.Б. Мортенсен в статье про «первую волну историописания», датируемую им уже в названии ок. 1000–1230 гг., границей называет рубеж XII и XIII вв. Более того, на той же цитируемой странице Л.Б. Мортенсен характеризует целый ряд сочинений, о которых речь пойдет как о сочинениях «первой волны» в рецензируемой книге (хроника Свена Аггесена, «Обзор саг о норвежских конунгах», «Деяния венгров» Венгерского Анонима), как «работы второй фазы местного историописания», поскольку они «используют массу устных традиций, которые только тогда и были осмыслены как достойный сюжет для описания, и все они в той или иной степени пошли наперекор системе взглядов римского и библейского учений»⁹. Таким образом, хронологические рамки, принятые И.Х. Гарипзановым (1070–1200 гг.), во-первых, не отвечают классификации Л.Б. Мортенсена, а во-вторых, не один раз нарушаются¹⁰, хотя и с оговоркой редактора, что это литературное смещение могло произойти раньше или позже в зависимости от целого ряда причин (С. 3). Так стоило ли вообще поднимать здесь вопрос о типологическом подразделении раннего историописания на первую и вторую волны и увязывать его с жесткими временными рамками?

Первая глава — «Христианство и язычество в повествовании Адама Бременского» (И.Х. Гарипзанов) — вынесена *перед* первой частью. Если эта глава относится к следующим за ней двум частям

⁸ *Mortensen L.B.* Sanctified Beginnings and Mythopoeitic Moments: The First Wave of Writing on the Past in Norway, Denmark, and Hungary, c. 1000–1230 // *The Making of Christian Myths in the Periphery of Latin Christendom (c. 1000–1300)*. Copenhagen, 2006. P. 247–273 (в сноске у Гарипзанова указаны стр. 259–260).

⁹ *Ibid.* P. 260.

¹⁰ В книгу включены два сочинения XIII в. — исландская епископская хроника «Пробуждающая голод» и «Деяния венгров» Венгерского Анонима.

про ранние исторические нарративы Скандинавии, то здесь явно не хватает мотивации: про Адама недостаточно сказать (как во Введении к то́му), что его «традиционно упоминают в контексте раннего историописания в Скандинавии» (С. 6). Это — справедливое утверждение, но читателю следовало бы пояснить, в чем тут причина, рассказать о скандинавских информантах Адама, и в частности о датском короле Свене Эстридсене (1047–1074), с которым хронист встречался лично во время своей поездки в Данию, с чьих слов он, по его собственному утверждению, записал многое и на кого он неоднократно ссылается в своем труде. Однако, помещенная вначале, глава прочитывается как своеобразное предисловие ко всему дальнейшему изложению. И это тоже не совсем удачно, поскольку книга не только про Северную, но и про Центральную и Восточную Европу, где о труде Адама не знали и не могли знать, так что в качестве преамбулы ко всему тому Адам годится лишь в том смысле, что его труд (по сути своей) — своеобразный мостик между Античностью и Средневековьем. Адам Бременский, автор знаменитой хроники «Деяния архиепископов гамбургской церкви» (1070-е годы), был, если перефразировать Жака ле Гоффа, подлинным интеллектуалом XI в., который подражал древним, питался ими, взгромождался им на плечи¹¹. Мало кто из средневековых историков был столь хорошо знаком с письменными источниками, как магистр Адам Бременский. Его географические горизонты оказались гораздо шире горизонтов хорошо известных ему античных авторов, хотя многие его географические образы и представления сформировались именно на основе античной традиции.

Большей частью перед нами не личные наблюдения И.Х. Гарипзанова, но он знаком с новейшей историографией, и его построения на ее основе вполне стройны. С сожалением замечу, что, имея возможность читать по-русски, он оставил без внимания весьма важные работы российских исследователей в этой области (А.В. Назаренко и В.В. Рыбакова)¹². Итак, в трактовке И.Х. Гарип-

¹¹ *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в средние века / Пер. А. Руткевича. Долгопрудный, 1997.

¹² *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 259–407; *Адам Бременский.* Деяния архиепископов гамбургской церкви: Фрагменты / Пер., предисл. и коммент. В.В. Рыбакова // Швеция и шведы в средневековых источниках. М., 2007. С. 129–154; *Рыбаков В.В.* Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008.

занова композиция и концепция хроники Адама Бременского предстают в следующем виде. В первой книге речь идет о предыстории северной миссии во времена Каролингов. Здесь также говорится о возникновении северной миссии, о первом путешествии Ангария, об основании, подъеме и закате Гамбургского архиепископства, об объединении Бремена с Гамбургом, об архиепископе Унни и о том, что целью христианской миссии на этом отрезке времени была Дания. Вторая книга начинается с установления датского диоцеза, подчиненного Гамбург-Бремену, что, по мнению Адама, свидетельствует об утверждении христианства в Дании; соответственно, цель христианской миссии смещается в Норвегию и Швецию. Третья книга описывает время архиепископства Адальберта: борьбу христианства против язычества и псевдохристиан, к которым Адам относит тех, кто противостоял Гамбург-Бремену и его северной миссии: это и бродячий епископ Осмунд в Швеции, и некоторые епископы Харальда Сурового Правителя, рукоположенные во Франции или Англии; да и сам Харальд для Адама — полуязычник. Впрочем, и Адальберт в его изображении — не однозначная фигура. Четвертая книга — описание северных островов — тоже посвящена миссионерской деятельности. Ссылаясь на мнение А. Кристенсена (1975 г.), согласно которому главы 72–78 третьей книги — это начало книги четвертой, поскольку речь там идет о несостоявшейся северной миссии под водительством Адальберта, Гарипзанов так оценивает позицию Адама: в истории Гамбургско-Бременского архиепископства было в прошлом три достойных проповедника — Ангарий, Римберт и Унни; Адальберту не удалось стать четвертым, и Адам призывает к этому его преемника Лиемара. Четвертая книга, тем самым, описывает то пространство, которое должно быть охвачено северной миссией Гамбургско-Бременского архиепископства.

Что касается стратегий выражения христианской идентичности у Адама, то их, по И.Х. Гарипзанову, можно свести к следующим моментам: реконструкция прошлого основывается на прямых и скрытых цитатах из и ссылок на библейские и классические источники; позиционируется исходная «христианская миссионерская идентичность»: Гамбург-Бремен представлен как Новый Иерусалим, а архиепископ и его паства — как воплощение христианства и христиан; история архиепископства рисуется как постоянный конфликт между христианским добром и языческим злом; соответственно, историческое повествование не конструируется за счет

противопоставления языческого прошлого и христианского настоящего — они показаны как сосуществующие, и их конфликт должен быть разрешен в недалеком будущем полной победой христианства.

И.Х. Гарипзанов утверждает, что идеологически труд Адама не был близок первым христианским авторам Скандинавии: у него черпали информацию, но не идеи; в том же жанре (*gesta episcoporum*) работал только анонимный автор исландской хроники «Хунгрвака» («Пробуждающая голод»), которой посвящена одна из глав этой коллективной монографии (гл. 7 — см. ниже). Удивляет, что автор первой главы (он же редактор всего тома) не заметил мнения Э. Мундал, высказанного в написанной ею главе (да и в работе 1994 г.), что Ари Мудрый мог знать труд Адама и использовать его работу как образец, что в их сочинениях можно обнаружить удивительные черты сходства и что «Книга об исландцах» Ари во второй части тоже представляет собой епископскую хронику (гл. 6 — см. ниже). Не принято И.Х. Гарипзановым во внимание и мнение Л.Б. Мортенсена относительно соотношения «Деяний архиепископов гамбургской церкви» и написанной веком позже анонимной «Истории Норвегии». В данной коллективной монографии (гл. 3 — см. ниже) Мортенсен лишь вскользь упоминает, что ученое географическое введение анонимной хроники явно расширяет и исправляет то географическое описание, которое было у Адама в четвертой книге. Однако в предисловии к изданию «Истории Норвегии» (2003 г.) Мортенсен подчеркивает, что работа Адама не только снабдила анонимного автора конкретной информацией, но и определила его замысел в целом: географическое введение «Истории Норвегии» представило в обновленном виде карту северной миссии, а в попытке показать современное ему состояние христианства и язычества в Норвегии он провел четкую параллель между миссионерскими задачами Тронхеймского архиепископства и прежними — Гамбургско-Бременского архиепископства, как они были описаны Адамом¹³. Надо думать, что известность Адама Бременского в Скандинавии и его влияние на древнескандинавское историописание были значительнее, чем это представляется И.Х. Гарипзанову. Дополнительным указанием можно считать тот факт, что в двух исландских рукописях XIV в. сохранился конспект

¹³ *Mortensen L.B.* Introduction // *Historia Norwegie* / I. Ekrem, L.B. Mortensen; Transl. P. Fisher. Copenhagen, 2003. P. 17.

гл. 3–41 из второй книги сочинения Адама, посвященных крещению Дании (об этом упоминает Й. Велендорф в гл. 7 — см. ниже; на это указывал еще У. Муберг, полагавший, что конспект был изготовлен для монаха Гуннлауга, вероятно, каким-то исландцем, находившимся на обучении где-то на континенте¹⁴).

Переходя к собственно скандинавскому историописанию, должна вновь выразить свое полное согласие с рецензентом этой книги, с сожалением отмечающей, что структура тома отражает устаревшее разделение текстов на «латинские» и «местные», давно не применяемое при изучении средневековой письменности¹⁵. Действительно, единственная граница, которую можно и нужно было провести на древнескандинавском материале, — это разделение на датское и исландско-норвежское историописание. В интересной главе Л.Б. Мортенсена в этом томе рассматриваются ранние датская и норвежская хроники (гл. 3 — см. ниже). Сопоставительный анализ выявляет их сходства и различия с точки зрения синхростадиальности, однако за рамками исследования остается их источниковая база — два совершенно различных мира устных традиций. Ситуация выглядит географическим парадоксом: разделенные узким проливом Дания и Норвегия очень далеки одна от другой в литературном плане, в то время как разделенные океаном Исландия и Норвегия по сути составляют одно культурное целое. Примерно с середины прошлого века в научной литературе широко используется термин «исландско-норвежская (или западноскандинавская) историография XII–XIII вв.», обнимающий и сочинения, выполненные в рамках средневековой латинской исторической традиции, и краткие обзоры норвежской истории, написанные на народном языке, и саги (как на латинском, так и на древнеисландском языке). Согласно Т. М. Андерссону¹⁶, зарождение историописания легко датируется, ибо два сочинения (латиноязычное Сэмунда Мудрого и на древнеисландском языке — Ари Мудрого) должны были возникнуть до самого раннего дошедшего до нас

¹⁴ *Moberg O. Två historiografiska undersökningar. 2: Danernas kristnande i den isländska litteraturen // Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. 1945. S. 36–45.*

¹⁵ *The Medieval Review, 10-08-12 // <<https://scholarworks.iu.edu/dspace/handle/2022/14635>> (24.04.2013): «One may regret that the structure of the volume reflects old-fashioned divisions between texts in “Latin” and in the “vernacular”, which have been abandoned in the recent study of medieval literacy».*

¹⁶ *Andersson Th.M. King’s Sagas (Konungasögur) // Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide. Ithaca; L., 1985. (Islandica; Vol. 45). P. 197–238.*

памятника — второй редакции «Книги об исландцах» Ари Тор-гильссона, — время создания которой на основании предисловия к этой последней определяется как 1122–1133 гг. Далее были созданы «норвежские синоптики (краткие обзоры)» — латиноязычные «История Норвегии» анонимного автора и «История о древних норвежских королях» Теодорика Монаха, а также написанный на древненорвежском языке неизвестным автором «Обзор саг о норвежских конунгах». Дискуссия относительно их источников весьма существенна, поскольку результатом ее может оказаться признание (либо непризнание) существования в середине XII в. самостоятельной норвежской историографической школы, конкурировавшей с исландской школой, представленной Сэмундом и Ари. Тот факт, что большинство сочинений исландско-норвежской историографии (в эпоху полного и безраздельного господства латыни в Западной Европе) написано на народном (древнеисландском или древненорвежском) языке, объясняется целым рядом причин, как то: особым характером исландской церкви, задачами политической борьбы в Норвегии (необходимостью в доступной для народа форме обосновать права на власть, как в случае со Сверриром и его преемниками), а также развитостью и глубиной народной устной традиции в Исландии, выступавшей в ряде случаев чуть ли не единственным источником информации и сохранившей, наряду с устными сагами о тех или иных конунгах, стихи исландских и норвежских скальдов IX–XI вв. — «историографов» бесписьменного времени¹⁷. Дополнительным подразделением при организации древнескандинавского материала в томе могло бы, тем не менее, быть выделение в отдельную главу (но не вместе с «Обзором саг о норвежских конунгах»!) сочинений, посвященных истории Исландии: очень близкие в культурном отношении, Исландия и Норвегия настолько далеки были одна от другой в плане социально-политическом, что написание истории этих стран просто не могло ставить и решать одни и те же задачи (см. выше о жанре *gesta episcoporum*).

Итак, начнем с представленного в коллективной монографии датского историописания. Ему посвящена вторая глава «Два взгляда начала XII в. на христианское прошлое Дании: Эльнот и Аноним из Роскилле» (М.Х. Гелтинг) и часть третьей главы «История

¹⁷ Подробнее см.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. 2-е изд., в одной книге, испр. и доп. М., 2012. С. 9–62.

Норвегии» и Свен Аггесен: две пионерские работы в сравнении» (Л.Б. Мортенсен). Примерно через полтора века после официального крещения Дании в 960-х годах начали появляться тексты по ее истории. Перед нами три сочинения XII в. — хроника Эльнота, анонимная «Роскильльская хроника» и «Краткая история датских королей» Свена Аггесена.

Эльнот в своем труде «Деяния короля Свеномагнуса и его сыновей, а также страсти славнейшего Кнута, короля и мученика» дает любопытное смешение хроники и агиографии. Сочинение этого труда М.Х. Гелтинг гипотетически (что он сам признаёт), но очень логично основываясь на косвенных данных, относит к 1111/12 г., сужая тем самым традиционно принятую размытую датировку между 1104 и 1117 гг. Точно так же и «место службы» Эльнота М.Х. Гелтинг определяет по-своему (не в Оденсе); обратившись к старым точкам зрения, он приходит к выводу, что изгнанный англо-саксонский монах Эльнот служил в королевской капелле и писал с позиции хорошо образованного иностранного резидента в Дании. Его конструкция датской христианской идентичности построена не на фоне языческого прошлого, а на фоне огромной пустоты; он молчит о том моменте истории, когда датчане вошли в семью христианских народов. Христианизация помещается им в почти мифологическое, безвременное прошлое. Мы фактически наблюдаем сознательное сокрытие хронологии христианизации Дании. После пролога сразу речь идет о борьбе Свена Эстридсена против норвежских королей Магнуса Доброго и Харальда Сурового Правителя. Утвердившись на троне, Свен выступает как идеальный христианский правитель. Далее рассказывается о соперничестве его сыновей, старшего Харальда и Кнута (будущего святого¹⁸): победа Харальда представлена как результат добровольного отказа Кнута в интересах мира и как часть божественных деяний будущего святого. После Свена, изображенного как основатель церкви в Дании, его старший сын Харальд выступает как основатель датского права¹⁹. Чего Эльнот пытался достичь полным забвением йеллингской династии (от Горма Старого,

¹⁸ Кнут стал первым датским святым королем и первым датским святым, канонизированным папой Римским (в 1100 или 1101 г.). Небольшое пассио, видимо, было написано ок. 1095 г. в церкви Оденсе. Но после папской канонизации возникла необходимость в детально разработанном и возвышенном тексте, каковым и стал текст Эльнота.

¹⁹ В изображении Эльнота Харальд — человек кроткого нрава, избранный с согласия всего народа и на троне выступивший в качестве «отца свобод».

ум. ок. 962 г., до его праправнука Хардекнута, ум. в 1042 г., включая Харальда Синезубого, объявившего в 960-х годах, что он крестил всю Данию), так это — легитимизации новой династии путем изображения ее первых двух правителей как отцов-основателей цивилизованной Дании. О языческом прошлом речь идет лишь в первой фразе пролога, где Эльнот недвусмысленно указывает, что северные страны некогда были языческими. А вот история Дании — история христианская, и только христианская.

«Роскиллская хроника»²⁰ написана ок. 1138 г. неизвестным автором, который, без сомнения, был членом кафедрального собрания каноников в Роскилле. Хроника представляет собой историю датского государства, переплетенную с историей диоцеза. Эту хронику, по мнению М.Х. Гелтинга, можно назвать «анти-Адамовой». Работа Адама Бременского была ре-интерпретацией истории, имевшей целью подчеркнуть выдающуюся роль Гамбургско-Бременского архиепископства в распространении веры среди скандинавов и славян и расширение его влияния. «Роскиллская хроника», напротив, была написана в конце короткого периода возрождения влияния Гамбурга-Бремена на датскую церковь, и настроение этой хроники — желание датской церкви в целом вновь (как с 1103 по 1133 г.) обрести статус самостоятельной архиепископии, независимой от Гамбурга-Бремена. Автор хроники опровергает информацию Адама о главенствующей роли Гамбурга-Бремена в христианской миссии в северных странах тем, что складывает в единое целое кусочки приводимой Адамом информации про Данию так, что в этой новой картине Дания предстает государством, управляемым христианскими королями со времен Харальда Клака, который был крещен в Майнце в 826 г. Любопытная деталь, которой у Адама нет (хотя остальная информация взята из его хроники): Харальда крестил архиепископ Отгар из Майнца. Представляется, что автору важно указать на то, что не гамбургско-бременский архиепископ крестил его. С язычеством — та же история, что и у Эльнота: история государства и церкви в Дании начинается с христианских королей, а языческое прошлое полностью предано забвению.

По мнению М.Х. Гелтинга, забвение языческого прошлого — общее явление в Дании XII в. С самого начала историописания в

²⁰ Русский перевод см.: Роскиллская хроника / Пер. с лат., предисл. и примеч. В.В. Рыбакова // ДГ, 2001 г.: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2005. С. 320–339.

Дании память о языческом прошлом искоренялась, не было попыток противопоставления старых и новых верований, датская история изображалась как исключительно христианская. М.Х. Гелтинг называет это «потерей исторической памяти». При этом «переименование» прошлого в интересах настоящего осуществлялось в рассматриваемых им сочинениях, как он и сам отмечает, по разным причинам: для Эльнота, вероятнее всего придворного клирика, — это легитимность и престиж правящей династии (так что его история очень неглубоко уходит в прошлое); для автора «Роскиллльской хроники» — стремление отнести христианскую историю Дании как можно дальше в прошлое, чтобы показать неправомочность притязаний Гамбурга-Бремена на церковное верховенство в Дании. Так что утверждение о забвении языческого прошлого как общем явлении в Дании XII в. кажется не совсем точным.

Вот и в «Краткой истории датских королей» Свена Аггесена, написанной в том же XII в., вскоре после 1185 г., языческое прошлое, как демонстрирует Л.Б. Мортенсен, интегрировано в национальное повествование (*national narrative*). Датская история здесь начинается с мифического Скьёльда и доводится до 1185 г., когда Кнут Вальдамарссон победил померанского герцога Богуслава (на этом закончит свою хронику и Саксон Грамматик). Если тринадцать глав у Свена посвящены христианскому периоду истории Дании (от Харальда Синезубого), то первые семь — Дании до принятия христианства, и в тексте даже нет намека на то, что автор имеет дело с мифическими или недостоверными историями. Этот материал, по замыслу автора, должен был восприниматься как история. В христианской части Свен Аггесен подчеркивает значение и святость Кнута Святого (ум. 1086) и Кнута Лаварда (ум. 1131). Полноценное конструирование истории вокруг этих мучеников началось в XIII в., а Свен в конце XII в., скорее, дал голос культурной памяти, что было охотно принято той элитой, к которой он сам принадлежал и которая концентрировалась в Лунде вокруг архиепископа Абсалона и короля Вальдемара.

Начальному норвежскому историописанию посвящены в коллективной монографии часть уже упомянутой третьей главы «“История Норвегии” и Свен Аггесен: две пионерские работы в сравнении» (Л.Б. Мортенсен), четвертая глава «Теодорик Монах: Норвежское королевство и история Спасения» (С. Багге) и пятая глава «Две эпохи в “Обзоре саг о норвежских конунгах”» (Т.М. Андерссон).

Крещение Норвегии связано с именами двух королей Олавов — Олава Трюггвасона (995–1000) и Олава Харальдссона (1014–1028). Монах Одд Сноррасон формулирует это в своей саге так: «Следует признать, что первый Олав собрал материалы и заложил основы христианства своим трудом. А второй Олав возвел стены»²¹. Самая ранняя норвежская хроника — латиноязычная «История Норвегии»²² — была создана примерно на полтора века позже. По поводу времени написания «Истории Норвегии» существуют противоречивые мнения: ее датируют в интервале от 1150 до 1264–1266 гг.²³ Л.Б. Мортенсен отмечает, что имеются аргументы в пользу того, чтобы отнести это сочинение к 1160-м или 1170-м годам. Об авторе «Истории Норвегии» достоверно ничего не известно. Мортенсен отрицает возможность написания хроники по случаю учреждения архиепископской кафедры в Нидаросе (Тронхейме), поскольку с событиями 1152/53 г. связаны другие известные нам источники, а именно «Страсти и чудеса святого Олава» и «История о древних норвежских королях» Теодорика Монаха, и если бы всё это писалось в тесном кругу, то неизбежно были бы прямые текстуальные переклички, каковых нет. Мортенсен находит основания для того, чтобы связать этот текст с Восточной Норвегией, с епископствами Осло или Хамара, что, в свою очередь, объясняет отсутствие связей с «текстуальным ландшафтом» Тронхейма того времени.

В тексте «Истории Норвегии» утеряно начало пролога; за прологом следует уникальное географическое описание Норвегии и Северного моря, явно расширяющее и исправляющее то, которое было веком раньше у Адама Бременского: анонимный автор представляет норвежские земли и острова Северного океана в терминах, которые связываются со святым пространством библейской географии и имперским пространством Римского «нашего моря». В своей исторической части хроника начинается с древнейших времен (с Инглингов в Швеции) и следует той же традиции, что и несохранившееся «Жизнеописание конунгов» Ари Мудрого и «Пе-

²¹ Saga Óláfs Tryggvasonar av Oddr Snorrason munkr / Finnur Jónsson. København, 1932. S. 156.

²² Значительная часть ее текста (опубликована П.А. Мунком в 1850 г.) сохранилась в шотландской рукописи (ок. 1500 г.), находившейся до 1998 г. в частном владении, а ныне переданной в Национальный архив Шотландии в Эдинбурге.

²³ Подробнее и литературу см.: *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги. С. 545–553.

речень Инглингов» скальда Тьодольва (эта генеалогия норвежских королей привлекла немало внимания современных ученых, т.к. она кажется первой письменной версией истории рода Инглингов). В повествовании обращает на себя внимание прославление двух королей-миссионеров, двух Олавов: Олав Трюгвасон соотносится с Олавом Святым как Иоанн Предтеча с Иисусом Христом. Текст обрывается на середине рассказа об Олаве Святом, на моменте его прибытия в Норвегию. Так же как у Свена Аггесена, языческое прошлое интегрировано в общую историю: нет и намека на то, что начальная история недостоверна. «Эта черта сама по себе выступала знаком важного историографического развития и симптомом второй фазы, наступающей, когда первичная христианская генеалогия страны уже сформирована — в основном за счет святых фигур двух Олавов (в Норвегии) и двух Кнутов (в Дании)» (С. 62). На небольшом фрагменте из «Истории Норвегии» Л.Б. Мортенсен демонстрирует, как происходила «текстуальная “канонизация”» национальных святых.

Глава Л.Б. Мортенсена построена на сравнении двух первых национальных историй Дании и Норвегии — «Краткой истории датских королей» Свена Аггесена и анонимной «Истории Норвегии», — менее известных, чем «Деяния датчан» Саксона Грамматика и «История о древних норвежских королях» Теодорика Монаха. Автор полагает, что в обоих случаях мы имеем дело с очень ограниченной элитой, на чье восприятие эти труды были рассчитаны. Они писались представителями правящей элиты для этой элиты. Но с учетом весьма малой распространенности данных текстов (ни одной средневековой копии не известно, а из поздних трудно сделать вывод о существовании более чем двух–трех средневековых копий в каждом случае) мы можем предполагать существование некоторого количества не дошедших до нас аналогичных сочинений. Исторический дискурс в конце XII и начале XIII в. в Дании и Норвегии, по мнению Л.Б. Мортенсена, был богаче, чем это видится сейчас. Оба труда успеха не имели, были известны в узких церковных кругах и вскоре были забыты. Однако они все же выполнили свое предназначение: представить в книжной форме идеологическую и интеллектуальную работу, проделанную частью датской и норвежской элит на протяжении XII в. с целью определить свое собственное хронологическое, географическое и сакральное место в мире. Они характерны для того состояния историописания, при котором требовалось соотнести местную историю с историей

мировой. И в этом процессе оба автора в правдоподобной манере интегрировали до-христианскую историю в историю христианскую и зафиксировали особый статус двух Олавов и двух Кнутов. Элиты уже принимали их неоспоримую святость, поскольку поклонение этим святым было частью их культурной памяти. Рассматриваемые два сочинения были написаны не для того, чтобы убедить людей «со стороны» в легитимности статуса двух королевств, а для того, чтобы убедить «своих» в том, что их местное прошлое может быть кратко записано в повествовательной манере и что такие книги могут быть частью соответствующих епископальных библиотек. Рассматриваемые Л.Б. Мортенсеном две работы вписали, как он справедливо утверждает, национальное прошлое в вечную книгу всеобщей христианской истории. Однако проведенное им сопоставление двух текстов лишний раз продемонстрировало, что предложенное им же самим деление на «первую» и «вторую» волны историописания достаточно условно и искусственно, ибо эти две хроники, столь схожие по своим идеологическим задачам и применяемым их авторами стратегиям, в работе 2006 г. были отнесены им к разным «волнам»: «История Норвегии» — к «первой», а «Краткая история датских королей» — ко «второй»²⁴.

Как утверждает в своей главе, посвященной «Истории о древних норвежских королях» Теодорика Монаха, С. Багге, историописание началось в Норвегии в конце XII в. явно как результат европейского влияния, сначала вследствие принятия христианства (в конце X — начале XI в.), а затем путем усвоения европейской учености, особенно в связи с организацией норвежской церковной провинции в 1152/53 г. Ничего подобного в дохристианские времена не писалось, но была устная традиция — скальды и устные истории, которые оказали несомненное воздействие на более поздние письменные тексты.

«История о древних норвежских королях» Теодорика Монаха была написана между 1177 и 1188 гг. Сведений о Теодорике немного, и существующие в науке суждения о нем откровенно гипотетичны. Скорее всего, он был норвежцем. Его, как правило, считают либо монахом-бенедиктинцем Нидархольмского монастыря около Тронхейма в Норвегии (ставшего с середины XII в. резиденцией архиепископа и важнейшим культурным центром

²⁴ *Mortensen L.B. Sanctified Beginnings. P. 260.*

страны), либо каноником-августинцем²⁵. С. Багге указывает, что имя автора — латинизированное *Pórir* (норв. *Tore*). Два епископа с этим именем — епископ Хамара (1189/90–1196) и архиепископ Нидароса (1205–1214) — имели связи с монастырем Сен-Виктор, откуда, вне сомнения, почерпнута ученость Теодорика. С. Багге полагает, что вторая «кандидатура на роль» Теодорика Монаха — вероятнее²⁶. Итак, Теодорик принадлежал к церковной элите — как каноник-августинец в момент написания хроники, а затем и как (архи)епископ. Его прозвище *Монах*, вероятно, позднее. Августинская связь Теодорика очевидна из текста его хроники: он приводит цитаты из Гуго Сен-Викторского и других авторов, цитирует или пересказывает те работы, которые указывают на то, что он пользовался библиотекой Сен-Виктор. Из скандинавских источников он использовал скальдическую поэзию, но не только устные источники (и не только исландские), как полагал ряд исследователей, а также письменные (он ничего не описывает до Харальда Прекрасноволосого, поскольку, как он говорит, для этого времени нет письменных источников). Утверждение Теодорика, что он пишет о том, что слышал, но не видел, свидетельствует не об использовании только устных источников, а о том, что он не был очевидцем каких-то конкретных событий. Теодорик вполне мог знать Сэмунда и Ари. Единственная ссылка, которую он приводит, — на не дошедший до нас «*Catalogus regum Norwagiensium*» (видимо, норвежского происхождения).

Теодорик указывает на то, как важно стране иметь письменную историю. Его мотив — патриотическая гордость, но также его волнует соотношение истории его страны со всемирной историей. Если новый народ только еще входит в число христианских народов и приобщается к христианской культуре, как он может не ощутить себя второсортным (*inferior*)? Как же в этой ситуации описать свое историческое прошлое? Обычный способ — сочинить своему народу мифическое прошлое и либо возвести его к троянцам или римлянам, либо показать параллельное развитие с современными ему христианскими народами. Теодорику нужен иной путь для включения Норвегии во всемирную историю. Он говорит в про-

²⁵ Подробнее и литературу см.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги. С. 554–560.

²⁶ Ср.: Бусыгин А.В. Монах Теодорик и его «История о древних норвежских королях» (Проблемы источниковедения) // ДГ, 1999 год: Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 86–92.

логе, что по образцу древних текстов он поместил отступления. И это — не просто демонстрация образованности, почерпнутой в Сен-Викторе, а его способ вписаться в мировую христианскую историю.

Стратегия Теодорика заключается в том, что он фокусирует внимание на религиозном значении событий, а не на самих событиях. С. Багге детально анализирует то, как Теодорик строит свое историческое повествование, на примере самого значительного персонажа норвежской истории — Олава Святого. Теодорик делает акцент на святости Олава, на том, как он заботился о противниках, на моральных и религиозных причинах, вынуждавших его вступать в схватку. Автор «Легендарной саги об Олаве Святом» и Снорри Стурлусон демонстрируют мученичество Олава, описывая, как он отбросил оружие и охотно принял смерть. Теодорик идет другим путем: в его изображении Олав — мученик потому, что он сражается за справедливость, и потому, что у него не было иного выхода. Хотя, в отличие от «Страстей Олава», Теодорик не утверждает, что Олав сражается с язычниками, он заявляет, что его враги — дурные, порочные люди. Изображением Олава как *rex iustus*, а его гибели при Стикластадире как мученической смерти за правое дело Теодорик утверждает жизнь и правление Олава Святого в истории Спасения. А из этого следует, что страна, которая только недавно была включена в семью христианских народов, отмечена святым, равным по сиянию святым старых христианских стран. Теодорик не прячет мирского Олава (как «Страсти Олава»), но он дает его мирской карьере вдумчивую религиозную интерпретацию. Он пишет не агиографию, а светскую историю с религиозной интерпретацией. Его отступления и библейские и классические аллюзии — это не просто выбросы бесполезного знания, а скорее попытки теологической интерпретации истории своей страны и включения жизни и правления святого и правителя на окраине населенного мира, не известной большинству европейских современников, во всемирную христианскую историю.

Третий и последний из упомянутых выше «норвежских синоптиков», «Обзор саг о норвежских конунгах», который Т.М. Андерсон анализирует в гл. 5, написан не на латинском языке. Он сохранился в единственной рукописи, датируемой 1225 г. Оригинальный текст старше. Исследователи считают, что «Обзор» был создан в 1190–1200 гг., потому что его цитировали не только «Гнилая кожа», «Красивая кожа» и «Круг земной», но и «Древнейшая сага

об Олаве Святом» и исландский перевод «Саги об Олаве Трюггвасоне» монаха Одда. Это всё проблематично, полагает Т.М. Андерссон. В поддержку более поздней датировки, по его мнению, говорит в частности то, что «Обзор» написан не на латыни. Хотя рукопись исландская, использование автором норвежских (в особенности тронхеймских) устных повествований, а также наличие норвегизмов в его языке и неверная трактовка скальдических вис позволяют исследователям предположить, что «Обзор» был изначально записан норвежским священником (клириком) в Тронхейме на древненорвежском языке. Но ведь — возражает Т.М. Андерссон — исландский автор мог знать район Тронхейма и иметь норвежские симпатии, да и вообще все авторы, писавшие в XII в. о норвежских конунгах, были исландцами...

Неоднократно отмечалось, что «Обзор» имеет текстуальные совпадения с «Историей о древних норвежских королях» Теодорика и анонимной «Историей Норвегии». Большинство исследователей сходится на том, что автор «Обзора» использовал работу Теодорика как непосредственный источник. Что касается соотношения «Обзора» и «Истории Норвегии», то исследователи предполагают наличие у них общего источника, но высказывают противоречивые суждения о его «национальной принадлежности»²⁷. Как отмечает Т.М. Андерссон, не исключена возможность существования общего письменного источника у всех трех работ, тем более что сейчас ученые согласились: Теодорик тоже пользовался письменными источниками. Многое зависит от того, где «Обзор» был написан, — в Исландии или Норвегии. Самый простой вывод, по мнению Андерссона: и «Обзор», и «История Норвегии», и Теодорик использовали сочинения Сэмунда Мудрого и Ари Мудрого. Оставляя эту затяжную дискуссию в стороне, в рецензируемой работе Т.М. Андерссон предпринимает попытку прочитать «Обзор» как целое. Поскольку ясно, что автор — клирик, возникает вопрос, был ли у его клерикального взгляда на историю особый фокус? Исследователь разбирает всё повествование, поделив его на три части: до Олавов (135 лет), время Олава Трюггвасона и Олава Харальдссона (35 лет), после Олавов (100 лет). Первый период (с ок. 860 до 995 г.) Т.М. Андерссон оценивает следующим образом: в этой исторической экспозиции присутствуют автократия, жено-

²⁷ Подробнее и литературу см.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги. С. 42–45.

кратия, колдовство, вероотступничество и политические убийства. Время Олавов (995–1030 гг.) показано совсем в другом свете. Оба Олава, в отличие от предков, предстают в покрове святости. Ни одного критического слова не сказано ни об одном из них. Оба имеют безупречную репутацию. Олав Трюггвасон становится пиратом, но главное в том, что это приводит его к отшельнику, который руководит его обращением. «И так он пришел к вере и затем в Норвегию». Он распространил веру в Норвегии и обратил пять стран. Олав Харальдссон тоже начинает как пират. «Не важно, как много он странствовал; он вернулся сразу же, как только Бог счел возможным открыть царство для него». Главное: он усилил государство христианством и правильными ценностями. У позднейших авторов будет совсем иная картина: Олав Трюггвасон подвергает мучениям язычников в стране; Олав Харальдссон вынашивает секретные планы относительно Исландии и не безупречен в отношениях с норвежскими магнатами. В «Обзоре» же — тенденция на максимизацию контраста между христианскими Олавами и их морально неполноценными языческими предками. В описании поздних королей (1030 — ок. 1130 гг.) сильны христианские моменты. Скажем, Магнус, сын Олава Святого, жесток по отношению к норвежцам, плохо обошедшимся с его отцом, но Бог смиряет его нрав, склоняет его к милосердию. Харальд Суровый Правитель у поздних авторов — коварный и своенравный король, наиболее неоднозначная фигура в ранней норвежской династической истории²⁸. Но этого нет в «Обзоре»: Харальд правит с Магнусом в полной гармонии, нет и намека на его военные хитрости в Средиземноморье, на его притязания на Данию или на убийство им Эйнара Брюхотряса с сыном, а поход Харальда на Англию представлен просто как союзническое предприятие. В «Обзоре» имеется лишь одно исключение: в краткий рассказ о правлении его сына Олава Тихого включены слова самого Олава, говорящего о различии в правлении его и его отца (люди при нем жили в страхе и ужасе и прятали свои богатства). Этот комментарий заставляет думать, что в обращении была устная традиция, представлявшая Харальда Сурового Правителя как скупого и авторитарного короля, о чем и говорится в поздних источниках. Комментарий также наводит на мысль, что

²⁸ О Харальде в источниках см.: Джаксон Т.Н. Последний великий викинг на норвежском престоле // *Образы прошлого: Сб. памяти А.Я. Гуревича*. М., 2011. С. 349–365.

в этом описании автор «Обзора» сгладил эту традицию, чтобы создать общее впечатление, будто Харальд принадлежит к череде миролюбивых и великодушных правителей. Обратим внимание, что здесь у Т.М. Андерссона, как и у С. Багге в предыдущей главе, мы находим указание на избирательное использование средневековым автором традиционного материала. Магнус Голоногий жаждой приключений похож на своего деда. Его военные качества поданы в положительном свете. Он сражается против пиратов и людей вне закона. Сигурд Крестоносец, согласно более поздним источникам, отправляется не в паломничество, а в откровенно агрессивную военную экспедицию, да еще и приобретает много золота и богатств, но в «Обзоре» упор делается на обретении им частицы Святого Креста.

Итак, если в первый период норвежской истории ни один правитель не представлен в положительном свете, то всё изменяется с приходом Олавов, которые не только сами привлекательны как личности, но и выступают заступниками христианства. Языческая и христианская эры противоплагаются в терминах морали. На третьем этапе христианские добродетели подчеркиваются слабее, но все равно господствует просветленная атмосфера, противопоставленная темным дням язычества. Исключением выступает лишь критика последних королей Сигурда и Эйстейна. Т.М. Андерссон полагает, что дело здесь в определенном реализме в отношении недавнего прошлого (популярность Инги все еще была широка и через тридцать лет после его смерти, когда был написан «Обзор»; она не давала возможности равно высоко оценивать его братьев-антагонистов). И этот реализм мог затмить ощутимое совершенство христианской эры.

Т.М. Андерссон предпринимает попытку обнаружить источник «Обзора», а именно найти труд, в котором была бы двучастная (дохристианская и христианская) структура. Он не ощущает деления на две эпохи ни у Теодорика, ни в «Истории Норвегии». Из проведенного им сравнения, казалось бы, можно было сделать вывод о том, что идея морального и материального улучшения жизни в стране с приходом христианства принадлежит автору «Обзора». Но Т.М. Андерссон находит близкую идею у Августина и у Орозия. Сочинения обоих авторов широко читались в Средние века. Вряд ли, думает исследователь, автор «Обзора» был непосредственно знаком с трудом Орозия, но идея последовательных эпох и христианского просветления была широко распространена и доступна и могла подсказать,

как построить историю норвежских королей. Автор «Обзора» явно был человеком церкви. Он, скорее всего, работал в тот период, когда два Олава и их деятельность по христианизации впервые стали объектом историописания (скорее всего, в «Саге об Олаве Трюгвасоне» Олда Сноррасона). Это литературное предприятие должно было заострить внимание на переходе от языческой эры к христианской и усилить ощущение того, что история изменилась практически вместе с принятием христианства.

Летом того года, «когда прошло сто тридцать зим после убийства Эадмунда и тысяча лет после рождения Христова по всеобщему летосчислению», законоговоритель, годи Торгейр («а он тогда еще был язычником»), произнес со Скалы Закона на Альтинге свои знаменитые слова: «И да будут у нас у всех один закон и одна вера». «И так он закончил свою речь, что и те, и другие согласились с тем, что у всех должен быть один закон, тот, который он провозгласит. Тогда было решено, что все люди должны быть христианами, а те, которые здесь в стране еще были некрещеными, должны принять крещение»²⁹. Христианство по предложению годи Торгейра было принято в качестве официальной религии, при том что некоторые языческие законы оставались в силе³⁰. Так рассказывает об уникальном принятии христианства в Исландии не менее уникальный памятник — «Книга об исландцах», написанная священником Ари Торгильссоном Мудрым (1067/68–1148 г.) в 1122–1133 г. Это — первый известный текст, созданный в Исландии на исландском языке. В его десяти главах сообщается об основных событиях истории Исландии с 870-х по 1118 г.: о заселении острова, о первопоселенцах и принятии законов, об учреждении альтинга, о календаре, о разделении Исландии на четверти, о заселении Гренландии, о принятии христианства, об иностранных миссионерах в Исландии, о епископе Ислейве Гицурасоне, о епископе Гицуре Ислейвссоне. Центр повествования, полагает Э. Мундал (гл. 6), — история крещения Исландии в 1000 г., а последняя часть книги написана как епископская хроника, с упором на епископов Скальхольта: епископии показаны как самые важные институты в стране, с которыми связана история Исландии.

²⁹ Íslendingabók / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík, 1968. (ÍF; B. 1). Bls. 14–18.

³⁰ См.: *Стеблин-Каменский М.И.* Культура Исландии. Л., 1967. С. 27–28. Подробнее о христианизации Исландии см.: *Strömbäck D.* The Conversion of Iceland. A Survey / Transl. and annotated by P. Foote. L., 1974 (reprint: 1997). (VSNR TS; Vol. 6).

Первыми учителями и проповедниками на острове, естественно, были иностранцы. Имена некоторых таких епископов-миссионеров зафиксировал Ари. Отчасти этот список подтверждается источником, созданным в первой четверти XIII в., — «Пробуждающая голлод» (гл. 7 — см. ниже). В начальные десятилетия христианства единственными учителями в Исландии были, по всей видимости, только иностранные (преимущественно английские и немецкие) священники. Первый местный учитель, чье имя известно, — Ислейв. Он родился в 1005 г., и его отец, яростный сторонник принятия христианства Гицур Белый, отправил его в весьма раннем возрасте в Херфордский монастырь в Вестфалии. Ислейв вернулся в Исландию незадолго до 1030 г. и стал священником. Он обосновался на юге Исландии — в Скальхольте, в усадьбе, унаследованной им от отца. Люди пригласили Ислейва стать епископом. Он отправился в Рим, где его избрание было утверждено папой, который направил его с письмами к архиепископу Бременскому для посвящения. Ислейв был посвящен в епископский сан в 1056 г. (о чем сообщает Адам Бременский) и вскоре вернулся в Скальхольт, где организовал школу. Это — первая упоминаемая в источниках школа в Исландии. Как замечает Ари, «когда хёвдинги и знатные люди узнали, что Ислейв был много более сведущ, чем другие священники-учителя, те что имелись в этой стране, то послали к нему многие своих сыновей на обучение и велели сделать из них священников»³¹. В 1081 г., после смерти отца, епископом был избран сын Ислейва — Гицур. Как и его отец, он получил образование в школе при Херфордском монастыре в Вестфалии. Он построил в Скальхольте новый храм и передал Скальхольт церкви, чтобы это место стало постоянной резиденцией епископа. С этого времени и до конца XVIII в. епископство Скальхольта было центром учености и цивилизации. Второй интеллектуальный центр Исландии, также знаменитый своей школой, — Хаукадааль (Haukadalr), в нескольких милях от Скальхольта. Школу в этой усадьбе организовал Тейт — другой сын Ислейва (ум. 1110). В усадьбе Хаукадааль обучался Ари Мудрый, который был отдан туда на воспитание к Халю Тораринссону в возрасте семи лет и пробыл там 14 лет. Халю, владельцу Хаукадаля, было тогда около 80 лет. Халь не был «ученым», он не мог ни писать, ни читать, но у него была выдающаяся память. Юношей Халь поступил на

³¹ Íslendingabók. Bls. 20.

службу к конунгу Олаву Святому (ум. 1030), а сам умер в 1089 г. в возрасте 94 лет. Тейт Ислейвссон, основатель школы в Хаукадале, тоже был учеником Халя. О том, какое Тейт получил образование, ничего не известно. Он был священником и человеком, обладавшим клерикальными знаниями, а кроме того, он знаменит своими познаниями по истории Исландии — ее заселения, языческих законов, христианизации. Очень вероятно, что свое европейского уровня образование Ари получил в Хаукадале именно от Тейта³². Свидетельств тому, что Ари был в других странах, нет, хотя Э. Мундал заметила, что в статье А.Е. Кристенсена о заимствовании у Ари Мудрого из Адама Бременского было высказано предположение, что Ари побывал в Лунде. Сохранилось два списка XVII в., оба сделаны священником Йоном Эрлендссоном со старой рукописи (ок. 1200 г. или чуть раньше), и считается, что копии хорошо отражают исходный труд Ари.

Название — «Книга об исландцах» — упомянуто в прологе Ари к его сочинению, а потому, считает Э. Мундал, должно быть оригинальным. Из пролога следует, что это — вторая редакция его труда. Ари упоминает здесь также «генеалогии» (*ættartala*) и «жизнеописания конунгов» (*konunga ævi*), относительно которых имеются две сильно различающиеся точки зрения: одни исследователи полагают, что это — две части первой редакции книги, не включенные во вторую редакцию; другие (и в частности, Э. Мундал) видят в них отдельные работы. Ученые склонны считать, что Ари имел отношение к первой редакции «Книги о заселении страны», — по мнению Э. Мундал, «генеалогии» как раз и могли быть тождественны ей. А о королях его материал («жизнеописания конунгов») должен был представлять собой краткие статьи с датами правления и основными событиями. Еще Ари приписывают список исландских епископов и жизнеописание Снорри Годи. Слова Ари в прологе, что он написал книгу «для наших епископов Торлака и Кетиля» (т.е., видимо, по их заданию), а также показал ее им и священнику Сэмунду, который учился во Франции (вероятно, Сэмунду Мудрому), указывают на то, что церковники, имевшие отношение к созданию книги, — выдающиеся люди в исландской церкви того времени.

³² Подробнее и литературу см.: Джаксон Т.Н. Древняя Русь и Исландия: школы и центры учености в первые века христианства // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы). М., 2010. С. 302–322.

Книга открывается упоминанием заселения Исландии при Хяральде Прекрасноволосом. Любопытно, что это основополагающее событие исландской истории датируется при помощи отсылки к смерти английского святого и к христианской хронологии («восемьсот семьдесят лет от рождения Христова»). С самого начала книги исландская история развивается параллельно христианской, пока они не соединяются в 1000 г. — в момент формальной христианизации Исландии (описанной в седьмой главе). Это событие дважды берется автором за точку отсчета даже в ситуациях, предшествующих крещению, — заселение Гренландии (за 15 лет до) и крещение Халля из Сиды (за год до). Ари также говорит, что первопоселенцы нашли оставленные на острове книги, колокола и посохи. Э. Мундал в другой своей работе³³ показала, что эта небольшая деталь помогает Ари придать святость заселяемой земле. Возвращение на эту землю христианства было лишь делом времени.

Связную историю, по мнению Э. Мундал, представляют только главы после крещения (с восьмой по десятую). Предшествующие главы (с первой по шестую) не имеют причинной связи между собой, хронология в них нечеткая, хотя и упомянуты законоговорители. Создается впечатление, что начальные главы более связаны с последней частью книги, а именно с тем, что в них описываются институты и проблемы, важные и для христианского и для до-христианского общества. Вероятным видится Э. Мундал то, что Ари писал о законе, тинге и продолжительности года потому, что хотел подчеркнуть: христианское общество в Исландии было построено на институтах языческого общества. О законах и тинге было важно сказать, поскольку христианство в Исландии было принято одновременно решением Альтинга благодаря мудрому поведению законоговорителя; да и епископы для принятия нового закона или избрания нового епископа тоже обращались на Альтинг. О разделении Исландии на четверти нужно было рассказать оттого, что с границами четвертей совпали границы епископий: южная, западная и восточная четверти входили в епископство Скальхольт, а северная — в Холар. Продолжительность года — важная часть христианской культуры; основная цель здесь, видимо, показать, что до принятия христианства исландцы вычисляли длину года иначе, чем в христианском календаре, но с тем же результатом;

³³ *Mundal E. Íslendingabók vurdert som bispstolskrønike // Alvíssmál. Forschung zur mittelalterlichen Kultur Scandinaviens. 1994 (3). S. 63–72 (см.: S. 71).*

иными словами, скорее подчеркиваются сходства, а не различия. Ари демонстрирует, что, с одной стороны, смена религии была переломным моментом в истории, а с другой, — что была сильная преемственность между языческим и христианским обществами. Он не рисует время до и после принятия христианства как качественно различное. Языческое прошлое — не зло; напротив, оно — хорошая основа для христианского общества. История принятия христианства в седьмой главе — это история о том, как исландцы крестили сами себя. Это — очень необычное принятие христианства. Эта особая история была основой христианской идентичности, но одновременно и исландской идентичности, потому что процесс принятия христианства — не такой, как у других народов. Тот факт, что народ, наполовину языческий, с язычником законоговорителем во главе, коллективно решил принять христианство, позволил с легкостью инкорпорировать языческое прошлое в историю страны.

Когда Ари писал, у него вряд ли были литературные образцы в пределах Исландии. Конечно же, для христианского автора Библия могла быть и, безусловно, была образцом для подражания. В этом ключе и прочитала «Книгу об исландцах» П. Херманн³⁴. Однако трудно найти элементы в самом тексте, считает Э. Мундал, четко указывающие, что автор писал свою книгу, имея в виду лишь библейские истории и типологию. Ари мог знать и использовать в качестве образца работы иностранных авторов, и в частности Адама Бременского, как показала Э. Мундал в своей более ранней статье³⁵. Эти два сочинения — очень разные, и все же в них можно обнаружить удивительные черты сходства, что исследовательница и делает. Во второй части книги Ари она усматривает полноценную епископскую хронику, такую же как у Адама. В других странах история строится вокруг королей, но она не могла быть таковой в случае Исландии. Поэтому Ари предпочел писать историю именно так, а идею он мог почерпнуть у Адама. Последний, кстати, превозносит исландцев в своей хронике и говорит, что они чтут своего епископа как короля. Для Ари, который сам был священником, для тех епископов, которые могли заказать книгу, и для Сэмунда, который вместе с епископами давал Ари советы относи-

³⁴ *Hermann P. Íslendingabók and History // Reflections on Old Norse Myths. Turnhout, 2007. (Studies in Viking and Medieval Scandinavia; 1). P. 17–32.*

³⁵ *Mundal E. Íslendingabók.*

тельно его сочинения, общество, где епископ играл роль короля, могло быть идеалом христианского общества.

Анонимная исландская хроника «Хунгрвака» («Пробуждающая голод») (Й. Веллендорф, гл. 7) была написана на исландском языке, как полагают исследователи, в первое десятилетие XIII в., но текст мог возникнуть и несколько ранее. Она посвящена пяти первым епископам Скальхольта — Ислейву Гицурарсону (1056–1080), Гицуру Ислейвссону (1082–1118), Торлаку Рунольвссону (1118–1133), Магнусу Эйнарссону (1134–1148) и Клёнгу Торстейнссону (1152–1175) — и охватывает всего 120 лет. Все сохранившиеся версии заканчиваются разделом, служащим введением к житию св. Торлака Торхальссона (1178–1193), шестого епископа Скальхольта, — видимо, более поздним. Весьма примечательно, как неизвестный нам автор хроники объясняет данное им своему сочинению название: «Эту книжицу я называю “Пробуждающая голод”, потому что многим людям неученым и неумным, которые это прочитают, может захотеться узнать больше о происхождении и жизни этих выдающихся людей, о которых здесь мало сказано в этом перечне»³⁶. Значительная часть сочинения основана на словах Гицура Хальссона (1126–1206), автора утраченного ныне сочинения «Flos peregrinationis», посвященного его путешествию по Южной Европе. Его перу, возможно, также принадлежит «Veraldar saga» («Всемирная сага»). Нередко в исландских сочинениях его упоминают как хорошего знатока прошлого. Будучи родом из Хаукадаля, основное образование Гицур получил в Скальхольте и был связан там долгие годы с епископской кафедрой. Он был с 1181 по 1200 г. законоговорителем на Альтинге, не раз выезжал из Исландии в другие страны. В сагах о нем говорится, что ни один исландец не получал столько почестей в Риме, сколько он. Имеются любопытные сведения и о его отце: согласно сагам, Халь Тейтссон, отец Гицура, говорил на всех языках от Исландии до Рима, как на родном; вероятно, ему принадлежит авторство «Первого грамматического трактата» (середина XII в.)³⁷. «Пробуждающая голод» была источником «Саги о крещении»; но иных ее следов не обнаруживается вплоть до XVII в., когда были созданы пять сохранившихся на сегодня списков, у которых, вероятно, был общий протограф рубежа XV–XVI вв. Другими словами, это не была широко известная хроника, хотя, ко-

³⁶ Hungrvaka // Biskupa sögur, II / Ásdís Egilsdóttir. (ÍF; B. 16). Reykjavík, 2002. Bls. 3.

³⁷ Подробнее и литературу см.: *Джаксон Т.Н.* Древняя Русь и Исландия.

нечно, отсутствие ранних копий может быть объяснено неоднократными пожарами в библиотеке/хранилище Скальхольта.

Исландская традиция почитания епископов в качестве первых святых коренным образом отличалась от того, что имело место во всей прочей Скандинавии, где первыми местными святыми были короли, а более поздние святые тоже имели отношение к правящей династии. Й. Веллендорф усматривает сходство между «Деяниями архиепископов гамбургской церкви» Адама Бременского и «Пробуждающей голод»: автор последнего сочинения не только знал труд Адама, но и использовал его как литературный образец. По мнению Веллендорфа, «Пробуждающая голод» принадлежит к тому же жанру, что и хроника Адама Бременского, — *gesta episcoporum*, — причем она гораздо более подходит на роль древнескандинавского образчика этого жанра, нежели «Книга об исландцах» Ари³⁸. Мне остается неясным, почему «образчик» («specimen») должен быть один и почему редактором проигнорирован очень своеобразный взгляд Э. Мундал на труд Ари, но в любом случае мы должны четко понимать, что основания для написания «епископской хроники» у бременского каноника XI в. и исландских авторов XII — начала XIII в. были совершенно различными. Главной целью автора «Пробуждающей голод» было представить исландцев как независимый народ, управляемый епископами, подобными королям. Только в отличие от норвежских королей исландские епископы избирались народом. В то время как христианизация в Норвегии по сути была связана с королями, которые сначала объединили страну, в Исландии процесс был практически противоположным. Исландская христианская идентичность, которую «Пробуждающая голод» стремится сформировать и увековечить, — это идентичность народа, который в своей основе един, а когда после христианизации наступает время, епископ естественно — словно силой природы — занимает позицию местной власти.

В традиционном саговедении «Пробуждающую голод» принято причислять к иному жанру, а именно к «сагам о епископах». Самая ранняя из них — «Сага о святом Йоне», написанная в 1190-х годах монахом Гуннлаугом Лейвссоном на латинском языке, но дошедшая до нас в переводе на древнеисландский язык. Эта сага, посвященная первому епископу Северной четверти Исландии

³⁸ К сожалению, по отмеченному выше редакторскому недосмотру Й. Веллендорф ссылается здесь не на предшествующую главу коллективной монографии, а на статью Э. Мундал 1994 г.

Йону Эгмундарсону, стала образцом для «Саги о святом Торлаке» и «Саги о святом Гудмунде». Наряду с агиографическими епископскими сагами появились саги того же жанра, но исторического характера — например, «Сага о святом Пале», освещающая деятельность епископа Скальхольта³⁹. Й. Веллендорф склонен считать, что «Пробуждающая голод» занимает такое же место в ряду епископских саг, как «Обзор саг о норвежских конунгах» в ряду саг королевских: это — тоже первый краткий обзор, написанный тоже на родном языке, только вместо королей центральными фигурами выступают епископы. При этом его оценка жанровой принадлежности этого сочинения и ощутимых германских влияний на него вынуждают исследователя придавать излишнее значение выбору его автором местного языка вместо обычной для таких сочинений латыни. Мне трудно согласиться с утверждением Й. Веллендорфа о том, что использование родного языка для литературных целей возросло именно после появления этого сочинения. А почему не после «Обзора саг о норвежских конунгах» или «Легендарной саги об Олаве Святом»? По моему мнению, исследователем недооценен исландский литературный контекст: те «законы, либо саги, либо генеалогии» («lög eða sögur eða mannfæði»), которые, по утверждению автора «Пробуждающей голод», уже писались к его времени (т.е. к началу XIII в.) на народном языке, — это целый огромный пласт литературы (включающий и «Книгу об исландцах» Ари).

Подводя итог нашему обзору способов формирования национальной христианской идентичности в раннем историописании Скандинавских стран, подчеркнем еще раз, что раннесредневековая историография четко делится не по языковому признаку (латынь — народный язык), а по историко-географическому: датская, шведская (о которой в этой книге почему-то не было сказано ни слова)⁴⁰ и исландско-норвежская, единая по своим корням (т.к. остров в Атлантике был заселен по преимуществу норвежцами), но представленная разными жанрами письменности, выделившимися

³⁹ См.: Schier K. Sagaliteratur. Stuttgart, 1970. S. 67–71; Глазырина Г.В. Епископские саги // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009–2010. Т. 5. С. 189–190.

⁴⁰ См.: Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999; Швеция и шведы в средневековых источниках / Переводы, предисловия, комментарии А.Д. Щеглова, В.В. Рыбакова, А.Ю. Кузиной. М., 2007.

вследствие глубочайших различий в социальной структуре двух государств (королевство в Норвегии с ее святыми королями и «народовластие» в Исландии со святыми епископами). Разделение на «первую» и «вторую» волны историописания, на мой взгляд, становится весьма условным и искусственным при попытке наложения на него жестких хронологических рамок. Стратегии выражения (формулирования) христианской идентичности в древнескандинавских нарративах, как мы могли видеть, весьма разнообразны: конструирование ее не на фоне языческого прошлого, а на фоне огромной пустоты (как у Эльнота); стремление отодвинуть языческое прошлое своей страны как можно дальше (как у автора «Роскиллерской хроники»); интегрирование языческого прошлого в национальное повествование без единого намека на то, что автор имеет дело с мифическими или недостоверными историями (как у Свена Аггесена или автора «Истории Норвегии»); фокусирование внимания на религиозном значении событий, а не на самих событиях (как у Теодорика); создание осязаемой двучастной — до-христианской и христианской — структуры с целью продемонстрировать разницу между безнравственным языческим и превосходным христианским мирами (как у автора «Обзора»); инкорпорирование языческого прошлого в повествование так, чтобы показать, что смена религии была переломным моментом в истории, но и была сильная преемственность между языческим и христианским обществами (как у Ари Мудрого). Однако сомнительной видится априорная уверенность в том, что во всяком памятнике раннего историописания должна обнаружиться установка на формирование христианской идентичности и/или определение автором своего отношения к до-христианскому (=языческому) прошлому. Как справедливо отмечает упомянутая выше рецензент этой книги, статьи, опубликованные в данном томе, «наглядно демонстрируют значение конкретных политических и культурных условий, в которых рассматриваемые историографы формировали свои картины прошлого. Большинство из них вели диалог со своим собственным временем, пытаясь ответить на ожидания своей аудитории»⁴¹. Так, «Пробуждающая голод» в первую очередь стремится представить исландцев как единый не-

⁴¹ The Medieval Review, 10-08-12 // <<https://scholarworks.iu.edu/dspace/handle/2022/14635>> (24.04.2013): «The contributions clearly show the importance of the concrete political and cultural setting in which the historiographers under consideration were shaping their pictures of the past. Most of them dialogued with their own times, trying to answer the expectations of their audience».

зависимый народ, способный писать на своем родном языке, а уж затем как христиан, чтущих своих епископов.

В заключение следует подчеркнуть, что, несмотря на высказанные выше отдельные возражения, коллективная монография «Исторические нарративы и христианская идентичность на европейской периферии: Раннее историописание в Северной, Восточно-Центральной и Восточной Европе (ок. 1070–1200)» видится мне очень цельным, ценным и заслуживающим высокой оценки трудом большой группы крупных специалистов и знатоков тех раннесредневековых источников, о которых в ней идет речь.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Адам Бременский.* Деяния архиепископов гамбургской церкви: Фрагменты / Пер., предисл. и коммент. В.В. Рыбакова // Швеция и шведы в средневековых источниках. М., 2007. С. 129–154.
- Бусыгин А.В.* Монах Теодорик и его «История о древних норвежских королях» (Проблемы источниковедения) // ДГ, 1999 год: Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 86–92.
- Глазырина Г.В.* Епископские саги // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009–2010. Т. 5.
- Джаксон Т.Н.* Древняя Русь и Исландия: школы и центры учености в первые века христианства // Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы). М., 2010. С. 302–322.
- Джаксон Т.Н.* Последний великий викинг на норвежском престоле // Образы прошлого: Сб. памяти А.Я. Гуревича. М., 2011. С. 349–365.
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. 2-е изд., в одной книге, испр. и доп. М., 2012.
- Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1999.
- Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века / Пер. А. Руткевича. Долгопрудный, 1997.
- Назаренко А.В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 259–407.
- Роскильская хроника / Пер. с лат., предисл. и примеч. В.В. Рыбакова // ДГ, 2001 г.: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2005. С. 320–339.
- Рыбаков В.В.* Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008.
- Стеблин-Каменский М.И.* Культура Исландии. Л., 1967.
- Швеция и шведы в средневековых источниках / Переводы, предисловия, комментарии А.Д. Щеглова, В.В. Рыбакова, А.Ю. Кузиной. М., 2007.

- Andersson Th.M.* King's Sagas (*Konungasögur*) // Old Norse-Icelandic Literature: A Critical Guide. Ithaca; L., 1985. (Islandica; Vol. 45). P. 197–238.
- Braudel F.* Préface // *Szucs J.* Les trois Europes. P., 1990.
- Early Christianity on the Way from the Varangians to the Greeks / Ed. I.H. Garipzanov, O. Tolochko. Kiev, 2011. (Ruthenica. Supplementum; 4).
- Franks, Northmen, and Slavs: Identities and state formation in early medieval Europe / Ed. I.H. Garipzanov, P.J. Geary, P. Urbanczyk. Turnhout, 2008. (Cursor mundi; 5).
- Hermann P.* *Íslendingabók* and History // Reflections on Old Norse Myths. Turnhout, 2007. (Studies in Viking and Medieval Scandinavia; 1). P. 17–32.
- Historical narratives and Christian identity on a European periphery: Early history writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200) / Ed. I.H. Garipzanov. Turnhout, 2011. (Medieval texts and cultures of Northern Europe; 26).
- Hungrvaka // Biskupa sögur. II / Ásdís Egilsdóttir. Reykjavík, 2002. (ÍF; B. 16).
- Íslendingabók / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík, 1968. (ÍF; B. 1).
- Moberg O.* Två historiografiska undersökningar. 2: Danernas kristnande i den isländska litteraturen // *Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie*. 1945. S. 36–45.
- Mortensen L.B.* Introduction // *Historia Norvegie* / I. Ekrem, L.B. Mortensen; Transl. P. Fisher. Copenhagen, 2003.
- Mortensen L.B.* Sanctified Beginnings and Mythopoietic Moments: The First Wave of Writing on the Past in Norway, Denmark, and Hungary, c. 1000–1230 // *The Making of Christian Myths in the Periphery of Latin Christendom* (c. 1000–1300). Copenhagen, 2006. P. 247–273.
- Saga Óláfs Tryggvasonar av Oddr Snorrason munkr / Finnur Jónsson. København, 1932.
- Saints and their lives on the periphery: Veneration of saints in Scandinavia and Eastern Europe (c. 1000–1200) / Ed. I.H. Garipzanov, H. Antonsson. Turnhout, 2010. (Cursor mundi; 9).
- Schier K.* Sagaliteratur. Stuttgart, 1970.
- Strömbäck D.* The Conversion of Iceland. A Survey / Transl. and annotated by P. Foote. L., 1974 (reprint: 1997). (VSNR TS; Vol. 6).

Tatjana N. Jackson

EARLY SCANDINAVIAN HISTORIOGRAPHY:
TO THE PROBLEM OF NATIONAL CHRISTIAN
IDENTITY FORMATION

(concerning the collection of articles “Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070-1200)” / Ed. by Ildar H. Garipzanov. Turnhout: Brepols, 2011)

The reader holds now a detailed review of a collection of articles “Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200)” edited by Ildar H. Garipzanov and published in 2011. The purpose of this volume was to present a complete overview of the main early historical narratives written on the northern and eastern periphery of Europe from about 1070 to 1200, and to focus chiefly on their role in the construction of Christian identity in the first century after the adoption of Christianity. Unfortunately, the selected topic as well as the source material have not made it possible to draw a uniform picture of the process. And the reason for this is not only the diversity of modern national historiographies, which is rightly pointed to in the introduction written by the editor, but also some shortcomings of the original intention. Doubtful, in particular, seems an *a priori* belief that every early historical text should show up a tendency for the formation of Christian identity and/or an explication of the author’s attitude towards the pre-Christian (= pagan) past. With that, we have to agree with the editor that such polyphony helps us to better understand both medieval literary culture and modern medieval studies. In the opinion of the reviewer, early medieval historiography should be subdivided not along the linguistic lines: Latin or national language (as is done in the book), but on the historical and geographical basis: Danish and Swedish historiographies (somehow not even mentioned in the book), Icelandic and Norwegian, close in their origin (since Iceland had been settled primarily from Norway) but differing in genres that had emerged under the consequence of profound differences in the social structure of the two states (the Kingdom of Norway, with its holy kings and the democracy in Iceland with its saint bishops). Strategies of expressing (formulating) Christian identity in Old Norse narratives, as the book demonstrates, are really diverse. Despite some shortcomings, the book under review is a solid, valuable and commendable work of a large group of leading specialists and experts in the field of those early medieval sources that are discussed here.

Key words: Middle Ages, historical writing, Norway, Iceland, Denmark, Christianity, paganism

В.И. Матузова

*Starnawska M. ŚWIĘTYCH ŻYCIE PO ŻYCIU: RELIKWIE
W KULTURZE RELIGIJNEJ NA ZIEMIACH POLSKICH W
ŚREDNIOWIECZU. Warszawa, 2008*

(*Старнавская М. Жизнь после жизни: Мощи святых в религиозной культуре на польских землях в Средние века. Варшава, 2008*)

Профессор М. Старнавская исследует проблему влияния мощей святых на польскую религиозную культуру Средневековья (конец X — 20-е годы XVI в.), сосредотачиваясь преимущественно на Гнезненском архиепископстве. В пяти главах книги автор анализирует типы и иерархию святых мощей, их применение и их роль в жизни христианских общин и каждого человека. Периодом расцвета культа святых мощей был XIII век.

Ключевые слова: Средние века, Польша, Гнезненское архиепископство, мощи

Доктор Мария Старнавская — адъюнкт в Институте истории Подляской академии в Седльце. Окончила исторический факультет Варшавского университета, докторскую диссертацию защитила в Институте истории Польской академии наук. Занимается историей Церкви и религиозной культуры в средневековой Польше. Она — автор работы «Между Иерусалимом и Луковым»¹, посвященной истории монашеских и духовно-рыцарских орденов на землях Польши в Средние века, и многих статей по истории монашеских орденов в средневековой Польше.

В Средние века культ святых мощей и реликвий (предметов, имевших контакт с телом святых) играл важную роль в религиозной жизни Польши благодаря вере в то, что святые и даже сам Христос

¹ См. рец.: *Starnawska M. Między Jerozolimą a Łukowem: Zakony krzyżowe na ziemiach polskich w średniowieczu. Warszawa: Wydawnictwo "DIG", 1999. 416 s. Старнавская М. Между Иерусалимом и Луковом: духовно-рыцарские ордены на польских землях в эпоху Средневековья // ВИ. 2003. № 2. С. 171–173.*

присутствуют в мощах и реликвиях в том обществе, которое их хранит. Мощи святых покровителей, реликвии, связанные с Иисусом Христом и Девой Марией были типичными предметами религиозного культа. Хотя мощи принадлежали к материальному миру, люди Средневековья верили, что между мощами и душами святых, пребывающих рядом с Богом, существует особая связь. Прежде всего это относится к реликвиям, связанным с Христом. Таким образом, в мощах и реликвиях происходило взаимное проникновение материальной и духовной реальностей. Согласно народному поверью, возникшему в поздней Античности и раннем Средневековье и в конце концов легализованному Папой Римским Григорием Великим, душа святого, пребывающего рядом с Богом, могла творить чудеса, нередко являющиеся рядом с мощами и приписываемые священной силе (*virtus*). Средневековое восприятие мощей оказывало огромное влияние на религиозную культуру этого исторического периода.

В центре внимания рецензируемого исследования — мощи святых, хранившиеся в Средние века в Гнезно, а также вблизи этого церковного центра. Хронологические рамки работы — конец X в. (крещение Польши) — 20-е годы XVI в. (начало религиозных и культурных преобразований, вызванных Реформацией и тенденциями эпохи Возрождения).

В книге пять глав. В главе 1 описываются разновидности мощей, сохранившихся в Польше, а также их иерархия и появление в Гнезненской церковной митрополии. Говорится об обретении, хранении и проверке подлинности мощей. В результате тщательного исследования сохранившихся реликвий автор книги делает вывод об увеличении количества мощей (как целых тел, так и частиц) в церквях Гнезненской митрополии на протяжении X–XIII вв., а также об изменении доступа к ним верующих. Эти изменения были вызваны в первую очередь развитием структуры польской церкви (появлением множества приходских церквей, монастырей, госпиталей и т.п.), в том числе и Гнезненской митрополии, вследствие чего увеличилось число учреждений, в которых хранились мощи. Частицами мощей владели и отдельные люди, прежде всего светские и духовные князья, численность которых увеличилась к XIV–XV вв. На протяжении обозначенного периода изменился и характер хранения мощей. Наблюдается тенденция их выставления, благодаря чему верующие получали более свободный доступ к святым мощам. Таким образом, мощи святых, увеличиваясь в количестве, одновременно становились ближе к верующим.

В главе 2 речь идет об обрядах, проводившихся с использованием мощей, присутствуя на которых верующие могли поклоняться святым мощам. К таким обрядам, создающим культ святых мощей, относятся обречение святых мощей, их перенесение, освящение церквей, крестные ходы, во время которых выносили святые мощи. Большее распространение получает обычай посещать места захоронения святых или хранения их мощей с целью увидеть являемые ими чудеса или просить о чуде (например, исцеления). Постепенно меняется характер контакта верующих со святыми мощами: наряду с физическим возникает контакт духовный, проявляющийся в молитве, обращенной к святому, мощи которого находятся далеко от молящегося.

В главе 3 проводится анализ феномена святости мощей. На протяжении Средневековья по мере укрепления христианства крепло и убеждение верующих в том, что святые продолжают жить в своих мощах. В песнопениях, исполняемых во время обрядов освящения церквей и церковных алтарей, частицы святых мощей отождествлялись с самими святыми. Отсюда — сила (*virtus*) святых мощей, признаками святости которых было исходившее от них чудесное сияние или аромат святости (*odor sanctitatis*). К таким же признакам относились и кружащиеся над телами святых птицы или появление святых вблизи места хранения их мощей. Однако дробление мощей святых и увеличение количества святых частиц привело к возникновению убеждения, что святой присутствует не только в месте своего погребения, но и во множестве других мест, где хранится его, пусть даже самая мелкая, частица. Поэтому посещение могилы святого уже не имело особого значения, поскольку к святому можно было обратиться в молитве даже в отсутствие его мощей.

В главе 4 исследуется роль мощей как основы порядка в жизни государства, города или церковной общины. Такая роль приписывалась мощам святых на протяжении всего Средневековья, и проявлялась она при совершении разного рода обрядов. В Польше такую роль играли как тела святых Войцеха, Флориана и Станислава, так и частицы мощей, которые выносили в крестных ходах. В каждой частице, независимо от ее величины, присутствовали святые или сам Христос. Однако по мере изменения религиозной жизни менялись и формы обрядов. До XIII в. обряды совершались в присутствии верующих, собиравшихся на могиле святого. В XIV–XV вв., когда хранение частиц мощей приобрело особое распространение, кроме

традиции паломничеств, совершаемых правителями в святые места, гораздо чаще совершался обряд вынесения мощей во время крестных ходов при встрече правителя или его коронации и т.п.

Глава 5 сосредоточена на роли культа мощей в разных проявлениях личной религиозности.

Работа в целом представляет яркую картину истории мощей и впечатляет своей масштабностью. Хотя М. Старнавская ограничивает пространственные рамки работы Гнезненской церковной митрополией, используемый автором материал настолько обширен, что он по сути охватывает не только Гнезно и Польшу, но и Европу в целом. Конечно, первостепенная ценность данной работы — в исчерпывающем тщательном анализе любовно собранного материала, представляющего интерес для множества профессионалов: в первую очередь — для историков-полонистов, а также для археологов, для историков-медиевистов, занимающихся историей средневековой церкви, и для медиевистов-культурологов, ставящих в центр своих исследований человека Средневековья. При этом исследование является уже не только картиной истории святых мощей, но и захватывающую картину духовной жизни людей Средневековья. Композиционную структуру исследования можно назвать образцовой.

В книге имеется обширная библиография, содержащая перечень рукописных и опубликованных письменных источников, а также научных исследований на польском, немецком, итальянском, английском и французском языках.

Vera I. Matuzova

*M. Starnawska. LIFE AFTER LIFE:
RELICS IN RELIGIOUS CULTURE IN MEDIEVAL POLAND
(Warszawa, 2008)*

Professor M. Starnawska explores the problem of the impact of the relics of saints on Polish religious culture in the Middle Ages (from the late tenth century to the 1520s). She concentrates on the area of Gniezno ecclesiastical metropolis. In five chapters the author analyzes the kinds of relics and their hierarchy, their use, their role in the life of communities and in personal religiousness. The decisive period in the development of the cult was the thirteenth century.

Key words: Middle Ages, Poland, the Archbishopric of Gniezno, relics

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АВИИУ — Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1951. № 2, 3.
- Ам. — *Истрин В.М.* Книги временья и образья Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1: Текст.
- БАН — Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- ВВ — Византийский временник. М.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВЕДС — Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: Мат-лы конф. М.
- ВЭ — Вопросы эпиграфики. М.
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина (ныне – РГБ)
- ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
- Густ. — Густынская летопись
- ДГ — Древнейшие государства Восточной Европы (до 1990 г. – Древнейшие государства на территории СССР): Материалы и исследования. М.
- ДРВМ — Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.
- ДРСМ — Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общ. ред. Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М., 2014.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- Зап. РАН — Записки Российской академии наук.
- ЕЛ — Летописец Еллинский и Римский
- ЕЛ-1 — Летописец Еллинский и Римский 1-й редакции
- ЕЛ-2 — Летописец Еллинский и Римский 2-й редакции
- ИДВТД — История Древнего Востока: Тексты и документы / Под ред. В.И. Кузищина. М., 2002.
- ИЗ — Исторические записки. М.
- ИИ — Источниковедческие исследования. М.
- ИОΡЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской (после 1917 г. – Российской) Академии наук. СПб.; Пг.
- Ипат. — Ипатьевская летопись
- ИФЖ — Историко-филологический журнал. Ереван
- КЗ — *Снорри Стурлусон.* Круг земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.; Л., 1980 (2-е изд.: 1995).
- ЛА — Латинская Америка. М.
- ЛХ — Летописи и хроники.
- МГУ — Московский государственный университет.
- Мовсес I — *Мовсес Хоренаци.* История Армении / Критич. текст и предисл. М. Абеяна и С. Арутюняна; Факсим. изд. с дополнениями А.Б. Саргсяна. Ереван, 1991.

- Мовсес II — *Мовсес Хоренаци. История Армении* / Пер. с древнеарм. яз., введ. и примеч. Г.Х. Саркисяна. Ереван, 1990.
- Н1 — Новгородская I летопись
- Н1мл. — Новгородская I летопись младшего извода
- НИС — Новгородский исторический сборник. Л.; СПб.
- Нтр. — РНБ. НСРК F15.
- ОГК — Общество и государство в Китае: Науч. конф. М.
- ОИ — Отечественная история. М.
- ПВЛ — «Повесть временных лет»
- ПВЛ 1996 — Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва; Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.
- ПИ — Проблемы источниковедения. М.
- ППВ — Письменные памятники Востока. М.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997 (репринт изд.: Л., 1926–1928).
Т. 2 (1-е изд.): Ипатьевская летопись. СПб., 1848.
Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998 (репринт изд.: СПб., 1908).
Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000 (репринт изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950).
Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. М., 2000 (репринт изд.: Пг., 1915. Вып. 1; Л., 1925. Вып. 2; Л., 1929. Вып. 3).
Т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989.
Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002.
- ПЭ — Православная энциклопедия. М.
- РАН — Российская Академия наук.
- РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
- РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
- СА — Советская археология. М.
- СВ — Средние века. М.
- Син. — Синодальный список Н1 (Н1 старшего извода)
- СККДР. Вып. 1 — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.).
- СМИКЭ — Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция
- СОРЯС — Сб. Отд. русского языка и словесности Академии наук.
- СР — Средневековая Русь. М.
- СТ — Советская тюркология. Баку.
- СЭ — Советская этнография. М.
- ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом).

- ТС — Тюркологический сборник. М.
- ХВИ — Хронограф по Великому изложению
- ЧОИДР — Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. М.
- Фавстос I — Фавстоса Бузандаци История Армении. СПб., 1883 (на арм. яз.).
- Фавстос II — История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с древнеарм. и коммент. М.А. Геворгияна; Под ред. С.Т. Еремяна; Вступ. статья Л.С. Хачикяна. Ереван, 1953.
- ÄID I — *Meyer K. Über die älteste irische Dichtung: I. Rhythmische alliterierende Reimstrophen // Abhandlungen der könig. Preuss. Akademie der Wissenschaften. Jahrgang 1913. Phil.-Hist. Classe. 1913. № 6. P. 1–61.*
- ÄID II — *Meyer K. Über die älteste irische Dichtung: II. Rhythmische alliterierende reimlose Strophen // Abhandlungen der könig. Preuss. Akademie der Wissenschaften. Jahrgang 1913. Phil.-Hist. Classe. 1914. № 10. P. 1–40.*
- Ann. Alt. — *Annales Altahenses maiores / Ed. W. de Giesebrecht, E.L.B. ab Oefele. Hannover, 1891. (MGH SRG; [T. 4]).*
- Ann. Hild. — *Annales Hildesheimenses / Ed. G. Waitz. Hannover, 1878. (MGH SRG; [T. 8]).*
- Ann. Quedl. — *Die Annales Quedlinburgenses / Hrsg. M. Giese. Hannover, 2004. (MGH SRG; T. 72).*
- Ann. Saxo — *Die Reichschronik des Annalista Saxo / Hrsg. K. Nass. Hannover, 2006. (MGH SS; T. 37).*
- АОН — *Acta Orientalia Hungarica. Budapest.*
- ASE — *Anglo-Saxon England. Cambridge.*
- BASOR — *Bulletin of the American Schools of Oriental Research. New Haven.*
- BG — *C. Iulii Caesaris Commentarii rerum gestarum. Leipzig, 1987. Vol. I: Bellum Gallicum / Ed. W. Hering.*
- BS — *The Ban-shenchus / Ed. M. ni C. Dobbs // Revue Celtique. 1930. Vol. XLVII. P. 283–339; 1931. Vol. XLVIII. P. 163–234; 1932. Vol. XLIX. P. 437–489 (указывается номер тома и страница).*
- BSFE — *Bulletin de la Société française d'égyptologie. P.*
- CdÉ — *Chronique d'Égypte. Bruxelles*
- Cedr. 1–2 — *Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope / Suppl. et emend. ab I. Bekkero. Bonnae, 1838–1839. T. 1–2. (CSHB).*
- CGH — *Corpus Genealogiarum Hiberniae, Vol. 1 / Ed. M.A. O'Brien. Dublin, 1962 (repr. 2001) (при цитировании приводится номер страницы рукописи [Rawl. 502 или LL; в последнем случае название рукописи указывается], обозначение колонки и номер строки [например, 155 b 15]).*
- CGSH — *Corpus Genealogiarum Sanctorum Hiberniae / Ed. P. Ó Riain. Dublin, 1985 (указывается номер записи).*
- Cl.-Vigf. — *Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. 2nd ed. Oxford, 1975.*

- Cosm. — Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag / Hrsg. B. Bretholz. B., 1923. (MGH SRG NS. T. 2).
- CSHB — Corpus fontium historiae Byzantinae.
- Diod. — *Diodorus*. Bibliotheca historica / Post I. Bekker et L. Dindorf recogn. Fr. Vogel. Leipzig, 1985. Vol. II.
- EEMF — Early English Manuscripts in Facsimile. Copenhagen.
- EHR — The English Historical Review. L.
- The Epic Histories. — Histories Attributed to Pawstos Buzand (Buzandaran Patmutiwnk) / Transl. and commentary by N.G. Garsoïan. Cambridge (Mass.), 1989.
- Hkr. — Heimskringla Snorra Sturlusonar / Bjarni Adalbjarnarson. Reykjavík, 1941–1951. B. 1–3. (ÍF; 26–28).
- HUS — Harvard Ukrainian Studies. Cambridge (Mass.).
- Íb. — Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson gáf út. Reykjavík, 1968. (ÍF; 1).
- ÍF — Íslenzk fornrit. Reykjavík.
- GM — Göttinger Miscellen. Göttingen
- LL — The book of Leinster, formerly Lebar na Núachongbála / Ed. by R.I. Best, O. Bergin, M.A. O'Brien and A. O'Sullivan. Dublin, 1954–1983. Vols. 1–6.
- LSS — Leipziger Semitische Studien. Leipzig.
- Lübke 1–5 — *Lübke Ch.* Regesten zur Geschichte der Slaven an Elbe und Oder vom Jahr 900 an. B., 1984–1988. Teile 1–5. (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe I: Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens; Bd. 131, 133, 134, 152, 157).
- MGH SRG — Monumenta Germaniae historica in usum scholarum separatim editi.
- MGH SRG NS — MGH Scriptores rerum Germanicarum. Nova series.
- MGH SS — Monumenta Germaniae historica. Series scriptores (in folio).
- MPH — Monumenta Poloniae historica — Pomniki dziejowe Polski.
- MPH NS — Monumenta Poloniae Historica. Nova series.
- OMCTH — Ordines militares colloquia Torunensia historica. Toruń.
- PRIA — Proceedings of the Royal Irish Academy.
- REA — Revue des études arméniennes.
- RÉHR — Religions en Égypte hellénistique et romaine. Colloque de Strasbourg, 16–18 mai, 1967. P.
- RC — Revue Celtique.
- RL — Russian Linguistics.
- SAK — Studien zur Altägyptischen Kultur. Hamburg.
- SBVS — Saga-Book of the Viking Society.
- Scyl. — Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Ed. princeps, rec. I. Thurn. B.; N.Y., 1973. (Corpus fontium historiae Byzantinae; Vol. 5).

- SI — *Studia Islamica*. P.
- SRP — *Scriptores rerum Prussicarum*.
- SSS — *Słownik Starożytności Słowiańskich*. Encyklopedyczny zarys kultury słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII / Pod. red. W. Kowalenki, G. Labudy, T. Lehra-Splawińskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961–1996. T. 1–8.
- St. Źr. — *Studia Źródłoznawcze – Commentationes*. Poznań; Warszawa.
- SUGNL — *Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur*.
- Thietm. — *Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung* / Hrsg. R. Holtzmann. B., 1935. (MGH SRG NS; T. 9).
- VSNR TS — *Viking Society for Northern Research. Text Series*. L.
- WBEASE — *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England* / Ed. by M. Lapidge, J. Blair, S. Keynes, and D. Scragg. 2nd ed. Chichester, 2014.
- ZCP — *Zeitschrift für celtische Philologie*.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Арутюнова-Фиданян Видада Артуровна* — д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН
- Банищикова Анастасия Алексеевна* — канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института Африки РАН
- Беляев Дмитрий Дмитриевич* — канд. ист. наук, доцент Мезоамериканского учебно-научного центра имени Ю.В. Кнорозова Факультета истории, политологии и права Рос. гос. гуманитар. ун-та
- Бондаренко Дмитрий Михайлович* — д-р ист. наук, проф., проф. РАН; зам. директора по научной работе Института Африки РАН; проф. Рос. гос. гуманитар. ун-та
- Вилкул Татьяна Леонидовна* — канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института истории Украины Национальной Академии Наук Украины (Киев)
- Гимон Тимофей Валентинович* — д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН, ст. науч. сотр. Исторического ф-та Гос. акад. ун-та гуманитар. наук
- Глазырина Галина Васильевна* — канд. ист. наук, вед. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН
- Джаксон Татьяна Николаевна* — д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН
- Дробышева (Бубнова) Мария Михайловна* — мл. науч. сотр. Исторического ф-та Гос. акад. ун-та гуманитар. наук
- Живлова (Чехонадская) Нина Юрьевна* — канд. ист. наук, ст. преп. кафедры древних языков Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- Калинина Татьяна Михайловна* — канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН
- Кляшторный Сергей Григорьевич (1928–2014)* — д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Института восточных рукописей РАН
- Красова Анна Александровна* — выпускница аспирантуры Исторического факультета Гос. акад. ун-та гуманитар. наук
- Матузова Вера Ивановна* — канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН
- Мельникова Елена Александровна* — д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН
- Назаренко Александр Васильевич* — д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН, гл. науч. сотр. Института российской истории РАН
- Рёзе Петер Макс* — этнограф, историк (Лаутерталь, Германия)
- Сидоров Александр Иванович* — д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН
- Столярова Любовь Викторовна* — д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН
- Суриков Игорь Евгеньевич* — д-р ист. наук, гл. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН
- Ульянов Марк Юрьевич* — канд. ист. наук, доц., зав. кафедрой китайской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова
- Щавелев Алексей Сергеевич* — канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (*Д.Д. Беляев, Т.В. Гимон*). 5

Дохристианские и неевропейские общества

<i>А.А. Банщикова</i> . Историописание без истории: Египетское восприятие прошлого и его фиксация	25
<i>А.А. Красова</i> . Ассирийское историописание XIV–VII вв. до н.э.: Многообразие жанров	38
<i>М.Ю. Ульянов</i> . К характеристике процесса сохранения исторической памяти в древнем Китае периода Чуньцзо (771–453 гг. до н.э.)	71
<i>И.Е. Суриков</i> . «В круге первом»: Появление древнейших памятников европейского историописания (Греция VI–V вв. до н.э.)	168
<i>Д.Д. Беляев</i> . Зарождение историописания в древней Мезоамерике	203
С.Г. Кляшторный . Рождение древнетюркской историографии: Рунические памятники Великой степи	241
<i>Т.М. Калинина</i> . Ал-Мас‘уди как историк (на примере «Книги предупреждения и пересмотра»)	259
<i>Д.М. Бондаренко, П.М. Рёзе</i> . Историописание без письменности? Условные значки и рисунки как средство хранения и передачи исторической информации в доколониальном Бенине.	281

Христианское Средневековье

<i>В.А. Арутюнова-Фиданян</i> . Устная история в ранней армянской историографии: К вопросу о механизмах культурной преемственности	303
<i>Н.Ю. Живлова</i> . Генеалогии и раннее историописание в Ирландии	324
<i>Т.В. Гимон</i> . Зарождение историописания в Англо-Саксонской Англии	365
<i>А.И. Сидоров</i> . Малые формы большой истории в зеркале средневековых манускриптов (по материалам южногерманских рукописей IX–XI вв.)	439
<i>Е.А. Мельникова</i> . Генеалогия и начала исландско-норвежского историописания.	464
<i>Г.В. Глазырина</i> . Первый историограф Исландии Сэмунд Мудрый.	527

<i>В.И. Матузова.</i> Начало историописания Тевтонского ордена в Пруссии	552
<i>А.С. Щавелев.</i> Еще раз о мифопоэтических устных источниках средневекового историописания: Рассказы об основателях династий у Галла Анонима и Снорри Стурлусона	565
<i>А.В. Назаренко.</i> Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии	593
<i>Т.Л. Вилкул.</i> О хронографических источниках «Повести временных лет» и времени появления древнерусских хронографов	655
<i>М.М. Дробышева.</i> Летописные надписи-граффити киевского Софийского собора (XI–XII вв.) как форма историописания	706
<i>Л.В. Столярова.</i> Исторические записи на древнерусских книгах (из опыта анализа записи на кормчей 1286 г.)	725
<i>Т.В. Гимон.</i> К проблеме зарождения историописания в Древней Руси	748

Рецензии

<i>Т.Н. Джексон.</i> Раннее историописание скандинавских стран: К проблеме формирования национальной христианской идентичности (по поводу коллективной монографии <i>Nistorical Narratives and Christian Identity on a European Periphery</i> (с. 1070–1200) / Ed. by I.N. Garipzanov. Turnhout, 2011)	801
<i>В.И. Матузова.</i> <i>Starnawska M.</i> Świętych życie po życiu: Relikwie w kulturze religijnej na ziemiach polskich w średniowieczu. Warszawa, 2008. (<i>Старнавская М.</i> Жизнь после жизни: Мощи святых в религиозной культуре на польских землях в Средние века. Варшава, 2008).	836
Список принятых сокращений	840
Сведения об авторах	845

CONTENTS

Preface (*D.D. Beliaev, T.V. Guimon*) 5

Pre-Christian and non-European societies

A.A. Banshchikova. Historical writing without history:

The perception and the recording of the past in Ancient Egypt 25

A.A. Krasova. Historical writing of Assyria in the fourteenth–seventh centuries B.C.: The diversity of genres 38

M.Yu. Ulyanov. On the process of preservation of historical memory in Ancient China of Chunqiu Period (771–453 B.C.) 71

I.E. Surikov. “In the first circle”: The emergence of the most ancient pieces of European historiography (Greece, the sixth–fifth centuries B.C.) 168

D.D. Beliaev. The beginning of historical writing in Ancient Mesoamerica 203

S.G. Klyashtornyi. The birth of Ancient Turkic historiography:

The runic monuments of the Great Steppe 241

T.M. Kalinina. Al-Mas‘udi as a historian: *Kitab al-tanbih wa-l-ishraf*. 259

D.M. Bondarenko, P. Roese. Historiography without writing?

Abstract signs and pictorial marks as a means of historical and cultural information preservation and transmission in precolonial Benin 281

The Christian Middle Ages

V.A. Arutyunova-Fidanyan. Oral tradition in the Armenian historiography: On the mechanisms of cultural continuity 303

N.Yu. Zhivlova. Genealogies and early historical writing in Ireland 324

T.V. Guimon. The beginnings of historical writing in Anglo-Saxon England 365

A.I. Sidorov. Little forms of big history in medieval manuscripts (some books from South Germany of the ninth–eleventh centuries) 439

E.A. Melnikova. Genealogy and the beginnings of Norse-Icelandic historical writing 464

G.V. Glazyrina. Sæmundr the Wise, the first history writer in Iceland . . . 527

V.I. Matuzova. The beginning of historical writing of the Teutonic Order in Prussia 552

A.S. <i>Shchavelev</i> . Once again on mythical-epic oral sources of medieval historical writing: Gallus Anonymus' and Snorri Sturluson's stories of dynasty's founders	565
A.V. <i>Nazarenko</i> . Verifiable annual dates in the early Rus chronicles and their significance for the study of historical writing in Rus	593
T.L. <i>Vilkul</i> . On the chronographic sources of the <i>Primary Chronicle</i> and the dating of the earliest Rus <i>khronographs</i>	655
M.M. <i>Drobysheva</i> . Historical <i>graffiti</i> from the St Sophia Cathedral of Kiev (the eleventh and the twelfth centuries) as a form of historical writing.	706
L.V. <i>Stolyarova</i> . Historical inscriptions in Old Rus books (an analysis of the inscription of the <i>Kormchaia</i> of 1286)	725
T.V. <i>Guimon</i> . On the beginnings of historical writing in Old Rus	748

Reviews

T.N. <i>Jackson</i> . Early Scandinavian historiography: To the problem of national Christian identity formation (concerning the collection of articles "Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070-1200)" / Ed. by Ildar H. Garipzanov. Turnhout, 2011)	801
V.I. <i>Matuzova</i> . <i>Starnawska M. Świętych życie po życiu: Relikwie w kulturze religijnej na ziemiach polskich w średniowieczu</i> . Warszawa, 2008 (<i>Starnawska M. Life after life: Relics in religious culture in medieval Poland</i> . Warsaw, 2008).	836
Abbreviations.	840
Notes on contributors.	845

**КНИГИ,
ИЗДАННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ УНИВЕРСИТЕТА
ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО
(Русский фонд содействия образованию и науке)**

**Более подробную информацию о наших книгах
(аннотации, оглавления, отдельные главы)
Вы можете найти на сайте www.s-and-e.ru**

ГЕОПОЛИТИКА, ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

1. *Валлерстайн Иммануил* Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. *Immanuel Wallerstein* The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. Предисловие Дерлугьяна Г.М., пер. с английского, литер. редакт., комм. Проценко Н., Черняев А.
2. *Люттвак Эдвард Н.* Стратегия: логика войны и мира. *Edward N. Luttwak* The Strategy: Logic of War and Peace. Перевод с английского Коваль А.Н.
3. *Люттвак Эдвард Н.* Государственный переворот: практическое пособие. *Edward N. Luttwak* Coup d'Etat: Practical Handbook. Перевод с английского Платошкин Н.Н.
4. *Люттвак Эдвард Н.* Подъем Китая vs. логика стратегии. *Edward N. Luttwak* The Rise of China vs. the Logic of Strategy (*выйдет в 2015 году*)
5. Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова / отв. ред. О.В. Кудрявцева
6. *Кикнадзе В.Г.* Невидимый фронт войны на море. Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века
7. *Козлов Д.Ю.* Нарушение морских коммуникаций по опыту действий российского флота в Первой мировой войне (1914–1917)
8. *Котельников В.Р.* Отечественные авиационные поршневыми моторы 1910–2009

9. *Степанов А.С.* Развитие Советской Авиации в Предвоенный Период (1938 – первая половина 1941 года)
10. *Свойский Ю.М.* Военнопленные Халкин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен
11. *Садатоси Томиока* Политическая стратегия до начала войны. Точка зрения Императорского Флота
12. *Рашид Ахмед* Талибан. Перевод с английского Поваляев М.В.
13. Формирование территории Российского государства. XVI – начало XX в. (границы и геополитика) / отв. ред. Е.П. Кудрявцева

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

14. Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники / отв. ред. А.С. Степанов
15. *Мазов С. В.* Холодная война в «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960–1964
16. *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление
17. *Симонов Н.С.* Несостоявшаяся информационная революция. Условия и тенденции развития в СССР электронной промышленности и СМИ. 1940–1969 гг.
18. *Платошкин Н.Н.* Чили 1970–1973 гг. Прерванная модернизация
19. *Платошкин Н.Н.* Весна и осень Чешского социализма. Чехословакия: 1938–1968 гг. (*выйдет в 2015 году*)
20. Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений / отв. ред. Н.И. Егорова
21. *Улунян Ар.А.* Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. – 1980 г.)

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

22. *Исэров А. А.* США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815– 1830»

23. *Платошкин Н.Н.* История Мексиканской революции. Том 1: Истоки и победа. 1810–1917 гг.
24. *Платошкин Н.Н.* История Мексиканской революции. Том 2: Выбор пути. 1817– 928 гг.
25. *Платошкин Н.Н.* История Мексиканской революции. Том 3: Время радикальных реформ. 1828–1940 гг.
26. *Платошкин Н.Н.* Чили 1970–1973 гг. Прерванная модернизация
27. *Платошкин Н.Н.* Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года
28. *Платошкин Н.Н.* Сандинистская революция в Никарагуа. Предыстория и последствия

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

29. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Античные источники Том I / сост. А.В. Подосинов, под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой
30. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Византийские источники. Том II / сост. М.В. Бибииков, под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой
31. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Восточные источники. Том III / сост. И.Г. Коновалова, под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой
32. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Западноевропейские источники. Том IV / сост. А.В. Назаренко, под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой
33. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Древнескандинавские источники. Том V / под ред. Г.В. Глазыриной, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельниковой
34. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е.А. Мельниковой
35. *Столярова Л.В., Каштанов С.М.* Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.)
36. *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. Из серии: Древнейшие государства Восточной Европы
37. Древнейшие государства Восточной Европы. Пространство и время в средневековых текстах / под ред. Г.В. Глазыриной

38. *Пацуро В.Т.* Русь. Прибалтика. Папство. Из серии: Древнейшие государства Восточной Европы
39. Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / под ред. Е.А. Мельниковой
40. Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте / под ред. Г.В. Глазыриной
41. *Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия
42. Самые забавные лживые саги: Сборник статей в честь Галины Васильевны Глазыриной / под редакцией Т.Н. Джаксон
43. Висы дружбы: Сборник статей в честь Т.Н. Джаксон / под ред. Н.Ю. Гвоздецкой, И.Г. Коноваловой, Е.А. Мельниковой, А.В. Подосинова
44. *Лидов А.М., Евсеева Л.М., Чугреева Н.Н.* Спас Нерукотворный в русской иконе
45. *Евсеева Л.М.* Аналогичные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия
46. *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование
47. *Пулькин М.В.* Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX в.)
48. *Поливанова А.К.* Старославянский язык. Грамматика. Словари
49. *Каптанов С.М.* Московское царство и Запад
50. *Калинина Т.М.* Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников)

ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

51. *Логинов К.К.* Обряды, обычаи и конфликты традиционного жизненного цикла русских Водлозерья
52. *Криничная Н.А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии
53. *Толстая С.М.* Образ мира в тексте и ритуале
54. *Иванова Л.И.* Персонажи карельской мифологической прозы
55. *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция

56. *Лобанова Н.В., Филатова В.Ф.* Археологические памятники в районе Онежских петроглифов
57. *Лобанова Н.В.* Петроглифы Онежского озера
58. *Ольговский С.Я.* Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII–V вв. до н.э. По материалам Нижнего Подбужья и Среднего Поднепровья

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

59. *Рахаев Д.Я.* Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века
60. Немецкие хроники X – XI вв. и Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви
61. *Кацтанов С.М.* Исследование о молдавской грамоте XV века
62. *Нориджская Юлиана.* Откровения Божественной Любви. Пер., вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. *Julian of Norwich Revelations of Divine love / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina*
63. *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе
64. *Ауров О.В., Марей А.В.* Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст, Перевод, Исследование
65. *Афанасьева Т.И.* Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: исследование и тексты
66. *Афанасьева Т.И.* Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI–XV вв.)
67. *Хантингдонский Генрих.* История англоv. Перевод с латинского, вступ. ст., примеч., библиография и указатели Мереминского С.Г.
68. *Долеман Р. (Парсонс Роберт)* Рассуждение о наследовании английского престола. 1594 г. Перевод Серёгиной А.Ю.
69. *Агишев С.Ю.* Теодорик Монах и его «История о древних норвежских королях»
70. Святитель Хроматий Аквилейский. Проповеди. Вступительная статья и перевод Кима С.С.
71. *Ганина Н.* Мехтильда Магдебургская. Струющийся свет Божества. Перевод и исследования

72. Пётр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг.). Документы / сост.: М.Ю. Анисимов, Ю.П. Аншаков, Р. Распопович, Н.Н. Хитрова

АНТИЧНОСТЬ И ВИЗАНТИНИСТИКА

73. *Позднев М.М.* Психология искусства. Учение Аристотеля
74. *Суриков И.Е.* Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин
75. *Суриков И.Е.* Античный полис
76. *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц
77. *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира
78. *Суриков И.Е.* Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры
79. *Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, Г.Р. Цецхладзе*
80. *Ревзин Г.* Путешествие в Античность. Комплект фотографий и чертежей античных памятников с комментариями
81. *Виноградов А.Ю.* Миновала уже зима языческого безумия. Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики
82. *Вальков Д.Б.* Генуэзская эпиграфика Крыма
83. *Файер В.В.* Александрийская филология и гомеровский гекзаметр
84. *Файер В.В.* Рождение филологии. «Илиада» в Александрийской библиотеке
85. Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / отв. ред. А.В. Подосинов, О.Л. Габелко
86. *Ермолаева Е.Л.* Гомер. Илиада. XVIII песнь «Щит Ахилла»
87. *Гай Юлий Цезарь.* Записки о войне с галлами. Книга 1. Введение и комментарии С.И. Соболевского
88. *Гай Юлий Цезарь.* Записки о войне с галлами. Книга 2–4. Введение и комментарии С.И. Соболевского
89. *Жмудь Л.Я.* Пифагор и ранние пифагорейцы
90. *Кузьмин Ю.Н.* Аристократия Берои в эпоху эллинизма

91. *Смирнов С.В.* Государство Селевка I (политика, экономика, общество)
92. *Прокл Диадок.* Комментарий к первой книге «Начал» Евклида. Перевод Щетникова А.И.
93. *Завойкина Н.В.* Боспорские фиасы: между полисом и монархией
94. С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В.П. Толстикова / под ред. Д.В. Журавлева, О.Л. Габелко
95. *Кузьмин Ю.Н.* Аристократия Бeroи в эпоху эллинизма

ВИЗАНТИЯ И ЕЕ ОКРУЖЕНИЕ

96. *Люттвак Эдвард Н.* Стратегия Византийской империи. *Edward N. Luttwak The Grand Strategy of the Byzantine Empire.* Перевод с английского Коваль А.Н.
97. Хроника Симеона Магистра и Логофета. Перевод со среднегреческого Виноградова А.Ю., вступительная статья и комментарии Кузенкова П.В.
98. *Виноградов А.Ю.* «Деяния Андрея и Матфия в городе людоедов»: опыт прочтения одного апокрифа
99. *Золотарёв М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Макленнан Р., Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г. при участии Олениной Е.* Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994-1998 гг. Херсон. Том I
100. *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Том II Часть I
101. *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Том II Часть II
102. *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Том II Часть III

ЖУРНАЛ «АРИСТЕЙ»

103. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 1
104. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 2

105. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 3
106. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 4
107. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 5
108. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 6
109. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 7
110. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 8
111. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 9
112. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 10
113. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск № 11

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

114. *Антонец Е.В.* Введение в римскую палеографию
115. Вопросы эпиграфики. Выпуск 1. Сборник статей / под ред. А.Г. Авдеева
116. Вопросы эпиграфики. Выпуск 2. Сборник статей / под ред. А.Г. Авдеева.
117. Вопросы эпиграфики. Выпуск 3. Сборник статей / под ред. А.Г. Авдеева
118. Вопросы эпиграфики. Выпуск 4. Сборник статей / под ред. А.Г. Авдеева
119. Вопросы эпиграфики. Выпуск 5. Сборник статей / под ред. А.Г. Авдеева
120. Вопросы эпиграфики. Выпуск 6. Сборник статей / под ред. А.Г. Авдеева
121. Вопросы эпиграфики. Выпуск 7. Сборник статей / под ред. А.Г. Авдеева
122. Вопросы эпиграфики. Выпуск 8. Сборник статей / под ред. А.Г. Авдеева

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

123. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1. Город: история и культура

ЕГИПТОЛОГИЯ

124. *Лаврентьева Н.В.* Мир ушедших. Дуат: Образ иного мира в искусстве Египта (Древнее и Среднее царства)
125. *Прусаков Д.Б.* Додинастический Египет. Лодка у истоков цивилизации
126. *Aegyptiaca Rossica*. Выпуск 1. Сборник статей / под ред. М.А. Чегодаева, Н.В. Лаврентьевой
127. *Aegyptiaca Rossica*. Выпуск 2. Сборник статей / под ред. М.А. Чегодаева, Н.В. Лаврентьевой
128. *Aegyptiaca Rossica*. Выпуск 3. Сборник статей / под ред. М.А. Чегодаева, Н.В. Лаврентьевой

БЕЗ СЕРИИ

129. *Лидов А.М.* Росписи монастыря Ахтала. История, иконография, мастера
130. *Фомин А.М.* Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918–1923
131. *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917)
132. Мария Фёдоровна, императрица, 1847–1928. Ксения Александровна, вел. кн., 1875–1960, Ольга Александровна, вел. кн., 1882–1960. Письма (1918–1940) к княгине А.А. Оболенской
133. *Менькова И.Г.* Блаженны кроткие... Священномученик Сергей Лебедев, последний духовник Московского Новодевичьего монастыря. Жизненный путь, проповеди, письма из ссылки
134. Именослов. История языка. История культуры. Сборник статей / отв. ред. Ф.Б. Успенский
135. *Волков С.В.* Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога
136. *Марей Е.С.* Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

Четыре тома избранных произведений О.А. Седаковой:

137. *Седакова О.А.* Четырехтомное издание избранных произведений: Стихи (1-й том)
 138. *Седакова О.А.* Четырехтомное издание избранных произведений: Переводы (2-й том)
 139. *Седакова О.А.* Четырехтомное издание избранных произведений: Poetica (3-й том)
 140. *Седакова О.А.* Четырехтомное издание избранных произведений: Moralia (4-й том)
 141. ДВА ВЕНКА: Посвящение Ольге Седаковой. Сборник статей
- ### **Собрание сочинений В.В. Библихина:**
142. *Библихин В.В.* Слово и событие. Писатель и литература. Собрание сочинений. Том I
 143. *Библихин В.В.* Введение в философию права. Собрание сочинений. Том II
 144. *Библихин В.В.* Новый ренессанс. Собрание сочинений. Том III

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

145. *Смышляев А.Л.* История Древнего Рима от Ромула до Гракхов. Учебное пособие
145. *Зайков А.В.* Римское частное право в систематическом изложении. Учебник
147. *Рязановский А.Р.* Математика. Подготовка к ОГЭ и ЕГЭ. Арифметика, алгебра, начала математического анализа. Очерки по истории математики с древнейших времён

МЕСТА, В КОТОРЫХ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ НАШИ КНИГИ

В офисе нашего издательства:

Москва, Комсомольский проспект, дом 23/7, кор. 2, с 10:00 до 19:00

1. Интернет-магазины:

www.biblion.ru

www.ozon.ru

www.sibran.ru

www.setbook.ru

www.urss.ru

www.libroroom.ru

www.kniger.by

2. Книжные магазины:

РОССИЯ

Москва

- Книжная галерея «НИНА» (м. «Кропоткинская», ул. Волхонка, д. 18/2). www.kniginina.ru
- «ФАЛАНСТЕР» (м. «Пушкинская», Малый Гнездииковский пер., д. 12). www.falanster.ru
- «ГНОЗИС» (м. «Парк Культуры», Турчанинов пер., д. 4). www.vk.com/gnosisbooks
- «У КЕНТАВРА» (м. «Новослободская», ул. Чайнова, д. 15, здание РГГУ). www.knigirggu.ru
- РОССПЭН: «Книжный киоск РОССПЭН» (м. «Академическая», ул. Дмитрия Ульянова, д. 19).
- «ЦИОЛКОВСКИЙ» (м. «Новокузнецкая», Пятницкий пер. д. 8). www.primuzee.ru
- «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ» (м. «Таганская»-кольцевая, ул. Нижняя Радищевская, 2). www.kmrz.ru
- «Гиперион» (м. «Курская», Хохловский пер., д. 7/9 стр. 3). www.hyperionbook.ru

- «Гоголь books» (м. «Курская», ул. Казакова, д. 8, фойе «Гоголь-центра»). www.gogolcenter.com/gogol-books
- «PRIMUS VERSUS» (м. «Китай-город», ул. Покровка, д. 27, стр. 1). www.dbiblio.org
- «Ходасевич» (м. «Китай-город», ул. Покровка, д. 6). www.xodacevich.com
- «Православное слово на Пятницкой» (м. «Новокузнецкая», ул. Пятницкая, д. 51, на территории храма Живоначальной Троицы). www.pravslovo.ru
- Крупные книжные магазины: «БИБЛИО-ГЛОБУС», «МОСКВА» и др.

Санкт-Петербург

- «КНИЖНЫЙ ОКОП» (Васильевский остров, Тучков пер., д. 11/5, лит. А, пом. 15-Н).
- «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». (Васильевский Остров, 6-я линия, д. 11).
- «ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА» (ул. Чайковского, д. 55). www.aletheia.spb.ru
- «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» (ул. Петрозаводская, д. 9). www.dbulanin.ru
- «АКАДЕМКНИГА» (Литейный проспект, д. 57). Тел.: 8 (812) 272-36-65.
- «АКАДЕМКНИГА» (ул. Петрозаводская, д. 7 б). Тел.: 8 (812) 235-40-64.
- «АКАДЕМКНИГА» (Васильевский остров, ул. Менделеевская линия, д. 1). Тел.: 8 (812) 328-38-12.
- «Все свободны» (Набережная реки Мойки, д. 28). Тел.: 8-911-977-40-47.
- «Мы» (Невский проспект, д. 20).
- «ПОРЯДОК СЛОВ». (Набережная реки Фонтанка, д. 15). www.wordorder.ru

Тверь

- «БИБЛИОТЕКА ИМ. ГОРЬКОГО» (Свободный пер., д. 28).

Великий Новгород

- «НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО» (ул. Студенческая, Парковая, здание Гуманитарного института, книжный киоск).

Ярославль

- «КНИЖНАЯ ЛАВКА ГУМАНИТАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» (ул. Свердлова, д. 9, бывший кинотеатр «АРС»).

Республика Карелия

- «ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (проспект Ленина, д. 33, книжный киоск).

Вологда

- «ДЕЛОВАЯ КНИГА» (ул. Предтеченская д. 31).
Тел: 8 (8172) 72-61-28.

Красноярск

- «АКАДЕМКНИГА» (ул. Сурикова, д. 45).
Тел: 8 (391) 227-03-90.

Томск

- «АКАДЕМКНИГА» (Набережная реки Ушайки, д. 18 а).
Тел: 8-3822) 51-60-36
- «ПОЗИТИВ» (проспект Ленина, д. 24 а).
Тел: 8 (3822) 53-40-74

Новосибирск

- «КНИЖНЫЙ МАГАЗИН» (Морской проспект, д. 22).
Тел. 8 (3832) 35-09-22

Воронеж

- «КНИЖНЫЙ КЛУБ» (ул. 2-летия ВЛКСМ, д. 54 а, Торговый центр: «Петровский пассаж»).

Пермь

- «КНИЖНЫЙ МАГАЗИН ПИОТРОВСКИЙ» (ул. Ленина, д. 54).

Екатеринбург

- «Йозеф Кнехт» (ул. 8 марта, д. 7).

УКРАИНА

По вопросам приобретения книг на территории Украины обращайтесь:

- Швед Павел Владимирович. Тел. (068) 358-00-84, e-mail: p.shved@gmail.com
- Оксана Кравченко. Тел. (057) 731-40-59, skype: okhuce@gmail.com

Харьков

- «Литера Нова» (м. «Советская», ул. Квитки-Основьяненко, д. 4/6, Академкнига 1, рядом с Органным залом). Тел.: (057) 731-40-59, e-mail: litera@kharkov.ua
- «Литера Нова» (м. «Университет», ул. Чернышевского, д. 34, Академкнига 2). Тел/факс: (057) 758-89-67, e-mail: litera@litera-book.com.ua

ГЕРМАНИЯ

Франкфурт-на-Майне

- “KNIZHNIK Internationale Buchhandlung” (Inhaber Dmitrij Anzupow. Verkehrsnummer 29582. Danziger Platz 2-4, 60314, Frankfurt am Main, +49(0) 69 40 80 78 70) www.knizhnik.de/ru

**При оптовых закупках возможны скидки,
с вопросами обращайтесь к директору Издательства
Роману Порошину: roland42@yandex.ru**

Научное издание

Ответственные редакторы тома

Д.Д. Беляев, Т.В. Гимон

Древнейшие государства Восточной Европы.

**2013 год: Зарождение историописания
в обществах Древности и Средневековья**

Редактор *Т.В. Гимон*
Верстка *Н.А. Колгарёва*

Подписано в печать 25.01.2016 г. Формат 60 × 90¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 54 п. л. Тираж 800 экз. Заказ №

Русский фонд содействия образованию и науке
Университет Дмитрия Пожарского
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 13
www.s-and-e.ru

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6
ППП «Типография “Наука”»